Грег
БИР



Божья кузница

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Божья кузница (сборник)
Грег Бир

Аннотация
Грег Бир. Божья кузница. Наковальня звезд
Божья кузница
26 июня 1996 года
28-29 сентября
3 октября
4 октября
7 октября
8 октября, 12.15
9 октября
10 октября
11 октября
13 октября
20 октября, Австралия (19 октября, США)
1 ноября, восточное тихоокеанское время. (2 ноября, США)
3 ноября
5 ноября
10 ноября
15 ноября
17 ноября
22 ноября

23 ноября
24 ноября
1 декабря
15 декабря
23 декабря
24 декабря
3 января 1997 года
4 января
5 января
15 января
30 января
19 февраля
24 февраля
10 марта
20 марта
27 марта
Наковальня звезд
Пролог
Часть 1
Часть 2
Часть 3
Эпилог

Аннотация

Дилогия "Божья кузница" в одном томе.

Содержание:

1. Божья кузница (роман, перевод Л. Рыклиной), стр. 5-396

2. Наковальня звезд (роман, перевод Л. Царук), стр. 397-888

Грег Бир
Божья кузница. Наковальня звезд

Божья кузница

Входная молитва:
Господи, помилуй!

26 июня 1996 года

Быстро устав от многолюдной компании, Артур Гордон отошел на несколько ярдов от своего дома, семейства и гостей и теперь стоял в темноте на берегу реки Рог. Ростом в шесть футов и два дюйма, он из-за легкой сутулости казался чуть ниже. Волосы Артура отливали тускло-коричневатым цветом, ресницы — таким же, но более светлого оттенка. Он был хорошо сложен и достаточно мускулист: в фигуре — ни намека на лишний жирок. Мышцы отчетливо выделялись под кожей, отчего он выглядел худым. Эта сухощавость придавала суровость его облику и обманчиво злобное выражение лицу. Когда Артур улыбался, казалось, что он задумал недоброе или размышляет над какой-то гнусной проблемой. Но стоило ему произнести несколько слов или рассмеяться, как неприятное впечатление тут же рассеивалось. Он говорил мягким, ровным и спокойным тоном. Артур всегда оставался — даже в течение полутора лет, проведенных в Вашингтоне, округ Колумбия — самым кротким человеком, какого только можно себе представить.

Гардероб Артура отвечал вкусам университет-

ского профессора. Гордон всему предпочитал свои старые коричневые вельветовые брюки — он надел их и этим вечером, — подходящий по цвету трикотажный жакет и голубую клетчатую рубашку с длинными рукавами. Он любил прочную обувь и обходился несколькими парами кроссовок для пробежек вокруг дома и удобными черными или коричневыми туфлями, в которых ходил на работу.

Единственной «нескромностью», которую допускал Гордон в одежде, была широкая прямоугольная пряжка ремня с космическим пейзажем на ней: Сатурн бирюзового цвета и серебряные звезды, сияющие над желтыми и красными горами. За последние пять лет он не слишком продвинулся в астрономических исследованиях, но всегда считал это занятие предметом особой важности и достойной темой для беседы. Он не переставал считать астрономию благороднейшей из профессий.

Опустившись на колени в тени, которую отбрасывали при свете звезд клен и ясень, Артур, раздвинув палую листву, погрузил руки в жирный черный гумус. Закрыв глаза, он вдохнул запах воды, острый, похожий на чайный, аромат гниющих листьев и свежее, с легким мыльным

оттенком, благоухание сырой земли. Здесь хорошо думалось. Временное одиночество и возможность в любой момент возвратиться, вернуться к Франсин и их сыну Марти привели Артура в исступленный восторг, полностью охвативший его. Над головой прорнесся ветер и зашелестели ветки. Посмотрев вверх, между темными очертаниями кленовых листьев Артур разглядел звезды, густо разбросанные на небе. Ему было знакомо каждое созвездие, он знал, как звезды рождаются (насколько это можно знать), как они стареют и как порой умирают. И все же звезды обычно казались ему не более чем яркими пятнами на синей бархатистой ткани. Только однажды за всю жизнь он сумел ощутить их величие и понять истинную суть небесных светил, увидев в них далеких участников запутанной драмы.

В роще послышались голоса. На широком крыльце одноэтажного коттеджа, возвышавшегося на крепких бетонных опорах над отвесным берегом, появилась Франсин со своей сестрой Даниэл и ее мужем Грантом. Они болтали о рыбалке.

— Мужчины обожают копаться в кишках и крови. — В приятном высоком голосе Даниэл слышался акцент уроженки Южной Каролины,

от которого Франсин уже почти избавилась.

— Чепуха! — убежденно заявил Грант на чистейшем наречии жителей Айовы. — Просто у тех, кто покушается на невинные божьи создания, кровь быстрее бежит в жилах.

У ног Артура шумела река. Не поднимаясь с корточек и упираясь в землю задниками покрытых грязью кроссовок, он соскользнул вниз, погладил длинными пальцами волну и опустил руку в холодную воду.

Душа счастливого человека открыта природе. Он вновь посмотрел на небо.

— Господи, — трепеща, прошептал Гордон. В его глазах блеснули слезы. — Как я люблю все это!

Что-то мягкое толкнуло Артура и принялось обнюхивать его. Он насторожился, но, услышав повизгивание, все понял. Это был любимец Марти, трехмесячный шоколадный лабрадор Годж. Должно быть, он увязался за Артуром от самого дома. Гордон почувствовал, как холодный нос щенка уткнулся ему в ладонь, и обхватил собачью голову руками.

— Зачем ты ушел так далеко? Что, твой маленький хозяин обидел тебя? Не обращает внимания?

Годж уселся и, виляя задом, стал бить хвостом

по мокрым листьям. Свет звезд отражался в его темных, влажных, загадочно глядящих глазах блестящими точками.

— Зов предков… — объяснил сам себе Артур. — Притяжение дикой природы…

Годж отпрыгнул и угодил передними лапами в воду.

В жизни Артура было три собаки. Первую — старую лохматую колли — он унаследовал, будучи в возрасте Марти, после смерти отца. Отец и собака души не чаяли друг в друге, и колли сохранила тот же стиль отношений с новым хозяином, хотя Артур и не сразу смог оценить честь, ему оказанную. Позже он начал подозревать, что отец каким-то образом передал собаке некоторые из своих качеств — настолько та была обаятельной и любящей. Он надеялся, что Марти и Годжа свяжет такая же тесная дружба.

Собаки способны укротить самого строптивого ребенка и прибавить уверенности самому робкому. Артур научился послушанию. Марти же — смышленый застенчивый мальчик — начинал понемногу обретать веру в свои силы.

Марти играл со своей двоюродной сестрой на газоне, расположенном в конце внутреннего дворика. Бекки, хорошенькая шалунья, в которой

энергия преобладала над здравомыслием — что, впрочем, простительно в ее возрасте — принесла с собой марионетку-обезьянку. В ее руках кукла ожила и издавала пискливые стрекочущие звуки, скорее напоминающие птичье пение.

Марти возбужденно хихикал, и его тонкие девчоночьи смешки разносились по всей рощице. Он был безнадежно влюблен в кухину, и здесь, в этом отрезанном от всего мира месте, где никто, кроме Марти, не мог развлечь ее, Бекки не стала пренебрегать им. Но она частенько бранила своего кавалера голосом, исполненным достоинства, за его «дурацкое» поведение. «Дурацким» было все, что приходилось ей не по нраву. Марти отвечал на придирки тоскливым молчанием: он еще не настолько повзрослел, чтобы понять причину своей уязвимости.

Гордоны жили в коттедже уже шестой месяц — с тех пор, как Артур перестал работать консультантом по науке при президенте Соединенных Штатов. За это время Гордон попытался наверстать упущенное за полтора года напряженной работы. Он изучал астрономические и другие научные журналы, за один день просматривал месячные подшивки газет, уделял время последним аэрокосмическим исследованиям и каждый

месяц летал на север, в Сиэтл, или на юг — в Саннивейл и Эль-Сегундо.

Франсин без сожаления рассталась с суматошной столичной светской жизнью и вернулась к изучению древних кочевников, которых она знала и понимала гораздо лучше, чем ее муж — звезды. Франсин занялась этой темой еще в колледже. Она работала над ней не спеша, тщательно собирая доказательства, подтверждающие ее теорию (как считал Артур, весьма спорную) о том, что природа степей Центральной Азии была причиной и движущей силой всех значительных исторических процессов. Со временем она собиралась написать книгу; собственно говоря, две тысячи страниц были уже на дискете. Заботливая мать внешно и книжный червь, исследователь в душе, она всегда привлекала мужа такой двойственностью.

Телефон прозвонил трижды, прежде чем Франсин успела поднять трубку. Из открытого окна спальни, выходящего на реку, донесся ее голос:

— Я поищу его.

Он вздохнул и разгладил брюки на костлявых коленях.

— Артур!

— Да?

— Крис Райли из Калифорнийского технологического института. Будешь говорить?

— Обязательно! — ответил Гордон уже не так огорченно. Райли не был его близким другом. Но хотя ученых связывало простое знакомство, между ними уже не один год существовала договоренность сообщать друг другу о своих открытиях до того, как они станут известны научным кругам или прессе. Тихо посвистывая в темноте, Артур начал подниматься по тропинке, на которой знал каждый корешок, каждый кусочек земли, скользкий от грязи и мокрой листвы. Годж пробирался за ним сквозь заросли папоротника.

Мартин стоял на краю лужайки под дикой сливой и, широко раскрыв глаза, смотрел на отца. Игрушечная обезьянка нелепо повисла у него на руке.

— Годж с тобой?

Щенок подбежал к мальчику и с жадностью уставился на куклу.

Бекки лежала на спине посреди лужайки и многозначительно глядела в небо. Ее светлые, словно светящиеся во тьме волосы разметались по траве.

— Когда мы достанем телескоп, папа? — спро-

сил Марти. Он схватил собаку за ошейник и, нагнувшись, крепко обнял любимца. Годж взвизгнул и попытался вывернуться: пластмассовая мордочка обезьянки больно уткнулась ему в шею. — Бекки хочет посмотреть.

— Чуть позже. Попросите маму.

— А она сможет?

Мартин переживал период недоверия к способностям матери работать с техникой, что раздражало Артура.

— Она пользовалась им даже чаще, чем я, дружок.

— Ладно!

Мальчик обрадовался, выпустил щенка, уронил игрушку и взлетел по ступенькам, опережая отца. Годж моментально вцепился обезьянке в горло и, рыча, стал трепать марионетку. Артур пошел за сыном, потом свернул влево и двинулся по коридору мимо морозильника. Вскоре он уже стоял в своем кабинете с телефонной трубкой в руке.

— Кристофер, какая неожиданность! — приветливо сказал он.

— Арт, надеюсь, я первый.

Голос Райли звучал на тон выше обычного.

— Возможно.

— Слышал о Европе?

— Европе?

— Шестой спутник Юпитера.

— А что с ней случилось?

— Она исчезла.

— Что?

— Дело в том, что в Маунт-Вилсоне и на Мауна-Кеа велись наблюдения, но на Европу неделями никто не обращал внимания. Потом они все же навели аппаратуру на то место, где ей полагалось быть, но там ничего не оказалось. Ни одного достаточно крупного предмета. Если она существует, то выйдет из тени примерно через десять минут. Но мы не надеемся. Уже в течение шестнадцати часов в обсерваториях не смолкают звонки.

Артуру с трудом удалось сосредоточиться; он не знал, что ответить.

— Какая неприятность…

— И дело не в том, что спутник стал черным или его трудно обнаружить. Он просто исчез. Никто не видел, как это произошло.

Полнота, короткая стрижка, клетчатый пиджак спортивного типа — вот внешний вид Райли. При беседе с глазу на глаз он казался застенчивым, чего не скажешь о его манере говорить по телефо-

ну. Крис всегда придерживался консервативных взглядов и вкусов. Абсолютно лишенный юмора, он ни разу не пытался подшутить над Артуром.

— Что думают ученые?

— Никто не знает, — ответил Райли. — Никто даже не рискует предположить что-либо. Завтра в Пасадене будет пресс-конференция по этому поводу.

Артур задумчиво потер щеку.

— Она взорвалась? Что-нибудь врезалось в нее?

— Трудно сказать. — Прислушиваясь к словам собеседника, Артур почти не сомневался, что тот улыбается. Райли улыбался только тогда, когда сталкивался с действительно сложной, необъяснимой проблемой. — Никаких данных. Мне надо сделать еще семьдесят звонков. Не пропадайте, Артур.

— Спасибо, Крис.

Повесив трубку, Гордон опять потер щеку. Блаженное состояние, охватившее его у реки, испарилось. С минуту он, нахмурившись, постоял у телефона, затем направился в спальню.

Франсин пришлось встать на стул, чтобы добраться до вещей, хранившихся на верхней полке шкафа. Марти и Бекки смотрели на нее снизу

вверх.

За семнадцать лет совместной жизни миссис Гордон превратилась из пухленькой в весьма упитанную женщину. Контраст между внешностью Артура и Франсин, кругленькой и, в то же время грациозной, бросался в глаза всем. Всем было также очевидно, что супруги не замечают друг в друге того, что видно другим. Она имела обыкновение носить платья со скромной отделкой, да и весь ее гардероб подчеркивал смирение Франсин с ролью почтенной дамы. Несмотря ни на что, в сознании Артура она всегда оставалась такой, какой он впервые увидел ее на солнечном ньюпортском пляже в Южной Калифорнии. Она прохаживалась по белому песку в открытом купальнике черного цвета, ее длинные волосы развевались на ветру. И тогда, и теперь он считал жену самой сексуальной женщиной из всех, кого знал.

Франсин наконец вытащила большой брезентовый мешок с телескопом. Нагнувшись, она порылась на другой полке и из-под груды обуви достала коробку с линзами.

— Что надо Крису? — спросила она.

— Европа пропала, — ответил Артур.

— Европа? — Франсин улыбнулась через плечо

и выпрямилась, передавая мужу мешок.

— Европа. Шестой спутник Юпитера.

— Неужели? Как же так?

Артур скорчил гримасу и пожал плечами. Он взял телескоп, серый металлический штатив и понес все во двор. Годж семенил у его ног.

— Эй, дети! Папа не в настроении! — крикнула Франсин из спальни. — Что же все-таки сказал Крис?

Она спустилась по лестнице вместе с мужем. Дойдя до газона, он занялся установкой телескопа и вдавил штатив в мягкую почву.

— Именно это он и сказал, — проговорил Артур, осторожно опустив отражатель, похожий на красную полусферу, внутрь треножника.

Важный и мрачный Грант и его хрупкая светловолосая жена стояли недалеко от них лицом к газону и сливовому дереву.

— Чудная ночь! — произнесла Даниэл, коснувшись руки мужа.

Артур невольно сравнил их с изображениями на рекламах, призывающих обзаводиться дорогостоящей недвижимостью. Но все же, они милые люди.

— Любуетесь звездами?

— Новость надо держать в секрете? — поинте-

ресовалась Франсин.

— Сомневаюсь, что подобную информацию можно скрыть, — ответил Артур, глядя в окуляр.

— Один из спутников Юпитера исчез! — крикнула Франсин так, чтобы ее услышали.

— О! — воскликнула Даниэл. — А такое случается?

— У нас есть друг. Скорее, просто знакомый. Он и Артур стараются держать друг друга в курсе событий.

— Ага, и сейчас Арт пытается найти спутник, да?

— Юпитер виден отсюда? Я имею в виду — сегодня? — крикнул Грант.

— Думаю, да, — предположила Франсин. — Европа — спутник, обнаруженный Галилеем. Один из четырех. Дети собирались…

Перед взором Артура предстал Юпитер — яркая точка в середине сине-серого пространства на фоне далеких звезд. Около него виднелись две точки поменьше: тусклая и яркая. Два спутника. Первый — Ио или Каллисто, второй, скорее всего, Ганимед. Третья либо находилась впереди планеты, либо в ее тени, либо за ней. Он напряг память, вспоминая закон Лапласа, касающийся первых трех спутников, открытых Галилеем:

долгота первого минус утроенная долгота второго плюс удвоенная долгота третьего всегда равна половине длины орбиты… Он выучил это еще в университете, и знание закона теперь пригодилось. А вот и следствие: «Первые два спутника Галилея, включая Европу, не могут одновременно пребывать в области затмения или перед диском Юпитера. Если Ио и Европа затенены, или располагаются за планетой, или одновременно проходят перед не…» А, к черту! Подробности не нужны. Он просто должен сидеть и ждать, когда увидит либо все четыре объекта, либо только три.

— Можно посмотреть? — Марти не терпелось.

— Конечно. Я собираюсь провести здесь всю ночь, — сообщил Артур.

— Не в компании Бекки, — заявила Даниэл.

— Ну, ма-а-а-ма! Можно я взгляну?

— Давай!

Артур слегка отодвинулся. Марти присел на корточки возле телескопа и объяснил кузине, куда нужно смотреть.

— Будь аккуратна, — предупредил Гордон. — Франсин, принеси мой полевой бинокль.

— Где он?

— В холле, в шкафу, рядом с походным снаря-

жением. В кожаном черном футляре.

— Что может явиться причиной исчезновения спутника? Насколько он велик?

— Не больше и не меньше обычных спутников, — объяснил Артур. — Камни и лед; возможно, слой воды под ледяной коркой.

— Он не похож на Луну, да?

— Совсем другой.

Франсин подала мужу бинокль, и он направил его на Юпитер. Отрегулировав прибор, он отыскал несколько светлых пятен, но руки дрогнули под тяжестью бинокля, и с трудом найденные точки исчезли из виду. Бекки отошла от телескопа, потирая глаза и гримасничая.

— Я устала, — пожаловалась она.

— Ладно. Тогда я взгляну.

Марти спросил ее, видела ли она Юпитер.

— Не знаю. Было трудно что-нибудь разглядеть.

Артур настроил телескоп и обнаружил третий спутник — такое же тусклое пятнышко. Каллисто, Ио и яркий Ганимед. И ни следа четвертого.

Остальному семейству вскоре наскучило изучение неба. Они вернулись в дом и принялись шумно играть в слова.

Через два часа, устав от напряжения, Артур

оторвался от наблюдений. Голова его кружилась, ноги ныли. Около десяти часов появилась Франсин и, скрестив руки на груди, встала рядом.

— Необходимо увидеть все самому, да?

— Ты ведь знаешь меня, — сказал Артур. — Европе следовало бы появиться, но этого не произошло.

— Спутник — не иголка. Его не потеряешь, не правда ли?

— Неслыханное событие.

— Есть идеи по этому поводу?

Артур взглянул на жену.

— Я видел только три. А их должно быть четыре.

— Что же это может означать, Арт?

— Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Кто-то, вероятно, коллекционирует спутники.

— Я боюсь, — прошептала Франсин, — если это правда. — Она грустно посмотрела на мужа, но тот не ответил. — Это правда?

— Полагаю, да.

— И она не пугает тебя?

Артур потянулся, разминая затекшие мышцы, и взял жену за руку.

— Я еще не знаю, что означает вся эта история, — ответил он.

Франсин занималась научными исследованиями с той же легкостью и удовольствием, что и он, только в большей степени, чем муж, руководствовалась чутьем. Он ценил проницательность жены, и ее страх усилил его тревогу.

— Чего ты боишься?

— Если бы гора или река исчезли без следа — ты бы испугался? А ведь спутник больше горы.

— Может быть, я и испугался, — признался Артур и разобрал телескоп. На сегодня достаточно.

Франсин обхватила плечи руками.

— Пойдем спать? — предложила она. — Грант, Даниэл и дети заснули. Годж — с Марти.

Лежа рядом с женой, Артур не переставал размышлять. Франсин еще не успела сменить широкие фланелевые простыни, которыми они пользовались зимой, на обычное летнее белье. Прикосновение пушистой ткани доставляло удовольствие. Душевное волнение измотало его.

Европа спокойно двигалась по орбите вокруг Юпитера биллионы лет. Некоторые ученые не исключали возможности жизни на спутнике, однако, их предположения не были ни доказаны, ни опровергнуты.

Но гора или река гораздо ближе к дому, чем спутник. И если они исчезают…

Артуру снилась рыбалка. Он сидел в лодке вместе со своим лучшим другом Харри Файнманом. Течение сильно натягивало леску. Широкополые шляпы защищали их головы от солнца, хотя оно припекало не слишком сильно. Во сне Артур вспомнил, как Харри играл с Мартином. Он поднимал мальчика высоко вверх и, бегая с ним вокруг дерева, имитировал шум летящего самолета. Жена Харри Итака — высокая дама с горделивой осанкой — наблюдала за мужем. Сон-воспоминание нарисовал ее натянутую улыбку: миссис Файнман страдала бесплодием и так и не подарила Харри ребенка, о котором тот мечтал. Лишь изредка Харри выдавал себя, не в силах сдержать горечь разочарования. Я не видел Харри уже восемь месяцев, подумал Артур, и все же он в моей душе.

Как дела, старик? — спросил Артур друга. Они по-прежнему сидели в лодке. — Клюет? — Странное ощущение — осознавать, что Харри в надвинутой на лицо шляпе только часть сна. Любопытно, как Харри растолкует его? — Ты спишь?

И Артур потянулся за шляпой приятеля.

А под ней он увидел яркую полную Луну — спутник Земли. Вместо знакомого лица — лунные

кратеры и моря.

— Надо же! — сказал Артур. — Какая красота!

Тревожная мысль, что эта история вовсе не сон, промельнула молнией и разбудила Артура.

Quid sum miser!
Tunc dicturus?

АП/Хоум Инфосервис, 2 сентября 1966 года.

Вашингтон, округ Колумбия. Ученые, собравшиеся на конференцию Американского Общества Научных открытий (АОНО) готовятся выслушать аргументированные сообщения на темы, затрагивающие широкий спектр проблем. Так, например, участникам конференции будут предложены доклады «Отсутствие доказательств наличия плотных межгалактических гравитационных впадин» и «Блохи, питающиеся кровью сусликов (Diamanus Montanus) — разносчики чумы в среде грызунов, обитающих в Южной Калифорнии». Вчера на форуме возникла жаркая дискуссия, вызванная материалами, представленными доктором

Фрэнком Дринкуотером из Баллиольского колледжа, Оксфордский университет. Доктор Дринкуотер не верит в существование внеземных цивилазаций. «Если бы такие сообщества функционировали, мы бы уже давно ощутили результаты их деятельности». Доктор Дринкуотер придерживается мнения, что одной цивилизации, владеющей самовоспроизводящимися межпланетными кораблями, потребуется не менее чем миллион лет, чтобы распространиться по всей Галактике.

Что касается недавнего исчезновения шестого спутника Юпитера — Европы, — то ученые не выработали единого мнения по этому вопросу. Профессор Юджени Кук из университета в Сиэтле считает, что спутник сошел с орбиты в результате столкновения с огромным, неизвестным науке астероидом. Прославленный астроном Фред Аккорд предположил, что если бы такое столкновение произошло, то «спутник разлетелся бы на кусочки и мы смогли бы увидеть на орбите его обломки». Однако наблюдения не показали

ничего подобного. Многие ученые отмечают отсутствие у людей интереса к столь беспрецедентному случаю. Спустя месяц сообщения о пропавшем спутнике почти не появляются в средствах массовой информации. Аккорд объяснил этот факт тем, что «вероятно, сограждане серьезней обеспокоены событиями более прозаическими, например, президентскими выборами».

28-29 сентября

Лагерь, окруженный холодной пустынной тьмой, расположился у горы, которая не должна была здесь находиться. Эдварду Шоу не спалось. Он слышал ровное дыхание уснувших товарищей и удивлялся их спокойствию. Он перечитал свои записи:

«Гора представляет собой возвышенность шириной, приблизительно, двести пятьдесят метров, длиной — в два раза большей, высотой, возможно, сто метров и (не исключено) является пепловым конусом потухшего вулкана. Конус покрыт кусками черного шлака размером с валун или булыжник и окружен мелким белым кварцевым песком. Горы нет ни на наших картах, ни в геологическом справочнике 1991 года. Крутизна склоном превышает угол естественного откоса и равна пятидесяти-шестидесяти градусам. Подходящие условия для эрозии: некоторые участки, открытые солнцу и дождю, приобрели блестящий черный цвет, а другие — бурый ржавый оттенок. Насекомых нет — подними любой камень и не найдешь ни скорпиона, ни многоножки. Не видно пчелиных колоний.

Эдвард, Брэд Минелли и Виктор Реслоу ехали из Остина, Техас, и, оказавшись в пустыне ранней осенью, намеревались совместить небольшие геологические изыскания и туризм. Старший из них, тридцатитрехлетный Эдвард отличался невысоким ростом. Его лысина увеличивалась с такой же, примерно, скоростью, что и плешь на голове Реслоу. Даже походные ботинки не делали его выше пяти футов девяти дюймов. Из-за хрупкого сложения и мальчишески любопытного лица он казался моложе, несмотря на редеющие волосы. Чтобы разглядеть предметы, находящиеся ближе, чем на два фута, от его пухлого носа, ему приходилось носить круглые очки в тонкой золотой оправе, к которым он пристрастился еще в юности — по моде конца семидесятых годов.

Эдвард лежал на спине, положив руки под голову, и блуждал взором по бескрайним пространствам безоблачного неба. Три дня назад темные тяжелые тучи заслонили пламенеющий закат и залили дождем овраги и лощины Долины Смерти. Путешественники разбили лагерь на возвышенности. На их глазах под ливневыми потоками возникали новые овраги, и волны, бегущие по вновь пробитым руслам, перекатывали с боку на бок огромные валуны.

А сейчас вновь казашось, что пустыня неподвластна неожиданностям или водной стихии. Вокруг лагеря царило спокойствие — бесценное состояние природы. Даже ветер — и тот затих.

Обозревая безжизненное пространство, Эдвард ощутил себя выше ростом — таким большим, что, казалось, мог обхватить руками полземли от горизонта до горизонта и сорвать слюдяной покров со звезд. Но, как ни странно, представляя себя великаном, он испытывал легкий страх. Было ясно, что раздутая величина собственного я — иллюзия комфорта, душевного огня и высокого творческого порыва — всего лишь мыльный пузырь, который легко проколоть или раздавить.

За шесть лет профессорской деятельности Эдвард не нашел ни одной ошибки в картах Долины Смерти, изданных Американским Геологическим Обществом. Пустыня Мохаве и Долина Смерти считались Меккой и Мединой исследователей полезных ископаемых на западе Америки. За последний век сотни геологов прочесали оба района. Места, выставившие напоказ земные породы, привлекали их. Добывая буру, селенит, тальк и множество других полезных, хотя не очень известных людям минералов, рудокопы иссушили их недра. Спелеологу стоило только

спуститься на двадцать или тридцать футов, чтобы почувствовать биение сердца Земли; Долина Смерти скрывала немало секретов сотворения мира.

Сотни потухших вулканов черного или блеклого красного цвета рассыпались на буром, сером или розовом фоне пустыни между маленьким курортом у речки Фернис и городком Шошоне, и каждый из них был отмечен на картах и описан в дипломных работах, учебниках и других научных трудах.

Но эта гора — отклонение от всех норм.

Невероятное явление.

Реслоу и Минелли не стали забивать себе головы и объяснили все обычной неразберихой. Ведь географы нередко из-за путаницы в картах открывают острова, давно и хорошо известные аборигенам; так был обнаружен Питкэрн.

Но этот пепловый конус расположился слишком близко от маршрута, которым часто пользуются туристы. Эдвард знал: дело не в картографическом ляпсусе. Он не хотел обманывать себя.

Но другое объяснение он найти не мог.

Ближе к полудню они вновь обошли кругом основание горы. Солнце уже высоко стояло в безоблачном блекло-голубом небе. День обещал

быть жарким. Рыжеволосый коренастый Реслоу отхлебнул глоток кофе из зеленого эмалированного термоса, купленного в Шошоне. Эдвард застыл над куском гранита и делал зарисовки в маленькой черной записной книжке, обклеенной тканью. Минелли плелся за ними, мимоходом ударяя кайлом по валунам; неуклюжая долговязая фигура, нечесаные черные волосы и бледная кожа придавали ему неуместное в пустыне сходство с попрошайкой

Он остановился, не дойдя десяти ярдов до Эдварда.

— Эй! — крикнул он. — Вы видели?

— Что именно?

— Дыру.

Эдвард повернул обратно. Реслоу взглянул на них, пожал плечами и пошел дальше.

Отверстие шириной в метр косо уходило вверх, в толщу горы. Оно начиналось в тени, под освещеннным лучами солнца выступом, и поэтому Эдвард не заметил его.

— Посмотрите, какие гладкие стенки, — сказал Минелли. — Не похоже на обвал. Ни по обломкам, ни по форме.

— Никакого отношения к геологии, — подхватил Эдвард.

Если эта гора — фальшивка, то вот и первый признак.

— Гм?

— Перед нами — отверстие не естественного происхождения. Полагаю, кто-то побывал здесь до нас.

— Для чего понадобилось прорубать нору в пепловом конусе?

— А если это индейская пещера? — запинаясь, предположил Эдвард. Отверстие беспокоило его.

— Индейцы с алмазным буром? Не думаю, — язвительно парировал Минелли.

Эдвард пропустил его тон мимо ушей и встал на валун, чтобы получше разглядеть дыру. Он вытащил из-за пояса фонарик и направил луч в глубину необычного туннеля. Круглые матовые стенки поглотили свет в восьми или десяти метрах от входа; на этом отрезке прямой, как стрела, туннель ничем особым не отличался. Дальше он поднимался вверх под углом в тридцать градусов.

— Ты чувствуешь: чем-то пахнет? — спросил Минелли.

Эдвард принюхался.

— Да. Что это?

— Не совсем уверен…

Легкий, сладковатый, немного едкий запах не воодушевлял на дальнейшие исследования.

— Как в лаборатории, — сказал Минелли.

— Ты прав, — согласился Эдвард. — Йод. Кристаллический йод.

— Действительно.

Минелли сдвинул брови, изображая схоласта, погрузившегося в размышления.

— Эврика! — воскликнул он. — Перед нами гора-наркотик. Конус вулкана и, в то же время, экологически чистый наркотик.

Эдвард вновь не отреагировал. Минелли пользовался дурной славой насмешника, чьи остроты отличались сомнительным вкусом и едва ли могли веселить.

— Прости, я слишком раздражен, — извинился Минелли более добродушным тоном. — Ты все еще считаешь, что дело не в ошибке на карте?

— Послушай, если гуляя по Нью-Йорку, ты окажешься на улице, которой нет на карте — у тебя не возникнет подозрения?

— Я обращусь к картографам.

— Хорошо, этот район наводнен геологами так же, как Нью-Йорк — прохожими.

— Пусть, — согласился Минелли. — Итак, эта гора — совсем новая. Просто вылезла непонятно

откуда.

— Звучит довольно глупо, верно? — пробормотал Эдвард.

— Твоя идея, не моя.

Эдвард отодвинулся на шаг от отверстия и подавил волнение. Не поддающийся лечению нарыв; прыщ, вскочивший на здоровой коже.

— А что делает Реслоу? — поинтересовался Минелли.

— Он на той стороне. — Эдвард показал на север. — Можно догнать его.

Они услышали крик товарища.

Реслоу ушел недалеко — к самой северной точке подножия горы. Эдвард и Минелли увидели его сидящим на корточках на валуне, напоминающем по форме ступку.

— Скажите мне, что я не вижу то, что вижу, — воскликнул Реслоу, показывая на тень под камнем. Минелли с гримасами поспешил к геологу, опередив Эдварда.

В двух метрах от валуна на песке лежало нечто, на первый взгляд напоминающее доисторического летающего ящера, например птеранодона. Развернутые крылья таинственного существа безжизненно лежали на песке.

Это не минерал, мгновенно оценил Эдвард, и

это не похоже ни на одного известного ему зверя. Предмет, лежавший перед ним, мог быть кактусом-мутантом или каким-то другим растением. Пожалуй, вот — самое разумное объяснение.

Минелли кружил возле находки, из предосторожности не приближаясь к ней. Это неопределенное создание природы было размером с человека, симметрично и неподвижно, грязно-зеленого цвета с телесно-розовыми пятнами. Минелли остановился и уставился на диковинку.

— Не думаю, что оно живое, — предположил Реслоу.

— Ты его трогал? — поинтересовался Минелли.

— С какой стати?

Эдвард опустился на колени перед загадочной находкой. Он не мог отказать в логике ее конструктору: что-то вроде головы в форме епископской митры или расплющенного о песок артиллерийского снаряда, пара выпуклых лопаток под этой украшенной гребнем головой, а ниже — короткое худое туловище и поджатые сключенные ноги — короткие конечности с шестью пальцами.

Это не растение.

— А может, это — труп? — брякнул Минелли. —

Скажем, собака, завернутая в…

— Нет, — ответил Эдвард, не в силах оторвать глаз от находки. Он протянул к ней руку, но передумал и не дотронулся.

Реслоу поднялся.

— Я даже подпрыгнул от испуга.

— Господи, Боже мой! — вздохнул Минелли. — Что нам делать?

Голова оторвалась от песка, и на геологов посмотрели три прозрачных глаза цвета хорошо выдержанного хереса. Шок был настолько велик, что никто не пошевелился. наконец Эдвард медленно, даже будто нехотя отступил назад. Глаза на митре следили за ним, затем закатились, и голова вновь упала на песок. Существо издало звук, приглушенный и неразборчивый.

— Мне кажется, нам лучше уйти, — предложил Реслоу.

— Оно очень слабое, — заметил Минелли.

Эдвард занялся поисками следов или бечевки — доказательств розыгрыша. Он почти не сомневался, что имеет дело не с ловким трюком, однако хотелось до конца убедиться в этом. Уж слишком нелепые гипотезы одна за другой лезли в голову.

Снова раздался приглушенный звук.

— Оно говорит что-то, — бросил Реслоу.

— Или пытается, — добавил Эдвард.

— На самом деле, оно не так уж и уродливо, — сказал Минелли. — Оно симпатичное, Эдвард.

Эдвард вновь нагнулся к созданию, не забыв выставить вперед ногу в тяжелом ботинке.

Таинственное существо подняло голову и отчетливо произнесло:

— Очень сожалею, но у меня плохие новости.

— Что? — Голос Эдварда задрожал.

— Господи, помилуй! — воскликнул Реслоу.

— Сожалею, но у меня плохие новости.

— Вы больны? — спросил Эдвард.

— У меня плохие новости.

— Мы можем помочь вам?

— Ночь. Сделайте ночь.

Схожий с шелестом листьев на ветру голос мог бы быть даже приятным, если бы не вялый тон. Запах йода резко ударил в нос, и Эдвард отпрянул, скривившись.

— Сейчас утро, — начал он. — Ночь не наступит до тех пор, пока…

— Тень, — перебил Минелли с озабоченным выражением лица. — Он хочет в тень.

— Я принесу тент, — предложил Реслоу.

Он спрыгнул с валуна и побежал к лагерю. Минелли и Эдвард посмотрели друг на друга и

перевели взгляд на незнакомца, распластавшегося на песке.

— Лучше бы нам унести отсюда ноги, — прошептал Минелли.

— Мы остаемся, — заявил Эдвард.

— Верно.

Удивление на лице Минелли сменилось выражением изумленного любопытства. Он разглядывал находку, как музейный экспонат.

— Смех, да и только, — наконец заключил он.

— Сделайте ночь, — молило то ли животное, то ли растение…

На первый взгляд Шошоне казался чем-то вроде перевалочного пункта для грузовиков — кафе, лавка подержанных вещей, почта да бакалейный магазин. Однако от главной магистрали отходила посыпанная гравием дорога, которая кружила мимо нескольких бунгало, прятавшихся в тени деревьев, и широко раскинувшегося современного одноэтажного здания. Потом дорога бежала, никуда не сворачивая, между древними тамарисками, затем — через болото в четыре акра — к горячему ключу и трейлерной стоянке. Город насчитывал триста постоянных жителей, а в разгар туристского сезона — с конца сентября до первых дней мая — оказывал гостеприимство

еще тремстам перелетным птицам и любителям бродить с рюкзаком за спиной, а время от времени и участникам геологических экспедиций. К югу от Шошоне расположился Бейкер, а на севере с ним соседствовал мыс Фернис, так что местечко, по сути, являлось воротами в Долину Смерти. На востоке, за пустыней Мохаве, горными грядами Рестинг-Спринг и за границей штата Невада находился Лас-Вегас, ближайший крупный город.

Реслоу, Минелли и Шоу появились в Шошоне вместе с загадочным существом, увенчанным головой-митрой, со стороны Калифорнийского шоссе N 127. Когда они выехали из пустыни на автомагистраль, до северной оконечности городка оставалось примерно пятнадцать миль. Диковинная находка лежала сзади под мокрыми полотенцами на разложенном тенте и опять не подавала признаков жизни.

— Нам надо прямо в Лас-Вегас, — настаивал Минелли, теснясь на переднем сиденье рядом с Реслоу.

— Не думаю, что оно выдержит, — протянул Эдвард, сидевший за рулем.

— Но чем мы сможем помочь ему здесь?

— Что ж, если оно и впрямь умерло, придется воспользоваться морозилкой бакалейного ма-

газина.

— Когда мы наткнулись на это чудо, оно тоже мало походило на живое, — заметил Реслоу, обернувшись и бросив взгляд на неподвижную фигуру. У существа было четыре конечности, по две с каждой стороны, но геологи не видели, как оно передвигается — на двух или на всех четырех.

— Мы дотрагивались до него, — мрачно буркнул Минелли.

— Заткнись! — отрезал Эдвард.

— Этот конус потухшего вулкана не что иное как космический корабль. Или же, очевидно, укрытие для корабля.

— Отнюдь не очевидно.

— Я видел такую штуку в «Оно явилось из открытого космоса».

— Что-то вроде огромного глаза, вращающегося на щупальце, да? — спросил Эдвард. Он видел этот фильм, и воспоминание о нем не вдохновляло.

— Вроде морозилки, — ответил Минелли. Его руки тряслись.

— В городке есть телефон. Мы можем вызвать «Скорую помощь» из Лас-Вегаса или вертолет. Может, удастся связаться с Эдвардсом или Голдстоуном и вызвать кого-нибудь из тамошнего

начальства, — предложил Эдвард свой план.

— Что мы им скажем? — поинтересовался Реслоу. — Они не поверят ни одному слову.

— Надо подумать.

— Скажем, что видели, как приземлился какой-то реактивный самолет, — предложил Реслоу.

Эдвард скривил в сомнении губы.

— Оно ведь говорило по-английски. — Минелли одобрительно кивнул.

За полтора часа, истекших после встречи с загадочной тварью у подножия горы, они впервые упомянули этот факт.

— Черт возьми, — сказал Эдвард. — Оно слушало нас там, в космосе. Бесконечные «Я люблю Люси».

— В таком случае, почему бы ему не сказать: «Привет, Рикки!»? — За вымученной шуткой Минелли скрывал страх.

Плохие новости. Словно прыщ, вскочивший на самом видном месте.

Эдвард подрулил к станции обслуживания. На сигнал открылась дверь гаража, пристроенного к бакалейному магазину, и оттуда вышел черный от загара подросток в вылинявших джинсах неопределенного сероватого оттенка и футболке, украшенной надвисью «Деф-Леппард». Он

направился к «ленд-крузеру», но Эдвард знаком остановил его.

— Нам нужен телефон! — крикнул он.

— Вон кабинка, — подозрительно протянул мальчик.

— Есть у кого-нибудь четверть доллара? — обратился к товарищам Эдвард, но нужной монетки не нашлось.

— Тогда мы воспользуемся телефоном магазина. Дело срочное.

Мальчик бросил взгляд на автомобиль и заметил полотенца.

— Кто-нибудь ранен? — спросил он, не скрывая любопытства.

— Не подходи, — предупредил Минелли.

— Потише, ты, Минелли! — процедил Реслоу сквозь зубы.

— Ладно.

— Мертвец? — поинтересовался мальчик; щека его нервно дернулась.

Эдвард пожал плечами и вошел в лавку. Низенькая и очень толстая продавщица в просторном платье гавайского фасона была непреклонна в своем решении не подпустить его к телефону.

— Послушайте, — объяснил геолог, — я заплачу. У меня с собой кредитная и телефонная

карточки.

— Показите васу картоську, — попросила она.

Появилась привлекательная черноволосая женщина. Новые джинсы и белая шелковая блузка очень шли высокой стройной брюнетке.

— Что случилось, Эстер, — спросила она.

— Парень думает, что он особенный, — объяснила Эстер. — Не зелает звонить из обысьного телефона, говорит, сто у него есть кредитная картоська.

— О, Господи, вы правы, — сказал Эдвард, не глядя на женщин. — Я воспользуюсь кабинкой.

— Это срочно? — спросила брюнетка.

— Да.

— Хорошо. Идите и звоните по нашему телефону.

Эстер бросила на женщину возмущенный взгляд, но все же пропустила Эдварда за прилавок. Он протиснулся к телефону и нажал на кнопку прямой связи. Потом задумался.

— В госпиталь? — поинтересовалась брюнетка.

Эдвард сначала покачал, а затем кивнул головой.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, летчикам.

— Вы видели, как сел самолет?

— Да, — ответил он, не желая вдаваться в подробности.

Женщина дала Эдварду номер госпиталя и посоветовала обратиться в справочную службу, чтобы узнать, как связаться с Военно-воздушным флотом. Но он не решился набрать номер «Скорой помощи». Возбужденно оглядываясь вокруг, ощущая душевное смятение, он не мог понять, отчего до сих пор не выработал ясный план действий.

Голдстоун, или Эдвардс, или, быть может, форт Ирвин?

Он позвонил в справочную и узнал номер командующего военно-воздушной базой в Эдвардсе. Пока в трубке слышались гудки, Эдвард пытался придумать предлог для разговора. Реслоу прав: правдивый рассказ ни к чему не приведет.

— Штаб генерала Фролиха. Говорит лейтенант Блант.

— Лейтенант, меня зовут Эдвард Шоу. — Он пытался говорить спокойно и складно, как телерепортер. — Я и двое моих коллег видели реактивный самолет, который упал в двадцати милях от Шошоне — городка, где я сейчас нахожусь.

Лейтенант мгновенно заинтересовался и принялся уточнять детали.

— Не знаю, как назвать этот самолет, — продолжал Эдвард, тщетно пытаясь унять дрожь в голосе. — Он не похож на те, что мне известны, хотя, быть может… Ах, да, одному из нас показалось, что, судя по газетам, это «МиГ».

— »МиГ»? — В тоне военного чувствовался скепсис. На лице Эдварда проступило отчаяние. — Вы своими глазами видели, как самолет упал?

— Да, сэр, и обломки… Я не знаю русского, но, полагаю, там надписи на кириллице.

— Вы уверены? Пожалуйста, назовите свое имя и скажите, какие при вас документы.

Эдвард повторил, как его зовут, и продиктовал номера удостоверения личности, водительских прав и — для полноты картины — кредитной карточки.

— Мы видели, куда падал пилот, но не нашли его.

— Он жив?

— Он висел на стропах парашюта, лейтенант, и выглядел живым, но его отнесло на скалы.

— Откуда вы звоните?

— Из Шошоне… Я не выяснил название магазина.

— »Чарлз Морган Компани Маркет», — подсказала брюнетка.

Эдвард повторил за ней:

— Городской бакалейный магазин.

— А вы смогли бы проводить нас к месту, где видели самолет?

— Да, сэр.

— И вы осознаете, какое наказание вас ждет, если это дезинформация?

— Да, сэр, сознаю.

Обе женщины смотрели на него широко раскрытыми глазами.

— »МиГ»? — переспросила изящная брюнетка с недоверием, когда он повесил трубку.

— Послушайте, — начал Эдвард. — Я соврал им, но не собираюсь скрывать правду от вас. Мне нужна морозилка.

Эстер побледнела так, будто собралась упасть в обморок.

— Сто происходит? — спросила она. — Стелла, в сем дело?

Ее и без того протяжная речь замедлилась, по посеревшему лицу струился пот.

— На вас вся надежда, — обратился Эдвард к Стелле.

Она оглядела Шоу с головы до ног и обратила внимание на его пояс и молоток в кожаном футляре.

— Вы ищете камни? — спросила она.

— Я геолог.

— Откуда?

— Из Техасского университета.

— Вы знаете Харви Бриджа из…

— Калифорнийского университета. Конечно.

— Он появлялся здесь прошлым летом… — Она заметно смягчилась. — Эстер, сходи за шерифом. Он в кафе вместе с Эдом.

— Не думаю, что надо вмешивать в это кого-нибудь еще, — заметил Эдвард.

Плохое предчувствие.

— Даже шерифа? Хорошо. Эстер, отправляйся домой. Если я не дам о себе знать через полчаса, иди к шерифу и опиши ему этого человека. — И Стелла кивнула в сторону Эдварда.

— С вами нисего не слусица? — спросила Эстер, барабаня толстыми короткими пальцами по прилавку.

— Все будет в порядке. Иди.

По магазину, изучая книжные корешки на полках, бродил один-единственный покупатель. Заметив взгляды Стеллы и Эдварда, он направился к двери, недоуменно пожимая плечами.

— Ну, что случилось? — спросила Стелла.

Эдвард велел Минелли подогнать машину к

заднему входу магазина и повел Стеллу навстречу «ленд-крузеру».

— Нам нужно прохладное темное место, — объяснил он, пока они ждали.

— Я хочу знать, в чем дело, — упорствовала женщина, решительно выдвинув подбородок и склонив голову набок. Она стояла, подбоченясь. Казалось, ее ноги вросли в линолеум. Поза Стеллы лучше всяких слов показала Эдварду, что она больше не потерпит уверток.

— Там, в пустыне, появилась новая гора, — начал он.

Минелли подкатил машину к магазину. Не желая прерывать объяснение на полуслове, Эдвард открыл дверцу и отбросил в сторону мокрые полотенца.

— Я хочу сказать — не просто незнакомая… Новая. Ее нет на картах. Ее там быть не должно. Мы нашли это рядом с ней.

Голова, похожая на митру, чуть приподнялась, и три глаза цвета хереса уставились на троих людей. Реслоу остался на улице на случай появления прохожих.

К ее чести, Стелла не вскрикнула и даже не побледнела. Она только склонилась над лежащим существом.

— Это не подделка, — заявила она, убедившись в этом так же быстро, как и Эдвард.

— Нет, не подделка.

— Бедняжка… Что это?

Эдвард посоветовал ей отойти. Они вытащили существо из машины и внесли его через служебный вход в морозильную камеру для хранения мяса.

Интервью с Терренсом Джакоби, солистом группы «Хардуайерз». «Ист Коуст Ньюс Нетуорк», 30 сентября 1996 года.

«ИКНН»: Мистер Джакоби, своей музыкой ваша группа всегда, так сказать, проповедовала с позиций христианского радикализма идею грядущего Апокалипсиса. Песни из вашего альбома «ТОП-40» и три диска, вышедшие десятимиллионным тиражом, затронули больную струну в душах молодого поколения. Чем вы объясните популярность вашего творчества?

Джакоби (посмеиваясь, шмыгает носом, затем высмаркивается): Всем известно, что в возрасте от четырнадцати до двадцати двух у вас есть только

два настоящих друга — ваша левая рука и Христос. Весь мир настроен против вас. Возможно, если бы мир провалился в тартарары, если бы Господь решился начать все сначала, мы могли бы наконец стать самими собой. Бог справедлив и милосерден. Он пошлет своих ангелов предупредить нас. В этом — наша вера, которой мы посвящаем свою музыку.

3 октября

Харри Файнман стоял на корме, распутывая леску спиннинга. Лодку понемногу сносило неспешным течением реки. Артур бросил якорь в дюжине ярдов к югу от раскидистой сосны с искривленным стволом. Здесь была глубокая впадина, издавна привлекавшая местных рыбаков. Марти играл с мелкой рыбешкой, предназначенной для наживки, и то и дело открывал картонные коробки, наполненные землей и червями. Солнце являло собой ослепительно-яркий круг на фоне прозрачных высоких облаков. Воздух пах рекой, сочной зеленью и прохладой первых дней осени. В тихой заводи оранжевые и коричневые листья собрались в колышущийся на волнах ковер.

— Мне тоже насадить приманку на крючок? — спросил Марти.

— Таковы правила игры, — ответил Харри Файнман.

Коренастый, мускулистый, он уступал Артуру в росте. Преждевременно поседев, он начал лысеть, но, тем не менее, воротник его черной кожаной куртки закрывали не успевшие поредеть волосы.

Добродушное выражение мясистого лица сочеталось с пронзительным взглядом маленьких глаз, прятавшихся под густыми темными бровями. Он энергично смотал нейлоновую леску и закрепил удочку рядом с банкой с наживкой и коробкой, полной рыболовных снастей.

— Считай, что ты поймал рыбу, только тогда, когда все подготовил для этого сам.

Увидев растерянное лицо Марти, Артур подмигнул сыну.

— Червячкам будет больно, — прошептал Марти.

— Не знаю, способны ли они ощущать боль, — задумчиво проговорил Харри. — Может, и способны. Но это в порядке вещей.

— Это в порядке вещей, папа? — переспросил Марти.

— Думаю, да.

За все время их жизни у реки Артур впервые взял Марти на рыбалку.

— Твой папа хочет облегчить тебе жизнь, малыш. А я — нет. Ловить рыбу — серьезное дело. Целый ритуал.

Марти уже слыхал кое-что о ритуалах.

— Значит, надо вести себя по правилам, и тогда мы не будем чувствовать вину.

— Так и есть, — подтвердил Харри.

Взгляд Марти стал отсутствующим — он явно вынашивал очередную идею.

— Пегги выходит замуж… Этого требует ритуал, потому что они собираются заниматься любовью, правда? Иначе они бы чувствовали себя виноватыми?

Утром Франсин и Мартину предстояла поездка в Юджин на свадьбу родственницы. Артур собирался отправиться с ними, но появились более важные дела.

Артур посмотрел на сына.

— Ты заходишь слишком далеко в своих рассуждениях.

— Он твой сын, старик.

— Заключение брака — праздник. Это ритуал, но очень радостный. Совсем не такой, как насаживание червя на крючок.

Харри усмехнулся.

— В наши дни никто не чувствует вину, занимаясь любовью.

Марти удовлетворенно кивнул и взял из рук отца леску с крючком. Артур осторожно подцепил червя из картонки и протянул сыну.

— Сверни его в кольцо и насади на крючок несколько раз.

Марти фыркнул, следуя указанию.

— У червей желтая кровь, — заметил он. — Хлюпает.

Они безуспешно рыбачили в течение часа. К половине десятого Мартин уже мечтал убрать удочку и съесть бутерброд.

— Согласен. Руки чистые? — спросил Артур. — Смой соус из червей.

— Фр-р-р. — Марти почти коснулся воды лицом, пытаясь опустить руки поглубже в воду.

Харри откинулся назад и сжал удочку коленями. Он закинул руки за голову и широко улыбнулся.

— Мы не занимались этим годами.

— Я не слишком скучаю без рыбалки, — бросил Артур.

— Ах ты, неженка!

— Папа — не неженка! — крикнул Марти.

— Заступись, сынок! — подбодрил его Артур.

— Ловить рыбу — скверное дело!

— Яблоко от яблони недалеко падает, — подытожил Файнман.

Поля шляпы свисали ему на лицо и закрывали глаза. Неожиданно Артуру вспомнился сон, в котором голова друга представлялась ему луной, и вздрогнул. Поднялся прохладный сырой ветер

и завел прекрасную скорбную песню.

Марти рассеянно жевал бутерброд.

4 октября

Сосны подступали к дому так близко, что их можно было принять за рисунок на оконных занавесках. А за ними открывался великолепный вид: излучина тихой, поросшей зеленью реки. С запада надвигались белые, темнеющие к горизонту облака.

Сидя на кухне среди медных горшков и мисок, Артур разбил яйца в сковороду, греющуюся на огне.

— Мы знаем друг друга уже тридцать лет, — сказал он, раскладывая омлет с колбасой на тарелки. Одну из них он поставил на тяжелый дубовый стол перед другом. — Но редко видимся.

— Именно поэтому мы так долго остаемся друзьями. — Харри трижды постучал вилкой по столу. — Из-за этого воздуха я так голоден, будто в последний раз ел тоже тридцать лет назад. Что за чудное место!

— Ты убиваешь во мне сентиментальность, — заметил Артур, выходя за кувшином апельсинового сока.

— Колбаса?..

— Еврейское национальное блюдо.

— Господи, благослови!

И Харри набросился на желтую взбитую массу, лежащую перед ним на керамической тарелке. Артур уселся напротив.

— Как ты можешь здесь работать? Я предпочитаю железобетонные клетушки. Они помогают собраться с мыслями.

— Зато ты хорошо спал.

— Хорошо ли, плохо ли я сплю — всегда храплю.

Артур улыбнулся.

— А еще считаешь себя любителем природы, рыбаком. — Он отрезал кусочек колбасы и поднес его ко рту. — В промежутках между консультациями и занятиями я собрался было написать книгу об администрации Хемптона, но так и не приступил к первой главе. Не знаю, как описать все, что случилось. Мы стали свидетелями чудесной трагикомедии, не правда ли?

— Хемптон больше доверял науке, чем любой другой президент со времен… со времен…

— Надеюсь, что Крокермен…

— Что за имя для президента!

— … Окажется не так плох. Я пригласил тебя отчасти из-за него.

Харри вопросительно поднял кустистую бровь.

Друзья представляли собой пару, достойную классической комедии: высокий, слегка сутулящийся, обычно лохматый Артур и Харри, невысокий крепыш, едва ли не толстяк, с залысиной на лбу и дружелюбным выражением лица, несколько старившим его.

— Я так и сказал Итаке.

Итака, красивая, идеально сложенная супруга Хаврри, которую Артур давно не видел, была на десять лет старше мужа.

— Что ты сказал Итаке?

— То, что, судя по твоему тону, у тебя есть для меня дело.

Артур кивнул.

— Есть. Отдел возобновляет работу. До некоторой степени.

— Крокермен возрождает Отдел Космических Связей?!

— Не совсем так.

Артур считал Отдел Космических Связей — ОКС — своей лебединой песней в Вашингтоне. В течение трех лет он занимал пост научного консультанта и секретаря ОКС в администрации Хемптона, назначившего его на эту должность после несчастного случая в Аресибо в 1992 году. Инцидент оказался ложной тревогой, но, тем не

менее, Хемптон не отпустил Гордона. В 1994 году в Мехико-Сити глава правительства погиб от руки убийцы. Вице-президент Уильям Крокермен срочно принял присягу в Нью-Мексико и тут же отправился в Белый Дом, где, словно подружая собственный герб, заменил большинство членов кабинета. Три месяца спустя вновь назначенный начальник штаба Ирвин Шварц вызвал к себе Артура: «Хватит с нас маленьких зеленых человечков, хватит уже судов, пропавших в Бермудском треугольнике… Можете быть свободны, мистер Гордон».

— Он что, собирается предложить тебе место консультанта по науке, — спросил Харри, — и вышвырнуть этого идиота Роттерджека?

Артур покачал головой, усмехаясь.

— Он хочет создать отдел для выполнения особых поручений президента.

— Австралия. — Харри многозначительно кивнул. Он отставил стакан с апельсиновым соком, не сделав ни глотка. Напрягшись, как струна, он не спускал невидящего взора с солонки и перечницы, стоящих на середине стола. — Большая пустыня Виктория.

Артур не удивился.

— Что ты о ней знаешь? — спросил он.

— Я знаю, что гора открыта искателями опала и что ее не должно быть на этом месте. Я знаю, что она фактически повторяет Айерз-Рок.

— В последнем ты ошибаешься. Некоторые различия есть. Но в главном ты прав. Гора появилась недавно, и ее не должно там быть.

Артур с облегчением понял, что друг находится в неведении относительно аналогичной истории, происшедшей гораздо ближе к дому.

— А при чем тут мы?

— В конце концов, Австралия попросила совета. Через три дня премьер-министр собирается выступить с докладом перед общественностью. На него давят со всех сторон.

— Тоже маленькие зеленые человечки?

— Я не могу даже прокомментировать твой вопрос, пока ты не ответишь на мой.

— Спрашивай.

Харри ждал, все еще напряженно выпрямившись.

— Президент назначил меня ответственным за группу гражданских ученых. Мы сотрудничаем с военными и с государственными органами. Мой первый выбор пал на тебя.

— Я биохимик. Значит…

Артур медленно покачал головой.

— Послушай, Харри. Ты нужен мне как биохимик и как заместитель. Я уговариваю геолога Уоррена из Кент-Стейта и физика Абанте из Малибу. Они согласились, но им еще нужно пройти политическую аттестацию.

— Ты считаешь, что я выдержу проверку на политическую благонадежность у Крокермена?

— Выдержишь, если я буду настаивать. А я буду.

— Тебе нужен биохимик… действительно?

— Ходят такие слухи, — ответил Артур, широко улыбнувшись.

— Это было бы прекрасно. — Харри отодвинулся от стола вместе со стулом. Он съел только половину порции. — Старые друзья опять работают бок о бок. Итака не будет против. Черт возьми, даже если… Но…

— Такого шанса больше не будет, — сказал Артур, подчеркивая каждое слово. Могло показаться, что он пытается вдолбить важное понятие в голову бестолкового студента.

Харри наморщил лоб.

— А Дапрес из Кингз-колледжа?

— Я связался с ним. Он пока не дал ответа. Вполне возможно, что иностранцы не смогут войти в группу.

— Я бы, не задумываясь, принял предложение, — сказал Харри. Артур заметил, что глаза друга покраснели. Файнман чуть не плакал. — Но тебе нужен кто-нибудь понадежней.

— Что ты имеешь в виду?

Харри смотрел в окно, то сжимая, то отпуская вилку.

— Я и Итаке сообщил всего лишь три недели назад.

С лица Артура мгновенно исчезло выражение радостного возбуждения, владевшего им всего лишь секунду назад.

— О чем?

— Хроническая лейкемия. Моя болезнь. Она поймала меня.

Артур дважды моргнул. Харри смотрел мимо него.

— Дело плохо. Через несколько месяцев вся моя жизнь будет уходить на борьбу с недугом. Я превращусь в обузу.

— В последней стадии? — спросил Артур.

— Врачи обнадеживают. Но я читал, что…

Его передернуло.

— Новые средства лечения…

— Многообещающие. Но ты должен понимать… — Харри перевел ясный взгляд на Артура. — Итак,

эта штуковина размером с Айерз-Рок — как давно она появилась?

— Не более шести месяцев. Разведывательные спутники делали съемку местности полгода назад, и так ничего не было.

Харри весело улыбнулся.

— Чудесно. На самом деле чудесно. Что же это такое?

— Обломки Европы? — рассеянно предположил Артур. Он так и не смог посмотреть другу в глаза.

Харри громко рассмеялся и бросил салфетку на стол.

— Я не собираюсь тосковать и стенать. По крайней мере, решая твою проблему.

Горло у Артура сжалось. Он фактически вырос с Харри. Они знакомы тридцать лет. И теперь его друг — перед лицом смерти.

Артур прокашлялся.

— Мы станем мудрее, решив ее, Харри. Все человечество. Я очень нуждаюсь в тебе.

— А ты можешь взять на работу потенциального инвалида?

Наконец их глаза встретились, и на этот раз Артур не отвел взгляд. Он с усилием расправил плечи.

— Ты выкарабкаешься, Харри.

— Скажи еще о воле к жизни.

— Присоединяйся к нам.

Харри потер указательным пальцем глаза.

— А поездки? То есть, много…

— Только на первых порах, а потом ты можешь оставаться в Лос-Анджелесе, если пожелаешь.

— Это будет необходимо. Я прохожу курс лечения в Калифорнийском университете.

Артур протянул руку.

— Ты вылечишься.

— И тогда, может статься, будет не так страшно. — Харри крепко сжал руку Артура.

— Что?

— Умирать. Как славно было бы увидеть… Говоришь, маленькие зеленые человечки?

— Так ты с нами?

— Ты и сам знаешь.

— В таком случае, я нарисую более полную картину. На этот раз — не Австралия. Речь пойдет о пустыне Мохаве, точнее — о Долине Смерти. Где-то между курортом Фернис-Крик и городком под названием Шошоне. Гора напоминает конус потухшего вулкана. Она новая. Раньше ее никто не видел.

Улыбка не покидала лица Харри.

— Чудесно!

— Ах да, там еще есть неопознанное живое существо.

— Где?

— В данный момент, на военно-воздушной базе в Ванденберге.

Харри возвел глаза к потолку и поднял обе руки. Из глаз его текли слезы.

— Благодарю тебя, Господи!

«Уорлднет» США, «Эртпалс», 5 октября 1996 года.

Сегодня в мире царит почти полное спокойствие. Ни землетрясений, ни тайфунов, ни ураганов... Мы могли бы назвать уходящий день ясным и тихим, если бы не ранний снегопад на северо-востоке Соединенных Штатов, не прекратившийся до сих пор дождь над северо-западной частью Тихого океана, и признаки возвращения печально известного «Эль Ниньо» на юг. Накануне длительного засушливого периода жителям Австралии предстоит противостояние и этому стихийному бедствию.

Когда Тревор Хикс сообщил Терхьюн, своему агенту по рекламе, что утром он будет давать интервью «Кей-Джи-Би», она хихикнула и заметила: «Викки не смирится с твоим предательством».

Викки Джаксон работала редактором в «Кнопфе».

— Предупреди ее, что будет частотная модуляция, Шелли. Я собираюсь втиснуться между передачей о серфинге и утренними новостями.

— Разве «Кей-Джи-Би» занимается обзорами соревнований по серфингу?

— Послушай, загляни в свой список станций, — посоветовал Тревор, обидевшись. — Это не моя забота.

— Хорошо. Дай-ка я посмотрю… «Кей-Джи-Би» — короткие частоты. Ты прав. Время утверждено?

— Директор программы дает десять-пятнадцать минут, но, будь уверена, хватит и тридцати секунд.

— По крайней мере, представишься любителям серфинга. Не исключено, что они ничего не слышали о тебе.

— Если мое имя им неизвестно, но не потому ли, что ты плохо работаешь? — Хикс постарался, чтобы его тон был ироничным. Он и вправду устал. В конце концов, Хиксу уже шестьдесят восемь, и хотя он сохранил здоровье и бодрость, ему больше не по силам такое напряженное расписание работы. Лет десять назад он справился бы со всем этим на бегу.

— Ну, полно, полно. Записываю: завтра у тебя утреннее выступление по этому каналу.

— Да, завтра утром. Как будто невозможно пустить запись…

— Не говори глупостей, — строго заметила Шелли, но Тревор вряд ли нуждался в ее увещеваниях.

В журналистской среде Хикс считался самым учтивым и эрудированным собеседником. Некоторая небрежность в одежде, не выходящая, впрочем, за границы избранного им стиля, и неординарное мышление создавали притягательный образ: он походил и на Альберта Эйнштейна, и на пожилого Бертрана Рассела. Реплики Тревора, обычно полностью соответствовавшие принципам технократии и казавшиеся неоспоримыми, как правило, хорошо подходили для коротких сообщений в программах новостей. Он открыл британскую главу в истории Общества Троянцев, занимавшегося изучением космических исследований и идеями строительства гигантских станций-спутников. Член Британского Межпланетного Общества, автор двадцати трех кнги (последняя, повествующая о первых контактах с внеземными цивилизациями, называлась «Звездный Дом»), к тому же, наиболее

последовательный представитель так называемого «гражданского сектора» среди сторонников активного освоения космоса — вот далеко не полный перечень его достижений. Короче говоря, хотя Хикс и не стал любимцем домохозяек, но все же мог считаться одним из самых известных научных журналистов мира. Несмотря на двенадцать лет жизни в Соединенных Штатах, он не избавился от британского акцента. Вот так и сложилось, что Хикс был словно создан для радио и телевидения. Конечно же, Шелли воспользовалась необыкновенными качествами Тревора и организовала «налет» на семнадцать городов — четырехнедельное турне с выступлениями.

Итак, Тревор вихрем носился по стране. Вот и очередная остановка — Сан-Диего. Он не бывал здесь с 1954 года, когда освещал испытательный полет первого реактивного гидросамолета-истребителя «Морская Молния» в заливе Сан-Диего. С тех пор город сильно изменился, перестав быть ночлежкой для моряков. Тревор проживал в новом шикарном отеле «Интерконтиненталь» возле причала, и из окон его комнаты на десятом этаже открывалась панорама залива.

В те далекие дни он, репортер агентства «Рейтер», все свободное время посвящал рассказам

на научные темы. Однако, в начале пятидесятых мир, казалось, погрузился в глубокий беспокойный сон. Лишь некоторые из его эссе привлекли внимание. Наука ассоциировалась с водородной бомбой. Разговоры о политике не требовали особого напряжения ума и приятно возбуждали. Потом Тревор улетел в Москву. Он планировал сделать несколько репортажей о конференции по сельскому хозяйству для будущей книги о русском ученом Лысенко и его возвеличивании сталинской идеологией. Дело происходило в конце сентября.

Конференция растянулась на пять мучительно скучных дней и не принесла ни пищи для работы над книгой, ни материалов, которыми он хоть как-то мог обосновать для «Рейтер» пребывание в советской столице. В последний день конференции пришло сообщение о запуске в космос восьмидесятичетырехфунтового металлического шара — Первого искусственного спутника Земли. Это событие спасло карьеру Тревора Хикса. Спутник выдвинул науку на первый план. Тревор неожиданно нашел своего конька — космос. Он отказался от книги о Лысенко и без оглядки ринулся вперед.

В 1965 году Хикс сбросил с плеч долой — трудно

подобрать более подходящие слова — жену и с тех пор успел встретиться и расстаться с тремя женщинами. В конце концов он стал убежденным холостяком, хотя и симпатизировал одной журналистке из «Нэшнл Джиографик», с которой познакомился в прошлом году в Пасадене. Та не отвечала ему взаимностью.

Профессиональная журналистская память, хранившая сведения о множестве событий, начинала сдавать. Тревор Хикс старел. Его волосы полностью поседели. Он старался поддерживать форму, но…

Тревор отгородился шторами от залива и сверкающего огнями скопления кораблей и ресторанов в Сипорт Виллидж. Вид из окна напоминал Диснейлэнд.

Переносной компьютер Хикса стоял на отделанном кленом столе. Черные знаки заполняли светлый фон развернутого экрана, похожего на окантованный лист бумаги для пишущих машинок. Тревор уселся и принялся ковырять мозоль на среднем пальце. Эта мозоль появилась, лениво подумал журналист, в результате тысяч часов, проведенных с карандашом в руке. Теперь на помощь пришел компьютер, который умещается на коленях. Многие молодые репортеры и не

знают, что такое мозоль на среднем пальце.

— Вот так-то, — пробормотал журналист, выключая компьютер и отодвигая стул. — Оставим это.

Он закрыл экран и надел ботинки. Накануне вечером он приметил на верфи старинный пароход и морской музей. Вполне подходящее место для прогулки.

Тихо посвистывая, Хикс запер дверь номера и, уверенно ступая короткими сильными ногами, пошел по коридору.

— Что, по вашему мнению, мистер Хикс, ожидает человечество в космосе? — спросил ведущий программы — молодой журналист с густой шевелюрой, чуть старше двадцати лет. Микрофон, покачивающийся на пружинном кронштейне, так и норовил ткнуть его в нос, и Хиксу приходилось держать голову в неудобном положении. Он не отваживался поправить микрофон, казавшийся живым. Интервью записывалось на двухкатушечный магнитофон старого образца, установленный за их спинами.

— Разгорается борьба за новые источники ресурсов, — начал Хикс. Жаль: первая фраза прозвучала не слишком романтично. — Космос полон металлов — железа, никеля, даже платины

и золота… Летающих гор, которые ученые называют астероидами. Мы могли бы приблизить эти горы к Земле и воспользоваться их богатствами. Некоторые из них целиком состоят из металла.

— Что может склонить молодежь к выбору профессии, связанной с космосом?

— У них есть альтернатива, — без энтузиазма ответил Хикс, погружаясь в свои мысли. Можно назвать это инстинктом репортера, но неприятные предчувствия не оставляли его последнее время. — Они могут предпочесть любую земную профессию и вести жизнь, очень мало отличающуюся от жизни их родителей. Или же они могут попытаться расправить крылья и устремиться к самым дальним рубежам нашей общей родины. Нет нужды убеждать молодых людей, готовых отправиться в космос в ближайшие десять или двадцать лет. Они знают, что делают.

— Вам нравится «проповедовать» свои идеи?

— Пожалуй.

Разговор о космосе закончен. Вряд ли радиостанция, специализирующаяся на новостях рок-музыки и серфинга, уделит много времени этой теме.

— Любовь к проповедям — не она ли побудила вас написать книгу? Может быть, вами двигала

надежда найти более широкую аудиторию?

— Простите?

— Аудиторию, включающую не только любителей научно-популярной литературы. Решили теперь побаловаться научной фантастикой?

— Не просто побаловаться. Я читал научно-фантастические произведения еще мальчишкой в Сомерсете. Артур Кларк тоже родом из Сомерсета, как вы знаете. Но я хочу ответить на ваш вопрос: нет. Мой роман не для всех. Те, кто любит читать серьезные книги, оценят и мою, но я должен предупредить. — О, Господи, подумал Хикс, мне не просто холодно, я чертовски замерз. — Она требует технических знаний и ничего не скажет невеждам. Для них суперобложка превратится в непроницаемую оболочку.

Ведущий вежливо засмеялся.

— Мне понравилась книга, — сказал он. — И, надеюсь, это означает, что я — не из числа невежд.

— Конечно, нет, — согласился Хикс.

— Вы, безусловно, знакомы с сообщениями из Австралии?

— Увы!

— Их передают целый день.

— Возможно, но сейчас всего десять часов утра, а я спал допоздна.

По телу забегали мурашки. Хикс, не отрываясь, смотрел на ведущего программы чуть выпученными глазами.

— А я надеялся, что вы как специалист по космическим загадкам, прокомментируете новость.

— Объясните, в чем дело, и я выскажу свое мнение.

— Известны лишь общие черты. Ясно одно: правительство Австралии не знает, как поступить с инопланетным кораблем, приземлившимся на их территории, и просит дать совет по этому поводу.

— Дождаться следующего визита, — не задумываясь, ответил Тревор Хикс.

— Вот в чем суть известия.

— Похоже на бред сумасшедшего.

Ведущий покраснел.

— Я передаю сообщения, но не сочиняю их.

— Всю свою жизнь я мечтал о возможности сделать репортаж о встрече с космическими пришельцами. Можете считать меня романтиком, но я всегда загорался, если встреча такого рода вдруг казалась вероятной. Я надеялся на чудо, однако каждый раз переживал разочарование.

— Так вы думаете, что эта новость — всего лишь мистификация?

— Ничего не могу сказать.

— Но представьте, что инопланетяне действительно посетили Землю. Присоединились бы вы к тем, кто вышел им навстречу?

— Я пригласил бы их к себе, чтобы они познакомились с моей мамой. С моей матерью.

— Вы бы приняли их у себя дома?

— Обязательно.

Хикс понемногу согревался. Наконец-то он может продемонстрировать свое истинное остроумие и необыкновенный стиль.

— Спасибо, мистер Хикс. — Ведущий отключил микрофон собеседника и заговорил в свой: — Тревор Хикс — ученый и научный обозреватель, недавно выпустивший книгу «Звездный дом», посвященную неизменно интригующей теме колонизации космоса и первых контактов с инопланетянами. Далее в «Новостях» вы услышите: борьба с песчаными заносами на тихоокеанском побережье и рождение серого кита в «Морском Мире».

— Могу ли я ознакомиться с репортажами из Австралии? — спросил Хикс, когда ведущий замолчал.

Он перелистал тонкую пачку распечаток новостей, переданных по телефону. Никаких

подробностей. Новый Айерз-Рок в центре Большой пустыни Виктории. Геологический анализ. Аномальная структура.

— Удивительно, — сказал он, возвращая бумаги ведущему. — Спасибо.

— К вашим услугам, — ответил журналист, открывая дверь.

Ярко-желтое такси ожидало Тревора на стоянке. Хикс уселся на заднее сиденье, все еще дрожа — то ли от холода, то ли от возбуждения.

— Здесь есть где-нибудь газетный киоск? — спросил он водителя.

— Газетный киоск? Только не в Клермонт-Месе.

— Мне необходима газета. Хорошая. Утренний выпуск.

— Я знаю одно место на Адамс Авеню. Там продают «Нью-Йорк Таймс», но вы сможете купить только вчерашний номер.

Хикс заморгал и покачал головой. Все-таки ему не достает инстинктивного влечения к технике.

— В отель «Интерконтиненталь», — сказал он.

Большая часть его сознания продолжала обитать во времени, миновавшем двадцать лет назад. На столе в номере стояло устройство, способное дать ученому все необходимые данные

— компьютер. При помощи встроенного модема можно за полчаса подсоединиться к крупнейшим агентствам новостей. Надо также попробовать вклиниться в информационную сеть, обслуживающую космические центры, и выяснить подробности, о которых пресса не решилась упомянуть. И кроме того, всегда в его распоряжении таинственный «Регулюс», которым Хикс еще ни разу не пользовался, но он давно знал номер и код от своего друга Криса Райли из Калифорнийского университета.

«Регулюс», уверял Райли, в курсе самых скандальных событий, касающихся космоса и технологий.

К черту новую книгу! Хикс не испытывал подобного энтузиазма с 1969 года, когда он работал на «Нью Сайентист» и освещал полет на Луну.

Артур лежал на кровати, положив руки под голову. Франсин облокотилась на подушки рядом с ним. Она и Мартин вернулись накануне и обнаружили главу семьи в молчаливой задумчивости. Записная книжка с предварительным планом работ лежала раскрытой, но он так и не приступил к ее изучению.

Артур пытался представить себе жизнь без Харри. Мрачная перспектива, даже если гран-

диозные события хотя бы отчасти смягчат тоску по другу.

Распущенные черные волосы Франсин упали ей на плечи. Каждые пять минут миссис Гордон внимательно посматривала на мужа, однако не решалась нарушить молчание. Артур чувствовал на себе взгляды жены, но не подавал виду, хотя почти хотел, чтобы она начала расспросы.

С тех пор как Артур повзрослел, он точно знал: случись что — и Харри окажется рядом. Харри всегда готов прийти поболтать, ответить на письмо или телефонный звонок, приехать в гости, если они оба не заняты. Они вместе набирались ума-разума и даже иногда (как это ни странно) вместе ходили на свидания. Когда Артур показал Файнману Франсин, тот искренне одобрил выбор младшего друга. «Я женюсь на ней, если ты этого не сделаешь», — предупредил Харри наполовину всерьез. В течение десяти лет Артур и Франсин знакомили своего товарища с особами женского пола, но Харри, как правило, увиливал от дальнейших встреч с этими обычно здравомыслящими, вполне приятными дамами. Роман с Итакой и женитьба на ней в Нью-Йорке в 1984 году удивили всех. Их брак, вопреки предсказаниям, оказался удачным. Молодая дама из высшего

общества, дочь банкира, и ученый — не очень-то обнадеживающее начало семейной жизни. Но все же Итака освоила азы науки, которой занимался ее муж. Взамен она терпеливо и настойчиво преподавала Харри навыки поведения в высшем обществе.

Супруги подчеркивали свою независимость, но Артур вскоре понял, что Файнман не может обойтись без Итаки. А как будет чувствовать себя Итака, оставшись без Харри?

Артур еще ничего не рассказал Франсин. Печальная новость касалась только Харри, и чтобы поделиться ею с кем-нибудь, Гордону требовалось разрешение друга. Однако Артур понимал, как глупы его сомнения, и понемногу поддавался желанию довериться жене.

Завтра утром ему предстоит отправиться в Ванденберг и своими глазами увидеть «улику», подтверждающую невероятный факт. Это величайшее событие в его жизни, и, тем не менее, он едва сдерживал слезы.

Возможно, уже в нынешнем году он потеряет друга!

— Проклятье, — прошептал Артур.

— Ну, хватит, — проговорила Франсин, отложив книгу, и повернулась, чтобы положить голову

мужу на плечо. Артур закрыл блокнот и погладил жену по лбу. Она продела палец в поседевшие завитки волос на его груди.

— Ты, в конце концов, скажешь хоть слово? Или опять — совершенно секретное поручение?

— Дело не в работе, — ответил Артур.

Он едва сдерживался, чтобы не сообщить ей о своем задании. Наверное, через несколько недель это будет возможно. Новости быстро распространяются; он подозревал, что в скором времени факт находки в Долине Смерти перестанет быть тайной. Все слишком возбуждены.

— А в чем тогда?

— В Харри.

— И что же Харри?

На глазах Артура выступили слезы.

— Что стряслось с Харри? — спросила Франсин.

— У него рак. Лейкемия. Он работает вместе со мной… над одной проблемой, но, может статься, так и не узнает, в чем ее суть.

— Матерь Божья! — промолвила Франсин и положила ладонь на грудь Артура. — Он лечится?

— Да. Но не верит, что от этого будет толк.

— Еще бы пять лет… Говорят, что через пять лет мы избавимся от этой болезни-убийцы.

— У него нет пяти лет. Возможно, у него нет

и года.

Франсин придвинулась к мужу, и они некоторое время лежали молча.

— Что ты чувствуешь?

— По поводу Харри? Я чувствую, как будто… — Он нахмурился и на мгновение задумался. — Не знаю.

— Как будто тебя предали, да? — мягко спросила жена.

— Нет. Мы не зависели друг от друга. Харри ничем мне не обязан, а я ему — только дружбой и…

— Присутствием…

— Да. А теперь он собирается покинуть меня.

— Но ты не можешь знать.

— Он знает. Хорошо бы тебе повидать его.

— Он плохо выглядит?

— Нет, в настоящий момент очень хорошо. — Артур попытался представить себе человеческое тело, превратившееся в поле боя: рак, беспрепятственно расползающийся по кровеносным сосудам от пальцев ног до макушки; биологическое сумасбродство, самоубийство, предопределенное генетическим кодом и совершаемое с помощью безмозглых безжизненных сгустков протеина и нуклеиновой кислоты. Неожиданно в Артуре поднялась ненависть к этим мельтешащим мик-

роскопическим частичкам. Почему Господь не снабдил человека вечным двигателем — так, чтобы тот мог преодолевать жизненные невзгоды, не опасаясь, по крайней мере, за свое тело?

— Чем вы занимались? — спросила Франсин.

— У нас было целых два дня. Мы увидимся завтра — и больше я ничего не могу сказать.

— Ты уезжаешь на неделю? На две?

— Я позвоню, если задержусь.

— Звучит так, словно речь идет о великом событии.

— Я признаюсь тебе в одном, — сказал он, обуреваемый жаждой открыть жене все, сообщить невероятное известие человеку, которого он любит больше всех на свете. (Или он любит Франсин меньше, чем Харри Файнмана? Две разных любви. Два разных пристанища).

— Смотри, держи рот на замке, — с улыбкой предупредила жена.

— На замке или просто на задвижке — все равно не проболтаюсь. Знаешь, если бы не Харри, я бы считал себя самым счастливым человеком на свете.

— Боже! — воскликнула Франсин. — Должно быть, случилось что-то грандиозное.

Он вытер глаза уголком фланелевой простыни.

— Это так.

Эдвард Шоу, помешивая ложкой кофе, смотрел на опечатанную дверь своей палаты — туда, где на уровне головы находилось окно. Минувшей ночью он крепко спал. Кругом было тихо, как в пустыне. Чистые белые стены и мебель наподобие гостиничной придавали жилищу уют. Эдвард мог читать книги и смотреть любую передачу — двести каналов, как сообщил наблюдатель, показывая на телевизор, стоящий в углу палаты.

По внутренней связи он мог переговариваться с Реслоу, Минелли или со Стеллой Морган — черноволосой женщиной, разрешившей им воспользоваться телефоном магазина в Шошоне семь дней назад. В других палатах, по словам Минелли, находились четверо военных, которые приехали по звонку и увидели находку геологов. Все они оказались под долгосрочным наблюдением врачей. Вполне возможно, что придется провести в кутузке год или больше, в зависимости от… От чего — Эдвард и сам не знал. Следовало предвидеть, что таинственное существо принесет им массу неприятностей. Угроза болезни внеземного происхождения казалась тем более реальной, что некоторые результаты тщательных двухдневных медицинских исследований

насторожили врачей. Теперь время протекало в утомительном бездействии. По всей видимости, никто не мог точно определить их статус и методы лечения. Никто не знал, о чем говорить с ними. Никто так и не ответил на вопрос, чрезвычайно волновавший Эдварда: что произошло с существом, обнаруженным в Долине Смерти?

Четыре дня назад, когда люди в белых герметичных костюмах провожали их в палаты, Стелла Морган повернулась к Эдварду и заговорщически спросила:

— Ты знаешь азбуку Морзе? Мы могли бы перестукиваться. Нам предстоит долго проторчать здесь.

— Не знаю, — ответил Эдвард.

— Ничего страшного, — успокоил его из-под маски один из сопровождающих. — У вас будет связь друг с другом.

— Я могу вызвать адвоката? — поинтересовалась Стелла.

Ответа не последовало. Плечи, защищенные непроницаемой тканью, поднялись и опустились.

— Мы — отверженные, — заключила она.

В девять часов принесли несколько вкусных легких блюд — завтрак. Эдвард съел все, следуя

совету дежурного офицера, привлекательной, коротко подстриженной женщины в темно-синей форме.

— В пищу, наверняка, подмешано какое-нибудь лекарство, — предположил он. Он уже не раз задавал этот вопрос, становяс занудой и сам же страдал от этого.

— Пожалуйста, не превращайтесь в параноика, — ответила женщина.

— Скажите, вы действительно понимаете, что делаете? И знаете, что нас ожидает?

Она загадочно улыбнулась, оглянулась по сторонам, потом отрицательно покачала головой.

— Опасность никому из вас не угрожает.

— А что если у меня на руке вырастет гриб?

— Я видела такое однажды, — заметила дежурная. — Астронавт превращается в пузырь. Как назывался этот фильм?

— »Надувное нечто».

— По-моему, «Надуманное нечто».

— Вот-вот. То ли «надувное», то ли «надуманное». Черт побери, что вы предпримете, если мы и вправду заболеем?

— Будем лечить. Для этого вы и находитесь здесь, — убежденно заявила она.

Раздался сигнал вызова, и Эдвард нажал на

маленькую красную кнопку под мигающей лампочкой на панели. Из восьми лампочек и восьми кнопок, расположенных там, действовали только три пары.

— Слушаю.

— Говорит Минелли. Ко всему прочему, здесь ужасно кормят. Тебе нет прощения: зачем ты только обратился к военным?

— Я думал, они знают, что делать.

— Знают ли?

— Похоже на то.

— Они не собираются, случайно, отослать нас на шаттле в космос?

— Сомневаюсь.

— Жаль, что я не знаток медицины, или биологии, или чего-нибудь в этом роде. Тогда я бы смог хотя бы догадаться, что у них на уме.

— Возможно, они изолировали весь Шошоне, — предположил Эдвард. — Возможно, перекрыли дороги в город и оцепили гору.

— Или обнесли забором Калифорнию, — отозвался Минелли. — Да им и этого мало — огородили все западное побережье. Возводят стену поперек равнины, чтобы не допустить вывоз фруктов и овощей.

При помощи селектора они могли разговари-

вать все вместе или беседовать вдвоем. Таким же образом они общались с наблюдателями и дежурными офицерами. Реслоу присоединился к разговору.

— Здесь находимся только мы да четыре военных разведчика. На свободе осталась продавщица, как ее там…

— Эстер, — напомнил Эдвард. — Еще парнишка со станции обслуживания.

— То есть, они задержали лишь тех, кто дотрагивался до этой штуковины или приближался к ней настолько, чтобы вдохнуть ее микробы.

Теперь в разговор вступила Стелла:

— Итак, что же нам делать?

Мужчины не ответили.

— Держу пари, моя мать в бешенстве.

Никому пока не разрешалось пользоваться внешним телефоном.

— Это вы, хозяйка магазина? — спросил Эдвард. — Я хотел поблагодарить вас…

— За то, что я позволила вам позвонить? Действительно, мило с моей стороны, не так ли? Моя семья владеет магазином, кафе, стоянкой грузовиков, распределительной станцией пропана, пивными автоматами. Огласки не избежать. Надеюсь, мама в порядке. Боже, надеюсь, она на

свободе. Скорей всего, она уже связалась с нашим адвокатом. Я похожа на избалованного богатого ребенка, верно? «Вот придет моя мамочка, и вам попадет». — Она засмеялась.

— У кого-нибудь еще есть влиятельные знакомые или родные? — спросил Эдвард.

— Нашего возвращения ожидают только через две недели, — ответил Реслоу. — Никто из нас не женат… А ты, Стелла… замужем?

— Нет.

— Ну вот, — заключил Минелли, — ты единственная наша надежда, Стелла.

— Не будьте пессимистом, — прервал его наблюдатель, старший лейтенант лет двадцати пяти.

— Нас подслушивают? — закричал Эдвард, слишком возмущенный, чтобы сдержаться.

— Естественно, — согласился наблюдатель, — я слушаю. Все ваши действия записываются на магнитофон и видео.

— И вы что, проверили наши личные дела? — спросила Стелла.

— Уверен, что служба безопасности сделала это.

— Черт возьми! — взорвалась она. — Не рассчитывайте на меня, мальчики. Студенткой я

числилась в радикалах.

Эдвард подавил злость и негодование и выдавил улыбку.

— В радикалах? Так же, как и я. А ты, Минелли?

— К черту! Нет. В первый раз я голосовал за Хемптона.

— Предатель! — прокомментировал Реслоу.

— О мертвых плохо не говорят, — напомнил Эдвард. — Он много сделал для науки. Например, поддерживал космические программы.

— И срезал расходы на внутреннее развитие, — добавила Морган. — Но Крокерман не лучше.

— Может, попытаться встретиться с президентом? — предложил Минелли. — По телевизору.

— Мы останемся здесь до конца жизни, — провозгласил Реслоу так торжественно, словно вручал премию Винсента. Слова геолога прозвучали и серьезно, и нарочито мелодраматично.

— Кто из нас самый старший? — поинтересовался Эдвард, сознательно заявляя права на лидерство, чтобы отвлечь друзей от размышлений о будущем. — Мне тридцать три года.

— А мне тридцать, — сказал Минелли.

— Двадцать девять, — объявил Реслоу.

— В таком случае, я старше всех, — заметила

Стелла.

— А сколько тебе лет? — спросил Эдвард.

— Не твое дело.

— Они-то знают, — предположил Реслоу. — Спросим у них.

— Не сметь! — со смехом предупредила Морган.

Слава Богу, подумал Эдвард, мы в хорошем настроении, настолько хорошем, насколько это возможно. Нас не подвергают мучениям, если не считать нескольких уколов. Нет смысла стараться узнать друг о друге побольше. У нас хватит времени для этого.

— Эй, — взвизгнул Минелли, — кто-нибудь! Мое лицо… Мое лицо… На нем что-то растет.

Сердце Эдварда учащенно забилось. Никто не проронил ни слова.

— Слава Богу! — продолжил Минелли через несколько мгновений, очевидно добиваясь как можно большего эффекта. — Да это борода. Эй, подать сюда электробритву!

— Мистер Минелли, — едва выговорил наблюдатель, — не шутите так больше, пожалуйста.

— Мы забыли предупредить вас, — извинился Реслоу.

— Я выступаю здесь в роли записного дурака, —

объяснил Минелли. — Это на случай, если вы собираетесь надолго задержать меня.

ААП/НБС Уорлднет, Вумера, Южная Австралия, 7 октября 1996 года (6 октября, США).

Несмотря на решение премьер-министра Стенли Миллера «предать гласности» факты, связанные с появлением в Южной Австралии космических пришельцев, ученые, работающие на месте происшествия, скрывают значительную часть информации. Известно следующее: объект, обнаруженный искателями опала в Большой пустыне Виктории, расположен меньше, чем в восьмидесяти милях от Айерз-Рок, то есть, непосредственно на границе штата Южная Австралия. Точнее — в двухстах десяти милях к югу от Алис-Спрингс. По внешнему виду объект напоминает три высочайшие гранитные образования района — Айерз-Рок и обе Олги, хотя он заметно меньше этих хорошо изученных скалистых гор. По указанию Министерства обороны местность вокруг новообразования обнесена

тремя рядами колючей проволоки. В исследованиях участвуют представители Министерства науки и Австралийской Академии Наук. По сведениям, предложено содействие Австралийского научно-исследовательского космического центра в Вумере. Средства слежения, находящиеся в ведении НАСА на островах Эллис, также предоставлены в распоряжение австралийских ученых. Очевидно, что в решении проблемы участвуют ученые и военные специалисты других стран.

Темно-серый автобус «Мерседес» подвез Артура Гордона и Харри Файнмана от пассажирского реактивного самолета, принадлежащего военно-воздушным силам, к усиленно охраняемым воротам Центра космических исследований в Ванденберге. Глядя в окно, Артур заметил в миле от здания верхушку шаттла, выступающую над железобетонной оградой, спаренные буро-оранжевые топливные баки и белые ракетоносители, парящие над массивным стальным порталом.

— Я не думал, что у вас есть возможность хранить такие вещи, — начал Артур разговор с офицером, сидящим рядом — полковником Мор-

тоном Холлом.

Холл был одних лет с Артуром, чуть ниже и плотнее его. С аккуратными тонкими усиками, в голубой форме, он выглядел подтянутым и элегантным. За внешней учтивостью угадывалась способность настоять на своем.

— Честно говоря, ее нет, — ответил Холл.

Харри, устроившийся впереди Артура, рядом с темноволосым лейтенантом Сенборном, оглянулся и внимательно посмотрел на спутников: бок о бок с каждым ученым непременно сидел военный.

— В таком случае, почему вся и все, связанное с этим делом, находится у вас?

— Потому что мы оказались поблизости и потому что мы всегда можем найти выход из положения. У нас работают системы изолированного хранения.

— И как же вы их используете в обычных ситуациях? — поинтересовался Харри. Его взгляд одновременно выражал издевку и раздражение.

— Я не вправе обсуждать это здесь, — парировал с улыбкой Холл.

— Я так и думал, — сказал Харри Артуру. — Да, правильно.

Он кивнул и снова повернулся к ним спиной.

— Что вы думали, мистер Файнман? — спросил Холл, натянуто улыбаясь.

— Мы перенесли испытания биологического оружия в космос, — жестко выговорил Харри. — Автоматические модули, управляемые с Земли… Стоит вернуть их — и потребуется хранение за семью печатями. Сукины дети. — Холл помрачнел, однако, к его чести, не перестал улыбаться. Он попался в свои собственные сети. — Понимаю, — протянул он.

— Мы наделены высокими полномочиями и действуем с санкции президента, — напомнил Артур. — Я сомневаюсь, что вы можете отказать нам в необходимой информации.

— Надеюсь, вы понимаете наше положение, мистер Гордон и мистер Файнман, — ответил Холл. — Вся эта история свалилась на нас неделю назад. Мы не успели пересмотреть процедуру проведения секретных мероприятий и не определили, кто может быть ознакомлен с происшедшим и в каких границах.

— Думаю, вам надлежит заняться решением этих вопросов в первую очередь.

— Мы до сих пор не знаем, с чем, собственно, имеем дело, — признался Холл. — Надеемся на вашу помощь.

Артур слегка улыбнулся.

— Ага, вот и на нашей улице праздник, — сказал он. — Туше, полковник!

— Я предпочел бы, чтобы все вообще произошло на вашей улице, — в сердцах бросил Холл. — Для нас наступило кошмарное время. Мы задержали четырех гражданских и четырех военных. И у нас нет ни ордеров на арест, ни каких-либо других официальных бумаг. Вы понимаете, о чем речь? Мы рискуем подорвать основы национальной безопасности.

— А как насчет инопланетного существа? — спросил Харри, снова поворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

— Он… оно — наша основная головная боль. Вам лучше сначала встретиться с ним, а уж потом — с людьми, обнаружившими его.

— Оно… — задумчиво протянул Артур. — Надо бы найти более подходящее имя. И поскорее, пока «оно» пребывает в безвестности.

— Мы называем его «Гость», с заглавной «Г». Не стоит лишний раз напоминать, что мы хотели бы избежать огласки.

— Не похоже, что это удастся после сообщений из Австралии, — заметил Харри.

Холл кивнул и посмотрел на ученых.

— Нам не известно, нашли ли они то же самое, что и мы.

— По крайней мере, русские, наверняка, в курсе нашей находки, — предположил Харри.

— Не будь циничным, — остановил его Артур.

— Прошу прощения. — Харри по-мальчишески улыбнулся соседу, лейтенанту Сенборну, и Артуру. — Разве я ошибаюсь?

— Надеюсь, что да, сэр, — сказал Сенборн.

В полутора милях от взлетной полосы, предназначенной для запуска шаттла, располагалась площадка с железобетонным покрытием, на ней — железобетонное же здание без окон, раскинувшееся на два акра. Наклонные стены строения тремя этажами поднимались над окружающей местностью, закованной в асфальт и железобетон.

— Похоже на бункер, — заметил Харри, когда автобус подъехал к пандусу, ведущему на подземный этаж. — На случай ядерной атаки?

— В действительности, мы не очень заботимся о защите комплекса, — ответил лейтенант Сенборн. — Ведь пусковые площадки и взлетные полосы не защитишь от атомного взрыва.

— Перед нами экспериментальная лаборатория-хранилище. Сокращенно ЭЛХ, — объяснил

полковник Холл. — Здесь содержатся изучаемый экземпляр и люди, его обнаружившие.

Автобус въехал в просторный подземный гараж и остановился у платформы, оснащенной резиновым амортизатором. Передняя дверь автобуса отворилась, издав тихий шипящий звук. Артур и Харри последовали за провожатыми вдоль платформы к длинному светло-зеленому коридору с голубыми непрозрачными дверьми. Вдоль него возле каждой двери виднелась табличка в стальной рамке с загадочными словосочетаниями и цифрами. Кое-где гудели кондиционеры. Судя по запаху, здесь пользовались новой электронной аппаратурой и антисептиками.

Коридор заканчивался приемной. Две продолговатые коричневые кушетки, покрытые виниловой клеенкой, и несколько пластиковых стульев стояли вокруг стола, заваленного журналами. Пестрели красочными обложками научно-популярные издания, «Тайм», «Ньюсуик» и один номер «Нэшнл Джиографик». На столе перед молодым, встревоженным на вид майором стояли компьютер и ящичек с пропусками. Майор проверил документы всех четырех посетителей и набрал код широкой двойной двери, находящейся у него за спиной. Дверь открылась

со звуком, похожим на свист сдувающегося воздушного шара.

— Главное хранилище, — объяснил Холл.

— Где «оно»? — спросил Харри.

— Примерно в сорока футах отсюда.

— А люди?

— Там же, только напротив.

Они вошли в полукруглую комнату, также заставленную пластиковыми стульями. На закругленной стене виднелись окна с опущенными жалюзи, под одним из них — мойка. Харри подошел к лабораторному столику и провел по нему пальцем, словно учитель, желающий убедиться, что там нет пыли. Губы Артура скривились в усмешке. Харри улыбнулся в ответ и вопросительно поднял брови.

— Итак?

— Гость — за средней дверью, — сказал Холл. Он подошел к микрофону внутренней связи, встроенному слева от среднего окошка. — Представители президента уже здесь. Полковник Пхань готов?

— Да, — послышался тонкий, почти женский, голос.

— Тогда начнем.

Жалюзи задребезжали и поднялись. Перед

глазами собравшихся предстали окна, занавешенные черной тканью.

— Не думайте, что мы используем зеркальные стекла или что-нибудь в этом роде, — поспешил оправдаться Холл. — Мы не намерены прятаться от Гостя.

— Интересно, — заметил Харри.

— Гость попросил создать для него определенные условия, и мы постарались пойти ему навстречу, — сказал лейтенант Сенборн. — Лучше всего он чувствует себя в полумраке при температуре пятнадцать градусов по Цельсию. Очевидно, ему подходит сухая атмосфера, сходная по составу с воздухом. Мы считаем, что он покинул место своего постоянного пребывания в шесть часов утра двадцать девятого сентября, чтобы исследовать… На самом деле, мы не знаем, что заставило его выйти наружу. Так или иначе, но Гость испытал воздействие дневного света и, судя по всему, смертельно страдал от ослепительного солнечного блеска и зноя, пока его не обнаружили в девять тридцать.

— Непонятно, — бросил Харри. — Как покинуть… свое убежище, не приняв мер предосторожности? Почему бы не позаботиться обо всем заранее и тщательно спланировать выход на-

ружу?

— Это нам неизвестно, — сказал полковник Холл. — Мы не задавали Гостю вопросов, чтобы чрезмерно не переутомить его. Мы только обеспечиваем его всем, что он просит.

— Он говорит по-английски? — спросил Артур.

— Да, и причем вполне сносно.

Артур недоверчиво покачал головой.

— А вы не обращались к Дункану Льюнану?

— Мы вызывали только тех, кого требовалось немедленно поставить в известность. Кто такой Дункан Льюнан?

— Астроном из Шотландии, — объяснил Артур. — Двадцать три года назад он взбаламутил научный мир, заявив, что у него есть сведения об инопланетном автоматическом корабле, вращающемся вокруг Земли. По предположению астрономов, корабль прилетел с Эпсилона Бутис. В качестве доказательства Льюнан приводил описания аномальных возвратных радиосигналов, отраженных, скорее всего, от какого-то предмета в космосе. Подобно многим великим первопроходцам, он разочаровался в своем открытии и отрекся от него.

— Нет, сэр, — сказал Холл, вновь загадочно улыбаясь. — Мы не беседовали с мистером Лью-

наном.

— Жаль. Я могу назвать имена сотен ученых, которым следовало бы присутствовать здесь.

— Возможно, когда-нибудь к нам присоединятся другие специалисты, — согласился Холл. — Только не сейчас.

— Не спорю. И что же дальше? — Артур показал на темное окно.

— С помощью полковника Пханя мы сможем через несколько минут посмотреть на пришельца из космоса.

— Кто это — полковник Пхань?

— Специалист по космической медицине из Колорадо-Спрингс, — объяснил полковник. — За короткое время, отпущенное нам, мы не могли найти более квалифицированного ученого, хотя сомневаюсь, что сделали бы лучший выбор даже после года поисков.

— Но вы не спросили нас, — заметил Харри.

Артур тихонько толкнул его локтем. Свет погас.

— Надеюсь, они записывают на видеопленку все, что имеет отношение к Гостю, — многозначительно прошептал Харри Артуру, пока они придвигали стулья к окну.

— Цифровой самописец и три высокочувстви-

тельные камеры работают круглосуточно, — проинформировал лейтенант Сенборн.

— Правильно, — одобрил Харри.

Харри заметно нервничал. Артур же ощущал некоторую отстраненность от происходящего и, вместе с тем, сильное волнение. До него с трудом доходило, что на вопрос, веками занимавший человечество, наконец-то получен утвердительный ответ и что им предстоит стать свидетелями конца старой, полной неразгаданных тайн эпохи.

Черные занавески раздвинулись. За стеклом, вставленным в раму из нержавеющей стали, ученые увидели тускло освещенную, почти пустую квадратную комнату с бледно-зелеными стенами. В центре комнаты стоял небольшой стол, с которого свисали одеяла. В дальнем углу — пластмассовая емкость с чистой водой. Справа от окна в углу стоял открытый прозрачный сосуд цилиндрической формы высотой в метр. Все это первым делом бросилось Артуру в глаза, и только затем он обратил внимание на то, что скрывалось под одеялами.

Гость пошевелился и медленно сел, подняв при этом переднюю конечность. Эта конечность, очевидно служила рукой: она заканчивалась тремя пальцами, каждый из которых разделялся в

области среднего сустава на два отростка. Одеяла слетели с клинообразной головы Гостя. Длинный «клюв» повернулся в сторону людей, а золотисто-коричневые глаза то появлялись, то исчезали на «лице». Артур, ощущая сухость во рту, постарался оглядеть существо снизу доверху. Но в первый момент именно глаза интересовали его больше всего: то ли они скрываются под веками, то ли, в самом деле, выплывают на поверхность бледной серо-зеленой плоти.

— Мы можем говорить с ним? — спросил Харри, обернувшись к Холлу.

— С комнатой налажена двусторонняя связь.

Харри занял место рядом с окном.

— Привет. Вы нас слышите?

— Да, — сказал Гость.

Он говорил тихо, с присвистом, но довольно отчетливо. Пришелец спустился на пол и неуверенно встал у столика.

Суставы его ног — если их можно так назвать — были вывернуты, но не так, как на задних лапах собаки или лошади: у тех «колено» является аналогом человеческого запястья. Нижняя часть конечностей Гостя разделялась на три утолщения, каждое из которых к концу переходило в два плоских пальца. Сочленения — странной,

необычной формы. Своим полутораметровым ростом Гость был явно обязан длинным ногам, так как высота самого туловища, покрытого чем-то напоминающим кожу носорога, не превышала полуметра. «Макушка» вытянутой головы, выдвинутой вперед и держащейся на толстой короткой шее, опускалась на несколько сантиметров ниже того места, где начинались ноги. С каждой стороны туловища — по руке. Пришелец стоял, сложив верхние конечности так, как богомол складывает на груди лапки.

Харри нахмурился и покачал головой, на мгновение лишившись дара речи. Он отрицательно помахал рукой перед сомкнутыми губами, посмотрел на Артура и кашлянул.

— Мы не знаем, с чего начать разговор, — наконец нашелся Артур. — Мы очень давно ждем гостей из космоса.

— Да. — Пришелец склонил и поднял голову. Его ярко блестящие влажные глаза цвета хереса широко раскрылись. — Мне бы хотелось обратиться к вам с более приятными словами по случаю встречи.

— А что… гм, что именно вы хотите сказать? — спросил Харри.

— Вы родственники? — в свою очередь спросил

Гость.

— Родственники?

— Я неправильно выразился?

— Мы не члены одной семьи — не единоутробные братья, не отец и сын и… словом, не в родстве.

— Вы связаны социальными узами?

— Этот человек — мой начальник, — сказал Харри, указывая на Артура. — Он стоит выше меня по службе. Кроме того, мы друзья.

— Может, вы те же самые индивидуумы, что стоят у вас за спиной, но только в ином обличии?

— Нет.

— Значит, вы не способны изменять свою наружность?

— Нет.

— В таком случае… — Гость издал отчетливый свистящий звук, а на спине его между лопатками проступил гребень. Возле его глаз Артур не заметил ни рта, ни носа и предположил, что, обращенные к груди, они находятся на голове возле шеи — в части, соответствующей (если вообще возможно говорить о соответствиях) длинному «подбородку». — Я сообщу вам плохую новость. Вы занимаете высокое положение в вашей груп-

пе, в вашем обществе?

— Не самое… но да, безусловно, достаточно высокое, — сказал Харри.

— Весть, с которой я прибыл, опечалит вас. Она означает, что вам грозит беда. Я впервые заговорил об этом.

Снова раздался свистящий звук. Голова поднялась, и Артур обратил внимание на щели в ее нижней части.

— Если у вас есть возможность оставить планету — не медлите. Вашу Солнечную систему поразила болезнь. У вас не так-то много времени.

Харри придвинул стул поближе к окну. Гость, ковыляя боком, приблизился к толстому стеклу. Потом пришелец уселся на пол так, чтобы в окне виднелись его руки и голова. Три глаза, не отрываясь, смотрели на Харри, словно Гость стремился к откровенным доверительным отношениям или хотел выразить сочувствие…

— Наш мир обречен? — спросил Харри, многозначительно и, вместе с тем, естественно выделив последнее слово. Вопрос прозвучал без какой-либо мелодраматичности.

— Если я достаточно осведомлен о ваших технических возможностях, то — да. Вот в чем

заключается моя плохая новость.

— Нерадостное известие, — сказал Файнман. — Чем вызвана болезнь? Вы состоите в армии завоевателей?

— Завоевателей?.. Не уверен. Армия?

— Организованная группа солдат, воинов, разрушителей или оккупантов. Захватчики.

На минуту Гость застыл в молчании. Его можно было принять за статую, если бы не почти незаметное подрагивание гребня.

— Я — паразит. Случайный пассажир.

— Поясните, пожалуйста.

— Я — вошь. Не солдат и не строитель. Мой мир мертв. Его сожрали. Я прибыл сюда во чреве машины, пораженной машиной, пожирающей миры.

— Вы прилетели на космическом корабле?

— Не на своем. Не на нашем.

Гость сделал на последнем слове выразительное ударение.

— На чьем же тогда?

— Его предшественники созданы народом, обитающим далеко. Корабль самоуправляется. Он ест и воспроизводит.

От охватившего его чувства смятения, страха и необъяснимого гнева Артура пронизала дрожь.

— Я не понимаю, — сказал он, опережая новый вопрос Харри.

— Корабль — движущееся средство, которое разрушает звезды и, тем самым обеспечивает строителям беспрепятственный доступ в опустошенные миры. Он собирает информацию, обрабатывает ее, а потом пожирает звезду или планету и воспроизводит потомство. Это понятно?

— Да, но как вы очутились здесь?

— Ш-ш-ш… — произнес Харри, предостерегающе подняв руку. — Он только что объяснил. ОН путешествует зайцем. Это вошь.

— Это не вы поместили гору, корабль — или что бы то ни было — в пустыне? Так этот, гм, транспорт — не ваш? — спросил полковник Холл.

Очевидно, все сказанное Гостем явилось для военных такой же неожиданностью, как и для ученых. Молодой лейтенант Сенборн выглядел потрясенным.

— Не наш, — признал Гость. — Кораблю не нужно защищаться от нас. Мы не можем нанести ему вред. Мы жертвуем собой. — Он снова просвистел. — Мы выжили только для того, чтобы предупреждать других о скорой катастрофе, подобной той, что пережил наш мир.

— А где же пилоты, солдаты? — спросил Харри.

— Жизнь машины не похожа на вашу, — ответил Гость.

— Это робот? Автомат?

— Машина.

Харри отодвинулся назад вместе со стулом и потер лицо обеими руками. Гость, казалось, внимательно наблюдал за ним, но не переменил позу.

— Для машин такого рода есть несколько названий, — сказал Артур, обращаясь к полковнику Холлу. — Например, устройство фон Неймана — самовоспроизводящееся, не требующее управления извне. Фрэнк Дринкуотер полагает, что отсутствие таких машин доказывает: во Вселенной нет разумной жизни, кроме нашей.

— Он льет воду на мельницу дьявола, — отрезал Харри, не прекращая тереть переносицу. — Разве истинный ученый станет утверждать, что человеческий интеллект уникален?

Полковник Холл с болезненным выражением посмотрел на Гостя.

— Он говорит, что мы должны готовиться к войне?

— Он говорит… — сердито начал Харри, но тут же совладал с собой. — Он говорит, что у нас

не больше шансов уцелеть, чем у глыбы льда в адском пламени. Арт, ты читал больше научно-фантастических историй, чем я. Как звали того парня, который…

— Сейберхейген. Фред Сейберхейген. Он называл их «Неистовыми».

— Вы больше не обращаетесь ко мне, — заметил Гость. — Вы поняли суть моей информации?

— Думаю, да, — задумчиво проговорил Артур.

Они так и не задали вопросов, которые первым делом приходили на ум. Вероятно, они боялись услышать ответы. Он оценил, что Гость не продолжает беседу.

— Сколько времени нам осталось?

— Не знаю. Скорее всего, меньше одной орбиты.

Харри содрогнулся. У полковника Холла перехватило дыхание.

— Как давно ваш… приземлился корабль? — продолжал Артур.

Гость издал тихий свистящий звук и отвернулся.

— Не знаю. Не имею понятия.

Артур, не раздумывая, задал следующий вопрос:

— Не останавливался ли корабль на одной из

планет нашей солнечной системы? Это он разрушил спутник?

— Не знаю.

В комнате появился низкорослый, крепко сбитый, широкоскулый азиат — коротко подстриженный, с оспинами на лице. Артур сложил руки на коленях и уставился на него.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал вошедший.

Сенборн прочистил горло.

— Это полковник Туан Ан Пхань.

Пхань приветствовал ученых сдержанным кивком головы.

— Мне только что сообщили, что в Австралии опубликованы новые снимки с видеозаписей. Полагаю, это должно нас заинтересовать. Тамошние гости существенно отличаются от нашего.

«Инфонет Политикал Ньюс Форум», 6 октября 1996 года. Комментирует Фрэнк Топ:

«Как показывают результаты опроса общественного мнения, проведенного „Уорли Ньюс“, рейтинг президента Крокермена постоянно колеблется от 60 до 65 процентов. Такое положение со-

зраняется с июня и, по всей видимости, продлится до дня выборов. Политические гадалки в Вашингтоне сомневаются, что на пути президента к победе возникнут препятствия. Помехой, конечно, не станут ни стобиллионный дисбаланс в торговле между странами Тихоокеанского бассейна и дядюшкой Сэмом… ни загадочное происшествие в Австралии. Что касается меня, то я даже не ношу значков с портретом президента. Насожидаютскучныевыборы».

Quarens me, sedisti lassus

В помятой одежде, с блуждающим взором Хикс сидел в своем номере на стуле с прямой спинкой и просматривал файлы с собственноручной пометкой «УРА». В них содержались выжимки из информации, собранной в научных бюллетенях, которые он получил при помощи электронной почты. Вся операция обошлась в триста долларов, но это не волновало его. Он по-прежнему был возбужден.

Австралийская находка не оказалась журналистской уткой. На самом деле, в Большой пустыне Виктории был обнаружен массивный

предмет, напоминающий огромную глыбу красного гранита. Австралийское правительство хранило этот факт в секрете до тех пор, пока не произошла утечка информации из административных, военных и научных учреждений. В любой момент пресса грозила выйти из-под контроля. Эти события и, более того, связанные с ними пересуды и слухи снова и снова повторялись в сообщениях, собранных Хиксом через информационные сети. Ничего другого и нельзя ожидать, если правительство скрывает детали происшедшего.

Хикс как почетный член радиоклуба «21 см» мог свободно пользоваться бюллетенем «Регулюс», как правило, известным только астрономам. Просматривая обзорные и подробные сообщения, Хикс наткнулся на один абзац, озаглавленный «По слухам»: «Вот это радиолюбитель-фанатик! Неважно, как его зовут. Этот парень перехватил обрывки сигналов, посланных для „BBCI“ (должно быть, речь идет о президентском самолете, решил Хикс). В них говорилось о нашем собственном фантоме в Фернис-Крик. Глава государства направляется на запад, в Ванденберг. Неужели?..»

Вдумавшись в смысл прочитанного, Хикс нахмурился. Он поддерживал знакомство с

несколькими пилотами, служащими в Ванденберге. Имеет ли он право позвонить им и выяснить, не случилось ли что-нибудь на базе? Имеет ли он право упомянуть о «нашем собственном фантоме»?

Стук в дверь прервал его размышления. Он встал, но дверь распахнулась сама — вошла женщина с лицом азиатского типа, в зеленой блузке и широких брюках. Судя по ее позе, она открывала дверь спиной.

— Уборка, — объявила она, увидев Хикса. — Вы не против?

Хикс рассеянно оглядел комнату, утешая себя тем, что успел надеть халат. Обыкновенно он работал нагишом, выставив вперед голый живот и теребя седые волосы на груди — привычка старого холостяка.

— Пожалуйста, не сейчас.

— А когда же? — спросила она, улыбаясь.

— Скоро. Через час.

Горничная закрыла за собой дверь. Обхватив подбородок ладонью, Хикс шагал от зашторенного окна к ванной и обратно с ясным и по-детски простодушным выражением на лице.

— Я не могу сосредоточиться, — пробормотал он, включил телевизор, отыскал программу ноч-

ных новостей, потом уселся на край кровати.

В первый момент ему показалось, что он по ошибке попал на какой-то фильм. Три блестящих серебряных предмета, похожих на тыквенные бутыли, зависли над песком. Внизу стоял большой вагончик. Замысловатого вида антенна свидетельствовала об особо чувствительной аппаратуре, заключенной в нем. Сравнение парящих объектов с вагончиком позволяло определить размеры «бутылей». Длина каждой не превышала среднего роста человека. Хикс потянулся было к переключателю программ, но застыл, услышав обрывок фразы: «.. за четыре прошедших дня показали три механических устройства с дистанционным управлением, которые, по утверждению австралийского правительства, вылетели из замаскированного космического корабля. По официальным данным, ученые установили связь с этими устройствами».

Картинка со сверкающими бутылями и вагончиком сменилась типичной сценой пресс-конференции. Стройный тридцатилетний мужчина в коричневом костюме стоял на пластиковом подиуме и читал: «Мы связались с этими объектами и теперь можем утверждать, что они не живые существа, а только роботы, изготовленные

строителями корабля — уже доказано, что речь идет о корабле, — помещенного внутри скалы. Ход контакта анализируется и, хотя подробные сообщения появятся в печати позднее, уже сейчас совершенно ясно, что полученную информацию можно считать вполне позитивной, то есть, все, что мы узнали, не пугает и даже не настораживает».

— Проклятье! — воскликнул Хикс.

Снова на экране появился кадр с бутылями.

— Они летают, — почти крикнул Хикс. — Что держит их в воздухе? Продолжайте, ублюдки! Делайте свое дело и объясните, что там за чертовщина!

— После этого сообщения прослушайте комментарии мировых лидеров, включая мнение папы Римского…

Хикс сжал кулаки, выругался, пнул комод, на котором стоял телевизор и выключил звук. Он мог, конечно, потратить еще три сотни долларов и вновь влезть в информационную сеть, охотясь за сплетнями, или…

Был еще один вариант — завязать с беллетристикой и снова стать журналистом, чтобы срывать один за другим покровы с тайны. И, естественно, не в Австралии. Пишущая братия уже

давно обшарила Большую пустыню Викторию вдоль и поперек и проинтервьюировала каждую песчинку.

Смутное воспоминание о каком-то деле слегка охладило его пыл. Встреча, назначенная на это утро.

— Проклятье!

Одно-единственное слово точно выразило раздражение, охватившее Хикса, когда он понял, что забыл о предстоящей беседе по местному телевидению. Ему следовало появиться в студии пять часов назад. Впрочем, это не имело значения. Есть дела поважнее.

«Фернис».. Где, черт возьми, это находится? Судя по всему, недалеко от Ванденберга. Профессиональные интересы приводили его в Ванденберг: он освещал запуск шаттла на полярную орбиту, осуществленный совместно военными и гражданскими учеными. Хикс достал из портфеля карманный плейер, компакт-диск и подсоединил все к компьютеру. Он набрал код Атласа мира на справочном диске и просмотрел в указателе географических названий все слова на букву «Ф».

— Фернис, Фернис, Фернис, — бормотал он.

Искать пришлось недолго. Первый Фернис нашелся в графстве Арчилл в Шотландии. Затем

Хикс обнаружил Фернис в Кентукки и «Фернис, оз.» (что такое «оз.» — озеро?) в графстве Мейо в Ирландии. Фернис, Массачусетс… и Фернис-Крик, Калифорния. Он ввел в компьютер номер карты и координаты. Менее чем через две секунды Хикс изучал подробную цветную карту территории площадью в сто километров. Мерцающая картинка в левом нижнем углу изображала вид той же территории со спутника. Хикс внимательно изучал карту, пока на экране не появилась стрелочка и не проплыла к крохотной точке.

— Вот он. Фернис-Крик, — понял Хикс, улыбаясь.

Как раз на краю Долины Смерти и действительно недалеко от Невады. Но все же не так близко к Ванденбергу — между ними один штат. Хикс вставил дискету и запросил информацию Клуба автолюбителей Южной Калифорнии. Компьютер предоставил справку годичной давности: «1995, трехзвездочный отель „Фернис-Крик“, 67 номеров. Гольф, верховая езда. Удобное живописное месторасположение; вид на Долину Смерти».

Хикс задумался, отлично понимая, что факты противоречивы. Повинуясь всего лишь инстинкту, он поднял телефонную трубку, переключился на городскую сеть и спросил код Фернис-Крика.

Коды интересующего Хикса места и Сан-Диего, расположенного в сотнях миль к северо-востоку от Долины Смерти, совпадали. Покачав головой, журналист позвонил в справочную и спросил номер телефона отеля «Фернис-Крик». Автомат бесстрастно назвал цифры, и Хикс, посвистывая, записал их.

Телефон прозвонил трижды. В трубке звучал сонный голос, видимо, совсем юной девушки. Хикс снова взглянул на часы — в четвертый раз за десять минут, но впервые отметил про себя время. Тринадцать часов пятнадцать минут. Прошедшей ночью он не сомкнул глаз.

— Номер, пожалуйста.

— Я вас слушаю.

— Я бы хотел заказать номер на завтра.

— Сожалею, сэр, не могу помочь вам. Нет свободных мест.

— Могу ли я заказать столик в вашем ресторане?

— Отель закрыт на несколько дней.

— Большая туристическая группа? — поинтересовался Хикс, причем его улыбка расползлась до ушей. — Специальная броня?

— Я не могу вам ответить, сэр.

— Почему?

— Нам запрещено давать информацию по этому поводу.

Хикс представил, как девушка кусает себе губы.

— Спасибо.

Он повесил трубку и упал на кровать, внезапно почувствовав, что выдохся.

Кому же еще, как не ему, пойти по следу?

— Нельзя спать, — решил он и сел на кровати.

Хикс позвонил в отдел обслуживания и заказал кофе и плотный завтрак: ветчину, яйца — все, что есть в меню. Служащий предложил блюдо из трех яиц с ветчиной и сладким перцем — омлет по-денверски. Можно подумать, что свинину и сладкий перец не едят нигде, кроме как в Денвере. Хикс согласился и позвонил в находящееся на первом этаже бюро путешествий, телефонный номер которого он отыскал в справочнике отеля.

Агент бюро уверенно сообщила, что возле Фернис-Крика находится частная взлетно-посадочная полоса, но, тем не менее, ближайшее место, куда он может полететь коммерческим рейсом — это Лас-Вегас.

— Я луче следующим самолетом, — решил Хикс. Служащая назвала номер рейса (время вылета примерно через час), номер полосы на взлетном

поле в Линдберге и спросила, нужна ли Тревору машина.

— Конечно, если только я не вылечу оттуда сразу в нужное мне место.

— Нет, сэр. В том направлении есть только маленькие аэродромы; они не обслуживают пассажиров, желающих попасть в пригород. На машине вы доберетесь от Лас-Вегаса до Фернис-Крика за два-три часа, — сказала она и добавила: — В том случае, если вы ничем не отличаетесь от всех тех, кто ездит по пустыне.

— От психопатов, да?

— И от психопаток тоже, — коротко ответила женщина.

— Безумцы, все безумцы, — проворчал Хикс. — Я также хотел бы получить номер на ночь. Тихий. Чтобы ничто не отвлекало.

К тому времени, когда он доберется из Лас-Вегаса до Фернис-Крика, будет далеко за полдень, и ему не удастся попасть в Долину Смерти дотемна. Лучше всего выспаться, подумал он, а утром отправиться в путь.

— Позвольте мне зарегистрировать ваш заказ, сэр. Номер вашей кредитной карточки, пожалуйста? Вы проживаете в «Интерконтинентале»?

— Да. Я — Тревор Хикс.

Он продиктовал имя по буквам и назвал номер «Американ экспресс».

— Мистер Тревор Хикс? Писатель? — спросила женщина.

— Да, благослови вас Господь.

— Я слышала ваше выступление вчера по радио.

Хикс представил собеседницу в виде домашней белой крольчихи. Наверное, он несправедлив к «Кей-Джи-Би».

— Правда?

— Да, очень любопытно. Вы сказали, что пригласили бы пришельца домой, чтобы познакомить его с вашей мамочкой. Вашей матерью. Даже сейчас?

— Да, даже сейчас, — сказал он. — Я полон дружеских чувств по отношению к инопланетянам. А разве не все думают так же?

Служащая нервно рассмеялась.

— Если честно, я напугана.

— Я тоже, дорогая, — ответил Хикс.

Сладкий, блаженный испуг.

Харри стоял у окна, засунув руки в карманы и рассматривал Гостя. Артур в глубине комнаты беседовал с двумя офицерами, обсуждая, как лучше провести первый медицинский осмотр

пришельца.

— Мы не станем на этот раз входить к нему, — предложил Арт. — Есть фотографии, отснятые вами и… образцы кожи, которые вы взяли в первый день. Работы пока достаточно.

Харри почувствовал легкий приступ ярости.

— Идиоты! — процедил он сквозь зубы.

Гость, как обычно, лежал, завернувшись в одеяла и высунув наружу только «руку» и «ступню».

— Простите, что вы сказали, сэр? — поинтересовался дежурный офицер, высокий парень лет тридцати, с нордической внешностью.

— Я сказал «идиоты», — повторил Харри. — Образцы ткани!

— Я не присутствовал при этом, сэр, но должен заметить, что никто не знал, жив Гость или мертв.

— Бог с ними, — вступил в разговор Артур, махнув другу рукой: мол, уймись. — Уж если образцы есть, они могут оказаться полезными. Сегодня я собираюсь попросить Гостя предстать перед нашими объективами, чтобы он… оно…

— Оно… — подсказал Харри. — Забудь привычные представления!

— Я хочу сфотографировать его со всех сторон, в различных позах, в движении. Я также попрошу

его, чтобы он согласился подвергнуться дальнейшим исследованиям…

— Сэр, — сказал дежурный. — Мы обсуждали этот вопрос. Принимая во внимание опасность, о которой предупредил нас Гость, мы должны быть сверхосторожными.

— И что?

— Мы даем слишком много информации о себе: методы сбора данных об объекте в Долине Смерти, медицинские приемы, рентгеновские лучи — все это и многое другое может показать им, на что мы способны.

— Ради Бога, — простонал Харри, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Артура. — Они слушали наши передачи в течение десятилетий — кто знает скольких? Они знают о нас все, что только можно.

— Мы не уверены, что это действительно так. Из передач, рассчитанных на гражданское население, и уж, тем более, из военных радиограмм невозможно извлечь много информации.

— Уверяю вас, они видят нас насквозь. Наши возможности известны им хотя бы потому, что мы пользуемся теми же радиоволнами.

— Да, сэр, но…

— Мы учтем ваше предостережениие, лейте-

нант Дрейер, — сказал Артур, — но ничего не можем предпринять сейчас, пока не завершили исследование организма пришельца. Если необходим двусторонний обмен информацией — пусть будет так. Возможно, что Гость является ключиком к кораблю. Но чтобы воспользоваться этим ключом, нам надо хорошенько изучить его со всех сторон.

— Интересная идея, — признал Харри чуть слышно.

— Да, сэр, — сказал Дрейер. — Я должен поручить вам подготовку к визиту главнокомандующего. Мы в вашем распоряжении.

— Хорошо. А теперь давайте попробуем добыть кое-какие сведения у нашего визитера.

Артур прошел по наклонному полу и встал рядом с Харри, потом нажал на кнопку связи с комнатой Гостя.

— Простите, но я хотел бы продолжить расспросы и исследования.

— Слушаю вас, — сказал Гость, отбрасывая одеяла и поднимаясь в полный рост.

— В каком состоянии ваше здоровье? — спросил Гордон. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Не совсем хорошо, — сознался Гость. — Пища подходит мне, но она несытная.

Гость получил возможность выбрать из различных тщательно приготовленных «супов» подходящий для него. Первый же анализ ткани, взятый у пришельца, показал, что Гость, скорее всего, переваривает те же элементы, которые имеются в живых формах, обитающих на Земле. Вместе с едой Гость получал очищенную воду в лабораторных стаканах. Стальной поднос для испражнений, помещенный в дальнем углу, до сих пор оставался пустым. Гость ел аккуратно и без видимого аппетита.

— Попробуйте описать вещества, которые могли бы удовлетворить вас.

— В космосе мы находимся в спячке…

Харри отметил про себя слово «мы».

— … И в качестве питания мы использовали продукты, вырабатываемые машинами во время полета.

Артур нахмурился. Харри сосредоточенно стенографировал.

— Мне неизвестны названия веществ на вашем языке. Пища, которуювы мне даете, кажется, имеет много общего с нашей.

— Но она невкусная.

Гость не ответил.

— Мы бы хотели провести еще несколько ис-

следований, — сказал Артур, — но мы больше не собираемся брать образцы тканей для анализа.

Глаза Гостя пропали, потом появились снова. Он молчал и выглядел удрученным — если только мог испытывать удрученность и если тело пришельца изъяснялось на языке, подобном человеческому…

— Вам не придется страдать, — продолжал Артур. — Мы не хотим ни к чему принуждать вас.

— Трудности с речью, с пониманием, — сказал Гость. Одним легким движением он переместился в дальний правый угол. — Есть вопросы, которые вы не задаете. Почему?

— Простите. Что вы имеете в виду?

— Вы ничего не спрашиваете про внутренние мысли.

— То есть, про то, о чем вы думаете?

— Внутреннее состояние значительно важнее, чем физико-химический состав, не так ли? Или ваш интеллект устроен по-другому?

Харри взглянул на Артура.

— Ну, хорошо, — сказал он, откладывая в сторону блокнот. — Опишите свое внутреннее состояние.

— Смятение. Растерянность.

— Вы огорчены?

— Я растерян. Миссия выполнена. Наш путь окончен.

— Вы не… — Артур пытался подобрать простые слова. — Корабль улетит без вас?

— Вы задаете ненужные вопросы.

— А какие вопросы стоит задать? — Харри постукивал карандашом по подлокотнику. Гость не сводил глаз с руки ученого. — Какие вопросы стоит задавать? — повторил Файнман.

— Процесс разрушения. Гибель миров. Ваше место в общей схеме.

— Да, вы правы, — быстро проговорил Артур. — Мы действительно не спрашивали вас об этом. Мы ощущаем страх, негативную эмоцию, и мы не хотим знать правду. Возможно, это иррационально…

Гость высоко поднял «подбородок». На нижней части головы, напоминающей митру, проступили две щели и небольшая впадинка шириной в два дюйма.

— Негативная эмоция… — повторил Гость. — Когда же мы поговорим?

— Некоторые из наших руководителей, в том числе президент, присоединятся к нам завтра. Подходящий момент для дальнейших расспросов. Но, думаю, будет лучше, если сначала мы

выслушаем вас сами.

Артур испытывал беспокойство при мысли об информации, которая внезапно свалится на плечи Крокермена. Он не знал, как президент воспримет новости.

— Да, — согласился Гость.

— Вот наш первый вопрос, — начал Артур. — Что случилось с вашим миром?

Гость приступил к рассказу.

Offertorium

— Какая честь для вас, ребята, — заявила четырем своим подопечным стройная негритянка в серой блузке и широких брюках — новый дежурный офицер.

Эдвард Шоу сел на кровати и нахмурился.

— Сегодня вечером сюда приезжает президент. Он хочет побеседовать с вами и выразить свою признательность.

— Сколько времени мы пробудем здесь? — хрипло спросила Стелла Морган. Она прочистила горло и повторила вопрос.

— Понятия не имею, мисс Морган. Мы получили письмо от вашей матери. Оно — в выдвижном ящике, через который вы получаете еду. Мы можем передать любое послание от вас, если

только оно не содержит информацию о том, где вы находитесь и по какой причине.

— Она пытается надавить на вас, правда? — спросил Минелли.

Они говорили о матери Стеллы, Бернис Морган, несколько часов назад. Стелла не сомневалась, что к этому часу миссис Морган подняла на ноги половину юристов штата.

— Да, это так, — сказала дежурная. — У вас мать что надо, мисс Морган. Мы стараемся решить вашу проблему как можно быстрее. Лаборатории обрабатывают результаты анализов круглосуточно. До сих пор никакие чужеродные биологические вещества на ваших телах или на пришельце не обнаружены.

Эдвард снова улегся.

— Что здесь собирается делать президент? — спросил он.

— Хочет поговорить с вами. Это все, что нам известно о его планах.

— И посмотреть на инопланетянина, да? — поинтересовался Минелли.

Женщина улыбнулась.

— Когда вы собираетесь поставить в известность прессу? — спросил Реслоу.

— Боже мой, по мне — так хоть сейчас. Австра-

лийцы объявили обо всем, что у них произошло, а их случай еще загадочней, чем наш. У них там из скалы вылетели не кто-нибудь, а роботы!

— Что? — Эдвард свесил ноги с кровати. — И об этом сообщалось в новостях?

— Вам следует смотреть телевизор. Кроме того, читайте газеты. Мы кладем их в ящики для передачи пищи. Начиная с завтрашнего дня вы будете получать компакт-диски и плэйеры, подключенные к информационной сети. Мы не хотим, чтобы у президента сложилось впечатление, что вы лишены возможности следить за событиями.

Эдвард выдвинул ящик — коробку из нержавеющей стали, находящуюся в стене его палаты — и вытащил свернутую газету. Ни одного письма. Девушка, с которой он время от времени встречался в Остине, не ждет его раньше чем через месяц или даже два. С матерью он, как правило, подолгу не виделся и даже не звонил ей по телефону. Теперь Эдвард начинал сожалеть о своей ложной былой свободе. Он развернул газету и быстро просмотрел заголовки.

— Матерь Божья! Ты читаешь то же, что и я? — раздался голос Реслоу.

— Да, — сказал Эдвард.

— Они похожи на тыквенные бутыли, покры-

тые хромом.

Эдвард быстро перелистал газеты. Австралийские вооруженные силы приведены в состояние боевой готовности. То же положение — в военно-воздушных силах и флоте Соединенных Штатов (Не в армии? Почему же не в армии?). Запуски космических кораблей по неясным причинам отменены.

— Почему роботы? — недоумевал Минелли. — Отчего не существа, подобные тому, что найдено в Долине Смерти? Возможно, они выяснили, что не могут переносить атмосферные условия и жару, — предположил он, — потому и послали замену.

Звучало логично. Но если на Земле находилось два замаскированных корабля — собственно, почему замаскированных? — то обязательно появятся и другие.

— Может, это начало вторжения? — спросила Стелла.

Эдвард попытался припомнить сюжеты научно-фантастических телефильмов, кино и книг.

Мотивация. Ни одно разумное существо не совершит какой-либо поступок, не имея на то причин. Эдвард всегда сходился во мнении с теми учеными, которые считали Землю слиш-

ком маленькой и отдаленной планетой, чтобы привлечь предполагаемых космических путешественников. Конечно же, это не что иное как геоцентризм наоборот. Он с огорчением понимал, что недостаточно много читал о ПВЦ — поиске внеземных цивилизаций. Круг его научного чтения ограничивался вопросами геологии; он брал в руки «Сайентифик Американ» или даже «Сайенс» только в тех случаях, когда там была опубликована статья, интересующая его с профессиональной точки зрения.

Подобно большинству специалистов, Эдвард не мог похвастаться широким кругозором. Геология стала частью его существования. Теперь он сомневался, сможет ли когда-нибудь наладить личную жизнь. Даже если все четверо выйдут отсюда — а этот вопрос очень волновал его, — они станут знаменитостями. Их жизни невероятно изменятся.

Он выключил плэйер и вернулся к комиксам в лос-анджелесской «Таймс». Потом прилег на кровать и попытался уснуть. Но он уже достаточно выспался. Эдвард едва сдерживал закипающий гнев. Что сказать Крокермену? Может, вцепиться в прутья клетки и хорошенько потрясти их? И жалобно завыть? Вот самый подходящий ответ

президенту.

— Взгляните на это полотно, — пробормотал он, не заботясь, что кто-нибудь его услышит. — На нем запечатлена история.

— История! — закричал Минелли из своей палаты. — Мы вошли в историю. Неужели никто не трепещет от восторга?

Эдвард услышал, как Реслоу аплодирует — медленно и настойчиво.

— Требую встречи с моим доверенным лицом! — объявил Минелли.

Харри пробежал глазами план визита Крокермена, представленный службой президента, и их собственный план, аккуратно подколотый к папке пластмассовой скрепкой, и вздохнул.

— Горячая пора, — сказал он. — Ты привык к этому, а я нет. Охрана, следящая за каждым твоим шагом. Деловые встречи, расписанные с точностью до минуты.

— Я уже привык обходиться без этого, — заметил Артур.

Гордон и Файнман проживали в двухместном номере ванденбергского «Хилтона». Пилоты шаттлов устроились в прямоугольном вытянутом здании общежития для офицеров, в скромных комнатах без особых удобств.

Харри протянул Артуру документ и поежился.

— Скорее всего, я просто устал, — сказал он и откинулся на подушку.

Артур смотрел на него встревоженным взглядом.

— Не потому, что болен, — успокоил Харри. — Устал от мыслей. От проблем.

— Завтра будет очень трудный день. Ты уверен, что выдержишь? — спросил Артур.

— Уверен.

— Ладно. Сегодня вечером предстоит доложить обстановку президенту, его команде и членам Кабинета, сопровождающим его. Потом — участие во встрече Крокермена с Гостем.

Харри усмехнулся и покачал головой, выражая сомнение.

Артур положил бумаги на столик, стоящий между кроватями.

— Что он сделает, когда услышит слова пришельца?

— Господи, Арт, ты знаешь его куда лучше, чем я.

— Я не видел его до того, как меня уволили. Вице-президентом он всегда оставался в тени. Крокермен для меня — ребус. Ты прочел его план? Твое мнение?

— По-моему, он достаточно разумный человек, белая ворона в Белом Доме. Но с другой стороны, я ведь радикал. Не забудь, в трехлетнем возрасте я был коммунистом. Отец одевал меня в красные свитера…

— Я серьезно. Мы должны смягчить предстоящий удар. Президент, несомненно, будет в шоке, даже если помощники подготовят его… Увидеть Гостя. Услышать, как с его губ — или как это называется — срываются слова о том, что… Что Земля обречена. Агнец на заклание.

Настала очередь Артура усмехнуться. Он сделал это почти что свысока.

— Нет, — сказал он.

— Ты не веришь в это?

Артур уставился в потолок.

— Не чувствуешь ли ты подвоха во всей этой истории?

— Судьба всегда хитрит, — ответил Харри.

— Вопросы. Снова и снова вопросы. Почему корабль позволяет «вшам» оседлать себя и предупреждать планеты о гибели?

— Самоуверенность. Абсолютная вера в свои силы. И вера в нашу слабость.

— И это при том, что мы владеем ядерным оружием? — быстро спросил Артур. — Пилот

истребителя — и тот должен опасаться стрел туземцев где-нибудь в джунглях.

— Корабль наверняка имеет оружие и средства защиты, о которых мы и не предполагаем.

— Почему же тогда они не применили его?

— По крайней мере, они применили нечто, исключающее обнаружение радаром или спутником огромных каменных глыб, которые они опустили на Землю.

Артур согласно кивнул.

— Если только то, что управляло всей операцией, не было очень мало… Хотя это противоречит рассказам Гостя.

— Ну, хорошо. — Харри устроился поудобнее и прислонился к стене, предварительно засунув за спину подушку, свернутую валиком. — Я тоже не вижу смысла в их поведении. Вспомним о заявлении австралийцев — те утверждают, что их пришельцы пришли с миром. Та же самая армия захватчиков? Судя по всему, тактический прием. Окружили себя тайной. На одном корабле — «вши», на другом — нет. Один корабль высылает роботов в качестве своих представителей, другой хранит молчание.

— Мы еще не видели полного сообщения, поступившего из Австралии.

— Не видели, — согласился Харри. — Но до сих пор не создалось впечатления, что австралийцы не договаривают. Как же ты ответишь на мои вопросы?

Артур пожал плечами.

— Возможно, силы, которые стоят за пришельцами, невероятно разобщены, или непоследовательны, или просто издеваются над нами. Или же они раскололись на группировки и не могут договориться между собой. Не могут решить: сожрать Землю или нет.

— Да, — сказал Харри. — Ты считаешь, что Крокермен сделает публичное заявление?

— Нет, — ответил Артур, сцепив руки на животе. — Если президент это сделает, значит, он сошел с ума. Подумай о последствиях. Если он не дурак, то будет хранить молчание до самой последней минуты и постарается дождаться реакции на австралийское сообщение о «добром» корабле. Конечно, нам надо начинать бомбежку Долины Смерти прямо сейчас. — Артур принялся рассматривать картину с изображением четырех истребителей «Ф-104», взлетающих над Чайна-Лейк. — Сжечь весь район целиком. Действовать, не задумываясь.

— И разозлить их до умопомрачения, да? Если

они так невероятно самонадеянны, то, значит, понимают, что мы не способны причинить им вред. Даже при помощи ядерного оружия.

Артур уселся на стул спиной к окну и картине, висевшей над прикроватной тумбочкой. Высокотехничные истребители и бомбардировщики. Крылатые ракеты. Мобильная лазерная защита. Термоядерное оружие… Не лучше каменных топоров.

— Капитан Кук, — пробормотал он и прикусил нижнюю губу.

— О чем ты? — спросил Харри.

— Гавайцы умудрились убить капитана Кука. Он прибыл из страны, опережавшей их развитие, по крайней мере, на пару столетий. И все же они убили его.

— Какую пользу принесло им убийство?

Артур покачал головой.

— Никакую, полагаю. Вероятно, чувство глубокого удовлетворения.

Шестидесятитрехлетный президент Уильям Д. Крокерман, несомненно, мог считаться одним из наиболее привлекательных мужчин Америки. Черные волосы, тронутые сединой, проницательные зеленые глаза, резко очерченный, почти орлиный нос, добродушные морщины вокруг глаз

и носа могли принадлежать и почтенному главе корпорации, и доброму дедушке, обожаемому своими внуками-подростками. В личных беседах или выступая по телевизору, он всегда демонстрировал самоуверенность и язвительный ум. Ни у кого не возникало сомнений, что он относится серьезно к своей деятельности, но только не к себе самому. Он избрал такой имидж, и этот образ приносил ему победу за победой на выборах в течение всей его двадцатишестилетней карьеры на политическом поприще. Крокермен проиграл выборы только однажды: первые в своей жизни выборы, когда он баллотировался на пост мэра Канзас-Сити, штат Миссури.

Президент вошел в лабориторию изолированного хранения в сопровождении двух сотрудников секретной службы, помощника по вопросам национальной безопасности — худого, средних лет джентльмена из Бостона по имени Карл Маккленнан — и консультанта по науке Дэвида Роттерджека, отрешенно спокойного тридцатидевятилетнего человека. Артур знал высокого тучного светловолосого Роттерджека достаточно хорошо, чтоб ыуважать его должность, но не его самого. На посту управляющего несколькими биологическими лабораториями Роттерджек

продемонстрировал когда-то, что он гораздо успешнее руководит научными исследованиями, чем занимается ими.

Генерал Пол Фултон ввел группу в лабораторию и комнату для наблюдений. Генерал занимал должность командующего шестым пусковым центром при штабе управления запусками шаттлов на Западном побережье. Несмотря на свои пятьдесят три года, он, в прошлом футболист, все еще мог гордиться мускулистой шестифутовой фигурой.

Артур и Харри ожидали у занавешенного окна комнаты Гостя. Роттеджек представил их президенту и Маккленнану. После этого участники встречи были представлены друг другу по кругу. Крокермен и Роттерджек заняли места в первом ряду, Харри и Артур встали рядом.

— Надеюсь, вы понимаете, отчего я нервничаю, — сказал президент, обращаясь к Артуру. — С этим помещением связаны неприятные известия.

— Да, сэр, — согласился Гордон.

— Эти рассказы… утверждения… то, что говорил Гость… Вы верите в них?

— У нас нет оснований не верить, сэр, — сказал Артур. Харри согласно кивнул головой.

— А вы, мистер Файнман, что вы думаете об австралийском фантоме?

— Судя по тому, что я видел, господин президент, он является почти точной копией нашего. Наверно, этот объект больше, так как находится внутри скалы больших размеров.

— Но у нас нет ни малейшего представления о том, что скрывается в обеих скалах, не так ли?

— Да, сэр.

— Можем ли мы просветить скалу рентгеновскими лучами? Или частично взорвать ее и подобраться поближе к кораблю?

Роттерджек усмехнулся.

— Мы рассматривали множество способов изучения глыб, но не остановились ни на одном.

Артур почувствовал раздражение, однако кивнул.

— Я думаю, осторожность сейчас — самое главное.

— А что вы скажете о роботах? Две противоречивые истории… Люди моего поколения зовут таких существ Пузанчиками. Вы знаете, что это такое, господа?

— Название попадалось нам, сэр.

— Пузанчики несут добро. То же сказали и роботы премьер-министру Миллеру. Я говорил с

ним. Миллер не совсем доверяет пришельцам, или, по крайней мере, притворяется, что сомневается в них, но… он не видит причин держать общественность в неведении. Здесь у нас другой случай, так?

— Да, сэр, — согласился Артур.

Макклинан прокашлялся.

— Мы не можем предсказать последствия, если сообщим миру, что у нас есть пришелец, предрекающий близость судного дня.

— Карл скептически относится к любым планам предать происходящее огласке. Итак, что же мы имеем? Четырех человек, находящихся взаперти, наблюдателей в Шошоне и Фернис-Крике и недосягаемую скалу.

— Люди задержаны по другим причинам, — объяснил Артур. — Хотя следы биологического заражения и не обнаружены, мы не имеем права рисковать.

— Правда ли, что вы не нашли у Гостя никаких бактерий?

— Пока нет, — вступил в беседу генерал Фултон. — Мы продолжаем исследования.

— Короче, все идет не так, как мы предполагали, — рассудил Крокермен. — Ни сигналов из Коста-Рики, ни летающих тарелок, ни артилле-

рийских снарядов, взрывающихся в пустынях, ни выползающих изо всех углов спрутов.

Артур покачал головой, улыбаясь. Благодаря приятным манерам, Крокермен вызывал уважение и симпатию окружающих. Президент, подняв густую темную бровь, взглянул на Харри, потом на Артура, потом — мельком — на Маккленнана.

— Но это все же произошло.

— Да, сэр, — произнес Фултон.

— Миссис Крокерман сказала, что сегодня состоится самая важная встреча в моей жизни. И я знаю, она права. Но я боюсь, джентльмены. Мне нужно, чтобы вы помогли мне пройти через это. Помогли нам пройти через это. Мы справимся, не правда ли?

— Да, сэр, — мрачно подтвердил Роттеджек.

Остальные не ответили.

— Я готов, генерал.

Президент выпрямился на стуле и повернулся лицом к темной занавеске. Фултон сделал знак дежурному офицеру.

Занавеска поползла в сторону.

Гость стоял возле стола в той же позе, в какой Артур и Харри оставили его накануне.

— Привет, — сказал Крокермен.

Его лицо в тусклом освещении казалось мерт-

венно-бледным. Скорее всего, пришелец, благодаря своему чувствительному к яркому свету зрению, видел посетителей лучше, чем те его.

— Привет, — ответил Гость.

— Меня зовут Уильям Крокермен. Я — президент Соединенных Штатов Америки, глава наций той страны, где вы приземлились. Есть ли нации там, где вы живете?

Гость не ответил. Крокермен посмотрел на Артура.

— Он слышит меня?

— Да, господин президент.

— Есть ли нации там, где вы живете? — повторил Крокермен.

— Вы должны задавать только важные вопросы. Я умираю.

Президент растерянно откинулся на спинку стула. Фултон шагнул вперед, словно собираясь вклиниться в беседу, указать посетителям на дверь и избавить Гостя от дальнейшего напряжения сил, но Роттерджек преградил ему путь и покачал головой.

— У вас есть имя? — спросил президент.

— Его нельзя перевести на ваш язык. В основе моего имени лежит химическая терминология. Так звали многих, подобных мне.

— Есть ли у вас семья на корабле?

— Мы — одна семья. Все остальные погибли.

По лицу Крокермена струился пот. Он, не отрываясь, смотрел на лицо Гостя, на его три золотых глаза, которые, в свою очередь, уставились на президента.

— Вы сказали моим коллегам, нашим ученым, что корабль является оружием, которое разрушит Землю.

— Это не оружие. Это — мать новых кораблей. Машина сожрет ваш мир и создаст новые корабли, способные отправиться еще куда-нибудь.

— Я не понимаю вас. Вы можете объяснить?

— Задавайте вопросы по существу, — потребовал Гость.

— Что произошло с вашим миром? — не задумываясь, спросил Крокермен. Он успел прочитать стенограммы бесед с инопланетянином, но хотел услышать историю Гостя сам.

— Я не могу назвать свой мир или сказать, где он находился. Мы потеряли счет времени, прошедшего с тех пор, как мы покинули его. После многих лет безмятежного холодного сна мы смутно помним нашу планету. Первые корабли приземлились и спрятались внутри ледяных глыб, покрывающих долины одного из наших

континентов. Они воспользовались содержимым этих ледяных масс, а потом начали пробивать себе путь дальше. Мы и не подозревали о них. В конце концов, корабль, который вы видели — а он из нового поколения, — появился в центре города и остался там. Планета тряслась, а мы пытались что-либо предпринять. Вокруг простирался космос. Поблизости было несколько планет, но ни одна не привлекла нас, и мы не покинули наш мир. Мы знали способы выживания в космосе, даже в течение долгого времени, и построили дом внутри корабля, надеясь, что он покинет нашу планету до наступления конца. Но корабль не спас всех нас. Он поднялся до того, как оружие превратило наш мир в расплавленные камни, лаву и пар, и унес нас с собой. Но другие, насколько мы знаем, не выжили.

Крокермен кивнул и сложил руки на коленях.

— Что представлял собой ваш мир?

— Похож на ваш, только меньше по размерам. Много льда. Население — подобное мне, но не по форме, а по образу мышления. Много различных форм: кто-то плавал в холодных водах морей, образующихся в результате таяния льда, кто-то, как я, передвигался по суше, кто-то жил во льду. Все мыслили одинаково. За многие тысячелетия

мы сделали нашу жизнь такой, какой хотели, и жили счастливо. Свежий воздух был насыщен запахом родства. Везде, даже в отдаленных районах, покрытых толстыми льдами, ощущалось благоухание детей и родных.

Артур почувствовал комок в горле. На щеке Крокермена виднелся мокрый след, и он пытался заслонить лицо рукой.

— Они объяснили, почему разрушают ваш мир?

— Они не разговаривали с нами, — ответил Гость. — Мы догадались, что машины пожирают миры и что они не живые существа — просто машины без запаха, наделенные способностью мыслить.

— Общались с вами какие-нибудь роботы?

— Не понимаю.

— Небольшие механические устройства, — подсказал Роттерджек. — Разговаривали с вами? Успокаивали?

— Ничего подобного не помню.

Крокермен глубоко вздохнул и на секунду закрыл глаза.

— У вас были дети? — спросил он.

— Представители нашей разновидности не имели права обзаводиться детьми. У меня были

родственники.

— У вас осталась… так сказать, семья?

— Да. Родственники и учителя. Ледяные братья по связке.

Крокермен покачал головой. Слова пришельца ничего не говорили ему. По правде говоря, они мало значили для всех присутствующих. Многое из сказанного Гостем будет изучено позже, и возникнут новые и новые вопросы — если только Гость протянет достаточно долго, чтобы ответить на них.

— Вы выучили наш язык, слушая передачи с Земли?

— Да. Ваши радиосигнали привлекли пожирателей на эту планету. Мы слышали то, что воспринимали и собирали машины.

Харри сосредоточенно стенографировал, только карандаш поскрипывал.

— Почему вы не пытались сопротивляться машине? Например, разрушить ее? — спросил Роттерджек.

— Будь мы способны на это, машины никогда бы не пустили нас на борт.

— Самонадеянность машин, — процедил Артур сквозь зубы. — Неслыханная самонадеянность.

— Вы сказали, что находились в состоянии сна,

в спячке, — проговорил Роттерджек. — Как же вы могли изучать язык и в то же время спать?

Гость замер в молчании.

— Мы сделали это, — наконец сказал он.

— Сколько языков вы знаете? — спросил Харри, приготовившись записать ответ.

— Я говорю по-английски. Другие, оставшиеся внутри, знают русский, китайский, французский.

— Впрочем, это все не так важно, — тихо заметил президент. — Я как будто вижу страшный сон. Кто виноват в происходящем? — Он обвел комнату глазами, глядя на всех настойчивым пронизывающим взглядом. — Никто. Я не могу просто взять и объявить, что у нас гости из других миров, потому что люди захотят их увидеть. После сообщений из Австралии наши новости приведут только к панике и замешательству.

— Я не уверен, что мы долго сможем хранить тайну, — сказал Маккленнан.

— Как нам утаить правду? — Казалось, Крокермен не слышал никого, кроме Гостя. Он встал и приблизился к стеклу, мрачно вглядываясь в космического пришельца. — Вы принесли самую плохую весть, какую только можно представить. Вы утверждаете, что мы бессильны. Ваша… ци-

вилизация… наверно, достигла более высокой степени развития, чем наша. И она погибла. Ваша история приводит в ужас. Почему вы вообще беспокоитесь о нас?

— Иногда случается так, что силы равны, — ответил Гость. — Я устал. У меня осталось мало времени.

Генерал Фултон вполголоса беседовал с Маккленнаном и Роттеджеком. Последний приблизился к Крокермену и положил руку ему на плечо.

— Господин президент, мы не специалисты. Мы не знаем, какие вопросы наиболее существенны, и, очевидно, время поджимает. Мы должны закончить разговор и дать возможность ученым продолжить работу.

Крокермен кивнул, глубоко вздохнул, опустил веки. Когда он снова открыл глаза, они уже утратили выражение беспокойства и недоумения.

— Господа, Дэвид прав. Давайте заканчивать. Я бы хотел поговорить со всеми вами до того, как мы выйдем из здания. Но еще один вопрос. Он снова повернулся к Гостю. — Вы верите в Бога?

Не задумываясь ни на мгновение, Гость ответил:

— Мы верим в возмездие.

Крокермен был заметно потрясен. Чуть при-

открыв рот, он посмотрел на Артура и Харри и вышел из комнаты на ватных ногах. За ним последовали Маккленнан, Роттерджек и генерал Фултон.

— Что вы имели в виду? — спросил Харри, когда дверь закрылась. — Пожалуйста, поясните, что вы сейчас сказали.

— Подробности не важны, — произнес Гость. — Смертный приговор выносится миру за его несовершенство. Со смертью исчезают суета и ложь. А теперь — ни слова больше. Отдыхать.

Плохие новости. Плохие новости.

Эдвард очнулся от сна и уставился в белоснежный потолок. Его не оставляло ощущение, что умер близкий человек, и потребовалось несколько мгновений, чтобы вернуться в реальность.

Он не мог отчетливо вспомнить содержание сна. В голове путались сцены и образы, оттесняя неясную мысль, затаившуюся в подсознании.

Час назад дежурный офицер сообщил, что все они здоровы и что ни в их крови, ни на коже не обнаружены неизвестные бактерии. Врачи не нашли микроорганизмов даже у Гостя, кожа которого оказалась чистой, как первый снег. Странно.

В любой среде, как слышал Эдвард Шоу — если,

конечно речь шла о Земле, — всякое живое существо сопровождает сонм паразитических или симбиозных организмов. Они живут на коже, во внутренностях, в крови. Возможно, различные миры имеют различные экологические условия. Возможно, народ, к которому принадлежит Гость — откуда бы он не пришел, — приблизился к абсолютной чистоте: выжило самое целесообразное, лучшее — и никаких крошечных мутирующих гадов, вызывающих болезни.

Эдвард сел и налил в стакан воды из-под крана. Он пил большими глотками, и взор его блуждал по окну и занавеске. Медленно, но верно прежний Эдвард Шоу исчезал и на его месте появлялся новый человек, полный пессимизма и противоречий, злой, но сдерживающий гнев, испуганный, но скрывающий страх.

И тут он вспомнил свой сон.

Он присутствовал на собственных похоронах. Гроб стоял открытым, и, судя по всему, кто-то совершил ошибку, потому что в гробу лежал Гость. Траурной церемонией руководил министр в пурпурной мантии и с массивным медальоном на груди. Он тронул Эдварда за плечо и прошептал ему на ухо: «Действительно, плохие новости, не так ли?»

Никогда раньше Эдвард не видел подобных снов.

Раздался сигнал внутренней связи, и Шоу крикнул:

— Нет! Отстаньте. Я в порядке! Оставьте меня! Я не болен. Я не умер!

— Все нормально, мистер Шоу, — послышался голос Энис, стройной чернокожей дежурной, питавшей симпатию к Эдварду. — Продолжайте отдыхать и не отвечайте, если не хотите. Я не имею права отключить магнитофон, но что касается моего микрофона — это возможно.

Гнев отпустил Эдварда.

— О'кей, Энис. Просто я хочу знать, когда нас выпустят.

— Я и сама не в курсе, мистер Шоу.

— Ясно. Я вас не виню.

Он и в самом деле никого не винил: ни Энис, ни других дежурных офицеров, ни докторов или ученых, беседовавших с ним. Даже Харри Файнмана и Артура Гордона. Рыдания, теснившие душу, перешли в едва сдерживаемый смех.

— Так вы в порядке, мистер Шоу? — недоверчиво спросила Энис.

— »Я — жертва обстоятельств», — процитировал Эдвард лысого коротышку Керли из

комедийной труппы «Фри Студжис». Он нажал на кнопку и вызвал Минелли. Тот ответил, и Эдвард снова повторил ту же фразу голосом Керли. Вторя ему, Минелли издал: «Вууууп-хууп-ууп». К друзьям присоединился Реслоу, раздался смех Стеллы, и вскоре их хор стал звучать, как обезьянья стая. Верещание, щелканье языком, притоптывание — кем они были в тот момент, как не подопытными шимпанзе?

— Хей, у меня чешется под мышками, — объявил Минелли, — ей-богу, не вру. Энис подтвердит, что я чешусь. Может быть, мы найдем поддержку у Общества Друзей Животных или чего-нибудь в этом роде?

— Общества Друзей Геологов, — подсказал Реслоу.

— Друзей Деловых и Свободных Женщин, — добавила Стелла.

— Давайте, веселитесь, ребята, — проговорила Энис.

В восемь часов вечера Эдвард встал перед зеркалом, висевшим над раковиной.

— Прибывает президент, — пробормотал он. — Я не собираюсь голосовать за него, однако прихорашиваюсь, как школьница.

Рукопожатия, конечно, не предусмотрены.

Но все же президент бросит взгляд на Шоу, на Минелли, на Реслоу и Стеллу. Он увидит их — а это немало. Эдвард мрачно улыбнулся и внимательно рассмотрел зубы — не осталось ли во рту остатков пищи.

Министр обороны Отто Лерман появился в четверть восьмого. После получасовой беседы с ним и Роттерджеком — достаточно времени, чтобы собраться с мыслями, решил Артур — все отправились в лабориторию Ванденберга. В нее выходили окна четырех изолированных палат. Тем самым, только в большем масштабе, копировалась планировка центрального комплекса, где содержался Гость. Полковник Туан Ан Пхань стоял перед пультом связи с палатами.

Крокермен пожал руку доктору и внимательно осмотрелся.

— Военным бывает туго, когда им приходится иметь дело с гражданскими, да? — спросил он Пханя.

— Да, сэр, — ответил полковник. — Мы не ожидали, что придется держать у себя под замком население целого города.

возможно, Пхань пытался пошутить, но президенту было не до смеха.

— В самом деле, — сказал Крокермен, — весе-

литься не от чего.

— Вы правы, сэр, — подтвердил Пхань упавшим голосом.

Артур пришел ему на помощь.

— Лучше здешней аппаратуры не найти, господин президент, — заметил он.

После втсречи с Гостем Крокермен вел себя странно. Беседа навела их всех на печальные философские размышления, но президент, казалось, принял слова пришельца слишком близко к сердцу.

— Они слышат нас? — спросил Крокермен, кивнув на четыре двери.

— Пока еще нет, сэр, — последовал ответ.

— Хорошо. Я бы хотел привести в порядок мысли, особенно — перед разговором с дочерью миссис Морган. Мистер Лерман несколько задержался в Европе, но мистер Роттверджек ввел его в курс дела.

Лерман кивнул в знак согласия. Как ни старался, он не мог сдержать вздох. Артур много слышал о Лермане, о возвышении владельца огромных предприятий до главы Президентского Совета по связям с промышленностью. Два месяца назад он получил назначение на пост министра обороны, заменив известного своими хищническими

замашками ставленника Хемптона. По образу мышления он оказался близнецом президента.

— У меня вопрос к мистеру Гордону, — сказал Лерман.

Он многозначительно посмотрел на Артура и Харри, стоявших возле лабораторного столика для работы с микроорганизмами.

— Я вас слушаю.

— Когда военные получат вашу санкцию на исследование мыса Фернис?

— Не знаю.

— Это ваша сфера, Артур, — тихо напомнил президент. — Здесь вам принимать решение.

— Впервые слышу, — парировал Гордон. — Какого рода исследование вы подразумеваете?

— Нам бы хотелось обнаружить слабые стороны объекта.

— Но ведь неизвестно даже, что он из себя представляет, — вступил в беседу Харри.

Лерман покачал головой.

— Все считают, что мы имеем дело с замаскированным космическим кораблем. Вы согласны с этим мнением?

— Я не могу согласиться или не согласиться. Просто не знаю, — ответил Харри.

— Господа, — вмешался Артур. — Я полагаю,

сейчас не время для подобного обсуждения. Мы сможем вернуться к этому вопросу после беседы президента с четырьмя свидетелями и не раньше, чем увидим место происшествия.

Лерман утвердительно кивнул. В лабораторию вошел генерал Фултон с толстой пачкой бумаг в руках и сел, не сказав ни слова.

— Ну, хорошо, — сказал Крокермен. — Давайте посмотрим на них.

Из динамика внутренней связи раздался голос Энис.

— Ребята, сейчас вас ожидает встреча с президентом.

Жалюзи с легким шорохом раздвинулись и исчезли в стене, а за ними показалась прозрачная перегородка, приблизительно, два метра в ширину и один — в высоту. Через двойное стекло Эдвард увидел президента Крокермена в окружении нескольких человек, знакомых по телепередачам, и еще двоих, чьи лица ничего не говорили ему.

— Простите меня за вторжение, господа и вы, мисс Морган, — начал Крокермен с неглубоким поклоном. — Надеюсь, мы знаем друг друга, даже если формально не представлены. Это мистер Лерман, министр обороны, это мистер Роттер-

джек, мой советник по науке. Вы знаете Артура Гордона и Харри Файнмана? Нет? Они возглавляют специальную группу, изучающую, по моему поручению, ваши находки. Подозреваю, у вас есть причины для недовольства, о которых вы хотите сообщить мне.

— Рад встрече с вами, сэр, — раздался голос Минелли.

Крокермен повернул голову в другую сторону. Эдвард сообразил, что все палаты выходят в центральную лабораторию. На противоположной стороне в последнем окне он увидел бледное при свете люминесцентной лампы лицо Стеллы Морган.

— Я пожал бы вам руки, если б имел такую возможность. Пострадал каждый, кто замешан в этой истории, но вы — особенно.

Эдвард пробормотал что-то в знак согласия.

— Мы плохо понимаем, что происходит, господин президент.

— Мне доложили, что вы вне опасности. У вас не обнаружено никаких… гм… космических микробов. Откровенно скажу, вас держат здесь из соображений государственной безопасности, а не из-за физического состояния.

Теперь Эдвард понимал, отчего Крокермена

называют самым обаятельным президентом со времен Рональда Рейгана. Сочетание приятной наружности, манера держаться с достоинством, искренность — пусть и обманчивая — смогли поднять настроение даже у Эдварда.

— Мы беспокоимся за наши семьи, — сказала Стелла.

— Думаю, ваши родные осведомлены о том, что вам ничто не угрожает. Это так, генерал Фултон?

— Да, сэр.

— Мать мисс Морган, тем не менее, задала нам жару, — заметил президент.

— Хорошо, — кратко прокомментировала Стелла.

— Мистер Шоу, мы также сообщили о вас и ваших студентах Техасскому университету.

— Мы не студенты, а доценты, господин президент, — уточнил Реслоу. — Я не получил ни строчки из дома. Вы можете объяснить, почему?

Крокермен вопросительно посмотрел на Фултона.

— Вам никто ничего не посылал, — сообщил генерал, — а это мы не контролируем.

— Я только хотел навестить вас и показать, что о вас помнят и что вы не заключены сюда навсегда. Полковник Пхань доложил мне, что если в

течение еще нескольких недель у вас не найдут микробов, то не будет и повода держать вас здесь. А к тому времени… скажем, сложно предугадать, что останется секретом, а что нет.

Харри взглянул на Артура, вопросительно подняв бровь.

— Один вопрос, сэр, — сказал Эдвард.

— Слушаю?

— Существо, которое мы нашли…

— Мы называем его Гость, как вы знаете… — прервал Эдварда Крокермен со слабой улыбкой.

— Да, сэр. Гость сказал, что у него плохие новости. Что он имел в виду? Вы говорили с ним?

Крокермен побледнел.

— Боюсь, я не вправе ответить… Это может не понравиться, понимаю, но даже я должен иногда плясать под чужую дудку. А теперь я хочу задать вам вопрос. Вы первыми обнаружили гору, пепловый конус. Что показалось вам наиболее странным? Что поразило? Мне нужны ваши впечатления.

— Эдвард первым заподозрил что-то необычное, — вспомнил Минелли.

— А я никогда не видела эту гору, — добавила Стелла.

— Мистер Шоу, что удивило вас более всего?

— То, что горы не было на картах… И то, что она была… голой. Выглядела так, будто возникла совсем недавно. Ни растений, ни насекомых, ни нацарапанных надписей или рисунков, ни пчелиных ульев.

— Ни пчелиных ульев, — повторил, кивая, президент. — Спасибо. Мисс Морган, я собираюсь встретиться с вашей матерью. Что-нибудь передать ей? Что-нибудь, не вызывающее у нас возражений, конечно.

— Нет, благодарю, — ответила Стелла.

Молодчина, подумал Эдвард.

— Мне будет о чем поразмыслить после нашей встречи, — сказал, помолчав, Крокермен. — Как сильны духом американцы! Надеюсь, мои слова не звучат банально и не напоминают политический лозунг. Я просто думаю так. Именно сейчас мне необходимо увериться в нашей силе. Это очень важно для меня. Спасибо вам.

Он помахал рукой и вышел из лаборатории. Жалюзи, шурша, опустились на прежнее место.

7 октября

Над Долиной Смерти нависло свинцово-серое небо, воздух оставался по-утреннему прохладным. Вертолет президента приземлился на временной армейской базе в трех милях от псевдогоры. Два военных грузовика встретили прибывших и медленно повезли их сначала по асфальтированной дороге, потом по грунту, испещренному следами джипов. Затем дорога оборвалась, но машины, подпрыгивая и дребезжа, поехали дальше, объезжая редкие кустарники и деревья. Автомобили ползли по солеустойчивой траве, песку, сгусткам застывшей лавы и отполированным пустыней камням. Новоявленный конус возвышался ярдов на сто над тем местом, где они остановились — в конце белеющего на фоне пустыни оврага, в котором еще десять дней назад бурлила вода. По всему периметру горы стояли войска под командованием Элберта Роджерса из разведки. Роджерс, низкорослый жилистый человек с обветренным лицом встретил восьмерых — включая Гордона и Файнмана — посетителей у самого кордона.

— Мы ничего не предпринимали, — доложил

он. — Аппаратура для наблюдения установлена по другую сторону объекта. Разведывательный пост расположен на вершине. Уровень радиации нормальный. В начало туннеля, обнаруженного геологами, мы поместили сенсоры, закрепленные на шестах. Никто из наших людей не пытался проникнуть вглубь. Прикажите, и мы выполним это.

— Я высоко ценю ваше рвение, полковник, — сказал Отто Лерман, — и еще более ценю вашу осторожность и дисциплинированность.

Президент приблизился к северному склону горы в сопровождении двух телохранителей. Офицер морской пехоты, который отвечал за «футбол» — то есть носил чемоданчик с коммуникационной кодированной системой на случай военного или чрезвычайного положения, — остался у грузовика.

Роттерджек отстал на пару шагов, чтобы сделать несколько снимков своим «Хассельбладом». Крокермен не обращал на него внимания. Президента, казалось, не волновало ничто и никто, кроме таинственного утеса. Артура беспокоило выражение его лица: напряженное и, в то же время, немного отстраненное. Словно человек, предупрежденный о сменти кого-то из своих

близких, подумал Гордон.

— Вот место, где обнаружили пришельца, — объяснил полковник Роджерс, указывая на углубление в песке, скрытое в тени крупного куска лавы. Крокермен обошел вокруг валуна и опустился на колени перед ямкой. Он протянул руку и дотронулся до песка, на котором по-прежнему виднелись очертания Гостя. Артур остановил его.

— Мы все еще опасаемся заражения, — предостерег он.

— Эти четыре человека… — задумался Крокермен, не слыша слов ученого… — Я встречал деда Стеллы Морган тридцать лет назад в Вашингтоне, — пробормотал он. — Настоящий сквайр. Здоров как бык, хитер как черт. Хочется побеседовать с Бернис Морган. Возможно, я смог бы убедить ее… Я увижусь с ней завтра.

— Нам надо еще побывать в Фернис-Крик-Ресорте, а завтра — встреча с генералом Янгом и адмиралом Ксавьером. — Роттерджек взглянул на расписание. — Таким образом, большая часть утра занята. А в четырнадцать ноль-ноль вас будет ждать в Ванденберге самолет.

— Высвободите время для Бернис Морган, — распорядился Крокермен. — И никаких возра-

жений.

— Да, сэр, — согласился Роттерджек, доставая авторучку.

— Им бы очутиться здесь, со мной — этим трем геологам, — сказал президент.

Он поднялся и пошел прочь от валуна, вытирая ладони о брюки. Телохранители внимательно наблюдали за ним, сохраняя на лицах бесстрастное выражение. Крокермен взглянул на Харри, по-прежнему не выпускающего из рук черную записную книжку, и кивнул на конус.

— Вы знаете, зачем я встречаюсь с Янгом и Ксавьером?

— Да, господин президент, — ответил Харри, не дрогнув под пристальным взглядом Крокермена.

— Они спросят меня, не стоит ли забросать весь район ядерными бомбами.

— Уверен, такой вопрос будет поставлен, господин президент.

— Что вы думаете по этому поводу?

Харри задумался и свел брови на переносице.

— Ситуация загадочная, сэр. Концы не сходятся с концами.

— Мистер Гордон, можем ли мы с достаточной эффективностью противостоять этому? — Президент показал на гору.

— Гость утверждает, что не можем. Я склонен верить ему, сэр.

— Мы продолжаем называть его «Гость», с заглавной «Г», — сказал Крокермен. Пройдя двадцать ярдов, он остановился и повернулся, рассматривая западный склон. — Почему выбрали именно это имя?

— Голливуд уже использовал все подходящие названия, — заметил Маккленнан.

— Карл был фанатичным телезрителем, — доверительно сообщил Крокермен Артуру, — пока ему позволяло время. Он говорит, что телевидение дает ему возможность держать руку на пульсе общественной жизни.

— Это имя, скорее всего, звучит наиболее нейтрально, — объяснил Маккленнан.

— Гость сказал, что он верит в Бога.

Артур решил, что лучше будет не поправлять президента.

— Как я понял, — продолжал Крокермен с перекошенным лицом и безумным огнем в глазах, тщетно пытающихся глядеть спокойно, — мир, в котором обитал Гость, не был достаточно разумно устроен, и потому подвергся уничтожению… — Президент всматривался в лица Артура и других людей, внимающих ему, словно стараясь

найти признаки сочувствия или поддержки. Артур, слишком ошеломленный, чтобы ответить, молчал. — Если я прав, то те, кто заправляет разрушением нашей планеты, хотели бы заполучить нас в свой корабль-гору.

— Надо наладить более тесную связь с Австралией, — сказал Маккленнан, тряся крепко сжатым кулаком.

— Там происходит что-то совсем другое, не правда ли? — Президент отправился назад к грузовикам. — Думаю, я видел достаточно. Мои глаза не в состоянии извлечь истину из камней и песка.

— Взаимодействие с Австралией, — заметил Роттерджек, — означает необходимость информировать их о здешних событиях. Не уверен, что мы можем так рисковать.

— Есть вероятность, что мы — не единственные, к кому пожаловали фантомы, — сказал Харри, выделяя последнее слово с почти космическим выражением.

Крокермен остановился и повернулся к нему.

— Вы можете это доказать?

— Нет, сэр. Но мы попросили Управление национальной безопасности и некоторых членов нашей группы выяснить это.

— Каким образом?

— Сравнивая последние фотографии, сделанные из космоса, с более ранними снимками.

— Не один, не два… множество фантомов… — проговорил Крокермен. — Это уже не пустяк, не правда ли?

На подъезде к городку Шошоне — судя по карте, незначительному населенному пункту на перекрестке дорог — Тревор Хикс снизил скорость арендованного им белого «шевроле». В глаза ему бросилось бетонное здание, почти скрытое строем высоких тамарисков, и солидное белое строение, в котором располагались заправочная станция и бакалейный магазин. На противоположной стороне было кафе и — впритык к нему — небольшой домик с пивной рекламой, сверкающей неоновыми огнями в двух маленьких квадратных окошках. Надпись «Кроу Бар» в обрамлении мерцающих электрических лампочек указывала на находящийся здесь кабачок или пивной бар. Хикс питал особое пристрастие к провинциальным барам. Однако не похоже, что заведение, привлекшее его внимание, открыто.

Он подъехал к посыпанной гравием стоянке в надежде выяснить, стоит ли заходить в кафе. Хикс не доверял американским закусочным так

же сильно, как любил американское пиво, и не находил, что внешний вид кафе 0 или cafe, как гласила блеклая надпись — хоть слегка обнадеживал.

Было около пяти, и в пустыне становилось прохладно. Час или два отделяли его от темноты; ветер, предвещающий ночь, шелестел ветвями тамарисков, растущих за почтой. Утро и вечер прошли неудачно; Хикс чувствовал себя разбитым. Сначала в пятидесяти милях от Лас-Вегаса — поломка машины, взятой напрокат, потом — поездка на тягаче, хлопоты с арендой другой машины и, сверх того, разговор на повышенных тонах с агентом своего редактора, с которым он объяснялся по поводу срыва интервью… Проволочка за проволочкой. Он постоял возле машины, проклиная себя, затем решился и направился к стеклянной двери, расположенной справа. Оказалось, что она ведет в нечто вроде филиала местной библиотеки — две объемистые книжные полки в углу и низенький, словно предназначенный для детей, столик перед ними. Напротив — стойка, а за ней — книги и справочники, принадлежащие, судя по табличке, «Компании Чарльза Моргана». В большой отгороженной нише за левой дверью располагалась почта.

Помещение выглядело хотя и официально, но приветливо.

За стойкой перед компьютером сидела величавого вида женщина лет семидесяти пяти — восьмидесяти в джинсах и клетчатой блузке, с тщательно зачесанными назад волосами. Говоря в телефонную трубку, зажатую между плечом и ухом, она медленно повернулась и, заметив Хикса, подняла руку, прося посетителя набраться терпения.

Хикс подошел к книжным полкам.

— Да, Бонни, ни одного слова, — взволнованно сказала женщина чуть надтреснутым голосом. — Ни слова с тех пор, как пришло письмо. Ума не приложу, в чем дело. Эстер и Майк уволились. Нет, я справляюсь, но проблемы мало-помалу обступают меня со всех сторон.

Среди научных изданий Хикс увидел одну из своих ранних работ, посвященную спутникам связи. Сколько же лет прошло с той поры!?

— Это безумие! — продолжала женщина. — Сначала мы беспокоились из-за пестицидов, потом из-за опытной станции с ее повышенной радиацией, а теперь еще и это. Они запретили нам пользоваться морозильной камерой. Одного этого достаточно, чтобы напугать меня до смер-

ти. Вчера заходили Фрэнк и Тилли. Они были очень милы — так волнуются за Стеллу! Ну ладно, спасибо, что позвонил. Мне надо заканчивать работу. Да, Джек на складе, и он проводит меня к стоянке. Спасибо. До свидания.

Она опустила трубку и повернулась к Хиксу.

— Чем могу быть полезной?

— Я не хотел мешать вам. Меня привлекло кафе напротив. Вы советуете перекусить там?

— Я не тот человек, у которого надо спрашивать об этом.

— Простите, — вежливо пробормотал Хикс, — но почему?

— Потому что это мое кафе, — улыбаясь, ответила женщина и облокотилась на стойку. — Я суеверна. Мы подаем хорошую сытную еду. Именно сытную — таков наш принцип. Вы англичанин, да?

— Да.

— Направляетесь в Лас-Вегас?

— Только что оттуда. Держу путь в Фернис-Крик.

— Возможно, придется повернуть обратно. Там все кругом оцеплено. Шоссе перекрыто. Они просто не пустят вас.

— Ясно. Не известно, что там произошло?

— А как вас зовут? — спросила женщина.

— Хикс. Тревор Хикс.

— Я — Бернис Морган. Только сейчас я говорила о моей дочери. Ее задержали федеральные власти. Никто ничего не объясняет. Стелла сообщает, что в порядке, но не пишет, где находится. Мне не разрешают увидеть ее. Ну не безумие ли?

— Да, — согласился Хикс, почувствовав, что его бросило в жар.

— Я наняла адвокатов со всего штата и из Вашингтона, чтобы выяснить, что происходит. Может быть, власти думают, что имеют дело с людишками второго сорта, с пешками, которые можно переставлять туда-сюда? Они ошибаются. Мой муж был окружным инспектором. Отец — сенатором. А вот и я, готовая прожужжать все уши вам, Тревор Хикс. — Она запнулась и внимательно посмотрела на него. — Вы пишете научные книги?

— Да, так и есть, — подтвердил Хикс, гордый тем, что его узнали дважды за последние дни.

— Что привело вас в наши края?

— Интуиция.

— А если я спрошу, что именно подсказывает вам интуиция? — Безусловно, Бернис Морган, несмотря на приятный голос и доброжелатель-

ные манеры, обладала железным характером.

— Полагаю, я смог бы связаться с вашей дочерью. — Хикс решил говорить без обиняков. — Тоненькая ниточка ведет меня к Фернис-Крику. Именно там, очевидно, произошло некое чрезвычайное событие — достаточно чрезвычайное, чтобы привлечь президента в Фернис-Крик-Ресорт.

— Кажется, Эстер не так уж и истерична, — заметила миссис Морган.

— О ком вы?

— Служащая моего магазина. Она утверждает, что какие-то люди упоминали о МИГе, разбившемся в пустыне.

У Хикса упало сердце. Так вот в чем дело! Заурядное нарушение границы? И ничего общего с происшествием в Большой пустыне Виктории?

— А Майк — парень со станции обслуживания — говорит, что несколько человек подъехали к магазину в «ленд-крузере» и беседовали с моей дочерью. На заднем сиденье машины лежал сверток. Майк подсматривал, когда они проносили сверток через задний двор. Ему показалось, что в одеяле завернуто что-то зеленое. Мертвое, к тому же. А потом приходят представители властей и разбрызгивают это ужасное вещество по всему

моему морозильнику, закрывают его и запрещают им пользоваться… Мы потеряли мяса на пять тысяч долларов. Они забрали все мясо с собой — мол, оно испорчено. Мол, продукты заражены сальмонеллой.

Хикс вновь загорелся, повинуясь интуиции.

— А где вы были в то время?

— В Бейкере, в гостях у брата.

От Бернис Морган, несмотря на ее возраст, так и веяло решимостью. Она не производила впечатления чопорной старухи, ни «серой» личности. Хикс менее всего ожидал встретить такой тип женщины в маленьком американском городке, расположенном в пустыне. Если бы не манера говорить, Хикс мог принять Бернис за престарелую жену английского лорда.

— Давно отсутствует ваша дочь?

— Полторы недели.

— И вы уверены в том, что ее забрали представители федеральных властей?

— Военно-воздушных сил, как мне сказали…

Хикс нахмурился.

— Слыхали о каких-нибудь непонятных событиях в районе… точнее, вокруг отеля «Фернис-Крик»?

— Только то, что он временно закрыт. Я звонила

туда, но ничего не добилась. С сегодняшнего дня с отелем нельзя связаться по телефону.

— Вы думаете, ваша дочь там?

— Но это возможно, не так ли?

Хикс покусал губы.

— Не думаю, что ее задержали только для того, чтобы президент обсудил с ней проблемы бизнеса. — И Бернис скептически подняла бровь.

Старый, видавший виды, заляпанный грязью и гравием «форд» свернул с дороги и направился к стоянке. Из кузова выпрыгнули два парня в соломенных ковбойских шляпах. Еще двое молодых людей — один из них бородатый, с брюшком, в слишком больших солнечных очках — показались в дверях кабины. Все четверо вошли в здание библиотеки. Бородач кивнул Хиксу и приблизился к миссис Морган.

— Мы объездили все вокруг. Дороги все еще перекрыты. Джордж не покидает своего поста. Но пока от нас не очень много пользы.

— Джордж — один из патрульных нашего отряда, — объяснила миссис Морган Хиксу. — Ребята наблюдают за шоссе.

— Рон думает, что его Лиза все еще в Фернис-Крике, — продолжал бородатый. Худой юноша с коровьими глазами устало кивнул. — Мы хотим

полететь туда на самолете и выяснить, что там за чертовщина.

— А вдруг вам не разрешат сесть? — предположила миссис Морган. — Не уверена, что вы приняли правильное решение, Митч.

— Правильное, черт возьми. Я никогда не позволял эти парням из правительства помыкать собой. Киднэппинг и блокирование общественных дорог без всяких причин! Пора принимать меры. — Митч уставился на Хикса, разглядывая его замшевую куртку, широкие брюки и кроссовки. — Мистер, мы незнакомы.

Миссис Морган пришла на помощь.

— Митч, это мистер Тревор Хикс. Мистер Хикс, Митч Моррис. Он занимается ремонтом машин и возит пропан.

— Рад встретиться с вами, мистер Хикс, — официальным тоном сказал Моррис. — Вы интересуетесь нашим делом?

— Он писатель, — объяснила Бернис. — Знаменитый, к тому же.

— У меня появилось подозрение, что возле Фернис-Крика что-то происходит — настолько важное, что прилете президент.

— Президент? Вы имеете в виду… из Белого Дома?

— Точно.

— Он считает, что Стелла, возможно, в Фернис-Крике, — сказала миссис Морган.

— Тем больше причин полететь туда и разнюхать все на месте, — заметил Митч. — «Команче» Фрэнка Форреста готов к вылету. В нем пять мест. Мистер Хикс, хотите полететь с нами?

Тревор понял, что рискует серьезно влипнуть. Миссис Морган не умолкала, предостерегая, но Моррис лишь вежливо поддакивал ей. Он уже принял решение.

Иной возможности увидеть своими глазами, что происходит в Фернис-Крике, у Хикса не будет. Если он проявит благоразумие и откажется от предложения Морриса, его остановят на дороге, как и всякого другого.

— Не слишком ли много людей набирается? — поинтересовался писатель.

— Бенни не летит, он плохо переносит самолет.

Хикс судорожно вздохнул.

— Ладно, — согласился он.

— Это не так далеко. Несколько минут туда и обратно.

— Не нравится мне ваша затея. Не стоит идти на риск ради Стеллы, — сказала миссис Морган. — Я

ищу другие пути. Не будьте дураками и…

— Обещаем — никаких героических усилий, никаких дерзких вылазок, — уверил ее Моррис. — Пойдемте, мистер Хикс…

Никогда в жизни он еще не поступал так глупо. Колеса «Пайпер Команче» оторвались от земли, и двухмоторный самолет поднялся в воздух, оставляя асфальтированную взлетную полосу и ангар, обшитый рифленым железом, далеко позади и далеко внизу.

Митч Моррис обернулся к Хиксу и Рону Флэггу, сидящим сзади. Пятидесятипятилетный Фрэнк Форрест, такой же здоровяк, как и Моррис, круто накренил самолет и повел его на восток, потом, едва пассажиры успели перевести дыхание, заложил новый вираж. Моррис вцепился огромной мозолистой рукой в Форреста.

— Все нормально? — спросил он Хикса, мельком взглянув на Рона.

— Отлично, — крикнул Хикс, ощущая непонятный привкус во рту.

— А ты, Рон?

— Не то чтобы слишком хорошо, — сказал Флэгг и вытер пот с побледневшего лица.

— Фрэнк — мастер своего дела. Летал в Корее во время войны. Его отец прикрывал десантни-

ков с воздуха в Мидуэе. Он там и погиб, правда, Фрэнк?

— Те проклятые самолеты — летающие гробы, — пробурчал Форрест.

Хикс почувствовал, как «Команче» задрожал в восходящем воздушном потоке над низким холмом. Они летели на высоте пятьсот футов и в окрестностях Шошоне чуть не врезались в гору, покрытую пеплом. У пассажиров перехватило дыхание.

— Надеюсь, вы не считаете нас очень легкомысленными? — спросил Моррис.

— Боже упаси! — сказал Хикс, сдерживая рвотные спазмы.

— Мы многим обязаны миссис Морган. И Стеллу мы любим, и Лиза — отличная девчонка. Мы хотим быть уверенными, что девушки в порядке, где бы они ни находились. Не дай Бог, их похитили и используют на невадской испытательной станции как морских свинок?

Хикс не мог понять, предположение это или одна из возможных причин исчезновения девушек.

— Что же, по вашему мнению, произошло в Фернис-Крике? — спросил Форрест. — Майк говорит, что они обнаружили русского пилота. Вы

здесь для того, чтобы навести о нем справки?

— Я не думаю, что суть происходящего — в этом.

— А в чем же тогда? Что заставило старину Крокермена появиться тут?

Хикс представил себе, как отнесутся его спутники к сообщению о визите из космоса. Он начинал почти что симпатизировать правительству в его усилиях сохранить в тайне калифорнийский феномен.

Тем не менее, в Австралии полно таких же людей: сильных духом, находчивых, отважных, но не отличающихся ни богатым воображением, ни тонким умом. Почему же тогда правительство Австралии доверяет свои секреты народу и почему это не делается в Соединенных Штатах?

— Трудно утверждать что-либо, — сказал он. — Я примчался сюда, движимый чистой интуицией. Простым подозрением.

— Подозрения никогда не бывают простыми. — Форрест резко обернулся. — Вы умный человек. Без веской причины вы бы не появились в наших краях.

— Миссис Морган считает вас важной персоной, — добавил Моррис.

— Ну…

— Вы доктор? — поинтересовался Флэгг с таким видом, будто срочно нуждался в медицинской помощи.

— Вообще-то, я доктор биологии, но я не врач, а писатель.

— У нас в Шошоне сколько угодно ученых со степенью, — похвастался Моррис. — Геологи, археологи, этнологи. Изучают индейцев. Иногда эти люди заходят в «Кроу Бар» и заводят разговоры. Мы не просто какие-нибудь ящерицы из пустыни.

— Я так и не думал, — отозвался Хикс. О, Боже!

— Все нормально. Фрэнк, как дела?

— Приближаемся к Фернис-Крику.

Хикс заглянул в иллюминатор и увидел желтовато-коричневый и белый песок, редкий кустарник, грязные дороги и грузовики. Потом он увидел шоссе. Форрест опять накренил самолет. Желудок Хикса на этот раз повел себя примерно, но Флэгг застонал.

— Есть здесь пакет? — спросил он. — Умоляю!

— Ты выдержишь, — подбадривал его Моррис. — Фрэнк, повремени с высшим пилотажем!

— Как вам угодно, — согласился Форрест.

Он заложил такой вираж, что Хикс увидел прямо перед собой группу зданий, разбросан-

ных среди камней бронзового цвета, заросли деревьев и низкие холмы. Были отчетливо видны площадка для гольфа за пустырем, тонкая линия взлетно-посадочной полосы, заасфальтированная площадка, забитая легковушками и грузовиками, и поднимающийся в воздух зеленый двухместный армейский вертолет «Кобра».

— Проклятье! — бросил Форрест, резко поворачивая штурвал.

Двигатели самолета взвизгнули, и «Команче» повернулся вокруг своей оси, словно лист под порывом ветра.

Вертолет пристроился к их машине и держался рядом, невзирая на акробатику Форреста. Флэгга стошнило. Рвотные массы брызнули в сторону Хикса и, казалось, ожили, пузырясь и бурля в воздухе. Хикс в смятении вытер лицо. Моррис вскрикнул и чертыхнулся.

«Кобра» искусно сманеврировала и полностью завладела инициативой. Второй пилот в военной форме и каске жестом приказал с заднего сиденья, чтобы самолет шел на посадку.

— Где ваше радио? — спросил Хикс. — Включите его. Пусть они свяжутся с нами.

— Пошли они к дьяволу! — крикнул Форрест. — Я должен знать…

— Черт возьме, Фрэнк! Они расстреляют нас, если мы не послушаемся, — сказал Моррис, при этом его борода устремилась вверх, потом вниз — синхронно с рывками самолета.

Второй пилот «Кобры» продолжал педантично показывать на землю. По шоссе сновали зеленые автомобили и закамуфлированные грузовики.

— Нам лучше приземлиться, — согласился Форрест.

Он оторвался от вертолета, развернул «Команче», потом неожиданно быстро снизился и посадил самолет на серую асфальтированную полосу. При этом машину, по крайней мере, четыре раза здорово тряхнуло.

Рвота подступила к горлу едва сдерживающегося Хикса. К тому времени, как люди в серых и коричневых костюмах (наверное, сотрудники секретной службы, подумал Хикс) и военная полиция в синей форме окружили самолет, Хикс справился с состоянием тошноты. Флэгг ушиб голову и лежал, оглушенный, в кресле.

— Черт возьми! — проговорил Моррис, выглядевший на редкость потрепанным.

Артур, сутулясь больше обычного, шел по каменному полу коридору отеля. Он едва глядел по сторонам и не обращал внимания на стены,

отдаленные сырцом и белые, черные и серые ковры работы индейцев-навахо, висевшие над старинными сервантами. Он постучал в дверь номера Харри и сделал шаг назад, спрятав руки в карманы. Харри открыл дверь и нетерпеливым жестом пригласил друга войти. Потом Файнман вернулся в ванную комнату, чтобы закончить бритье. Через час ученым предстояло принять участие в обеде с президентом в просторной гостиной отеля.

— Он тяжело реагирует на происходящее, — сказал Артур.

— Крокермен? Этого следовало ожидать.

— Я надеялся на его силу воли.

— Мы все словно под прицелом.

Артур посмотрел на широко распахнутую дверь в ванную.

— А как ты себя чувствуешь?

Харри вышел со следами крема на лице. Чтобы лучше выбриться, он оттягивал ухо вверх.

— Достаточно хорошо, но через два дня мне надо отбыть на лечение. Я предупреждал.

Артур кивнул.

— Нет проблем. Твой отъезд запланирован. Президент улетает через день. А завтра он встречается с Ксавьером и Янгом.

— А что потом?

— Переговоры с Австралией. Они показывают нам свою находку, мы им — свою.

— А потом?

Артур пожал плечами.

— Не исключено, что наш «фантом» лжет.

— Если ты спросишь меня, — сказал Харри, — то…

— Я знаю. Паршивая история.

— Но Крокермен проглотил наживку. Слова пришельца подействовали на него. Янг и Ксавьер посетили место происшествия… О, Боже! — Харри вытер лицо полотенцем. — Все оказалось не так, как я думал. Дело дрянь. Всю жизнь так. Мы радовались, а теперь мы в ужасе.

Артур поднял руку.

— Догадайся, кто был в том самолете вместе с тремя местными парнями?

Харри недоуменно заморгал.

— С какой стати мне знать?

— Тревор Хикс.

Харри уставился на друга.

— Ты шутишь!

— Теперь президент изучает его книгу, весьма актуальную в данной ситуации. И это не простое совпадение. Крокермен, очевидно, считает

повесть подходящим научным материалом. Местные, выслушав строгую нотацию, вернулись в Шошоне, Хикс же приглашен на сегодняшний обед.

— Нелепость! — бросил Харри, выключив свет в ванной и снимая рубашку со спинки кровати. — Он ведь журналист.

— Крокермен хочет переговорить с ним. Выслушать еще одно мнение.

— Ему что — не хватает мнений?

— Я в последний раз видел Хикса, — пробормотал Артур, — три года назад в Корнеле.

— А я не знаком с ним, — сказал Харри. — Но хотел бы.

— Теперь у тебя есть шанс.

Через несколько минут Артур покинул комнату Файнмана. У него было тяжело на сердце. Он чувствовал себя, как обиженный ребенок. Только недавно он надеялся получить шикарный рождественский подарок — чудесную весть, полную надежд на необыкновенное завтра, на счастливое будущее родной цивилизации, расцветающей в окружении иных миров. Но может случиться так, что уже к Рождеству Земля прекратит существование.

Он глубоко вздохнул и выпрямился, не в пер-

вый раз пытаясь физическим усилием унять душевную боль.

Старания поваров и официантов увенчались торжественной трапезой в белом зале с колоннами, отделанными медью. Подавали отличную грудинку, дикий рис и салаты. Зелень несколько подвяла из-за длительных перерывов между блюдами, но, в основном, еда оказалась вполне терпимой. За прямоугольным столом, составленным из четырех небольших столиков, собрались основные действующие лица операции «Фернис». Тревор Хикс держался так, будто он всю жизнь только и делал, что обедал с президентами.

Я вытащил козарную карту, думал Хикс, пока Крокермен и министр безопасности входили и занимали места. Сотрудники секретной службы обедали за маленьким столиком возле входа в банкетный зал.

Хикс сидел напротив Лермана и рядом с президентом. Последний радушно приветствовал писателя кивком головы.

— Эти люди хорошо поработали, не так ли? — спросил президент, когда с закусками было покончено.

По негласному соглашению все разговоры за обедом касались незначительных, а то и вовсе

пустяковых проблем. Официанты подали кофе в старинном, с виду, много раз использовавшемся серебряном кофейнике, разлили его по фарфоровым чашечкам и разнесли гостям. Харри отказался от кофе. Артур бросил в чашку два кусочка сахара.

— Вы знакомы с мистером Файнманом и мистером Гордоном? — поинтересовался Крокермен, когда они откинулись на спинки стульев с чашками в руках.

— Я слышал об их заслугах и однажды встречался с мистером Гордоном, когда он работал в руководстве ОКС, — сказал Хикс. Он улыбнулся Артуру, словно только что заметил его.

— Не сомневаюсь, наши люди поинтересовались причинами, побудившими вас рваться в отель «Фернис-Крик»?

— Очевидно, существует какая-то плохо скрываемая тайна, связанная с происходящими здесь экстраординарными событиями, — объяснил Хикс. — Я действовал по наитию.

Президент снова улыбнулся невеселой, почти обескураживающей улыбкой и покачал головой.

— Я удивлен, что оказался здесь, — продолжал Хикс, — после не слишком гостеприимного приема на аэродроме. И я потрясен встречей с

вами, господин президент, невзирая на то, что я догадывался о вашем присутствии в этих краях. Я пришел к этому предположению путем логических заключений, о которых уже рассказывал представителям армии и секретной службы. Можно сказать, я потрясен тем, что интуиция не подвела меня. Так что же здесь происходит?

— Я не уверен, что мы можем открыть вам тайну. Я не уверен, не ошиблись ли мы, пригласив вас на обед, мистер Хикс; и, безусловно, остальные сидящие за этим столом, еще больше сомневаются в целесообразности приглашения. Не так ли, мистер Гордон? Вы не возражаете против участия в обеде писателя, репортера?

— Мне это представляется странным, но я не возражаю.

— Я думаю, мы все потеряли точку опоры… — сказал Крокермен. — Я хотел бы поразмыслить над мнением постороннего человека.

Харри подмигнул Артуру без намека на иронию.

— Я словно блуждаю в потемках, сэр.

— Почему, с вашей точки зрения, мы собрались здесь?

— Я услышал — не спрашивайте, каким образом, все равно не скажу, — что тут обнаружено

таинственное существо. Я догадываюсь, что это может быть связано с находками в Большой пустыне Виктории.

Маккленнан прикрыл глаза ладонью и затряс головой.

— Незашифрованное сообщение, переданное «Эйр Форс I». Их всех следует расстрелять.

Крокермен выслушал советника и махнул рукой. Он вытащил из кармана сигару и жестом пригласил всех закурить. Собравшиеся вежливо отказались. Президент зажал сигару в зубах и щелкнул старинной серебряной зажигалкой.

— Полагаю, у вас есть разрешение на посещение военных баз и исследовательских лабораторий?

— Да, — сказал Хикс.

— Тем не менее, вы не гражданин Соединенных Штатов.

— Вы правы, господин президент.

— Благонадежен ли мистер Хикс, Карл? — обратился Крокермен к Маккленнану.

Советник по национальной безопасности покачал головой, поджав губы.

— За исключением того, что он иностранец, к его досье не придерешься.

Лерман наклонился вперед и произнес:

— Господин президент, я считаю, разговор

следует закончить. Мистер Хикс не имеет официального допуска к секретным материалам и…

— Черт возьми, Отто, Хикс — умный человек. Мне интересно знать его мнение.

— Сэр, мы можем найти множество различных специалистов, чтобы вы побеседовали с ними, — сказал Маккленнан. — Но не приведет ли подобная тактика к нежелательным результатам?

Крокермен пристально посмотрел на Маккленнана, сжав губы.

— Сколько времени осталось до того, как враг разнесет Землю на куски?

Кровь прилила к лицу советника.

— Неизвестно, господин президент.

Хикс выпрямился и оглядел сидящих за столом.

— Прошу прощения, — сказал он, — но…

— Карл, — продолжал Крокермен, — по-моему, нежелательные результаты появляются, если слишком много времени уделять бюрократическим формальностям и расточительно относиться ко времени.

Маккленнан с мольбой посмотрел на Лермана. Тот поднял обе руки.

— Мы подчинаемся вам, сэр, — сказал он.

— Не считая некоторых аспектов, да, — раздраженно заявил Крокермен. — Я решил доверить мистеру Хиксу нашу тайну.

— Мистер Хикс, если можно так выразиться, гений информации, — заметил Роттерджек. — Он никогда не занимался научными исследованиями, он известен только как журналист и писатель. Я поражен, сэр, что вы отдаете привилегии журналисту.

Глаза Хикса сузились, но он промолчал. На лице Крокермена вновь появилась кроткая мечтательная улыбка.

— Вы закончили, Дэвид?

— Я замолчу в любой момент, сэр. Я согласен с Карлом и Отто. Мы совершаем ошибку, за которую придется расплачиваться.

— Я спросил, закончили ли вы.

— Да, сэр.

— Тогда позвольте мне повторить. Я решил посвятить мистера Хикса в нашу тайну. Надеюсь, что его допуск к секретным материалам будет оформлен без проволочек.

Маккленнан старался не смотреть на президента.

— Я начну заниматься этим в ближайшее время.

— Отлично. Мистер Гордон, мистер Файнман, я ни в коем случае не выражаю сомнения в ваших профессиональных качествах. Вы не против мистера Хикса?

— Нет, сэр, — сказал Артур.

— Ничего не имею против журналистов и писателей, — заметил Харри. — Вне зависимости от того, что повесть Хикса кажется мне неудачной.

— Хорошо. — Крокермен задумался на несколько секунд, затем кивнул и продолжил: — Я помню, что мы отклонили кандидатуру Дюпре, предложенную Артуром, потому что не хотели пользоваться услугами иностранных ученых. Надеюсь, вы не будете ничего иметь против некоторой непоследовательности наших действий… Мы действительно обнаружили таинственное существо, мистер Хикс. Оно оказалось пришельцем из космоса. Мы зовем его «Гость». Гость — живой организм, не робот, не машина. И он рассказал, что совершил космическое путешествие из своего мира в наш. Но…

Президент пересказал Хиксу почти все и даже упомянул о своем отношении к страшному предостережению. Никто не вставил в его рассказ ни слова.

Хикс слушал с напряженным вниманием. Он

заметно побледнел. Крокермен закончил, сделал глубокую затяжку и выпустил колечки дыма. Хикс наклонился вперед, опираясь локтями о стол.

— Будь я проклят! — тихо выговорил он нарочито легкомысленным тоном.

— Проклятие падет на головы всех нас, если мы быстро не решим, что делать, — сказал Крокермен.

Остальные воздержались от комментариев. Это был театр одного актера, и мало кто из присутствующих получал удовольствие от спектакля.

— Вы ведете переговоры с Австралией и, конечно, ввели их в курс здешних событий? — предположил Тревор.

— Мы пока выжидаем, — ответил Крокермен. — Нас беспокоит реакция людей, если новости просочатся в печать.

— Конечно, — сказал Хикс. — Я и сам не знаю, как поступить. У меня такое ощущение, будто я наступил на осиное гнездо.

Крокермен загасил выкуренную только наполовину сигару.

— Завтра утром я возвращаюсь в Вашингтон. Мистер Хикс, я хотел бы, чтобы вы полетели со мной. Мистер Гордон, к вам это тоже относится.

Мистер Файнман, насколько я понимаю, вы не сможете сопровождать нас. Вам предстоит лечение в Лас-Вегасе.

— Да, господин президент.

— Тогда после завершения курса — а я желаю вам благополучного его исхода — я просил бы вас порекомендовать ряд ученых для встречи с Гостем. Стоит провести еще несколько допросов — не слишком удачное слово, правда? Порасспросить. Такая команда могла бы стать связующим звеном между нами и австралийцами. Карл, вам надо организовать дело так, чтобы кто-нибудь из австралийских специалистов прилетел в Ванденберг и присутстсовал на наших встречах с Гостем.

— Итак, мы открываем правду австралийцам? — спросил Роттерджек.

— Думаю, это единственно правильный ход.

— А если они не согласятся с нашей установкой на секретность?

— Мы будем решать проблемы по мере их возникновения.

Усталый на вид молодой человек в сером костюме вошел в банкетный зал и направился к Роттерджеку. Он протянул советнику по науке листок бумаги и отступил на шаг назад, огля-

дывая присутствующих. Роттерджек прочитал послание, и морщины на его лице стали еще явственнее.

— Полковник Пхань сообщает, — сказал он, — что Гость умер сегодня вечером в восемнадцать ноль-ноль. Пхань проведет вскрытие в полночь. Мистер Файнман, мистер Гордон, вас просят принять в этом участие.

За столом воцарилась тишина.

— Мистер Гордон, располагайте собой и присоединяйтесь к Пханю. А потом я жду вас в Вашингтоне, — проговорил Крокермен. Он положил салфетку возле тарелки, отодвинул свой стул, стоящий во главе стола, и поднялся. В тусклом освещении зала он выглядел постаревшим. — Я хочу пораньше лечь спать сегодня. События дня измотали меня, надо о многом подумать. Дэвид, карл, пожалуйста, позаботьтесь о мистере Хиксе.

— Да, сэр, — ответил Маккленнан.

— И, Карл, прошу довести до сведения служащих отеля, что мы высоко оценили их услуги и усилия.

— Да, сэр.

ААП/ЮК НЕТ, 8 октября 1996 года; Вумера, Лоукал Черч оф Нью-Австралия.

Его преподобие Брайан Колдекот назвал пришельцев из космоса, появившихся в Австралии, «очевидной фальшивкой». Колдекот, хорошо известный своими страстными проанархистскими разглагольствованиями, а также призывами вернуться в «сады Эдема», которые, как он заявляет, находились возле Алис-Спрингс, на этот раз появился в Вумере. Он прибыл во главе каравана из тридцати машин и собирается организовать авторалли для привлечения внимания к своим идеям. «Эти „инопланетяне“ являются не чем иным как попыткой Аграрной партии сбить с толку народы всего мира и превратить Австралию во главе со Стенли Миллером в центр мирового господства, против чего я, естественно, поднимаю свой голос». Крестовый поход, инициированный Колдекотом, потерпел первую неудачу в прошлом году, когда популярность этого деятеля значительно упала после того, как стало известно, что он женат одновременно на трех женщинах. Новоавстралийская Церковь тут же объявила двоеженство религиозным постулатом, оставляя вопрос о легализации публичных домов открытым.

Agnus dei

8 октября, 12.15

Полковник Туан Ан Пхань вместе с двумя ассистентами стоял в изоляторе, недавно занятом Гостем, а теперь его мертвым телом. На каждом медике — белый комбинезон и шлем, все трое снабжены автономной системой дыхания. Харри Файнман вошел в комнату, не надев специального костюма. Он с трудом протиснулся к стене — в изоляторе, куда внесли аппаратуру, необходимую для проведения аутопсии, почти не оставалось свободного места. Артур сидел в лаборатории за стеклянной перегородкой и наблюдал.

В середине комнаты на метровом возвышении лежал Гость. Голова распластавшегося на спине космического жителя откинулась так, что линия «подбородка» проходила почти параллельно плоскости стола. Пластиковые ремни удерживали четыре конечности по обе стороны от туловища.

Рукой в резиновой перчатке Пхань показал на три видеокамеры, установленные позади защитных экранов.

— 8 октября 1996 года, 12.17. Я, полковник Туан Ан Пхань, приступаю к вскрытию тела внезем-

ного биологического объекта, обнаруженного в Долине Смерти, Калифорния. Объект, также называемый «Гость», скончался в восемнадцать часов двадцать восемь минут седьмого октября в изоляторе номер три лаборатории срочной реабилитации, центр управления полетами номер шесть, военно-воздушная база, Ванденберг, Калифорния. Мы не видим следом каких-либо физических повреждений или травм. — Пхань вооружился скальпелем с подноса, протянутого ассистентом. — Я уже брал образцы микроорганизмов с кожи Гостя при его жизни. Теперь я возьму образцы с конечностей, туловища и головы, чтобы посмотреть, как микроорганизмы земного происхождения размножаются на внешних тканях существа.

При помощи скальпеля Пхань вырезал кусочки кожи и собрал их на тампоны. Каждый тампон он опустил в пробирку, после чего ассистенты тщательно их закупорили.

— Как видите, трупные пятна не проступают, на теле не видно ни признаков разложения, ни внешних или внутренних изменений. — Пхань поднял переднюю конечность. — Сохраняется естественная эластичность мышц, и не наблюдается окоченения. Единственное, что

свидетельствует о наступившей смерти — это неподвижность и отсутствие реакции на раздражение. Также не наблюдается признаков электрической активности в черепной коробке Гостя или в других частях его тела. Так как подобная активность ранее отмечалась, то можно предположить, что ее отсутствие является показателем смерти. Гость не шевелился в течение десяти часов и тридцать одной минуты. Доктор Файнман, согласны ли вы, что, судя по результатам доступного нам исследования, Гость мертв?

— Согласен, — сказал Харри. — Полностью отсутствуют рефлексы. Ранее мускульной системе Гостя было свойственно напряжение, проявлявшееся при соприкосновении его тела с предметами. В настоящее время мы не замечаем этого напряжения.

— Скорее всего, то, чем мы сейчас занимаемся, больше походит на исследовательское препарирование, чем на аутопсию, — продолжал Пхань усталым тоном. — Мы тщательно изучили организм Гостя при помощи наружных методов. Я имею в виду рентген и ультразвук. Мы увидели, скорее всего, очертания внутренних органов и небольших полостей, причем некоторые из них заполнены жидкостью, а некоторые пусты.

Используя снимки как карты, — и Пхань указал скальпелем на листы бумаги, прикрепленные на внешней стороне окон для наблюдения, — я смогу подробнее изучить внутренности пришельца. Грудная клетка Гостя существенно отличается от человеческой. Она состоит из костяных лучей — таких, как у дикобраза, — соединенных коллагеновыми гибкими сочленениями. Эти лучи охватывают всю внутреннюю полость. Легкие отсутствуют. В теле Гостя мы отмечаем наличие пустот. — Пхань провел скальпелем по хребту, расположенному вдоль «груди». В разрезе кожи, сине-зеленой, как медь, показалась тускло поблескивающая серо-зеленая ткань. Вот центральная «грудная кость», или костяной выступ, обнаруженный нами при помощи рентгена. — Он отворачивал кожу, помогая себе скальпелем, до тех пор, пока полость грудной клетки не обнажилась полностью. — Такие сочлененные отростки костей обеспечивают защиту внутренних органов. Образуется гибкая, но крепкая клетка, которая, как вы видите, в одном направлении неподвижна. — Пхань надавил на кости, безрезультатно пытаясь сдвинуть их в сторону головы Гостя. Он нажал в противоположном направлении, и клетка шевельнулась. — Очевид-

но, что здесь можно провести аналогию между человеком и Гостем: у обоих имеется в наличии клетка, защищающая грудные органы. Но на этом сходство кончается.

Пхань взял маленькую электрическую циркулярную пилу и провел ею по левой стороне «скелета» так, чтобы находящиеся в лаборатории видели весь процесс через окно. Когда он выпилил из костяка квадрат со стороной в двадцать сантиметров, перед глазами медиков предстала внутренняя часть грудной клетки, заполненная вязким веществом, и в глубине — мембрана жемчужного цвета.

Артур сидел, словно прикованный к стулу, полностью сконцентрировавшись на раскрытой грудной клетке Гостя. Пхань протиснулся между Файнманом и ассистентами и обошел стол, бросив взгляд на компьютерные распечатки. Потом он взял шприц и ввел иглу в мембрану, чтобы взять пробу жидкости. Харри надавил на мембрану шпателем и соскреб им длинный тонкий кусок ткани, предназначенный для биопсии.

Он передал его ассистенту, который поместил образец в пробирку и опечатал ее, а затем передал вместе с другими пробирками в лабораторию через выдвижной ящик из нержавеющей стали.

— Сейчас температура двенадцать градусов по стоградусной шкале. Мы поддерживаем ее на этом уровне, чтобы предотвратить распространение земных микроорганизмов. Образцы ткани и жидкости отправлены на анализ. Мы продолжим вскрытие через час. Господа! Мне необходим отдых. Мои ассистенты проведут дальнейшие измерения и возьмут образцы тканей конечностей. После перерыва проведем аутопсию головы.

Хикс сидел за столом напротив президента и улыбался официантке, пока та разливала кофе. В этот ранний час, в половине восьмого утра, никого кроме них в банкетном зале не было. Президент позвонил Хиксу в полночь и попросил его разделить с ним завтрак, дабы побеседовать наедине.

— Что вы заказываете? — спросил Крокермен.

— Тосты и омлет, — ответил Хикс. — Вы можете приготовить омлет по-денверски?

Официантка кивнула.

— То же самое принесите и мне, — решил Крокермен.

Когда девушка отошла от столика, Крокермен отодвинул стул на несколько дюймов и нагнулся, чтобы достать бумаги из открытого портфеля, стоящего на полу.

— Завтра в девять я встречаюсь с отчаявшейся матерью, в одиннадцать — с адмиралом и генералом. Потом возвращаюсь в Вашингтон. Всю ночь я провел за письменным столом, приводя мысли в порядок. Надеюсь, вы не будете возражать, если я вытяну из вас несколько идей.

— Конечно, сэр, — сказал Хикс. — Но прежде всего, я хочу понять свой статус. Я — журналист, прилетевший сюда в поисках сенсации. Ваше предложение остаться вместо того, чтобы прогнать меня с глаз долой — это… слишком необычно. Должен честно сказать, что при определенных условиях я… — Он запнулся, взглянув в карие глаза Крокермена, и обвел рукой банкетный зал. — Мне не доверяют здесь, да и не должны. Я посторонний.

— Вы человек с богатым воображением и интуицией, — перебил его Крокермен. — У некоторых имеется только эрудиция. Файнман и Гордон обладают и тем, и другим, и Гордон, к тому же, хорошо знаком с подобными проблемами как бывший сотрудник Отдела Космических Связей. Возможно, даже слишком хорошо знаком… Вот о чем я думаю: мы действительно имеем дело с пришельцами из космоса, как утверждает Гордон, или нет? Вы смотрите на все как бы со

стороны, у вас свежий взгляд на происходящее, и мне представляется полезным узнать его.

— А каков мой официальный статус, моя роль?

— Ясно, что сейчас вы не можете сделать репортаж о случившемся. Оставайтесь здесь, работайте вместе с нами, пока вся история не перестанет быть тайной. Подозреваю, нам скоро предстоит раскрыть карты перед общественностью, хотя Карл и Дэвид упорно сопротивляются. Если мы решим предать события огласке, вы получите исключительное право на освещение новостей. За вами первый удар.

Хикс нахмурился.

— А наши с вами беседы?

— То, что мы говорим друг другу, пока не следует обсуждать где-либо еще. Когда-нибудь потом — для полноты исторической картины, если вздумаете писать мемуары… — Крокермен неопределенно кивнул. — Я не против.

— Надеюсь, мы вернемся к вопросу о моем месте в группе, — сказал Хикс. — Особенно, если мистер Роттерджек, мистер Маккленнан или мистер Лерман будут контролировать меня или мою работу. Но пока я согласен. Я не стану писать о наших частных беседах.

Крокермен положил бумаги перед собой.

— Теперь слушайте. Вот что я думаю: или мы дважды за последний год подверглись вражескому вторжению, или кто-то надувает нас.

— Правильный ответ лежит где-то между понятиями фатума и целенаправленной политики в космосе, — предположил Хиск.

Президент в знак согласия кивнул.

— Я нарисовал несколько логических диаграмм. — Он протянул журналисту лист бумаги. — Диаграммы Венна. Скудные остатки математических знаний, полученных в колледже. — Он улыбнулся. — Ничего слишком заумного — просто попытка лучше изучить возможные варианты. Каково ваше мнение?

Хикс внимательно рассмотрел начерченные на бумаге пересекающиеся и непересекающиеся круги с заметками внутри, посвященными различным интерпретациям событий.

— Если два известных нам космических корабля имеют одно и то же происхождение, я рассматриваю несколько возможных вариантов. Первый: австралийцы имеют дело с группойц пришельцев, избравших иную тактику вторжения — нечто вроде оппозиционеров. Тогда информация, полученная нами, правдива: основная цель обоих кораблей — уничтожение Земли.

Гость — действительно представитель мира, подовергшегося нападению. Вы следите за ходом моих мыслей?

— Да.

— Второй вариант: это два независимых друг от друга события, которые случайно совпали по времени. Две группы инопланетян, не знакомые между собой или некогда мимолетно пересекшиеся в космическом пространстве… И в-третьих, мы вообще имеем дело не с пришельцами, а с посланцами.

Хикс удивленно поднял броки.

— Посланцами?

— Я не совсем уверен в многообразии Вселенной. — В течение десяти-пятнадцати секунд Крокермен молчал, глядя на стол. Его лицо ничего не выражало, а взгляд перебегал от подсвечника к чашке с кофе. — Полагаю, что вы готовы поспорить со мной.

— Я — человек, — сказал Хикс. — Я не все могу понять. Я принимаю многообразие Вселенной, но не осознаю и не ощущаю его.

— На душе становится легче от ваших слов. Мои сомнения можно понять, не так ли?

— Да, сэр.

— Иногда я думаю, не лишились ли мы че-

го-то, рассматривая Вселенную с точки зрения науки… Может, мы утратили чувство… — Крокермен снова замолчал, подбирая подходящие слова. — …греха. Если мы видим в Боге проявление высшего разума — не человеческого, нет, но требующего поклонения… Вы слушаете меня?

Хикс кивнул.

— Тогда, быть может, Высший Разум больше не доволен нами. Он послал своих посланцев, своих ангелов, если хотите, чтобы те пригрозили мечом правосудия. Уничтожением Земли.

Крокермен посмотрел на Хикса.

Официантка принесла завтрак и спросила, не хотят ли они еще кофе. Крокермен отказался. Хикс попросил кофе погорячей. Она ушла. Журналист поковырял вилкой омлет. Он более не чувствовал голода — желудок сжался, во рту ощущался кислый привкус. В душе нарастало ощущение панического ужаса.

— Я не склонен к религиозной трактовке событий, — проговорил он.

— Разве мои мысли имеют отношение к религии? Неужели нельзя считать их альтернативным объяснением появления враждебно настроенных существ?

— Я не совсем понял вашу теорию.

— »Перст указующий». Вот и все.

— Ага. «Мене, мене, текел, упарсин[1]» или как там?

— Вот именно. Мы дошли до предела. Развращены, вооружаемся без всякой меры. В двадцатом веке все перевернулось с ног на голову. Самое кровавое столетие в человеческой истории. Больше невинных жертв, чем когда-либо.

— Вы правы, — поддержал его Хикс.

— И теперь пришло время перебираться в другое пространство. Быть может, нам суждено страдать, пока мы живем на Земле. Теперь…

— Мысль не слишком оригинальная, прервал Хикс президента. Чувство неловкости, охватившее его, перешло в раздражение.

— Но значит ли это, что она неправильна?

— Думаю, есть идеи получше.

— А, — протянул Крокермен. Завтрак стоял перед ним нетронутым. — Но ни одна из них не убеждает меня. Я — единственный судья, на которого я могу положиться в этой ситуации, верно?

— Нет, сэр. Есть специалисты…

— Занимаясь политикой, я множество раз пренебрегал советами экспертов — и немалого

---

[1] notes: 1

Слова, начертанные таинственной рукой на стене храма, в котором устроил пир Валтасар, предсказали его гибель и раздел Вавилона.

достиг. Этим я отличался от стандартно мыслящих политиков, стремящихся к вершинам власти. Сейчас, я признаю, такая тактика кажется рискованной.

— Я снова в растерянности. О какой тактике идет речь?

— Не брать в расчет мнение специалистов.

Президент наклонился вперед и положил руки на стол, крепко сжав кулаки. Его глаза влажно блестели. Весь его вид говорил о болезненном отчаянии.

— Я задал Гостю один вопрос и получил на него весьма многозначительный ответ, самый важный из всех… Я спросил его: «Вы верите в Бога?» — и он ответил: «Я верю в возмездие». — Президент откинулся на спинку стула. Потом он разжал кулаки и принялся потирать ладони в тех местах, где ногти оставили глубокие следы. — За его словами, должно быть, многое скрывается. Может статься, он жил в другом, не похожем на наш, мире, где грех сурово карается. Из всех мест они выбрали Фернис, Долину Смерти… Мы получили предупреждение, что Земля превратится в горстку пепла. Тотальное разрушение. Мы получили предупреждение, что нам не избежать конца. Я верю — не избежать.

Хикс собрался что-то сказать, но президент тихо продолжил:

— Бог, Высший Разум, придает нам форму и наполняет ее содержанием. Потом Он видит, что изделия не удались, и отсылает их назад, на кузницу, чтобы перелить в другие формы. Это место. Фернис. Наковальня Господа. Вот с чем нам предстоит столкнуться. Возможно, предстоит.

— А австралийские события — гора, роботы, послания?

— Не знаю, — ответил Крокермен. — Покажется безумием, сли я скажу, что австралийцы имели дело с проявлением мирового зла… Но, тем не менее…

— Проявлением мирового зла? Вы имеете в виду Сатану?

— Я подразумеваю кого-то, противостоящего Создателю. Силы, питающие надежду, что нам будет и дальше разрешено жить во грехе. Тем самым они стремятся развалить мироздание.

— Полагаю, что есть более подходящие объяснения, господин президент, — спокойно заметил Хикс.

— Тогда, будьте любезны, представьте их мне.

— Я недостаточно подготовлен, — ответил журналист. — И я мало знаю о происшедшем

— только то, что услышал от вас.

— В таком случае, почему вы критикуете мою теорию?

Крокермен разговаривал, как обиженный ребенок, которому известны всякие умные взрослые словечки. Хикс вздрогнул от ужасного воспоминания: в 1959 году он слышал подобные речи от одной знакомой; месяцем позже женщина наложила на себя руки.

— Ваша теория нереалистична, — сказал он.

— Есть ли вообще что-нибудь реалистичное во всей этой истории? — спросил Крокермен.

Ни один из них не притронулся к завтраку, они лишь поковыряли еду.

Хикс придвинул тарелку. Омлет остыл. Тем не менее, журналист принялся за завтрак, и Крокермен последовал его примеру. Никто не произнес ни слова, пока тарелки не опустели. Казалось, что оба играют в молчанку.

Официантка убрала грязную посуду и долила кофе в чашку Хикса.

— Прошу меня простить, — сказал президент, вытерев губы салфеткой и бросив ее на стол. — Я был груб с вами. Это непростительно.

Хикс промямлил в ответ несколько слов: мол, у всех натянуты нервы и несдержанность вполне

объяснима.

— Тем не менее, благодаря вам, я могу хорошо представить себе перспективы. Наблюдая за вашей реакцией, я понял, чего ждать от других. Наступает нелегкая пора, нелегкая по многим причинам. Я нарушил ход избирательной кампании. Выборы состоятся меньше чем через месяц. Важно правильно воспользоваться оставшимся временем. Ясно, что необходимо сгладить шероховатости в некоторых фразах…

— Сэр, это не просто фразы. Это будущее. — Голос Хикса зазвучал решительнее. — Если вы не откажетесь от идеи Божьей кары, я хорошо представляю, какой огромный вред вы можете принести.

— Да. Понимаю.

Понимаешь? — мысленно переспросил Хикс. И потом, увидев недоверчивое выражение лица президента, его полузакрытые глаза, сказал про себя: да, возможно, ты все понимаешь… но это тебя не остановит.

9 октября

Пока самолет выруливал на взлетную полосу, Артур развернул газету. Вдалеке, на бетонированной площадке перед ангаром, выстроились бомбардировщики «Б-1». Их глянцевые желтовато-коричневые, серые и зеленые очертания тонули в утреннем тумане. Артуру потребовалось несколько секунд, чтобы вникнуть в смысл заголовков. Он не мог отделаться от мыслей о Харри и о результатах вскрытия Гостя.

Медики не нашли в организме пришельца ни одного внутреннего органа. Его грудную клетку почти целиком заполняла матово-розовая ткань, напоминающая мозговую. Голова состояла из костного материала, сконцентрированного в большие твердые сгустки. Никаких видимых признаков центральной нервной системы. В костную ткань вкраплены маленькие узелки; складывалось впечатление, что они сделаны из какого-то материала, скорее всего — серебра.

Что касается Харри, то ему тоже предстоит пройти обследование — в Лос-Анджелесе.

Самолет развернулся и начал разгоняться на полосе. Небольшие двигатели пронзительно

гудели.

Артур заставил себя сосредоточиться на газете. В глаза бросился заголовок на первой странице:

> «СЕКРЕТНЫЙ ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА В ДОЛИНУ СМЕРТИ.
>
> Подробности неизвестны.
>
> Возможно, это связано с последними событиями в Австралии».

Все то же незашифрованное сообщение, погнавшее Тревора Хикса в Фернис-Крик, подсказало другим журналистам, только несколькими часами позже, где стоит копать. Но Хикс первым напал на золотую жилу. Остальным пришлось довольствоваться интервью с жителями Шошоне. Удалось пробиться по телефону в квартирку горничной отеля «Фернис-Крик», но девушка говорила только по-испански. Никто не взял интервью у Бернис Морган. Похоже, Крокермен убедил ее молчать, подумал Артур, перечитывая статью несколько раз.

Генерал Пол Фултон, ответственный за полеты шаттлов на западном побережье, летел вместе с Артуром. Он предстал перед Гордоном, как только самолет взмыл в воздух на высоту двадцать восемь тысяч футов.

— А, милая сердцу свободная пресса! — воскликнул он, занимая соседнее кресло. — Простите, мистер Гордон. У нас до сих пор не хватало времени просто посидеть и поболтать.

— Вы возвращаетесь, чтобы отчитаться?

— Надо выступить перед членами Конгресса, перед сенаторами из комитета по деятельности в космосе — одному Господу известно, что Проксмир собирается извлечь из случившегося. Как он пробрался на место председателя — загадка для меня. Политическая смерть никогда не настигнет этого человека.

Артур кивнул. В его голове все перепуталось. Он надеялся выспаться в самолете, но у Фултона явно было что-то на уме.

— Многих из нас тревожит решение Крокермена относительно Тревора Хикса. Автор научно-фантастических книг…

— Хикс стал им недавно, — оборвал генерала Артур. — Он пишет вполне достойные книги на научные темы.

— Да и мы не против Тревора Хикса как такового. Нас волнует то, что президент обратился к человеку, не входящему в состав… основной группы. Я имею в виду его советников, кабинет, экспертов.

— Ему требуется дополнительные мнения. Он говорил об этом несколько раз.

Фултон пожал плечами.

— Гость потряс его.

— Гость потряс и меня, — заявил Артур.

Фултон перевел разговор на другое.

— В Вашингтоне нас ожидают два австралийцы, занимающиеся тем же, что и мы. Они только-только прилетели из Мельбурна. Подозреваю, это мелкие сошки. Основная фигура — Квентин Бент — скрывается в тени. Вы знаете его?

— Нет, — ответил Артур. — Ученых северного и южного полушария разделяет пропасть. Это, однако, не касается астрономии. Но Бент не астроном. По-моему, он социолог.

— Ваш коллега… доктор Файнман, — неуверенно спросил Фултон, — он в состоянии продолжать работу?

— Думаю, да.

Артур понял, что ему все меньше нравится Фултон, и пытался найти причину такой сильной неприязни — ведь генерал всего лишь интересуется Харри.

— Чем он болен?

— Хроническая лейкемия.

— В последней стадии?

— Доктора полагают, что это излечимо.

Фултон кивнул.

— Интересно, не тот ли диагноз и у Земли?

Артур не понял смысла фразы.

— Рак, — выдохнул Фултон. — Космический рак.

Артур задумчиво кивнул и посмотрел в иллюминатор, думая о том, найдет ли он минутку, чтобы позвонить Франсин, поболтать с Марти, прикоснуться к реальной жизни.

Полковник Элберт Роджерс взял радиотелефон, протиснулся в дверь вагончика связи, спустился по ступенькам из гофрированного металла и утонул в белом песке, заскрипевшем под ногами. Ему абсолютно не хотелось заниматься самоанализом; размышления на эзотерическом уровне никогда не приносили ему пользы. Гость был мертв; Артур Гордон приказал его группе обследовать внутренности горы. Конечно же, Роджерс считал, что должен взять выполнение приказа на себя.

Роджерс хорошо подготовился. В своем блокнотике он нарисовал план таинственного летательного аппарата. такой план, естественно, не более чем гипотеза, основанная на длине, высоте, ширине и величине угла наклона туннеля,

проходящего внутри. Проползти по туннелю не составит труда, даже если он идет прямо вверх, Роджерс может пройти там, используя метод трубочистов — прижавшись спиной к одной стене туннеля и ступнями согнутых в коленях ног — к другой. Он возьмет с собой миниатюрный цифровой самописец и видеокамеру размером с палец, прикрепленную к шлему. Снаряжение дополнят «Хассельблад» с высокочувствительной пленкой и более легкий фотоаппарат «Лейка» с тридцатитрехмиллиметровой пленкой. Роджерс предполагал, что исследование займет не больше одного дня. Конечно, он допускал, что внутри объекта может оказаться множество полых пространств, но такое строение казалось ему маловероятным.

Пока сержант и капрал приносили все, что требовалось, из складского вагончика, Роджерс еще раз проверил схему маршрута и обсудил со своим заместителем майором Ритером Келлером меры на случай непредвиденной ситуации. Потом он надел ранец и тяжелые альпинистские ботинки, отрезал три куска каната, обмотал их вокруг пояса и пошел вдоль южной стороны глыбы.

Полковник посмотрел на часы и завел таймер. Шесть часов утра. Пустыня все еще утопала в се-

ребристой рассветной дымке, высокие перистые облака простирались от края до края. Свежий холодный ветер наполнился сухим запахом кустарников.

— Поднимите меня, — приказал Роджерс Келлеру.

Майор сцепил пальцы обеих рук, и Роджерс поставил левую ногу на этот упор. С криком «раз-два-взяли» Келлер поднял Роджерса на уровень отверстия. Оказавшись в наклонной части туннеля, он на секунду застыл, лежа на спине и глядя на первый поворот, расположенный через сорок футов.

— О'кей, — сказал полковник и нажал на кнопку таймера, засекая время. — Я пошел!

Они решили не тащить телефонный шнур и отказаться от непосредственной связи. Маленький микрофон на лацкане куртки позволит записать наблюдения Роджерса, а видеокамера запечатлеет все, что он увидит. Если же представятся время и возможность, он воспользуется фотоаппаратами.

— Ни пуха, ни пера, сэр! — крикнул ему вдогонку Келлер, когда Роджерс начал подъем.

— К черту, — пробормотал Роджерс, учащенно дыша.

Первые тридцать футов он преодолел ползком, не испытывая особых затруднений. Возле поворота остановился и посветил в темноту. Туннель теперь шел прямо вверх. Он громко сообщил об этом в микрофон и посмотрел вниз. В просвете между ногами и животом белело, словно изваянное из камня, лицо Келлер. Тот сжал кулак и отвел большой палец, выражая тем самым одобрение. Роджерс дважды нажал на кнопку фонаря.

— Я пробираюсь в чрево инопланетного корабля, — тихо проговорил он сам. Челюсти и мускулы лица свело судорогой, Роджерс едва избавился от нее. — Я ползу в неизвестное. Такие дела. Не бойся.

И он не боялся: чувство глубокого покоя почти полностью овладело им.

Он подумал о своей жене и пятилетнем сыне, живущих в Барстоу, и в его голове тут же появилось несколько вариантов будущего семьи. Отец, геройски погибший, и пенсия за него. Роджерс плохо разбирался в пенсионных вопросах. Зря. Как только он вернется, следует сразу выяснить все тонкости. А вот более приятная мысль: герой-отец жив, выходит в отставку после двадцати лет службы и начинает заниматься бизнесом — вероятнее всего, в качестве консультанта по военным

контрактам, хотя раньше он не задумывался над подобной перспективой. А лучше всего купить дом. Не в Барстоу, нет, а где-нибудь в Сан-Диего — подходящее место для бывших моряков и морских пехотинцев.

Он начал подъем, упираясь резиновыми подошвами ботинок в камень и отталкиваясь руками от стены. Один толчок — и позади один фут. Не повредить бы корабль, не оставить даже царапинки. Он снова подтянулся вверх, бормоча проклятия, снова вжался ногами и руками в гору. Гладкая поверхность. Невыразительная, серая. Ничто не напоминает лаву. Астронавты, готовившиеся к высадке на Луну, штудировали геологию. Нет смысла обучать этой науке армейских офицеров. Кроме того, этот объект — не природное явление. Причем тут геология?

Хорошо хоть не скользко.

Пройдя пятнадцать футов, Роджерс остановился и поднял фонарь. Над головой он увидел еще один поворот. И неизвестно, что за ним: шесты, на которых установлены камеры, слишком коротки. Роджерс вспомнил кадры из научно-фантастических фильмов. Он никогда особо не жаловал фантастику. Большинству его однополчан нравились «Инопланетяне» — они смотрели фильм еще

в лагере для новобранцев. Полковник постарался отогнать от себя воспоминания об этой картине.

Гость мертв. Что, если остальные пришельцы разгневаны? Что если они знают о приближении Роджерса и поджидают его?

Он все еще спокоен, все еще в приподнятом настроении, зрачки широко раскрытых глаз поблескивают в темноте, от напряжения пот струится по лицу. Вверх, вверх и — к самому выступу. Преодолев поворот, Роджерс остановился в проходе, идущем почти горизонтально, и направил луч света в кромешную тьму. Потом он достал блокнот и набросал схему, приблизительно отмечая величины углов и расстояние. Он находился в пятнадцати или двадцати футах от поверхности. Освещая фонарем листок блокнота с планом, он нырнул в горизонтальный туннель. Схема его маршрута напоминала головоломку: сначала тридцать футов в глубь горы по проходу, полого поднимающемуся вверх, потом снова вверх двадцать футов по отвесному туннелю и теперь — горизонтальный проход в центр.

Тишина. Ни шума работающих моторов, ни голосов, ни ветерка. Только звук его дыхания. Он отдохнул и пополз дальше. Фонарь, привязанный к руке, освещал туннель при каждом движении

разведчика.

Через девяносто футов полковник увидел, что туннель обрывается, а за ним — пустота. Роджерс не колебался ни секунды. Стремясь вырваться из тесного прохода, он уперся руками в стены и высунул голову. В свете фонаря перед ним открылось просторное помещение.

— Я нахожусь в пещере овальной формы, — громко проговорил он, — длиной тридцать и шириной двадцать футов. Это, очевидно, центр горы. — Роджерс сверился со своими набросками. — Может быть, на шестьдесят-восемьдесят футов ниже вершины. Блестящие стены как будто покрыты эмалью, или пластиком, или стеклом. Темно-серые с голубоватым оттенком. Напротив выхода из туннеля я вижу еще одну пещеру, большую по размерам. Она расположена, — он снова заглянул в блокнот, — к северо-западу от центра горы. Непохоже на жилище. Да и обитателей не видно. Никаких признаков жизнедеятельности.

Он встал во весь рост и пару раз шаркнул ботинками. Идти было легко.

— Иду вперед.

Роджерс шел вдоль стены, не переставая освещать путь. Потом он открыл нагрудный ранец, вытащил два сверхмощных фонаря и включил

их, следя, чтобы лучи не ослепили его самого.

Широко раскрыв рот, Роджерс осмотрел вторую пещеру, длина которой составляла, по крайней мере, сотню футов, а высота — восемьдесят. Первая пещера примыкала к середине одной из ее стен.

— Пещера покрыта блестящими гранями, — сказал Роджерс, — как драгоценный камень. Похоже на стекло, не зеркальное, но все же сверкающее. Все это напоминает не просто ограненные драгоценные камни, а, скорее, сооружения с балками, опорами, перекрытиями. Будто собор, построенный из сине-серого стекла.

Он сделал несколько снимков «Хассельбладом», потом опустил фотоаппарат и медленно осмотрелся, стараясь запечатлеть в памяти открывшуюся перед ним картину и понять смысл увиденного.

Первая пещера заканчивалась обрывом высотой, по меньшей мере, в тридцать футов. Внизу блестел пол изысканно украшенной пещеры. Спуститься вниз по канату невозможно — не к чему его привязать, а вбить крюк он не рискнет.

— Я не могу продвигаться дальше, — сообщил он. — Здесь нет движущихся предметов. Ничего, что напоминало бы жилое помещение. Нет

никаких механизмов и нет света. Я собираюсь выключить фонарь и проверить, не блеснет ли что-нибудь в темноте.

Роджерс оказался в непроницаемой темени. В какой-то момент его горло сжалось и он кашлянул. Со всех сторон завторило эхо.

— Не видно ни зги, — сказал он, простояв несколько минут во мраке. — Я сейчас зажгу фонарь и сделаю еще несколько снимков.

Он потянулся пальцем к кнопке на фонаре, но замер, прищурившись. Прямо впереди, тусклый и неподвижный, блеснул маленький красный огонек — не больше, чем звезда в бескрайнем небе.

— Подождите. Я не уверен, что видеокамера заснимет это. Слишком слабый свет. Просто одна красная точка размером с булавочную головку.

В течение нескольких минут он вглядывался в огонек. Сначала Роджерсу показалось, что звездочка движется; потом он догадался, что это оптический обман. На самом деле огонек оставался по-прежнему тусклым и не менял положения.

— Не думаю, что экипаж бездействует. Он выжидает. — Роджерс покачал головой. — Но не исключено, что я поспешил с выводами.

Включив ручной фонарь, он вставил в «Хассельблад» телеобъектив, настроил аппарат на

большую выдержку и направил его прямо на огонек. Когда затвор щелкнул, он установил еще одну, более длительную, выдержку и сделал еще снимок. Потом включил все фонари и уселся, чтобы запомнить как можно больше деталей.

— Тут все так же тихо, — сказал он.

Пятнадцать минут спустя Роджерс поднялся на ноги и машинально отряхнул брюки. — Все в порядке. Я возвращаюсь.

К огромному его облегчению, ничто не препятствовало ему на обратном пути.

10 октября

Эдвард Шоу узнал о смерти Гостя через два дня от полковника Пханя. О визите полковника всех предупредили за десять минут до его появления. Эдвард быстро оделся. Занавески раздвинулись, и каждый из четверки увидел в центральной лаборатории маленького мускулистого смуглого человека в аккуратной, будто с иголочки, форме.

— Сколько нам еще торчать здесь? — спросил Минелли.

С течением времени он все чаще и чаще дерзил, а поведение его становилось все более непредсказуемым. Он нередко вспоминал о визите президента и мечтал о том мгновении, когда они «хлопнут дверью тюрьмы». Его манера разговаривать стала сильно напоминать пародию на известного комика. Минелли всегда с трудом смирялся с необходимостью подчиняться. Эдвард слышал, что задолго до появления в Остине Минелли попал в тюрьму по обвинению, связанному с наркотиками. Тогда он разбил лицо в кровь о тюремную дверь. Эдварда беспокоило состояние коллеги.

— Все вы здоровы. Признаков заражения или

болезни не обнаружено, — начал Пхань. — Больше — никаких анализов. Полагаю, вы уже знаете от дежурного офицера, что Гость мертв. Я закончил первую стадию аутопсии и не нашел в его теле микроорганизмов. Он оказался абсолютно стерильным. Это хорошие новости для вас.

— Микробы сдохли, моя леди, — протянул Минелли.

Эдвард нахмурился.

— Я советовал отпустить вас, — продолжал Пхань, оглядев всех четверых по очереди. — Хотя не уверен, что мой совет будет услышан. Как сказал президент, существуют соображения безопасности.

Эдвард увидел через окно Стеллу Морган и улыбнулся, но она не ответила. Вероятно, свет падал так, что она не могла разглядеть геолога. А может быть, она чувствовала себя так же подавленно, как Реслоу, из которого теперь и слова не вытянешь.

Сочетание свободного общения друг с другом по телефону и пребывания в изолированных палатах уничтожили веру Эдварда в дух товарищества, который должен объединять, по его мнению, узников одной тюрьмы. Однако, пленники Ванденберга не подвергались жестокому

обращению. Их не объединяла общая цель, за которую стоило бы бороться. Их заточение, по крайней мере, до сих пор было обосновано. Потому они и не стали «держаться вместе», как ожидал того Эдвард. Кроме того, ему еще не доводилось находиться в карантине так долго. Может быть, он чересчур наивен?

— Сейчас мы готовим документы, которые вам надо подписать. Нам необходимы гарантии, что вы сохраните в тайне происшедшее с вами…

— Ничего не собираюсь подписывать! — выкрикнул Минелли. — Если подпишу, погибнут мои бестселлеры. Ни интервью в газетах, ни триумфа в Голливуде.

— Прошу вас, — терпеливо сказал Пхань.

— Что нового в Австралии? — спросил Эдвард. — Вы вели переговоры?

— Сегодня в Вашингтоне начинается серия встреч, — ответил Пхань.

— Чего вы тянули? Почему обсуждения не начались раньше?

Пхань помолчал.

— Между нами, я надеюсь на то, что события предадут огласке, — наконец сказал он.

Эдвард попытался подавить подступающий гнев.

— Почему мы не можем работать вместе с ними? Переведите нас отсюда в ОБО!

— В Очень Большую Оранжерею? — сострил Минелли.

— В общежитие для бессемейных офицеров, — объяснил Эдвард. Его нижняя губа дрожала. Он переходил на крик, но больше не желал сдерживаться. Ему хотелось, чтобы на его возмущение отреагировали. — Правда! Черт знает, что это такое. Мы ощущаем себя в тюрьме.

— Хуже. У нас нет возможности смастерить пистолет или нож, — поддержал его Минелли. — «Дно мира, мама!»

Пхань посмотрел на Минелли со смешанным выражением раздражения и сочувствия.

— Это все, что я хотел сообщить. Пожалуйста, не волнуйтесь. Я уверен, вы будете вознаграждены за все неудобства. В ближайшее время мы получим новые инфодиски.

— Боже! — простонал Минелли.

Пхань, готовый было уйти, обернулся.

— Подождите! — крикнул Минелли. — Мне плохо. Правда. Со мной что-то происходит.

— Поясните, — попросил Пхань, жестом подзывая дежурного наблюдателя.

— Что-то с головой. Скажи им, Реслоу.

— Минелли выведен из равновесия, — медленно выговорил Реслоу. — Да и я не совсем в порядке. Но он — другое дело. Он разговаривает так, будто болен.

— Я — другое дело, — согласился Минелли. Потом он начал рыдать. — Господи, Боже мой! Верни нас на те самые скалы. Позволь нам продолжать путь в своей машине. Я подпишу все, что потребуется. Правда! Пожалуйста.

Пхань посмотрел на них, потом резко повернулся и вышел. Жалюзи вернулись на прежнее место. Эдвард выдвинул ящик и вытащил оттуда газету и пакет с новыми инфодисками. Он жадно вчитывался в заголовки и статьи.

— Иисусе! — пробормотал он. — Информация о действиях президента. Стелла! — вызвал он мисс Морган. — Стелла! Они знают, что президент посещал нас.

— Я как раз читаю об этом.

— Ты думаешь, твоя мать постаралась?

— Не знаю.

— Будем надеяться на нее.

Минелли продолжал рыдать.

Хикс лежал, облокотившись на подушку, в комнате Линкольна. У изголовья — круглый ночной столик, покрытый скатертью. Небольшая лампа

со стеклянным абажуром в виде шара освещает отчеты и документы, наваленные высокой стопкой. Ампирные часы с маятником размеренно и приглушенно тикают на мраморном камине. Казалось, что в просторной с высоким потолком комнате обитают призраки. Но эти призраки не страшны, они — свидетели истории, они навевают приятные ассоциации. Это действительно кабинет Авраама Линкольна; здесь он подписал манифест об отмене рабства.

Хикс потряс головой.

— Я схожу с ума, — сказал он. — Неужели я действительно здесь, или это мне только чудится?

На одну секунду его охватила надежда, что так оно и есть, что он спит и видит сон в номере в «Интерконтинентале» и что ему вскоре предстоит шестиминутное выступление по радио с рассказом о своей последней повести и, пока молодой ведущий…

С другой стороны, что плохого в том, что он живет в Вашингтоне, в Белом Доме, в том, что он выбран лично президентом Соединенных Штатов на роль советника по вопросам, связанным с самым великим событием в истории человечества?

— Этого человека абсолютно невозможно убе-

дить, — проворчал Хикс.

Он взял из стопки толстую папку фотокопий документов с фактами, касающимися объекта в Долине Смерти, Гостя и всего, что известно о Большой пустыне Виктории. Предварительный отчет о вскрытии Гостя лежал третьим. Пользуясь навыком, приобретенным за годы научных исследований, он быстро просмотрел две первые страницы, задерживаясь лишь на самых существенных деталях. Все авторы, как он впрочем и ожидал, явно стремились обезопасить себя — двусмысленные фразы, оптимистические предположения, непринужденный отказ от своих прежних идей. Только отчет об аутопсии свидетельствовал об основательном подходе к проблеме.

Полковник Туан Ан Пхань — человек, с которым Хиксу захотелось познакомиться — изъяснялся понятным языком и по существу. Физиологическое строение пришельца отличается от физиологии любого земного существа. Пхань затруднялся охарактеризовать среду, вызвавшую подобную эволюцию. Некоторые части тела напоминают хитроумные механизмы. Ничего подобного не наблюдается в более сложных, произвольно развивающихся формах, известных биологии.

Пхань не скрывал свои выводы. «Тело Гостя, таким образом, не может быть описано теми биологическими категориями, какие применяются по отношению к живым организмам Земли. Некоторые из его характерных особенностей противоречат логике естественного развития. Единственное объяснение, которое я нахожу, состоит в следующем: Гость — существо, созданное искусственным путем. Возможно, он является продуктом многовековых генетических операций в сочетании с комплексной биоэлектроникой. Так как подобное недоступно нашему пониманию, к любой моей гипотезе относительно функций органов Гостя следует относиться как к сомнительной или даже ошибочной».

Затем шел анализ тканей пришельца. Во всех тканях отсутствовала клеточная структура как таковая. Более того, каждый участок его тела или орган был снабжен отдельной системой обмена веществ, связанной с другими участками или органами, но не являющейся частью одной общей системы. В теле Гостя не было ни одного отверстия, которое способствовало бы освобождению организма от выделений. Выделения и отходы деятельности органов накапливались в тканях и оставались там. Пхань полагал, что это и могло

оказаться причиной смерти. «Допускаю, что отсутствие каких-то питательных веществ в земной среде привело к изменениям в организме Гостя, которые не могут быть обнаружены в результате наших исследований. Допускаю также, что Гость в своей привычной среде был каким-то образом связан со сложной системой жизнеобеспечения, очищавшей его организм от выделений. Есть вероятность, что Гость болел и отдельные органы не могли выполнять свои функции».

Далее следовала сноска: «Ни по каким параметрам Гость не может считаться жизнеспособным организмом». Примечание подписал Харолд Файнман, не участвовавший в заключительной стадии аутопсии. И больше никаких дополнений.

Однако автор отчета, предельно ясно излагая факты, все же чего-то не договаривал. Файнман, по крайней мере, намекал, что Гость на самом деле был совсем не тем, чем казался…

В низу стопки лежал буклет, посвященный австралийским событиям. Чувствовалось, что над ним работали в спешке и что много фрагментов изъято. Буклет начинался с обзора заявлений механических пришельцев, вышедших из горы в Большой пустыне Виктории.

Хикс потер глаза рукой. Свет горел слишком слабо, чтобы читать. Журналист не в первый раз держал буклет в руках. Все же, ему необходимо как следует подготовиться к утренней встрече президента с представителями Австралии. Хиксу предстоит сопровождать Крокермена в Овальный кабинет.

«Тот факт, что наши исследователи понимают речь механических существ, сам по себе поразителен. Инопланетяне овладели английским, кажется, в совершенстве. Они отвечают на вопросы быстро и не раздумывая».

Хикс изучил глянцевые цветные фотографии, вложенные в буклет. Два дня тому назад австралийское правительство разослало по комплекту фотографий с приложенными к нему видеокассетами во все агентства новостей мира. Теперь в каждом доме, в каждой уважающей себя семье имелись изображения трех серебристых роботов, похожих на тыквы, парящих над деревянной оградой с колючей проволокой, или возле большой гладкой скалы красного цвета, или рядом с отверстием в этой скале.

«Каждым словом роботы подчеркивают свои добрые намерения и благожелательность. Они хотят помочь жителям Земли реализовать свой

потенциал, достичь гармонического развития и воспользоваться своим правом стать равным партнером в процессе всегалактического обмена».

Хикс нахмурился. Сколько лет приходилось ему вникать в параноидальный бред научной фантастики, отбивший в нем веру в инопланетян, дары приносящих? Среди множества фильмов о первых контактах лишь самая малость трактовала эпохальное событие как счастливую веху в истории человечества.

Как часто во время просмотров этих нескольких лент слезы застилали глаза Хикса, даже если он и старался оставаться скептиком. Великий момент, встреча людей Земли с друзьями, пришедшими с далеких планет…

И вот это произошло в Австралии. Мечта стала явью.

И калифорнийский кошмар…

Ни по каким параметрам Гость не может считаться жизнеспособным организмом.

Хикс положил австралийский буклет на стопку и неловко потянулся к выключателю. Лежа в темноте, он заставил себя равномерно и неглубоко дышать, чтобы ни о чем не думать и заснуть. И все же сон пришел не сразу и не принес успокоения.

11 октября

Крокермен, одетый в широкие брюки и белую рубашку, без пиджака и галстука, со следами кровоостанавливающего карандаша на подбородке, вошел в канцелярию начальника штаба. Он приветливо кивнул тем, кто уже собрался в комнате: Гордону, Хиксу, Роттерджеку, Фултону, Лерману и самому начальнику штаба — невысокому лысеющему Ирвину Шварцу. Часы показывали восемь тридцать, хотя в помещении без окон время мало что значит. Артур подумал, что обречен провести всю оставшуюся жизнь в тесных комнатках в компании чиновников и политиков.

— Я пригласил вас сюда, чтобы вы предварительно ознакомились с нашими собственными материалами по Большой пустыне Виктории, — сказал Крокермен. — Вы читали их буклет, я полагаю? — Все кивнули. — По моей просьбе мистер Хикс приведен к присяге и оформлен его допуск к секретным документам…

Роттерджек выглядел подавленным.

— Теперь он один из нас. А где Карл?

— Все еще в дороге, — ответил Шварц. — Он звонил полчаса назад и предупредил, что опозда-

ет на несколько минут.

— Хорошо. У нас не слишком много времени. — Крокермен встал и прошелся перед собравшимися. — Я начну. В районе австралийской горы работают «один или более» наших людей. Нет нужды говорить о деликатности этого факта, но примите мои слова как напоминание…

Роттерджек бросил очень многозначительный взгляд на Хикса. Тот не отреагировал.

— По иронии судьбы, информация, переданная нашими агентами, только подтверждает то, что австралийцы и так не скрывают. Вся эта история внушает оптимизм. Мы накануне эры больших открытий. Роботы уже начали объяснять, каким образом они устроены. Что вы хотите сказать, Дэвид?

— Австралийцы поделились информацией, касающейся некоторых аспектов физики. Информация получена от роботом, — заметил Роттерджек. — Она эзотерична по сути и имеет отношение к космологии. Два австралийских физика заявили, что теорию сверхнатяжения следует пересмотреть или дополнить.

— Какая разница! — буркнул Фултон.

Роттерджек усмехнулся почти злорадно.

— Это очень важный вопрос, генерал. По ва-

шему поручению, Артур, я передал уравнения и формулы, полученные у роботов, Мохаммеду Абанте в Пеппердинский университет. В настоящее время он набирает группу для изучения этой информации, и мы надеемся, что через несколько дней узнаем результаты. Австралийцы продолжают молчать о находке в Калифорнии. Вероятно, они хотят, чтобы мы сами посвятили роботов в нашу тайну.

В комнату вошел Карл Маккленнан с портфелем, который выглядывал из-под пальто, переброшенного через руку. Он осмотрелся и не увидел ни одного свободного места за исключением стульев, оставленных для представителей Австралии. Заметив Карла, остановившегося у стены, Хикс подумал, не стоит ли встать и уступить место советнику по национальной безопасности, но решил, что такой поступок не прибавит ему популярности.

Крокермен вкратце пересказал Маккленнану, что они уже успели обсудить.

— Вчера вечером я закончил первый раунд переговоров с австралийским правительством и научными экспертами. Они согласны сохранять секретность, — сообщил Маккленнан. — Сегодня мы можем вести с ними честную и открытую

беседу. Запретных тем больше не существует.

— Отлично! — воскликнул Крокермен. — Я хочу, господа, как можно быстрее предать случившееся огласке. Надо разработать план. Полагаю, мы управимся за месяц.

Маккленнан побледнел.

— Господин президент, мы еще не обсуждали этот вопрос.

Роттерджек и Маккленнан разом бросили на Хикса недовольные взгляды. Хикс оставался спокойным: Я пропускаю ход, господа.

— Не обсуждали, — небрежно согласился Крокермен. — Тем не менее, огласка — это то, к чему мы должны стремиться. Убежден, что скоро расползутся слухи, и будет лучше, если каждый гражданин узнает обо всем от квалифицированных специалистов, а не от невежественного соседа. Или я не прав?

Маккленнан с трудом выдавил «да», хотя лицо его оставалось напряженным.

— Прекрасно… Австралийцы будут в Овальном кабинете через пятнадцать минут. Может, остались вопросы, разногласия, которые необходимо обсудить перед встречей?

Шварц поднял руку.

— Слушаю, Ирвин.

— Господин президент, входят ли Том Джекс и Роб Тишман в нашу группу? — спросил Шварц. Тишман являлся пресс-секретарем Белого Дома. — Если мы и впрямь собираемся огласить факты, то Робу и Тому потребуется время для подготовки.

— Их имен еще нет в списке, но завтра они будут. Что касается вице-президента…

Крокермен нахмурился. Три месяца назад между ним и вице-президентом Фредериком Хейли произошла размолвка, и теперь оба политика старались не разговаривать друг с другом. Хейл ввязался в неприглядную историю в Канзасе, в результате чего скандальные статьи не сходили со страниц газет в течение двух недель. Вице-президент едва не стал козлом отпущения, но, не уступая в хитрости и сообразительности любому человеку в Капитолии, барахтался как мог и пережил шторм.

— Я не вижу оснований включать его в список. А вы?

Никто не возразил.

— Тогда давайте перейдем в Овальный кабинет.

Рассевшись вокруг стола, участники встречи внимательно слушали рассказ Гордона. Австра-

лийцев, казалось, ничуть не встревожили слова Артура. Загорелые лица этих молодых энергичных людей выделялись на фоне бледных американцев.

— Короче говоря, — заключил Гордон, — у нас нет причин не верить в правдивость изложенных Гостем фактов. И мы видим резкий контраст между двумя визитами в наши страны.

— Слишком слабо сказано, — отозвался Колин Форбес, старший из двух по возрасту и званию. Ему недавно исполнилось сорок. Казалось, этот блондин с мощной фигурой, одетый в бледно-голубой пиджак и белые брюки, побывал во многих переделках. От него исходил сильный запах одеколона. — Я понимаю, чем вызвана тревога. Вот мы — с известием о послании, сулящем надежду и процветание, — и вот ваш маленький зеленый человечек, который утверждает, что это обман. Я не вижу, как можно разрешить противоречие.

— Разве не очевидно? — спросил Роттерджек. — Мы предоставим роботам нашу информацию.

Форбес кивнул и улыбнулся.

— А если те будут все отрицать, если они скажут, что ничего не знают?

Роттерджек не нашел что ответить.

Грегори Френч, второй австралец, с аккуратно

зачесанными назад волосами, одетый в строгий серый костюм, поднялся и откашлялся. Он явно чувствовал себя неловко рядом с такими высокопоставленными людьми. Артуру он напоминал стеснительного студента.

— Известно ли что-нибудь о наличии других таких же кораблей? В России, Китае?

— У нас нет сведений, — сказал Лерман. — Это не значит, что ответ отрицателен. Просто «мы пока не знаем».

— Я думаю, что, раз уж мы единственные — благословенные или проклятые — мы должны развеять все свои сомнения до официальных сообщений, — заявил Френч. — Иначе людям придется разрываться. Нелегко очутиться между ангелами и бесами.

— Я согласен, — бросил Артур.

— Промедление с оглаской принесет новые проблемы, — возразил президент.

— Простите, сэр, — вступил в беседу Маккленнан, — но слухи не так опасны, как шок от… — Он резко рассек воздух ладонью. — Паника. Страх. Мы наступили на мину. Вы полностью осознаете это, господин президент!? — перешел он на крик.

Нервный срыв Маккленнана накалил атмосферу в комнате до предела. Все молчали. Никто

не ожидал подобного от всегда осмотрительного советника по национальной безопасности.

— Да, Карл, — сказал Крокермен, опустив глаза, — мне кажется, полностью.

— Простите, — пробормотал Маккленнан, тяжело опускаясь на стул.

Френч, продолжая стоять, выглядел не на шутку смущенным.

— Ну, хорошо, — заявил Форбес, элегантным движением пальцев приказывая Френчу усесться. — Вы расскажете все нашим роботам. И лучше приступить к этому как можно скорее. Я приглашаю с собой столько ваших людей, сколько вы можете выделить. И я посоветую Квентину опустить занавес. Поменьше репортеров. Вы согласны?

— Абсолютно, — сказал Роттерджек.

— Я удивлен присутствием здесь мистера Хикса, — прибавил Форбес. — Я восхищаюсь его творчеством, но… — Он не договорил.

Артур посмотрел на писателя и понял, что доверяет и симпатизирует этому человеку. Гордон понимал выбор президента. Но вряд ли он сможет растопить лед между Хиксом и его противниками — Маккленнаном и Роттерджеком.

— Он среди нас, потому что сведущ в подобных

проблемах как никто в мире, — объяснил Крокермен. — Несмотря на то, что мы расходимся во мнениях.

Роттерджек выпрямился, потом откинулся на спинку стула. Ему едва удалось скрыть удивление. Артур внимательно наблюдал за ним. Они думали, что Хикс нашел общий язык с президентом, решил он.

— Я рад тому, что Тревор с нами, — резко бросил Артур. — Я приветствую его интуицию.

— Да и я тоже, — сказал Форбес, широко улыбнувшись.

«Нью-Йорк дейли ньюс», 12 октября 1996 года.

Сотрудники госдепартамента, при условии, что они не будут названы, сообщили нам, что существует непосредственная связь между исчезновением четырех человек, их якобы, арестом и секретным визитом президента Крокермена в Долину Смерти в начале этой недели. Из других хорошо информированных источников мы получили сведения, что эти события имеют отношение к появлению инопланетян в Австралии. По нашим

данным, его преподобие Кайл Маккейби из Эдинбурга, Шотландия, основатель Лиги Пришествия Сатаны, объявил, что его новая религиозная секта в настоящее время насчитывает около ста тысяч последователей в Великобритании и Ирландии. Члены Лиги Пришествия Сатаны верят, что инопланетяне, обнаруженные в Австралии, находятся на службе у Сатаны и посланы на Землю, дабы, по словам его преподобия, «усмирить нас перед приходом Диавола».

13 октября

Артур Гордон угрюмо вел взятый напрокат «линкольн» по Голливудской автостраде. Спина и шея онемели от утреннего перелета. Он ехал и слушал по радио квохтанье журналистки, рассказывающей об итогах общенациональной лотереи.

В мыслях он был далеко отсюда; образ реки возле дома в Орегоне врывался в стройный ряд пунктов рабочего расписания, на котором ученый пытался сосредоточиться.

Гладкие прозрачные зеленые воды, их непрерывный бег и отрешенность, движение вдоль размытых берегов… Как чувствует себя пылинка, подхваченная ветром? Что чувствует газель, неожиданно оказавшаяся в лапах льва? Понимает ли, что ей предстоит стать просто обедом, что в течение недели она будет питать другое существо?

— Отбросы! — проговорил Гордон, сам не понимая, что хочет сказать этим или что стремится доказать сам себе.

Кошачьи лапы. Кошка играет с мышкой.

Вдруг Артура пронзила острая тоска по Фран-

син и Марти. Он звонил им из Вашингтона и перебросился всего парой фраз, не сказав ни слова о том, где находится и куда направляется.

Интересно, газель, когда лев бросается на нее из засады, думает ли она в этот момент об олене и маленьком олененке?

Ранчо Харри Файнмана, построенное в начале шестидесятых годов, располагалось на поросшем эвкалиптами склоне холма в Тарсане; два этажа просторного здания находились на разных уровнях. Харри купил этот дом в 1975 году еще до женитьбы, и тогда занятый всего лишь одним обитателем дом с голыми стенами и коврами на линолеумных полах, казался пустым, а на вкус Артура — еще и чересчур холодным и неприветливым.

Итака твердо взяла хозяйство в свои руки. Высокая рыжеволосая, внешне она больше походила на роль шекспировской героини, чем хозяйки ранчо. Ее незаметное присутствие сглаживало впечатление от излишне больших комнат. «Ее всегда ровно столько, сколько надо, не больше и не меньше» — сказал однажды Харри о жене. Артур прекрасно понял, что имеет в виду его друг.

Артур постучал в дверь, и Итака открыла ему, тепло улыбнувшись. Артур церемонно прикос-

нулся губами к пальцам ее протянутой руки.

— Миледи, — сказал он торжественно, — достопочтенный ученый дома?

— Привет, Артур. Я рада тебе. Харри дома и абсолютно невыносим.

— Из-за болезни?

— Нет. Причина в другом, и она, как мне кажется, связана с тобой. — Итака никогда не задавала лишних вопросов. — Сварить кофе? Ну и холодная зима выдалась! А сегодня и вовсе ужасный день.

— Да, пожалуйста. В кабинете?

— Да, это его святая святых. Как Франсин? Мартин?

— Хорошо.

Он засунул руки в карманы, всем своим видом демонстрируя желание поскорее увидеть друга. Итака кивнула.

— Я принесу кофе в кабинет. Проходи.

— Спасибо.

Артуру всегда хотелось вслух выразить восхищение ее внешностью — она и сейчас выглядела прекрасно, — но Итака не любила комплименты. Она относила достоинства своей наружности и избранного ею стиля одеваться к таким же естественным свойствам, как дыхание. Артур

неловко улыбнулся и направился через холл.

Дрова громко потрескивали в камине. Раньше эта комната служила Файнману спальней, а после женитьбы он превратил ее в кабинет. Трех больших спален с каминами вполне достаточно для такого дома. За стулом громоздились кипы книг, частично весьма толстых, древних, потрепанных. Над камином, словно охотничий трофей, висела клавиатурой вниз пишущая машинка «Олимпия», причем к одной из клавиш были привязаны три пробирки, завернутые в копировальную бумагу и скрепленные красной ленточкой. История, из-за которой в кабинете появился столь необычный экспонат, была связана с защитой Файнманом докторской диссертации, и Харри вспоминал о ней, только когда выпивал лишнего.

У Харри на коленях лежала книга Брина и Куипера о поисках внеземных цивилизаций. Маккленнан и Роттерджек хранили эту книгу в ящиках своих письменных столов. Артур также заметил на круглом столе среди многочисленных инфодисков повесть Хикса.

— Ну наконец-то! — воскликнул Харри. — Меня заточили здесь, чтобы я набрался сил. Я в этой комнате — словно в клетке. Живу в ожидании

новостей. Так что же ты мне расскажешь?

— Я собираюсь в Австралию, и со мной — большая часть нашей группы. Мы отправляемся через три дня, на несколько часов задержимся на Таити. От нас ждут короткого доклада.

— Газетчики идут по следу, — предупредил Харри, поднимая густые брови.

— Крокермен намеревается предать эту историю огласке через месяц. Роттерджек и остальные относятся к его планам без энтузиазма.

— А ты?

— Газетчики! — проговорил Артур, пожав плечами. — Скоро они, похоже, не оставят нам альтернативы.

— Сначала придется выпустить этих горемык из Ванденберга. Не могут же военные держать их взаперти вечно! Ребята здоровы и не опасны.

Артур закрыл дверь кабинета.

— А Гость?

Харри слегка скривился.

— Подделка! — сказал он. — По-моему, он такой же робот, как и австралийские бутылки.

— Что думает Пхань?

— Отличный ученый, но эта история вытянула из него все жилы. Он заявил, что Гость — продукт цивилизации, совершенной с биологической

точки зрения. Стерильный организм с искусственными органами. Пхань считает пришельца прообразом будущего гражданина вселенной — живым прообразом.

— Ты не согласен?

— В организме Гостя нет и не подразумевается системы для вывода отходов. Запланированный моральный износ. Гость медленно пичкал сам себя ядами и, в конце концов, не выдержал. Также нет следов какого-либо способа освобождения организма от отходов путем внешнего диализа. Нет ни заднего прохода, ни мочевыводящего канала, ни клапанов, ни специальных отверстий. Нет легких — он дышал через кожу. Не слишком-то эффективно для существа его размеров. Нет даже потовых желез. Все выглядит чертовски сомнительно. Но я все же не настолько уверен в этом, чтобы встать перед президентом и его людьми и закричать о своих сомнениях во все горло. В конце концов, проблема очень запутана, не так ли?

Артур кивнул.

— Ты читал отчет полковника Роджерса и видел фотографии, сделанные им?

Харри взял инфодиск с оранжевым ярлыком.

— Мне привезли его на автомобиле военно-воздушных сил вчера. Впечатляет.

— И наводит страх.

— Я не сомневался, что ты испуган, — сказал Харри. — Мы думаем одинаково, да?

— Как всегда, — подтвердил Артур.

— Итак, биологический аспект настораживает. А как насчет горы?

— Уоррен представил доклад о результатах предварительного исследования. Он утверждает, что, судя по образцам минералов, мы имеем дело с настоящей горой. Однако, он согласен с Эдвардом Шоу — отсутствие признаков эрозии действительно наводит на подозрения. Абанте не в состоянии разгадать тайну ее внутреннего строения. По его мнению, гора напоминает декорации к научно-фантастическому фильму: она живописна, но, вместе с тем, противоестественна. И ни намека на присутствие других «гостей».

— Так каков же вывод?

Артур вытащил из-за двери складной стул, разложил его и присел.

— Похоже, . что наша теория наконец приобретает определенную ясность.

Харри кивнул.

— Кто-то ведет с нами нечестную игру.

Артур жестом подтвердил свое согласие.

— Но почему же они хотят обвести нас вокруг

пальца? — задумался Харри.

— Заставить нас действовать и выяснить наши возможности, — предположил Артур.

— Неужели они боятся нас?

— Я говорю об одном из объяснений.

— Господи! Они, должно быть, обогнали нас на тысячелетия!

— Необязательно.

— Как же иначе? — спросил Харри голосом, поднявшимся почти на октаву.

— Возьмем, к примеру, капитана Кука, — сказал Артур. — Гавайцы почитали его как бога. А двумя столетиями позже они водят машины, как и весь остальной мир… и смотрят телевизор.

— Гавайцы оказались в полной власти поработителей, — ответил Харри. — У дикарей не было ни одного шанса, они не могли противостоять пушкам.

— Но они убили Кука, ведь так?

— Так ты предлагаешь что-то вроде сопротивления?

— Мы забегаем вперед.

— Ты прав, черт возьми. Вернемся к самому началу. — Харри раскрыл книгу, лежащую у него на коленях. — Ты интересуешься моим здоровьем?

Артур кивнул.

— ты способен на дальние переезды?

— Не очень-то дальние и не сейчас. — Вчера врачи всадили в меня множество волшебных пуль, чтобы воздействовать на иммунную систему, укрепить костный мозг… Тысячи укрощенных ретровирусов делают свое дело. Я чувствую себя, как в аду, большую часть времени. Мы еще не приступили к облучению и химиотерапии.

— Ты можешь работать? Слетать в Калифорнию?

— В любое место, где я нужен, но куда «Скорая помощь» Медицинского Центра сможет добраться хотя бы за два часа. Я превратился в развалину, Артур. Тебе не следовало останавливать свой выбор на мне. А мне не следовало соглашаться.

— Но ведь ты продолжаешь мыслить, не правда ли?

— Да.

— Тогда ты полезен. Необходим.

Харри посмотрел куда-то мимо Артура.

— Итака очень переживает.

— Она выглядит жизнерадостной.

— Она хорошая актриса. По ночам, во сне, ее лицо… Она плачет. — Глаза Харри при этих словах увлажнились. Он казался гораздо моложе, почти мальчиком. — Господи. Я рад, что эта болезнь

выпала на мою долю. Если бы дело обстояло по-другому, и смерть ожидала бы жену, я был бы в худшей форме, чем сейчас.

— Но ты не умираешь, — убежденно сказал Артур. — Мы почти переступили порог двадцать первого века. Лейкемия уже не убивает.

— Только если ею страдают дети, Артур. Но для меня… — Харри поднял руки.

— Если ты покинешь нас, я буду безутешен. — Артур почувствовал, как глаза против его воли наполняются слезами. — Помни об этом.

Харри промолчал.

— Кузница Бога, — наконец вымолвил он, покачивая головой. — Если это попадет в газеты…

— Достаточно мрачных разговоров на сегодня… — остановил его Артур.

Харри позвал жену и попросил ее приготовить спальню для гостей. Пока Итака хлопотала, Артур впервые за два дня позвонил в Орегон.

Разговор с Франсин занял немного времени. Он ничего не мог сообщить ей кроме того, что у него все в порядке. Франсин была достаточно деликатна и достаточно хорошо знала мужа, чтобы не упомянуть о последних газетных сообщениях.

Легче не стало. Когда Артур повесил трубку, он понял, что скучает по семье больше, чем прежде.

20 октября, Австралия (19 октября, США)

На небольшом экране, укрепленном высоко над головами пассажиров, транслировался фильм о полетах в Мельбурн. Артур оторвался от материалов, которые просматривал, и посмотрел вверх. Рядом с ним дремал пожилой мужчина в сером шерстяном костюме в елочку.

Под бодрую джазовую мелодию на экране промелькнула мультзаставка, предвещающая программу «Австралия Ассошиэйтид Пресс Ньюс Нетуорк». Довольно простое немолодое, морщинистое лицо комментатора Рэйчел Венс улыбнулось поверх голов рассеянно следящих за экраном пассажиров.

— »Здравствуйте! Главное событие сегодняшнего дня, конечно, все еще связано с инопланетянами. Вчера прошла очередная встреча между австралийскими учеными и роботами, известными как Пузанчики. Их называют так потому, что они напоминают этих добродушных персонажей юмористических картинок, выполненных художников Ал Каппом. До сих пор информация,

полученная в ходе встречи официально не оглашена, но представитель кабинета сообщил, что продолжается обсуждение вопросов, связанных с теоретической физикой и астрономией, и пока еще не затронуты биологические проблемы».

На экране появилось уже знакомое Артуру лицо пресс-секретаря правительства. Гордон внимательно слушал. Ничего нового.

— Роботы не сообщают данные о плотности населения Галактики. Таким образом, нам по-прежнему неизвестно, сколько планет можно считать обитаемыми и какие существа заселяют их…

Кадр сменился другим: три Пузанчика направляются к вагончикам, где происходят встречи. Вокруг сухая колючая трава, а поблизости — высокая фальшивая гора. Роботы перемещались плавными толчками, этот способ движения наводил безотчетный страх, глубоко будоражил душу. За ним могло стоять высочайшее техническое мастерство… или какой-то оптический трюк, спектакль, рассчитанный на примитивных туземцев.

Венс снова появилась на экране, ее лицо с приветливой улыбкой казалось высеченным из камня.

— »Вашингтон Пост» и «Нью-Йорк Таймс» сообщили сегодня, что конус потухшего вулкана в Долине Смерти, Калифорния, закрыт для туристов. «Пост» связывает это сообщение с исчезновением трех молодых людей и девушки, якобы задержанных военными властями Калифорнии.

Ничего нового, но уже ближе… Опасная близость! Артур откинулся на спинку кресла и посмотрел в иллюминатор, на океан и облака, проплывающие в десятках тысяч футов под ним. Безмерность, подумал он. Кажется, что только это и существует — океан и облака. Я мог бы путешествовать всю жизнь, но и тогда не увидел бы всю планету. Вид из иллюминатора не столько подтверждал необъятность Земли, сколько заставлял ученого по-новому взглянуть на свою жизнь и работу.

Артур попробовал вздремнуть. До посадки в Мельбурне далеко, а он уже измотан.

Гора, все еще безымянная, протянулась вдоль линии горазонта на полмили. Утро раскрасило ее от основания до вершины полосами пурпурного, красного и оранжевого цвета. Сине-серое небо предвещало жару. Стояла весна, необычно засушливая. Не чувствовалось ни дуновения ветерка.

Артур выпрыгнул из неуклюжего, с мощными шинами, автомобиля, принадлежащего штабу Королевской австралийской армии, в рыжее месиво грязи и уставился через всю долину на гору. Консультант по науке Дэвид Роттерджек встал рядом с ним. Меньше чем через десяток метров начиналось первое кольцо ограждений из колючей проволоки, резко петляющее среди серебристо-серых кустов и зарослей колючих трав.

Неспешно, почти вразвалку Квентин Бент шел по рыжей пыльной тропе. Этот сорокапятилетний человек с седой челкой, спадающей на лоб, отличался крупным телосложением, приятной улыбкой на красном лице, и пессимистичным выражением голубых глаз. Сначала он протянул руку Роттерджеку. В другой армейской машине прибыл Чарльз Уоррен, геолог из Кент-Стейта. Его сопровождали ассистенты Бента — Форбес и Френч.

— Мистер Гордон, — обратился Бент к ученому, пожимая ему руку, — я только что прочитал тезисы доклада, с которым собираются выступить представители американской оперативной группы. Если не ошибаюсь, над ним, в основном, работали вы и доктор Файнман?

— Да, — ответил Артур. — Надеюсь, мы ясно

изложили факты.

— Куда ясней, — проговорил Бент, приподнимая подбородок, будто принюхиваясь. Однако при этом он не сводил глаз с собеседника. — Крайне тревожная информация. Господа, я получил сигнал от наших Пузанчиков — мы все называем их так, и они не могут обижаться, не правда ли? — и мы собираемся встретиться с ними сегодня в полдень в вагончике номер три. Каждый день, — почти задыхаясь, продолжал он, — они выходят и навещают нас, никогда не покидая окрестностей горы. До полудня мы успеем позавтракать и осмотреть местность, если вы не против. Вы хорошо выспались, доктор Гордон, мистер Роттерджек, доктор Уоррен?

— Вполне, — сказал Роттерджек, хотя под его глазами темнели круги.

Бент сверкнул улыбкой и вразвалку зашагал.

— Идемте, — пригласил он.

Артур оказался рядом с Уорреном, человеком среднего роста с жидкой прядью волос, зачесанной на лысину, и большими глазами над длинным носом.

— На что это похоже? — спросил Гордон.

— На Айерз-Рок, только поменьше, — ответил Уоррен, покачивая головой. — Здешняя гора

выглядит более подозрительно, чем в Долине Смерти. Честно говоря, я бы не удивился, увидев такую в Диснейленде.

Завтрак прошел спокойно. Бент представил американцев ученым, исследующим гору и, в том числе, руководителю геологической группы доктору Кристине Кармайкл. Она сообщила, что ни один из изученных минералов не принесен из космоса; таким образом, весь «камуфляж» выполнен из материалов земного происхождения. Артур попытался представить, как безвестные строители незаметно для всех возводили гору, но воображение отказало ему.

Обсуждение других проблем не заняло много времени. Бент задал только три вопроса: в каком свете правительство Америки представит происходящие события общественности (Роттеджек ответил, что они вообще не планируют ничего подобного), как они трактуют рассказ Гостя о космическом корабле, пожирающем планеты (рассказ казался американцам правдивым), и видят ли они связь между глыбой в Долине Смерти и австралийской горой. Роттерджек не рискнул взять на себя ответственность, высказав свою точку зрения. Он предпочел промолчать. Уоррен не считал, что достаточно хорошо изучил суть

дела, чтобы составить определенное мнение. Артур же кивнул.

— Да, безусловно, такая связь существует.

— Реально ли, что нас одновременно посетили жители различных звезд и планет? — спросил Бент.

— Маловероятно, — отозвался Артур.

— Но возможно? — настаивал он.

— Возможно, но все же маловероятно.

— Итак, мы по-прежнему не знаем, что происходит, — вмешался Форбес, приглаживая рукой светлые волосы.

— Не исключено, что идет волна миграции машин, достигшая наконец и нашей планеты, — прибавил Френч. — Может статься, все цивилизации развиваются по одной и той же эволюционной схеме, и, подобно туче, излившейся дождем, настала пора…

Бент отодвинул опустевшие тарелки из-под бифштекса, яиц и фруктов.

— Мы — компания оптимистов, доктор Гордон. Наша нация моложе вашей. Должен признаться, мы по-своему заинтересованы в дружественных намерениях наших гостей. Премьер-министр и члены кабинета — не стану упоминать о его преподобии мистере Колдекоте… — Он обвел

взглядом присутствующих и широко улыбнулся — Мы все верим, что появление инопланетян поставит нас в один ряд с самыми могущественными государствами. Мы могли бы превратиться в центр культуры, строительства, образования, научных исследований. Если за событиями на Фернис-Крике скрывается что-то ужасное — а именно так нам кажется, — то мы вполне можем придерживаться теории, что с нашей горой дела обстоят иначе. Независимо от того, принесет эта версия пользу или вред. Вы понимаете меня?

— Конечно, — сказал Роттерджек. — Мы бы хотели согласиться с вами.

Он посмотрел на Артура.

— Но не можем, — произнес тот.

— Ну что ж, зато мы откровенны друг с другом и спорим, словно старые друзья… Господа, нас ждет вертолет.

В свете лучей уже поднявшегося высоко солнца гора приобрела красновато-коричневый оттенок, кое-где смешанный с охрой. Артур, глядя сквозь плексиглазовый иллюминатор, покрытый паутинкой тонких царапин, покачал головой.

— Поразительно, — воскликнул он, стараясь перекричать рев двигателя и стрекотню лопастей.

Уоррен кивнул и прищурился от внезапно

ослепившего его солнечного света.

— Скала гранитная, но я не вижу признаков отслоения. Полосчатость вертикальная, что абсолютно не типично для этого района. Такое, скорее, встречается в окрестностях Айерз-Рок. А где следы выветривания? Где отверстия и пещеры? Перед нами мастерски выполненная подделка — но только не для настоящих геологов. Меня интересует вот что: зачем они потратили столько усилий на маскировку, если знали, что им все равно придется выйти из корабля и, тем самым раскрыть тайну?

— На некоторые наши вопросы они еще не ответили достаточно ясно, — признался Бент. — Прямо перед нами отверстие, через которое Пузанчики вылетают на встречи с нами. Известны еще два выхода, оба очень маленькие, не больше метра. Но оттуда никто и ничто не появляется. Их не стали исследовать. Мы полагаем, что лучше всего доверять пришельцам: дареному коню в зубы не смотрят, ведь так?

Гордон неуверенно кивнул.

— А что бы вы сделали на нашем месте? — спросил Бент, не скрывая раздражения и смущения.

— Наверное, то же самое, — предположил Артур.

Вертолет сделал два круга над горой и приземлился возле вагончика, предназначенного для встреч с инопланетянами. Шум мотора сменился мерным рокотом, лопасти медленно остановились. Артур, австралийцы, а следом за ними Роттерджек направились по рыжей пыли и гравию к вагончику, окрашенному в серый и белый цвета. Установленный на крепких металлических козлах и железобетонных столбах вагончик возвышался на метр над землей.

Бент вытащил ключи и открыл алюминиевую дверь, покрытую белой краской. Он пропустил вперед Гордона, Роттерджека и Уоррена, и ученые вошли в комнату, наполненную тихим жужжанием кондиционеров. Форбес и Френч последовали за ними. Артур промокнул платком пот на лбу и с наслаждением подставил лицо под струю прохладного воздуха. Форбес и Френч придвинули стулья к столу, за которым обычно проходили встречи. Френч включил монитор, и все шестеро уставились на экран с изображением отверстия в горе.

— Высказывают ли Пузанчики желание отправиться еще куда-нибудь? — спросил Артур.

— Нет, — сказал Бент, — как я уже говорил, они не покидают окрестностей горы.

— Может быть, они сообщили, что ожидают прибытия новых кораблей?

— Нет.

Артур поднял брови. Из двухметрового отверстия появились три блестящих предмета в форме тыкв. На высоте тридцать или сорок сантиметров над землей они остановились и зависли в воздухе. Грациозно подпрыгивая и покачиваясь, Пузанчики преодолели полкилометра, разделяющие гору и вагончик. Они двигались шеренгой, словно солдаты, идущие в бой.

У Артура затряслись руки. Роттерджек нагнулся к нему и сдержанно прошептал:

— Мне страшно. А вам?

Бент посмотрел на американцев с туманным двусмысленным выражением на лице.

Мы посвятили его в ужасную тайну. Он пребывал в неведении, пока мы не появились. На пороге научного открытия он чувствует себя на седьмом небе.

Люк, расположенный в одной из стен вагончика, открылся, и внутрь ворвалась струя горячего воздуха и свежий сладковатый запах мальги. Гордон увидел, как в потоке солнечного света появилось подобие трапа; пользуясь им, Пузанчики закатились в вагончик и устроились за столом

напротив людей. Люк захлопнулся. Компрессор кондиционера шумел на крыше.

Артур старался получше рассмотреть роботов. Помимо странной конфигурации и голубоватого металлического блеска, они не отличались ничем особенным. Артур не заметил ни сенсорного устройства, ни звуковоспроизводящих мембран, ни рук. Ничего.

Бент подался вперед.

— Добро пожаловать. Сегодня пятнадцатая встреча, и на этот раз я пригласил троих наших коллег. Позже к нам присоединятся еще несколько человек. У вас все в порядке? Вы удовлетворены ходом событий?

— Да, мы удовлетворены, — ответил робот, расположившийся в центре группы инопланетян, то ли мужским, то ли женским голосом. Интонация и произношение в точности соответствовали австралийским. Артур легко мог представить себе юношу из респектабельной семьи, разговаривающего в такой манере.

— Эти господа, Дэвид Роттерджек, Чарльз Уоррен и Артур Гордон, прибыли из дружественной нам страны — из Соединенных Штатов Америки, — чтобы побеседовать с вами и задать несколько важных вопросов.

— Приветствуем мистера Роттерджека, мистера Уоррена и мистера Гордона. Мы готовы выслушать любые вопросы.

Роттерджек выглядел ошеломленным. Он явно не желал начинать разговор. Артур обратился к роботу.

— Мы столкнулись со сложной проблемой.

— Да?

— В нашей стране появился аппарат, похожий на ваш, спрятанный в вулканическом конусе. Из него выбралось живое существо. — И он кратко пересказал дальнейшие события, дивясь собственному хладнокровию. — Совершенно очевидно, что история, поведанная этим существом, противоречит вашим словам. Не можете ли вы объяснить, почему две версии не согласуются друг с другом?

— В них нет логики, — произнес робот. Артур едва справился с острым желанием отступить перед таинственным и уйти. Голос машины звучал ровно, без тени эмоционального возбуждения, с чуть заметным превосходством. — Вы уверены в правдивости истории?

— Уверены так же, как в том, что видим вас, — сказал Артур.

Желание отступить сменилось раздражением,

а затем гневом. Они сознательно заводят нас в тупик. Черт возьми!

— Загадочно. Есть ли у вас снимки или другие документальные материалы, чтобы мы могли их изучить?

— Да. Пожалуйста.

Артур положил на стол портфель и вытащил из него кипу цветных фотографий. Он разложил снимки перед роботами, которые, казалось, не проявили к ним ни малейшего интереса.

— Мы запечатлели вашу информацию, — заявил все тот же робот. — Мы по-прежнему в недоумении. Можно ли объяснить происшедшее разногласиями, существующими между двумя странами?

— Как уже сказал мистер Бент, наши страны связывают отношения дружбы. Можно говорить лишь о незначительных расхождениях в подходах к отдельным несущественным проблемам.

В комнате на несколько минут воцарилась тишина. Потом Роттерджек сказал:

— Мы считаем, что оба объекта — ваш и гора в Калифорнии — находятся под контролем одних и тех же существ. Можете ли вы доказать, что мы ошибаемся?

— Существ? Вы предполагаете, что тот, другой

объект — если он на самом деле существует — контролируется нами?

— Да, — признался Артур. Роттерджек кивнул.

— Предположение не имеет смысла. Наша миссия здесь предельно ясна. Мы уже говорили вашим исследователям, что стремимся мирными эффективными средствами поднять человеческую культуру до уровня развития других сообществ. В наших действиях не было и нет угрозы.

— Это так, — примирительно заметил Бент. — Но нет ли в вашем обществе групп, отвергающих эти принципы? Может, кто-то пытается помешать вам?

— Исключено.

— Имеются ли другие объяснения? — спросил Бент, не скрывая разочарования.

— Ни одно не является подходящим. Наш корабль не сконструирован для нанесения ударов по другим мирам.

В руках Артура появился еще один пакет с фотографиями.

— Полгода назад спутник планеты Юпитер — вам знакомо это название?..

— Да.

— Шестой спутник, Европа, исчез. Мы так и не

смогли обнаружить его. Можете ли вы объяснить этот факт?

— Нет. Мы не отвечаем за явления подобного масштаба.

— Не могли бы вы помочь нам разгадать эти тайны? — попросил Бент с нотками отчаяния в голосе.

Он, совершенно очевидно, испытывал не меньший ужас, чем тот, который овладел всеми, соприкоснувшимися с калифорнийской загадкой. Концы не сходились с концами. Отсутствие объяснений можно рассматривать как вызов…

— У нас нет объяснений. — И робот добавил дружелюбно: — Удивительные события!

Бент взглянул на Артура.

Они оставили нас в дураках!

— Не лучше ли нам вернуться к запланированным пунктам беседы?

Робот хранил молчание. Стараясь не выдать волнения, Бент сцепил пальцы и положил руки на стол.

— Возможно, мы просто не понимаем друг друга, — наконец произнес робот. — Возможно, все эти трудности преодолимы. Сегодняшняя встреча не имеет значения. Увидимся позже.

Не добавив ни слова и не обращая внимания на

вежливые протесты Квентина Бента, пришельцы поднялись и уплыли через люк. Пустыня вновь напомнила о себе людям, собравшимся в вагончике, обдавая их жаром до тех пор, пока люк не захлопнулся.

Ошеломленные внезапным окончанием встречи ученые уставились друг на друга. Бент находился на грани истерики.

— Хорошо, — сказал он, вставая, и взглянул на экран телевизора, установленного высоко в углу. Камеры следили за роботами, возвращающимися к горе. — Мы видим, как…

Резкий удар потряс вагончик. Послышался страшный грохот. Артур, сброшенный со стула, полетел на пол и врезался в стул Роттерджека. Началось, промелькнуло в мозгу. Он приземлился на отставленные назад руки и быстро поднялся, опираясь о стол. Бент показывал на экран телевизора, не прекратившего работать. Роботы исчезли.

— Они взорвались! — крикнул австралиец. — Я видел! Видел ли кто-нибудь, кроме меня? Они просто разлетелись на кусочки.

— Господи, — проговорил Роттерджек.

— Кто-то выстрелил в них? — спросил Форбес, внимательно наблюдая за Роттерджеком и Ар-

туром.

— Кто знает! — ответил Бент.

Они выбрались из люка и влились в толпу людей, беспорядочно бегущих по направлению к тому месту, где в последний раз видели роботов. В пятидесяти метрах от горы появилось три зияющих кратера диаметром в два метра каждый. От роботов не осталось и следа — ни частичек, ни обгоревших деталей.

Квентин Бент стоял, согнувшись и уперев руки в колени. Он рыдал и извергал проклятия, глядя поверх слепящей пустыни на гору.

— Что случилось? Что, черт возьми, произошло?

— Ничего не осталось, — сказал Форбес.

Покрасневший, как рак, Френч кивнул. Бент взглянул на американцев: вот чьих это рук дело!

— Вы знаете, что случилось? — громко спросил он, поворачиваясь к Гордону. — Очередная американская шутка?

— Нет, — ответил Артур.

— Самолеты, ракеты... — Бент начинал нести бессмыслицу.

— Мы не слышали шума самолета... — начал Френч.

— Они уничтожили сами себя, — тихо прервал

его Артур и осторожно обошел кратеры.

— Но это, черт возьми, невозможно! — выкрикнул Бент.

— Возможно. — Артуру вдруг стало холодно, словно он проглотил кусок сухого льда. — Вы читали Лиделла Харта?

— О ком, Бога ради, вы говорите!? — заорал Бент и, сжав кулаки, надвинулся на Артура, но затем отступил. Роттерджек держался в стороне.

— »Стратегия» сэра Бейзила Лиделла Харта.

— Я читал, — вымолвил Роттерджек.

— Вы сошли с ума, — заявил Френч. — Вы все безнадежно сумасшедшие.

— Исчезновение Пузанчиков записано на пленку, — сказал Форбес и поднял руки, утихомиривая коллег. — Нам необходимо посмотреть ее. Если роботы стали жертвой диверсии, мы сможем убедиться в этом.

Артур чувствовал, что рассудок не изменил ему. Теперь он все понял.

— Простите, — сказал он. — Я объясню, когда все остынут и будут способны воспринимать мои слова.

— В задницу! — бросил Бент, понемногу приходя в себя. — Я требую сюда группу физиков. Я хочу послать на корабль сообщение. Если начинается

война, я не желаю, чтобы создалось впечатление, будто мы развязали ее.

— Мы никогда еще не посылали туда сигналы и ничего не получали от них, — заметил Форбес, качая головой.

— Плевать! Передавайте на всех возможных частотах следующее: «Не причастны к уничтожению посланцев». Ясно?

Форбес кивнул и вернулся в вагончик, чтобы передать распоряжение начальника.

— Мистер Гордон, я готов внимательно выслушать вас. Какого черта вы притянули сюда стратегию Харта? — спросил Бент, останавливаясь на противоположной стороне кратера.

— Неожиданное приближение.

— То есть?

— Никогда не приближайся к противнику с той стороны, с которой он ожидает твоего появления, и никогда не раскрывай перед ним свои карты.

Бент, несмотря на возбуждение, понял смысл сказанного.

— Вы думаете, мы имели дело с военной хитростью?

— Да.

— Но в таком случае, ваш Гость — тоже уловка. С какой стати им предупреждать нас о близкой

гибели планеты, а потом представить это как мистификацию?.. Обещать спасти — и превратить все в трюк?

— Не знаю, — сказал Артур. — Чтобы запутать нас.

— Дьявол! Их могущество превосходит наши самые смелые предположения. Они воздвигают горы за одну ночь, пересекают космос в огромных кораблях и, если верить вашим словами, разрушают целые миры — зачем же тратить силы на то, чтобы обмануть нас? Разве мы обращаемся с приветствиями к муравьям перед тем, как уничтожить муравейник?

Артур не знал, что ответить. Он потряс головой и поднял руки. От жары он чувствовал дурноту. Странно — или может, не так уж и странно, — но в этот момент его больше всего заботила реакция президента на случившееся здесь.

— Первым делом надо поговорить с Хиксом, — сказал Артур Роттерджеку, когда они садились в джип, курсирующий между вагончиками и ограждением.

— Зачем? И без него проблем хватает.

— Хикс… Может, ему удастся объяснить случившееся президенту. Найти наиболее подходящие слова.

Роттерджек, сидевший на заднем сиденье, перешел на шепот.

— Силы ада вырвутся на свободу. Маккленнан, Шварц и я — нас всех ждет суровая борьба… На чьей вы стороне?

— Я не понимаю.

— Вы поддерживаете вариант Армагеддона, или у нас есть шанс?

Артур собирался было ответить, но закрыл рот и покачал головой.

— Крокермена закачает, когда он услышит об этой истории, — простонал Роттерджек.

Ожидая в аэропорту Аделаиды лимузин, высланный за учеными, Артур позвонил в Орегон. Прошедший день и долгий перелет вымотали его. В Орегоне утро еще только начиналось, и Франсин ответила сонным голосом.

— Прости, что разбудил, — сказал Артур. — Не думаю, что смогу позвонить в ближайшие дни.

— Я так рада этому звонку. Люблю тебя.

— Я страшно соскучился. Чувствую себя оторванным от вас. Больше для меня ничто не важно.

— Ты можешь о чем-нибудь рассказать?

— Ни о чем, — ответил Артур, ущипнув себя за щеку.

— Ну, ладно. А вот у меня есть что передать тебе. Догадайся, кто звонил?

— Даже не знаю. Кто же? Неужели…

— Вот ты и догадался. Крис Райли. Он просил меня записать. Слушай: «Обнаружены два новых необычных объекта размерами с астероид, каждый — приблизительно двести километров в диаметре. Они покрыты недавно образовавшейся коркой льда — почти белоснежной. Движутся по необычного вида гиперболическим орбитам. Возможно, это огромные очень молодые планеты». Ну, что? Тебе это о чем-нибудь говорит? Райли предположил, что ты будешь заинтересован.

— Остатки Европы?

— Звучит романтично, не правда ли? — протянула Франсин по-прежнему сонным голосом. — Он сказал, что ты так и подумаешь.

— Продолжай, — попросил Артур. Ощущение реальности все больше ускользало от него.

Она продолжала читать: «Если мы имеем дело с осколками Европы, то остается удивляться их далеко расположенным друг от друга орбитам. Один из объектов встретится с Венерой в следующем году, когда Венера окажется в…» Подожди. Здесь кончается страницы… «В положении наибольшего кажущегося сближения с Землей.

Другой столкнется с Марсом в конце 1997 года». Понятно?

— Кажется, да.

— Марти спит, но он просил меня сообщить тебе, что Годж теперь знает команды «сидеть» и «к ноге». Сын гордится псом. К тому же, он прочитал серию о Тарзане от корки до корки.

— Мой славный мальчуган. — Глаза Артура на мгновение сами собой закрылись и он чуть не потерял сознание. — Дорогая, я едва держусь на ногах. Упаду на месте, если не смогу поспать в ближайшее время.

— Мы оба надеемся на твое скорое возвращение. Я уже успела привыкнуть к тому, что ты рядом. Дом без тебя пуст.

— Я люблю тебя, — сказал Артур, все еще не в силах открыть глаза. Мысленно он пытался представить себе лицо жены.

— И я тебя.

Гордон сел в лимузин позади Уоррена и Роттерджека.

— Вы слышали что-нибудь о двух ледяных астероидах? — спросил он.

Спутники отрицательно покачали головами.

— Один из них разрушит Венеру, а другой разнесет на куски Марс. И то и другое произойдет в

следующем году.

Уоррен, несмотря на бесконечную усталость, нашел в себе силы выразить изумление. Роттерджек забеспокоился.

— Какое отношение все это имеет к нам?

— Не знаю, — ответил Артур.

— Чертовски забавное совпадение, — заметил Уоррен.

— Так значит, астероиды столкнутся с Венерой и Марсом? — переспросил Роттерджек, с трудом заставляя свой мозг включиться в работу.

— В следующем году, — повторил Артур.

Советник президента по науке сжал губы, кивнул и уставился в окно, глядя на редкие в этот поздний час встречные машины.

— Не верю, что это простое совпадение, — сказал он. — Что, во имя Господа, происходит?

1 ноября, восточное тихоокеанское время (2 ноября, США)

Уолт Сэмшоу спускался по трапу судна «Дискаверер» с элегантностью привычного к подобным упражнениям человека. он скользил руками по перилам и бесперебойно работал ногами несмотря на то, что очертания ступенек лишь слегка проступали в темноте. Сэмшоу нагнул голову, чтобы уберечь свою веснушчатую загорелую лысину от столкновений с многочисленными перегородками, встречающимися на пути. В море возраст не напоминал о себе так упорно, как на суше; здесь Уолт вновь становился проворным и ловким. Длинноногий и долговязый, с узким лицом, Сэмшоу провел более двух третей своей семидесятипятилетней жизни в море. Сначала служба во флоте с 1942 по 1952 год, а потом — около сорока лет исследовательской деятельности в области физической океанографии.

Глубоко в трюме корабля, в просторном грузовом отсеке расположились его любимые детища: три вертикальных устройства высотой в чело-

веческий рост — три стальных цилиндрических гравиметра, предназначенных для измерения гравитационных отклонений впадин, находящихся на глубине десять тысяч метров. «Дискаверер» уже в шестой раз проплывал над котловиной Рамапо. Море, спокойное и прозрачное, казалось стеклянным; корабль шел вперед, развивая скорость до десяти узлов, плавно скользя по воде — идеальные условия для исследователей. Ученые имели возможность выверить средние показатели всех шести измерений с точностью плюс-минус два миллигаллона.

Сэмшоу спустился в трюм и громко затопал по стальному полу. Его молодой коллега Дэвид Сенд улыбнулся Уолту, повернув к нему лицо, на которое цветной экран отбрасывал зеленосерые и алые блики. Сэмшоу протянул Сенду алюминиевую тарелку с крышкой, захваченную в столовой.

— Ну, что сегодня в менюЮ — спросил Сенд.

Он был вдвое моложе Сэмшоу и почти вдвое легче его, с крепкой фигурой, широким лицом, светло-голубыми глазами, с маленьким ирландским носом картошкой и рыжей жесткой шевелюрой. Сэмшоу заглянул под крышку. В глубине души он относился к Сенду, как к сыну:

он всегда окружал младших по возрасту коллег суровой любовью, которую мог бы питать к собственным детям, если бы имел их. Сенд знал это и ценил; вряд ли он встретит на своем пути лучшего друга, напарника и учителя.

— Жареный палтус, пирог со шпинатом и свекла, — объявил Сэмшоу. Корабельный повар родом с Филиппин гордился умением готовить блюда западной кухни и баловал ими ученых дважды в неделю.

Сенд скорчил гримасу и покачал головой.

— Наемся до отвала — плохо скажется на работе.

Сэмшоу поставил тарелку перед коллегой и взглянул на установленные треугольником гравиметры.

— Не хотелось бы испортить прекрасный вечер, — пробормотал Сенд. Он повернул несколько рукояток, показал головой на дисплей и вонзил вилку в кусок свеклы.

— Так все удачно?

— Дело идет чертовски хорошо, лучше некуда. Я поем, а ты можешь сменить меня через часок.

— Ты не лопнешь? — поинтересовался Сэмшоу.

— Я молод, обрасту новой кожей, — ответил Дэвид.

Сэмшоу усмехнулся, зашагал к трапу и вернулся по лабиринту коридоров на палубу. Воды Тихого океана, переливаясь серебряным и бархатисто-черным цветом, струились вокруг корабля лениво, как густой сироа. Воздух казался необычайно сухим и чистым. От края до края небо покрывали звезды. Появился молодой месяц — крохотная дуга, затерянная в бездне ночи. Сэмшоу присел на якорную цепь на носу корабля, расслабился и удовлетворенно вздохнул. Рабочая неделя выдалась непростая, океанограф чувствовал приятную усталость, им овладело добродушное настроение, приходящее вместе с удачными результатами долгого труда.

Сэмшоу решил уточнить их местонахождение. Экран специального карманного прибора высветил цифры: 142o32'10'' — 30o45'20''. Таким образом, «Дискаверер» плыл в 130 километрах к востоку от Тору-Айленд. Через четыре часа они развернутся и совершат седьмой заход в исследуемый район.

Сэмшоу довольно рыгнул и начал насвистывать «Нитку жемчуга».

Уолт Сэмшоу после тридцати лет бурной счастливой супружеской жизни — он очень любил жену — остался вдовцом. И теперь две милые

женщины души в нем не чаяли и скрашивали его одиночество в те семь месяцев, которые он ежегодно проводил на суше. Одна из них — пухленькая богатая вдова — жила в Ла-Джолле, другая — черноволосая филиппинка тридцатью годами моложе Сэмшоу — в Маниле. Она состояла в отдаленном родстве с давно ушедшим и оплаканным президентом Могсиси.

Стояла теплая, необычно сухая ночь, тихая и безветренная, ночь, словно предназначенная для глубоких раздумий и воспоминаний. Сэмшоу почувствовал неожиданный приступ лени: к черту науку, к черту «нужные результаты» и «плюс-минусдва миллигаллона». Лучше бы бродить где-нибудь по пляжу и наслаждаться видом волн, разбивающихся о берег. Праздное настроение покинуло его, но не бесследно; он знал, что желание отдохнуть — не что иное, как признак старости. Сэмшоу повернулся и перешагнул через цепь, потом вздрогнул, заметив краешком глаза что-то странное. Он обернулся. Маленькая светящаяся точка появилась на северной стороне неба и описала там дугу; спутник, подумал он, или метеорит. Теперь ученый с трудом увидел точку. Она почти затерялась среди звезд, но вдруг стала такой яркой, что напомнила реактивный

самолет. Двумя яркими лучами, направленными на юг, точка озарила холодным жутким серым светом все морское пространство. Потом лучи исчезли. Над головой Сэмшоу пролетел какой-то темный предмет. Он мысленно определил его положение — соответствует высоте солнца в четыре часа утра. Интересно, из какого созвездия прибыл этот визитер? Тут же летающий предмет осветился и удалился на двадцать градусов к югу. Теперь точка казалась не больше булавочной головки. Ему еще никогда не приходилось наблюдать метеорит так близко — потрясающее зрелище, настоящий огненный шар.

— На мостик! Смотрите вверх! — закричал он. — Все! Смотрите!

Светящаяся точка опускалась достаточно медленно, за ней легко было следить. Через несколько минут она достигла горизонта и пропала, только красные и зеленые круги еще некоторое время плыли у Сэмшоу перед глазами.

В том месте, где метеорит упал в море, поднялся столб воды, едва видимый в лунном свете. Над фонтаном возник туманный ореол, заслонивший горизонт.

— Боже, — сказал Сэмшоу.

Он хотел подняться, чтобы выяснить, видел ли

кто-нибудь, кроме него, удивительное явление. Никто не отозвался на его крик. Неожиданно Сэмшоу содрогнулся от устрашающего звона, напоминающего удар в гонг. Он удивленно застыл, затем отправился на мостик.

Старший помощник, старательный молодой китаец по имени Чао, перевел взгляд с рычагов управления на Сэмшоу. Красная подсветка вокруг мостика и большинства приборов помогала работать в темноте.

— Надвигается сильный шторм, — предупредил Чао, показывая на дисплей. — С огромной скоростью. Тайфун. Водяной смерч… Не знаю.

Четыре человека вылезли из люков и пришли на мостик. Корабль наполнился пронзительными голосами людей, переговаривающихся по системе внутренней связи.

— Метеорит, — объяснил Сэмшоу. — Упал и поднял волну в тридцати километрах к югу.

Капитан Рид, такой же седой, как Сэмшоу, хотя и на двадцать лет моложе океанографа, покинул свою кабину и присоединился к собравшимся на мостике. Он с любопытством выслушал Сэмшоу и с сомнением посмотрел на него.

— Мистер Чао, что у нас впереди?

— Неприятность, капитан, — ответил Чао. —

Чертовски сильный шторм. Очень быстро надвигается. — И он ткнул пальцем на увеличенное изображение на экране радара. Облака сине-красной вереницей стремительно приближались к ним. Шторм был уже виден.

Дэвид Сенд с недовольной гримасой на покрасневшем лице, ворча, поднялся с нижней палубы.

— Уолт, что бы там ни было, но вся работа полетела к чертям. У нас… О, Господи! — оправившись от вида надвигающейся стихии, он выругался. — Все шло так хорошо, а теперь на графике пик.

— Пик?

— Аномалия с короткой длинной волны. Резкий наклон, потом на мгновение ноль, а затем медленный подъем. Все погибло. Надо снова все проверять, может, даже послать установки обратно в Мериленд.

Капитан приказал развернуть судно так, чтобы шторм обрушился на нос. То тут, то там раздавались предостережения, свист, крики, трезвонили звонки.

— Что случилось? — спросил Сенд. Гнев, охвативший его, уступил место тревоге.

— Метеорит, — сказал Сэмшоу. — Огромный.

Фронт урагана накрыл корабль спустя семь минут после того, как Сэмшоу увидел падение в

море огненного шара.

«Дискаверер» упал в пропасть между двумя волнами, а потом взлетел над водой. Нос судна устремился в черное небо. Сэмшоу и Сенд крепко вцепились в поручни мостика. На их лицах застыли напряженные улыбки. Команда трудилась вовсю, стараясь, чтобы корабль не потерял управление, а капитан, не отрываясь, смотрел вперед.

— Мне приходилось бывать в худших переделках, — пытался перекричать стихию Сэмшоу.

— А мне нет, — выкрикнул в ответ Сенд.

— Я чувствую себя хмельным от восторга. Настоящая экзотика — высший класс. Увидеть, как метеорит упал в морские воды и что из этого вышло… Стоит сообщить на берег.

— Кто напишет отчет?

— Мы вдвоем.

— Я отключил оборудование, обнаружив аномалию. Когда прояснится, надо будет сделать еще один заход.

«Дискаверер», подумал Сэмшоу, выстоит. Непогода вскоре вновь сменится тишиной. Он ничуть не сомневался в этом. Лишь только ливень начал стихать и волны уменьшились, Сэмшоу пошел в каюту, чтобы записать все факты, цифры и уравнения, необходимые для понимания проис-

шедшего. Сенд, шатаясь, как пьяный, направился по коридорам и лестницам вниз. Проходя мимо Сэмшоу, он успел сказать, что хочет опять проверить проклятые гравиметры.

На следующий день, когда пришла их очередь передавать по радио сообщение в Ла-Джоллу, ученые все еще не пришли к окончательным выводам.

Больше всего их занимало одно явление: все три гравиметра зарегистрировали «пик» одновременно. Падение метеорита не могло вызвать такого отклонения. Предназначенные для работы в самолетах, на кораблях, гравиметры не реагировали на удары даже большей силы. Да и кроме того, метеорит упал в море уже после того, как график изменился.

Сенд составил список возможных гипотез и показал его Сэмшоу, когда они остались наедине.

— Все очень просто, — сказал он за завтраком. Они сидели на камбузе, и перед ними стояли тарелки с рубленой солониной и поджаренным белым хлебом. — Я сделал некоторые расчеты и сравнил три графика. Установки расположены слишком близко друг от друга, чтобы нам обращать внимание на показания каждой из них. Но я взял числовое выражение каждого пика и

обнаружил очень незначительный временной интервал между ними. Объяснение этому лишь одно. Анализируя явления, связанные с приливом и отливом, и делая поправку на поведение корабля как гравитационного объекта, график указал на объект массой около ста миллионов тонн, пронесшийся над установками по кривой.

— И откуда появился этот объект? — рассеянно спросил Сэмшоу.

— Непосредственно с севера, я полагаю.

— Где он упал?

— В сотне или в двухстах километрах отсюда.

Сэмшоу обдумал слова коллеги. Чем бы ни оказался огненный шар на самом деле, но он не тянул на сотню тонн и уж никак не на сто миллионов. Если бы над кораблем действительно пронеслось небесное тело размером с гору, то оно, упав в воду, расплескало бы Тихий океан, словно кофе в чашке.

— Ну, хорошо, — сказал Сэмшоу. — Проигнорируем показания графика. Будем считать, что имеем дело с обычной аномалией.

— Обычной — на всех трех гравиметрах? — спросил Сенд, саркастически ухмыляясь.

«Эн-Би-Си нэшнл ньюс», 2 ноября 1996

года. Комментатор Агнес Линдер.

Последняя сенсация и без того богатого событиями предвыборного года не укладывается в рамки самого богатого воображения. Речь идет о появлении космических пришельцев. Жители Соединенных Штатов, как показывают опросы общественного мнения, пребывают в недоумении и растерянности.

Австралийские инопланетяне преждевременно появились на Земле, полагают некоторые ученые; мы пока не готовы к встрече с ними и не в состоянии понять, что их визит может означать для людей.

Кандидат в президенты Берил Купер и ее вице-президент Эдгар Фарб перешли в наступление, обвиняя президента Крокермена в сокрытии информации, предоставленной Австралией, и вопрошают, не стоят ли за уничтожением — или самоуничтожением — роботов в Большой пустыне Виктории Соединенные Штаты.

Но народ Америки не придает значения этим обвинениям. Кто из нас, ответь-

те мне, действительно откликнулся на события с эмоциональным пылом или с холодной рассудительностью? Скандал, касающийся гибели инопланетян, воспринят равнодушно; утверждения австралийского правительства о причастности американцев к случившемуся не привлекли внимания нигде в мире.

Внешние силы пока еще ни разу не потревожили землян, теперь же нам предстоит значительно расширить границы своего мышления. По либеральной западной традиции, наше общество всегда поддерживало политику, направленную на решение внутренних, насущных, проблем, политику консервативную в истинном значении этого слова. И президент Крокермен — наследник этой традиции. Политика забегания вперед, провозглашенная Купер и Фарбом, чужда американцам, судя по результатам опроса, проведенного Эн-Би-Си. В то же время, итоги опроса свидетельствуют, что за три дня до выборов Крокермен стабильно опережает соперников на тридцать процентов. И это с учетом того, что пре-

зидент не высказал мнения о событиях в Большой пустыне Виктории.

3 ноября

Нарядный отлично сшитый серый костюм шел миссис Саре Крокермен. Густые темные волосы Первой леди были тщательно уложены. Когда она наливала Хиксу кофе, писатель обратил внимание на безукоризненно ухоженные руки. Ногти, покрытие бронзовым лаком, слегка поблескивали, когда на них падал неяркий свет, проникающий через двустворчатые окна, расположенные позади обеденного стола — погода стояла по-зимнему пасмурная. Обставленная тиковой мебелью кофейного цвета гостиная выглядела пустой, но уютной. Внизу, за окнами, простиралось зеленое пространство Национального парка.

Если не считать сотрудника секретной службы, сопровождавшего Хикса — парня с непроницаемым лицом, по фамилии Батлер, — они были одни в квартире на Саммит-стрит.

— Президент продолжает оплачивать эту квартиру по моему настоянию, — объяснила миссис Крокермен, опуская стеклянный кофейник на вязаную салфетку. Она поставила перед Тревором чашку кофе и села напротив. Ее колени, обтяну-

тые нейлоном, упирались в ножку стола.

— Мало кто знает о ее существовании. Муж считает, что мы сможем сохранить секрет еще в течение месяца или двух. Поэтому я все реже думаю о ней как о своем убежище, но, тем не менее, по-прежнему нахожу здесь отдохновение. Надеюсь, вы поймете, как много значит для меня эта маленькая тайна.

Батлер отошел от телефона, переместился к окну и уставился на дверь. Хикс невольно сравнил его с бульдогом, а миссис Сару Крокермен — с пуделем.

— Муж, естественно, говорил мне о своих проблемах, — сказала она. — Не утверждаю, что я понимаю происходящее или … что я согласна со всеми его выводами. Я читала отчеты — большую их часть — и видела материалы, подготовленные вами для него. Знаете, он не прислушивается к вашему мнению.

Хикс молчал, глядя на супругу президента поверх поднесенной ко рту чашки. Кофе казался отменным.

— Мой муж — сложный человек. Он долго не отпускает консультантов после того, как они выполнили задачу или довели до него свои точки зрения. Он пытается создать впечатление бес-

пристрастного, поддерживающего свободный обмен мнениями политика — и собирает под свое крыло тех, кто может поспорить с ним, но редко прислушивается к этим людям. Не хочет он слушать и вас.

— Я понял это, — заметил Хикс. — Меня выселили из Белого Дома. В отель.

— Я в курсе, благодаря секретарю. У вас все еще есть прямая связь с президентом?

Хикс кивнул.

— Выборы — настоящее проклятие для него. Даже несмотря на то, что ему не нужно вести активную кампанию. Эта их «стратегия»… Лучше бы Берил Купер наступала ему на пятки. Муж болезненно реагирует на происходящее, и ему не нравится отсутствие предвыборной борьбы. Он не привык чувствовать себя хозяином положения.

— Мне очень жаль, — сказал Хикс, размышляя о том, к чему клонит собеседница.

— Я хотела предупредить вас. Супруг проводит немало времени с человеком, присутствие которого в Белом Доме, особенно в период избирательной кампании, не по душе многим. Вы слышали что-нибудь об Оливере Орманди?

Хикс отрицательно покачал головой.

— Орманди хорошо известен в американских религиозных кругах. Очень умен, что свойственно подобным людям. Держится в стороне от политики и журналистов. Все другие идиоты, — она почти выплюнула это слово, — предстали перед глазом циклопа, я имею в виду средства массовой информации, в качестве шутов. Но только не Оливер Орманди. Впервые они встретились с президентом на обеде в Университете Роберта Джеймса.

— Это там они попросили разрешения вооружить охрану пистолетами?

— Да.

— Выдумка Орманди?

— Нет. Он оставляет это тем, кто не прочь драть горло. Для политиков, которые находятся в тени, Орманди — свой парень. Он не кривит душой. Еще кофе?

Хикс протянул чашку, и миссис Крокермен наполнила ее.

— Билл встречался с Орманди несколько раз на прошлой неделе. Я спросила Нэнси, ответственного секретаря президента, о чем они говорили. Сначала она не хотела рассказывать, но… Она обеспокоена. Во время второй встречи Нэнси на несколько минут заходила в комнату. По ее

словам, они беседовали о конце света. — Гнев так ожесточил черты миссис Крокермен, что ее лицо казалось высеченным из камня. — Они обсуждали планы Господа относительно нашего народа. Нэнси заметила, что Орманди чрезвычайно воодушевлен.

Хикс не отрывал взгляд от стола. Что он мог ответить? Крокермен — президент. Он сам выбирает сподвижников.

— Мне не нравится все это, мистер Хикс. А вам?

— Ничуть, миссис Крокермен.

— Что вы предлагаете?

— Вы сами сказали, что он больше не желает слушать меня.

— Он не слушает ни Карла, ни Дэвида, ни Ирвина… ни меня. Он одержим странными идеями. Читает Библию. Самые жуткие ее главы. Апокалипсис. Муж вел себя по-другому всего несколько недель назад. Он изменился.

— Сочувствую.

— Он созвал кабинет для обсуждения экономических мер. Говорит, что собирается сделать заявление после выборов. Вы не можете воздействовать на него?.. — спросила Сара. — Сначала у меня сложилось впечатление, что он очень до-

веряет вам. Не исключено, что и теперь… Почему он так полагался на вас?

— Тогда он переживал трудное время, — предположил Хикс. — Мы встретились после его знакомства с Гостем. А еще раньше он прочитал мою книгу. Я никогда не разделял его мнения…

— »Возмездие». Вот какое слово, в основном, звучит в нашей спальне. Он всегда улыбается, когда вспоминает, как Орманди использует это понятие. Возмездие. Банально! Муж никогда не признавал банальностей, никогда не был игрушкой в руках религиозных фанатиков или политиков.

— Случившееся изменило всех нас, — успокоительно сказал Тревор.

— Я не хочу, чтобы мой муж попал в беду. Этот Гость обнажил его слабые места, а ведь за тридцать лет политической карьеры — я находилась рядом с ним все это время — никому не удалось даже подступиться к Биллу. Но Гость нанес ему тяжелый удар, а Орманди принялся бередить рану. Орманди может погубить президента.

— Я понимаю.

Может случиться непоправимое, подумал Хикс.

— Очень прошу, сделайте что-нибудь. Может,

попытаться снова поговорить с президентом? Я добьюсь встречи. Муж согласится ради меня, я уверена. — Миссис Крокермен посмотрела на двустворчатое окно, словно оно могло принести спасение. — Последние события сделали нашу семейную жизнь напряженной. Я, конечно, буду возле него накануне выборов, буду улыбаться и приветствовать толпу. Но сейчас мне хочется одного — спрятаться здесь. Мне трудно держать себя в руках, мистер Хикс. Я не могу видеть, как муж губит сам себя.

В кабинете главнокомандующего царила атмосфера уныния.

Ирвин Шварц, бледный лоб которого выделялся на вытянутом розовощеком лице, присел на край стола, поджав под себя ногу, насколько ему позволяло брюшко. Под задравшимся отворотом брюк виднелся черный носок и несколько квадратных дюймов волосатой икры. На столе перед ним, словно семейный портрет, стоял телевизор с маленьким плоским экраном. Звук был выключен. Снова и снова прокручивалась видеозапись взрыва австралийских роботов. Наконец Шварц наклонился к телевизору и выключил его, нажав на кнопку толстым пальцем. Рядом с ним стояли Дэвид Роттерджек и Артур Гордон; Артур

засунул руки в карманы, Роттерджек потирал подбородок.

— Мистер Лерман и мистер Маккленнан сейчас у президента, — сказал Шварц. — Больше я ничего не могу сказать. По-моему, я не пользуюсь его доверием.

— И я, — присоединился Роттерджек.

— А Хикс? — спросил Артур.

Шварц пожал плечами.

— Президент неделю назад попросил его перебраться в отель и отказывается от встреч с ним. Только что звонила Сара. Она беседовала с Хиксом сегодня утром и сейчас хлопочет о том, чтобы он был принят Крокерменом. Теперь здесь все очень строго. Кермит и я — мы не раз испытали это на себе.

Кермит Фермен работал ответственным секретарем преидента.

— Это касается Орманди?

— Тот встречается с президентом ежедневно, проводит с ним, по крайней мере, час. Без предварительной записи.

Артур не мог выбросить из головы мысль о Марти. Каждая черточка лица мальчика, застывшего в улыбке, ярко вырисовывалась в памяти. Прямой наследник. Но Артур не мог представить себе

лицо жены — только отдельные его черты, — и это волновало его.

— У Карла последний шанс, — сказал Роттерджек.

— Полагаете, он произнесет перед Крокерменом славную речь о сути президентства? — спросил Шварц.

Роттерджек кивнул.

Артур удивленно посмотрел на них.

— Он собирается напомнить Крокермену, что значит быть президентом, — пояснил Шварц. — Мартышкин труд. Наш лидер и так знает об этом все, что только можно знать.

— Послезавтра выборы. Самое время повторить урок, — заметил Роттерджек.

— И вы, и я — мы видим, что победа у него в кармане. Вы не понимаете, что творится в его голове.,

— Ага, вы, наверно, считаете себя его подушкой, или диванным валиком, черт возьми! — выкрикнул Роттерджек, выбросив вперед руку так стремительно, что чуть не задел Артура. Тот отступил на несколько дюймов. — А вам следовало бы держать чокнутых и идиотов подальше от него.

— Мы сделали все возможное, чтобы спасти его

от самого себя, — парировал Шварц. — Маккленнан пытался игнорировать его предложения о подготовке страны к сообщению. Я откладывал его встречи с губернаторами, терял план, составленный президентом, менял повестку дня на заседаниях кабинета. Президент только улыбался и терпел нас, — а сам продолжал свое. Наконец мы решили отбросить все попытки и подождать окончания выборов и инаугурации, но пока с Орманди приходится мириться.

— Я бы хотел поговорить с ним, — сказал Артур.

— И мы все тоже. Крокермен никому этого не запрещает… Но Орманди никогда не засиживается здесь, и мы не успеваем перехватить его. Он промелькнет тенью и исчезает.

Роттерджек покачал головой и усмехнулся.

— Можно подумать, Орманди один из них.

— Кто?

— Один из завоевателей.

Шварц нахмурился.

— Понимаете теперь, что произойдет, если президент раскроет тайну? Даже мы начинаем размышлять так же, как доверчивые невежды.

— А вы не предполагаете, что случиться может всякое? — настаивал Роттерджек. — Если они

сфабриковали Гостя, то почему бы им не сделать робота с человеческим обликом — таким, чтобы всех нас провести?

— Меня больше пугает сама эта идея, чем возможность того, что догадка окажется верной, — сказал Артур.

— Да, но идея высказана, — твердил Роттерджек, — и надо оценить ее со всех сторон. Кое-кто не прочь придерживаться ее.

— Ваше предположение разъединит нас, — заявил Шварц. — А к этому они, наверно, и стремятся. Господи, о чем я?

— Может, публичное заявление поможет? — заметил Артур. — Ведь мы ничего не достигли, скрывая факты.

— Вопрос в том, как президент собирается преподнести случившееся, — ответил Роттерджек. — Что вы будете делать, если Маккленнану не удастся переубедить Крокермена? — обратился он к Шварцу.

— Скорее всего, после выборов я подам в отставку, — сказал Шварц безжизненным ровным тоном. — Ему, вероятно, придет в голову сформировать новый кабинет на случай войны.

— А вы?

Шварц уставился на небесно-голубой ковер.

Артур, следя за ним, подумал о множестве привилегий, предоставляемых этим роскошным цветом, который так трудно не запятнать. Множество приманок, удерживающих людей, подобных Роттерджеку и Шварцу.

— Нет, — наконец высказался Шварц. — Я просто чертовски лоялен. Если он поступит так по отношению ко мне — ко всем нам, — я буду возмущен до глубины души. Но он останется президентом.

— Возможно, некоторые конгрессмены и сенаторы попытаются бороться, — проговорил Роттерджек.

— Понятное дело.

— Настоящие патриоты, знаете ли, не то что вы или я.

На лице Шварца проступила обида и, одновременно, выражение согласия с собеседником. Он то ли кивнул, то ли покачал головой и встал.

— Ладно, Дэвид. Но мы в какой-то степени несем ответственность за Белый Дом. Где альтернатива? Кто займет его место? Вице-президент?

Роттерджек иронично фыркнул.

— Вот-вот, — заметил Шварц. — Артур, если я добьюсь для вас приема, если я вцеплюсь в президента — сможете ли вы вытащить сюда

Файнмана, чтобы вы все постарались… Ну, вы понимаете… Сделать то, что не смогли мы?

— Только в том случае, если Крокермен примет Файнмана сразу и если медики не будут против.

— Он так плох? — спросил Роттерджек.

— Он проходит курс лечения. Сложный курс.

— Почему вы не нашли… Впрочем, неважно, — замялся Роттерджек.

— Файнман лучше всех, — ответил Артур на этот полувопрос.

Роттерджек мрачно кивнул.

— Мы попытаемся, — сказал Гордон.

Артур пробирался в Даллесе сквозь толпу, засунув руки в карманы пиджака, висевшего на нем, как на вешалке. Он отлично понимал, что похож на пугало. За последние две недели он похудел на десять фунтов. Гордон не мог себе этого позволить, но беда в том, что он почти перестал ощущать голод.

На табло с расписанием полетов он выяснил, что до приземления самолета Харри осталось полчаса. У него появился выбор: заставить себя съесть бутерброд или позвонить домой.

Артур все еще пытался вспомнить лицо жены. Он мог бы нарисовать ее нос, глаза, губы, лоб, руки, он видел ее шею, мягкий теплый белый живот

и грудь цвета утреннего тумана, нити черных густых волос. Он не забыл нежный неповторимый аромат ее кожи, напоминающий запах хлеба. Но он утратил воспоминание о лице.

Поэтому его не покидало ощущение одиночества. Поэтому его так мучала разлука. Артуру уже стало казаться, что он провел в конторах и на заседаниях многие годы. Нереальными представлялись ему кабинеты, нереальной — группа людей, толкующих о судьбах Земли. И конечно, малореальным он находил окружение президента.

Настоящая жизнь осталась в прошлом — у реки, в спальне и кухне их дома, но, прежде всего, под кронами деревьев, шелестящими в порывах ветра, и в мелодичном журчании воды. Там, в этом месте, он всегда ощущал связь с семьей, мог чувствовать себя в уединении, но не в одиночестве, вне поля зрения жены и сына, но вблизи от них. Если смерть неизбежна, не случится ли так, что Артур не сможет разделить с семьей последние часы и окажется вдалеке от нее, выполняя особые поручения?..

Аэропорт, как всегда, был переполнен. Большая группа японцев, старавшихся держаться вместе, миновала Артура. Он испытывал к японцам

особенную любовь — большую, чем к индоевропейцам. Японцы отличались неистребимым стремлением к добрым взаимоотношениям. Он обошел группу и чуть не столкнулся с немецкой семьей — женой, мужем и двумя дочерьми, изучающими посадочные талоны.

И лицо Харри он тоже не мог вспомнить.

Открытая телефонная кабинка, местами покрытая вздувшимся пластиком, отвлекла его от размышлений. Аппарат принял кредитную карточку и поблагодарил немолодым приветливым женским голосом, говорящим менторским, но не слишком суровым тоном. Искусственный голос.

В трубке раздалось шесть гудков, пока Артур не припомнил, что Франсин предупреждала его накануне о том, что поведет Марти к дантисту.

Артур повесил трубку и пересек зал, направляясь в буфет. Он заказал бутерброд с копченой индейкой и колу. Двадцать пять минут. Усевшись на высокий табурет за небольшим столиком, он запихнул в себя всю порцию.

Хлеб. Майонез. Вкус дичи под запекшейся коркой. Сытно, но не то, что надо. Он скривился и отправил в рот последний кусочек хлеба.

На миг — не дольше — он ощутил слабый приступ отчаяния, и его воля дрогнула. Просто

сдаться, отказаться от действия, раскрыть объятия мраку, забыть о долге перед страной, женой и сыном, перед собой, закончить партию — что еще оставалось делать в этой игре? Убрать свои фигуры с шахматной доски или наблюдать за тем, как противник сметает их? Потом можно будет начать новую битву. А пока надо отдохнуть. Но — странное дело — отчаяние отступило, а мужество и сила вернулись, как только он понял, что если и впрямь у него не останется ни пешки, то уже ничто не помешает отдыху; тогда-то и наступит конец. Забавно устроен мозг.

В четверть второго он уже стоял бок о бок с другими встречающими. Двустворчатая раскрытая дверь выплеснула в зал группу бизнесменов в элегантных костюмах строгих тонов, отливавших необычным голубым оттенком, который был в моде и который напоминал Франсин павлиний глаз; троих детей, державших друг друга за руки, за ними женщину в черной юбке, закрывавшей колени, и белоснежной блузке, а потом Харри с кожаным чемоданом в руке. Друг выглядел похудевшим, постаревшим и усталым.

— Хорошо, — сказал Харри после того, как они обнялись. — В твоем распоряжении сорок восемь часов, а потом доктор будет ждать, чтобы всадить

в меня еще множество иголок. Боже! Ты выглядишь не лучше меня.

Выезжая из гаража в небольшом правительственном автомобиле, Артур успел изложить Файнману обстоятельства предстоящей встречи с президентом.

— Шварц урвал полчаса из расписания Крокермена. Оно составлено чрезвычайно плотно. Президент, как предполагается, будет сегодня вечером в Нью-Хэмпшире — последний виток предвыборной кампании. Тридцать минут Хикс и я проведем с ним в Овальном кабинете, и никто нам не помешает. Мы должны сделать все возможное, чтобы убедить его в том, что он ошибается.

— А если все безуспешно? — спросил Харри. Его глаза уже не были карими, как прежде, скорее — почти бесцветными.

Артур пожал плечами.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не так плохо, как можно предположить, глядя на меня.

— Я рад, — сказал Артур, стараясь проглотить подступивший к горлу ком. Он чуть улыбнулся Харри. — Сколько ты весишь?

Машина выехала на шоссе. Сквозь тучи проби-

вались солнечные лучи. Начинался снегопад.

— Я снова в полной боевой готовности и вешу столько, сколько в Университете в день выпуска.

— Каковы медицинские прогнозы?

Харри скрестил руки на груди.

— Врачи не потеряли надежду.

Артур оглядел друга со всех сторон.

— На тебе парик?

— Правильно, — подтвердил Файнман. — Ну, хватит обсуждать всякую дрянь. Расскажи об Орманди.

Широкие двери Овального кабинета распахнулись. На пороге стояли трое. Шварц кивнул им. Артур узнал председателей комиссий по ценным бумагам и биржевой деятельности, а также министра финансов.

— Срочное совещание, — пробормотал Шварц, когда те вышли.

Хикс вопросительно взглянул на него.

— Они решают проблемы применения части I Банковского законодательства на случай чрезвычайного положения и части 19 а акта о госбезопасности и биржевой деятельности.

— А точнее?

— Временное закрытие банков и бирж, — пояснил Шварц. — Если президент сделает заявление

о пришельцах.

К дверям подошла секретарша президента Нэнси Конгдон и улыбнулась ожидающим в приемной.

— Еще пару минут, Ирвин, — сказала она, тихо закрывая за собой дверные створки.

— Не хотите сесть? — спросил Шварц Файнмана.

Тот спокойно покачал головой, успев привыкнуть к заботливому вниманию. Он принимает это не просто с достоинством — с апломбом, подумал Шварц.

Нэнси открыла дверь и пригласила всех войти.

Миссис Хемптон изменила убранство президентского кабинета, завесив три окна позади витиевато инкрустированного большого стола белыми шторами и украсив одну из стен новым овальным ковром. Комната показалась вошедшим светлой, наполненной свежей зеленью и атмосферой весны, вопреки серым зимним облакам, видневшимся снаружи. За окном Артур заметил розовый сад, кое-где покрытый снегом. В последний раз он был в Овальном кабинете полтора года назад.

Крокермен сидел за викторианским столом, просматривая бумаги в коричневых папках. Не-

которые из папок, помеченные аббревиатурой ДИРНСА — Директор, Управление Национальной Безопасности, — Артур узнал. Другие, видимо, поступили от министра финансов и из комиссии по ценным бумагам и биржевой деятельности.

Он не похож на человека, зажатого в угол. Он работает и знает, что делает. Он остался президентом.

— Привет, Ирвин, Артур. — Крокермен встал и протянул им руку через стол. — Тревор, Харри. — Он показал на четыре стула с кожаными сиденьями и плетеными спинками, расставленные перед столом. Обращаясь к Хиксу, он добавил. — Сара предупреждала о вашем визите.

— Я думаю, мы все в одной упряжке, господин президент, — сказал Шварц.

— Вы чувствуете себя в состоянии присоединиться к нам, Харри? — заботливо спросил Крокермен.

— Да, господин президент, — вежливо ответил Файнман. — Я превращусь в подопытного кролика только послезавтра.

— Вы нужны нам здесь, Харри, — искренне сказал президент. — Мы не можем потерять вас.

— Я слышал другое, господин президент, — начал Файнман. Крокермен не скрыл изумления. —

Вы не слушаете никого из тех, кому я доверяю, так что я для вас бесполезен.

— Господа, — сказал Крокермен, подняв брови, — настало время говорить откровенно. И прошу простить меня за то, что вы не всегда имели возможность добиться встречи со мной. Я был очень занят.

Шварц, сидя на стуле, наклонился вперед и сжал руки. Начав говорить, он медленно перевел взгляд со своих ботинок на лицо Крокермена.

— Господин президент! Мы здесь не за тем, чтобы жонглировать словами. Я сказал Харри, и Тревору, и Артуру, что необходимо убедить вас вернуться к разуму и рационализму. У них есть что сказать.

Крокермен кивнул и уперся руками о край стола, словно готовясь в любую минуту оттолкнуться от него. Выражение его лица оставалось приветливым и спокойным.

— Господин президент, Первая леди действительно беседовала со мной, — начал Хикс.

— Со мной она не разговаривает, знаете ли, — ровным голосом произнес президент. — Или, по крайней мере, не часто. Она не разделяет наших убеждений.

— Да, — сказал Хикс. — Или, пожалуй, нет…

Господин президент, мои коллеги… — Он бросил молящий взгляд на артура.

— Мы полагаем, вы по-прежнему собираетесь огласить сведения о находке в Долине Смерти и о Госте? — спросил Артур.

— Вся эта история так или иначе скоро станет широко известна, — вздохнул Крокермен. — Мы должны хранить тайну в период выборов и инаугурации, но потом… — Он несколько раз постучал пальцами по краю стола.

— Мы не совсем уверены в правильности вашей тактики, сэр, — сказал Артур. — Идея капитуляции несвойственная нашей нации.

Крокермен задумчиво поморгал.

— Капитуляция. Смирение. Малоприятные слова, не так ли? Но есть ли у нас альтернатива перед лицом сверхъестественного?

— Мы не знаем, идет ли речь о чем-то сверхъестественном, сэр, — вмешался Харри.

— Нам потребуются тысячи, может, миллионы лет, чтобы бросить вызов их техническим возможностям — если мы и вправду можем назвать их техническими. Подумайте о силе, способной разрушить спутник и направить его обломки к другим планетам?

— Мы не уверены, что эти события связаны

между собой, — заметил Артур. — Но думаю, мы смогли бы достичь такого уровня развития через двести лет.

— Какая разница — два века или два тысячелетия? Так или иначе, они могут уничтожить нас.

— Мы не знаем этого, — возразил Шварц.

— Мы даже не знаем, кого имеем в виду, говоря «они», — поддержал его Хикс.

— Ангелы, пришельцы, враждебные силы. Так ли уж важно название?

— Господин президент, — сказал Тревор, — мы не имеем дело с гневом Божьим, поверьте.

— Мы имеем дело с чем-то равным ему по мощи. И не стоит искать первоисточник, — парировал Крокермен. — Неужели вы считаете вероятным, что Земля может попасть в такой переплет без согласия на то Господа? Мы — Его дети. Он выбирает средство возмездия не наугад — особенно когда происходят столь грандиозные события.

Хикс отметил ударение, которое президент делал на словах «Его» и «Он». Влияние Орманди?

— У нас нет доказательств, что Земле грозит гибель, — заявил Харри. — Что нам надо… так это — чтобы ружье выстрелило, — то есть доказательство их могущества, о котором они нас известили. Но… пока ни одного выстрела.

— Они заявили о своих намерениях достаточно прямо, — сказал Крокермен. — Факт самоуничтожения австралийских роботов свидетельствует о ложности их заявлений. Стоило обману раскрыться — и роботы исчезли. Все, что они говорили — обычный обман. Мне думается, я знал это, предвидел еще до сообщения из Австралии. И то же самое происходило с Орманди.

— Никто из нас не доверяет Орманди, — взорвался Шварц.

Крокермен был заметно раздражен словами Ирвина, но не вспылил.

— Орманди и не ждет дифирамбов от ученых. Он — и я тоже, — мы считаем, что события вышли из-под контроля некоторых наших знахарей. Я не хочу выразить неуважение к вашей работе и исследованиям. Он и я — мы поняли, что задача трудна и мы единственные, кто справится с ней.

— И в чем же заключается эта задача, господин президент? — поинтересовался Артур.

— Решить ее непросто, уверяю вас. Наш народ не способен примириться с поражением без борьбы. Я отлично осознаю это. Но мы не можем бороться с неизбежным. И мы не можем покориться судьбе, не зная ее предначертания. Мы должны встретить час расплаты мужественно.

Вот какая работенка ждет меня — помочь моему народу достойно встретить свой конец.

Крокермен побледнел, его руки, все еще цеплявшиеся за край стола, тряслись. Он, казалось, еле сдерживал слезы.

В течение нескольких долгих секунд никто не произнес ни слова. Артур чувствовал, как ужас сковывает его душу.

Микрокосм ощущений целого народа. Всего мира. Уж лучше вообще ничего не знать!

— Но есть разные пути, господин президент. Мы можем предпринять контрмеры в Австралии и в Долине Смерти, — сказал Харри.

— Вражеские объекты изолированы, — поддержал Файнмана Шварц. — Серьезные политические последствия… в общем, исключены. Даже в случае неудачи.

— Мы не можем сидеть сложа руки, — настаивал Артур.

— В этих руках нет эффективных средств борьбы, вот в чем истина, — отрезал Крокермен. — Я думаю, было бы жестоко обнадеживать людей без повода.

— Более жестоко — лишить их всякой надежды, господин президент, — заметил Шварц. — Вы собираетесь закрыть банки и биржи?

— Мы серьезно обсуждаем такую возможность.

— Но зачем? Чтобы сберечь экономику? В ожидании конца света?

— Чтобы сохранить спокойствие в стране, не дать народу потерять достоинство. Чтобы удержать людей на работе и дома.

Лицо Хикса вспыхнуло.

— Это безумие, господин президент, — сказал он. — Я не гражданин Соединенных Штатов, но я не могу представить себе, как человек в вашем кабинете… с вашей властью и вашей ответственностью… — Он беспомощно махнул рукой и встал. — Заверяю вас, что реакция Британии не будет столь смиренной.

Набросились на него все разом, подумал Артур. Но я не могу вспомнить ее лицо.

Крокермен открыл папку с пометкой «ДИРНСА». Затем вытащил оттуда пачку фотографий и положил ее на стол.

— Не думаю, что вы видели последние материалы, — сказал он. — Люди из Управления национальной безопасности хорошо поработали. Отдел разведки проанализировал фотографии почти всех районов Земли. Они сравнили снимки, сделанные спутником за последние восемнадцать месяцев. Полагаю, эта работа велась по

вашей инициативе, Артур.

— Да, сэр.

— Они обнаружили аномалию в Монгольской Народной Республике. Нечто, отсутствовавшее там год назад и похожее на огромную гору.

Он спокойно придвинул фотографии к Шварцу. Тот просмотрел их и передал Артуру. Гордон сравнил три снимка, три увеличенных компьютером красивые картинки, абстрактно раскрашенные в серо-голубой, коричневый, красный и матово-белый цвета. На одной фотографии выделялось черное пятно в форме боба, обведенное белой линией. На других снимках, сделанных раньше, пятно отсутствовало.

— Итак, их уже три, — сказал Крокермен. — И все в отдаленных районах.

— Общались ли пришельцы с монголами? Или с русскими? — спросил Артур.

Монгольская Народная Республика, несмотря на формальную независимость, находилась под контролем Москвы.

— Никто пока не знает, — ответил президент. — Не допустить ли нам, что объектов на самом деле не три, как известно, а больше?

— Каковы ваши идеи относительно… планов пришельцев? — поинтересовался Харри. — Ваши

и мистера Орманди?

— У нас нет ни малейшего представления об этом. Нельзя постичь суть сверхъестественного, не так ли?

— Мне бы хотелось попробовать? — сказал Харри. — Вы думаете распустить нашу группу?

— Нет. Я бы хотел, чтобы вы продолжали исследования, продолжали сомневаться. Я способен признать, что мы ошибаемся. Ни мистер Орманди, ни я — не фанатики. Мы должны провести переговоры с русскими, с австралийцами и объединить усилия.

— Мы просим вас отложить выступление, господин президент, — промолвил Шварц, — до тех пор, пока мы не удостоверимся в правильности наших выводов.

— У вас в запасе почти два месяца. Я и сам не знаю, когда произнесу речь, Ирвин. Но если я определю день — ничто не заставит меня перенести дату. Я должен следовать своим убеждениям. В конечном счете, к этому меня вынуждает мой пост.

Когда полчаса, отведенные для встречи, истекли, четверо мужчин вышли в холл, держа в руках отчеты Управления национальной безопасности.

— Не много же пользы от моего приезда, — заметил Харри.

— Мне очень жаль, господа, — сказал Шварц.

— Он произведет впечатление своим выступлением, — проворчал Хикс. — Он чуть не убедил меня.

— И знаете, что хуже всего? — спросил Артур, когда они выходили через заднюю дверь в сопровождении Шварца, провожавшего их к машинам. — То, что он отнюдь не безумен.

— Мы тоже пока еще в своем уме, — парировал Шварц.

Спустя час после визита в Белый Дом Хикс, Артур и Харри завтракали в «Юго» — излюбленном месте почитателей бифштекса и грудинки. Они сидели, погрузившись в молчание. Хикс не доел свою порцию, Артур и Харри едва притронулись к еде. Харри заказал салат — недоразумение из увядшей зелени и скверного сыра.

— Мы сделали все, что могли, — сказал Артур.

Харри пожал плечами.

— И что теперь? — спросил Хикс. — Обратиться к другим ученым?

— Наша группа еще не прекратила существование, — напомнил Файнман.

— Начальству до вас и дела нет, — сухо проком-

ментировал англичанин.

— Вы всегда смотрели на нас со стороны, не правда ли? — спросил Харри. — А теперь побывали в нашей шкуре. По крайней мере, есть ниша, которую мы заполнили.

— Роль в грандиозной комедии, — уточнил Тревор.

Артур тронул за руку Харри, уже готового огрызнуться:

— Хикс прав.

Файнман неохотно кивнул.

— Итак, начинается второй этап, — сказал Артур. — Я бы хотел, чтобы мы вместе сделали еще одну, более серьезную попытку.

Он посмотрел на Хикса.

— Вне стен Белого Дома?

— Да.

— У вас есть план?

— Если у кого-то и есть определенные планы, так это у меня. Я отправляюсь в Лос-Анджелес, — отрезал Харри.

— Харри остается нашим консультантом, — сообщил Артур. — Президент может в любой момент переменить мнение. Если метод неожиданного приближения сработает… — Он провел пальцами по столу. Отделанная под гранит

поверхность издала нечто вроде визга. — Нам придется действовать, исходя из обстоятельств.

— Президент непременно победит на выборах, как вы понимаете, — напомнил Хикс.

— Но существуют способы отстранения президента от власти. Я думаю, когда он обратится к нации.

Харри вздохнул.

— Ты знаешь, сколько времени уйдет на импичмент?

— Когда он обратиться к нации, — продолжал Артур, — мы все станем главными фигурами в средствах массовой информации. Тревор, ваша книга должна стать бестселлером… А мы будет участвовать в беседах, програмах новостей, и не только у нас в стране. Мы должны направить усилия…

— Против президента? Он очень популярен, — заметил Хикс.

— Шварц попал в точку, — твердо сказал Артур и взял счет с пластмассового подноса. — Американцы не склонны сдаваться без борьбы.

Хикс с удовлетворением посмотрел на свою одежду, аккуратно уложенную в чемодан. Хорошо упаковывать вещи, сохраняя достоинство и размеренность — и это тогда, когда другие способ-

ны, не глядя, побросать смятое белье в сумки…

Материалы о самоуничтожении австралийских роботов и тайне Долины Смерти совсем исчезли со страниц газет и экрана телевизора. Завтрашние выборы приковали к себе всеобщее внимание. Мир, казалось, затаил дыхание, не вполне осознавая, что происходит, но исполнившись предчувствий и ожиданий.

Телефон зазвонил так громко, что Хикс подпрыгнул на стуле. Он рывком поднял трубку и, не в силах совладать с нервами, запутал провод. Наконец писатель справился с непослушной трубкой.

— Алло.

— Мистер Оливер Орманди желает говорить с Тревором Хиксом, — произнес приятный, хорошо поставленный женский голос.

— Хикс слушает.

— Подождите минуту, пожалуйста.

— Мне очень приятно беседовать с вами, — начал Орманди. — Я восхищен вашими книгами.

— Спасибо, — ответил Хикс, слишком удивленный, чтобы сказать больше.

— Полагаю, вы знаете, с кем разговариваете, и людей, которых я представляю. Я обсуждал некоторые проблемы с президентом как друг,

консультант… иногда — как религиозный наставник. Думаю, нам надо как можно скорее встретиться и переговорить. Не могли бы вы уделить мне немного времени? Я пошлю машину, которая привезет вас обратно.

— Конечно, — согласился Хикс. — Сегодня?

— Почему бы нет. Машина придет за вами в час.

Ровно в час к отелю подкатил белый крейслеровский лимузин с откидным верхом, и перед Хиксом автоматически распахнулись дверцы. Хикс уселся, дверь с тихим свистом закрылась и водитель, бледный темноволосый парень в старомодном темно-синем костюме, приветливо улыбнулся из-за стеклянной перегородки.

Снег, собранный снегоочистителями, лежал белыми и грязно-коричневыми сугробами вдоль тротуаров. Давно не выдавалось такой холодной и дождливой осени. Непривычно свежий и чистый воздух врывался в чуть приоткрытое по просьбе Тревора окно.

Машина повезла Хикса по хитроумным кругам и петлям, образуемым улицами столицы, прочь из центра, а потом — по автострадам, обсаженным молодыми голыми кленами — за город. Через час «крейслер» остановился возле современного

мотеля. Водитель провел Хикса на второй этаж и постучал в дверь комнаты, расположенной в конце коридора. Дверь распахнулась.

На пороге стоял Орманди — одетый в черные брюки и серую рубашку, начинающий лысеть человек лет сорока пяти с добродушным, почти детским выражением лица, но встревоженным взглядом. Он небрежно поприветствовал Хикса. Водитель закрыл за собой дверь, и писатель остался наедине с Орманди в маленькой полупустой комнате.

Орманди показал на кресло у круглого столика около окна. Хикс уселся, внимательно наблюдая за хозяином. Судя по всему, Орманди не хотел сразу приступать к делу, но поскольку ему никак не удавалось завязать беседу, он оборвал себя на полуслове и сказал:

— Мистер Хикс, я нахожусь в замешательстве последние несколько недель. Вы знаете, что происходит? Можете ли вы объяснить мне что-нибудь?

— Наверняка, президент…

— Я бы хотел услышать ваши разъяснения, изложенные простым языком. Президент окружен специалистами, если вы понимаете, о чем я.

Хикс поджал губы и наклонил голову, пытаясь

найти ответ.

— Догадываюсь, вы имеете в виду космический корабль.

— Да, да! Вторжение, — подхватил Орманди.

— Если мы имеем дело с вторжением.

Теперь Хикс стал предельно осторожен, решив держать свои выводы при себе.

— А с чем?

Широко раскрытые глаза Орманди напомнили глаза ребенка, готового выслушать урок.

— Говоря откровенно, мне думается, что мы встали на пути автоматов или роботов, намеревающихся разрушить нашу планету.

— Неужели простые машины способны на такое?

— Не знаю. Скорее всего, да — но не такие машины, какие делает человек.

— Вы говорите о небесных силах?

— Да, — сказал Хикс, вставая. — Я уже беседовал об этом с президентом. Я не вижу смысла в вашем приглашении, если вы посоветовали Крокермену действовать вопреки…

— Пожалуйста, садитесь. Наберитесь терпения. Я не такой уж монстр, каким вы все меня считаете. Сомнения одолели меня две ночи назад, и с тех пор я в тупике. Я разговаривал с президентом

и высказал ему свою точку зрения… но сам я не уверен.

Хикс сел.

— Тогда, думаю, у вас есть несколько вопросов ко мне.

— Да. Что потребуется для разрушения Земли? Станет ли это более трудным делом, чем разрушение, например, того спутника, Европы?

— Да. Уничтожение Земли потребует гораздо больше энергии.

— Это будет выглядеть как катаклизм? Мгновенное истребление? Или сначала начнется в одном месте, потом в другом — и так по всей Земле, как война?

— Ума не приложу.

— Не случится ли так, что первый удар будет нанесен по Святой Земле?

— У нас нет сведений, что корабли инопланетян приземлились в Святой Земле, — сухо заметил Хикс.

Орманди кивнул и вновь нахмурился.

— Можно ли утверждать с научной точки зрения, что пришельцы являются ангелами?

— Нет, — ответил Хикс, посмеиваясь над абсурдностью предположения.

НО Орманди упрямо продолжал в прежнем

русле:

— Могут ли они действовать от имени высших сил?

— Если они действительно роботы, то, я думаю, они действуют от имени биологических существ, обитающих где-то в космосе. Но мы не можем утверждать это. Цивилизации, основанные на механическом…

— А что если в этой истории участвуют формы, не имеющие отношения к биологии — сотворенные из света, бессмертные существа?

Хикс пожал плечами.

— Пустое теоретизирование, — бросил он.

На детском лице Орманди появилось выражение сильного возбуждения.

— В этом суть моих сомнений, мистер Хикс. Мне не все ясно. Безусловно, перед нами не ангелы со сверкающими мечами — ничего общего с тем, что предсказано апокалиптической литературой.

— Религиозной литературой, — поправил Хикс.

— Я не слишком увлекаюсь научной фантастикой, — с намеком парировал Орманди.

— Жаль.

Орманди самодовольно ухмыльнулся.

— Мне не хотелось бы скрестить шпаги с вами

или с кем-либо еще. Просто я не уверен, что смогу изложить свои идеи понятно для всех… Если я скажу, что мы имеем дело с волей Господа… Но как я могу утверждать это?

— Почему бы вам прямо не объявить, что случившееся не обошлось без вмешательства высших сил, — предложил Хикс.

Упрямец. Упрямец!

— Народ по-прежнему мыслит категориями ангелов и демонов, мистер Хикс. Люди неравнодушны к свету и блеску, тронам, могуществу и власти. Они живут этим. Они — как дети. И никто не может отрицать, что в религии заключена красота и воля. Но эти… последние события… Вокруг них намешано столько холодного расчета, политических дрязг, обмана, и я не хотел бы приписывать это Господу. Если же здесь поработал Сатана или дьявольские силы, тогда… Президент, с моей помощью, совершит грандиозную ошибку.

— Но вы можете заставить его переменить мнение? — спросил Хикс, не сумев скрыть своей заинтересованности.

— Сомневаюсь. Вспомните, это он позвал меня, не наоборот. Вот почему я нахожусь, как уже сказал, в тупике.

— А вы говорили ему о своих сомнениях?

— Нет. Мы не виделись с тех пор, как я… потерял уверенность…

— Вы настаиваете на теологической интерпретации случившегося?

— В душе я должен верить, что нами распоряжается Господь. Этому меня учили родители и учителя.

— Итак, вы хотите сказать, что сейчас, когда наступает решающий момент и дело идет к концу, вы уже не являетесь приверженцев Апокалипсиса?

Орманди промолчал, но лицо его стало совсем хмурым. Он только умоляюще протянул вперед руки, раздираемый сомнениями.

— Можете ли вы снова поговорить с президентом и, по крайней мере, попытаться переубедить его? — спросил Хикс.

— Я хотел бы оказаться подальше от всей этой истории, — сказал Орманди. Он откинул голову назад и принялся обеими руками массировать шею. — Но я попробую.

5 ноября

Артур участвовал в вашингтонской конференции астрономов, посвященной появлению оледенелых объектов в космосе и их потенциальной связи с исчезновением Европы, когда пришло известие, что Уильям Д.Крокермен, судя по предварительным итогам станет президентом Соединенных Штатов. Никто не удивился. Берил Купер признала поражение в час ночи; в это позднее время конференция еще продолжалась.

Астрономам не удалось прийти к каким-либо определенным выводам. Если осколки льда имеют отношение к Европе — что кажется безусловным, учитывая их строение и местоположение, — то следует признать, что абсолютно прямую траекторию, по которой они следуют, нельзя объяснить естественными причинами. Таким образом, можно допустить чье-то вмешательство. Факты говорили сами за себя: оба объекта появились недавно и представляют собой ледяные массы. Меньший из них, диаметром приблизительно сто восемьдесят километров, движется со скоростью двадцать километров в секунду и нанесет удар по Марсу 21 декабря 1996

года; больший объект, насчитывающий двести пятьдесят километров в диаметре, обладает скоростью, равной приблизительно тридцати семи километрам в секунду, и столкнется с Венерой 4 февраля 1997 года. Обстоятельства гибели Европы не сопровождались нагреванием объектов, возможно, в результате охлаждения их водой. Обе глыбы характеризуются низкими температурами; парообразование, происходящее под воздействием солнечной энергии, приводит к потере их массы, поэтому оболочка видна неотчетливо; только внимательные наблюдатели, вооруженные телескопами или особо мощными биноклями, смогут увидеть оба небесных тела.

На следующий день Артур улетел в Вашингтон. Теперь он убедился в том, что у них появились основательные доказательства связи между последними событиями. Впереди достаточно времени, чтобы подготовить материалы и представить их Крокермену. Надо убедить его в неслучайности происходящего и в необходимости разработать всеобъемлющую стратегию.

Однако Артур не верил, что избранный, но еще не вступивший на пост президент захочет выслушать его.

10 ноября

В шесть тридцать утра дежурный офицер майор Мери Ригби посоветовала им включить радио. Шоу взбил подушки и уселся поудобнее, пока звучала мелодия «Привет вождю» — абсолютно типичная для политического и музыкального вкуса Крокермена — и пока спикер Палаты представителей торжественно ждал появления только что избранного президента Соединенных Штатов.

— Может быть, старая перечница подпишет нам пропуска на выход? — спросил Минелли голосом, охрипшим от воплей и протестующих криков, которыми он развлекался по ночам. Минелли явно находился в плачевном состоянии. Это злило Эдварда. Впрочем, холодная, еле сдерживаемая злоба владела им на протяжении последних двух недель. Жизнь в условиях карантина, в конечном итоге, должна была так или иначе изуродовать их. Реслоу и Морган, в основном, хранили молчание.

— Господин спикер, уважаемые господа члены Палаты представителей, граждане! — начал президент. — Я созвал это внеочередное заседание

после нескольких недель, проведенных в глубоких размышлениях и многочасовых беседах с советниками и специалистами. Я должен сделать заявление исключительной важности и высказать не менее значительную просьбу.

— Вы, без сомнения, следили с тем же интересом, что и я, за событиями в Австралии. Сначала казалось, что происходящее в этой стране несет надежду нашей измученной планете, надежду на благодатное вмешательство извне, на тех, кто сумеет спасти нас от самих себя. Мы стали думать, что трудности, испытываемые нами — это трудности ребенка, спотыкающегося при каждом шаге. Но теперь эти надеды развеяны, и мы пребываем в еще более глубокой растерянности, чем раньше.

— Я искренне сочувствую премьер-министру Австралии Стенли Миллеру. Гибель трех посланцев из космоса и загадка их уничтожения — или самоуничтожения — тяжелый удар для всех нас. Но пришло время признаться, что для меня и некоторых моих советников случившееся не было неожиданностью, потому что мы уже знали об аналогичных событиях, происшедших в нашей стране. Мы до сего момента скрывали подробности по причинам, которые вскоре станут

вам понятны.

Спустившись с трапа самолета в Международном аэропорту Лос-Анджелеса, Артур направился в зал ожидания. Его путь лежал в Долину Смерти, потом Гордон собирался в Орегон, чтобы провести три дня с семьей. В ожидании такси он подошел к телевизору и услышал голос президента. С посеревшим лицом Артур уселся перед экраном. Рядом с ним — еще одиннадцать путешественников. Президент стартовал, не дождавшись сигнала.

— В конце сентября три молодых геолога обнаружили гору в калифорнийской пустыне недалеко от Долины Смерти. Эта гора не была отмечена на картах. Рядом с горой они нашли инопланетянина, живое существо в тяжелом физическом состоянии. Геологи принесли это существо в ближайший город и вызвали представителей властей. Пришелец…

Тревор Хикс слушал президента в номере отеля в Вашингтоне. Остатки завтрака лежали на подносе, стоящем на полу возле кровати. Только вчера Хикс узнал, что миссис Крокермен окончательно перебралась в свою квартиру. Потом до него дошли первые слухи об отставке Дэвида

Роттерджека.

Президент говорил о ванденбергской лаборатории. Придраться к его версии Хикс не мог.

— …История, которую поведало мне существо, прибывшее из другого мира, привела меня в трепет. Я никогда еще не испытывал такого сильного эмоционального шока. Инопланетянин говорил о путешествии сквозь века, о гибели своей планеты и о том, что разрушило его мир — о том самом корабле, который примчал гостя на Землю, опустился в Долине Смерти и ныне замаскирован под пепловый конус.

Харри принимал душ, когда Итака позвала его. Она накинула на мужа толстый махровый халат.

— Большие паршивые птицы хлопают крыльями в воздухе, — выдохнул Харри, застыв возле телевизора.

— Что?

— Он делает заявление. Слушай. Просто послушай.

— Когда я спросил Гостя, верит ли он в Бога, инопланетянин ответил уверенно и четко: «Я верю в возмездие». — Президент замолчал и посмотрел поверх голов собравшихся. — Все мы — мои советники по военным и гражданским во-

просам, ученые, я сам — стояли перед непростым вопросом. Есть ли повод утверждать, что наш инопланетянин и австралийские пришельцы связаны между собой? Они рассказывали такие непохожие истории…

Тревор услышал стук в дверь. Он запахнул халат и открыл ее, едва заметив, кто перед ним — настолько экран приковал его внимание.

— Хикс, прошу прощения. — Перед ним стоял Карл Маккленнан в наброшенном на плечи плаще. В руке он держал коричневый бумажный пакет. Судя по очертаниям, в свертке была бутылка. — Он? Не так ли?

— Да, заходите.

Хикс даже не поинтересовался причинами визита.

— Я подал в отставку, — сказал Маккленнан. — Я читал его речь вчера ночью. Негодяй не хочет слушать никого из нас.

— Шшшшш, — прошипел Хикс, прижимая палец к губам.

— Мне хотелось бы утешить всех, кто слушает меня сегодня. Но я не в силах. Я никогда не был ревностным христианином. Но все же вера присутствовала в глубине моей души; я жил

ею и полагал, что поступаю мудро, ибо, будучи руководителем страны, не навязываю эту веру ее противникам. Теперь, однако, в связи с чрезвычайными обстоятельствами, мои убеждения изменились и я более не имею права скрывать их. Я не сомневаюсь, что мы имеем дело с неоспоримым свидетельством — доказательством, если хотите — того, что время, отпущенное Земле, подошло к концу. Я советовался с людьми, более чем я искушенными в духовных сферах, и они стали моими наставниками. Я верю, что нас ожидают события, предсказанные в Откровении Иоанна Богослова, и что силы добра и зла сказали свое слово на Земле. Как называть их — ангелами, или демонами, или инопланетянами, — не имеет значения. Я мог бы сказать, что говорил с ангелом, но не уверен, что не ошибаюсь…

— Он отступает от заготовленного текста. Будь он проклят! — выкрикнул Макклеллан и плюхнулся на кровать рядом с Хиксом. — Неужели он не понимает, какого зверя выпускает на свободу? Какой социальный…

— Пожалуйста, — утихомирил его Хикс.

— Я могу заключить, что так или иначе человечество предстало перед судом. Мы не понрави-

лись судьям. Скрыт изъян в наших телах или в умах — неизвестно, но ясно, что история Земли разочаровала Создателя и Он пытается покончить с прошлым и начать все сначала. Для этого Он послал на нашу планету чудодейственные машины, могущественные силы, которые способны в любой момент расплавить Землю в кузнице Господа и раздавить ее на своей наковальне.

Президент замолчал. В зале раздались угрозы выставить его, и спикер вынужден был долго стучать молоточком, призывая собравшихся к спокойствию. Камера показала Крокермена в окружении агентов секретной службы, невозмутимо пытающихся смотреть во все стороны одновременно.

— Пожалуйста, — попросил президент, — я должен закончить.

Шум наконец стих. Только отдельные выкрики, полные гнева и недоверия, раздавались среди членов Палаты представителей.

— Я могу только сказать своему народу и всем жителям Земли, что настало время страстно молиться о спасении, даже несмотря на то, что мы не знаем, какого спасения ждать, не знаем, можем ли надеяться на него, и не знаем, заслуживаем ли мы спсения. Нам не избежать участи

оказаться в Его кузнице, но не исключено, что для каждого из нас остается надежда примириться с разгневанным и разочарованным Господом и смягчить его смертоносные удары.

Сидя в зале ожидания, Артур думал только о Франсин и Марти. Рядом всхлипывала женщина, мужчины громко спорили друг с другом и с телевизионным экраном.

— Джинн вырвался из бутылки! — крикнул коренастый негр средних лет, когда Артур, проходя мимо него, направился к выходу.

— Лучше не лететь сегодня, — говорил молодой человек своей беременной подруге, совсем девочке. — Они отменят все рейсы.

Стараясь не терять хладнокровия, сердясь на себя за то, что речь президента взволновала его, Артур пробирался сквозь толпу к окошку авиакомпании, чтобы зарегистрировать билет до Лас-Вегаса.

Маккленнан прервал тираду проклятий и теперь стоял у погасшего экрана телевизора, вертя в руках зажженную сигарету и зажигалку. Он так и не сбросил плащ. Хикс по-прежнему сидел на краю кровати.

— Простите, — сказал Маккленнан. — Господи,

я не курил пять лет! Я в опале.

— Что вы собираетесь делать теперь, выйдя в отставку? — спросил Хикс.

Забавная ситуация — другая сторона этой истории.

Маккленнан с отвращением взглянул на сигарету и бросил окурок в пепельницу. Рядом он положил зажигалку.

— Я думаю, президент предложит мне и Дэвиду другие посты. Предполагаю, что Шварц останется. Предполагаю, что все останутся. — Маккленнан с подозрением посмотрел на Хикса. — А вы напишете обо всем случившемся, да?

— Думаю, напишу, в конце концов.

— Вам не кажется, что он сошел с ума? — поинтересовался Маккленнан, показывая на экран.

Хикс задумался.

— Нет.

— А вам не кажется… — И тут у Маккленнана от вновь подступившего гнева затряслись руки. — Он нарушает присягу, изменяет клятве следовать Конституции Соединенных Штатов и обеспечивать всеобщее процветание.

— Он говорит, что думает, — сказал Хикс. — Президент считает, что близится светопреставление.

— Боже, если даже это… — Маккленнан подви-

нул к себе стул и медленно уселся. — Он в беде. Он не может скрыть свою слабость. Я не удивлюсь, когда начнутся разговоры о переносе инаугурации или об импичменте.

— По какой причине?

— Некомпетентность. Неспособность обеспечить всеобщее процветание. Черт возьми, я не знаю…

— Совершил ли он какие-либо незаконные действия?

— Ни один из наших президентов не отличался хорошими мозгами. По крайней мере, со времен Никсона. Послушайте, Крокермен не хочет согласиться с вами, даже несмотря на то, что сам ввел вас в тесный круг посвященных… Какова его цель?

Хикс уже ответил на этот вопрос и не видел причин вновь возвращаться к нему.

— Ну, хорошо, — продолжал Маккленнан. — И так ясно, к чему он стремится, к чему идет дело. Он сдает позиции без единого выстрела. У нас нет ни малейшего представления о том, что… эти ублюдки, эти машины, эти инопланетяне могут сделать. Мы даже не уверены, что их задача — уничтожение планеты. Кстати, возможно ли такое вообще? Разорвать планету на куски или

погубить все на ее поверхности?

— Да мы сами способны погубить жизнь на Земле, если захотим, — напомнил Хикс.

— Вы правы. Но Гость говорил, что от планет не остается и следа — только ледяные глыбы. Это возможно?

— Полагаю, да. Надо высвободить достаточно энергии и придать Земле вторую космическую скорость. Нужно огромное количество энергии.

— Сколько? Мы бы справились с этим?

— Не думаю. Нам бы не хватило всего имеющегося ядерного оружия. Мы бы даже не смогли начать.

— Как высоко должна быть развита… Господи, цивилизация, обладающая такими возможностями?

Хикс пожал плечами.

— Если представить себе прямой, полный технических открытий и достижений, путь развития, то нам потребуется век или два, чтобы догнать их.

— Но способны ли мы победить их, если они настолько сильны?

Хикс неуверенно покачал головой. Маккленнан счел это отрицательным ответом.

— Итак, он говорит то, что думает. Выхода нет.

А что если они замышляют не уничтожить нас, а просто запутать, заставить растеряться, предупредить наше сопротивление?.. Ну… так, как нам когда-то следовало поступить с Японией, если бы мы могли предвидеть, что они обойдут нас в двадцатом веке?..

— Инопланетянам, несомненно, удается хорошо хитрить.

— Да. — Маккленнан снова поднялся.

— А что вы собираетесь делать?

Бывший советник президента по вопросам государственной безопасности посмотрел за окно. Его взгляд напомнил Хиксу выражение лица миссис Крокермен. Мрачное, близкое к отчаянию, полное боли.

— Я буду действовать в тени, чтобы спасти его задницу, — проговорил Маккленнан. — И Роттерджек вместе со мной. Будь мы все прокляты, но мы преданы ему. — Он поднял сжатый кулак. — Когда все полетит в тартарары, этот сукин сын Орманди не будет знать, что произошло. Он — конченый человек.

Так как до вылета в Лас-Вегас оставалось три часа, Артур решил взять такси и проведать Харри.

Машина несла его по скоростной автостраде мимо ярко покрашенных, но бедных домов на

окраине Лос-Анджелеса.

— Эй, парень, слыхал, что сказал президент? — спросил водитель, поворачиваясь к Артуру.

— Да.

— Ничего себе новость! Я чуть не описался от страха. Интересно, он говорит правду или просто у него крыша поехала?

— Не знаю, — ответил Артур.

Он чувствовал себя необычно бодрым. Мысли пришли в порядок. Теперь он видел все способы достижения цели так отчетливо, словно маршрут на дорожной карте. Усталость и отрешенность сменились сильнейшей осознанной злостью. Сдержанность и стремление держаться в стороне испарились. Ветер, врывающийся в машину через окно, пах свежестью и чистотой.

Полковник Элберт Роджерс прослушал запись президентской речи и в течение нескольких минут, застыв, сидел на сиденье грузовика. Он чувствовал себя преданным. Сообщение президента не могло быть правдой. Люди, находящиеся в районе Фернис-Крика еще не слышали выступления, но обязательно узнают о нем. Роджерс искал способы смягчить слова Крокермена перед сослуживцами.

— Ублюдок сдался без боя, — бормотал он. — Он

просто-напросто бросил нас здесь.

Роджерс вышел из машины и посмотрел на гору, смутно черневшую в утреннем тумане.

— Я могу пронести ядерную бомбу в нутро этой сучьей горы, — задумчиво проговорил Роджерс. — Я могу сунуть ее туда и стоять над ней, пока все не полетит к чертовой матери.

Но только с разрешения президента.

На самом деле, дела обстояли не совсем так.

Но президент не будет останавливать их, если они попытаются защититься… не правда ли? Президент вообще не говорил об этом. Он только утверждал, что вряд ли… что именно он говорил? Роджерс открутил пленку назад. «… Настало время страстно молиться о спасении — даже несмотря на то, что мы не знаем, какого спасения ждать, не знаем, можем ли надеяться на него…»

Что это значит?

И кто теперь будет отдавать Роджерсу приказы — приказы, которым следует подчиняться?

— Он плох сегодня. Поездка в Вашингтон не пошла ему на пользу, — сказала Итака, провожая Артура в спальню.

Харри лежал с закрытыми глазами, откинувшись на пышные белые подушки. Он выглядел хуже, чем неделю назад. Кожа на лице пожелтела

и покрылась болезненными пятнами. Дышал Харри ровно. Услышав шаги, он открыл бесцветные, словно вылинявшие, глаза, улыбнулся Артуру и крепко сжал его руку.

— Я собираюсь подать в отставку, — сказал Файнман.

Артур собрался возразить, но Харри жестом прервал его.

— Не в связи с его речью. Просто я отныне бесполезен. Не сдаюсь пока, но… Мне становится хуже день ото дня. Я связан по рукам и ногам: мне больше нельзя покидать город и придется провести в госпитале всю следующую неделю. Тебе ни к чему лишние неприятности.

— Мне нужен ты, Харри.

— Да. Бог свидетель, как мне жаль. Я бы предпочел быть на ногах. Тебя ждет трудная борьба, Артур. Что собираешься делать?

Артур медленно покачал головой.

— Маккленнан и Роттерджек — в отставке. Президент не отдал никаких распоряжений по нашей группе.

— Он не осмелится распустить ее.

— Да, он сохранит нашу команду, но сомневаюсь, чтобы он позволил нам действовать. Я беседовал с Хиксом несколько часов назад. По его

словам, президент пошел даже дальше Орманди. Апокалипсис. Мол, приведите отчетность в порядок — нам предстоит ревизия.

— Неужели он… — Харри покачал головой. — Неужели?

— Я не видел его с тех пор, как он принимал нас в Овальном кабинете. Теперь нанесем отвлекающий удар при помощи средств массовой информации. Нас будут поджаривать живьем на медленном огне. Так как у меня нет конкретных заданий, я отправлюсь в Фернис, а потом на несколько дней в Орегон. Спрячусь.

— Что ждет тех, кто на карантине? Почему мы удерживаем их? Они здоровы.

— И не представляют угрозы для государственной безопасности, — согласился Артур.

— В нашей власти отпустить их, не так ли?

— Мы все еще наделены очень высокими полномочиями. Я позвоню Фултону.

Артур по-прежнему держал Харри за руку. Он не отпускал ее с той минуты, как присел на кровать.

— Ты должен выкарабкаться, Харри.

— Ты и сам чувствуешь себя при смерти, да? Ты знаешь, даже Итака… Теперь она плачет, не скрываясь. Вчера ночью мы плакали с ней вместе

— когда я вернулся из госпиталя.

— Никто не признал тебя безнадежным, — яростно проговорил Артур. — Если твои чертовы врачи не способны… Ну что ж, найдем других. Я нуждаюсь в тебе.

— Я чувствую себя дерьмом, оттого что подвожу тебя.

— Ты знаешь, дело не…

— Но я думал об этом. Я очень слаб. Я не вполне беспомощен, но через неделю-другую начнется новый этап лечения, и я превращусь в развалину. Я буду не в состоянии думать, а потому хочу поговорить с тобой сейчас. Мы должны начать борьбу сначала.

— Начать борьбу в зоне Фернис-Крика? Воевать против горы?

— Они запутали нас и преуспели в этом… кем бы они ни были. Взорвать своих посланцев. Боже, какой ловкий ход! Рассказав нам две разные истрии, представить потом каждую из них как мистификацию. А мы слушали их, открыв рты. Хорошо бы хоть теперь показать, на что мы способны.

— Каким образом?

— А ты не думал об этом?

— Разумеется, — признался Артур.

— Тебе надо наладить отношения с президентом. Уговорить Маккленнана и Роттерджека остаться на своих постах. Если это невозможно…

— Теперь уже поздно.

— Тогда поговори со Шварцем. Он отлично знает, как отреагирует общественность. Американцы смирятся не скоро.

— Я с ужасом представляю себе, например, общественный опрос на тему: «Сколько людей поверили президенту».

— Власть, — хрипло проговорил Харри. — Он должен отстоять право на власть. А мы должны начать борьбу сначала.

Артур рассеянно кивнул.

— Убив Кука. Помнишь?

Артур покачал головой:

— Только в том случае, если они не всемогущи.

— Будь так — пытались бы они запутать нас? — спросил Харри. Его лицо помрачнело. Он крепче сжал руку Артура. Тот не забыл времена, когда хватка друга оставляла на ладони следы его ногтей. Теперь она превратилась в долгое настойчивое прикосновение, не больше. — Они должны поверить, что мы можем навредить им.

Артур кивнул. Другая мысль пришла ему в голову и испугала. Он едва мог выразить ее сло-

вами и, конечно же, не станет говорить о ней Харри. Ткни палкой в муравейник, подумал он, понаблюдай, как суетятся букашки. Изучи их. А потом растопчи их дом.

— Думал ли ты о том, каково будет мне, если ты не поправишься?

— Ты пригласишь Итаку в Орегон поможешь ей там обосноваться. Найдешь многообещающего парня, которому нужна хорошая жена. Выдашь ее замуж.

— Господи, — прошептал Артур, заплакав.

— Послушай, — сказал Харри. Слезы текли у него по щекам. — Тебе действительно жаль меня?

— Иди к черту!

Харри повернул голову и вытер глаза уголком наволочки.

— Я умел обходиться без тебя. Я мог не видеть тебя годами, потому что всегда верил, что в нужный момент ты окажешься рядом. Но Итака… Пусть он будет просто славным парнем — тот, с кем ты ее познакомишь. Если кому-то — не мне — суждено спать с ней, я предпочел бы думать о нем хорошо.

— Перестань.

— Хорошо. Я утомился. Ты останешься по-

обедать? Я еще способен чувствовать голод, но через неделю не смогу есть. Устаревший метод лечения.

Артур объяснил, что он спешит на самолет и не может задерживаться.

— Позвони мне завтра, — попросил Харри. — Держи меня в курсе.

— Обещаю.

— И поговори еще раз с Хиксом. Он мог бы заменить меня.

Артур отрицательно покачал головой.

— Я не хочу, чтобы у тебя создалось впечатление, что я бездействую, — сказал Харри. — По правде говоря, я обдумываю разные немного странные идеи. Собираюсь вскоре их записать.

— Странные идеи?

— Попытка представить происшедшее в истинном свете. Инопланетян, мою болезнь, Землю, все…

— Смелый замысел.

— Ты прав. Отвлекает меня от других глупых мыслей. — Он провел рукой по груди и животу. — Может, кому-то и пригодится…

— Я бы хотел послушать.

Харри кивнул.

— Так и будет. Но не сейчас. Я еще не готов.

15 ноября

Бело-голубое такси с ревом и дерганьем поднималось по крутым поворотам дороги, ведущей на вершину холма. Машина мчалась на устрашающей скорости. Сэмшоу сидел на заднем сиденье и напряженно внимал реву мотора, переваливаясь из стороны в сторону на виражах. Он до сих пор не мог понять, что заставило его принять приглашение, в то время как дел было невпроворот. За окном проносились ночные джунгли, только освещенные въезды на частные дороги и призрачные огоньки домов, плывущие над холмом, прорывались сквозь тьму. Внизу, между деревьями, подобно раскрытой шкатулке с драгоценностями, лежал сверкающий вечерней иллюминацией Гонолулу.

Сенд обещал, что на вечеринке соберутся интересные люди. Он уехал еще два часа назад. «Дискаверер» ранним утром бросил якорь в Перл-Харборе, а приглашение от Джины Фузетти последовало по телефону в десять часов. Миссис Фузетти, жена преподавателя физики Гавайского университета, славилась своими приемами по всему побережью.

— Мы не можем отказаться, — настаивал Сенд. — К тому же, надо передохнуть.

Сэмшоу неохотно согласился. Он неуверенно отсчитал несколько монет и заплатил водителю, не забыв о чаевых, а потом быстро отпрыгнул с дороги, чтобы не попасть под фонтан гравия, брызнувший из-под задних колес машины. Затем повернулся и увидел большой невысокий дом, построенный в псевдояпонском стиле, освещенный сотнями ламп, спрятанных в бумажных фонариках. Вдоль вымощенной камнями аллеи тянулись вырезанные из лавы изображения местных божков с горящими глазами.

Даже с такого расстояния были слышны голоса — и никакой громкой музыки, чему он несказанно обрадовался.

Высокая молодая женщина открыла дверь и ослепительно улыбнулась.

— Ма! — крикнула она. — Еще гость. Кто вы?

— Уолт Сэмшоу. А кто вы?

— Таня Фузетти. Мои родители… ну, вы знаете. Я здесь с приятелем.

— Вы, наверно, доктор Сэмшоу? — Джина Фузетти незаметно появилась в сводчатом проходе, ведущем в гостиную. Она на ходу вытирала руки и жизнерадостно улыбалась.

Этой абсолютно седой женщине на вид было под семьдесят. Она бросила на Сэмшоу веселый оценивающий взгляд и повела его за собой, вручив банки с пивом и тарелку с закусками (тунец с сырыми овощами по-гавайски).

— Нам очень приятно видеть у себя такого выдающегося писателя и ученого, — сказала миссис Фузетти, одаривая Сэмшоу тысячеваттной улыбкой. — Мистер Сенд в дальней комнате вместе с другими гостями. Он предупредил нас, что вы придете. А вот и он. — Она кивнула обоим сразу, все еще улыбаясь. — Как славно иметь дело с мужчинами, способными сказать что-нибудь эдакое во время беседы. — Стук в дверь отвлек ее внимание. Исчезая из виду, она развела руками. — Отдыхайте, веселитесь.

— Странная женщина, — заметил Сэмшоу.

— Ведет себя таким образом с каждым. Обаятельная особа.

— Ты бывал на ее вечеринках раньше?

— Я когда-то ухаживал за ее старшей дочерью.

— Ты никогда не рассказывал.

Сенд покачал головой и усмехнулся.

— Знаешь Джереми Кемпа? Он утверждает, что вы знакомы.

— Мы жили в одной каюте много лет назад.

Кажется, во время какой-то экспедиции… Нет, на семинаре в Вудз-Хоуле. Кемп… Геофизик, специалист по землетрясениям, да?

— Правильно. — Сенд потянул его за собой. — Нам всем надо поговорить. Эта встреча — настоящая удача. Я несколько нарушил наши правила — захватил с собой результаты наблюдений.

— Да?

— Мы ведь уже послали данные в Ла-Джоллу, — оправдываясь, сказал Сенд.

Однако Сэмшоу не успокоился. Сенд открыл дверь в комнату. Кемп и два его собеседника сидели на стульях и на кровати, застеленной пледом с национальным полинезийским орнаментом. Они держали в руках стаканы с пивом или коктейлем.

— Уолт, здорово, что мы встретились опять.

Кемп поднялся, крепко пожал Сэмшоу руку и представил старого знакомого другим гостям. Сенд попросил геофизика рассказать о его работе.

— Наша группа занимается тем, что ищет новые источники полезных ископаемых для «Эйшн Термал», нефтяного тайваньско-корейского консорциума. Мы разрабатываем месторождения китайской нефти — вполне официально — и

пытаемся составить карту района Тихого океана, расположенного к югу от Филиппин. Вместе с тем, мы отмечаем на карте места, интересные с сейсмической точки зрения, и анализируем распространение волн в земной коре. А теперь — информация столь же конфиденциальная, сколь и ваша… Понимаете?

Кемп с видом заговорщика посмотрел на дверь. Сенд плотно закрыл ее и запер.

— В распоряжении моей группы находятся станции подслушивания на Филиппинах и Алеутских островах. Мы также можем прослушивать телефонные разговоры, которые ведутся в информационном центре геологических изысканий и землетрясений в Колорадо и в центре по изучению скажин в Монтане. Мы напали на след интересного сейсмического явления. Думаю, мы имеем дело с ошибочными показаниями или с их искаженным толкованием. Но, может, мы и заблуждаемся. Данные поступили из зоны котловины Рамапо ночью первого ноября по восточно-тихоокеанскому времени.

— В ту ночь, когда мы попали в бурю.

— Правильно. По нашим подсчетам, это произошло приблизительно в восемь-двадцать вечера. Так?

— Время почти совпадает: разница всего десять минут.

— О'кей. Итак, это не землетрясение. Не сдвиг пород. Больше похоже на ядерный взрыв — но все же не совсем. Обменные волны замечены учеными Пекина, Колорадо и Монтаны. Но это еще не все. Приборы показали наличие высокочастотных продольных волн. Это не поверхностные волны Рэлея и не волня Лява. Они исходят от какого-то тела. Это не результат мгновенного сдвига пород, а просто волны сжатия и множество необычных микросейсмов. Как будто кто-то зарылся внутрь планеты. Прямо в котловине Рамапо. Что это может быть?

Сенд улыбнулся — озорно, как ребенок.

— Нечто весом в сотни миллионов тонн.

— Правильно, — признал Кемп, улыбаясь в ответ. — А теперь давайте пофантазируем, не боясь показаться сумасшедшими. Некий предмет, весом с гору, падает в море. Но все заканчивается небольшим шквалом. Видимо, предмет, упав, почти не выделил энергии. Профиль склона невелик. Итак, падение, потом объект теряет чуть-чуть — самую малость — своей скорости; энергия передается воде, и, вероятно, вода нагревается, причем тоже слегка. След не достигает и

метра в ширину.

— Смешно, — сказал Сэмшоу.

— Вовсе нет. Сгусток сверхплотной материи; не исключено, что черная дыра. Свалилась в океан, упала на дно котловины Рамапо — voila! Спряталась в песок.

— Невероятно, — протянул Сенд, покачивая головой, но все еще продолжая улыбаться.

— Ну, хорошо. Мы оба отметили аномалии. Судя по нашему графику, произошел ядерный взрыв, но ведь никакого взрыва не было и в помине. А у вас на графике появился пик. — Кемп поднял стакан. — Пьем за тайны, которые объединяют ученых.

Сенд вытащил калькулятор и занялся подсчетами.

— Черная дыра таких размеров обычно является источником гамма-излучения, правильно?

— Понятия не имею, — ответил Кемп.

Сенд пожал плечами.

— Этот предмет имеет такую плотность и так мал, что может очутиться прямо в центре Земли. Но под влиянием силы Кориолиса он обогнет ядро и выпрыгнет с другой стороны. Почти ничто не препятствует его движению. Проходит сквозь толщу Земли, как сквозь воздух.

Кемп кивнул.

— Когда объект достигнет ядра, то его скорость будет, примерно, десять километров в секунду. Можешь представить себе ударную волну? Земля отзовется на нее, как колокольчик, если его дернуть за веревочку. Вот когда должны проявиться твои микросейсмы. Невероятное количество выделенного тепла. Не знаю, как подсчитать… Нужно поговорить с кем-нибудь, разбирающимся в гидродинамике. Время, необходимое предмету для того, чтобы обойти вокруг земного ядра, так сказать его период — восемьдесят или девяносто минут.

— А издает ли этот предмет какой-нибудь звук при движении?

— Я как будто слышу его, — сказал Кемп. — верещит, как чертенок. Можно воспользоваться вашим калькулятором?

Несколько неохотно Сенд протянул ему прибор. Кемп углубился в вычисления.

— Если предположить отсутствие трения, объект выйдет в точке прямо противоположной «входу». Но я не уверен, что он не притормозит — ядро впитывает материю и выдает ее обратно в виде гамма-излучения, вырабатывает плазму или… Черт возьми, я не знаю. Предположим, наш

предмет испытывает влияние эффекта торможения. Тогда, может, он и не прорвет поверхность Земли…

— Но ударная волна сделает это, — заметил Сенд.

— Правильно. Мы бы наблюдали необычный процесс…

— На западе Атлантики, — подсказал Сэмшоу. — Тридцать градусов к югу и сорок к западу. Около одиннадцати сотен морских миль к востоку от Бразилии, где-то на широте Порто-Алегре.

— Отлично, — сказал Кемп, вновь улыбаясь. — Происходят сейсмические изменения там и тут, потом, через восемьдесят или девяносто минут предмет возвращается в Рамапо. Снова и снова… И так — пока он не остановится под воздействием эффекта торможения и не замрет прямо в центре Земли. Вы понимаете, что может наделать черная дыра в сердце планеты?

Сэмшоу неожиданно охватила тревога. Он встал и вышел через распахнутую стеклянную дверь на веранду. Вгляделся в джунгли, подступающие к дому миссис Фузетти. Тишина нарушалась смехом гостей и гудением насекомых.

— Каким образом, черт возьми, такая штуковина доберется до Земли? Засекут ее радары или

спутники?

— Не знаю, — ответил кемп.

— Да, между показаниями наших приборов определенно есть связь, Уолт, — сказал Сенд. — Наши гравиметры работали отлично. — И он пошел на веранду к Сэмшоу.

— Здесь сегодня только и говорят, что о заявлении президента, — продолжал Кемп, стоя в дверях. — Вот я и подумал…

Глаза Сенда расширились.

— О, Господи, я даже не…

— И что? — спросил Сэмшоу.

— Может, это не просто фантазия, — проговорил Кемп. — У вас пик на графике, потом удар метеорита — и объяснений нет. У нас волны сжатия — и объяснений нет. А президент говорит об инопланетянах.

— Подожди, — прервал его Сэмшоу. — У нас нет информации о южной Атлантике.

— Может эта черная дыра — или как там ее — вызвать существенные разрушения на Земле? — поинтересовался Сенд.

— Она бы, в конце концов, уничтожила ее. Поглотила.

— В таком случае, лучше сообщить о случившемся, — сказал Сэмшоу.

Кемп и Сенд посмотрели на него, как дети, застигнутые на нечестной игре.

— Согласны? — продолжал Сэмшоу. — Кто-нибудь поедет в Сан-Франциско на съезд Американского Геофизического общества?

— Я, — ответил Кемп.

— И я бы хотел, — подхватил Сэмшоу, не задумываясь.

Сенд смотрел на него с некоторым смущением. Вероятно, он ощутил желание взять свои слова обратно, поняв, что старик воспринял его зашедшие слишком далеко предположения абсолютно серьезно.

— Мы можем устроить это, Дэвид?

— Я… хочу еще раз все просчитать.

— Мы, очевидно, не обладаем достаточными познаниями, — заметил Сэмшоу. — Но ведь там будут специалисты…

— Верно, — сказал Кемп. — Есть нужный парень. Джонатан Пост. Мы встретимся с ним.

Вокруг Фернис-Крика теперь стояло три ряда заграждений из колючей проволоки; через один из них пропустили ток. Военные патрулировали территорию в джипах и на вертолетах. Сюда постоянно прибывали сотни людей в автомобилях, джипах, грузовиках и проводили время,

рассматривая в бинокли черную гору, находящуюся более чем в пяти милях от них. Еще большее число туристов рыскало вокруг, тщетно стремясь прорваться к горе.

Домик для прессы — времянка, похожая на хижину — располагался у главных ворот. Здесь смиренно слонялись без дела в ожидании развития событий девять тщательно отобранных репортеров.

Кроме вездесущих вертолетов, казалось, все вокруг замерло. Приближался полдень, и освещенная ярким солнцем гора стала черно-красной. Куски застывшей лавы словно вросли в землю; все тихо и напоминает о вечности.

Когда лопасти вертолета, на котором Артур прилетел из Лас-Вегаса, остановились, Гордон выбрался из люка и по посадочной дорожке, покрытой песком и гравием, подошел к Роджерсу. Полковник пожал ему руку. Артур протянул военному папку.

— Что это? — спросил Роджерс, направляясь к вагончику с электронной аппаратурой.

— Здесь бумаги с приказом вам и вашим людям держаться подальше от объекта и не предпринимать мер, грозящих нарушить спокойствие в зоне, — сказал Артур. — Я получил их в Лас-Вега-

се. Распоряжения поступили от президента.

— Я уже получил подобные приказы, — заметил Роджерс. — Зачем понадобились новые?

— Президент хочет удостовериться, что вы его поняли.

— Да, сэр. Скажите ему…

— Мы не поддерживаем постоянную связь, — возразил Артур. Он огляделся и положил руку на плечо Роджерса. — Через несколько дней сюда прибудут сенаторы и конгрессмены. Подкомитеты сената, наблюдательные комитеты от Конгресса. Все, что только можно себе вообразить.

— Я слышал, сенатор из Луизианы — Маккакой-то…

— Макгенри.

— Ах да, — вспомнил полковник. — Он выступал по радио. Призывал к импичменту.

— Это проблема президента, — холодно оборвал его Артур. — Макгенри не одинок. — Они остановились в двадцати ярдах от вагончика. Между взлетно-посадочной полосой и складом армейского оборудования пролегла тропинка. Томящиеся от скуки солдаты обложили ее одинаковыми валунами, выгоревшими на солнце. — Хочу задать вам важный вопрос. Между

нами. Кажется, мы здесь одни?

— Да, сэр.

— Есть ли способ разрушить корабль? — спросил Артур.

Роджерс напрягся.

— Такая возможность не обсуждалась.

— Но вы могли бы сделать это?

На лице полковника отразилась внутренняя борьба.

— Мои ребята способны почти на все, но потребуются особые распоряжения — даже для простого рассмотрения такого поворота событий.

— Я говорю неофициально, — заметил Гордон.

— Даже если неофициально, сэр.

Артур кивнул и оглянулся.

— Я собираюсь провести здесь всего лишь несколько часов, — сказал он. — У вас есть приказ, но, честно говоря, я приказов не получал. И я полагаю, что вы должны подчиняться мне. Я прав?

— Да, сэр, кроме случаев, не идущих вразрез с распоряжениями президента.

— У вас нет приказа препятствовать моему проникновению внутрь объекта?

Роджерс задумался.

— Нет, сэр.

— Я хочу попробовать.

— Это нетрудно, сэр.

— Трудно только тогда, когда идешь первым, правда?

Роджерс чуть заметно улыбнулся.

— Я пойду по вашему маршруту. Скажите, о чем необходимо помнить и что взять с собой.

«АП ньюс нетуорк». 17 ноября 1996 года. Вашингтон, округ Колумбия.

Член палаты представителей Дейл Беркшир, выступая сегодня в Конгрессе, предложил, чтобы комитет по законодательству начал слушания по вопросу о действиях президента в связи с появлением инопланетного корабля в Долине Смерти. «Граждане склоняются к импичменту, — подчеркнул Беркшир. — И пусть этот процесс начнется здесь и сейчас». Беркшир и многие другие политики попросили Сенат и Конгресс отложить церемонию инаугурации. В настоящее время, однако, никакие конкретные меры по переносу этого события не предпринимаются.

17 ноября

Голос Мери, дежурного офицера, звучал весело и взволнованно:

— Поднимайтесь и радуйтесь, — заявила она. — Вас сегодня отпускают. Я только что узнала об этом от полковника Пханя.

Эдвард лежал без сна уже в течение многих часов. В последние дни его мучила бессоница. Прохладный чистый запах замкнутого пространства палаты, казалось, проник внутрь его тела. Он уже не мог вспомнить, как пахнет обычный воздух. Минелли чувствовал себя хуже обычного. Он или что-то бормотал, или заходился в рыданиях. Эдварда переполнял гнев, беспомощный, жгучий; но злоба на всех и вся притупляла сознание и приводила его в апатию. Любые действия Эдварда, как правило, ни к чему не приводили.

— Вы лжете, Мери, Мери, — простонал Минелли. — Мы приговорены к пожизненному заключению.

Сотрудник психологической службы военно-воздушных сил, поговорив с Минелли, заключил, что геолог страдает «нервным возбуждением на почве длительного пребывания в замкнутом

пространстве». Диагноз каждого из них.

— Мы больше не угрожаем национальной безопасности? — поинтересовался Реслоу.

— Думаю, нет. Вы здоровы, а после речи президента необходимость задерживать вас отпала. Вы так не думаете?

— Я считал так в течение многих дней, — ответил Реслоу.

В десять часов появились полковник Пхань и генерал Фултон. Занавески были раздвинуты, и генерал торжественно приветствовал бывших узников, принеся извинения за причиненные неудобства. Минелли смолчал.

— Мы объявили о вашем освобождении и собрали пресс-конференцию. Она состоится в два часа дня. Для вас приготовлена новая одежда. Ваши личные вещи вам вернут.

— Дешевый костюм и десять долларов в кармане! — заголосил Минелли.

Фултон мрачно усмехнулся.

— Вы имеете право говорить все, что хотите. Не стоит забрасывать нас камнями — мы имели причины поступить с вами так, а не иначе. Надеюсь, вы поймете это. Впрочем, я не ожидаю симпатии с вашей стороны.

Эдвард кусал губы, не отводя взгляда от фураж-

ки Фултона. Потом он посмотрел в сторону окна Стеллы. Она стояла, похожая на призрак в белом свете люминесцентной лампы. Женщина заметно сбавила в весе. Реслоу тоже сильно похудел. Минелли, как ни странно, превратился почти в толстяка.

— Я взял на себя смелость и распорядился, чтобы «ленд-крузер» мистера Шоу прошел техосмотр в нашем гараже. В машине отрегулирован двигатель, сменены масло и резина. Считайте, что это самая малость из того, что мы можем для вас сделать. Мы также обеспечили выплату вам денежной компенсации за время, проведенное здесь. Если вам потребуется лечение, обращайтесь к нам. Могу предположить, что кое-кто из вас подаст на нас в суд. — Фултон пожал плечами. — Хорошо. Через пять минут перед вами распахнутся двери. Если вы готовы к этому, я хотел бы поблагодарить лично каждого и пожать ваши руки. Моя благодарность вполне искренняя, но я не требую, чтобы вы поверили мне.

— Пожмите руку своему е…ому президенту, — прорычал Минелли. — Господи, выпустите меня.

Фултон повернулся и пошел по коридору. Его лицо посерело.

— Вся эта история… стала самым серьезным

промахом… за всю мою карьеру, — сказал он, не поднимая глаз.

Через полчаса четверо бывших узников стояли перед железобетонными стенами Экспериментальной лаборатории, щурясь под лучами яркого солнца. Эдвард подошел поближе к Стелле. Хрупкая и молчаливая, с болезненной гримасой на лице и отстраненным взглядом, она напоминала умирающего от голода ребенка.

— Ты примешь участие в пресс-конференции?

— Я хочу домой. Хочу принять душ дома, хотя я и не грязная. Глупо, правда?

— Совсем не глупо, — успокоил ее Эдвард. — Смыть вошек.

Стелла засмеялась, потом раскинула руки и подняла их к небу, изогнувшись в экстазе по-кошачьи.

— Боже! Солнышко…

Минелли одной рукой прикрыл глаза от солнца, а другую вытянул вперед, подставляя ладонь под теплые лучи.

— Чудесно, — проговорил он.

— Что ты собираешься делать, Эдвард? — спросила Стелла.

— Путешествовать, — не задумываясь ответил он. — Вернуться в пустыню.

— Если кто-то из вас захочет погостить в Шошоне… — Стелла помолчала. — Вам это покажется странным: вы, наверно, захотите держаться как можно дальше от этих мест… Но вы всегда можете остановиться у нас, хотя у вас, конечно, есть и другие заботы.

— Наши дела в запущенном состоянии, — сказал Реслоу, — по крайней мере, мои.

Наблюдатель провел их в маленькую аудиторию, находящуюся в отсеке отдела общественной информации. По дороге им встретились генерал Фултон и полковник Пхань. Адвокат повел с ними разговор о ближайшем будущем и предложил бесплатную юридическую помощь, в том числе — представление их интересов при сотрудничестве с издательствами и киностудиями.

— Думаю, я мог бы быть вам полезен. Меня рекомендует юридическая служба военно-воздушных сил, — сказал адвокат. — Но, естественно, мы вас ни к чему не принуждаем. Если я не подхожу, служба оплатит услуги любого юриста, на котором вы остановите свой выбор. В пределах разумного, конечно.

Пресс-конференция хотя и вымотала их, но продлилась, к счастью, недолго — всего полчаса. Они сидели за длинным столом напротив трехсот

репортеров. В сознании Эдварда все вопросы слились в один большой: каким образом вы нашли инопланетянина, вы специально занимались поисками космических кораблей и пришельцев, вы собираетесь подавать в суд на военно-воздушные силы или правительство («Не знаю», — ответил Эдвард), что вы думаете об австралийском корабле, об обращении президента к нации («Я думаю, — сказал Минелли, — он подлизывается к нашим врагам»)? Бернис Морган, мать Стеллы, в пестром платье с поясом и в белой широкополой шляпе, сидела в части зала, отгороженной веревкой. Ее лицо оставалось спокойным. За ней сидел адвокат семьи Морганов, умудренный возрастом и сединами человек, сжимающий в руках портфель.

В три часа они уже покинули конференц-зал. Стелла стояла рядом с матерью и ждала, пока адвокат обсуждал обстоятельства их освобождения. Потом он предложил представлять интересы всех четверых «задержанных», как он называл их.

Сержант протянул молодым людям их личные вещи, включая ключи от джипа.

— Я могу отвезти всех куда надо… — предложил Эдвард. — Если удастся ускользнуть от журналистов…

— Это непросто. Наши машины могут сопровождать вас, — предложил военный.

— Нет, спасибо. Мы сами.

Реслоу и Минелли отправились с Эдвардом. Стелла проводила мать к лимузину адвоката.

— Куда теперь? — спросила она Эдварда.

— Я принимаю твое приглашение, если оно еще в силе, — сказал Эдвард. Минелли и Реслоу кивнули.

— В силе, разумеется.

Джип и лимузин отъехали от главных восточных ворот Ванденберга, оставляя позади толпу репортеров. Несколько автомобилей с журналистами и кинооператорами рванулись вслед за ними, но Эдварду удалось провести их, свернув на Ломпок.

Путь по туннелю, идущему вверх, оказался несложным. Роджерс предупреждал, что он требует больше душевных и умственных усилий, чем физических. И все же Артур до сих пор окончательно не разобрался в причинах, которые заставили его отправиться внутрь горы. Что еще может сказать пустое пространство помимо того, что он узнал из фотографий и видеофильма, снятого Роджерсом?

Но, тем не менее, он чувствовал, что обязан сде-

лать это. Он ощущал необходимость перебороть внутреннюю растерянность. Надеялся, что в пути его осенит какая-нибудь удачная идея. Кроме того, что-то могло измениться в самой горе, и не исключено, что перемена наведет его на неожиданное открытие.

Артур обогнул второй поворот и пополз на четвереньках по последнему отрезку туннеля. Пройдя через первый зал — «переднюю», — он поднял фонарь над головой и осветил граненые стены второго зала, напоминающего собор. Ученый силился разглядеть красный огонек, сфотографированный Роджерсом, но не увидел его. Глубоко вздохнув — он представил, как Роджерс сделал в свое время то же самое, — он выключил фонарь и присел на корточки в двух метрах от края.

Круглые стены. Помещение, сконструированное для полетов в условиях невесомости? Неужели эта кристаллическая структура выдержит катастрофу? В чем, черт возьми, ее функция?

Прошло пять минут, а он так и не увидел красное светящееся пятнышко.

— По крайней мере, одно изменение есть, — громко сообщил он в микрофон.

Артур вновь зажег фонарь и внимательно

исследовал огранку стен, пытаясь раскрыть их тайну или обнаружить признаки деятельности инопланетян. Зал выглядел очень красиво, и это подразумевало наличие определенного замысла, но…

Может быть, граненые стены предназначены для того, чтобы сфокусировать поток радиации? В таком случае, не находится ли горловина потока там, где он сейчас стоит? Тогда, быть может, весь туннель — не что иное как предохранительный клапан, оставленный открытым, чтобы очистить воздух зала после приземления? Не похоже, что выделилось много энергии. Вероятно, маскируя корабль, пришельцы уничтожили все следы его работы.

Если даже Артур встанет на кончики пальцев, он все равно не сможет поднять фонарь так высоко, чтобы свет сфокусировался в центре зала — эта точка находилась где-то на высоте двух метров над его поднятыми руками. Простую бы стремянку сюда, и… он бы выяснил, не отразится ли луч света от граней по прямой.

Что бы произошло в душе Марти, узнай он, что его папа сейчас находится в чреве инопланетного корабля? Что бы подумала Франсин?

Если только это корабль, если предположения

ученых верны. Но может быть, корабль доставил машины, способные построить гору, а сама эта громадина никогда не бывала в космосе? Если так, то почему?

Холодное черное безмолвие окутывало все вокруг, почти отгоняя тревогу.

Напоминает камеру-обскуру. Может, грани каким-то образом поглощают звук?

Артур громко свистнул. Звук возвратился к нему — не громкий, но вполне отчетливый. А вот голос его не слышен. Он прикрыл рукой микрофон и несколько раз крикнул. Первые два крика — бессмысленные, похожие на звериные вопли — развеяли страх. В третий раз крик сорвался с его губ так стремительно, что Артур не успел понять, что с ним происходит?

— Что, черт возьми, вы делаете здесь? Что вам нужно от нас?

Пребывая в полной растерянности, с горящим лицом Артур приблизился к выступу, а потом направил луч фонаря вниз. Он вспомнил глаза Гостя, выплывающие из серо-зеленой плоти.

Что за кошмар! День за днем перед нами предстают новые факты, которые ничего не значат, в которых нет смысла. Нас обвели вокруг пальца, а потом вновь сбили с толку. Злой умысел.

Он попытался подавить в себе беспричинный гнев. Нет сомнения, сюда можно пронести ядерное оружие. Производство специальных ранцев с ядерными зарядами прекратилось двадцать лет назад, к тому же, они не проходили испытаний в полевых условиях. Есть ли в арсенале подходящие средства?

Ответ знает Роджерс. Полковник давно понял, как решить задачу, на которую Артур только намекнул. Потому-то военный так быстро и недвусмысленно отреагировал на слова Гордона. Но если два человека задумались над одной и той же проблемой, наверняка найдутся еще люди, встревоженные случившимся. Каким образом можно обойти положение, по которому все ядерное оружие находится под контролем президента?

И принесет ли это пользу?

— Я бы хотел задать еще несколько вопросов, — сказал он, отстранившись от микрофона. — Между нами, представителями человеческой расы и… вами, кем бы вы ни были… Наверно, мы для вас не больше, чем колония муравьев? Вы не пожалели усилий и создали искусственное существо… — Артур был убежден в этом, хотя доказательств было мало. — Вы напичкали нас

лживыми историями? Что вы нашептываете русским в Монголии? Что, мол, вселенная зиждется на идеях социализма? Мы думали когда-то… Мы думали, что появление гостей из других миров изменит нас. А вы воспользовались нашей наивностью. Кажется, вы знаете нас лучше, чем мы — самих себя. Или же мы так примитивны, что вы способны предугадать наше поведение? Если вы могущественнее, то отчего глумитесь над нами? Сколько цивилизаций вы уже уничтожили?

Он не ждал ответа. Круглые граненые стены собора сверкали вокруг — молчаливые и неумолимые.

— Вы собираетесь разжевать Землю, выплюнуть наименее лакомые куски, а затем двигаться дальше? — продолжал он дрожащим голосом.

Гнев овладел Артуром, ему хотелось разрушить все вокруг. Он поспешил к туннелю, чтобы поскорее скрыться от невидимых глаз и выплакаться в одиночестве.

Но пробравшись через извилистый туннель и спрыгнув под жаркие лучи солнца, он оказался лицом к лицу с Роджерсом и двумя сержантами. О том, чтобы дать себе волю, не могло быть и речи.

— Красной точки не видно, — сказал он, пытаясь отдышаться. — А в остальном все осталось,

как прежде.

— Как вы себя чувствовали, сэр? — поинтересовался Роджерс.

— Как будто я для них пустое место, — ответил Артур.

Офицер печально улыбнулся, выражая согласие, и помог Гордону освободиться от фотоаппарата и видеокамеры.

«Нью-Йорк Таймс», 20 ноября 1996 года. Передовая статья.

Избрание Уильяма Д.Крокермена на пост президента может оказаться колоссальной ошибкой. Если бы нация знала всю правду о событиях в Долине Смерти и если бы нам было известно об отношении президента к случившемуся — то сколько американцев, в таком случае, отдало бы свои голоса президенту, который встречает надвигающуюся катастрофу с распростертыми объятиями?

Да, возможно, надежды нет. Возможно, Земля обречена. Но президент Соединенных Штатов, который сдается без борьбы и призывает народ молиться, становится предателем, и мы не боимся

этого слова.

Редакционная коллегия «Таймс» единодушно поддерживает предложение о том, чтобы комиссия по законодательству рассмотрела вопрос о действиях президента и определила свое отношение к возможному импичменту.

Рубену Бордзу потребовалось три недели и один довольно странный случай, чтобы прийти в себя после смерти матери. Его отец, такой же высокий, как и Рубен, но с возрастом располневший, потерял всякий интерес к жизни. Грубое бородатое лицо старика посерело от горя и стресса. Вдовец проводил все время, сидя в потрепанном кресле в гостиной и подремывая перед включенным телевизором.

Теперь повседневные хозяйственные заботы легли на плечи Рубена. Ему хотелось поддерживать дом в чистоте и порядке — это понравилось бы матери. Рубен решил, что, взяв уборку и готовку на себя, он выполняет долг перед самим собой и овдовевшим отцом. Отец поправится. Жизнь войдет в колею. Рубен верил в это.

В среду, ровно через три недели после похорон, Рубен вытащил старый пылесос и вставил шнур в

розетку. Провод натянулся, грозя вырвать вилку из штепселя, но пальцем босой ноги Рубен нажал на кнопку, и машина заработала. Потом он методично прошелся щеткой пылесоса по ковру с восточным орнаментом и деревянному полу, то и дело натыкаясь на мебель. Пришлось отодвинуть стулья и журнальный столик. Он пропылесосил пол вокруг отцовского кресла. Бордз-старший улыбнулся сыну и что-то пробормотал, но рев пылесоса заглушил его голос. Юноша потрепал отца по плечу. В ванной, когда Рубен принялся за почти новый коврик, вдруг обнаружилось, что пылесос почти не собирает пыль. Почудился запах металла и проводки. Рубен нажал на кнопку, перевернул пылесос, щелкнул двумя задвижками и снял металлическое дно. В некотором изумлении он уставился на щетки и ремень механизма.

Густой черный локон прекрасных вьющихся маминых волос обернулся вокруг щеток и ремня, мешая им вращаться.

Рубен потянул локон сильными пальцами и начал рассматривать волосы, положив их на ладонь. Он уже собирался выбросить их в корзину, но руки не слушались.

Рубен сел на пол, прислонившись спиной к кухонной двери, и прижал локон к щеке. В течение

нескольких мгновений в его голове было пусто.

А потом прорвалось. Парень ударился затылком о дверь и тихо зарыдал, стараясь, чтобы не слышал отец. Он даже включил пылесос, чтобы гудение заглушило плач. Теперь пылесос работал отлично — черный локон больше не мешал.

Уоррен, Огайо, лежал под покрывалом давно уже выпавшего снега, местами — чистого, местами собранного вдоль дорог в черные и коричневые сугробы. Голые деревья маячили в желтоватом свете сумерек. Холодный ветер кружил вокруг Рубена подобно стае невидимых собак, радостно приветствующих долгожданного прохожего. Юноша сжимал под мышкой две библиотечные книги: одну с рекомендации по сдаче государственного экзамена на почтового работника, другую — с рассказами Поля Боулза. Будучи подростком, Рубен частеько — к ужасу матери — представлял себя мусульманином, и тогда он пытался смотреть на мир глазами африканца или араба. И теперь Боулз увлекал его больше, чем Дафти или Т.Е.Лоуренс.

Год назад Рубен бросил учебу и начал работать. Он успел кое-чего поднабраться, но его образование не стоило и гроша. Когда Рубен Бордз пытался глубже изучить какую-нибудь проблему

или предмет, особенно его заинтересовавший, его широкое лицо морщилось от напряжения, а глаза увеличивались так, что, казалось, могли выскочить из орбит.

Высокий и сильный Рубен редко испытывал чувство страха. В тот вечер он шел темными улицами и узкими переулками между неопрятными кирпичными домами или по задворкам деловых кварталов. Он выбрал этот маршрут не потому, что так было удобней или быстрее. Просто хотелось отдалить момент возвращения домой. Он знал, что должен вернуться к отцу, но опасался новых приступов душевной боли, настигающих его в родных стенах.

На полпути к дому, шлепая по грязным лужам позади винного магазина, он заметил в куче мусора серебряный блеск. Он прошел мимо, решив сначала, что сверкнула разбитая бутылка, но все же обернулся. Блеск не исчез. Рубен вернулся и вгляделся в темноту. На темно-коричневом комке грязи лежала блестящая вещица, скорее всего, игрушка, может быть, сломанный робот. Бордз наклонился, присматриваясь.

Теперь он рассмотрел, что игрушка лежит на дохлой мышке или крысе. Очень медленно робот поднял одну из шести блестящих лапок и опустил

ее. При этом лапка проткнула шкурку грызуна.

Рубен выпрямился и попятился. Ночь обступила его со всех сторон.

То, как робот поднял лапку, его размеренные плавные движения испугали парня. Перед ним — не игрушка. И не насекомое. Перед ним был некий предмет, похожий на паука и сделанный из металла. И этот предмет убил мышь.

С неожиданной грацией паук сполз с грызуна и повернулся к Рубену. Словно для защиты, он поднял вверх две передние лапки. Рубен шагнул назад к дощатому забору. Восемь или девять футов отделяли его от забора и двадцать — от улицы. Бордз посмотрел налево, ища путь к отступлению.

Что-то сверкнуло серебром на заборных досках позади него. Рубен вскрикнул и замахал руками, но блеск переместился ему на плечо, так что он не успел хорошенько рассмотреть, что произошло. Он попытался смахнуть блестящее пятно и почувствовал, как что-то с трудом оторвалось от рубашки. Паук упал в лужу, вода булькнула, послышался металлический скрежет.

— О Боже, на помощь! — завопил Бордз. Но лишь одна машина пронеслась по безлюдной улице, и водитель не услышал крик. — На по-

мощь!

Рубен побежал. Два паука семенили за ним. Он попытался остановиться, но поскользнулся и упал на спину в грязь и слякоть. Со стоном юноша перевернулся — порыв ветра усложнил задачу — и поднял голову. Паук стоял в футе от его лица с выжидательно поднятыми передними лапками, между которыми — там, где полагалось находиться глазам — блестела узкая зеленая полоска. Сами лапки, прикрепленные к продолговатому, похожему на яйцо тельцу, напоминали проволоку из драгоценного металла.

Это не шутка. Никто не делает подобные вещи.

Рубен порывисто дышал, в руках покалывало. Паук полз у него по спине, пощипывая ее, и Бордз не мог дотянуться, чтобы смахнуть или схватить нахала. Он больше не кричал, потому что не удавалось набрать воздух в легкие. Потом он почувствовал тяжесть какого-то предмета на голове. Что-то острое укололо его череп. Пронзило насквозь.

Рубен снова застонал и уронил голову в лужу, закрыв глаза. Его лицо исказилось от страха. Через несколько минут он, не отдавая себе отчета, перекатился ближе к забору, так как тело отказывалось подчиняться. Ни один человек не прошел

мимо, а если бы это и случилось, вряд ли бы кто-нибудь остановился. Рубен был весь в грязи и, лежа возле винного магазина, ничем не отличался от любого напившегося до беспамятства бродяги. Может, полицейский и заинтересуется им, но больше никто.

Рубен замерз, но страх отпустил его. Голова гудела, двигаться не хотелось. Юноша решил перебороть себя. Он напряг тело и откинул голову так резко, что стукнулся о забор.

Это помогло ему собраться. Ускользающее сознание подсказало, что надо действовать с осторожностью. Он ощущал вкус крови во рту.

Так чувствует себя дикий зверь, когда его ловят люди, чтобы отправить в зоопарк.

Голова по-прежнему кружилась — то слабее, то сильнее. Это усыпляло, несмотря на то, что он промерз до мозга костей и вымок. Несколько раз Рубен пытался подняться, но ватные ноги не подчинялись.

Он почувствовал, как что-то вновь ползет по голове. Паук медленно спустился на шею, прополз по куртке и добрался до кармана брюк. Он отвернул край кармана и мгновенно исчез там, для чего ему пришлось согнуть лапки. Карман в том месте, где расположилась «игрушка», чуть

заметно оттопырился.

Рубен вновь почувствовал силу в ногах. Он встал и сделал несколько нетвердых шагов. Внимательно осмотрел себя и не обнаружил ни крови, ни ссадин — только несколько синяков. Он потянулся к карману, но смутная мысль — или что-то другое — заставила паренька вспомнить об осторожности, и он отдернул руку. Стоя в ночной тишине, дрожа от холода, Рубен в недоумении огляделся в поисках других пауков. Но не увидел ни одного.

Дохлая мышь лежала возле мусорной кучи. Рубен встал на колени и изучил останки.

Труп был аккуратно расчленен; розовые, коричневые и ярко-красные внутренности лежали по одну сторону от бездыханного тельца, и на них виднелись аккуратные разрезы, будто кто-то взял образцы ткани.

— Мне надо домой, — сказал Рубен в темноту.

Он добрался без приключений.

Артур задержался в Лас-Вегасе на три дня, чтобы принять участие в неофициальных встречах с конгрессменами из комитета по законодательству. Но вот он снова дома, снова с семьей, возле реки и леса. Он сидит в гостиной на ковре в позе «лотоса», а Франсин и сын устроились на кушет-

ке. Марти развел огонь в камине сам, без помощи взрослых, и аккуратно поднес длинную горящую спичку к дровам.

— Ну, слушайте, что произошло, — сказал Артур. Он отжался на руках, чтобы повернуться к кушетке, не меняя позы, и начал свой рассказ.

К полуночи радиатор нагрелся, и постепенно теплый воздух стал обволакивать тела супругов, лежащих в объятиях друг друга. Голова Франсин покоилась на плече мужа. Артур чувствовал, как дрожат ее ресницы. В эту ночь они были близки, и любовь переполняла их. Вопреки традициям интеллектуалов, Артур наслаждался праздностью и пребыванием дома. За четверть часа муж и жена не сказали друг другу ни слова.

Раздался телефонный звонок.

— О, боже! — Франсин отодвинулся от Гордона. Он потянулся и взял трубку.

— Артур, говорил Крис Райли. Прости, что разбудил тебя…

— Мы не спим, — сказал Артур.

— У меня срочное дело. На Гавайях я встретил нескольких ребят, которые хотели бы переговорить с тобой. Они слышали, что я знаю твой домашний телефон. Может, ты позвонишь им сейчас или…

— Хочу отдохнуть, Крис, по крайней мере, пару дней.

— У них важное сообщение.

— Ну, ладно. А в чем суть?

— Из того немногого, что мне сказали, я понял, что они, вероятно, обнаружили — ну, ты же читаешь газеты — оружие, которое инопланетяне могут применить против нас.

— Кто эти люди?

— Один из них Джереми Кемп, хитрая лиса, но отличный геолог. Двое других — океанографы. Слышал что-нибудь об уолте Сэмшоу?

— Автор университетского учебника? Он, должно быть, уже стар, не так ли?

— Он и еще один парень, Сенд, сейчас на Гавайях вместе с Кемпом. Они утверждают, что видели необычное явление.

— Хорошо. Дай мне их номер. — Артур включил лампу на ночном столике.

— Сэмшоу и Сенд на борту корабля в Перл-Харборе. — Райли продиктовал по буквам название корабля и дал номер. — Спроси Уолта или Дэвида.

— Спасибо, Крис, — сказал Артур, вешая трубку.

— Нет покоя? — спросила Франсин.

— Некоторые думают, что знают, где собака зарыта.

— Да?

— Я лучше позвоню им.

Он вылез из кроват и прошел в кабинет. Франсин, кутаясь в халат, появилась через минуту.

Когда разговор закончился, Артур повернулся и увидел сына, который стоял рядом с матерью и тер заспанные глаза.

— В конце недели я еду в Сан-Франциско, — сообщил Артур. — Но перед этим мы проведем несколько дней вместе, дорогие мои.

— Ты покажешь мне, как пользоваться телескопом? — сонно спросил Марти. — Я хочу видеть, что происходит в космосе.

Артур взял мальчика на руки и отнес его в спальню.

— Вы с мамой занимались любовью? — спросил Марти, когда Артур положил его на кровать и укрыл.

— Как ты догадался, Зоркий Глаз?

— Это значит, что ты любишь маму. А она любит тебя.

— Угу.

— Ты уедешь, а потом опять приедешь, да?

— Так скоро, как только смогу.

— Если мы все умрем, я бы хотел чтобы вы оба были здесь, чтобы мы были вместе, — сказал Марти.

Артур долго не отпускал руку сына. На глаза навернулись слезы, волной нахлынула нежность и глубокая невыразимая печаль, сердце сжалось.

— Завтра мы займемся телескопом, — наконец хрипло пообещал он.

— И я смогу увидеть, как они приближаются?

Артур не умел лгать. Он крепко обнял мальчика и сидел на его постели, пока глаза сына не закрылись и дыхание стало ровным.

— Час ночи, — сказала Франсин, когда он забрался под одеяло.

Они снова любили друг друга и снова были счастливы.

22 ноября

— Годж! Негодный пес! Годж, это замороженный цыпленок. Его нельзя есть. Ты можешь разломать его и только.

Франсин сердито топнула ногой, и Годж выскочил из кухни, высунув язык. Он выглядел пристыженным, но, вместе с тем, явно гордился своим подвигом.

— Вымой получше, — посоветовал Артур, указывая на цыпленка и весело смеясь.

Франсин повертела искусанную, но целую птичью тушку и покачала головой.

— Не выйдет. На каждом куске будут видны следы.

— Собачьи зубы на куске, который мы перемалываем зубами… — проговорил Артур. — Замечательный пример вторичного использования…

— Перестань! Ты всего два дня дома — и пожалуйста, неприятность.

— Ну, давай! Выругай меня хорошенько, — улыбнулся Артур. — Мне не хватает вины за домашние неурядицы.

Франсин положила цыпленка на стол и открыла раздвижную стеклянную дверь.

— Мартин. Где ты? Давай накажем твою собаку.

— Он во дворе. У телескопа. — Артур с грустью осмотрел тушку. — Если мы не съедим его, значит, птичка погибла понапрасну.

— Собачьи микробы, — напомнила Франсин.

— Черт возьми. Годж все время облизывает нас. Он еще щенок. Он девственник.

Семья села за стол в семь часов. Обедали цыпленком с ободранной кожей и обрезанным со всех сторон. Марти подозрительно посмотрел на свою порцию — ножку и крылышко, — но Артур предупредил, что маме не понравится, если они будут чересчур привередливы.

— Вы заставили меня приготовить это, — парировала Франсин.

— Что интересного? — спросил Артур сына, показывая пальцем вверх.

— Все блестит и мерцает, — ответил Марти.

— Ясная ночь, да?

— Сегодня пасмурно и холодно, — отрезала Франсин.

— Множество звезд, но я имею в виду… Знаешь ли… Мерцает, как фейерферк.

Артур прекратил жевать.

— Звезды?

— Ты мне как-то говорил, что только суперновые звезды могут ярко зажигаться и гаснуть, — серьезно сказал мальчик. — Наверно, я видел именно их.

— Не думаю. Пойдем посмотрим.

Франсин раздраженно бросила кусок цыпленка на тарелку.

— Идите, идите! Во время обеда. Артур…

— На минутку, — извинился Гордон и вышел. Марти последовал за ним. Франсин в знак протеста задержалась возле заднего крыльца, но вскоре присоединилась к мужу и сыну.

— Вон там, — показал Марти, — но сейчас там ничего не происходит, — сказал он разочарованно.

— Ужасно холодно. — Франсин многозначительно взглянула на Артура. Тот внимательно изучал небо.

— Там! — крикнул Марти.

Одно мгновение — и новая мерцающая точка присоединилась к буйству звезд. Спустя несколько секунд Артур заметил другую, еще более яркую звезду. Искры мелькали в поясе астероидов.

— О Господи, — прошептал он, — что же это такое?

— Что-нибудь важное? — поинтересовалась

жена.

— Паппа, — нервно проговорил Марти, переводя взгляд с отца на мать, встревоженный их тоном.

— Не знаю. Не думаю. Возможно, метеоритный дождь.

Но искры не могли быть метеоритами — Артур не сомневался в этом. Есть только один человек, способный объяснить происходящее — Крис Райли. Только Райли, символ постоянства в стремительном беге времени.

Артур позвонил астроному из кабинета, но номер был безнадежно занят. Лишь через несколько минут в трубке прозвучал усталый голос Райли.

— Крис, привет. Говорит Гордон. Артур Гордон.

— Дорогой! Ты тот, кто мне нужен. — Райли замолчал, переводя дыхание. — Я слышал, что ты договорился о встрече с Кемпом и Сэмшоу. Хотелось бы присоединиться к вам, но я очень занят. Бегаю от телескопа к телефону. Наверное, следовало установить телефон на дворе.

— Что происходит?

— Ты не видел? Через всю плоскость эклиптики мечутся астероиды. Они взрываются, как при фейерверке. Началось это, как стемнело. Я только что получил подтверждение из Маунт-Лагуны, а

несколько минут назад кто-то звонил из Пик-дю-Миди, из Франции. Пояс астероидов напоминает поле битвы.

— Проклятье, — пробормотал Артур.

Он оглянулся и увидел Франсин и Марти, стоявших в дверях. Марти крепко обнял мать за талию.

— Когда же специальная группа что-нибудь выяснит? — спросил Райли. — Люди действительно начинают терять терпение, Артур. Президент держит язык за зубами, да и все остальные тоже молчат.

— Мы не можем утверждать, что все явления связаны между собой.

— Артур! Ради Бога! Взрываются астероиды! Неужели, черт возьми, это событие не связано с другими?!

— Ты прав, — согласился Артур. — Завтра же вылетаю в Сан-Франциско. Сколько взрывов ты насчитал?

— По крайней мере, сотню с тех пор, как начал наблюдение. Мне надо бежать.

Артур попрощался с астрономом и повесил трубку. Марти уставился на него круглыми, как у совы, глазами. Франсин пыталась скрыть тревогу.

— Все нормально, — успокоил их Артур.

— Началось? — спросила жена.

Марти захныкал. Артур не помнил, чтобы это случалось с сыном хоть раз за последние месяцы или даже годы.

— Не думаю. Это очень далеко — там, где астероиды.

— А это не звезды-снаряды? — спросил мальчик, не заметив, что изобрел новое понятие.

— Нет. Просто астероиды. Они находятся за Марсом, в основном, между Марсом и Юпитером.

— Так что же там случилось? — спросила Франсин.

Артур мог только пожать плечами.

23 ноября

Минелли провел ночь в кресле возле широкого окна, из которого открывался живописный вид. Он и сейчас полулежал, откинув голову и посапывая. Эдвард затянул пояс халата, предложенного Стеллой, обошел кресло и выглянул в окно. Перед ним предстал заасфальтированный двор, высохший декоративный прудик в форме буквы «L», а за ними площадка в несколько акров, поросшая увядшей заиндевевшей травой.

Эдвард не жалел, что приехал в Шошоне — мирное тихое местечко, удаленное, но не отрезанное от больших городов. В их распоряжении, по крайней мере, несколько дней — можно отдохнуть, пока толпы репортеров не обнаружили их. Немногие горожане, знавшие об их возвращении, позаботились о том, чтобы новость не распространилась. Все четверо бывших обитателей Ванденберга не выходили из дома, а на телефонные звонки отвечала Бернис.

Эдвард услышал, что позади него ворочается Минелли.

— Ты пропустил звездный ливень, — сообщил он.

— Ливень?

— Всю ночь напролет. Будто стая светлячков.

Эдвард удивленно поднял брови.

— Без шуток. Я в своем уме. Вон там, над горами, всю ночь. Я видел звезды, как вижу тебя. Мерцание в небе.

— Метеоры?

— Мне приходилось видеть метеоры. Сегодня было что-то другое.

— Конец света, без сомнения, — сказал Эдвард.

— Без сомнения, — вторил Минелли.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Набираюсь сил. Должно быть, я причинил здесь много неприятностей.

— Это нам причинили много неприятностей, — поправил Эдвард. — Я и сам словно свихнулся.

— Свихнулся. — Минелли покачал головой и бросил недоверчивый взгляд на товарища. — Где Реслоу?

— Еще спит.

Эдвард и Реслоу вместе занимали одну спальню.

— Чудные люди в этом доме. Жаль, что моя мать не похожа на Бернис.

Эдвард кивнул.

— Мы останемся здесь, злоупотребляя их го-

степриимством, — спросил он, — или вернемся в Техас?

— Мы должны, в конце концов, стоически выдержать испытание, — философски изрек Минелли. — Пресса в нетерпении. Вчера вечером я смотрел телевизор. Вся страна спятила. Незаметно, но спятила.

— Люди не виноваты.

Зазвонил телефон.

— Который час? — спросил Минелли.

— Половина восьмого.

Телефон зазвонил второй раз и замолк.

Геологи посмотрели на аппарат.

— Наверно, Бернис подняла трубку у себя в спальне, — предположил Минелли.

Через несколько секунд появилась Стелла, за ней ее мать, обе — ничуть не смущаясь — во фланелевых пижамах и цветастых халатах.

Бернис улыбнулась.

— Позавтракаем? Впереди долгий день.

— Звонили из Си-Би-Эс, — сообщила Стелла. — Они что-то унюхали.

— Мы можем только по-прежнему стараться водить их за нос.

Эдвард посмотрел на замерзшее поле. С шоссе свернул пикап с двумя пассажирами в коричне-

вых куртках и ковбойских шляпах — друзья семьи поклялись оградить Морганов от «шпионов». Даже с расстояния в сто ярдов их решительный вид действовал устрашающе.

Стелла покачала головой.

— Не знаю, почему нами интересуются. Мы не сделали ничего выдающегося. По крайней мере, я. Это вы нашли гору.

Реслоу в джинсах и полосатой сине-белой рубашке с длинными рукавами появился в комнате и прошел мимо ниши у входа к роялю.

— Как насчет завтрака?

— Почти готово, — заверила Бернис.

— Знаете, — сказал Эдвард, — наверно, мы зря приехали сюда. Лишние заботы для вас. Мы все нуждались в отдыхе, но миссис Морган тоже немало перенесла.

Бернис отправилась на кухню.

— Вся эта история здорово встряхнула меня, — заметила она. — Давненько я так не воевала.

— К тому же, она встречалась с президентом, — усмехнувшись, напомнила Стелла.

— Мне теперь стыдно, что я демократка, — сказала Бернис. — Майк и его ребята все еще на посту. Надеюсь, они не потеряют бдительность. А вы можете гостить у нас сколько угодно.

— Пожалуйста не уезжайте, — попросила Стелла. — Мне надо поговорить. Со всеми вами. Я все еще в растерянности. Мы должны поддерживать друг друга.

— А что насчет фейерверка? — спросил Минелли. — Может, послушаем новости?

Он потянулся, спустил ногу с кресла, встал и прошел по линолеумному полу и широкому ковру с индейским орнаментом в гостиную — просторную комнату, где они обычно обедали. Потом сел перед телевизором. Осторожно, словно что-то жгло ему руку, он включил телевизор и откинулся назад, кусая губы. Эдвард с беспокойством следил за ним.

— Всего лишь мультики, — расстроился Минелли.

Он не переключал каналы и сидел перед экраном, словно забыв, что его интересовало. Эдвард подошел и поискал программу новостей. Наконец он услышал, как диктор заканчивает сообщение о конфликте между Доминиканской республикой и Гаити.

— Ничего, — сказал Минелли печально. — Может, мне почудилось…

И вдруг:

— Астрономы Франции и Калифорнии по-раз-

ному объясняют беспрецедентную метеоритную активность в поясе астероидов. Наблюдаемые прошлой ночью по всему западному полушарию, отчетливо видимые невооруженным глазом, если небо было безоблачным, вспышки яркого света распространились по эклиптике — плоскости, занятой орбитой Земли и орбитами большинства планет Солнечной системы. Член специальной группы, выполняющей особое задание президента, Харри Файнман заявил по телефону из Лос-Анджелеса, что потребуется много дней, чтобы изучить и собрать все данные. По мнению ученого, будет нелегко выяснить, что же произошло далеко в космосе, за орбитой Марса. На вопрос, есть ли связь между последним явлением и посещением Земли инопланетянами, Файнман не ответил.

— Он слишком умен, чтобы признаться в собственной глупости, — заметил Минелли. — Астероиды… Боже.

Эдвард пробежался по другим каналам, но безрезультатно.

— Как по-твоему, Эдвард, — спросил Минелли, забившись в угол кушетки, — что я видел? Снова эта говенная история о конце света?

— Я знаю не больше, чем специалисты, — отве-

тил Эдвард и отправился на кухню. — Есть ли в городе психиатр? — спросил он Бернис.

— Ни одного стоящего. — Миссис Морган говорила так же тихо, как и он. — Твой дружок плох, да?

— Правительство поспешило отделаться от нас. Минелли следовало бы побыть какое-то время в клинике, восстановить силы и душевное равновесие.

— Это можно устроить, — предложила Бернис. — Он и вправду видел что-то?

— Полагаю, да. Жаль, что я спал.

— »День триффидов» — вот что это было, — сообщил Минелли с воодушевлением. — Помните: «Мы в любую минуту можем ослепнуть»?

Стелла стояла у плиты, старательно разбивая яйца на сковородку.

— Мама, — проговорила она. — Где перечница? — И быстро вышла из кухни со слезами на глазах.

Уолт Сэмшоу вышел из такси на Пауэл-стрит и остановился у навеса над входом в «Отель святого Франциска». Он оглядел длинные стройные ряды марширующих по Юнион-сквер, облепленную туристами конку, со скрежетом пронесшуюся мимо, снующие машины и кэбы, демонстрирующие

уязвимость человека перед достижениями цивилизации: сегодняшний Сан-Франциско мало чем отличался от того города, который океанограф хранил в памяти со времени последнего приезда сюда в 1984 году.

В просторном со вкусом обставленном вестибюле отеля — его чрезвычайно украшали стойки, отделанные полированным черным камнем — толпились участники съезда Американского Геофизического Общества, и Сэмшоу уже до того, как добрался с багажом до портье, услышал, о чем болтают ученые.

Съезд был в полном разгаре. Кемп и Сенд приехали в Сан-Франциско раньше Уолта, во вторник, и с тех пор произошло много важных событий. Сэмшоу появился в городе в воскресенье, и ему предстояло ознакомиться со всеми материалами.

Пока он заполнял необходимые документы, мимо прошли двое молодых людей, увлеченных жарким спором. До Уолта донеслась только пара слов: «Объект Кемпа…»

Коридорный покатил тележку с его чемоданами по толстому ковру к лифту. Сэмшоу следовал за ним, расслабляя плечи и пальцы. Еще два участника съезда — пожилой мужчина и молодая

женщина — ожидали прихода кабинки, обсуждая сверхзвуковые ударные волны и то, как они могут передаваться по мантии и земной коре.

Когда Сэмшоу вновь спустился в вестибюль к регистрационному столику съезда, то увидел, что помещение запружено репортерами и операторами трех местных телестанций и множества программ новостей. Он удачно избежал встречи с ними, скрывшись за колоннами.

Вместе со значком и конвертом, набитым брошюрами и проспектами, он получил записку от Сенда:

«Кемп и я ждем тебя в „Озе“ в пять тридцать. Заказывает Кемп.

Д.С.»

«Оз» — бар с дискотекой — находился, как узнал Сэмшоу от служащего отеля, в «новой» башне здания. Сэмшоу критически посмотрел на свою потрепанную спортивную куртку и стертые кроссовки и решил что, по крайней мере, на десять лет отстал от моды, и на тысячи долларов — от возможности обновить свой гардероб. Он вздохнул и направился к лифту.

Путешествие из Гонолулу в Ла-Джоллу организовал институт океанографии Скрипса. В качестве компенсации Сэмшоу прочитал там лекцию. Он

не переставал поражаться, что через двадцать пять лет после завершения педагогической деятельности все еще не потерял популярность среди ученых. Его объемистый труд, выходящий в дорогом оформлении, превратился в настольную книгу студентов, и сотни будущих исследователей океана стремились услышать его и пожать руку Свердрупу двадцатого века.

Из Линдерберг-Филда до Сан-Франциско Сэмшоу добрался за свой счет, честно говоря, не совсем понимая, что он и его коллеги делают здесь. На корабле и без того хватало работы; прежде всего, следовало сопоставить биллионы данных, полученных во время прохождения над котловиной Рамапо.

Он, конечно, подозревал, что большая часть данных будет отброшена в сторону. В центре внимания окажется аномалия, отраженная в показаниях гравиметра. Отчего-то эта мысль опечалила ученого.

Чувствуя себя неуютно в скоростном лифте, Сэмшоу понял, что за последнюю неделю старость все чаще давала о себе знать. Психологически он поддался болезни, обрушившейся на нацию после заявления Крокермена. Он не видел разницы между собой и молодыми людьми, проносящими

на улице лозунги протеста. Демократия не властна остановить Апокалипсис. Даже сейчас орудие уничтожения планеты — или просто какое-то тело — пытается развоpотить сердце Земли.

Объект Кемпа… Это название, уверял он себя, будет в скором времени изменено. Объект Сенда-Сэмшоу… Не очень-то красиво звучит, но что поделаешь. Все же… зачем? Зачем предъявлять права на объект, на котором может быть начертано любое имя?

Дверь лифта открылась, и шум оглушил Уолта. Стеклянные стены с подсветкой и высокие потолки «Оза» сверкали. Молодые люди в элегантных костюмах танцевали в центре зала. Вокруг, переговариваясь, сидели или стояли со стаканами в руках остальные посетители бара. От подноса проходящей официантки повеяло ароматом вина и бурбона.

Сэмшоу поморщился, услышав грохочущую музыку, и огляделся, ища глазами Сенда или Кемпа. Дэвид стоял в углу и махал рукой, чтобы друг заметил его.

Вокруг круглого стола уже собрались четверо: Кемп, Сенд и два неизвестных Сэмшоу человека, улыбнувшихся ему, как старому знакомому. Кемп представил Уолту своего давнего товари-

ща Джонатана Поста, черноволосого мужчину с внешностью восточного типа и курчавой седой бородкой и Оскара Эглинтона из Невадской Школы горного дела. Ученые обменялись рукопожатиями. Пост декламировал довольно нескромное стихотворение о легендарной встрече Синдбада-морехода со стариком, оседлавшим путешественника. Закончив, он рассмеялся.

— Здорово, — равнодушно проговорил Сэмшоу.

Официантка принесла заказ, и Пост пожертвовал своим пивом, чтобы Сэмшоу скорее промочил горло.

Однажды Уолт расправился с целым ящиком пива «Корона» за два дня. Это случилось в 1952 году во время экспедиции, наблюдающей за поведением китов в лагуне Скаммон. Теперь же от одной только порции он почувствовал слабость.

— Мы должны ввести тебя в курс дела, Уолт, — начал Сенд. — Кемп разговаривал с сейсмологами из Бразилии и Марокко. Один из них — Хесус Очоа — участвует в конференции. Отмечены резкие изменения на графике 31 октября. Распад пород и ударная волна. В некоторых районах наблюдался неожиданно сильный прибой и беспрецедентные сейсмические явления.

— Тридцать пять к югу, сорок два к запа-

ду, — сказал Кемп. На его лице снова появилась самодовольная улыбка, знакомая Уолту по Гавайям. — Хесус убедил меня, что теперь у нас есть хороший повод обратиться в Вашингтон. Он свел меня с Артуром Гордоном… Правда, президент не особенно заинтересован, — заметил он, и улыбка исчезла с его лица. — Мы не смогли увидеться даже с новым советником по национальной безопасности, как его…

— Паттерсон, — уточнил мускулистый смуглый Эглинтон.

— Но Гордон обещал встретиться с нами сегодня вечером. Предстоит обсудить множество вопросов. Мы переговорили здесь с несколькими физиками и астрономами. С Крисом Райли, Фредом Хардином, с другими. У всех из головы не выходят астероиды.

— Вы уверены, что мы не ошибаемся? Что действительно имеем дело с настоящим межпланетным снарядом?

— У нас есть новые доказательства, — заявил Кемп, наклоняясь вперед.

Сенд дотронулся до его руки. Кемп понимающе кивнул и снова откинулся на спинку стула. Сенд придвинулся к Сэмшоу, словно собирался обсудить с ним деликатную проблему.

— Четыре дня назад команда грузового корабля заметила в небе центральной Атлантики сверкающий шар. Как и в предыдущий раз, ни один радар не засек его приближение. Потом те же явления: падение в океан, шторм и необычные сейсмические показания. Огненный шар, однако, выглядел более впечатляющим, чем прежде — огромный, ослепительно яркий, он оставлял за собой светящийся след. Капитан и вся команда получила ожоги сетчатки глаза. У них начали выпадать волосы, а медики заметили странные кровоподтеки на телах. Моряки страдают кровавым поносом, и у всех обнаружены признаки радиоактивного облучения.

— Метеориты, как правило, ведут себя более мирно. — подхватил Кемп. И, кроме того… мы знаем о другой сейсмической аномалии в том же районе. Что-то зарылось внутрь земли, — триумфально добавил он. — На графике это выглядит, как взрыв атомной бомбы, а потом… микросейсмы и глубокие продольные волны.

Сэмшоу поднял брови.

— И что?

— Снова изменения в показаниях графика, — продолжал Сенд, — и даже более заметная микросейсмическая активность… Либо размер

и масса этого объекта превосходят параметры предыдущего, либо…

— Мы имеем дело с чем-то другим, — закончил Кемп. — Не спрашивайте, с чем именно.

— Здесь многие толкуют об объекте Кемпа, — заметил Сэмшоу. — Я далек от того, чтобы беспокоиться о названии.

— Мы исправим ошибку завтра утром, — пообещал Кемп. — Будет присутствовать Гордон. Мы выложим съезду все, что знаем.

— И общественности?

— Никто не велел нам держать наше открытие в тайне, — ответил Сенд.

— Внизу немало операторов с камерами.

— Но мы не можем скрывать наши выводы.

— Не лучше ли подождать, пока предположение подтвердится?

— На это уйдут месяцы, — отрезал Сенд. — У нас может не быть этого времени.

Сэмшоу нахмурился.

— Меня беспокоят два момента, — начал он, — не считая этого ужасного шума и музыки. Первое. — Он загнул большой палец. — Есть ли польза от нашей ученой болтовни? И второе. — Он загнул указательный палец. — Здесь все так веселятся и радуются…

Сенд посмотрел вокруг. Пост приуныл.

— Боги танцуют на наших могилах, — сказал Сэмшоу, — а мы взираем на них, открыв рот — как дети в магазине игрушек.

Рубен Бордз стоял возле двери и смотрел, как дождь омывает улицы Уоррена. Он и улыбался, и хмурился. Его губы двигались в такт звучащей в душе мелодии, а в глазах застыло ожидание.

— Закрой дверь! — Отец, одетый в старую пижаму, появился в холле. — На улице холодно.

— Хорошо, папа. — Рубен захлопнул дверь и подождал, пока отец усядется в кресло. — Принести тебе что-нибудь?

— Я завтракал, потом подремал. Весь день я вел себя, как негодный лентяй. С какой стати ты будешь обслуживать меня?

Отец слезящимися глазами посмотрел на сына. Он по-прежнему плакал по ночам, по-прежнему спал в обнимку с подушкой. Рубен как-то заглянул к нему утром, когда тот еще не проснулся — на отцовском лице застыла блаженная улыбка, а руки крепко сжимали мягкую пуховую подушку, на которой когда-то спала его жена.

— Я просто спросил, — сказал Рубен.

«Я бы пригласил их в гости к моей маме. Моей матери.»

Но она мертва,

— Ну ладно, включи телевизор.

— Какой канал? — спросил юноша, опускаясь на колени перед телевизором.

— Найди ту передачу, где все обсуждают новости и спорят. Хочу забыться.

Рубен нашел «Уорлдуайд Ньюс Нетуорк» и, не поднимаясь, отполз от экрана.

— Знаешь, тебе не стоит связывать себя необходимостью быть рядом со мной, — сказал отец. — Я одолею тоску. Соберусь с силами. Я буду жить.

Рубен улыбнулся.

— Куда я пойду?

Но он понимал, что вскоре покинет дом. Перед ним стояли важные задачи. Он считал своим долгом сохранить то, что лежало у него в кармане. Он обязан был найти того, кому оно предназначалось. Он смутно помнил голос нужного человека, его британский акцент — и ничего больше.

Рубен сел на пол и прислонился спиной к коленям отца. На экране разгоралось жаркое сражение: участники передачи «Фрифайр» приняли боевую стойку и ощетинились, когда им представили очередного гостя. И только лицо одного либерала, казалось, смягчилось.

— Он известен как бывший консультант прези-

дента по вопросам, связанным с таинственным объектом в долине Смерти. Его отлично знают в научных и журналистских кругах. На его счету сорок книг, в том числе, последнее пророческое произведение «Звездный дом» — научно-фантастическая повесть о первых контактах с внеземными цивилизациями. Его зовут Тревор Хикс, и он гражданин Великобритании.

— Гражданин мира, скорее, — поправил Хикс.

Рубен напрягся.

Голос.

«Я бы пригласил их в гости к моей маме. Моей матери».

— Это он, — пробормотал Рубен.

— Кто?

Рубен затряс головой.

— Откуда передают?

— Из Вашингтона, как всегда, — ответил отец.

— Мистер Хикс, правда, что именно вы посоветовали президенту Крокермену покориться агрессору? — нетерпеливо спросил представитель консерваторов.

— Отнюдь нет, — ответил Хикс.

Между бровями Рубена пролегла глубокая морщина, свидетельствующая о напряженной работе мозга.

Это тот, кто мне нужен. Тревор Хикс. Тот самый голос, то самое имя.

— Что же вы, в таком случае, сказали президенту?

— Господа, президент не желает слушать меня, что бы я ни говорил. Он хотел найти во мне единомышленника, а я старался оправдать его доверие, но я так же решительно настроен против его политики в отношении инопланетного корабля, как, полагаю, и все вы.

— Какие меры, по вашему мнению, следовало бы предпринять Крокермену? Уничтожить корабль?

— Сомневаюсь, что мы на это способны.

— Ага, вы все же придерживаетесь пораженческих настроений…

Рубен дрожал от возбуждения. Вашингтон, округ Колумбия. У него хватит сэкономленных денег, чтобы добраться до столицы. Как же разыскать Тревора Хикса в Вашингтоне?

Он внимательно слушал в надежде раздобыть побольше информации. К концу передачи он уже знал, с чего начнет.

На рассвете следующего дня Рубен стоял в дверях спальни родителе, теперь — спальни отца. Старший Бордз уставился на него, щурясь от све-

та, проникающего из коридора.

— Я должен уехать, папа.

— Так сразу?

Рубен кивнул.

— По важному делу.

— Нашел работу?

Рубен заколебался, потом снова кивнул.

— Ты позвонишь?

— Конечно.

— Ты мой сын, сын своей матери. Всегда. Помни об этом. Заставь нас гордиться тобой.

— Да, сэр.

Рубен подошел к кровати, обнял отца и вновь удивился, как хрупок и худ старик. Много лет назад отец казался Рубену мускулистым гигантом.

— Удачи тебе, — сказал отец.

Рубен набросил куртку и вышел на утренний мороз, скользя по заледеневшим ступенькам. Глубоко в кармане куртки лежал похожий на игрушку-головоломку металлический паук. В другом кармане — двести долларов.

— Прощай, мама, — прошептал Рубен, закрыв за собой дверь.

Суета первой половины дня утомила Сэмшоу, а вечер обещал быть еще более напряженным. Океанограф уже успел посетить презентации

двух научных работ. Ему пришлось провести несколько часов в душных комнатах, заполненных наполовину геологами и наполовину — телекорреспондентами и кинооператорами, во все времена жадными до научных сенсаций. Вопреки своим ожиданиям, журналисты были вынуждены вникать в описания источников полезных ископаемых, в лекции на тему миграции рудных минералов в земной коре и в дискуссии о точном местонахождении ядерного полигона на Ближнем Востоке.

Сэмшоу не дослушал до конца последнее сообщение и отправился в туалет — просторное, облицованное белым кафелем помещение.

Уолт поднял голову и, рассматривая себя в зеркале, увидел отражения двух подтянутых молодых людей. Их тщательно выбритые лица выглядели почти юными. Они стояли у писсуаров.

— Кислородная тема у меня уже в печенках сидит, — сказал один из них.

— Не только у тебя, — ответил второй.

— Кислороду неоткуда появляться, — задумчиво проговорил первый. — Увеличение на один процент. — Он покачал головой, застегивая молнию. — Еще немного — и все мы опьянеем.

Сэмшоу присоединился к Кемпу и Посту, и ученые направились к лифту, прошмыгнув мимо четырех недоумевающих туристов и двух геологов средних лет, одетых в джинсы и старые свитера. Артур Гордон приехал в субботу слишком поздно, чтобы успеть на первую запланированную встречу. Он пригласил их к себе в семь часов, чтобы побеседовать и, может быть, вместе пообедать.

Они встретились в небольшом номере отеля. Пост и Кемп устроились на кровати, оставив стулья Сэмшоу и Гордону. Артур крепко пожал руку океанографу и предложил воду со льдом. Наливая стакан воды в ванной, он спросил:

— Ну что, ученые пришли к единому мнению о предмете, который зарывается в земную кору?

Он вернулся в комнату и протянул Уолту стакан.

— Нет, — ответил Пост.

Сэмшоу кивнул.

— Единого мнения нет, но никто не сомневается, что внутри Земли что-то движется, — поддержал их Кемп.

— Вы убеждены, что падение метеорита и сейсмические аномалии связаны между собой? — спросил Артур у Сэмшоу.

— Убежден. Аномалии в Южной Америке, которые мы предсказали, действительно проявились.

— И объект по-прежнему шумит?

— Я говорил с сотрудниками станций, работающих на нашу компанию в Маниле и Адаке, — сказал Кемп. — Ревет, как старый медведь.

— Эти звуки не стихают?

— Мы предполагаем, что постепенно стихают, но не совсем уверены в этом — измерения не настолько точны.

Пост вытащил записную книжку с компьютером.

— Возможно, это происходит, потому что объект теряет скорость.

— А второй объект? — спросил Артур.

Кто-то постучался.

— Наверное, Сенд, — сказал Сэмшоу.

Пост встал, чтобы открыть дверь.

Вошел Сенд, сжимая в руках толстую пачку компьютерных распечаток.

— Ребята из «Нейвл Оушн Системз» только что вышли на связь. Я получил информацию с принтера. — Он разложил листы веером на столе. — Там внизу меня ожидает дюжина любопытных, и все они сгорают от нетерпения

познакомиться с полученными материалами. Но так как мистер Гордон назначил нам встречу, я решил сначала все показать ему. У меня также есть данные, касающиеся повышенного содержания кислорода; Кумарашвами из Шри-Ланки распространил сообщение о… — Он вытащил пачку листов из портфеля и раздал их присутствующим. — О понижении среднего уровня воды в океане.

— Господи! — пробормотал Сэмшоу. Он взял листок и быстро просмотрел его, — Господи Боже мой.

Артур взвесил пачку на руке и поджал губы.

— Что насчет второго объекта? — повторил он.

— Это видно… — Сенд встал за его стулом и начал перебирать листы. — …вот здесь. Волновой анализ микросейсмов. В настоящее время два объекта вращаются вокруг центра Земли — внутри мантии, внутри внешнего ядра и субъядра. Скорость их вращения уменьшается на один процент в день. — Он объявил об этом почти с торжеством. — Сверхкомпьютеры воспроизвели картину их движения, используя несколько моделей. Результаты исследований указывают на объект шириной в несколько сантиметров и длиной в сотни метров, двигающийся со скоростью

два-три километра в секунду.

— Кто, черт возьми, способен создать такую штуковину?

Никто не ответил.

— Вследствие торможения оба объекта неизбежно остановятся в центре. Правильно? — спросил Артур.

— Обязательно, — согласился Сенд.

Сэмшоу поставил пустой стакан на стол. Во рту он держал кубик льда, перекатывая его языком от щеки к щеке.

— Поймет ли это президент, мистер Гордон?

— Я сам не понимаю, — ответил Артур.

— Два объекта, — продолжал Сэмшоу, — вращающиеся внутри Земли и не соприкасающиеся друг с другом… Постепенно они начнут тормозить и, в конце концов, встретятся в центре. Что вам напоминает такая схема?

Кемп не ответил. Сенд пожал плечами. Пост смотрел заинтригованно, потом его осенило.

— Взрыватель, — сказал он. — Похоже на часовой механизм. Вы это имели в виду?

— Я и сам не знаю, о чем думать. Мы так спешим с выводами, что, боюсь, не выдержим гонки… Но, да, полагаю, на ум приходят взрыватель или бомба.

— Часовой механизм, работающий от гравитации, — протянул Пост. — Красиво.

— Итак, что произойдет, когда они встретятся? — спросил Кемп. — Получится одна черная дыра. Но две черные дыры впечатляют больше.

— Если только мы имеем дело с черными дырами. Компьютерный анализ утверждает обратное. Оба объекта вытянуты, как червяки, причем один отличается от другого, — сказал Сенд. — Посмотрите на показания графика. Во втором случае — наличие высокой радиации в атмосфере, большая громкость. И вспомните, как он летел по небу. Сверкал, сукин сын, ярче некуда. Уолт! Опиши первое падение.

— Сначала — две длинные яркие полосы света. Потом они уменьшились и потускнели.

Пост непрестанно теребил воротник рубашки.

— Дьявол, с таким же успехом это могло быть простым метеоритом, — сказал Артур. — Искры от метеорита. Будет ли разница для дилетанта?

— А что вы скажете о радиации?.. Любая догадка подводит нас все ближе и ближе к пропасти, — заметил Сенд.

— Правда, — согласился Пост.

Сэмшоу наклонился вперед.

— Но все же давайте вспомним, что второе па-

дение выглядело куда более эффектно. Больший по размерам объект?

— Не исключено. Или… Его движение сопровождалось взрывами? — поинтересовался Сенд.

Артур слушал, зачарованный непрерывным потоком идей.

— Что же служит источником радиации?

— Маленькие черные дыры, — объяснил Пост. — Их поперечник — всего несколько сантиметров — и это при массе, равной сотне миллионов тонн! Я не думаю, чтобы они могли устроить в небе спектакль. А если черные дыры способны поражать гамма-излучением моряков, находящихся в десятках километров… — Его лицо помрачнело. — Они не смогут долго существовать. Кроме того, здесь это название условное, не забывайте.

— Что вы имеете в виду, говоря, что они не могут долго существовать? — спросил Сэмшоу.

Пост бросил на него победный взгляд.

— Мы имеем дело с черными дырами. Сомневаться в этом не приходится. Но если и так… Черные дыры постоянно излучают радиацию. Если они большие, они холоднее, чем вселенная, однако их температура не равна абсолютному нулю… Все же, в конечном итоге, они поглощают

энергию. Через десять биллионов лет или в том случае, если они малы в начальном периоде, черные дыры становятся теплее и теряют свою массу более быстрыми темпами. Когда они сбрасывают около десяти тысяч тонн, то мгновенно взрываются. Десять тысяч тонн чистой энергии! — Пост быстро провел расчеты на калькуляторе. — Недостаточно, чтобы вызвать значительные разрушения на Земле, если процесс происходит в глубине планеты.

— Но мы говорим о предмете в сто миллионов тонн, — прервал его Сенд. — Или в два раза большем, если иметь в виду второй объект.

— Я к этому и веду, — подхватил Пост. — Хуже всего то, что черная дыра — или дыры — способна поглощать энергию, находясь внутри Земли, расти и постепенно всосать всю планету.

Присутствующие в недоумении посмотрели друг на друга, уже не зная, как далеко они могут зайти в своих предположениях и в какие теории готовы поверить.

— Тогда намерение инопланетян использовать земные материалы для строительства новых космических кораблей теряет смысл, — заявил Пост.

— Что если существуют еще какие-то обстоятельства, неизвестные нам? — настаивал Артур.

Сэмшоу засмеялся.

— Вы хотите сказать, что мы ничего не знаем о черных дырах?

Воцарилось молчание.

— Может быть, речь идет и об обычном явлении, — сказал Сэмшоу, — но мне хотелось бы обсудить увеличение содержания кислорода и уменьшение среднего уровня воды в океане… Какие данные получены?

— Уровень содержания кислорода увеличивается на один процент, а средний уровень воды понижается на один сантиметр. Что если эти явления взаимосвязаны?

— Интересный вопрос! — проговорил Артур. — Кто-то, вероятно, активно разлагает воду на водород и кислород.

— И что? — спросил Сенд. — Где же водород?

— Не имею понятия, — ответил Сэмшоу. — Просто вспомнил…

Складка между нахмуренными бровями Поста стала глубже.

— Очень любопытно.

— А есть ли хорошие новости? — спросил Артур. — Чтобы взбодрить нас перед обедом?

Никто не промолвил ни слова.

24 ноября

В один из тех редких дней, когда необходимость заставляла рисковать и выходить из дома, Эдвард сидел в кафе перед тарелкой с остатками гамбургера и жареного мяса и просматривал бумаги, которые получил из Остина. Чек на получение жалованья за проработанное время, расписание занятий на следующий семестр. Записка от юристов с просьбой не считать университет ответственным за происшедшее с ним в Долине Смерти. Если бы он подписал эти документы — в особенности последний, — то возвращение на работу и продолжение карьеры стали бы делом решенным.

В кафе вошел Минелли и тихо сел рядом.

— Ты подпишешь?

— Почему бы и нет? А ты?

— Обязательно. Вернусь к нормальной жизни. — Он слабо улыбнулся и оттопырил большой палец, как будто внимательно рассматривая его. — Вот тебе и попутная машина, чтобы бесплатно умчать нас туда, где мы снова превратимся в обычных людей. Они навязывают нам работу, словно боятся нас.

Официантка, молодая плотная девушка с сильно накрашенным лицом, подошла к столику, держа в руках блокнот.

— Еще что-нибудь?

— Как насчет пирога с мясом? — спросил Минелли.

Официантка подняла глаза к потолку.

— Не советую. Да у нас его и нет.

— А-а, тогда мне ничего.

— А вам? — спросила она Шоу.

Он тоже отказался. Девушка вырвала счет из блокнота, и он протянул ей кредитную карточку.

— Скоро отбоя не будет от книгоиздателей, — предположил Минелли.

— Но пока не поступило ни одного предложения, — напомнил Эдвард.

— Они… — Минелли замолчал, потеряв, казалось, нить разговора. — Реслоу считает, что мы слишком уж затаились. Следует обсудить проблему с юристом из Ванденберга или с адвокатом миссис Морган.

— Ты и впрямь собираешься писать книгу? — доброжелательно спросил Эдвард. — Снова пройти через все, что мы испытали — и это при том, что никто не в состоянии объяснить происходящее?

— Ты хочешь сказать, зачем ворошить прошлое до тех пор, пока не прояснится будущее?…

Эдвард кивнул.

— Мы можем остаться здесь еще на несколько дней, побывать в пустыне…

— Подальше от Долины Смерти.

— Правильно. А потом вернуться в Остин, надеясь, что журналисты забыли про нас.

— Отличный шанс.

К столику подошел Реслоу и подсел к товарищам. Он бросил на стол раскрытый номер «Нью-Йорк Таймс». На странице крупными буквами выделялся заголовок:

ТАИНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ, ДВИЖУЩИЙСЯ ВНУТРИ ЗЕМЛИ.

— Вот где нам следовало бы находиться, — сказал Реслоу, показывая на фотографию с изображением конференцзала в «Отеле святого Франциска». — Участвовать в этой встрече.

На другой странице они увидели фотографию Кемпа, Сенда и Сэмшоу.

— Но что мы можем сказать им?

Реслоу пожал плечами.

— По крайней мере, мы бы занялись чем-нибудь полезным.

— Если бы они нуждались в нас — нашли бы.

— Президент уже говорил с нами, — заметил Минелли. — И к чему это привело? Каждый из нас стал черной кошкой, приносящей несчастье. Не кажется ли вам иногда, что инопланетяне вложили что-то в наши мозги? — Он постучал по макушке. — То, что делает нас глупыми и слабыми? Может, прездиент говорит то, чего не думает.

Эдвард посмотрел на Реслоу.

— А что происходит у тебя в голове?

— Трудно определить.

— Вполне похоже на правду, — вставил Минелли.

— Да, — признался Реслоу. — Я становлюсь параноиком. Чувство страха вряд ли поможет.

Минелли потянул газету к себе и стал читать статью.

— Стелла говорит, что все больше людей прибывает в наши края и останавливается в мотеле, — сказал Реслоу. — Все хотят увидеть пепловый конус. — Он выдавил ироничную улыбку и покачал головой. — Я вспоминаю старый мультик про Снупи. Конец света близок, так что давайте спрячемся под простыней. Только вырежем в тряпке отверстия для глаз. — Он сложил пальцы

обеих рук в два кольца, через которые уставился на Эдварда.

— Перестань, — шутливо проговорил Минелли. — Ты ведешь себя точь-в-точь как я. Но здесь есть место только для одного чокнутого.

— Что дает тебе право на привилегии? — спросил Реслоу, также смеясь.

— Слабый характер. Так написано в моей автобиографии. — Минелли протянул газету Эдварду. — Это заведет их в штопор. Они поверят, что ружье выстрелило. Мы уже получили по пуле в голову, но пока еще живы.

— Здорово ты играешь словами, — бросил Реслоу.

Подошла официантка, и он заказал молочный коктейль и гамбургер.

Эдвард прочитал статью и встал, положив чаевые на стол.

— Если все кругом бросились в пустыню, то мы можем поставить крест на планах найти там покой. Надо выметаться отсюда, вернуться в Остин и больше не утруждать наших друзей.

— По-моему, он прав, — сказал Минелли.

— Отказываешься от литературной деятельности? — поинтересовался Реслоу.

— В задницу славу и богатство. У кого будет

время, чтобы тратить деньги?

Стелла пригласила Эдварда на верховую прогулку. Они загрузили четыре тюка люцерны в джип, принадлежащий компании Морганов, и отправились на почти заброшенный загон, расположенный в миле от города. Три лошади — чалая, спортивная гнедая и маленькая пегая — стояли, насторожив уши, в центре обширного пастбища.

— Я уже многие месяцы не ездила верхом, — предупредила Стелла, вытаскивая тюк из багажника машины и отволакивая его в наполовину опустошенную кормушку, установленную за оградой. Животные осторожно приблизились, помахивая хвостами.

— Они совсем одичали, — сообщила она и улыбнулась Эдварду, стряхивая сено с рукавов куртки. — Наперегонки?

— Я всего лишь любитель. В последний раз садился на лошадь много лет назад.

Животные, с шумом вдыхая запах люцерны, начали наконец жевать. Стелла потрепала пегую лошадку по шее, и та посмотрела на девушку диким взором, хотя и приняла ласку хозяйки.

— Стар считалась моей лошадью. Когда я приезжала на каникулы, то объезжала на ней пустыню

вдоль и поперек. Мы путешествовали к залежам опала, а потом вниз через высохшее русло к индейским хижинам. Как чудесно мы проводили время в те годы, правда?

Стар усиленно работала челюстями.

— А ты оседлай гнедого мерина. Мидж — спокойный конь. Познакомься.

Эдвард приблизился к гнедому и похлопал его по шее и гриве, приговаривая:

— Хорошая лошадка, добрая красивая лошадка.

После того, как спустя несколько минут животные привыкли к людям, Стелла принесла два одеяла и седла из джипа. Стал позволила положить на себя одеяло покорно, Мидж — с негодованием.

— Сначала на обоих прокачусь я, — предложила Стелла. — Пусть они привыкнут к седокам.

Мисс Морган поправила подпругу и легко вскочила на Стар. Лошадь отступила от кормушки и нервно пошла иноходью, потом остановилась и начала бить копытом по грязи и старой соломе. Стелла спрыгнула на землю и направилась к Миджу. Эдвард попятился.

Девушка забралась на гнедого так же легко и грациозно, как и на пегую лошадку. Мидж

взбрыкнул и, отпрянув назад, сбросил Стеллу. Та упала навзничь в грязь. Эдвард вскрикнул, схватился за вожжи, стараясь не оказаться под вздувшимся животом лошади. Он отвел Миджа подальше и привязал его в углу, потом вернулся, чтобы помочь Стелле подняться.

— Я в порядке. Просто обидно. — Она отряхнула джинсы быстрыми резкими движениями.

— Милая лошадка, а?

— Очевидно, Мидж предназначен для тебя.

— Ну что ж, попытаюсь убедить его в этом.

Через несколько минут Мидж, уже не протестуя, покорился Эдварду. Шоу и Стелла верхом направились к противоположной стороне загона. Там Стелла спрыгнула с лошади и накинула проволочную петлю на блестящие под солнечными лучами ворота.

Шошоне, как и большинство городов пустыни, располагался возле горячего источника, который давал сотни галлонов воды в минуту — и так без остановки уже многие годы. Излишек воды, в конце концов, пробил себе русло, изгибающееся в том месте, где залегала бура, поросшая травой и кустарником. Берега речушки окаймляли густые заросли рогоза.

Эдвард и Стелла пересекли русло и направи-

лись в глубь пустыни. Через некоторое время они выехали к откосу, спускающемуся к залежам буры. Животных приходилось подстегивать. Эдвард и Стелла ехали в тени лощины, порошсей шалфеем. Они смотрели друг на друга и улыбались, не произнося ни слова.

Лощина перешла в широкую равнину, а шалфей сменился желтоватой травой. Слева тянулась узкоколейка, ее рельсы рыжели на насыпи из пепла и грунта. В неподвижном небе пели птицы, метровая змея проскользнула в кустах.

— Хорошо! — сказала Стелла, натягивая поводья и поворачиваясь к Эдварду. — Я чувствую себя исцеленной. А ты?

Эдвард кивнул.

— Прогулка пошла на пользу.

Она подъехала ближе к нему и погладила Стар.

— Я провела здесь всю жизнь за исключением нескольких лет, когда училась и путешествовала. Европа. Африка. «Корпус мира». Моя мать, сестра и я — мы так старались, чтобы город остался прежним после смерти отца. Эта цель вошла в мою плоть и кровь. Иногда я с трудом выдерживаю груз ответственности, ты и не поверишь. Я знаю — город так мал… Но я отвечаю за него.

Маму это не слишком волнует.

— Она чудесная женщина.

Стелла склонила голову к плечу и печально посмотрела вниз.

— Помнишь, я говорила, что придерживаюсь радикальных взглядов. Моя сестра — вот кто настоящий радикал. Она убежала на Кубу. Среди ее книг полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Сестра любит Шошоне не меньше, чем я, но все же она покинула нас. Мы предполагаем, что сейчас она в Анголе. Господи, ничего себе местечко выбрала! А я — я такой же капиталист, как и все остальные.

— Твоя мать, наверно, переживает.

— За кого? За меня или за сестру? — Стелла улыбнулась.

— Думаю, за твою сестру. Скорее всего, за вас обеих.

— Расскажи о своей семье.

— Рассказывать нечего. Отец бросил нас больше двадцати лет назад, а мать живет в Остине. Мы редко видимся с ней.

— У тебя есть товарищи в университете?

— Не уверен, что останусь там работать.

— А планы?

Эдвард отогнал от себя жужжащего овода и дол-

го смотрел ему вслед, пока тот летел над холмом.

— Не понимаю, зачем строить планы.

— Мама и я — мы хотим продать права на разработку минеральных источников. Мы собираемся взять ссуду, отремонтировать систему городской канализации, так что лишние средства нам не помешают. Будь у нас деньги, мы бы сохранили город таким, как он есть, даже если туристы переметнутся в Текопу.

— Большой курорт.

Она кивнула.

— Что за несчастье для всех нас! Текопа когда-то была скопищем жалких лачуг на горячих источниках. Трущобы. Теперь это шикарное место. Вот как бывает в пустыне.

— Здесь очень красиво. У Шошоне большое будущее.

— Да, но кого это обрадует? — Она в сомнении покачала головой. — Я бы хотела, чтобы он всегда оставался таким же, как в пору моего детства. Конечно, я понимаю, что это нереально… Когда был жив отец, казалось, город никогда не изменится. Я всегда могла вернуться сюда. — Стелла посмотрела на холм, покрытый лавовым пеплом. — Короче, нам нужен геолог. В Шошоне. Чтобы решить проблему источников.

— Было бы неплохо.

— Ты подумаешь?

— Уверен, что туристический бизнес принесет вам доход уже в ближайшие месяцы.

Стелла состроила гримаску.

— К нам стекаются чудаки. Или свихнувшиеся на религиозной почве. Эти рвутся к пепловому конусу. Остальные предпочитают сидеть дома и выжидать. Ты думаешь, дела поправятся?

— Не знаю. — Но в глубине души он знал. — Честно говоря, думаю, нам всем крышка.

— Из-за этих штук, пробравшихся внутрь Земли?

— Может быть. А может, главные события впереди.

— Происходящее сводит меня с ума, — сказала Стелла и голос ее дрогнул. — Я чувствую себя такой беспомощной.

— Я понимаю.

— Но я продолжаю думать о будущем. Может, моя затея и провалится — рынок непредсказуем. Вполне вероятно, что никто не заинтересуется источниками, но нельзя сидеть сложа руки.

— Не думаю, что я останусь, — пробормотал Эдвард. — Заманчивое предложение, однако…

Ее глаза сузились.

— Хочешь спокойной жизни?

— Кажется, мне трудно будет обзавестись домом. Даже здесь, в этом прекрасном месте.

— Куда же ты отправишься?

— Стану путешествовать. Возможно, один — без Реслоу и Минелли. Пойду своим путем.

— Иногда и мне хотелось бы того же, — проговорила Стелла задумчиво. — Но я слишком прочно вросла сюда корнями. Я отличаюсь от сестры. И я должна оставаться рядом с мамой.

— Есть одно место, — припомнил Эдвард. — Отец однажды повез туда меня и мать перед тем, как уйти от нас… Последнее лето вместе с ним и самое счастливое лето в моей жизни… С тех пор я не бывал там — боялся разочароваться. Боялся, что это место изменится… к худшему.

— Где это?

— Йосемите.

— Там чудесно.

— Ты давно наведывалась туда?

— Прошлым летом по дороге на виноградники. Мне очень понравилось, даже несмотря на толпы. А когда там нет туристов, парк, наверно, выглядит потрясающе.

— Возможно, отправлюсь туда. Буду жить на деньги, выплаченные мне за проработанное

время. Мне не раз снилось, будто я возвращаюсь в Йосемите и ничего не узнаю там, но все равно восторгаюсь. Иногда сон такой отчетливый, что кажется, будто я уже там. А затем я открываю глаза и… это только сон.

Стелла коснулась его руки.

— Если… если ты осуществишь задуманное, ты всегда можешь вернуться сюда… потом.

— Спасибо. Буду рад. К тому времени мне наверняка откажут от места. Смешно надеяться, что они станут долго ждать.

— Давай заключим договор, — предложила Стелла. — Следующим летом ты приезжаешь сюда и помогаешь мне и маме. После твоей поездки в Йосемите и после того, как мир ознакомится с решением судей.

— Хорошо, — согласился с улыбкой Эдвард. Он дотронулся до руки девушки, а потом наклонился вперед и поцеловал ее в щеку. — По рукам.

«Компьюньюс Нетуорк». 29 ноября 1996 года. Репортаж Фредерика Харта.

Всего лишь несколько миль отделяют эту часть пустыни от собственно Долины Смерти Зимой по ночам здесь становится невыносимо холодно, и ты-

сячи костров освещают траву и песок вокруг местности, которая официально признана Территорией, закрепленной за ведомством национальной безопасности. В центре Территории на фоне звездных скоплений поднимается похожий на огромный черный горб так называемый Фантом — подделка под конус потухшего вулкана. Эта гора въелась в сознание народа так же, как объект Кемпа въелся в ядро Земли, и превратилась в постоянный сюжет наших ночных кошмаров. Сюда прибывают люди со всего мира, и только колючая проволока и заграждения не позволяют им подобраться к горе ближе, чем на милю. Складывается впечатление, что они пришли помолиться или просто посидеть под лучами теплого солнца, уставившись на Фантом. Что означает эта гора для них, для нас? Если они начнут штурм, сдержит ли армия натиск?

Среди паломников приблизительно десять тысяч членов секты «Кухница Господа» со своими пророками и проповедниками. Американская община

приверженцев этого культа появилась и разрослась на плодородной почве нашей религиозной жизни, щедро удобренной недвусмысленным и бескомпромиссным заявлением президента. Я разговаривал с членами секты и удостоверился, что они разделяют убеждения президента. Большинство их — ортодоксальные христиане, которые рассматривают происходящее как Апокалипсис, предсказанный Библией. Но многие из тех, кто стекается сюда, придерживаются иных религиозных воззрений, распространенных по всему миру. Все они заявляют, что останутся в пустыне до последнего мига. Как сказал мне представитель одной из сект, события развернутся здесь. Забудьте об Австралии. Светопредставление начнется прямо в Долине Смерти.

1 декабря

Полковник Роджерс в охотничьей шляпе, куртке из верблюжьей шерсти и хлопчатобумажных брюках стоял, засунув руки в карманы, в конце взлетно-посадочной полосы на Фернис-Крике. Поблескивающий в темноте частный самолет «ЛирФан Спешл» на восемь пассажиров остановился в двадцати ярдах от него. Пропеллеры со свистом рассекали воздух и тарахтели, постепенно замедляя вращение. Посадочные огни самолета не горели, а боковая дверь была открыта. Два пассажира — мужчина и женщина — тут же вышли из машины и стали вглядываться во мглу. Потом они направились к Роджерсу.

— Президент отказался встретиться с кем-либо из нас, — сообщил мужчина. Одетый в новое, но уже успевшее измяться пальто, черный костюм и шелковую рубашку этот человек средних лет отличался сильной полнотой и абсолютно лысой головой. Женщина, лет сорока, казалась стройной рядом с ним. Пальто и темный брючный костюм шли ее привлекательному лицу с большими глазами, маленьким подбородком и полными губами.

— Что входит в планы вашей группы сейчас? — спросила она.

Роджерс задумчиво потер мочку уха.

— Моя группа… пока не определилась с планом. Мы не привыкли к подобным операциям.

— Конгресс и комитеты прижали хвост Крокермену. Они могут разделаться с ним, — заявил мужчина. — Мы так и не сумели убедить Маккленнана и Роттерджека присоединиться к нам. Лояльны до мозга костей. — Лысый скривил губы. По его мнению, лояльность, выходящая за рамки прагматизма, не являлась добродетелью. — Даже сейчас, может быть, слишком поздно. Вы говорили с представителями специальной группы?

— Мы предпочитаем не втягивать их, пока это возможно, — сказал Роджерс. — Я беседовал с Гордоном, и он чуть ли не предложил мне аналогичный план. Но мы не знаем, кто из группы может согласиться с нами и сохранить все в тайне.

— У вас есть спальный мешок? — спросила женщина.

— Нет, мадам.

— А вы знаете, где достать его, когда он понадобится? Оук-Ридж в моем районе…

— Нам не нужно гражданское имущество, — ре-

шительно заявил Роджерс.

— Налажена ли структура подчиненности? И как организована передача приказов и уточненных данных? — настаивала женщина. — А работа с шифрами?

— Эти вопросы в нашей компетенции. Мы позаботимся обо всем. Если придет время.

— Господи, вражеское ружье уже выстрелило, — бросил мужчина.

— Да, сэр. Я читал в газетах.

— Адмиралу следует знать, — сказал прилетевший, интонацией намекая на необходимость закончить разговор, — что наша группа не в состоянии сделать большего за отпущенное ей время. На борьбу с президентом уйдут месяцы. Мы не можем отменить или перенести церемонию приведения Крокермена к присяге. Дискуссии по поводу рекомендаций законодательного комитета продлятся недели, а судебный процесс растянется на полгода. И в течение всего этого периода он будет у власти. Поэтому очередь за вами.

Роджерс кивнул.

— Вы назначили дату?

— Мы даже не убеждены, что можем выполнить задачу. А если можем — то нет уверенности,

что возьмемся. Все определится само собой.

— Решения должны быть приняты в ближайшее время, — подчеркнула женщина. — Все в замешательстве… Наш союз слишком экстраординарен, чтобы мы могли долго сохранять его в тайне.

Роджерс согласился. Мужчина и женщина сели в самолет и пропеллеры начали, не спеша, набирать скорость. Роджерс вернулся к машине и выехал из аэропорта. Самолет взмыл во мрак и тишину опустившейся ночи.

Вокруг пеплового конуса, в нескольких сотнях ярдов от него, прохаживались солдаты, патрулируя ярко освещенную местность. То тут, то там проезжали патрульные джипы. А за военными, за оградой, в миле от колдовского объекта, расположились туристы, устроившиеся кто в грузовом автомобиле, кто в вагончике, кто в прицепе. Даже так поздно — уже близился рассвет — многие не спали и загипнотизированные ожиданием собрались вокруг полыхающих костров. Пронзительный смех на одном конце лагеря сливался с мелодиями псалмов. Роджерс, выруливая к дороге, ведущей на Территорию, подумал, что эти люди, вероятно, никогда не спят.

15 декабря

В два часа ночи возле кровати зазвонил телефон, и Артур мгновенно проснувшись, потянулся, чтобы поднять трубку. Звонила Итака Файнман из госпиталя в Лос-Анджелесе.

— Он умирает, — тихо сказала она.

— Так скоро?

— Я чувствую. Он говорит, что не сдается, но…

— Выезжаю. — Артур посмотрел на часы. — Сегодня утром. Буду на месте в восемь или девять, может, и раньше.

— Харри говорит, что ему не хочется беспокоить тебя, но надо увидеться, — объяснила Итака.

— Я уже собираюсь.

Он повесил трубку и прошел в гостиную, к Франсин. Жена уверила его, что не спала и сидела с Годжем на коленях, размышляя, а о чем — и сама толком не знала.

— Харри при смерти. По крайней мере, так считает Итака.

— О Боже, — выдохнула Франсин. — Мчишься туда?

— Да.

Она тяжело вздохнула.

— Поезжай к нему. Скажи… Попрощайся с ним за меня, если он действительно… О, Артур. — Ее голос дрогнул. — Ужасное время, правда?

Артур чуть не плакал.

— Пробьемся, — сказал он.

Пока Франсин складывала одежду, он положил в чемодан туалетные принадлежности и позвонил в аэропорт, чтобы заказать билет на шесть тридцать. В течение нескольких секунд, стоя в смятении при желтом свете ночника, он пытался собраться с мыслями и увериться, что ни о чем не забыл.

Франсин отвезла его в аэропорт.

— Возвращайся скорее, — попросила она, но потом, осознав двойной смысл своей просьбы, покачала головой. — Передай Итаке и Харри, что я люблю их. Буду скучать без тебя.

Супруги обнялись, и Франсин поспешила домой, чтобы успеть отвезти Марти в школу.

В этот ранний час аэропорт почти пустовал. Артур уселся в чисто вымытом зале ожидания с газетой в руках. Он посмотрел на часы, потом его взгляд упал на худую, явно нервничающую женщину, или, скорее, девушку. Она стояла в нескольких футах и не спускала с него глаз.

— Надеюсь, вы не против? — проговорила она.

— Простите?

— Я шла за вами от вашего дома. Вы Артур Гордон?

Артур прищурился от удивления и не ответил.

— Я знаю, вы — Гордон. Я следила за вашим домом. Понимаю, звучит ужасно, но я следила. Я должна передать вам кое-что. Это очень важно. — Девушка раскрыла хозяйственную сумку и вынула картонную коробочку, достаточно большую для того, чтобы вместить бейсбольный мяч. — Пожалуйста, не бойтесь. Это не бомба. Ничего подобного. Я показывала сотрудникам службы безопасности в аэропорту. Они приняли его за игрушку, за японскую игрушку для моей кузины. Но это для вас. — Она протянула коробку ему.

Артур внимательно посмотрел на коробку, потом сказал:

— Откройте сами, пожалуйста. — Казалось, он действовал, как робот — осторожно и, в то же время, спокойно. Раньше Артур не задумывался о возможности покушения, но знал, что является отличной мишенью для фанатиков из «Кузницы Господа» или любого, на кого слишком подействовали события последних недель.

— Хорошо. — Девушка открыла коробку и выта-

щила блестящий яйцевидный предмет, стальной или серебряный. Протянула его артуру. — Возьмите, пожалуйста. Это важно.

С некоторой неохотой — вещица действительно походила, скорее, на игрушку, чем на нечто смертоносное — Артур взял предмет, из которого тут же появились ножки, упершиеся в его ладонь. Не успел Артур и глазом моргнуть, как паук ущипнул подушечку большого пальца. По руке разлилось тепло, и Гордон снова сел с улыбкой удовлетворения на побледневшем лице. Девушка отступила назад, тряся головой и крича:

— Это важно, очень важно!

— Хорошо, — сказал Гордон, пытаясь, несмотря на волнение, внешне сохранять спокойствие. Паук заполз в карман его пиджака, пролез сквозь ткань рубашки и вновь ущипнул — в живот.

Когда была объявлена посадка, Артур уже начал получать информацию. В самолете он притворился спящим. Информация стала более определенной, и страх понемногу отпустил ученого.

Хикс все еще оставался в Вашингтоне, отчаянно надеясь, что сможет что-либо предпринять. Белый Дом не интересовался им. Кроме случайных телевизионных интервью — после фиаско в про-

грамме «Фрифайр» их стало еще меньше, — он вел удручающе бездеятельную жизнь. Его книга пользовалась большим спросом, но он отказывался участвовать в литературных дискуссиях. Издатели махнули на него рукой.

В середине дня он обычно прогуливался по заснеженным улицам и долго кружил вокруг отеля, несмотря на холод и ненастье. Правительство продолжало оплачивать его расходы, он все еще считался членом специальной группы, хотя никто из этой группы не обращался к Хиксу с тех пор, как президент выступил со своей знаменитой речью. Даже после появления в газетах сообщений о взрывах на астероидах, только пресса удостоила его вниманием.

В остальное время Хикс сидел в своей комнате, одетый в костюм, по цвету напоминающий овсяную кашу. Его пальто валялось на кровати, галоши — на полу. Хикс мог подолгу смотреть на свое отражение в зеркале, висевшем над столом. Или же его взор медленно блуждал от компьютера к экрану выключенного телевизора. Никогда еще писатель не чувствовал себя таким бесполезным, никогда еще он не оказывался в столь неопределенном положении.

Раздался телефонный звонок. Хикс встал и

поднял трубку.

— Мистер Тревор Хикс? — спросил молодой мужской голос.

— Да.

— Меня зовут Рубен Бордз. Вы не знаете меня, но у меня есть повод для встречи с вами.

— Какой? Кто вы, мистер Бордз?

— Я обычный парень, но у меня веские причины. То есть я не безмозглый дурень и не чокнутый. Я нахожусь на автобусной остановке. — Юноша хихикнул. — Я с трудом нашел вас. В библиотеке я выяснил имена ваших издателей и позвонил им, но они не могли дать ваш адрес.

— Конечно.

— И вот я позвонил им снова, через пару дней, просто не мог придумать другой способ найти вас, и сказал, что я из местной телестудии и что мы хотим взять у вас интервью. Даже тогда они не дали мне ваш адрес. Я предположил, что вы остановились в гостинице и принялся обзванивать все отели. Я не отходил от телефона целый день. Думаю, мне повезло.

— Зачем я вам нужен?

— Я не сумасшедший, мистер Хикс, но на этой неделе со мной приключились странные вещи. У меня есть сообщение. Я знаю того… ну, того, кто

хочет связаться с вами.

Морщины на лице Хикса обозначились резче.

— Думаю, не стоило беспокоить меня. — Он собирался нажать на рычаг.

— Мистер Хикс, подождите. Пожалуйста, выслушайте меня и не вешайте трубку. Это очень важно. Я буду вынужден прийти к вам в отель, если вы прервете разговор.

О, Боже, подумал Хикс.

— В данный момент я получаю информацию, очень важную. — Молодой человек замолчал на несколько мгновений. — Хорошо, я все понял. Астероиды. Битва. Там происходила битва. Какое-то место, которое называется Европа. Спутник, но не нашей планеты, да? Это была не битва. К нам направляются друзья. Им нужно… Что же им нужно — вода из льда Европы? Для энергии. И каменный проход подо льдом и водой. Чтобы сделать… больше… предметов. Не таких, как в Австралии и Долине Смерти. Понимаете?

— Нет, — сказал Хикс. Словно искра сверкнула у него в голове. В душе зародилось неясное предчувствие. Парень говорил с плавным акцентом горожанина из восточных штатов. Его приятный голос звучал убежденно и обдуманно. Он так и сыпал словами. — Ты сошел с ума, — вымолвил

Хикс.

— Вы сказали, что пригласили бы их к себе домой, чтобы познакомить со своей мамой. Своей матерью. Они услышали вас там, на Европе. Когда строили. Теперь они здесь. Я видел, как один из них расчленяет мышь, изучая труп, мистер Хикс! Я думаю, они хотят помочь, но я в растерянности. Они не причинили мне вреда.

Хикс вспомнил: когда-то он сказал что-то в этом роде в Калифорнии, в интервью по местному радио. Вряд ли парнишка с востока слышал его выступление.

В голосе юноши слышались нотки искренности и неподдельный благоговейный страх. Хикс взглянул на потолок, облизнул губы и понял, что почти решился.

Он всегда считал себя романтиком. Занявшись журналистикой, настоящий профессионал волей-неволей начинает верить в события, полные драматизма и значения, в ключевые моменты, поворотные пункты истории. Хикса трясло от возбуждения. Инстинкт одержал верх — инстинкт репортера, инстинкт выживания.

— Ты мог бы прийти в отель? — спросил Хикс.

— Да, возьму такси.

— Я встречу тебя в вестибюле. Пожалуй, я при-

му меры предосторожности, понимаешь ли… Подожду в толпе. — Он надеялся, что в вестибюле будет полно народу. — Как я узнаю тебя?

— Я высокого роста, как баскетболист. Негр. Одет в старую зеленую армейскую куртку.

— Хорошо, — решился Хикс. — Через час.

— Буду.

Уличный опрос, проведенный КНБС у входа на площадку аттракциона «Путешествие внутрь Земли — 2500», 5 декабря 1996 года.

Спрашивающий: Мы выясняем отношение жителей города к заявлению президента.

Мужчина средних лет (смеясь): Не знаю, что сказать… Ни черта не понимаю, а вы? (Поворачивается и уходит).

Спрашивающий: Простите, мы спрашиваем людей о том, как они относятся к утверждению президента, что Земля будет разрушена.

Молодая женщина: Он сумасшедший, и его надо лишить кресла. Говорит ерунду.

Спрашивающий: Находясь не так далеко от гигантского вражеского космическо-

го корабля, пушки которого нацелены на толпу — как вы можете быть так уверены и спокойны?

Молодая женщина: Потому что я довольно-таки образованна, черт возьми. Он сумасшедший, говорю вам, и он не вправе находиться у власти.

Спрашивающий (направляясь к подростку): Как ты расценил заявление президента о том, что на нашу планету приземлились инопланетяне и грозятся уничтожить ее?

Подросток: Оно напугало меня.

Спрашивающий: И это все?

Подросток: Разве мало?

Перед Артуром лежал на кровати призрак: тонкие морщинистые руки на стеганом одеяле, лицо в болезненных пятнах, прозрачная зеленая трубочка в носу. У изголовья стояла капельница с прибором для считывания данных, вмонтированным в маленькую синюю коробку.

Его первый, самый любимый, друг превратился в дряхлого иссохшего старца. Даже глаза Харри потускнели. Артур едва почувствовал пожатие его горячей руки.

Между кроватью Харри и его соседом по палате — пациентом, перенесшим инфаркт — висела занавеска.

Справа от Харри на его кровати сидела Итака. Лицо женщины оставалось спокойным, но круги под глазами, небрежный узел на затылке говорили сами за себя. На ней была белая блузка, светлая юбка и красно-коричневый свитер. Она никогда не наденет черного, подумал Артур, даже на похороны мужа.

— Я рад, что ты приехал, — хрипло, почти шепотом, сказал Харри.

— Не предполагал, что придется.

— Волшебные пульки не попали в цель. — Харри чуть заметно пожал плечами. — Подведем итоги: я готов свести счеты с жизнью, но как заполнить счета?

Болтовня явно утомляла Файнмана. Он закрыл глаза и выпустил руку Артура, при этом его собственная рука бессильно упала на простыню. — Что творится в мире реальностей? Появилась надежда?

Артур рассказал о конференции и об объектах, скрытых внутри Земли.

Харри внимательно слушал.

— Итака читала мне… Смотрел телевизор, —

сказал он, когда Артур кончил. — Я завершил очерк… два дня назад. Наговорил его на пленку. — Он показал на портативный магнитофон, стоявший на тумбочке. — Интересные новости. Я не могу сосредоточиться… У тебя слишком много испытаний и неприятностей. Сукины дети. Ты не способен разделаться с ними так же, как я… не могу заставить себя выздороветь, да?

— Да.

— Все под Богом ходим. — Харри выбил на кровати дробь. — Кто-нибудь намеревается… убить капитана Кука?

Артур улыбнулся дрожащими губами.

— Надежда… Надо надеяться. — Харри повернул голову на подушке и посмотрел на кроны секвой, видневшиеся в углу окна. — Очерк предназначен для тебя одного. Я не хочу, чтобы его опубликовали. Воспользуйся им, как сочтешь нужным… — Он закрыл глаза. — Иногда я и сам не уверен, не вижу ли я все, что происходит, во сне. Жаль, что это не сон.

Артур посмотрел на Итаку.

— Мне надо поговорить с Харри наедине.

— Хорошо, — сказала Итака с плохо скрытой обидой, встала и вышла в коридор.

— Пикантная история? — спросил Харри, вновь

открыв глаза.

— Ты помнишь шутку, которую я сыграл с тобой, когда нам было одиннадцать?

— Которую? — спросил Харри.

— Я говорил, что в меня вселилось существо из космоса. Что оно использует мое тело для изучения людей.

— Господи, — сказал Харри, улыбаясь. — Об этой игре я запамятовал. Тогда мне не удалось вывести тебя на чистую воду.

— Мальчишке жизнь казалась скучной.

— Три недели ты вел себя, как инопланетянин, когда мы оставались вдвоем. Задавал нелепые вопросы, рассказывал о жизни на своей планете.

— Я ни разу не попросил прощения за то, что морочил тебе голову. Ты молился Богу, чтобы разобраться, действительно ли я прилетел из космоса, и Бог сказал…

— Бог сказал, что ты надуваешь меня. — Теперь, когда воспоминания нахлынули на него, Харри выглядел почти здоровым. — В те годы я был фанатично религиозен. А ты отдалился от меня.

Артур кивнул.

— Я сказал, что ухожу и никогда не вернусь — я имел в виду инопланетянина, поселившегося внутри меня. Он так и сделал.

— Потом ты отказывался признавать, что вел себя, как пришелец. Полное выпадение памяти. Ну и мошенник!

— Но наша дружба выстояла. Это удивляло меня даже через годы, когда я вспоминал детство.

— Брось. Я верил твоим выдумкам, потому что мне это нравилось. Как ты заметил, жизнь казалась скучной.

Артур посмотрел на высохшие руки Файнмана.

— На самом деле, я всегда сожалел о своем поведении. Но с тех пор между нами ничто не вставало.

— Помнишь, ты увел у меня Альму Хендерсон?

— Ну нет, это я сделал ради тебя же, правду говорю. Я особенно сейчас сожалею об этом… потому… потому что я собираюсь повторить признание.

Во взгляде Харри промелькнуло крайнее изумление. Артур оставался чрезвычайно серьезным, но выглядел воодушевленно. Он нервно почесал щеку, как делал всегда, решая сложную проблему.

— Ничего страшного, — сказал Харри.

Слова друга заставили глаза Артура наполниться слезами. Харри всегда без колебаний принимал от него все, что он только ни делал. Можно быть женатым на протяжении миллиона

лет и все же никогда не найти подобного взаимопониманя в семье. Артур глубоко, до боли, любил Харри в этот миг. Слезы текли у него по щекам, он тяжело вздохнул, потом наклонился к другу и начал говорить что-то ему на ухо.

— Господи, — прошептал Харри, когда Гордон закончил. Он уставился на артура и одним пальцем медленно постукивал по кровати. — Теперь я точно знаю, что сплю. — Он зажмурился, потому что солнце пробилось из-за облаков и сквозь занавеску на окне проник яркий луч. — Ты бы не… — Не закончив фразу, он спросил: — Когда это случилось?

— Сегодня утром.

Харри посмотрел на занавеску.

— Итака. Она бы подсказала… Я растерялся, и она ушла…

Артур вынул из кармана металлического паука и поднес на ладони к лицу Харри. Паук шевелил лапками, словно в медленном бесконечном танце. Глаза Харри расширились, и он попытался сесть, опираясь о подушки.

— Господи, — повторил он. — Что это? Что он делает здесь?

— Устройство фон Неймана в миниатюре. Эта вещичка исследует нашу жизнь и вербует

сторонников. Собирает данные, образцы. Самовоспроизводится. — Он убрал паука в карман. — У капитана Кука есть враги!

— Так кто же ты теперь? Раб?

Артур помолчал, прежде чем ответить.

— Не знаю, — сказал он.

— А кто еще?..

Гордон покачал головой.

— Я не один.

— А что если мы имеем дело с… очередным обманом? — спросил Харри, вновь закрыв глаза.

— Не думаю.

— Ты утверждаешь, что есть надежда.

На лице Артура промелькнуло удивление.

— Я не употреблял слово «надежда». Я говорил о новом факторе.

— а больше ты ничего не знаешь?

— Ничего.

Артур дотронулся до руки друга. Некоторое время они молчали, пока Харри пытался переварить услышанное. Это утомило его.

— Ну, ладно, — сказал он. — Я достаточно давно знаю тебя. Ты рассказал мне эту оптимистическую историю, чтобы я умер спокойно, правильно?

Артур кивнул.

— Я раскрыл тебе тайну с их позволения.

— Да.

Харри закрыл глаза.

— Я люблю тебя, старина. Ты всегда умудрялся появляться с самыми невероятными сообщениями, чтобы развлечь меня.

— Я тоже люблю тебя, Харри.

Артур вышел из палаты, чтобы позвать Итаку. Она молча уселась на привычное место.

— Думаю, тебе надо… У тебя много работы, — прошептал Харри. — Мысли путаются, и мне тяжело говорить. — Он пошевелил пальцем: пора прощаться.

— Спасибо, что зашел, — поблагодарила Итака, передавая кассету.

Артур крепко обнял ее и, наклонившись к Харри, обхватил его голову обеими руками.

Тридцать лет. Я все еще узнаю его облик под маской болезни. Передо мной по-прежнему мой дорогой Харри.

Артур прищурился, стараясь сдержать подступившую к глазам горячую влагу. В это мгновение он хотел сотворить иной мир, где друг остался бы в живых. И он забыл о недуге всей планеты, забыл о всеобщем законе, распространяющемся на каждую частицу сущего, об ограниченных

возможностях человека. Он пытался запомнить то, что каждую секунду уходило от него все дальше и дальше: овал лица, разрез чуть косящих глаз, взгляд Харри, который стал более озорным за время болезни, хотя и тусклым. И он не мог представить себе это возбужденное, искаженное болезнью лицо с закругленным кончиком носа, высоким лбом и торчащими во все стороны волосами в гробу, опускающемся в могилу.

— Ты всегда со мной, — сказал Артур и поцеловал друга в лоб. Харри задержал руку Артура на своей щеке и поцеловал его ладонь горячими губами.

— А ты со мной.

Не глядя по сторонам, Гордон быстро вышел из палаты. На стоянке он сел прямо на асфальт около машины, потрясенный увиденным. Голова раскалывалась.

— Спасибо, что мне было позволено сделать это. Я бы хотел вернуться к семье, если есть время.

К тому времени, когда солнце высоко поднялось над Лос-Анджелесом, он приехал в аэропорт и ближайшим рейсом улетел в Орегон. Полет прошел благополучно.

Хикс стоял, прислонившись к массивной мраморной колонне, и смотрел на снующую по

вестибюлю толпу. Большинство было одето в строгие костюмы и пальто. Час назад прошел холодный сильный дождь, но многие — недотепы из провинции — казалось, не ожидали непогоды.

Политическая жизнь Вашингтона словно остановилась. В условиях, когда Сенат6 Палата представителей и Белый Дом вступили в открытую конфронтацию, проблемы, связанные с бюджетом, могли обождать. Наплыв туристов, тем не менее, моментально увеличился, и все отели в городе были переполнены. Ждем вас в столице в наше беспокойное время!

Спустя час Хикс так и не вычислил Бордза в толпе и подошел к стойке, чтобы проверить, нет ли для него записки. Ничего. Чувствуя себя более одиноким, чем когда-либо, он снова встал возле колонны. Шея болела от напряжения, в животе бурлило.

Удивительно, но жизнь шла своим чередом. Уже все жители Земли знают, что планета обречена. Многим, конечно, не хватает ни образования, ни интеллекта, чтобы разобраться в деталях или самостоятельно сделать выводы; они полагаются на мнение специалистов, знающих немногим больше. Но даже для тех, кто мог в полной мере

осознать будущее — и для них жизнь продолжалась. Люди работали (Хикс представил, как последние события обсуждаются за ланчем), они решали застарелые политические проблемы (это — не считая парламентских слушаний по вопросу о действиях президента), а потом в конце дня возвращались домой к своим семьям. Ели. Принимали душ. Спали. Занимались любовью. Зачинали и рожали. И вновь все сначала.

Высокий неуклюжий чернокожий парень в армейской куртке прошел через вращающуюся дверь отеля. Он остановился, потом сделал несколько шагов вперед, подозрительно глядя по сторонам. Хикс из предосторожности не двигался, чтобы не выдать себя. Но голова парня повернулась в его сторону, их глаза встретились. Бордз махнул рукой, и Хикс кивнул, отталкиваясь плечом от колонны.

Юноша быстро приблизился со смущенной улыбкой на лице. Он остановился в двух ярдах от Хикса и протянул ему руку, но тот сердито покачал головой и не ответил на рукопожатие.

— Что тебе от меня надо? — спросил он.

Рубен старался не замечать недоверия Хикса.

— Я рад встрече с вами. Вы писатель и все такое, и я читал… Ну, не помню, как называется.

Я должен сказать вам несколько слов, а потом вернуться к работе. — Он печально покачал головой. — Они загружают работой всех нас. Осталось не так уж много времени.

— Всех? Кого именно?

— Я чувствовал бы себя спокойнее, если б знал, что на нас никто не обращает внимания, — сказал Рубен. — Пожалуйста!

— Зайдем в кафе?

— Отлично. Я тоже голоден. Можно я угощу вас завтраком? У меня мало денег, но я могу заказать что-нибудь недорогое.

Хикс покачал головой.

— Если ты убедишь меня, что мы встретились не зря, то угощаю я.

Большинство постояльцев уже позавтракало и потому кафетерий пустовал. Они прошли к столику, стоящему в углу, и это уединенное место, казалось, наконец удовлетворило юношу.

— Прежде всего, я хочу спросить, — начал Хикс. — Ты вооружен?

Рубен улыбнулся и покачал головой.

— Я так спешил к вам, что не позаботился ни о чем.

— Ты когда-нибудь лечился от психического расстройства или… Не связан ли ты с каким-ни-

будь религиозным культом, например, культом летающих тарелок?

Снова тот же ответ — отрицательный.

— А ты не из «Кузницы Господа»?

— Нет.

— Ну, тогда рассказывай.

Глаза Рубена сузились, и он наклонил голову к плечу, шевеля губами. Потом заговорил.

— Я получаю инструкции. Думаю, они — маленькие машины. Они разбросаны по всей Земле уже месяц. Ну, вроде вторжения, но не для того, чтобы завоевать.

Хикс потер виски косточками пальцев.

— Продолжай. Я слушаю.

— Они… не то же самое… Не те, кто собирается разрушить Землю. Сложно передать словами всю картину, нарисованную ими. Однако, они не открывают все свои тайны. Они попросили меня просто прийти к вам и передать одну вещичку, но я решил, что это было бы нечестно. То, как они вышли на меня… тоже нечестно. У меня не было выбора. Я услышал в своей голове. — Он ткнул себя в лоб длинным сильным указательным пальцем. — Они сказали: «Ну, хорошо, делай, как хочешь».

— Каким образом они ведут борьбу?

— Они ищут своих врагов везде, где бы ни оказались. Они расселяются между… звездами, наверно. Корабли — а внутри них ни одной живой души, вроде нас с вами. Только роботы. Они посещают планеты, передвигаются между звездами и… Они изучают все об этих — которые пожирают планеты. И там, где можно, они уничтожают их.

На лице Рубена появилось мечтательное выражение, он уставиля на стакан с водой, стоящий перед ним.

— Но почему они не появились раньше? Наверно, теперь уже поздно.

— Правильно, — сказал Рубен, глядя на Хикса. — Именно так они мне и сказали. Помочь Земле нельзя — слишком поздно. Почти все погибнут.

Несмотря на скептическое отношение к словам юноши, последние фразы подействовали на Хикса. Он почувствовал, что кровь стынет в жилах. Хикс сник.

— Ужасно. Они пришли слишком поздно. Они должны были остановиться на том спутнике, гд вода и лед, на Европе. Они превратили спутник в сотни тысяч или миллионов таких же, как они сами… штуковин. В качестве энергии они ис-

пользуют водород, находящийся в воде. Синтез. Земля в беде, но не она одна. Астероиды тоже под угрозой. На самом деле, я думаю, чтоило больше опасаться тех пожирателей, которые прилетели с астероидов. Легче двигаться со стороны солнца. Что-то… Черт возьми, хотел бы я лучше понимать то, что они показывают. Они воевали на астероидах, а теперь могут наконец заняться Землей… Дело в том, что они не говорят понятные для меня слова. Почему они выбрали меня — не знаю.

— Дальше.

— Им не спасти всю Землю, но они могут спасти… часть ее. Растения, животных, микробы, некоторых людей… Может быть, одну или две тысячи. Может, больше, если получится.

Официантка приняла заказ, и Хикс наклонился к Рубену.

— Каким образом?

— Корабли. Ковчеги. Как у Ноя. Они строят их прямо сейчас, как я понял.

— Ладно. Пока все хорошо, — сказал Хикс. Дьявол… Он почти убедил меня. — Как они разговаривают с тобой?

— А теперь я хочу достать кое-что из кармана и показать вам, — продолжал Рубен. — Не оружие, нет. Не бойтесь. Можно?

Некоторое время Хикс колебался, потом кивнул.

Рубен вытащил паука и положил его на стол. Тот выпрямил лапки и встал. Светящаяся зеленая полоска на его «лице» смотрела на Хикса.

— Люди повсюду встречают их, — сообщил юноша. — Одному из них понадобился я. Я чуть не умер от страха, но теперь не могу сказать, что делаю что-то против своей воли. Чувствую себя почти что героем.

— Что это? — тихо спросил Хикс.

— У него нет названия, — ответил Рубен. Он взял паука со стола и спрятал его в карман, заметив приближающуюся официантку. Она поставила тарелки с едой. Хикс не обратил внимания на свою порцию запеченной рыбы. Рубен снова вынул паука и опустил его на стол. — Не трогайте его, пока не согласитесь, так сказать, встать в наши ряды. Он как будто ужалит вас для первого знакомства, — объяснил Бордз и набросился на гамбургер.

— Ужалит? — Хикс чуть отодвинулся от стола. — Ты из Огайо? — наконец выдавил он.

— Ммм, — Рубен довольно кивнул. — Боже, как хорошо! Я не ел два дня.

— Они в Огайо?

— Они везде. Набирают нужных людей.

— И теперь они хотят проделать то же со мной. Почему? Потому что… Они слышали мои выступления?

— Вам лучше поговорить с ним. С ними. Как я заметил, они многое скрывают от меня.

Паук не шевелился. Не похоже на игрушку. Красив, словно вышел из рук ювелира.

— Зачем они делают это?

Парень затряс головой, не переставая жевать.

— Позволь мне… Изложить твою информацию по-своему. Хочу убедиться, что правильно тебя понял. В нашей Солнечной системе действуют два различных типа машин. Так?

Рубен кивнул с набитым ртом.

— Один из них превращает планеты в новые машины. Мы уже знаем об этом. Но теперь появляется еще один тип — противостоящий первому и стремящийся его уничтожить.

— Точно, — согласился Рубен. — Дружище, они правильно сделали, что выбрали вас.

— Итак, мы имеем дело с машинами-убийцами и роботами наподобие устройства фон Неймана. — Хикс показал на паука. — Как же эти симпатичные игрушки смогут побороть пожирателей планет?

— Они — малая часть общего плана, — пояснил юноша.

Хикс взял вилку и поковырял рыбу.

— Невероятно, — пробормотал он.

— Ну вот, вы все и знаете. Легко отделались: что касается меня, то я чуть не спятил из-за паука, — сказал Рубен.

— Что еще тебе известно?

— Я вижу нечто — иногда отчетливо, иногда довольно смутно. Некоторые события уже произошли. Например, появление машин, старающихся спасти нас. Они разрушили спутник Юпитера, чтобы… ну… сделать новые машины и получить энергию. Но кавалерия немного опоздала — индейцы уже заняли форт. — Юноша пожал плечами. — Фантомы прилетели раньше. Понимаю, глупо шутить, но все спуталось у меня в голове, а я не хочу свихнуться. Некоторые события, виденные мной, еще впереди. Я вижу, как Земля рассыпается на глыбы и получаются астероиды. А потом корабли вылавливают эти глыбы, пожирают их и производят такие же машины.

— На что похожи эти машины?

— Я вижу их смутно.

— А каким образом будет разрушена Земля?

Рубен замолк и поднял палец.

— Есть, по крайней мере, два способа. Это я вижу очень отчетливо. Надеюсь, что смогу найти правильные слова. Существуют какие-то предметы, бомбы, которые кружатся внутри Земли. Думаю, нам всем это известно, да?

— Вероятно, — сказал Хикс.

— И есть машины — они ползают по дну океана. В океане бывают канавы?

— Желоба?

— Да-да. Ползают по океаническим желобам. Они превращают воду в газы — водород и кислород, я думаю… H2O. Кислород испаряется. Машины помещают водород в новые водородные бомбы. А потом они укладывают бомбы в желоба. Тысячи бомб. По всей Земле. Я думаю, все бомбы взорвутся одновременно.

Хикс уставился на Бордза.

— Я бы хотел, чтобы ты поговорил кое с кем.

Рубен растерялся.

— От меня требовалось только передать вам это. — Он показал на паука. — Я не показался вам безумцем?

Хикс посмотрел на блестящую машинку.

— Ты здорово напугал меня.

— Вы сердитесь?

— Ты заслужил свой завтрак. Если я пойду зво-

нить по телефону — дождешься меня?

— Закажите еще один гамбургер, и я останусь здесь на весь день.

— Ты получишь его, — сказал Хикс и жестом подозвал официантку. Рубен снова положил паучка в карман.Выйдя из кафетерия, Хикс увидел у входа в мужской туалет телефонную кабинку. Он вложил карточку в щель и поднял трубку, но тут сообразил, что понятия не имеет, кому звонить. Промелькнула идея позвонить Харри Файнману или Артуру Гордону. Но Хикс не знал, где их найти и хорошо понимал, что на поиски потребуется несколько часов. Кроме того, говорили, что Файнман тяжело болен, возможно, при смерти. Члены специальной группы разлетелись кто куда после знаменитой речи президента.

Дрожа от возбуждения, он повесил трубку и задумался, кусая ногти. Я взволнован и безумно испуган. Он поднял бровь и посмотрел на вестибюль. Драмы, скрытые от чужих глаз.

Хикс мог бы взять у парнишки паука и испытать — сдавшись на милость неведомым силам — то, о чем рассказывал Рубен. Но он не совсем понимал, к чему это приведет. Не лишится ли он возможности свободно распоряжаться собой, не станет ли невольным агентом тех, кто управ-

ляет пауками? Не исключено, однако, что пауки управляют сами собой — еще один пример машинного интеллекта.

И невозможно выяснить, не находятся ли роботы в подчинении у машин, угрожающих Земле. Очередной обман?

Хикс прошел в туалет и заперся в кабинке. Он долго не открывал дверь и стоял, пытаясь унять нервную дрожь.

Почему паук? Дизайн, не внушающий доверия. Битва на астероидах. Вероятней всего, никакой битвы и не было — просто уничтожение небесного тела и производство новых роботов.

Он закрыл глаза и увидел нескончаемые вереницы кораблей, разлетающихся во все стороны от обломков Солнечной системы. Неужели и Солнце когда-нибудь станет жертвой этой звездной болезни?

Хикс открыл задвижку и вышел из кабинки, чуть не столкнувшись с хорошо одетым пожилым человеком с тростью.

— Ну и ветер сегодня, — заметил незнакомец, приветливо кивнул Хиксу и обернулся, провожая его взглядом.

— Да, верно, — ответил Хикс и замешкался, глядя на старика.

Мужчина снова кивнул, и их глаза встретились.

Господи! Один из них? Один из подневольных?

Пожилой человек улыбнулся и зашел в кабинку, которую освободил Хикс.

Писатель вернулся в кафетерий и сел на свое место.

— Сколько человек на их стороне?

Рубен же почти доел второй гамбургер.

— Они не говорили, — ответил он.

Хикс положил руку на стол.

— Ты чувствуешь себя подневольным? В чужой власти?

Рубен поежился.

— Если честно, не знаю. Коли не лгут, они помогают всем нам. В таком случае, я готов работать скорее на них, чем на кого-нибудь другого. А вы — нет?

Хикс сглотнул слюну.

— Ты свободен в своих поступках?

— Достаточно свободен, чтобы спорить с ними. Иногда они соглашаются со мной, а иногда и слушать не отят, и тогда приходится подчиняться их воле и я словно бы не управляю собой. Но, кажется, они знают, что делают, и к тому же у них нет времени на объяснения.

— Ты очень убедительно говоришь, — заметил Хикс.

— Спасибо. И еще раз спасибо за чудесный завтрак.

Рубен обмакнул ломтик жареного картофеля в кетчуп и, будто салютуя, поднял вилку перед тем, как отправить его в рот.

— Где паук?

— Снова в моем кармане.

— Могу я взять его с собой и принять решение позже? Сначала я хотел бы обсудить проблему с коллегами.

— Нет, дружище. Стоит вам дотронуться до паука, и он немедленно… Ну, понимаете… Завладеет вами. Я должен был сообщить вам все это.

— На таких условиях я не согласен, — сказал Хикс. Страх и осторожность одержали верх.

Рубен с разочарованием взглянул на него.

— Они действительно нуждаются в вас.

Хикс непреклонно покачал головой.

— Скажи им, ему, что меня нельзя заставить.

— Похоже, что я ошибся, — пробормотал Рубен.

Что-то шевельнулось у руки Хикса в том месте, где она касалась стула. Писатель почти не придал этому значения, но вдруг почувствовал легкий укол. Он с криком полетел на пол, сильно

ударившись коленом о ножку стола. Хикс упал, опрокинув на себя стакан с водой, и схватился за колено, кривя лицо от боли.

Когда круги перед глазами исчезли, Хикс увидел над собой трех посетителей кафетерия и двух официанток. По руке разливалось тепло; жар достиг шеи, лица, волос. Боль утихла. Он растянул губы в улыбке и покачал головой: до чего глупо вышло.

— Вы в порядке? — спросил какой-то мужчина.

— Все нормально, — ответил Хикс, быстро придумав причину странного поведения. — Я прикусил язык. Ужасно. Но теперь мне легче.

Он приподнялся на локте и внимательно осмотрел руку. На большом пальце виднелось маленькое красное пятнышко. Он ужалил меня. Рубена за столом уже не было. Кто-то помог Хиксу подняться. Тревор отряхнул одежду, поблагодарил всех и извинился за причиненное беспокойство. Сунув руку в карман, он нащупал там предмет размером с яйцо.

— Со мной сидел молодой человек. Не видели, куда он ушел?

Хикс нервно осмотрел пол и стул в поисках паука. Да ведь он уже в моем кармане, подумал писатель.

— Вон кто-то выходит, — заметила официантка и показала на дверь.

Хикс увидел спину удаляющегося Рубена. Юноша оглянулся и улыбнулся писателю, потом вышел в вестибюль и исчез из виду. Хикс не счел нужным догонять его, он посмотрел на чек и заплатил за завтрак. Он весь дрожал, хотелось плакать, но он и сам не знал, что помогло ему справиться с отчаянием — то ли британская выдержка, то ли указания невидимого хозяина.

Я чувствую себя не так уж плохо. Конечно, я полностью владею собой…

Он возвратился к себе в комнату, лег в постель и закрыл глаза. Дрожь унялась, дыхание стало ровным. Он повернулся на бок. Паук выполз из кармана и замер на шее журналиста.

И перед Хиксом открылось то, что так старательно объяснял ему Рубен. Часом позже Тревор уже не мог понять, почему так долго сопротивлялся.

Вечером паук отцепился от его шеи, пополз по кровати и упал на пол. Хикс рассеянно наблюдал за ним; поток информации по-прежнему тек в его мозг. Что-то поначалу казалось непонятным, но вот какой-нибудь очередной нюанс — и Хикс уже способен осознать проносщиеся перед ним

картины.

Паук забрался на тумбу, где стоял телевизор, и быстро, почти бесшумно проник внутрь аппарата. В течение часа оттуда били лучи яркого света и фонтаны дыма и пыли, слышался скрежет. Еще около часа стояла тишина. Потом из отверстия, в котором скрылся робот, выпали два паука. И оба заползли в карман Хикса.

— Ничего себе! — пробормотал он.

Шоу Эндрю Керни («Хоум инфо системз нет), 19 декабря 1996 года. Гость программы — писатель-фантаст Лоуренс ван Котт.

Керни: Мистер ван Котт, вы написали шестьдесят одну повесть и семь работ, основанных на нехудожественном вымысли или, скорее, на фантастических научных теориях. Что это означает?

Ван Котт: Научная фантастика без действующих лиц. И без фабулы.

Керни: В последние два месяца мы то и дело слышим о способах уничтожения Земли, которыми, вероятно, воспользуются пришельцы. Мы знаем о предметах, упавших с неба возле Филиппин и в Ат-

лантике и проникших внутрь планеты. Уже замечены два таких объекта. Вчера вечером я взял интервью у Джереми Кемпа. Появились доказательства, сказал он, что предметы, перемещаясь под земной корой, издают шум.

Ван Котт: По моим сведениям, вам бы следовало побеседовать с Уолтером Сэмшоу и Дэвидом Сендом. Они первыми увидели объекты.

Керни: В данный момент мы не можем связаться с ними. (Ван Котт пожимает плечами).

Керни: (наклоняясь вперед): Что по-вашему представляют собой эти предметы? Вы научный фантаст; не исключено, вы рассуждаете так, как не станут или не смогут ученые.

Ван Котт: Проблема очень серьезная. Я не думаю, что теоретизирования, предположения — именно то, что нам сегодня необходимо. Я предпочитаю подождать заключения специалистов.

Керни: Да. Но вы по образованию математик и физик. Имеете степень... (Смотрит в записи). Полагаю, у вас не

меньше прав считаться специалистом, чем у кого-либо еще. При условии, конечно, что вы следите за сообщениями.

Ван Котт: Я читал и слышал все, что прошло через средства массовой информации.

Керни: Из профессионального интереса?

Ван Котт: Мне всегда любопытно, если действительность подтверждает мои предположения.

Керни: Уверен, у вас есть своя теория.

Ван Котт: (молчит несколько секунд, стучит пальцем по курительной трубке, смотрит на лампы, горящие над головой): Хорошо. (Откидывается на спинку кресла, теребит в руках трубку). Если эти объекты так тяжелы, как мы думаем, они, следовательно, очень велики. Но их падение в океан не вызвало сколько-нибудь значительного всплеска. Поэтому они вряд ли одновременно тяжелые… (сжимает трубку руками и раскачивает ее) и большие. Тяжелые и маленькие — вот что меняет дело. Не так много энергии передалось океану или морско-

му дну. Площадь удара невелика. Итак, мы можем сделать некоторые выводы. Первый: каждый объект обладает огромной плотностью. Предположим, оба они из нейтрониума, что соответствует сложившейся картине. Речь не о черных дырах. Нейтрониум представляет собой материю, сильно сжатую для того, чтобы столкнуть электроны и протоны и получить, в результате, нейтроны. Ничего другого, кроме нейтронов. И неважно, откуда у инопланетян нейтрониум. Не спрашивайте меня. Я не наю. Я также не знаю, каким образом они сохраняют большое количество нейтрониума в сжатом состоянии. Второй объект радиоактивен и сильно искрится. Считается, что он, находясь внутри Земли, шумит сильнее, чем первый. Это о многом говорит мне. Наводит на размышления. Есть два объекта. Предположим, один из них — нейтрониум, а второй может быть сделан из антинейтронов, то есть, является антинейтрониумом.

Керни: Нейтроны представляют собой частицы с нейтральным зарядом. От-

куда же возьмутся антинейтроны, если они нейтральны? (Слышится музыка).

Ван Котт: (вздыхает): Потребуется время, чтобы объяснить. Давайте сделаем паузу, а потом я отвечу на ваш вопрос.

(Рекламная пауза)

Ван Котт: Нейтроны электрически нейтральны, но это не означает, что они не могут иметь античастиц. Когда две античастицы встречаются, они полностью уничтожают друг друга. А мы имеем дело с двумя объектами, пронзившими земную кору. Нейтрониум по сравнению с камнем очень плотен. Объекты — назовем их пульками — будут вращаться в Земле, проходя сквозь ядро, как сквозь воздух. Они очень холодные — нейтрониум, при его плотности, поглощает большое количество тепла. Их скорость не уменьшается во время прохождения по орбите.

Антинейтрониумная пуля взаимодействует с земной материей, в результате чего возникает так называемая амбиплазма, которая не позволяет всему

имеющемуся нейтрониуму взорваться одновременно. Эта пуля снизит скорость вращения достаточно быстро и, в конце концов, замрет в центре Земли, шумя и искрясь. Когда же другая пуля тоже начнет останавливаться, они встретятся… Я не знаю, что тогда произойдет.

Керни: Не получится ли так, что эта анти — или как ее — амби-плазма — предотвратит сближение объектов?

Ван Котт: (кивает): Интересная мысль. Может, получится, может, нет. Может быть, объекты столкнутся под воздействием давления ядра.

Керни: И что же потом?

Ван Котт: Полное или почти полное уничтожение сотни или двух сотен миллионов тонн материи. (Крепко сжимает ладони, потом вытягивает пальцы и разводит руками). Представим себе, что перед нами бомба замедленного действия, взрыватель которой управляется уровнем гравитации.

Керни: (заметно помрачневший): Это… Мистер ван Котт, ваша гипотеза обернется для нас бессонными ночами. Ска-

жите, вы говорили кому-нибудь о ваших предположениях?

Ван Котт: Нет, и мне жаль, что я решился на это сейчас. Я просто поделился своими мыслями. Боюсь, они перестали быть моим личным делом.

23 декабря

Уолт Сэмшоу и Дэвид Сенд находились на борту «Дискаверера» не больше часа, но за это короткое время им уже успел позвонить Джереми Кемп. Отто Лерман, министр обороны, передал прессе фотографии, полученные этим утром с трех спутников. Кемп подозревал, что снимки явились очередным козырем в борьбе между президентом и военными. Сенд быстро подключил модем к телефону: на экране появились изображения — их было больше сотни, — которые Кемп передавал из Калифорнии.

Часом позже Сэмшоу уже рассматривал фотографии, в то время как Сенд расспрашивал Кемпа о подробностях.

На всех снимках были глубоководные районы океана, сфотографированные со спутников слежения за подводными лодками. Спутники, летящие на низкой орбите, снабжены лазерными спектрометрами для обнаружения горючего и других признаков наличия субмарин.

Первые пятнадцать изображений предназначались для изучения атмосферы и поверхности океана над глубокими желобами, протянувши-

мися от Филиппин до Камчатского полуострова, причем съемка производилась через каждые пятьсот километров. Незначительно увеличенные изображения были раскрашены, чтобы показать концентрацию свободного кислорода в околоокеанических слоях атмосферы. На каждом снимке виднелись дюжины красных точек на традиционном синем или зеленом небе.

Следующие десять снимков, испещренные такими же точками, изображали воды около западного побережья Центральной Америки. Поверхность океана надо всеми глубокими желобами Земли оказалась, судя по фотографиям, зоной высокой концентрации свободного кислорода. На нескольких снимках были сильно увеличенные изображения района, расположенного в трехстах километрах от Крисмеас-Айлендз в Индийском океане. Там выделялись зоны площадью в несколько квадратных километров, казавшиеся белыми, словно покрытыми пеной или накипью. Сэмшоу сообразил, что, исходя из масштаба, каждая крапинка, обозначающая пузырьки в воде, на самом деле имеет десятки метров в диаметре.

Именно здесь надо искать причину увеличения количества кислорода в атмосфере. Этот процесс

нельзя объяснить никакими природными явлениями.

— Ну ладно, хватит об этом, — сказал Кемп. — Смотрел вчера «Шоу Эндрю Керни»?

— Нет, — ответил Сенд. — Мы здесь нечасто сидим у телевизора.

— Ты встречался с Лоуренсом ван Коттом?

— Нет.

— А я — да. Очень проницательный человек. Он высказал кое-какие мысли, которые страшно взволновали Джонатана Поста. Я еще не прослушивал пленку, но Пост считает, что ван Котт, возможно, недалек от истины. Никаких черных дыр. Нейтрониумные пульки.

— Пока я не совсем понимаю, — сказал Сенд; ему хотелось вернуться к обсуждению снимков.

Кемп закончил разговор и повесил трубку. Сенд вновь просмотрел фотографии.

— Почему кислород? — спросил он. — Вулканическая деятельность?

— Не думаю, — заметил Сэмшоу. — Не встречал ничего подобного. Что-то разлагает морскую воду на кислород и водород. Но в результате на виду только кислород.

— Что-то? Машины? Где?

— Пузыри заметны только над желобами или

над разломами. И никогда над ровным дном. В тех местах, где в земной коре находятся глубокие трещины или впадины, происходит накопление водорода и освобождение кислорода.

Сенд заскрипел зубами.

— Кемп утверждает, что содержание кислорода в Тихом океане увеличилось еще на один процент и на пол-процента — в центральной Евразии.

— Близко к опасной концентрации. Могут произойти воспламенения в… лесах, городах.

— Я уже бросил курить, слава Богу.

Эдвард Шоу сидел в удобном старинном кресле в баре отеля «Стефен Остин» в полном одиночестве со стаканом коктейля в одной руке и жареным миндалем — в другой. Он вернулся в Остин, чтобы уладить дела, подобно смертельно больному человеку. Эдвард признался себе, что больше не может и не хочет жить, как все.

Прогулки по городу и его окраинам стали последней попыткой вернуться в прошлое и найти душевное успокоение. Его девушка — почти невеста — вышла замуж за вице-президента банка и не желала даже вспоминать об Эдварде. Администрация университета восприняла его увольнение по-философски.

В Аризоне Эдвард простился с Реслоу и Ми-

нелли, хотя последний обещал навестить его в Йосемите в конце марта, если погода будет подходящей. Шоу опасался, что болезнь сломает Минелли. Реслоу — бородатый, как всегда, немного взлохмаченный — собирался отправится в Мейну к сводному брату.

Вернувшись в родной город, Эдвард узнал, что его квартира сдана месяц назад другому жильцу. Сотрудники спецслужб, которые следили за делами «ванденбергских узников», не позаботились о ней. По их недосмотру Эдвард остался без крыши над головой. Хорошо хоть хозяйка не выбросила его вещи, а сохранила их на случай возвращения Шоу. Он продал мебель и, к своему удивлению, обнаружил, что не в силах расстаться с некоторыми вещами. Эдвард оставил их в гараже, арендованном за кругленькую сумму — сто долларов в месяц; причем пришлось заплатить за пять месяцев вперед.

Уладив все вопросы, Эдвард наконец стал тем, кем мечтал — свободным человеком без каких-либо обязательств.

Он почти не сомневался, что последний день Земли близок. Эдвард купил мелкокалиберный пистолет на случай, если смерть будет мучительной (пистолеты шли нарасхват). Распределил все

свои деньги так, чтобы их хватило на пятимесячное путешествие.

Эдвард не собирался ехать за границу. Покупка маленького домика на колесах опустошила его карманы почти на одну треть. Перед самым отъездом из Остина он провел ночь в отеле, погрузившись в мрачную меланхолию.

Ему не терпелось пуститься в путь.

Он объездит страну, а в конце марта или в апреле остановится в Йосемите и обоснуется там. Путешествие позволит изучить Северную Америку вдоль и поперек — он всегда мечтал об этом. Проведет пару недель в Уайт-Ривер в Южной Дакоте, несколько дней в Сионском национальном парке и так далее — в местах, интересных для геолога, — пока не возвратится в детство, к высоким скалам Йосемите. Покончив с научными исследованиями, он сможет затем отправиться в глубины своего внутреннего мира.

Отличные планы.

Но почему же тогда он чувствует себя таким несчастным?

Он до сих пор не утратил веру, что жизнь следует прожить рядом с близким другом или с другим любимым человеком. Эдвард, по сути, всегда был одиночкой. Он не чувствовал потребности

видеться с матерью; много лет назад она выгнала его, шестнадцатилетнего паренька, из дома, и он фактически порвал с ней. Но несмотря ни на что, в его душе не развеялся миф — образ двух людей, вместе проходящих по жизни.

Он допил коктейль и вышел из бара, отряхивая брюки салфеткой. Швейцар приветливо кивнул ему, и Эдвард улыбнулся в ответ. Потом вновь — двухчасовая прогулка по окрестностям Остина. Последний раз он бывал в этих местах студентом.

В воскресный день в городе царили покой и тишина. Эдвард прошел мимо белого частокола и проволочной ограды, за которыи стояли хорошо сохранившиеся дома, ставшие архитектурными или историческими памятниками. Он изучил бронзовые мемориальные доски на колоннах. Наконец он покинул старый район и оказался среди железобетона, камня, стали и стекла. Прохладный зимний ветерок трепал его рубашку с короткими рукавами.

Обычный город, обычные дома, очень крепкие и основательные.

Неужели все это может исчезнуть?

Если планете суждено погибнуть, не спасет даже крепчайшая геологическая структура…

На следующее утро, отлично выспавшись, не отягощенный воспоминаниями о ночных кошмарах, Эдвард Шоу начал новую жизнь.

24 декабря

Полковник Роджерс сидел в вагончике, ожидая вестей от маленького франтоватого человечка из Управления национальной безопасности по имени Таккер. Таккер играл важную роль в заговоре — иного слова не подберешь, — он обеспечивал оружием.

Воскресный номер «Нью-Йорк Таймс» лежал раскрытый на столике с мониторами. На первой странице выделялись три заголовка почти одинаковой величины.

«ВЫСТРЕЛ В ЕГО ПРЕПОДОБИЕ ОРМАНДИ. Наперсник президента убит в Новом Орлеане».

«КРОКЕРМЕН
НАКЛАДЫВАЕТ ВЕТО НА ЗАКОН О МЕРАХ ПРОТИВ ИНОПЛАНЕТЯН».

«ЧЛЕНЫ
СЕКТЫ „КУЗНИЦА ГОСПОДА“ ГОТОВЫ „ЗАЩИЩАТЬ“ КОРАБЛЬ КОСМИЧЕСКИХ ПРИШЕЛЬЦЕВ. Последователи культа, основанного в Англии, стекаются в Кали-

форнию».

Весь мир сходит с ума, и Роджерс вместе с ним. За последнюю неделю он трижды нарушил присягу. Он участвует в заговоре, цель которого прямопротивоположна приказам Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов. Через две недели, а может раньше, если все пойдет по плану, он попытается разрушить то, что собираются защищать сектанты, окружившие Территорию.

Но больше всего его беспокоило полное отсутствие тревоги в душе. Он никогда не считал себя радикалом, но на самом деле всегда был приверженцем решительных действий; теперь же Роджерс тем более не представлял иных способов разрешения проблемы, кроме по-настоящему радикальных. Он помнил только, что нация в опасности, а правительство растерялось. Чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайные меры.

Зазвонил телефон. Он ответил, а оператор командного пункта сообщил, что его спрашивают из штаба главнокомандующего тихоокеанским флотом.

В трубке послышался голос Таккера. Очевидно, он звонил с борта авианосца «Сарагота», находящегося в ста милях к западу от острова

Сан-Клементе. Очевидно, Таккер только что переговорил с адмиралом Луисом Кеймероном.

— Полковник Роджерс, у нас есть стрела и необходимое оперение.

— Да.

— Вы меня поняли?

— Я понял.

— В следующий раз с вами свяжется Грин.

— Спасибо.

Роджерс повесил трубку. Грин — это, в действительности, Джулио Джилмон, демократ из Калифорнии, председатель подкомитета Сената по защите от инопланетян. Приблизительно через десять дней он явится сюда в большом лимузине, преодолевая кордон сектантов.

В кузове лимузина будет спрятана «стрела» — трехкилотонная боеголовка, первоначально предназначенная для противолодочных ракет «Сарагосы».

Положив боеголовку в рюкзак, Роджерс отправится внутрь Фантома.

Он свернул газету и встал, чтобы произвести дневной обход.

«Си-Би-Эс дейлайт ньюс», 1 января 1997 года. Беседуют Трисия Ревер и Алан Хак.

Ревер: Вы были на Таймс-сквер или смотрели телевизор?

Хак: Телевизор. Я дорожу своей жизнью.

Ревер: Я никогда не видела ничего подобного. Настоящее безумие.

Хак: Они думают, что настал наш последний год на Земле. (Качает головой, реагирую на комментарии, звучащие за кадром). К черту! Давайте будем реалистами: они предвидят будущее и спешат веселиться.

3 января 1997 года

Удивительно, но Артур по-прежнему чувствовал себя независимой личностью. Лил дождь. Он отвез Марти в школу, хотя и не стоило — комфортабельный школьный автобус останавливался меньше чем в пятидесяти ярдах от дома. Возвратившись на стоянку, Артур услышал отдаленные голоса, английскую и другую речь. Он сидел в машине с закрытыми глазами, словно искал какую-то станцию или радиосигналы со спутника, но голоса стихли. Артур старался вновь уловить их, и от напряжения голова слегка гудела.

Он вошел в дом, сбросил пальто. Франсин встретила его с чашкой горячего какао на столе. Его глаза затуманились, он взял какао и выпил его одним глотком. Потом поставил чашку на буфет и обнял жену. Та страстно прижалась к нему, крепче и крепче, словно в отчаянии, и Артур повел ее в спальню, и они любили друг друга.

За ним никто не «следил».

Кроме тех часов, когда приходилось выполнять задания роботов, Артур так же свободно распоряжался собой, как и любой другой человек. Он и не думал покидать «свою» зону — северо-запад Со-

единенных Штатов. Если бы ученый отважился перебраться в другое место, ему бы вряд ли позволили. Здесь он не сидел сложа руки, а впереди еще столько работы…

Он пристроил голову на мягком животе жены, рукой обнимая ее грудь, и дремал. Она обернула локон его волос вокруг своего пальца и смотрела на мужа с тем выражением спокойствия, которое свойственно только женщинам и которое не раз восхищало Артура. Только что здесь царила страсть, даже одержимость, а сейчас Франсин холодна и безмятежна, как мраморное изваяние мадонны.

Он мог бы рассказать ей о пауке. Ничто не помешает ему. Артур поднял голову и чуть было не начал говорить, но остановился. На ком лежит ответственность? Не на мне ли, погрязшем в сомнениях? Франсин и так достается, к чему ей знать, что ее муж — Подневольный? Это слово забавляло и раздражало его, но вполне отражало действительность.

Почему же они не взяли Франсин? Не завладели ее волей?

Потому что не нуждались в ней, потому что их возможности не безграничны. Вдруг Артур выпрямился, вытянул шею. Только одна или две

тысячи… Что если никто из его семьи не попадет в число избранных? Никто из его друзей, коллег, знакомых? Что если и ему самому не будет позволено спастись?

— Что-то случилось, Арт? — спросила Франсин.

Он покачал головой и погладил ее соски.

— Ты заставляешь меня забыть, что я мать семейства, — сказала жена. — Тебе должно быть стыдно.

— Ты права, — ответил Артур. — Ужасно стыдно.

Дождь забарабанил в окно, холодный ветер свистел у стен дома. Зловещий, по-настоящему зловещий звук, но, тем не менее, он усиливал ощущение безопасности и уюта. Можно лежать обнаженным возле любимой женщины в теплой мягкой постели и чувствовать себя властелином бесконечности.

Информационная Сеть уже почти сформирована. До него дошли отрывочные сведения, что в Нью-Йорке, Вашингтоне — да, собственно, везде — Подневольные особенно много работали в библиотеках. Зачем? Неужели неведомые благодетели соберут фрески Сикстинской капеллы, творения Баха, Парфенон и Ангкор на борту корабля и поднимут все это в космос вместе с

самыми талантливыми людьми Земли? Затея представлялась Артуру слишком очевидной и наивной.

Он множество раз прослушивал пленку, подаренную Файнманом. Артур постоянно обдумывал идеи друга, сравнивая их с данными, поступившими по Сети, которая ширилась день ото дня.

В его голове крутилось одно слово — «грамматика», — но за ним скрывалось множество понятий.

И множество смысловых оттенков: грамматика планетной экосистемы, включая суть генетического кода и способ, при помощи которого различные виды связаны друг с другом, (так фразы объединяются в книгу), и особенности эволюционной схемы, и неизбежность конца…

Грамматика общества — анализ взаимодействия человеческих групп как составных частей всеобщей экосистемы…

Плоды, половые железы, репродуктивная система планеты, огромный гриб, поднимающийся над Землей в космос вместе с молитвой…

Чтобы овладеть миром вакуума, гравитации и воздушных потоков, экосистеме Земли потребовалось изобрести и развить орган или инструмент, способный к восприятию и логике, так

же как жизнь когда-то приспособилась к суше, разработав определенный тип глаз, конечностей и нервной системы. Книга земного существования строится на синтаксисе движения по суше и движения в космосе; и то и другое используется грамматикой экосистемы, и то и другое — ее неотъемлемые доли. И так же устроены тысячи иных миров с подобными грамматическими схемами жизни. Люди — один из органов Земли, с помощью которого планета перемещается от звезды к звезде.

Люди изъясняются на языке Жизни. Они знают, что предпринять, чтобы сохранить сущность, основное значение первозданности.

Вот что говорила Сеть…

Вот что он слышал на пленке Харри:

«Я посвятил биологии двадцать лет. Ты, Артур, рассказывал мне о научных открытиях в своей области; пятнадцать лет назад ты дал мне пищу для размышлений, когда предложил книгу Лавлока, посвященную Гее. События последних месяцев заставили меня вспомнить мои давние теории и предположения, к которым я пришел, прочитав Лавлока и Маргулиса. Я не раз делился с тобой гипотезами, но никогда не был настолько уверен в себе, чтобы перенести мысли на бумагу.

Сегодня я убежден в своей правоте, но слишком слаб, чтобы писать, поэтому… вот… это.

Гея — это вся Земля; она — живое существо; она — органическое целое, единственное в своем роде создание. Ей уже больше двух биллионов лет. Мы не можем провести полную аналогию между Геей и людьми, между Геей и собаками, или кошками, или птицами, потому что до недавнего времени мы не занимались изучением независимых организмов.

Собаки, и кошки, и птицы — и люди тоже — не являются независимыми организмами. Мы осколки и части Геи. То же самое можно сказать о всем живом на Земле. Представь себе одну клетку, пытающуюся найти сходство между своей цитоплазмой и органеллами и осмыслить свою роль в человеческом теле; клетка может обмануться, если будет слишком строга при сравнении.

Итак, Гея, Земля — первый независимый организм, изученный нами. Я буду называть такой организм словом «планетизм». Планетизм состоит из растений, животных и микроорганизмов, а те, в свою очередь — из клеток, или же они сами являются клетками. Клетки состоят из цитоплазмы и органелл и так далее. Организм регулирует свою жизнедеятельность при помощи гормонов,

медиаторов; он функционирует и питается ферментами и другими веществами… Все отлично организованно, следует определенной схеме и все работает на один результат. Самоконтроль.

Гея действует наряду с другими экосистемами. Как и любому организму, ей заданы схема и цель. Гея растет, развивается и проходит различные стадии. Иногда на ее долю выпадают испытания, способные разрушить всю экосистему. Может быть, ей присуще экспериментаторство — непосильное занятие для меньших организмов. Развитие экосистемы заходит в тупик, она безжалостно уничтожает достигнутое и начинает все сначала. В конце концов, она ведь должна делать то, что свойственно всему живому — стареть и воспроизводиться.

Каким образом планетизм может создать что-то новое по своему образу и подобию? Гея появилась на свет, скорее всего, без внешнего вмешательства, хотя не исключено, что она — детище другого планетизма. Может, жизнь зародилась много, много миллионов лет тому назад. Хотя, честно говоря, я так не думаю. Полагаю, что большинство планетизмов не имеет родителей, по крайней мере, живых родителей, и потому они свободны в выборе собственного пути

развития. На это требуется много времени, но, в конце концов, Гея находит способ, вырабатывает свою стратегию воспроизводства.

Гея научилась использовать свои природные ресурсы и поверхность своего тела. Она овладела океанами, потом распространила растения и животных по голым континентам. Эти растения и животные каким-то образом приспособились к жизни на суше. Думаю, это произошло не случайно, но я слишком слаб, чтобы настаивать на своем. Собственно, этот момент не относится к моей теории.

Сейчас, спустя века, на Земле расселились люди. Мы получились совсем неплохо. У нас есть орган такой же важный, как лапы для земноводных. Я имею в виду высокоорганизованный мозг. Внезапно Гея осознает самое себя, она обращается мыслями к окружающему ее миру. У нее развиваются глаза, способные видеть далеко в космосе, и она начинает понимать пространство, которое ей предстоит завоевать. Гея достигает половой зрелости. Вскоре ее ожидает процесс воспроизводства.

Я знаю, ты подхватил мою мысль. Ты говоришь: «Это значит, что человеческие существа являются половыми железами Земли». Я тоже утверждаю

это, но аналогия, по меньшей мере, слаба. Гея могла бы пожертвовать всем на земле — всеми своими экосистемами, — чтобы способствовать развитию человечества. Потому что мы значим для нее больше, чем половые железы. Мы создаем споры и семена, мы — те, кто понимает сущность Геи, и мы вскоре познаем, как можно зародить жизнь в других мирах. Мы доставим биологическую информацию Геи в космос — на кораблях.

Ты понимаешь, если я прав, нас ждет немало опасностей в будущем. Гея вынянчила людей, но она также помыкала нами и мучила. Она изо всех сил старалась, чтобы мы не чувствовали себя слишком уютно. Болезни, которые раньше регулировали развитие экосистемы, неожиданно превратились в стимулы. Мы боремся с недугами и в этих сражениях лучше понимаем саму жизнь, приходим к новому пониманию Геи. Видишь, Гея использует болезни, чтобы стимулировать и наставлять. В двадцатом векемы столкнулись с многочисленными ретровирусами и эпидемиями заболеваний иммунной систем. По твоему, это простое совпадение? Мы не найдем противоядия до тех пор, пока не поймем жизнь во всех ее проявлениях. Гея регулирует наше существование и регулирует свое развитие, подводя себя к половой

зрелости.

Вот что произойдет: Гея сгонит нас с родных мест и мы унесем ее в наших кораблях. Может, мы сделали Землю непригодной для жизни? Тогда появляется еще один повод покинуть поле, потому что оно высохло и оскудело. Разве это не естественно? А может, мы сохраним Землю и просто покинем ее. Такое иногда случается в семьях: либо родители мучают детей, доводя их до ухода из дома, либо самим детям хватает сообразительности и смелости, чтобы порвать с прошлым и начать самостоятельную жизнь. Рассуждая о родительских проблемах, я не могу опереться на собственный опыт, но я помню свою молодость. Конечно, Гея не единственный планетизм. Наверняка, существуют биллионы других; некоторые из них появились из семени, от родителей, некоторые независимы. И когда они оказываются в Галактике, то обнаруживают, что между ними существует конкуренция. Неожиданно они становятся частью большей, более сложной системы — галактической экологии. Планетизм и его порождение — интеллект, технократические цивилизации — разрабатывают стратегию сражений, чтобы победить в конкурентной борьбе и свести ее на нет.

Некоторые планетизмы выбирают простые методы. Они, не щадя себя, быстро расширяются. Они, словно паразиты или микробы, которые еще не знают, как бы понадежней обосноваться на теле хозяина. Другие планетизмы отвечают им тем, что начинают выискивать и уничтожать все, что относится к этим паразитам. В конечном итоге, я полагаю, если Галактика оживет — то есть, станет «галактизмом», — ей ничего не останется, кроме как собрать воедино плоды расширения всех своих планетизмов и привести их в порядок. Итак, паразиты либо добиваются своего и начинают функционировать в паре с другим организмом, либо исчезают. Но до тех пор в их недрах царит такой же хаос, как в джунглях.

Когда-то давно ты говорил со мной о Френке Дринкуотере. Дринкуотер, да и не он один, в течение многих лет утверждал, что в нашей Галактике нет иных разумных миров, кроме нашего. Он считал, что отсутствие фон-неймановских машин и радиосигналов свидетельствует об уникальности нашей цивилизации и доказывает справедливость его идей. Но Дринкуотер был слишком нетерпелив. Теперь стало ясно, что он ошибался.

Мы сидели на дереве и щебетали, подобно

пташкам, почти в течение века, удивляясь тому, что другие милые птички не отвечают нам. В Галактике полно ястребов — вот в чем дело. Планетизм, который не считает нужным соблюдать тишину, рискует быть съеденным.

Я уже заканчиваю. Слишком устал, чтобы продолжать. Может, эти мысли уже приходили тебе в голову. Может, ты воспользуешься ими.

Ты когда-то тоже подбросил мне множество любопытных идей, Арт. Спасибо. Ты мой самый близкий друг, и я люблю тебя.

Позаботься об Итаке во что бы то ни стало.

Передай Марти и Франсин, что я люблю их. Я молюсь за вас и надеюсь, что вы справитесь с тем, что суждено, хотя — клянусь жизнью — не знаю, каким образом».

Итак, Харри все понял, почти инстинктивно. Он все еще борется со смертью в Лос-Анджелесе, и силы оставляют его день за днем. Артура охватил панический страх при мысли о том, что придется жить без друга. Что он станет делать, когда Харри уйдет? Теперь, больше чем когда-либо, Артур нуждался в нем. Как никогда…

— Арт, — прошептала Франсин. Он попытался расслабиться и перевел взгляд на лицо жены. — Ты думаешь о Харри?

Он кивнул.

— Но это еще не все. — Не размышляя над последствиями, повинуясь инстинкту, который, как он надеялся, не подведет его, Артур принял решение. — Происходят грандиозные события, — сказал он. — Я боялся рассказывать.

— Может, рискнешь? — спросила жена и поежилась, словно испугавшись. Слишком много перемен и потрясений обрушивалось на их дом вслед за рассказами о последних новостях.

— О нет, речь идет не о государственном секрете, — сказал он, улыбаясь.

Он поведал ей о встрече в аэропорту, об информации, заполнившей его голову, о Сети. Слова лились непрерывным потоком. Артур прервался только на минуту, чтобы впустить в дом Годжа, жалобно подвывавшего у двери.

Франсин смотрела на мужа, на его горящие глаза и воодушевленное лицо, покусывая губы.

Закончив, он вздрогнул и пожал плечами.

— Я похож на сумасшедшего, правда?

Она кивнула, и слеза скатилась у нее по щеке.

— Хорошо, я покажу тебе кое-что удивительное.

Он подошел к буфету, вытащил оттуда картонную коробку, отнес ее в спальню и только

там открыл. Внутри, к его удивлению, лежал не один, а два одинаковых паука. Они не двигались; лишь блестели зеленые глаза-полоски. Франсин попятилась.

— Я и не знал, что их уже два.

— Кто это?

— Наши спасители, думаю, — пробормотал Артур.

Попадет ли Франсин в число спасенных? Она протянула руку, чтобы коснуться пауков. Артур уже приготовился предостеречь ее, но понял, что это необязательно. Если бы они хотели сделать ее Подневольной, новый паук уже давно завладел бы ей. Франсин нерешительно дотронулась до одного из роботов. Никакой реакции. Она задумчиво погладила блестящее тельце. Пауки одновременно задвигали лапками, и женщина поспешно отдернула руку. Пауки вновь замерли.

— Похоже, они живые, — заметила Франсин.

— Просто очень сложные машины.

— Они берут образцы, хранят информацию… И они… — Она сглотнула слюну и обхватила себя руками. Артур увидел, что жена вся дрожит и стучит зубами. — Оооо-о, Ар-тур…

Он крепко обнял Франсин, касаясь щекой ее макушки.

— Я же здесь, — сказал он.

— Все так нереально.

— Понимаю.

— Что… что же нам делать теперь?

— Ждать, — сказал Артур. — Я делаю то, что должен.

Франсин откинула голову, чтобы взглянуть на лицо мужа. В ее глазах промелькнули восхищение и отвращение.

— Я уже не уверена, что ты тот, за кого себя выдаешь.

Он кивнул.

— Но я не могу ничего доказать.

— Нет, можешь. Пожалуйста… Думаю, можешь. Думаю, я и сама уже знаю. — Она крепче прижалась к мужу и спрятала лицо у него на груди. — Я не хочу думать, что… потеряла тебя. О, Господи. — Она вновь отодвинулась от него, жалобно приоткрыв рот. — Не рассказывай Марти. Ты ничего не говорил ему?

— Нет.

— Он не выдержит. Ему и так каждую ночь снятся пожари и землетрясения.

— Буду молчать.

— Да, пожалуйста, — твердо сказала Франсин. — До тех пор, пока что-нибудь выяснится.

Наша судьба, я имею в виду.

— Хорошо.

Пришло время одеваться и ехать за Марти. Артур вез сына домой из школы под проливным дождем.

Вечером, когда Марти уже заснул, а Франсин и Артур сидели поджав ноги на диване в гостиной и читали, зазвонил телефон. Артур поднял трубку.

— Президент Крокермен хочет поговорить с Артуром Гордоном.

Артур узнал голос Нэнси Конгдон, секретаря Белого Дома.

— Я слушаю.

— Подождите минуту, пожалуйста.

Несколько секунд спустя заговорил Крокермен.

— Артур, мне необходимо встретиться с вами, или с Файнманом, или с сенатором Джилмоном… Полагаю, вы связаны с ним?

— Сожалею, господин президент… Я давно не разговаривал с сенатором или с кем-либо из Управления национальной безопасности. Харри Файнман тяжело болен. Он при смерти.

— Мне говорили… — Президент долго молчал. — Я окружен со всех сторон, Артур. Они все еще не могут собрать нужное количество голосов

в Сенате; кажется, не хватает всего двух… Я не уверен, что знаю всех, кто начал блокаду, но, может быть, вы поговорите с ними? Пускай вы с ними заодно… или что-то в этом роде.

— Я не тот, кто вам нужен, господин президент, — сказал Артур.

— Несколько часов назад мне отказали в доступе на командный пункт. Я уволил Отто Лермана, но это не помогло. Боже, они угрожали, что оцепят Белый Дом войсками! Все, что они делают, незаконно, но… Они могут позволить себе ждать, пока я сам не уйду отсюда. Что-то происходит. И мне надо знать, что именно. Ради Бога. Я президент Соединенных Штатов, Артур.

— У меня нет никаких сведений, сэр.

— Правильно. Вы отлично держитесь. Но ведь и я не упрямый осел. Несколько последних недель я провел в мучительных размышлениях. Я разговаривал с Наливкиным. Они ведут переговоры с инопланетянами в Монголии. Верят, что мы на пороге социалистической эры. Вот что пришельцы напели им! Артур, скажите мне прямо… К кому обратиться?.. Необходимо восстановить порядок подчиненности? Я не безрассуден. Меня можно убедить. Бог свидетель, я думаю над этим день и ночь. Я хочу пересмотреть свою позицию.

Вы знаете о его преподобии Орманди?

— Нет, сэр.

— Он мертв, Господи! Они убили его! Кто-то стрелял в священника!

Артур ничего не сказал. Кровь отхлынула от его лица.

— Если они не разговаривают с вами — то с кем тогда?

— Вы звонили Маккленнану или Роттерджеку, господин президент? — Артур знал, что оба бывших помощника поклялись в лояльности Крокермену даже после своей отставки.

— Да. Но я не прорвался к ним. Боюсь, они арестованы. Возможно, их прячут. Что же это, Артур — революция? Мятеж?

— Я не знаю, сэр. Я, честное слово, не знаю.

Крокермен неразборчиво пробормотал что-то и повесил трубку.

4 января

Рубен Бордз встретил Посыльного на конечной остановке автобуса на Туэлф-стрит. Седоволосый пузатый незнакомец в синем шерстяном костюме, шелковой рубашке в тонкую золотую полоску и туфлях из крокодиловой кожи, казалось, был счастлив, передавая Рубену толстый серый сверток на молнии, наполненный сто и тысячедолларовыми купюрами. Рубен крепко пожал Посыльному руку, улыбнулся, и они разошлись, так и не сказав друг другу ни слова. Рубен засунул сверток в карман зеленой армейской куртки и остановил такси.

Получив дальнейшие инструкции, Рубен довольно откинулся на сиденье. С такой суммой он может путешествовать с комфортом: такси, самолеты, отличные отели. Но, конечно же, большая часть денег будет истрачена на другое. Все же, думал он…

Из головы не выходил список магазинов, которые необходимо посетить. Первую остановку он сделает в Правительственном Издательском Центре данных. Там ему следует купить четыре набора дисков со всеми записями документаль-

ных материалов Библиотеки Конгресса. Каждый набор из пятисот дисков с трудом поместился бы в большом конторском шкафу. Рубен не знал, зачем треюуются именно четыре копии, но он, конечно же, купит все, что надо, и заплатит наличными, после чего в кармане останется половина денег.

Простояв десять минут в очереди к столу обслуживания, Рубен наконец предстал перед молодым, начинающим лысеть клерком с рыжей бородкой и проницательным оценивающим взглядом.

— Чем могу помочь? — спросил служащий.

— Я бы хотел четыре комплекта 15-692-421-3-A-G.

Клерк записал номер и обратился к компьютеру.

— Полное собрание сочинений Библиотеки Конгресса, кроме беллетристики? — переспросил он. — Включая все справочники и указатели?

Рубен кивнул.

Теперь служащий сверлил Рубена взглядом.

— Пятнадцать тысяч долларов за комплект.

Рубен спокойно отсчитал шестьдесят тысяч долларов.

Клерк внимательно рассматривал купюры, близко поднося каждую к глазам и ощупывая.

— Я вынужден позвать инспектора, — сказал он.

— Пожалуйста.

Через полчаса формальности были улажены и Рубен написал, куда следовало выслать диски — почтовый адрес в Западной Вирджинии.

— Что вы будете делать с ними? — полюбопытствовал клерк, протягивая Рубену чек.

— Читать, — ответил Рубен. — Четыре раза.

5 января

Полковник Роджерс пробудился от крепкого сна в четыре утра, ровно за минуту до сигнала наручных часов. Он нажал на кнопку звонка и зажег маленькую лампочку у изголовья своей длинной узкой койки. В течение одной блаженной минуты он лежал без движения, прислушиваясь. Вокруг тихо. Все спокойно. Начиналось воскресенье; большинство из секты «Кузница Господа» отправилось в Фернис-Крик, чтобы провести там шествие, организованное ее преподобием Эдвиной Эшберри.

Роджерс быстро оделся, натянул альпинистские ботинки и вытащил из рюкзака, стоявшего в углу вагончика, моток нейлоновой веревки длиной в сто футов. Стоя с веревкой в руках, он взглянул, сдвинув брови, на маленькую тумбочку и телефон. Потом бросил веревку на постель и принялся писать письмо жене и сыну на случай, если не вернется. Это заняло пять минут. У него по-прежнему было в запасе немного времени, поэтому он потратил еще пять минут на бритье, тщательно сбрив густую щетину на шее — армейская привычка. Почистил зубы и аккуратно

причесался, просматривая письмо. Недовольный, Роджерс переписал все на чистый листок бумаги. Потом положил конверт на полку вместе с адресом и инструкциями.

В половине пятого он спустился по ступенькам вагончика и погрузился в холодную темноту пустыни. Сильный ветер трепал полы шинели и брюки. На восточной оконечности лагеря недалеко от склада оружия стояла машина Джулио Джилмона. Сам сенатор ожидал Роджерса вместе со своими помощниками — привлекательной решительной на вид чернокожей женщиной средних лет и молодым человеком невысокого роста, гладко выбритым. Последний прохаживался вдоль внутренних ворот, перекрывавших путь к горе.

— Доброе утро, — поздоровался Роджерс, приблизившись к группе. Джилмон глубоко затянулся перед тем, как затушить сигарету, и протянул руку Роджерсу.

— Там осталось еще несколько сектантов, — сказал он, показывая на внешнее ограждение. — У вас есть план, как убрать их оттуда?

Роджерс кивнул.

— Через пятнадцать минут мы включим сирену и объявим чрезвычайное положение — отрабо-

танный прием. Потом эвакуируем людей через коридор. Если к тому времени сектанты не очистят территорию… — он пожал плечами — черт с ними.

— Не заподозрит ли чего… Фантом? — спросил молодой помощник.

— В течение месяцев он бездействовал, — сказал Роджерс. — Мы просто пойдем на риск. В зоне сейчас находится около тысячи человек.

Женщина смотрела на Роджерса со смешанным выражением недоверия и материнской заботы, но молчала.

— Кто еще знает? — спросил Джилмон.

— Два штабных офицера помогут мне донести оружие до входа и тут же отправятся в укрытие. Ваш эксперт, естественно. А где он?

Джилмон показал на человека, который прогуливался по освещенному участку в нескольких дюжинах ярдов от них.

— Сейчас идет.

Экспертом оказался лейтенант флота, худой, среднего роста молодой человек с тонкими острыми бровями и коротко остриженными темными волосами, одетый в штатское. Он нес большой мешок и портфель. Лейтенант тихо поздоровался. Джилмон открыл машину. В багажнике лежал

блестящий цилиндр длиной в два фута и шириной в полтора. Он покоился на алюминиевом ложе. Знак в виде трилистника, предупреждающий о радиационной опасности, отчетливо виднелся на трех сторонах цилиндра.

— Мы не знаем президентского кода, — многозначительно сказал лейтенант, — поэтому я взял незаряженную боеголовку и вытащил из нее кодовый механизм, который контролирует ее применение. В результате детонатор и взрыватель вышли из строя. Итак, мне пришлось самому сделать часовой механизм и детонатор. С разрешения командования я снял волновой генератор с самолета военно-морских сил, а также клистрон и другие необходимые детали. Гарантирую, что эта штуковина сработает. — Он улыбнулся почти виновато и повернулся к Роджерсу. — Сэр, вы можете обезвредить оружие, если возникнут непредвиденные обстоятельства, даже в последнюю секунду перед взрывом, так что слушайте внимательно.

Роджерс тщательно следил за лейтенантом, пока тот снимал верхнюю пластинку с цилиндра и объяснял, что следует сделать. Потом он повторил урок, глядя на Роджерса, дабы удостовериться, что тому все понятно.

— Ясно, сэр?

— Да.

— Сожалею, но мы не сумели найти специальную переносную бомбу. Они сняты с вооружения двадцать лет назад. Их пустили на лом или выбросили. Этот снаряд весит в три раза больше, но вам по силам будет тащить груз за собой, если стены туннеля действительно такие гладкие, как вы рассказываете. А когда вы сможете встать — несите бомбу за спиной в рюкзаке. Вы в хорошей форме, сэр, и, без сомнения, справитесь с задачей… — Лейтенант покачал головой. — Простите. Я не собирался вмешиваться в ваши дела.

— Ничего, — бросил Роджерс.

— Только один вопрос. Я пока не смог получить на него ответ. Насколько прочен корабль?

— Мы не знаем.

— Достаточно прочен, — заметил Джилмон, — чтобы выдержать падение с орбиты.

— Я не могу точно прогнозировать последствия взрыва для окружающей местности, — сказал лейтенант. — Если только Фантом не окажется несокрушимым — в чем я, честно говоря, сомневаюсь, — то по всей долине разлетятся горячие камни и шрапнель. Лучше бы вам укрыться подальше от горы.

— Я воспользуюсь джипом, — сказал Роджерс.

— Гоните, как черт, — посоветовал лейтенант. — И еще одно. Какой тип двигателя установлен на корабле?

Роджерс покачал головой.

— Там нет выходных отверстий, сопла или… Ничего.

— Если двигатель существует, а это вполне логично, если мы допускаем наличие корабля, тогда взрыв может запустить двигатель.

Роджерс глубоко вздохнул.

— Я думал об этом.

— Мы не обнаружили признаков повышенной радиации внутри или вокруг корабля, — сказал Джилмон. — Если там и есть двигатель, вряд ли они используют ракетное топливо.

— Тогда что они применяют в качестве топлива? — спросил лейтенант.

— Все наши действия влекут за собой определенный риск, — рассудил Джилмон. — И если пришельцы думают, что мы способны самих себя сбить с толку фантазиями… Сделает ли это их сильнее? Какую пользу принесли нам страх и промедление?

Загудела сирена и эхом возвратилась со стороны гор. Пронзительный, леденящий душу звук.

По всему периметру Территории заголосили громкоговорители:

— Чрезвычайная ситуация. Чрезвычайная ситуация. Всему личному составу немедленно эвакуироваться!

Сообщения повторялись, они звучали громче сирены, и Роджерсу показалось, что глаза вылезают из орбит. Вокруг Территории начали сигналить машины. Фары сверкали, как глаза разъяренных животных. Джилмон зажал уши ладонями.

— Ну что, начинаем или будем стоять на месте и трепать языком?

Роджерс кивнул.

— Вперед!

Лейтенант вытащил из мешка белую куртку с двойным ремнем.

— Защита от остаточной радиации, сэр. Наденьте это, — объяснил он, стараясь перекричать шум.

Он достал другую куртку и облачился в нее сам, засунув раздвоенный конец ремня в петлю на спине. Куртка весила, вероятно, фунтов двадцать и казалась достаточно эластичной, несмотря на свинцовые пластины, вшитые в материю.

Роджерс и лейтенант помогли друг другу затя-

нуть ремни.

— Пойдемте, сэр, — сказал лейтенант. Они вместе вытащили бомбу из машины и положили на тележку. Снаряд весил, по меньшей мере, шестьдесят пять фунтов, возможно и семьдесят. — Не стоит осторожничать. Бомба способна выдержать ракетную атаку и океанический взрыв. Если бы мы вдарили по ней кувалдой, то и тогда она бы осталась невредимой.

Роджерс открыл ворота внутреннего ограждения, и они покатили тележку по песку, потом по тропинке, посыпанной гравием — к отверстию в горе. Им предстояло преодолеть сотню ярдов. Лейтенант собственноручно поднял снаряд и положил его на песок. Сирены не смолкали, громкоговорители монотонно повторяли приказ об эвакуации.

Первые проблески рассвета окрасили Гринуотер-Рендж в неестественный алый цвет. Мятущиеся огоньки фар все еще прорывались сквозь мглу, но теперь их стало значительно меньше.

— Похоже, они убираются прочь, — сказал Джилмон.

— Пора эвакуировать лагерь, — решил Роджерс. — Мне нужен лейтенант и еще один

человек.

— Я останусь до тех пор, пока вы не скроетесь в туннеле вместе со «стрелой».

— Мы теперь называем бомбу «обезьянкой», а не «стрелой», — поправил лейтенант.

— Черт с ней! Пусть будет «обезьянкой».

— »Обезьянка» у меня на спине.

Лейтенант вынул из ранца тефлоновый чехол и натянул его на цилиндр, закрепив ремнями и зажимом. Чехол защищал снаряд от острых углов и выступов, за которые тот мог зацепиться. Потом он прикрепил две веревки к болтам, утопленным в верхней части цилиндра.

— Все готово, сэр?

Роджерс кивнул.

— Пойдемте.

Лейтенант отодвинул верхнюю пластинку и установил время.

— В вашем распоряжении сорок минут, сэр, начиная с того момента, когда я щелкну переключателем. Мы останемся здесь еще на пятнадцать минут. А вы помните: после выполнения задачи — скорее в безопасное место.

— Понятно.

Роджерс забрался в отверстие. С петли на поясе свисали веревки. Он достиг первого поворота и

остановился там, собираясь с силами.

— Поднимайте, — крикнул он.

Лейтенант включил таймер, закрыл пластинку и поднял снаряд в дыру. Роджерс двумя руками тянул его вверх по первому участку туннеля.

Потом он вызвал лейтенанта и Джилмона.

— Обогнул первый поворот, — сообщил он. — Начинаю подъем по вертикальному отрезку.

— Тридцать пять минут, полковник, — напомнил лейтенант.

Роджерс взглянул вверх и на секунду задержал дыхание, пытаясь расслышать какие-нибудь звуки. Неужели инопланетяне позволят ему втащить оружие в корабль и не окажут сопротивления?

Он свернул веревки и закрепил их у пояса. Потом подвесил «обезьянку» на тросе, привязанном к мощному крюку, который он вбил в лаву. Роджерс преодолевал подъем так же, как и раньше: дюйм за дюймом, отталкиваясь спиной от одной стенки и ногами от другой. Это заняло у него еще минут пять. Прошло двенадцать минут, а он уже устал, хотя силы еще были.

Скорчившись в низком, почти горизонтальном туннеле, он развязал скользящий узел на веревке, продернутой через крюк, и начал тянуть ее вверх

по проходу так быстро, как только мог. Сквозь плотную ткань рукавов проступили мускулы.

Цилиндр был уже почти у края. Роджерс услышал голос Джилмона, доносившийся снизу:

— Как дела, полковник?

— Почти у цели.

Руки мучительно болели. Противорадиационная куртка натирала кожу под мышками и начинала раздражать Роджерса.

— Мы уходим.

— У вас двадцать пять минут, — добавил лейтенант.

— Ясно.

Он включил электрический фонарь, положил снаряд поперек туннеля и покатил его к краю первой пещеры. На мгновение дав отдых рукам, он перевалился через снаряд, привязал к нему веревки, потом поднял и заковылял утиной походкой в центр «передней». Положил снаряд на пол и открыл верхнюю пластинку — стоило убедиться, что часовой механизм работает. Все идет нормально. Он задвинул пластинку.

Роджерс направил луч фонаря в просторное помещение, находящееся внизу. На его губах промелькнула усмешка. Серые граненые стены бесстрастно отразили свет мириадами тускло

поблескивающих точек.

— Ах, вот вы где, — пробормотал Роджерс.

Двадцать минут. Следовало бы быть внизу, в двух милях от туннеля. Он вытащил нож из кармана брюк, разрезал узел на поясе, снял куртку и отбросил ее в сторону. Роджерс заскользил по горизонтальному туннелю, не обращая внимания, как горят локти и спина. Потом он остановился, чтобы восстановить дыхание и подготовиться к преодолению вертикального отрезка. Повинуясь природной осмотрительности, никогда не позволявшей ему расслабиться даже в хорошо знакомом помещении, он посветил вниз.

Тремя ярдами ниже луч уперся в тупик.

Роджерс, не веря своим глазам, уставился на появившуюся невесть откуда стену.

Казалось, она стояла на этом месте целую вечность — плоская затычка, такая же темная и невыразительная, как все в туннеле.

— Господи Боже мой, — простонал Роджерс.

Восемнадцать минут.

Он еще не успел хорошенько обдумать увиденное, как уже выбрался из горизонтального туннеля и склонился над бомбой. С удивительным проворством он открыл пластинку и уже коснулся переключателя, но замер. На лице вы-

ступил пот, соленые капли щипали глаза.

Выхода нет. Если даже он остановит таймер, выбраться наружу не удастся. Дюжина различных способов спасения панически быстро пронеслась в его голове. Возможно, где-нибудь есть другое отверстие. Возможно, Фантом ожил, возможно, корабль готовится к взлету.

Возможно, с ним — с Роджерсом — заключили сделку.

Обезвредь-ка бомбу, и мы выпустим тебя.

Он отступил назад. Фонарь лежал на полу. Почему пришельцы закрыли выход? Может, они постоянно наблюдали за нами, предвидели все наши действия?

Он прислонился к стене в том месте, где туннель сворачивал в первую пещеру. Шестнадцать минут.

Через пять или шесть минут любая попытка отыскать выход потеряет смысл. Все равно он не сможет отбежать от горы на расстояние достаточное, чтобы не попасть под град шрапнели. Ему не найти места, где можно укрыться от взрыва мощностью три килотонны.

Роджерс медленно покачал головой, стараясь сосредоточиться. А если остановить часовой механизм — тогда туннель откровется? Зуб за зуб.

Откажись от своих намерений, и мы откажемся от своих. Простите, мы просто не поняли друг друга.

Встав на колени рядом с «обезьянкой», Роджерс снова потянулся к переключателю.

Сам видишь, они впервые реагируют на наши действия.

Он задумался, покусывая нижнюю губу. Пальцы то сжимали, то отпускали рычаг.

— Может вы чувствуете опасность? — громко спросил он. — Наверное, мы наконец достучались до вас.

Но от этих слов ему не стало легче.

Роджерс не мог заставить себя щелкнуть переключателем. Ведь ему не удастся снова завести таймер — лейтенант не научил его этому.

Четырнадцать минут.

Первый удар с нашей стороны, и я в ответе за него.

Он сел на пол рядом с «обезьянкой», поднял защитную куртку и набросил ее на колени. В хорошенький переплет я попал!

Кругом стояла абсолютная тишина.

— Если вы слушаете, черт вас подери, ответьте мне! — крикнул он. — Расскажите о себе. — Он хохотнул, и этот звук напугал его больше всего!

Он неожиданно понял, как близок к тому, чтобы выключить таймер. Он сможет снова увидеть жену и ребенка, если нажмет на рычаг; тогда они не получат и не прочтут письмо, которое он оставил для них. Роджерс представил себе лицо оплакивающей его Клари. В груди защемило.

Личико Уильяма, невинная мордашка пятилетнего мальчика.

Что он подумает о себе, если обезвредит бомбу?

В этом случае, на его карьере будет поставлен крест. Ведь он, можно сказать, отступил перед врагом и свел на нет все попытки оказать сопротивление. Другие рисковали положением, не исключено — даже жизнью. Роджерсу не хотелось думать, сколько людей приложили руку к организации взрыва и как они сейчас чувствуют себя: потенциальные предатели, преступники, авантюристы. Те, кто бросил вызов самому президенту. Мятежники, бунтовщики.

— Черт возьми, вы так хорошо знаете нас! — крикнул он в темноту. — Вы вертели нами как хотели и думаете, что мы снова у вас на прицеле.

Никакого ответа.

Тишина подземелья. Тишина вечности.

Двенадцать минут.

Сколько еще раз его рука, вняв мольбам тела, потянется к переключателю и сколько раз что-то помешает ей?

Я не трону переключатель. Выходите и обезвреживайте бомбу сами. Может быть, я не стану стрелять. Может, между нами наконец появилось что-то общее?

Роджерс задыхался. Стиснув пальцы, он старался дышать глубоко и спокойно, заставить сердце биться медленнее. Разве человек, совершивший отчаянно мужественный поступок, считается героем только тогда, когда смотрит на опасность свысока? Или достаточно самого поступка? Если через — он посмотрел на часы — одиннадцать минут он будет валяться на полу, рыдающий, стенающий безумец, способный только на то, чтобы удерживать пальцы подальше от переключателя — то будет ли его имя навечно занесено в список героев? Пустят ли его в усыпальницу великих или велят сначала привести себя в порядок? Эй, умойся! От тебя несет страхом, солдат!

Зачем ему пантеон? Он хотел только Клару и Уильяма. Он хотел получить возможность сказать им еще несколько слов в дополнение к тем, что написал в письме. С глазу на глаз.

— О Господи, позволь мне сохранить хладно-

кровие, — хрипло попросил он.

Молитвенно сложив руки, Роджерс спрятал нос между указательными пальцами и закрыл глаза. Ему было бы, наверно, легче, если бы он взял в собой пистолет.

— Господи, Господи, Господи Иисусе…

Не позволяй мне выключить эту проклятую штуку. Возлюбленный Боже, отведи мою руку. Вдарь по ним, вдарь по ним, прямо по ним. Я знаю, Господи, ты не любишь ввязываться в чужие споры, но я солдат, Господи, и мне приходится этим заниматься. Позаботься о них, Господи, пожалуйста, обо всех нас и помоги нам сохранить нашу жизнь, наш мир. Пусть я не напрасно сделаю это, пожалуйста, Господи.

Девять минут. Он пополз обратно по горизонтальному туннелю и увидел, что «пробка» на месте. Чтобы убедиться в ее прочности и в том, что она не почудилась, Роджерс изо всех сил прыгнул на плоскую серую поверхность, чуть согнув колени. При этом он несколько раз ударился локтями о стены. Очень прочная затычка. Он потоптался. Ничего. Морщась от боли, которую причиняли ему натертые пятки, он собрался с силами и выбрался из колодца в «переднюю».

Он запретил себе подходить к «обезьянке» бли-

же чем на шесть футов.

Другой выход?

Вряд ли.

Зуб за зуб.

— Что вы делаете — изучаете нас? Ставите очередной эксперимент? Мол, выключит или не выключит? — Он подошел к самому краю и направил луч фонаря на блестящие грани зала, похожего на собор.

— Не понимаю, что у вас на уме. Зачем вы пришли сюда? Почему не можете просто уйти и оставить меня и мою семью в покое?

Можно поставить точку: эта замечательная сентиментальная фраза достойна того, чтобы завершить ею жизненный путь. Хватит болтовни, поклялся он. Но не сдержал слово. Лучше нарушить незначительное обещание, если это поможет сохранить верность великой клятве.

— Так отчего бы нам не поговорить? Я не собираюсь выключать таймер. И я не выдам ваших тайн. Поговорите со мной, покажитесь во всей своей красе.

Пять минут.

— Я слышал, что вы летели через вселенную — от звезды к звезде. Вы — часть машины, которая пожирает миры. Так пишут в газетах. Люди

теряются в догадках. Неужели вам не интересно, что бы мы подумали, что бы я подумал, если бы узнал правду? Поговорите со мной! Дайте мне за что-нибудь уцепиться! Какой-либо повод для размышлений. Я не трону переключатель! Бомба взорвется!

А если нет?

Вдруг ему придется провести здесь несколько недель, медленно умирая от жажды, погибнуть напрасно, если инопланетянам удастся обезвредить бомбу? Не обрекут ли они его на голодную смерть, чтобы наказать за покушение.

Три минуты.

— Я мертвец, — сказал Роджерс и понял, что так тому и быть.

Он обречен. Ему не спастись, не уйти от чувства долга, не отречься от убеждений. Эта мысль успокоила его. Он прошел через «переднюю» и сел, болтая ногами над бездной.

— Ну что ж, где свет? — спросил он. — Покажите ваш маленький красный огонек!

Он даже ничего не почувствует. Ничего не услышит, ничего не увидит.

Одна минута.

Замерзшие согреваются снова

А кролики сами прыгают в пасти волков

Господь не покидает нас в несчастье
Я все еще мыслю
Но мне легко и спокойно
Я знаю как ничтожен и нерешителен
Я

В шести милях от Фантома сенатр Джилмон взял бинокль у лейтенанта и внимательно посмотрел на черную глыбу. Сектанты разбрелись по пустыне, большинство — достаточно далеко от Территории, но некоторые все же прятались поблизости за крупными камнями и пепловыми валунами. Сенатор не знал, сколько фанатиков останется целыми и невредимыми.

— Он не выходит, — сообщил лейтенант, снимая наушники радиотелефона. Наблюдатели не видели, чтобы Роджерс покинул туннель.

— Не пойму, что случилось? — заволновался Джилмон. — Он установил… это?

Лучи красного ослепительно яркого света выстрелили из фальшивого пеплового конуса, и пустыня озарилась маленьким солнцем. Огромные черные куски взвились в воздух и, разрываясь на фоне огненного шара, полетели на землю. Они оставляли в небе дымящиеся следы. Шум — скорее зловещий, чем громкий — наступал стеной. А за ним над кустарников, песком

и камнями просвистел ветер, поднимая пыль. Люди с трудом держались на ногах.

Пыль рассеялась мгновенно, и они увидели высокое тонкое облако, похожее на столб, удивительно ядовитого желто-зеленого цвета с вкраплениями алого, розового и красного.

Лейтенант рыдал.

— О, Господи. Он не выбрался. Боже! Какой взрыв!

Сенатор Джилмон, слишком потрясенный, чтобы сказать хоть слово, решил, что плохо понимает происходящее. Но лейтенант понял все, и лицо его блестело от слез.

Осколки камней, стекла и металла падали еще в течение десяти минут. Вся пустыня в радиусе десяти миль от эпицентра взрыва была покрыта ими. Еще дальше разлетелись куски поменьше.

Они сели в машину, переждали град шрапнели, а потом направились в центр дезактивации в Шошоне.

Связь между Подневольными понемному начинала налаживаться. Артур чувствовал, что Сеть с каждым днем работает лучсше. Это и радовало, и печалило: время, отведенное на жизнь рядом с Марти и Франсин, истекало.

Если жена не в состоянии принять то, что

произошло, он вынужден продолжать свое дело один.

Артур не знал, как Франсин отнеслась к его откровенному рассказу. Но однажды он случайно подслушал ее разговор с Марти. В то утро он только что закончил тщательный осмотр их большого автомобиля с багажником и вытирал руки бумажным полотенцем на пороге кухни.

— Папа должен будет очень много работать, — услышал он голос жены сквозь приоткрытую дверь. Артур остановился, комкая полотенце в руках.

— Он уедет? — спросил Марти.

Артур не видел их, но догадался, что Франсин стоит возле мойки и смотрит в середину кухни на мальчика.

— Он занимается очень важными делами, — сказала она, так и не ответив на вопрос сына. Очевидно, не знала, что сказать.

— Он больше не работает на президента. Он сам говорил.

— Правильно.

— Я бы хотел, чтобы он остался дома.

— Я тоже.

— Он что, поедет куда-то без нас?

— Я не понимаю твой вопрос, Марти.

— Он уедет, когда Земля начнет взрываться?

Артур закрыл глаза. Полотенце давно превратилось в его руках в тугой бумажный шарик.

— Он не собирается бросать нас. Он просто… работает.

— Зачем работать, когда все скоро кончится?

— Работать надо. Мы не знаем правды. Кроме того, он работает, чтобы… жизнь продолжалась. — Дрогнувший голос жены заставил Артура смахнуть слезу со щеки.

— Мистер Перкинз утверждает, что мы вряд ли чем-нибудь поможем себе.

— Лучше бы мистер Перкинз занимался с вами математикой, — резко заметила Франсин.

— Папа напугался?

— Надо говорить «испуган».

— Да. Испуган?

— Не больше, чем я.

— А что же он может сделать?

— Пора везти тебя в школу. Где папа?

— Ма-а-а-мма! Он может?

— Он работает вместе с… некоторыми людьми. Они надеются, что у них что-нибудь получится.

— Я расскажу мистеру Перкинзу.

— Не рассказывай ничего мистеру Перкинзу, Марти. Пожалуйста.

Артур потоптался возле двери, стараясь, чтобы жена и сын услышали его шаги, и вошел в кухню. Он бросил то, что осталось от бумажного полотенца, в мусорную корзину под мойкой. Марти смотрел на него широко раскрытыми глазами. Мальчик крепко сжал губы и втянул их внутрь.

— Все готово?

Они кивнули.

— Ты плакал, папа? — спросил Марти.

Артур промолчал, отвернувшись.

— Мы одно целое, правда, любимый? — сказала Франсин.

Она обняла мужа и жестом подозвала Марти. Мальчик уже вышел из того возраста, когда признают нежности, но все же подошел к родителям. Артур встал на колени, одной рукой обнял Франсин за талию, другой притянул к себе сына.

— Так и есть, — проговорил он.

Сведения, которые получал Артур, напоминали короткие стенографические сообщения. Они шли потоком схематических изображений, обрывков разговоров (причем, иногда голоса звучали отчетливо и выразительно, иногда тихо и монотонно, а временами он воспринимал их не слухом, а каким-то другим способом) или воспоминаний. Воспоминания о событиях, очевидцем которых

он не был, просто жили у него в голове и влияли на его планы и действия.

В тот вечер, когда он лежал в постели рядом с Франсин, а дождь снова барабанил по крыше, он знал, что:

Лерман, Маккленнан и Роттерджек встретились с президентом и доложили об уничтожении калифорнийского Фантома. (Роттерджек тоже был Подневольным).

Президент выслушал информацию — говорил, в основном, Роттерджек — и не сказал ни слова, а просто затряс головой и замахал на посетителей руками, прогоняя их.

Он видел:

Советский турист из Самарканда (Артур не понял, женщина это или мужчина) наблюдает, как горят хвойные леса Зеравшанского хребта и как густые белые клубы дыма поднимаются над альпийскими лугами.

Обширные районы Нью-Йорка (Куинз и Бронкс), Чикаго и Нового Орлеана в огне. Пламя никак не удается погасить. Большая часть Токио уничтожена в результате четырех пожаров на прошлой неделе. Горит Пекин.

Лежа с открытыми глазами, не зная, спит ли Франсин, Артур постигал воспоминания, не при-

надлежащие ему, и в этот час принял решение о ближайшем будущем своей семьи.

Куда бы он ни отправился, они будут сопровождать его. Попытка сохранить очаг или найти укрытие не стоит ничего, если их союз распадется. Приблизительно через месяц они заберут Марти из школы и начнут совместное путешествие.

Вскоре, повинуясь неведомым голосам, он поедет в Сиэтл. Оттуда — в Сан-Франциско, вдоль тихоокеанского побережья, выполняя по дороге указания Сети. Судя по всему, ему будет поручено собирать материалы по культуре Земли — документы, музыкальные записи, киноленты. Через некоторое время он получит подробный список. Перечень составлен неизвестными авторами. Кто же выбирает самое необходимое из множества культурных ценностей, имеющихся на планете?

И снова кошмарная мысль:

Нас — Подневольных — просто используют. Никто не собирается спасать нас. Есть только грабители, и мы — их рабы, помогающие обчистить Землю до нитки.

Сколько всего Подневольных?

Десять тысяч.

Круглое число, и оно растет день ото дня.

А на ковчеге найдется место только для двух

тысяч.

Если он среди избранных, решил Артур, а Франсин и Марти нет, то он останется. Он не примет избавления. Не приму? Артур не был уверен, что когда наступит страшный час, он не бросит семью, лишенную шансов на спасение.

Я могу остаться. Я останусь.

— Они разговаривают с тобой? — Франсин повернулась к нему в темноте. Он улыбнулся жене и прижал ее к себе.

— Нет, — сказал он. — Сейчас нет.

— А где пауки?

— В коробке. — Артур спрятал коробку с пауками на верхней полке шкафа. Ни один из пауков не шевельнулся в течение нескольких дней.

— Кто из людей им нужен?

— Понятия не имею.

— Ты помнишь ту ночь, когда Грант, Даниэл и Бекки пришли к нам в гости и позвонил Крис Райли… Рассказывал тебе о Европе?

Он кивнул.

— Я испугалась тогда. Сама не знаю, почему. Я ведь понимала, что Европа очень далеко от нас.

Артур увидел, как кипит Европа: огромные глыбы льда испаряются одна за другой, под всем этим огромный гладкий шар, белый и блестящий,

как парашютный шелк, отталкивает от себя в космос лед и пар…

— Что же в действительности случилось с Европой? — спросила Франсин.

— Думаю… наши друзья… наши… друзья… съели ее, — сказал Артур. — Превратили в новые корабли.

А громадные льдины, посланные навстречу Марсу и Венере? Ни образ, ни воспоминание не ответили на этот вопрос.

— В таком случае, мне не стоило бояться.

— Стоило, — сказал Артур. — Ты не зря испугалась. Ты все предвидела.

Она кивнула.

— Все знала наперед, да? Что-то подсказывало правду. Что же? Психическое состояние?

Она говорила просто для того, чтобы не молчать. Он понимал это и не возражал. Болтовня жены успокаивала.

— Душа женщины, — ответил Артур.

— Чудно.

Он улыбнулся, зарывшись в ее волосы.

— Странно, — продолжала Франсин, — но я все время думаю о тебе, Марти и… своей книге. Гунны, монголы, скифы и индоевропейцы… В книге собраны все эти народы. Я никогда не за-

кончу ее.

— Не будь так уверена.

Но Артуру нелегко было возражать ей.

— Тебе не кажется, что эти машины — как древние племена? Мигрируют, воюют друг с другом, подстегиваемые голодом или поисками новых земель?

— Нет, — ответил Артур. — В Галактике все по-другому. Здесь, на нашей планете, ничего подобного не происходило.

Но если посмотреть с другой точки зрения?

— Тогда зачем они нападают на нас? — спросила Франсин.

— Ты ведь слушала пленку Харри.

— По-моему, я плохо поняла.

— Нет: так же хорошо, как и я, — сказал Артур, сжав ее плечи.

Длинные темные очертания, игла, нацеленная в сердце Европы, в каменное ядро; поля-коллекторы вокруг кипящего льда, всасывающие пар и отделяющие атомы водорода от атомов кислорода. Игла, пронзающая ядро…

И снова сообщение оборвалось…

— Ты уже решил? — нежно спросила Франсин.

— О чем ты?

— Сегодня утром Марти спросил…

— Мне казалось, я определенно дал понять…

— Мне бы хотелось услышать еще раз.

— Да. Я возьму вас с собой, куда бы ни отправился.

— Хорошо.

Наконец Франсин уснула, но Артур не мог сомкнуть глаз. Его не покидало воспоминание — в действительности, воспоминание Лермана — о выражении лица президента.

— Вы верите в Бога?

— Я верю в возмездие.

«Лос-Анджелес электроник таймс», статья в рубрике «Мнения». 10 января 1997 года.

Информация об уничтожении космического объекта в Долине Смерти пронеслась по миру, как ударная волна. Сначала мы впали в эйфорию. Ну, как же: мы атакуем. Но смертоносные пули все еще движутся внутри Земли. Гора в Австралии по-прежнему цела и невредима. Распространяются слухи о русском фантоме. Земля в кольце осады. Точка зрения известного писателя-фантаста, выраженная им во время недавнего

ночного ток-шоу, превратилась в общественно признанную догму. Писатель считает, что эти «пули» являются не чем иным, как сверхплотными капсулами, содержащими нейтронную материю и антиматерию. Эти капсулы, предполагает фантаст, столкнутся в центре Земли и разрушат планету. У нас нет способа проверить версию. Очевидно, однако, что мы почти бессильны, и, как бы иррационально это ни звучало, надежды на спасение тают с каждым днем.

15 января

Уолт Сэмшоу сидел на мостике «Дискаверера» со стороны правого борта с бутербродом в руке. Он смотрел на темно-синие волны, бегущие от носа корабля. Накануне утром они покинули Перл-Харбор и принялись зигзагами пересекать разлом Молокаи, чтобы определить концентрацию кислорода в этом районе.

Вдруг несколько крошек белого хлеба упали из его руки в бесконечное водное пространство. Сейчас зоопланктон обнаружит крошки, подумал Сэмшоу, и полакомится ими. Ничто не пропадает бесследно; эту истину постигаешь, только если воспринимать жизнь с помощью всех органов, созданных природой — так, как это делает Бог. Но Господь не зряч. Он смастерил глаза и раздал их живым существам — он хотел быть объективным в своем взгляде на творение рук своих.

По лестнице поднялся Дэвид Сенд и оперся на перила рядом с Уолтом. Его веки заметно покраснели от бессоницы.

— До Разлома плыть еще двенадцать часов, — сказал он. — Чао собирается сменить капитана.

Сэмшоу кивнул, не переставая жевать.

— Настроение не из лучших, ведь так? — спросил Дэвид.

— По крайней мере, мы работаем, — заметил Сэмшоу, проглотив кусок.

— Фаннинг из радиорубки говорит, что в этих местах курсируют три военных корабля… — Он помахал рукой. — Туда-сюда. Ищут.

— Парламент уже проголосовал за импичмент? — спросил ученый, выпрямляясь. Он свернул пакет от завтрака и засунул его в карман рубашки, из которого торчали ручки и карандаши.

— Я не в курсе.

— Иногда кажется, мы заслужили смерть, потому что чертовски глупы. — Сэмшоу говорил спокойным равнодушным тоном, как будто речь шла о пролетевшей мимо морской птице.

Сенд невесело улыбнулся и покачал головой.

— Ты долго шел к такому грустному выводу?

— Да. В течение шестидесяти с лишним лет я следил за всеми важными событиями, прочитал много книг и встречался с очень разными людьми. Видел много видов глупости. Люди сталкиваются друг с другом каждый день — случайно или намеренно, — высказывают свое мнение, не обладая достаточной информацией… А если

кто-нибудь поймает нас за язык, мы лжем… А! К черту! — Он покачал головой. — Я просто сегодня не в духе.

— Верно. — Сенд откинул со лба выгоревшие на солнце волосы.

— Мы у них в руках, понимаешь? Мы повержены, слабы, и единственное, что нам осталось — это выйти и… — Он поднял брови и облизал губы. — И говорить: «О Боже, вот и все. Мы истекаем кровью». Они точно знают, что с нами делать. Они расставляют ловушки, и мы попадаемся в них. Как будто они изучили глупость уже тысячи лет назад. Может, обнаружили в Галактике миры, где она рождается. И вот они оседлали нас, при этом еще и пинают, и приставили ножи к нашим шеям, как жалким свиньям. — Он взялся за перила и повернулся на каблуках. — Я еще никогда не ощущал себя таким беспомощным.

Сенд наклонил голову.

— Для меня твои слова пока только теория, — сказал он. — Я не верю, что произойдет что-нибудь в этом роде.

— В Монтане уже два дня идет дождь, но там до сих пор не могут справиться с пожаром, — пробормотал Сэмшоу. — А в Центральной Азии горит трава на полумиллионе акров. Они бессильны

перед огнем и там. Пожар в Токио. Мы не только глупы — мы сгорим прежде, чем мир полетит в тартарары. Наши грехи грузом висят на наших плечах.

Фаннинг, двадцатилетний студент последнего курса университета в Беркли, поднялся на мостик. Сунув руки в карманы, он возбужденно передернул плечами.

— Только что расшифровал! Сообщения с военных кораблей! — заявил он. — Они даже не пытаются хранить свои открытия в тайне. Говорят, что где-то здесь подводная лодка. — Фаннинг вытащил руку из кармана и показал вдаль. — Я думаю, одна из самых мощных. Атомная. На гусеничном ходу. Говорят, она ползает по дну.

— Что-нибудь еще? — улыбаясь, спросил Сенд. — Или это секрет?

Фаннинг пожал плечами.

— Может, наша очередная атака. Взорвем еще какой-нибудь важный объект, а не просто гору. Если президент позволит… — Он выразительно поднял палец вверх.

30 января

Эдвард стоял возле мотеля с рестораном под названием «Литтл Америка», рядом со своим трудно заводящимся автомобилем, и разглядывал дымящийся горизонт. Там, на севере, уже пять дней подряд бушевали пожары. Погасить огонь до сих пор не удавалось. Оранжевые и коричневые облака растянулись с востока до запада, солнце на их фоне выглядело апокалиптическим красным языком пламени. Завитки серого дыма ползли над шоссе и мотелем, оставляя за собой хлопья белого пепла. Судя по сообщениям, не было никакого способа пробраться дальше на север; двести тысяч акров Монтаны в огне, а вчера пламя жадно перекинулось в Канаду.

Зайдя в ресторан, он сел за столик и с линейкой в руках изучил карту юго-западного маршрута для автолюбителей, потом сел за руль и пристегнулся.

Холодный северный ветер бодрил, даже запах горящей хвои казался приятным. Эдвард не помнил, чтобы ветер когда-либо так сильно воодушевлял его.

Машина выехала со стоянки и направилась

на запад.

Эдвард надеялся, что Йосемите не успеет исчезнуть с лица Земли до его приезда.

«Скай энд телескоп он-лайн», 4 февраля 1997 года.

Сегодня Венера находится в точке наибольшего сближения с Землей позади Солнца и вне нашей видимости. Также сегодня планету ожидает удар гигантской глыбы льда, оторвавшейся от Европы. Чем это закончится для Венеры, пока неизвестно, но очевидно, что столкновение приведет к грандиозным изменениям сейсмической картины. Не исключены даже глубокие трещины в мантии и нарушения внутренней структуры. На Венере нет воды. Учитывая появление на планете триллионов тонн воды, в которые превратится лед, и возобновленную геологическую активность, можно предположить, что через несколько десятков тысячелетий Венера превратится в Эдем…

19 февраля

— Примерно треть детей уже не учится, — сообщила Франсин, опуская телефонную трубку.

Она предупредила директора школы о том, что Марти уедет с родителями. Артур в это время носил вещи в гараж и складывал их в автомобиль. Пока Франсин разговаривала по телефону, он несколько раз прошел через гостиную с коробками, в которые сложил походное снаряжение и — сам не понимая, зачем — телескоп.

— Неудивительно, — заметил он.

— Звонили Джим и Хилари. Они говорят, что Годж в порядке.

— Но почему мы не можем взять Годжа с собой? — крикнул Марти из гаража.

— Мы уже обсуждали это вчера вечером, — напомнил Артур.

— Он мог бы сидеть у меня на коленях, — предложил Марти, сев на корточки рядом с машиной и перебирая игрушки.

— Он там будет недолго, — успокоил Артур сына. — Вокруг него дети, с которыми он играет, и много добрых людей. Они позаботятся о собаке.

— Да. Но со мной его нет.

На это Артур не мог ответить.

— Я позвонила в клуб автолюбителей, — сказала Франсин, — и спросила, как обстоят дела с движением между Орегоном и Сиэтлом и дальше по побережью. Они говорят, на дорогах немного машин. Странно. Казалось бы, все должны рвануть на природу, или, например, в Диснейлэнд, или в парк.

— Тем лучше для нас, — бросил Артур.

Он переставлял коробки в набитой почти до отказа машине. Марти сидел на полу гаража, продолжая выбирать из груды игрушек наиболее дорогие его сердцу.

— Тяжелая работа, — пожаловался он.

— У тебя неразрешимые проблемы, малыш, — согласился Артур. — Ну, а как мне поступить с книгами?

— Мы что, просто запрем дверь? — спросила Франсин, стоя у двери, ведущей из гаража в дом. Она держала коробку, заполненную дискетами и бумагами — материалами для своей книги.

— Давайте считать, что мы уезжаем в отпуск, — решил Артур. — Будем вести себя не так, как все.

— Удивительно, не правда ли, что люди сидят по домам в эти дни? — Она запихнула коробку в свободный угол багажника.

— Сколько людей понимает, что происходит? — спросил Артур.

— В этом все дело.

— Дети в школе понимают, — сказал Марти. — Они знают, что наша планета скоро погибнет.

— Может быть, — произнес Артур.

И снова попытка разуверить сына причинила ему боль. Наша планета скоро погибнет. Ты знаешь это, и они знают тоже.

— Наверное, люди стремятся быть поближе друг к другу, — предположила Франсин, возвращаясь на кухню. Она вытащила коробку с консервами. — Хотят спрятаться в родных стенах.

— А нам этого не надо? — поинтересовался Марти, отодвигая в сторону груду металлических и пластмассовых роботов и космических кораблей, которым предстояло остаться дома.

— Все, что нам необходимо, это быть вместе, — согласился Артур.

Зайдя в кабинет, он вытащил с верхней полки шкафа деревянную шкатулку, в которой хранил пауков. Шкатулка оказалась необычно легкой. Артур поднял крышку — внутри было пусто. На миг он застыл со шкатулкой в руках. Что-то — он сам не знал, что именно — заставило его улыбнуться. У пауков появилась другая работа.

Он взглянул на часы. Среда. Десять-ноль-ноль.

Пора трогаться.

— Вещи на месте? — спросил он.

Марти бросил взгляд на груду отвергнутых игрушек и схватил коробку из-под сигар «Уайт Аул», в которую он сложил то, что брал с собой. Коробка досталась ему от деда, а тот получил ее от своего отца. Надорванная в нескольких местах и заклеенная скотчем коробка символизировала продолжение рода. Марти дорожил ею, как сокровищем.

— Все готово, — сказал мальчик, забираясь на заднее сиденье. — Мы будем ночевать в мотелях?

— Правильно, — ответил Артур.

— Вы мне позволите покупать игрушки по дороге?

— Не вижу причин отказать.

— А какие-нибудь симпатичные камешки? Если я найду их, конечно?

— Не больше тонны, — предупредила Франсин.

— Булыжник не влезет в машину, — сказал Артур и пошел в дом, чтобы проверить все в последний раз.

Прощай, спальня. Прощай, кабинет. Прощай, кухня. Холодильник, все еще полный продук-

тов. Прощайте, сосновая обшивка стен, высокое крыльцо, двор и дикая слива. Прощайте, гладкие поющие воды реки. Он прошел мимо коврика Годжа на заднем крыльце и почувствовал комок в горле.

— Прощайте, книги, — прошептал он, посмотрев на книжные полки в гостиной.

Артур запер дверь и направился к автомобилю.

24 февраля

Закончив дела в Вашингтоне, Тревор Хикс отправился поездом в Бостон. В дорогу он прихватил только чемодан и компьютер. На станции его встретила темноволосая растерянная женщина средних лет в черной шерстяной юбке и поношенной блузке в цветочек. На старом автомобиле она отвезла Тревора к себе домой в Куинси.

Там Хикс провел три праздных дня. Пятилетний сынишка и семилетняя дочь женщины не спускали с него круглых от любопытства глаз. Семейная жизнь хозяйки расстроилась три года назад, и старый деревянный дом выглядел абсолютно заброшенным — прохудившиеся трубы, осыпающаяся штукатурка, сломанные лестницы. Дети, казалось, были удивлены, что постоялец не делил постель с их матерью. Это наводило на мысль, что женщина не страдала от недостатка мужского общества. Но Хиксу было все равно — он никогда не судил людей слишком строго. Писатель проводил большую часть времени на ветхой кушетке в гостиной, размышляя, а иногда включаясь в работу Сети и участвуя в составлении списка тех, кого надо найти и подготовить к

эвакуации с Земли.

Хиксу не раз доводилось работать рядом с незаурядными личностями — умными, образованными, любящими поспорить, а порой и повздорить, мужчинами и женщинами. Большинство тех, с кем его связала Сеть, полностью соответствовали этой характеристике. К его удивлению, силы, управляющие и поддерживающие работу Сети, не умерили энергию своих подчиненных. Подневольные определяли сначала категории людей, подходящих для контакта и спасения, потом решалась судьба отдельных сообществ, а потом и индивидуумов — и все это время велись горячие дебаты, доходящие до скандалов.

Боссы (или Повелители, или Тайные Наставники, как иногда называли неизвестных организаторов Сети) считали, судя по всему, что люди с широким кругозором смогут лучше других решить некоторые проблемы, связанные со спасением человечества. Хикс порой сомневался в этом.

Пообедав макаронами с сыром за дубовым столом, Хикс распрашивал хозяйку о ее роли как Подневольной.

— Я и сама не знаю, — ответила женщина. — Они нашли меня примерно шесть недель назад.

С тех пор я приняла здесь трех человек, которые провели в доме пару дней, а потом уехали. После было еще несколько жильцов, а теперь вот вы. Может, я эдакая наседка?

Дочка захихикала.

Могли бы выбрать более гостеприимный дом. Но он оставил эту мысль при себе.

— А вы, — спросила она. — Что делаете вы?

— Составляю список.

— Кому отбывать, кому оставаться, да?

Он поколебался, затем кивнул.

— Вообще, мы, в основном, выбираем тех, кто мог бы работать с нами. Осталось очень много дел, и людей не хватает.

— Думаю, что мои дети и я — мы не улетим… — сказала женщина. Она уставилась на стол безжизненным взглядом, потом медленно подняла брови и встала. — Дженни, — попросила она, — давай-ка уберем со стола.

— Куда мы не улетим, мама? — поинтересовался мальчик.

— Помолчи, Джесон, — отрезала Дженни.

— Ну, мама! — настаивал ребенок.

— Никуда! И слушайся свою сестру.

Они делали первые шаги на Земле, подумал Хикс, и повстречали ее. Они не знали, с чего на-

чать. Женщина подозревала, что не подходит, если так можно сказать, что не отвечает требованиям, предъявляемым к будущим мигрантам, но это не помешало ей осознавать пользу и необходимость своей работы.

Если только мы вольны распоряжаться собой.

На этот вопрос Хикс все еще не знал ответа. Он, однако, предпочитал считать, что их воля никому не подконтрольна и что эта женщина просто демонстрирует прекрасные человеческие качества: самоотверженность и бескорыстие.

Два дня спустя она отвезла Хикса в аэропорт и он улетел в Сан-Франциско. Уже в самолете он сообразил, что когда-то слышал имена ее детей. Но не ее имя.

Хикс летел высоко над Землей, над туманным облачным полотном. Он то дремал, то вводил свои размышления в компьютер. Сеть бездействовала, она давала ему передохнуть, освободив от потока голосов и информации. У писателя появилось время подумать и задать себе несколько вопросов. Почему сотрудники службы безопасности аэропорта не заметили пауков? Ответ нашелся довольно быстро. Они, наверно, выползли из его чемоданов возле сканирующих ворот, обогнули их и вернулись в багаж за пределами

радиуса действия сенсора. Или пауки способны влиять на рентгеновское излучение? Сенсорные аппаратуры, созданные людьми, с самого начала этой истории показали себя с наихудшей стороны; если корабли инопланетян приземлились, не будучи обнаруженными, то нет ничего удивительного в том, что маленький паучок обманул службу безопасности аэропорта.

Закрыв глаза, наслаждаясь временной передышкой и возможностью побыть наедине с самим собой, Хикс размышлял над неразгаданными пока проблемами. Потом, повинуясь внезапному желанию, он вставил в компьютер дискету со всеми своими книгаи и выбрал «Звездный дом». Просматривая главу за главой, он пропускал описания событий и героев (ученых, как правило) и останавливался только на собственных научных рассуждениях. Неплохая книга, подумал Хикс, даже сейчас, два года спустя, я перечитываю ее с интересом.

Однако к чувству гордости примешивалась грусть. Книга повествовала о будущем. Но какое будущее ожидало человечество на самом деле? Конечно же, не то, что он изобразил — земляне и инопланетяне вместе идут дорогой открытий и приключений. В каком-то отношении мечта

Хикса теперь казалась до смешного наивной.

Жизнь на Земле нелегка. Борьба за существование жестока. Смешно верить в то, что где-то во Вселенной не действует закон, по которому «выживает сильнейший», или что этот закон будет отвергнут обществом в процессе технического развития…

И все же…

Кто-то вне этой планеты мыслил альтруистически.

Или, может быть, нет?

Альтруизм — это замаскированный эгоизм. Агрессивный эгоизм представляет собой замаскированное стремление к самоистреблению.

Он уже высказывал эту мысль в неопубликованной статье о странах третьего мира. Наиболее развитые нации соблюдают, прежде всего, свои интересы, помогая более слабым народам.

И не исключено, что именно сейчас он видит подтверждение своей теории.

Многие политологи прочитали тогда статью Хикса. Они раскритиковали ее в пух и прах, приведя множество исторических примеров, чтобы доказать несостоятельность идеи писателя. «Чьим интересам служит Советский Союз? — вопрошал один их них. — Советы сильны, как

никогда, но страна постоянно сталкивается с трудностями, управляя народами, которых она поглотила; не справившись с решением этой проблемы, могущественная ныне империя, наверняка погибнет. Вряд ли такое произойдет в ближайшем будущем, — продолжал критик. — Но нациям отпущен недолгий срок — не больше нескольких столетий».

А теперь применим теорию необходимого альтруизма к группам разумных существ, появившихся десятки тысячелетий тому назад. Если только одна из них отправляет в космос машины, пожирающие планеты, а все другие ничего не предпринимают в ответ…

Кто выигрывает?

Очевидно, кто-то создал паукообразных роботов в своих собственных интересах. Но зачем, в таком случае, помогать возможным конкурентам — другим цивилизациям? Почему бы не ограничиться победой над машинами-убийцами?

Сеть не подчинялась Хиксу; ему полагалась только имплантированная чужая память плюс информация, не всегда, к тому же, понятная.

Хикс привык к тому, что стоит заставить пальцы бегать по клавишам компьютера, как тут же в работу включается мозг. И сейчас он открыл

файл и начал печатать. Ему пришлось стереть несколько первых невнятных фраз. Уверен, я близок к тому, чтобы отгадать загадку.

Но как Хикс не старался, он не смог сформулировать смутно зреющую в нем мысль.

Я не знаю, почему они хотят спасти нас.

В те часы, когда Сеть приостанавливала свое успокаивающее и направляющее воздействие, отсутствие ответов на мучавшие его вопросы беспокоило Хикса.

Нить, связывающая Харри Файнмана с прошлым, оборвалась. Время, когда он не чувствовал боли и мог двигаться, казалось нереальным — всего лишь плодом воображения. Он не мог даже представить себе, что когда-то спал с женщиной или съедал большой кусок мяса. В минуты просветления он пытался найти в своем теле следы былого — и ничего не находил. Все ушло; он стал другим человеком. Настоящий Харри Файнман уже умер.

Одурманенный наркотиками, большую часть времени он спал. Часто в смутных видениях перед ним представала жизнь после смерти, но это Харри не занимало. Все, что угодно, даже полное забвение — но не существование на грани смерти.

Итака входила и выходила незаметно, как легкое облачко. Когда действие лекарства заканчивалось и жестокие боли мучали Харри, она сидела рядоа, сцепив зубы и ничего не говоря, пока муж лежал, напрягшись от телесных мук.

За вход и выход приходится платить. Цена билета — страдание.

Харри уже не чувствовал разницу между днем и ночью. Когда сознание возвращалось к нему, иногда лампы горели, иногда нет.

Однажды организму удалось сбалансировать наркотический эффект лекарства, и судьба подарила Харри волшебный час без сна и боли. Он чувствовал себя почти хорошо и постарался не отпускать Итаку. Он говорил, что хотел бы, чтобы она снова вышла замуж — но она восприняла его слова со своим характерным спокойствием. Потом он вспомнил, что уже не раз твердил об этом.

— Зачем беспокоиться? — тихо спросила она. — Наверно, всех ждет скорая гибель.

Харри покачал головой, как бы не соглашаясь с женой, но она посмотрела на него своим обычным взглядом, в котором читалось: «Ну давай, говори» — и он сказал:

— Я бы хотел увидеть светопреставление, если

оно только произойдет!

— Если? — иронично заметила Итака. — Ты — старый пессимист. А теперь в тебе заговорила надежда?

— Беспричинная надежда.

— Что рассказывал Артур?

— Не пытайся ничего скрыть от женщины. — Харри понадобилось мгновение, чтобы припомнить разговор с другом. — Он сказал, что по планете рассыпано множество маленьких паучков.

Итака наклонилась вперед.

— Что?

— Кавалерия на месте, но, возможно, уже поздно.

Итака покачала головой.

— Артур показал мне одного. Крошечный робот. Ими забросали Землю перед ее уничтожением. Хотят сохранить какую-то часть населения. Для размножения, полагаю. Вроде зоологической экспедиции. И они уничтожают машины, которые хотят погубить нас.

— Все это рассказал тебе Артур?

Харри кивнул.

— Я подумал, что Гордон сошел с ума, но он показал паучка. Артур выглядел подавленным,

но, казалось, он считает, что делает нужное дело. Правда, есть опасение, что его разумом управляют, но он говорил, что не против, если это и так, и что он не… — Слабость вернулась к Харри, и несколько минут он лежал с закрытыми глазами. — Он говорит, возможно, они лучше знают, что нужно землянам.

Итака внимательно вгляделась в лицо мужа.

— Я видела одного, — сказала она. — Думаю, да, видела. В саду.

— Что? Паука?

— Блестящего. — Она вытянула ладонь. — Вот такой величины. Он убежал прежде, чем я успела рассмотреть его, но потом — паук сидел на старом дубе — я увидела разрезы на коре, будто следы от ножа. Я решила, что почудилось, или что я ошиблась. Харри, надо ли кому-нибудь рассказать о нем?

— Для чего? — спросил Харри.

Мысли вновь стали путаться, и больше он не произнес ни слова, только продолжал слабо сжимать своей рукой руку Итаки.

Итака позвонила Гордонам на следующий вечер. Трубку никто не поднял. То, что осталось от Харри, умерло в одиннадцать часов утра.

10 марта

Кораблю приходилось преодолевать сильное течение и юго-восточный ветер, дующий со скоростью двенадцать миль в час. «Дискаверер» шел по морю, покрытому зеленоватой, серой и белой пеной. В воздухе постоянно слышался рев — будто кто-то взбивал воду. Высоко в небе плыли облака; они слились в странного вида скрученные ленты, извивающиеся так, словно их засосало в воронку.

Уолт Сэмшоу видел, что пена простирается до горизонта. Он старался сдерживать дыхание. Большая часть команды надела влажные повязки, закрыв рот и нос. Носовое кровотечение стало обычным делом, нежная слизистая не выдерживала сушащего выжигающего действия вещества, которого вокруг было слишком много — кислорода.

— Нельзя оставаться здесь долго, — сказал Сенд, поднявшись к Уолту на мостик.

— Результаты проб готовы? — спросил Сэмшоу.

Сенд кивнул.

— Есть сигналы с военных кораблей?

— Они уже ушли. Мы пытались прослушать

подводную лодку, но поймали только бульканье.

— Скажи капитану, что нам надо убираться отсюда, — велел Сэмшоу. — Может ли кто-нибудь противостоять этому? — Он показал на море.

Сенд покачал головой.

— Сомневаюсь.

— Будто кто-то хочет стереть океан с лица планеты, — заметил Сэмшоу. Он вытащил бутылочку с глазными каплями и откинул голову назад, чтобы закапать лекарство.

Сенд отказался последовать его примеру.

— Жуткое зрелище.

Сэмшоу скорчил гримасу.

— Черт возьми, я словно пьян, и кислород тут ни при чем. Мы присутствуем при конце света, видим, как пришельцы выполняют свой план — по крайней мере, часть плана. Ужасающая, грандиозная картина.

Сенд в недоумении уставился на ученого.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Сэмшоу, помахивая почти пустой бутылочкой из-под капель. — Вели капитану сматывать отсюда удочки.

Спускаясь с мостика, Сенд столкнулся с Чао, первым помощником. Извинившись, он отступил назад. Чао протянул ему листок бумаги с

несколькими наспех нацарапанными словами.

— Из Перл-Харбора и Сан-Франциско.

— Что именно?

— Сообщения о сейсмических аномалиях в Монголии. Не просто землетрясение, а взрыв, возможно, мощностью в десять мегатонн. Не атмосферный взрыв, а подземный или что-то в этом роде.

Сэмшоу взглянул на цифры.

— Они не дураки, — заметил он.

— Ты думаешь, русские взорвали свой Фантом? — спросил Сенд.

— Что же еще? — весело усмехнулся Чао. — А вдруг мы сможем разделаться с врагом? Может, в Австралии тоже… а?

— Откуда им взять бомбу?

— Если бы они захотели… — сказал Сэмшоу.

— Только идиот будет сейчас медлить, — кричал первый помощник. — Парализовать космических ублюдков! Вывести из строя их корабли!

— Слышишь, словно колеса товарного поезда? — Сэмшоу показал рукой вниз, имея в виду океан, и покрутил пальцем, словно расковыривая мантию и ядро Земли. — Поезд мчится, а мы ничего не достигли.

— Если только ученые правы, — добавил Сенд.

— Но все же мы здорово потрепали их! — Чао не хотелось окунать голову в ведро с ледяной водой, не хотелось расставаться с надеждой. Он посмотрел на Сэмшоу, потом кивнул, прощаясь, и вернулся на мостик.

Эдвард Шоу приехал во Фресно и остановился на заправке. Небо на севере очистилось от дыма и стало непривычно насыщенного голубого цвета. В воздухе летал пепел — отголоски пожаров в Советском Союзе и Китае.

Зима неминуемо шла к концу; снег в горах быстро таял.

Огонь обошел Калифорнию стороной — за исключением Сан-Диего, куда пламя перекинулось из Тихуаны. Йосемите также до сих пор не пострадал. Возможно, это объяснялось отсутствием туристов и машин. Радиостанции, покинутые персоналом, бездействовали. Программы новостей, которые Эдвард слышал, звучали пессимистично.

Объект Кемпа-ван Котта с каждым днем все медленнее вращался внутри Земли. И ученые, и простые обыватели поверили в то, что эти две (или больше) «пульки» своим ритмичным ходом отсчитывали последние дни планеты. Сходились на том, что осталось тридцать дней до их встречи

в сердце Земли. Смертный приговор.

Эдвард купил необходимые продукты и несколько коробок пива, потом проехался по городу. Повинуясь внезапному желанию, он остановился возле торгового центра, состоящего из трехэтажных магазинчиков.

— Что, черт возьми, я тут делаю? — спросил он сам себя.

Он долго не выходил из машины и сидел, разглядывая площадь, наполовину забитую автомобилями.

— Ненавижу торговые центры!

Он выбрался из машины и тщательно запер ее. В выцветших джинсах, простой куртке и кроссовках он мог вполне сойти за любого из местных жителей, разгуливающих от витрины к витрине поодиночке, с друзьями или семьей. Все еще не понимая, зачем он здесь, Эдвард уселся на скамейку возле цветочного киоска и стал разглядывать толпу, особенно проходящих мимо мужчин.

Жизнь продолжается? Как всегда? Не совсем.

Лица мужчин — старых и молодых — казались застывшими, даже оцепеневшими. Дети по-прежнему веселились, а женщины по большей части выглядели спокойными или отрешенными. Почему? Ведь женщины, как правило, чувствуют

беду острее, чем мужчины. Так отчего же выражения их лиц столь различны?

Проведя на скамейке целый час, он встал и направился к книжному магазину — единственному месту во всем торговом центре, которое интересовало его. Просматривая книги по туризму, Эдвард отобрал несколько изданий, посвященных Йосемите. Неожиданно возле прилавка поднялась суматоха: румяный плотный человек в белой рубашке и серых брюках ворвался в магазин.

— Эй, слыхали? Вы еще ничего не знаете? — Вбежавший тряс газетой, и его лицо при этом сияло от радости. — Русские разделались с ними! Двух кораблей как не бывало. Остались австралийцы и… Мы победим!

Но никто не разделил его энтузиазма.

Мы проирали и почти уничтожены, подумал Эдвард, вся планета чувствует то же, что когда-то мы чувствовали в Ванденберге. Неужели поможет, если мы слегка потрепем их?

Он купил книги, быстро вышел из магазина и помчался по калифорнийскому шоссе N 41, обгоняя машины. Вдруг он понял, отчего остановился в торговом центре, заскрипел зубами и кивнул головой. Дело не в том, что ему нужны книги,

он просто хотел попрощаться с частью родной культуры.

Надеюсь, подумал он, я успею проститься со всем.

Шоссе привело Эдуарда в парк. Он поехал по извилистой, почти безлюдной дороге. Тени, отбрасываемые соснами, падали на лобовое стекло. Было четыре часа, через полуоткрытое боковое окно проникал прохладный, приятно пахнущий зеленью воздух и солнечные лучи, пробивавшиеся между стволами деревьев. Снег, поблескивая, аккуратными кучками лежал вдоль дороги.

Вавонский туннель заканчивался близ площадки для обозрения, откуда открывался вид на всю долину. Эдвард припарковал автомобиль на небольшой стоянке неподалеку от одиноко стоящей машины. Он начал взбираться наверх, оттягивая долгожданный момент, потом подошел к краю площадки и встал у перил — руки в карманах, на лице глупая улыбка.

Я возвратился в детство.

Эдвард лучше всего запомнил именно это — долина, зеленая от сосен; на западе извивается, как змея, Мерсед, и в ней отражается чистое голубое небо; шумные воды Брайдл-Вейл сверкающей дугой низвергаются с вершины и исчезают в ту-

мане брызг где-то за скалами. Катедрал-Рокс, как монстр, навис гранитной глыбой над водопадом. Слева сереет лицо Эль-Капитана, свысока глядящее на соседей.

Более двадцати лет назад я мечтал облазить эти гранитные скалы вдоль и поперек. Там, внутри, есть места, где еще никто не бывал, огромные пространства, окруженные нерушимыми стенами, безмолвные, неподвижные, застывшие.

А дальше за Эль-Капитаном — Три Брата и Норт-Доум, кажущиеся отсюда обычными нагромождениями камней, покрытыми снегом (но если смотреть на них снизу, они, безусловно, оправдывают свои названия). Почти на одном уровне с белой вершиной Клаудз-Рест и над Катедрал-Рокс красуется величественный Хаф-Доум.

Поднялся холодный ветер и растрепал волосы Эдварда. Я не сплю. Боже, я наконец здесь, и это не сон. Чтобы удостовериться в реальности происходящего, Эдвард постучал ботинком о стойку перил.

Двадцать лет — нет, больше — он мечтал об этом месте. Здесь прошли его лучшие дни, здесь он познал душевный покой. Здесь он чувствовал себя так легко и свободно, как нигде. Сколько раз он возвращался сюда во сне — к этой долине,

этим громадинам. Сновидения напоминали о том, что он потерял.

Напоминали отца, которого он лишился — и который сам лишился сына — и мать, не любившую своего ребенка. Напоминали о впервые испытанном ощущении покоя. О вере в себя, по-детски наивной. А может, он уже тогда все предвидел? Но, впрочем, теперь это не имело значения…

К половине шестого Эдвард перенес все свои вещи от стоянки в Карри-Вилледж к палатке, которую он зарезервировал (и напрасно) три недели назад. Он осмотрел жилище — белую палатку на высоком деревянном настиле, — расположенное в уединенном местечке среди деревьев недалеко от склона Глесьер-Пойнта. Единственная лампочка светила достаточно, если не слишком ярко, и две металлические армейские кровати оказались в хорошем состоянии и вполне удобными.

Он зашагал мимо магазинов, потом — через каменный мостик и вышел на лужайку. Черная птичка с красными крыльями враждебно отнеслась к вторжению. Он улыбнулся и дружелюбно отступил, что не умиротворило птаху. Но это мало беспокоило Эдварда; он знал, что лес принадлежит ему так же, как и ей. Пройдя на середину лужайки, он остановился в высо-

кой траве и осмотрелся. Ему хотелось получше изучить свой новый мир. Он услышал далекое эхо голосов, отраженных от гранитных стен Глесьер-Пойнта, Сентинел-Рока, Ройал-Арчез. У подножия Ройал-Арчез он различал огни отеля в Ауони. На несколько сотен ярдов к западу тянулись светящиеся точки — там находилась Йосемите-Вилледж, там жгли костры, и горели лампы в домах.

Последнюю ночь своего давнего путешествия он провел с родителями в Ауони. Эдвард все еще не решил, переберется ли он туда, когда конец приблизится.

Безграничный покой.

Что сталось бы с людьми, если бы они проводили всю жизнь в окружении таких вот красот? И если бы встречи с подобными себе случались так редко, что каждая превращалась бы в счастливое событие?

Он включил фонарь и направился к палатке, освещая себе дорогу. На гранитном валуне с плоской вершиной, который он обнаружил ниже по склону, Эдвард собрал походную печку, налил воды в котелок и быстро приготовил суп из концентрата, добавив в него лук, сардельку и лапшу.

Потом в одном белом купальном халате, доходящем до колен, он отправился на поиски душевой, прихватив бритвенный прибор. Подлетела сойка и не отставала от него, надеясь, что ей перепадет несколько крошек.

— Кругом темно, — сказал он птичке. — Иди спать. Я уже поел. Где ты была раньше? Сейчас у меня ничего нет.

Но птичка упорствовала, она давно знала, что люди — обманщики.

Душевая — большое, отделанное деревом здание (женская половина налево, мужская направо) — почти пустовала. Дежурный, выдававший мыло и полотенца, дремал на стуле и лишь чуть выпрямился, когда появился Эдвард.

— Занимайте любую кабинку, — предложил он, протягивая Эдварду кусочек мыла и полотенце. — Никакой очереди.

Эдвард улыбнулся.

— Вам, должно быть, скучно.

— Мне чудесно, — ответил дежурный.

— Сколько здесь народу?

— Во всей долине? Возможно, двести или триста человек. В Кемп-Карри не больше тридцати. Абсолютно тихо.

Эдвард принял душ в чистой, словно никогда

до него не использовавшейся, кабинке, потом побрился, стоя перед зеркалом, таким длинным, что в него могли бы смотреться пятнадцать или двадцать человек. Какой-то турист вошел в душевую и жизнерадостно поздоровался с Эдвардом. Геолог добродушно кивнул, чувствуя себя королем, сложил бритвенный прибор и вернулся в палатку.

В восемь часов он ощутил усталость, отложил книгу, выключил лампу и взбил подушки, а потом еще долго лежал без сна, размышляя и прислушиваясь.

Где-то в долине дети распевали песни, их юные голоса громко звучали в темноте, словно голоса маленьких веселых привидений.

Я дома.

Рубен встретил свое девятнадцатилетие пятнадцатого марта в Александрии, штат Вирджиния. Он отметил день рождения пончиком и пакетом молока. Закончив пиршество в булочной, он вышел на улицу и остановился, привлекая к себе подозрительные взгляды. Юноша надел новое пальто и шляпу, но праздно шатающемуся здоровому негру — хотя и вполне прилично одетому — не место в туристском квартале. Однако это мало заботило Рубена; он знал, зачем он здесь.

Демонстративно широким жестом он выбросил пакеты из-под молока и пончика в урну, аккуратно вытер губы косточкой указательного пальца и открыл дверь матово блестящего «крейслер-ле-барона» выпуска 1985 года. Он купил машину в Ричмонде, заплатив наличными, и уже проехал на ней четыреста миль. Прежде ему никогда не приходилось покупать машины, и его не волновало, принадлежит автомобиль ему или нет. Рубен выжимал из мотора все, что мог, и это было здорово.

У него все еще оставались деньги — около десяти тысяч долларов. Он засунул портфель в багажник под запасное колесо.

— О'кей, — пробормотал он, вслушиваясь в ровный гул мотора. — Куда теперь?

Рубен задумался. Теперь приказы поступали от людей, а не от таинственного голоса того, кого Сеть называла Боссом. Рубен даже научился распознавать «подписи» тех, с кем ему случалось входить в контакт, хотя лично он никого еще не видел.

— В Кливленд! — сказал Рубен.

Он вытащил из бардачка несколько карт и наметил маршрут. За последние дни он незаметно вынес сотни книг и компакт-дисков из библиотек

Вашингтона и Ричмонда и купил сотни изданий в книжных магазинах. В Ричмонде он передал добычу трем мужчинам средних лет, не имея понятия, что те собираются с ней делать. Да он и не спрашивал. Ясно одно: Босс интересуется литературой.

С некоторым облегчением — Рубену не нравилось воровать даже ради хорошего дела — он выехал на шоссе.

С каждым днем приближалась весна. Холмы уже вовсю зеленели. Деревья обрастали листьями, которые им не суждено сбросить. Больше не будет ни лета, ни осени.

Рубен покачал головой, размышляя об этом. Руки крепко сжимали руль. Когда он вел машину, Сеть, как правило, не беспокоила его, и потому у Бордза появилось много времени — возможно, чересчур много, — чтобы задавать себе разные вопросы.

Он заправился в Нью-Стентоне и остановился возле ресторанчика. Наспех перекусив гамбургером и небольшой порцией зеленого салата, заплатил по счету. Потом купил открытку, выбрав изображение большого здания, похожего на коровник, испещренное таинственными знаками и символами. Приклеив несколько марок на

открытку, он нацарапал на обратной стороне:

«Папа!
Я все еще работаю — то тут, то там.
Думаю о тебе.
Береги себя.

Рубен»,

— и бросил послание в почтовый ящик, висевший на стене ресторанчика.

К восьми Рубен уже был в Кливленде. Пока он заполнял бумаги в отеле, расположенном возле автобусного парка, за окном посыпал мелкий дождик. Он оставил «крейслер» в гараже. Мысль о том, что нельзя доехать на машине до нужного места, расстраивала его. Кто-то другой подбросит юношу до конечного пункта маршрута.

Всего лишь пара миль отделяла его от озера Эри и именно там — так приказала Сеть — ему следует быть завтра ранним утром.

Стоя в ванной комнате, Рубен внимательно разглядывал себя в зеркале. Он видел здорового парня с жидкой бородкой и сильными правильными чертами лица. Он помахал этому парню — и Сети — и лег в кровать, хотя спать не хотелось.

Рубену стало страшно. Завтра он встретит

других людей, работающих на Сеть — тех, чьи голоса ему доводилось слышать. Не это пугало его. Хотя…

Нечто, скрытое глубоко в озере, ожидает их.

Доверяет ли он Тайным Наставникам?

Что все это значит?

Завтра в шесть часов утра он будет в назначенном месте — чисто выбритый, взбодренный прохладным душем, одетый в новый костюм, который купил в Ричмонде как раз для такого важного случая.

Остановившись под эстакадой, Тревор Хикс вышел из машины и заслонил глаза от слепящих лучей солнца. Он увидел, что Артур Гордон переходит улицу и приветственно машет рукой. Хикс, измотанный долгим сидением за рулем, слабо махнул в ответ. Он так и не привык водить машину по дорогам Соединенных Штатов. Не сумев правильно выбрать маршрут, он, чтобы добраться до портового района Сиэтла, поехал по автостраде с многочисленными развязками, потом в течение десяти минут кружил под мостом, дважды пропустив нужный поворот. Наконец ему удалось припарковаться под длинной металлической лестницей. На противоположной стороне улицы расположились бывшие

складские помещения, ныне превращенные в рестораны, магазины, и новые здания — все обращенные окнами на залив. Морские чайки летали, пронзительно крича, над куском гамбургера, валявшимся на мостовой; они ловко увертывались от проносящихся мимо машин.

Подошел Гордон и неловко пожал Хиксу руку. Хотя им и приходилось общаться через Сеть, они не виделись после встречи в отеле «Фернис-Крик».

— Мои жена и сын отправились в аквариум, — сказал Гордон, показывая куда-то в глубь улицы. — Они задержатся там часа на два.

— Они знают? — спросил Хикс.

— Я рассказал. Куда бы я ни поехал, возьму их с собой. На следующей неделе мы отправляемся в Сан-Франциско.

Хикс кивнул.

— А я остаюсь здесь. Я слышал, что Сеть начинает очень активно работать. — Он скривился. — Если можно назвать этот процесс «слушанием».

— Представляете, в чем будет заключаться работа?

Хикс покачал головой.

— Что-то важное. Это касается и Сан-Франциско.

— Мне тоже так показалось.

— Мне очень жаль вашего друга.

Артур удивленно уставился на него.

— Жаль?

— Мистера Файнмана. О его смерти сообщили вчера утром.

Артур не вспоминал о Харри с тех пор, как покинул Орегон.

— Я не читал газет. Он…

— В понедельник, — подсказал Хикс.

— Боже. Я… Итака, наверное, звонила, а мы уже уехали. — Артур поднял голову. — Я рассказывал ему о Сети.

— И он поверил вам?

— Думаю, да.

— В таком случае, возможно, это помогло ему… Ах, нет. Это было бы просто глупо.

Артур стоял, засунув руки в карманы и чувствуя себя потрясенным, несмотря на то, что, казалось, давно приготовился к уходу друга. Теперь он винил себя за то, что забыл о нем; до отъезда он несколько раз звонил Файнманам, но ему не удалось поговорить с Харри. Артур глубоко вздохнул и жестом предложил подняться по лестнице на рынок. — Я постарался дать ему понять, что не все потеряно. Надеюсь, мой рассказ облегчил его

страдания. Так трудно все предугадать.

Не говоря ни слова, они зашагали по наименее многолюдным проходам рынка и остановились у булочной, чтобы выпить по чашке кофе и отдохнуть.

— Что вам поручено? — спросил Артур, когда они уселись за столиком.

— Я посещал библиотеки, университеты, находил нужных людей… Похоже, они нашли самый эффективный способ использования моих возможностей. Я помогаю отыскивать людей, необходимых Сети — ученых и… кандидатов.

— А я не сделал пока ничего особенного, — сказал Артур. — Вы знаете, кто является… кандидатом… на спасение?

— Не совсем. Имен намного больше, чем мест. Не думаю, что последнее слово за людьми.

— Ужасно, да?

— В некоторой степени.

— Вы слыхали что-нибудь о кораблях инопланетян? То есть, может, Сеть рассказывала что-нибудь?

— Ничего.

— Как вы думаете, мы навредили им, добились чего-то, взорвав их объекты?

Хикс печально улыбнулся.

— Пользы не больше, чем от решений Крокермена.

— Но он… Я полагаю, он не имеет никакого отношения к событиям в Долине Смерти?

— Правильно, — подтвердил Хикс. — Президент ни при чем. К сожалению, горячие головы тоже ничего не выиграли. Конечно, они поддержали нас всех морально… Но никто не верит, что взрывы предотвратят катастрофу. Пульки все еще летают.

— Но тогда — какой цели служат корабли? — спросил Артур.

— Вы однажды ответили на этот вопрос. Чтобы обмануть, запутать нас. Мы ведь сконцентрировали на них все свое внимание.

Артур прищурился.

— Я не предполагал, что мы имеем дело всего лишь с приманками.

Хикс покачал головой.

— Я тоже.

Артур отодвинул булочку — он расхотел есть.

— Они прислали корабли, чтобы обмануть нас? Изучить, словно мы — лабораторные мыши?

— Считаю, что да. А как вы относитесь к такой гипотезе?

Артур покачал головой.

— По-моему, это близко к истине.

— Унизить перед тем, как уничтожить, — добавил Хикс.

— А вы не говорили об этом с людьми, которые работают с вами?

— Нет. Мы занимались другим. Но Босс не давал инструкций относительно фантомов. Сеть молчала о президенте… Вы знаете, что Лерман — один из Подневольных?

Артур кивнул.

— Босс не принимает во внимание наши военные и политические усилия. Это очевидно. — Хикс поднялся, забирая со стола пластмассовый стаканчик и пакет из-под булочки. — Итак, я остаюсь здесь, в Сиэтле, а вы отправляетесь на юг.

Артур продолжал сидеть в оцепенении. Ему давно следовало бы получше разобраться в фактах. Он чувствовал, что разочаровал сам себя — казалось, он еще питает кое-какие иллюзии.

— Мне жаль, что именно я сообщил вам о мистере Файнмане, — сказал Хикс. Артур кивнул.

— Сегодня я должен присоединиться к группе, которая собирается на холме Королевы Анны, — продолжал писатель. — Мы начнем разведку оттуда. — Он протянул Артуру руку. — Наилучшие пожелания вам и вашей семье.

Артур встал и крепко пожал ему руку.

— Прощайте.

Они посмотрели друг на друга. Оба задумались над вопросом, который был слишком очевиден, чтобы его задавать.

«Он избран? А я?

Хикс возвратился к машине. Через несколько минут Артур поднялся и обошел рыбные и овощные ряды.

20 марта

Старая легковушка с техасскими номерами пересекла каменный мост и посигналила Эдварду. Геолог обернулся и увидел, что задняя часть машины залеплена наклейками — даже багажник и нижняя часть стекла. Одна ярко-красная надпись сразу бросалась в глаза: «Выставляй напоказ свои формы, а не оружие, детка!» Выцветшая желтая пластмассовая табличка висела в верхнем углу заднего стекла: «Осторожно! За рулем ребенок!»

— Эй, Эдвард!

— Минелли! — Шоу подошел к окну и наклонился, чтобы обнять Минелли. — Сумасшедший! Твоя машина?

— Купил три недели назад вместе с отделкой. Здорово, правда?

— Ужасно рад тебя видеть.

— А я рад, что меня видят. После того, как мы расстались, пришлось нелегко. Ты ведь ездил в Техас?

— Да, — подтвердил Эдвард. — А ты?

— Я устроил скандал в институте. Они выбросили мои документы, дали пинка под зад и сказали: иди, мол, жалуйся. Я сходил с ума. Купил эту тач-

ку и с тех пор путешествую. Заезжал в Шошоне и останавливался у бакалейного магазина. Так сказать, визит вежливости. Стеллы нет в городе. Она в Лас-Вегасе — консультируется с юристами по поводу минеральных источников. А Бернис на месте и спрашивала о тебе. Я сказал, ты в порядке. Это так?

— Я поживаю отлично. Давай, паркуйся, и погуляем вместе.

— Куда направимся?

— я слышал, альпинисты покоряют Эль-Капитана.

— Надо же! Как в Диснейлэнде.

Минелли поставил машину на обочину; при этом из выхлопной трубы вырвались клубы голубоватого дыма. Прежде чем открыть багажник, Минелли похлопал его по крышке.

— Зачем тратить массу денег на какую-то ерунду, которая понадобится не больше, чем на месяц-другой?

— Похоже, катастрофа может начаться в любом месте. Неизвестно где.

— Я всегда полагался на милосердие чужаков.

— Твой юмор доведет тебя до беды!

Минелли пожал плечами и протянул обе руки к солнцу.

— Ультрафиолетовые лучи! Валяйте, делайте свое гнусное дело. Мне теперь все до лампочки!

Молодые люди прошли две мили по асфальтированной дороге, миновали Трех Братьев, потом свернули на тропинку и, пройдя еще милю, остановились на лужайке возле Эль-Капитана. Они подняли головы и стали всматриваться в древние гранитные стены. Выемка на них напоминала о глыбе, оторвавшейся от скалы в 1990 году.

— Грандиозно. Я не был здесь десять, нет, двенадцать лет, — восхитился Минелли. — А почему ты выбрал этот парк?

— Детские воспоминания. Лучшее место на земле.

Минелли с воодушевлением кивнул.

— Лучшее место для меня там, где я нахожусь в данный момент. Но это, пожалуй, мне нравится больше других. Я не вижу никого наверху. Где они?

Эдвард протянул небольшой полевой бинокль.

— Поищи муравьев, тянущих за собой веревки и мешки, — посоветовал он. — Там, вероятно, пять или шесть скалолазов.

— Боже, — сказал Минелли. — Вон черная точка. Нет — синяя. Такого же цвета, как мой спальник. Один из них?

Эдвард провел воображаемую линию от маленького синего пятнышка на скале.

— Смотри выше.

Он протянул Минелли бинокль. Тот долго искал нужное место и наконец замер — только брови шевелились над окулярами.

— Вижу его! Или ее. Просто висит!

— А выше — еще один, — сказал Эдвард. — Наверно, они в одной связке. С трудом, но можно разглядеть веревки между ними.

— Сколько времени им потребуется, чтобы добраться до вершины?

— Кто-то говорил, что один день. Может, больше. Иногда они ночуют прямо там, повиснув в своих мешках или, если повезет, устроившись на выступе.

Минелли вернул Эдварду бинокль.

— Даже думать об этом страшно.

Эдвард покачал головой.

— Не знаю. Я хотел бы оказаться с ними. Подумай о последнем миге восхождения. Стоять на вершине, видеть все вокруг. Чувствовать себя так, будто построил небоскреб и он принадлежит тебе…

Минелли посмотрел на друга с сомнением.

— Что еще происходит здесь? Парк кажется

безлюдным.

— Так и есть. Сегодня вечером группа людей собирается возле летней сцены в Карри-Вилледж. А завтра там играет оркестр. Лесничим и сторожам нечего делать. Некоторые из них по выходным проводят экскурсии.

— Все сидят дома. Мистер и миссис Мамэнддэд прилипли к экранам телевизорам.

Эдвард кивнул, потом опять поднял бинокль, выискивая альпинистов.

— Ты презираешь их?

— Нет, — тихо сказал Минелли. — Если бы у меня был дом и тот, о ком надо заботится — я имею в виду женщину, — я поступил бы так же. Они не понимают, что происходит. Они слишком невежественны, чтобы осознать правду. Мать сказала мне: «Господь спасет нас. Мы Его дети». Может, Он и спасет. Но если Он не сделает этого, я остаюсь с тобой. Я ни на кого не держу зла и временами все еще преклоняюсь перед творениями старины Вседержителя.

— Наверно, приятно быть невеждой, — заметил Эдвард, опуская бинокль.

Минелли решительно покачал головой.

— Когда наступит конец, я хотел бы сознательно встретить его. Я не хочу поддаться… панике.

Надеюсь сохранить невозмутимость, остаться ученым: сесть и наблюдать. И, может, это лучшее место для зрителей на всей Земле. — Он показал на скалу. — Где-нибудь на вершине.

Так как в палатке Эдварда стояло две кровати, он предложил одну из них Минелли. Однако тот отказался.

— Они даже не берут деньги за наем. Я наводил справки там, в деревне, и ребята сказали: иди и занимай любую, только поддерживай в ней порядок. Что касается меня, хотелось бы, чтобы рядом со мной оказался кто-нибудь противоположного пола, когда начнется заваруха. Как тебе такая перспектива?

— Отличная идея.

— Ну, хорошо. Мы развлекаемся с тобой вдвоем, потом находим двух женщин — умных женщин, конечно, так же хорошо понимающих происходящее, как и мы — и развлекаемся еще немного. У меня с собой много еды, а в местном магазинчике полно пива, вина и замороженных продуктов. Мы весело проведем время.

Когда наступил вечер, они приняли душ и отправились в поселок. Минуя палатки и летние домики, они вышли на лужайку. Немолодая супружеская пара сидела на раскладных стульях

у портативного приемника, из которого доносились едва различимые голоса. Все четверо приветливо кивнули друг другу.

— Собираетесь на встречу? — спросил Эдвард.

Мужчина покачал головой.

— Сегодня нет, — ответил он. — Уж больно хороша ночь.

— Однако, вам не спастись от музыки и шума, — предупредил Минелли.

Мужчина и женщина улыбнулись и добродушно прогнали геологов.

— Скажите нам, если будет что-нибудь интересное.

— Кому это теперь нужно? — заметил Минелли, когда они проходили мимо административного здания и склада.

На долину опустилась прохлада. Облака, зацепившиеся за скалы, обложили вершины Хаф-Доума и Ройал-Арчез. Эдвард застегнул молнию замшевой куртки. Летний театр — скамейки, расставленные полукругом перед приподнятой бревенчатой сценой — был переполнен. Мужчины и женщины всех возрастов нетерпеливо топтались, пока инженеры суетились с аппаратурой. Микрофоны трещали и гудели; со всех сторон эхом возвращались галдеж толпы и элек-

тронный шум настраиваемых динамиков. Эдвард и Минелли отыскали скамейку в некотором отдалении от сцены и сели, наблюдая за другими и, в свою очередь, став объектом наблюдения. Седобородый мужчина, примерно шестидесяти пяти лет, одетый в походную куртку цвета хаки, предложил им банки пива из наполовину опустошенной коробки. Они не стали отказываться и принялись за угощение, чтобы скоротать время.

Высокая женщина средних лет — работник лесничества — поднялась на сцену и встала перед микрофоном, отрегулировав его по своему росту.

— Привет! — начала она и улыбнулась.

Зрители ответили тихим доброжелательным гулом.

— Меня зовут — с некоторыми из вас я уже знакома — Элизабет Роуэл. Тут, в Йосемите, нас всего триста пятнадцать человек, но каждый день прибывает пополнение. Думаю, нам всем ясно, почему мы здесь. Удивляет, что в парке собралось так мало людей. Но, с другой стороны, это понятно. Здесь мой дом, и я собираюсь остаться дома. — Она немного выдвинула нижнюю челюсть и оглядела слушателей. — Это желание каждого, но не так много людей живет в парке круглый год, как я. Тем же, кто покинул свои дома

и пришел к нам, говорю: добро пожаловать! Нам страшно повезло. Похоже, погода будет теплая. Иногда может моросить дождик, но сильных осадков не ожидается. Все маршруты открыты. Еще я хотела сказать, что правила поведения в парке не отменены и мы должны подчиняться им — так, словно ничего необычного не происходит. Если вам понадобится помощь, помните, что здесь работает целый штат лесничих. Полицейские — на своих постах. У нас еще не было неприятностей, и мы надеемся, что обойдется без них. Вы — отличные ребята.

Мужчина у коробки с пивом улыбнулся и поднял свою банку, словно присоединяясь к тосту.

— Теперь я хочу представить вам наших товарищей. Джеки Сендовал. Некоторые уже знают ее. Она согласилась быть ведущей наших встреч сегодня и в последующие дни. Джеки!

Маленькая хрупкая женщина с длинными черными волосами и кукольными чертами лица вышла на сцену. Роуэл опустила для нее микрофон.

— Привет, — поздоровалась она, и снова приветственный гул поднялся над театром. — Мы здесь, чтобы праздновать, не так ли? — Тишина. — Думаю, я права. Мы здесь, чтобы отпразд-

новать тот факт, что мы собрались в Йосемите, вдалеке от городской суеты, и чтобы благословить судьбу. Если предположения специалистов верны, то нам осталось три или четыре недели. За это короткое время мы должны насладиться красотой первозданной природы и подвести итог своей жизни. Много ли людей имеют такую прекрасную возможность оглянуться на свое прошлое? Мы — сообщество. Мы — это не только собравшиеся здесь, но и все люди на Земле. Некоторые остались дома, другие приехали в наш парк, потому что знают, что вся планета — наш дом. Каждый вечер, если вы хотите, если все вы согласны, мы будем встречаться в этом театре под открытым небом, чтобы разделить трапезу, может, чтобы послушать музыку или песни. Мы станем настоящей семьей. Как сказала Элизабет, мы приветствуем всех. Недалеко от Саннисайд я обнаружила лагерь каких-то мошенников. Они никому не причинили вреда, как я знаю, и я приглашаю их тоже. Может, хоть один раз за нашу историю мы сможем по-настоящему объединиться. Сегодня я попросила Мери и Тони Лампедуза спеть для нас. А потом в туристическом центре Йосемите-Вилледж состоятся танцы. Надеюсь, вы придете.

— И напоследок несколько объявлений. Из всех наших книг и видеокассет мы пытаемся создать нечто вроде библиотеки. Приглашаем желающих внести свой вклад. У нас имеется множество книг, посвященных парку. Между прочим, я — библиотекарь и прошу обращаться ко мне, если вы хотите что-нибудь прочитать или подарить.

И кроме того, мы хотим собрать фонотеку. У нас пятьдесят переносных магнитофонов, которые мы обычно используем для записи экскурсионных текстов, и триста музыкальных дисков. Если вы можете пополнить наши фонды — мы будем рады. А теперь — Тони и Мери Лампедуза!

Эдвард сидел, зажав между коленями полупустую банку с пивом и слушал чудесные мелодичные народные песни. Минелли покачал головой и ушел, не дождавшись окончания концерта.

— Увидимся на танцах, — прошептал он Эдварду на ухо.

Любители потанцевать собирались возле открытой веранды в туристическом центре. Из мощной стереосистемы, предоставленной администрацией парка, рвалась музыка, в основном, ром-мелодии восьмидесятых.

Половина собравшихся была без партнера. Многие из тех, кто пришел вдвоем, делали вид,

что они одни, и поэтому кое-где вспыхивали ссоры. Эдвард услышал, как какой-то мужчина говорил жене: «Господи, конечно я люблю тебя, но неужели это имеет значение? Разве мы здесь не затем, чтобы объединиться?» Женщина, готовая заплакать, не соглашалась с мужем.

Минелли не везло. Его невысокий рост, неряшливая внешность, несколько безумная ухмылка не привлекали разборчивых красавиц. Он посмотрел на Эдварда и выразительно пожал плечами, потом показал на друга и протянул кулак с поднятым вверх большим пальцем. Эдвард покачал головой.

Как и следовало ожидать, вокруг царила нервозность. Эдвард стоял в стороне, не испытывая ни малейшего желания подойти к женщине. Ему хотелось только наблюдать и оценивать.

Танцы закончились рано.

— Ничего особенного, — заметил Минелли, пока они добирались в темноте до Кемп-Карри. Друзья, расставшись возле душевой, разошлись по палаткам.

Эдварду не спалось. С фонарем в руке он зашагал по тропе на запад и вскоре уже стоял на деревянном мосту и вслушивался в журчание Мерсед. Вдалеке гремели водопады. Река бурли-

ла вокруг свай моста, то черная, как смола, то сине-серая.

Эдвард посмотрел на небо. Сквозь листву деревьев, прямо над Хаф-Доумом, небо вновь покрыли мерцающие точки — крошечные сине-зеленые и красные вспышки. Заинтригованный Эдвард долго разглядывал небесный свод. Еще не все кончено, подумал он. Похоже, там идет война. Он попытался представить себе боевые действия в космосе, в поясе астероидов, но не смог.

— Жаль, что я так мало понимаю, — пробормотал он. — Хотелось бы, чтобы кто-нибудь объяснил, что происходит.

Вдруг все его тело пронзила острая боль. Он сжал зубы и застучал кулаками по деревянным перилам, бессмысленно крича и топая ногами. Наконец, ослабев, он повалился на деревянный настил и, съежившись, обхватил руками дрожащие ноги. В течение четверти часа он сидел так — привалившись спиной к стойке перил — и плакал, как ребенок, то сжимая, но расжимая кулаки.

Через полчаса Шоу медленно поднялся и не спеша направился в лагерь, освещая путь фонарем. Он осознал, что потерял бесконечно много и навсегда.

Эдвард зашел в палатку и растянулся, не раздеваясь, на кровати. Завтра вечером он уже не станет медлить — он найдет женщину, пригласит ее на танец или предложит пойти к нему и остаться. Он не будет смущаться, забудет о своих принципах и чувстве собственного достоинства.

Больше нет времени на сомнения.

Эдвард не понимал, что происходит, но всем своим существом, как все вокруг, чувствовал приближение конца.

Рубен проснулся в пять часов утра. Открыв глаза, он не сразу сообразил, где находится. Вокруг были обшарпанные стены маленького гостиничного номера. Ночью его мучали тревожные сны, он беспокойно ворочался с боку на бок, и потому одеяло и простыни почти сползли с узкой кровати.

Сев на край кровати, он надел спортивные труса (отец всегда называл их жокейскими подштанниками), футболку и брюки. Потом раздвинул занавески и встал возле узкого окна, глядя на город, освещенный первыми лучами солнца. Серые здания из кирпича и камня, казавшиеся в предрассветных сумерках еще темнее, оранжевые уличные фонари, отбрасывающие пятна света на мокрый асфальт, одинокая старая

«тойота», проехавшая под окном и завернувшая за магазин с пустой витриной.

Рубен принял душ, надел новый костюм и в половине шестого вышел из отеля. Он с минуту постоял возле голой витрины магазина, дрожа от утреннего холодка и вслушиваясь в голос Сети, дававшей последние инструкции. «Тойота» снова проехала по улице и остановилась у края тротуара перед Рубеном. За рулем сидел молодой человек всего несколькими годами старше него, в комбинезоне и бейсбольной кепке.

— Подвезти? — спросил он, наклоняясь, чтобы открыть дверцу, у Бордза. Из салона машины вырвалась струя теплого воздуха. — Тебе надо на место сбора экскурсии, организованной бюро «Толанд-Бразерз». Ты второй, кого я подбрасываю туда сегодня.

Рубен скользнул на сиденье и улыбнулся водителю.

— Слишком ранний час, чтобы крутить баранку, — сказал он. — Молодчина!

— Все ради доброго дела.

Молодой человек бросил взгляд на Рубена и, казалось, удивился тому, что пассажир — чернокожий.

— Меня предупреждали, — пробурчал он.

Машина поехала по Восьмой Ист-стрит в сторону городского пирса. Там водитель высадил Рубена и уехал прочь, не сказав ни слова.

Первые робкие лучи солнца постепенно набирали силу. Рубен прошел по пирсу и приблизился к тяжелой металлической перегородке и воротам, над которыми висела огромная вывеска; «ТОЛАНД-БРАЗ». Плотный седоватый человек — меньше семидесяти, но явно больше шестидесяти лет — стоял за воротами с фонарем в руке и сжимал в зубах сигарету. Он заметил Рубена, но не сдвинулся с места, пока юноша не приблизился ярда на два. Потом сделал несколько шагов вперед и посветил Рубену в лицо.

— Чем могу быть полезен? — резко спросил он. Сигарета намокла и погасла.

— Я дожидаюсь утренней экскурсии.

— Экскурсии? Куда?

Рубен протянул руку и неопределенно показал в сторону озера Эри. Мужчина, светя фонарем, осмотрел его с ног до головы, потом крикнул:

— Донован!

Из темноты выступил Донован. Низкорослый, чисто выбритый, в костюме кремового цвета, он выглядел не моложе, но бодрее своего напарника.

Донован бросил быстрый взгляд на Рубена.

— Сеть? — спросил он.

— Да, сэр.

— Впусти его, Микки.

— Чертовы идиоты, — проворчал Микки. — Вода все еще покрыта льдом. Заставляют нас выходить на озеро, а сезон-то еще не начался.

Он склонил голову на плечо и пригнулся к замку, висящему на воротах. Потом снял цепочку, которая при этом издала звук, похожий на пулеметную очередь. Затем толкнул ворота и махнул Рубену красной мозолистой рукой, приглашая войти.

Примерно в середине пирса, поблизости от рыбного ресторана, стоял двухпалубный экскурсионный корабль «Джералд Фицэдмунд». Из кормовых труб, расположенных прямо над ватерлинией, шел пар: сдвоенные моторы усиленно работали. Лодка, рассчитанная на двести-триста пассажиров, в этот ранний час почти пустовала. Донован, шагая впереди Рубенас, подвел его к сходням и сказал:

— Мы будем плыть по озеру в течение часа или двух. Нам велено оставить троих из вас там. Где именно «там», не знаю, но выполню инструкцию. Сегодня очень холодно. Слишком холодно для

круизов, должен заметить.

— А что мы будем делать «там»? — спросил Рубен.

Донован удивленно посмотрел на него.

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Господи! Я предполагаю… — Это прозвучало очень официально. — Я предполагаю, что вы все-таки что-нибудь выясните перед тем, как мы отправим вас за борт. Или же окочуритесь от холода.

— Я надеюсь, так и случится, — сказал Рубен, неуверенно качая головой. — Я имею в виду выяснение.

Пока еще я цел и невредим.

Бордз прошел на нос корабля и присоединился к мальчику, выглядевшему на четыре-пять лет моложе него, и хорошо одетой тридцатилетней негритянке. Сильный порыв ледяного ветра пронесся над палубой, и пряди волос упали женщине на лицо. Она посмотрела на Рубена, потом отвернулась, не сказав ни слова. Мальчик кивнул Рубену, и они обменялись рукопожатием.

— Меня зовут Ян, — представился подросток, стуча зубами от холода.

— Рубен Бордз. Вы оба работаете на Сеть?

Мальчик кивнул. Женщина выдавила слабую улыбку, но не повернулась, не желая отрываться от панорамы озера.

— Я Подневольный, — заявил Ян. — Ты, должно быть, тоже.

— Конечно, — согласился Бордз.

— Они заставляют тебя работать на них?

— Да. Они и сейчас заставляют меня быть здесь.

— И меня тоже. Я немного боюсь. Никто не понимает, чего от нас хотят.

— Они позаботятся о нас, — сказала женщина.

— Как вас зовут, мэм? — спросил Рубен.

— Какое вам дело? У меня нет приказа симпатизировать вам. Я просто должна находиться здесь.

Ян подмигнул Рубену и поднял бровь. Рубен кивнул.

Донован и Микки поднялись в рубку на верхней палубе. У руля уже стоял человек в темно-синей форме. Не дожидаясь больше никого, экскурсионный корабль отошел от причала и поплыл по гладким, по-утреннему спокойным водам озера. Крупные куски льда скользили мимо судна.

— Нам лучше зайти внутрь, иначе мы замерзнем, мэм, — предложил Рубен. Негритянка кивнула и последовала за ним в крытый салон

для пассажиров.

Через пятнадцать минут после отправления к ним спустился Микки с картонной коробкой и термосом.

— Кафетерий закрыт, — объяснил он. — Но мы захватили кое-что с собой, чтоб подкрепиться. — Он вытащил из коробки пирожки и три пластмассовые чашки.

— Благослови вас Господь, — сказала женщина, усаживаясь на скамью из стекловолокна. Ян взял два пирожка, Рубен тоже долго не раздумывал. Микки разлил по чашкам дымящийся кофе.

— Донован сказал, что никто из вас не знает, куда плыть, — проговорил он, закрывая термос.

Рубен покачал головой и стряхнул сахарную пудру с пирожка в кофе.

— Что же нам делать, если ничего, кроме воды, мы так и не увидим? Утопить вас?

— Мы обязательно что-нибудь да увидим, — заявила женщина.

— Не сомневаюсь. Просто мне противно смотреть на то, что происходит. Все летит к черту. Хорошо еще, что сезон не начался — нет туристов. Президент совсем сбрендил, да и весь мир тоже.

— Вы Подневольный? — спросил Ян.

Микки покачал головой.

— Нет, слава Богу. А Донован — тот влип. Он рассказал мне все и показал паука. Эта чертова штуковина не укусила меня. Кому я нужен? Я хотел позвонить в газету, но кто бы мне поверил? Кого сейчас волнует хоть что-нибудь? Мы с Донованом плаваем по озерам уже тридцать лет. Сначала рыбачили, потом возили веселые компании — то есть туристов. Это я придумал имя для корабля. Хотелось пошутить.

Никто не засмеялся, и потому он прочистил горло и продолжал:

— Я объясняю экскурсантам: «Обломки Эдмунда Фицджеральда». Помните эту песню? О затонувшем танкере. Огромная волна сломала киль, и судно ушло под воду. Но зачем я рассказываю это им? Бездельники, они ничего не знают об озерах. Называют их лужами. Но на самом деле это не озера, а океаны. Океаны, окруженные сушей. Там, на дне, могут скрываться целые города, все, что угодно… — Он замолчал, чтобы добиться большего эффекта, и поднял тонкую бровь. — Так я думал и думаю. Хотя к чему вам знать мои мысли? Я просто принимаю то, что случилось с вами и с Донованом. Если чертов паук не кусает меня, я все равно помогу: Донован — мой партнер. Но я ведь имею право ругать его и все такое.

Он подхватил опустевшую коробку и термос и ушел, передергивая плечами. Женщина аккуратно съела пирожок. Она сидела, облокотившись на спинку скамьи, и глядела ему вслед.

— Ну так что же вы оба делали? — спросила она неожиданно дружелюбно и фамильярно.

Ян подсел к ней поближе и поставил чашку на согнутое колено, чтобы не пролить кофе.

— Я грабил библиотеки в Кливленде, — сказал он. — А вы?

— В кейс-Уэстерне, — ответила негритянка. — Я и со мной еще шестеро. Двое ввезли тележку в центр по сбору данных библиотеки и взяли все, что можно.

— А я посылал пленки из Библиотеки Конгресса одному парню в Вирджинию, — сказал Рубен. — И еще кое-что. Я завербовал Тревора Хикса! — Ни Ян, ни женщина не знали, о ком говорит Рубен. — А вы встречали кого-нибудь… Не боссов, а ниже… То есть, людей, голоса которых мы слышали?

— Встречала, — сообщила женщина. — Мой муж — один из них. Мы жили врозь, собирались развестись, а потом оказалось, что оба мы Подневольные. Пришлось работать вместе с ним, выполнять его приказы. Так продолжалось два месяца. Он служит в государственном департа-

менте.

Кливленд оставался далеко на юге и вскоре пропал из виду. Вокруг не было ничего, кроме тумана, местами покрытого льдом, и быстро рассеивающегося тумана. Корабль плыл уже около часа.

— Как вы думаете, есть ли кто-нибудь, владеющий полной информацией? — спросил Ян. — Какой-нибудь человек?

— Если и есть, я таких не встречал, — ответил Рубен.

— Мой муж отдает приказы, но он не в курсе.

Ян слизал крошки и пудру с пальцев.

— Надеюсь, здесь можно умыться, — заметил он и вышел.

Мотор корабля шумел так, словно в трюме сидел великан и полоскал горло. Началась качка, и Рубена затошнило. Я пожалею, что съел пирожок, подумал он.

— Ну вот! — крикнул Донован из рулевой рубки. — Нам положено приплыть именно на это место. Кто-нибудь получил сигнал?

— Я — нет, — сказала женщина, вставая и отряхивая крошки с пальто.

— Боже! — отчаянно завопил громкоговоритель голосом Донована.

Корабль сделал несколько кругов, и вдруг Ян выкрикнул:

— Оно вылезает!

Мальчик стоял на верхней палубе, перегнувшись через перила. Рукой он указывал на восток. Рубен и негритянка побежали на нос корабля и посмотрели в ту сторону. Огромная глыба размерами и формой напоминающая трейлер, вырастала из воды. Лоцман дал полный газ и подплыл ближе к таинственному предмету.

— Что это? — спросил Ян. — Подводная лодка?

— Не знаю, — ответил Рубен, чуть не рассмеявшись. Он был возбужден и более испуган, чем когда-либо. Лицо женщины оставалось бесстрастным, но широко раскрытые глаза и остекленевший взгляд говорили сами за себя.

Теперь только несколько ярдов отделяли корабль от серой махины. Волны, выбегавшие из-под носа, ударялись о глыбу.

В гладкой стене громадины на уровне корабельного фальшборта зияло отверстие, над ним темнела откинутая квадратная крышка люка высотой в рост человека.

— Лифт, — объяснила женщина. — Нет, лестница. Надо спуститься внутрь. Ты, я и он. — Она показала на Рубена и Яна. — Больше никто.

— Знаю, — сказал Рубен.

По крайней мере, оно не трясется.

Донован стоял возле сходней и, когда лоцман подвел корабль как можно ближе к глыбе, толкнул их вперед. Микки приладил к сходням еще один трап, покороче первого, и перебросил его к отверстию. Теперь можно спокойно переходить. Первой на трап ступила женщина, горящая от нетерпения, подгоняемая ветром. Она крепко держалась за поручень, закрепленный только с одной стороны. За ней — Рубен и наконец Ян.

Она уже спускалась по винтовой лестнице внутрь глыбы, когда Рубен сошел с трапа и остановился у люка. Он всматривался вниз. Мальчик встал позади него.

— Оно? — спросил Ян.

— Оно!

— Тогда лучше пойдем.

Они последовали за негритянкой. Тихонько жужжа, крышка захлопнулась за ними.

Пол накренился, сквозь щели между панелями и кафелем проникал дым, пространство заполнилось паром и каменной крошкой; стены рушились. Он почувствовал, что поднимается вверх, и закричал…

Сидя на кровати, Артур с недоумением рас-

сматривал незнакомую комнату. Марти стоял на четвереньках на соседней кровати и истерично рыдал.

Франсин обняла Артура.

— Ничего не случилось, — уговаривала она. — Ничего страшного. — Она уложила мужа и выскользнула из-под одеяла, чтобы успокоить сына. — Папе приснился страшный сон, — объяснила Франсин. — Он в порядке.

— Это было здесь, в этой комнате, — прохрипел Артур. — Я чувствовал. О, Боже.

Марти затих. Франсин легла в постель рядом с мужем.

— А ты надеялся, что они помогут тебе хотя бы избежать кошмаров? — спросила она горько.

— Жаль, что надежда не оправдалась, — сказал Артур. — Я мог бы…

— Тшшшш, — проговорила Франсин, нежно обнимая его. Она дрожала. — Достаточно того, что нам предстоит пережить. Зачем же видеть это во сне?

— А тебе виделось что-нибудь подобное?

Она покачала головой.

— Но скоро будет. Я знаю, что будет. У каждого. И чем ближе к катастрофе, тем чаще. — Она дрожала все сильнее и сильнее, стуча зубами. Артур

одной рукой гладил ее лицо, а другой прижал жену к себе, но не мог ее успокоить. Она беззвучно рыдала, содрогаясь всем телом. Франсин так старалась не издать ни звука и не испугать сына, что мышцы шеи свело судорогой.

— Мы, мммы, мммы погибнем, — хрипло бормотала она.

— Шшшшш, — сказал он. — Шшшшш. Ведь сон приснился мне, а не тебе.

— Мммы погибнем, — повторяла она. — Я ххочч-у кричать. Мне надо крикнуть, Арт.

Она посмотрела на Марти. Мальчик все еще не спал; он слушал и наблюдал за ними.

— Мама в порядке? — спросил он.

Артур не ответил.

— Мамочка! — позвал Марти.

— Все хорошо, дорогой. — Дрожь Франсин не унималась.

— Твоя мама просто боится.

— Прекрати, — потребовала жена.

— Мы все очень боимся.

— Сейчас Земля взорвется, да? — спросил мальчик.

— Нет, но мы волнуемся, и поэтому я вижу кошмарные сны, а мама дрожит.

Франсин закрыла глаза, переполненная мате-

ринским состраданием.

— Все боятся, — пролепетал Марти. — Не только я. Все.

— Это так, — согласился Артур.

Он осторожно выпустил Франсин из объятий. Она хмурила брови, не открывая глаз, и, перестав трястись, лишь только изредка вздрагивала. Марти перебрался в их постель и обвил Франсин руками, улегшись щекой на ее плечо.

— Все нормально, мама, — сказал он.

— Бояться — нормально, — проговорил Артур, ни к кому не обращаясь. Он уставился на обои в цветочек, освещенные маленькой ночной лампочкой, указывающей путь в ванную комнату.

Они находились в гостинице, предоставляющей своим обитателям комнату и завтрак, в нескольких милях к югу от Портленда.

Сеть молчала.

Она уже передала приказания и инструкции.

Я мог бы надеяться на сочувствие.

Но этого Сеть ему не предложила.

«Нью-Сайентист», 25 марта 1997 года.

…Появление из-за солнечного диска Венеры — планеты, абсолютно изменившей свой облик — дало космогеологам све-

жую пищу для размышлений. Ожидалось, что столкновение с ледяной глыбой диаметром двести километров вызовет грандиозные сейсмические явления, но, судя по всему, ничего подобного не произошло. Некоторые ученые — те, кто связывает столкновение с событиями на Земле — предполагают, что глыба была искусственно расколота на множество меньших по размерам частей, чтобы более равномерно распределить силу удара по второй планете Солнечной системы.

Теперь перед нами предстает голая поверхность Венеры, а ее атмосфера превращена в оболочку, состоящую из прозрачного раскаленного пара. Характерные особенности поверхности, видимо, не многим отличаются от тех, что мы смогли выявить в результате исследований, проведенных при помощи радарного сканирования.

Планетолог Урия Хайсинк из Геттингенского университета полагает, что атмосфере Венеры искусственно придана способность преобразовывать тепло, вследствие чего температура снижает-

ся. Рано или поздно пар сконденсируется, и светонепроницаемые белые облака, которые появятся вокруг планеты в результате этого процесса, начнут не столько поглощать, сколько отражать солнечное тепло. Охлаждение активизируется; возможно, выпадут осадки и, в свою очередь, вновь превратятся в пар. Этот пар сгустится в верхних слоях атмосферы, преграждая путь теплу. Через несколько веков на Венере будут преобладать климатические и атмосферные условия, сходные с земными.

Lacrimosa dies Ma!

Над долиной нависли облака дыма; с востока подступал огонь; горели Айдахо, Аризона, Юта. Сквозь пелену пробивались оранжевые лучи солнца; Йосемите погрузился в подсвеченный туман, навевающий мысли об Апокалипсисе.

Эдвард, идя мимо магазина, увидел Минелли. Тот сидел в машине, оставив переднюю дверцу открытой, и слушал радио. При этом он закинул ногу на ногу и прутиком счищал грязь с подошвы ботинка.

— Что говорят? — спросил Эдвард, легонько

постучав палкой по бамперу.

— Пока огонь далеко от нас, — сообщил Минелли. — Пожары распространяются на юг, а не на север. На востоке тоже горит — где-то в трехстах или четырехстал милях отсюда.

— Что еще?

— Скорость пулек упала ниже микросейсмического фона. Теперь их невозможно услышать. — Он сломал прутик и бросил его на асфальт. — Иногда хочется работать, правда? Держать руку на пульсе больного.

— Не совсем так, — ответил Эдвард. — Гулял сегодня?

— Да. В пять утра побродил немного. Приятно вставать в темноте. Восход — потрясающее зрелище. Мои привычки меняются день ото дня. Я успокоился. Смешно, правда?

— Отрицание, гнев, апатия… смирение, — перечислил Эдвард. — Четыре стадии.

— Я ни с чем не смирился, — заявил Минелли. — Просто спокойно отношусь к тому, что должно случиться. Куда направляешься?

— К водопадам. Никогда не бывал там.

Минелли кивнул.

— Знаешь, я отыскал место, где хотел бы находиться, когда грянет катастрофа. — Он указал

пальцем в сторону Глесьер-Пойнта. — Оттуда видно все; отличный обзор. Я поднимусь и разобью лагерь. Проведу там неделю или около того, чтобы подготовиться.

— А если повезет и подвернется какая-нибудь сердобольная дамочка?

— Возьму ее с собой, но я не надеюсь. — Минелли почесал бороду и холодно усмехнулся. — Я парень второго сорта.

Эдвард взглянул на наклейку на боковом стекле: «Рожденный служить Сатане».

— Изыди» — бросил он через плечо и двинулся на восток.

— Я католик. Мне все равно, что ты скажешь.

— А я англиканец.

— Когда вернешься?

— К началу встречи, в пять часов.

Эдвард шагал по головокружительно извилистой Мьюир-Трейл, останавливаясь на смотровых площадках и подолгу глядя сверху на ущелье, наполненное ревущей, белой от пены водой. К одиннадцати часам он уже преодолел половину пути. Запах мха, водяных брызг и сырого перегноя опьянял его. Водопад Вернел-Фолл грохотал слева внизу. Легкие облака пропитали одежду влагой и каплями остались на лице и руках. Он поежил-

ся от холода, но не стал надевать штормовку, боясь потерять ощущение полного единства с природой.

В мокрых камнях отражалось небо, отчего они казались оранжево-коричневыми. Подул ветер, принеся тучу брызг, и Эдварду почудилось, что он парит в мглистой пустоте, теплом янтарном тумане, скрывшем от глаз покрытые мхом гранитные стены.

— »Мне вечность встретилась в горах», — процитировал он и, не зная всего стихотворения, перешел к последней строчке: — «И в сердце поселился страх…»

На вершине Вернел-Фолла он остановился, потом прошелся по широкой площадке из белого гранита, держась одной рукой за металлические перильца. Наконец он выбрал место поближе к серебристому водному потоку, отвесно падающему вниз. Отсюда он мог внимать шуму и мощи водопада; брызги особенно не донимали его. Здесь он чувствовал себя в абсолютном уединении, хотя жизнь грохотала близко. Хорошо бы, подумал Эдвард, броситься в середину потока и низвергаться вместе с ним, в холодных зеленых и белых водах, меж брызг и пузырей, и глядеть оттуда на землю и небо, искаженные прозрачной,

почти стеклянной гладью вертикальных струй! Жить, как водяной дух, обладать магической способностью удерживаться в смертоносных волнах водопада.

Эдвард посмотрел на Либерти-Кеп и вновь вспомнил о недоступных пещерах под сводами скал. Отчего так неудержимо влечет именно то, что скрыто от глаз?

Он нахмурился, пытаясь сосредоточиться на мыслях, мелькавших в голове. Живые существа видят только то, что на поверхности. Они не могут существовать в глубине Земли, в ее тверди. На поверхности жизнь приобретает черты реального. Смерть — огромное неизведанное пространство. Смерть рождается в недосягаемых пределах. «Смерть» и «твердь» — звучит очень похоже…

Этим утром Эдвард встретил на тропе только трех человек — один спускался, двое других шли позади геолога. Наверху он увидел четвертого — молодую высокую блондинку в бурой штормовке и темно-голубых шортах. Она стояла с большим, тяжелым с виду рюкзаком на спине на противоположной стороне площадки. Перед ней открывался вид на Эмералд-Лейк — озеро, в котором собиралась вода, упавшая с шестисот-

метрового водопада Невада-Фолл, и запасалась силами, чтобы излиться другим, менее высоким Вернел-Фолл. Должно быть, женщина провела здесь в палатке ночь или утром пришла через долину.

Женщина обернулась, и Эдвард увидел, что она потрясающе хороша собой. Длинное лицо скандинавского типа, правильной формы нос, ясные голубые глаза и губы — чувственные и недовольно нахмуренные. Эдвард быстро отвел взгляд, отлично осознавая, что он ей не пара. Он уже давно понял, что такие красотки не обращают внимания на подобных ему мужчин, которые выглядят не особенно мужественно и занимают не слишком высокую ступень на социальной лестнице.

Тем не менее, складывалось впечатление, что она одинока.

В душе Эдварда звучала чистая пронзительная мелодия, зарождавшаяся всегда, когда ему доводилось встретить желанную, но недоступную женщину, когда он испытывал не страсть, а почти религиозное томление. Сейчас он сопротивлялся этому чувству; ему не хотелось, чтобы кто-то мешал боготворить природу, Землю; было жаль растрачивать восторги на женщину, которой он,

скорее всего, не мог обладать. От женщины или женщин, о которых Эдвард мечтал накануне, он ожидал другого: они обязаны быть надежными и терпимыми, но не должны причинять страданий. Вежливо улыбнувшись и кивнув, он быстро прошел мимо незнакомки и продолжил прогулку.

За Эмералд-Лейк он отыскал каменную площадку с гранитным выступом под деревьями, служившим скамейкой. Он остановился, вытащил из рюкзака несколько сэндвичей с сыром и сушеные фрукты. Все это напомнило ему завтраки, приготовленные матерью, когда они путешествовали здесь все вместе. Устроившись лицом к белому перистому водопаду Невада-Фолл, находящемуся в нескольких сотнях ярдов, он откусил кусочек сушеного абрикоса и заварил на переносной плитке чай.

Кто-то приблизился сзади легкими, почти неслышными шагами.

— Прошу прощения.

Он резко обернулся и увидел все ту же блондинку. Она улыбнулась. В ней было не меньше шести футов росту.

— Да? — выговорил Эдвард, проглатывая недожеванный кусок.

— Ты не видел здесь мужчину — чуть выше

меня, с черной окладистой бородой и в красной штормовке? — Она подняла руку над головой, показывая рост нужного ей человека.

Эдвард не видел никого, кто соответствовал бы описанию, но встревоженный вид девушки подсказывал, что нельзя отвечать сразу. Он притворился, что пытается вспомнить, потом сказал:

— Нет, не думаю. Сегодня здесь не так много людей.

— Я жду его уже второй день, — вздохнула она. — Мы договорились встретиться возле Эмеральд-Лейк.

— Сожалею.

— А ты не видел никого похожего в долине? Ты ведь оттуда, да?

— Да. Но я не помню никого с черной бородой и в красной штормовке. Вообще никого с черной бородой!

— Понятно. — Она покачала головой и повернулась. Потом бросила через плечо: — Спасибо.

— Не за что. Может, хочешь перекусить? Чай, фрукты?

— Нет, спасибо. Я ела. У меня еды хватит на двоих.

Эдвард наблюдал за ней со смущенной улыб-

кой. Она, казалось, не знала, что делать дальше. В глубине души он хотел, чтобы девушка ушла; влечение ранило его.

— Я говорю о своем муже, — объяснила она, уставясь на Либерти-Кеп и чуть прищурясь от слепящей дымки. — Мы в разводе. Наша первая встреча произошла в Йосемите, и мы решили, что если вернемся сюда до того, как… — Ее голос дрогнул, и она поежилась. — Мы решили быть вместе. Договорились встретиться возле Либерти-Кеп.

— Не сомневаюсь, что он где-то неподалеку. — Эдвард показал на озеро и тропу.

— Спасибо, — вымолвила женщина. На этот раз она не улыбнулась, а просто повернулась и пошла по направлению к Вернел-Фоллу и ведущей вниз тропе Мист-Трейл. Эдвард долго смотрел ей вслед, потом глубоко вздохнул и принялся за второй бутерброд. Жуя, он презрительно оглядел свой завтрак. — Если бы у меня был белый хлеб! — сказал он самому себе. — Такую красавицу можно приворожить только лучшими сортами пшеницы.

Нигде — ни на площадке, ни в окрестностях озера и водопадов, ни на тропе — не было ни души. Единственный человек на много миль — это он, Эдвард. Шоу пересек мостик и зашагал

между деревьями. В ушах стоял грохот воды и птичье пение. Он знал все типы скал и камней, но плохо разбирался в птицах. Краснокрылые дрозды, малиновки, сойки, правда, не представляли загадки для него; он решил купить книгу, чтобы прочитать и о других пернатых. Но есть ли смысл в заучивании названий? Если его памяти суждено развеяться по космосу, стоит ли терять время на новую информацию?

Самое важное — найти и укрепить стержень своего бытия, поймать момент истины и сосредоточиться на нем. Он считал, что присутствие людей отвлекает, теперь же у него есть шанс ответить на все вопросы.

Молиться? Бог — зияющая пустота, бабушкины сказки — редко становился предметом его размышлений, но Эдвард не хотел оригинальничать в то время, когда планета замерла в ожидании последнего удара. Однако и в том, чтобы следовать за всеми, он тоже не видел смысла. Это так же бесполезно сейчас, как и изучение естественных наук, только менее интересно.

Солнце все еще освещало долину, и только Либерти-Кеп погрузился в тень. Дым немного рассеялся, небо стало ярко-голубым, а там, где оно соприкасалось с дымкой — зеленым, более

естественным, чем раньше.

— Я умру, — ровно произнес Эдвард. — То, что я сейчас из себя представляю, исчезнет без следа. Я перестану мыслить. Я ничего не испытаю, даже не пойму, что пришел конец. Вздыбившиеся скалы, и дым, и лава… Нет, наверно, случится иначе. Будет ли больно? Останется ли хотя бы мгновение, чтобы почувствовать боль?

Массовая гибель: Господь, вероятно, занят тем, что внимает массовым молитвам.

Бог.

Он не защитит, если только не свершится чудо.

Эдвард разгреб носком ботинка пыль на тропе.

— Что, черт возьми, я здесь ищу? Озарение? — Он покачал головой и выдавил улыбку. — Наивный ублюдок, тебе следовало бы больше тренироваться: твои мышцы, предназначенные для молитвы, твои бицепсы, способствующие прозрению, не в форме. С их помощью тебе не прыгнуть выше собственной головы.

Эдварда потрясла горечь, которую он неожиданно услышал в своем голосе. Неужели он действительно ждал озарения, неужели и впрямь хотел убедиться, уверовать в то, что за последней чертой скрывается жизнь или смысл?

— Бог — это то, что ты любишь, — тихо проговорил он и сам удивился глубине своей веры. Хотя он никогда не преуспевал в любви — ни к людям, ни к чему-то еще, кроме, пожалуй, любви к работе. — Я люблю Землю.

Но фраза звучала слишком пространно. Земля предлагала любить, ко всему прочему, и катаклизмы: бури, лавины, извержения вулканов, землетрясения. Необузданность стихий. Земля не может справиться с ней. Легко любить прародительницу…

Подул сильный ветер и пронес над водопадом и лесом облако тумана, упавшее холодными, чуть жалящими капельками воды ему на лицо. Эдварду вновь вспомнилось время, когда он был безбородым юнцом. Тогда больше всего на свете он желал, чтобы отец остался с ним, и, вместе с тем, уже тогда знал (неужели он до конца осознавал это?), что ослабленный узел вскоре и вовсе развяжется.

На самом деле, то давно прошедшее время не было таким уж счастливым. Он вспомнил мальчика, наблюдавшего растерянным, но пытливым взглядом за мужчиной и женщиной, которые пытались разыгрывать роли отца и матери, мужа и жены. Но ведь и в то лето они давно были

чужими друг другу.

Мальчик не мог представить себе, что произойдет после разрыва. Не мог предвидеть очевидное и неотвратимое.

Эдвард размышлял.

Земля — мать. Бог — отец. Отсутствие Бога равно отсутствию отца и равно невозможности связи с будущим.

— Ну вот, — пробормотал Эдвард, — ответ сошелся.

Он раздавил муравья и забросил рюкзак за спину. Потом геолог начал спускаться по мокрым каменным ступенькам, выложенным недалеко от водопада. Затем он выбрался на тропу и зашагал над пенистой быстриной Мерсед.

Через некоторое время он улыбнулся и, свернув в тропы, поднялся на гранитный валун, нависший над шумной рекой. Он долго любовался зелеными волнами, бурлящими среди белых пузырей. Грохот, казалось, стихал. Эдвард замер, словно загипнотизированный. Он может просто-напрсото нагнуться, скользнуть одной ногой вниз — и все кончится в одно мгновение. И не будет тревожного ожидания. Не будет выбора.

Но отчего-то такая перспектива не привлекала его. Он покачал головой и посмотрел вверх, на

кроны деревьев, растущих на противоположном берегу. Сквозь листву блестели и двигались по стволам серебряные точки. Эдварду потребовалось несколько секунд, чтобы получше разглядеть их. Деревья были покрыты блестящими пауками размером с кулак. Два странных насекомых ползли по ветке, таща за собой то, что осталось от мертвой сойки. Еще один паук отрывал кусочек коры от сосны, обнажая белый треугольник древесины.

Эдвард вспомнил Гостя и не усомнился в реальности увиденного.

— Кто управляет ими? — спросил он себя. — Чего они хотят?

Он наблюдал за пауками несколько минут, бессознательно удивляясь их равнодушию к присутствию человека, потом пожал плечами — подумаешь, еще одно неразгаданное чудо — и ступил на тропу.

В пять часов, как он и обещал себе, Эдвард вернулся в долину, принял душ и переоделся в чистые джинсы и белую рубашку. Этим вечером в летнем театре собралось больше народа, чем накануне. Ожидались выступления министра, психолога и одного лесничего. Элизабет представила их. Минелли поворчал по поводу «состава

золотой труппы Нового Века», но остался. Между людьми постепенно возникала связь — даеж между незнакомыми. Они готовились к катастрофе вместе, и вместе было лучше, чем по отдельности, даже если это «вместе» подразумевало всего лишь выслушивание недалеких ораторов.

Эдвард поискал глазами блондинку, смутившую его покой, но ее нигде не было.

Лишившись поста, сенатор Джилмон сел в машину и приказал шоферу ехать на восток. Позади — три дня допросов в ФБР и Управлении национальной безопасности и шесть часов откровенной беседы с министром военно-морских сил. Никто не смог, да, собственно, и не хотел — предъявить сенатору серьезные обвинения, хотя к нему сходились все следы из «Сараготы». Если бы расследование продлилось, как полагается, два с половиной месяца, Джилмона, наверняка, ожидали бы неприятности, а капитан «Сараготы», очевидно, понес бы суровое наказание. Но порядки в Соединенных Штатах изменились. В стране жила другая нация, работало другое правительство — оно принимало решения и действовало, не имея лидера. Президент, которому грозил импичмент, все еще находился у власти, но, фактически, все его попытки контролировать

ситуацию проваливались.

Уже полгода назад арест Джилмона был бы не чем иным как проформой. Теперь этот вопрос даже не обсуждался.

Так каков же итог? Они убили полковника Роджерса и, быть может, человек тридцать из «Кузницы Господа», отказавшихся покинуть окрестности Фантома. Они взорвали вражеский корабль и превратили его в пыль и камни. И, тем не менее, почти все заговорщики понимали, что не только не отменили, но даже не отсрочили смертный приговор, нависший над Землей.

Джилмон стоял на песке возле гравийной дороги. В двух милях от него находились Территория и остатки Фантома. На шее сенатора на кожаном ремешке висел бинокль, из-под шляпы на лицо стекали капли пота. Белый лимузин, арендованный Джилмоном, ждал в сторонке. Водитель, невозмутимый парень в темных очках и синей униформе, сидел в машине.

Армейские и правительственные грузовики каждые пять минут проезжали по дороге, на некоторых — знак, предупреждающий о радиационной опасности. Многие из этих машин, как понимал сенатор, перевозили куски бывшей горы. Джилмону было неизвестно, что найдено на

месте взрыва. Теперь, когда в результате заговора свершилось то, чего втайне желали все, непосредственные участники акции оказались не у дел. Козлы отпущения — не иначе. Хотя, может, слишком сильно сказано… А может, и нет.

Джилмон, не таясь, проклинал Крокермена за то, что тот вверг их в безнадежное и незаконное мероприятие, в удушающую атмосферу обмана и заговора.

Несмотря ни на что, глубоко в Земле летели навстречу друг другу «пульки», как называли их одни ученые, или «товарные поезда» — как говорили другие, в основном, геологи. За «пульками» уже не уследить, но нет сомнения, что они никуда не исчезли. Конец света — дело дней или недель.

Джилмон открыл заднюю дверь лимузина и, сев в машину, налил себе шотландское виски с содовой.

— Тони, — спросил он, медленно перекатывая стакан между ладонями, — где бы ты хотел находиться, когда это произойдет?

Водитель не колебался.

— В постели, — ответил он, — и пустить себе пулю в лоб, сэр.

Со времени отъезда из Лонг-Бич они много говорили на эту тему. Тони женился всего лишь

шесть месяцев назад. Джилмон вспомнил о Мадлен — они женаты уже двадцать три года. Он тоже хотел встретить страшный час вместе с ней, но не думал, что пустит себе пулю в лоб. Рядом с ними будут дети и два внука — возможно, они съедутся на ранчо в Аризоне. Сбор большой семьи. Уже пять или шесть лет им никак не удавалось организовать встречу клана.

— Мы не успели сделать и самой малости, Тони, — сказал Джилмон неожиданно горько. Впервые после смерти сына он почувствовал желание проклясть Господа.

— Но ведь мы не знаем этого наверняка, сенатор, — ответил шофер.

— Я знаю, — сказал Джилмон. — Если человеку дано право знать, что он потерпел крах, то я знаю это.

Hostias et preces tibi, laudis offerimus

27 марта

В течение нескольких последних часов Тревор Хикс сидел за компьютером, просматривая и разбирая записи, присланные из общины мормонов в Солт-Лейк-Сити. Он остановился в доме инженера, специалиста по аэрокосмическому оборудованию. Хозяин — его звали Дженкинз — предоставил Хиксу большую гостиную, из окон которой открывалась панорама Сиэтла и залива. Работа не увлекала Тревора, однако он считал ее поолезной и потому чувствовал себя умиротворенным и спокойным перед лицом будущей катастрофы. Несмотря на репутацию невозмутимого человека, Тревор Хикс в действительности никогда не был ни хладнокровным, ни сдержанным. Воспитанный в английских традициях писатель за умением вести себя и спокойными манерами скрывал свое истинное «я», которое, как считал он сам, окончательно сформировалось где-то в возрасте двадцати двух лет и неизменно оставалось впечатлительным, энергичным, необузданным. Только, может, прибавилось воспоминаний да внешнего лоска.

Он откатил стул от стола и поздоровался с

миссис Дженкинз — Эбигейл; она вошла в комнату с двумя пластиковыми пакетами, доверху наполненными продуктами. Эбигейл не была Подневольной. Она знала только, что ее муж и Тревор занимаются чрезвычайно важным и секретным делом. Те работали днем и ночью, с трудом находя несколько часов для сна, а она, желая помощь мужчинам, ходила за покупками и готовила.

Миссис Дженкинз оказалась хорошей хозяйкой и неплохим кулинаром.

В семь часов они пообедали — жареное мясо, салат и бутылка отличного «кьянти». В семь тридцать Дженкинз и Хикс вновь приступили к работе.

Ощущение внутреннего покоя, заметил Хикс, волнует его… Он не доверял слабым невыразительным эмоциям. Уж лучше легкое волнение: оно не позволяет расслабиться.

Сигнал тревоги пронзил мозг Хикса подобно раскаленному стальному копью. Писатель взглянул на часы — он и не заметил, что они отстали. Время позднее. Тревор отбросил в сторону очередную дискету. Потом отодвинул стул и подошел к окну. Дженкинз с удивлением взглянул на него из-за кипы бланков с заявками на медицинское

оборудование.

— Что случилось?

— Вы не чувствуете? — спросил Хикс, дергая за шнур, чтобы раздвинуть занавески.

— А что я должен чувствовать?

— Какое-то несчастье. Я слышу из… — Он попытался понять, откуда идет сигнал, но Сеть замолчала. — Мне кажется, что-то происходит в Шанхае.

Дженкинз встал с кресла и позвал жену.

— Начинается? — спросил он.

— О, Боже, не знаю! — крикнул Хикс, почувствовав новый тревожный укол. Сеть повреждена, связь оборвана — ничего другого он понять не мог.

За окном мириадами огней сверкал ночной Сиэтл. Хиксу от холма Королевы Анны был виден весь город. Небо пасмурное, хотя прогноз не обещал осадков… Яркие вспышки осветили верхний слой облаков. Одна, вторая… Пауза. Когда миссис Дженкинз появилась в гостиной, небо вспыхнуло в третий раз.

Миссис Дженкинз испуганно посмотрела на Хикса.

— Обычная молния, правда, Дженкс? — спросила она мужа.

— Это не молния, — ответил Хикс.

Сеть передавала противоречивую отрывочную информацию. Даже если на связь вышел один из Боссов, Хикс не мог различить его голос в общем сумбуре. Потом, отчетливый и недвусмысленный, пришел сигнал. Хикс и Дженкинз услышали его одновременно.

Враг атакует вашу территорию и судно.

— Атакует? — громко переспросил Дженкинз. — Они что, начинают прямо сейчас?

— Один из ковчегов находился в Шанхае, — сказал Хикс с недоумением. — Теперь Шанхай отрезан от Сети. Никто не может связаться с городом.

Что?.. Что?..

Будучи местным организатором деятельности Сети и поставщиком необходимого оборудования, Дженкинз привык к более частным и конкретным проблемам.

— Я полагаю…

Собственная — не чужая, не навязанная таинственным Боссом — мысль, промелькнула в мозгу Хикса, прежде чем он закончил фразу.[2]Они защищают нас, но не могут предотвратить гибель

---

[2] notes: 2
MI

планеты. Враги наверняка запустили на орбиту корабли, или станции, или что-нибудь в этом роде, чтобы следить за Землей.

— …что сейчас начинается бомбардировка.

За облаками вспыхнул свет и озарил все вокруг.

…в конце концов, идет настоящая война, но мы не ожидали, не предполагали такого поворота событий…

— Дженкс…

Дженкинз обнял жену. Хикс увидел красные и белые вспышки, струи воды, взлетающие на воздух камни — и черная взрывная волна опустилась на город. Оконное стекло разлетелось вдребезги, Хикс закрыл глаза и, испытав мгновенный приступ боли, погрузился в темноту…

Артур летел на предельной скорости в Сан-Франциско по шоссе N 101 и наконец притормозил после марафонской гонки. Он вдруг почувствовал острую боль в затылке и, крепко сжав руль, остановился у обочины, ощущая напряжение во всем теле.

— Что случилось? — спросила Франсин.

Он повернулся к жене и посмотрел на небо над Санта-Розой и виноградниками.

— Астероиды! — крикнул Марти. — Взрыва-

ются!

На этот раз свет вспыхивал ближе и ярче, слепил глаза, как паяльная лампа, оставляя в небе красные следы. На высоте сотни миль над Сан-Франциско что-то происходило, скорее всего, сражение.

Франсин хотела выйти из машины, но Артур остановил жену. Она посмотрела на него, однако ничего не сказала, только лицо ее исказилось от страха и гнева.

Еще несколько вспышек над головой — и вновь вокруг воцарилась темнота.

Артур почти удивился, поняв, что плачет. Злость и ненависть душили его.

— Сволочи! — простонал он, уронив руки на руль. — Будь они прокляты!

— Папа… — захныкал Марти.

— Замолчи, черт возьми! — крикнул Артур, потом одной рукой сжал ладонь Франсин, а другой дотянулся до сына. — Никогда не забывай того, что видел. Если мы выживем, никогда, никогда не забывай!

— Что случилось, Арт? — спросила Франсин, стараясь сохранить спокойствие.

Марти плакал. Артур закрыл глаза, уже ругая себя за то, что дал волю эмоциям. Он прислуши-

вался к голосам, звучавшим по каналам Сети, и попытался понять, что к чему.

— Сиэтла больше нет, — сказал он.

Тревор Хикс и все остальные.

— А Годж? — спросил Марти сквозь слезы. — Где он? Он жив?

— Думаю, жив, — ответил Артур, содрогаясь от ужаса. — Чудовищно! Они хотят уничтожить наши спасательные корабли, наши ковчеги! Они стремятся к тому, чтобы не выжил ни один человек.

— Что? Почему? — спросила Франсин.

— Запомните! — повторил Артур. — Просто запомните.

Ему потребовалось почти двадцать минут, чтобы овладеть собой и снова выехать на трассу. Сан-Франциско и залив надежно защищены. Внезапно Артура охватила безотчетная, утробная, любовь к Боссам, Сети и всей той работе, которая велась, чтобы защитить и спасти людей. Это было благоговейное чувство первобытного человека.

А что ощущает солдат, видя, как грабят его родину?

— Они бомбили Сиэтл? — спросила Франсин. — Инопланетяне? Или русские.

— Нет. Не русские. Пожиратели планет. Они

пытались уничтожить и Сан-Франциско. — И Кливленд, который устоял, и Шанхай, превращенный в руины, и, кто знает, сколько других мест, где скрывались ковчеги. Артура передернуло. — Боже! Что будут делать русские? Как поступим мы?

Руль заходил в руках Гордона. Сквозь шум мотора они услыхали содрогающий душу стон. Отзываясь на гибель города, под колесами машины затряслась земля.

В два часа ночи Ирвин Шварц поднял трубку трезвонившего телефона, соединенного с его рабочим кабинетом, и нажал на кнопку.

— Да?

Только после этого он услышал рокот вертолетных лопастей.

Звонил дежурный офицер из Белого Дома.

— Мистер Шварц, мистер Крокермен эвакуируется. Он предлагает вам место в его вертолете.

Шварц отметил про себя нежелание офицера назвать Крокермена президентом. Просто «мистер Крокермен». Если у вас нет власти — нет и титула.

— Отчего такая срочность?

— Сиэтл подвергся нападению. Кливленд, Чарлстон и Сан-Франциско тоже.

— Господи. Русские?

— Неизвестно. Вы должны быть на месте как можно скорее, сэр.

— Хорошо. — Шварц не успел накинуть даже пальто.

В одной нижней рубахе, в которой спал, и в брюках, он быстро шел по лужайке перед Белым Домом. Он инстинктивно пригнулся под мощными лопастями вертолета и взбежал по лестнице. Дул прохладный ночной ветер, и голова мерзла без шляпы. Дверца самолета захлопнулась за спиной Шварца. Сотрудник секретной службы спустился с трапа и наблюдал, как вертолет поднимается в небо и берет курс на базу военно-воздушных сил в Гримсоне, Индиана.

Крокермен сидел между штабным офицером и морским пехотинцем. Моряк держал на коленях «футбол» — чемоданчик с ядерной кнопкой, — а офицер — переносной центр данных и управления, подсоединенный к системе связи вертолета.

На борту находились три сотрудника секретной службы и Нэнси Конгдон, личный секретарь президента. Если бы миссис Крокермен жила в Белом Доме, то, конечно же, присоединилась бы к мужу.

— Господин президент, — начал офицер. — Ми-

нистр обороны находится в Колорадо. Госсекретарь — в Майами на встрече губернаторов. Вице-президент — в Чикаго. Полагаю, спикер парламента тоже эвакуировался. У меня есть информация со спутников и других сенсорных устройств. — Офицер говорил громко, чтобы перекричать шум мотора, но в отлично звукоизолированной кабине это было не обязательно.

Президент и его спутники внимательно слушали.

— Они сравняли с землей Сиэтл и разрушили Чарлстон. Эпицентр пришелся на океан. Наши спутники не засекли запуска ракет ни из Советского Союза, ни с подводной лодки. Вообще, в это время в воздух не поднялась ни одна ракета. Похоже, Сан-Франциско и Кливленд, а может, и другие места как-то защищены, что и спасло их…

— У нас нет подобных видов защиты, — едва слышно прохрипел Крокермен и посмотрел на Шварца.

Он похож на мертвеца, подумал Ирвин. Какой тусклый безжизненный взгляд! Завтра должен был бы начаться процесс об импичменте.

— Вы правы, сэр.

— Это не русские, — заметил один из сотрудников секретной службы, высокий негр средних

лет.

— Не русские, — повторил Крокермен. На его лице появились признаки жизни. — А кто?

— Пожиратели планет, — отчеканил Шварц.

— Начинается? — спросил морской пехотинец, прижимая к себе чемоданчик, словно кто-то хотел отобрать его.

— Один Бог знает. — Шварц покачал головой.

Из переносного центра данных раздался сигнал. Офицер надел наушники.

— Господин президент» Москва, премьер Арбатов.

Крокермен еще раз внимательно посмотрел на Шварца, прежде чем взять наушники и микрофон. Шварц знал, что означает этот взгляд. Он все еще не сломлен, черт нас всех побери!

Въехав в Ричмонд, Артур свернул на аллею, а потом — к вершине холма, на котором жили Грант и Даниэл. Близилась полночь. Потрясенный Артур не мог забыть о случившемся. Воспоминания о голосе Сети, полном скорби и бессилия, мучили его, как ужасный постоянный горький привкус во рту. Он сидел, положив руки на руль и уставившись невидящим взглядом на грубую деревянную дверь гаража. Потом обернулся к Франсин.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Кажется, да.

Артур оглянулся. Марти растянулся на заднем сиденье, закрыв глаза и приоткрыв рот. Голова его чуть свисала.

— Слава Богу, он спит, — сказала Франсин. — Ты испугал нас обоих.

— Я испугал вас? — переспросил Артур. Прорвалась усталость, а за ней и гнев. — Если бы ты могла почувствовать то, что испытал я…

— Пожалуйста. — Франсин переменилась в лице. — Мы не дома. Вон идет Грант.

Она вышла из машины. Артур застыл в смущении. Потом он закрыл глаза, настойчиво прислушиваясь к звукам Сети и пытаясь найти объяснение случившемуся. По радио то и дело передавали сообщения о совершенно необъяснимой трагедии в Сиэтле. С момента разрушения города истек только один час.

Артур и раньше предполагал, что могущественные силы, превратившие Землю в поле сражения, могут развязать ядерную войну. Возможно, те, кто связан с Сетью, даже пытаются сейчас помешать пожирателям планет. Артуру ничего не остается, кроме как довериться Сети. Правда, в данный момент он отрезан от нее.

Артур взял бормочущего что-то во сне Марти на руки. Грант проводил его в спальню с огромной кроватью и раскладной детской кроваткой. Даниэл (она спит, объяснил Грант) заранее приготовила постели и полотенца, а также оставила ужин: фрукты и суп. Франсин укрыла Марти и пошла на кухню, где уже сидели мужчины.

— Ты слышал, что случилось? — спросила она.

— Нет…

Помятая рубашка и взъерошенные седые волосы Гранта свидетельствовали о том, что он дремал в кресле и вскочил, услышав шум подъехавшей машины.

— Мы видели вспышку на севере, — сказал Артур.

— Артур подозревает, что в Сиэтле что-то произошло, — предупредила Франсин. Она посмотрела на мужа почти с вызовом: давай, расскажи то, что знаешь. Расскажи, откуда ты это знаешь.

Артур испуганно уставился на нее. Потом до него дошло: наконец-то она среди своих близких. Он перестал быть единственным человеком, на которого Франсин могла опереться. Она могла отважиться на страхи и сомнения: Марти спит и ничего не слышит. Артур хорошо понимал жену, но все равно почувствовал укол обиды.

После боли, пережитой за последние часы, это невинное предательство, казалось, переполнило чашу терпения.

— Мы слышали по радио, — сказал Артур, выбрав самый легкий путь для объяснения. — Что-то случилось в Сиэтле.

— Что же, ради Бога? У меня брат в Сиэтле! — воскликнул Грант.

Стекла в окнах задребезжали. Ветер донес до них отзвуки последних взрывов. Артур взглянул на часы и кивнул.

— Все кончено, — сказал он. — Целый город разрушен.

— Господи! — крикнул Грант и вскочил со стула. Он подошел к телефону и начал набирать номер.

— Мы слышали об этом не по радио, — тихо произнесла Франсин и подняла плечи. Сложив руки на коленях, она уставилась на ковер.

— Линия занята. — Грант бросился к телевизору. — Когда вы узнали?

— Мы увидели вспышку около пятнадцати минут назад, — объяснила Франсин, виновато посмотрев на мужа. Он взял ее руку и крепко сжал в своей. Рука Франсин дрогнула в ответ. Закрыв лицо другой ладонью, женщина старалась

сдержать слезы.

Заговорило радио. Диктор сообщал последние известия внушительным официальным тоном, в котором слишком хорошо угадывался страх. «…сообщают из Сиэтла и Чарлстона, что оба города подверглись ядерной атаке. Имеются противоречивые сведения, что взрывы не сопровождались радиоактивным излучением. У нас по-прежнему нет ясного представления о случившемся. Но очевидно только, что два этих приморских города, расположенных на восточном и западном побережьях, разрушены до основания при необъяснимых обстоятельствах. Правительство заявляет, что наша страна не находится в состоянии войны с другим государством, из чего можно заключить, что взрывы не были вызваны атакой ракет с ядерными боеголовками; по крайней мере, речь не идет о ракетах Советского Союза. Вспышки света над Сан-Франциско и Кливлендом заставляют предположить, что начинается процесс уничтожения Земли и что мы являемся свидетелями…»

— Скажи им, — тихо попросила Франсин. — Скажи им. Я верю тебе. Правда, верю. Они должны знать.

Артур покачал головой. Она снова закрыла

лицо руками.

— Нельзя, — сказал Артур. — И тебе тоже. Это только причинило бы им боль.

В дверях появилась Даниэл. Она набросила на длинную шелковую ночную сорочку халат.

— Что случилось? — спросила она.

Франсин обняла сестру и увела ее в другую комнату. Артур посмотрел на нетронутый ужин. Не сейчас, подумал он, но ждать осталось недолго.

Эдвард проснулся в восемь часов утра от шума возле палатки. Он посмотрел на часы, быстро натянул брюки и открыл дверь. На лужайке стояли Минелли и пухленькая черноволосая женщина в черной футболке и черных джинсах. Минелли протянул руку.

— Поздравь, — объявил он. — Я нашел Инес.

— Поздравляю.

— Инес Эспиноса. А это мой друг Эдвард Шоу. Тоже любитель камней. Эдвард, Инес.

— Очень приятно, — проговорила Инес.

— Мы встретились на танцах вчера вечером. Жаль, что ты не пошел со мной.

— Я не в настроении, — сказал Эдвард. — Мог бы испортить веселье.

— Вокруг все только и делают, что толкуют о роботах-насекомых. Инес говорит, она видела

множество их за Йосемите-Вилледж. Что ты об этом думаешь?

— Я тоже видел нескольких, — признался Эдвард. — Подождите минуту. Я оденусь, и мы состряпаем что-нибудь на завтрак.

Угощая друзей гренками и крутыми яйцами, Эдвард рассказал, что он видел возле Мист-Трейл. Инес кивнула и посмотрела на него большими карими глазами. Судя по всему, она не была склонна к болтовне.

— Что это такое, по-твоему?

— Черт возьми! Если инопланетяне смастерили фальшивых пришельцев, то почему бы им не произвести на свет роботов-пауков? Кому-то ведь надо изучать Землю. Исследовать планету перед тем, как взорвать ее к чертовой матери.

Инес неожиданно заплакала.

— Ну, давай не будем говорить об этом дерьме, — попросил Минелли. — Она очень чувствительна. Ее муженек погиб на шоссе несколько дней назад, а ее выбросило из машины. В общем, легко отделалась.

Инес вытерла глаза и показала царапины и ушибы на руке.

— Она голосовала на дорогах, чтобы добраться сюда. Очень милая девушка. — Минелли обнял

подругу, и Инес обняла его в ответ.

Маленький худой человек с высоким квадратным лбом быстро прошел мимо камня, на котором они расположились. В руке он нес бейсбольную биту размером почти с него. Человечек двигался словно во сне.

— Что случилось, парень? — спросил Минелли.

— Только что услышал по радио, что инопланетяне сбросили атомные бомбы на Сиэтл, Чарлстон и Шанхай вчера вечером. Я родом из Чарлстона.

Он продолжал спускаться по тропе и бита качалась в нетвердой руке.

Инес судорожно икнула.

— Что ты собираешься делать? — крикнул Минелли вслед человечку.

— Собираюсь поймать несколько этих дерьмовых блестящих паучков и раздавить их, — ответил тот, не останавливаясь. — Хочу преподать им урок от своего имени.

Минелли поставил чашку и соскользнул с камня. Он протянул Инес руку, и та, опираясь на нее, спрыгнула вниз с неожиданной грацией.

— Думаю, пора перебираться на Глесьер-Пойнт, — тихо сказал Минелли. — Хочешь с нами?

Эдвард кивнул, но потом покачал головой.

— Не сейчас. Я скоро присоединюсь к вам.

— Хорошо. Инес идет со мной. Мы разобьем там лагерь. Ждем тебя.

— Спасибо.

Парочка двинулась по тропе к Карри-Виллидж.

Эдвард забрался в свою палатку и вытащил топографические карты долины и районов, расположенных к югу от нее. Растянувшись на животе поперек кровати, он изучил тропу Фор-Майл-Трейл, ведущую к Юньон-Пойнту, потом окрестности Глесьер-Пойнта и сравнил оба района.

Глесьер-Пойнт выглядел более доступным. Но если Земля начнет трястись, может случиться, что скала расколется, упадет и погребет их под собой.

Имеет ли это значение? Какая разница — час или два, так или иначе?

Эдвард отметил номер кредитной карточки на диске телефона и позвонил в дом Стеллы в Шошоне. После трех гудков ответила Бернис Морган.

— Стелла составляет опись товаров в магазине, — сказала Бернис. — Жизнь продолжается. Я могу соединить тебя с ней.

В трубке раздалось гудение, что-то пискнуло, потом Эдвард услышал голос Стеллы.

— Это Эдвард. Чем занимаешься?

— Чем всегда, — ответила Стелла. — Где ты сейчас?

— В Йосемите. Устроился здесь. Жду.

— Ну что, парк оправдал твои надежды?

— Больше чем оправдал. Прекрасное место. И не слишком многолюдное.

— Я так и думала.

— Ты слышала о Сиэтле и Чарлстоне?

— Конечно.

Ее голос звучал, как всегда, решительно.

— Все еще хочешь остаться в Шошоне?

— Я домосед, — сказала Стелла. — Пришла весточка от сестры. Она возвращается из Зимбабве. Мы едем за ней в Лас-Вегас послезавтра. Приглашаем тебя…

Эдвард обвел взглядом берег реки и поляну за телефонной кабинкой. Я чувствую себя здесь на своем месте, подумал он. Как дома.

— Я надеялся, что смогу уговорить тебя приехать вместе с миссис Морган, — сказал он в трубку.

— Я рада, что ты попросил об этом, но…

— Понимаю. Ты — дома. Я тоже.

— Мы оба упрямцы, верно?

— Минелли тоже здесь. Не знаю, где Реслоу. Минелли нашел подружку.

— Ему повезло. А тебе?

Эдвард хихикнул.

— Я чересчур привередлив.

— Зря. Знаешь… — Стелла замолчала, и в течение нескольких секунд оба не произнесли ни слова. — Возможно, ты и знаешь.

— Если бы у нас было больше времени… — сказал Эдвард.

— А договор остается в силе? — спросила Стелла.

— Договор?

— Если все окажется ложной тревогой…

— Договор не расторгнут.

— Я буду думать о тебе, — сказала женщина. — Не забывай.

Как сложилась бы его жизнь со Стеллой? Она решительна, умна и довольно своенравна. Вероятно, они бы плохо ладили или — также вероятно — хорошо…

Оба знали: у них не будет времени, чтобы выяснить это.

— Я не забуду, — пообещал Эдвард.

Добравшись до Карри-Вилледж, Эдвард зашел в

магазин и купил сухие супы и несколько пакетов продуктов, предназначенных для туристов. Запасы магазина быстро истощались.

— Машины не приходят уже два дня, — сообщила молоденькая продавщица. — Мы постоянно звоним, и они твердят, что едут. Никто ничего не делает. Просто все сидят и ждут. Отвратительные времена, вот что я вам скажу.

Он прибавил к покупкам пару солнечных очков, отдав последние наличные. Все, что у него теперь оставалось — кредитные карточки и несколько чеков путешественника. Плевать!

Эдвард заполнил пластиковый пакет и уже готов был уйти, когда увидел в дальнем углу магазина вчерашнюю блондинку. Она копалась в корзине с подгнившими яблоками. Набрав воздуху, Эдвард поставил сумку на прилавок и быстро зашагал к ней.

— Ну что, отыскала мужа?

Женщина посмотрела на него, печально улыбнулась и покачала головой.

— Не так-то это и плохо, — заметила она, вытащила из корзины потрескавшееся яблоко и уныло обследовала его. — Обожаю фрукты — и вот, что они предлагают.

— У меня есть несколько отличных яблок в

моей… палатке. Скоро я ухожу на Глесьер-Пойнт. Могу угостить тебя. Яблоки слишком тяжелые, чтобы все их унести наверх.

— Очень любезно с твоей стороны.

Она бросила яблоко в корзину и протянула Эдварду руку. Тонкие холодные сильные пальцы. Эдвард слабо пожал ее руку.

— Меня зовут Бетси, — представилась блондинка. — Девичья фамилия — Сазерн.

— А я — Эдвард Шоу. — Он решил идти напролом. — У меня никого нет.

— То есть?

— Никого, с кем я мог бы провести оставшееся время.

— А сколько его осталось?

— Говорят, меньше недели. Но никто не знает точно.

— Где твоя палатка?

— Недалеко.

— Если угостишь меня хорошим хрустящим сочным яблоком, я пойду за тобой на край света.

Эдвард широко улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Нам туда.

— Тебе спасибо.

В палатке он выбрал самое красное яблоко и вытер его чистой салфеткой. Бетси впилась в

него, вытирая струйку сока, стекающую по подбородку, и наблюдала, как он собирает рюкзак.

— Надеюсь, ты не один из тех невежд? — спросила она резко.

— Что ты имеешь в виду?

— Не хочу быть неблагодарной, но если ты видишь все происходящее в розовом цвете и думаешь, что Бог спасет нас или что-то в этом роде…

Эдвард покачал головой.

— Отлично. Мне сразу показалось, что ты умный парень. Приятный и умный. У нас осталось не так много времени, правда?

— Немного. — Он навалился на рюкзак и застегнул его. Потом посмотрел на Бетси.

— Знаешь, если бы я могла начать все сначала, я бы выбирала мужчин, похожих на тебя.

Ее слова укололи Эдварда.

— Так говорят все красивые женщины. В окопах не найдешь старых дев.

— Ах, — она рассмеялась. — Ты мне нравишься. Ты… Извини, ты не страдаешь какими-нибудь заразными, мгновенно проявляющимися болезнями.

— Нет.

— Я тоже. Ты никого не ждешь?

— Нет.

— Я тоже. Рада познакомиться.

Она протянула ему руку, и Эдвард аккуратно пожал ее пальцы, потом улыбнулся и привлек женщину к себе.

В восемь часов утра Артур снова услышал голос Сети. Он открыл глаза и тронул Франсин за плечо. Он действовал, как в дурмане.

— Нам надо отправляться. — Он вылез из постели и натянул брюки. — Одевай Марти.

Франсин недовольно хмыкнула.

— Слушаюсь, сэр, — сказала она. — Куда теперь?

— Трудно сказать, — ответил Артур. — Мне велено быть через час в определенном месте. В Сан-Франциско.

Марти сел на кровати, протирая глаза.

— Вперед, дружище! — сказала Франсин. — Срочно выступаем!

— Хочу спать, — протянул мальчик.

Франсин схватила Артура за руку и прижала ее к себе, напряженно уставившись в лицо мужа.

— Я скажу только один раз… Если ты сошел с ума и все это зря, то я…

Она ущипнула его за нос. Франсин явно не шутила: он ощутил боль, на глазах выступили

слезы. Артур крепко сжал ее руку.

— Ты меня понимаешь?

Он кивнул.

— Нам надо спешить.

Несмотря на боль в носу, Артура переполнял восторг. С какой стати так рано поднимать нас и торопить куда-то? Не иначе, что-то произойдет…

Но воодушевление спало, как только он вышел в коридор и увидел Гранта. Рядом с одетым в халат отцом сонно ковыляла Бекки.

— Вы приехали слишком поздно, чтобы подниматься засветло, — удивился Грант. — Ничего себе ночка! Я спал не больше часа… Даниэл вообще не сомкнула глаз.

Когда мужчины вошли в кухню, они увидели там Даниэл, сидящую за чашкой кофе. Побледневшее лицо и пепельница, полная окурков, свидетельствовали о бессонной ночи.

— Ранние пташки, — уныло протянула она.

— Нам надо уезжать, — предупредил Артур.

— Мы думали, вы побудете с нами.

— Мы тоже так считали. Но я много размышлял этой ночью. Нам надо… уехать отсюда как можно скорее. Масса дел.

Вошли Франсин и Марти. Даниэл вопросительно склонила голову набок. Марти смущенно

улыбнулся Бекки, но она не обратила на кузена никакого внимания. Девочка переводила взгляд с отца на мать.

— Что, черт возьми, происходит с семьей? — спросила Даниэл резким голосом. — Дьявол, куда вы отправляетесь?

— Не знаю, — тупо ответила Франсин. — Решения принимает Артур.

— Вы сошли с ума?

— Не надо, Данни, — вмешался Грант.

— Я всю ночь пыталась понять, в чем дело. Почему вы уезжаете сейчас? Почему? — Она находилась на грани истерики. — Что-то происходит. Что-то, связанное с правительством. Поэтому вы приехали сюда, да? А теперь собираетесь бросить нас всех, оставить умирать?

У Артура заныло сердце. Она близка к истине.

— Сегодня мы отправляемся в город, — объяснил он. — У меня там дела, а Франсин и Марти должны быть рядом со мной.

— Может, и мы поедем с вами? — предложила Даниэл. — Все вместе. Ведь мы одна семья. Я чувствовала бы себя лучше, если бы мы держались друг друга.

Франсин посмотрела на мужа. В ее глазах стояли слезы. У Марти задрожали губы. Растерявшись

от общего молчания, Бекки прижалась к матери.

— Нет, — отрезал Грант.

Даниэл повернулась к нему.

— Что?

— Нет. Мы не поддадимся панике. У Артура есть работа. Если он выполняет задания правительства — хорошо. Но мы не станем паниковать в этом доме, пока мое слово что-то в нем значит.

— Они отправляются… в какое-то место, — тихо сказала Даниэл.

Грант согласно кивнул.

— Может, и так. Но мы не станем вмешиваться.

— Чертовски мило с твоей стороны, — заметила его жена. — Мы твоя семья. Что ты собираешься сделать для нас?

Грант посмотрел на Артура, и тот почувствовал решимость сохранить спокойствие, несмотря на страх и замешательство, овладевшие родственником.

— Я сохраню порядок в этом доме, — заявил Грант. — Сохраню его достоинство.

— Достоинство? — крикнула Даниэл.

Она смахнула чашку с кофе на пол и выбежала из кухни. Бекки стояла возле лужицы на полу и беззвучно рыдала.

— Папа, — бормотала она между приступами плача.

— Мы просто поспорили, — объяснил Грант. Он встал на колени возле девочки и обнял ее за плечи. — Все будет хорошо.

Артур машинально собирал вещи в ванной комнате и спальне. Франсин отыскала сестру и попыталась успокоить ее.

Грант проводил Артура до подъездной аллеи. На холмах лежал густой утренний туман, сквозь дымку проступало солнце. Несколько голубок пели в кустах свои чудесные бессмысленные песни.

— Ты продолжаешь работать на правительство? — спросил Грант.

— Нет.

— Я думал, они спрячут нас всех в каком-нибудь укрытии или на шатле. Это не так?

— Нет.

Артур с трудом превозмогал душевную боль. А на что надеешься ты сам? Не на то ли, что произойдет нечто похожее на сказку, придуманную Грантом?

— Вы вернетесь вечером? Просто как будто вы поехали в город, а потом… возвратились?

Артур покачал головой.

— Думаю, не получится.

— Вы собираетесь путешествовать, бродить… пока… не начнется?

— Не знаю.

Грант скривил лицо и покачал головой.

— Интересно, надолго ли нас хватит? Всех ожидает смерть, и мы не можем противиться этому.

Артуру показалось, что он проглотил осколки стекла.

— Мы будем держаться по-своему, — продолжал Грант. — Если вы предпочитаете провести оставшееся время в машине, может, людям удастся не потерять свой облик. Продолжать жить. Если мы останемся дома, может… тоже. Как и все…

Пожалуйста! Вы всемогущи, вы всесильны, как боги, молился Артур Боссам, управляющим Сетью. Возьмите нас всех, спасите нас. Пожалуйста!

Но информация, полученная им, говорила, что молиться бессмысленно. Артур даже не был уверен, что его собственная семья обретет спасение. Ни капли уверенности — только великая неумирающая надежда. Он сжал руку Гранта.

— Я всегда восхищался тобой, — сказал он. — Ты не такой, как я. Хочу, чтобы ты знал: я всегда восхищался тобой и Даниэл. Вы хорошие люди.

Где бы мы ни оказались, что бы ни случилось, мы будем думать о вас. Я верю, что и мы тоже всегда в ваших мыслях.

— Так и будет, — подтвердил Грант.

Из дома вышли Даниэл и Франсин, за ними — Марти. Бекки выглядывала из окна — маленькое привидение с белыми сверкающими волосами.

Удостоверившись, что Марти пристегнул ремни безопасности, Артур сел за руль. Грант одной рукой прижал к себе Даниэл, другой — махал отъезжающим.

Как будто ничего не происходит, подумал Артур. Просто семья ненадолго расстается. Он вырулил с аллеи и свернул на узкую улочку. Потом посмотрел на часы. У них есть час, чтобы добраться до нужного места.

Франсин с лицом, мокрым от слез, молчала, уставившись вперед. Ее рука вяло свисала из окна.

Марти продолжал махать на прощание.

С океана подул ветер и принес запах пожара, бушующего на востоке. Когда порыв ветра стих, воздух вновь стал приятным, свежим и чистым. Артур вел автомобиль через выложенный серым камнем мост между Сан-Франциско и Оклендом, почти не встречая ни попутных, ни встречных

машин. Потом они выехали на шоссе и повернули на юг.

— Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, куда мы едем? — спросила Франсин.

Артур кивнул. Каким-то образом он знал, где конечная цель. Он следовал инструкциям, и перед ним проступала картина пятидесятифутового рыбацкого судна. Двадцать пассажиров сидели на корме и ожидали семью Гордонов.

Он остановил машину возле Агуа-Виста-парка.

— Дальше надо идти пешком, — объявил Артур. — Здесь недалеко.

— Что будет с вещами? — спросила Франсин.

— А с моими игрушками? — вмешался Марти.

— Оставьте все здесь, — приказал Артур. Он открыл багажник и вытащил коробку с бумагами и записями Франсин. Он будет настаивать, чтобы им разрешили взять это с собой. Он попросил Марти подержать коробку.

Возбуждение мало-помалу возвращалось к нему. У него еще будет время пожалеть об оставшихся. Сейчас же он понял, что происходит то, на что он втайне надеялся. Сеть не преграждала ему путь, не заставляла его свернуть обратно; наоборот, она подталкивала его. У них в распоряжении не больше нескольких минут.

— Мы поплывем на лодке? — спросила Франсин.

Он кивнул. Она взяла сумочку, но Артур покачал головой: оставь здесь. Франсин вытащила из бумажника пакет с семейными фотографиями и отбросила остальное в сторону. Она сделала это почти сердито, гневно нахмурив брови.

— Мы не закроем машину? — спросил Марти.

Артур торопил их. Не стоило тратить время даже на то, чтобы закрыть багажник.

Вам не нужны личные вещи. Ничего, кроме одежды, которая на вас. Вытащите из карманов мелочь, ключи — все. Принесите только самих себя.

Артур вытряхнул мелочь и ключи, выбросил на асфальт бумажник и расческу.

Они вошли в открытые ворота ограды, состоящей из столбов и цепей, и зашагали по длинному широкому пирсу. По обеим сторонам его на волнах раскачивались мачты рыбацких лодок.

— Быстрее! — скомандовал Артур.

Франсин пропустила Марти вперед.

— Все это — ради морской прогулки, — ворчала она.

В конце пирса их ожидало судно, которое он уже видел. Действительно, около двадцати чело-

век сидели и стояли на корме. Молодая женщина в выцветших джинсах и ветровке провела Гордонов по трапу на палубу, где они присоединились к остальным пассажирам, заняв места позади всех. Марти облокотился на сваленные в кучу старые пахучие рыбацкие сети. Франсин примостилась на лебедке.

— Отлично! — крикнула молодая женщина. — Теперь все!

И только сейчас Артур отважился вздохнуть свободно. Он огляделся вокруг. Большинство людей было моложе него; кроме Марти, в группе находилось еще четверо детей. Ни одного старика. Артур вглядывался в лица спутников; многих из них он знал по совместной работе на Тайных Наставников. И все же не каждый был вознагражден за свой труд. Кое-кто из бывших соратников Артура не попал на лодку; иные же, не связанные с Сетью — взять, хотя бы, Марти и Франсин — получили шанс на спасение.

Никто, казалось, не знал, куда поплывет корабль. Судно отчалило от берега и, покачиваясь на волнах, направилось на север. Солнце пригревало, но ветер, гуляющий над заливом, обдавал всех холодом.

Молодая женщина подходила к каждому пас-

сажиру.

— Украшения, пожалуйста, — говорила она. — Кольца, серьги, ожерелья. Все.

Люди безропотно отдавали ценности. Артур снял обручальное кольцо и кивнул жене, чтобы она последовала его примеру. Марти без сожаления отдал свои часы. Мальчик вел себя смирно и не выглядел испуганным.

— Вы знаете, где мы сейчас проплываем? — спросил молодой человек в строгом костюме, передавая женщине золотые часы «Ролекс».

— Близ Алькатраса, — ответила она. — Так сказал шкипер.

— А потом?

Она покачала головой.

— Ну что, все отдали ценности?

— А мы получим их назад? — поинтересовалась невысокая японка.

— Нет, — ответила женщина. — Сожалею.

— А Бекки, тетя Даниэл и дядя Грант плывут? — торжественно спросил Марти, наблюдая за морскими чайками, скользящими над волнами.

— Нет, — заторопилась Франсин, опережая Артура. — Никто из родных не плывет с нами.

— Мы улетим с Земли, да? — спросил мальчик. Взрослые, слышавшие разговор, заметно

поежились.

— Шшшш, — прошептала молодая женщина, проходя мимо Гордонов. — Жди и смотри.

Артур нежно ущипнул Марти за ухо. Умный мальчуган, подумал он. Он посмотрел на море, чувствуя, как пенящиеся волны залива бьют по корпусу судна. У некоторых началась морская болезнь. Смуглый седобородый человек лет сорока спустился из рулевой рубки и раздал целлофановые мешочки.

— Используйте их, — грубовато посоветовал он. — Плохо, если вы вконец расклеитесь, и, конечно же, мы не можем допустить цепной реакции.

Прищурившись, чтобы соленые брызги не попадали в глаза, Артур смотрел на город, оставшийся уже далеко позади. Сколько сделано человеческими руками! По всей планете! За тысячелетия! Он не мог заставить себя даже подумать о чудовищном насилии, которому подвергнется Земля. Подошла Франсин и крепко обняла мужа. Он прижался щекой к ее волосам, не смея вновь почувствовать прилив оптимизма.

— Ты можешь сказать, куда мы держим путь? — спросила Франсин.

Марти резко обернулся к ним.

— Мы улетаем, мама, — сказал он.

— Да? — спросила Франсин мужа.

Он сглотнул слюну и неуверенно кивнул.

— Да, думаю, улетаем.

— Куда?

— Не знаю.

Они проплыли под мостом. Острова Херба-Буэна и Трежер остались справа высокими темно-зелеными и коричневыми глыбами на серой, как свинец, воде.

— Видишь, Марти? — спросила Франсин, показывая на перекладины моста, пирс и башню. — Всего час назад мы проезжали там на машине.

Марти равнодушно посмотрел наверх. На море начиналось волнение. Впереди маячил Алькатрас — каменный островок с водонапорной башней, возвышающейся над древними зданиями. Судно замедлило ход, монотонный гул мотора сменился размеренным «тук-тук-тук». Молодая женщина снова появилась на корме, внимательно изучая пассажиров и стараясь обнаружить у них вещи, без которых можно обойтись. Никто не выразил протеста: люди словно оцепенели — то ли от страха, то ли от морской болезни, то ли от усталости. А может, от всего сразу. Женщина, проходя мимо Марти, улыбнулась ему.

Судно остановилось, покачиваясь на волнах. Пассажиры зашевелились. Артур увидел, как что-то квадратное и серое вырастает из-за планшира. Он подумал о подводной лодке, но предмет, показавшийся над водой, был значительно меньше — шириной в проем двустворчатой двери. Его высота не превышала десяти футов.

— Будьте осторожны! — предупредила женщина, стоя на короткой лестнице возле рулевой рубки. — Море неспокойно. Нам всем придется спуститься вниз через этот проход. — В серой глыбе появилось черное квадратное отверстие. — Винтовая лестница приведет вас внутрь корабля. Ковчега. Если с вами есть дети моложе двенадцати лет, пожалуйста, держите их за руку и будьте внимательны.

Дородный рыбак в свитере с высоким воротом с трудом перекинул сходни к отверстию.

— Мы улетаем! — сказала Франсин помолодевшим голосом.

В полном молчании, один за другим пассажиры прошли по шаткому трапу. Рыбак и женщина помогали им. Каждый исчезал внутри глыбы. Когда пришла очередь Гордонов, Артур преодолел сходни первым, потом помог Франсин перевести сына; перегнувшись над мостиком, он крепко

держал жену за руку.

— О, Боже, — сказала Франсин дрожащим голосом, когда они начали спуск по крутой и узкой винтовой лестнице.

— Не бойся, мамочка, — подбадривал Марти. Он улыбнулся Артуру и пошел впереди отца.

Пройдя футов тридцать, они оказались перед полуовальным входом в круглую комнату с тремя дверьми на противоположной стороне. Стены, желтые, как персик, и ровное теплое освещение действовали успокаивающе. Когда все двадцать человек собрались в комнате, к ним присоединилась молодая женщина. Рыбак и другие члены команды остались на судне. Полуовальный люк тихо захлопнулся. Несколько человек приглушенно застонали; один мужчина, с виду лет на десять моложе Артура, упал на колени и молитвенно сложил руки.

— Мы внутри космического корабля, — сказала молодая женщина. — Дальше расположены жилые отсеки. Через некоторое время, может, через несколько часов, мы покинем Землю. Кое-кто из вас уже догадывался об этом. Остальным следует набраться терпения и не бояться.

Артур схватил жену и сына за руки и закрыл глаза, сам не понимая, испуган он, возбужден

или подавлен горем. Если они уже на борту и вся работа, проделанная им и другими завершена, то это означает только одно: конец близок.

Возможно, его семья выживет. Но никогда уже им не суждено вдохнуть свежий морской воздух или погреться под теплыми лучами солнца. Перед закрытыми глазами Артура мелькали лица: родственники, друзья, сослуживцы. Харри — такой, каким он был до болезни. Артур вспомнил об Итаке Файнман. Интересно, она тоже полетит в космос? Скорее всего, нет. На кораблях очень мало места, особенно теперь, когда ковчеги Чарлстона и Сиэтла уничтожены. Только для жизнеспособной популяции — не больше.

А все остальные…

Сосед молился громко, страстно, его лицо исказило выражением абсолютной сосредоточенности. Артуру стоило большого труда удержаться и не упасть на колени рядом с ним.

Ранним утром группа из десяти человек брела по тропе Фор-Майл-Трейл — Эдвард и Бетси среди них. Они шли в тени хвойных рощ, где острый сосновый запах разлился в воздухе. Подъем на первом участке не представлял трудностей, тропа постепенно поднималась вверх к бурному потоку реки Сентинел-Крик, пробившей себе русло в

двухстах футах над долиной.

К одиннадцати часам они повернули на круто поднимающуюся тропу, которая утыкалась в гранитные скалы возле Сентинел-Рока.

Эдвард остановился, переводя дыхание. Он присел и с восхищением посмотрел на Бетси, одетую в походные шорты.

— Удобная обувь, — заметила Бетси, упираясь стройной ногой в выступ, чтобы перешнуровать туристские ботинки.

Он посмотрел вниз, на уже пройденный путь, и покачал головой. К полудню они стянули с себя свитера и завязали их вокруг бедер. Группа остановилась набрать воды. Десять человек разбрелись на милю и выглядели как козы на искусственной горе в зоопарке. Один парень забрался на несколько футов выше Эдварда. У смельчака хватило сил ударить себя в грудь и издать победный клич, передразнивая Тарзана; потом он засмеялся и помахал рукой.

— Провалиться мне сквозь землю, если он не псих, — прокомментировала Бетси.

Веселое настроение не покидало их, пока они стояли на Юньон-Пойнте и обозревали долину, облокотясь на металлические перила. Дым почти рассеялся, воздух становился все теплее и теплее

по мере того, как туристы поднимались.

— Может, остановиться здесь, — предложила Бетси. — Отсюда отличный вид.

— Вперед! — Эдвард состроил решительную мину и показал на цель. — Еще один переход.

В час дня они преодолели серию нескончаемых виражей, поднимающихся по голому гранитному склону, и остановились, чтобы поближе рассмотреть заросли толокнянки. Потом двинулись по почти горизонтальной, а потому вполне приемлемой тропке к Глесьер-Пойнту.

Минелли и его спутница Инес уже успели поставить палатки среди деревьев, растущих позади асфальтированной дорожки, ведущей к огражденной террасе. Они помахали Эдварду и жестами пригласили присоединиться к завтраку.

— Мы хотим посмотреть на долину! — крикнул Эдвард в ответ. — Подойдем позже.

Оперевшись на перила нижней террасы, они впитывали в себя долину от края до края и горы, вздымающиеся за ней. Пение птиц перемежалось с шепотом ветерка.

— Какое спокойствие! Можно подумать, ему ничто не угрожает… — проговорила Бетси.

Эдвард пытался представить себе отца, который

стоял на этом самом месте больше двадцати лет назад и гримасничал перед женой, старавшейся заснять его полароидом. Тогда они приехали сюда на машине, а часом позже уже возвращались домой — заканчивались последние счастливые дни его детства, дни, когда Эдвард чувствовал, что может быть счастливым.

Он взял Бетси за руку и улыбнулся ей.

— Лучший вид в мире.

— Места для почетных гостей, — согласилась Бетси, щурясь от яркого солнца. Несколько минут они, обнявшись, стояли у края обрыва, а потом повернулись и пошли к Минелли и Инес.

День тянулся медленно, лениво. Минелли удалось купить батон салями, а Инес вышла из палатки с большим куском чеддера.

— Еще несколько дней назад у нас была целая головка, — сказала она. — Не спрашивайте, как она нам досталась. — Она смеялась одновременно и грубоватым, и по-детски милым смехом.

Минелли раздал банки с пивом, теплым, но, тем не менее, освежающим, и они медленно принялись за еду, изредка обмениваясь незначительными фразами, вслушиваясь в щебетание птиц и шорох листьев. Когда завтрак закончился, Эдвард расстелил на траве спальный мешок и

предложил Бетси вздремнуть. Подъем на вершину не слишком измотал его, но солнце припекало, воздух пьянил, большие жирные пчелы жужжали, кружась над ними. Они были сыты, а пиво навеяло на Эдварда дремоту.

Бетси легла рядом, положив голову на его локоть.

— Ты счастлив? — спросила она.

Эдвард открыл глаза и увидел белые облака на фоне ярко-синего неба.

— Да, — сказал он. — Счастлив.

— Я тоже.

В нескольких ярдах туристы распевали песни, слышались мелодии шестидесятых и семидесятых годов. Голоса плыли по колеблющемуся теплому воздуху и таяли в шуме ветра и жужжании пчел.

Уолтер Сэмшоу праздновал свое семидесятишестилетие на борту корабля. «Дискаверер» кружил в нескольких километрах от того места, где ученые обнаружили необычно большую концентрацию кислорода, поднимавшегося на поверхность. Пузырьки не показывались уже три дня.

Корабельный кок испек двухметровый именинный пирог в форме морского змея, или

сельдяного короля, как настаивал Чао, который несколько раз видел сельдяного короля и ни разу — морского змея.

В пять часов торт был торжественно разрезан под парусиновым навесом, натянутым над кормой. Куски змея подавались на лучшей корабельной посуде, впридачу все члены экипажа и ученые получили по стакану шампанского, а вахтенные — безалкогольный пунш.

Сенд без слов поднял свой стакан, чествуя юбиляра. Уолт улыбнулся и откусил кусочек пирога. Вкус темной сахарной глазури, приготовленной особым способом, показался ему знакомым. Сэмшоу старался вспомнить, где он мог пробовать такое блюдо, как вдруг океан озарился ядовитым сине-зеленым светом, так что даже яркие солнечные лучи поблекли.

Сэмшоу вспомнил молодость, Четвертое июля, когда он стоял на пляже Кейп-Кода в ожидании праздничного салюта, стрелял из ракетницы в волны прибоя и наблюдал, как зеленые огоньки бесшумно разрываются в глубине.

Команда, сбежавшаяся на корму, молчала. Кое-кто недоуменно переглядывался, не понимая, в чем дело.

Быстро следуя одна за другой, новые вспышки

осветили океан от края до края.

— Думаю, — сказал Сэмшоу отлично поставленным преподавательским голосом, — что скоро мы получим ответ на многие вопросы.

Он встал на колени, поставил стакан и тарелку на палубу, потом с помощью Сенда поднялся и подошел к борту.

К востоку от корабля загрохотало и море, и небо.

Там, от линии горизонта, поднималось облако дыма и ослепительного света. Потом облачный столб изогнулся, как раненая змея. Один конец длинного облака вытянулся над морем и с поразительной скоростью скользнул к сунду. Сзмшоу вздрогнул — он не хотел, чтобы все кончилось прямо сейчас. Он хотел увидеть еще что-нибудь, прожить хотя бы еще несколько минут.

Корпус корабля задрожал, стальные мачты и провода загудели. Перила сильно вибрировали под руками ученого.

Океан наполнился светом. Вода на много миль вокруг напоминала лампу из толстого зеленого стелка с пламенем свечи за ней.

— Бомбы, — пояснил Сэмшоу. — Они взрываются. Вдоль желобов и котловин…

К востоку море вздулось пузырем толщиной,

возможно, в сто метров. Змееобразное облако коснулось его, и пузырь лопнул, разлетевшись брызгами воды и пены. Посреди разорванной морской поверхности — среди остатков оболочки немыслимо большого пузыря — поднималась мерцающая прозрачная струя сверхгорячего пара около двух миль шириной. Пар немедленно сгустился в опалового цвета полусферу. Вокруг — куда ни посмотри — лоалось, и испарялось, и превращалось в полусферы множество других пузырей, так что казалось, кто-то взболтал все море до мятно-зеленой пены. Облака пара крутящимися колоннами поднимались в небо. Свист, рев, бульканье и грохот выворачивали душу наизнанку, становились невыносимыми. Сэмшоу обхватил голову руками и замер в ожидании того, что, как он знал, должно произойти.

Несколько пузырей появились и лопнули всего лишь в сотне метров от них, еще несколько — по другую сторону корабля. Высокая стена бурлящей воды подхватила «Дискаверер» и сломала его хребет, крутя судно то в одну, то в другую сторону. Со скрежетом гнулся металл; заклепки выскакивали, словно пушечные снаряды; листовое железо рвалось, как бумага; оглушительно трещали перекладины. Сэмшоу перелетел через

борт и смешался со струей пены и обломками разваливающегося корабля. Он почувствовал, что все то, частью чего он был — море, небо, воздух и дымка вокруг — все это быстро поднимается вверх. На море, совсем близко от корабля, показался огромный пузырь.

Конечно, у Сэмшоу уже не оставалось времени для раздумий. Но одна мысль задержалась в предпоследнем мгновении его жизни, словно в замедленном кадре. Эта мысль не покидала его мозг до тех пор, пока тело не сварилось и не смешалось с заполнившей все вокруг пеной.

Жаль, что я не услышу, как хрустит земная кора, раздираемая на части.

По всей планете, в тех местах, где машины-минеры спрятали в глубоких впадинах бомбы, из воды поднимались извилистые струи горячего пара и исчезали высоко в небе. Миллионы этих полупрозрачных столбов сгущались в облака, облака соприкасались с холодными верхними слоями атмосферы и превращались в дождь. Потесненные воздушные массы возвращались обратно со страшным грохотом. Между быстро расширяющимися областями высокого и низкого давления пронеслись цунами.

Наступило начало конца.

Dies irae

Через несколько часов после посадки на космический корабль та самая молодая женщина, которая руководила пассажирами рыбацкого судна — ее звали Клара Фогарти — вошла в комнату и обратилась к каждому из двадцати собравшихся, стараясь успокоить всех. Сама она казалась сильно взбудораженной, почти на грани срыва.

«Помоги ей», — услышал приказ артур. Он и несколько других мгновенно повиновались. Через пару минут он обогнул группу и подошел к Франсин. Мартин крепко обнял его.

— Я иду в те отсеки, где мы будем жить, — сказал Артур.

— Приказ Сети?

— Нет. — Он, нахмурившись, посмотрел в сторону. — Что-то другое. Я никогда раньше не слышал этого голоса. Мне надо встретиться с кем-то.

Франсин потерла лицо руками и поцеловала мужа. Артур с возгласом «ого-о-о» поднял сына на руки и велел ему заботиться о матери.

— Я скоро вернусь.

Вместе с Кларой Фогарти он направился к люку, через который они заходили в комнату. Люк — небольшой выступ на поверхности стены —

открылся, и они быстро вышли, даже не успев разобрать, что впереди.

Они очутились в ярко освещенном коридоре, который отвесной дугой уходил вниз. Дверь закрылась; Артур и Клара обменялись встревоженными взглядами. По обеим сторонам коридора располагалось несколько похожих друг на друга дверей.

— Искусственная гравитация? — спросила Клара.

— Не знаю.

Повинуясь немому приказу, они шагнули вперед. Ходьба под прямым углом к полу вертикального коридора не вызывала никаких странных ощущений, кроме визуальных. В конце коридора их ожидала другая открытая дверь, за ней — полумрак, казавшийся гостеприимным. Клара и Артур не колебались.

В центре комнаты, похожей на ту, где находилась группа, стоял постамент высотой в фут и шириной в ярд. На возвышении Артур увидел нечто, что, на первый взгляд, напоминало статую, выполненную в виде торса и головы. Пожалуй, изваяние немного походило на приплюснутую, а потому кажущуюся квадратной фигурку языческого божка. Неведомый мастер не сделал

никаких попыток обозначить черты статуи, он лишь довольно абстрактно наметил грудь. Странный предмет напоминал по цвету медную пластинку, раскаленную на огне. Поверхность статуи — в разводах, переливающихся всеми цветами радуги — блестела, но не отражала свет.

Без предупреждения изваяние плавно приподнялось над пьедесталом на несколько дюймов и громко обратилось к вошедшим:

— Боюсь, что вашему народу скоро придется забыть о свободе.

Именно этот голос несколько минут назад вел Артура по коридору.

— Кто вы? — спросил он.

— Я не сторожу, я управляю вами.

— Вы живой организм? — Артур просто не знал, что бы еще спросить.

— С биологической точки зрения — нет. Я часть этого корабля, который, в свою очередь, скоро станет частью большей по размерам машины. Ваша задача — подготовить своих спутников к встрече со мной, чтобы я смог проинструктировать их и, вместе с тем, выполнить инструкции, данные мне.

— Вы — робот? — спросила Клара.

— Я — символ. Меня надо принимать таким,

какой я есть. Иными словами, я — машина, но я не раб. Понимаете?

Робот говорил низким властным голосом, не женским и не мужским.

— Да, — ответил Артур.

— Кое-кто ужаснется моему виду. Тем не менее, очень важно, чтобы мы познакомились и люди начали доверять мне — доверять информации и приказаниям, исходящим от меня. Это понятно?

— Да, — ответили они хором.

— Будущее человечества и всей информации, собранной нами на Земле, зависит от того, как ваш народ и мой народ смогут контактировать друг с другом. Вы должны подчиняться дисциплине, а я открою перед вами такие стороны действительности, о которых вы и подумать не смели.

Артур кивнул, облизывая пересохшие губы.

— Мы внутри одного из ковчегов?

— Да. Все эти машины соединятся в одну, как только мы выйдем в космос. Насчитывается тридцать один корабль, причем двадцать один — собрал на борту пять тысяч человек. У нас большое количество ботанических, зоологических и других образцов; они обработаны так, что способны к регенерации. Ясно?

— Да, — вымолвил Артур. Клара кивнула.

— На первых порах я буду избегать прямого речевого общения с вами. Буду пользоваться телепатическим контактом, при помощи которого мы руководили деятельностью Сети. Позже, когда у нас появится больше времени, мы откажемся от вторжения в ваше сознание. Когда вы возвратитесь к своим спутникам, я начну осуществлять связь с ними через вас, но вы можете сами выбирать форму выражения моих сообщений. У нас очень мало времени.

— Началось? — спросила Клара.

— Началось, — ответил робот.

— Мы скоро улетаем?

— В настоящее время поступили последние пассажиры и образцы.

Артур увидел, как с маленьких лодок, подошедших ко входу в ковчег, какие-то люди грузят на корабль корзины с блестящими пауками. Пауки держали в лапках частички растений и животных восточного побережья, содержащие генетические данные.

— Как нам называть вас? — спросил Артур.

— Сами придумайте имя для меня. Теперь вам следует вернуться к своей группе в отвести людей в жилые помещения, расположенные вдоль

этого коридора. Вам также надо найти четырех добровольцев, которые согласились бы стать свидетелями совершаемого преступления.

— Смотреть, как погибает Земля?

— Да. Таков Закон. Прошу прощения, меня ждут.

Артур и Клара вышли из полутемной комнаты. Они остановились и посмотрели, как закрывается дверь.

— Здорово придумано, — сказал Артур.

— Закон. — Клара измученно улыбнулась. — Вот теперь я боюсь, как никогда. Я ведь еще не познакомилась со всеми пассажирами.

— Так давай начнем, — предложил Артур.

Они поднялись по отвесному коридору. Дверь на противоположной стороне открылась, и они увидели череду растерянных лиц. Повеяло страхом.

Ирвин Шварц зашел в одну из комнат Белого Дома и чуть не столкнулся с Первой леди. Она попятилась, нервно кивнув ему. Он отметил, что руки женщины дрожат. После эвакуации, предпринятой накануне, и срочного возвращения президента в столицу все были на пределе. С тех пор никто не спал больше одного-двух часов.

Президент и Отто Лерман стояли возле экрана

высокой разрешаемости, укрепленного на деревянной обшивке железобетонных стен. На экране Шварц увидел карту Северного полушария. Красные точки обозначали исчезнувшие города.

— Идите сюда, Ирвин, — позвал Крокермен. — У нас есть новые данные.

Президент выглядел даже бодрым.

Ирвин повернулся к Первой леди.

— Вы останетесь здесь? — резко спросил он. Шварц уважал супругу президента, но недолюбливал ее.

— Президент лично попросил меня об этом, — сказала она. — Муж полагает, надо держаться вместе.

— Вы, естественно, согласны с ним.

— Согласна.

Никогда за всю историю Соединенных Штатов Первая леди не покидала супруга в беде, и миссис Крокермен знала это. Ей потребовалось много мужества, чтобы вернуться в Белый Дом. Шварц и сам неоднократно подумывал об отставке, а потому не мог судить жену президента слишком строго.

Он протянул миссис Крокермен руку. Они обменялись рукопожатием.

— Добро пожаловать! — проговорил он.

— У нас есть фотографии, сделанные около двадцати минут назад «Даймонд Эппл», — сообщил Лерман. — Они сейчас появятся на экране.

«Даймонд Эппл», разведывательный спутник, был запущен в 1990 году. Национальное управление разведки ревностно относилось к данным, полученным с него; только президент да министр обороны имели доступ к этим снимкам. То, что сегодня Шварц получил возможность взглянуть на них, подтверждало: положение критическое.

— Вот они, — объявил Лерман, когда на экране появилось другое изображение.

По видимому, Крокермен уже получил какую-то предварительную информацию. Толстые ярко-белые полосы, обведенные красным и сине-зеленым цветом, пронизывали черный фон.

— Знаете ли, — тихо начал Крокермен, отходя от экрана, — в конце концов, я оказался прав. Черт возьми, Ирвин, я был одновременно прав и неправ! Как вам нравятся эти картинки?

Шварц уставился на белые линии, не в силах разобраться в них, пока не появились названия и сетка меридианов и параллелей. Фотография изображала Северную Атлантику; полосы обозначали желоба, подводные скалы и разломы.

— Белым цветом, — пояснил Лерман, — отме-

чены места, где происходит процесс выделения тепла вследствие термоядерных взрывов. Сотни, возможно, тысячи, не исключено, десятки тысяч взрывов — и все вдоль океанических впадин и складок.

Первая леди едва не зарыдала, но все же сдержалась. Крокермен посмотрел на экран с печальной улыбкой.

— А теперь — западная часть Тихого океана, — сказал Лерман. Еще множество белых линий. — Между прочим, цунами неоднократно обрушивались на Гавайи. Самые большие волны могли бы достичь восточного побережья Северной Америки за двадцать-тридцать минут. Предполагаю, что эти районы тоже пострадали от цунами. — Он показал на скопление белых линий воле Аляски и Калифорнии. — Последствия могут оказаться катастрофическими. В результате взрывов выделилось огромное количество энергии, так что климат на Земле изменится. Тепловой баланс планеты… — Он покачал головой. — Но я сомневаюсь, что у нас будет время ощутить это на себе.

— Артподготовка? — спросил Шварц.

Лерман пожал плечами.

— Кто может знать их замыслы? Мы еще живы

— значит, они предприняли только предварительную атаку. Вот что можно сказать с полной уверенностью. Сейсмические станции отовсюду сообщают о серьезных аномалиях.

— Не думаю, что пульки уже столкнулись, — проговорил Крокермен. — Ирвин попал пальцем в небо. Просто мы имели дело с артподготовкой.

Лерман увелся за большой ромбовидный стол и протянул руку.

— Ваша догадка так же хороша, как и моя.

— Думаю, нам остается час, может, меньше, — предположил президент. — Мы ничего не можем сделать. Никогда ничего не могли.

Шварц нахмурился и принялся изучать фотографии с «Даймонд Эппл». Снимки, казалось, не имели ничего общего с реальностью. Всего лишь красивая абстракция. Как теперь выглядят Гавайи? На что будет похож Сан-Франциско через несколько минут? Или Нью-Йорк?

— Жаль, что здесь не все, кого я хотел бы видеть, — сказал Крокермен, — кого хотел бы поблагодарить.

— Мы не эвакуируемся… снова? — машинально спросил Шварц.

Лерман бросил на него пронизывающий ироничный взгляд.

— У нас нет поселений на Луне, Ирвин. Президент, будучи еще сенатором, настоял, чтобы финансирование этого проекта было прекращено в 1990 году.

— Виноват, — бросил Крокермен почти враждебно.

если бы у Шварца был с собой пистолет, то в этот момент он пристрелил бы президента; беспомощный неуправляемый гнев мог в равной степени довести его и до слез, и до насилия. Снимки не отражали сути происходящего. Крокермен, однако, был реален.

— Мы — словно дети, — сказал Шварц после того, как жар отхлынул от лица и руки перестали дрожать. — У нас никогда не было шанса.

Пол завибрировал. Крокермен огляделся.

— Я почти с нетерпением жду конца. Я чувствую такую боль в душе!

Пол затрясся сильнее.

Первая леди вцепилась в притолоку, потом облокотилась на стол. Шварц поднялся, чтобы помочь ей сесть. В комнате появились сотрудники секретной службы. Пытаясь удержаться на ногах, они хватались за стол. Шварц усадил миссис Крокермен и упал в кресло, ухватившись за его деревянные ручки. Тряска не усиливалась.

— Сколько времени это будет продолжаться, как вы думаете? — спросил Крокермен, ни на кого не глядя.

— Господин президент, мы переправим вас под землю, — предложил представитель охраны, которому удалось дальше всем пробраться в комнату. Его голос дрожал от страха. — И всех остальных.

— Не будьте смешным. Если на меня упадет крыша, я расценю это как милость Господню. Правильно, Ирвин?

Крокермен широко улыбнулся, но в глазах его стояли слезы.

Экран потух, свет погас, потом лампы вновь загорелись.

Шварц встал — пора подать всем пример.

— Я думаю, мы позволим этим людям выполнить их задачу, господин президент.

Неожиданно он испытал неприятное ощущение в желудке, словно поднимался в скоростном лифте. Крокермен покачнулся, охранник подхватил его. Ощущение взлета не прекращалось, казалось, оно уже никогда не исчезнет. Внезапно все замерло, только Белый Дом остался приподнятым над фундаментом на один дюйм. Стальные балки, встроенные в остов здания в сороковых и в

начале пятидесятых годов, скрипели и визжали, но выстояли. Штукатурка облаками пыли и целыми кусками падала с потолка; дорогостоящая деревянная обшивка стен громко трещала.

Шварц услышал, как президент зовет его. Из-под стола (ему каким-то образом удалось спрятаться там) Ирвин пытался ответить Крокермену, но не смог. Задыхаясь, моргая, протирая глаза от пыли, он лежал и вслушивался в душераздирающий треск и грохот, раздающиеся со всех сторон. Снаружи до него донесся страшный шум — должно быть, рушилась каменная облицовка фасада или падали колонны. Он невольно вспомнил кадры из многочисленных фильмов о древних городах, уничтоженных землетрясением или извержением вулкана — об огромных мраморных глыбах, летящих в толпу смертников.

Только не Белый Дом… Только не он…

— Ирвин, Отто!

Снова голос президента. Пара ног, неловкими шажками перебирающихся к столу.

— Сюда, вниз, сэр, — выдавил Шварц.

Перед глазами встало лицо жены, он с трудом различал ее черты, словно смотрел на старую нечеткую фотографию. Она улыбалась. Потом он увидел дочь, которая жила со своей семьей в Юж-

ной Каролине… если только океан пощадил ее.

Снова стремительный рывок вверх. Шварца прижало к полу. Ощущение полета продолжалось секунду или две, но Шварц знал, что этого достаточно. Когда подъем прекратился, он, крепко зажмурив глаза, замер в ожидании обвала верхних этажей. Боже, неужели они взорвали все восточное побережье? Ожидание и тишина, казалось тянулись бесконечно. Шварц не мог решить, открыть ему глаза снова… или ограничиться только ощущением тряски.

Он повернул голову и открыл глаза.

Возле стола призрачно-белый от пыли лежал президент. Он упал лицом вверх: глаза его были открыты, но безжизненны. Белый Дом вновь обрел голос и, как живое существо, завопил от боли.

Тяжелые ножки стола подогнулись и разлетелись в щепки. Они не могли выдержать многотонный груз цемента, стали и камня.

Удивительное зрелище, подумал Эдвард, удивительное и трогательное; ему хотелось пересилить себя и присоединиться к тем, кто собрался в круг и распевал гимны и народные песни. Он и Бетси сидели на асфальтированной дорожке, прижавшись друг к другу. Колебания почвы

прекратились, но даже ветер — и тот, казалось, стонал и жаловался.

По иронии судьбы, поднявшись по крутой тропе, чтобы лучше видеть окрестности, они оказались отрезанными от края скалы футовой трещиной, появившейся в каменном покрытии террасы, и теперь перед ними открывалась лишь часть панорами гор.

— Ты — геолог, — сказала Бетси, массируя его шею. Эдвард не просил ее об этом, но массаж придавал ему сил. — Понимаешь, что происходит?

— Нет.

— Это не простое землетрясение?

— Не похоже.

— Значит, началось. Нам не выбраться отсюда.

Он кивнул и попытался побороть подступивший страх. Теперь, когда он понял, что гибель близка, его охватила настоящая паника. Эдвард чувствовал себя в ловушке, его мучили приступы клаустрофобии, словно он находился в замкнутом пространстве, огороженном землей и небом. Нет, только землей — ведь у него нет крыльев. Он ощущал себя скованным по рукам и ногам гравитационным полем и собственной беспомощностью. Его тело постоянно напоминало, что чувство страха сложно контролировать, лишь в

редких случаях удается сохранить присутствие духа перед лицом смерти.

— Господи, — простонала Бетси, прижимаясь щекой к щеке Эдварда. Она смотрела на Пойнт и тоже вся дрожала. — Я думала, что, по крайней мере, у нас будет время поговорить об этом, сидя у костра…

Эдвард крепче прижал ее к себе. Он вообразил Бетси в роли своей жены, потом вспомнил о Стелле и сам удивился переменчивости своих фантазий; он пытался ухватиться за различные варианты судьбы, но его время истекало. Несмотря на страх, он мечтал об обеих женщинах.

Тряска почти прекратилась.

Люди, распевающие гимны, тщетно пытались найти общую тональность. Из-за деревьев появились Минелли и Инес. Они забрались на гору по извилистой дороге. Минелли громко гикал и не переставал теребить свои волосы.

— Он сумасшедший, — заявила Инес, тяжело дыша. Ее лицо побледнело. — Может, не самый безумный из тех, кого я встречала, но близко к этому.

— Вам не кажется, что стало теплее? — спросила Бетси.

Эдвард задумался. Возможно ли выделение

тепла перед ударной волной? Нет. Если пульки скоро столкнутся или уже столкнулись в глубине Земли, сокрушительный поток плазмы расколет планету еще до того, как тепло достигнет поверхности.

— Не думаю, что это… признак конца, — заметил Эдвард. Он не помнил, чтобы когда-либо ему приходилось одновременно искать ответы на такое множество вопросов. Очень хотелось посмотреть, что происходит в долине.

— Рискнем? — предложил он, показывая на террасу и по-прежнему не тронутый подземными толчками край скалы.

— Зачем же мы пришли сюда? — спросил Минелли, смеясь и тряся головой, как мокрый пес. Из-под его челки стекал пот. Он снова гикнул, схватил Инес за пухлую руку и потащил подружку к террасе.

— Минеллиииии! — запротестовала девушка, оглядываясь назад, словно просила о помощи.

Эдвард посмотрел на Бетси, и та кивнула. Ее лицо вспыхнуло.

— Мне ужасно страшно, — прошептала она. — Будто я высоко в воздухе. — Они перепрыгнули через трещину. — Мне жаль тех, кто сидит дома. Правда, жаль.

Две пары стояли на террасе, глядя на долину. Там изменилось не многое, по крайней мере, на первый взгляд. Потом Минелли показал на столб густого дыма.

— Видите?

Горел Ауони. Почти все здание отеля было охвачено огнем.

— Я так люблю это чудное место, — сказала Бетси.

Инес застонала и всплеснула руками.

— Как по-вашему, еще долго? — спросила она с таким выражением лица, словно собиралась чихнуть или заплакать, однако не сделала ни того, ни другого.

— Кажется, скоро, — ответил Эдвард.

Бетси со стоном подняла руки, и он прижал ее к себе так крепко, что девушка чуть не вскрикнула.

— Обними меня, черт возьми! — потребовала Инес. Минелли взглянул на нее, потом последовал примеру Эдварда.

Через десять минут после знакомства с членами своей группы Артур и Клара развели пассажиров ковчега по каютам, расположенным вдоль извилистого коридора. Два малыша безутешно плакали, взрослые выглядели измученными.

Артур остановился на пороге каюты, предназначенной для его семьи, и отметил, что справа от закрытой двери, за которой он встретился с роботом, находятся туалетные кабинки. Несколько человек уже воспользовались ими; многие поспешили туда, измученные тошнотой. К последним относилась и Клара. Она вошла в каюту Гордонов и прислонилась спиной к двери, вытирая рукой глаза.

— Все устроились, по-моему, — сказала она. — Что теперь?

С тех пор, как они оказались на борту корабля, Франсин почти все время молчала. Она села на кровать и прижала к себе коробку с записями и дискетами. Марти крепко держал ее за руку. Миссис Гордон посмотрела на Клару отсутствующим взглядом, испугавшим Артура.

Выберите четырех свидетелей! Приказ звучал внутри них вежливо, но недвусмысленно. Таков Закон!

Клара вздрогнула и попятилась.

— Слыхал? — спросила она.

Артур кивнул, Франсин вопросительно посмотрела на мужа.

— Они хотят, чтобы мы выбрали четырех свидетелей, — объяснил он.

— Свидетелей чего?

— Конца.

— Детям нельзя, — твердо заявила Франсин.

Артур ждал, когда голос заговорит вновь. Двое должны быть детьми, чтобы они могли передать память о трагедии другому поколению.

— Нужно два ребенка, — сказал он. Франсин сжала кулаки.

— Для чего им нужны дети? — спросил Марти, широко раскрытыми глазами глядя на родителей.

— Таков Закон. Их Закон, — объяснил отец. — Им необходимо, чтобы кто-то из нас увидел гибель Земли. И двое должны быть детьми.

Марти на мгновение задумался.

— Все остальные ребята младше меня, — сказал он, — кроме той девочки. Не знаю, как ее зовут.

Франсин обернулась к сыну, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Ты знаешь, что должно произойти?

— Земля взорвется. Они хотят, чтобы мы видели. Чтобы поняли, что это такое.

— Ты знаешь, кто такие эти самые «они»? — спросила Франсин.

— Те, что разговаривали с папой.

— Он отлично во всем разобрался, — заметил

Артур.

— Точно, — согласилась Клара.

Франсин сердито посмотрела на Фогарти, потом вновь перевела взгляд на сына.

— Ты хочешь видеть?

Марти покачал головой.

— Потом по ночам меня будут мучить кошмары.

— Тогда решено, — сказала Франсин. — Он…

— Но, мама, если я не увижу, я не узнаю…

— Чего не узнаешь?

— Как сильно я должен ненавидеть.

Франсин всмотрелась в лицо сына и обхватила себя руками.

— Только четверо? — спросила она.

— По меньшей мере, четверо, — ответил Артур. — Все, кто хочет.

— Марти, — позвала Франсин. — Я разделю с тобой кошмары, ладно?

— Ладно.

— Ты очень сильный мальчик, — сказала Клара.

— Ты тоже пойдешь? — спросил Артур жену.

Она, помедлив, кивнула.

— Если ты и Марти будете смотреть, то я не могу сидеть, спрятав голову под крыло.

— Сколько осталось времени? — спросил он мысленно.

— Через час и десять минут надо собраться в наблюдательной кабине.

Он опустился на узкую нижнюю койку рядом с Франсин и Марти.

— Мы покидаем Землю, — предупредил он. — Возможно, через несколько минут.

— Мы почувствуем, когда корабль взлетит, папа? — поинтересовался мальчик.

— Нет, — ответил Артур. — Мы ничего не почувствуем.

Грант ехал за машиной Артура до залива и ждал, заглушив мотор в нескольких ярдах, пока они не зашагали по пирсу. Потом он поставил свой «БМВ» возле автомобиля Артура, повесил на шею бинокль и пошел за Гордонами, сохраняя дистанцию. Он чувствовал себя дураком и постоянно спрашивал себя — так же, как Даниэл перед его отъездом, — почему он не решился откровенно поговорить с Артуром и потребовать от него объяснений.

Грант знал, что не пошел бы на это. Прежде всего, он не верил, что Гордон занимается эвакуацией в космос правительства. Грант сомневался, что подобный путь спасения запланирован или

вообще возможен. Никто не способен настолько удалиться от Земли, чтобы избежать смерти, если только гибель планеты не напоминала то, что он не раз видел в кино. И даже если бы это оказалось возможным — например, полет на Луну, — то вряд ли люди могли бы выжить в космосе.

Но Грантом завладело любопытство. Он, как и Данижл, подозревал, что Гордоны в чем-то замешаны. Состояние поиска, слежка за родственниками в какой-то мере отвлекали его от мрачных мыслей.

Грант отчаялся. Он не мог спасти свою семью. Он чувствовал то, что чувствовали вокруг него биллионы других людей — глубокий ужас, усиленный сознанием собственной беспомощности и переходящий в безразличие. Наверно, так же чувствовали себя его дед и бабушка, когда их вели в газовые камеры Освенцима.

Конечно, то, что происходит сейчас — более масштабная и непоправимая трагедия, чем геноцид. На этот раз перед смертью все равны. Размышляя таким образом, Грант вновь уперся в стену незнания: он никогда не отличался особенно богатой фантазией и, как ни старался, не мог даже вообразить силы и мотивы, движущие убийцами.

Грант стоял на железобетонной дамбе и наблюдал, как Гордоны садятся на рыбацкое судно и смешиваются с толпой других пассажиров. Лодка отчалила и поплыла к северу.

Потом он сел прямо на дамбу, застегнул пальто и натянул шапку. Холодало.

Грант плохо понимал, что делает. Он не строил никаких планов. Если он подождет, возможно, ответ придет сам собой. Прошло несколько часов. Он сидел и притоптывал ногами, прижимал колени к груди, зарывался подбородком в хлопчатобумажную ткань новых брюк. Полдень тянулся очень медленно, но Грант не терял бдительности.

Земля слегка задрожала, и уровень воды в заливе поднялся, судя по дамбе, на фут; потом вновь упал, обнажив камни у основания стены. Грант ждал — очти надеясь, что вода вновь поднимется и накроет его.

Но вода не прибывала.

Закоченев, он встал и прошел через незапертые ворота до конца пирса. У деревянных перил он остановился и посмотрел на север. За мостом едва виднелся Алькатрас. Море южнее острова казалось белым от волн.

В центре этой белой поверхности появилось

что-то темно-серое. Сначала Грант решил, что судно перевернулось и плавает килем кверху. Но серая глыба не тонула, она все поднималась. Грант схватил бинокль и навел его на непонятный предмет.

Вздрогнув от удивления, он увидел, что глыба зависла над водой и что у нее плоское основание. У него сложилось впечатление, что гигантский блок длиной четыреста или пятьсот футов напоминает по форме утюг. Глыба взлетела над пролетом моста, словно опираясь на сверкающий ярко-зеленый конус. Над заливом пронесся тонкий ревущий и визжащий звук, от которого у Гранта свело челюсти. Предмет быстро набирал скорость и вскоре поднялся в утреннее небо. Через несколько секунд он исчез. Интересно, видел ли его еще кто-нибудь кроме меня, подумал он.

Неужели в распоряжении правительства действительно имеются такие потрясающие — одним словом, сказочные машины?

Грант покачал головой, покусывая губы. Он чувствовал некоторое облегчение. По крайней мере, несколько человек спасутся. Это, в каком-то смысле, победа — такая же, какую одержали его родители, пережив лагеря смерти.

А что касается других, обреченных…

Грант вытер слезы и быстро зашагал по пирсу обратно, ударившись о столб у ворот. Он побежал к машине, надеясь, что успеет домой. Он хотел быть со своей семьей.

Мост пустовал, когда он пересекал его. Грант не мог разглядеть то место в заливе, где вода белела.

Он понятия не имел, как объяснить все Даниэл. Ее реакция будет непосредственной и конкретной: она спросит, почему муж не попытался спасти их всех.

Скорее всего, он ничего не станет рассказывать; просто опишет Даниэл, как ехал за Гордонами до Редвуд-Сити… потом остановился, подождал несколько часов и вернулся.

Она не поверит.

На борту корабля, как выяснил Артур, находилось четыреста двенадцать пассажиров, все они оказались здесь не раньше утра или предыдущей ночи. Их разделили на группы, по двадцать человек в каждой.

В течение нескольких дней, необходимых, чтобы люди привыкли к новой обстановке, группы не имели возможности контактировать друг с другом. Единственное исключение было сделано для свидетелей.

Из группы Артура вызвалось девять добровольцев — двое детей, три женщины и четверо мужчин, считая Франсин, Артура и Марти. Они последовали за приземистым медным роботом в дальний конец извилистого коридора.

Они шли по узкой черной дорожке, и Артур пытался представить себе планировку корабля, но безуспешно. Он понял только, что тот состоит из отсеков, подвижных по отношению друг к другу.

Робот резко изменил направление движения, и они обнаружили, что пол перед ними поднимается вертикально вверх. Робот зашагал вперед, и люди тут же поняли, что делают то же самое. Кое-кто издал возглас удивления и жалобно застонал. Таким образом они оказались перед дверью, за которой была кабина длиной в сто футов и шириной в сорок или пятьдесят. Через прозрачную панель стены виднелись яркие звезды. Марти прижался к Артуру, одной рукой держась за отца, другую — сжав в кулачок. Мальчик втянул губы внутрь и сосал их, чуть слышно причмокивая. Франсин вошла вслед за ними напряженная и словно против воли.

Артур посмотрел на сына и улыбнулся.

— Ты сам решил, старина, — сказал он.

Марти кивнул. Это был уже не тот ребенок,

который неумело заигрывал с симпатичной светловолосой кузиной. Мальчик шел своей дорогой, становясь мужчиной.

Открылась дверь в противоположной стене, и еще довольно много людей вошли в кабину группами по четыре, пять, шесть человек. Среди них были дети. Вскоре перед экраном собралась большая толпа. Артур насчитал семьдесят или восемьдесят человек. Ему казалось, что он узнает некоторых Подневольных, однако сомневался: ведь он слышал только внутренние голоса, которые редко совпадают с внешностью хозяина. Он вспомнил внутренний голос Хикса, звучный, молодой и решительный, и его облик седого доброго деда. Мне будет не хватать его. Он был бы здесь кстати.

Артур внезапно вспомнил о Харри — разбухшем, разлагающемся, покоящемся в гробу глубоко в земле — или Итака кремировала тело? Это больше устроило бы обоих.

Рядом с Артуром и Франсин стоял высокий молодой негр. Артур кивнул ему, и юноша кивнул в ответ приветливо и испуганно. Артур заметил, что от напряжения на шее негра выступили вены. Он оглядел лица остальных, пытаясь прочитать на них какую-нибудь информацию. Интересно,

подумал он, почему выбрали именно этих людей? Возраст? Немногим было больше пятидесяти, но ведь в комнате собрались только свидетели. Национальность? Здесь были представители всех народов Северной Америки. Интеллект? Но как определить по внешности?..

— Мы уже в космосе, не так ли? — спросил молодой негр. — Они так и говорили, а я не верил. Мы в космосе и скоро присоединимся к другим ковчегам. Меня зовут Рубен. — Он протянул Артуру руку. Артур пожал ее. Ладони обоих были влажными. — Это ваш сын?

— Мартин, — представил Артур. Рубен нагнулся и пожал руку Марти. Мальчик важно посмотрел на Бордза, продолжая сосать губы. — Моя жена Франсин.

— Не знаю, что и подумать, — сказал юноша. — Не понимаю, что происходит на самом деле, а что мне только кажется.

Артур согласился. Ему не хотелось разговаривать.

Что-то сверкнуло среди звезд, описало круг, а потом стало приближаться к ним. Франсин в испуге протянула к окну руку. Приближающийся предмет имел форму огромного закругленного наконечника стрелы, плоского с одного бока и

слегка выпуклого в середине противоположной стороны.

— Из Сингапура, — сообщила женщина, стоявшая сзади.

Очевидно, Сеть выдавала информацию поочередно разным людям. Вполне логично, подумал Артур, иначе мы бы не выдержали.

— Сингапур, — протянул Рубен задумчиво. — Никогда не бывал там.

— Здесь — Стамбул и Кливленд, — сказал молодой человек, почти мальчик, устроившийся возле самой стены.

Серый корабль пролетел над ними и исчез. Пассажиры по-прежнему не ощущали, что ковчег движется; не слышалось ни звука, кроме людского бормотания и шарканья. Казалось, люди стоят перед эстрадой в ожидании необычного зрелища или начала увлекательного действа.

Звезды начали кружиться в одну сторону — ковчег разворачивался. Артур поискал глазами знакомые созвездия, и разглядел одно; потом увидел Южный Крест и, так как кружение продолжалось, Орион. Бело-голубой шар Земли постепенно открывался взору, и люди затаили дыхание.

Все еще жива. Все еще выглядит, как прежде.

— Господи! — воскликнул Рубен. — Папа, мама… Господи!

Даниэл, Грант, Бекки. Ангкор, Тадж-Махал, Библиотека Конгресса. Большой Каньон. Дом и река. Степи Центральной Азии. Тараканы, слоны. Нью-Йорк, Дублин, Пекин. Первая женщина, которой я назначил свидание — Кейт или Кэтрин. Собака, которая помогла мне приноровиться к жизни и стать Человеком.

— Вон там, это Земля? Правда, папа? — тихо спросил Марти.

— Она.

— Никуда не делась. А вдруг ничего не случится и мы сможем вернуться?

Артур кивнул. Может, и так.

Женщина, сообщившая о корабле из Сингапура, сказала:

— Они все еще на Земле — последние из пожирателей планет. Боятся улететь, потому что мы разделаемся с ними.

Артур нервно посмотрел на побледневшее взволнованное лицо женщины; ему казалось, оно предвещало беду.

«Вековые ка-а-а-мни…»

Высокие голоса, распевающие религиозные гимны, звучали панически, неистовое пение

становилось все громче и тревожнее. Над Ройал-Арчез поднимался столб дыма. Пожар почти истребил отель, искры грозили перекинуться на лес. Эдвард и его товарищи наблюдали, как пожарники заливают горящие руины водой.

Провести последние минуты в попытке спасти хоть что-нибудь, подумал Эдвард, не такой уж плохой способ продержаться. Он завидовал пожарникам и лесничим. Борьба с огнем отвлекала их от мыслей о неминуемом. Людям, находящимся на Глесьер-Пойнте, не осталось ничего, кроме размышлений о близком конце — а потому пели они ужасно.

Скала под ногами чуть-чуть задрожала. Бетси подсела к Эдварду, вложив свою ладонь в его руку. В последние часы они расставались не больше, чем на несколько минут. Но он все равно чувствовал себя одиноко и, глядя на подругу, понимал, что она ощущает то же. Они смотрели на долину с нижней террасы.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Гул?

— Да.

— Слышу.

Эдвард представил себе, как массы нейтрониума и антинейтрониума — или чего бы там ни

было — сталкиваются в центре Земли. А может, они уже встретились минуту или даже час назад, и расползающийся фронт бурлящей плазмы уже начал свое разрушительное воздействие на мантию и тонкую кору планеты.

Еще будучи студентом, Эдвард попробовал нарисовать схему Земли в разрезе, изобразить в пропорции все слои — внешнее ядро, субъядро, мантию и кору. Он быстро обнаружил, что для обозначения земной коры требуется не больше одной линии, проведенной самым тонким карандашом — даже тогда, когда он решил сделать чертеж на пергаменте восьмифутовой длины. При помощи калькулятора он вычислил, что если бы ему пришлось воспользоваться полом их спортивного жала в качестве огромного холста, то и тогда земная кора оказалась бы линией шириной в треть его мизинца.

Скрытая внутренняя сила и тонкая поверхность.

Маловажный факт.

Геологи часто сталкивались с незначительными явлениями, но кто связывал их со своей жизнью?

«...сенье для меняяяяя... Дай мне укры-ы-ы-ытье...»

— Действительно, потеплело, — заметил Минелли.

Ворот его черной футболки пропитался потом, волосы свисали на лицо черными сальными прядями. Инес сидела в стороне, на самой верхней площадке, и тихо рыдала.

— Иди к ней, — приказал Эдвард, кивнув в сторону женщины.

Минелли беспомощно посмотрел на него и стал подниматься по ступенькам.

— Люди — только они важны, — тихо сказал геолог Бетси. — А на все остальное наплевать! Когда все только начинается или кончается, главное — люди.

— Посмотри!

Бетси показывала на восток. Высоко в небе длинной узкой лентой мчались облака. В осязаемо гнетущем горячем воздухе запахло электричеством. Солнце, казалось, светило из необычного далека, едва видимое в густом белом тумане.

Эдвард почувствовал головокружение и посмотрел вниз, пытаясь сориентироваться. Он поискал глазами знакомое место в долине, которое помогло бы ему определить, что и где происходит.

Плавно и медленно, огромными неровными

хлопьями Ройял-Арчез скользнул вниз по серой гранитной стене на горящий отель. Невысокие деревья бешено закачались и упали на камни, шелестя ветвями в порыве ветра. В долине послышался оглушительный рев. Глыбы с острыми, как коса, краями шириной в десятки ярдов рушились, как старая штукатурка, накрывая «Ауони», пожарные машины и небольшие толпы зевак тучами пыли и каменными обломками. Множество оврагов прорезало местность; они расползались по долине подобно амебам — живые, шумные, стремящиеся утвердиться на новом месте.

Бетси молчала. Эдвард с пониманием посмотрел на трещину на соседнем уступе.

Минелли отказался от попыток подняться к Инес. Та вскочила и ринулась подальше от края. Она карабкалась по ступенькам, хватаясь за перила, жирок на ее руках и бедрах и большие груди тряслись. Минелли, усмехнувшись, посмотрел на Эдварда, развел руками и спустился вниз.

— Некоторые не могут вынести это, — громко сказал он, садясь рядом с Эдвардом и стараясь перекричать затихающий грохот камнепада. — Мужественная женщина. — Минелли с восхищением посмотрел на Бетси. — Крепкий орешек. Видели, как расходятся эти концентри-

ческие круги? Так нас учили в школе: сотни лет в секунду.

«Мыыыы твоиииии послууушныеееее деетиии…»

Певцы уже не обращали никакого внимания на происходящее, они полностью погрузились в себя. Вошли в транс.

Каждому свое.

— Вот так формируются своды. Путем концентрического расщепления, — объяснял Минелли. — Вода попадает в трещины и замерзает там, потом расширяется и расщепляет камень.

Бетси не слушала его, уставившись в одну точку, она так и не вынула ладони из руки Эдварда.

— Водопад, — сказала она. — Йосемите-Фоллз.

Поток воды на верхней ступени водопада был уже заблокирован, а белые струи, успевшие прорваться, все еще падали по нижнему каскаду. Справа от того места, где когда-то грохотал Аппер-Фоллз, прямая колонна Лост-Эрроу наклонилась всей своей громадой и медленно оторвалась от скалы, разломившись посередине. Огромные осколки покатились по покрытому кустарником и деревьями склону. Новые и новые камни откалывались от гранитных стен и неслись в долину с северо-востока, заваливая ее гигантскими валунами и коричнево-белой пылью.

— Почему не нас? — спросил Минелли. — Все с той стороны.

Приступ суеверия, охвативший Эдварда, чуть не заставил его заткнуть рот товарищу. Притворись, что нас здесь нет. Пусть они ничего не знают о нашем существовании.

Скала под ними дрогнула. Деревья раскачивались, стонали, ломались, размахивали ветвями. Эдвард услышал страшный треск — огромные гранитные пластины, отсеченные от скал, обрушивались совсем рядом. Тремястами футами ниже — Эдварду даже не требовалось проверять — под миллионами тонн искромсанных камней погибали Кемп-Карри и Карри-Вилледж. Люди, распевавшие гимны, замолчали и вцепились друг в друга, чтобы удержаться на ногах.

— Пора уходить, — обратился Эдвард к Бетси. Женщина лежала, распростершись на спине, и смотрела на зловещую изгибающуюся ленту облаков, застывших в небе. Воздух потерял плотность: поднятые быстрым сдвигом материков волны низкого и высокого давления плыли над землей.

Эдвард просунул руки под мышки Бетси и потащил ее вверх, стремясь поскорее оставить самую низкую площадку. Он определил правила игры:

оставаться в живых как можно дольше, чтобы увидеть как можно больше, не покидать грандиозный спектакль до последнего мгновения, которое — он знал — не заставит себя ждать.

Минелли карабкался вслед за ними с безумной улыбкой, застывшей на лице.

— Можно ли в это поверить? — твердил он.

Долина, заполненная грохотом падающего гранита, ожила. Эдвард едва слышал слова, которыми он пытался взбодрить Бетси. Они, спотыкаясь, бросились прочь от края площадки.

В каком-нибудь ярде от Минелли затрещала скала. Площадка и все, что ниже нее, наклонились, и щель начала увеличиваться с завораживающей медлительностью, постепенно превращаясь в пропасть. Минелли продолжал неистово карабкаться вверх; губы, всегда кривившиеся в ухмылке, теперь исказила гримаса ужаса.

На востоке Хаф-Доум, подобно голове дремлющего гиганта, качнулся несколько раз и опрокинулся в бездну, разваливаясь на дугообразные куски. Либерти-Кеп и Маунт-Бродерик, находящиеся с южной стороны долины, тоже повалились, но не разбились, а, словно громадные булыжники, катились вниз, пока не врезались в остатки Хаф-Доума, и только тогда наконец

разлетелись каменными осколками на много миль вокруг. Где-то в пыльной мгле умирали Мист-Трейл, Вернел-Фолл, Невада-Фолл и Эмералд-Лейк.

Под воздействием колебаний земли наносы превратились в жидкое месиво, покрывшее лужайки и дороги, и впитавшее в себя воды Мерсед. Оползни попадали в извилистые, похожие на змей, трещины и замирали под потоком камней и пыли. Позади них рушился гранит.

Становилось душно. Люди внизу опустились на колени и, плача, продолжали распевать гимны. Эдвард уже не слышал, а только видел их. Предсмертный стон Йосемите перестал быть просто звуком: полифонический вой и грохот превратились в воплощение боли.

Эдвард и Бетси больше не могли удерживать равновесие, даже стоя на четвереньках; они упали на землю и сжали друг друга в объятиях. Бетси лежала с закрытыми глазами; Эдвард чувствовал, как губы женщины шевелятся у его шеи: она молилась. Эдвард, как ни странно, не испытывал такого желания. Он ликовал. Эдвард взглянул на восток, за долину, за сломанные деревья и увидел на горизонте что-то темное и огромное. Не тучи, не надвигающийся шторм, а…

Он даже не ужаснулся и не удивился. То, что он видел, могло означать только одно: к востоку от Сьерра-Невада, вдоль условной линии, которая разделяла горы, формировавшиеся в течение сотен лет под влиянием внутренних земных процессов, за пустыней, простиравшейся позади — там погибал весь континент, взлетая на воздух бесчисленными обломками.

Эдварду не потребовалось никаких расчетов, чтобы понять: это — конец. Такой огромной энергии — даже если атака прекратится — хватит, чтобы уничтожить все живое на западе континента, чтобы изменить облик Северной Америки.

Ощущение ускорения в желудке. Толчок вверх. Кожа будто горит. Снова толчок. Ветер, кажется, может подхватить и унести их. Собрав последние силы, Эдвард прижался к Бетси. На какое-то мгновение он потерял Минелли из виду, когда же он снова открыл воспаленные глаза, то на фоне мрачного синего неба, покрытого звездами — в этот момент тучи рассеялись, — разглядел друга, который стоял, подняв руки, на колеблющейся террасе и блаженно смеялся. Минелли попятился и, окутанный клубами пыли, наступил на только что отколовшуюся гранитную плиту

— рот открыт в крике, утонувшем в немыслимом грохоте.

Йосемите больше нет. И Земли, наверно, уже нет. А я все еще мыслю.

Единственное, что ощущал Эдвард, помимо непрерывного ускорения, это тело Бетси рядом с собой. Дышать становилось все труднее.

Они больше не лежали, а падали. Эдвард видел каменные стены, обнаженные белые поверхности шириной в тысячи футов, кружащиеся деревья, комки слипшейся грязи и даже — в нескольких ярдах от себя — маленькую женщину с лицом ангела, летящую с закрытыми глазами и распростертыми руками.

Казалось, прошла вечность, прежде чем свет окончательно померк.

Гранитные плиты накрыли их всех.

С расстояния в десять тысяч миль Земля казалась такой же первозданной, мирной и прекрасной, какой она впервые предстала перед ним тридцать лет назад на фотографии, сделанной из космоса. Этот вид — алмаз в облаках, опал и ляпис-глазурь в причудливой дымчатой оправе — восхитил его и заставил сильнее, чем когда-либо ощутить себя частью одного космического целого. Те снимки во многом изменили

его жизнь.

Свидетели выглядели подавленными. Никто не произносил ни слова. Все старались вести себя как можно тише. Артур еще никогда не сталкивался со столь углубленной сосредоточенностью в большой группе людей. Марти замер рядом с отцом, выпустив его рук — мальчик не выше четырех футов одиннадцати дюймов, стоящий в одиночестве. Много ли он понимает?

Не исключено, столько же, сколько и я.

Ничто нельзя было сравнить с тем, что им предстояло увидеть. Ни пожар в родовом доме, ни тонущий океанский лайнер, ни бомбежку города или ужас массовых захоронений времен революций и войн. На их глазах совершалось преступление против всего человечества. Кроме них — пассажиров корабля и записей, хранящихся в ковчегах, — от Земли не останется и следа.

Но Артур не мог оплакивать гибель всех жителей планеты — сначала необходимо набраться сил и примириться со смертью отдельных людей. Так много личных потерь, предметов, мест, которые предстоит оплакать: его разум все же не является голографией разума человечества.

Уйдет в небытие и то, что было неведомо ему. Связи, факты, события — одни так и не свершив-

шиеся, другие уже непоправимые. Ковчеги могли спасти только то, что люди знали сами о себе. Позже появятся беженцы, в чьих сердцах никогда даже не промелькнет надежда на возвращение домой, надежда на восстановление связи с утраченным прошлым.

Они будут зависеть от доброты или каких-то других качеств чужаков, от механического разума, который до сих пор не продемонстрировал особой охоты раскрыть свои карты — от благодетелей не менее таинственных, чем губители планеты.

Жизни. Биллионы людей, влачащих недолговечное существование, подлежащее забвению. Артур не мог постичь до конца картину бытия. Уж лучше мыслить абстрактными категориями. Правда, абстракций и так хватает. То, что представало перед его взором теперь, реально и быстротечно, и от понимания этого разрывалась душа. Позади месяцы неимоверных стараний сжиться с новыми фактами и явлениями, а, между тем, та тяжелая пора подействовала на него не так сильно, как вид Земли в прозрачной панели космического корабля.

Сеть ничего не объясняла. Спустя некоторое время, когда каждый из свидетелей свыкнется с

потерями — может, тогда люди осмыслят подробности гибели родной планеты и произведут ее посмертное вскрытие.

В голове мелькали различные образы и картины. Реклама в детских телепередачах, смеющаяся женщина с ожерельем Питера Пена и прилизанными волосами, благопристойные домохозяйки, лица солдат, погибающих во Вьетнаме, президенты, один за другим сменяющиеся перед телекамерой, и напоследок печальный образ Крокермена.

Двухсотдюймовый телескоп в Маунт-Паломаре. Артур никогда не работал с ним, но ему часто доводилось бывать в обсерватории. Шестисотдюймовый — в Мауна-Кеа. Его комната в общежитии Калифорнийского университета. Лицо женщины, с которой он первый раз в жизни занимался любовью на первом курсе. Лекции преподавателей. Радость, которую он испытал в тринадцатилетнем возрасте, определив свойства листа Мебиуса. Счастье от того, что удалось ухватить концепцию пределов исчисления. Чтение первых статей о черных дырах в конце шестидесятых.

Харри. Как всегда, Харри.

Первая встреча с Франсин — девушкой с длин-

ными черными волосами в легкомысленном купальнике, которая с грацией сладострастной богини выходит из моря и бежит по ляжу, стряхивает полотенцем песок с лодыжек и бедер и, смеясь, падает на спину в пяти ярдах от Артура.

Не все потеряно.

Марти тронул его за руку.

— Папа, что это?

Земной шар не изменился с виду, но Марти что-то заметил, да и некоторые другие начали шептаться, показывая на панель.

Над Тихим океаном разрасталось серебристо-белое пятно, как плесень в чашке Петри. Такие же сгустки появились над западной частью Соединенных Штатов и видимым районом Австралии. Через несколько минут Земля предстала перед ними в непроницаемом одеянии бело-серого цвета. Туманная масса медленно, как минутная стрелка, вздымалась волнами, почти такими же, какие бывают на поверхности водоемов. Завеса над Северным полюсом переливалась всеми цветами; яркие пятна постоянно меняли свои очертания и напоминали пламя свечи на ветру. Там буйствовало северное сияние. Непонятные разрушительные процессы происходили в динамо-машине внутреннего механизма планеты.

Артур представлял, как взрыв распространится от сверхжаркого радиоактивного субъядра к внешнему ядру — туда, где формируется магнитное поле Земли. Сжатая расплавленная масса будет все больше и больше уплотняться, приближаясь к переднему краю рвущегося наружу потока. Ударная волна достигнет земной коры, изменит рельеф океанического дня, уже и так ослабленного серией термоядерных взрывов, сдвинет материки — а они в десять раз толще дна океанов, — сомнет их, приподняв на сотни футов или несколько миль. Вода спадет, разлившись по материкам… И все это сейчас, наверно, уже происходит за облаками.

Поверхность Земли предельно нагрелась, атмосфера бурлит, как вода в чайнике. Большая часть человечества уже погибла по время землетрясений, ужасных штормов и наводнений. Вскоре породы уже не смогут выдержать давление и тогда Земля…

— Боже, — выдохнул Рубен.

Артур посмотрел на него; лицо молодого человека выражало одновременно восхищение и ужас.

Тучи рассеялись. Сквозь изуродованную толщу атмосферы они увидели грязную булькающую

массу, освещенную адским светом магмы, фонтаном бьющей из трещин шириной в несколько сот миль. Края материковых и океанических платформ столкнулись друг с другом и, слившись в одно целое, измявшись как тряпка, теперь видоизменялись, как газ или жидкость.

Уже не видно следов человеческой деятельности. Города — если они кое-где и выстояли, что маловероятно — слишком малы. Большая часть Европы и Азии находится на другой стороне земного шара, вне поля зрения, но их, очевидно, постигла та же судьба, что и районы, видимые с корабля — Восточную Азию, запад Соединенных Штатов и Австралию. На самом деле, эти огромные участки уже неразличимы: непонятно, где океан, где суша. Есть только зоны скопления полупрозрачного сверхжаркого пара, более холодных облаков, исковерканные котловины, полные грязи, сквозь которую прорываются струи серо-коричневой магмы и то здесь, то там — белые пятна плазмы, уже проложившей себе путь из недр Земли.

— Она сейчас взорвется? — спросил Марти.

Артур покачал головой, не в силах вымолвить хоть слово.

Несмотря на то, что расстояние между Землей

и ковчегом непрерывно увеличивалось, видно было, как планеты набухала, но со скоростью минутной стрелки.

Артур посмотрел на часы. Они наблюдают уже пятнадцать минут; время пролетело мгновенно.

Земля опять выглядит, как драгоценный камень, но теперь, скорее, как огромный круглый сверкающий опал — оранжевый с коричневым и темно-красным, испещренный призрачными блестящими зелеными или белыми бликами. Земная кора постепенно исчезает, превращаясь в базальтовую лаву, медленно растекающуюся извилистыми струями по коричнево-красному фону. Теперь уже ничего нельзя различить, кроме цвета. Умирающая Земля стала непостижимой абстракцией, жуткой и прекрасной.

Теперь, когда появились длинные белые и зеленые чрезвычайно яркие спирали, конец очевиден. Кромка планеты больше не является гладкой дугой, глубокие впадины выделяются на фоне черного неба. Из них на высоту в сотни миль поднимаются потоки пара, пронизывают мутные остатки атмосферы и бледно-серым веером растекаются в космосе.

Такие вулканы, наверное, дымили по всей планете в ее младенческие годы. Но с тех пор Земля

не выдавала ничего подобного. А сейчас вновь из исковерканного шара вырываются один за другим столбы огня и пара. Вместе со спиралевидными струями плазмы, завершившими витки внутри Земли, на поверхность, как реактивные снаряды, вылетают гигантские обломки пород, они мчатся с гигантской скоростью, падают и вновь тонут в кипящей массе.

Ни одна частица земной коры еще не взметнулась вверх со скоростью, равной или превышающей восемнадцать тысяч миль в час — то есть, с орбитальной скоростью. Пока еще они взлетают на второй космической, гораздо меньшей, но тенденция уже ясна.

Бесчисленные полыхающие глыбы величиной с остров сыпятся на поверхность Земли. На месте их падения появляются пузыри. Эти болиды поднялись на сотни, даже тысячи миль, а потом упали, оставляя позади тучи мелких осколков. Судя по кромке шара, расплавленные снаряды с каждым разом взлетают все выше и выше. Энергии хватает на то, чтобы вырвать их из тела Земли.

Родина. Внезапно Артур посмотрел на происходящее другими глазами: абстракция стала конкретным образом. Блеск звезд, мерцающих за

горящей раздувшейся Землей, наполнился угрозой, словно сверкающие злобой волчьи глаза в незнакомом ночном лесу. Артур вспомнил фразу, услышанную на пленке Харри, и изменил ее по-своему: «Ребенок, заблудившийся влесу, кричит во всю мочь, зовя на помощь, и волки сбегаются на его голос…»

Артур не мог плакать, не мог испытывать никаких эмоций, кроме глубокой резкой мучительной боли.

Родина. Родина.

Марти, приоткрыв рот, уставился на панель округлившимися глазами. Артур видел такое выражение на его лице, когда тот смотрел утреннюю программу мультфильмов по телевизору. Только теперь ребенок был в большем напряжении, и в необычно внимательном взгляде сквозило удивление.

Земля неимоверно раздулась. Под вспученной корой и мантией появились петлистые щели, полыхающие белым и зеленым огнем. Они раздвинулись до ширины каналов или автомагистралей, и беспорядочно опутывают однообразную красную поверхность. Описывая длинные — в сотню миль, как радиус Земли — изящные дуги, огромные болиды взмывают

в небо и не возвращаются, а, светясь, кружатся вокруг сраженной насмерть планеты.

Уже прошло двадцать пять минут. Ноги Артура затекли, одежда вымокла от пота. В кабине, где царили ужас, скорбь и молчание, стоял тяжелый животный запах.

Нет сомнения, все кого он знал когда-то, погибли, их тела затеряны в общей неразберихе Апокалипсиса — каждое место, где он когда-то бывал, все пленки с его голосом или голосами близких, все дети, вместе с которыми рос Марти. Каждый в ковчеге внезапно почувствовал себя в вакууме. Артуром овладело отчетливое ощущение разрыва, потери — будто оборвалась духовная связь с родом человеческим, близкое присутствие которого он всегда осознавал.

Светящиеся дороги и каналы, наполненные высвобожденной плазмой, теперь протянулись на тысячи миль. Выброшенное наружу испаряющееся вещество Земли вздыбилось и закружилось, приняв форму яйцевидного купола — длинная ось расположена под прямым углом к оси вращения. С краев купола скатываются огромные круглые куски кварца, никеля и железа.

На фоне ослепительно яркой плазмы крутящиеся остатки мантии и уплотненного ядра

отбрасывают длинные тени в околоземное пространство, видимые сквозь множащиеся тучи пара и мелких обломков. Планета похожа на маяк, невыносимо ярко горящий в дымке тумана. Яйцевидный плазменный купол неумолимо выталкивает на поверхность все, что ни повстречается. Он растворяет, разрушает и уничтожает то, что осталось, расщепляет все это, чтобы потом отдать во власть неотразимого потока элементарных частиц.

Два часа. Артур взглянул на часы. Сквозь толстый слой пара ярко блестела Луна — удаленная на миллионы миль и, кажется, непричастная к разыгравшейся трагедии. Но размеры приливных волн сократятся, и хотя, подумал Артур, Луна давно уже сформировалась, это изменение вызовет, по крайней мере, колебания лунных пород.

Артур вновь посмотрел на мертвую Землю. Блеск плазмы постепенно тускнел. Эфемерные розовые, оранжевые и серо-голубые блики придавали планете сходство с жемчужиной или с детским пластмассовым мячом, освещенным изнутри. Диаметр плазменного купола и завесы, сотканной из обломков и пыли, уже превысил тридцать тысяч миль. Овал купола продолжал удлиняться, стягивая новым поясом астероидов

обрубленные края дуги.

Прозрачная панель, словно сжалившись над зрителями, стала светонепроницаемой.

Почти половина свидетелей бессильно повалилась на пол. Так замирают марионетки, когда кукольник неожиданно отпускает веревки… Артур подхватил Франсин и сжал плечо сына, не в состоянии говорить. Потом он обошел всех своих спутников, чтобы оказать им необходимую помощь.

В дверях показался робот медного цвета и поплыл по кабине. За ним следовали десятки землян с тележками, заставленными едой, бутылками с водой и лекарствами.

Таков Закон.

Эти слова снова и снова звучали в памяти Артура, он мысленно повторял их, помогая прийти в себя тем, кто упал.

Таков Закон.

Марти не отходил от отца. Вместе с ним он стоял на коленях перед молодой женщиной и, пока Артур поддерживал ее голову, поднес к губам упавшей металлическую чашку с водой.

— Папа, — сказал мальчик. — Куда мы отправимся теперь?

Agnus Dei

Ребенок, настигнутый волками в лесу, замертво падает на землю, и больше уже ничто не нарушает тишину долгой ночи.

«Нью-Марс газет», 21 декабря 2397 года. Редакционная статья. Автор Франсин Гордон.

В центре внимания сегодня — сообщения из Главного Ковчега. Еще четыреста человек, в основном, родом из Евразии, очнулись от глубокого сна и готовятся к отправке на Нью-Марс, в этом им помогают Нянюшки. (Кстати, не забылось ли, кто первый назвал роботов Нянюшками? Рубен Бордз, тогда девятнадцатилетний паренек, ныне — руководитель Разведывательной Миссии на Новой Венере, куда он отправился, проснувшись восемь лет назад). Численность населения нашей планеты уже достигла отметки 12250; Нянюшки довольны нами, и, я надеюсь, не зря.

Сегодня Нью-Марс празднует первую

годовщину автономии. Нянюшки больше не опекают нас; они отказались от роли, которую, по мнению моего мужа, можно сравнить разве что с ролью смотрителя в зоопарке.

А мы — мы уже начинаем ссориться из-за пустяков и делиться на фракции; так проявляется возрожденный планетизм, приближающийся к периоду зрелости. Полезно ли это? Вряд ли, особенно если вспомнить, что некоторые политики призывают к борьбе с присоединившимися к нам марксистами.

Но есть и настоящий повод для празднования — четырехсотлетняя годовщина Ледовой Встречи, в результате которой во Вселенной появилась планета Нью-Марс, ставшая родным домом для большинства представителей человечества. Что касается меня, то я даже больше привязана к Нью-Марсу, чем к Земле, как бы кощунственно это ни звучало. Мы должны признаться самим себе, что за десять лет, истекших после нашего пробуждения, чувство боли за погибшую родину притупилось. Не исчезло совсем

— просто ослабло.

Забывать нельзя.

Через четверо суток многие из нас отпразднуют Рождество. На земле эти дни бывали порой надежд, размышлений о чуде воскресения. Даже атеисты признают значительность этого праздника — особенно сейчас, когда мы, подобно Христу, несем на своих плечах груз долга перед биллионами людей и, более того ответственности за биосферу всей планеты. Мы похожи на детей, которые, преждевременно став родителями, едва справляются со своей новой ролью.

Тем не менее, количество самоубийств заметно уменьшилось за последние три года. Мы начинаем твердо стоять на ногах. Мы отчаянно слабы, но полны решимости. Мы выживем.

И мы не забудем свой долг. Не забудут его и те, кто отправился на кораблях Закона на поиски пожирателей планет. Среди них мой сын. Сколько лет исполнится ему 21 декабря?

Мой муж и я — мы сердечно благодарим тех, кто поддерживает и любит эту

нерегулярно выходящую, порой бестолковую газету. Надеемся, что неистребимая вера ее издателей в то, что Нью-Марс и Новая Венера есть и будут нашим новым домом, хотя бы немного утешала вас в минуты отчаяния.

Вся Земля уместилась на территории маленького городка. Какими бы разными мы ни были, мы все связаны одной судьбой. Мы любим вас и с нетерпением ждем пробудившихся от сна братьев и сестер из Евразии.

Артур надел теплый комбинезон и прикрепил к поясу небольшой баллон с кислородом. Уже в прошлом году воздух стал пригодным для дыхания — и не только в долине Марине, но и на горных склонах, покрытых мхом и лишайником. Все же лучше обезопасить себя: если он потратит слишком много сил, баллон может спасти ему жизнь. Устроившись в маленькой индивидуальной воздушной камере, Артур слышал отдаленный металлический звук, доносившийся из главного здания Геополиса, где начиналось торжество. За вечер Гордон успел устать от шумной компании; теперь он нуждался в одиночестве, чтобы все

обдумать и оценить заново. Люк открылся, и Артур ступил в заросли вездесущего молодого лишайника. С приходом сумерек в долине похолодало, кругом царило спокойствие, и звезды своим ровным светом напоминали кристаллы. Небо на горизонте окрасилось в приятный приглушенный розовато-лиловый цвет, оставаясь в зените голубым.

Нью-Марс оправился от столкновения с ледяным осколком Европы на трехсот девятом году пребывания землян в состоянии холодного сна. После двух веков непрекращающегося дождя планета избавилась наконец от мглистой оболочки. Потоки воды промыли красную и коричнево-желтую поверхность Нью-Марса; температура поднялась и расчистила полюса от замерзшей массы двуокиси углерода, тем самым уплотняя атмосферу. В то время, столетие назад, планета представляла собой идеальное место для распространения примитивных растений. Ковер изо мха и лишайника лег на грязь и камни: во вновь образовавшихся морях зародился фитопланктон.

Вскоре на Нью-Марс в больших количествах возвратился кислород.

Изобилующие органическими веществами остатки Фобоса и Деймоса, смешанные с почвой

высокогорных ферм, давали урожаи новых сортов зерна и сыграли не последнюю роль в успехе эксперимента по высаживанию лесов, подобных земным — в основном, хвойных. Через несколько десятилетий на Нью-Марсе появятся целые районы, которые будут выглядеть в точности как Земля. Нью-Марс, переняв грамматический род Матери-Земли, обещал превратиться в планету обширных зеленых степей и полузасушливых лесов, а также почти тропических долин в низменностях, богатых кислородом.

На планете обитало восемь тысяч человек — две трети от того, что осталось от человеческой расы. Еще одна треть по-прежнему проживала на Главном Ковчере; некоторые из этих людей изучали теорию планетарного менеджмента, некоторые ожидали своей очереди отправиться на космических кораблях в неисследованные края и выполнить приговор Закона.

Почти неограниченные запасы энергии, отсутствие оружия и отличные естественные условия сумели превратить жизнь на Нью-Марсе в идиллию. Как водится, только собственная глупость могла бы помешать людям.

Артур прошел между молочно-белыми стеклянными теплицами, поднялся на холм, с которого

открывался вид на ущелье Файнмана. Далеко внизу скотоводы пасли первых животных, выведенных от генетического запаса. Там внизу было значительно теплее, чаще лили дожди, и многие жители планеты начали роптать на то, что в их, якобы, свободном обществе, появилось привилегированное сословие. Однако те области предназначались для скотоводов. Поддаться самым низменным инстинктам означало бы вновь расстроить планы Нянюшек; так уже случилось однажды на Главном Ковчеге, когда новоявленные политические деятели завлекли людей в сети анархии. Артуру не хотелось, чтобы подобное повторилось.

Дети и вправду не желают подчиняться дисциплине.

Никто не знал, кто послал им строгих преданных роботов-опекунов. Вероятно, люди никогда и не узнают этого. Артур подозревал, что сами благодетели не слишком доверяли своим подопечным; поэтому они предпочитали пока держаться в стороне.

Артур ущипнул себя за щеку и опустил на лицо защитную маску от холода. Потом поднял голову, посмотрел на восток и над скоплением розоватых звезд разглядел серебряную точку — Венеру, как

и прежде окутанную облаками.

Рубен Бордз руководил первой исследовательской и разведывательной экспедицией на Венеру. Двадцать лет назад сырая мгла над Венерой немного рассеялась; в течение десяти лет шли дожди, ввергшие кислоты, находившиеся на поверхности, в химическую войну с расплавленными массами, выброшенными наружу за три века активной вулканической деятельности. Потом облака вновь сомкнулись над планетой, и только тогда Главный Ковчег отправил туда разведывательный отряд.

Артур не завидовал Рубену. Венера — тяжелый случай; пройдут века, прежде чем люди смогут заселить ее.

Если Артуру и хотелось что-то разглядеть в небе, так это Млечный Путь, а точнее — Сагиттариус. Артур тяжело переживал разлуку с Мартином. Лишиться связи с прошлым означало еще больше ценить будущее. Будущее Артура — Мартин, хотя им уже никогда не суждено увидеться. Уже полтора года по системе летосчисления Гордона отец и сын не имели известий друг о друге.

Мартин улетел на седьмом Корабле Закона с пятнадцатью товарищами всего лишь через восемь лет после разрушения Земли, еще до то-

го, как большая часть спасенных погрузилась в холодный сон. Уже несколько веков корабль путешествует в межзвездном пространстве, то ускоряя, то замедляя свой полет, изучая безвестные дали, заправляясь энергией от мертвых ледяных спутников.

Между Скорпионом и Козерогом Артур отыскал Сагиттариус — созвездие Стрельца. Он поднял руку, обтянутую перчаткой. Где-то там, в кругу, описанном его подрагивающим пальцем, лежала система пожирателей планет. Небесный пейзаж стал внушать Артуру ужас. Гордон жалел, что не может вслед за Харри увидеть, как солнечные системы, объединившись, формируют «галактизм». Пока, судя по рассказам Нянюшек, Галактика представляет собой, в лучшем случае, поверхностно изученный рубеж и дикие джунгли — в худшем.

Пожиратели планет так и не появились. Первые следы из фальшивых межзвездных кораблей, их маскировочных сооружений встретились только в ста световых годах от Солнца.

Мартин, молчаливый, полный чувства собственного достоинства человек, очень похожий на отца, пробирался сквозь толпу начинающих штурманов к наблюдательной площадке кораб-

ля Закона. Узкий корабль, длиной в километр, походил на иглу. Все машины Закона были сделаны из земных материалов. Глядя на центр Галактики, такой невообразимо далекий, Мартин вспомнил, как спорил с Нянюшками в начале их путешествия.

Что если мы встретимся с цивилизацией пожирателей планет и окажется, что она изменилась? Что если они прекрасны и благородны? Если их культура процветает? Что если они сожалеют о прошлом? Мы все равно уничтожим их?

— Да! — отвечали Нянюшки.

— Зачем? Какая от этого польза?

— Таков Закон.

На самом деле создатели машин-разрушителей уже давно, тысячи лет назад, поняли свою ошибку. Они усеяли планеты вокруг своей родной звезды блуждающими маяками, гигантскими макетами и даже биологическими ловушками, созданными с помощью генной инженерии — совершенными во всех смыслах, кроме одного: они не могли ввести в заблуждение корабли Закона.

Три корабельных года назад Мартин ступил на поверхность такой планеты-фальшивки, дивясь способности врагов расходовать попусту столько энергии.

Тогда сложная система защиты на враждебной планете сработала, и земляне едва избежали западни.

Теперь они приближаются к тем, за кем так давно охотились…

Если их постигнет неудача, придут другие, более информированные, более осведомленные об опасностях и ловушках, скрывающихся в дебрях Галактики.

Несмотря на внутренние сомнения, Мартин был предан своим спасителям. Он часто думал о древнем Законе и об объединенных им сотнях зрелых цивилизаций. Глубоко в его душе холодная рациональная ненависть и жажда мести боролись с чувством справедливости.

Он знал, что, как ни странно и даже нелепо, им руководило прежде всего, одно подсознательное желание: отомстить за смерть единственного бесхитростного друга — собаки. Он отчетливо помнил испепелившие душу часы, проведенные в наблюдательной кабине Ковчега.

Многие из тех, кто находился на борту корабля Закона, родились на Главном Ковчеге и никогда не видели Землю. Но, тем не менее, они посвятили себя поискам ее губителей.

Каждый день, перед тем как на мир опускалась

ночная тьма, Мартин произносил слова давно сочиненной им самим клятвы:

«Тем, кто уничтожил Землю: остерегайтесь ее детей!»

Так сохраняется равновесие…

Наковальня звезд

Пролог

Разрушенная самовосстанавливающимися машинами, прибывшими из далекого космоса, Земля погибла на исходе Эры Кузни Бога. Несколько тысяч людей все же были спасены роботами, посланными Благодетелями на защиту примитивных миров и цивилизаций от опустошения. Роботы успешно расправились с зондами-убийцами планет в пределах всей Солнечной системы, но Земля, тем не менее, была полностью уничтожена.

Пока на Марсе создавались условия для жизни, спасенные люди находились на борту огромного Центрального Ковчега. Здесь их ознакомили с Законом — галактическим кодексом, который определял поведение цивилизаций. Закон гласил, что цивилизации, создавшие самовосстанавливающиеся машины-убийцы, должны быть уничтожены. Теперь людям, с помощью Благодетелей, надлежало свершить Правосудие. Самые молодые обитатели Центрального Ковчега вызвались отправиться в далекое путешествие, чтобы сохранить равновесие в Галактике.

Часть 1

Мартин сидел на переднем сиденье отцовского бьюика, в сумерках середины лета мчащегося по автомагистрали в Арегону. Залитое дождем шоссе трудно было назвать пустынным. Серо-голубое, с красноватыми всполохами, небо отражалось на мокрой и темной поверхности дороги, делая ее золотистой; вспыхивая фарами и сигнальными огнями, мимо проносились тяжелые грузовики — дворники переднего ветрового стекла настойчиво смахивали дождевые капли, в которых отражался весь этот блеск и ослепительное сияние.

Мартин чувствовал тепло и запах шерсти собаки Гейдж, которая протиснувшись между сиденьями, положила лапы и морду ему на колени.

— Отец, — спросил Мартин, — скажи, космос действительно пуст?

Артур не отвечал. Не было больше никакого шоссе, не было больше Земли. Не было и отца на Ковчеге — он остался на Марсе, где прошли уже века.

Мартин Гордон пошевелился, стараясь

проснуться. Он с трудом открыл глаза и расжал кулаки. Соленая слезинка попала ему прямо в горло; закашлявшись, он окончательно пришел в себя. Пятна и полосы желтого и белого цвета разбегались по стенам просторной комнаты с высоким потолком — как огни мчащихся машин.

Мартин никак не ожидал проснуться именно здесь. Рядом с ним, в гамаке, спала девушка с внешностью феи — с темными, почти черными волосами.

— С тобой все в порядке? — спросила она, открыв глаза и слегка улыбнувшись.

— Думаю, да, — ответил он. — Просто я видел сон.

Последнее время Мартин часто видел сны, — особенно с той поры, как стал жить с Терезой. Он видел сны о Земле — приятные, но в тоже время и тревожащие.

— О чем?

— О Земле. Об отце.

Спустя восемь лет после смерти Земли дети покинули Центральный Ковчег и Солнечную систему и отправились в путешествие на Корабле Правосудия.

Через два года после их отлета — по времяисчислению Ковчега — оставшиеся в живых

земляне были погружены в глубокий сон.

В то время, как на Ковчеге прошло два года, для детей на корабле — лишь один. Скорость корабля росла, время текло для них все медленнее, приближаясь ко времени Вселенной — земной год проходил для них за шесть с половиной дней. Вообще, годы стали для них измерением прошлого; годы остались в мире, которого больше не существовало.

Если родители Мартина еще и были живы, то они, как и другие спасенные земляне, жили на Марсе, переселившись туда после трехвекового сна на Ковчеге.

Для Мартина и других детей прошло за это время лишь пять лет.

Тереза подвинулась к нему поближе и, глубоко вздохнув, обняла.

— Тебе снится всегда одно и то же, — пробормотала она и снова уснула. Тереза засыпала удивительно легко. Мартин смотрел на нее, все еще смутно понимая, что же происходит. Он пытался разобраться в несовместимости прошлого — невероятно далекого во всех отношениях — и этой девушки, веки которой подрагивали во сне, а грудь плавно поднималась и опускалась.

Да, нить, связывающая ребенка с родителями,

обрывается только после его смерти.

— Пожалуйста, темноту, — попросил Мартин, и ленты огней на стенах погасли. Он отвернулся от Терезы и, закрывая глаза, уже вновь видел ярко-красные полосы света и несуществующее голубое шоссе.

Если бы водители осознавали, как красиво подобное скопление машин, как прекрасен дождь, и как мало впереди осталось таких сумеречных вечеров!

Корабль Правосудия был построен на Земле, выкроен и собран из кусочков ее мертвого тела. Небольшой, обособленный мир, передвигающийся в пространстве почти со скоростью света. Сотни лет отделяли его от пыли и камней, оставшихся от дома.

Еще в начале путешествия дети окрестили корабль «Спутником Зари». Корабль, пяти сотен метров длиной, своим внешним видом напоминал змею, проглотившую три яйца. Диаметр каждой ступени — дети называли их дома-шары — был около ста метров. Между домами, вокруг соединяющих перемычек, висели резервуары с запасами газообразных веществ: водорода, лития, гелия, азота, кислорода, углерода, а также цистерны с пищей и топливом.

Первые два дома-шара принадлежали детям: огромные пространства были поделены на множество кают-отсеков, обстановка и даже размеры которых с легкостью варьировались.

«Спутник Зари» напоминал Мартину большую пластиковую клетку, которую дома в Орегоне сконструировала его мать. В лабиринте желтых трубок и коробок со стружками обитали два хомяка. У них была столовая, спальня, колесо для бега и даже пластиковый шар, прозванный отцом «модулем дальнего следования», в котором хомяки могли выкатываться из своего жилища — на пол, на ковер, в углы комнаты.

Помещений на корабле оказалось даже намного больше, чем это было необходимо для восьмидесяти двух детей. Каждая Венди и каждый Потерянный Мальчик выбирали себе по личной каюте, а при необходимости, использовали еще две или три.

В третьем, самом дальнем доме-шаре находился тренировочный центр и склады оружия. Перемычки между домами были напичканы различными трубопроводами. Вторая перемычка казалась очень узкой из-за выступа, который, по мнению Мартина, являлся частью двигателя корабля. Как двигатель работал и где он распола-

гался, детям никто не объяснил.

Корабль был полон загадок. Большая часть огромного, но легкого «Спутника Зари» состояла из того, что роботы-момы называли «фальшивой материей». Она имела определенные размеры, сопротивлялась сжатию, но не обладала силой тяжести; без горючего «Спутник Зари» весил чуть больше двух с половиной тысяч тонн.

Дети тренировались, пользуясь оружием, устройство которого им было неизвестно. Без особой необходимости им ничего не рассказывали.

Перемычки корабля, с их изобилием извивающихся труб, идеально подходили для гимнастики и игр. Вот и сейчас тридцать Потерянных Мальчиков и Венди, два кота и три попугая, сражались, используя в качестве снарядов скомканную мокрую одежду. Вдоль наружней стены корабля, ниже прозрачной части корпуса медленно ползли пласты воды. Повсюду лежали глубокие черные тени, предлагая полное раздолье для игры в прятки.

Мартин окинул взглядом своих приятелей. Сейчас они напоминали ему шайку уличных грабителей. Он обратил особое внимание на нескольких: на Ганса Орла из Раптора — курносого, широкоплечего и коренастого парня

с сильными руками, светлыми, коротко стриженными жесткими волосами, Ганс был самым старшим на корабле, на год старше Мартина; на Паолу Птичью Трель — грациозную малышку, с длинными черными волосами, заплетенными в красивую косу; на Стефанию, по кличке Перо Крыла — девушку с волосами, стянутыми в компактный хвостик, ее умные глаза светились нежностью; и на крупную Розу Секвойю — взгляд Розы, как всегда, выражал расстерянность и недоумение.

Дети визжали, свистели, подзадоривая друг друга, перебрасываясь комками одежды и пиная ее туда-сюда среди труб. Во всей этой возне не принимала участие только стоящая в стороне Роза.

Уже четыре года дети находились в невесомости. Они летали по кораблю, отталкиваясь от стен, а там, где это было неудобно, использовали лестничные поля или попросту карабкались друг на друга. Но интереснее всего было все же летать, поэтому дети старались передвигаться, ни к чему не прикасаясь — это стало своего рода игрой.

Кошки то вертелись между детьми, то прятались в тени. Попугаи пронзительно вопили, якобы выражая недовольство всем этим беспо-

рядком, но, тем не менее, как и кошки, повсюду следовали за детьми.

Мартин напряг губы и резко свистнул. Игра сразу же прекратилась, но вокруг по-прежнему стоял гвалт: выкрики и насмешки. Дети, явно рассержанные вмешательством, все же начали подтягиваться к Мартину. Лестничные поля, переплетясь друг с другом, остались висеть в слабо освещенном пространстве пространстве между трубами и своим внешним видом походили на вьющуюся бумагу, дрейфующую в воде.

Дети окружили Мартина. Многие из них были полураздеты, некоторые спешно приводили в порядок мокрую одежду.

— Пора тренироваться, — объявил Мартин, — а отдохнуть можно и потом.

Мартина выбрали Пэном полгода назад. Пэн отвечал за всю стратегию, а сейчас наиболее важным для них делом были тренировки — отработка взаимодействия. До Мартина Пэном побывали уже пятеро ребят, первой — Стефания Перо Крыла.

Рекс Дубовый Лист, Стефания Перо Крыла, Нгуен Горная Лилия, Жанетта Нападающий Дракон, Карл Феникс, Джакомо Сицилиец, Дэвид Аврора, Майкл Виноградник, Ху Восточный Ветер,

Кирстен Двойной Удар, Джэкоб Мертвое Море, Аттила Карпаты, Терри Флоридская Сосна, Алексис Байкал, Друзилла Норвежка, Торкильд Лосось, Лео Персидский Залив, Нэнси Летящая Ворона, Юэ Желтая Река — сегодня именно они тренировались под руководством Пэна. Каждый день он занимался с новой группой; всего их было пять. Раз в год группы перемешивались. Дети, навыки которых становились отточенными, переходили в группу более сложного тренажа.

Кожа детей — а была она и желтой, и белой, и коричневой, и черной — блестела от пота. Стройные и коренастые, высокие и приземистые, с манерами, весьма далекими от почтительности, но отнюдь и не наглыми, — в каком-то смысле, они являлись семьей, командой, сплоченной пятью годами полета. Родители Мартина вряд ли бы одобрили такое общество, но, тем не менее, оно существовало… Пока.

Двадцать юношей и девушек кувыркались и подпрыгивали в воздухе, одевая влажные комбинзоны. Комбинзоны Венди были синими, а комбинзоны Потерянных Мальчиков — красными. Одевшись, они последовали за Мартином через вторую перемычку к третьему дому-шару. А в это же самое время Ганс Орел уже предлагал

оставшимся продолжить игру.

Лица, руки и ноги большинства детей были испещрены рисунками, подчеркивающими — к какому семейству принадлежал их обладатель. Эта принадлежность отражалась и в кличках детей; клички соответствовали пяти тематическим группам: Географические названия, Птицы, Семейство Кошачих, Лакомства, Растения, Дарования — всего двадцать одно семейство.

Пэн обязан был отличаться от всех, и Мартин следовал этому правилу — более того, он вообще никогда не раскрашивал себя, хотя формально принадлежал к семейству Деревьев.

Мартин, Рэкс — на щеках которого было изображено по дубовому листу, Стефания — с перьями попугая в волосах — и остальные, разукрашенные в том же духе, поднимались по тускло освещенной второй перемычке, погрузив пальцы рук и ног в лестничные поля. Расположенные рядом и будучи разнообразных оттенков — красного, зеленого, голубого и желтого, поля образовывали неяркую радугу — будто бы кто-то пролил краску.

У каждого из детей в руках был небольшой жезл из стали и стекла — цилиндрической формы, без каких-либо кнопок и подвижных частей.

Жезлы выполняли функции средств связи и открывали доступ к мозговому центру корабля, к библиотеке и момам. Но никто из детей не знал, где территориально располагаются библиотека и мозговой центр, так же, как они не знали, сколько на борту момов и куда те исчезают, когда пропадают с глаз.

В извилистом коридоре перемычки ощущался запах, присущий помещениям, неподалеку от которых проходят занятия физкультурой. Приглушенный звук голосов и блики света отражались от выступающих повсюду темных полусфер, изогнутых трубопроводов и разнообразных, но чаще кубических, со сглаженными углами, конструкций. Поток свежего, прохладного воздуха из кормового дома-шара становился все ощутимее. У детей было очень острое обоняние, они различали малейшие изменения запаха. Они узнавали друг друга по запаху так же хорошо, как и визуально. С той поры, как дети попали на «Спутник Зари», они ни разу не простужались; да и ничто на корабле, кроме кошек и собак, не могло вызвать у них аллергической реакции. Дети были вполне здоровы, продолжительность состояния невесомости никак не сказывалось на них — по крайней мере, не вызывало пагубных

последствий. Незначительные раны и царапины заживали очень быстро. Беременность у девушек не наступала.

В течение пяти лет дети непрерывно обучались и тренировались — сначала под постоянным руководством момов, потом, когда общая организованность детей возрасла, под руководством лидеров и учителей, выбранных из их же рядов. В самом начале путешествия детей разделили на четыре команды: навигаторов, проектировщиков, механиков и исследователей. Мартин был зачислен в команду навигаторов и изучал приемы управления кораблем. Однако через несколько месяцев он нашел, что навигация — скучное и ненужное занятие, так как «Спутник Зари» управлялся автоматически. И хотя все дети знали, что получают знания для собственного же блага, применяли они их пока только в нескончаемых упражнениях и тренировках. Мартин стал все больше интересоваться механикой и исследованиями.

Миссия, к которой готовили детей, была чрезвычайно ответственной: если им удастся найти цивилизацию, которая создала машины-убийцы, уничтожившие Землю, они должны были провести там расследование и осуществить Пра-

восудие. Суть Закона была объяснена детям в самом начале полета: «Все разумные существа, ответственные за изготовление самовосстанавливающихся машин и других аналогичных изобретений — средств разрушений, а также все причастные к такому производству, должны быть уничтожены.» Жестокая категоричность Закона, выраженная столь четкими и холодными словами, поразила каждого из детей.

Соблюдение Закона контролировалось и осуществлялось альянсом цивилизаций, а конкретно — Благодетелями, которые и строили Корабли Правосудия для поиска роботов-убийц и их создателей.

Закон также требовал, чтобы оставшиеся в живых земляне приняли участие в поисках и уничтожении убийц. Погубившие Землю, бойтесь ее детей!

Уничтожение развитой цивилизации было опасным и трудным делом — даже при наличии оружия, имевшегося на борту Корабля Правосудия. И все-таки, у этого маленького и сравнительно простого летательного аппарата имелись шансы уничтожить более мощный и сложный. Момы обучали детей тактике и общей стратегии: как использовать оружие, как

избежать неожиданных столкновений, как защититься от мощных атак.

Но момы рассказывали далеко не все, что хотелось бы знать детям, поэтому со временем недоверие и неуверенность молодых землян возрастали.

Мартин старался не думать об этом, с головой погружаясь в учебу, тренировки и обязанности Пэна. Однако, как ни старался он отделаться от навязчивых мыслей, как ни пытался забыть Теодора Рассвета — этого ему не удавалось.

Теодор был другом Мартина — можно сказать, единственным другом в начале полета. Вдвоем, за разговорами, они проводили часы. Мартин помогал Теодору проводить анализы воды, взятой из земных водоемов, а также составлял компанию в изучении микроорганизмов, ракообразных, личинок насекомых из биологических архивов корабля.

Но на третьем году путешествия Теодор повесился, воспользовавшись для этого лестничным полем, а момы даже не попытались остановить его. Свобода выбора.

Момы никогда не воспитывали детей и не отдавали прямых приказов, но зато и не защищали детей друг от друга.

Интересно, вмешаются ли момы, если мы все разом попытаемся покончить с собой? Или если начнем воевать друг с другом?

За время путешествия уже трое покончили с собой.

Когда-то детей было восемьдесят пять…

Задумчивые и молчаливые, дети столпились в центральной части третьего дома-шара, неподалеку от Мартина. Здесь было светло, как в солнечный день, со всех сторон струились различные по яркости лучи и потоки мягкого серебристого света.

Последние три года дети тренировались на настоящих кораблях — тех, что планировалось, будут использоваться в реальном бою. Но пока они еще не совершали полетов в открытом космосе, а ограничивались полусферой, где хранилось оружие, довольствуясь имитацией. Но хотя эти смоделированные полеты были очень близки к реальности, дети уже начинали ворчать. Сколько можно играть в игрушки? Мартин очень хорошо понимал их настроение. Действительно, когда же будут настоящие полеты?

— Подойдите ко мне поближе, — обратился к детям Мартин. Они образовала около него полукруг. — Сегодня мы сделаем вот что … — он пере-

дал информацию со своего жезла на жезлы детей, и они смогли самостоятельно ознакомиться с тем, что он запланировал несколькими часами раньше. — Мы будем иметь дело с кинетическим оружием противника, с засадой, расположенной вблизи планеты. Планета — газовый гигант, и мы ведем «Спутник Зари» на дозаправку.

Графические изображения иллюстрировали описанную ситуацию. Дети и раньше выполняли это упражнение. Оно было очень полезным, так как совершаемые маневры можно было использовать и в иных ситуациях.

— Итак, давайте, начнем. Сегодня — четырехчасовое занятие в тройном темпе.

Дети застонали. Тройной темп был очень изнурителен, — правда, он давал им возможность побыстрее освободиться, а Мартину — еще до обеда успеть сделать отчет для момов за прошедшие десять дней.

Внешне арсенал оружия напоминал огромный прыщ на левом борту третьего дома-шара. Мартин повел группу к широкой перегородке, отделяющей склад от остального помещения. Гладкая, без каких-либо опознавательных знаков, вогнутая стена внезапно раскрылась — все сразу же ощутили холод. Стефания, улыбаясь, не

преминула сделать великодушный жест:

— Ты первый, командир.

И Мартин первым полез в эту пещерную темноту.

Здесь хранилось все пилотируемое оружие, включая дистанционно управляемое, а также прочее мобильное, маневренное снаряжение.

Мартин окинул взглядом помещение. В невесомости понятия «верх» и «низ» имели весьма расплывчатое значение. «Вверх» обычно означало движение к носу корабля, «вниз» — к корме: можно было подняться в отсек, спуститься из отсека, подняться к носу корабля и опуститься к третьему дому-шару.

Внутри арсенала находились миллионы крошечных роботов — производителей и манипуляторов. Они серыми пузырями покрывали унылые серо-коричневые стены и походили на спорангий на листьях папоротника; некоторые были размером с микроб, некоторые достигали метра в ширину, большая часть не превышала размера человеческого ногтя. Производители могли проникать в глубь поверхности планеты и из имеющегося там сырья создавать оружие массового уничтожения. Манипуляторы проникали в оборудование и технику противника и

разрушали их изнутри.

На кронштейнах висели матово-серые трубы — толщиной около трех метров и длиной от десяти до двадцати пяти метров. Цилиндры — яйцеобразные, блюдцеобразные, в виде запакованных сосисок с шипами, от пяти до двадцати пяти метров в поперечнике — были сложены в два, а кое-где и в три ряда. Все вооружение окутывало специальное ограничивающее поле.

Каждый раз, посещая арсенал оружия, Мартин чувствовал себя, как в музее абстрактной скульптуры или — в голову приходило странное сравнение — как внутри гигантской бактерии.

Стиль помещения, если вообще можно говорить о стиле таких примитивных форм, был вполне в духе роботов, Центрального Ковчега и Корабля Правосудия: утилитарность, приглушенные тона, повсюду мягкий, ничем не покрытый металл.

Когда-то Мартин, не поленившись, пересчитал все оружие, находящееся на борту корабля: девяносто единиц, не считая тех, что, как пузыри, торчали из стен.

— Давайте начнем, — предложила Стефания и устремилась к бомбардировщику. Вскоре все стояли рядом с лично к ним приписанными

небольшими кораблями-челноками.

Двери бомбардировщиков и снайперов с легким шипением отворились. Дети, ловко подсаживая друг друга, залезли в машины. Как только люки бесшумно закрылись, трапы сразу же исчезли.

Мартин занял свое место последним и тут же ощутил, как кресло начало трансформироваться, плавно облегая его тело.

— Это судно принадлежит Мартину Кедру, — объявила машина холодным металлическим голосом. Мартин не понимал, почему голоса машин, голоса момов и голос мозгового центра так сильно отличаются друг от друга. Он был убежден, что все они — единое целое, и, тем не менее, голоса кораблей были металлическими, момов — теплыми, но безликими, а голос мозгового центра, который дети слышали очень редко — мягким и приятным.

Подобных вопросов — вопросов без ответов — на корабле было много.

Машина попросила Мартина перенести план действий на экран компьютера, и тренировка началась.

Они скользили по верхушкам облаков газового гиганта, в три раза большего, чем Юпитер, — в то время, как Корабль Правосудия, окутанный све-

тящейся плазмой, лишь слегка задевал верхние слои атмосферы. Огромные, похожие на крылья, ковши «Спутника Зари», торможение которого достигало дюжины g, извлекали из плотной атмосферы сгустки водорода, метана и аммиака. Челноки-охранники летели впереди, и при внезапном столкновении с вооруженным врагом использовали энергетическое поле самого Корабля Правосудия.

Как всегда, дети отлично справились со своей задачей.

Подобные тренинги проводились уже в течение нескольких лет, для детей это стало привычным делом. Работа превратилась в игру, совершенно оторванную от реальной жизни. Имитация действий были очень прадоподобной, однако новых навыков у обитателей «Спутника Зари» давно уже не появлялось.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом, они тренировались и тренировались, повторяя одно и то же…

Со временем Мартин все сильнее ощущал, как нарастает всеобщее раздражение. Он был Пэном уже шесть месяцев и чувствовал ответственность за настроение команды.

* * *

Пробираясь между многочисленными трубопроводами первой перемычки, Мартин направлялся в учебную комнату, находящуюся в первом доме-шаре. Там он должен был встретиться с момами — он отчитывался перед ними каждые десять дней.

На борту «Спутника Зари» текло свое время: в сутках было двадцать восемь часов, в месяце — три декады, в году — двенадцать месяцев.

Каждый раз, отчитываясь, Мартин рассказывал момам, чем занимались и чего достигли дети, а затем выслушивал замечания, если они, конечно, были.

Преодолев перемычку, Мартин поднялся в дом-шар и, спустившись вниз по длинному цилиндрическому коридору, оказался в его центральной части. У широкого люка лестничное поле остановилось, он толкнул дверь и, схватившись за металлический шест внутри, ловко проскользнул в помещение.

Здесь было темно и прохладно. Свет, проникавший из коридора, образовал причудливое пятно на вогнутой стене. До назначенного времени оставалось четверть часа. Пока Мартин

был один.

В условиях невесомости учебная комната приняла форму двух колес, проезжавших одно сквозь другое и остановившихся в тот момент, когда их центры совпали. На одной из стен располагалось окно полусферической формы; но темное пространство за окном, наполненное мерцающими звездами, было все той же имитацией, как и многое другое на корабле. « Спутник Зари» двигался с такой скоростью, что Вселенная за бортом выглядела совсем не так, как эта симпатичная имитация. Звезды снаружи в действительности были размыты, искажены и сливались в одно мерцающее кольцо вокруг корабля, голубое — с той стороны, куда они летели, и красноватое, со множеством узких цветных полос в середине — с другой. Впереди лежало пространство, обманчиво кажущееся пустым, на самом же деле — заполненное губительной радиацией, позади — зияла другая темная яма, пораженная причудливыми частицами ренгеновского излучения с красным смещением — в ней гибли и видоизменялись галактики; мертвые звезды, как вампиры, пожирали вновь возникающих.

Сначала звездное небо показалось Мартину похожим на то, что он видел с Земли, но потом

он нашел, что не видит ни одного знакомого созвездия. «Спутник Зари» улетел слишком далеко. Расположение ярчайших звезд изменилось радикально.

Мартин достал из кармана жезл и, отпустив его, оставил висеть в воздухе. Они медленно дрейфовали в сумерках, отдавшись на волю праздным воздушным потокам. Мартин не спеша написал большими буквами: Тереза, Вильям. Первое имя засветилось розовым электрическим светом, второе — голубым.

Указательным пальцем он написал под розовыми буквами: Пять лет мы жили рядом, но только за последние десять дней я понял, что ты значишь для меня, и что ты чувствуешь по отношению ко мне. Почему мы не замечали этого раньше? Я думаю о тебе постоянно. Я скучаю по тебе, если тебя нет рядом даже несколько минут. Это не только непреодолимое физическое влечение, это родство душ. Это зов, подчиняясь которому две частицы безошибочно находят друг друга в огромной Вселенной. Их, как и нас с тобой, Тереза, ведет Бог, я чувствую его участие в нашей любви. Почему мы не поняли этого раньше?!

Послание Терезе мерцало всеми буквами — жезл вопрошал, будет ли Мартин продолжать,

или уже можно отсылать письмо. Мартин продолжил:

Я говорил с Вильямом о наших с тобой отношениях. Он одобрил их — по крайней мере, не возражал. Мне кажется, наша дружба с ним от этого не пострадает, хотя, признаюсь, я чувствую теперь с ним не так свободно, как раньше. Вероятно, он догадывается обо всем, что происходит между нами, но ведет себя очень благородно. Я понимаю, что ты винишь себя за то, что стала причиной разрыва уже сложившихся отношений, но, пойми, Тереза, нам все равно никуда друг от друга не деться. Ты не должна думать, что из-за тебя мои отношения с Вильямом изменятся. Никто и ничто не помешает нам с ним оставаться братьями.

Я скучаю по тебе, — даже тогда, когда занят работой. Пусть это покажется наивным, но любовь к тебе — самое сильное чувство, которое я когда-либо испытывал. И я хочу, чтобы ты знала это.

Мартин несколько раз перечитал написанное, морщась от несвойственной ему откровенности. Даже в детстве, среди друзей, он никогда не позволял себе полностью раскрываться перед другими. Сейчас он вновь почувствовал себя маленьким мальчиком, хотя в свои двадцать два был одним

из самых старших на «Спутнике Зари». Тереза была на три года младше его, Вильям — на год.

— Отправляй, — приказал он жезлу, и имя Терезы вместе с посланием исчезло. Лишь одиноко мерцало имя Вильяма. — Я думаю, — счел нужным объяснить жезлу возникшую паузу Мартин. Но как он мог думать о Вильяме, когда все его мысли принадлежали Терезе?

По иронии судьбы, как ни старался Мартин в свое время быть выше эмоций и сохранить дистанцию со всеми, в конце концов, он не устоял перед желанием иметь друга. Вильям оказался самой подходящей для этого кандидатурой.

Благодаря некой отстраненности от всеобщей суеты, Мартин сохранил независимость и заслужил уважение товарищей. Его выбрали Пэном, и девушки стали проявлять к нему особый интерес, и, как и следовало ожидать, он тоже не оставлял их без внимания.

Вильям не вмешивался в его дела, понимая, что, скорее всего, и сам бы вел себя подобным же образом, будь он Пэном. Но случилось то, что неминуемо должно было случиться — Мартин потерял свою отстраненность. То, что поначалу казалось лишь простым ухаживанием за Терезой и невинным сексом привело к отношениям,

которых Мартин так долго избегал. Но, в конце концов, когда-нибудь это должно было случиться.

Но в нем еще жил страх любви, страх потери — страх даже не разлуки, а смерти. Каждому на корабле были знакомы подобные чувства. Ведь все они потеряли Землю и все, что с ней связано — дом, родителей, друзей.

Они представляли из себя большее, чем просто детей, посланных в бессрочный крестовый поход. Они были карающими ангелами, солдатами, хотя и не проверенными в бою и до конца не осознающими своей силы, но прекрасно обученными и владеющими огромным потенциалом. Без сомнения, они используют этот потенциал, если им придется выполнять миссию. Но все ли останутся живы?

Что касается Вильяма, то Мартин решил объясниться с ним лично и приказал жезлу стереть имя друга. Затем он поднял руки и согнул палец — тонкий луч зеленого света пересек пространство. Еще одно движение пальца, и свет хлынул потоком в учебную комнату. Оттолкнувшись от стены, Мартин начал медленно летать по комнате, скрестив руки на груди и вытянув длинные стройные ноги. В ожидании мома он разглядывал

звездную сферу.

Фигуру и правильные черты лица Мартин унаследовал от отца. От отца же Мартину достался беззлобный характер и острый ум. Но миндалевидные глаза, чувственные пухлые губы, слегка выступающие вперед верхние зубы подарила ему мать.

Мом вошел беззвучно и остановился позади Мартина — короткий толстый сплющенный цилиндр, высотой около метра, цвета то ли тусклой меди, то ли латуни, с головой в форме шишки, без лица, рук и ног.

— Я готов тебя выслушать, — объявил мом. В голосе робота звучали властные ноты. Однако он никогда не требовал, не приказывал, только информировал и направлял.

— У нас все в порядке, — начал докладывать Мартин. — Все выглядят вполне здоровыми. Но у четырех человек напряженные отношения с остальными. У Рекса Дубового Листа всегда с этим были проблемы, но остальных я попытаюсь вернуть в группу. Хуже всего обстоят дела с Розой Секвойей. Да, она посещает собрания, выполняет всю необходимую работу, приходит посмотреть, как мы играем, но у нее совсем нет друзей. Даже с девушками она почти не общается.

А так… Упражнения выполняются хорошо. Мы только что имитировали управление кораблями-челноками на орбите планеты, отрабатывали маневры по защите корабля, выброс производителей и манипуляторов. Полагаю, вы и сами все уже знаете.

— Да, я знаю, — подтвердил мом.

Мартин напрягся. Ему было неприятно говорить об одном и том же несколько раз. И все же он сказал:

— Я считаю, мы готовы для настоящей работы в космосе. Нас утомили бесконечные имитации. — Уже в третий раз Мартин предлагал вынести упражнения за пределы корабля. Об этом просто мечтали все дети. — Пять с половиной лет — долгий срок. Мы прошли длинный путь и уже готовы…

— Понятно, — сказал мом. — Продолжай.

— Полагаю, мы уже взрослые, вполне сформировавшиеся люди. Кстати, я уже говорил о тренировках вне корабля в прошлом отчете.

— Да, это не новость для меня. Я ожидал услышать нечто подобное.

— Я снова и снова говорю об этом, потому что это очень важно для нас, — Мартина раздражала неопределенность слов робота. — Я пытаюсь

сохранить … равновесие в команде, чтобы все могли сосредоточиться на выполнении заданий. Иногда это помогает — мы стали лучше производить разведку. Но мы плохо информированы, и это всех беспокоит. Мы хотели бы принимать более активное участие в жизни корабля. Я предлагал это и раньше.

— Да, я помню, — отозвался мом.

— Но я не вижу никаких результатов.

— Нет причин для беспокойства. Вы все делаете правильно.

Не утруждая себя, как и прочие момы, знанием этикета, робот просто повернулся и плавно заскользил по направлению к выходу.

Мартин набрал в рот побольше воздуха, с шумом выдохнул и хотел было последовать за роботом, но заметил в дверях Хакима Хаджа. Тот пропустил мома и направился к Мартину.

— Привет, начальник, — шутливо расшаркался Хаким и, скрестив ноги, устроился неподалеку от Мартина. — Как дела?

— Как обычно, — Мартин недовольно махнул рукой в сторону двери. — Дружелюбие кирпичной стены.

— Понимаю… — Хаким возглавлял исследовательскую группу. Он был пониже Мартина на

семь-восемь сантиметров — смуглокожий, с большими загадочными темными глазами и тонким прямым носом. Хаким говорил по-английски с сильным оксфордским акцентом. Вывести этого парня из себя было практически невозможно. Он сохранял хладнокровие, даже если вокруг него бушевали страсти. — Ну что ж, и это неплохо.

Когда-то, пару лет назад, Мартин брал у Хакима уроки арабского, чтобы читать детские книжки из библиотеки корабля. Общепринятым языком на корабле, как и на Центральном Ковчеге, был английский. Земля погибла как раз на пике всеобщей американизации.

— Мы кое-что обнаружили. Прежде чем обсудить это с момами, я решил побеседовать с тобой. Если ты сочтешь нужным, мы вообще не будем их ставить в известность, пока не найдем более убедительных доказательств, — Хаким всегда осторожно и немногословно говорил о работе своей команды.

— Но ведь я только что отчитался… — удивленно напомнил Мартин и тоже принял положение лотоса, но его поза была менее грациозной, чем у приятеля.

Хаким извинился:

— У нас еще нет достаточных доказательств,

чтобы вынести окончательное решение. Но если верить тому, что мы получили по дистанционной связи… — Он резко оборвал сам себя, снова извинился и сказал, — Ну это все, конечно, на твое усмотрение, Мартин.

— Перестань оправдываться и ходить вокруг да около, Хаким.

— Хорошо. В общем, так… Мы обнаружили группу из трех звезд на расстоянии меньше светового года от нас. Спектр двух из них указывает на наличие радиактивных и прочих элементов в пропорции, близкой к той, что упоминались при описании зондов-убийц.

Прибегнув к жезлу, Хаким ознакомил Мартина с результатом исследований. Перед ними вспыхивали цифры, диаграммы, чертежи — язык, изобретенный момами, стал для них привычным и естественным. Среди формул и чертежей появилось изображение трех звездных систем. Цифры сообщали, что эти звезды отдалены друг от друга более, чем на триллион километров.

Классификация звезд у момов базировалась на различии в массе, диаметре, яркости, возрасте и содержания так называемых «металлов» — элементов, удельный вес которых превышал удельный вес водорода и гелия. Мартин знал эту

шкалу, как свои пять пальцев. Ближайшая звезда, Масленка, была ярко желтой. Ее масса и диаметр составляли около девяти десятых солнечной, а содержание «металлов» оказалось достаточно высоким. У второй звезды, Подсолнечника, «металлов» было гораздо меньше, а масса в полтора раза превышала солнечную. Третья звезда в этой группе, названная Огненной Бурей, был сверкающий красный гигант. В системе Масленки насчитывалось четыре планеты, две из них — тоже гиганты, но с необычно бедным содержанием газа.

Хаким заметил интерес Мартина к этим планетам:

— Они значительно беднее по качественному и количественному составу, чем можно было ожидать. Возможно, в прошлом здесь велась добыча газа.

Мартин нахмурился. Трудно заправить Корабль Правосудия там, где уже поработала древняя, высокого уровня, цивилизация.

Рядом с Масленкой находились две каменистые планеты и несколько — что-то около пяти — небесных тел, суммарная масса которых примерно равнялась массе Луны.

В системе Подсолнечника — тусклого желтого

газового гиганта — было десять планет, две из которых также являлись газовыми гигантами. Огненная Буря была окружена лишь небольшими обломками, но имея диаметр девяносто миллионов километров, она могла, раздувшись, проглотить несколько планет.

Перед глазами Мартина мелькали цифры, он пристально смотрел на экран, выискивая нужную информацию. Он проанализировал внутренний спектр звезд и заметил странные участки с необычно высоким уровнем инфракрасного излучения. Технически развитая цивилизация поработала, по крайней мере, вокруг двух из планет — Масленки и Подсолнечника.

— Как давно началось расширение Огненной Бури? — поинтересовался Мартин у Хакима.

— Что-то около пяти тысяч лет назад.

— Они вооружены?

— Цивилизация системы Масленки явно вооружена. Насчет Подсолнечника у нас точных сведений нет.

— Странно, у них нет никаких защитных оболочек… — задумчиво произнес Мартин.

— Нет, — кивнул Хаким.

Оболочка вокруг каждой звезды — это сложная конструкция Дайсона из многочисленных

орбитальных сооружений, в несколько слоев окружающих звезду. Если бы она присутствовала, то непременно изменила бы внешний облик системы, отраженные сигналы с планеты ограничились бы тусклыми инфра-красными лучами. Мартин просмотрел всю информацию, которую несли потоки мельчайших частиц, дрейфующие вокруг звезды — так называемые потоки межзвездной пыли — и ему стало не по себе.

Корабль Правосудия находился на расстоянии восьми триллионов километров от ближайшей звезды — Масленки. Мартин вытянулся и прикоснуться к светящейся геометрической форме, медленно пульсирующей рядом с изображением звезды. Она раскрылась как цветок соединением пентогональных лепестков. В поисках желаемой информации Мартин изучал лепесток за лепестком.

— На орбите Масленки присутствуют и другие объекты, помимо тех пяти, что мы уже видели, не так ли? Тебе не кажется, что это указывает на то, что они вооружены?

Хаким кивнул. Мартин проверил все темные места, отметил колебания яркости, а также проанализировал непрерывные спектры звезд, оценивая линии их поглощения, возникающие

— в межзвездной пыли, внешней защитной оболочке и в атмосфере самой планеты.

Корабль Правосудия не высылал вперед своих собственных разведчиков. Непонятно, откуда появилась подобная информация, ведь получить ее без разведки явно невозможно?

— Я дополнительно получил эти сведения три месяца назад от момов, — угадал мысли Мартина Хаким. — Они уже давно следят за этой группой звезд. Возможно, тысячи лет.

Машины Благодетелей, победившие убийц в Солнечной системе, в свое время собрали все, что от них осталось, и проанализировали состав собранного: наличие в нем радиоактивных элементов, пропорции других составляющих. Мартин предполагал, что Благодетели, имея сведения об обитателях галактик, удаленных от Солнечной системы на несколько тысяч световых лет, послали «Спутник Зари» именно туда, где он мог встретить звезду, соответствующую полученным пробам. Но возможно, момы знали и большее…

Внезапно Мартина стало тяготить общество Хакима. Также неожиданно он вдруг страстно захотел, чтобы вся команда разделила с ним ответственность, чтобы она поддержала все его

выводы, и чтобы при этом непременно присутствовал мом. Мартин весь дрожал от волнения.

— Совпадает ли состав проб? — спросил он.

— Аналитические расчеты перед тобой, — заметил Хаким с легкой укоризной.

Мартин покраснел и дотронулся еще до одной геометрической фигуры, отмеченной символом атома. Она раскрылась. Сравнительный спектральный анализ исходных проб и проб состава планеты указывал на их почти полную идентичность. Роботы-убийцы теоретически могли быть изготовлены в этой звездной системе.

Дополнительные сведения поступили сразу же после запроса Мартина. За последние тысячелетия четыре соседних обитаемых мира, находящиеся в пределах двухсот девяноста световых лет, не раз подвергались нападению, в результате которых стали неузнаваемы. В объеме этого пространства находилось около миллиона трехсот тысяч звезд — примерно по одной звезде на каждые семьдесят восемь с половиной световых лет. Пять цивилизаций, включая и земную, были уничтожены. Только две из них, кроме Земли, сумели спасти оставшихся в живых.

Но где же эти уцелевшие? На других Кораблях Правосудия?

Четыре звезды, подвергшиеся нападению, лежали внутри гипотетической сферы, в которой были вычерчены предполагаемые траектории движения вражеских зондов, — с учетом скорости их воспроизводства, то есть с учетом того, насколько быстро они могут заполнять собой данное пространство.

Центр этой сферы находился в двух световых годах от группы Масленка — Подсолнечник — Огненная Буря.

Хаким уже был знаком с этими сведениями, сейчас же он с нарастающим возбуждением пытался расшифровать детали, которые казались ему не слишком понятными, но весьма интригующими.

— Да, занятно… — пробормотал Мартин, нервно сжимая и расжимая пальцы — По-моему, это очень интересно.

Хаким улыбнулся и кивнул. Оторвавшись от своих расчетов, он внимательно наблюдал за тем, как Мартин еще раз просматривает результаты исследования.

Когда-то на Земле отец Мартина сравнил попытку уничтожить вражеские зонды с убийством Капитана Кука аборигенами Гавайских островов. Для островитян Кук был могущественным пред-

ставителем технически развитой цивилизации.

Если убийцы Земли жили на орбите одной из этих звезд Кораблю Правосудия предстояло столкнуться с очень могущественной цивилизацией. Она развита настолько, что контролирует две, а, возможно, и три звездные системы, регулирует все изменения, происходящие вокруг, и вероятно, даже способна оградить звезду от поглощения красным гигантом.

Если их враги находились здесь, то перед детьми вставала задача посложнее, чем перед аборигенами, убившими Капитана Кука.

Эти противники казались столь непостижимыми для человеческого разума, как непостижимо далек от Мартина был сейчас его пес Гейдж, прах которого летал где-то вокруг Солнца.

— Идентичность проб… Я бы не сказал, что она абсолютна, — тихий спокойный голос Хакима прервал размышления Мартина. — К тому же, звезды могли получить кое-что из облака сверхновой. Но пробы действительно похожи. Ты видел соотношения калия и аргона? А концентрацию иридия?

Мартин кивнул. Затем он поднял голову и сказал:

— Все выглядет вполне прилично. Отличная

работа, Хаким.

— Впервые получился такой определенный результат, — Хаким явно ждал, какое же решение примет теперь Мартин.

— Давай-ка, сначала обсудим все это всей командой, а затем обратимся к момам.

Хаким вздохнул и улыбнулся:

— Правильное решение.

Сигнал, прошедший по всем жезлам, звал детей на общее собрание — первое для Мартина, на котором он играл роль старшего. Поодиночке и группами дети устремились по направлению к первому дому-шару. За ними в учебную комнату пробрались любители многолюдных сборищ — три кошки и четыре попугая.

Георг Дэмпси, пухлый юноша из семейства Атлетов, приблизился к Мартину вплотную и внимательно посмотрел на него:

— Хорошие новости? — Георг, как никто другой, умел угадывать настроение по выражению лица собеседника.

— Воэможно, у нас появился кандидат на нашу конечную цель, — ответил Мартин.

— О, это что-то новое и потрясающее… а это не очередная тренировка? — заволновалась маленькая, похожая на мышку, Джинни Шоколадка. Она

говорила на двадцати земных языках и претендовала на то, что лучше всех понимает момов. На руках Джинни укачивала уютно устроившуюся кошку. Кошка посмотрела на Мартина красивыми желто-зелеными глазами и зевнула.

— Обнаружена высоко развитая цивилизация, — пояснил Мартин. — Исследовательская группа представит результаты расчетов.

Оттолкнувшись от трубопровода, Джинни перекувырнулась в воздухе, дернув при этом разомлевшую кошку за хвост. Девушка не сильно разогналась, предусмотрительно выбрав для приземления медленно двигающееся лестничное поле. Ее веселье мгновенно передалось и другим детям — подпрыгивая и пританцовывая, некоторые из них тут же на ходу начали переодеваться в комбинзоны, засовывая снятую одежду в ранцы.

— Что, кажется, удача? — спросил у Мартина Ганс Орел, когда они столкнулись нос к носу в первой перемычке. Ганс, подобно Кристоферу Робину, был вторым в команде. Мартин выбрал его не случайно — к Гансу прислушивались все, он нравился многим. К тому же, он был сильной личностью — Мартин видел в нем скрытые резервы.

— Посмотрим…

В зале уже собрались восемьдесят человек. Отсутствовало всего лишь двое. После переклички Мартин быстро выяснил, что нет Вильяма Оперение Стрелы и Эйрин Ирландки. Соединившись с жезлами отсутствующих, он напомнил им о собрании. Почувствовав угрызения совести, Мартин попытался представить, чем же таким важным может заниматься сейчас Вильям, раз он проигнорировал сигналы жезла. Подобное поведение не было для него характерным. Может быть это из-за меня?

Рядом с Мартином расположилась Роза — грузная, с рыжими перепутанными волосами и большими руками. Она была почти такого же роста, как и Ганс.

Где-то в средних рядах мелькало лицо Терезы. Короткие темные волосы и маленькая сильная фигурка притягивали взгляд Мартина. Внезапно его охватило страстное желание.

Когда же он видел ее в последний раз? В семь часов… Сейчас она была сдержанной, замкнутой. Ее глаза лишь слегка расширились, когда Мартин взглянул на нее в упор, в них не появилось никакого намека на страсть, их объединяющую.

Других в толпе Мартин, случалось, не замечал и неделями.

У каждого из детей в памяти сохранился облик мертвой Земли. Они видели ее гибель — агонию, длившуюся часы, обломки, летающие по орбите. Однако некоторым в то время было всего пять-шесть лет, и эта трагедия нашла отклик больше в кошмарных снах, чем в сознательных образах. Мартину тогда исполнилось уже девять.

Теперь же они говорили о Работе, и все воспринималось всерьез.

Мартин вызвал на трибуну Хакима. Тот, воспользовавшись жезлом, показал группу из трех близ расположенных звезд и пояснил, какой информацией об этих звездах они на данный момент располагают. Закончил он анализом причин гибели планет, расположенных неподалеку от названной группы.

— Мы должны решить, полетим мы туда или нет, — обратился к собравшимся Мартин. — Приблизившись к звездам, мы можем собрать намного больше информации. Но, с другой стороны, мы станем более заметны для потенциального противника. Поэтому в первую очередь, мы должны решить, следует ли нам рисковать.

— Пусть момы выскажут свое мнение, — из глубины зала выкрикнула Ариэль Боярышник. — Нам до сих пор не сказали всего. Мы не можем

принять окончательного решения, пока не узнаем… — Ариэль не проявляла симпатии к Мартину. Ему вообще казалось, что ей не нравится ни один из Потерянных Мальчиков. Впрочем, он не имел ни малейшего представления о ее сексуальных вкусах. Ариэль была раздражительной и самоуверенной. Однако ей нельзя было отказать в остром уме.

— Стоит ли опять терять время на бесплодные разговоры? — перебивая ее, мрачно поинтересовался Мартин.

— Если мы собираемся принять решение, которое включает долю риска, мы не можем позволить себе ошибиться, — упорствовала Ариэль.

— Давайте все же не будем… — еще раз попытался остановить ее Мартин.

— Ты ведешь себя так, будто бы не сомневаешься в том, что будешь Пэном и в момент подхода к звездам, — резко бросила ему Ариэль. — Может, позволишь высказаться и тем, кто, возможно, будет Пэном после тебя?

— Если разведка пройдет успешно, Мартин останется Пэном до окончания Работы, — твердо сказал Ганс.

Ариэль, немного смешавшись, быстро взглянула на Ганса:

— Но мы можем выбрать и нового Пэна. Это наше право.

— Да. Но мы сейчас не для этого собрались. Давайте не будем терять время, — спокойно сказал Ганс.

— Да пошел ты… , холуй! — взорвалась Ариэль.

— Вон! — не выдержал и Мартин. Затем он спросил уже более спокойным голосом, — Меня поддерживает хотя бы одна девушка?

— Я поддерживаю тебя, — взглянув на Мартина большими, безмятежными глазами, отозвалась Паола Птичья Трель.

— А ты проведи-ка часок в коридоре, — приказал Мартин Ариэли. Та пожала плечами и покинула учебную комнату.

— Ты ведь поговоришь с ней после, правда? — мягко, без нажима, поинтересовалась у Мартина Паола.

Он ответил не сразу — ему было стыдно. Пэн должен быть спокоен, не должен управлять в гневе.

— Я перескажу ей все, что мы решим, — сказал он после непродолжительной паузы.

— Но она тоже должна участвовать в принятии решении. Если голосование будет спорным, ты учтешь и ее мнение, не так ли?

— Да, конечно, — подтвердил Мартин. Но он не думал, что возникнут споры. Все они были очень нетерпеливы, и это могло оказаться решающим фактором.

— Ты смягчишь ваши разногласия, — не отставала Паола. — Ты Пэн и не должен игнорировать Ариэль. Ведь это очень ранит.

— Да, конечно, я непременно поговорю с ней, — успокоил девушку Мартин. Затем он поднял жезл. — Теперь у вас достаточно информации для того, чтобы принять решение — высылать нам разведчиков или нет. Пусть каждый из вас проведет самостоятельный анализ ситуации.

Но математические расчеты в данном случае представлялись сложными, к тому же, не гарантировали абсолютно точного ответа. Вероятность обнаружения искомых звезд при отправке исследовательских зондов на такое расстояние казалась незначительной. И все-таки шанс был.

Мартин закрыл глаза и снова мысленно пробежался по цифрам, используя метод, которому научился у момов — основанный на изначальной способности правильно оценивать дистанцию и скорость. Для этого метода не требовались какие-то особые умственные способности, он состоял в быстром здравом математическом расчете.

Этот метод в свое время был разработан Левисом Кэроллом и был назван им арифметической обработкой данных момов . Дети окрестили его «момерафом».

Закончив вычисления, Мартин окунулся в простое созерцание сходимости пространств и плоскостей, седловин и холмов, крутящихся шаров и цветных разводов. Вскоре он представлял их себе так четко, как будто они были нарисованы жезлом. Перед его мысленным взором возникла группа из трех звезд. Он обозревал наиболее важные точки. Системы, эксплуатируемые пришельцами, светились ярко-красным; те, что, скорее всего были исследованы, но не переделаны — насыщенно розовым; а те, что не носили никаких признаков внешнего вторжения — зеленым. Но в этой мысленной картине не было место Кораблям Правосудия. Они не появлялись в подобных построениях — момы не могли знать, где находятся другие защитники справедливости.

Один за другим дети заканчивали свои вычисления. Дженнифер Гиацинт и Джакомо Сицилиец первыми открыли глаза и взглянули на Мартина. Они всегда были самыми способными в использовании момерафа, как, впрочем, и в иных видах применения физико-математических теорий.

Вслед за ними закончили Стефания Перо Крыла, Гарпал Опережающий Время, Чэм Акула, а позже и все остальные. Последней была Роза Секвойа. Но радовал уже тот факт, что она вообще смогла завершить работу.

У пятерых возникли трудности, кое-что им было не ясно, и они воздержались от участия в голосовании.

Ганс, не изменяя своей роли Кристофера Робина, считал голоса, зорко следя и выводя на чистую воду тех, кто поднял обе руки, и тех, кто — ни одной. Он довольно быстро справился с заданием. Все опустили руки.

— Пятьдесят два человека — за, двадцать два — против, пятеро воздержалось, — отчитался Ганс. — Пэн может подводить итоги.

— Итак, это наше первое самостоятельно принятое решение. Я попрошу момов выпустить исследовательские зонды. Если звезды и после этого будут вызывать подозрение, в следующий раз придется решать — входить в систему или просто подойти поближе.

Некоторые из детей начали уже потягиваться и зевать. Им наскучил сей медлительный процесс — они предпочитали быстрые действия.

— Прежде чем входить в систему мы должны

быть уверены…

— О, мы все знаем, — прервала Мартина Паола. Да, они знали это наизусть. Если мы входим в звездную систему, в которой обитают разумные существа, мы находимся в опасности. Все высоко развитые цивилизации вооружаются. Не все из них приняли Закон. Некоторые даже с ним не ознакомлены.

Обитатели этой группы звезд, скорее всего, не знали Закона или знали, но не подписывали его.

— Итак, на данный момент наша задача — выпустить зонды. Но это только начало, — Мартин окинул взором лица собравшихся в учебной комнате. Все были очень серьезны; нетерпение и раздражение сменилось ожиданием и едва скрытой тревогой. За пять с половиной лет они впервые сделали выбор, самостоятельно приняли решение, в первый раз исследовательская группа выступила со столь интригующими результатами своей работы.

— Мартин, а ты уверен, что это не очередная имитация, не очередная тренировка? — Джинни Шоколадка не смогла сдержать дрожи в голосе.

— Вполне.

— И что же мы будем теперь делать?

— Будем выжидать и будем действовать, — от-

ветил за Мартина Ганс.

Большинство детей при этих словах подняли обе руки, — мы «за», но были и такие, кто сидел молча, угрюмо уставившись в одну точку..

— Пора уже стать взрослыми, — Паола похлопала Мартина по плечу. Мартин обхватил ее рукой, прижал к себе и тут же поймал быстрый взгляд Терезы. Но — никакой ревности. Он был Пэном, и все ему доверяли.

Мартин отпустил Паолу и, как бы между прочим, коснулся Терезы. Она улыбнулась, погладила его по руке, и они разошлись — каждый по своим делам. Больше всего на свете Мартин хотел быть сейчас с Терезой и забыть обо всем — в частности, о том, что нужно вести себя разумно, но они не могли себе этого позволить.

С десяток детей отправились в зал тренироваться под руководством Ганса, остальные направились к себе в апартаменты — им предстояло распутать длинные лабиринты коридоров. В комнате остались только попугаи, они почистили перышки и закружили по комнате, тщетно ища подходящих насестов.

Мартин планировал выполнить следующее: сначала поговорить с Ариэль и сделать все от него зависящее, чтобы вернуть ее в коллектив,

затем найти и побеседовать с Вильямом и Эйрин Ирландкой.

Но к тому времени, как он мог закончить свои дела, Тереза уже должна была отправиться на девичью вечеринку в первом доме-шаре. Значит, предстояла разлука еще на несколько часов.

В самой глубине корабля, там, где хвост «Спутника Зари» сужался, Мартин нашел Ариэль — спящую среди огромных гладких емкостей непонятного назначения.

— Что-то мы с тобой не очень ладим, — с этих слов начал Мартин свое объяснение. Ариэль открыла глаза и холодно посмотрела на него.

— Ну что, плебей момов… Наслаждаешься своей властью? — зло выдохнула она.

Мартин старался не обращать внимания на подобные выпады. До сих пор он не мог понять, почему Ариэль отобрали для полета, предпочтя многим и многим добровольцам с Центрального Ковчега? Ведь она была необщительна, упряма, чересчур напориста и самоуверенна.

— Извини меня. Но ты же знаешь наши правила. Если меня переизберут, я буду радоваться этому не меньше, чем ты. Может, ты попытаешься…

— Я устала от всего этого, — перебила его Ариэль

и уселась по-турецки. — Все мы — марионетки, и только. Зачем мы им? Они все могут сделать сами. Чем мы можем им помочь? Неужели ты не замечаешь этого вранья?

Ее слова прозвучали для Мартина как пощечина. Он попытался взять себя в руки. Он был Пэном и обязан сохранять спокойствие. Нельзя дать Ариэли понять, насколько он зол.

— Конечно, нам не легко. Но мы же все добровольцы.

— Когда меня вербовали, мне не сообщили, для чего я буду нужна, — процедила сквозь зубы Ариэль.

— Но нам же рассказывали…

— Мы были детьми. Мы играли в игры, которые всегда заканчивались победой, игры, весьма далекие от настоящей мести. Теперь они хотят, чтобы мы были серьезны, а мы даже не знаем, зачем это нужно… Они не рассказывают нам всего.

— Но они еще и не просили нас ни о чем. Команда Хакима обнаружила группу…

— Момы наблюдали за этими звездами тысячу лет. Разве ты не знаешь этого?

Мартин нервно сглотнул слюну и отвернулся:

— Они говорят нам все, что необходимо.

Ариэль горько усмехнулась и качнула головой:

— Они специально вели корабль таким курсом, чтобы мы наткнулись на эти звезды. Теперь они или собираются использовать нас для убийства кого-то, или готовятся отправить нас самих на смерть. И я не одинока в таких предположениях. Многие считают, что это подлинное свинство.

— Но ты единственная нашла в себе силы выступить, — саркастически заметил Мартин. Он чувствовал, что терпение его на исходе.

Она внимательно всмотрелась в его лицо. В ее взгляде было более сожаления, нежели ненависти. Она видела в нем тупицу, неспособного на разумные поступки.

— Я не одинока, — повторила она — Запомни это, Мартин. И у нас есть свои… догадки. Но, черт побери, должны же момы, в конце концов, что-то сделать?

— А если нет? Тогда что? Ты покинешь нас?

— Нет, — резко ответила Ариэль, — Не будь ослом, Мартин. Я выберу кое-что позанятнее. Я убью себя.

Мартин уставился на нее широко раскрытыми глазами. Ариэль, отвернувшись от него, с силой оттолкнулась от искривленного цилиндра, монументом возвышавшегося посреди отсека.

— Не беспокойся, я дам им время подумать. Я,

все же, надеюсь на то, что мы сможем сделать то, что должны. Но надежда эта становится все иллюзорней. Они обязаны рассказать нам все, Мартин, — крикнула она теперь уже со значительного расстояния.

— Ты же прекрасно знаешь, что они не сделают этого, — покачал головой Мартин.

— Нет, не знаю. Да и почему бы им не сделать этого? — Ариэль резко развернулась и медленно, как тигрица, стала наступать на Мартина. Лишь за секунду до столкновения она остановила лестничное поле.

Но Мартин даже не вздрогнул.

— У Благодетелей тоже есть дом, — сказал он. — Они же пришли откуда-то…

— Вот только не надо потчевать меня таким дерьмом…

— Ариэль, выслушай меня, пожалуйста. Ты же сама просила объяснений.

Она кивнула:

— Ладно, валяй.

— Если галактика полна волков, то вряд ли там появятся птички. Если мы узнаем о Благодетелях все, — кто гарантирует, что через несколько сотен, да хотя бы и тысяч лет, не важно, мы не превратимся в волков? А местоположение Бла-

годетелей нам будет известно. Скажи, что, в таком случае, помешает нам отправиться к ним в гости?

— Это так… цинично, — процедила Ариэль. — Но если они так относятся к нам, почему же тогда оберегают?

На этот вопрос существовало много ответов, но ни один из них не был до конца убедительным. Мартин часто размышлял на эту тему. И теперь он попытался донести до Ариэль свои наиболее удачные, на его взгляд, теории.

— Они верят в гармонию. Кем бы момы ни были, но ведь именно они создали Корабли Правосудия, чтобы лишить возможности отдельные цивилизации рыскать по галактике и подчинять себе все вокруг. Может быть, все началось с самозащиты…

— Возможно, и сейчас все, что происходит, это не более, чем их самозащита.

— Нет, не думаю. Мне кажется, они просто надеются, что мы внесем свой вклад позже, когда возмужаем.

Ариэль безнадежно вздохнула.

— Момы сказали нам все, что могли, — продолжал убеждать ее Мартин, — Все, что мы должны знать. Без них мы никогда не сможем отомстить

за Землю. Ты же понимаешь все это. У нас нет причин ненавидеть момов.

— Я не испытываю к ним ненависти, — сказала Ариэль.

— У нас куча работы. Нам надо многое обдумать и принять решение. Я бы хотел, чтобы мы все были вместе.

— О, я не хочу никого разочаровывать.

— Пожалуйста, не думай больше о самоубийстве. Это глупо.

Прищурившись, Ариэль посмотрела прямо в глаза Мартину:

— А вот это мое личное дело. Не трогай этого.

— Я и не собираюсь, — мягко произнес Мартин. Его гнев улетучился, появилось глубокое понимание того, куда они идут, что собираются делать. — Ты будешь заниматься только тем, чем захочешь.

— Мартин, откуда нам знать, как многое мы потеряли? — вырвался у Ариэли вопрос, кажется, неожиданный и для нее самой.

Мартин кивнул, он не мог с ней не согласиться:

— Да, ты права. У нас никогда не существовало возможности быть людьми, а еще меньше — детьми. Мы очень далеко от своего дома. Можно

сказать, что его больше не существует. Но мы не повзрослеем, пока не выполним свою миссию. Но даже после этого нам не следует возвращаться в Солнечную систему, к моменту нашего возвращения там пройдут уже тысячи лет. Мы будем там чужими. И это не только твоя, это наша общая судьба. Мы должны держаться вместе.

Ариэль казалась испуганной.

Каким бесчувственным и слепым монстром, должно быть, кажусь я ей…

— Мы уже никогда не будем детьми, — продолжал Мартин, — Но надо жить, Ариэль. И не надо мне угрожать. Мы не хотим никого терять.

— Но почему момы сами не остановят тех, кто сотворил все это? — с надрывом произнесла Ариэль.

Мартин пожал плечами:

— Они не хотят превращать нас в скотину, или в зверей из клеток зоопарка. Может быть, поэтому, я не знаю… Они предоставляют нам столько свободы, сколько могут. Даже в свободе умереть не отказывают.

— Все это очень грустно, — прошептала Ариэль, глядя куда-то мимо Мартина. — Ну, ладно, все, пока!

Мартин с трудом проглотил слюну:

— Я…

— Пожалуйста, уйди.

Мартин резко вскочил, оттолкнулся от стены, затем от трубопровода, снова от стены, потом, переведя дыхание, он вызвал лестничное поле и направился ко второму дому-шару, где жил Вильям.

— Почему тебя не было на собрании? — Мартин старался говорить спокойно. Вильям Оперение Стрелы повернулся к нему и вылез из гамака.

— Я не хотел усугублять напряженность.

— Вообще-то, ты, как и любой другой, обязан присутствовать на собрании, когда обсуждается Работа. К тому же, ты не голосовал.

Вильям улыбнулся и пожал плечами.

— Думаю, никто не пострадал от этого. Я получил информацию и могу сделать собственные выводы, — его привычной экспрессивности пока почти не ощущалось. — А ты, Мартин, свои сделал?

— Мы собираемся исследовать…

— Я не об этом, — прервал его Вильям. — То, что вы там решили, было заранее предопределено. Я говорю о другом. Ты решил, кто ты есть? Что же ты, в конце концов, хочешь?

— Не понимаю, о чем ты, — Мартин и вправду

был озадачен.

— Это важно для тебя. Это важно для Терезы.

— Я думал, у тебя нет возражений.

— Да, я сказал, что не возражаю. Но потом мы с тобой снова занимались сексом — это было в первый раз после того, как ты переспал с Терезой. И я увидел, что почти ничего не изменилось.

Мартин сидел в противоположном углу комнаты с таким угрюмым видом, будто его заставляли принимать горькие лекарства.

— Все равно, я не понял, чего ты хочешь от меня.

— Это потому, что твои мысли не со мной.

— Ты мне всегда нравился.

— Мартин, сколько у тебя было любовников?

Мартин посмотрел в сторону:

— Я не гомосексуалист, — сказал он.

— Ну конечно же. Ты не робкий мальчик, Мартин, ты просто немножко испугался… обидеть кого-нибудь… да еще своих собственных страданий.

— О как ты мудр… — начал было Мартин.

— Слушай, замнем это, — раздраженно прервал его Вильям. — Ты изображаешь меня, как какого-то проповедника, нечто вроде святого Франциска. Я вовсе не такой. Я — обычный гомосексуалист.

Как и большинство из нас. Вот ты… и Тереза… Вы — нет, вы — другие.

— О, и она имела, и ее имели.

— Наверное… Но это ни о чем не говорит. Это не важно.

— У нее было любовников больше, чем у меня.

— Меня не интересует, сколько любовников было у Терезы. Меня интересует, сколько их было у тебя, — никогда раньше Вильям не спрашивал его об этом. Такие вещи редко становились предметом их обсуждения. В группе людей, столь тесно общающихся, все и так становилось общим достоянием.

— Это не важно.

— Некоторые говорят, что ты не слишком хорош, чтобы быть Пэном. У тебя мало связей, а для того, чтобы понять человека, нужно непременно переспать с ним. То есть, следи за логикой — тебе, как Пэну, следует переспать со всеми нами.

Мартин нахмурился:

— Никто до сих пор не говорил мне об этом.

— Они и не скажут, потому что они сплетники и трусы — все, без исключения, на корабле.

— Разве я чем-то отличаюсь от них?

— Ты постоянно стараешься не делать ошибок.

— О, боже, Вильям, о чем ты говоришь?

Вильям вытянул жилистые, отливающие бронзой, руки и ноги. Мартин отметил игру мускулов, пульсацию кожи на сильных руках, красоту и блеск бедра, но не почувствовал никакого физического влечения — он ощутил только гордость и восхищение гибкостью и силой друга.

— Я уже давно гомосексуал, — продолжал тем временем Вильям. — На корабле нас таких не так уж и много — всего восемь юношей и семь девушек. А ты со своей бисексуальностью можешь трахать кого угодно — народу предостаточно. Но я кое-что знаю о тебе, Мартин. На самом деле, ты гораздо более страстный, чем я. Я пробовал спать с девушками. Мне понравилось, но не более того. Поэтому теперь я сплю только с юношами. У меня их было двенадцать, а у тебя, я догадываюсь, пять или шесть. Так чего же ты боишься?

Мартин резко оттолкнулся от угла каюты.

— Я знаю, тебе противна идея подобного разделения, — Вильяма не остановил гневный порыв друга. — Ты не любишь принимать людей такими, какие они есть на самом деле. Но почему, Мартин?

Лицо Мартина выдавало его напряженное состояние.

— Ты сегодня что-то не в духе, — заметил он

мрачно, ставя на свое место одну из стен, которая после его толчка отъехала куда-то за спину Вильяму.

Вильям рассмеялся:

— Я?

— Ты раньше никогда не был таким жестоким, — Мартин остановился в дверях.

Лицо Вильяма исказилось:

— Я не жестокий, — сказал он печально. — Я просто знаю, что будет дальше. И меня раздражает, что ты не хочешь этого знать. И все потому, что это касается тебя… и Терезы. Но все равно, ты — лучший из нас, — голос Вильяма потеплел. Так было всегда, когда он хвалил Мартина. — По крайней мере, так думаю я. Не зря тебя выбрали Пэном.

— Ты будешь следующим, — сказал Мартин, избегая взгляда Вильяма.

— Нет, не буду, — тихо возразил тот. — Возможно, следующим будет Ганс… Он хочет этого. Не буду скрывать, я представлял себя Пэном. Единственное, что могу сказать по этому поводу: уверен, при моем правлении многие юноши разнообразили бы свои сексуальные вкусы… — Он усмехнулся. — Нет, я никогда не стану старшим. Я солдат, а не генерал. Генерал — это ты, хотя и

не веришь в это.

Мартин покачал головой:

— Я никогда не рвался к власти.

— Но, тем не менее, ты и не отверг предложение стать Пэном. Ты знаешь, что делает мудрый генерал? Вопреки умничающим сплетникам, он не трахается подряд со всем войском. Он наблюдает за всеми издалека, пытаясь понять, как можно использовать каждого, как сохранить безопасность, кем нужно пожертвовать, чтобы уберечь остальных, как выполнить миссию, порученную им. Ты согласен со мной?

В душе Мартин не был согласен с Вильямом, но ведь он всегда избегал прислушиваться к своему внутреннему голосу.

— Так ты согласен? — повторил вопрос Вильям.

— Один за всех и все за одного, — провозгласил Мартин, понимая, что это, конечно же, не ответ.

Но Вильяма, казалось, его слова вполне удовлетворили.

— Ну и отлично. И все же, тебе нужен человек, который поддерживал бы тебя…

— Вильям, это всего лишь благие намерения. Меня нельзя сделать лучше, нельзя изолировать от людей…

— Зачем изолировать? Просто тебе иногда необходимо побыть с другом, который умерит твой пыл. Мне нравится Тереза, но не можешь же ты… О боже, мне кажется. что я хожу вокруг да около того, что в действительности хочу сказать… Не можешь же ты быть с ней тем, кем был со мной, не можешь получить более сильные ощущения…

— Мне не хотелось бы ранить тебя и, тем более, потерять…

— Ты ничего не хочешь терять и никого не хочешь ранить, — Вильям приблизил свое лицо вплотную к лицу Мартина и взял его за плечи, — Но все равно, ты генерал. Правда, генерал, желающий убить двух зайцев сразу. Послушай старого мудрого Вильяма, Мартин. Неужели ты и вправду думаешь, что если ты переспал с кем-то, то вы непременно должны влюбиться в друг друга? Что, если ты был инициатором связи, то, значит, должен быть внимательным чуть ли ни всю оставшуюся жизнь — никогда не причинять боли партнеру и даже не сердить его?

— Оставь меня, — Мартин резко дернулся головой.

— Понимаю… Если они не любили тебя, ты чувствовал себя отвергнутым и обиженным…

Мартин, ты хочешь любить всех, но ты не любишь. Это лицемерие. Мне кажется, ты хочешь слишком многого. Ты хочешь получить души своих любовников.

— Не такой уж ты и мудрый, Вильям, — сказал Мартин, отталкивая его. — Ты совершенно не понимаешь меня.

— Да, теперь я вижу, что Тереза тебе подходит. Она посмышленее тебя, да и посвободнее. Но… я умываю руки. Не хочу быть для тебя вторым. Я проиграл эту игру.

Увидев слезы в глазах Вильяма, Мартин не выдержал и тоже заплакал.

— Прости меня, — прошептал он, подлетая ближе и дотрагиваясь до шеи Вильяма. — Ты мне как брат.

— Мы останемся братьями, только не надо спать со мной из сострадания. Пощади меня. Я должен поверить, что смогу обходиться и без тебя.

— В этом нет здравого смысла. Но если ты этого хочешь…

— Все идет своим чередом, Мартин. Мы собираемся быть — кто солдатом, кто генералом, у нас есть Работа. И я думаю, она будет гораздо более трудная, чем мы только можем себе представить.

Поэтому нет места никакому сумасбродству и лицемерию. На самом деле мы не принадлежим себе полностью, как бы нам ни хотелось в это верить, чтобы мы ни делали и чтобы ни делали момы. Но мы можем любить, и мы можем называть друг друга братьями и сестрами.

Открыв дверь, Мартин обернулся в пролете и сказал:

— Пожалуйста, не пропускай больше собраний.

— Не буду.

Эйрин Ирландка была для Мартина загадкой. Умная, рассудительная, с чистым взглядом. Поражало ее сильное, иногда даже переходящее в высокомерие чувство независимости. Мартин нашел ее в бассейне, на лице у девушки была маска. Мартину пришлось позвать ее дважды, прежде чем она заметила его. Выйдя из бассейна, Эйрин прошла мимо лестничного поля в раздевалку. Вода плескалась в сферическом пространстве; какое-то время можно было поплавать в воздухе, потом в воде, потом в брызгах и в пьянящем тумане, напоминающем облако.

Мартин не слишком любил плавать. Когда-то давно, в Орегоне, он чуть не утонул в речке рядом со своим домом, тогда ему едва лишь исполни-

лось четыре года. Эти воспоминания портили все удовольствие от плаванья в бассейне.

— Мне надо было присутствовать на собрании, да? — от нее пахло свежестью, чистотой и еще чем-то особенным. И хотя девушка была абсолютно голой, держалась она так, что всякое сексуальное возбуждение исключалось.

Эйрин, как всегда, была откровенна, естественна и ничуть не застенчива. Видимо, у нее даже не возникало подобных крамольных мыслей. Мартин тут же сравнил ее с Терезой. Ну, с Терезой и с его чувствами к ней было все понятно… А в Эйрин, несмотря на ее стройную фигуру, он просто нет находил никакой сексуальной привлекательности.

— Да, надо было, — менторским тоном произнес Мартин, которому на самом деле совсем не нравилось быть строгим и суровым. — Почему же ты не пришла?

— Я доверяю твоему решению, Мартин.

— Это не оправдание, Эйрин.

Она пожала плечами и снова улыбнулась.

— Тереза хорошая. Надеюсь, она не будет выпускать яд, работая с такими разгильдяйками, как я.

Мартин был истощен напряжением этого длинного дня. Лицо его покраснело.

— Эйрин, но почему ты такая тупица? Да, к тому же еще, тупица, жаждущая крови?

Приблизив к лицу Мартина свое, Эйрин прошептала:

— Может быть потому, что я боюсь.

Она завернулась в полотенце и его концом начала вытирать короткие волосы — большинство девушек на корабле предпочитали именно такую прическу. Поразительно зеленые глаза Эрин, выглядывающие из-под полотенца, выражали что угодно, только не нервозность или испуг. Какие бы чувства она не испытывала, на ее внешности это никак не отражалось.

— Я не поддерживаю Ариэль. Но не все со мной солидарны.

— Я рад и маленьким удачам, — усмехнулся Мартин.

— А что, Ариэль согласилась с большинством? Ну и что вы решили? Расскажи, мне интересно.

— Ариэль воздержалась. Так ты что, наблюдала за нами по жезлу?

— Конечно. Я не увиливаю, я просто ненавижу все эти формальности.

— Все это очень важно, — в десятый раз за сегодняшний день произнес Мартин. — Мы делаем эту Работу вместе, и необходимо, чтобы ты, как и

любой другой, принимала в ней участие.

— Я понимаю, хотя и не очень-то верю в это, — Эйрин откинула полотенце и одела сначала шорты, затем рубашку, завязав ее узлом под грудью и аккуратно заправив хвостики. Сверху она натянула рабочий комбинзон. — Но я больше не буду нарушать общие правила.

Мартин хотел добавить что-то к сказанному, но потом, по-видимому, решив, что хватит разговоров на сегодня, кивнул и покинул бассейн, радуясь, что, наконец-то, он относительно свободен.

* * *

Вечеринка Венди затянулась дольше, чем предполагалась, и Мартин работал в своем отсеке в полном одиночестве, копаясь в материалах по теоретической подготовке и в старых источниках, которые добыл в корабельной библиотеке. За последние несколько часов его любовные терзания достигли своего пика, и не в силах больше ждать, он отправился на поиски Терезы. Он нашел ее именно там, где она и обещала быть. Мартин с облегчением вздохнул, досадуя на себя за свою тревогу и страх, что что-нибудь случится.

Венди выкраивали одежду из тканей, которую им поставляли момы. В каюте Паолы Птичьей Трели собралось около тридцати девушек. Дверь была открыта — Мартин вошел. Тереза и еще четверо девушек стояли на коленях. Кимберли Кварц переносила выкройки с жезла на широкий сборчатый кусок ткани, лежащий на полу. Тереза держала угол ткани, растягивая его, а Паола обводила выкройку синим маркером. Несколько девушек заметили Мартина и вежливо улыбнулись ему. Паола подняла голову, тогда уже и Тереза увидела его. На мгновенье Мартин испугался, что она рассердится, но Тереза, попросив Кимберли подержать угол ткани, подошла обнять его.

— Время летит так быстро, — сказала она извиняющимся тоном. — Прости, я опоздала.

— Нет проблем. Я тоже был занят. Пытался головой пробить кирпичную стену.

— Ты сможешь подождать еще минутку?

Он присел у двери и принялся осматривать комнату Паолы, в которой прежде не бывал. Она украсила стены картинами джунглей — широких зеленых листьев, цветов, насекомых. Попугай, порхающий по комнате, был в восторге от такого интерьера.

Только двое из детей не пришли на встречу. Могло быть и хуже.

Мартин стряхнул задумчивость и стал рассматривать нарезанные куски ткани. Когда он проходил мимо какой-нибудь девушки — разговаривающей, напевающей или с усердием шьющей — каждая отрывалась от своих занятий и приветливо кивала ему.

— Посмотри, — окликнула его Тереза. Она манипулировала кусками выкройки, собирая ее прямо в воздухе. Паола Птичья Трель и Донна Изумрудное Море с улыбкой наблюдали, как их проект претворяется в жизнь. Какаду Донны прихорашивался, сидя на стойке с образцами тканей.

— Это платье. Вот так оно будет выглядеть, когда его раскроят и сошьют, — разглаживая кусок ткани, объяснила Мартину Паола. Он никогда не обращал на нее особенного внимания, но сейчас, в присутствии Терезы, Мартин внезапно почувствовал расположение к ней, а заодно и ко всем Венди. И еще он пожалел о том, что в его характере не заложено вот такого, как у Паолы, спокойного, нетребовательного доброжелательства к другим.

— Это придумали Паола и я, — гордо сообщила

Донна. Она была быстрая и нервная, с большими глазами, маленьким ртом и короткими светлыми волосами.

В результате их работы получилось длинное белое платье, украшенное волшебно переливающимся бисером.

— Это наряд для церемоний, — объяснила Тереза. Она приложила его к себе.

— Сейчас моя очередь, — запротестовала Паола, а когда Тереза передала платье ей, заметила, — Оно понадобиться нам, когда мы найдем нашу новую Землю, после того, конечно, как выполним нашу Работу. Первая Венди, которая ступит на планету, будет одета в это платье. Это будет бракосочетание детей с их новой Землей.

Мартина, никогда не слыхавшего о таких планах, охватило волнение:

— Да, это очень красиво.

— Хорошо, что тебе нравится, — обрадовалась Тереза. — А как ты думаешь, Потерянные Мальчики тоже захотят надеть что-нибудь особенное для Первого Шага?

— Не знаю, — расстерявшись, произнес Мартин. Он никогда не задумывался о том далеком времени. — Наверное, мы бы не отказались. А такие платья наденут все Венди?

Донна взглянула на Терезу:

— Но мы шьем только один наряд…

— Мартин прав. Ведь захотят все… — задумчиво произнесла Тереза.

— Еще изготовим, — поспешила успокоить всех Донна. — Это ведь отличный повод для новых посиделок.

Они сделали еще несколько примерок, затем Тереза начала прощаться.

Мартин проводил Терезу вниз — в сумрачный холл. Они прошли мимо Розы. Та, медленно приблизившись, лишь слегка кивнула им. Мартин не знал. как ему следует вести себя с этой девушкой — она была очень замкнута, не имела ни друзей, ни любовников. Роза постепенно выпадала из из маленького, тесного кружка.

Оглянувшись на Розу, Тереза сказала:

— Хорошо бы и для нее изготовить что-нибудь нарядное. Мартин, ведь и ей это необходимо.

— Я понимаю.

Тереза взяла его за уши и слегка притянула его к себе, требуя поцелуя.

— Ты был такой терпеливый… Разговаривал со всеми… Должно быть, тебе это совсем не просто. Ариэль была очень жесткой.

Мартин бросил взгляд вглубь коридора.

— Пойдем ко мне.. в мою каюту… — прошептал он между поцелуями.

— Зачем? — спросила она, прижимаясь к нему бедрами.

— Ты же знаешь, что я стесняюсь.

— Ты думаешь, нас кто-нибудь увидит здесь?

— Пойдем, пойдем… — он потянул ее за руку.

— Это потому что ты — Пэн? Да?

— Тереза…

— Ясно, — произнесла она задумчиво. — Любовнице Пэна — никаких приключений.

Он нахмурился, затем резко притянул девушку к себе и начал расстегивать ее комбинзон.

— Так ты хочешь, чтобы я проделал все вот так бесстыдно? — прошептал он ей на ухо.

— Кто-то же в нашей диаде должен быть авантюристом.

Он целовал ее, раздумывая над этим странным словом — диада. Они действительно были этой самой диадой, но Мартин никогда не называл так их отношения, приберегая его для того, что некогда было между ним и Вильямом. Хотя то, что он чувствовал к Терезе, несомненно, больше заслуживало этого слова.

— Ах, значит, свадебное платье… — приподнимая ее, пробормотал он.

— Для всех, — добавила Тереза, закрывая глаза и потираясь бедрами о его живот. — Опусти меня.

— Не раньше, чем ты скажешь, что я авантюрист.

— Ты авантюрист.

Мартин услышал что-то — дыхание или шорох одежды — и, обернувшись, увидел, что Роза возвращается. Ее отсек был где-то рядом — они были как раз на ее пути. Роза выглядела то ли смущенной, то ли огорченной. Не сказав ни слова, она повернулась и исчезла за поворотом.

— Извини, Роза, — крикнула ей вслед Тереза. — Ведь это и твой холл.

Но Розы уже не было. Мартин опустил Терезу и сделал серьезное лицо.

— Ты был прав, — сказала Тереза с сожалением. — Она слишком робка… Не нужно ей было нас видеть. Но это не имеет никакого отношения к тому, что ты Пэн. — Она натянула комбинзон. — Пойдем в твой отсек.

Он лежал рядом с Терезой, затопленный приятным чувством, которого не знал прежде — чувством полнейшей опустошенности. Он был свободен от забот, все его желания были удовлетворены, или, по крайней мере, забыты на время. Тереза лежала рядом, ровно дыша, но еще

не спала. Мартин даже слышал, как открывались и закрывались ее веки. Медленно, утомленно. Такие насытившиеся животные.

— Спасибо тебе, — тихо произнес Мартин.

Она погладила его ногу своей:

— Ты все молчишь? Где ты витаешь?

— Я дома.

— Думаешь о Земле?

— Нет, — сказал он, — Я дома. Здесь. С тобой.

Это была правда. Впервые за тринадцать лет, здесь, в темноте, Мартин почувствовал себя дома. Дом — это несколько мгновений между трудностями и свершениями. Дом — он вне времени и пространства.

— Это очень приятно слышать, — прошептала Тереза.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Мартин. Но я не дома. Еще нет.

Он притянул ее к себя. Мгновения уходили. Он хотел бы задержать их, но не мог. Все временно, непередаваемо словами. Не дома. Нет дома.

В тренировочных шортах, с полотенцем на шее, Мартин направился в носовую часть корабля. Он разминался в гимназическом зале второго дома-шара вместе с Гансом Орлом и Стефанией Перо

Крыла, когда туда вошел Хаким и сообщил, что у них, возможно, уже достаточно информации для принятия следующего решения.

Длинная носовая часть «Спутника Зари» выдавалась на сотни метров впереди первого дома-шара. Это была тонкая игла, толщиной всего три метра в оконечности. Хаким Хадж и еще трое из исследовательской команды — Ли Гора, Томас Фруктовый Сад и Луис Высокий Кактус — обслуживали станцию, расположенную в самом конце носовой части. Сквозь прозрачные стены станции открывался густой мрак, вызывающий ассоциации темной масляной краски, способной зачернить их души.

Два дня назад четыре тысячи дистанционных датчиков из третьего дома-шара послали сигналы в глубокий космос. Теперь они возвращались на борт «Спутника Зари» — посредством все той же «бесканальной связи», которой пользовались также и все корабли-челноки и прочее вооружение, находясь вне корабля. Информация, поступающая с дистанции до миллиарда километров, непонятным образом «просто возникала» в приемниках, причем ее невозможно было перехватить по пути — канала-то не существовало. Скорость передачи данных была

фактически мгновенной. Дети называли такую передачу «ноуч».

Ни момы, ни библиотека, ни мозговой цент корабля ничего не сообщали в ответ на запросы о бесканальной передаче. Это было одно из рабочих средств, переданных без объяснений.

С такими дистанционными датчиками «глаз» «Спутника Зари» колосально увеличил поле видимости, радиус которой составлял примерно четыре с половиной миллиардов километров, — то есть, охватывал примерно две трети изучаемых звездных систем.

Хаким пересек пространство выступающей носовой части корабля, слегка подернутое дымкой, и спикировал к Мартину. Ли Гора и Луис Высокий Кактус, поигрывая жезлами, молча наблюдали за ними. Им тоже было что сказать, но они сдерживались, предоставляя возможность высказаться Хакиму.

— Все оказалось намного лучше, чем мы ожидали, — начал Хаким. — В самом деле, лучше. Наша задача: спуститься вниз на тысячу километров, и у нас есть необходимый для этого запас топлива. Ближайшая система обитаема. Хотя странно, она не потребляет столько энергии, сколько должна была бы потреблять высокоразвитая в

техническом плане цивилизация. И все же, она наиболее активна и находится именно там, где мы и предполагали.

На жезле Хакима появились графики и цифры. Действительно, все совпадало достаточно точно.

— Мы просматривали звездные развертки и накладывали на них изображение первичного облака. Взрывная волна сверхновой инициировала процесс рождения звезды примерно девять миллиардов лет назад, остатки сверхновой рассеяли тяжелые элементы вдоль этих градиентов… — Палец Хакима прочертил алую линию вдоль цифр, отображающих наличие и колличественное содержание твердых металлов, то есть элементов, удельный вес которых превышал удельный вес водорода и гелия. Он ткнул пальцем в место наибольшего скопления подобных цифр. — Масленка находится как раз здесь, в этом магнитном поле. Лишь здесь элементы сконцентрированы в необходимой пропорции.

Красные цифры сгруппировались в изгибе магнитного поля, где теоретически — при определенной концентрации газов — могли сконденсироваться новые звезды.

— В радиусе сотни световых лет нет ни одной звездной системы, аналогичной Масленке, с тем

же качественным и количественным составом, — подвел итог Хаким.

Мартин не произнес не слова, он еще полностью не осознавал всей важности этого известия.

— Надо бы собраться еще раз и поговорить об этом, — наконец задумчиво произнес он.

— Я доложу момам, — сказал Хаким.

Раньше они никогда не видели больше трех момов сразу, хотя и подозревали, что на самом деле их должно быть намного больше. Не единожды дети пытались проследить перемещение момов и сосчитать их — это было что-то вроде игры — но никогда не могли сказать наверняка, сколько же их было. Сейчас, когда все восемьдесят два человека — все Потерянные Мальчики и Венди — собрались в учебной комнате, чтобы принять окончательное решение, с ними были шестеро совершенно одинаковых момов — с абсолютно идентичными спокойными, нейтральными голосами.

У Мартина по коже побежали мурашки. Он сам, лично, считал момов на корабле и пребывал в уверенности, что их не более четырех. Ни означало ли увиденное, что «Спутник Зари» мог производить роботов по собственному усмотрению? Но в таком случае корабль сам представлял

собой нечто вроде гигантского мома.

Собрать всех шестерых в одной классной комнате было в определенной степени неким символическим жестом… По крайней мере, так казалось Мартину.

Четверо момов сидели по периметру учебной комнаты — молчаливые и неподвижные, как часовые. Два мома расхаживали в центре, вокруг звездной сферы. Они терпеливо ждали, пока дети успокоятся, на что, впрочем, ушло не более минуты. Как только первый мом начал говорить, Мартин увидел Ариэль, входящую вместе с Вильямом и Эйрин.

Мом на трибуне вышел вперед и сказал:

— На данный момент увеличился объем информации о звездной системе-кандидате. Если корабль сейчас повернет к ней и начнет торможение, то у вас до момента входа в систему останется не более трех месяцев по корабельному времени. Торможение поглотит все ресурсы горючего, и мы должны будем заправиться в одной из звездных систем — в Масленке или в Подсолнечнике. Маловероятно, что в системе Огненной Бури достаточно газообразных веществ.

Перед детьми развернулась диаграмма их орбитального пути и поляра скоростей. Тормо-

жение в течение трех десятидневок, при одном g корабельного отсчета, должно снизить скорость до девяноста процентов скорости света и значительно повысить их «тау», что позволит занять положение, оптимальное для проникновения в систему Масленки. Затем планировалось торможение уже при двух g — в течение двадцати трех дней. Они должны войти в систему при скорости, едва превышающей семьдесят пять процентов скорости света, и пересечь ее менее, чем за четырнадцать часов. Система в диаметре превышала 11, 2 миллиардов километров.

Мартин заметил, что их траектория проходит через темные облака первичной материи, через плоскость эклиптики, а затем под южным полюсом Масленки, уже намного ниже плоскости эклиптики. Одну каменистую планету они минуют на расстоянии двух миллионов километров, другую — ста миллионов километров, как раз между ними — обе планеты находились по одну сторону системы.

— Дистанционные разведчики предоставили вашей исследовательской группе достаточную информацию. Позже вам будут сообщены развернутые данные, чтобы вы могли принять следующее решение.

Ариэль наблюдала за Мартином из противоположного конца учебной комнаты. По ее лицу трудно было что-либо прочесть, но он чувствовал ее неодобрение.

От исследовательской группы выступил Хаким Хадж.

— Информация просто замечательная… ну очень соблазнительная, — он поднял жезл, и все остальные жезлы запели ему в тон, создавая образы перед глазами собравшихся.

И они увидели:

Две желтые звезды изменили свои оболочки — потоки частиц струились с поверхности звезд, сливаясь и закручиваясь в тугие пряди, собираясь над полюсами. Магнитное поля звезд изменились так, чтобы сохранить управление происходящим на поверхности и регулировать излучение. Ни одна планета не была затронута звездной бурей, не стала жертвой непредсказуемости звездных недр. Этот факт помог объяснить причину изменений характеристик звезды: размеров спектра и яркости, — он определенно указывал на наличие развитой цивилизации.

Другие изменения касались ближайшей желтой звезды Масленки. В частности, изменились орбиты планет, причем единственный газовый

гигант был сдвинут поближе к Масленке — скорее всего для того, чтобы было легче пополнять запасы летучих веществ. Газовые гиганты оказались еще беднее летучими веществами, чем это выходило по предварительным расчетам: дозаправка вблизи звезд становилась проблематичной.

Между орбитами внешней каменистой планеты и газовым гигантом системы Масленки располагалось облако, толщиной порядка миллиона километров, состоящее из хрупких структур, представляющих собой, в основном, силикаты. Видимо, для создания этого облака пришлось пожертвовать одной-двумя каменистыми планетами или целым поясом астероидов. Для каких целей все это предназначалось пока было непонятно. Хаким высказал предположение, что это могла быть система огромных зеркал, которая либо перефокусировала всю поступающую на них энергию на внутренние планеты, либо отбрасывала от Масленки излучение красного гиганта в период его повышенной активности.

Дальняя желтая звезда не имела признаков высоко развитой цивилизации.

— Может быть, кто-то и прячется там, — заметил Хаким, — на нам не дано этого знать.

Но самые впечатляющие кадры он приберег

напоследок.

— Информация, с которой мы сейчас вас познакомим, была собрана Благодетелями в те времена, когда Земля еще не была разрушена, — сказал Хаким. — Несколько тысяч лет назад… Нам дали ее момы.

И они увидели тусклые вспышки вокруг двух желтых звезд — как если бы те были видны с расстояния в сотни или даже тысячи световых лет. На самом деле расход энергии при этих вспышках был таков, что при ее использовании казалось реальным сдвинуть планеты и изменить положение звезд. Вспышки длились несколько десятилетий — то есть, мгновение в масштабах времени галактики, но, тем не менее, внимательные глаза уловили мерцание.

Разрушение двух звездных систем произошла одновременно, примерно за двести лет до того, как Огненная Буря, массой примерно вдвое больше Солнца, после вспышек гелия превратилась в красный гигант — чудовищную опухоль, поглотившую пять планет. В молчании дети следили за тем, как этот гигант извергал огромные облака газов, и его лик становился изъязвленным и рваным, словно обгоревший, разлагающийся череп.

Первым заговорил Ганс Орел:

— Если убийцы живут здесь, то они выслали разрушающие машины до или после этих изменений? — спросил он.

— Видимо до, — ответил мом, — Как показывает наш опыт…

— Нам не известно, каков ваш опыт и насколько он впечатляющий, — процедила сквозь зубы Ариэль.

— Ну, пожалуйста, Ариэль, — попросил Мартин таким спокойным голосом, что можно было поверить, что его терпение безгранично.

— Наш опыт показывает, — продолжал мом, — что зонды-разрушители производятся до того, как их создатели осваивают технологию, необходимую для выполнения крупномасштабных операций в звездных системах.

— Значит, с момента запуска зондов прошли уже сотни лет, — заметил Хаким.

— Весьма вероятно.

Ганс удовлетворенно хмыкнул.

Последние кадры показывали траектории движения машин-разрушителей. Эта запись охватывала временной период скорее даже не дюжины, а сотен лет. Избранные жертвы были отмечены красными точками, а те системы, которые несущие смерть роботы просто миновали,

светились зеленым. Ориентировочная дата гибели Земли и примерные расстояния мерцали белыми цифрами.

Мартина поразила полнота информации. Это был частичный ответ на сомнения, высказанные Ариэль. Его разум метался в поисках скрытого смысла: иногда Корабли Правосудия все же нарушали молчание и передавали координаты убийц, сообщая о их провалах и триумфах. Эта информация не могла быть скрытой — расстояние слишком велико для бесканальной связи… Они рискуют выдать себя…

Завершив доклад, Хаким выставил вокруг звездной сферы все демонстрирующиеся ранее кадры — на всеобщее обозрение.

— Пока это все, что мы имеем, — подытожил он.

И снова дети занялись момерафами, и учебная комната погрузилась в молчание.

Мартин, сидя с закрытыми глазами, машинально сжимая и расжимая руки, просматривал вероятностные ситуации, манипулировал числами и траекториями, заставляя последовательности то сходиться, то расходиться. И каждый раз он приходил к заключению, что существует большая вероятность — около 95 процентов — что

убийцы пришли именно из этой звездной группы. Возможно, зонды были изготовлены именно в системе Масленки, ближайшей желтой звезды.

По прошествии достаточного времени — примерно двух часов полной сосредоточенности в абсолютной тишине — момы собрались в центре учебной комнаты, и один из них спросил:

— И каково же ваше решение?

— Сначала вопросы и комментарии, — выкрикнула с места Паола Птичья Трель.

Комментарии, в большей степени, представляли из себя скорее высказывание личных мнений и эмоций, нежели существенных вопросов и возражений. Именно этого Мартин и ожидал. Он уже не единожды наблюдал, как группа приходила к согласию в вопросах, — правда, не столь важных, как этот. Именно так они и работали: высказывали свои мнения, определяли роли.

Мэй-ли Ву-Чанг Близницы — невысокая спокойная девушка из семейства Знаков Зодиака — спросила, существуют ли другие цивилизации в этих окрестностях. Хаким снова вызвал один из ранее показанных кадров: экспозиция всех звезд, вокруг которых могли бы вращаться обитаемые планеты, в радиусе двадцати пяти световых лет от данной группы. Ни на одной из них не было ни

малейшего признака развития цивилизации. И все же, это не являлось убедительным доказательством — существовала возможность, вероятность которой равнялась где-то двум пятым, что при таком количестве звезд могла развиться хотя бы одна цивилизация.

Ведь всегда существовала вероятность, что разум инопланетян окажется выше человеческого, и им удастся сохранить молчание, то есть — удастся остаться необнаруженными даже на ранних ступенях технического прогресса.

И все же, их молчание было весомым аргументом.

— Возможно ли, что при такой скученности планетных систем все цивилизации вымерли или самоуничтожились? — Это спросил Георг Демпси.

Один из момов начал отвечать:

— При данном количестве планет и, принимая во внимание, что цивилизации непрерывно развиваются… — Перед детьми вновь замелькали цифры, но Мартин уже отключился от происходящего. Он уже проделывал подобный анализ. Да, конечно, шансы есть. Но, в конце концов, это все это — только простые разговоры, а не серьезное обсуждение.

Но скоро наступит их час…

Вопросы и ответы растянулись бы еще надолго, но Мартин внезапно почувствовал жжение в глазах и тупую боль напряженных мышц. У него не было сомнений, что и другие устали. Обведя вокруг взглядом и всмотревшись в лица детей, он понял, что ничего существенного уже не будет добавлено.

— На этом мы закончим прения, — объявил он. — Давайте переходить к делу.

— Вы готовы принять решение? — спросил мом.

— Да, мы готовы.

Ворча и толкаясь, дети разобрались по семействам и учебным группам. Они чувствовали себя спокойнее, держась ближе к своим; решение было не простое, и никто не хотел, чтобы его торопили.

— Итак, вы принимаете решение по следующему вопросу, — обьявил мом, — следует ли нам начинать торможение, которое однозначно потребует значительного расхода топлива, и направлять Корабль Правосудия в район звездной группы, которую мы наблюдаем — для того, чтобы узнать, обитают ли там разумные существа, а если обитают, постараться расследовать, не они

ли построили машины, погубившие ваш мир. Пэн сосчитает голоса.

Один за другим они поднимали руки, Мартин считал голоса. По правилам голосования всего должно быть не более десятерых воздержавшихся, иначе придется начать все заново. Воздержались семеро, включая Ариэль. Шестьдесят один проголосовали за вторжение и исследование, четырнадцать — за то, чтобы пройти мимо системы и поискать что-нибудь более определенное.

— Нам нужен Пэн, который был бы в опозиции большинству, — сразу же после голосования прозвучал голос Ариэль.

Паола Птичья Трель, проголосовавшая за вторжение, возразила ей:

— Мы следовали регламенту. Решение принято.

— Мы следовали регламенту момов, — подчеркнула Ариэль.

— Они же учат нас, — растерянно произнесла Джинни Шоколадка, — Не понимаю, о чем ты?

— Скажите, разве мы марионетки? — окидывая всех взглядом, выкрикнула Ариэль.

Дети выглядели смущенными. Ропот нарастал. Мартин почувствовал колики в животе.

Вмешался Джордж Кролик. Смуглый, черново-

лосый, острый на язык, он был очень популярен среди детей.

— Довольно, ребята. Мартин прав. Мы здесь для того, чтобы сделать эту Работу. И мы не марионетки. Считайте, что мы студенты.

Ариэль сжала зубы, но промолчала. Внезапно, против своей воли, Мартин почувствовал влечение к ней.

— Дело сделано, — сказал он. — Мы проголосовали. Мы идем.

Вместе с дневной учебной группой Мартин обедал в столовой, когда начался маневр.

Сначала дети восприняли его, как более глубокую вибрацию корабля, резонансом отдающуюся в их мышцах и костях.

— Ух ты, — восхищенно воскликнул Гарпал Опережающий Время. Он достал свой жезл и пустил его плавать по воздуху. Отклоняясь то в одну, то в другую сторону — в зависимости от маневрирования корабля, жезл медленно вращался и полностью овладел вниманием детей.

Вибрация нарастала. Когда толчки, спровоцированные работой двигателей, стали буквально сотрясать корпус «Спутника Зари», он начал издавать довольно-таки мелодичное гудение, по тональности близкое к мужскому баритону. Жезл

повело к одной из стен. Дети почувствовали, что их «прижимает» и возбужденно зашумели, а спустя некоторое время и застонали, — когда увидели, что комната начала вращаться внутри корабля, будто бы была подвешена на шарнирах. Одна из стен стала полом, другая — потолком.

Торможение, порожденное ожившими двигателями, хотя и было незначительным — всего десять процентов g, оказало на них сильное воздействие.

— Меня сейчас стошнит, — простонала Паола, — Почему они не смягчат это для нас?

— Потому они помнят, что мы ненавидим мелочную опеку, — напомнил ей Мартин.

Через полчаса корабль вновь запел на ровной глубокой ноте. Мартин мог оценить состояние корабля, прибегнув к момерафу. Он видел, как неуклонно истощается запас топлива, как потоки частиц исчезают в бездонной черноте внешнего гасителя. Это был способ маскировки — вместо того, чтобы разбрасывать свои отходы в пространстве, тем самым увеличивая энергетические характеристики окружающего пространства.

Они направлялись туда, где трудно найти топливо.

Вернулась прежняя гравитация. Холлы и каюты

наполнились жалобами и шумом возбуждения: полуодетые дети бегали, падали, ругались, гримасничали, пытались прыгать, снова падали и снова ругались.

Двое в первые же часы поломали себе кости. Их гипсовые повязки, наложенные момами в клинике, служили неназойливым предостережением всем остальным. Когда Мартин устроил общее собрание в учебной комнате, пострадавшие продемонстрировали свои трофеи.

Они поправятся через пару дней… Медицина момов могущественна. Однако пока повязки не сняты, они не смогут принимать участие в занятиях.

Корабль изменялся постепенно, как живое существо — когда никто за ним не наблюдал. Кроме всего прочего, каюты принимали ориентацию, как при потере невесомости.

Когда прошло первое возбуждение, дети уже не находили это неудобным. Психологически это было возвратом к прежнему образу жизни на Центральном Ковчеге, к тому периоду, когда они в течение года разгонялись до околосветовой скорости, удаляясь от Солнца. Не говоря уже о времени, проведенном на Земле…

Впереди изменения посерьезнее: два *g* — тяж-

кое испытание, но если уж они решились на вторжение в систему Масленки, то это должно быть для них даже занимательно.

Никогда они не видели Корабль Правосудия во всей его мощи и мудрости…

Но ведь «Спутник Зари» можно было представить и простым микробом, который пытается проникнуть в хорошо защищенное, необычайно могущественное существо, способности которого были неизвестны.

Теперь Мартин должен был ежедневно докладывать момам. Один из момов постоянно дежурил в учебной комнате, — тот самый мом, на котором Мартин по совету Джорджа Кролика и Стефании Перо Крыла решил нарисовать опознавательные метки для поднятия боевого духа экипажа корабля.

На церемонию нанесения метки, собрались все дети. Когда-то, перед тем, как покончить с собой, Теодор Рассвет написал о времени, наступление которого все с нетерпением ждали: «Мы наденем военную форму, мы нанесем на себя боевую окраску, мы принесем клятву, как в прошлом пираты или мушкетеры, и все это будет не игра, это будет по-настоящему. Подождите, вы увидите это.

Теодору подобная церемония уже не нужна. Но для других наступил предсказанный им волнующий момент.

Дети собрались на ярусах амфитеатра, который по команде Мартина вырос в учебной комнате. На их лицах и запястьях появились полосы белой и черной краски. «Чтобы убить серые чувства, безразличие и нерешительность… » Даже Мартин был в раскраске.

Мом плавал в центре комнаты. Внутри звездной сферы, вокруг белой точки — звезды Масленки — светился красный кружок. Мартин приблизился к мому с небольшими горшками белой и черной краски — в одной руке, и кисточкой — в другой.

— Дабы показать нашу решимость, наше новое положение, дабы укрепиться духом и обрести мужество, назначаем этого мома Матерью Войны. Мать Войны будет находиться здесь постоянно, каждый из нас в любое время может обратиться к ней за советом.

Наше время пришло.

Мартин нанес жирные мазки белой краски по одну сторону угловатой, лишенной черт головы мома. Другую сторону он аккуратно закрасил черным. Наконец, для усиления эффекта — это была его собственная идея — он нарисовал раз-

деленный пополам круг — там, где должно быть лицо, так, что черная половина оказалась на белом фоне, а белая — на черном. Ничего серого, только альтернатива крайностей.

Разукрашивание закончилось. Мать Войны была готова. Мартин повернулся лицом к детям. Они стояли тихо, даже дыхание едва было слышно. Их лица показались ему суровыми и прекрасными — во власти дум и воспоминаний. Стоя перед товарищами, Мартин долго не мог оторвать взгляда от них.

— Луис Высокий Кактус и Ли Гора из исследовательской группы предложили новые названия для звездных систем. Масленку они предлагают назвать Полынью, Подсолнечник — Левиафаном, а Огненную Бурю — Бегемотом. Есть еще предложения?

— Ну что ж, хорошие имена, — почесывая песочного цвета бородку, задумчиво произнес Джой Плоский Червяк.

Никто не возражал.

— Теперь об упражнениях в открытом космосе… Мы учились годами, но еще ни разу не испытывали себя в реальных условиях. Я попрошу об этом момов прямо сейчас. Попрошу, чтобы нам разрешили упражнения вне корабля как

можно скорее, до окончания этого дня.

Момы всегда отклоняли подобные просьбы. Предварительно Мартин не советовался с ними. Обращаясь с такой просьбой в присутствии детей, он шел на определенный риск, действуя по наитию.

— Вы можете начать трехдневные упражнения в открытом космосе, — проговорила Мать Войны. — Вы можете провести полномасштабные учения вокруг «Спутника Зари».

Лицо Ганса осветилось, в знак победы он поднял кулак, затем повернулся к стоящим за ним детям. Радовались все, даже Эйрин Ирландка — все, кроме Ариэль. Лицо Ариэль оставалось бесстрастным.

— Наконец-то, — сказал Ганс Мартину, когда дети начали расходиться. Он широко улыбнулся, потер руки и повторил, — Наконец-то.

— Какие упражнения вы собираетесь провести? — поинтересовался Мартин у Матери Войны, когда учебная комната почти опустела.

— Это будет определено в момент начала упражнений, — ответила Мать Войны. Мартин отступил назад, озадаченный.

— Без предупреждения?

— Без предупреждения, — подтвердил мом.

При равномерном движении каюта Мартина — когда-то он делил с Теодором — имела сферическую форму, была полна книг и других ценных вещей, которыми снабдили детей момы — для пользы дела и для создания уюта. Когда началось торможение, Мартин переоборудовал ее, сконструировав горизонтальные полоки, на которых он смог бы сидеть, при необходимости на которые смог бы опереться. Гамак для сна он прикрепил к двум балкам.

Тереза нарушила его добровольное самозаточение лишь спустя десять часов. Прежде чем открыть люк каюты, она, прибегнув к жезлу, осторожно поинтересовалась, можно ли войти. Тяжело вздохнув, Мартин, противоречивые эмоции которого вызвали не только дрожь в руках, но и колебание мягкого пола, свесился с полока и открыл дверь.

— Я не хотела беспокоить тебя… — сказала Тереза. Выражение лица ее было сдержанным, волосы — в беспорядке, кожа блестела от пота. — Но когда мы тренировались, Гарпал и Стефания сказали мне, что ты здесь и что…

Он приблизился к ней и крепко обнял.

— Ты нужна мне. Мне нужен человек, способный успокоить меня.

— Я рада, — прошептала она, зарываясь лицом в его плечо. На ней были спортивные тапочки, голубые шорты и свободная майка. — Мы провели отличную тренировку и прекрасно поразмялись.

— А я зарылся в архиве, — Мартин махнул рукой в сторону электронного каталога и книг, громоздящихся в углу, где он спал. То, что они называли архивом, были хранящиеся в библиотеке «Спутника Зари» книги и всевозможные материалы об истории землян.

— Разрабатываешь тактику?

Он поморщился:

— Можно назвать это и так.

Она на мгновение прильнула к нему, затем переметнулась к кипе книг и начала просматривать каталог. Мартин не знал о ее любознательности. Хотя, возможно, она просто хотела знать о нем все. Такая мысль не могла не польстить Мартину.

— Маршал Сейкс, — прочла Тереза в электронном каталоге и, наклонившись, подняла книгу. — Бурсет и Гильберт. Карл Клаузевиц и Гельмут-Бернгард Мольтке, Карл-Генрих-Фридрих Гольц. — Она приподняла бровь.

— Их армии могли видеть друг друга, оценить свои силы. Мы же не можем даже этого, — сокру-

шенно покачал головой Мартин.

— Это те люди, у которых учился юный Лоренс, — уточнила Тереза, тем самым еще раз удивив Мартина. — Ты же читал Лиделла Харта.

— Ты, я вижу тоже, — Мартин не мог скрыть разочарования.

— И не только я, а еще человек двадцать. Я запрашивала эту книгу для командного доступа.

Мартин нахмурился:

— Мне следовало бы предполагать это… что все вы тоже готовитесь.

— В данный момент большинство из нас выполняют те упражнения, что ты задал. Мартин, не беспокойся, они уважают тебя, и не сомневаются в том, что ты знаешь, что делаешь. Каждый занят своим: Ганс уже сделал множество интересных научных открытий. Да и Эйрин Ирландка тоже. И Ариэль.

— О, я рад, что они наступают мне на пятки.

— Мартин, мы не можем позволить себе упустить такой шанс и надеяться только на тебя.

Тереза никогда прежде не разговаривала с ним таким тоном. Почему? Недостаточно доверяла? Вот и сейчас она улыбалась, — но вопрос-то был поднят, и Тереза отдавала себе в этом отчет.

— Мартин, я не критикую тебя, но ты… мы…

мы не найдем правильных ответов в земных учебниках по стратегии.

— Я не спорю с тобой.

— Мы не можем оглядываться назад.

— Но это единственное, что мы можем сделать в данной ситуации.

— Нет, не только это, — возразила Тереза.

— Я хотел сказать, что история Земли — единственное, что принадлежит нам лично, — нашел нужным уточнить Мартин.

Тереза положила книгу на место, и вернула то место на дисплее, где остановился Мартин.

— Извини, — тряхнув головой, сказала она. — Я пришла сюда не за тем, чтобы говорить об этом.

— Я смотрел не только в земные учебники, — Мартин не мог остановиться, слишком важной была для него эта тема разговора. — Я анализировал все, чему научили нас момы. Знаешь, они ничего не сообщили мне заранее о тренировке в космосе… Кажется, они хотят чем-то удивить нас. И это мне не нравится, хотя я вижу в таком…

— Мартин, тебе нужен отдых.

— Сейчас не время! — взволнованно воскликнул он.

— Мартин, я что, не ясно выразилась?

Он взглянул на нее с недоумением и потер

ладонью висок:

— Честно говоря, не очень.

— Посмотри, ведь я — здесь.

Мартин поспешил запереть дверь, отбросил в сторону жезл. Они рванулись друг к другу — книги, лежащие на пути, полетели в сторону.

— Я хочу быть с тобой всегда, не отпускать тебя ни на минуту, — прошептал Мартин. — Но я хотел бы перенестись отсюда в какое-нибудь другое место.

Она смотрела на него пристально, закусив губу, но выражение лица не имело ничего общего с движениями тела — бедра Терезы, будто бы сами по себе, исполняли грациозный и призывный танец. Он ощутил прикосновение ее живота, курчавых волос, вздрагивающих маленьких упругих грудей. Он поцеловал ее в шею. Мартин знал, что сейчас глаза Терезы уже закрыты, на лице появилась полнейшая отрешенность.

Можно сказать, что занятие любовью потребовало на этот раз скорее некоторых усилий, нежели сопровождалось эфирной легкостью — активные перемещения вверх-вниз, вверх-вниз. Но именно это и было особенно по душе Мартину — свершившееся казалось более реальным.

На полпути от цели, они скатились с полока на

лестничное поле и были аккуратно опущены на ворох одежд Мартина.

— Я хочу быть всегда с тобой, — повторил Мартин.

— Мартин, ты не думай… — у Терезы на глазах появились слезы — Я иногда бываю такой неуклюжей. Я доверяю тебе. И это просто удивительно, как все доверяют тебе. Все предыдущие Пэны — Гарпал, Стефания, Сиг, Джой — они все уступают тебе, — Тереза улыбнулась. — Ганс сейчас увлечен своей работой. Я давно не читала его записей, но мне кажется, он скрывает что-то важное. Ариэль все время ходит то ли сердитая, то ли грустная.

— Ну и что — ты со мной только потому, что мне все доверяют? — поинтересовался Мартин и тут же ужаснулся. О боже, что за глупый вопрос!

— Конечно же, нет. Я не трахаюсь за статус, — спокойно ответила Тереза.

— Прости меня, Тереза, я и сам все это отлично знаю, — он прикоснулся к ее лицу. — Но я бы не называл наши отношения таким словом.

— А почему бы и нет. По-моему, именно оно-то и подходит. Не стоит бояться его.

— Конечно, ничего не следует бояться, — прошептал Мартин, пододвигаясь ближе, бережно

старяясь не придавить девушку. — Я хочу, чтобы ты жила со мной.

— Ты хочешь, чтобы мы стали диадой?

— Я хочу большего. Я хочу, чтобы моя жизнь полностью слилась с твоей.

— Ах, вот как…

— Я так много хочу в этой жизни, что мне необходимо, чтобы ты была рядом.

— Ох… — Тереза отвернулась, изображая смущение. И это все она проделывала в то самое время, когда они находились в непрерывном движении.

— Я хочу, чтобы мы поженились.

Она замерла, затем легла неподвижно рядом с ним, тяжело дыша и устремляя взгляд куда-то выше Мартина.

— Но мы не можем пожениться.

— Ничто не может остановить нас.

— Мы Потерянные Мальчики и Венди. Пэн не может жениться.

— Мы можем пожениться по-своему. Без священников и без оформления бумаг.

— Замужество — это что-то далекое, несовместимое с нашим положением. Это уместно на Земле или, по крайней мере, после возвращения на Ковчег. Я помню свадьбы на Ковчеге.

— Я сомневаюсь в нашем возвращении.

— Я это знаю, — тихо сказала Тереза.

— У нас теперь свой ковчег — «Спутник Зари». Наш дом. У нас здесь вся информация. Мы имеем все, что нужно нам для нашей Работы. А то, что дорого нам, мы сохраним в памяти. Мы станем, как Воинствующие Псы.

— Воинствующие Псы?

— Да, ты сама говорила, что неправильно оглядываться назад. Мы должны выполнить нашу Работу и можем полагаться только на себя. Вот почему и пожениться мы можем прямо здесь.

— Но ведь с той поры, как мы стали любовниками, прошло всего несколько десятков дней.

— Для меня этого достаточно, — убежденно сказал Мартин.

Тереза отпрянула от него:

— По-моему, просто трахаться намного проще.

— Мы любим друг друга, а не трахаемся, — Мартин не собирался поддерживать ее несерьезный тон.

Тереза бросила на него пристальный взгляд:

— А ты помнишь, насколько серьезно было слово «любовь» на Земле? И чем оно отличалось от слова «трахаться»?

— А разве здесь оно несерьезно? — Вопросом на

вопрос ответил Мартин.

Тереза поднесла пальцы к губам, Мартин понял, что в руках у нее сигарета. Девушка опустила ресницы, эффектным движением отбросила волосы и заулыбалась, явно соблазняя Мартина.

— А ведь я могу быть и искусительницей, — низким, грудным голосом произнесла она.

— То есть развратницей, ты хочешь сказать, — добавил Мартин.

— Хорошо, хорошо, я согласна. Когда мы выполним Работу и, если к тому времени мы еще не надоедим друг другу, мы с тобой поженимся. На Земле. Если это будет там принято.

— Это принято здесь, — Мартин был непреклонен.

Лицо Терезы стало злым, она отбросила сигарету.

— Я читала книги на эту тему. И знаю, что во многих местах, нас могли бы даже арестовать хотя бы вот за это… — она прикоснулась к его расслабленному члену и поднесла ко рту палец с капелькой спермы. — Нас могли бы арестовать и за это… — Тереза положила руку на свое бедро и, медленно двигая ее вверх, безо всякого смущения приняла откровенно соблазнительную позу. — К чему нам жениться, когда мы толком даже не

знаем, что можно, и чего нельзя делать… — Голос ее стал напряженным. — О, все эти люди в нашем дома, где всем про всех все известно… Все наши отношения… Но… Нет, нет, что это я … Все нормально. — Тереза по-прежнему не отрывала взгляда от Мартина. Она с трудом сдерживала слезы. — В конце концов, в будущем мы даже можем иметь детей. И это очень важно.

Мартин улыбнулся, но видел он сейчас перед собой не Терезу, а далекую Землю. На далекой Земле ему никогда в голову не приходили мысли о возможности иметь детей, потому что он сам там был еще ребенком. Так же, как и Тереза.

— Для меня заниматься любовью, это значит иметь детей, когда захочешь, — будто бы с трудом подыскивая слова, произнесла Тереза. Она закрыла глаза, и чем-то стала походить на темноголовую птицу, лежащую на груди Мартина.

— Мы любим друг друга, — Мартин не уступал ни на йоту. — После того, как мы выполним Работу, момы позволят нам иметь детей.

Тереза тихонько всхлипывала в его объятьях.

Так как дети допускали, что Полынь может быть источником роботов-убийц, Корабль Правосудия решили разделить на два. Разделенные корабли Стефания предложила назвать «Зайцем»

и «Черепахой».

Корабли должны замедляться с различной скоростью. Меньшему по размеру — «Черепахе» — за несколько дней до планируемой даты вхождения в систему необходимо было приступить к суперторможению с перегрузкой в тысячу g для того, чтобы появилась возможность маневрирования. Большему же — «Зайцу» — предстояло пронестись сквозь систему на скорости в три четверти световой, провести разведку окрестностей двух каменистых планет, всю собранную информацию передать «Черепахе», после этого покинуть систему и дожидаться результатов. Торможение «Зайца» будет не таким резким, как у «Черепахи», он достигнет маневренной скорости лишь преодолев, удаляясь от Полыни, несколько сотен миллиардов километров.

Если «Черепаха» будет серьезно повреждена или совсем выйдет из строя, «Заяц», пополнив запас горючего в окрестностях других звезд, сможет занять ее место и продолжить выполнение поставленной задачи.

Но перед входом в систему Кораблю Правосудия предстояло пересечь ореол наружного первичного облака, — у Солнца его аналоги назывались Оорта и Кьюпера. Вполне вероятно, что обитате-

ли Полыни на заре юности их цивилизации — в те далекие времена, когда кометы использовались, как средства передвижения на расстояния, удаленные от внешних орбит планет — добывали руду из космического пространства первичного облака. Хотя не исключалась возможность, что облака никогда не были богаты газообразными веществами; так как по сравнению с Солнечной системой даже астероиды здесь сильно проигрывали по своему энергетическому составу.

Планировалось, что в эту межпланетную пыль «Спутник Зари» выпустит на волю производителей и манипуляторов — для создания оружия массового уничтожения. К этому оружию собирались прибегнуть, как к запасному средству, — в том случае, если «Заяц» и «Черепаха» потерпят неудачу и потеряют способность продолжать борьбу.

Энергия, необходимая для создания и передвижения оружия, должна была поступать в результате превращения в антиматерию углерода и кремния. Элементы, тяжелее кремния, не преобразовывались в вещество с антимассой ни при каких условиях. Элементы, с удельным весом между литием и кремнием, преобразовывались с трудом.

Из-за того, что энергетический запас облаков был весьма и весьма ограниченным, производителям и манипуляторам придется выделить значительную часть топлива «Спутника Зари».

Они отчаянно нуждались в том, чтобы найти где-нибудь поблизости побольше горючего.

Они должны были войти в систему с полной конспирацией, какую только предписывали указания Благодетелей. Вход был самым опасным моментом, — опасным, даже если бы дети уверились, что убийцы Земли не живут здесь. Каким образом защитники звезд могли определить, — с какой целью незнакомый корабль приближается к ним? Не решат ли они, что «Спутник Зари» сам убийца? Волк, в поисках добычи рыщущий среди звезд?

Возбужденные, дети заполняли арсенал оружия. Вслед за Мартином они устремились к своим кораблям, но вокруг все равно стоял шум, гам, неразбериха: кто-то окликивал приятеля, кто-то сновал туда-сюда на лестничных полях. Паола Птичья Трель не вовремя ослабила хватку и уже начала падать, но, к счастью, Гарпал поймал ее на полдороге к полу. Дети проскандировали троекратное «ура» в честь такого счастливого финала. С зардевшимся лицом Паола медленно и

осторожно пробиралась к своему бомбардировщику, теперь уже двумя руками вцепившись в слегка светящееся лестничное поле.

Мартин не спешил занять свое место. Он стоял и наблюдал, как его братья и сестры отыскивают каждый свой корабль, как Тереза поднимается на борт снайпера, как Вильям присоединяется к Умберто Тени. Их судно, представляющее из себя пару соединенных цилиндров, одни прозвали Оскаром Мейером, другие — портсигаром.

Пятьдесят детей, во главе с Гансом, оставались на Корабле Правосудия.

Мартин приблизился к стоящему рядом кораблю-снайперу:

— Момы обещали сообщить задание прямо перед вылетом. Я до сих пор понятия не имею, что оно из себя представляет.

— Как, мы до сих пор не имеем задания? — с удивлением переспросила Эйрин Ирландка. Ганс лишь молча посмотрел на Мартина, с ним они уже обсуждали этот вопрос. Ганс высказывался против подобной тренировки. Многие из детей придерживались того же мнения: выходить впервые в космос без четкого плана, не представляя противника — по меньшей мере, это казалось глупостью.

— Мать Войны пока ничего не раъяснила, — повторил Мартин.

— Но это же глупо, — возмутилась Эйрин. Стоящие рядом активно закивали в знак согласия.

— Интересно, чего они хотят добиться? — воскликнул Рекс Дубовый Лист.

— Я думаю, — сказал Мартин, — они хотят сделать нас менее зависимыми. Не имея заранее разработанного плана действий, нам предоставится больше возможностей показать, на что мы пригодны и какова наша реакция. Момы полагают, что мы уже достаточно тренированные.

Кимберли Кварц и ее подруга по кораблю, Джинни Шоколадка, громко заулюлюкали.

— Пэн обязан быть доверенным лицом! — выкрикнула Кимберли.

Мартин улыбнулся и шутливо поднял вверх оба больших пальца.

Кай Тигр, невысокий парень, с узким лицом, длинными руками и мускулистыми ногами, внезапно запел, и песню подхватили. Это была песня со старинной мелодией, часто звучавшей на Земле и на Ковчеге, но с новыми словами.

Мартин не стал прерывать песню, он отыскивал глазами Терезу. Ах, если бы это было возможно — они одни, и никого вокруг!

Песня стихла, дети заняли свои места — люки наглухо захлопнулись. Мартин устроился в кресле пилота, которое сразу же обтекло его тело. Он ощутил, как одежда и открытая кожа покрывается прозрачной мембраной. Мембрана была снабжена трубками для обеспечения воздухом.

Мартин закрыл глаза и глубоко вздохнул. Холодный свежий воздух наполнил его легкие. Бледно-зеленое силовое поле окружило его тело, оставив свободными только голову и руки. Пространство между мембраной и силовым полем заполнилось водой, создав некое подобие подушки вокруг ног и торса — примерно в сантиметров пять. Легкий туман поднялся к лицу Мартина, но очень быстро исчез. Мембрана, вода и силовое поле защищали Мартина от перегрузок при ускорении в пятьдесят g. Но ничто так не защищало от перегрузок, как объемное силовое поле. Мартин хорошо ознакомился с ним в процессе тренировок. Оно было сносным, но, если признаться честно, не очень-то комфортным. При большом ускорении такое поле вело контроль на молекулярном уровне.

Те, что оставались на «Спутнике Зари», отошли подальше от кораблей. Раздался гул: заработали ракетные двигатели и камеры сгорания.

За распахнувшейся крышкой люка была темнота космоса, лишь слегка разбавленная вкрадчивым светом звезд.

Дети не были за пределами «Спутника Зари» с того момента, как покинули Центральный Ковчег. Корабль Правосудия был их домом, их единственно реальным миром, правда, все еще лелеили какие-то планы, мечты и фантазии.

Десять челноков снялись с пилонов у борта «Спутника Зари» и покачивались из стороны в сторону — проводилась регулировка управление. Пилоны отошли к стенам, корабли-челноки и цилиндрические капсулы с производителями и манипуляторами покинули «Спутник Зари», но двигались они пока с ним рядом, почти соприкасаясь корпусами.

Мартин вел боевой корабль вперед. Сквозь иллюминатор, расположенный у его лица, он увидел открытый космос. Не имитацию, не объемную проекцию — все это было реальным!

Реальность незначительно отличалась от имитаций, но одно то, что он знал, что все это настоящее, чувствовал это своим нутром, бесповоротно меняло все дело.

Внутри «Спутника Зари», было очень трудно определить его истинные размеры, лишь

находясь снаружи по-настоящему оценивал, насколько он огромен. Мартин был поражен.

Необъятность Корабля Правосудия еще больше усугублялась чужеродностью окружения, необычным видом вокруг него. «Спутник Зари» до сих пор двигался со скоростью, близкой к скорости света, и Вселенная при взгляде «изнутри» по-прежнему казалась искаженной — искривленной, с поперечными поясами голубого и красного звездного свечения, что следовало за ними по пятам.

Когда бомбардировщик Мартина перевернулся, Вселенная тоже опрокинулась и стала восприниматься так, как если бы случилось разглядывать ее глазами сумасшедшего. Но дети были обучены воспринимать искажения правильно и ориентироваться среди осей, привязанных к «Спутнику Зари», а не к объектам искаженной действительности.

С момента начала торможения прошло уже двадцать восемь часов, а они все еще летели со скоростью, составляющей девяносто девять процентов скорости света. Но день за днем, Корабль Правосудия будет продолжать замедлять скорость, их «тау» будет увеличиваться, Вселенная начнет приобретать привычные очертания, а

звезды становиться все более и более похожими на себя, туннельные эффекты исчезнут.

Мартин с волнением ждал этого времени, чтобы снова увидеть звезды, такими, какими он видел их с Земли. И не имело значения, что это будут другие звезды, другое небо.

Небольшие корабли-челноки выстроились в ряд. Пилоты увидели силуэты друг друга, вырисовывающиеся на фоне искаженного неба, и сообщили об этом по «ноучу».

Мартин вспомнил прошлогодние занятия. Тогда он с любопытством наблюдал, как практикуются его приятели, как они, горячась, продумывали различные ситуации, в которых могли оказаться и которые совсем не походили на те упражнения, которые задавали момы. Ведь защита противника могла быть старой и примитивной — часовые на орбитах, кинетические заряды или…

Кроме всего прочего, защита может быть фальсифицирована. Развитые цивилизации могут преподнести вам много сюрпризов. Никогда не знаешь, каков может быть уровень развития, какие загадки они поставят перед вами.. У каждой цивилизации есть свои особенности, если их можно так назвать, свои слабые и сильные

места, талантливые решения и заблуждения. Даже технически суперразвитые цивилизации имеют свои слабые места.

Мартин так часто повторял эти слова во время тренировок, что они вернулись к нему с такой четкостью, как будто кто-то проговорил ему их на эхо.

Убитый Капитан Кук. Партизанская война; Юго-Восточные азиатские войны. Но их же не ждали длительные партизанские войны… Они обладали оружием, которое могло перемещаться без присутствия на них создателей, для выполнения поставленных задач существовали специально предназначенные для этого роботы-убийцы.

В таинственном свете голубых звезд, мерцающих позади Корабля Правосудия, он увидел Терезин корабль. На Терезу и еще пятерых была возложена персональная обязанность лететь в тридцати тысячах километров выше «Спутника Зари». Он долго смотрел вслед удаляющемуся кораблю. Доносилось гудение других челноков; они представляли из себя достаточно мощную силу, но ведь никто не знал, что ждет их впереди, какой по силе противник.

Это все были вопросы без ответов. Вполне вероятно, что они могут столкнуться с цивилизацией,

против которой вся мощь Корабля Правосудия окажется недостаточной, бесполезной.

Мартину часто снимись кошмары, в которых его воображение рисовало ему то, что могло бы произойти в таком случае. Не будут ли они пойманы, как инфузории пипеткой из пруда? Правда, вряд ли их будут проглатывать при этом: превосходящие умы остерегутся — ведь можно заразиться, заболеть и умереть. Скорее всего, Корабль Правосудия будет разобран на части и тщательно изучен, а их самих рассадят, как в клетки, в одиночные камеры. Безобидные неудачники, не более того.

Мартин постарался отогнать от себя подобные мысли. Это ведь только очередная тренировка. В действительности, когда они будут выполнять Работу, они смогут прибегнуть к помощи производителей и манипуляторов — действия роботов не ограничено человеческой психологией. Но одному или нескольким из детей все равно придется нажать на спусковой крючок. Правосудие должно быть осуществлено обязательно руками детей. Так гласил Закон. В назидание другим …

Паола Птичья Трель и Бонита Высокогорная Долина сопровождали капсулы с десантом. В настоящих наступательных действиях одна подобная

капсула могла нести на своем борту до миллиона производителей и манипуляторов. В обязанность девушек входила охрана капсул до тех пор, пока десант не выбросят для выполнения задания.

— Система обнаружения противника производится примитивными, часто встречающимися методами, — отрапортовал в ухо Мартину металлический голос мома. С помощью дистационных датчиков Мартин увидел, что волны радиционного излучения системы направлены прямо на них: грубый, но эффективный метод. Корпус «Спутника Зари» поглощал волны, и наблюдатель, находящийся вдали от Корабля Правосудия легко мог заметить сам факт этого поглощения.

Вывод: технология примитивнее, чем та, которой пользовались они сами, но возможно равная по разрушительной силе, — так, арбалет по смертоносности равен винтовке.

Их положение относительно друг друга в защитном заслоне вокруг «Спутника Зари» постоянно менялось. Пикетирующий корабль оставлял за собой следы реактивной массы и радиации, видимые на расстоянии двадцати тысяч километров. Они рассеивались, но все же не достаточно быстро. При желании каждый корабль-челнок мог воспользоваться гасителями, чтобы скрыть

свое движение. Хотя, откровенно говоря, даже сам Корабль Правосудия в сплетении звездных трасс был, в сущности, иголкой в стоге сена .

Внезапно один из пикетчиков изменил курс, а вслед за ним и «Спутник Зари». Вот только что «Спутник Зари» был внутри формирования, а через мгновение — пропал.

Похоже, дьявол играл с кораблем. Объемные поля оградили бы детей, но при этом возникли бы побочные эффекты — сильная тошнота и полная дезориентация.

Оружие, примененное против них, было обычным, — одним из тех, что используются против не слишком защищенных кораблей-челноков. Описать оружие нетрудно: град проникающих внутрь игл антиматерии, видимых только тогда, когда они столкивались с случайными атомами водорода. Такие встречи ознаменовывались искрами гамма-лучей и ослепительно белыми вспышками света. Пять снайперов, выстроевшись в ряд, стали своеобразным защитным экраном, но это было неэффективно. Пять кораблей — среди них и челнок Вильяма — были выведены из строя, разрушены и уже не могли принимать дальнейшее участие в этом упражнении…

Мартин почувствовал в голове явно выра-

женное движение. Его нейрология ускорилась — состояние, которое они отрабатывали на тренировках и которое он ненавидел. Но в этом состоянии он начинал думать в тысячу, десять тысяч раз быстрее — поля создавали дополнительные нервные клетки, которые имитировали его мыслительные шаблоны, и на анализ уже известного не нужно было терять время. Его самого как бы разделили на две части — все старое Мартин оставлял позади, как линяющую щенячью шерсть.

Все сразу же приобрело реальные черты, он сразу ясно увидел, что нужно делать: защититься от игл дипольными отражателями. Он быстро выставил их и начал отходить в направлении «Спутника Зари». Он знал, что объемные поля разделили его на мельчайшие частицы, размером не превышающие молекулы и держат под контролем каждую из них. Снайпер Мартина ускорялся максимально мощно — ускорение достигало пяти… десяти… ста… тысячи g… Стремительно, как рожденная дьяволом блоха, он скакал с острия на острие мертвых игл антиматерии.

Паола Птичья Трель по-прежнему сопровождала бомбардировщики с производителями и манипуляторами. Бонита Высокогорная Долина

была выведена из строя. По экрану обнаружителя корабля Мартин наблюдал за действиями Паолы и трех бомбардировщиков, висевших у нее на хвосте. Они также воспользовались дипольными отражателями, но иглы поразили их защиту. Ожесточенное поливание радиацией деактивировало все три бомбардировщика и повредило корабль Паолы. Но даже с искалеченным кораблем, Паола пыталась поддерживать десантников. Затем Мартин увидел, как бомбардировщики-десантники начали стремительно ускоряться, оставляя далеко позади и Паолу, и иглы.

Освобожденые, капсулы с производителями и манипуляторами были предоставлены сами себе. Мартин подумал о возможности самоиспользовании Корабля Правосудия, о его превращении в нейтрониумную бомбу. Бомбу можно направить на объект, который казался вероятнее обитаемым… Но ситуация, кажется, была еще не столь безнадежной, чтобы решиться на такое самоубийство…

Игл становилось все больше и больше, они просто наводнили окружающее пространство. Мартин был одинок, его закрутил вихрь мыслей: и имеющих отношение ко всей команде, и своих личных. Это только тренировочное упражнение.

Дьявольское упражнение. Каждый уцелевший корабль был снабжен инструкцией — добраться до ближайших обитаемых тел и произвести максимум разрушений.

Камикадзе. Ему ненавистна была сама мысль о подобной жертве со столь незначительным потенциальным эффектом. Более рискованный выбор — вновь вернуться на «Спутник Зари». Но его корабль не мог соревноваться со «Спутником Зари» в скорости. Это значит, ему самому придется решить, куда идти кораблю и как обойти иглы. Другим детям тоже предстояло принять подобное непростое решение: охотиться за Кораблем Правосудия или пикировать вниз, как камикадзе.

В данный момент он не был больше Пэном, не был больше лидером.

Он был одиноким охотником.

Радиационные излучения из преграждающих путь кристаллических игл переплелись в запутанном клубке, диаметром в миллиард километров. Сколько еще игл и по каким орбитам они запущены, Мартин не знал.

Все эти иглы нереальны. Все окружающее нереально. Это имитация, специально созданная для нас. Реален только задний план.

Не важно. Провалить эту тренировку будет

полным позором, он не в состоянии видеть детей опозоренными перед момами, особенно сейчас, когда до начала реальной Работы остается так мало времени. Мартин не чувствовал своего тела. Ускоренно работающий мозг давал ему возможности для обдумывания, как если бы между каждым вздохом и каждым ударом сердца проходили длинные часы. Тело было разъединено с ним сейчас, его сознание и физическая сущность вновь сольются воедино лишь к концу упражнения.

При такой скорости мыслей челнок казался медленно движущимся, не оправдывающим надежд. И это было одной из проблем: Мартин не мог взаимодействовать со своим кораблем на равных, он явно опережал его во всем. На данный момент Мартин обладал слишком высоким интеллектом для оружие, которое он использовал. Он нуждался в сверхускорении корабля, чтобы продумать правильную стратегию дальнейших действий.

Он замедлил работу мозга сначала до одной трети, затем даже до одной четверти максимума, отрегулировал чувствительность восприятия, вновь просмотрел всю имеющуюся у него информацию, уже в свете единой концепции, и начал

с умеренной скоростью пробираться сквозь обломки, плавающие в пространстве на месте сражения. Игл оставалось совсем немного, но окружающий космос все равно выглядел очень жутко. Эти бесчисленные обломки…

Имитация. Это ведь только тренировка. На какой-то момент его охватила паника, слепой страх. Нет, это не тренировка, они действительно поймали нас.

Нет, нет, этого не могло быть.

Они были в десяти днях пути до внешней границы Полыни. При таком расстоянии иглы не могли являться орбитальной защитой системы, слишком нереально огромными в таком случае должны быть скопления антинейтрониума. Мартин отогнал от себя страх.

Его сменило чувство негодования. Дети не знали, чего ждать — не было ни приготовлений, ни плана сражения, случившееся представлялось маловероятным. Они не продумали противодействия.

Мартин заметил уцелевший корабль: Эйрин Ирландка. Он подошел к ней поближе и, воспользовавшись «ноучем», окликнул ее.

— Мы проиграли, — сказала она. — Я просто жду сигнала возвращаться.

— Но у нас еще есть выбор.

— Знаю, мы еще можем стать камикадзе.

— Я имею в виду другой вариант, но близкий к этому.

— Что ж, Пэн, назови его мне — ее голос был лишь слегка насмешливым, и все же это резануло.

Мартин быстро воспроизвел в памяти сценарий, который они не раз репетировали на тренировках.

— Убийцы знают, что мы здесь. Мы уже исчерпали их весьма посредственную защиту. Игл больше нет. Мы передадим по «ноучу» сигнал и назначим место всеобщего сбора.

Она надолго задумалась. Мартин понял, что Эйрин вовсе не ускорила работу своего мозга. Это его разозлило.

— Хорошая идея, — наконец, произнесла она.

— Ускорь свои мысли в пять раз, — приказал он.

— Но я не…

— Ускорь сейчас же или я отстраню тебя от тренировки.

К подобным угрозам он никогда еще не прибегал.

— Ты не имеешь права на это, — огрызнулась

девушка.

— Эйрин, не испытывай моего терпения.

Она не ответила. Чуть позже он воспринял от нее стрекочущее, как пулеметная очередь, щебетание. Эйрин подчинилась требованию.

— Отлично. Я отправляю закодированный сигнал.

В течение десяти секунд ответили одиннадцать уцелевших кораблей. Семь «мертвых» пытались просигналить, но Мартин их проигнорировал. Уцелевшие челноки встретились в условном месте и перегруппировались.

— Да… веселенькое путешествие, — прокомментировала события Паола.

Раздался хор смущенных оправданий. Мартин приказал не тратить время попусту, а подумать, и каждому предложить свой вариант дальнейших действий.

— И, пожалуйста, побыстрее, — добавил он. — Мы не можем себе позволить потерять ни минуты.

Только тринадцать уцелевших кораблей. И каждый из них — отнюдь не фальшивая материя. Суммарная масса — около пятьдесяти тонн. Полное преобразование, не исключающее и преобразование их собственных тел, в нейтрониум

при одновременном трансформировании запаса горючего в антинейтрониум позволит получить взрывчатую силу, достаточную для того, чтобы разнести в клочья целый континент. Это было уже что-то, но…

В другом русле мыслей Мартину пришло в голову вести продолжительную диверсионно-партизанскую войну, но это совершенно выходило за рамки данного упражнения. Интересно, чтобы предпочли момы? Чтобы они одобрили?

Он понял, что указаний не будет. Да и стоило ли брать во внимание — довольны или не довольны момы. Они не были людьми, и им чужды чисто человеческие качества. Они сосредоточены только на цели. Мартину трудно было соперничать с ними в хладнокровии выбора.

Он услышал голос Ариэль. И в таком случае мы тоже превратимся в момов, не так ли?

Из двенадцати пилотов уцелевших кораблей четверо предложили свои планы, восемь же просто отмалчивались. Три предложенные идеи перекликались с тем, что Мартин уже отверг: поиски дополнительных запасов топлива для «Спутника Зари». Это мероприятие могло не увенчаться успехом, так как топлива могло не быть в окрестностях радиусом в миллионы километров.

Монитор не отмечал ни единого места сконцентрированной энергии, лишь разрозненные и весьма слабые неустойчивые энергетические процессы. Скопления газообразных веществ могли находиться на самой верхушке системы, но опять же только могли.

В данной ситуации пополнение запаса топлива было даже делом опасным. Сделанное в спешке, оно могло вызвать вспышку радиации, достаточно мощную, чтобы ослепить или даже вывести из строя их корабли.

К удивлению Мартина, четвертую идею, самую плодотворную, если не сказать лихую, высказала Эйрин Ирландка. Мы рассредоточимся и проведем разведку вокруг планеты. И когда подойдет «Спутник Зари», мы будем обладать достаточной информацией.

Возможно, и это тоже выходило за рамки упражнения, но пусть будет так. Планета была условной, но ведь это была, в конце концов, тренировка. В процессе разведки они наверняка смогут сделать какие-нибудь заметки на будущее или узнать что-нибудь новое.

— Хорошо, — сказал Мартин, — мы идем вниз к планете.

— Здесь нет планет! — грянул хор голосов.

— Нет — так сделаем… Итак, это каменистая планета, без атмосферы…

— Сильно защищенная радиацией и кинетическим оружием, — добавила Эйрин.

— Да, именно так …

— И давайте предположим, что мы где-то видим капсулы с манипуляторами и производителями, которые сопровождает Паола, — неожиданно для всех произнес обычно молчащий в таких ситуациях Джек Отважный.

— Изучив планету, мы заметили, что она находится в полной боевой готовности…

— Ну и кто же пойдет в разведку? — спросил Мартин с ноткой иронии в голосе.

— Я, — откликнулась Эйрин. — Ведь это моя идея.

Вызвались еще двое.

— Этого достаточно, — сказал Мартин, чувствуя, что голова идет кругом. Прежде серьезная операция становилась каким-то сумасбродством. Но что он мог поделать?

Они рассредоточились, заняв определенные позиции, и помчались по дуге окружности диаметром около десяти тысяч километров — вокруг воображаемой планеты. Происходящее напомнило Мартину буйные игры детства на Земле.

Как живые, возникли в памяти обескураженные испуганные лица учителей, наблюдавших за за своими питомцами.

Жезлы вырисовывали детали воображаемой планеты, оставляя на всякий случай пустые пространства для информационных сообщений. Картина получилась явно недоработанная, выполненная без отточенного мастерства, но, во всяком случае, сделана она была со страстью и выглядела более менее убедительно.

Мартин принял активное участие в расположении вооружения, без устали устанавливая горячие точки, прямо-таки испещряя ими поверхность планеты. Попутно он давал указания по поводу потенциально грозящей опасности и предлагал варианты защиты. Паола занялась геологией, созданием структуры поверхности планеты, и вот, после ее торопливого перечисления по «ноучу» на сфере появились — холодные древние материки, затем они ожили разнообразными внутренними процессами, послышался глубинный треск недр.

Играя, дети с бешеной скоростью несколько часов подряд носились в межзвездном пространстве, то и дело вступая в бой с воображаемым противником.

Они уже порядком утомились к тому моменту, когда «Спутник Зари», развернувшись, направился в их сторону. Приборы челнока Мартина забили тревогу по поводу близкого присутствия Корабля Правосудия, до этого момента они не могли обнаружить скрывающейся огромной махины. Мартин почувствовал облегчение, затем предчувствие недоброго и, наконец, стыд.

К ним присоединились приятели, корабли которых были выведены из строя, и они все вместе направились к третьему дому-шару, — к внешнему люку, открывающему путь к пустым пилонам в арсенале оружия.

Дети спустили воду в защитном экране. Поля сразу же исчезли, а вслед за ними и мембраны. Перед глазами рябило. Ни сказав друг другу ни слова, они разошлись в разные стороны, чтобы помыться и отдохнуть несколько минут, прежде чем вновь встретиться в учебной комнате, чтобы выслушать замечания Мартина, Ганса, на попечении которого был оставлен «Спутник Зари» и, наконец, Матери Войны.

Мартин столкнулся с Гансом во второй перемычке.

— Вы все это проделали с бесподобной ловкостью, — сухо прокомментировал Ганс уви-

денное. — Ваша команда была уничтожена так быстро, что мы едва успели доставить корабль для спасения… Мы были не готовы к такой развязке.

— Это был наш первый выход в космос, — спокойно напомнил Мартин. — Ни к чему оправдания. В следующий раз сделаем лучше.

— Ясно, — Ганс не сказал больше ни слова.

Дети собирались в учебной комнате, — подавленные, уже подвергнутые насмешкам и критике. Мать Войны, дожидаясь прихода Мартина и Ганса, выслушивала вопросы, хотя это были скорее не вопросы, а заувалированные признания собственной вины. Некоторые из детей были близки к слезам. Те, кто был выведен из строя в ранней стадии, казались особенно угрюмыми. Они не были допущены к дальнейшим действиям, и Мартин чувствовал их обиду, их вынашенную, но подавляемую злость.

Ариэль, остававшаяся на борту «Спутника Зари», была, как никогда, настроена критично.

— Вы ничего не делали для того, чтобы выкрутиться, вы просто развлекались, — заявила она и, сжав губы, устремила на Мартина уничижительный взгляд. — Вас легко было обнаружить, вспышки при ускорении были дьявольски ярки!

Скажите, вы хоть пытались что-нибудь сделать для того, чтобы не проиграть?

— Огни при ускорении были слишком малы, чтобы их можно было обнаружить с Полыни известными нам методами, — внесла справку Мать Войны. Хаким кивнул в знак согласия. Никто не поддержал Ариэль.

Мартин сглотнул слюну, но не произнес ни слова. Все мнения должны быть услышаны.

Дети по-прежнему были смущены и напряжены. Вильям, подождал, когда выкажется последний пилот, принимавший участие в тренировке, и сказал:

— Это был наш первый выход в открытый космос. Не следует устраивать такое самобичевание. Момы дали нам чистую доску, и мы сыграли на ней, — он взглянул на Мартина. Тот подмигнул ему, правда, такое подмигивание больше походило на нервный тик.

— Ваши самооценки очень полезны, — в разговор вновь вступила Мать Войны. — Перед упражнением не обговаривалась его детальная структура. Команда проявила инициативу. Но следует заметить, что в открытом бою ее действия были малоэффективны. Что скажет Пэн?

У Мартина на языке вертелись гневные отпове-

ди, одна хлестче другой, но он сдержался.

— Упражнение продемонстрировало, что нам еще нужно учиться и учиться. Мы работали плохо. Да, имитация смутила нас, но ведь действительность может оказаться еще более смущающей.

— А что, если мы обучимся красиво умирать прежде, чем успеем что-нибудь сделать? Что тогда? — язвительно спросила Ариэль. Глаза ее были холодны.

— Мы учимся всему тому, что нам может пригодиться в дальнейшем, — не обращая на Ариэль никакого внимания, продолжал Мартин несколько изменившимся от усталости голосом. — Момы подскажут, что нам следует повторить. Но вот когда спускать курок — это придется решать нам самим, а не момам.

— Когда мы снова выйдем в космос? — задавая вопрос, Эйрин Ирландка сморщила лицо, как при решении трудной задачки.

— По возможности как можно скорее, — ответил Мартин, внезапно обеспокоясь, что он опять не посоветовался по этому вопросу с Матерью Войны. Он бросил взгляд на робота.

— Через девять часов, — объявил мом. — Это время для сна, пищи и свободной учебы.

Мартин обратился ко всем присутствующим:

— А теперь попрошу всех выйти. Мне необходимо побеседовать с Матерью Войны наедине, а затем посоветоваться с экс-Пэнами. Все пятеро, пожалуйста, подождите меня за дверью.

— Это было первое подобное упражнение, — сказал Мартин Матери Войны, когда все вышли. — Мы думали, что все-таки будет какая-то структура… Мы не ожидали так быстро сесть на мель, не ожидали, что кто-то так внезапно набросится на нас. Вот почему мы так оплошали.

— Мы больше не учителя вам.

В недоумении Мартин уставился на поделенный попалам круг, — туда, где, предполагалось, было лицо робота:

— Простите, не понял?

— Мы больше не ваши учителя. Ответственность выполнения Закона лежит на вас. Теперь вы будете приказывать нам, что делать. И тренироваться вы будете сами, а мы лишь помогать, но не руководить.

Изумлению Мартина не было предела, он с трудом вернул себе самообладание.

— Кто решил, что мы уже готовы?

— Вы тренировались пять лет. Вы готовы.

— Я понимаю, вы хотите, чтобы мы были са-

мостоятельны и по собственному желанию выполнили Закон. Но вы не можете покинуть нас сейчас…

— Мы не оставим вас. Мы по-прежнему будем снабжать вас всей необходимой информацией. Мы дадим вам нужные инструменты. Но использовать их вам необходимо самим. Так диктует Закон.

— Ловкий Закон! — вырвалось у Мартина. — Вы не можете все свалить на нас.

— Вы будете информированы обо всем, о чем спросите. Но теперь постоянно будут возникать ситуации, которые потребуют вашего, а не нашего контроля.

— И вы предупреждаете нас об этом сразу же после того, как мы подскользнулись на первой тренировке?

— У нас нет выбора. Все диктуется обстоятельствами.

— Итак, куда мы следуем дальше?

— Повторяю, наша роль учителей закончена.

— Нас следовало предупредить, — упрямо настаивал Мартин.

Мать Войны не отвечала.

— Это шок… шок для меня.

Тишина.

Мартин что-то промямлил насчет того, как же он все объяснит детям, как докажет, что это рационально.

— Победив нас в последнем бою, вы пытались сломать нашу уверенность в своих силах, не так ли?

— Это было необходимо. Мы не можем дальше руководить вами.

Впервые в жизни Мартин был так взбешен момом. Он почувствовал, что может потерять самоконтроль, поэтому резко развернулся и выбежал из комнаты.

До Мартина было пять Пэнов, один — на каждый год путешествия. Расставшись с титулом, они возвращались к своим группам и семействам и становились рядовыми, но Мартин постоянно ощущал глаза, следящие за ним: Стефании Перо Крыла, первого Пэна и ее последователей — Гарпала Опережающего Время, Джоя Плоского Червяка, Сига Мотылька, Чэма Окулы.

Все пятеро проследовали за Мартином в его каюту во втором доме-шаре. Пока добирались, они говорили немного — это дало Мартину время успокоиться и немного подумать. Все исказилось сейчас. Все вышло из рамок. Как нам руководить в этой неразберихе? Как мне руководить?

В отсеке Мартина экс-Пэны расположились в центральной кабине — маленькой отдельной спальне. При нулевом ускорении кабина, рассчитанная для сна, гимнастики и для приема гостей, была как раз в меру, чтобы располагаться друг к другу поближе и в тоже время не давить друг на друга. Сейчас же, раздвинутая вдоль и вширь, она казалась излишне большой даже для шестерых.

— Мне, как никогда, нужна ваша помощь, — обратился к экс-Пэнам Мартин.

— Зачем? — спросила Стефания, девушка с прекрасными иссине-черными волосами, стянутыми в простой, но около полутора метров длиной, хвост. Стефания очень гордилась своими волосами. Тереза говорила, что это ее «пунктик».

— Момы чего-то ждут от нас, а я не предполагаю что. Они хотят, чтобы мы сами составили план упражнений при выходе в комос, сами протестировали себя и сами определили свои слабые места. Вот почему первая тренировка вне корабля была такой бестолковой. Они не собираются больше руководить нами, не собираются больше проверять нас.

— Они могли бы сказать нам об этом и пораньше, — заметил Гарпал.

Мартин пожал плечами.

— Мне следовало догадаться. Они хотят, чтобы мы стали более независимыми. Черт, я сожалею… Но я не был уверен. Я до сих пор не могу до конца в это поверить. Они не собираются больше быть нашими учителями. Мы должны разрабатывать стратегию, базирующуюся на том, чему они нас уже научили. Мы должны контролировать «Спутник Зари» и все находящееся на его борту вооружение. Они говорят, что ответят на все наши вопросы, дадут нам нужную информацию, но…

— Мы уже поимели трудности благодаря их скупости, — вставил Гарпал. Это был среднего роста парень, с миловидным, немного вытянутым лицом. Он носил мешковатый комбинзон с огромным количеством карманов, в том числе и потайных, в которых постоянно находились какие-то сюрпризы. Вот и сейчас он вытащил апельсин и очистил его. Они не ели апельсины больше десяти дней. Должно быть, он спрятал несколько в свой персональный склад.

Стефания удивленно покачала головой:

— Они могли бы сделать это не так грубо.

Темнокожего, крепко сбитого Сига Мотылька, похоже, было трудно чем-нибудь смутить:

— А пошли они все к чертям собачим, — про-

изнес он не спеша, со смаком. — Я думал, они понимают человеческую психологию. А они… Сначала они закрутили все гайки, а теперь они говорят нам, что мы должны… — Он тряхнул головой и, как от боли, закрыл глаза.

— Может быть они и понимают человеческую психологию, — задумчиво произнес Джой Плоский Червяк, — темно-каштановые волосы ежиком стояли над его дружелюбным лицом, которое сразу же внушало доверие. Услышав, как тяжело вздохнула Стефания, он склонил голову в бок и улыбнулся, — А может быть, это происки Дьявола…

— У меня такое чувство, что все рушится, — задумчиво произнес Мартин. — И все же, мне следовало это предусмотреть.

— Никто не мог предусмотреть этого, — возразил ему Гарпал, — Ариэль не так уж и не права. Момы и мне начинают действовать на нервы.

Мартин нахмурился:

— Они делают то, что им и следует делать — готовят нас.

Стефания начала говорить, но ее слова столкнулись со словами Чэма Акулы, юноши с лицом кофейного цвета и коротко подстриженными волосами. Он был не очень популярным Пэном.

Во времена его руководства дети находились в постоянном напряжении и были глубоко несчастны. Это отложило свой отпечаток — Чэм стал очень молчалив. Он бросил взгляд на Стефанию, но та кивнула ему, приглашая продолжать, удивленная, что он вообще заговорил.

— Допустим, они действительно хотят, чтобы мы были самостоятельными, — сказал Чэм, — Да, они дадут нам инструменты и использовать их мы будем сами, но ведь это значит, что мы будем разрабатывать собственную стратегию, со своей шкалой отсчета… Согласитесь, нашим играм всегда недоставало осознания генеральной стратегии.

— Я помню, ты говорил это, когда был Пэном, — заметил Джой.

Чэм молча кивнул.

— Мне кажется, Чэм прав. Они не подпускают нас к генеральной стратегии по тем же причинам, по которым не хотят рассказывать о своих машинах… — Стефания сделала паузу, — Конечно, они могут сказать, что это Закон требует, чтобы мы выполнили грязную работу… Но почему же при этом отказываться от многочисленных потенциально возможных выгод? Я говорила с Ариэль. Тебе не удалось поколебать ее, Мартин. Я

знаю, что она многим не довольна.

— Ариэль — язва, — произнес Мартин с несвойственной ему резкостью.

— Ты потерял слишком много времени, трахаясь то с Вильямом, то с Терезой, — с типичной для нее прямотой отрезала Стефания. — Очнись. Ариэль сказала мне, что ты решил проявить гордость: не хотят момы объяснять что-то, и не надо… Возможно, ты и прав, но верно говорит Ариэль, не стоит быть таким самодовольным.

— Я не самодоволен, — возразил Мартин, — Я просто не знаю, что мы можем сделать в данной ситуации. Но я знаю, что борьба между собой или же борьба с момами не помогут.

— Они хотят, чтобы мы сами закончили Работу. Их обязанность — довести дело до конца, — сказал Джой.

— Тогда им следует побольше нам доверять, — проворчал Чэм. — Невежество ведет к крушению надежд. — Он моргнул, увидев, что все с большим удивлением уставились на него, — Я же не каменный. И тоже думаю обо всем этом.

— Мартин, если от нас что-то зависит, мы должны быть равными партнерами, — Стефания, как всегда, очень четко выражала свои мысли. — Необходимо проводить совещания

детей и принимать решение голосованием. Если мы не сделаем этого, если мы не получем всей нужной информации, мы так и остановимся на тренировках.

Мартин закрыл глаза и глубоко взлохнул.

— Я … мы не можем настаивать на голосовании… У них наверняка есть причины поступать так, а не иначе.

— Может быть, — кивнул Чэм, — Но момы — роботы, они не могут быть очень внимательными. Они не понимают нас настолько, чтобы нам дать все, что необходимо.

Куда делась его молчаливость? Он стал прямо красноречивым оратором.

— Ариэль — по натуре бунтовщица, — проворчал Мартин, раздражаясь от мысли, что дети могут одержать над ним верх. — Да, у нее острый ум, но она не благоразумна. Мы не можем бросить вызов момам. Кто, кроме них, выведет нас отсюда?

— Мы должны принять решение, — настаивала Стефания.

— Согласен, — сказал Гарпал, — Согласен я и с тобой, Мартин, поддерживаю твое мнение об Ариэль. Она просто гримасничает, и в ее словах немного здравого смысла. Я даже согласен с тем,

что момы знают, что делают. Но мы — живые, а они — нет. У нас есть больше, что терять, — Гарпал склонился и положил Мартину руку на плечо. — Прими мое сочувствие и выражение своей симпатии к тебе. Но я буду стоять на своем.

— Вы хотите, чтобы я противостоял момам?

— Мы нуждаемся в полном доверии, — подчеркнула Стефания, — Особенно сейчас.

Мартин слегка вздрогнул:

— После того, что они сделали для нас… Грозить им… Это кажется мне кощунством.

— Мы должны стать равноправными партнерами, а не тупыми исполнителями чужой воли, — не теми, кто просто нажимает на спусковой крючок, — сказал Чэм.

— Надеюсь, ты не думаешь, что мы что-то имеем против тебя, — заметил Гарпал. — Ты же сам просил у нас совета. Посоветуйся еще с Гансом.

Мартин склонил голову, его страдание было очевидно. Стефания прикоснулась к его подбородку, затем погладила по щеке.

— Хочешь, я пойду с тобой, — предложила она.

— Нет, спасибо, — довольно резко отказался Мартин. — Но надо что-то делать. Нужно знать все необходимое…

— Мартин, — раздраженно прервала его Сте-

фания.

— Черт побери! Я сделаю это. Стефания, оставь меня в покое — это только мысли вслух… Мы всегда думали… Или вернее, наши родители всегда думали, что Благодетели непогрешимы, что они намного умнее и могущественнее людей, что они подобны Богам.

— Боги не сделаны из металла, — заметил Гарпал.

— Откуда ты знаешь? — спросил его Джой, вновь начиная разыгрывать из себя защитника дьявола. Это было одним из его главных пороков в бытность Пэном. Другими были — неспособность принимать решения, рассматривать все стороны дела, сконцентрироваться на плане действий. Мартин понял, что Джой симпатизирует ему и увидел себя как бы глазами Джоя. Он почувствовал прилив раздражения.

На него давили силы, от которых он не мог защититься, заставляя принимать решения, которые он еще до конца не обдумал, учитывать мнения, с которыми он не мог согласиться. Такова участь Пэна. Такова участь всех лидеров. Общество не позволяло воплощения индидуальных планов и инициатив даже своим лидерам. Лишь диктаторы являлись исключением из об-

щего правила.

Человеческая история. Интересно, а можно ли говорить об истории Благодетелей? Какова она?

Нужно знать своих врагов. Нужно знать своих Благодетелей.

— Я пойду поговорю с Матерью Войны, — сказал Мартин.

Поговори сначала с Гансом, — настойчиво повторила Стефания. — Не бери на себя всю ответственность решения.

Все, за исключением Чэма, согласно кивнули.

— Тот, кто не был Пэном, не в состоянии понять, что это такое.

— Кое-кто опять будет в ярости кричать, что ты постоянно просишь разрешения момов, — предостерег Мартина Чэм.

— О, у таких людей всегда найдутся причины покричать, независимо по какому поводу, — философски изрек Джой.

* * *

Тереза стояла, вытянув руки навстречу ярким лучам от вращающихся сфер. Ее каюта была маленькой и опрятной. Келья гимназистки, называла она ее. Мартину нравился такой стиль, хотя надо признаться, комната совершенно отлича-

лась от его собственной — огромной и неуютной. Он застыл в открытом люке и ничем не обнаруживал своего присутсвия, просто наслаждался тем, что она рядом.

— Привет, — Тереза, наконец, заметила его. Она приблизилась и сразу же попала в объятья Мартина. Но ответила не сразу. Мартин ощутил нарастающее желание.

— Это было не так уж и плохо, — произнесла Тереза. Он приник к ее коленям, а затем, подняв голову, прикоснулся губами к животу. — Я имею в виду первую тренировку в космосе, — уточнила Тереза.

— Это было ужасно, — пробормотал Мартин. Уткнувшись подбородком в ее вьющиеся волосы, он наслаждался теплотой ее живота. — Я собираюсь поговорить сначала с Гансом, а потом снова с момами, — он быстро встал на ноги, но Тереза, удерживая, крепко обняла его за талию.

— Что — нет времени? — спросила она. Ее пальцы в это время дразняще бегали по нижним пуговицам комбинзона Мартина, ощутимо давя на его член. — Жаль.

— Мне тоже жаль, — вздохнул Мартин. — Ты пойдешь на вечеринку с Венди сегодня?

— Мне бы хотелось. Но я дождусь тебя.

— Тогда увидимся. Знаешь, последнее время мы видимся так часто, что я боюсь утомить тебя.

— О, так значит, я утомляю тебя? — проворковала Тереза и губами потянулась к кончику носа Мартина. Он наклонился, неловко ткнулся лицом в ее грудь и почувствовал напрягшийся сосок. Губы сразу жадно приникли к нему. Грудь у Терезы была маленькая и упругая. Внезапно Мартин подумал о своем предшественнике, который вот также целовал Терезу. Он постарался остаться равнодушным, но это ему не удалось, и Мартин разозлился сам на себя. Он нежно ущепнул Терезу, что бы напомнить ей о своем присутствии.

— Я не хочу наскучить тебе, — прошептал он.

— О, так значит, ты скучаешь со мной? — опершись руками на плечи Мартина, Тереза обвила ноги вокруг его бедер и с силой прижалась к нему.

Несмотря на смятение, его эрекция была мгновенной.

— Не губи меня, — полушутя-полусерьезно взмолился он.

— Только прикоснись. И можешь идти.

Одними пальцами левой руки он легко приподнял ее бедра к своим губам и языком слегка прикоснулся к плоти. Затем он позволил ей осво-

бодиться, и Тереза соскользнула на пол.

— Это восхитительно, — прошептал Мартин, затем деловито уточнил, — Так, значит, встретимся после вечеринки?

— Спи у меня, — неожиданно предложила Тереза.

— Ты же знаешь, что Пэны должны спать в своих каютах, чтобы их было возможно легко разыскать.

— Оставь на двери записку, где тебя можно найти.

Мартин был слишком стеснителен для столь откровенного объявления.

— Ну что ж, может быть, — неуверенно пробормотал он в ответ.

Тереза отвернулась от него. Внезапно он подумал, что вот так же резко, как отпускает его сейчас, она сможет и вообще забыть о нем. Но в этот момент Тереза улыбнулась и сказала:

— Теперь иди. Возвращайся, когда у нас обоих будет время.

Мартин нерешительно помялся, затем, вздохнув, пнул ногой дверь и, покинув каюту Терезы, направился к месту встречи с Гансом.

Ганс редко бывал в своем отсеке. Обычно он засыпал там, где над ним брала вверх усталость.

Говорили, что в последние дни перед финальной тренировкой он, вообще, практически не спал, лишь иногда отдыхал в коридоре на походной кровати из рюкзака, который он постоянно носил за плечами.

Мартин нашел Ганса в бассейне. Тот лежал на спине в воде, достигающей лишь шеи, и обеими руками ритмично отталкивал от себя волну. Она отскакивала от противоположной стены и омывала его с головой. слегка покачивая — создавалось впечатление, что он плывет.

Какое-то время Мартин наблюдал за происходящим, как будто это было для него чем-то новым, ранее невиданным. Но вот Ганс поднялся и вытерся полотенцем. Завершая туалет, он взъерошил свои коротко подстриженые светлые волосы — они устремились вверх дерзкими колосьями.

— Предыдущие Пэны думают, что нам следует противостоять момам и требовать от них полной информации, — сказал Гансу Мартин.

— Этого хочет и Ариэль?

— Не сомневаюсь в этом.

— Бедный Мартин, — усмехнулся Ганс, — Какая тоска!

— Мне нет дела до Ариэли, — раздражаясь, оборвал его насмешки Мартин.

Ганс подбросил полотенце вверх, и когда оно расправилось на всю длину, ловко пришпилил его лестничным полем к стене. Даже при максимальном ускорении Ганс не терял своей ловкости, он лучше всех детей контролировал движения своего тела. На Земле он мог стать бы акробатом.

— Ты можешь мне что-нибудь посоветовать? — спросил Мартин.

— Подними этот вопрос, когда в очередной раз будешь отчитываться перед момами. Хотя они, наверняка, подслушивают нас и все уже знают. Скорее всего, они, как всегда, проигнорируют нас. Но чем черт не шутит, а вдруг отреагируют на этот раз!

— Момы не подслушивают, — возмущенно воскликнул Мартин.

Хэнс скорчил рожу, но не стал обвинять Мартина в наивности.

— Нет, черт побери, они не делают этого, — убеждая уже самого себя, повторил Мартин, — у них нет на это причин.

Ганс натянул на себя комбинзон. Лицо его слегка покраснело, но не от воды, а, скорее, от тона Мартина.

— Хорошо, брат, если ты хочешь продолжить

разговор, продолжим, — медленно, явно с трудом подбирая слова, произнес он. — Я думаю, момы хотят знать обо всем, что мы делаем. Мы для них — подопытные кролики, или что-то вроде того. Они отвечают за нас, — по крайней мере, за то, чтобы согласно Закону, Работа была выполнена. Если бы я был на их месте, я делал бы тоже самое: я непременно следил бы за Потеренными Мальчиками и Венди.

Во время монолога Ганса Мартин как стоял к нему спиной, так и не повернулся. Посмотрев на приятеля, Ганс поднял руки и покачал головой:

— Но вижу, приятель, ты веришь им. Ну и отлично.

Мартин был явно не в настроении произносить ответную речь. Он только поинтересовался:

— Все на корабле столь же циничны?

— Смущены, по-моему, все. По крайней мере, все чувствуют себя неважно. Скажи, что будет, если мы пошлем подальше эту Работу? Кто будет отвечать? Скорее всего, ты. Ведь ты Пэн.

Ни минуты не колеблясь, Мартин кивнул:

— Да, я.

Ганс пристально взглянул на него, затем усмехнулся:

— Мы лидеры, брат, — ты и я — и этим все ска-

зано. Может быть, они готовятся слопать нас. Дети, я имею в виду, а не момы. Но, черт побери, все же я думаю, ведь это неплохая идея — потребовать полной откровенности. Разве не так? Я бы назвал это добиваться равноправия. Мой отец был бизнесменом. Продавал машины. Так вот, я помню он говорил, что ему всегда было необходимо верить в то, что он делает. Он должен был быть равноправным партнером с производителями. Только при таких условиях он мог убедить заказчика. При таких условиях он, даже если ему и приходилось лгать, свято верил в то, что говорил… Мне было в ту пору десять лет. Благодетели не подумали, что он заслужил… — Ганс запнулся и не договорил. — Ладно, пойдем вместе к момам и поговорим с ними обо всем.

Мартин прикоснулся пальцами к щеке Ганса и нежно погладил по легкой щетине. Похоже, Ганс не брился пару дней, борода еще не успела вырасти.

— Вместе нам будет легче, — добавил Ганс.

— Нет, я пойду один, — мягко, но вместе с тем и настойчиво, возразил Мартин.

— Но почему? — с недоумением спросил Ганс.

— Потому что я Пэн, — отведя глаза в сторону, произнес Мартин.

Ганс задумчиво потер нос.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, брат.

В полной одиночестве, с жезлом в руках, Мартин сидел в темноте своей маленькой спальни и сосредоточенно размышлял. Интересно, где был предел их возможностей? Как много рассказали им момы? И о чем они просто не догадались у них спросить? Пришло время понять это, прежде чем идти к момам. Мартину не хотелось в их глазах выглядеть дураком.

— Пожалуйста, материалы о стратегии ведения войны, — приказал он жезлу, и в воздухе, перед лицом Мартина, возник лист с перечислением тем. Мартин выбрал две: Приемы защиты. Хитрости и уловки при ведении войны в глубоком космосе. Он изучал их и прежде, как впрочем, и все дети. На полях сохранилось несколько полезных заметок Теодора. Никто, как он, так активно не занимался этим вопросом.

Мартин попросил:

— Назовите авторов и источники.

Но появились слова:

— Это не имеет значения.

— Я, все же, хотел бы знать. Как Пэн. Как лидер детей.

— Хорошо. Авторы и источники: Перевод и

интропретация материалов созданы цивилизациями, подписавшимися под Законом.

— Поподробнее, пожалуйста. Какие цивилизации? Когда все это было создано?

— Все это не имеет значения.

— Я не прошу. Я требую ответа, — не повышая голоса, произнес Мартин. Кажется, он начал лучше понимать Ариэль. Раньше он никогда не пытался вести себя подобным образом, боясь показаться непочтительным. А быть может, он просто боялся нарушить свое собственное предвзятое мнение.

— Базовые тексты и наиболее важные дополнения созданы три тысячи четыреста лет тому назад. Одни цивилизации ответственны за первоисточники, другие — за дополнение и адаптирование. Имена подлинных авторов неизвестны.

— Что представляла из себя первая цивилизация?

— Первая цивилизация была основательно разрушена во время конфликта, в который были втянуты связанные с ними обитатели далекого космоса.

— Связанные с ними? Что вы имеете в виду? Колонии цивилизации? Пожалуйста, поподроб-

нее. — Мартин почувствовал, как в ожидании ответа напряглись его мышцы.

— Да, их колонии. Но детали данному источнику не известны.

— Тогда откройте другой источник, — Мартину хотелось использовать свой шанс. — Иную библиотеку или что-нибудь еще.

— Пожалуйста, обратитесь за информацией к момам.

— Я спрашиваю вас, — Мартин настаивал. — Эти факты для нас очень важны. Нам необходимо знать психологическую подоплеку.

— Подобные детали не имеют отношения к вашей Работе.

— А я говорю, что имеют, — на этот раз Мартин повысил голос, — я Пэн.

— Пожалуйста, обратитесь к момам.

Да, за этим что-то скрывалось. Ариэль и ей подобные, кажется, попали в точку. Мартин мог предположить, почему момы скрывали такие вещи. Ведь обладая полной информацией, легко было запустить новый цикл смертей и разрушений. Цивилизации, подписавшие Закон, не хотели, чтобы их защита стала детально известна, так же как и не хотели обнародовать свое местоположение.

Земля была легкой добычей, потому что ее радиактивное излучение в космос было примитивным, оно напоминало писк птенца на ничем не защищенном древе Солнечной системы.

Внезапно Мартин почувствовал тоску, в которой эхом отозвались все печали, какие только он знал после смерти Земли. Существовали ли в галактике цивилизации, где обитатели доверяли чужестранцам? Цивилизации, уверенные в том, что их соседи не готовят для них машин массового уничтожения?

Возможно, да. Но люди находились еще не на том уровне развития.

Мартин был знаком с историей человечества, и ему легко было представить, как люди создают зонды — разрушители планет, чтобы повернуть их против других. А уж если ему не составляло труда представить это, то момам тем более.

А при таких обстоятельствах разве можно было говорить о каком-то равенстве между детьми и момами?

Мартин ожидал Мать Войны в учебной комнате. Он был не спокоен — левый глаз подергивался нервным тиком. Звезды на сфере, наконец-то, нормализовав свое положение, предлагали неизменный вид по направлению к Полыни,

которую Мартин теперь легко мог рассмотреть — достаточно яркое пятно среди мириад. Бегемот по-прежнему казался ярче Полыни. Левиафана с этой точки зрения видно не было.

Вошла Мать Войны.

— Здравствуй, Мартин, — поприветствовала она. — Как дети?

— Физически прекрасно. Но есть другие проблемы. И их никак не удается поймать в сеть, — Мартин, как всегда, изображал из себя оптимиста, описывая ситуации в более радужных красках, чем он сам себе ее представлял. Хотя, возможно, это было одним из вариантов того, что Ариэль называла «сделать момам гадость».

— Разрабатываете ли вы план дальнейшей тренировки?

— Нет, — сказал он и сглотнул. — Перед нами препятствие, которое нам не преодолеть.

— Какое?

— Мы не можем выполнять работу, не зная, что нас ждет впереди.

— Вы снабжены всей необходимой информацией.

— Я имею в виду всю подоплеку, — уточнил Мартин. — К примеру, мы хотим знать о других цивилизациях, о других катастрофах, какая стра-

тегия при этом велась. Может быть, нам удастся адаптировать ее к нашим условиям. То есть, я имею в виду, что для того, чтобы адаптировать, мы должны… — он снова сглотнул слюну, — Короче, вы должны доверить нам всю информацию.

К удивлению Мартина Мать Войны молчала довольно продолжительное время.

— Информация, которой вас обеспечили, достаточна, — в результате таков был ответ.

— Для того, чтобы планировать собственную стратегию, нам необходима более обширная информация. Мы хотим знать, как другие цивилизации боролись против зондов — разрушителей. Как делали это, к примеру, ваши создатели?

И снова тишина. Без сомнения, компьютору не нужно было столько времени, чтобы обдумать ответ.

— Ваши запросы не могут быть удовлетворены, — сказала, наконец, Мать Войны. — Запрашиваемая информация опасна.

Мартин был ошеломлен словом «опасна».

— Но это ерунда, — расстерянно произнес он.

— Кооперация цивилизаций создала этот Корабль Правосудия. Но необходимо было продумать и меры предосторожности. Корабль Правосудия может быть захвачен, а информа-

ция использована против тех, кто строил этот корабль.

В голову Мартина никогда не приходили мысли о захвате «Спутника Зари». С самого начала путешествия казался совершенно неоспоримым факт, что дети уже спасены и теперь путешествуют в предельно мощном корабле-победителе, выигравшем войну, в которой была уничтожена Земля. Нет, хотя, конечно же, это была даже не война, а хотя и широкомасштабное, но просто отдельное сражение.

Но Мартин не дрогнул:

— И все-таки мы хотим знать всю касающуюся нас информацию.

— Вы, вероятно, не сомневаетесь в том, что уцелеете, — заметила Мать Войны.

— Конечно.

— Мартин, уцелев, твои братья и сестры также станут потенциально опасными. Если у вас будет вся информация, вы будете способны разыскать всех ее разработчиков.

— Но мы не можем разработать стратегию из ничего. Я задал вопросы, на которые просто необходимо ответить, но ответа не получил.

— Вы работаете с достаточной для вас информацией. Отсутствует лишь та, с помощью которой

вы можете определить местоположение Благодетелей. Вся необходимая информация у вас есть. Используйте ее.

— Я же сказал…

— Ты Пэн, — оборвал Мартина мом.

Мартин опять сглотнул. Казалось, его язык растет в толщину.

— Тогда мы все это посылаем подальше.

— Что значит «посылаем подальше»? — поинтересовался мом.

— Мы отказываемся подчиняться Закону.

— Если это ваш выбор, корабль будет отклонен от намеченного курса.

Мартин расжал кулаки. Нет, он не был рассержен на момов, он не был рассержен и на детей. Взглянув внутрь себя, он не обнаружил никаких чувств, лишь пустоту. Он отвернулся от медно-бронзового робота, казавшегося ему слишком наивным, — таким, какими когда-то были сами дети.

— Мы просим только доверять нам, — Мартин старался, чтобы его голос не дрожал.

— Мы не уполномочены решать: доверять или нет. Мы не можем предоставить вам информацию, которой нет на нашем корабле. Мартин, мы не можем сделать невозможное.

Мартин почуствовал слабость и полнейшее опустошение. Зачем он позволил детям толкнуть себя на этот разговор? Почему он — Пэн — стал просто их парламентером? Чтобы снять с себя ответственность за скупость информации? Или чтобы выйти из затруднительного положения?

— Мы посланы выполнить миссию. Почему же нас не снабжают информацией, которая поможет нам выполнить ее? — Мартин заговорил обиженно и приниженно. Он ненавидел себя за это.

— Недостающую информацию создатели считают излишней для вас.

Мозг Мартина работал с неистовой интенсивностью. Нужно срочно найти слабое место в этой, казалось бы, неопровержимой логике. Им следовало по-иному сконструировать корабль! Мы должны были бы знать все!

— Но на корабле сосредоточена вся информация о Земле. Если корабль будет захвачен, то убийцы могут…

— Работа была бы невозможной, если бы вы не имели доступа к вашей культуре, к вашей истории…

— Ах, значит, вы рискуете нашей Солнечной системой, но не хотите рисковать своей собственной, не так ли?

— Это оптимальный путь.

Ну вот , воздвигнута еще одна стена. Мартину казалось, что он заперт с двух сторон.

— Мы чувствуем себя недостаточно подготовленными, чтобы выполнить Работу, — спрятав глаза, выдавил из себя он.

— Иди к своим приятелям и скажи им, что они не достаточно подготовлены. Вы имеете все необходимые средства и информацию для выполнения миссии. В самой структуре корабля заложено нечто, что позволяет ему с высокой точностью оценивать шансы успеха миссии. Но это нечто — выше сферы любых знаний. Мартин, твои люди очень способные. Передай им это.

Мартин поднял голову и отошел в сторону.

— Постараюсь, — сказал он.

Его лицо алело, когда он поднялся в учебную комнату. Он пытался добиться успеха безо всякой веры в себя. Это доказывает его беспомощность как лидера. Не сумев добиться того, за чем был послан, он покажется слабым в глазах детей, — в особенности в глазах Ариэли. Однако Мартина совершенно не трогало, о чем подумает Ариэль.

Но вот что скажет Тереза? И Вильям?

Что подумает Роза Секвойа? Роза, которая более других нуждается в сильном лидере ?

Опершись на кромку стола Мартин заканчивал свой доклад перед командой. Это далось ему нелегко. В столовой собралось семьдесят два человека, — лишь здесь, да еще в учебной комнате могло уместиться такое количество народа.

Торможение корабля усиливалось и сейчас замедление достигало 2*g*. Дети утомились и прослушали доклад Мартина в полной тишине.

— У меня все, — закончил он, переводя взгляд с одного лица на другое, стараясь установить визуальный контакт как можно с большим количеством человек. Но затем он бросил это занятие, оно отнимало слишком много нервной энергии. Вместо этого он сфокусировал взгляд на четырех — пяти, сидящих в первом ряду.

Ганс Орел и Эйрин Ирландка сидели в первом ряду. Выражение лица Ганса было насмешливым. Эйрин убаюкивала серую кошку — жирную, со скатавшейся шерстью и скучными глазами.

— А ты сам согласен с момами? — спросил кто-то из среднего ряда.

Мартин быстро поднял глаза, чтобы иденфицировать говорящего, но ответил прежде, чем понял, что это был Теренс Сахара.

— Я сделал все, что мог, — ответил он. — В конце концов, или мы верим им, или нет. Если не

верим … — Мартин позволил словам повиснуть в воздухе.

Тереза сидела от него по правую руку. Мартин взглянул на нее, она сдержанно улыбнулась. Вильям расположился в третьем ряду: с закрытыми глазами, закинув руки за голову — согнутые в локте, они напоминали короткие крылья.

Никто не жаждал выступать против оппозиции, никто не собирался прикладывать усилий больше, чем того требовали приличия.

— Однако это все пугает, — проговорила Эйрин Ирландка. Она сглотнула слюну. Казалось, ей трудно говорить, — Мы-то думали, что они мудрые, всезнающие. Если на корабле нет всей информации, тогда, вполне вероятно, что и его создатели, не знают всего.

— Да, интересно… Что же все-таки знают Благодетели? Что? — Это был голос Джека Отважного.

Фелисита Тигровый Хвост — первая любовь Мартина, еще на Центральном Ковчеге — подняла руку, как школьница на уроке. Мартин кивнул ей. Руки девушки были в синяках — они все имели синяки и ссадины, но это было скорее следствие небрежности в условиях невесомости, чем какой-либо опасной работы. Фелисита предостерегающе взмахнула рукой:

— Мы все погибнем, если не будем доверять момам, — сказала она. — Мы обязаны верить им. Мне кажется, это должно быть ясно.

— Мы никому не обязаны верить, — из глубины зала раздался громкий голос Ариэль. Она заговорила резко и зло. Мартину было любопытно, откуда она черпает энергию на свою злость. — Мы обязаны задавать вопросы. Нам следует продолжать задавать вопросы! Я думаю, что все их объяснения — чушь! Они прекрасно могут защитить себя от машин-разрушителей Земли. Почему же они так пекутся о том, чтобы скрыть информацию, которая, я уверена, им хорошо известна? Момы просто боятся нас. Они не хотят, чтобы мы узнали что-то о них и их создателях.

Мартин открыл было рот, чтобы ответить, но его опередила Паола Птичья Трель:

— Перестаньте! Скажите, разве кто-нибудь из вас обладает достаточным умом и воображением, чтобы понять и оценить даже то, что нам момы уже сказали? Вот ты, Мартин, ты способен на это?

— Благодетели не всесильны… — Джек Отважный сделал попытку высказать свое мнение, но Паола перебила его:

— Я спрашиваю Мартина.

Мартин окинул взглядом всю аудиторию, потом привстал, казалось, ему потребовалось для этого сделать усилие над собой, и спрыгнул со стола. Он тут же понял, что был весьма недалек от того, чтобы сломать ногу или… шею.

— Мне кажется, что из слов момов можно понять, что машины-убийцы вышли из цивилизации, технически более развитой, чем та, что создала Корабли Правосудия.

— Но тогда это никогда не закончится! Нас же никто по-настоящему не учит! На корабле нет ни одного взрослого — доброго и мудрого взрослого! — не выдержав, перешла на крик и Эйрин Ирландка. Кошка с брезгливой гримасой сделала безуспешную попытку удрать с ног хозяйки.

— Сейчас же прекратите! — Мартин поднял руку, стараясь остановить начинающуюся панику. Дети были в шоке, в ужасе. — Спокойно! — закричал он хрипло.

— Успокойтесь! — на помощь ему ринулся Ганс — его голос в просторной столовой был подобен медвежьему реву.

Дети притихли. Ариэль встала и, громко топая, направилась к двери, за нею еще двое — в полумраке Мартин не разглядел их лиц.

— Получив разрешение строить подобные Ко-

рабли Правосудия, Благодетели гарантировали секретность. Необходимо было обеспечить уверенность в том, что предоставляя другим корабли вооружение, они не поспособствуют новой волне насилия и террора. Все это разумная осмотрительность. Корабль может и не стать источником насилия, но, все же, они должны быть осторожны. Конечно же, в свое время мы тоже можем стать для них опасными, как тот лев, что, оскалившись, повернулся к своему дрессировщику. — Мартин взглянул на Фелиситу и улыбнулся ей. Девушка кивнула в ответ.

— Нам не следует быть циничными, — продолжил Мартин. — Момы сказали, что они довольны нами, и что мы имеем все, что нам необходимо. Нам следует только сверхусердно работать с тем, что мы имеем. Мы должны выполнять все упражнения, базирующиеся на том, что мы уже имеем. Они и так уже рисковали, когда учили нас, когда дали нам в руки мощное оружие. Это доказывает, что они нам все-таки доверяют, не так ли?

— Мы имеем все необходимое, — подтвердил Ганс. — И у нас есть Работа, которую нужно делать.

— Давайте голосовать, — вновь из небытия возникла Ариэль.

Лицо Мартина зарделось.

— Нет, — возразил он. — В данном случае голосовать неуместно. Если вам не по душе ход событий, выбирайте другого Пэна. Хоть сейчас, если хотите. Момы сказали, что они отстранят нас, если мы будем настаивать на своем. Вы что, хотите после пяти лет тренировок потерять предоставленный шанс?

Тишина.

— Черт побери! Мы имеем право голосовать! — в голосе Ариэль послышались слезы.

— Если я по-прежнему Пэн, то я настаиваю: в данном случае все решает только один голос — мой. — Мартин сложил руки на груди, отдавая себе отчет в том, что это классическая поза самодовольного глупого лидера. Он ждал ответа.

И вновь тишина.

— Ну и идите вы все к чертям собачим! — заорала Ариэль. Многие из детей пожимали плечами и с негодованием поглядывали на Ариэль.

Мартин позволил себе расслабиться и почувствовал головокружение.

— Мы уже голосовали и приняли решение войти в систему ближайших звезд, — произнес он тихим голосом. — Новое голосование ничего не изменит. Мы просто должны усерднее работать.

— Осталось очень мало времени, — заметил Ганс, — Мы уплотнили тренировочный план, добавив отработку своих собственных домыслов. Мы пытаемся предугадать, что нам предстоит встретить в этой звездной системе. И мы не откажемся от любой помощи момов!

Однако все помыслы Мартина сейчас, самым непостижимым для него образом, сосредоточились на Ариэли — стоящей в глубине зала с лицом, мокрым от слез. Да, он употребил власть лидера, и большинство безмолвно согласилось с ним. Но как долго это будет продолжаться? Насколько сильна их решимость?

В этот самый момент он вдруг явно осознал, что он не прав — соглашаясь с момами и не требуя полной открытости. Права Ариэль.

Мартин глубоко вздохнул. К нему подошел Ганс. Стефания Перо Крыла и Гарпал Опережающий Время сидели рядом на скамейке, но не смотрели на Мартина. Но как только Мартин собрался уйти, Стефания подняла голову и презрительно произнесла:

— Радуйся, они пока что преданны тебе.

Мартина бросило в жар. Он так резко повернул голову, что ощутил острую боль:

— Черт побери, что ты хочешь этим сказать?

Стефания поднялась со скамейки и какое-то время молча поправляла свой комбинзон. Наконец она произнесла:

— Извини, Мартин. Это переутомление. Я не хотела быть саркастичной.

Однако злость Мартина не проходила с той же легкостью. Но взглянув на Ганса, он поджал губы и покачал головой:

— Я тоже извиняюсь, — пробормотал он и быстро вышел из столовой.

* * *

Спустя пять дней, когда «Спутник Зари» вошел в первичное облако, окружающее Полынь, перед детьми встали новые задачи — решить бесповоротно и окончательно, является ли, по их мнению, система источником машин-разрушителей и следует ли разбивать Корабль Правосудия на два — «Черепаху» и «Зайца».

Всю десятидневку гнетущего торможения дети непрерывно тренировались. Мартин с нетерпением ждал времени, которое он проведет в корабле-челноке — с пониженным давлением объемных полей. Хаким настойчиво торопил исследовательскую команду, стремясь поглотить как можно больше информации о Полыни, перед

тем как они смогут обратиться к дистанционной связи с ней.

Хаким, вероятно, мог пролить свет на нерешенные проблемы, касающиеся пяти темных масс, вращающихся вокруг звезды по почти идеально циклическим орбитам.

Мартин в полном одиночестве размышлял о предстоящем, стараясь наметить план будущего сражения. Он не видел Терезу восемнадцать часов, не спал тридцать. Сейчас было не до занятий любовью.

Дети тренировались без него. У Мартина оставалось совсем немного времени — несколько часов. Необходимо было оставить время для последнего практического занятия и для тренировки вне Корабля Правосудия — до того, как они войдут в первичное облако.

Они летали уже пять с половиной лет, и все же, на корабле чувствовалась зарождающаяся паника, что только доказывало их человеческую природу. Мартин не мог отделаться от впечатления, что момы специально подстроили столь бесславное для детей последнее занятие, чтобы внести панику в их ряды перед началом настоящего сражения…

Но он не мог допустить никакой паники. В кон-

це концов, момы могли быть так равнодушны в последнем с ним разговоре только потому, что полностью полагались на рвение детей свершить Правосудие. Выполнить свою Работу.

Он взъерошил свои потные спутанные волосы. Случались моменты, когда размышления давались ему с большим трудом. Он свернулся клубком на полу, закрыл глаза и постарался сосредоточиться, проигнорировав собственное опустошение и желание обладать Терезой.

В конце концов, несмотря на смятение ему все же удалось составить окончательный план сражения.

Пэн отвечал за правильную стратегию и верный выбор тактики ведения боя. Пэн и Кристофер Робин должны были учитывать и мнения детей, но в данном случае — не непосредственно, а через дивизионных командиров, которых на корабле насчитывалось пятеро. Каждый из них имел в подчинении пятнадцать-шестнадцать детей, и каждой такой команде предстояло выполнить свое определенное задание. Две команды оставались на «Зайце», трем следовало лететь на «Черепахе».

«Черепахе» поручалось выполнить главное задание. Планировался выброс в первичное об-

лако производителей, чтобы они использовали все имеющееся в наличии сырье для производства оружия, в частности гравитационных или дистанционно-взрывающихся нейтрониумных бомб. Все это могло пригодиться в дальнейшем при повторной атаке — в случае, если первая не станет победной.

«Черепаха» выпустит несколько кораблей-челноков. Их задание будет заключаться в том, чтобы отвлекать или даже уничтожить защиту, а также произвести разведку. Два экс-Пэна будут руководить этими небольшими разведовательными отрядами.

Мартин метался в выборе правильной стратегии и тактики. Слишком много вариантов приходило ему на ум, и тем не менее, полной ясности не было. Он понимал причину своих метаний — еще слишком ярки в памяти были картины разрушенной Земли. Он слишком горячился, как и все дети, страстно желая вершения Правосудия над убийцами, уничтожившими их родной дом.

Да, было трудно достигнуть трезвого взвешенного анализа, он просто не доверял своим собственным инстинктам.

Многие из детей годами занимались теорией

стратегии и тактики ведения боя, Мартин уже проконсультировался с каждым из них. Особенное внимание он уделил материалам, которые остались после смерти Теодора Рассвета.

Теодор относился к числу тех одаренных детей, от которых ожидают очень многого. Он был необыкновенно смел в своих догадках, без колебаний игнорируя все вопросы морали, если они вставали на пути его исследований. Прибегнув к помощи момерафа, Теодор создал целую науку — математический анализ тактического ведения войны. Его схемы предусматривали разнообразные непредвиденные обстоятельства. Основные приемы ведения войны в сознании Теодора превращались в грандиозный танец, полностью абстрагированный от реальной жизни.

По теории Теодора картина, представшая перед их глазами была не что иное, как маскировка. Теодор окрестил ее «мертвой зоной», создание которой было тонким искусством высокоразвитых цивилизаций. «Мертвая зона» означала имитацию полного отсутствия радиации в атмосфере. Преимущество над противником Теодор оценивал чисто математически — в зависимости от качественных и количественных показателей «мертвой зоны». Причем наипервейшей важно-

стью, по мнению Теодора, обладало то, насколько незаметнен был сам факт наличия оружия, а затем уже — насколько беззвучно и замаскировано оно срабатывало.

Теодор изучал руководства ведения подводной войны на Земле. Но космос был более опасен, чем глубоководный океан, потому что он безбрежен, проницаем для любой информации и удобен для переправки любого оружия. Существовало еще одно огромное преимущество космоса над океаном — беспредельность трехмерного пространства. Путешествующие в космосе были ограничены только собственными возможностями, собственными орбитами — даже огромная незамаскированная вооруженная станция, находящаяся на большом расстоянии, казалась песчинкой на общем фоне.

В межзвездном пространстве не существовало понятия погоды, как таковой, она редко изменялась за период конфронтации. Межпланетное пространство, в свою очередь, несомненно зависело от причудливости звездной атмосферы и потоков звездных частиц, но нападающие цивилизации редко бывали обеспокоены всем этим.

Межпланетные пространства были особенно проблематичными в охране. В случае, когда

нападение могло произойти с любой стороны лучшей защитой являлась хитрость, причем, наиболее изощренной была полная маскировка, не привлекающая внимания атакующего.

В материалах архива библиотеки ясно говорилось, что только такие примитивные цивилизации, как Земля, так явно заявляли о своем существовании.

При отсутствии или некачественной маскировке картина космической войны сразу же становилась ясной и зависела от первоначальных условий, от разницы в уровне технического развития. В таком случае нападающие оказывались в более выгодном положении. При этом, наоборот, даже важно было произвести как можно шума, чтобы запугать и деморализовать противника, заставить его как можно больше затратить энергии впустую. Хотя говорить о психологическом воздействии в случае, когда противник неизвестен, казалось, по крайней мере, неуместным, так как была неизвестной и психология противника была, а если сталкивались с роботами, то фактически и несуществующей. Иногда оказывалось проблематичным даже просто объяснить ответные действия.

И все же, наиболее эффективным методом,

можно сказать виртуозным, Теодор считал имитацию нападающими более отсталого уровня развития, чем это было на самом деле. Одна часть атакующих занималась хитросплетением, в то время, как другая тихонько разворачивала свои силы. Если обороняющиеся попадались на подобную приманку, то их защита была дезориентирована — почти полностью, а случалось, что и просто полностью, — и ошибочно брошена на второстепенные силы противника.

Все это звучало убедительно, но не блестяще, так как все это было не более, чем отражением того, чему их учили момы. Где гений Теодора Рассвета сиял в полной мере, так это в анализе возможных действий противника в конкретно предполагаемых условиях конфронтации. Теодор несомненно имел талант в понимании чужой психологии и проявлении ее в звездных войнах.

Он классифицировал противника по четырем категориям, дав им названия: низший, равный, высший и неизвестный. Неизвестный мог превратиться в представителя любой из предыдущих категорий. К примеру, противник, показавшийся поначалу слабым, мог оказаться просто прибегнувшим к хитрости, к высококлассному обману.

Слабого противника было достаточно просто

обнаружить, одолеть его не составляло большого труда. Но маловероятно было, что убийцы, с которыми имели дело Благодетели, относились именно к этой категории. Поэтому Теодор, приведя несколько простых примеров, предостерегающих от опасности, перешел к равным и высшим.

Равные были наиболее трудными для планирования, хотя бы потому, что в этом случае действительно в ход шла война планов. Перебирая записки Теодора, Мартин мучительно выбирал подходящий сценарий: случай, когда дело имеешь не с численно равными силами, но с противником равного технического уровня, равного уровнем интеллекта. Дело не в совпадении степеней желания или страха, а в сопоставимости вооружения, в том, какими разрушающими способностями каждый из них обладает. Так, торпеда уступала подводной лодке в размере и сложности устройства, но если их предназначением было разрушать, то потенциальные возможности приравнивались.

И результат тут зависел даже не от сложности схем тактики и стратегии. Простая, но с умом выполненная, схема могла произвести тот же эффект, что и более комплексная, многоуровневая:

предотвратить нападение числом превышающего противника или же, напротив, напав, уничтожить его.

Конечно, более сильный противник считался не лучшим вариантом (хотя выбора у них не было: они должны были выступить против любой силы, и при случае, если это будет необходимо, уподобиться даже мотыльку, тупо бьющемуся в стекло окна). Скорее всего, он окажется хитрым, маскирующимся, отвлекающим удар. Он мог оказаться даже и не противником, а сверхестественной силой с потенциалом, близким к возможностям Бога. В таком случае он отбросит в сторону любое тщательное планирование, и их атака обернется не более, чем детской забавой для него.

Момы настаивали, и Теодор соглашался с ними, что можно противостоять и более сильному противнику — это не было глупостью. Вспомним убийц Капитана Кука.

Тактика общения с более сильным противником включала в себя больше хитрости, носила более затяжной, изнуряющий характер. Приходило в голову сравнение с блохой, ползающей в одеждах человека и разносящей заразу. Производители и манипуляторы и действовали, как

бациллы.

Но снова и снова записки Теодора напоминали Мартину, что любые параллели в данном случае неуместны — даже сравнение с убийцами Кука ошибочно.

Ведь сильный противник может скрыть любое оружие.

Мартин закрыл глаза и попытался возродить хоть какую-нибудь надежду, унять противоречивые чувства. Не было всей нужной информации. И он — Мартин — не был готов…

«Спутник Зари» использовал каждую возможность, чтобы сберечь для сражения как можно больший запас горючего.

Мартин лично руководил второй тренировкой в открытом космосе, и на этот раз он почувствовал — да, они были готовы. Сам Мартин на этот период превратился в соперника, прообраз которого когда-то создал Теодор.

Мартин остался внутри «Спутника Зари» и вместе с Гарпалом Опережающим Время и Стефанией Перо Крыла имитировал действия противника.

А вокруг «Спутника Зари» кружились в кораблях-челноках сорок детей, готовящихся войти в условную систему, конфигурацией очень напоминающую Полынь.

Пять неизвестных масс вокруг желтой звезды, по плану Мартина, были замаскированными станциями, предназначенными для защиты, система была обитаемой — ее обитателями были роботы с очень высоким уровнем интеллекта.

Мартин со стороны наблюдал за развитием событий.

Планета встретила пришельцев поверхностью с раскаленным шлаком, но большинство детей уцелело. «Заяц», получив минимум поломок, благополучно припортовался к «Спутнику Зари». Удалившийся дальше всех корабль-челнок прибыл через пятнадцать минут после того, как был дан отбой.

Стефания, облизывая пораненый указательный палец и потряхивая им в воздухе, поглядывала на Мартина и улыбалась. Доверительные отношения были восстановлены.

Встретившись в столовой, дети провели анализ прошедшей тренировки. Мартин и Ганс молча наблюдали. На этот раз никто не боялся критики и самокритики, и при этом не было заметно обиженных. Мартин чувствовал, что после тренировки сплоченность команды возрасла.

Потом они обедали, слушали хрипловатые звуки музыки в исполнении Джоя Плоского Червяка

и Кис Северное Море. Мелодии, звучавшие в условиях торможения чуть медленнее, чем обычно, напоминали народные украинские напевы и фолк-музыку штата Теннесси.

Тела детей внезапно стали сильнее, коренастее. Не было необходимости спрашивать момов, ни они ли в ответе за эти изменения.

Концерт продолжался менее получаса, затем наступило время отдыха. Мартин провел его в отсеке Терезы. Он лежал в полной темноте, уставившись в потолок, мысленно следуя за дневными событиями.

Спал он мирно, без снов.

Пять дней отделяло их от вхождения в первичное облако Полыни.

Мартин упражнялся во второй перемычке — то поднимаясь вверх, то опускаясь вдоль лестничного поля, не позволяя ему тащить себя. Он поднимался от первого дома-шара до второго, наслаждаясь физической нагрузкой. Внезапно Мартин услышал далекий, но, тем не менее, пронзительный крик, который эхом отозвался по всему кораблю.

Тереза, практиковавшаяся в бомбардировщике, в третьем доме-шаре, прямо над Мартином, быстро спустилась к нему и, нахмурившись,

прислушилась.

— Ты слышал?

Он кивнул, в душе надеясь, что все это им показалось. Он никогда не слышал ничего подобного. Это прозвучало ужасно, еще более ужасно, оттого что звук был искажен — в перемычках всегда происходила реверберация звуков.

Прошли секунды. Тишина. Затем послышались громкие голоса, зовущие на помощь. Тереза и Мартин устремились во второй дом-шар.

В центральном коридоре они нашли Розу Секвойа — рыдающую во весь голос в окружении пятерых детей. Ее широкое, скуластое лицо было мокрым от слез. Роза, как ни пыталась, не могла остановить истеричное всхлипывание — вместо слов из горла вырывались только хрипы.

— Мы ничего не видели, — говорила Мин Муссон, успокаивающе похлопывая Розу по плечу. — Ничего такого не появлялось в холле!

— Но Роза что-то видела, — возразила Мин Кис Северное Море — узколицая девушка с бегающими глазками. — Она до безумия испугана.

— Что ты видела? — спросила Тереза, подойдя поближе к Розе.

Сгорбленная, стоявшая на коленях Роза походила на круглое заграждение в коридоре.

— Роза, сейчас же прекрати, — с раздражением в голосе произнес Мартин. — Пожалуйста, возьми себя в руки.

Совсем еще недавно она ловко управляла космическим кораблем и весьма неплохо справилась с заданием. Наверное, девушка просто устала. Подумав так, Мартин сразу же устыдился своего раздражения. Но осознает ли Роза, что подобным поведением она усугубляет и без того нелегкую жизнь остальных?

Но нечто интуитивное указывало ему на то, что и вправду что-то случилось. Мартин постарался скрыть негодование, встал на колени рядом с Розой и коснулся ее мокрой щеки.

— Нет! — закричала Роза и в страхе отпрянула от него. Она выглядела такой некрасивой, такой несчастной, что гнев Мартина мгновенно улетучился сам собой.

— Ты ничего не видел, — выкрикнула Роза, — Я знаю, ты не поверишь мне… Но я видела!

— Что ты видела? — спросил Мартин.

Вокруг них собралось десять, а вскоре уже и двадцать детей.

— Это было что-то большое и темное. Но это был не мом.

Мартин опустил голову, плечи и шея его на-

пряглись. Нет, он не верил словам Розы, он верил своему собственному мрачному предчувствию. Все пошло не так, как нужно, и он не в силах остановить этого.

— Я никогда ничего подобного не видела, — сказала Роза.

— Оно что-нибудь сделало тебе? — спросила Тереза, и Мартин внутренне содрогнулся в ответ на неявно выраженную веру Терезы в то, что здесь действительно что-то было.

— Оно уставилось на меня… По крайней мере, мне так показалось. Толком ничего увидеть я не могла, потому что было темно. Оно оставило след.

— Где?

Роза вытерла глаза ладонью и расправила плечи, сразу значительно прибавив в росте. Теперь она заговорила громким четким голосом:

— Я была в крыле-С, затем начала спускаться вниз, чтобы заняться упражнениями и увидела внизу огни… Я не знаю, кто их зажег…

— В крыле-С всегда горит свет, — вставил Мартин. — Там нет ничьих личных отсеков.

— Да, вот этим маршрутом я и пришла сюда, — продолжила Роза, в ее голосе прозвучали обвиняющие нотки.

— Она явно избегает места, где натолкнулась на нас с Терезой, — понял Мартин.

— … Было темно… Я не знаю, сидело Оно или стояло… Я никогда не видела ничего подобного.

— Покажи нам, где это было, — Мартин обернулся к обступившим их детям и решительно произнес. — Я один управлюсь с этим.

— Но мы хотели бы помочь, — сказала Энн Серая Волчица, девушка с энергичным лицом, судя по выражению которого можно было догадаться, что в ней происходит какая-то постоянная внутренняя борьба. Энн пристально, по-совиному, уставилась на Розу.

— Все будет хорошо, — вновь обратился Мартин к детям. — Мы с Терезой позаботимся о ней. Присутствие Терезы — на тот случай, если они думают, что мужчине здесь не справиться.

Все начали понемногу расходиться. Мартин подошел к Розе и взял ее за локоть.

— Так ты не веришь, что я видела все это? — полувопросительно-полуутвердительно произнесла Роза, когда они пересекали холл, направляясь к крылу-С.

— Я не знаю, что ты видела, — сказал Мартин. Затем пытаясь обратить все в шутку, добавил, — Может быть, ты увидела мома без грима?

Роза взглянула на него с печальным укором, затем указала место, где она увидела нечто странное. Мартин приказал осветить холл, удивляясь тому, что сама Роза не сделала этого в момент встречи с призраком.

Он тщательно исследовал стены. Их поверхность всегда были идеально чистой — ни пылинки, ни пятнышка. Помещения внутри Корабля Правосудия убирались сами — это было сделано для пользы детей. Мартин не нашел на стенах никаких следов.

— Когда я вошла сюда, я увидела какой-то темный силуэт, — начала рассказывать Роза.

— Но было же темно, — напомнил Мартин.

— Ужасно темно, — Роза снова начала всхлипывать.

— Ты могла бы включить свет и рассмотреть, что же это было, — подсказал Мартин.

— Роза, не сомневайся, мы верим тебе, — вступила в разговор Тереза, она нежно прикоснулась к плечу Терезы и начала массировать его пальцами. — И все же, скажи, почему ты, действительно, не включила свет?

— Я очень испугалась. Я не хотела видеть, что это было… Я не хотела, чтобы Оно увидела меня.

— Какой Оно было величины? — поинтересо-

вался Мартин. Опасность, опасность.

— Оно заполнило всю эту часть холла, — Роза подняла руки к потолку. Холл был около двух метров шириной, с нарисованными синей краской кругами — таким образом указывались места, где по просьбе детей могли разместиться дополнительные личные каюты.

Корабль способен был самоуменьшаться, как частично, так и полностью. Круги на потолке и полу были уже поглощены кораблем — остались только на стенах. Возможно, Роза неверно истолковала какое-то действие корабля. Правда, не исключен был вариант, что она увидела нечто, действительно ни на что непохожее.

Мартин снова слегка надавил, стараясь остаться дипломатичным:

— Корабль часто меняется совершенно неожиданно для нас. Может быть, это и послужило причиной того, что тебе что-то показалось.

— Это не было частью корабля… Нет, не думаю… — задумчиво произнесла Роза. Наконец-то у нее исчез истеричный тон. Сейчас ее лицо было спокойно недоуменным. Казалось, она сама желала помочь им разрешить эту таинственную историю.

— Из чего это было сделано? Из металла? — по-

интересовалась Тереза.

— Это походило на тень. Но деталей я не видела. Я не знаю, что это могло быть. Мне Оно показалось живым.

Роза сцепила руки и крепко их сжала. Внезапно Мартин увидел ее такой, какой она была пять лет назад, в начале их путешествия — юной, шестнадцатилетней, нежной, очень хорошенькой. Теперь же она стала непомерно дородной. Мартин не в первый уже раз удивился, почему момы так изменили ее внешность. Но с другой стороны, не менее странным выглядело то, что они выбрали для полета именно ее, забраковав очень многих, — тех, кого Мартин считал более удачным выбором.

Роза тяжело сглотнула и подняла на Мартина большие черные глаза, взгляд которых становился все более и более потерянным:

— Нет, нет… Это не было частью корабля.

— Продолжай, рассказывай, — сурово произнесла Тереза. Мартин был благодарен ей за этот тон, на который сам не мог отважиться. — Мы до сих пор не пришли ни к какому заключению.

— Я видела это, — упрямо защищаясь, повторила Роза.

— Мы и не оспариваем этого, — заметила

Тереза. Хотя Мартину тут же подумалось, что, возможно, им следовало бы поступить именно так. Скорее всего, и Тереза в душе придерживалась того же мнения. — Мы все недавно были крайне возбуждены, и…

Роза, казалось, вновь ушла в себя.

— Я видело это, — словно заклинание повторила она. — Я думала, это важно.

— Хорошо, я верю тебе, Роза. Но давай договоримся, пока еще кто-нибудь ни увидит что-нибудь подобное или мы не узнаем что-нибудь большее — все это останется между нами. Хорошо?

— Но почему?! — широко раскрыв глаза, изумленно воскликнула Роза. Перед Мартином раскрылась вся глубина стоявшей перед ним проблемы. Было ясно, что она не собирается выполнять его просьбу. Но иного пути, как попытаться уговорить ее, Мартин не видел.

— Пожалуйста, Роза, не рассказывай об этом никому, — повторил он.

Роза стиснула зубы, глаза сузились до щелей, ее лицо излучало вызов, но она ничего не ответила.

— Я могу идти? — спросила она тоном маленькой девочки, спрашивающей разрешения покинуть класс.

— Да, ты можешь идти, — откликнулся Мартин.

И Роза пошла по направлению к центральному коридору — тяжело перебирая сильными, длинными ногами и ни разу не обернувшись. Мартин наблюдал за нею, как за мишенью, с трудом сдерживая тяжелый вздох.до тех пор, пока Роза не удалилась настолько, что не могла его услышать.

— О боже.

— Сомневаюсь, что это божьи дела, — усмехнувшись, заметила Тереза. Мартин вновь осмотрел стены.

— Не думаю, чтобы здесь что-то было, — сказал Мартин, стараясь быть сверхблагоразумным, сверхвнимательным даже с Терезой.

— Конечно же, нет, — согласилась Тереза.

— Но нам не следует быть столь уверенными, — слова Мартина прозвучали не очень-то убедительно.

— Ты думаешь. она… Давай-ка, не будем употреблять слова «излишне возбуждена». Тем более, что это слово имеет явную сексуальную окраску. Будем говорить — она под стрессом. Что же или кто же является причиной этого стресса? Ну-ну, Мартин, не будь ханжой. По крайней мере, со мной.

Мартин скорчил гримасу.

— Если я расскажу тебе, что я думаю, мы оба рискуем сделать неправильные выводы. Я, конечно, могу предположить, что Роза потеряла невинность. Но это все предположения, а не уверенность. Может быть, она столкнулась с чем-то очень хитрым. Что мы с тобой можем знать об этом?

— Спроси у Матери Войны, — предложила Тереза.

Вот это было уже что-то реальное.

— Нет, пусть спросит сама Роза. Это случилось с ней, а не с нами. Пусть она и будет ответственной за случившееся.

Тереза прикоснулась указательным пальцем одной руки к мизинцу другой и нажав, отклоняла его до тех пор, пока он не встал перпендикулярно — жест, которым она так часто очаровывала Мартина.

— Хорошая идея. Как ты думаешь, скоро ли она успокоится?

— У нее мало друзей…

— Бедный Мартин, … Ты, кстати. тоже не в их числе.

— Будем надеяться, что у Розы это временное помутнение рассудка, и вскоре она прийдет в себя. Только бы она не стала опасной…

Тереза поняла его с полуслова.

— Я попрошу нескольких Венди понаблюдать за ней.

Мартин опустил руки с абсолютно чистых стен:

— Вот и договарились.

— Может быть, стоит обратиться к Ариэль, — предложила Тереза. — Она, кажется, единственная подруга Розы.

— Мы все друзья, — не преминул напомнить Мартин.

— Ты отлично знаешь, что я хотела сказать. Не будь тупицей.

Тереза, когда они оставались наедине, со временем становилась все более и более критичной по отношению к нему, но проделывала все это не без нежности. Мартин находил, что ему очень нравится складывающийся стиль их отношений. Он нуждался в оценке со стороны.

Но существовали вещи, о которых он не мог рассказать даже Терезе — о своем растущем страхе. Роза по-своему выразила страх. Я почти желаю, что бы и я мог выразить его также прямо.

В освещенной учебной комнате Мать Войны размышляла над услышанным от Мартина. Они были только вдвоем — Мартин стоял, Мать Вой-

ны, освещенная яркими лучами, покачиваясь, медленно плавала в воздухе. Двери были закрыты — никто не мог услышать их. Роза отказалась идти к Матери Войны. Не исключено, что она вообще была оскорблена, когда они просили ее сделать это. Ну и как неизбежность: слухи о случившемся распространялись мгновенно.

— На корабле не было замечено ничего странного, — наконец, произнесла Мать Войны.

— Значит, Роза ничего не видела?

— Мы ничего не обнаружили, — повторила Мать войны.

— А скажите, возможно ли, что мы можем увидеть нечто, что скрыто от ваших глаз?

— Вероятность подобного очень мала.

— Значит, это чисто психологическая проблема… — вывод напрашивался сам. И вы или не можете, или просто не хотите нам помочь.

— Эту проблему придется разрешать тебе самому.

Мартин кивнул. Честно говоря, он был взволнован происшедшим менее, чем был бы, к примеру, дней десять назад. Сейчас хватало и других проблем. К тому же, он уже усвоил: во все, касающееся их личных взаимоотношений, момы никогда не вмешиваются. Ни жалобы, ни просьбы в таких

случаях ни к чему не приведут.

— Напряжение возрастает с каждым днем. Мы тренируемся и днем, и ночью. Тренировки проходят отлично, каждый с честью выполняет свою работу… даже Роза. Но мне не нравится, как дети реагируют на… виденье Розы. Они воспринимают это, как предостережение. Они, будто колдовской властью, очарованы случившимся.

Мать Войны не отвечала.

— С тех пор я ни с кем не говорил об этом, но меня не оставляет тревога.

Мать Войны опять ничего не ответила. Мартин взглянул на черные и белые пятна ее безликого лица. У него появилось страстное желание хорошенько стукнуть ее по голове, но он не сделал этого.

Десятая по счету тренировка прошла также успешно, как и предыдущие девять. Расположась в носу корабля, Мартин обдумывал план предстоящих приготовлений. Паола, Ганс и Джой развлекались с его жезлом, который несколько отличался от их собственных.

На изображениях жезла «Спутник Зари» менялся на глазах — корпус сжимался, перемычки укорачивались, нос и хвост становились все более тупыми. Желоб в корпусе, во втором доме-шаре,

становился все более и более глубоким. Кораблю предстояло разбиться на два, причем один из них — «Черепаха» — должен быть примерно вдвое меньше второго — «Зайца». Новые перегородки, в отличии от старых зеленых, сверкали ярко красным цветом.

— Покажи мне состояние дел на сегодняшний день, — приказал жезлу Мартин. Процесс разделения сразу прекратился — перемычки вновь удлиннялись, дома-шары — округлялись, вокруг третьего дома-шара исчезли магнитные поля, у носа вновь появились следы от улавливателей — воздухозаборников.

— Мартин, когда у тебя будет окончательно готовы стратегия и тактика ведения боя?

— Исследовательской команде ведь тоже есть, что показать нам. Мы выслушаем в начале их, затем вас, а потом я и экс-Пэны проведут специальное совещание, — ответил Мартин.

— О, опять разговоры, разговоры, — улыбаясь, жалобно простонала Паола.

— Верно, опять это занудство, — шутливо поддержал ее Ганс.

Мартина порадовало, что к команде возвращается прежнее настроение.

Роза Секвойа безупречно выполняла свои обя-

занности, и разговоры о том, что она видела, тоже постепенно сошли на нет. Казалось, инцидент исчерпан, и Роза всякий раз бывала смущена, когда кто-нибудь из детей напоминал ей о случившимся.

Лицо Хакима Хаджа перестало быть столь блаженно спокойным, а манеры — столь вежливыми, он выглядел очень усталым. Казалось, он слегка раздражен — возможно, его мучил зуд желания, которое он не мог удовлетворить. Сквозь прозрачный нос «Спутника Зари» виднелась сейчас не непроницаемая глубоководная темнота, а звезды. В исследовательском кабинете, — везде, где только позволяло пространство, валялись эскизы, планы, морские карты. Но чувствовалось, что Хаким и его два ассистента — Мин Муссон и Торкильд Лосось, несмотря на дебри сомнений, все же нашли верный путь. Хаким подошел к Мартину.

— Мы уже достаточно знаем, чтобы приступить к обсуждению, — сказам он, округлив черные глаза. — Вскоре, еще до того, как войдем в первичное облако, мы воспользуемся дистанционной связью для проверки наших исследований. Но уже и сейчас мы имеем весьма обширную информацию о системе. Я выделил для тебя особо важные

детали. Обрати внимание на структуру орбитальных пространств между планетами. Они очень интересны, однако, не кажутся обитаемыми. Мы до сих пор не имеем ключа к разгадке, что представляют из себя пять внутренних массивов.

— Возможно, это мощные станции, при случае готовые атаковать противника? — предположил Мартин.

Хаким вежливо улыбнулся:

— Они могут представлять из себя замаскированный запас антиматерии. О, тогда это очень сильная защита! Ведь антиматерия практически невидима, ее отражающая способность меньше, чем у углеродной пыли, она не оставляет следов радиации. В таких случаях трудно предположить, что в этом месте находятся какие-либо запасы.

— И это твоя лучшая теория?

— Я не в состоянии ничего сделать, — спокойно отреагировал на выпад Мартина Хаким. — Меня самого очень тревожит отсутствие ясности, тем более, что я чувствую, что это какой-то выдающийся случай.

— Согласен.

Хаким вытащил из кипы проектов и пододвинул поближе к Мартину план поверхности планеты. Он беззлобно побранил Торкильда и

Мин за устроенный беспорядок в кабинете. Но те, проигнорировали его, продолжая работать, тем самым добавляя еще больше проектов, имми-тационных картин, описаний. Вся эта выставка напоказ мерцала, мигала и перемещалась с места на место.

— Эти миры не очень-то активны — даже для затаившихся преуспевающих цивилизаций. На вид планета кажется старой. Сейсмические и прочие шумы через кору поверхности минимальны. Некоторые из них напоминают гул от вибрации кристаллов. Но мы уверены, это не естественные изменения в структуре планеты — подобные изменения закончились тысячи лет назад…

— Продолжай…

— Радиоционные потоки с планет не выше нормы. Обе каменистые планеты или мертвы, или относятся к тем высокоразвитым цивилиза-циям, что пользуются для передачи информации связью, типа нашего «ноуча».

— Но есть ли там какие-нибудь физические тела? Неужели ничего органического?

— Ничего очевидного. Если и есть организмы внутри, то они не оставляют никакого следа на поверхности. Все очень странно. На этой ди-станции мы можем и не заметить сверхмалую

органическую активность, но если судить по изображению на телескопе… — Хаким пододвинул к себе поближе изображение поверхности планеты. — О, на моем жезле явно переизбыток информации. Торкильд, очисть несколько вместимостей или, если там что-то важное, зашунтируй их к системе момов!

Торкильд окинул их замутненным взглядом. Чувствовалось, его мысли принадлежат момерафу и графикам.

Вторая планета, описывая круги, возвращалась на исходную точку каждые триста два часа, температура ее поверхности достигала ста семьдесяти градусов Цельсия, альбедо, то есть отражательная способность, была проверена в семи точках. Цвета — или серый, или рыжевато-коричневый, а это означало, что океаны на планете отсутствовали. Тонкая атмосфера была насыщена двуокисью углерода и азотом, кислорода не обнаружили. Геологической активности также не заметили, — горные хребты очень старые, и все изменения тут давно закончились. Кроме гор, структуры выше десяти метров не просматриваются …

— Ясно, — Мартин старался подавить накатывающий на него энтузиазм. — Обе планеты

спокойны.

— Следуя библейским заветам предлагаю назвать планеты: Небучаднезаром, Рамзесом и Геродом.

Мартин скривился:

— А не плохое ли это предзнаменование?

— Ну, не принимай все так серьезно, — лицо Хакима оживилось, — Я вижу, ты понял мои намеки. Герод, убивший первого рожденного… Рамзес, надзиратель над племенем евреев… Небучаднезар, разрушивший первый храм и Иерусалиме…

— Да, прекрасные имена, — саркастично заметил Мартин.

— Ну и отлично, — Хаким выглядел польщенным, его трудно было смутить иронией. — Вторая каменистая планета — Рамзес — очень похожа на первую, — Хаким вызвал другую карту, — но попрохладнее, средняя температура поверхности ниже на четыре градуса, альбедо — также из семи точек, в атмосфере нет кислорода и водных испарений. Нет и сейсмической активности: старые горы, старый мир.

— Скорее всего они необитаемые.

— Я бы воздержался от этого утверждения. Вызывает сомнение, во-первых, близость температу-

ры поверхности, несмотря на разноудаленность планет от Полыни, во-вторых, — составляющие их атмосфер. Окружающая среда, несомненно, контролируется, но вот какого сорта организмами или механизмами, мне не понятно…

— Возможно, миниатюрными роботами, — задумчиво произнес Мартин.

Хаким кивнул:

— Не исключено, хотя утверждать трудно. Если подобные механизмы и существуют, их работа полностью изолирована от поверхности.

— Но миры все же активны.

— Да, активны, но они явно не имеют большого количества обитателей — живых существ. Момы, помниться, говорили нам, что множество цивилизаций всю информацию о себе заключили в матрицы, что они отказалось от присущих им физических форм своего тела и внешне выглядят, как простейшие организмы.

— Да, я помню, что-то около половины цивилизаций… — вспомнил и Мартин уроки момов.

— Возможно, мы столкнулись именно с таким случаем.

Может быть, и мы когда-нибудь станем призраками… Мартин содрогнулся при мысли о потере своего облика. Даже если им будет дарована в

таком случае вечность — это будет имитация жизни, а не жизнь. Было что-то глубоко безнравственное во всем этом …

— Помнится, ты говорил, что вы уже почти готовы сделать выводы.

Лицо Хакима оживилось:

— Я просто поддразнивал тебя, Мартин. Конечно же, выводы за тобой. Тебе судить, — Хаким повернулся к картам, указал на обломки и пыль, рассеянную по всему пространству в радиусе семи сотен миллионов километров от Полыни, — Пыль и обломки раскалены звездой, а ведь даже незначительное перемещение межзвездной пыли способствуют возникновению химических реакций… Так… Так… Очень интересно…

Наличие пыли и обломков указывало на интенсивную активность этого участка космического пространства в прошлом. Многие обломки представляли из себя куски простейших горных пород; металлы и газообразные вещества, отягащенные кремнием, отсутствовали.

И в составе этой производственной пыли даже более, чем в спектральном составе Полыни, повторялась пропорция элементов, — та, что осталась после машин-убийц.

— О, это более, чем похоже, — на возбуждение

Мартина указывала его слегка приподнятая бровь. — Очень даже может быть, что машины-убийцы сделаны где-то рядом с Полынью.

— Но не исключена возможность, что и на Левиафане. Нам еще трудно судить об этом.

— Но, согласись, не исключена возможножность, что здесь.

— Да, фактов, указывающих на это, предостаточно.

Лицо Мартина горело, глаза подернулись влагой. Он вдруг осознал всю свою ответственность — его охватило чувство, никогда не испытываемое им прежде. Ему было трудно даже определить, что это было за чувство, правильнее было сказать, не чувство, а целый комплекс эмоций.

— Итак, ты говоришь, что не замечено никакой защиты?

— Никакой, — подтвердил Хаким и повторил, — Никакой очевидной защиты на поверхности внутренних миров. Истощенный газовый гигант выказывает наименьшую активность. Кажется, что это просто большая глыба из огромного количества обломков горных пород, с тонкой атмосферой, состоящей из гелия, двуокиси углерода, брома и незначительного количества углеводорода. Вот посмотри список.

— Где же взять горючее? — риторически произнес Мартин. В списке не было водорода, метана и аммиака. Гелия было такое мало, что он казался бесполезным. Глядя на этот список, не возникало желания устремиться вниз за топливом с нетерпением Робин Гуда, рванувшегося к кошельку, висящему на дереве.

— Хороший вопрос. Но я так же, как и ты, могу только догадываться. Звезде больше шести миллиардов лет. Все газообразные вещества могли быть потеряны уже при рождении, вместо них планета могла получить лишь тончайшую оболочку атмосферы. И все же, это весьма необычно для карликовой желтой звезды, да еще при таком соседстве.

— Даже если соседство столь многочисленно?

Хаким кивнул:

— Даже в этом случае. Хотя ты прав, газообразные вещества могли быть истощены межзвездными путешественниками. Или… — Мартин поднял голову, — все они могли быть преобразованы в антиматерию для изготовления убийц-зондов.

— Из этого могло получиться очень много зондов-убийц.

Хаким кивнул:

— Миллиарды, с запасом горючего, способных

достигнуть соседних звездных систем. И все это — за счет истощения внешней атмосферы, комет, лун, газовых гигантов, всего… Если можно так выразиться, в таком случае работали огромные порочные комбинаты, ведущие весьма рискованную работу, но ставящие перед собой великие цели. Из всего этого логично вытекает, что они мечтали о масштабной колонизации.

— Но мы же не обнаружили рядом других систем…

— С той поры, как они могли отправить зонды, до того момента, как те могли вернуться, выполнив задание, должны пройти века. Что если цивилизация изменилась за это время?

— Да, конечно, возможно и такое.

— Можно назвать множество потенциальных причин подобных изменений: гнев других цивилизаций, малодушие самой планеты, создавшей машины-убийцы, да и многое другое.

— Как ты думаешь, какое количество газов могли прежде содержать эти пять массивов? — поинтересовался Мартин.

— Трудно сказать, ведь основные скопления потеряны, — задумчиво произнес Хаким. — Мы вряд ли с большой точностью можем указать размеры, но представляется, что каждый из

массивов имел диаметр в несколько тысяч километров. Так как удельный вес этих масс почти не изменялся, можно предположить, что они состояли из нейтрино…

— Я сейчас заканчиваю работу над анализом состава внешнего облака, — вмешался Торкильд Лосось, — Мин Муссон — над анализом состава пыли и обломков внутри системы.

— Пыль и обломки… Скажите, как много времени понадобится, чтобы вытолкнуть самый огромный из обломков?

— Это не реально, — откликнулся Торкильд, — Наибольший из обломков слишком велик, чтобы от него можно было избавиться, даже с помощью радиации. Вспомните о направлениях движения звездной пыли вблизи обломка…

— Да, это говорит о многом, — кивнул Хаким.

— Сколько времени вам нужно, чтобы закончить работу? — спросил Мартин.

— День? — Хаким повернулся к своим коллегам.

— Мне нужно немного отдохнуть. Мой момераф работает уже не так четко, как раньше, — пожаловалась Мин Муссон.

— Ну, хорошо, даю вам полтора дня.

— Прекрасно, — сказал Мартин.

Через три дня они должны были войти в первичное облако. До сего момента им необходимо было принять решение. Мартин не сомневался в том, какое решение примут дети. Но, кроме всего прочего, до вхождения в облако необходимо было произвести расщепление «Спутника Зари». После разделения «Черепахе» предстояло немедленно начать суперторможение, а затем рассеять производителей и манипуляторов внутри данной системы планет. «Заяц» должен был оставаться в стороне и, в случае неудачи «Черепахи», попытаться уже самому выполнить задание.

Подходил к концу второй цикл торможения. Мартин ощутил свободу движений, будто бы к нему присоединили высокозарядную батарею. Некоторые из детей почувствовали легкое недомогание, которое вскоре прошло.

Прежде Дженнифер Гиацинт не производила никакого впечатления на Мартина. Это была весьма энергичная и болтливая особа. Ее трудно было назвать не только красивой, но даже и миловидной — треугольное лицо, узенькие, постоянно моргающие глазки, тонкие руки и несоразмерно большая грудь. Вдобавок к этому, с ее лица не сходило выражение, будто ее только что оскорбили. Но постепенно Дженнифер

сыскала уважение Мартина своими точными наблюдениями о жизни на корабле, своей готовностью браться за любую работу, — даже за ту, которую другие находили неприятной или рутинной.

Как и Ариэль, Дженнифер чем больше работала с момами, тем меньше им доверяла. Но она реализовала свое недоверие своеобразной вариацией партизанской войны: она, используя интеллект, догадывалась о таких вещах, о которых момы никогда не рассказывали детям.

Мартин откликнулся на ее просьбу встретиться с ней в первой половине дня, тем более, что в это время Тереза была занята — она тренировалась вместе с другими пилотами бомбардировщиков.

Взволнованная, Дженнифер поднялась в каюту Мартина. Она явно испытывала смущение.

— Ну, и зачем я тебе понадобился, — небрежно произнес Мартин, надеясь, что это поможет Дженнифер расслабиться. Она сделала большие глаза и пожала плечами, будто бы ей действительно не было что ему сказать. Девушка казалось смущенной, как при первом свидании.

— Ну, Дженнифер… — Мартин начал выходить из себя.

— Я постоянно думаю, — выпалила она, за-

щищаясь, будто бы он обвинял ее том, что она расстроила его планы. — Я только и занимаюсь тем, что работаю с момерафом и размышляю. И я пришла к некоторому заключению, — правда, еще не очень четкому, но мне кажется, что ты заинтересуешься им… Надеюсь, что заинтересуешься.

— Я с удовольствием выслушаю тебя, — вежливо произнес Мартин.

— Я еще не все окончательно обдумала, но мне уже не так-то просто отказаться от этих своих мыслей. Я думаю, тебе будет полезно ознакомиться с большинством из них…

— Я весь во внимании.

— Момы ничего нам не говорят…

— О, я вижу привычка обвинять момов становится все более и более популярной, — пробормотал Мартин.

Дженнифер моргнула:

— Но ведь это правда. К примеру, они не объясняют нам, как преобразовывают простое вещество в антиматерию. Или — как они простое вещество сжимают до нейтрониума. Или как работает связь «ноуча», не опасаясь перехвата информации.

— Им просто кажется, что нам и не нужно этого

знать.

— По-моему, даже любознательность — уважительная причина.

— Не спорю.

Мартин знал, что его способности работы в момерафе были ниже, чем у Дженнифер. Она была явно способнее, более восприимчива к нововведениям, на корабле она уступала, пожалуй, только Джакомо Сицилийцу.

— Наблюдая за момами, я проанализировала некоторые вещи. Я имею в виду методы Благодетелей — то, что они делали на Земле и на Центральном Ковчеге. Да и на Марсе тоже. Они умеют основательно изменять состояние материи — это ясно, как день. И умеют превращать материю в антиматерию. Но не думаю, что они могут изменить кривизну пространства или вращать галактики — для этого нужно уметь превышать скорость света, а этого они, кажется, не умеют делать.

— Так, с этим разобрались. Давай дальше.

— Принцип работы момерафа, — я имею в виду чисто формальную сторону, не психологическую, — строится на так называемой теории информации, связанной с физиологий человека. Есть аргументы и против этой теории, но я еще

не работала над ними.

Мне непонятно, на что надеятся момы, готовя инструкции для тренировочных занятий. Как их воспринимать? Итак, мы обязаны знать лишь конкретные вещи, — такие, к примеру, как ремонт автоматической системы связи в случае поломки корабля в бою. Но это же смешно! «Спутник Зари» саморемонтируется, а бомбардировщики… Правда, я догадываюсь, что они просто не хотят, чтобы бомбардировщики приближались к их кораблю в случае, если они превратятся …

— Не продолжай, я все понял, — Мартину не терпелось перейти к следующему вопросу обсуждения.

— Хорошо, возвращаемся к разговору о превращении в антиматерию. Я думаю, они имеют доступ к информационной структуре частиц, то есть к той информации, которую несет каждая частица. Если это действительно так, то они могут вмешиваться в работу так называемых привилигированных каналов. Хотя «каналы», конечно, в данном случае слово неподходящее. Я назвала бы это привилигированным отрядом частиц… но…

Мартин посмотрел на нее в упор.

— Несколько наиболее радикальных теоре-

тиков на Земле предполагали, что «пространство-время» представляет из себя гигантскую матрицу, информация в которой передается мгновенно привилигированными отрядами частиц по их каналам, а бозоны, … ну фотоны и тому подобное, передают информацию со скоростью не большей скорости света. Вспомни, барионы, мезоны, гипероны — частицы, которые можно превратить в нуклоны, не увеличиваются при расширении Вселенной. Они привязаны только к космическому времени. Но бозоны — фотоны и так далее — в некоторых отношениях очень даже привязаны и к пространству. Когда Вселенная расширяется, длины их волн увеличиваются. Привилигированные отряды не привязаны к «пространству-времени» вообще. Так вот их частицы могут передавать конкретную специфическую информацию. Особый вид космической бухгалтерии. Благодетели, кажется, знают, как обнаруживать подобные отряды частиц и контролировать информацию, которую они несут.

— Я ничего не понял, Дженнифер.

Дженнифер вздохнула, присела на корточки рядом с Мартином, и начала объяснять снова, помогая себе жестами:

— Частицам необходимо знать определенные

вещи, если только слово «знать» можно использовать здесь в его прямом смысле. Им необходимо знать, что они сами из себя представляют — массу, заряд, спин, характерные особенности и так далее, и место, где они находятся. Они реагируют на информацию, которой несут другие частицы, а также на информацию о характере и месторасположении самих этих частиц. Частицы — основные процессоры для обработки информации. Бозоны и привилигированные отряды — основные носители информации.

— Понятно, — отозвался Мартин, хотя он был еще весьма далек от ясности понимания и пока не решил, соглашаться ему или нет с подобной теорией.

— Я думаю, Благодетели — и возможно, планеты-убийцы, открыли способы контроля каналов привилигированных отрядов. И это выдающиеся достижение, потому что такие каналы доступны только для частиц и бозонов, на которые они работают. Их можно даже назвать запретными зонами, которые передают информацию о состоянии частиц. Это помогает управлять на квантовом уровне такими вещами, как бухгалтерией и уборкой в доме, если можно так выразиться. Скорость передачи информации — мгновенная,

так как… ну это доказывают некоторые эксперименты, когда подобная бухгалтерия передавалась мгновенно через огромные расстояния и хотя, казалось бы, объемная информация не может распространяться быстрее, чем свет, но при таком виде передачи это возможно, так как он весьма специфический — исключение из правил.

Бозоны путешествуют со скоростью света. Они несут информацию об изменении месторасположения, массы, объема информации, ну и так далее, — об этом я уже говорила. Если кто-то сможет изменить их состояние и содержание информации, значит, он может сделать их лживыми. Если кто-то контролирует всю информацию, которую несут бозоны и привилигированные отряды — значит, он может обмануть другие частицы. Если же он повозится с внутренней информацией частицы, то сможет изменить саму частицу. Я думаю, именно таким образом они и создают антиматерию.

— Помниться, они говорили, что атом — это и есть антиматерия, не так ли?

Дженнифер широко улыбнулась:

— Все не так-то просто, но суть, думаю, именно в этом. Они все перемешивают в привилигированных отрядах, поработав внутри атома,

лишают одновременно памяти гигантское число частиц, и, таким образом, создают антиматерию. Я получила момераф…

— Как ты думаешь, за сколько времени я смог бы досконально разобраться в том, что ты наговорила, — перебил девушку Мартин.

Та задумчиво оттопырила губу:

— Думаю, за три десятидневки.

— Но у меня нет такого количества времени, Дженнифер. Но, по крайней мере, мне хотелось бы взглянуть на твой отчет… — Ее теория показалась ему не очень важной сейчас. — Хотя честно говоря, твоя теория показалась мне нереальной.

Дженнифер нахмурилась:

— И, все же, ты уделишь ей внимание, не так ли? Ну посмотри, все же очень четко и логично. Поработай с момерафом, и ты убедишься, что все это реально. Все превратится в согласованную систему, хотя существует еще много частностей, над которыми я просто еще не поработала. К примеру, я не знаю, какую систему координат частица использует. Относительную? Абсолютную? Картезианскую? Как много в ней осей? О, я пошутила, сказав, картезианскую — конечно же, этого не может быть. Но я уверена, частицы … как бы это сказать… можно назвать самоощуща-

ющими — то есть, им известно, что они из себя представляют и где находятся… Хотя извини, я кажется повторяюсь. И еще… ты должен обязательно ознакомиться с нечто феноменальным, я получила это в момерафе… Правда, я еще не закончила…

— Как много информации могут нести частицы? — поинтересовался Мартин.

— В зависимости от того, что это за частица, каждая из них уникальна. Объем информации зависит от состояния частицы, направления ее движения и так далее. Но, предполагаю… в среднем где-то около двух сотен битов.

Мартин, нахмурившись, уставился в одну точку. Несмотря на усталость, он, похоже, заинтересовался услышанным.

— Если Вселенную представить, как компьютор, то с чем можно сравнить космические корабли?

— Момераф запретил подобные сравнения. Ничто не может быть конкретно описанным. Существуют только определенные правила взаимодействия.

— То есть, существование програмиста вообще невозможно?

— Момераф ничего не говорит об этом. Во вся-

ком случае, это не реальная матрица, и уж точно не космический корабль. Матрица есть, но это не четкое разделение по местам. Тебе это интересно, да, Мартин?

Ему было интересно, но впереди было так мало времени, что, казалось, не хватит времени не только на то, чтобы обдумать все это, но даже на составление основного плана.

— Я посмотрю работу, когда смогу. Ты же знаешь, что я увяз по горло.

— Да, знаю. Но это может быть очень важным. Возможно, в районе Полыни мы столкнемся с тем, что может подвердить или опровергнуть мою теорию. Если она не подойдет, мы сможем обратиться к новым идеям.

— Да, да, несомненно, — сказал Мартин — Спасибо тебе.

Дженнифер вновь широко улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— О, ты очень любезен. Но я думала, ты поинтересуешься еще кое-чем…

— Чем?

— «Ноучем». Разве не любопытно, узнать, каким образом мы общаемся не только с соседними кораблями, но и с весьма отдаленными.

— Тоже прибегнув к помощи отрядов привиле-

гированных частиц?

— Не совсем. Если бы момы пользовались бы ими, не существовало бы дистанционных ограничений. Помнишь, мы не смогли беседовать с кораблем, находящимся на расстоянии свыше десяти миллиардов километров.

— Хорошо, что же тогда?

— Я думаю, используется резонанс. Представь, что мы изменим в частице один бит информации или несколько, изменим все то, чем одна частица отличается от другой. Частицы начнут резонировать. Таким образом и может быть послан сигнал. Мне еще не все понятно , например, вопрос о лимите дальности, но я работаю над этим.

— Дай мне знать, к чему ты придешь.

— Могу я рассказать это другим? И привлечь их к работе?

— Если у них есть время, — подчеркнул Мартин.

Она снова улыбнулась, церемонно поклонилась, вися в воздухе, и выскользнула в дверь.

Времени не осталось ни на что другое, только — на работу, тренировки и сон. Хотя Тереза спала вместе с Мартином, они не пытались заниматься любовью чаще одного раза перед сном, тогда как раньше делали это два — три раза в день.

В темноте каюты Мартин лежал, прижавшись к Терезе. Его мягкий член гнездился между ее бедер, чуть ниже ягодиц, липкая плоть приклеилась к коже Терезы. Его пальцы нежно ласками ее бедра — Тереза уже засыпала, дыхание становилось редким по частоте и ровным. Разметавшиеся в беспорядке волосы Терезы щекотали нос Мартина, и он немного отодвинулся. Он открыл глаза и вновь увидел тускло мерцающие цифры момерафа — теперь математический анализ ситуации поглощал все свободное от работы и тренировок время Мартина. Как и всем детям, момераф помогал ему в важные моменты жизни прийти к самостоятельному решению.

Мартин занимался не только анализом данных, которые ему предоставил Хаким. В его расчетах присутствовала и интуиция, и какие-то сугубо личные соображения — короче, то, что было чисто человеческими качествами, что отличало их от момов.

Вероятно, они способны разрушить любую жизнь, существующую вокруг Полыни. Система не выглядела сильно защищенной, а в таком случае внезапность нападения могло сыграть решающую роль. Изображать из себя более слабого противника в данной ситуации было ни к чему.

Снова и снова Мартин анализировал варианты. Наконец пришел благословенный сон.

Вселенную можно представить комбинацией плоскогорий и долин, — причем звезды гнездятся в долинах. А обширные пространства между светилами испещрены орбитальными маршрутами, стремящимися к выпрямлению, но так и не достигающими его.

Мартин медленно дрейфовал вдоль носовой части корабля. Вокруг, в гамаках, спала исследовательская команда. Всмотревшись сквозь прозрачную обшивку «Спутника Зари» в долины окрестностей Полыни, Мартин увидел их цель — на данный момент самую яркую звезду в поле зрения.

Не позднее, чем через двадцать часов они должны были начать разделяться на «Зайца» и «Черепаху». Мартин должен был руководить «Черепахой», Ганс — «Зайцем». Тридцать пять детей, включая Терезу, Вильяма и Ариэль, оставались в команде Мартина; Хаким и вся исследовательская группа должны былы следовать вместе с Гансом. «Заяцу» предстояло первым войти в систему Полыни для того, чтобы собрать информацию и передать ее «Черепахе».

Мартин почувствовал, что кто-то стоит рядом

и, обернувшись, увидел Ариэль. Она прерывисто дышала и выглядела не то возмущенной, не то испуганной.

— Что случилось? — спросил Мартин.

— Роза снова увидела темную форму. Но перед этим тоже самое видела и Алексис Байкал — в третьем доме-шаре, недалеко от перемычки, там, — где хранится запас горючего.

— Вот дерьмо, — не сдержавшись, ругнулся Мартин.

— Они обе думают, что это реальность, и сейчас рассказывают о случившемся другим… Я же поспешила сюда.

— Опять проделки Сатаны…

— Может быть, это и реальность, — качнула головой Ариэль. — Может быть, кто-то хочет помешать нам.

— Где они видели это? И вообще, расскажи поподробнее.

— Мне не известны подробности. Я же уже сказала, что сразу поспешила сюда.

— Почему ты не использовала жезл?

— Но тогда момы… — Ариэль замолчала, но несмотря на явное замешательство во всем ее облике по-прежнему присутствовал вызов. — Никто не желает, чтобы момы узнали об этом.

— Но почему, черт побери?!

— Потому что многие думают, что момы… наши враги. Что таким образом, нас просто хотят довести до сумасшествия, до самоубийства.

Мартин схватил жезл и вызвал Ганс и пятерых экс-Пэнов.

— Но это же просто глупо, — пробормотал он, следуя за Ариэль к центральному коридору. Проходя мимо места запланированной границы разделения кораблей, он заметил, что расщелина уже сформировалась — выемка тянулась по стене перемычки, между точками крепления трубопроводов. Корабль сам выбирал, в каком месте произвести разделение. — В конце концов, нельзя же быть такими параноиками. Разве трудно использовать свои мозги по назначению?

— Тут я согласна с тобой, Мартин, — отозвалась Ариэль, которая в это время, используя лестничное поле, быстро поднималась по длинному коридору. — Многое из того, что они рассказывают, на мой взгляд, полнейшая чушь. Но ведь некоторые… боятся. Они видят за всем этим что-то нехорошее.

Мартин угрюмо поднимался позади нее.

Ариэль первой достигла коридора второго дома-шара, ведущего прямо в отсек Розы. Здесь

к ним присоединился Ганс. Он вопросительно взглянул на Мартина. Тот пожал плечами:

— Опять какие-то тени.

Ганс состроил гримасу отвращения.

Стефания Перо Крыла и Гарпал Опережающий Время ждали их около двери. Мартин достал жезл и попытался связаться с Розой.

— Она ничего не слышит, — сказала Ариэль — Она в полной панике.

Мартин с Гансом с грохотом постучали в дверь. Но они не знали, слышат ли их те, — внутри.

Внезапно дверь открылась, и на пороге возникла Роза. Лицо ее излучало какую-то вновь приобретенную уверенность. Высокая, величавая, с рыжими волосами, стянутыми сзади узлом, одетая в серый плотный халат, — ее появление впечатляло, как появление нечто массивного, значительного.

— Какого черта… , — начал было Мартин. Выплеснуть сейчас на кого-нибудь злость было даже полезным для него.

— Заткнись, — оборвала его Роза. Ее выразительный голос звенел, как мальчишеский. — Прошлый раз ты заставил меня почувствовать себя дурой, но теперь не я одна видела это. Ну и что ты скажешь на этот раз? Снова будешь отрицать,

что это реальность?

Мартин попытался оттолкнуть ее и пройти в комнату, но она заблокировала вход руками.

— Кто разрешил тебе входить? — возмущенно спросила она. — Что ты себе позволяешь? Думаешь, тебе все позволено?

Он понял, что ему так просто не справиться с ней, и отступил, задыхаясь от гнева.

— Если ты что-то видела, мне нужно знать, что это было.

— Мартин — Пэн, Роза, — вмешался Ганс. — Он не сделает тебе ничего плохого. Не будь дурой. Позволь нам войти.

— Роза, разреши им войти, — из глубины каюты раздался Алексис.

Роза с неохотой отошла в сторону, но не сводила пристального взгляда с входящих в каюту. Мартин никогда прежде не видел отсека Розы внутри — немногие видели. То, что он увидел сейчас, поразило его.

Каюта была полно цветов, изобиловала горшками и букетами — живые цветы и искусственные, сделанные из ткани и бумаги, на проволочных стеблях. Воздух был теплым и влажным, вокруг горело множество ярких ламп.

В каюте, кроме Розы и Алексис, сейчас нахо-

дились еще десять Венди и два Потерянных Мальчика, да попугаи играли в прятки, скрываясь среди цветов.

Мартин понял, что перевес не в его пользу, но он чувствовал только отупление и ничего больше.

— Алексис, а что видела ты?

Алексис Байкал, — девушка среднего роста, со смуглым лицом и рыжеватыми волосами, слегка покачивалась в гамаке, свесив вниз не по-женски мускулистые ноги. Вид у нее был весьма безрадостный.

— Я видела в центральном коридоре, недалеко от того места, где хранится запас горючего, огромную темную форму.

— На что это было похоже?

Роза было угрожающе двинулась на него — причина такой реакции была понятной — но Мартин шутливо поднял руки и улыбнулся во весь рот.

— Он никому из нас не верит! — закричала Роза. Ее голос был подобен звуку горна.

— Прекрати, Роза, — остановила ее Ариэль. — Он пытается выслушать вас.

— Размером Оно было больше, чем пять или даже шесть людей, вместе взятых, — продолжала рассказывать Алексис. — Но реальной формы

Оно не имело.

— Ты разговаривала об этом с момами? — поинтересовался Ганс.

Роза во все глаза смотрела на них, но не двигалась. Рука Ариэли предостерегающе лежала на локте Розы. Мартин был заинтригован — казалось, Ариэль должна бы использовать этот шанс, чтобы помешать ему и дискредицировать момов, но вместо этого, она помогала ему. Он почувствовал, что вообще перестает что-либо понимать.

— Нет, не разговаривала, — ответила Гансу Алексис. — Но мы действительно видели это. Мы ничего не придумываем!

Мартин понял, что прежде, чем рассказывать все другим детям, Алексис пришла к Розе. И сейчас, когда Роза активно оборонялась, Алексис старалась поддержать ее, подтвердить сказанное.

— Оно было живое? — поинтересовался Ганс. Он немного склонился, чтобы ему было удобнее общаться с Алексис.

— Да, живое. Оно покачивалось. Знаете, вот так, как студень.

— Было ли у него явно выраженное лицо, руки, ноги? — спросила Стефания. Каждый из спрашивающих явно пытался опередить в вопросах

Мартина, — чтобы дать ему возможность немного остыть. Мартин был рад этому — действительно, сейчас ему лучше просто послушать других.

Роза поглядывала на окружающих, — встревоженная, но держалась она довольно спокойно.

— Оно было черное, — с усилием выдавила из себя Алексис. — Огромное, живое. Но Оно не произнесло ни звука.

Чувствовалось, что девушка сама понимала, что ей вряд ли поверят.

— Это все, что ты видела?

Алексис встретилась глазами с задавшей вопрос Стефанией и кивнула:

— Да, это все, что я видела.

Ганс напряг руки и передернул плечами так, как будто бы он был связан и пытался освободиться.

— Куда Оно ушло?

— Не знаю, — сказала Алексис. — Я быстро развернулась и убежала, и больше ничего не видела.

Дверь распахнулась, и вошли еще три Венди: Нэнси Летящая Ворона, Жанетта Нападающий Дракон и Кирстен Двойной Удар. Кирстен объявила:

— Они хотят вам кое-что сообщить. Мартин,

они видели то же самое.

— Но мы не видели ничего такого, что могли бы иденфицировать, — уточнила Нэнси.

— Вы видели это, когда были вместе? — поинтересовалась Стефания.

— Нет, — ответила Жанетта.

— Спросите у них, наконец, что же они видели, — не выдержав, взмолилась Роза.

Мартин указал на Нэнси:

— Ты первая рассказывай.

— Это был мужчина. Но не кто-то из нас. Я имею в виду, не кто-то из детей. Он был темный… то есть, одет в черные одежды.

— Где ты видела его? — спросил Мартин.

— Во втором доме-шаре. В холле, рядом с моим отсеком.

— А ты? — обратился Мартин к Жанетте.

Жанетта Нападающий Дракон покачала головой:

— Я лучше не буду ничего рассказывать.

— Но это очень важно для всех нас, — мягко произнес Мартин.

— Мне трудно выразить это словами, — лицо Жанетта мучительно поморщилась. — Ну, пожалуйста, Мартин, оставь меня в покое. Ведь не я начала все это, а Роза… К тому же, я видела совсем

не то, что видела Роза.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что Роза начала это? — резко спросил Ганс.

— Не давите на меня! — закричала Жанетта. — Я вовсе не хотела видеть это. Я даже не уверена, на яву ли это все было.

— Я ничего не начинала, сестра, — Роза произнесла эти слова свистящим шепотом и покачала головой, — Не упрекай меня.

— Я видела свою мать, — опустив глаза, неожиданно для всех сказала Жанетта. — Но ее уже давно нет в живых, Мартин. Она умерла, когда мне было всего пять лет. Я увидела ее, одетой в черное, несущей чемодан или что-то, похожее на чемодан.

— Вот дерьмо, — вырвалось у Розы.

— Роза, успокойся, пожалуйста, — сказала Ариэль.

— Да что за чушь она несет! Она не могла увидеть такое, — возмутилась Роза.

— Почему, черт побери, не могла? — Ариэль покраснела. — Каждый видит то, что он видит.

— Они просто хотят это увидеть, и сами все придумывают. Вот мы с Алексис действительно видели…

— Все, хватит, — Мартин поднял руку.

— Мы видели это, — теперь уже закричала Алексис. — Вы, наверное, думаете, что мы сумасшедшие…

— Это точно, — пробормотал Ганс.

Мартин поднял руку еще выше и сжал губы.

— Успокойтесь все, — сказал он, — Роза, никто никого ни в чем не обвиняет. Здесь не соревнование на наиболее таинственный рассказ. Это понятно?

— Не учи меня жить, — прошипела Роза, — Ты…

— Заткнись, — резко приказала ей Ариэль, затем она в упор посмотрела на Мартина. Не считай наше сотрудничество само собой разумеющимся.

— Но почему все давят на меня?! — слезы ручьем текли из глаз Розы. — Вы ведь все равно сейчас все уйдете… И оставите нас с Алексис в одиночестве.

— Я не знаю, что я видела или что это означает, — сказала Алексис. — Я просто сообщила о случившемся.

Вдыхая аромат цветов из Розиного сада, Мартин обдумывал, как бы поделикатнее завершить эту встречу.

— Итак, сделаем вывод: никто толком не знает,

что он видел; но никто никого и не обвиняет. Роза, ты правильно сделала, что все рассказала. Так диктуют правила, понимаешь? Не смущайся, не прячься и не стыдись. Я хочу знать все обо всем.

Стефания одобрительно кивнула. А вот Ганса, слова Мартина, казалось, совсем не убедили.

— Ну будут еще вопросы? Кого что еще волнует? — вопрошал Мартин.

Никто не ответил.

— В течение следующего часа я собираюсь с каждым из вас поговорить индивидуально. Так что — по одному приходите в мою каюту. Но нам нельзя терять времени. Мы должны быть дисциплинированными и думать только о Работе. Согласны?

Все вокруг кивнули — все, кроме Ариэли и Розы.

— Нам предстоит принять серьезное решение — завтра утром, перед разделением. Это все очень серьезно. Не тревожьтесь о своем самолюбии и своем здравомыслии. Думайте о Земле.

Один за другим они приходили в его апартаменты. Мартин записывал их слова на жезл. Первой пришла Алексис Байкал — полная сомнений, плачущая и извиняющаяся. Мартин вновь попытался доказать ей, что в том, что с ней про-

изошло, нет состава преступления. Но его усилия были бесплодны.

Ариэль была холодна, будто бы сожалея о своей безмолвной поддержке в каюте Розы.

— Мне кажется, это дело рук момов. Они экспериментируют с нами, как было и в случае первой тренировки в открытом космосе.

— Ты никогда не доверяла им, не так ли? — поинтересовался Мартин.

Ариэль покачала головой:

— Мы в ловушке. Так же думает и Роза, просто она не говорит столь прямо. Она в отчаянии.

— Ты думаешь она видела нечто, созданное момами?

Ариэль неохотно кивнула.

— Но зачем им это? — воскликнул Мартин. — Это бессмысленно. Зачем им дурачить нас? Скажи, зачем?

— Я думаю, что они хотят избавиться от слабых, — сказала Ариэль. — Или подвергают нас риску не выполнить Работу. Я не говорю, что мне абсолютно ясно, что случилось. Это просто мои домыслы.

— Это Роза-то слабая?

— О, послушай, я не хочу служить источником ее неприятностей. Давай не будем говорить о

Розе.

— Но у нее уже проблемы, Ариэль.

— Я знаю.

— Способна ли она выполнить свою работу?

— Она справляется со своими обязанностями достаточно хорошо, разве нет?

— Но сможет ли она продолжать?

— Думаю, да. Но детям нужно смириться с ней.

— У меня создалось такое впечатление, что это ей нужно смириться с детьми.

— Возможно, ты и прав.

— Ты ее подруга, Ариэль. Можешь ты привести ее сюда?

— Попробую. Но она не рассказывает всего и мне. Ну хорошо, я поговорю с ней… Но, мне кажется будет лучше, если с ней поговорит кто-нибудь другой, а не ты.

Но Мартин не согласился:

— Я собирался поговорить с ней сразу же вслед за тобой.

Собравшаяся уже было уходить Ариэль, резко обернулась:

— Ты хочешь стать ее другом?

Ах ты, мерзкая всепонимающая самка, — подумал Мартин, а вслух сказал, — Постараюсь.

Ариэль вышла. Роза Секвойа вошла в его каюту

несколькими минутами позже — с каменным лицом, широко распахнутыми глазами и все тем же вызывающим видом, из-за которого Мартину хотелось хорошенько ее стукнуть.

— Скажи, как ты думаешь, что ты видела? Скажи только мне и никому больше.

Она покачала головой:

— Я никому не верю.

— И все же, я слушаю тебя.

— Те другие… они видели что-то иное. Признайся, ты ведь никому из нас не веришь?

Мартин ободряюще улыбнулся. Продолжай, продолжай…

— Ты думаешь, что все это начала я, — сказала Роза.

— Совсем я не думаю так. А как ты сама считаешь?

— Я первая увидела это, — затаив дыхание, прошептала Роза, — Это мое.

— Скажи, если это выше твоего понимания, разве ты можешь что-то контролировать? — разговор принимал опасный оборот. Роза была слишком глубоко введена в заблуждение, — Ты чересчур взволнована.

— У меня хотят отнять даже это. Ведь я и так ничего не имею, — она склонила голову, — Я не

знаю, что мне делать.

Такой поворот разговора был сюрпризом для Мартина. От удивления он даже открыл рот, затем сглотнул слюну и сказал:

— Бог с тобой, Роза.

— Я не говорю, что я… Нет, нет, я не говорила, что мы ничего не видели.

— Послушай, сядь… Ну, пожалуйста, только не молчи.

Роза отвела глаза в сторону и покачала головой:

— Я не хочу, чтобы что-то мешало Работе, но боюсь, что это может повредить нам, нашему делу.

— Что это? Что тебе известно?

Она всхлипнула и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Я помню о присяге Земле, Мартин. Я ни за что не стала бы делать этого сама.

— Так ты уверена, что это реальность?

— У меня — да. О других не знаю. Это было более реально, чем я сама. Сейчас это зарубцевалось, но это было. Я должна стыдиться этого?

— Не знаю. Расскажи поподробнее.

— Я выполняла свою работу, — сказала Роза. — Я старалась сосредоточиться, но это мне не удавалось. Знаешь, мне нет места на «Спутнике

Зари», так же, как в свое время не было места на Центральном Ковчеге и на Земле. Не удивляйся и не ломай голову над этим, причина во мне самой… Все смотрят на меня, как на пустое место…

— Нет, нет, ты не права. Ты совсем не одинока.

— Если бы то, что со мной случилось, стало бы важным, это сделало бы и меня полезной. Люди не смотрели бы на меня, как на пустое место… Ладно, Мартин, мне пора идти… Я хочу поскорее все забыть.

— А как ты думаешь, Роза, что видела Алексис?

— Я не знаю, что она видела. То, что она рассказывает, похоже на мой случай, но этого не может быть.

— По-твоему, это тоже случилось на самом деле?

— Алексис думает, что да.

— Роза, ты не сомневайся, я верю вам. И тебе, и Алексис. Продолжай выполнять свои обязанности и принимай участие в тренировках. Но когда у тебя появится свободное время, пожалуйста, понаблюдай за кораблем — до его разделения. Если подобное не повторится, мы просто забудем об этом. Договорились?

— А как же Жанетта и Нэнси?

— Жанетта видела свою мать. Нэнси… Я даже

толком и не понял что…

— Может быть, Оно способно принимать различные формы… В зависимости от наших мыслей.

Мартин внутренне содрогнулся. Был определенный риск. Вскрывая нарыв, то есть тем самым подтверждая его существование, можно не только очистить его, но и распространить инфекцию.

— В любом случае, ты — одна из нас, и все, что случается с тобой, очень важно для всех.

— Я — большая уродина, — неожиданно прошептала Роза, сжимая пальцы в кулаки. Еще ребенком я была всех выше и толще, и все избегали меня. Я надеялась, что здесь, на корабле, у меня будет Работа, и я стану важной и интересной для тех, кто игнорировал меня, для тех, кто теперь уже погиб на Земле.

Мартин взял ее за руку и, поглаживая, попытался разжать кулак. Она уставилась на его руки, словно они были чем-то потусторонним. Ее голос зазвенел:

— Да, я хотела что-то значить для них. Но когда я вступила на «Спутник Зари», практически ничего не изменилось. Здесь нет ничего такого, чтобы сделав это, я стала им интересной.

— Ты — одна из нас, — повторил Мартин, при-

тянул ее к себе и обнял, сразу же почувствовав мясистые плечи, обширную грудную клетку, маленькую грудь, почувствовал ее напряженность. Он улыбнулся ей, как большому, испугавшемуся животному.

— Мы не хотим потерять тебя. Никто не хочет. Делай то, что считаешь нужным, и, в конце концов, результат не замедлит сказаться.

Она оттолкнула его своими большими сильными руками и, взглянув на него в упор, сказала:

— Хорошо.

Теперь Роза уже улыбалась, как маленькая девочка. Может быть, до этого никто никогда не обнимал ее? Как дети мог ли так игнорировать одну из них? Видя не только боль, но и надежду в ее глазах — робкую скрываемую надежду — Мартин засомневался, а прав ли он, воспользовавшись вот такими, возможно, запрещенными методами влияния?

Осталось так мало времени.

Роза вышла — похоже, она почти успокоилась. Затем в каюту Мартина по очереди приходили Алексис, Нэнси и Жанетта. Но они не добавили ничего нового. Но так или иначе, Мартин почувствовал, что ему все же удалось разорвать цепочку событий. Все снова пошло гладко. Но

стоило ли ради этого было жертвовать Розой?

До разделения оставались часы. Время летело поразительно быстро. Все группы по-прежнему тренировались — равно успешно. Казалось, дети приготовились, как следует.

Каждый час исследовательская команда Хакима выдавала все новую и новую информацию.

Пришло время принять решение.

В классной комнате, в присутствии Матери Войны, Мартин зачитал правила принятия решения. В свое время Стефания Перо Крыла и Гарпал Опережающий Время сформулировали эти правила. Получилось нечто среднее между кодексом Правосудия, царящими на Центральном Ковчеге, и древнейшими законами племени Хаммураби…

Выбрали двенадцать присяжных. Каждый из выбранных имел право отказаться от должности, но никто не сделал этого. Скорее с сомнением и угрызением совести, чем с удовлетворением, Мартин услышал, как Роза дает клятву присяжного, которую когда-то сочинила Стефания:

Я буду судить справедливо, руководствуясь только законами Правосудия, и требовать наказания только при неопровержимости доказательств вины. Ни ненависть, ни страх, ни прочие эмоции не смогут повлиять на мое реше-

ние. Господи, помоги мне не покривить душой во имя правды, во имя памяти о Земле, во имя моей семьи, во имя всего того, что мне дорого…

Выбор присяжных и их приведение к присяге растянулось на целый час. Адвоката должен был выбрать Мартин. К ужасу Хакима, Мартин указал именно на него.

— Никто лучше, чем ты, не выявит слабые места наших доказательств, — пояснил свой выбор Мартин.

Он ясно осознавал всю необоснованность и примитивность системы, которую они выбрали, но были ли они способны на большее?

Когда дошла очередь до обвинителя Мартин указал на Луиса Высокого Кактуса, заместителя Хакима в исследовательской команде. Сам Мартин председательствовал, как судья.

Мать Войны выслушивала судебный процесс молча — в ярко освещенной учебной комнате резко контрастировали белая и черная краска на ее лице. Когда Мартин зачитывал правила судебного заседания, в комнате, несмотря на присутствие восемьдесят двух человек, царила полная тишина.

Луис в общих чертах обрисовал старые доказательства, затем пополнил их новыми, которые

числом превосходили прежние. Казалось, его выкладки бесспорны.

Хаким подвел итог на данный момент. Луис вызвал Ли Гору, чтобы тот подробно объяснил функции дистанционного управления корабля и его сенсоров, и напомнил о важности точности наблюдений, о различных методах разведки и обработки данных. Дети не впервые знакомились с подобными сведениями, однако выслушали Ли со вниманием.

Луис продержался шесть часов, не отдавая своей козырной карты, несмотря на то, что Хаким боролся весьма энергично и, указывая на ошибки, старался дискредитировать весь набор доказательств. Но ему не удалось склонить чашу весов на свою сторону. Услышанное от Луиса привело детей почти в шоковое состояние.

Менее двух часов до начала заседания их скорость составляла около трех четвертей световой, перспектива противостоящего первичного облака Полыни неумолимо приближалась.

Оставшиеся после рождения Полыни межзвездная пыль и газы первичного облака, их бесформенные скопления, встречались то тут, то там — на расстоянии несколько миллиардов километров от эклиптики. Как и предполагалось,

здесь действительно наличествовали только пыль и газы — никаких кометных осколков, ничего тому подобного. Цивилизации уже тысячи лет, как истощили все эти ресурсы.

Но среди чистой межзвездной пыли были замечены странные скопления в форме неправильных колец. Исследовательская команда, прозондировав ближайшее, обнаружила, что оно состоит из искусственных тел игольчатой формы, наибольшее из которых не превышало 100 метров в длину. В данный момент они бездействовали. Кто-то высказал предположение, что это экспериментальные модели кораблей, оказавшихся неэффективными и заброшенные после истощения запаса горючего, после завершения того дела, ради которого они были созданы.

Луис наглядно продемонстрировал детям, как выглядят эти иглообразные корабли в холодной межзвездной пыли. Затем он доказал, что они очень походят на машины-убийцы, в тот момент, когда те, войдя в Солнечную систему Земли, прятались за астероидами между Юпитером, Марсом и Землей.

Те же длинные иглы. Той же формы и размера. Хаким храбро парировал на это, что подобная форма весьма распространена, что любая ци-

вилизация может создать подобные корабли, предназначая их для межзвездных полетов. Но этот аргумент можно было трактовать как «за», так и «против» обвинения. Межзвездные путешествия могли иметь какие угодно цели, «Спутник Зари» и прочие Корабли Правосудия являлись подтверждением тому.

Заключение, казалось, неизбежным — по орбите вокруг Полыни летали мертвые убийцы-машины.

Тогда Хаким высказал следущее предположение: а что, если эта система сама стала жертвой машин-убийц и жители ее были уничтожены? Луис же на это заметил, что в таком случае они должны были обнаружить следы отхода машин-убийц от их бездыханных жертв.

А что, если кто-то остался в живых?

Хотя, судя по опыту Земли, это выглядело маловероятным.

— Но Земля, — заметил Хаким, — была экстремальным случаем. Убийцы столкнулись там лицом к лицу с сильным, можно сказать, роковым для них сопротивлением. Возможно, что здесь был совсем другой вариант. Возможно, здесь есть уцелевшие.

Луис указал на естественный состав системы

Полыни и ее планет, как на очевидное доказательство того, что она является источником машин-убийц.

А что, если машины просто были изготовлены здесь?

Дебаты становились все более жаркими, страсти накалялись, аргументы «против» если и были недостаточно убедительными, то, нельзя не заметить, что Хаким прилагал неимоверные усилия, чтобы сделать их таковыми.

— Если Полынь действительно источник машин-убийц, то почему здесь оставлены эти следы — прямые доказательства их вины? — задал вопрос Хаким в своем финальном выступлении от лица защиты. — Почему все не очищено и не приготовлена почва для новых жертв, например, для нас? Нужны ли иные доказательства, чтобы разрешить сомнения?

Никто не отвечал. Однако никто не сомневался в том, что доказательства все же нужны.

Суд присяжных совещался в соседней с учебной комнате.

Вердикт был вынесен через два часа.

Он был единодушным.

Полынь должна быть очищена от всего того, что осталось от убийц и их создателей. Даже если

они превратились в приведения, потерянно летавшие внутри кораблей…

Хаким был подавлен. Ему казалось, что он не справился со своею ролью. Словно не видя ничего перед собой, он устремился вглубь учебной комнаты и расположился позади всех детей.

Мартин поднялся. Вся тяжесть решения лежала на его плечах. В комнате воцарилась полная тишина — не было слышно ни кашля, ни даже дыхания. Дети, замерев, ждали, что же он скажет.

— Мы начнем рассеивание мин с производителями сразу же, как только произойдет разделение. В систему Полыни будут посланы вооруженные корабли. Вокруг нее нет видимой защиты, и все же мы должны быть очень осторожны. Вместо того, чтобы сбросить три-четыре нейтрониумные бомбы большой массы, мы прикажем производителям создать несколько тысяч небольших — из скал и обломков. Если мы потерпим неудачу, производители соберут оружие и воспользуются им по назначению.

— Для этого понадобится еще больше горючего, — заметил Ганс.

Стефания и Гарпал согласно кивнули.

— Нам следует действовать, как можно быстрее. Вначале мы разрушим каменистые миры,

затем сосредоточимся на газовых гигантах…

— И тоже разрушим их? — из глубины зала не то спросила, не то подсказала Ариэль.

— Если к тому моменту будем иметь достаточно для этого оружия, — ответил Мартин. — Впоследствии для пополнения горючего мы можем собрать газы с оставшихся скоплений облаков.

— Вокруг всех трех звезд? — поинтересовался Вильям.

— Да, вокруг всех.

Дети угрюмо задумались. Они вспоминали сражение вокруг Солнца, произошедшее века назад. Теперь им самим предстояло стать убийцами.

— Это не убийства, — сказал Мартин, догадываясь, о чем они думают. — Это вершение Правосудия.

Но его слова не убавили тревоги в их сердцах.

— Тебе не следовало приписывать меня к своей команде, — заметила Тереза, когда они вместе с Мартином обедали в ее каюте. Они в последний раз были одни, по крайней мере, до того момента, как Работа будет выполнена. Оставалось всего четыре часа существования «Спутника Зари» таким, каким они его знали. Правда, если они уцелеют, то вновь смогут его реконструировать…

— Не вижу причин отказываться от того, чтобы

ты была рядом, — сказал Мартин.

Тереза наблюдала за ним, глаза ее горели.

— Пэну ведь необходимо думать и о себе, — тихо добавил Мартин. — Я буду лучше работать, если ты будешь рядом.

— Когда мы закончим Работу, то куда направимся? — поинтересовалась Тереза, расправляясь с пирогом. Они никогда не имели проблем с продуктами на Корабле Правосудия, но в эти дни пища была особенно вкусной. Однако так как времени оставалось совсем мало, блюда готовились небольшими порциями, с расчетом на быстрое поглощение.

— Не знаю, — ответил Мартин, — нам никогда не говорили, куда нас потом пошлют.

— А куда бы тебе самому хотелось бы отправиться?

Мартин задумчиво дожевал последний кусок и, уставившись на пустую тарелку, сказал:

— Мне хотелось бы отправиться в далекое путешествие. Просто быть свободным, убедиться, что мы выбрались из этой передряги. Мы могли бы путешествовать тысячи, миллионы лет. Вдали от всего…

— Да, это было бы прекрасно, — поддержала его Тереза, но это прозвучало неубедительно.

— А ты?

— К новой Земле. Я сама толком не знаю, что она должна из себя представлять. Я знаю, все места, подобные Земле, заселены, но, возможно, момы могли бы отправить нас туда, где еще никто не был, где бы мы были совсем одни. Мы могли бы там создать новую Землю.

— И иметь детей, — подсказал Мартин. — Момы позволили бы нам иметь детей.

— Это должны решать не момы, — возразила Тереза, — а только мы сами.

Но перед Мартином сразу же стала вырисовываться картины реальной жизни — ведь райская жизнь всегда когда-нибудь да заканчивается. Он увидел, как история поднимает свою ужасную голову — начинаются национальные распри, растет ненависть людей друг к другу. Но он ничего не сказал об этом Терезе. Ведь мечты сейчас были так же важны, как и запас горючего.

— Ты думаешь, они уже знают, что их ждет смерть? — спросила Тереза.

Мартин сразу же понял, кого она имела в виду. Те, что на планетах. Убийцы.

— Если еще живы… — ответил он, поднимая брови, — Если до сих пор кто-нибудь еще здесь, и в состоянии соображать… Если они не роботы.

— Ты предполагаешь, роботы в таком случае ничего не помнят?

— Понятия не имею, ведь момы не рассказывают нам о таких вещах.

— Но можно ли считать их ответственными за содеянное, если они сейчас только роботы? — спросила Тереза.

— Трудно сказать. По крайней мере, они могут быть по-прежнему опасными.

— Если же там есть какие-то существа, хотя бы издали похожие на нас, как ты думаешь, кто они… лидеры, пророки или просто рабы?

— Роботы не нуждаются в рабах, — нахмурившись, произнес Мартин.

Тереза покачала головой:

— Я совсем не то имела в виду. Я имела в виду рабство своих собственных тел. Одни могут быть свободными, быть вне морали — думать лишь о себе и делать то, что приятно только им. Разве ты не ощущаешь, что превратился в раба собственного тела?

— Не думаю.

— А мочиться каждые несколько часов, испражнять дерьмо ежедневно…

— Заниматься любовью, — подсказал Мартин.

— Иметь периоды, — продолжила Тереза.

Мартин коснулся ее руки.

— Я никогда не теряла свой период. Я стала взрослой, но никаких изменений.

— Кажется, для Венди так и положено.

— Откуда мы можем знать?

— Моя мать тоже не теряла их на Центральном Ковчеге, но я помню, она говорила, что рада этому. Интересно, появились ли у нее еще дети… на Марсе? — Мартин никогда не задумывался о возможности иметь братьев и сестер, которых он никогда не узнает.

— Что, если они заняты только решением важных проблем, беспрерывно работают, не тревожась о теле?

— Живут без страстей и печалей… — стараясь попасть в ее тональность, подхватил Мартин.

— А может быть, они испытывали такие страсти, о которых мы даже и не подозреваем. Страсть без границ. Интересно, правда? А может быть, ты только подумай, Мартин, может быть, им удалось прийти к истинной любви к Вселенной, а?

— Мы пока ничего о них не знаем, кроме того, что они ведут себя очень спокойно.

— А если они спрятались? — предположила Тереза. — Надеясь, что мы не заметим?

Мартин пожал плечами:

— Не стоит думать об этом.

— Но во всех учебниках по стратегии говорится, что нужно знать своих врагов и быть готовым ко всему, что они потенциально могут предпринять.

— Я надеюсь, что они умрут прежде, чем узнают, что мы здесь, — сказал Мартин.

— Ты думаешь, это возможно?

Он, немного помолчав, покачал головой, — нет.

— Ты предполагаешь, они уже знают?

Он снова покачал головой, испытывая неловкость.

— У нас еще есть целый час до того, как тебе нужно возвращаться. Пэн должен иметь свободное время. Чтобы быть здоровым.

— Я бы не отказался. Да и тебе советую отдохнуть, — заметил Мартин.

— Давай займемся любовью, — предложила Тереза, — как если бы мы были совершенно свободны, да и все остальные тоже.

И они постарались. В какой-то мере это тоже была работа. Все произошло даже с большей интенсивностью, чем в первые дни их близости.

— Когда я буду свободен, — сказал Мартин, когда они плавали рядом друг с другом в темно-

те. — Я выберу тебя.

— А я и сейчас свободна, — заметила Тереза. — Свободна, как никогда. И я выбираю тебя.

До разделения остался час. Роза стояла в учебной комнате, в метрах двенадцати от Матери Войны. Глаза ее были прищурены, голова склонена. Ее руки трепетали, словно листья во время бриза. Она была обнажена, вокруг шеи был повязан шарф. Тусклый свет с звездной сферы освещал ее бледную кожу.

Лиам Антилопа, зайдя в учебную комнату, увидел Розу и немедленно вызвал Мартина и Ариэль.

Мартин вскоре появился вместе с Терезой, но первым подошел Вильям. Молча он приблизился к Розе.

— Ты мне не нужен, — сказала она ему.

— Что случилось, Роза? — послышался голос Ариэли.

— Я снова видела то же самое, — ответила Роз. — Кто-то постоянно находится вместе с нами на корабле. Оно разговаривало со мной. Я не могу избавиться от виденья, которое реально.

Вильям по-прежнему стоял между Розой и Матерью Войны.

— Что Оно сказало? — спросил он.

Мартин, сжав зубы, наблюдал за происходящим. Так мало времени. И каждый на счету.

Тереза кружила по учебной комнате, паря над Ариэлью. Начали появляться и другие дети — в сумме человек пятнадцать.

— Так что же Оно сказало? — повторил Вильям.

— Оно живое. Оно видит и слышит вещи, которые мы не можем. Оно огромное. Может быть, это Бог? Иногда он любит, а иногда ненавидит нас.

Мартин закрыл глаза, внезапно все поняв. Ну конечно же, она видит свое второе я. Ничего реального.

— Он мне сказал, что Мартин — плохой лидер, — Роза подняла голову. — Он не ведает, что творит. Он ведет нас к гибели. Но не понимает этого.

— Откуда он знает, на сколько хорош Мартин? — спросил Вильям.

— Прекрати, Роза, — прикавала Ариэль.

— Это совсем не то, что я видела, — вступила в разговор Алексис Байкал.

— Спокойно, — произнес Вильям, фиксируя свой взгляд на Розе. — Роза, каждый видел что-то разное. Это значит, каждый видел то, что он хотел видеть.

Роза упрямо покачала головой.

— Я думаю, это просто паника, — продолжал Вильям, — перед ожидаемым. Мы еще слишком молоды, а нам предстоит необычное трудное дело.

— Не тревожься, — Роза откинула голову назад — большая, обнаженная Валькирия. Она казалась такой уязвимой, Мартин сразу же почувствовал угрозу Работе, как если бы она сама была осой, жалящей его тело. Нельзя терять время.

Но он по-прежнему молчал, наблюдая за Вильямом.

Вильям кивнул Ариэли:

— Она твоя подруга, Ариэль. Она нуждается в твоей помощи.

— Она — жертва, — сказала Ариэль.

— Не говори так, — остановила ее Роза.

— Да, это паника, — с еще большей уверенностью произнес Вильям, — Роза, ты ощущаешь всеобщую панику. Ты очень впечатлительна. Ты видишь то, что мы чувствуем.

— Пойдем ко мне, Роза. — позвала Ариэль.

— Я не буду воевать. Никому из нас не надо воевать, — почти прошептала Роза. — Пэн не прав. Он…

— Ну, пожалуйста, хватит, Роза, — голос Ариэли

стал хриплым от эмоций.

Мартин увидел, что Тереза плачет, и Алексис Байкал тоже. Вильям обернулся и посмотрел на Мартина, его глаза были также влажны от слез.

Мартин сделал шаг вперед:

— Роза, ты и не должна будешь воевать, — убежденно произнес он.

Роза обвела взглядом всех присутствующих.

— Но я же училась. Я достойна не менее других. Пэн не может лишить меня моих обязанностей.

Пэн-пан — паника. Игра слов. Если она сейчас же не прекратит свои заклинания, мы все сойдем с ума. Мы уже близки к этому.

— Я ненавижу тебя, — сказала Роза Мартину. Глаза ее были прищурены, губы сжаты. — Я ненавижу все, что связано с тобой.

Ариэль схватила ее за руку. Вильям взял ее за другую. Так они и увели ее из зала.

Мартин увидел, что Тереза стоит рядом с ним.

— Кто заменит ее в работе? — поинтересовалась она.

— Ариэль, — Мартин все еще не отрывал взгляда от места, где прежде стояла Роза. — Розу лучше всего закрыть в ее каюте.

— А когда мы разделимся?

— Она останется на «Зайце». «Черепаха» не

может принять ее.

— Ты бы лучше посоветовался с Гансом прежде, чем принимать решение.

— Почему она так ненавидит меня? — неожиданно спросил Мартин.

— Это глупость, — Тереза взяла его за руку. — Выбрось из головы все, что она наговорила…

— Вильям был прав. Я не хочу, чтобы кто-то ненавидел меня. Я хочу, чтобы меня все любили… Черт побери это пэнство. У Ганса не было бы подобных проблем.

Тереза потянула его по направлению к двери:

— У нас еще есть в запасе пятнадцать минут, — напомнила она.

Мартин посмотрел в упор на Мать Войны. Во время всего эпизода она никак не прореагировала. Так мало времени.

* * *

Мать Войны шла впереди Мартина и Ганса, они совершали последнюю проверку места, где должно произойти разделение. Мать Войны оставалась с «Черепахой».

Ганс и Мартин пожали друг другу руки и обнялись.

— Сделай это, брат, — сказал Ганс. — А мы по-

можем вам прикончить неприятеля. Я завидую тебе, Мартин.

— А я сам себе не завидую, — с горечью отозвался Мартин, затем, покраснев, добавил. — Лучше бы тебя выбрали Пэном.

— Я голосовал за тебя, — Ганс улыбался, но чувствовалось, что не слишком искренне. — Я рожден лодырем. Ты сделаешь все, как надо.

Вильям стоя рядом с Мартином. Вокруг стоял гвалт: дети прощались — хлопали друг друга по плечу, обнимались, целовались.

Розы не было.

Спустя несколько минут дети разделились на две группы в узком коридоре возле арсенала оружия: команда «Зайца» — справа от Ганса, команда «Черепахи» — слева за Мартином. Тереза стояла рядом с Вильямом. У Мартина внезапно возникло дурное предчувствие от того, что он взял их обоих с собой. Всех охватила растерянность.

Команды отошли друг от друга подальше, образовав кольцо вокруг склада, те, что стояли в глубине уже не могли видеть своих приятелей из другого экипажа.

Они разделились.

По всей длине Корабля Правосудия раздался страшный треск, похожий на тот, как если бы

одна какая-то тяжесть поглотила другую. Дети с «Черепахи» столпились вокруг Мартина в новосозданном пространстве, рядом с арсеналом оружия. Полные страха, они ждали, прислушиваясь к грохоту корабля, поддерживая друг друга. Несмотря на многочисленные тренировки, они боялись. И Мартин боялся не меньше других. Он вспомнил слова Теодора: «Не существует машин, которые работали бы совершенно. Любая машина может ошибиться. Каждый день мы в опасности. „ Но тут же Теодор добавлял: «Нет планеты, живущей вечно. Поэтому и на Земле наши жизни тоже были в опасности… “

Полной безопасности нет нигде. К тому же, Корабль Правосудия никогда еще не ошибался…

Мартин расположился на низкой кушетке в центре комнаты. Вокруг него дети плавали, сидели на корточках, посматривая один на другого или просто в сторону. Кто-то пытался уснуть, кто-то поигрывал с жезлом. Все ждали, ждали…

Внезапно задул сильный ветер и раздался звук, напоминающий стон — стены закрылись.

Тереза пробралась поближе к Мартину. Он позволил себе какое-то время, не отрываясь смотреть на нее. Казалось, никто не придал этому никакого значения, даже Вильям, который в это

время затеял какую-то игру с Эндрю Ягуаром.

— Чем занимаешься? — Мартин старался, чтобы вопрос прозвучал весело.

Она улыбнулась также наигранно ободряюще:

— Жду. А ты?

Пол внизу вибрировал. Казалось, вне корабля свирепствовал штормовой ветер, а их кабина была единственным спокойным безопасным прибежищем в бушующем хаосе.

— Это будет похоже на резкое торможение, да? — спросил Патрик Деликатесная Рыба, стоящий рядом с Мартином.

— Предполагаю, на наши ощущения в кораблях-челноках, — ответил Мартин.

— О, мне не очень-то по душе подобные ощущения, — заметил Патрик.

Мартин посмотрел на него с насмешливой нежностью. Патрик улыбнулся в ответ.

— Знаю, знаю. Я тряпка, размазня.

— Позволь надеяться, что если ты и ты размазня, то отлично приготовленная, — заметил Мартин, не переставая наблюдать за собеседником — стараясь оценить, не слишком ли саркастичны его слова и сумел ли он скрыть за ними весь комплекс тревоги и страха, что охватили его. Верный ли это тон? Похож ли он на командир-

ский, с слегка добродушным поддразниванием? Нет, я не настоящий лидер. Настоящий лидер не беспокоился бы о таких вещах…

Дети подтянулись поближе. Вибрация продолжалась. Добавились звуки вновь созданных кораблей: рев и скрежет металла, стук, слабое дребезжание. Температура в кабине на какое-то время стала выше обычной, затем вновь вернулась прохлада. В воздухе витали многочисленные запахи. Мартин принюхался, но не смог распознать их. Подошедшая Ариэль заметила:

— Приятно пахнет.

Паола Птичья Трель и Стефания Перо Крыла согласно кивнули.

— Пахнет как при дожде, — заметила Тереза и процитировала. — «Кажется, дождь собирается… »

— Точно, нам нужен Пух, — подхватил Эндрю Ягуар. — Кого бы нам выбрать?

— Кто же наиболее популярен7 — Мартин вопросительно оглядывался. — Только не я, — почти испуганно добавил он.

Мэй Ли тяжело вздохнула:

— Пэну никогда не стать Пухом.

— А как насчет Ариэли? — предложил Вильям.

— Что за ерунда, — резко ответила Ариэль.

— Да, да… Ариэль подходит, — подхватила Мэй-Ли.

Ариэль оглядывалась. Чувствовалась, она раздумывает, — то ли рассердиться, то ли просто недоуменно пожать плечами.

— Отличная идея. Ариэль, ты будешь Пухом, — спокойно улыбаясь, подытожил Хаким.

Ариэль издала звук, выражающий отвращение.

— Бросьте молоть чушь!

— Наше дело предложить, — с необычной для нее твердостью произнесла малышка Мей — Ли, а Эндрю добавил с наигранной угрозой, — Твое же дело — выбирать.

Мартин не знал, — то ли ему вмешаться, то ли позволить игре продолжиться. Он не был уверен, что Ариэль поняла, что игра поможет снять напряжение. Выравнивание дороги; нет ни кочек, ни ям.

— Ну хорошо, — Ариэль развела руки, начиная собирать детей в круг, под свое крыло. Мэй — Ли, первая попавшияся ей на дороге, хихикая, попыталась увернуться. — Ну, идите к своей мамочке. Идите в объятья Пуха. — Гримасничая, она угрожающе и свирепо усмехнулась. Но никто не спешил оказаться в ее объятьях. Тогда Ариэль по-

дошла к Вильяму, которому ничего не оставалось, как, громко вздохнув и закатив глаза, сказать:

— Бери меня. Я твой.

— Ура, Кристофер Робин! — радостно завопили дети.

Ариэль обняла Вильяма, и они очень мастерски начали вальсировать по всей кабине, — как будто бы перед этим месяцами репетировали. Мартин и не знал, что Вильям умеет так хорошо вальсировать — ничем не хуже, чем Ариэль. По правде говоря, они преподнесли сюрприз всем детям.

— Можно мне вмешаться? — Мэй-Ли хлопнула по плечу Ариэль.

— Не жужжи! — с надменной улыбкой отреагировала Ариэль.

— Не жужжи!, — подхватил Эндрю Ягуар и запел, — О, как приятно тучке по небу лететь! О, ты можешь летать! Та можешь летать!

Вильям обнял Ариэль и поднял ее над головами детей, которые, смеясь, поспешили наклонить головы.

— Браво! — закричала Тереза.

Мартин начал прихлопывать в ладоши, и дети сразу же подхватили, придерживаясь ритма, уместного для вальса. Ариэль приняла приличествующую величавую позу — подбородок поднят,

нос кверху, и они закружились с новой силой.

Мартин заметил, что в комнату вошла Мать Войны. Танец продолжался до тех пор, пока Вильям не взмолился:

— О, моя Богиня, достаточно. Я изнемогаю.

Ариэль отпустила его. Вильям схватился за лестничное поле и, смеясь, помахал ей рукой в такт вальса.

— Ну, кто следующий? — спросила неутомимая Ариэль, подплывая к центру. Ее лицо оживилось, глаза блестели. Неожиданно она остановила взгляд на Мартине и, обольстительно играя взором, протянула ему руку:

— Быть может, вы, Пэн? Не потанцуете ли с Пухом?

Мартин, смущенно рассмеялся, но подал руку. Ариэль прикоснулась к ней, имитируя наивный взгляд медвежонка Пуха. Они уже было приступили к танцу, как в это время кабина сильно накренилась. Все упали на пол, инстиктивно вцепившись пальцами во что попало. Мартин почувствовал, что их вес увеличивается: одна десятая g, одна вторая, три четверти… Он взглянул на Ариэль, упавшую рядом, и увидел, что она замерла с широко раскрытыми глазами, затем повернулся, чтобы отыскать Терезу, она должна

быть где-то на противоположной стороне. Вокруг валялись пустые кушетки.

Мать Войны расположилась напротив двери, ей удалось закрепиться. Лестничные поля выросли, переливаясь в воздухе всеми цветами радуги.

Мартин достал жезл, чтобы осмотреть «Черепаху» с внешней стороны. Как после удара топора по деревянной чурке, «Спутник Зари» раскололся на две части, по границе третьего дома-шара. Оборвалась последняя соединяющая ткань — Мартин обратил внимание, что податливость этого соединения совсем не походило на металл — и «Заяц» выпрыгнул на свободу.

— Разделились? — спросила Тереза, хотя ответ был всем ясен.

— Кораблей Правосудия стало два, — констатировала Мать Войны. Они двигались уже в дюжине километров от «Зайца», и дистанция быстро увеличивалась.

— Вот это и произошло, — подвел итог Мартин.

— Дерьмо! — выругалась Ариэль и скрестила ноги на полу.

Дети сгрудились, руки и ноги их перемешались, они стали походить на сбившихся в кучу несколько маленьких будд. Мартин дотянулся до руки Терезы и нежно сжал ее. Она улыбнулась ему.

Все ведут себя храбро. Просто у нас нет выбора.

— У нас все получится, — подбодрил всех Мартин.

— Суперторможение начнется через минуту, — предупредила Мать Войны.

— Давайте считать, — предложил Эндрю Ягуар, и дети начали отсчитывать вслух цифры, что замерцали перед жезлом Мартина.

Пять, четыре, три, два…

Мартин глубоко вздохнул и закрыл глаза. Подобно мягкому электрическому манипулятору, исследовавшему его тело, в него проникли объемные метрические поля. Он ощутил отдаленный шум в ушах, почувствовал, как кровь остановилась в его жилах, застыла протоплазма… Затем движение возобновилось вновь, затем опять пауза, и снова старт. Вибрирующие толчки полей, контролирующих каждую молекулу, прикладывали к каждой силу, компенсирующую эффект торможения. Временная пауза мыслей, выполнения только рефлекторных движений, местами абсолютная пустота.

Он ничего не видел. Сейчас он был слеп, но боли не ощущал. В таком состоянии они провели несколько дней. Но, к счастью, все закончилось — поля вернули их в исходное нормальное со-

стояние. Они вновь смогли видеть, двигаться, говорить, есть.

Но все ли прошло хорошо? Не существует машины, работающей совершенно. Любая машина может ошибиться.

Во время суперторможения жезлы не работали. Матери Войны предписано быть неактивной. Падая с верхушки Вселенной вниз, они могли надеяться только на себя… Об этом они знали уже тогда, когда решились на роль голубя мира на носу огромной бомбы, — голубя, готового на все ради того, чтобы проворковать свою обвинительную речь, ради того, чтобы сохранить надежду выклевать глаза тех, кто ест их яйца, лишая потомства, кто держит их взаперти.

Теодор вошел в комнату, где в полном одиночестве сидел Мартин, погруженный в непрерывный поток мыслей.

— Это печально, что тебе в голову приходят такие мысли, не так ли?

— О, Господи, Теодор, я не заметил тебя. Почему печально?

— Разве не печалит то, что мы только голуби, и не более того?

— Не нужно возвращаться к этой теме.

— Я никогда не был всеведущ, Мартин. Ты

мыслишь более оригинально, чем я. Но смерть сделала меня мудрее. Хотя, конечно это очень глупо. Что я могу сделать сейчас, мертвый? Я лишь пылинка в твоем сознании.

— О, как бы я хотел, чтобы ты приходил бы ко мне не только во снах…

— Не мечтай об этом. Всем снам приходит конец.

Мартин, вздохнув, покачал головой.

— И все-таки худшее позади. Безвольно спать в ожидании, когда все закончится, — что может быть тоскливее? Но, правда, мне кажется, что мы до сих пор спим в этой маленькой комнатке, связанные одной цепью…

— Ты думал об Ариэль?

— Да… Расскажи, что ты знаешь о ней?

— Ничего такого, чего бы ты не знал. Охо-хо, какая скука — быть мертвым. Я могу быть только тенью твоих мыслей.

— Может быть существует что-то такое, что я знаю о ней, но не понял сути?

— Она цинична, она ценит превыше всего разум, а не чувства. Она мало во что верит, но ей многое дано.

Любовь.

Тереза, слегка посапывая, лежала рядом с ним.

Мартин погладил ее бедро и сразу же ощутил легкое покалывание в руке — постоянное напоминание о присутствии полей, которые или разрешают, или не разрешают движения. Катастрофическое торможение.

Любовь

К кому-то одному, к семье, к своей компании, к кораблю, к миру, к Земле.

Что для каждого из них значит любовь к родному дому? Если ты родился в нем, стал его неотъемлимой частью, тогда все понятно… Но для них на долгое время родным домом стал «Спутник Зари». Это был их мир, — здесь они жили, мечтали, стараясь сохранить на нем крупинки земной жизни. Стремящиеся к знаниям, любознательные, такие, как Теодор, постоянно что-то исследовали, делали заметки, склоняясь над линзами. Помнится Теодор много часов проводил у пруда, наблюдая за его обитателями, предпочитая общение с ними общению с кошками и попугаями, которых так любили другие дети, считая их своими талисманами. Линзы — у момов они были эквивалентом микроскопа — парили перед лицом Теодора, подобно крошечным драгоценным камням. Из-за присутствия полей они имели слегка смещенное преломление, но за-

то были прозрачнее и большей оптической силы, чем флюориты. Поймать в эти миниатюрные сферические поля несколько хаотично двигающихся головастиков было для Теодора неописуемой радостью. Наблюдаемые удерживались от побега также слабыми полями … полями внутри полей… , — и Теодору открывался доступ к созерцанию этих живым созданиям, что было бы нереальным на Земле.

— Прекрасно, — пробормотал Теодор, — И даже более того — безопасно. Ведь ты бы не позволил мне поднять в воздух москитов? Ты бы, наверника, подкрался ко мне ночью и разрушил бы все мои планы.

— Мы бы примирились с этим, — миролюбиво произнес Мартин.

— Нет, ты бы не примирился. Ты для этого слишком здравомыслящий… Только представь себе, что было бы в таком случае: головастики, зоопланктоны, фитопланктоны, различные вариации прекрасных водорослей, и все это над водоемом, летающие по комнате, почти невидимые. А жужжание мошки, чистящей себя лапками на стенах и совершенно игнорирующей тот факт, что они не на Земле — каково, а?

— Ты думаешь, они понимают, где мы?

— А ты думаешь, мы сами точно знаем, где мы находимся? Где мы — мыслями и каждой клеткой нашего тела? Земля всегда с нами. Родители умерли, но гены остались. Осталась и память, — правда, со временем она ослабеет.

— Мои родители, возможно, и живы, но я их не чувствую, — сказал Мартин.

— Да, мы еще ужасно далеки от того, чтобы понимать, что происходит в наших генах, — заметил Теодор, мечтательно всматриваясь в водоем, который он изредка помешивал жезлом, наблюдая, как на поверхности замысловато переплетаются друг с другом водоросли, как перед ним проходят все виды микроорганизмов: парамеции и ротиферы, эукариоты и диатомы, десмиды, амфиподы, остракоды, хаотически двигающиеся среди дафнии.

Относительно большие личинки головастиков с тонкими изогнутыми носами и темными головками уркнули прочь, избегая течения.

Мартин перевернулся, открыл глаза и почувствовал легкое покалывание в веках. Он сделал несколько движений, хотя при таком торможении это было противопоказано, можно было потревожить защитные поля.

Лучше всего было не двигаться совсем, что

большинство детей и делало.

Тереза и Ариэль тихонько переговаривались рядом, обсуждая других детей. Сейчас они говорили о постоянном хладнокровии Ганса. Сам же Ганс беседовал с Теодором, хотя они никогда не были близкими друзьями, даже редко разговаривали друг с другом. Ганс поинтересовался, что Теодор думает о Мартине, следовало ли тому становиться Пэном.

— Он сам не хочет быть Пэном, — ответил Теодор. — Ему кажется, что это для него слишком тяжелая ноша.

— Ты думаешь, я должен взять ее на себя?

— Никому, кто в мыслях стремиться стать Пэном, не следует им становиться, — твердо сказал Теодор.

— Но я же не стремлюсь к этому… — Но нечто, похожее на надежду появилось на лице Ганса.

А Тереза и Ариэль уже обсуждали фасоны платьев, которые Венди будут носить, когда выполнят работу и выйдут замуж в каком-нибудь другом мире.

Тереза представляла себя в церкви — в белом платье невообразимо красивого фасона, украшенном бриллиантами, в ее волосах сверкали рубины, изумруды, аметисты, гранаты, сапфиры,

а на руках — браслеты из исландского полевого шпата, азурита, аргонита и синей ляпис-лазури. Теодор, одетый в костюм, изготовленный всецело из бабочек, мотыльков и мошек, вел ее к алтарю, где ожидал Мартин. За ним открывался мир, еще более прекрасный, чем Земля. Но, подумав так, Тереза ощутила вину, будто она совершила предательство.

Потом девушки разговорились о детях. Ариэль посетовала, что она вряд ли станет хорошей матерью, слишком трудно ей даются отношения с другими, не очень-то она приветлива с окружающими. Но Тереза возразила, сказав, что сработают инстинкты, и, скорее всего, все они станут нежными матерями.

Они провели в этой крошечной комнаты три дня, — то спя, то разговаривая. Ели они нечасто, пища при таких нагрузках практически не усваивалась — объемные поля противостояли росту новых молекул тела.

Дно Вселенной, как и следовало порочному месту, было более ярким, чем ее верхушка. «Спутник Зари» падал из темноты чуть вырисовывающегося сплетающегося кольца звезд со скоростью в три четверти световой. Теперь же «Черепаха» снизила скорость до одной сотой. Но это удалось

лишь благодаря огромному расходу горючего, запас которого можно было возместить лишь в случае победы над противником.

Они падали в самое пекло, их прямой поначалу курс постепенно изогнулся, подобно искусно выполненной электропроводке. Они продолжали торможение — и вот уже скорость не превышала одной тысячной, а затем и одной десятитысячной скорости света .

И тем не менее, они все ближе и ближе подходили к убийцам.

Освободившись от сильного гнета скорости, дети походили теперь не на быстрые божества, а скорее на голубей, сидящих в носу медленно передвигающейся бомбы, незаметно пробирающейся сквозь звездную систему Полыни.

Мартин открыл глаза и развел руками, наслаждаясь отсутствием покалывания и гнета большой скорости.

Тереза, уже проснувшаяся, легонько хлопнула его по плечу.

— Все закончено, — сказала она. — Мы прибыли.

В первые часы свободы от связывающего суперторможения дети заново знакомились с кораблем. Мартин провел их от носа до кормы,

следуя карте, спроектированной жезлом.

«Черепаха» приняла форму припляснутой гантели — третий дом-шар расщепился на два полушария. Нос превратился в простой обтекатель на притупленной поверхности передней полусферы, практически исчезла хвостовая часть.

Хаким задержался, осматривая мастерские в носу «Черепахи». Он пристально разглядывал все, что только можно было увидеть. Вновь созданная звездная сфера быстро заполнялась информацией, и Хаким, как Мартин заметил, заново перепроверял все, что касалось цели их полета: сведения о каменистом Небучадназаре, о таинственном Рамзесе и, наконец, о находящимся на другой стороне системы Полыни, огромном истощенном газовом гиганте Героде. Сюрпризов пока не было, изображение на звездной сфере радовало глаз своей чистотой и свежестью.

— Итак, — обратился к Мартину Хаким, — что бы мы хотели знать?

— Производители должны быть готовы к отправке во внешнее облако уже через несколько десятков дней, — напомнил Мартин. — Затем нам нужно будет подтвердить, что их задание остается прежним, или же изменить его, воспользовавшись плотным пучком лучей. — Производители

будут находиться вне области распространения «ноуча», а плотный пучок лучей достигнет их только через несколько дней. Так же нам нужно определить, какой из миров наиболее активен и есть ли у него защита.

Размером «Черепаха» была почти в шесть раз меньше «Спутника Зари», но все же достаточно большой для передвижения. Новые коридоры и пахли по-новому, как пахла всегда только что изготовленная момами одежда. Мартин понимал, что все эти нововведения выполнены для их же пользы, но так же, как и все дети, тосковал по огромному пространству «Спутника Зари». Но он постарался отбросить свое разочарование.

Вслед за Мартином, тридцать пять детей, следуя строго друг за другом, спускались вниз перемычки, — туда, где теперь располагался арсенал оружия, а в нем — производители и манипуляторы, которые уже вскоре планировалось забросить внутрь системы Полыни.

Паола Птичья Трель и Стефания Перо Крыла возглавили небольшую группу в шесть бомбардировщиков. Хотя в этом и не было необходимости, момы по привычке руководили бомбардировщиками. Мартин подтвердил, что груз сброшен, и Мать Войны проверила результаты. Тренировки

дали свои результаты: дети прекрасно справились с поставленной задачей.

Когда первая часть Работы была выполнена, Мартин разрешил детям занять новые апартаменты и запросить вещи, которые им были необходимы. Ни прежних вещей, ни домашних животных не оставили на «Черепахе».

Первый прием пищи должен начаться через час.

Через три дня — к этому времени планировалось уже выполнить задание, корабль вновь можно было вернуть в исходное положение. А пока Мартин всеми силами старался и сам побыстрее прийти в себя, и поддержать остальных.

Однако, несмотря на его усилия, дети понимали, что их дом навсегда исчез. Шансы, что корабль будет снова переоборудован, практически равнялись нулю. Шансы, что они уцелеют после столкновения в системе Полыни, которая не имела защиты и никак не проявляла своей активности… тоже были почти нулевыми.

Хаким подошел к Мартину, когда тот уже заканчивал осмотр склада оружия — лицо Хакима горело энтузиазмом.

— Есть новости, — сообщил он. — Очень любопытная свежая информация.

Мартин вновь окинул взглядом бомбардировщики на пилонах и приготовленные бомбы. Стефания Перо Крыла и Паола Птичья Трель, парящие, подобно птицам, между кораблей, прислушивались к разговору между Мартином и Хакимом. Все дети в арсенале прислушивались.

— Давай объявим общий сбор и вместе обсудим все новости, — решил Мартин.

Сразу же после более спешного, чем обычно, приема пищи Хаким выступил с сообщением. Он показал изображение Небучадназара, каким тот виделся с «Зайца» — рыжевато-коричневая планета с пятнами красного цвета и тонкими полосами зеленого.

— Подольше понаблюдав за планетами, мы, судя по их кристаллической вибрации, решили, что они обладают большей активностью, чем мы предполагали раньше. Небучадназар более спокоен, — если он и обитаем, то, скорее всего, населен роботами. Чувствительные сенсоры «Зайца» сообщими нам, что, вероятнее всего, что на планете обитают несколько разновидностей роботов. Мы предполагаем, что машины окупировали верхний слой коры, возможно, находятся и ниже. Они очень умело используют поля для изменения состояния материи — создавая газы,

воду, металлы, твердые тела, суспензии и так далее… Нам трудно судить, как много каких-либо биологических особей обслуживает эти машины, они не видны на поверхности. Поверхность обманчиво спокойна. Вероятно, они чувствуют необходимость скрываться…

Мартин покачал головой:

— Не очень-то хорошо они прячутся. Если мы что-то обнаружили, значит, и другие могут.

Хаким кивнул в знак согласия и продолжил:

— Как мы замечали и раньше, на планете необычные погодные условия. Воздушные потоки одновременно и перемешаны, и устойчивы — неестественная ситуация. Создалось впечатление, что водные акватории пустуют уже в течение тысяч лет, на планете нет запаса воды. По большей части, за исключением нескольких древнейших сооружений, открытая поверхность кажется пустынной и необитаемой. Мы сделали выводы, что вода в океанах исчезла или в следствие редких погодных изменений, или она была использована для создания газообразных веществ тысячу лет назад.

— Это имеет какое-то отношение к антиматерии? — спросил Мартин.

— Возможно, — ответил Хаким. — И еще есть

один сюрприз: мы заметили корабли, которые слишком малы, чтобы заметить их раньше. Возможно, это торговые суда. Десять штук вращаются по орбите, проходящей между Небучадназаром и Рамзесом, один путешествует за пределами Герода. Все они имеют на борту радиактивные частицы, то ли простейшего сплава антиматерии, то ли материи. Корабли кажутся почти игрушечными, как…

— Как яхты в ванной, — не удержавшись, подсказала Стефания Перо Крыла.

— Точно. Скорее всего, как я уже говорил, это торговцы, прибывшие в систему Полыни. Больше мы ничего интересного не обнаружили.

— Если планеты обитаемые, как ты думаешь, существуют ли на них существа, имеющие явно выраженное физическое воплощение? — спросил Мартин.

— Мне кажется — нет. Там нет биологических тел, ни на каком уровне. Все описания момов и описания наиболее характерного развития других миров говорят нам, что Небучадназар и Рамзес очень стары — возможно, на миллиард лет старше Земли, и что их цивилизации, — если они остались, если есть какие-то разумные существа, — то они все преобразованы в небио-

логические матрицы.

— Может быть, разумные существа уже покинули эту систему, — предположила Паола.

— Если они и оставили Небучадназар и Рамзес, то, вполне допустимо, что могли оставить задания роботам или кому-нибудь другому, — нахмурившись, сказал Хаким.

— Скажите, какой тогда смысл здесь все разрушать, если здесь никого нет? — спросила Ариэль.

— Я уверен, что на планетах присутствует разум. И он активен, только спрятан под замок. Возможно, они прячутся уже продолжительное время или просто за последнее время ослабели…

Мартин ненадолго задумался , а потом сказал:

— В любом случае надо идти вперед. Мы уже сбросили производителей и манипуляторов, и в скором времени, если это будет реально, проведем разведку. До сих пор так никто и не заметил защиты?

— Никто, — отозвался Хаким.

— И до сих пор так и не понятно, что это за пять неизвестных скоплений рядом с Небучадназаром?

— Да, до сих пор. Но я занимаюсь ими в первую очередь.

Самая отдаленная точка орбиты, входящей в

систему Полыни, располагалась в пятнадцати миллиардов километров от главной оси. «Черепаха» при желании могла бы не торопить события и заняться тщательным исследованием и разведкой. Но на это ушли бы годы… Существовал второй вариант: выполнить Работу, как можно быстрее, произвести стыковку с «Зайцем» и… начать новую жизнь…

Мартин сделал свою каюту маленькой и экономной, в которой только два человека могли расположиться комфортабельно. Он не стал запрашивать много вещей, надеясь, что его аскетичность послужит примером и для других.

Выбор должен быть сделан, но не по результату голосования детей. Решение он должен принять один. Время обсуждений прошло; система приговорена. Но как сделать их действия более эффективными? Много ли они знают о уровне развития цивилизаций, способных создать убийц-разрушителей?

Если в системе Полыни находится ключ к разгадке структуры подобных цивилизаций, — снова и снова убеждал себя Мартин, — то обязанность детей помочь Благодетелям узнать, на что эти цивилизации способны. Однако все это связано с огромным риском…

— Мне хотелось бы поговорить с Матерью Войны, — сказал он жезлу.

Через несколько минут Мать Войны появилась у люка его каюты. Мартин разрешил ей войти. Черно-белая краска на лице робота начала уже осыпаться и облетать — не мешало бы вскоре обновить боевую окраску.

Мартин коротко поведал о своих размышлениях и попросил совета.

— Любые знания могут оказаться полезными, — сказала Мать Войны. — Мы ведь можем оказаться в такой ситуации, что придется обучать и снаряжать другой Корабль Правосудия.

— Возможна и такая критическая ситуация?

— Трудно судить обо всем заранее.

Мартин криво усмехнулся. Интересно, что заставляет его вести подобные разговоры? Как Пэн, он должен был руководствоваться собственными предчувствиями — но он не доверял своим инстинктам.

Он сжал губы. Если на Марсе и Венере дела пошли плохо, если Солнечная система была вновь атакована, и Благодетели проиграли, то дети внутри корабля — единственное, что осталось от Земли…

На карту было поставлено большее, чем их

собственные жизни. Разве не вопиит его генная память о том, что нужно выжить любой ценой?

Мартин вытер со лба проступивший пот.

— Я боюсь призрака Земли.

— Хорошо, мы постараемся сконцентрировать все наши усилия на выполнении Работы, — сказал он. — Мы стараемся показать все, что мы можем.

Впервые он был доволен молчанием Матери Войны.

«Черепаха» падала вниз быстрее, чем камень. Внутри корабля дети неотрывно готовились, наблюдали и прислушивались к самым незначительным шумам с Небучадназара, Рамзеса и Герода, к гулу с Полыни, следили за передвижением крошечных точек света, что предположительно считались кораблями.

Они дрейфовали и дрейфовали вокруг Полыни.

Дети стали тише, угрюмее.

Тереза и Мартин до сих пор находили оказии заниматься любовью, но делали это без особого энтузиазма.

Рамзес, незначительно больший, чем Небучадназар, был покрыт толстым слоем вулканической дымки. Просматривалась некая внешняя аномалия — возможно, на планете сохранилась

необработанная глыба урания, которая, несмотря на столь древний возраст, по-прежнему вулканизировала и оставалась горячей и массивной. Но в целом процесс был приостановлен, а сделать это могли только разумные существа: или с Небучадназара, или с Левиафана, ближайшей звездной системы, или с Бегемота, прежде, чем он стал красным гигантом.

Час за часом Мартин изучал информацию о Небучадназаре, которую получила исследовательская команда. Хаким тоже не спал, хотя Мартин, найдя его буквально падающим с лестничного поля, уже не способного двигаться, приказал ему немедленно отдохнуть.

Вниз, вниз…

Время летело достаточно быстро, для Мартина чересчур быстро — не было возможности хорошенько обдумать все, что следовало бы обдумать, не было времени сделать выводы, которые необходимо было сделать.

Цель их путешествия, — а возможно, и главная цель их жизни приближалась слишком быстро.

Производители уже работали в первичном облаке Полыни, преобразовывая обломки горных пород в достаточное количество нейтрониумного оружия.

Но после сообщения своего расположения относительно «Черепахи», производители замолчали. По каналам связи доносился лишь гул с отдаленных звезд. «Черепаха» не могла даже обнаружить, где находятся сейчас их помощники, а время для подачи им инструкций уже прошло.

А это означало, что добьется «Черепаха» успеха или нет, производители в любом случае забросят оружие в систему. Но только такая война заняла бы годы…

Мартин покачивался в гамаке рядом с Терезой — оба не спали. Минут пятнадцать-двадцать — они просто лежали — удовлетворенные, не произнося не слова. Не было в мире таких слов. Хотелось просто вот так лежать, прижавшись друг к другу, прислушиваясь к дыханию.

— Мы выполним Работу, я уверен, — произнес, наконец, Мартин.

— Ты хочешь сказать, что мы отлично подготовлены? — уточнила Тереза.

— Да, момы хорошо натренировали нас…

— Уничтожать.

Мартин поморщился:

— Да, уничтожать, но кого? Убийц, которые сами обрекли себя на это. Как долго можно позволять им нападать? — Он еще раз поморщился,

затем погладил Терезу по руке. — Зачем они погубили Землю, когда у них был свой собственный дом, который они до сих пор не могут заполнить? Это что — была жадность?

— Может быть, это был страх? — предположила Тереза. — Они боялись, что, если не они, то мы пошлем роботов-убийц?

— Волчьи законы, — кивнул Мартин. — Альтернатива: убить или быть убитым.

— Убить и быть убитым.

— Мне не нравится, каким я становлюсь, — после некоторого раздумья произнес Мартин. — Мне не нравится, что я делаю.

— А я тебе нравлюся? — спросила Тереза.

— Конечно.

— Но я же делаю те же самые вещи.

Он пожал плечами, не в силах объяснить данное противоречие.

— Ты чувствуешь свою вину?

— Нет, — ответил Мартин — Я мечтаю превратить их мир в шлак.

— Ну и отлично.

— А ты?

— Чувствую ли я свою вину?

— Нет. Хочешь ли ты наблюдатьза этим?

Она какое-то время молчала, ее дыхание было

ровным, будто бы она уснула.

— Нет, не хочу, — ответила она наконец. — Но буду. За тех, кто уже не может этого увидеть.

Падение, падение. Невдалеке — по масштабам Вселенной — от ослепляющего горнила Полыни, в сотне километров от Небучадназара, тихие, как приведения, мелкие, как мошка, медлительные, как черепахи, Хаким и его исследовательская команда сконцентрировала все свое внимание на пяти внутренних темных массах. Мартин, в свою очередь, сконцентрировал внимание на дисциплине, добиваясь того, чтобы мысли каждого принадлежали только Работе.

Идя от одного к другому, от Венди к Потерянному Мальчику, он разговаривал с каждым, — утешал, ободрял, пока у него ни охрип голос и ни затуманились глаза. Он подумал, что именно так ободрял бы всех отец, будь он на его месте. Пространственно-временная пропасть, казалось, отступила — по крайней мере, не имела сейчас никакого значения в обманутом сознании Мартина.

Все было, как во сне, мрачно нереальном — малознакомое пространство «Черепахи» способствовали укоренению этого ощущения. Слишком часто у них менялся чувство принадлежности

— Земле, Центральному Ковчегу, «Спутнику Зари». Они никому не принадлежали, только своей Работе.

Теодор Рассвет ненавидел именно это, — подумал Мартин. Его раздражала столь свободная жизнь-иллюзия, он нуждался в некой связующей правде, мостом перекинутой между тем, кем они были на Центральном Ковчеге и кем стали сейчас. Но цели и связи были потеряны.

Теодор был бы сейчас очень несчастным. А, может быть, он изменился бы, — как изменились все они, как изменилась Ариэль, и, отметая сомнения, предоставил бы все судьбе.

Но потом Мартин подумал: Нет, Теодор все бы сделал лучшим образом, не то что я. Если бы его выбрали Пэном, он, хотя и скучал бы по своему пруду и головастикам, тем не менее, осознавая свою ответственность, сконцентрировал бы всю свою энергию и направил бы ее на достижение цели. Дети уважали бы его.

Но Земля не просила о мести. Она молила выжить.

Вниз, вниз…

Мартин шел по «Черепахе», — от одного к другому, — представляя, как его отец или мать делали бы такой обход, стараясь дать детям то, что не

способны были дать им момы.

Странно, что разговаривая со своими приятелями, в сознании Мартина всплывали, казалось бы, давно забытые картины и запахи — материнская грудь, аромат, исходящий от матери, — он походил на аромат роз в зале для гимнастики; улыбка на ее лице, когда она смотрела на него, качая колыбель, — такая всепрощающая, всепонимающая, любящая — подобной не могло появиться у момов.

Он помнил строгость отца, тем не менее, любящего его, Мартина, конечно же, не меньше матери; помнил, каким тот выглядел виноватым, когда ему приходилось наказывать сына, частенько самого напрашивающегося на шлепок. Мартин помнил, что отец после таких случаев впадал в депрессию, надолго запирался от него и от матери, которая всегда была на стороне сына и как могла успокаивала своего мальчика. Но шли годы, и шлепков становилось все меньше и меньше, к шести годам они исчезли совсем. Вспоминались дни, проведенные вместе до гибели Земли. Мартин никогда не забудет лето, когда отец вернулся из Вашингтона — они тогда исследовали реку на пароме, лес вокруг дома, много гуляли, разговаривали, и его отец, обычно мол-

чаливый и неприступный для Мартина, вечно занятый работой, на этот раз был полон энтузиазма и сам, казалось, не прочь был подурачиться.

Детство Мартина было заполнено любовью, как солнечным светом. Мартин не забыл и семейных ссор, но они являлись частью картины, как морщины на коже, как горы на земной поверхности или как волны на море… подъемы и спады эмоций.

Память помогла связать воедино прошлое и настоящее…

— Мы так и не обнаружили никакой защиты, — произнес Хаким на восемнадцатый день. Вокруг него плавали дети. Они собрались в столовой, чтобы выслушать последние новости от исследовательской команды. — Активность планеты ни уменьшается, ни увеличивается. Но боюсь, мы имеем шанс получить сюрприз: столкнуться с искусственной разновидностью электромагнитной радиации.

Мартин, скрестив ноги, висел в воздухе в глубине столовой, рядом с Терезой. Когда Хаким закончил, он поднялся в центр комнаты.

— Итак, у нас есть выбор, — сказал он. — Или мы забрасываем манипуляторы и производители на Небучадназар, затем на Рамзес и ждем, надеясь,

что они найдут достаточное количество сырья для того, чтобы выполнить свою задание. Или же мы можем превратить в бомбы все наше горючее и наибольшие из кораблей-челноков и сбросить их на одну из планет. Но только на одну, на большее нам не хватит исходных материалов.

— Давайте голосовать, — предложила Ариэль.

— Нет, мы не будем голосовать, — покачав головой, твердо произнес Мартин. — Это не тот случай.

— Но почему? — спросила Ариэль с бесстрастным, безжизненным выражением лица. На всех нас будто бы надеты маски покойников. Маски, говорящие без слов об отсутствии родного дома, об отсутствии всяческой ответственности.

— Потому что в данном случае решение должен принять Пэн, — объяснила Ариэли Стефания.

Мартин предполагал, что Ариэль в гневе покинет зал, но она не сделала этого. Она лишь расслабила руки, опустила веки и тяжело вздохнула. Затем она вновь открыла глаза и внимательно стала наблюдать за Мартином.

— Здесь присутствует еще несколько важных моментов, — продолжил Мартин. — Если подождать достаточно долго, мы сможем понять, попали ли мы в Герод или нет. И еще, если за-

щиты действительно никакой нет, мы сможем, прежде чем разрушить Небучадназар, извлечь из его атмосферы газообразные вещества — до взрыва это сделать намного легче и быстрее, чем после…

— Подобно вампирам грабить атмосферу… — Эндрю Ягуар поморщился.

— Мы же все равно собираемся все взорвать, превратить все в пыль, — напомнила ему Мэй-Ли, ее тихий голосок напоминал птичье чириканье.

— Хаким, насколько близко мы должны подойти для разведки?

— Не думаю, что мы что-то выграем, если подойдем ближе, чем на несколько тысяч километров. Если будет нужно, мы можем воспользоваться дистанционной связью и создать обширную сеть базисных передающих линий. Это поможет нам собрать такое же количество информации, как если бы мы летали прямо над поверхностью… С помощью сенсоров, имеющихся у нас в наличии, мы можем послать импульсы любой частоты и дальности.

— Производители и манипуляторы должны сбрасываться с расстояния, непревыщающего сотню километров от «Черепахи», — вступила в разговор Стефания. — Хотя запас горючего бом-

бардировщика позволяет ему выйти на любую орбиту, никто из нас не может прожить в бомбардировщике больше сорока дней и… не сойти с ума. Мы могли бы вызвать сон, но я не думаю, что это будет оптимальным решением.

Итак, исходные данные детям ясны. Также было ясно, что никто из них не стремится к риску. Проработав с момерафом весь предыдущий день, Мартин нашел несколько приемлимых вариантов действий, примерно равных по пользе и риску. Сначала Тереза проверила его расчеты, затем Стефания. Мартин предполагал, что и Хаким ознакомился с ними.

— Мы пошлем сигналы на дальнее расстояние, — сказал Мартин, — и расширим базовую сеть передачи информации. Это влечет за собой наименьший риск. За несколько дней мы сможем собрать все необходимые нам сведения. Мы отправим бомбардировщики к Небучадназару, чтобы они разбросали в его атмосферу производителей и манипуляторов, а затем, как можно быстрее, сделаем тоже самое у Рамзеса. Если к этому времени мы по-прежнему не обнаружим никаких признаков активности Герода, то встретимся в назначенном месте с момами и, оценив оставшиеся ресурсы, наметим дальнейшие дей-

ствия. Думаю, оптимальнее всего встретится с «Зайцем» через два года, а с момами — где-то через год, чтобы ознакомиться с собранной ими информацией.

Раздался всеобщий тяжелый вздох. Поработав с момерафом, дети и сами уже все поняли, но сейчас, услышав слова Мартина, они потеряли последнюю надежду, что все может закончиться очень быстро. Да, они знали, что он выберет наиболее консервативный и безопасный путь, но время, время…

Итак, больше трех лет. Не спать и бдить. Да и потом… У них наверняка, не останется достаточного запаса горючего для того, чтобы значительно ускориться, и для того, чтобы достигнуть Левиафана, потребуются века…

В крайнем случае, при таких обстоятельствах они могли бы спать. Но в таком продолжительном сне таилась опасность — корабль мог состариться.

Высказав вслух мысли, которые он сам себе еще не очень-то уяснил, Мартин почувствовал, что после этого план действий стал более реальным, но одновременно, он как бы пересек черту реальности. Они такие юные и вдруг говорят такие вещи…

Мэй-Ли захихикала, будто бы он высказал что-то нелепое. Но ее смешок повис в воздухе, никем не подхваченный.

— Бомбардировщики оптимальнее всего запустить через шесть дней, — сказал Хаким.

Небучадназар легко было увидеть невооруженным простым глазом — бриллиант среди менее ярких звезд. День ото дня он становился все ярче. Мартин приказал звездной сфере в столовой расширить обзор. Поев, дети обычно собирались группами и наблюдали, как росла в размерах их цель.

Дистанционная связь, сплев ткань фотонно-перехватывающих полей, расширила их представление о коричневатом мире, как если бы они имели глаз, диаметром в десятки километров.

В атмосфере не заменили никаких насекомых, на поверхности также не было никакой жизни, в верхних пластах почвы органическая химическая активность отсутствовала.

Почти неуловимые движения Небучадназара походили на слабое неритмичное сердцебиение. Сердце Небучадназара, так же, как и Рамзеса, билось не на поверхности, а где-то в глубине планеты.

Пока другие дети спали, Мартин просмотрел

все выкладки Хакима.

Пять внутренних масс по-прежнему оставались загадочными. При их расположении относительно эклиптики, они не могли измерить объекты, но Хаким, с известной долей вероятности, предполагал, что одна из темных масс имеет диаметр около трех тысяч километров, весит не менее четырнадцати миллиардов триллионов килограммов и обладает плотностью воды. Темные массы могли быть многочисленными скоплениями нейтрино с огромными пространствами между собой, помещенными в какую-то оболочку… Или они могли быть резервуарами, наполненными водой… Навязчивая, но маловероятная гипотеза.

— У меня нет идей по поводу того, что они из себя представляют. — покачав головой, сказал Хаким с суровым измученным выражением лица. — Они меня очень тревожат.

Мартин вновь углубился в схемы и диаграммы, пытаясь призвать на помощь суперинтуицию.

— У Матери Войны тоже нет предположений? — поинтересовался он.

— Думаю, данные объекты вне компетенции момов, — ответил Хаким и замолк, однако было понятно, что он не договорил. Или они просто не говорят нам.

Но это было бы абсурдом.

— Нам следут воспользоваться дистанционной связью, — голос Мартина слегка дрожал.

— До сих пор нет никаких сигналов защиты, никакой реакции на наше присутствие, никакой подготовки к обороне, — заметил Хаким.

— Или мы их просто не обнаружили, — уточняя, добавил Мартин.

— Я бы увеличил время дистанционной связи, чтобы увеличить вероятность обнаружения каких-либо следов…

Подумав немного, Мартин кивнул:

— Хорошо, увеличим еще на двенадцать часов. Но позволь кому-нибудь другому вести наблюдение. А ты поспи.

— Нет, не могу, — покачал головой Хаким — Эго моя обязанность. Я наблюдаю, я произвожу расчеты, я информирую тебя… Нет, сейчас я не могу спать. — Он уставился на Мартина глазами из запавших орбит. Его волосы торчали во все стороны, лицо блестело от пота, от него слегка попахивало чем-то кисловатым.

— Я приказываю тебе поспать часов пять и помыться, — Мартин прикоснулся к шее Хакима. — Если ты доведешь себя то точки, то неизбежно начнешь делать ошибки. А нам ошиб-

ки ни к чему.

— Мне хватит и двух часов сна, — упрямо возразил Хаким. Затем он улыбнулся своей ангельской улыбкой, — Не беспокойся, душ я приму.

— Ну и отлично. Пусть Дженнифер сменит тебя.

— Мне потому нет покоя, что мы не знаем…

Когда сигнал дистанционной связи возвратился, Мартин решил посоветоваться с Стефанией и Гарпалом. Тереза и Джордж Кролик парили неподалеку, всем своим видом изображая, что им нет дела до встречи Пэна со своими предшественниками.

— Стефания, — обратился Мартин к девушке, — через двенадцать часов мы должны быть готовыми к отправке бомбардировщиков. Как ты думаешь, что я выпустил из виду?

— Мне кажется, ничего.

— Гарпал?

— Ничего. Мы сделали все, что могли… что знали, как сделать… Но…

— Все уж чересчур хорошо, — сказала Стефания, — ни защиты, ни какой-либо реакции — спокойная, почти мертвая планета. Ничего такого, чего мы ожидали увидеть, чему учились противостоять и…

— Правда, нет газообразных веществ. — заметил Гарпал, — а это делает дьявольски сложной задачу заправиться.

— Если здесь что-то и есть, так это только старая усталая цивилизация, спящая в могиле, устроенной по всем правилам высокого тезнического уровня, — заявила Стефания. — Не много чести в том, чтобы убить старого чудака, который, к тому же, не обращает на вас никакого внимания.

— У Полыни нет аналогов? — спросил Гарпал.

— Нет. Даже Мать Войны не может отыскать в архивах ничего подобного.

— Наверное, это ловушка. Кто-то специально создал эту мертвую систему, в которую мы будем втянуты и потеряем время, энергию и запасы горючего. Это летающий камуфляж, приманивающий отвратительными доказательствами прошлых грехов.

Мартин прикоснулся пальцем к носу и пожал плечами:

— Мать Войны считает, что доказательства достаточно убедительны, — он взглянул на Терезу, которая, казалось, дремала, взгляд полуприкрытых глаз остановился где-то на стене, выше головы Мартина.

— А что, если это действительно ловушка? И мы

потеряем все ради ничего? — вмешался Джордж Кролик.

Мартин не ответил.

— Мы уже приняли решение, — спокойно сказала Стефания. — У нас нет доказательств, что это ловушка. У нас вообще ни в чем нет уверенности.

— А пять масс?

— Разве это добавляет уверенности? — усмехнулся Гарпал.

Мартин накрыл рукой коричневатое изображение Небучадназара, так похожее на грязный резиновый мяч. Исследовательская команда проводила совещание в столовой, и носовое помещение временно пустовало. Мартин воспользовался возможностью увидеть цель одному.

Мы же все равно уничтожим вас. Почему вы не реагируете? Почему столь молчаливы?

— Я не думаю, что это ловушка, — Мартин не заметил, как Вильям оказался рядом. — Скорее всего, они оставили Полынь, как жертву. Я думаю, это был их дом, но он стар сейчас, так же, как и они. Может быть, они — строители и проектировщики — остались ждать разрушения, остались ждать возмездия.

Мартин, нахмурившись, посмотрел на Вилья-

ма через плечо. Вильям в ответ на его мрачный взгляд улыбнулся очаровательной улыбкой и приветственно поднял руку, как если бы они летали по разные стороны прозрачного носа корабля.

— Если мы высадимся на планету и хорошенько исследуем ее… исследуем пещеры, туннели — все, что там есть, мы непременно найдем виновников, дожидающихся Правосудия.

— Бог с тобой, Вильям, — воскликнул Мартин, отворачиваясь.

— Что за чудные мысли, да?

— Ты это сказал, а не я.

— Те, кто изготовил разрушителей, сами выдают себя и свой мир… Но нам этого мало. Мы хотим, чтобы от них не осталось и следа, не так ли? Получить только создателей, по сути лидеров, нам ведь недостаточно?

Мартин продолжал молчать, все больше и больше злясь. Эта фантастические домыслы были не только бесполезными, они были продуманно вредными, задевающие их моральные устои.

— Надеюсь, ты больше никому не высказавал своих догадок?

— Я держал свои глупые мысли про себя… Ты — исключение.

— Ну и отлично, — возможно, более резко, чем это было необходимо, произнес Мартин.

— Не будь слишком безжалостным, Мартин, — продолжал Вильям. — Ты сомневаешься, что создатели убийц вообще могут испытывать чувство вины, да? А ты разве не допускаешь, что они могут измениться после того, как выпустили роботов-разрушителей? А возможен и такой вариант: какое-то правительство тиранов построило и выпустило машины-разрушители, а затем оно было свергнуто, и на их место пришло другое. И вот это новое правительство пришло к выводу, что лучше всего для них будет оставить решение за нами, и, в крайнем случае, даже позволить нам разрушить их родной дом. Это было бы отлично, не правда ли?

— Отлично — не то слово, — ответил Мартин. Его гнев спадал. Вильям часто играл в подобные игры: что-то среднее между защитой дьявола и забавами необуздаемого чертенка.

— Я не лукавлю, Мартин. Мне кажется, что именно так оно и есть. Если это ловушка, то мы уже слишком близко к ней подошли… Да и потом, что это за вид ловушки, которая сработает только один раз? Ведь теоретически возможны дюжины, даже сотни Кораблей Правосудия. Мы зашли

слишком далеко, чтобы это было ловушкой. Мы достанем их, Мартин.

В ответ Мартин просто кивнул.

— Ты, должно быть, чувствуешь себя очень странно сейчас, — мягко заметил Вильям. — Это уже так близко.

— Мы здесь. Именно этого мы так долго ждали и так долго тренировались тоже для этого, — сказал Мартин.

— Когда мы тренировались, мы никогда не представляли себе легкого задания. Так кто же они? Подсадные утки? Или виновники, обнажившие свою грудь? Что же нам делать? Прыгать на высокую стену, в надежде схватить уздечку? Или годами выжидать? Но ведь так можно сойти с ума.

— Мы сделаем это. Ты-то что чувствуешь?

— Оцепенение, — ответил Вильям. — Вместе с Фредом Соколом я должен отправиться на бомбардировщике и сбрасывать манипуляторы и производители.

— Я очень бы хотел быть вместе с вами.

Вильям кивнул:

— Да, мы находимся в привилегированном положении. Именно мы спускаем курок, мстя за Землю.

Какое-то время они молчали, разговор замкнулся, не придя ни к какому заключению.

— Я понимаю, что все это не очень здорово, Вильям, — сказал после продолжительной паузы Мартин. — Но ведь никто и не предполагал, что наш ждет что-то замечательное. Разве ты ждал чего-то другого?

Вильям ласково потрепал Мартина за шею.

— И все-таки, это должно было проходить не так. Это должна была быть шумная акция — опасная, но возбуждающая.

— Ты чувствуешь себя очень одиноким, да?

Вильям закрыл глаза.

— Я чувствую себя, как Роза Секвойа, — сказал он. — Интересно, как они там, на «Зайце»? Ведь им приходится делать даже меньше работы, чем нам. Войско второй линии.

— Ты одинок?

— Нет, Мартин. Правда, нет. Да, меня бросил любовник. Но ведь это так тривиально. К тому же, ты очень своевременно включил в команду «Черепахи» пару моих соотечественников. Они менее сдержанны, чем я . Уже есть предложения.

— Но не любовь, — заметил Мартин.

Вильям вновь закрыл глаза и кивнул.

— Да, большого чувства не предвидится. А как

у тебя с Терезой?

— Мы до сих пор любим друг друга, — пристально наблюдая за лицом друга, произнес Мартин.

— Должно быть, это такой комфорт.

— Я никогда не переставал любить тебя, Вильям.

— Я не нуждаюсь в комфортных траханьях, — запальчиво воскликнул Вильям.

— Я не это имел в виду. Ты часть меня.

— Не очень-то значительная часть, — подчеркнул Вильям, искоса поглядывая на Мартина. На его губах промелькнула грустная улыбка.

— Очень значительная, — возразил Мартин. — Заниматься с тобой любовью — это прекрасно. Это был особый вид братства: только дающий и ничего не требующий взамен.

— Это можно сравнить с конвульсиями дистационной связи, — предложил свой вариант Вильям. Мартину был очень хорошо знаком этот тон, но он также знал, что это ровным счетом ничего не значило.

— Совсем не похоже.

— Мужчины лучше, чем женщины, знают, что хочет мужчина. Вот величайшее оправдание гомосексуальных связей.

— Вильям, остановись.

— Хорошо, — согласился Вильям, вновь становясь подавленным

— Когда я начинаю о чем-нибудь думать, сразу же перед моими глазами возникаешь ты. Я каждый раз представляю, как бы ты поступил в той или иной ситуации. Я постоянно мысленно разговариваю с тобой, как разговариваю и с Терезой. Вы мне как брат и сестра, нет даже более дороги.

Он действительно не лгал, но это не было и правдой. В последнее время он не так уж и часто вспоминал Вильяма. Но Мартин не хотел, чтобы Вильям узнал об этом. Он даже самому себе не мог в этом признаться. Ему хотелось смягчить травму, нанесенную Вильяму — тем более, что он, Мартин, до сих пор испытывал к другу огромную привязанность. Что это было? Какой вид любви?

— Ты говоришь, что думаешь обо мне, но живешь-то ты с Терезой.

Оба молча уставились на Небучадназар — планету, реального имени которой они не знали. Если у нее вообще было имя.

— Может быть, и они любили? — тихо сказал Вильям.

— Да будь они прокляты с их любовью! — воскликнул Мартин. Они уничтожили птиц в небе и рыб в море. Они украли наше детство. Они

убили мою собаку. — Наконец-то у нас появилась возможность полностью освободиться и зажить собственной жизнью. Мы превратимся в тени, если придется заниматься этим вечность.

— Аминь, — произнес Вильям. — Скажи, ты хочешь увидеть Терезу в том платье?

— Да, очень.

— И мне тоже бы хотелось. Я и сам не прочь одеть что-нибудь особенное.

— Думаю, мы все наденем.

— Но первая…

Мартин заметил, что губы Вильяма раскрываются, но он не произносит ни слова — как в немом кино. Что это? Уход от опасной темы? Снисходительность?

А может быть, уход от опасной темы и был снисходительностью?

Нет места ни вздохам, ни утешениям, ни упрекам, ни словам прощения. Лес полон волков.

И ни доброта Бога, ни Правосудие не поможет им. Могла бы помочь природа, но природа стремится к балансу.

Лес также был полон и охотников.

Пилоты бомбардировщиков встретились на складе оружия. Там уже их поджидали Мартин и Мать Войны. Между ними висело изображение

окрестностей Небучадназара, которое медленно, но необратимо менялось: лунный серп рос на глазах, до полной луны оставалось не более пары часов.

Тереза и Вильям плавали рядом со своими кораблями. По выражению их лиц трудно было понять, о чем они думают в данный момент. Вскоре к Вильяму присоединился Фред Сокол. Стефания в одиночестве стояла около своего корабля, Юэ Желтая Река — рядом со своим. Здесь же были и остальные пилоты семи готовящихся к вылету бомбардировщиков: Нгуен Горная Лилия, Джимми Шоколадка, Майкл Виноградник, Ху Восточный Ветер, Лео Персидский Залив и Нэнси Летящая Ворона.

Мартин старался скрыть свои чувства — скрыть, что больше всего на свете ему сейчас хотелось бежать и просить снисхождения у какой-нибудь сверхестественной силы, которая способна была проконтролировать события. В своем дневнике Мартин записал:

В это утро мы, как всегда, занимались любовью, потом завтракали. Мы поклялись друг другу, что обязательно поженимся, когда вернемся. « И у нас обязательно будут дети», — сказала она. Я не возражал. Когда мы выйдем из-под власти

момов, мы станем дееспособными. Мы будем делать детей, любить друг друга, жить без оглядки, — иногда спорить, чувствовать то радость, то отчаяние. Но прежнее никогда не вернется к нам. Мы выполним нашу Работу, и все — мы свободны, мы никому ничего не будем должны. Ну, пожалуйста, Господи, сделай так…

Дети собрались в значительно меньшем, чем это было на «Спутнике Зари». помещении склада оружия. Тусклые, почти невидимые, поля не затемняли шеренгу Венди и Потерянных Мальчиков. Мартин почувствовал, что он должен сказать детям напутственные слова.

Ему перехватило горло, и какой-то момент он не мог выговорить ни слова. Сделай это. Мартин мучительно прочистил глотку, сглотнул слюну и произнес хриплым голосом:

— Вы самые прекрасные люди, каких только я знал. Вы все — добровольцы и мои друзья. Все пять лет мы знали, что нам предстоит сделать, какова причина, по которой мы посланы сюда. Мы всегда старались делать все, как можно лучше, и момы знают это.

Он повернулся к Матери Войны. Не было ни репетиций, ни предварительных дискуссий между ними, какова должна быть эта церемония, и

Мартин подумал, — Черт тебя побери, если ты не введешь меня сейчас в курс событий, не скажешь что-нибудь.

Мать Войны не обманула его ожиданий.

— Вы действительно выполняли все, как нельзя лучше, — сказала она. — Чувствуя огромную ответственность, вы усердно тренировались. Это не соревнования, но симпатии момов на вашей стороне.

Они нам симпатизируют? Они способны на чувства?

— Корабль Правосудия с удовольствием работал с вами, — продолжала Мать Войны. — Но вы больше не дети. С сегодняшнего дня вы равноправные партнеры в деле Правосудия.

— Отлично, — откликнулась Ариэль.

— Мы проголосовали и приняли решение и теперь мы должны действовать, — сказал Мартин. Он поднял кулак, ясно осознавая всю символичность этого жеста. Внезапно его охватила яростная страсть, и он поднимал кулак все выше и выше, — Во имя Земли, во имя нас, во имя нашей памяти, во имя нашего будущего.

Его глаза стали влажными. Казалось, не плакала только Тереза — все остальные, чьи глаза встретились с глазами Мартина, не смогли сдер-

жать слез. Ариэль вытирала слезы рукавом, ее одервеневшая фигурка и лицо, на котором застыло выражении муки и страдания, казалось, говорило: Господи, прокляни все это. Я ведь тоже человек.

Дети, не сговариваясь, потянулись к складу оружия. Мартин вошел туда последним, вслед за Матерью войны. Его глаза задержались на Терезе не более трех секунд, но в это мгновение спресовалась целая жизнь. Они одновременно отвели взгляд друг от друга — люк закрылся. Теперь только по изображению жезлов оставшиеся могли увидеть, как пилоты входят в бомбардировщики.

Открылись внешние люки корабля, и светящиеся поля вытолкнули бомбардировщики из «Черепахи».

Дети устремились в столовую, к полусфере, чтобы пронаблюдать, как корабли покидают «Черепаху». Мартин, выбитый из колеи, направился в носовую часть. Из исследовательской команды здесь были только Хаким и Дженнифер.

Хаким слабо улыбнулся Мартину. Дженнифер кругами летала вокруг звездной сферы, показывающей сейчас бомбардировщики, которые шли уже в сотнях метрах от хвоста «Черепахи».

— Все дети в столовой? — спросил Хаким, возможно, для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Мартин кивнул

— Я не могу там находиться, — тихо произнес он, — я чувствую себя дерьмом. Я не могу быть в толпе.

Хаким положил руку на плечо Мартина.

— Как вы думаете, все пройдет хорошо? — спросил Мартин.

— Не знаю. Я не телепат, — отозвалась крутившаяся сейчас в самом носу Дженнифер.

— Все пройдет хорошо, — спокойно сказал Хаким.

— Ты телепат? — простодушно спросила Дженнифер, как если бы он действительно мог им быть.

— Нет, — ответил он.

Дженнифер, нахмурившись, сосредоточила свой взгляд на звездной сфере.

— Вот Роза, может быть, действительно что-то знала бы, — неожиданно произнесла она.

Мартин постарался устроиться комфортно, насколько это было позволительно в носу: развернул гамак, прикрепил его к стенке и затем погрузлился в него. Но в это время Эндрю Ягуар просунул голову в люк, увидел Мартина и

сказал:

— А мы заждались.

— Я останусь здесь, — сказал Мартин.

— Я имел в виду, что мы заждались приказов.

— В течение часа их не будет. Мы практически стоим на месте, «Черепаха» — на автопилоте. Бомбардировщики выполнят свою работу, мы соберем их вместе и, отойдя в сторону, понаблюдаем. Вам же все это известно.

— Известно, — согласился Эндрю. — И все-таки мы ждем. Нам необходимо быть всем вместе, Мартин.

Дженнифер засопела носом. Мартин закрыл глаза и с огромным усилием оторвался от гамака. Больше всего ему хотелось побыть сейчас одному или в компании людей, которых он сам бы выбрал.

В обстановке столовой не было ничего необычного, выдающего неординарность ситуации. Четыре пары занимались любовью с театральным шумом. Мартин обошел их и направился к оставленному для него месту, прямо под звездной сферой. К нему устремились десятки глаз — продемонстрировать сейчас слабость означало вонзить каждому из смотрящих на него нож под ребро. Вновь Мартину приходилось жертвовать

личным во имя общественного…

Но почему? Вечное это «почему».

Хаким и Дженнифер появились вслед за ним. Гарпал Опережающий Время пододвинулся к Мартину поближе. Он остался единственным экс-Пэном на борту «Черепахи». Стефания руководила бомбардировщиками.

«Черепаха» задействовала все прежде пассивные сенсоры. Звездная сфера, разбившись на окна, показывала одновременно все бомбардировщики и окружающие их окрестности.

— До сих пор нет защиты, — покачал головой пораженный Хаким.

— Может быть, они боятся нас, — предположила Дженнифер.

Мартин окинул взглядом столовую, внезапно почувствовав острую неприязнь к своим компаньонам. Он постарался избавиться от подобного чувства, пытаясь погрузиться в какие-нибудь нейтральные эмоции.

Мать Войны, словно монумент, летела вдоль стены. Интересно, когда все закончится, сможем ли мы взять мома с собой и поместить его на пъедестал в центре города?

Фон исчез, теперь на экране начали появляться бомбардировщики вблизи — один за другим.

Мартин узнал корабль Терезы. Он всеми силами старался сохранить спокойствие, но его ладони моментально стали влажными, сжало грудь. Нет защиты.

— Это жестоко, — пробормотал Эндрю. — Мы тоже должны что-то делать!

Мартин промолчал. Что они могли сделать? Лучшее, что они могли — это держаться всем вместе, быть бдительными, правильно оценивать то, что происходит.

Бомбардировщиков от Небучадназара отделяло сейчас не более четырех тысяч километров. Планета до сих пор не изменила своих внешних признаков — коричневая пыль с серыми заплатами, зеленые полосы минералов и черные пятна резервуаров. Атмосфера чистая и спокойная.

— Хаким, — тихонько окликнул Мартин приятеля. — Есть ли сообщения о сейсмических волнениях?

— Ничего нового. Те же ритмы низкого уровня.

— Спроектируй их для нас, хорошо?

Любое проявление активности кристаллов и их окружения проектировались на дисплей, находящийся рядом со звездной сферой.

— Может, это стоит первести во что-то более понятное нам? — предложим Мартин.

— Для этого я должен увеличить частоту поступаемых сигналов, повторяя их, как эхо.

— Ну и прекрасно, сделай это.

Обработанная таким образом информация о Небучадназаре становилась похожей на сердцебиение. Гудение и постукивание было искусственно созданным, но все же несло информацию, уши снабжались более естественной и понятной интерпретацией, чем глаза. Мартин быстро выделил реальный ритм звука — серию ударов то с возрастающей, то с падающей частотой.

— Корабль, находящийся между Небучадназаром и Рамзесом, произвел толчки, как при выстреле, — сообщила Дженнифер.

Хмурый от сосредоточения Хаким, проектировавший в это время картину, постоянно сверяя изображение и интерпретацию, кивнул и, приподняв брови, посмотрел на Мартина.

Очень незначительная реакция.

— Кокон освобождается через десять минут, — предупредил Гарпал, произнеся вслух то, что все они уже знали, наблюдая за жезлами.

В комнате воцарилась тишина. Три из четырех пар прекратили заниматься любовью. Четвертая, до сих пор активная, тоже начала стихать.

Мартин почувствовал слабость.

Сердцебиение Небучадназара изменилось. Хаким прогнал несколько сигналов через усилители и интрепретаторы и сказал:

— Активность на глубине поверхности, кажется, уменьшается.

— Уменьшается? — удивленно переспросил Мартин.

Атмосфера Небучадназара, видимая в звездной сфере, тускло мерцала. Сквозь корпус «Черепахи» послышались какие-то напевные звуки — что-то среднее между тоном колокольчика и причитанием от боли при попадании по пальцу молотком.

Все тело Мартина напряглось, он протер глаза рукой. Никто не двигался. Мать Войны тоже замерла. Прошли секунды.

— Матерь божья, — пробормотал Гарпал Опережающий Время.

— Спокойно, — сказал Мартин.

Четвертая пара, разъединившись, схватились за свои комбинзоны. Неприлично умирать обнаженными и в соитии.

Прошли минуты, которые показались вечностью. Две минуты раскрытия коконов и рассыпание мин.

Атмосфера вокруг детей вновь завибрировала.

Прежние звуки внезапно сменились прерывистым глуховатым стуком, а дребезжание колокольчика уже било в уши.

— Планетная кора приподнялась, затем снова опустилась на несколько сантиметров, — констатировал Хаким.

— Вся кора? — недоверчиво переспросил Эндрю.

— Вся, которую мы только можем обозревать, — подтвердил Хаким. — Полагаю, что вся…

Казалось, поверхность планеты содрогнулась, от полюсов к экватору мгновенно протянулись какие-то белые линии, разграничивая скалистую поверхность на полигоны, которые при этом на короткое время окрашивались в красный цвет.

Лицо Хакима побледнело.

— Я не знаю, что это было… Но мины освобождены.

— Все одиннадцать кораблей, находящиеся во внешней звездной системе, развернулись в направлении к источнику толчка, — сообщила Дженнифер.

Мартин обвел взглядом столовую, стараясь восстановить дыхание.

— Что-то начинается, — пробормотал он.

На звездной сфере отображался процесс выбро-

са кокона мин с бомбардировщика. Кокон, падая, взрывался, и в клубах дыма тысячи мин с бешеной скоростью разлетались в разные стороны. Спустя минуту атмосфера ярко озарилась, и в ней появились кружащиеся яркие вспышки — как при фейерверке — ослепляющие, слишком многочисленные, чтобы их можно было сосчитать.

Трудно было предположить, что случилось.

Некоторые бомбардировщики, казалось, горели — их окружал светящийся ореол.

— Отчетливые следы реакции создания антиматерии, — сказал Хаким. — Гамма-излучение сверх нормы, расщепление нуклонов — об этом говорит наличие альфа частиц и большого количества ионов. Возможно, вся планета сделана из антиматерии…

— Нет, это не так, — вмешалась Мать Войны. Все головы повернулись в сторону разрисованного робота. — Сенсоры не подтверждают такую интерпретацию.

— Как бы то ни было, произошла реакция образования антиматерии, — сказал Хаким. Его голос дрожал. — Мины сдетонировали преждевременно…

— Достигла ли хоть одна из мин поверхности?

— Нет, — ответил Хаким.

— Все ли бомбардировщики возвращаются?

Звездная сфера показывала, что корабли действительно возвращаются — четверо из них были окружены мерцающим ореолом, за ними тянулся след, как если бы они набирали высоту.

— Четверо наших кораблей оставляют за собой отчетливые следы антиматерии, — сообщид Хаким.

— Но это абсурд, — сказал Мартин. — Может быть, это просто слой антиматерии в атмосфере?

— Нет, такое невозможно, — возразил ему Хаким и, ища поддержки, взглянул на Мать Войны. Та молча ему кивнула.

«Черепаха» прошла мимо Небучадназара и нырнула ниже линии эклиптики. Бомбардировщики один за другим выбросили свой груз, яркими вспышками разукрашивая окрестности на тысячу километров.

На Небучадназаре просматривались едва различимые свежие пятна турбулентных завихрений.

Планета выглядела подобно огромному пятну, поглощающему упавшую в него краску иного цвета.

— Их атаковали до того, да? — спросил Гарпал Опережающий Время.

Мартин покачал головой:

— Не знаю.

— Да, да, это так. Нам же говорили об этом на тренировках. Без сомнения, Небучадназар был атакован прежде — это же почти очевидно.

Три бомбардировщика не оставляли за собой никаких следов; их трудно было различить на общем фоне. Четверо же кораблей, хотя они и находились неподалеку от тех трех, казались легко обозреваемыми для любого наблюдателя с планеты, они приближались к «Черепахе» в ярком ореоле света.

Бомбардировщики начали ускоряться, чтобы быть подхваченными «Черепахой». Никто не преследовал их, никто не атаковал. Хотя защита кораблей около «Черепахи» была формальной, практически невозможной.

— Когда мы заберем бомбардировщики? — спросил Мартин.

— Через двадцать минут, — ответил Хаким. — Они ускоряются и тормозят по боевому графику — у них почти не останется горючего. Но, вероятно, об этом не стоит беспокоиться. — Но в его словах не было убежденности. Произошли незапланированные вещи; не все мины достигли поверхности Небучадназара.

Мартин покачал головой:

— Кажется, мы сами во что-то вляпались, — тихо произнес он.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил Хаким, но ответа не получил.

Все молча ждали, лишь изредка слышался тихий шепот. Гарпал приблизился к звездной сфере — понаблюдать за планетой.

— Мы ведь не потерпели неудачу, не так ли? Сброшенные семена сейчас начнут выполнять свою работу, — произнес он неуверенно.

— Это займет годы, — резко ответил Мартин. Он повернулся к Матери Войны. — Мы не можем получить газообразных веществ с Небучадназара. Поэтому мы должны отправиться к Рамзесу и попробовать там еще раз. Вы поняли, что произошло?

— Здесь какая-то ловушка, — сказал мом.

— Ясно, что не куча дерьма, — не сдержавшись, откликнулся Мартин.

— Бомбардировщики возвращаются. Но что-то тут не так, — произнес Хаким.

Мартин мог рассмотреть в сфере только крошечные точки белого цвета.

— Что это за разряды? — спросил Мартин у Матери Войны.

— Что-то странное, — ответила она. — Эффект появления интенсивных гамма лучей говорит о возможной реакции создания антиматерии.

— Нам следует держать бомбардировщики вне корабля? — спросил Хаким.

На лице Мартина появилась маска напряженной сосредоточенности: брови нахмурены, губы сжаты, ноздри раздуваются от жесткого дыхания.

— Это не имеет смысла, — бросил он резко.

Все бомбардировщики, подошли к «Черепахе» и встали в позицию для воссоединения, подавая сигналы по «ноучу». Внешне все они были абсолютно целы, все вооружение рассеяно. Первым приготовился к воссоединению бомбардировщик Вильяма и Фреда.

Голос Вильяма пришел по «ноучу»:

— Мины выброшены. Вокруг меня какие-то частицы. Думаю, я подхватил что-то в верхних слоях атмосферы. «Черепаха», почему мои мины взорвались раньше времени?

Мартин предположил:

— Может быть, потому, что они были дефектными?

Хаким покачал головой:

— Не думаю, что это возможно.

— Мы никогда прежде не участвовали в боях. Скажите, могло ли что-нибудь на планете дезактивировать мины? — обратился Мартин к Матери Войны.

— Наше заключение — это невозможно. К тому же, простая дезактивация не могла бы стать причиной взрыва. Теоретически атмосфера, конечно, может содержать выжидающую систему поиска, предназначенную для атаки входящего оружия. Но мы не обнаружили ничего подобного. А существование защитных облаков антиматерии кажется нам невозможным.

— Вооружение может быть замаскировано и спрятано, подобно нашему кораблю, — сказал Хаким.

— Это возможно, — кивнула Мать Войны.

— Защита была, теперь это уже очевидно, что была, — сказал Гарпал. — И, вполне вероятно, что каким-то образом она коснулась наших бомбардировщиков, не исключено, что они несут что-то с собой.

— Проведите тщательную проверку бомбардировщиков, — приказал Мартин.

Хаким проверил все еще раз.

— Вокруг них нет никаких атмосферных наслоений. Есть на «Черепахе» — очень слабое облако

рассеянных ионов и молекул… Это все, что я обнаружил. Не знаю, о каких частицах говорил Вильям. Так или иначе, бомбардировщики выглядят чистыми.

Мартин разжал, наконец, зубы, расслабил мышцы лица, медленно закрыл и открыл глаза. Почувствовав, как напряжены у него мышцы груди, он глубоко выдохнул.

— Впускайте их по одному, — отдал он приказ. — Фред и Вильям пусть войдут первыми. Но держите их пока в изолирующем поле.

— Мартин, я плохо себя чувствую, — по «ноучу» сообщил Фред. — Моя кожа изменила цвет, я теряю зрение. Вильям тоже болен.

Что-то было не так. Не разрешай их впускать.

Хаким и Дженнифер летали поблизости.

Мартин посоветовался с Матерью войны и повторил:

— Впустите Фреда и Вильяма. Но изолируйте, как я сказал.

Бомбардировщики расположились у переднего дома-шара, ожидая дальнейших инструкций. Корабль Вильяма и Фреда был первым на линии.

Хаким расспрашивал пилотов других бомбардировщиков:

— Стефания, Тереза, какие реакции? Какие

проблемы?

Их бомбардировщики также искрились, словно был окружены фейерверком. Мартин подумал: Не искрятся корабли, мины которых не взорвались в атмосфере.

Ответила Стефания Перо Крыла:

— Я чувствую себя немного больной… Вероятно, мы подхватили радиацию. Поля не должны были бы ее впустить, но ведь взрыв от наших мин был такой силы…

— Тереза, а как ты?

— Все хорошо. У меня немного кружится голова, но я не больна.

Первый бомбардировщик вошел в люк. Раздалось характерное при торможении гудение, засверкали пузырьки изолиционных полей вокруг бомбардировщика.

Хаким переключил звездную сферу на обзор склада оружия. Мартин прищурил глаза.

Мать Войны произнесла:

— Существует опасность…

Время истекло.

Шум торможения затих. Звездная сфера наполнилась светом и начала мигать, ослепляя окружающих. Хаким громко выругался на арабском языке.

Внезапно мощное содрогание корабля отбросило всю команду на стены. Вокруг них моментально выросли поля, оберегающие их от дальнейших повреждений, но уже послышались стоны и появились пятна крови.

— Антиматерия. — подсказал Мартину внутренний голос, но было уже поздно. Бомбардировщики и мины превратились в антиматерию.

Звездная сфера на минуту замерцала вновь, показывая крушение на складе оружия. Взрывная волна прокатывалась от всего, чего бы ни коснулся бомбардировщик, — со свистом и шипением лепели осколки, амбиплазма заполнила все помещение склада. Сфера погасла.

Жезл Мартина затороторил указания и предостережения, слишком многочисленные, чтобы выполнить их сразу. Корабль и сам все сделает без нас.

— Склад оружия, вся полусфера исчезли, — прокричала Тереза. — Что случилось?

С других бомбардировщиков также раздавались взволнованные голоса, но трудно было что-либо разобрать.

Стефания была последней, кого услышали:

— «Черепаха», слышен какой-то треск…

«Черепаха» закрутилась, как юла, с бешенной

скоростью выходя из-под всяческого контроля. Сообщения с бомбардировщиков прекратились.

Грохот внутри корабля возрастал, стал просто невыносимым. Мартин закрыл глаза и стал ждать смерти.

Защитные поля вокруг них внезапно исчезли, и они сразу же были отброшены в угол столовой, превратясь в одну агонизирующую массу — их руки, ноги, головы, торсы были с силой сплющены друг с другом, как если бы ими манипулировал дьявол, составляющий свою дьявольскую головоломку. Трещали кости, кровь лилась рекой.

Поля вновь появились, но сплющенная команда была уже не в состоянии разъединиться. Все вокруг рушилось, все выходило из-под контроля. Они не могли ничего видеть, ничего чувствовать, только адскую тесноту и боль.

Корабль извивался, как змея. Мартин открыл глаза и попытался пошевелиться, но не смог. Он лежал, сцепившись с Эндрю Ягуаром, сзади на него навалился Хаким. От лица Мартина отлетали шарики крови и и в пылающих сумерках летели на переборку. Прошло три или четыре секунды. Мартин до сих пор сжимал жезл — рука тряслась, и жезл молотил по икре Хакима. Но Мартин не мог ни двигаться, ни думать.

Они превратились в животных, в протоплазму.

Страх, запах крови и сильное давление, будто бы огромная рука вдавила их в стену.

Мне жаль

Тереза

Вильям

Спасительная блаженная пустота.

Я предполагаю, нас расцепили и поместили вот сюда, — была первая мысль Мартина, когда он очнулся и нашел себя в лежащим в гамаке в пульсирующем поле. Все его тело представляло из себя огромный кровоподтек, над которым трудились производители-медики, напоминающие крошечных золотистых червяков. Рот был сухой, но не запекся, горела макушка головы.

Вокруг было темно. Легкий прохладный ветерок шевелил волосы на голове и груди. На какое-то мгновение Мартину даже показалось, что он мертв, и его бездыханное тело лежало для вскрытия. Но поля пульсировали, и производители старательно пожирали инфекцию. Мартин не мог отчетливо рассмотреть, кто лежит с ним рядом и сколько всего лежащих.

Вильям мертв. И Фред Сокол тоже.

Рядом очнулись и другие, раздающиеся звуки

напоминали, скорее, не стоны, а вздохи и шепот. Все были слишком слабы, чтобы разговаривать.

К Мартину подлетел мом. Какое-то время Мартин раздумывал, что это — явь или галлюцинация?

— Как много времени прошло с того момента, как мы были ранены? — спросил он у робота.

— Две десятидневки, — ответил тот.

Мартин заметил остатки белой и черной краски на лице мома, это была Мать Войны.

— Где мы?

— Мы двигаемся по отдаленной орбите вокруг Небучадназара. В дальнейшем попыток повредить корабль не предпринималось.

— Но почему? Они же могли уничтожить нас?

— Не знаю.

— Как много наших людей погибло?

— На борту «Черепахи» никто не погиб, но все ранены. «Черепаха» наполовину разрушена. Первыми погибли Вильям Острое Перо и Фред Сокол, затем Юэ Желтая Река.

— Они превратились в антиматерию, да?

— Да.

— Антиматерия ведет себя иным образом, нежели простое вещество. Химические процессы идут неправильно, не так ли? Мне следовало бы знать

это. Я был должен понять причину вспышек… Бомбардировщики заразили нас. Я обязан был предвидеть это.

— Я тоже не смогла сделать правильного заключения. И сделала это, когда было уже слишком поздно. Не упрекай себя, — сказала Мать Войны.

— Но что случилось с другими бомбардировщиками? Что с Терезой и Стефанией? Мы можем их снова трансформировать в прежнее состояние?

— Не можем, — ответила Мать Войны. — Мы имеем дело с непреобразующейся антиматерией, взрыв ничего не изменил в этом отношениии. Джинни Шоколадка и Нгуен Горная Лилия погибли сразу же. Стефания и Тереза тогда уцелели. Ху Восточный Ветер, Майкл Виноградник, Лео Персидский Залив и Нэнси Летящая Ворона вернулись на борт корабля и сейчас находятся в безопасности.

Стефания была убита позже — моей безуспешной попыткой трансформировать ее из антиматерии в материю. Мы не владеем подобной технологией и не имеем даже поверхостных знаний, как это сделать…

Мартин резко отвернулся от Матери Войны. Он уже понял. что и Тереза тоже погибла.

Корабль Стефании Перо Крыла был только ча-

стично преобразован в антиматерию, но это было даже опаснее для «Черепахи», так как грозило взрывом.

— Затем вы тоже самое попытались проделать с Терезой, да?

— Нет. Тереза до сих пор в бомбардировщике.

Мартин резко дернулся:

— Она жива?

— Да, жива.

На Мартина накатила такая волна слабости, что Мать Войны лишь слабо замаячила перед ним. Он оттолкнул отсебя наваждение и произнес:

— Разрешите мне поговорить с ней.

Мать Войны подала ему жезл. Перед глазами Мартина сразу же возникло изображение бомбардировщика — обшивка его до сих пор искрилась, но менее интенсивно, чем прежде. Бомбардировщик находился в ста километрах от «Черепахи».

Мартин увидел лицо Терезы, вокруг нее светились лестничные поля.

Он окликнул ее, Тереза нащупала передатчик «ноуча».

— Ты очнулся, — сказала она равнодушно. Ее лицо пожелтело, на руках появились язвы. Ее антиматерийный химический состав был совершенно не совместим с ее физиологией.

— Я плохо тебя вижу, — сказала Тереза. — Ты ранен серьезно?

— Думаю, я выздоровлю. Так же, как и другие, — его голос дрожал от переполнявших его чувств, он старался взять себя в руки, но это ему плохо удавалось. — Я просчитался, Тереза.

— Откуда ты знаешь?

— Но корабль сильно поврежден.

— Мать Войны говорила мне, что половина корабля уцелела, — возразила Тереза. Сразу же, заслоняя Терезу, появилось изображение «Черепахи» — передняя полусфера полностью исчезла.

— Что любопытно, — продолжала Тереза, — момы действительно использовали взрыв бомбардировщика Вильяма и Фреда для того, чтобы отбросить «Черепаху» от Небучадназара. Корабль развернулся после этого, я за ним следом. Мы все развернулись.

— Как… как ты себя чувствуешь?

— Я была законсервирована двадцать дней. Это было не так уж и ужасно, но я не могла есть и очень ослабела. Я ждала…

— Я попрошу Мать Войны сделать все возможное.

Тереза покачала головой:

— Они получили нас на блюдечке. Они знают

вещи, которые неизвестны Благодетелям.

Или же Благодетели просто не пожелали научить нас — подумал Мартин.Но внешне он никак не обнаружил свои чувства. Тереза права, — пока дети спала, Мать Войны несомненно осмотрела корабль. Разве был на «Черепахе» кто-то более осведомленней, чем она? А мы, как всегда, в положении болванов.

Мартин взглянул на Мать Войны:

— Так вы говорили, что пытались преобразовать антиматерию, но это не сработало?

— Стефания Перо Крыла согласилась на эксперимент. Она умерла. Мы не можем выполнить такое преобразование.

— Но в будущем-то вы собираетесь это сделать? Вы же не сможете вот так просто проигнорировать это?

— Нам не известна технология трансформирования.

— Боже мой, я ведь не прошу многого, только научите нас, как сделать это! Она же умирает!

Мать Войны не сказала ничего. Мартин обхватил лицо руками.

— Я ждала, когда ты очнешься, — сказала Тереза. — Я так рада, что увидела тебя перед… У меня есть план, это не бог весть что, но все-таки. Я по-

просила Мать Войны создать сильное поле рядом со мной и поместить за ним пули из материи. Я за полем. Вы защищены. Взрыв может быть даже большей силы, чем у Стефании. Это то, что просила и Стефания. Если, конечно, эксперимент не сработает. Он и не сработал. Но Стефания помогла тебе побыстрее очнуться. Если и я…

— Нет! — закричал Мартин.

Тереза закрыла глаза, как если бы она уснула.

— Я зря все рассказала тебе. Надо было сделать это, пока ты спал. Мать Войны сказала, что это будет очень полезно для тебя…

— Мы возьмем тебя с собой и поместим в поле, — сказал Мартин. — Мы попробуем разные способы, чтобы трансформировать тебя. Дженнифер придумает что-нибудь такое, чего не может придумать даже Мать Войны.

— Я становлюсь эгоисткой, — продолжала Тереза, будто бы она не слышала Мартина, — Но мне так хотелось сказать тебе многое, хотелось убедиться, что с тобой все в порядке. Я хотела увидеть тебя и поговорить с тобой.

— Ну, пожалуйста, — запричитал Мартин Он вдруг очутился в прошлом, на борту набитого битком Центрального Ковчега. Он наблюдал за гибелью Земли, и хотя был всего лишь малень-

ким мальчиком, тем не менее ясно осознавал, чего он лишался. И он ничего не мог изменить. Он попытался преодолеть поле, преградой ставшее на пути к Терезе, но не смог.

— Сейчас я ни на что уже не гожусь. Я думала вернуться на Небучадназар и понаблюдать за ним, но мы подумали с Матерью Войны и решили, что это ничего не даст, только вокруг планеты станет крутиться еще один бесполезный предмет.

— Боже, я проклинаю тебя! — вскричал Мартин.

— Мартин, пожалуйста, не надо, не говори так, — тихо попросила Тереза. — Давай просто поболтаем, пока у нас еще есть время.

Мартина внезапно захлестнула чувство стыда. Он будто бы резко отрезвел.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Я не хочу жить без тебя.

— Я не могу вернуться к тебе, Мартин. Я уже умерла для тебя.

Мартин снова начал бороться с полями, стараясь внешне это никак не обнаружить.

— Нам необходимо все хорошенько обдумать, — Мартин оглянулся на Мать Войны, выражение его лица напоминало то, что появляется у ребен-

ка, которого постигло разочарование, — неужели ничего нельзя сделать?

— Она испытывает страдания и долго не продержится, — сказала мать Войны.

— Какая же я эгоистка, — прошептала Тереза. — Я ведь только сделала тебе хуже тем, что…

— Нет, нет, я рад, что ты осталась, — он понял без слов, что она хотела сказать. Он придвинулся, стараясь оказаться, как можно ближе к ее изображению. — Я… Я хочу тебе кое-что сказать. Я хочу рассказать тебе о нашем новом доме, — Он приложил неимоверное усилие, чтобы на его лице появилось интригующее и веселое выражение, — Он будет далеко отсюда и будет таким прекрасным, Тереза. Мы выполним нашу Работу и отправимся туда, в наш дом. И я клянусь, мы заживем прекрасной жизнью.

И я надену свой костюм. Все Потерянные Мальчики будут носить костюмы, непохожие на наши теперешние комбинзоны. Мы выйдем на планету и устроим свадьбу в нашем новом доме. Но мы не забудем никого, и они всегда будут с нами, мы заведем огород, будем делать вино и детей, и мы… О, боже, какой это будет такой праздник, Тереза.

Ее лицо расслабилась.

— Да, я очень хорошо это себе представляю, —

тихо проговорила она.

— Ты будешь всегда со мной, дорогая.

— Да, мой любимый.

— Мы обязательно сделаем это, — прошептал Мартин. Он не находил нужных слов.

— Мартин, «Черепаха» сообщила мне, что все уже готово. Мне хотелось бы уйти именно сейчас. Я хочу помочь тебе получить новый дом. Могу я сделать это, любовь моя?

Мартин не мог выговорить ни слова. Он бился в поле, как пойманная сачком муха — жужжали медики — производители.

— Прощай, — Тереза послала ему воздушный поцелуй и изменила ориентацию своего бомбардировщика.

Мартин затряс головой, происходящее казалось ему кошмарным сном.

Он хотел, чтобы она жила, как можно дольше, но понимал, что слова тут бессильны. Он хотел кричать, но не мог.

Мартин закрыл глаза и отвернулся. но он не смог держать их закрытыми, он хотел видеть, чувствовать, различить толчок, чтобы уловить мгновение и понять, что Тереза стала чем-то простым и абсурдным, как ускорение.

Он прошептал ее имя. Она могла его услы-

шать.

Бомбардировщик Терезы устойчиво висел в воздухе, когда появились пули из материи. Вокруг мерцали звезды — мирные, вечные. Корона Полыни сверкала по ту сторону темного покореженного хвоста «Черепахи».

Пули приближались.

Амбиплазма расцвела ярче, чем Полынь. Взрыв, ознаменовавший встречу несовместимого — материи и антиматерии, поглотил бомбардировщик Терезы. Бескомпромиссно, полностью, она растворилась в свете, заигравшем на фоне космической темноты всеми цветами радуги.

Корпус корабля запел на высокой ноте, лаская слух, как тремола флейты.

Крик Мартина прозвучал в унисон.

«Черепаха» медленно двигалась между мирами, дети игнорировали и Небучадназар, и Рамзес, и Герод. Тишина этих мрачных бесплодных миров провозглашала поражение.

Пока корабль ремонтировался, пока дети выздоравливали, Мартин неустанно думал об убийцах, об ловушке, — беспристрастно и почти абстрактно.

Все было сделано так же, как когда-то на Земле. Заманивание, проверка, разрушение.

Он уснул под суету медиков — производителей, заканчивающих свою работу.

В этот раз к нему пришел Вильям.

— Ты думал обо мне, правда?

— Я верил, что ты придешь.

— Я рад этому, Мартин. Я был уверен, что ты меня не забудешь.

Но он не мог думать о Терезе.

Да, Мартин хотел отомстить, но он не ощущал сверхгорения ненависти.

Борьба с этими монстрами отняла у него слишком многое.

Враг, хитростью превосходящий Благодетелей, искалечил детей, просто отмахнувшись от них, как от случайной мухи. Уцелевшие были оставлены умирать в истощенном пространстве.

Десятки миллиардов километров отсюда «Заяц» падал вниз, устремляясь к яркому пятну.

Во врачующем поле Мартин постепенно пришел в порядок и с помощью «ноуча» установил связь с Гансом. Тот скрывал свои эмоции, в то время как у Мартина не было необходимости этого делать — его голос был естественно безэмоциональным. После разговора Мартин ввел детей в состояние длительного забытья. Ни снов, только холод и мрак.

«Черепаха» поднималась из колодца Полыни, чтобы встретиться со своим братом.

Это не было ни окончательным поражением, ни полным освобождением.

И мира тоже не было.

Часть 2

Десять лет в холоде, следуя друг за другом, как по поверхности отмели: «Черепаха» и «Заяц»… Пройдя через поражение, делая выводы, сохраняя ресурсы. Десять лет мало что значат в вековой войне.

Пока находящиеся на борту спали, корабли воссоединились и образовали новый «Спутник Зари» — в половину прежней длины. Теперь он состоял только из двух домов-шаров, соединенных короткой перемычкой. Сохранились прежные уголки, но не было домашних животных и личных вещей.

Учебная комната и столовая остались. Следов разрушения не было заметно, но запасы горючего, сконцентрированного вокруг перемычки, значительно уменьшились.

Мартин проснулся через месяц после воссоединения. Момы хотели с ним посоветоваться. Он парил, укутанный полями теплого воздуха, продвигаясь сквозь холодные, пустующие комнаты, отмечая и одобряя изменения. Он не знал причину, по которой его разбудили. Возможно, момов интересовало, как изменилась психология

подопечных после встречи лицом к лицу с поражением и смертью, и именно его они избрали для индивидуального наблюдения. Если так, то роботы выбрали не самый подходящий объект, они наткнутся на его немногословность.

Мартин не испытывал неприятных ощущений от длительного сна. Он подумал о том, что предпочитает сон годам бодрствания — короткое безмолвное угасание среди ярких жизней звезд.

Частично это объяснялось воздействием сна в холоде. Они все проснутся со свежестью в мозгах, притупленными эмоциями и немедленно должны будут приступить к работе. Мартин тревожно задергался, со страхом, но вместе с тем и злостью, стараясь понять, является ли его состояние болезнью. Какие психологические нарушения получил его организм? Мартин не мог этого знать, к тому же, не было времени для переживаний и самоанализа.

Ни на каком из момов не сохранилась пометка. То ли остатки краски совершенно отслоились за десятилетие, то ли Мать Войны, так же, как и Мартин погрузилась в глубокий сон.

Он закончил осмотр корабля только через пять часов. Мом провел его в комнату, где находились уже и другие члены команды.

— Пришло время разбудить вас всех, — сказал робот. — Финальное торможение начнется, когда вы придете в себя. Через две десятидневки мы подойдем к внутренним мирам уже вплотную.

— Хорошо, давайте продолжим, — Мартин старался произнести эти слова как можно весомее и спокойнее.

Он прислушивался к шуму ветра, усиливавшемуся по мере того, как корабль заполнялся теплом и увеличивалось атмосферное давление. Мартин ощутил вернувшуюся тяжесть тела и впервые за десять лет встал на ноги.

Остальные появлялись группами человек по пять. Момы проводили медицинский осмотр, затем члены команды мылись и не спеша подтягивались в учебную комнату.

Голыми ногами они ощущали холодный пол корабля.

Мартин ждал, когда все соберутся. Он был в смятении, он вспоминал кошек и попугаев, которые никогда не вернутся к ним — на «Спутнике Зари» не осталось резервов на дополнительные расходы. Мартин не знал, как на эту потерю отреагирует команда. Единственное, что он знал, — это то, что им придется пережить и большее горе.

Ему трудно было заставить себя выступить

перед людьми — рассказать им, что случилось, пережить все заново. Эмоции отсутствовали, не было сил руководить, но осталось чувство долга. И он стал говорить — о том, с чего, как ему казалось, следует начать, и как закончить Работу — которую, он не сомневался, непременно надо выполнить.

— Мы уже не дети, — подчеркнул Мартин. Учебная комната мало изменилась, в центре сохранилась звездная сфера. Тридцать восемь мужчин и тридцать семь женщин заполнили помещение. — Мы приняли бой и были побеждены. Мы не стали мудрее и умнее, но мы уже не дети.

Команда молча слушала.

— Вернее, это я принял бой и потерпел поражение, — поправился Мартин. — Я упустил то, что было очевидным.

— Момы тоже упустили это, — напомнил Хаким, но Мартин покачал головой:

— Декада завершилась. Мой срок, как Пэна, истек. Необходимо выбрать нового. Давайте зделаем это сейчас.

Ариэль сидела, не поднимая глаз. Казалось, она думала о чем-то своем.

— Я предлагаю выбрать Ганса, — предложил свой вариант Мартин.

Ганс стоял в группе команды «Зайца» — непомерно большие руки скрещены на груди, губы слегка поджаты, постоянно бледные щеки сейчас слегка порозовели.

— Мы обычно не учитываем время сна, — сказал он. — У тебя есть еще несколько месяцев.

— Ганс отлично справился с руководством «Зайцем», — продолжал Мартин, игнорируя прозвучавшее замечание. — Его интуиция превосходит мою, — он бросил быстрый взгляд на Ганса: Не заставляй меня уточнять сказанное. Ганс смотрел в потолок.

Алексис Байкал поддержала выбор Мартина.

— Однако вы можете предложить любую другую кандидатуру, — напомнил собравшимся Мартин.

Члены команды переглядывались. Молчание нарушила Кимберли Кварц:

— Я предлагаю Розу Секвойю, — сказала она.

Широкое лицо Розы вспыхнуло, но она не произнесла ни слова.

Отклонить, — безмолвно внушал аудитории Мартин, подавляя в себе растущее чувство страха. Ни один нормальный человек не выберет Розу.

— Я поддерживаю кандидатуру Розы, — выкрикнула Жанетта Нападающий Дракон.

Мартин вглядывался в окружающие лица.

— Я выдвигаю кандидатуру Хакима Хаджа, — выступила вперед Паола Птичья Трель.

Отличный выбор, — подумал Мартин.

Хаким бросил на Паолу удивленный взгляд и быстро ответил:

— Я отклоняю свою кандидатуру. Я знаю свое место. Я не могу быть Пэном.

— Предлагаю повторно избрать Мартина, сына Артура Гордона, — с излишней торжественностью произнес Джой Плоский Червяк.

— Отклоняется, — мгновенно отреагировал Мартин.

На этом выдвижение кандидатур закончилось.

— Давайте голосовать, — предложил Мартин.

Голосование было коротким: шестьдесят семь человек — за Ганса, восемь — за Розу. Мартин объявил результаты и направился к Гансу, протягивая руку. Ганс вяло и коротко ответил на рукопожатие.

— Итак, Ганс — теперь наш новый Пэн… — провозгласил Мартин.

— Не нужно устраивать никаких формальных церемоний, — оборвал его Ганс. — У нас впереди много работы. Кристофером Робином я назначаю Гарпала Опережающего Время.

— Я отказываюсь, — громко запротестовал Гарпал.

— Иди ты к черту! — взорвался Ганс. — Хватит всякого эмоционального дерьма! Я сыт этим по горло! Делайте свою работу, или все мы будем прокляты!

Гарпал тяжело вздохнул. Не дожидаясь его ответа, Ганс ринулся к выходу, с кошачей грацией прокладывая себе дорогу сквозь толпу. У дверей он остановился и произнес:

— Мартин прав. Мы уже не дети. Мы подонки. Нас растоптали, лишили друзей. Я превращу нашу жизнь в ад, пока не будет уничтожен последний из этих проклятых богом миров. Потенциально мы уже мертвы. Горючего осталось слишком мало, чтобы выбраться отсюда и найти прибежище. Я предлагаю уготовить ту же участь и этим сукиным детям.

На лицах членов команды, поначалу лишь неуверенно переглядывающихся, появились воинственные усмешки.

— Проклятье! — выдавила из себя Паола Птичья Трель. Это было большее, на что она была способна, но и у нее торжественное выражение лица сменилось мрачной решимостью.

Лишь Роза Секвойа оставалась неподвижной,

как статуя, напоминая своим видом безразличного мома.

— Пойдемте посмотрим, что можно сделать, — скомандовал Ганс.

Толпа зашевелилась и ринулась к выходу. Хаким настиг Мартина.

— Грядут перемены, — заговорщицки прошептал он. — Мартин, я предлагаю тебе войти в исследовательскую команду.

— Если Ганс…

— Думаю, Ганс не станет возражать, если только он вообще не расформирует исследовательскую команду и не создаст новую. Но сомнительно, что он решится на такое. Мне было бы очень приятно работать с тобой.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Мартин и, не раздумывая добавил, — ну, что ж, я согласен.

— Ну и правильно, дружище, — улыбнувшись, Хаким потрепал Мартина по плечу.

Изменений действительно было много.

— Думаю, мы не зря потратили время, — подвел итоги Хаким, когда Ганс, Гарпал и вся исследовательская группа собрались в носовой части корабля перед звездной сферой.

Небучадназар уже не был коричневой пла-

нетой. Ярко красные полосы пересекали его от полюса до полюса, вся поверхность покрылась темными трещинами.

— Планета не выглядит здоровой, — заметил Томас Фруктовый Сад.

— Она действительно больна, — в смятении произнес Мартин. — Видимо, наши производители и манипуляторы справились с заданием.

Ганс, нахмурясь, задумчиво смотрел на звездную систему:

— Я полагал, что все, посланное нами, превратилось в антиматерию и исчезло.

— Три кокона ведь достигли цели, — напомнил Мартин. — Мы думали, что они тоже уничтожены, но, видимо, ошиблись.

Ганс молчал, раздумывая.

Хаким украдкой взглянул на Мартина. Похоже, он по привычке до сих пор считал его Пэном.

— Возможно, не все еще потеряно, — заметил он.

— Дерьмо бычье! — выругался Ганс. — Мы же покойники. Однако я не допущу, чтобы наша смерть была напрасной.

— Именно это я и имел в виду, — отреагировал Хаким.

— Отлично, — Ганс немного успокоился. — Ска-

жите, сколько времени необходимо для того, чтобы брошенные семена достигли поверхности планеты?

— Девять — десять лет, — ответил Мартин. Гарпал кивнул в подверждение его слов.

— Планета еще на месте. Значит, они или еще не достигли поверхности, или просто дезактивировались. Можем ли мы как-нибудь связаться с ними?

— Они должны ответить по «ноучу», — ответил Гарпал, — если, конечно, не уничтожены.

— Пошлите сигнал, — распорядился Ганс.

Хаким отдал распоряжение жезлу. Результаты не заставили себя ждать. В ответе сообщалось, что одиннадцать семян, сброшенных на Небучадназзар, оказались способны проникнуть вглубь планеты на пятьдесят километров. Взрыв произойдет в ближайшее время. На Рамзес семена будут доставлены в течение двух десятидневок.

— Черт побери! — воскликнул Ганс, — Мы успели как раз вовремя, чтобы посмотреть великолепное шоу.

Вся исследовательская команда, и Мартин в их числе, приблизилась к звездной сфере.

— Предлагаю воспользоваться дистанционной связью и рассмотреть все поближе, — Ганс не мог

никак успокоиться. — На каком мы находимся расстоянии?

— На расстоянии четыреста миллионов километров от Рамзеса и двести пятьдесят миллионов от Небучадназара. Небучадназар поврежден значительнее других планет, — заметил Хаким. — Нам повезло больше, чем можно было предположить.

— Я ни во что не верю, — процедил сквозь зубы Ганс. — Мартин допустил не так уж и много ошибок, но несмотря на это, мы оказались в весьма плачевном состоянии. Я должен все предвидеть. — Он с улыбкой посмотрел на Мартина, будто бы их связывала общая тайна. Эта улыбка словно освобождала Мартина от тяжелого груза — его не осуждали, по крайней мере, не осуждал Ганс. — Если планета больна, если наши производители ослабили ее защиту, то нам не о чем беспокоиться. Но ведь мы еще не забросили производителей на Рамзес, а там нас тоже могут ожидать сюрпризы. Я прав?

Гарпал и Мартин кивнули в знак согласия. Хаким был в это время занят дистанционной связью, усиливал мощность.

— Есть что-нибудь новенькое об темных орбитальных скоплениях?

— Ничего нового, — отрываясь от своего занятия, покачал головой Хаким. — Результаты наблюдений показывают, что их орбиты, размеры и масса остаются неизменными.

— А небольшие корабли?

— Один из них находится неподалеку от нас, — сказал Хаким. — Все они вернулись на прежние орбиты.

— Я хотел бы детально рассмотреть тот, что ближе к нам, — попросил Ганс.

— У меня есть записи последних десятидневок, — сказал Хаким. — Могу показать.

Звездная сфера разделилась на сегменты, и они увидели яркую точку, быстро увеличивающуюся в размерах. В конце концов, она превратилась в грубоватого вида гладкий серый цилиндр — без отличительных особенностей, длиной около десяти метров.

— Все спокойно, — заметил Хаким. — Никакого движения.

— Можем мы уничтожить его? — поинтересовался Ганс.

Хаким переглянулся с Гарпалом и Мартином.

— Мне кажется, не стоит тратить усилий, — с сомнением произнес он.

— Надо попробывать, — сухо отпарировал

Ганс. — Полагаю, здесь я отдаю приказы, не так ли? — Он поднял жезл. — Сколько километров до этого пройдохи?

— Два миллиона.

— Думаю, достаточно двух выстрелов, чтобы определить, сможем ли мы повредить его. Это разбудит притаившихся там сукиных детей, если они спят, или расшевелит их, если они не могут отойти от контакта с нашими производителями. Даже если они никак не отреагируют, мы все равно кое-что да узнаем.

— Что? — удивленно спросил Мартин.

— Что эти корабли не так уж и важны, или… — Ганс пожал плечами, — что эти планеты подсадные утки.

— Или что-нибудь еще, — добавил Гарпал, явно не договаривая.

— Продолжай, — подбодрил его Ганс. — Поддержи хоть ты меня. Так что же еще?

Он вляпается в это намного быстрее, чем я, — подумалось Мартину.

— Что подготовлена новая ловушка.

— Я думал об этом. Но… Да, я близок к тому, чтобы повторить ошибку Мартина. Но попав в ловушку, я буду точно знать, что они собираются сделать с нами. Мы выжили в первый раз. Может

быть, нам повезет и во второй. Если же нет… — он потер ладони, словно счищая с них грязь, — нам не придется долго горевать.

Мартин содрогнулся. Он впервые почувствовал то, что не ощущал раньше, будучи Пэном: фатализм. Хаким, похоже, испытывал то же самое, он отвернулся, сдерживая эмоции. Вагнеровская преданность долгу могла охватить всех; мощный взрыв ненависти к врагу — доблестный, но бесполезный, приводящий к гибели.

— Слишком резко сказано, не так ли? — насмешливо произнес Ганс, словно отвечая на мысли Мартина. — Хорошо, я сбавлю тон. Но все же я настаиваю на двух выстрелах. Мы уничтожим этот корабль. — Ганс обернулся к Гарпалу, — Займись этим, Кристофер Робин.

Гарпал покинул носовой отсек. Нахмурясь, Ганс некоторое время молча смотрел на изображение цилиндра.

— Трудно себе представить, какую цель они преследуют. Хотя… Хаким, тебе не кажется, что они могут работать, как детекторы? Очень чувствительные детекторы, реагирующие на любые орбитальные изменения, вызванные внедрением в систему каких-либо больших тел?

Хаким кивнул:

— Я не уверен, но полагаю, было бы лучше…

— По этому вопросу ты мог бы проконсультироваться у Дженнифер, — перебив приятеля, посоветовал Гансу Мартин.

— При виде этой девицы меня бросает в дрожь, — передернулся Ганс. — Однако ты прав, я попробую… Но какие могут быть еще цели у этих кораблей? Они ускорились перед нашим нападением… Гм… психологическое оружие… Я не могу купиться на это. Такими вещами нас не зацепить. Они поимеют нас только мертвыми.

— У меня идея, — выступил вперед Томас Фруктовый Сад. Остальные члены исследовательской команды предпочитали отмалчиваться, беспрекословно выполняя указания Ганса и подчиняясь ему, как Пэну.

— Говори, — разрешил Ганс.

— Я думаю, что это станции дистанционной связи. Если, что-то происходит с ловушкой, станции еще какое-то время продолжают функционировать… Они привлекают меньше внимания — потому что малы, и потому что их движения примитивны.

— И… — продолжил Ганс, нервно постукивая пальцами, — они ускоряются только перед нападением противника, чтобы подготовиться

к мощнейшему выбросу энергии, после которого все летит к чертям… — Он улыбнулся и взъерошил свои жесткие светлые волосы, — Черт побери! В этом есть какой-то смысл.

— Но мы не можем быть уверены в этом, — с уместной скромностью добавил Томас, явно гордый одобрением Ганса.

Прирожденный лидер, — почему-то с болью подумалось Мартину.

— Попытаемся уничтожить один из них, — продолжал рассуждать Ганс. — Если это получится, уничтожим и остальные. К тому времени и планетой будет одной меньше… я надеюсь. Хотелось бы посмотреть, как прореагирует Рамзес… — Ганс поднялся первым и усмехнулся, — Ну ничего, наведем порядок и там.

Мартин вышел из носового отсека вместе с Гарпалом. Им нужно было отобрать двух снайперов. Внезапная слабость охватила Мартина, на лбу выступила испарина. Он на несколько шагов отстал от Гарпала и вытер пот рукавом.

Десять лет. Тереза, Вильям и другие были мертвы уже десять лет. Для Мартина прошло только несколько дней после того момента, как он в последний раз видел Терезу. Память о ней была свежа.

Горечь потери нахлынула на него. Мысленно он стоял на краю пропасти. Он закрыл глаза и, как на яву, увидел эту пропасть — мелодраматический образ, почти реальный и мучительный. Собственная вина не давала покоя. Пострадали другие, и это добавляло тяжести.

Мартин заставлял себя догнать Гарпала, который уже опережал его на треть длины перемычки, но тело отказывалось повиноваться.

— Чем занимаешься?

Он повернулся и увидел Ариэль. Отчаяние на его лице было слишком явным. Она отшатнулась от него, как от прокаженного.

— Что случилось?

Мартин лишь безмолвно покачал головой.

— Устал? — попыталась угадать она.

— Не знаю. Как-то не по себе.

— Радуйся, что ты не Пэн, — сказала она не прощая, но и не обвиняя.

— Ганс знает, что делает, — автоматически произнес Мартин.

— И все же, что с тобой? — продолжала допытываться Ариэль.

— Это тебя не касается.

— Мучают последствия, не так ли? — съязвила она. — Ты всегда был таким сильным и муже-

ственным, а теперь приходится расплачиваться за это, да?

Лицо Мартина исказалось:

— А ты всегда была куском дерьма, — вырвалось у него прежде, чем он смог взять себя в руки.

— В сравнении с тобой я просто ангел, — довольно беззлобно отпарировала она. — По крайней мере, я не оказалась в положении связанного ягненка на бойне, которую сама же и устроила.

— Со мной все в порядке, — огрызнулся Мартин.

— Куда ты идешь?

— С Гарпалом. Выбирать пилотов.

— Я пойду с вами. Надо же что-то делать.

Она надеялась, что простые тривиальные действия притупят его боль. Его ненависть обжигала ей сердце. Он следовал за ней вдоль перемычки, направляясь к кормовому дому-шару. На его лице сохранялось мрачное выражение, но все же он двигался, действовал.

Паола Птичья Трель и Лиам Антилопа вызвались добровольцами. Операция должна была продлиться день — так планировали Ганс и Гарпал.

Ганс и Ариэль сопровождали пилотов во вновь

созданный арсенал оружия. Он был реконструирован после взрыва бомбардировщика Вильяма и стал значительно меньше. На складе теперь содержалось только тридцать боевых кораблей, их конструкция, однако, оставалась неизменной. Мартин и Ариэль проконтролировали готовность челноков-снайперов. С помощью жезлов они проверили всю цепочку системы, затем, стоя позади лестничных полей, наблюдали, как бомбардировщики, снявшись с кронштейнов, стремительно вылетели через внешний люк «Спутника Зари».

Снайперы начали свой путь протяженностью в сотни тысяч километров.

— У нас осталось так мало горючего, что я чувствую себя виноватой из-за того, что в моей каюте поддерживается температура, превышающая точку замерзания, — заявила Ариэль. — Надеюсь, предстоящая операция стоит того, чтобы тратить на нее энергию.

Мартин пожал плечами и направился в учебную комнату.

— Куда ты идешь? — снова допытывалась Ариэль. Неожиданно робко она попросила, — Можно я с тобой?

От удивления он долго не мог ответить. Когда молчание уже перешло границы приличия, Мар-

тин пробурчал:

— Ты можешь идти, куда тебе заблагорассудится. Мы собираемся посмотреть, не произошло ли чего нового на Небучадназаре.

— Тебе нужна компания. Я не хочу опять увидеть тебя потерянным.

Прищурившись, он взглянул на нее и, вновь не задумываясь, произнес то, что вертелось у него на языке:

— Не могу тебя понять, Ариэль. Ты вела себя, как сука, когда я был Пэном. А теперь ты — сама любезность. Может быть, ты — еще более сумасшедшая, чем я?

Его слова больно задели Ариэль, но она ответила:

— Возможно, что и так. Неужели теперь это имеет какое-то значение?

Что он мог ответить на это?

Экипаж корабля собрался в учебной комнате, вокруг звездной сферы. Присутствовали все, кроме Хакима и Луиса Высокого Кактуса — они продолжали работать в носовом отсеке.

— Результат исследований показал, что благодаря сброшенным нами производителей, планета действительно больна, — докладывал Томас Фруктовый Сад, указывая на коричневато-крас-

ные полосы на Небучадназаре. — Та защита, что превратила наших людей в антиматерию, позже настолько ослабела, что не смогла остановить коконы с производителями. Мы полагаем, что средства защиты на данном этапе совершенно дезорганизованы, они уже не смогут вновь воздействовать на наш корабль.

— Когда мы разделаемся с планетами? — спросил Давид Аврора.

— Мы не собираемся взрывать планеты, мы только сделаем из них отбивную, — усмехаясь, уточнил Гарпал.

— Именно это я и имел виду, — с натянутой улыбкой поправился Давид.

Мартин обвел толпу тяжелым взглядом, пристально вглядываясь в лица. Он все еще был мрачен, несмотря на все попытки Ариэль отвлечь его от тоскливых мыслей.

— Это может произойти в любой момент, — напомнил всем Томас.

— И тогда мы победим, — продолжил фразу Давид, вскинув руку в победном салюте.

— И это принесет нам огромную пользу, — съиронизировала Ариэль. — Уничтожать планеты, когда у нас так мало горючего, что мы даже не сможем скрыться? Разве существует на свете

что-нибудь глупее этого?

— Да, здесь есть о чем призадуматься, — медленно проговорил Гарпал.

— Не это главное, — голос Эйрин Ирландки прозвучал откуда-то из задних рядов. Мартин впервые увидел ее после пробуждения, — Нам же всем известно, что наша главная цель не здесь.

— Почему ты так думаешь? — спросил Томас.

В этот момент в учебную комнату вошел один из момов. Все замолчали, выжидая, когда он доберется до центра.

— Планеты Полыни — слабаки, — начала Эрин. — Мы не только выстояли, но и смогли нанести ущерб одной из них. Нам хватит силы противостоять и последующим ударам.

— Датчик, наблюдающий за семенами, сигнализирует по «ноучу», что уничтожение началось, — объявил мом. Послышались радостные крики, но ликование не было всеобщим. — Через десять минут вы сможете увидеть результаты.

Томас убрал со сферы вид планеты и показал бомбардировщики снайперов, приближающихся к ближайшему кораблю-цилиндру. Но в этот момент жезл Томаса зазвучал и перед его глазами появилось послание.

— Это от Хакима, — пояснил Томас. — Что-то

опять случилось…

Вслед за Томасом в носовой отсек устремились Ганс и Мартин.

Хаким, словно музыкальными инструментами, поигрывал то жезлом, то цифровой клавиатурой.

— Позовите Дженнифер Гиацинт, — приказал Ганс. Томас вызвал Дженнифер в носовой отсек.

Мартин быстро ознакомился с информацией, предоставленной жезлом Хакима. Пять внутренних орбитальных масс слились с удлиненными облаками.

Гарпал закрыл глаза. Обстановка накалялась. Ганс, казалось, мысленно находится по-прежнему у звездной сферы, в вихре движений. Он уставился на сообщение невидящим взором. Мартину было знакомо подобное состояние: Ганс пытался из неопределенности и хаоса создать ясную картину происходящего.

Через несколько минут появилась Дженнифер Гиацинт. Она протиснулась меж людьми и встала позади Ганса, чтобы получше все рассмотреть.

— Эти орбитальные массы, несомненно, ловушки, — нахмурившись, произнесла она, когда ознакомилась с информацией.

— Умница, — похвалил Ганс. — Мы приближаемся и начинаем представлять из себя реальную

опасность для планет. Они не позволят нам скрыться. Они не знают, сколько у нас горючего и на что мы способны…

— Но сейчас мы находимся в лучшем положении, чем в предыдущий раз, — заметил Мартин.

— Возможно, — согласился Ганс. — Гарпал, как ты счи…

— Судя по показаниям темные массы могут быть начинены нейтронными бомбами, — оборвала его на полуслове Дженнифер.

— Боже милосердный! — воскликнул Гарпал, — Но ведь с таким количеством бомб можно уничтожить всю эту систему и не один раз! Если бы мы могли овладеть ими…

— Они входят в систему Полыни… — объявил Хаким.

Появившиеся в воздухе новые диаграммы показывали изменения параметров внутренних масс, их перемещение по направлению к звезде, отсекли момент входа в гелиосферу.

— Они приближаются, — воскликнула Дженнифер. — Я думаю…

— Полынь начинает действовать, — резюмировал Ганс. — Дженнифер, постарайся проанализировать ситуацию и доложи, что нас может ожидать впереди. Мартин быстро свяжись с мо-

мами. Передайте снайперам, пусть немедленно возвращаются.

— В системе происходит перераспределение каких-то частиц — их потоки устремляются к полюсам, — комментировала Дженнифер происходящее. — Должно быть, это следствие воздействия мощных полей, контролирующих внутреннее состояние системы. Если, конечно, эти поля еще существуют… Но я не думаю, что они нарушены…

Мартин вызывал по жезлу момов.

Хаким рассматривал поверхность Небучадназара. Она уже светилась плазмой — результат работы внедренных вглубь поверхности семян. Но это сейчас не казалось главным — вот-вот должна была захлопнуться еще одна ловушка.

«Спутник Зари» дрейфовал на расстоянии меньше двухсот миллионов километров от Полыни. Если звезда станет суперновой, потрясающий взрыв нейтрино снесет верхние слои атмосферы.

В небольшом количестве нейтрино опасны не более, чем любые подобные им, никем не замечаемые частицы, беспрепятственно путешествующие сквозь толщу световых лет. Но в случае столкновения огромного количества частиц с материей — к примеру, со «Спутником Зари» или

другим телом поблизости от Полыни… Это грозит им неминуемой гибелью.

Дженнифер углубилась в расчеты.

В носовом отсеке появился мом.

— Если информация верна, — произнес он, — то существует реальная опасность. Но в тоже время открываются и экстраординарные возможности.

Дженнифер просияла:

— Реально распределить силу взрыва по разным направлениям, — торопливо начала она разъяснять свою догадку другим. — Нейтрино будут распространяться во все стороны, но большая их часть вытолкнется через полюса — возникнут две мощные струи, что-то вроде квазара. — Она сомкнула руки и двумя большими пальцами указала главные направления взрыва — вверх и вниз.

— Все правильно, — подтвердил мом.

Закусив нижнюю губу, Ганс тупо уставился в точку — куда-то между Дженнифер и момом. Наконец, он выпрямился, расслабляясь, потряс руками и произнес:

— Ну и что же нам делать?

— Нужно использовать свалившуюся с неба энергию, как горючее для суперускорения, для перехода на новую орбиту, — ответил мом.

Дженнифер залилась истерическим смехом, словно ей сообщили самую смешную на свете вещь.

— Верно, верно! — сквозь смех восклицала она.

— В наших силах оградить корабль от воздействия нейтринного шторма, — продолжал мом. — Под давлением нейтрино нас вытолкнет из системы.

— Мы уподобимся семенам, уносимым ветром, — подхватила Дженнифер, — нас унесет в глубокий космос.

— После взрыва окружающая среда будет перенасыщена газообразными веществами, — сказал мом. — Мы сможем воспользоваться ими, даже если будем вне системы.

— Они хотят уничтожить нас, но вместо этого даруют нам спасение! — радовалась Дженнифер.

— Зачем им это? — недоуменно спросил Гарпал. — Почему они дают нам такую возможность?

— Вполне вероятно, что они все-таки уничтожат нас, — ответил мом. — Однако возможность спасения тоже существует. Мы должны действовать быстро и умело. Предупредите команду о предстоящем суперускорении, пусть включат ограничительные поля. Начнем через несколько

минут.

Мартин взглянул на звездную сферу. Легкая дымка покрывала поверхность Небучадназара, кое-где возникали яркие вспышки. Нейтронные и антинейтронные семена, проникшие вглубь планеты, раскалили ее поверхность до состояния плазмы. Но высвобожденной энергии было явно недостаточно, чтобы взрывом разнести планету на кусочки, как это случилось с Землей. Небучадназар сохранит свою сферическую форму. Однако на протяжении миллионов последующих лет поверхность планеты будет представлять из себя застывшую магму.

Мартин не испытывал радости по поводу этой малой победы — тот факт, что планета активно участвовала в подготовке собственной гибели, не вызывал у него ликований. Самопожертвование, задуманное теми, кто подготовил ловушку, было комически абсурдным. Однако готовившийся взрыв действительно дает экипажу шанс выжить, шанс продолжить и закончить Работу…

Мартин расхохотался. Дженнифер присоединилась к нему. Гарпал поморщился и направился к выходу — координировать действия команды. Ганс уставился на Мартина и Дженнифер, как на сумасшедших, затем крякнул, энергично тряхнув

головой.

Тереза оценила бы эту ситуацию, — подумал Мартин. — Ну а Вильям, тот был бы просто в восторге.

Они вернули свои бомбардировщики и приготовились к штурму.

Агония Полыни продолжалась семь часов. Магнитное поле звезды перераспределилось таким образом, что солнечный ветер дул одновременно в направлении двух полюсов. Недра планеты, вскипая, вздымались и устремлялись двумя бешенными потоками. Звезда походила на фантастическую репу с обильной листвой на верхушке и причудливо разветвляющимися корнями.

Миллиарды нейтрино вгрызлись во внутренности звезды, уничтожая ее невидимые, неизведанные сферы, смешивая позитивное и негативное, материю и антиматерию. Амбиплазма, вырабатываемая этими смертоносными частицами, неуклонно выбрасывалась во внешний мир.

Момы хронометрировали все происходящее.

Ганс собрал всю команду в учебной комнате. В полной тишине они сидели перед звездной сферой, наблюдая за событиями, не поддающимися не только их контролю, но даже пониманию.

Мартин расположился рядом с экраном. Страх сковал его тело, но печаль, пронизывающая все его мысли, не позволила сосредоточиться на предстоящих событиях. Его взгляд остановился на Розе Саквойе. Закрыв глаза, она сидела в неуклюжей позе лотоса и слегка покачивалась. Мартин позавидовал ее дару духовного самоуспокоения, ее способности раствориться в своем внутреннем мире, не зависящем от внешних факторов. Как она достигала этого?

Происходящее на звездной сфере можно было оценить только абстрактно. Да и с чем можно сравнить энергию умирающей звезды? Для того, чтобы уничтожить человеческую жизнь — их жизни — хватит и мизерной доли этой высвободившейся силы.

Годами раньше они взгромоздились на гребень громадной волны, и вот сейчас она разбивается вдребезги. И любой мизерный пузырек в этом пенящемся водовороте способен погасить свечи их жизней — окончательно, навеки, без погребения.

Мозг Мартина находился в таком состоянии, что он не столько понимал происходящие вещи, сколько чувствовал. Эта способность присоединилась к страху, как анатомический придаток

к телу.

А так как чувства не могут долго оставаться на одном уровне, страх перешел в следующие стадии: спустя час он сменился оцепенелостью, затем — легким любопытством, казавшимся невозможным всего несколько минут назад, взглядом как бы со стороны.

Разбросанные островки сознания начали выдавать комментарии: Эта темная сторона души… Не так уж и страшно… Это была только паника, вызванная переоцениванием их мощи… Они не испытали того, что испытал ты… Они должны… Они должны…

По учебной комнате пронесся утробный стон, когда они почувствовали, что опустились и сомкнулись поля. Мартин ощутил боль во всем теле, все внутренние процессы организма замедлились.

Волны темноты прошли перед глазами, поля подавили физиологические чувства.

Однако кое-что сохранилось в памяти. Что способствовало этому? Проблески сознания? Воображение? Кто мог сказать, когда включилась память? Во время их изолирования полями или позже — когда уравновесились химические реакции мозга?…

То, что осталось в его памяти, мозг сохранил каким-то волшебным образом — в виде обрывочных фрагментов, в которых умирающая планета представлялась, как живое существо, и в виде притчи. Но от этого воспоминания не стали менее мучительными…

Полынь

распустившаяся, как нарцисс

с двумя ниспадающими каскадами светлых волос

и следы нейтрино, фантом частиц такого количества, что их воздействие было в миллионы раз мощнее ураганного ветра

боль во всем теле, воздействие нейтрино, стремящегося изменить его физиологию; едва различимый шепот молитвы погрузившихся в нирвану детей и внезапно — крик, оглушающий крик, пронзительный вопль радости детей, получивших свободу

перекроенный «Спутник Зари», достигнувший точки южного полюса, двигающийся сначала — медленно, исчерпав горючее, затем — стремительно, под напором нейтрино; экипаж, старающийся сохранить право на существование в этом бешенном урагане, сопротивляющийся субъядерной силе, навязывающей смерть.

Лис обратился к урагану: «Я собираюсь в дальнее путешествие. Можешь ты подхватить меня для скорости?» Ураган бесстрастно посмотрел на хилого Лиса своим огромным глазом и спросил: «Чем ты отплатишь мне за это?» «Я позволю тебе нашептывать свои мечты.» «Но я должен уничтожить все, что несу. Ты живое существо и не захочешь умереть.» «Если ты оставишь меня в живых, я узнаю о тебе самое сокровенное и расскажу всем живым существам, чтобы они почувствовали симпатию к тебе.» «Зачем мне их симпатия? Я всемогущ.» «Это так. Но однажды твои ветры стихнут. Но даже когда ты исчезнешь, мои потомки будут рассказывать историю о пра — прадедушке Лисе, который был унесен ветрами, выжил и познал секреты урагана.» «Тогда они перестанут бояться меня. А кто я есть, если не внушаю страха?» «О, ни одно живое существо не может быть настолько сильным, чтобы не бояться тебя. Я дам тебе нечто большее. Я дам тебе голос, неподвластный времени. Это гораздо больше, чем бессловестный бешенный рев.»

«Спутник Зари» поднимался по спирали через клубы газов, исходящие от погребального костра Полыни, и собирал горючее. Как пчела, добывающая пыльцу, он вычерпывал сотни тысяч тонн

водорода, гелия, лития — сжимая и размещая их на своей талии.

Это бегство из умирающей системы приносило своего рода удовлетворение; последняя смертоносная попытка убийц провалилась. Их ловушка оказалась спасительным кругом.

В молчаливом бездействии команда преодолела этот отрезок времени — для них длящийся целый год.

Позади них оставалась краснеющая дыра — туманность Полыни поглощалась пространствами соседних систем. Все следы прошлых преступлений были уничтожены — планеты, следящие орбитальные системы, остатки первичного облака, корабли — снайперы.

Дитя тьмы превратилось в космическую пыль. Только ради этого можно было пожертвовать жизнью, но они не погибли.

Газовые скопления присутствовали повсюду, и они вдыхали их полной грудью, как тонущий человек делает глотки спасительного воздуха.

Мартин принял из рук Ганса стакан воды.

По периметру учебной комнаты лежало десять тел. Ганс стоял над ними, сжав подбородок в кулак и не произнося ни слова. Это продолжалось уже полчаса. Каждые несколько минут он встря-

хивал головой и издавал неопределенный звук, как будто с новой силой удивляясь происходящему. Погибли Джордж Кролик, Давид Снежный Человек, Мин Муссон, Томас Фруктовый Сад, Кис Северное Море, Сиг Мотылек, Лиам Антилопа, Джорджио Ливорно, Радж Ганг, Иван Эллада. Следы насилия отсутствовали, только на ногах и руках виднелись неяркие багровые пятна. Глаза умерших были закрыты.

Они погибли в изоляции ограничительных полей.

Двадцать трое из оставшихся в живых — ошеломленные случившимся — преклонили колени перед телами.

С того момента, как очнулся, Мартин сразу же понял, что они находятся в условиях полной гравитации. «Спутник Зари» вновь ускорялся.

— Как это случилось? — спросил Мартин, все еще ощущая сухость и боль в горле.

Хаким сделал большой глоток из своей фляжки.

— Должно быть, ослабели объемные поля. Поток нейтрино мог изменить их составляющие. Они стали менее вязкими или… — Хаким запнулся, — или самоуничтожились. Но мое мнение поверхостно. Здесь нет момов, чтобы прокон-

сультироваться.

— Момы не могли спасти их?

Хаким покачал головой.

Роза Секвойа ходила кругами — странно и бессмысленно жестикулируя, но никто не обращал на нее внимания. Только Жанетта Нападающий Дракон и Кимберли Кварц, опустив головы, следовали за ней по пятам.

Чэм приблизился к Мартину и указал на Сига Мотылька:

— Один из наших.

— Они все — наши, — одернул его Мартин.

— Я не это имел в виду, — поморщился Чэм. — Мы теряем наших лидеров. Следует провести полное расследование и разобраться в том, что случилось. Почему момы снова подвели нас?

— Я не думаю, что они подвели нас, — возразил Мартин. — Большинство же выжило.

— Нам нужны факты, — все более и более раздражаясь, настаивал Чэм.

— Не спорю. Но Пэн — Ганс, он отдает распоряжения.

— Он слишком подавлен, чтобы действовать, — возразил Чэм. — Где Гарпал?

Они поискали Кристофера Робина, но его нигде не было. Большая часть экипажа разбрелась —

возможно, чтобы в уединении прийти в себя.

Мартину не терпелось начать действовать, но он воздерживался.

— Пойду поищу Гарпала, — сказал он. — Хаким, передай Гансу, что нам необходимо проверить носовой отсек и звездную сферу. — Он кивнул в сторону Ганса, — Надо занять его чем-то конкретным.

— Я соберу исследовательскую команду, — откликнулся Хаким.

В коридорах корабля стоял запах гари, как будто по «Спутнику Зари» прошелся огонь. Нейтринный шторм причинил больше вреда, чем Мартин мог предположить. По-видимому, последствия их внезапного бегства оказались непредсказуемыми и для момов.

Но они могли бы понести и гораздо большие потери.

Я должен позаботиться о захоронении тел, — подумал Мартин. Раньше момы всегда убирали тела. Почему же сейчас они оставили их на месте?

Он остановился в коридоре и достал жезл. Где момы? Он позвал одного из них. Но никто не появлялся. Жезл слабо мерцал и работал неустойчиво — видимо, что-то случилось с контактами.

Мартина охватил новый прилив страха: ему показалось, что корабль существенно поврежден, ресурсы истощены, и все они умрут без поддержки мозгового центра корабля и момов.

Он уже собирался продолжить движение в направлении каюты Гарпала, когда в нескольких метрах от него появился один из момов.

— Благодарю тебя, Господи! — воскликнул Мартин. Он бережно обнял мома, словно опасаясь, что тот исчезнет. Мом никак не отреагировал на этот жест Мартина.

— Я ищу Гарпала, — объяснил Мартин. — Нам надо многое предпринять… Впереди много психологической работы.

— Необходим перечень повреждений, — сказал мом. — Мы ознакомим с ним весь экипаж.

— Тела…

— Время невозможно повернуть вспять. Главная задача сейчас — восстановительные работы. Пока они не выполнены, наши возможности ограничены. Мертвые будут содержаться в полях…

Мартин покачал головой и поднял руку, останавливая мома, не желая выслушивать подробности.

— Нам необходимо обрести уверенность, — сказал он. — Если в ближайшее время мы не

проведем собрание, можно ожидать плохих последствий.

— Понимаю, — кивнул мом.

— Где Гарпал?

— В хвостовой части.

— Пойду за ним.

Ариэль подошла к ним сзади и встала вполуоборот к мому, явно игнорируя его присутствие. Обращаясь к Мартину, она произнесла:

— Ганс не в себе. Он будоражит всю команду. Надо, как можно быстрее, найти Гарпала.

Они устремились в кормовую часть корабля и не произнесли не слова, пока не достигли второго дома-шара. Здесь запах гари был особенно ощутим.

Ариэль поморщилась:

— Тебе не кажется, что мы все провоняем этим запахом насквозь?

— Ты слышала, что сказал мом?

— Тебе же известно, как я к ним отношусь.

Мартин пожал плечами:

— Они спасли нас.

— В первую очередь, они не посчитались с нами. Разве после этого могу я испытывать благодарность?

— Мы сами выбрали…

— Давай не будем спорить, — оборвала его Ариэль. — По крайней мере, сейчас, когда Ганс продолжает сосать палец, а Роза вещает, как жрица. Мы должны действовать, если не хотим попасть в еще большие неприятности, из которых момы уже не вытащат нас, так как не будут знать, как это сделать.

— Ганс вовсе не сосет палец, — возразил Мартин. — Он… собирается с мыслями.

— Ты готов защищать всех и вся, не так ли? — произнесла она с улыбкой. Но восхищение, появившееся на ее лице, быстро приобрело оттенок жалости.

Гарпал Опережающий Время встретил их появление с безразличием, причиной которому был просто страх — он прятался за плотным плетением труб.

Нервы Мартина были на пределе, он злился на Гарпала, на всех — в том числе на женщину, находящуюся рядом — женщину, которая высмеивала каждый его поступок и в тоже самое время по непонятной причине не отходила от него ни на шаг.

— В чем дело? — спросил Гарпал чересчур громко, по-видимому, используя вопрос, как прикрытие или защиту.

— Мы должны собраться всей командой, — опередив Мартина, ответила Ариэль.

— Идите вы все к черту! — огрызнулся Гарпал. — Мы чуть не погибли, пока торчали в этих проклятых полях.

— Большинство из нас выжило, — заметил Мартин.

— Господи, я был совсем рядом с Сигом. Смерть никогда не подходила так близко. То, что убило Сига, могло убить и меня.

— Я была рядом с Джорджио Ливорно, — отозвалась Ариэль. — Момам придется все объяснить.

— Корабль поврежден, — вставил Мартин.

— Скажи им, пусть катятся к дьяволу! — закричал Гарпал. Слезы покатились по его щекам. — Или никто не должен был умереть, или все!

Мартин и Ариэль молча стояли между массивных изогнутых труб, тишина прерывалалась только слабыми всхлипываниями Гарпала. Ариэль посмотрела на Мартина. Что-то в ее взгляде изменилось, она повернулась и подошла к Гарпалу. Она обняла его и начала покачивать, словно убаюкивая в своих руках. Ее брови выгнулись, губы шевелились — казалось, Ариэль напевает колыбельную.

Мартин был поражен. Он не мог предположить

у Ариэли таких душевных качеств.

Его жезл зазвонил. Связь заработала. Он ответил и услышал Чэма.

— У нас проблемы, — говорил Чэм. Его голос заглушался каким-то шумом, сквозь который можно было различить выкрики Ганса. — Пэн чудит.

Гарпал освободился из объятий Ариэль.

— Вот дерьмо! — выругался он. — Пора прекращать все это. — Выбравшись из лабиринта труб, он устремился к выходу. Мартин и Ариэль последовали за ним.

Когда они добрались до учебной комнаты, Ганса уже там не было. Десять тел лежали беспорядочно, словно кто-то разбросал их. На лицах пятерых членов экипажа, включая Жанетты Нападающий Дракон и Эйрин Ирландки, красовались свежие синяки. Половина команды отсутствовало.

Мартина охватило дурное предчувствие. Это было началом того, что когда-то предсказавал Теодор, то, чему Мартин отказывался верить — взрыв запредельного эмоциального напряжения.

Роза Секвойа осталась, Ганс не тронул ее. Когда Гарпал, Мартин и Ариэль появились в учебной комнате, Роза принялась приводить в порядок те-

ла, аккуратно выпрямляя руки и ноги, закрывая глаза тем, у кого они были открыты, оддергивая одежду.

Наблюдая за ее действиями, Мартин с трудом сдерживался, чтобы уберечься от крайних поступков. Он с силой сдавил кожу у себя на бедре, пока та не посинела.

— Что случилось? — спросил Гарпал.

Чэм держался за разбитую скулу:

— Венди начали похоронную церемонию. Роза руководила ими. Ганс приказал остановиться. Они не послушались, и некоторые из Потерянных Мальчиков присоединились к ним. Когда, оплакивая, начали выносить тела, Ганс… набросился на сопровождающих. Дэвид Аврора оттолкнул его, но Ганс в результате так его отделал… Дэвид…

— Где он сейчас? — прервав рассказ Чэма, спросила Ариэль.

— Он в порядке, правда, в синяках и следах от побоев. Как я уже говорил, ему крепко досталось. Ганс просто отыгрался на нем.

— Где Аврора? — снова спросила Ариэль.

— Думаю, в своей каюте.

Мартин встряхнулся, стараясь преодолеть оцепенение, и усилием воли заставил себя дей-

ствовать. Обращаясь к Ариэль, он сказал:

— Раздобудь чистой воды и бинтов, и помоги Розе ухаживать за экипажем. Постарайся не подпускать ее к телам.

— Хорошо, — кивнула Ариэль.

— Но я не Пэн, — подчеркнул Мартин, проясняя ситуацию. Присутствующие члены команды повернулись к нему, ожидая, что он скажет. — Гарпал, разыщи Ганса и давай соберем всех бывших Пэнов вместе. И надо пригласить мома.

— Кто здесь отдает приказы? — спросил Гарпал, но без злости, без укора.

— Извини.

— Не надо извиняться, — остановил его Гарпал. — Приступим к делу.

Вкрадчиво беседуя, Ариэль отвела Розу от тел. Не было ли это стремлением произвести впечатление на Мартина? Он не мог думать об этом сейчас. Мартин позволил себе на несколько секунд закрыть глаза, пытаясь воскресить образ Терезы, но отдельные черты никак не складывались в портрет.

Он последовал за Гарпалом.

Ганс не запер дверь. Они переступили порог его каюты, готовые ко всему, но не к тому, что увидели. Ганс сидел посреди возвышающейся части

пола и потягивал воду из фляги. Он встретил их слабой улыбкой.

— Я их всех поимел, — почти дружелюбно сказал он.

— Да, это у тебя получилось, — согласился Гарпал.

— Но зачем? — спросил Мартин.

Ганс отвел взгляд:

— Они причитали по мертвым. Женщины и мужчины. Это было невыносимо. Я сам не поверил своим глазам, когда, очнувшись, увидел бездыханные тела. Это было выше моих сил. Я сожалею.

— Вот иди и скажи им об этом, — резко сказал Мартин.

— Я говорю это вам.

В каюту вошли Чэм и Джой Плоский Червяк.

— Ты — ублюдок, Ганс, — прошипел Джой. — Ты мерзкий ублюдок. Мы расправимся с тобой. Передадим власть Мартину, а тебя вышвырнем, как крысу.

Лицо Ганса вспыхнуло, челюсти сжались, но он не сдвинулся с места и не произнес ни слова.

— Мы все прошли через ад, — попытался разрядить обстановку Мартин. Он ощутил, как катастрафически тает количество лидеров на

«Спутнике Зари». — Ганс согласен принести извинения.

— Пусть катится к чертовой матери со своими извинениями. С ним все кончено. Мартин, ты снова станешь Пэном.

— Нет, этого не будет, — возразил Мартин. — Ганс, объяснись, и немедленно.

— Я не звал этого несчастья на нашу голову, — тихим голосом проговорил Ганс. Он приподнялся и вытянул вперед обе руки. — Я предлагаю применить наказание наших великих древнейших предков — отрубить мне оба запястья, и на этом покончить. — Он взглянул на Мартина. — Я считаю, что момы не решат наших проблем. Мы только орудие в их руках.

— Не думайте, что я удовлетворюсь этой душещипательной сценой, — прорычал Джой. Казалось, он вот-вот ударит Ганса: согнутые руки сжались в кулаки, подбородок выдвинулся вперед.

— Постойте, — вмешался Гарпал. — Давайте прекратим копаться в этом дерьме и поговорим откровенно. Ганс, скажи нам, что ты собираешься делать? Но не играй больше своим «Я».

Ганс слегка поморщился от резкости тона и нелицеприятности услышанных слов.

— Хорошо, я попробую еще раз, — сказал он. — Я знаю, мы окажемся в затруднительном положении, если пустим все на самотек. Я понимаю свою ответственность за происходящее.

— Хорошее начало, — заметил Гарпал. — Ну и что дальше?

— Я покаюсь перед народом и после этого проведу неделю в уединении. Когда мы все немного встанем на ноги, я поговорю с детьми…

— С экипажем, — поправим его Мартин.

— Я поговорю с экипажем. И если…

— Что если? — не выдержал Джой.

— Я хотел бы, чтобы все, принимающие участие в оплакивании, тоже провели день в уединении. Всего один день. Именно те, кто выступил против меня.

— Мы вынуждены были защищаться, — сказал Джой.

— Они просто отреагировали по ситуации, — поддержал его Гарпал.

— А нельзя было отреагировать по-другому, — начал горячиться Ганс, но вовремя остановился. — Хорошо, пусть будет так. Что касается меня — как я уже говорил, я уединяюсь на неделю. Но Пэн — все еще я, и мне отдавать приказы. А с вашими доводами я абсолютно согласен… Гар-

пал, могу я по-прежнему расчитывать на твою помощь?

— Я сделаю все, что в моих силах, — мрачно произнес Гарпал.

— О большем я и не прошу, — поставил точку Ганс.

Наступает отрезвление, — подумал Мартин, чувствуя некоторое облегчение. Они резко порвали с губительным прошлым. Ганс нашел верный путь: начать с покаяния и искупления греха, и, в первую очередь, лидеру. Очищающая пауза. После этого начнется новый этап их жизни.

Если Ганс все это предвидел, значит, он оказался намного хитрее, чем кто-либо мог предположить.

Мартин вздрогнул. Он надеялся, что это было не так.

Единственный мом, которого мог предоставить теперь корабль, рассказал им, что случилось со «Спутником Зари» и его экипажем. Во время взрыва Полыни, под воздействием сильнейшей нейтринной бомбардировки, были повреждены ограничительные поля. Десять членов команды погибло. Только после цикла обработки тела были возвращены оставшимся в живых. У «Спутника Зари» осталось достаточно горючего, чтобы

продолжать движение к Левиафану — если же, конечно, экипаж придет к такому решению в результате голосования. Путешествие займет минимум год корабельного времени.

— Но из-за повреждения мы даже теоретически не в состоянии противостоять возможному нападению, — продолжил мом. — Нам нужна поддержка, поэтому мы предлагаем объединить силы и ресурсы.

Мартин широко раскрыл глаза. Пока он ничего не понимал. Какие еще силы имеются в виду? Какие ресурсы?

— Существует еще один Корабль Правосудия. Он находится на расстоянии двух световых лет от нас. Мы можем пересечься с ним и объединить наши силы. Он также поврежден, оба корабля только выиграют от такого слияния.

— Откуда вам известно об этом? — спросил Ганс. — По «ноучу» вы не могли получить подобную информацию.

— Мы обнаружили последствия столкновения и проследили возможный путь отхода корабля. Дистанционные датчики помогли нам уточнить его путь.

— И вы не сообщили нам об этом, — укоризненно произнес Ганс.

— Всему свое время.

Ганс пожал плечами и уставился в пол.

— Если бы нам знать то, что известно убийцам… — пробормотал он.

— Убийцы не знают, что нам удалось вырваться. А вот о спасении второго корабля им, возможно, известно. Но им не известно его местонахождение. Если два корабля объединятся, мы сможем воссоздать полноценный Корабль Правосудия.

— На том, другом корабле… Есть ли там люди? — спросила Эйрин Ирландка.

— Нет, там не люди, — ответил мом.

— Необходимы ли этим существам те же условия жизни, что и нам? — поинтересовалась Паола Птичья Трель. — Я имею в виду кислород для дыхания и тому подобное?

— При незначительной корректировке возможно существование в идентичных условиях, — сказал мом.

— Как они выглядят? — спросил Дэвид Аврора.

— Всю информацию о корабле и его обитателях вы получите перед объединением.

— Мы будем голосовать? — Этот вопрос задала Ариэль.

— Голосование не воспрещается. Но вы должны понять, что мы не сможем выполнить нашу

миссию при теперешних условиях.

— Ну и черт с ней, обойдемся и без этого дерьма, — раздался за спиной Мартина чей-то голос, — кажется, Рекса Дубового Листа.

— Вы что, считаете, что действительно нуждаетесь в голосовании? — возмутился Ганс. — По-моему, я все еще Пэн, и я готов сражаться. Если это единственный шанс, следует им воспользоваться.

— И все же мы настаиваем на голосовании, — не уступала Ариэль. Роза Секвойа вторила ей глубоким спокойным голосом, звучавшим, как будто из пещеры.

— Хорошо, — Гансу ничего не оставалось, как согласиться. — Мартин, Гарпал, считайте голоса.

Команда проголосовала быстро, без излишних эмоций. Из шестидесяти пяти человек тридцать проголосовали «против», тридцать пять — «за». Что удивительно, Ариэль проголосовала за объединение. Роза — против каких-либо дальнейших действий.

— Ну что ж, больше не будем к этому возвращаться, — сказал Ганс и встал перед командой. — Теперь я должен покаяться и получить по заслугам. Сегодня я вышел из себя и осквернил наше гнездо. Неделю я проведу в уединении. За

Пэна остается Гарпал. Мартин будет помогать ему. Я полагаю, всем нужен отдых. Пусть момы закончат свою работу в отношении погибших. Мы говорим им «прощайте». Но жизнь продолжается.

Он кивнул тем, кто стоял рядом, когда, направляясь к двери, проходил мимо них. Гарпал взглянул на Мартина: речь Ганса прозвучала более жестко, чем они ожидали. Мартин ощутил себя больным; его мучила старая неутихающая боль и вновь появившееся предчувствие распада, висящего над командой.

— Нам следует поговорить, — сказал Гарпал.

Но Мартин отказался:

— Нет, прежде всего нам необходимо отдохнуть. Мы перенесли слишком многое, и я не способен сейчас здраво рассуждать об альянсе. — Внезапно его охватила дрожь. Что это было: перевозбуждение или изнеможение, трудно было сказать. Но он превозмог себя и бережно тронул за руку поникшего Гарпала. — Нам нужно время для отдыха. И для скорби.

Каюта Мартина была холодной и голой, в ней все еще присутствовал запах гари. Он вошел, и дверь мягко закрылась за ним. В этот момент, несмотря на запах, он мог почувствовать себя,

как в начале их путешествия, — когда первый «Спутник Зари» был представлен детям, и они обрели в нем свой дом.

С тоской, а отчасти и с облегчением, он заметил, что комната изменилась и не похожа на ту, в которой они с Терезой любили друг друга. Корабль был заново отремонтирован и значительно переустроился; возвышение, которое поддерживало их кровать, теперь могло сдвигаться на несколько метров в сторону или быть убрано совсем. Что теперь связывало его с прошлым?

Ничего.

Мартин свернулся на полу и закрыл глаза, прижав щеку к гладкой холодной поверхности, кончики пальцев согнутой руки касались пола.

В его полусонном воображении возникло покореженное тело Джорджа Кролика. Мартин вспомнил, каким тот был когда-то — болтуном, весельчаком, надежным другом, любимцем всей команды.

Джордж Кролик и другие погибшие вскоре окажутся в воздухе, которым еще недавно дышали, из которого добывали пищу и воду. Они — да, но только не Тереза и Вильям.

Мартин потянулся рукой к Терезе. Он почти чувствовал ее присутствие, его пальцы искали ее

рядом и, казалось, поймали едва уловимое ощущение прикосновения. Вернувшись к здравому смыслу, Мартин отдернул руку и прижал ее к груди. «Прощай, — прошептал он и уснул.

Позади «Спутника Зари» останки Полыни образовали разноцветные клубы дыма, похожие на бурлящее молоко, подсвеченное многочисленными огнями.

Хаким, скрестив руки на груди, наблюдал за умирающей звездой с холодным любопытством. Рядом с изображением на звездной сфере мелькали цифры, диаграммы, отражающие состояние останков звезды. Измерения производились с внутренних срезов значительной глубины.

— Если бы я снова оказался на Земле, — сказал Хаким Мартину, — я бы стал астрономом. Но, все равно, никогда в жизни я бы не увидел ничего подобного. Как ты думаешь: все же, где бы я предпочел быть? Здесь, сейчас, наблюдая эту сцену, или…

— Ты предпочел бы быть на Земле, — не дослушав вопроса, убежденно ответил Мартин. Они находились в носовой части корабля, остальные члены экипажа в это время ожидали окончания самозаточения Ганса. Но не только у Пэна, в душе каждого проходила переоценка ценностей.

Хаким молча кивнул, соглашаясь с Мартином. Его лицо сильно изменилось со времен Стычки, как Эйрин Ирландка называла их трудную победу. Выражение лица стало суровым, появился блеск в глазах, улыбка казалась натянутой, глубокие линии пролегли вокруг губ и глаз.

— Воэможно, это был бы справедливый обмен. — сказал Хаким. — Интересно, сколько Кораблей Правосудия было загнано в ловушку Полыни и разрушено?

— Нам еще повезло, что ловушка оказалась ненадежной, — заметил Мартин.

— Ты знаешь не хуже меня, что в войне важна не только стратегия, но и удача. Мы можем только радоваться, что столкнулись с более слабым врагом.

— Не стоит надеяться, что враг слабый, — остановил его Мартин. — Они могут быть все еще сильными.

— Тогда почему они скрываются за ловушками?

— Чтобы избежать неприятностей. Возможно, это не более значимо для них, чем потеря жука заппера в саду.

На лице Хакима появилась озорная улыбка.

— Мне нравится метафора, — сказал он. — Мы

москиты, но мы несем желтую лихорадку… Теперь, когда жук заппер повержен, мы летим домой…

— Чтобы соединится с группой бабочек, — поддержал Мартин.

— Я бы предпочел ос, — хихикнул Хаким. Неожиданно его голос осекся. Он отвернулся. — Извини меня, — глухо произнес он немного позже.

— Кто-то, кого ты любил? — спросил Мартин, выдержав паузу. Он никогда не интересовался любовными делами Хакима, отчасти из-за уважения, отчасти из-за того, что Хаким и его партнеры всегда были очень осмотрительными.

— Мне трудно назвать это любовью, — ответил Хаким. — Мин Муссон… Она была мне ровней, и я не мог… Не знаю, как объяснить в двух словах. Она много значила для меня. Мы не были слишком откровенны друг с другом. — Огромная боль прозвучала в этих словах.

Мартин смотрел на красочный экран. Доминировали красные и зеленые цвета. На таком расстоянии догорание планет можно было оценить только по диаграммам и при большом увеличении. Спирали плазмы, исходящие от полюсов, быстро распространялись и собирались в дуги, образующие огромную сферу; искусствен-

ные поля, контролирующие Полынь, придавали направление всему динамичному и сами преобразовывались в движущую силу. Тело Полыни приобретало вид естественно умершей звезды. Возможно, это тоже было спланировано убийцами.

Если ты в лесу, не разжигай огня ярче, чем это необходимо.

— Однако ты любил. Ты любил … — проговорил Мартин.

Хаким ответил ему слабым кивком головы. Они вновь немного помолчали.

— Надеюсь, наш новый Пэн укрепит свою позицию, — произнес Хаким тихо, словно опасаясь, что Ганс услышит.

— Это не легко.

— Мы еще не достигли места назначения, а уже существует масса сомнений. Не знаю, как я буду общаться с новыми коллегами нечеловеческой природы, можно сказать, нелюдями.

— Корабль и момы не знают о них ничего дурного, — заметил Мартин. — Иначе они сказали бы нам об этом.

— Согласен, — кивнул Хаким. — Я никогда не верил, что момы скрывают от нас какую-нибудь информацию.

— О, я не настолько доверяю им, — поморщился Мартин. — Они сообщают нам то, что необходимо знать, но…

— Извини за такие слова, но ты рассуждаешь, как Ариэль.

Мартин нахмурился:

— Пожалуста, не надо.

— Не обижайся, — Хаким заговорил с прежним оттенком шаловливости.

Роза Секвойа в окружении двадцати двух членов экипажа сидела в столовой. Она руководила церемонией памяти по умершим, следуя — как Мартин понимал — своим собственным правилам и ритуалам. Мартин не стал вмешивается: ритуал обладал целебным действием.

Она то ли придумала слова гимнов, то ли позаимствовала их из старых песен и сочинила музыку, чтобы экипаж мог подпевать. Мартин наблюдал за происходящим со стороны, стоя возле двери. Он не пел, но чувствовал, как сердце забилось сильнее, ему передалось волнение поющих.

Роза взглянула на него, и их глаза встретились. Она улыбнулась открытой широкой улыбкой, в которой не было и тени обиды.

Она находит себя в нашей боли и в нашем горе, — подумал Мартин. Хотя, возможно, это были

слишком злые мысли.

Ганс вышел из изоляции через шесть дней, мрачный и небритый, со торчащей белесой щетиной на лице. По его хмурому выражению никто не мог догадаться, о чем он думает, и меньше всех Мартин. Ганс назначил закрытое заседание с Хакимом и остатками исследовательской группы. Затем он резко покинул носовой отсек — без слов стремглав промчавшись по коридору мимо Мартина и Эйрин Ирландки.

— У него не было любовных отношений с тех пор, как он стал Пэном, — заметила Эйрин.

Мартин удивленно посмотрел на нее:

— Ну и что?

Эйрин взмахнула ресницами:

— А то, что это странно. Раньше он не отличался целомудренностью. Многие Венди предпочитают мышцы мозгам.

— Он не тупица, — заступился за Ганса Мартин.

— Он все еще ведет себя как сопляк, — не унималась Эйрин.

— Может быть, он ждет свою девушку, — сказал Мартин, сознавая, как глупо звучат его слова.

Эйрин язвительно захохотала.

— О, да. Ту, которую не встречал раньше.

— У нас скоро будут гости, — сказал Мартин, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Слушай, избавь меня от этого, — уходя, бросила через плечо Эйрин и состроила гримасу.

В столовой Ариэль поставила свой поднос с едой на стол, напротив Мартина. Новое часовое расписание дня, установленное Гансом, определяло для каждого свой индивидуальный цикл чередования сна и бодроствования: Мартин, к примеру, сейчас ужинал, а Ариэль завтракала. Но поглощаемая ими пища почти не различалась. Корабль еще не мог представить им то разнообразие блюд, какое они имели раньше. Члены экипажа получали калорийную, но простую еду: чаще всего пудинг, напоминавший хлеб грубого помола, иногда пудинг заменялся супом.

Они обменялись небрежными приветствиями. Мартин старался не смотреть в сторону Ариэль, но постоянно чувствовал на себе ее взгляд, от которого ему становилось не по себе.

— Что ты теперь думаешь о Гансе? — спросила она, когда их взгляды все же пересеклись.

— Он делает все правильно, — ответил Мартин.

— Лучше, чем ты?

— В некоторых вопросах — да.

— В каких именно? Прости мое любопытство, я вовсе не хочу тебя обидеть.

— Я и не обижаюсь. Он более осторожен, чем я, и, возможно, лучше чувствует настроение экипажа.

Она покачала головой, но по выражению ее лица нельзя было угадать, согласна она или нет.

— Что ты думаешь обо всем этом? — в свою очередь спросил Мартин.

— Не берусь судить. Он более осторожен, чем все предыдущие Пэны. Роза поддерживает его. В своих выступлениях она теперь постоянно напоминает о наших обязанностях.

— Выступлениях?

— Я не была ни на одном, но наслышана о них.

— Она проповедует?

— Пока нет, — ответила Ариэль. — Она дает советы, помогает некоторым понять причины и последствия Стычки.

— Она осуждает момов?

— Не совсем.

— Отрицает их участие?

— Она даже не упоминает о них, как мне говорили. Она говорит об ответственности и свободе выбора, о нашей роли в широком проекте перестройки Вселенной. Мне кажется, тебе стоит

пойти и послушать.

— Возможно, и стоит, — согласился Мартин.

— Хорошо бы пойти и Гансу.

— Не хочешь ли ты, чтобы я шпионил за ней для Ганса?

Ариэль сделала отрицательный жест.

— Я только думаю, что происходит нечто важное.

— И неизбежное, — почти шепотом добавил Мартин и встал, чтобы удалиться в свою каюту.

Теодор Рассвет посещал его в снах. На этот раз он был очень разговорчив, и Мартин вспомнил многое из его слов, когда проснулся.

Они сидели в саду под цветущим деревом. На Теодоре была короткая белая туника. Его ноги загорели от долгого пребывания под летним солнцем, которое в момент их разговора находилось как раз в зените. Они ели виноград и были похожи на римлян. Теодор обожал читать о римлянах.

— Что-то непонятное происходит с Розой, — сказал Теодор. — Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Думаю, да, — ответил Мартин. Лист винограда из его рук мягко опустился на гравий под ногами.

— Беда в том, что пророчество может иметь и

отрицательные стороны, которые нельзя игнорировать и о которых нельзя забывать. Смысл проповеди будет четко представлен и разжеван массам. Если что-то, что она скажет, подходит не всем, то оно будет расжевано еще тщательнее. Любой несогласный останется в одиночестве. В борьбе с противоречиями будут сфабрикованы любые факты, все грубые грани будут сглажены, и, в конце концов, согласными окажутся все. Люди поверят во все, только не в первоначальный смысл слов.

— Роза не пророк.

— Ты же сказал, что ориентируешься в том, что происходит.

— Она не пророк, — твердо повторил Мартин. — Ты только посмотри на нее.

— Она обладает виденьем. Это трудное время для тебя.

— Вздор! — закричал Мартин, разозлившись. Он вскочил с мраморной скамьи, неуклюже оправляя складки робы, к которой никак не мог привыкнуть. — Кстати, Тереза с тобой?

Теодор печально покачал головой:

— Она мертва. Ты должен смириться с ее смертью.

Паола Птичья Трель и Мартин оказались одни

в хвосте корабля. Они закончили проверку жезловой связи для момов и, не имея дальнейших инструкций, были рады отдыху ото всех дел.

Разговор иссяк. Паола смотрела в сторону. Ее оливковая кожа потемнела, губы были крепко сжаты. Мартин протянул руку и погладил ее по щеке, желая снять напряжение. Она прижалась к его руке, и слезы потекли по ее лицу.

— Я не знаю, что делать, что чувствовать, — прошептала она.

У нее были какие-то отношения с Сигом Мотыльком. Мартин не хотел расспрашивать, чтобы не бередить свежую рану. Он просто молча слушал.

— У нас не было близких отношений, — сказала она. — Настоящей близости я не испытывала ни с кем. Но Сиг был хорошим другом, он понимал меня.

Мартин кивнул.

— Как ты думаешь, хотел бы он, чтобы я страдала по нему? — спросила она.

Мартин собирался отрицательно покачать головой, но, взглянув на Паолу, улыбнулся и ответил:

— Если только немного.

— Я буду помнить его, — она поежилась при

слове «помнить», словно оно означало принятие смерти или предательство, а может и то, и другое. Ведь помнить о человеке — совсем не то, что представлять его живым.

Для него было естественным держать ее в своих объятьях. Паола Птичья Трель никогда не вызывала у него серьезных симпатий, поэтому, обнимая ее, он не испытывал угрызения совести по отношению к памяти Терезы. Паола, должно быть, чувствовала то же самое.

Стоять стало неудобно, и они легли среди сплетений труб. Запах гари здесь уже почти не ощущался.

Место, где они лежали, было сухим, тихим и изолированным. Мартин почувствовал себя мышонком в огромном доме, схоронившимся в уголке от скопища котов. Паола казалась тоже мышкой, маленькой и нетребовательной. Она не утомляла его общением и ни о чем не просила. Дальнейшее произошло инстинктивно, как-то само собой. Он даже не раздел ее полностью, и сам был полуодет. Он лег на нее, и в едином порыве они соединились. Паола закрыла глаза.

Никто из них даже не вскрикнул.

Движения Мартина были медлительными, бережными. Она не испытала такого сильного

оргазма, как он, но Мартин понял, что она и не желала большего, и не стал настаивать. Она могла решиться только вот на такую частичную измену — измену временного характера, не обеспечивающую полноценного возвращения к нормальной жизни. После — ни слова не говоря о том, что произошло — они привели в порядок свою одежду.

— Какие сны тебе снятся в последнее время? — спросил он.

— Ничего необычного, — ответила Паола. Она подтянула ноги, обхватив их руками, и опустила подбородок на колени.

— А я вижу замечательные яркие сны. Уже давно. Очень специфические сны, почти поучительные.

— О чем они?

Мартин почувствовал, что ему проще описать сны, чем рассказывать их содержание.

— Это воспоминания с реальными людьми, в них участвующими. Людьми с корабля, которые разговаривают со мной и дают советы, словно они все еще живы.

Паола кивнула, слегка стукнув подбородком о колени.

— У меня были похожие сны, — сказала она. —

Я думаю, наступило особое время для всех нас.

Мартина невольно вздрогнул при этих словах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Это только кажется, что все идет по-прежнему. Мы слишком далеки от людей, которые приходят к нам во снах. Наши связи с ними со временем утрачиваются. Но что-то должно измениться.

— Что? — спросил Мартин.

Паола выпрямила ноги и уставилась на свои голые ступни.

— Наша психология уж точно, — ответила она. — Я не знаю, как все пойдет дальше, я только предполагаю. Но одно несомненно: наступает время, когда мы должны понять, кто мы есть на самом деле.

— Распростившись с прошлым?

— Возможно. Или взглянув на него иными глазами.

— Сиг приходит к тебе во снах? — спросил он.

— Нет, — ответила она и пристально посмотрела ему в глаза.

Он подумал: вряд ли они еще когда-нибудь займутся любовью друг с другом.

Позже, уже в своей каюте, готовясь к вахте в носовом отсеке, Мартина охватила легкая мелан-

холия, но его состояние было не таким мрачным, как прежде. Прошло только несколько недель с тех пор, как он пришел в себя, но тучи немного развеялись и, периодами, он мог мыслить отчетливо, без присутствия теней Терезы и Вильяма.

В носовом отсеке Хаким спал, а Ли Гора и Джакомо Сицилиец изучали бездыханное тело Полыни. Через несколько месяцев они увидят только пелену газов, слабое удаляющееся пятно в всепоглощающей темноте.

— Есть ли какие-нибудь признаки зарождения нейтронной звезды? — спросил Мартин Ли Гору.

— Никаких, — ответила она. — Дженнифер не думает, что она сформируется. Она считает, что звезда сильно повреждена, что почти все ее содержимое выброшено наружу.

— Это должно предотвратить взрыв, — добавил Джакомо Сицилиец. Эксперт почти такого же класса, как Дженнифер, он занял место Томаса Фруктового Сада в исследовательской команде.

Мартин испытывал какое-то смутное чувства неудовлетворения. Он считал, что у них имеются неотложные дела, куда более важные, чем научно-исследовательские изыскания, которые так обожал Хаким. Получение знаний ради знаний не было их Работой. Однако Хаким настаивал

на изучении останков Полыни, чтобы освоить технологии убийц.

Предстоят долгие месяцы путешествия до встречи со вторым кораблем; обучение не является главным в их ситуации. Исцеление ран и сплочение экипажа сейчас кажутся основными проблемами.

Вместе с Джакомо Мартин регистрировал данные и вглядывался теперь уж в их прошлое, представленное на экране красивыми завитками скоплений газов и пыли.

Никаких признаков активности убийц вокруг Полыни.

Дитя тьмы действительно умерло.

Последующие месяцы тянулись медленно и уныло. Установилось сравнительное спокойствие, которое они знали до Стычки; нейтринный шторм не возобновлялся. Единственный мом на корабле бесстрастно объявил им, что разрушения, нанесенные «Спутнику Зари», требуют длительного ремонта. Еда была питательной, но однообразной, доступ к библиотеке ограничен узким тематическим материалом, графики, отображаемые жезлом, давали нет уж и много пищи для ума.

Мартин предполагал, что теперешний «Спут-

ник Зари» утратил какую-то часть своей основной памяти и стал только тенью бывшего Корабля Правосудия. Мом уже казался не совершенным механизмом, а потерянным в неопределенности. Этой неопределенностью был порядок вещей. Во всяком случае Мартин не выказывал беспокойства. Вынужденное затишье давало им время подумать, и он старался использовать передышку.

Однако Ганс был явно обеспокоен.

Каждые пять дней экс-Пэны собирались на колоквиум в каюте Ганса.

— Мне бы не хотелось быть Пэном учебных тренировок, — сказал Ганс. — Наша встреча с новыми партнерами состоится не ранее, чем через три месяца. Мы провели научно-исследовательскую работу, и каждый из нас наверняка думает, что он знает все о Полыни, — за исключением, может быть, Дженнифер и Джакомо… Мы маемся без дела, с нами до сих пор только один мом, и это настораживает. Я прав? — Позже Ганс не раз повторит: «Я прав?». Эту фразу он произносил несколько гнусавым голосом, приподняв одну бровь, что впечатляюще действовало на людей. — Кроме того, нам нужна умственная встряска. Корабль вряд ли окажет нам достаточ-

ную помощь. — Он посмотрел на Чэма, но тот только пожал плечами.

— Что скажешь ты, Мартин? — спросил Гарпал.

Мартин поморщился:

— Без дистанционной связи мы не сможем узнать что-нибудь новое о Левиафане.

— Пища слишком однообразная, — заметил Гарпал. — Мы могли бы готовить сами.

Джой Плоский Червяк фыркнул:

— Мом и близко не подпустит нас к продуктам.

— У тебя есть какие-то конкретные предложения, Джой? — спросил Ганс.

— Такое впечатление, что мы оказались в длинном беспросветном туннеле, — тихо сказал Джой. — Лучше мы уснули.

— Я уверен, если бы у нас был выбор… — начал Мартин.

— Н-да. Но мом знает, что делает, — Эта фраза, так же часто произносимая Гансом, была подхвачена экипажем. Если возникала какая-нибудь проблема или постигало разочарование, кто-нибудь непременно вставлял: «Н-да, мом знает, что делает.»

— Я думаю, нам следовало бы… — вновь сделал попытку высказаться Мартин.

— Пошли они подальше — все эти беспокойства о корабле! — гаркнул Ганс.

— Я бы…

— Я сказал хватит, — снова прервал его Ганс.

— Черт побери, дай мне сказать! — взорвался Мартин.

Джой и Чэм вздрогнули. Ганс усмехнулся, поднял руки и кивнул:

— Ты тоже имеешь право слова, — отчеканил он.

— Мы не можем порицать корабль за то, что они не уберегли жизни наших товарищей, — только и произнес Мартин. Он не сказал и части того, что хотел, но при таких условиях его речь не имела смысла.

— Не думаю, что кто-нибудь из присутствующих здесь Пэнов удовлетворен создавшимся положением, — заметил Ганс. Он нервно постукивал по столу, за которым они сидели. — Я прав? Я столкнулся с проблемами, которых никто из вас не знал. Политические проблемы. Психологические проблемы. Мы не имеем настоящей работы, масса времени проходит впустую. Единственное занятие, которое я могу предложить, это спорт. Я не люблю его, но сейчас это необходимо.

Чэм поднял руку:

— Что еще?

— Мы должны подумать о том, что будет дальше.

— Что значит дальше?

— После того, как Работа будет сделана. Нам необходимо разработать конституцию, законы, ну и так далее. Надо подготовиться к тому времени, когда мы найдем новый мир…

Ганс выслушал все это с кажущимся вниманием, которое, однако, не было убедительным для Мартина.

— Хорошо, — сказал Ганс. — Джой, займись этим. Чэм, а ты организуй соревнования и игры. Начни с состязаний в беге от носа к хвостовому отсеку, как мы делали это раньше. Подумай о наградах. Встряхни людей, заставь их расшевелиться. Мартин, может быть, ты займешься интеллектуальными забавами? А? Привлеки Хакима, Дженнифер. В общем, кого хочешь. Как насчет соревнований на быстроту реакции? Если мы вынуждены надеяться только на собственные силы, мы должны быть находчивы и изобретательны.

Я прав? — мысленно закончил Мартин. Но Ганс лишь улыбнулся и ничего не добавил.

* * *

Роза Секвойа удобно расположилась в учебной комнате в центре группы из тридцати двух человек, включая Эйрин Ирландку и Паолу Птичью Трель. Мартин стоял у стены, слушая и наблюдая.

Она говорила спокойно, не настаивая, не требуя внимания, иногда сопровождая свой рассказ жестами. Ее низкий проникновенный голос действовал успокаивающе. Мартин заметил, что в облике Розы произошли изменения; благосклонность и безмятежность в выражении ее лица настораживали. Особое время.

Ганс вошел вслед за Мартином, кивнул в знак приветствия. Он тоже прислонился к стене, рядом с Мартином, скрестил руки на груди и прислушался.

— … Мы росли, постоянно ощущая утрату родного дома, — совсем как тот фермер, что лишился своего участка после того, как внезапный ураган снес ферму с лица земли. Однажды проснувшись, он вышел из дома и увидел лишь бесплодную почву, разоренные хлева, мертвые и потемневшие окрестности. Фермер сказал сам себе: «Я трудился на этой земле всю жизнь, почему ветер поступил

так со мной? Ферма для меня как рука или нога — почему он не унес меня вместе с ней?

Мартин слушал внимательно. Он пытался понять, насколько эта то ли сказка, то ли притча Розы похожа на те, что он познал в объемных полях.

Роза опустила глаза, ее руки свободно свисали.

— Фермер обозлился. Он решил, что может победить ураган. Он начал строить стены для защиты от ветра, все выше и выше. Это были стены из пыли, соломы, из глины со дна реки, текущей через мертвые поля. Но ветер разрушил стены… Но фермер был еще жив. Ураган отнял у него всю семью, одного за другим. Но фермер был еще жив. Он проклинал ураган. В конце концов, он стал проклинать и Творца Ветров…

— И он победил ветер? — насмешливо выкрикнул Рекс Дубовый Лист.

Роза невозмутимо улыбнулась.

— Когда стены рухнули он попытался привлечь силы магии для борьбы с ураганом. Он устраивал песнопения и прибегал к заговорам. Его ненависть росла, он ненавидел землю, ветер, воду. Он проклял их всех и озлобился еще больше. В его жилах вместо крови текла дурная вода, а мозг был отравлен яростью и страхом. Он больше не

скучал по семье, не вспоминал свою ферму. В его душе не осталось ничего, кроме жажды мести…

— Она подрывает мой авторитет, — прошептал Ганс Мартину.

— Он худел с каждым днем, его тело сморщилось, и он стал похож на мертвый стебель пшеницы…

— Я не помню, как выглядит пшеничный колос, — жалобно произнесла Бонита Высокогорная Долина. — А ведь я выросла в сельской местности, но я не помню.

— Он тоже не помнил, — спокойно продолжала Роза. — Он забыл, как выглядит урожай и все, что прежде было важным для него. Он боролся с ветром единственным оружием, которое у него осталось — бесполезными, пустыми словами. А ветер все завывал и завывал. В конце концов, фермер стал таким злобным, опустошенным и мертвым внутри, что ветер поднял его и понес, как лист. Он жил внутри ветра, пустой, как шелуха. Ветер заполнил его легкие, добрался до пустого желудка, а потом и пустой, бездумной головы.

— В чем же смысл рассказанного? — выкрикнул с места Джек Отважный. Он обвел собравшихся недоуменным взором.

— Это сказка, — ответила ему Кимберли

Кварц. — Просто сиди и слушай.

— Я не люблю слушать сказки, в которых нет смысла. Это пустая трата времени, — Джек встал и направился к выходу, напоследок бросив удивленный взгляд в сторону Ганса и Мартина.

Было заметно, что Розе не легко далось перенести этот удар. Тем не менее она продолжила:

— Живя в ветре, фермер понял, что его борьба была бессмысленной, что он не обладает нужной силой. Он перестал посылать проклятия и начал прислушаться к окружающим. Он прекратил сопротивляться… Как можно сопротивляться могущественной силе? Он жил в ветре, став частью вихря, кружения, завывания. Он встретил других людей в ветре…

Ганс жестом приказал Мартину следовать за ним. Они вышли из комнаты и остановились в коридоре, пройдя мимо Джека Отважного, Эндрю Ягуара и Кирстен Двойной Удар.

Очень тихо, чтобы никто не услышал, Ганс произнес:

— Когда я был маленьким, еще на Земле, мои родители в наказание за любой проступок лишали меня телевизора и видеоигр. Я тогда чуть не спятил. Я даже начал читать книги… Да, у нас нет телевизора. Но Роза лучше, чем ничего. — по-

думав, он покачал головой и добавил, — Но не на много.

— Ты трахался с Паолой Птичей Трелью? — спросила Ариэль.

Мартин покраснел. Взяв поднос с едой, он попытался избавиться от Ариэли, но она следовала за ним по пятам.

— Так трахался или нет? — с невинным видом вопрошала она.

Он было присел, но увидев, что Ариэль устраивается рядом, резко встал и направился к другому столику. Она не отставала. Тогда он с грохотом поставил поднос, стукнул кулаком по столу и рявкнул:

— Какого черта тебе надо?! — Он сел и попытался полностью игнорировать ее присутствие.

— Не хочу показаться любопытной, — невозмутимо продолжала Ариэль. — но меня интересует одна вещь. Интересно, как долго человек может сохранять верность другу, если этот друг погиб?

Мартин чувствовал себя не в своей тарелке.

— Слушай, дай мне спокойно поесть, — процедил он сквозь зубы.

— Прости. Я надоедаю тебе. Прими мои извинения, — она забрала поднос и вышла из столовой, оставив Мартина в смятении — рассержанным

и виноватым.

В эту ночь он снова плакал, вспоминая Терезу. Но он забывал свои сны.

Два мома вошли в учебную комнату во время обсуждения командой прошедшей десятидневки. Никто не объявил об их появлении, не звучали фанфары, но экипаж возликовал, восприняв этот факт, как признак того, что дела пошли на лад.

Ганс объявил результаты первого дня соревнований по бегу.

Для сжатого сообщения по научным исследованиям Хакиму предоставили всего пять минут.

После собрания Дженнифер Гиацинт подошла к Мартину.

— Хочешь узнать, чем мы занимаемся? — спросила она. Ее голос звучал почти заговорщицки, хотя Мартин не мог представить себе Дженнифер, замешанной в какой-нибудь интриге.

— Ну и чем же? — поинтересовался он.

— Звуковым сигналом «ноуча». Мы устраиваем небольшую конференцию для оценки результатов.

— О, это интересно! — Мартин собирался принять участие в очередном этапе соревнований по бегу, но ради такого случая, не задумываясь, изменил свои планы. — Конечно, я приду.

— Тогда встретимся в носовом отсеке через десять минут. Хаким Хадж, Джакомо Сицилиец и Торкильд Лосось тоже придут.

— Отлично.

Несколькими десятидневками раньше Хаким, Джакомо и Торкильд организовали Общество Изучающих «ноуч». Мартин не посещал их собраний, ему рассказывали, что доклады там слишком сухие, со сложными математическими выкладками, что основные сведения подаются через момерафы.

Но все это оказалось не так.

Дженнифер, правда, не без помощи Джакомо, составила исчерпывающее описание работы «ноуча». В нем объяснялось, как материя могла изменяться под воздействием информации, посланной по «ноучу», и какие горизонты это открывало перед Благодетелями.

Хаким представил графики и несколько минут объяснял Мартину ключевые моменты исследований.

Дженнифер и Джакомо, взявшись за руки, не могли оторваться от своих момерафов буквально до того момента, как Торкильд объявил о начале собрания.

— Мы попытались понять основные принципы

технологий Благодетелей, — начал Торкильд. — Дженнифер выполнила фундаментальную работу, ставшую основой для всех нас. Джакомо, в свою очередь, создал строение над этим фундаментом…

Джакомо улыбнулся.

— Можно сказать, они сблизились в работе, — пошутил Торкильд.

Хаким положил руку на плечо Джакомо в знак поддержки и поздравления. Лицо Дженнифер было непроницаемо, только в глазах появился огонек.

— Хаким оказывал поддержку, а я работал над оформлением, — продолжал Торкильд. — Хочу добавить, что то, к чему мы пришли, не имеет особого значения для нашей миссии. В основном, это чисто теоретическая работа.

— Не согласна, — воскликнула Дженнифер.

— Я вот еще что хочу добавить… — продолжил было Торкильд. Но Дженнифер, не вытерпев, перебила его:

— Я думаю, ты не прав, наши исследования имеют большое значение для Работы. В свое время для нас оказалось совершенно неожиданным то, что убийцы превратили наши корабли в антиматерию. Мы полагаем, что момы тоже

были застигнуты врасплох. С помощью подобных исследований мы сможем приблизиться к ответам на этот и ему подобные вопросы, сможем больше узнать об устройстве нашего вооружения и оборудования. Поспособствуют они и более качественному планированию.

Мартин потер нос.

— Ну и что же из себя представляет ваше строение? — спросил он.

Хаким спроектировал полученные схемы и расчеты.

— Первое, что мы поняли, — начал он, — это то, что «ноуч» — это мгновенная связь, независящая от расстояний. Достигается такое путем смешения двух видов частиц — в данном случае атомных ядер. Но это происходит лишь в том случае, если частицы «поверят», что они одинаковые. Второе — реально создать частицу, способную ввести в заблуждение целую матрицу, убедив матрицу, что она, эта частица, имеет вполне определенную структуру, месторасположение и предисторию. Но такую частицу вполне возможно изготовить тем же образом, как и так называемую «фальшивую материю». Можно создать частицу, которая будет сопротивляться давлению, но не сопротивляться ускорению, ко-

торая будет иметь размеры, но не иметь массы.

— «Ноуч» может стать ключем к разгадке многого, — продолжила эстафету Дженнифер — Чтобы осуществить отправку «ноуча», необходимо перемешать элементы посылаемой частицы — тем самым изменив информацию о ее характеристиках.

— А что вы имеете в виду, говоря, что частицы «верят» во что-то? — спросил Мартин.

— Поведение частицы зависит от ее структуры, — в часности, от того, как мы ее переделаем. Хотя «поведение» такое же малоподходящее слово, как и слово «вера». Нет, мы, конечно, не думаем, что частицы живые или разумные. Но им присуще вполне конкретные характеристики, вполне определенное поведение. Что, впрочем, распространяется не только на частицы, но и на такое всеобъемлящее понятие, как «пространство-время».

— Ладно оставим эту глобальную тему, — сказал Мартин. — Расскажите лучше, о чем еще говорят ваши цифры и расчеты.

— Создав фальшивую материю, — продолжил Джакомо, — можно убедить основные элементы матрицы, что они имеют дело с настоящей материей. Пользуясь «ноучем», мы внедряемся в

привилегированные каналы, используя частицы, которые способны убедить частицы этих каналов, что они ничем не отличаются от них самих. Срезонировав, они оказываются под нашим локальным контролем.

Существует несколько способов превращения частицы в античастицу. Бозоны, приближающиеся к частице, могут нести информацию из своего источника, перемешанную с информацией привилегированных отрядов. Бозоны являются и переносчиками энергии, которая воздействует на характеристики частицы, изменяя в ней, в первую очередь, последовательность битов информации.

— Энергия — это тоже информация? — спросил Мартин.

— Энергия — катализатор информационных изменений. Ее можно назвать информацией только в несколько ограниченном смысле. Для превращения частицу в античастицу можно воспользоваться извращенной информацией привилегированных отрядов и с ее помощью изменить внутреннюю структуру частицы. То есть, некий бозон, несущий извращенную информацию, способен оказывать влияние на внутреннюю структуру частицы, заставляя эту

частицу действовать с ним согласованно или же заставляя ее вступать в резонанс с античастицей…

— Резонанс?

— Да, при резонансе происходит перенос всех характеристик с античастицы на частицу. Это делает их конгруэнтными. По тому же принципу работает и «ноуч».

— Мы так думаем, — поправила его Дженнифер.

Мартин разбирался с трудом не только в представленном момерафе, но даже и в объяснениях приятелей.

— Мне придется просто принять на веру некоторую часть ваших исследований, — сказал он устало.

— О нет, — запротестовал Хаким. — Попробуй разобраться с этим наедине. Мы можем ошибаться, поэтому нуждаемся в критике.

— Боюсь, что я не смогу что-либо посоветовать.

— Мы сами не во всем можем разобраться, — заметил Хаким. — Мы лишь допускаем, что наши исследования нечто большее, чем теоретическая игра.

Мартин ткнул пальцем в выражение, которое вызывало у него некоторое сомнение:

— А скажите, для того, чтобы превратить материю в антиматерию, много ли понадобиться предварительно иметь антиматерии? Расчет идет частица на частицу или нет?

— Не думаю, — сказал Хаким. — Согласно момерафу Дженнифер, одна частица может стать причиной возбуждения и превращения многих других. Для этого достаточно узнать лишь структуру частицы.

— Что сделать очень непросто, если она находится на расстоянии, — добавил Торкильд.

— У нас нет ключа разгадке, как это сделать, — вздохнула Дженнифер. — Вот в чем различие между теорией и практикой.

Мартин тоже вздохнул.

— Все понятно? — поинтересовался у него Торкильд.

Мартин закрыл глаза и покачал головой.

Мартин сидел один в опустевшей комнате. Он пытался освоить момераф, но его мысли были заняты другим. Он думал о том, насколько изменилась команда в последние месяцы. Люди стали похожи на пассажиров, которые претерпевают худшие времена на корабле, плывущей наугад, или на расхлябанных, унылых студентов.

Ему страстно захотелось, чтобы время неслось

стремительнее, чтобы события развивались, назначались свидания, происходило что-нибудь значительное, что-нибудь нетеоретическое.

Розины притчи становились все совершеннее, все изощреннее.

Соревнования по бегу закончились. Ганс выставил свою кандидатуру против победителя десяти этапов Рекса Дубового Листа и обыграл его на две секунды. Чрезвычайно гордый победой, Ганс отобрал для себя двух Венди для веселой вечеринки. Они стали его первыми партнершами с того момента, как он стал Пэном.

Мартин не заметил, кто были эти Венди, он слишком устал от нарастающего количества сплетен. Его не интересовало, с кем спал Ганс, украл ли он любовницу у Гарпала, как не интересовало и то, кто предпримет попытку овладеть Розой.

Сама же Роза — похудевшая на килограммов пять, с суровым, но и одновременно счастливым лицом — стала для Мартина наиболее интересной и тревожащей персоной на борту «Спутника Зари».

Мартин пришел в носовой отсек, когда он опустел, чтобы расслабиться перед звездной схемой

и понаблюдать Вселенную без чьих-либо комментариев. Звезды впереди еще не изменяли свой вид — казалось, эти яркие точки навсегда застыли на фоне безмерной тьмы.

Теории Дженнифер расстроили его. Он представлял себе невидимых врагов, которые, нанося им вред, действовали на расстоянии, как кукловоды.

— Какого черта мы здесь делаем? — спрашивал он сам себя. Мартин пришел в носовой отсек помолиться, но он не мог сообразить, чему и за кого. Ничто не волновало его, никто не сочувствовал ему, никто не знал, что он в носовом отсеке. Никто не догадывался, как он одинок. Ничто не изменилось от того, что он был расстроен и нуждался в помощи, от того, что он Мартин, сын Артура Гордона, потерял путеводную звезду. Выполнение Работы уже не казалось достаточной причиной, чтобы жить.

Его отец наверняка решил бы, что вид глубокого космоса — самая прекрасная и впечатляющая вещь, какую только можно пожелать. Мартин не видел ничего, кроме рассыпанных брызгов света, утомительно действующих на глаза.

Он боролся с остатками боли много десятидневок, но горе мучало его, как плохо заживающая

рана. Со временем боль уйдет, и Тереза действительно умрет для него… И Вильям…

Мартин тихо застонал. Он так много должен Вильяму, но ничего не может дать ему эмоционально, ни сейчас, ни когда-либо еще.

Кроме горя, ранящего его своими острыми краями, ничего не имело значения для Мартина. Унылое небытие поселилось в его душе — черное, как тьма между звездами. Комфортная пустота влекла к себе возможностью полностью отдаться ей, раствориться в ней.

Он думал о том, что обрадовался бы смерти, если бы она была концом и ничем больше.

То, чему он мог помолиться, оставалось слабым лучом надежды в его сознании. Это было нечто наблюдающее, оценивающее, сочувствующее и таинственное. Эта мудрость, сохранившаяся среди борющихся цивилизаций, обладала направляющей силой и давала шанс.

Это Нечто убаюкивало и пестовало его умершую любовь на своей груди, оно знало о его измене, но позволяло успокоение.

Он думал о мощном оргазме с Паолой, гораздо более сильном, чем те, что он испытал с Терезой.

Разочарование и звезды. Отличное сочетание, — подумал он.

Он призвал боли вернуться, позволил депрессии охватить его. Сердце замедлило свой ритм, веки закрылись, обволакивающее покрывало отчаяния накрыло его. Оно было более явным, чем память, ответственность или повседневная тоска жизни на корабле.

Никакого вмешательства.

Никакой заботы.

В любом случае эффект был успокаивающим. Он давал возможность отключиться от сложности мира, избавиться от борьбы и помешательства ума.

В середине спортивных состязаний, в период отчаяния Мартина, Роза Секвойа исчезла.

Кимберли Кварц и Жанетта Нападающий Дракон нашли ее обнаженной и полумертвой от жажды через пять дней. Они принесли ее в учебную комнату. Ариэль встала на колени и, оттянув голову Розы назад, пыталась влить в рот Розы воду. Взгляд блуждающих глаз Розы витал где-то в пространстве между людьми.

— Какого черта ты это сделала?! — заорала на нее Ариэль.

Роза улыбнулась. Струйка воды текла из ее рта, потрескавшиеся губы кровоточили. Ее лицо было запачкано засохшей кровью, нижняя губа

искусана.

— Оно снова приходило ко мне, — пробормотала она. — Я стала опасной. Я могла нанести вред кому-нибудь.

Ганс, взбешенный, ворвался в учебную комнату и, отодвинув Ариэль, встал перед Розой.

— Поднимайся, дьявол тебя побери, — зашипел он.

Роза послушно встала, пошатываясь, от нее исходил кисловатый запах, на груди виднелись капли засохшей крови.

— Ты что спятила? — закричал Ганс.

Она покачала головой, застенчивая улыбка обнажила раны на губе. Они все еще кровоточили.

Ганс схватил Розу за руку и обвел глазами комнату в поисках того, к кому можно обратиться. Ариэль вышла вперед и Ганс протянул ей, словно собачий поводок, безвольную руку Розы.

— Накорми и вымой ее. Затем запри в ее каюте. Жанетта, а ты будешь охранять дверь, чтобы она не могла выйти.

— Я должна рассказывать истории сегодня, — кротким голосом сказала Роза. — Поэтому я и вернулась.

— Ты ни с кем не будешь говорить, — отрезал Ганс. Заложив руки за спину, он, не оглядываясь,

удалился.

Мартин последовал за ним. Его уныние сменилось гневом.

— Она больна, — сказал он Гансу. — Она не может отвечать за свои поступки.

— Я тоже болен, — отпарировал он. — Мы все больны. Но она, к тому же, сумасшедшая. А как насчет тебя? — накинулся он на Мартина. — Да ты раскис, как последняя мокрица. Гарпал не лучше. Что, черт побери, происходит?

— Мы упали в глубокую яму, — ответил Мартин.

— Так давайте выбираться из нее — вместе, с божьей помощью!

— Бога нет. Я надеюсь, что нет. Никто нас не слышит.

Ганс посмотрел на него с сожалением.

— Роза с тобой вряд ли согласится, — сухо произнес он. — Бьюсь об заклад, в ее комбинзоне лежит деловая визитка Господа Бога, где бы сейчас этот комбинзон ни находился. — Ганс энергично тряхнул головой. — Из всех женщин на корабле, только она сбрасывает одежду в припадке. — Остановившись в нескольких метрах ниже по коридору, Ганс втянул голову в плечи, словно опасаясь, что Мартин бросится в него

чем-нибудь.

Мартин не двигался, связанный густой пеленой меланхолии. Чувство гнева почти улетучилось.

Ганс повернулся.

— Ты сказал, что мы в глубокой яме, — хмуро напомнил он. — То есть, ты хочешь сказать, что мы уже проиграли, не так ли? Проклятье, я не позволю нам проиграть! — Самодовольно взглянув на Мартина, он резво полетел по коридору, что-то насвистывая.

Мартин поежился, как от холода. Он вернулся в учебную комнату. Роза беседовала с теми, кто остался. Ариэль принесла ей комбинзон, плохо подходящей по размеру. Роза выглядела смешно, но ее это мало волновало.

— Извините меня за такое состояние, — обратилась она к окружающим. — Я не могла даже думать. Я не была человеком. Меня будто бы присоединили к большому генератору. Моего тела как бы уже и не существовало. — Она посмотрела на Мартина и раздвинула свои большие руки, словно готовясь взлететь. — Перед тем, как это началось, я чувствовала себя ужасно… Но сейчас это уже не имеет значения. — Внезапно глаза Розы озарились светом, казалось, она вот-вот потеряет сознание. — Я действительно уста-

ла, — прошептала она и опустила подбородок на грудь. — Жанетта, пожалуйста, отведи меня в мою каюту. Ганс прав. Не отпускай меня и не позволяй никому входить кроме тебя и Ариэль. — Она подняла руку и указала на троих, включая Мартина. — Вы — мои друзья, — сказала она.

— Очень слабый сигнал, — заметил Хаким. Он в учебной комнате отчитывался перед Гансом, Гарпалом и Мартином. — С нашими пультами дистанционного управления мы смогли бы собрать информацию на несколько месяцев раньше… Это можно было сделать и тогда, когда мы находились на орбите Полыни… Но тогда наше внимание не было сфокусировано в этом направлении.

— Хорошо, мы все поняли. — нетерпеливо прервал его Ганс. — Итак, это корабль, и он близок к нам. Кстати, на каком он расстоянии?

— Четыреста миллиардов километров. Если мы не изменим курс, мы пройдем мимо него на расстоянии ста миллиардов километров. Его курс совпадает с нашим, но скорость значительно ниже. Он идет без ускорения.

— То, что мы натолкнулись на него, кажется таким же странным, как если бы мы нашли иголку в стоге сена, — сказал Ганс. — Почему их курс

близок к нашему?

У Хакима не было ответа.

— Возможно, это наиболее оптимальный путь между двумя звездами, — предположил Гарпал. — Плюс — минус несколько сотен миллиардов километров…

— Чушь, — презрительно поморщился Ганс. — Возможны тысячи вариантов. И самый оптимальный — с точки зрения наименьшей затраты энергии — не наш, а между плоскостями эклиптик планет. Какова разница в скорости?

Хаким высветил цифры на диаграмме: различие между их скоростями составляло одну четвертую скорости света, то есть около семидесяти пяти тысяч километров в секунду.

— Даже если бы мы смогли изменить курс, мы не стали бы терять скорость ради встречи… Необходимо, чтобы мы миновали его ночью. Ты уверен, что это корабль?

— Размеры соответствуют. Длина меньше километра. Было бы все-таки неплохо разгадать эту загадку звезд.

Ганс пробурчал что-то под нос и подпер подбородок руками:

— Почему они все же послали сигнал? Почему не скрылись? Почему не продолжают выполнять

свою работу, какой бы эта работа ни была…

Никто не мог ответить.

— Можем ли мы расшифровать сигнал?

— Это не язык, который мы могли бы понять. Это серия чисел, возможно координат.

— Ты думаешь, что это сообщение спасателям о местонахождении космического корабля, потерпевшего бедствие?

— Не уверен. В таком случае числа бы повторялись… К нам же поступают сотни таких чисел… затем пауза в несколько микросекунд, и снова новая группа чисел. Дженнифер и Джакомо работают над расшифровкой.

— Какой вид координат?

— Дженнифер полагает, они описывают двухмерное изображение.

— Что-то вроде изображения в телевизоре?

— Нет, просто цифры, не аналоговое изображение, не модулированное.

— Грубые наброски, — предположил Мартин.

— Возможно, только несколько дюжин грубых набросков в определенной последовательности, — сказал Хаким. — Впрочем, мы еще ни в чем не уверены.

— Сообщите мне, когда станет ясно, — приказал Ганс.

Дженнифер вошла в носовой отсек и остановилась в дверях, сверкнув глазами. В ее усмешке появилось что-то, напоминающее собачий оскал. Такое выражение возникало на ее лице во время интеллектуального триумфа. Джакомо появился вслед за ней. Она приподняла жезл и сказала:

— Мы все поняли. Все оказалось не так уж и сложно. Полярная система координат, не прямоугольная, спиралеобразная внутри цикла, развертка, угол зета, радиус, группа чисел в последовательности: зета, радиус, независимая шкала величин. Зета изменяется каждые сто двадцать чисел. Независимая шкала содержит около тридцати величин. Сигналы транслируют около ста графических изображений, потом повторяются. Это не слишком удобно, зато просто для расшифровки.

— Хотите посмотреть? — предложил Джакомо.

Ганс потирал в нетерпении руки:

— Покажите.

Дженнифер еще выше приподняла жезл.

Изображение на первой картине было трудно разобрать, она выглядела, как серия пятен и теней. Гарпал указал на белое расплывчатое пятно и сказал:

— Я думаю, это лицо. Слишком низкая разреша-

ющая способность, не так ли?

— Мы можем интерполировать изображение, сделать так называемое лапласовое усиление, — сказал Джакомо. — Но для начала я хотел бы показать вам оригиналы изображения.

— Да, при усилении могут возникнуть искажения, — поддержал его Мартин.

Затем Джакомо представил на их обозрение и усиленные изображения. Он обратил их внимание на детали, которые мог разобрать только он. Изображения стали более контрастными и понятными, кроме белых и черных пятен появились сероватые оттенки.

— Здесь, я думаю, пять лиц, — Гарпал ткнул пальцем в изображение. Мартин кивнул. Ганс молча разглядывал изображение, сложив руки на груди и нахмурившись.

— Это явно не люди, но их тела двусторонне симметричны, — сказал Гарпал.

— Я думаю, что лиц больше. Но они слишком расплывчаты, чтобы можно было разобрать, каково их точное количество, — заметил Джакомо.

— Это, мне кажется, глаза, — указала Дженнифер. — А это рот.

— Черт побери, я ничего не могу разобрать в этом дерьме, — пробормотал Ганс, еще больше

хмурясь. — Что это?

— Может быть это экипаж… — начала было Дженнифе, но не договорила.

— Экипаж другого Корабля Правосудия. Наши будущие партнеры, — закончил за нее Мартин.

— Если так, то они совершенные тупицы. Только тупица может послать такой сигнал и ждать, что на него кто-нибудь откликнется.

— Возможно, это их последнее завещание, — предположил Хаким. — Умирающий корабль посылает слабый, но все же вполне определенный сигнал… Кто-то, кому уже безразлично, смогут ли его обнаружить…

— Момы, по крайней мере, могли бы нам сказать, жив экипаж или нет, — сказал Гарпал.

— Нет, это не наши партнеры, — заключил Ганс. — Это просто беспомощные щенки, потерявшиеся в безбрежном пространстве.

Все больше и больше лиц. Темные фигуры с ярко обрисованными контурами. Уже можно было определить, какую форму имеют эти существа: округлые тела с четырьмя толстыми, похожими на обрубки, ногами; продолговатые, как у лошадей, головы на длинных шеях, пара тонких конечностей, берущих начало от плеч и заканчивающихся четырьмя пальцами. Их, похо-

жая на сбрую экипировка, больше подходила для переноски вещей, чем для прикрытия тела.

— Кентавры! — воскликнула Дженнифер.

— Мне кажется, они больше походят на динозавров, — сказал Джакомо. — Зауроподы.

— Усильте еще, — приказал Ганс.

Джакомо и Дженнифер объединили свои усилия в регулировке, стараясь зафиксировать как можно больше деталей. На какой-то момент картинка расплылась серым пятном, а затем четко сфокусировалась — все очертания упростились до понятных пластичных форм.

— Я хочу усилить теневой фон до такой степени, пока не покажется, что источник света находится вот в этом углу, — объяснил свои действия Джакомо.

Ганс по-прежнему сохранял хмурое выражение лица. Мы столкнулись с чем-то новым, и это ему не нравится, — промелькнуло в голове у Мартина.

Джакомо тыкал пальцем в невидимое меню и клавиатуру, отдавал короткие устные приказы, которые интерпретировались жезлом.

Контрастность усилилась, тени стали более резкими, и наблюдаемая картина внезапно преобрела глубину изображения. Пятеро зауроподов,

соединившись в виде пятиконечной звезды, головами к центру, парили в помещении неопределенных размеров. Они держали друг друга за конечности, лишь отдаленно напоминающие человеческие руки.

— Групповой портрет, — усмехнулся Мартин.

— Покажите следующее изображение, также его интерпретировав, — приказал Ганс.

Появилось еще больше фигур, они стояли на фоне устройств, предназначение которых было трудно угадать. Но таким же непонятным видилось бы и внутреннее строение «Спутника Зари» для человека с Земли. Десятое по счету изображение оказалось диаграммой: звезды и какие-то большие шары на фоне испещренного цифрами темного неба. Серии цифр могли являться пояснениями к изображению, однако они были плохо различимы. Джакомо пытался варьировать усиление, но лучшей видимости так и не добился.

Хаким приблизился к изображению и сказал:

— Я вижу знакомое созвездие. По крайней мере, исследовательской команде оно хорошо известно. Мы называем его Орхидея. Оно с нами уже в течение года. Правда, здесь оно выглядит несколько по-другому… Вот более яркая звезда… — он указал на светящуюся точку. — Он жестом

попросил Джакомо передать ему пульт управления. Он вызвал карту окружающего их звездного неба и сравнил ее с нечеткой диаграммой.

— Съемки разделены большим промежутком времени, — задумчиво произнес Хаким, — но все же это одни и те же звезды. Вы заметили, что звезды на отдаленном фоне не так совпадают, как вблизи?

— Заметили, — отозвался Ганс. — Сколько времени прошло с момента съемок присланных изображений?

Хаким быстро просмотрел свой момераф.

— Если наши данные соответствуют истине, то около двух тысяч лет.

— Значит, они не могут выбраться отсюда уже две тысячи лет? — присвистнул Гарпал.

Следующие несколько изображений показывали космический корабль под разными углами зрения. Он представлял из себя три сферы, соединенные перемычками.

— Такой же, как наш корабль, — сказала Дженнифер.

Гарпал снова присвистнул:

— Без сомнения, это Корабль Правосудия.

На других картинах были изображены: каюты изнутри, одни из них, возможно, предназнача-

лись для проживания, другие — для совершения ритуалов; зауроподы, закапывающие какие-то плохо различимые предметы, по форме напоминающие яйца; зауроподы, разбивающие эти «яйца» и потребляющие содержимое; те же существа — то ли отдыхающие, то ли мертвые; двадцать блоков того, что можно было бы назвать текстом и серия из десяти индивидуальных портретов.

Следующие десять изображений были обычными схемами звездной системы. Хаким сравнил их с теми диаграммами, которые исследовательская команда сделала с Левиафана. Число планет не совпадало, но было близким, орбиты казались похожими, но не совсем.

— Трудно сказать определенно, — задумчиво произнес Хаким. — Большое сходство, но…

— Может быть, за это время система изменилась, — предположил Мартин.

— Но только не естественным путем. На их схеме показано двенадцать планет, мы же насчитали только десять. Самая большая планета исчезла. Куда она могла деться?

— Ты думаешь, они не посещали Левиафан? Что это — другая звездная система? — спросил Ганс.

Хаким нахмурился:

— Не знаю. что и сказать. Сходство слишком явное, чтобы быть простым совпадением… Эти шесть похожих планет, конгруэнтные массы, орбиты, диаметры…

— Забудь об этом на время, — сказал Ганс.

Следующие сорок изображений показывали планеты и их поверхности с очень размытыми деталями: очертания гор и каких-то других внушительных структур с гладкой поверхностью; озера и иные водоемы; скопление облаков над плато вершины горы; сауроподы, окруженные обширными защитными полями.

Последнее изображение было поразительным по своей четкости.

На поверхности планеты три сауропода стояли напротив совершенно иных существ. В первый раз появившиеся на экране существа были в три раза больше сауроподов и имели бочкообразное тело, стоящее на двух массивных, как у слона, ногах.В верхней части длинной гладкой головы располагался ряд отверстий, напоминающих глаза. Их было девять.

Существа обменивались яйцами. Один из сауроподов стоял на коленях перед огромным бочкообразным и протягивал ему яйцо.

— Что, черт побери, там происходит? — Ганс

уставился на финальную сцену. — У них слишком бедный подбор картинок, чтобы в этом разобраться.

— Возможно, что это не все, а только то, что уцелело после стольких лет, — заметил Хаким.

— Так мы будем менять курс и искать их? — спросил Джакомо.

— Нет, не будем, — резко ответил Ганс. — Они мертвы. Ясно, что это не сигнал о помощи. Они знали, что умирают.

Воцарилась тишина. Затем послышался глухой, звучащий как бы издали, голос мозгового центра корабля. Последний раз они слышали его за год до Стычки, когда Мартин еще не был Пэном.

— Готовится экспедиция для исследования корабля. — это было сказано богатым контральто. — Было бы лучше, если бы члены экипажа «Спутника Зари» вошли в экспедицию.

Лицо Мартина покраснело от удивления и злобы.

— У нас нет лишнего горючего! — прокричал он.

— Горючего достаточно, — возразил голос корабля. — Будет создано судно. Оно вместит три человека или отправится необитаемым, как вы сами решите.

— Вы можете прямо сейчас создать корабль? — удивленно спросил Хаким.

— Для чего вообще это делается? — бушевал Ганс. — Они мертвы! В этом нет никаких сомнений. Две тысячи лет!

— Это Корабль Правосудия, — ответил голос корабля. — Переданной информации недостаточно, чтобы определить, что же произошло с кораблем. Все Корабли Правосудия обязаны встречаться и обмениваться информацией, если подобная встреча возможна.

Ганс поднял руки вверх, изображая, что он сдается.

— Есть ли добровольцы отправиться к кораблю? — спросил он у окружающих.

— Мы можем бросить жребий, — предложил Хаким.

— Нет, мы не будем бросать жребий, — возразил Ганс. — Мартин, я полагаю, ты не против отправиться?

— Трудно сказать, — пробормотал Мартин.

— А я бы хотел, чтобы именно ты сделал это. Возьми с собой Хакима и Джакомо.

Дженнифер затаила дыхание.

— Сколько времени продолжится путешествие? — поинтересовался Джакомо.

— Один месяц по вашему времени, — ответил голос корабля. — Для того корабля — четыре. Вам придется пережить суперускорение и суперторможение.

— На это уйдет масса горючего, — вздохнул Ганс.

Джакомо взял Дженнифер за руку

— Это будет недолгая разлука, — прошептала Дженнифер. — Она только укрепит нашу любовь.

Но, кажется, ей не удалось убедить в этом Джакомо.

— Если на судне будут находиться люди, понадобится больше горючего, — заметил Мартин.

— Верно, — подтвердил голос корабля. — Но все же, это не главное, что вы должны учитывать. Главное, вы должны получить как можно больше информации. В присутствии людей исследования будут разностороннее.

Ганс положил руку на плечо Мартину.

— Это немного взбодрит тебя, — усмехнулся он.

— Каким образом? — удивился Мартин. — Посещение покинутых…

— По крайней мере, твоя осточертевшая кислая физиономия перестанет маячить перед моими

глазами, — процедил сквозь зубы Ганс.

— Да, похоже у меня нет выбора, — невозмутимо резюмировал Мартин.

— Я мог бы послать и Розу, — многозначительно заявил Ганс.

Мартин пристально посмотрел на него.

— Хорошо, я лечу, — кивнул он.

Хаким сделал попытку разрядить обстановку.

— О, это будет необычное путешествие! А пока мы летаем, экипажу тоже найдется занятие: они могут тщательно изучить эти изображения…

— Нет, — прервал его Ганс. — Мы больше не покажем их никому. Они, конечно, все равно узнают о существовании корабля, но не более того… Прикройте ваши рты.

— Но почему? — изумилась Дженнифер.

— Эти изображения могут плохо повлиять на моральный климат экипажа, который и так неустойчив, — подчеркнул Ганс. — Мартин, Джакомо, а вот вы изучите их подробнее, вместе с Хакимом и Дженнифер. Но никто больше не должен их видеть. Пока. Я не хочу даже смотреть на них, — добавил он, поморщась, затем приказал чеканным голосом, — Все сообщения передавайте лично мне.

— Ганс, это же обман команды, — Дженнифер

не верила своим ушам.

— Нет, это приказ. Если приказы еще что-то значат для вас. Вы согласны выполнить его?

Дженнифер попыталась что-то еще сказать, но Ганс не дал ей вымолвить ни слова:

— Все, хватит об этом. Если кто-то хочет выбрать нового Пэна — пожалуйста. Я буду даже рад вернуться к относительно нормальному образу жизни, буду выполнять приказы, вместо того, чтобы отдавать их, — сказал он невозмутимо. — Я прав?

Ни у кого не возникло желания возразить. Они вяло согласились. Дженнифер скопировала изображения на их личные жезлы.

Впервые за время путешествия одна группа удерживала информацию от другой.

Мартин вернулся в свою каюту в еще более мрачном и оцепенелом состоянии, чем когда-либо. Он снова просмотрел изображения, пытаясь оценить серьезность случившегося. Его одолевали сомнения, не слишком ли легко он уступил Гансу.

Он не связывал никаких надежд с предстоящим путешествием. Изображения были слишком безнадежными. По-видимому, Благодетели не смогли сохранить этот Корабль Правосудия. Сау-

роподы были мертвы уже тысячи лет.

Благодетели, скорее всего, знали о Левиафане и Полыни уже миллионы лет.

Они посылали сюда других. Они подозревали, что творилось вокруг Полыни, а сейчас это просто подтвердилось.

«Спутник Зари» был один из немногих.

Ни один корабль не добился успеха, никто даже не добился того, что смогли сделать они — поджечь дитя тьмы.

Но то, что ожидало их у Левиафана, могло оказаться еще более обманчивым, сложным и рискованным.

Корабль, созданный внутри второго дома-шара, был ненамного больше бомбардировщика. Его длина составляла десять метров. Внутри размещалась кабина грушевидной формы, диаметром четыре метра. В этой кабине Мартин, Джакомо и Хаким должны были провести около месяца — большую часть во сне, укутанные объемными полями.

Они попрощались. Экипаж знал чуть больше, чем ничего, — только то, что существует еще один Корабль Правосудия, возможно погибший, и что трое из них отправляются для расследования.

Ганс вышел из нового корабля, прищурившись,

посмотрел на Мартина и сказал:

— Ты можешь отказаться, если хочешь. Я понимаю, что это не пикник.

Мартим покачал головой. Он попал в дурацкое положение. Ганс предлагал ему отказаться, но он же отлично знал, что Мартин не станет делать этого, не станет столь демонстративно выказывать свою слабость.

Ганс склонил голову набок:

— Джакомо, а ты не слишком усердствуй в поисках знаний. Вдруг мы узнаем то, что нам вовсе бы и не хотелось знать.

— При таком положении дел зачем тогда вообще отправлять нас? — спокойно поинтересовался Хаким.

— Не знаю, — покачал головой Ганс. — Возможно, мы просто становимся параноиками.

— Возможно.

— И все же будем надеяться на лучшее, — сказал Ганс и пожал всем руки. Джакомо и Дженнифер попрощались друг с другом ото всех в стороне.

— Мы готовы, — сказал Мартин. Путешествие в триллион километров начинается с первого шага. Он забрался в корабль и отпустил лестничное поле. Джакомо, а за ним и Хаким, последовали за Мартином.

Когда они заняли свои места, Хаким заметил:

— «Спутник Зари» отдал нам одну четвертую своего запаса горючего.

Мартин кивнул. Но такое расточительство в данный момент не слишком волновало его.

— Внешне наш корабль похож на рыбу, проглотившую яйцо, — сказал Хаким. — Очень неудобное сооружение. К тому же, оно состоит из шестидесяти процентов фальшивой материи…

— Прекрати, пожалуйста, — остановил его Джакомо. — Меня и так тошнит.

— Итак, впереди длинное увлекательное путешествие, — усмехнулся Хаким. Он был бледен и слегка дрожал.

Люк плавно закрылся.

Они покинули арсенал оружия. «Спутник Зари» удалялся, становясь точкой на фоне звезд.

Голос мома произнес:

— Через три минуты мы начинаем ускорение.

Мартин подумал, что их корабль похож на крупного мома, получившего семимильные башмаки.

— Хотите посмотреть на себя со стороны? — Раздался по «ноучу» голос Ганса.

Он показал их изображение, каким оно представлялось со «Спутника Зари». Их судно было

похоже на стрелу с утолщением грушевидной формы посередине — его образовывали бледно-зеленые топливные баки.

Объемные защитные поля окружили всех троих пассажиров. Зрение Мартина, как обычно в таких случаях, ухудшилось, но он еще мог видеть и слышать сообщения «ноуча». Их корабль лишь на мгновение осветила яркая вспышка, затем заработали гасители.

— Счастливого пути, — прокричал им вслед Ганс.

Мартин перенес ускорение в состоянии небытия. Обрывки сновидений, похожие на воспоминания, посещали его. Он видел отца, мать, девушек, которых встречал на танцах в Центральном Ковчеге. Беспорядочные видения были восхитительны своей банальностью. После достижения кораблем скорости, почти равной скорости света, к ним вернулись более привычные поля. Звезды вокруг них образовывали сплетение, напоминающее скрученное ожерелье. Для удобства наблюдения на звездной сфере корабля появилось, более привычное им, откорректированное изображение окружающего космического пространства.

— Когда мы прибудем на место? — спросил

Джакомо. В столь тесном помещении Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Через десять дней, — ответил Хаким.

— Первые шесть дней вы можете просто спать, если хотите, — сообщил голос мома.

— Земные астронавты потратили бы на это месяцы, — заметил Хаким.

— Да, нам крупно повезло, — уныло откликнулся Джакомо.

— Давайте спать, — предложил Мартин.

Наступил сон. Он принес новую, более длительную полосу забвения. Мартин проснулся полностью дезориентированным. Выпив чашку подслащенного напитка и проделав упражнения, рекомендованные в условиях невесомости, он немного пришел в себя и начал наблюдать за своими приятелями.

Мартин полагал, что путешествие ухудшит его моральное состояние. Но к своему удивлению, он испытывал почти радостное возбуждение, у него появилось ощущение свободы, чего не случалось прежде.

Хаким вел себя так, будто бы бремя уныния передалось от Мартина к нему. Он работал спокойно, но без энтузиазма. Джакомо проводил много времени, созерцая маленькую звездную

сферу.

— Мы сейчас дальше, чем когда-либо, от своих друзей, — сказал он в конце второго дня после пробуждения. Заброшенный корабль был теперь всего лишь в двух днях пути от них. — Но что бы там ни было, — продолжал он, — я не чувствую себя изолированным. А вы?

— «Спутник Зари» сам по себе достаточно изолирован, — заметил Мартин.

— Да, но они там все вместе… А нас только трое.

Когда Мартин по-настоящему уснул, он увидел увидел темный призрак Розы, гуляющей внутри невероятно яркого зеленого поля. Ветер отрывал от призрака маленькие кусочки и уносил, как пушинки черного одуванчика. Призрак поднимался над холмами и деревьями. Он был хрупким и трогательно уязвимым.

Проснувшись окончательно, Мартин начал помогать Хакиму готовиться к предстоящим исследованиям. Мом кратко инструктировал их по вопросам устройства Кораблей Правосудия, выпущенных в глубокий космос за последние несколько тысяч лет. Но сведений об их исходных координатах и местах назначения он, как всегда, не давал. Мартин начинал верить, что они дей-

ствительно сейчас выполняют нужную работу, что его присутствие на этом судне окажется полезным для всего экипажа.

Ведь помощь экипажу тоже входила в список обязанностей самого Корабля Правосудия. Возможно, мозговой центр знает о страхах и подозрениях команды и пытается уменьшить их.

— Надо что-то предпринимать, — произнес Хаким. Два дня подряд их одолевала скука. — Предлагаю поместить себя в центр пустоты и посмотреть, что из этого получится.

Джакомо смотрел на Хакима жалобным взглядом.

— Ты хочешь, чтобы мы спятили?

— Я думаю, это позабавит нас, — усмехнулся Хаким. Его мрачное состояние прогрессировало, чувство юмора приобрело странный оттенок — частично фатальный, частично озорной. Лицо Хакима оставалось спокойным, глаза безучастными, но он иногда предлагал такое, что не могло бы прийти в голову его приятелям.

— Не уверен, — сказал Джакомо.

— Слушай, ты такой сильный, здоровый парень, тебе должно быть все нипочем, — с улыбкой произнес Хаким. — Или католик не может принять вызов от мусульманина?

Джакомо отвел глаза в сторону:

— Мои родители даже не посещали церкви.

— О, а почему никто не вспомнит о моей религии? — в шутку возмутился Мартин. Ему казалось, что разговор становится слишком напряженным, и он уже не может оставаться в стороне.

— Мы не знаем, какая у тебя вера, — сказал Хаким.

Мартин задумался:

— Я и сам не знаю, — произнес он наконец, — Я думаю, мои предки были унитарианцами.

— Я предлагаю посидеть внутри проекции окружающего пространства космоса и обменяться впечатлениями, — не отступал от своего Хаким.

Джакомо и Мартин переглянулись.

— О кей, — сказал Мартин.

Мом оказал им услугу, и через несколько минут их уже окружало интенсивно пестрая тьма — впереди, кружащиеся ожерелья размытых звезд — сзади.

Мартин мгновенно почувствовал головокружение. Невесомость никогда не беспокоила его раньше, теперь же он со всей силой вцепился руками в сиденье, на теле выступил пот. Они не смотрели друг на друга несколько минут, боясь афишировать собственные чувства.

Голос Хакима вывел Мартина из всепоглощающего ощущения бесконечного падения.

— Это хуже, чем я предполагал, сказал Хаким. — С вами все в порядке?

— Все нормально, — коротко отозвался Джакомо. — Вот только кто будет убирать, если меня стошнит?

— Хаким бросил вызов, ему и убирать, — поддержал шутку Мартин.

— Эй, подайте мне швабру, — закричал Хаким. Нервное хихиканье немного приободрило их.

— Это весьма странно, — заметил Джакомо, — когда я смотрю налево… Господи! Все крутится и вертится, как карусель.

Мартин попробовал посмотреть направо. Звездное ожерелье дрожало, неопределенность звездных очертаний пугала, они напоминали узелки на нитках, раскрашенных разведенной краской. Все увиденное напоминало океан, сзади — извержения подводного вулкана, впереди — загадочное поблескивание гигантской глубоководной рыбы. Галактической рыбы, гамма-излучение которой брало начало из глубины далеких веков.

— О чем вы думаете? — спросил Хаким после нескольких минут тишины.

— Я думаю о том, что хочу обратно, — признался Мартин.

Но они все еще оставались снаружи. Минуты тянулись одна за другой. Непроизвольно их руки соединились, дыхание стало синхронным.

— Поразительно, — воскликнул Джакомо. — Неужели я не сплю?

— Нет, ты не спишь, — покачал головой Мартин.

— Когда я смотрю кося в уголки глаз, все вокруг вытягивается, удлиняется, будто пытаясь достать меня. Да, очень таинственно.

— А я слышу глашатаев-мусульман, созывающих верующих на молитву, — сказал Хаким. — Это очень впечатляет. Хотел бы я, чтобы и вы это услышали.

— Ты все еще считаешь себя мусульманином, Хаким? — спросил Мартин.

— Мы все мусульмане, — ответил Хаким. — Это наше естественное состояние. Мы должны положиться на Аллаха и стать покорными. Аллах хранит нас, я это чувствую… И Мухаммед его пророк. Но кто может сказать, что представляет из себя Аллах? Поклоны в Мекке не помогут понять этого.

— Да, я вижу ты — мусульманин, — задумчиво

произнес Мартин.

— Папа Римский погиб вместе с Землей, — сказал Джакомо. — Момы не спасли его. Хотелось бы знать почему?

Сейчас Мартин видел траву, растущую по краям туннеля. Яркая, завораживающая зелень — от нее трудно было отвести взгляд.

— Ты помнишь, как вызвался добровольцем? — спросил Джакомо.

— Это было трудное время для меня, — отвечал Хаким. — Моя мать была против. Отец строго поговорил с ней. Она много плакала. Но я твердо решил, что должен лететь. Моя мать… С того дня она просто не замечала меня. Все это очень грустно.

— А как вам удалось пройти тесты?

— У меня их было немного, — теперь ответил уже Мартин.

— А мне пришлось пройти огромное количество тестов, — сказал Джакомо. — Психологические…

— А, эти, — небрежно откликнулся Мартин. Сразу вспомнилось, как погруженный в объемные поля, он трепетал, ожидая результатов тестирования. А момы ходили туда-сюда и ничего ему не говорили.

Мартин вспомнил гордое и печальное лицо

отца в последний день перед отлетом. Семьи собрались рядом с только что построенным Кораблем Правосудия. Светили звезды. Некоторые из детей испытывали нервное возбуждение, слишком сильное для их юных лет. Мартин вспомнил, как Рекса Дубового Листа стошнило, поспешно высланное поле захватило содержимое его желудка и смело прочь. Мартин улыбнулся. Момы никогда не дисквалифицировали детей за взвинченные нервы и страх.

Бессонные ночи, когда «Спутник Зари» уходил в темноту, поднимаясь почти год на горящем факеле, поглощаемом гасителями. Учебные занятия, освоение момерафа. Первое свидание Мартина с Фелиситой Тигровым Хвост — неловкое и восхитительное; небольшое замешательство, охватившее его, когда он понял, что влюбился. Фелисита, обладавшая большей природной мудростью не остановила тогда свой выбор на нем. В мягкой форме она отвергла его настойчивость, без смущения знакомя с другими своими приятелями…

Что удивительно, он не сразу почувствовал влечение к Терезе. В вопросах житейской мудрости момы почти не опекали своих питомцев, позволяя приобрести опыт, не прибегая к помо-

щи Благодетелей — чисто человеческим путем, учась на своих ошибках…

— Мартин, ты помнишь свою первую встречу с Дженнифер? — спросил его Джакомо.

— Да, помню. Кажется, это было в Центральном Ковчеге…

— Нет, ты ошибаешься, на Корабле Правосудия.

— Как она выглядела тогда? Я плохо помню ее в тот период.

Они долго еще вспоминали и беседовали о превратностях судьбы. Постепенно разговор иссяк, и они молча созерцали Вселенную. Мартину казалось, что она вобрала в себя его трепещущее сердце. Звездное ожерелье ожило, окутав его тонкой паутиной. Он ощутил свое слияние с галактикой и с новой силой испытал эйфорию от нахлынувших чувств.

Сколько времени прошло, Мартин не знал. Джакомо нарушил его блаженство, громко сказав:

— Все, с меня хватит.

— Но почему? — удивился Хаким.

— Потому что, черт побери, я только что громко плакал во сне.

Они решили, что действительно пора остановиться. Проекция вновь уменьшилась до

маленькой звездной сферы, возвращая их в тесную, но более комфортную кабину судна.

Торможение прошло быстро. Около двух часов они выравнивали курс и скорость с погибшим судном. Объемные поля расстаяли. Все трое с нетерпением ожидали, когда же появятся очертания корабля.

То, что они увидели, трудно было предположить. Корабль походил на скрученный, морщащийся в огне лист бумаги. Он был весь в дырах, края которых горели оранжево-красным пламенем. От домов-шаров остался только скелет, который медленно дрейфовал в облаке дыма.

— Господи! — воскликнул Джакомо.

— Что произошло? — Хаким тоже не мог сдержать волнения.

Мом позволил им медленно облететь вокруг корабля.

— Корабль — очень старый, — сообщил робот. — Централизованный контроль имел массу недостатков. Фальшивая материя полностью разрушена. Через несколько сотен лет от реальной материи останется одна шелуха.

— Никто не выжил? — спросил Хаким.

— Мы, кажется, уже на «Спутнике Зари» это знали, — угрюмо напомнил Мартин.

— Но без особой уверенности, — подчеркнул Хаким.

— Выживших нет, — объявил мом. — Мозговой центр корабля не работает. Мы исследуем сейчас секторы долгосрочной памяти.

В их корабле появилось отверстие. Мартин вылез первым. Его окружило сферическое поле с зеленоватым баллоном системы жизнеобеспечения.

— Такое ощущение, будто я нахожусь в мыльном пузыре, — заметил он.

Они работали с такими полями и раньше. Мартин придвинул к себе контрольную панель и освободил стрелку компаса, чтобы определить направление движения. Пузырь начал отходить от корабля. Его движение сопровождалось негромким звуковым сигналом и слабыми вспышками света — этим ознаменовывалась встреча атомов материи и антиматерии. После каждой вспышки на зеркально гладкой поверхности поля появлялись небольшие чашеобразные углубления.

Джакомо следующим вылез из корабля, за ним Хаким. Их снова окутала Вселенная, теперь уже не спроектированная, а реальная. Мартин увидел созвездие Орхидеи. В той же стороне, недалеко от линии проекции на звезду, известную людям

под названием Бетельгейзе, находился «Спутник Зари», разделенной с ними двумя сотнями миллиардов километров.

Мартин развернул пузырь в направлении созвездия, которое Хаким прозвал Философом.

— Как назывался этот корабль? — спросил Джакомо.

Голос мома ответил:

— Не знаю.

Они преодолели около двух километров. Мартин следовал за Джакомо, наблюдая стоккато вспышек умирающих атомов.

— Я чувствую себя ангелом. Это невероятно, — прокричал ему сзади Хаким.

Внимание Мартина сконцентрировалось на останках корабля, неясно вырисовывающихся впереди. Он мог разобрать три дома-шара, съежившихся сейчас до нечто психоделического — скелетов листьев с красными, желтыми и белыми пылающими краями.

— Я знал, что кораблю необходима энергия для поддержки фальшивой материи… Но я не знал, что ее отсутствие становится причиной такого плачевного финала, — сказал Джакомо.

Мартин развернул пузырь и направился к третьему дому-шару, оставив Джакомо и Хакима

у второго. Он заметил отверстие, достаточно большое, чтобы суметь просочиться вовнутрь. Мартин собирался предпринять эту попытку, заручившись поддержкой мома.

Уменьшенный до половины обычного размера, медно-бронзовый мом следовал за ним по пятам. Мартин не видел, как судно создавало уменьшенного робота, но, честно говоря, его несильно интересовал этот процесс. Крошечный мом передвигался, используя энергию собственных вспышек.

— Что я должен искать? — спросил Мартин у мома.

— Мозговой центр корабля должен был оставить маркер, способный контактировать с близ расположенными полями. А архив долгосрочной памяти хранится, скорее всего, в третьем доме-шаре, в месте наибольшей концентрации реальной материи.

Пузырь Мартина пересек отверстие, которое когда-то было люком оружейного склада.

— Корабль был атакован?

— Нет, — ответил мом. — Он прекратил выполнять свою миссию.

— Почему?

— У нас слишком мало информации для ответа

на этот вопрос.

Мартин заметил, что какой-то горящий ком ударился о пузырь. Он замедлил скорость и двинулся дальше. Он увидел искореженные стены, разрушенные спальные помещения, обломки различных предметов. Куски оторванной материи — реальной, когда-то занимавшей вполне определенное место — проносились мимо пузыря, задевая его и отлетая в сторону. Мартин мог теперь оценить, какой тонкий слой покрывал фальшивую материю — не толще слоя краски.

— Я внутри второго дома-шара, — прозвучал голос Джакомо.

— Я вхожу в первую перемычку, — а это был Хаким. — Корабль здесь полностью истонченный — непонятно, что удерживает его части вместе. Я иду дальше.

Внутри темноты углубления, за листами изогнутой материи, Мартин заметил какую-то тень, непохожую на части корабля. Он отодвинул листы в сторону и увидел ссохшееся застывшее лицо — глаза запали внутрь орбит, казалось, они смотрели прямо на Мартина, длинную шею обтягивала сухая сморщенная кожа.

— Я нашел одного из них, — закричал Мартин.

— Он заморожен? — спросил Джакомо.

— Точно не знаю. Похоже, что он умер и мумифицировался, а потом долго находился в открытом космосе, — возможно, сотни лет.

— Один из сауроподов?

Мартин передал изображение на жезл Джакомо, чтобы удовлетворить его любопытство. В это время хлопающий парус материи накрыл тело.

Мартин сманеврировал вокруг тела и двинулся дальше.

Внезапно пузырь содрогнулся и вспыхнул бледно-зеленым светом. Затем все вернулось к норме.

— Это сигнальный огонь маркера, — объяснил крохотный мом. — Мы рядом с архивом долгосрочной памяти.

— Я нашел еще тела, — прозвучал голос Джакомо. — Целую дюжину. Такое впечатление, что они просто уснули. Кажется, они умерли спокойно, без сопротивления.

— Корабль должен был ускориться, когда они умерли, — заметил Хаким. — Кстати, пока мы не увидели никаких признаков трупного окоченения.

Мартин вытер глаза рукавом:

— Действительно, все это ужасно, — выдавил он из себя.

— Как вы думаете, они сдались? Или у них закончилось горючее? Что же случилось? — вопрошал Джакомо.

Никто не ответил ему.

Мартин пробирался сквозь сплетение труб из реальной материи. Он пробирался к самым важным внутренностям корабля.

Пузырь снова вздрогнул. Архив долгосрочной памяти — белый двенадцатигранник, окруженный клеткой из реальной материи — находился в центре третьего дома-шара.

— Думаю, мы нашли то, что искали, — сказал Мартин.

Крохотный робот придвинулся ближе и, используя вместо рук и пальцев поля, достал додекаэдр из клетки.

— Я отправлю его на корабль. Вы можете там исследовать его, если захотите., — сказал робот.

Ощущение ужаса и жалости немного притупились. Мартин смог следовать дальше. Он продвигался по перемычке во второй дом-шар. Там он увидел Джакомо, который заглядывал в это время в огромное помещение, соседнее с учебной комнатой. Множество тел, укрытые пленкой материи, лежали на так называемом полу, испещренном ударами частиц. Все тела бы-

ли сморщены, скованы трупным окоченением, головы запрокинуты в агонии или в отчаянии. Несколько тел дрейфовали в нескольких сантиметрах от пола, освещаемые таинственным отблеском зарева распадающейся на части фальшивой материи.

Джакомо причитал что-то невнятное.

— Говори громче, — раздраженно сказал ему Мартин.

— Это настолько очевидно… Как они делают это…

— Кто делает и что?

— Как Благодетели делают Корабли Правосудия. Все, как в случае «ноучевой» связи. Здесь также присутствует обман, — обман, что материя существует. На самом же деле, на фальшивую матрицу наносится всего лишь тонкий слой реальной и … ву аля! Готов надутый шар фальшивой материи. Вот и весь вам «Спутник Зари». Наш корабль в подобном случае выглядел бы не лучшим образом.

— Я думаю, было что-то около пятидесяти-шестидесяти членов экипажа, — раздался голос Хакима. — Вблизи носового отсека я насчитал тринадцать. Кажется, они уснули до того, как умерли.

— Уверен, они не погибли в сражении, — заявил Джакомо.

— Наша миссия закончена, — сказал крохотный мом. — Пора возвращаться.

Вернувшись на челнок, они отобрали из архива долгосрочной памяти те сведения, что были наиболее понятны для них. Мартин нашел подтверждение тому, что и предполагал: представители Благодетелей на корабле — момы — мало вмешиваются в жизнь своих питомцев, они не сохраняли записей своих ежедневных наблюдений. Но они оставили записи, сделанные самим экипажем, и именно ими и занялись в первую очередь на обратном пути Мартин, Джакомо и Хаким.

Заметив два шара «Спутника Зари», они приступили к торможению. Экипаж Корабля Правосудия в целости и сохранности встретил их на борту.

Мартин не торопился отчитываться перед Гансом, однако тот немедленно отвел их всех троих в свою каюту, не дав времени для передышки. За ними последовали только Гарпал и Дженнифер.

— Момы позволили рассмотреть вам то, что вы обнаружили? — спросил Ганс.

— Да, мы поняли все, что оказались способны понять, — ответил Мартин.

— Большая часть памяти — данные мозгового центра корабля. Мы не знаем, что они содержат, — сказал Хаким.

Мартин достал жезл.

— Мы попытались кое-что перевести и отредактировать, — сообщил он. — Это подробные записи экипажа. Я думаю, основные моменты можно уловить.

Они молча наблюдали, как появляются изображение и звук. Необычный визуальный язык записи делал понимание затрудительным. Наложение различных цветовых объемов, иные представление о перспективе, трехмерность изображения — все это плохо воспринималось человеческим глазом, усложняло восприятие.

Однако основные моменты, действительно были поняты.

Час за часом они наблюдали за разными историческими событиями, за церемониями и ритуалами. Они наблюдали, как Корабль Правосудия удалялся все дальше и дальше от Левиафана, стали свидетелями их столкновение с другими цививилизациями и распада социальных структур сауроподов.

Мартин показал, как произошло вымирание. Сауроподы имели вид воспроизводства, которое,

в конечном счете, не выполняло своей функции. Для этого у них имелись яйца — воспроизводящие и невоспроизводящие. Невоспроизводящие были ответственны за снабжение всех необходимым питанием. Если же продукция яйца не выживала, то воспроизводящее яйцо — а оно было не обязательно женского рода: у сауроподов существовало три вида полов — подвергались наказанию, изоляции и, в конечном итоге, погибало.

— Разве они не понимают, что делают? — воскликнула Дженнифер, ошеломленная увиденным. Они просматривали ритуальное уничтожение последнего яйца-производителя: сауроподы наносили многократные удары молотком по яйцу.

Ганс что-то проворчал и отвернулся.

— Нам понадобится много времени, чтобы найти разгадку, — сказал Джакомо, крепко сжав руку Дженнифер.

— Все ясно, — сказал Ганс. — Они прибыли на Левиафан. Там они получили от ворот поворот. Они бросили это дело и отбыли. Вернись-ка назад к встрече.

Они в деталях рассмотрели отобранные изображения, иллюстрирующие последовательное

приближение сауроподов к Левиафану, их встречи с многоглазыми, двуногими существами, которые, по-видимому, являлись представителями цивилизации системы — эти фрагменты были особенно расплывчаты и в линейном отображении практически бесполезны.

В каюту Ганса вошел мом и объявил:

— Корабль расшифровал записи Благодетелей и погибшего корабля. Вы можете называть их Беглецы Красного Дерева.

— Что это означает? — спросил Ганс.

— Это наиболее приемлимый для вас перевод их истинного имени. Их родная система была заселена четыре тысячи триста пятьдесят лет назад. Связь с Благодетелями тогда уже была установлена. Происки убийц закончились поражением, миры сохранились. Половина населения выжила и была способна перестроиться. Их снабдили кораблями и оружием для поисков убийц. Они стали частью альянса Благодетелей.

— Сами они не являются Благодетелями? — спросил Ганс.

— Нет. Вы можете считать их младшими партнерами Благодетелей.

Ганс захихикал:

— Рангом выше, чем мы.

— У Беглецов Красного Дерева другое устройство корабля, другие обстоятельства. Они путешествовали более сотни световых лет, по земному времени это тридцать лет странствования.

— И? — поторопил Ганс.

— Они прибыли на Левиафан тысяча девятьсот лет назад. Левиафан значительно изменился с тех пор.

— Мы заметили, — сказала Дженнифер.

— Причины изменений не ясны. Но они были убеждены, что Левиафан не является их основной целью, поэтому получили горючее от жителей одного из миров и покинули планету.

Мартин тряхнул головой:

— Это все?

— Архив памяти получил значительные повреждения. Беглецы Красного Дерева могли понять, как дезактивировать мозговой центр корабля или вмешаться в его работу. Более девяноста записей плохо воспроизводятся. Одна треть записанного на корабле сохранилась, но все исторические записи об их цивилизации испорчены.

— Что и следовало ожидать, — сухо произнес Ганс.

— Они провалились, — сказала Дженнифер. — Они потеряли смысл жизни и покончили с

собой.

Мартин вспомнил мумифицированные трупы некоторых членов экипажа — тех, что лежали спокойно, безропотно приняв смерть.

— Слава Богу, этого не может случиться с нами, — заметил Ганс.

— Получат ли эту информацию другие члены экипажа? — поинтересовался мом.

Ганс, казалось, был удивлен вопросом. Он подумал и взглянул на Мартина так, будто бы хотел наказать его за какой-то проступок.

— Да, получат, — сказал он наконец. — Пусть знают все. Почему бы и нет? Это предостережение всем нам.

— Они будут для нас альбатросами, — излишне возвышенно выразился Гарпал. — Не знаю, что подумают другие…

— Это проклятый кровавый знак с небес, — оборвал Гарпала Ганс. — Розе будет о чем поговорить.

Буйная Ночь не стала всеобщим раскрепощением, а о том, что это предполагалось, можно было судить даже по названию. Поводов для разгула оказалось несколько. Во-первых, возвращение домой трех путешественников. Во-вторых, экипажу надо было выпустить пар после полу-

чения сообщений о погибшем корабле. Но самой главной целью являлось укрепление авторитета не столько момов, сколько Ганса и его системы планирования.

В столовой экипаж получил отличный обед — впервые со времен Стычки пища показалось такой вкусной. Мартин не участвовал в подготовке Буйной Ночи, поэтому он, также, как и некоторые другие, он был шокирован тем, сколько злословия обрушилось на голову Гансу. Рекс Дубовый Лист, подстригшись под Ганса, с тремя Венди представил пародию на сексуальные выходки Пэна. Интермедия была не такой уж и смешной, скорее откровенно издевательской. Но экипаж очень бурно на нее реагировал. В досаде склонив голову, Ганс лишь мрачно усмехался.

Мартин хотел уйти после третьей пародии, но вдруг он явно заметил то, что нельзя было не заметить. Групповое действо было скоординировано и скооперировано: смеялись вместе, шутили вместе, вылезали из беды вместе. Такая демонстрация единодушия только усилила мрачное состояние Мартина. Он никогда не видел, чтобы на Земле общественные мероприятия вылечивали боль. Наигранная веселость, оскорбительность неискренного юмора, панибратство

маскировали отчаяние и печаль.

Ганс, сидя за столом в некотором отдалении от других, руководил всем этим с невозмутимым спокойствием.

Неожиданное пришло, конечно же, от Розы Секвойа. Она оставалась спокойной все то время, пока Мартин, Джакомо и Хаким путешествовали.

— Ждет своего часа, — говорил Ганс.

Теперь, когда в представлении наступил перерыв, она взобралась на стол в центре зала. Присутствующие не могли долго сохранять неестественное настроение, и Роза воспользовалась наступившим моментом.

— Вы знаете меня, — сказала она. — Я сумасшедшая. Я вижу виденья и рассказываю сказки. Вы думаете, Ганс забавен. Вы думаете, вы сами забавны. Ну, а как насчет меня?

Ответа не последовало. Наступила неловкая тишина.

— Как насчет нас? — Розин свободный комбинзон не скрывал того факта, что ее грузность перешла в мышечную массу. Она не была изящной и грациозной, но стала заметно сильнее и самоувереннее за последний месяц.

Ее лицо светилось удовольствием от общения

с людьми. Из всего экипажа только ей удалось сохранить естественную улыбку.

— Мы плоть и кровь, но мы позволили, чтобы нас протащили через сотни миллиардов километров для борьбы с призраками… для мести за людей, которых нет с нами. Это разве не забавно?

Лицо Ганса стало суровым и опасным. Он откинул голову назад, словно собирался укусить любого, кто подойдет.

Но было в лице Розы что-то такое, что заставляло его оставаться на месте. Было понятно, что она не собирается горячо нападать на них за их глупость, предрекать гибель, приводя в пример погибший Корабль Правосудия. Она хотела выразить что-то другое.

— Кто из вас видит странные сны?

Вопрос попал в точку. Никто не ответил, но по напрягшимся телам и широко раскрытым глазам можно было определить, — таких большинство. Мартин наблюдал за своими приятелями.

— Вы видите сны о людях, которые умерли, не так ли?

— А ты? — рявкнул Рекс.

— О, да. Я вижу сны, если можно назвать так те ненормальные вещи, что случаются со мной. Мне

становится плохо. Я не только говорю с умершими людьми, но и с умершими идеями. Я посещаю места, о которых никто из вас даже не вспоминал с тех пор, как был маленьким ребенком. Теперь еще это сумасшествие!

— Сядь, Роза, — приказал Ганс.

Роза не изменила выражения лица. Она улыбалась, не замечая Ганса.

— Я вижу сны о людях, которые умерли на Земле, — выкрикнула Жанеттта Нападающий Дракон. — Они разговаривают со мною.

— Что они говорят тебе? — спросила Роза.

Цель была достигнута, аудитория завоевана, большинство настроено на изменение планов, на уход от абсурдности Буйной Ночи.

Кай Ворон успел перехватить инициативу разговора:

— Мои родители… — начал он.

— Твои родители что-то говорят тебе?

— Мои друзья детства, — это выкрикивала уже Кирстен Двойной Удар. — Они должно быть погибли. Их не было на Центральном Ковчеге.

— Что они говорят тебе, Кирстен?

— Мой брат на Ковчеге. — сообщил Патрик.

— Что он говорит тебе, Патрик? — Лицо Розы раскраснелось от энтузиазма.

Что-то кольнуло Мартина. Теодор.

— Они все говорят нам, что мы заблудились в лабиринтах и забыли, что для нас главное, — с триумфом подвела итог Роза. — Мы в лабиринте боли и не можем найти дорогу. Мы уже не ведаем, что мы делаем и почему мы здесь. Но нам необходимо это знать. Кто может сказать, почему мы здесь?

— Мы все знаем это, — сказал Ганс. Он пристально, оценивающе вглядывался в лицо каждого. — Мы делаем Работу. Мы достигли гораздо большего, чем все те, кто был до нас…

Он оборвал сам себя и посмотрел на Мартина.

— Мы знаем это здесь, — Роза указала на свою голову, затем положила руку на грудь, — но не знаем здесь.

— О боги, — простонал Ганс. Никто больше не произнес ни слова.

— Мы играем и пытаемся шутить. Мы смеемся над Гансом, но он не заслуживает наших насмешек. Он Пэн. Его работа трудна. Нам надо смеяться над собой. Над своей тоской.

Паола Птичья Трель выкрикнула:

— Ты больна, Роза. Некоторые из нас еще не пережили горя. Мы не знаем, что делать… Прекрати нести чепуху!

— Мы все горюем. Все наши жизни — горе, — сказала Роза. — Горе и месть. Ненависть и смерть. Нет перерожденья, нет спасенья. С кем нас можно сравнить? С бездумными ножами, с пистолетами, с бомбой или с голубями в ракете?

— Выскажи свою мысль и заканчивай, — приказал Ганс. Он чувствовал, что действуя силой, вызывет неодобрение.

— Еще кое-кто разговаривает со мной, — продолжала Роза, опустив подбородок и втянув плечи.

— Монстры из холла? — насмешливо выкрикнул Рекс .

— Дай ей сказать, — зло одернула его Жанетта Нападающий Дракон.

Ганс начал вставать.

Роза подняла обе руки.

— Существа, с которыми мы сейчас боремся и которых когда-то называли богами, вовсе не боги. Они даже не близки к богам. На прошлой десятидневке я видела то, что вдохнуло в меня жизнь.

— Бог наших отцов и матерей! — всхлипнула Жанетта.

Мартин соскользнул с кресла и собрался уходить. Он не хотел быть здесь, видеть это.

— Нет! — закричала Роза. — Оно имеет голос

колоколов, флейт, птиц. Оно бороздит звездное пространство, как кит в море.

Мартин замер, его глаза наполнились слезами. Да, оно огромное и заботится обо всех.

— Оно охватывает все. Все кружится вокруг него, как пчелы вокруг цветка. Оно… — Роза протерла глаза.

— Прекрати сейчас же! — завопил Ганс. — Хватит!

— Оно любит меня! — закричала и Роза. Ее руки вытянулись, пальцы сжались. — Оно любит меня, а я не заслуживаю его любви!

Несколько мужчин вышло, качая головами и что-то бормоча себя под нос, но все женщины остались. Ариэль выглядела так, словно внутри ее бушевал огонь. Ее трясло от гнева, но она молчала.

— Оно говорит со мной. От его слов моя голова готова взорваться. Даже когда Оно спокойно, Оно переполняет меня.

— Молись за нас! — закричала Кимберли Кварц.

Но кто-то скандировал:

— Верните представление! Пошла вон! — Голоса были напряженные, злые.

— Потом Оно показалось мне, — произнесла

Роза шепотом.

— Как Оно выглядело? — спросила Кирстен Двойной Удар.

— Оно не являлось тенью. Сначала была моя подготовка, моя болезнь. Мне пришлось стать больной, чтобы увидеть, захотеть увидеть; больной, отчаявшейся и совершенно потерянной. Когда я была готова, Оно пришло ко мне. Это не было ни тенью, ни реальностью, Оно окутало все вокруг, Оно окружило меня. Я поняла, что это не только кит в звездном море, Оно покрывает весь мир. Его части, которые я видела кружащимися, как пчелы, были больше галактик; они медленно танцевали в бескрайной тьме…

— Они не могут! Мы не можем! — кричала во все горло Кирстен Двойной Удар.

Ганс поднялся, перехватил взгляд Мартина и жестом приказал ему следовать за ним.

Они вышли из учебной комнаты.

— Черт побери, что же мне делать теперь? — воскликнул Ганс. — Многие вовлечены в это. Мне следовало сохранить секрет погибшего корабля.

— Каким образом? — спросил Мартин. Он все еще ощущал дрожь в теле и был растерян. Он боялся Розы, и в то же время какая-то его часть стремилась слушать то, что она говорит. Мар-

тин понимал, что ее проповеди были грубыми и несостоятельными, что она, несомненно, сумасшедшая, но только она получала послания — никто больше.

— Если мы ничего не предпримем, к чему мы придем? — вопрошал Ганс. — Мы кончим, как те несчастные ублюдки, дрейфующие тысячи лет!

Мартин опустил голову. Он боялся показать свою глубокую потерянность.

Ганс уставился на него и присвистнул.

— Неужели ты тоже?

— Нет, — покачал головой Мартин. — Мы должны разрушить это прямо сейчас.

— Только ты и я?

— Я приведу Ариэль и бывших Пэнов. Ты оставайся здесь. Мы встретимся, а затем вернемся, чтобы объявить…

— Тренировки, — сказал Ганс. — Если мы вернемся к тренировкам…

— Хорошая идея, — вяло согласился Мартин. Он не знал, что еще можно придумать.

Мартин вошел в столовую. Роза сделала шаг вперед и упала в объятия Жанетты Нападающий Дракон и Кирстен Двойной Удар.

Митинг закончился негромкими, единичными смешками. Жанетта и Кирстен провели Розу до

двери, прочь от толпы. Мартин подавил в себе желание последовать за ними. Он собрал Чэма, Гарпала, Ариэль и сообщил, что Ганс хочет встретиться с ними. Ариэль была поражена.

— Почему Ганс хочет видеть меня?

— Возможно, он и сам еще не знает, — ответил Мартин. — Но я знаю.

— У нас остается два месяца до встречи, — Ганс заложил руки за голову и прислонился к спинке кресла, возвышающегося над полом. В ее каюте собрались шестеро: бывшие Пэны, по настоянию Мартина Ариэль и Рекс Дубовый Лист, которого пригласил Ганс.

— Мы теряем наше влияние. Мартин понимает это, и уверен, остальные из вас тоже. Роза частично права. Мы сражаемся с призраками, мы потеряли наших друзей и не получили ничего реально положительного взамен — кроме нового этапа в Работе. Сейчас нам предстоят месяцы безделья.

Мы находим корабль, полный трупов, момы вынуждают нас приблизиться к нему и сунуть свои носы в дерьмо поражения. Между тем, мы ждем встречи с чужаками — новыми партнерами, нелюдями. Стоит ли удивляться, что после всего этого, мы начинаем слушать Розу?

Шестеро молчали, ожидая каким будет заключение. Ганс поджал губы:

— Я прав?

— Прав, — ответил Рекс.

Тогда Ганс приподнял руку и, вытянув пальцы, начал разглядывать их.

Очень мелодраматично, — подумал Мартин. — По-детски.

Настроение Ганса всегда было непредсказуемым. Никто не пытался заговорить. Мартину были известны некоторые непривлекательные черты характера их Пэна: Ганс был жестким, решительным, упрямым и невнимательным.

— Момы говорят, что мы можем отдыхать десятидневку или даже две, — сказал Ганс. — К чертовой матери ожидание. Забудем игры и вечеринки. Я не допущу, чтобы кто-то с кем-то трахался, пока корабль не подготовлен. Я хочу настоящей напряженной работы вместо фальшивой, дерьмовой скуки, которую мы сейчас имеем. Я собираюсь дать хорошего пинка экипажу, заставить их работать — напряженно работать, если это будет необходимо. Мартин, ты можешь вычислить момов?

— Извини, не понял, — удивленно переспросил Мартин.

— Ты можешь узнать, чем они сейчас занимаются?

Мартин подумав, пожал плечами и ответил:

— Они занимаются ремонтом корабля. Я не понимаю, что ты хочешь…

— Чертов ремонт. Они сделали это проклятое судно для посещения мертвого корабля. Они отдали вам четверть горючего, которое мы собрали вокруг Полыни. Сколько жизней нам это стоило? Может, они скрывают еще что-то?

— Не думаю. — заметил Мартин.

Ариэль никак не реагировала. Она была застывшей, слушающей, ожидающей.

— Мы начнем тренироваться безо всяких отлыниваний. Мы установим дисциплину и разгоним нашу кровь. Мы будем устраивать захватывающие соревнования. Каждый из вас станет инструктором. Мартин, Рекс и я разработаем методику упражнений и тренировочных боев. Рука к руке. Выигравшие получают возможность трахаться. Больше никто. Мы выберем добровольцев из Венди, которые станут наградой победителю.

Улыбался только Рекс. Остальные были ошарашены. Ариэль закрыла глаза.

До настоящего момента думалось, что Ганс обладает тонким инстинктом руководителя.

Однако внутренней реакцией Мартина на это выступление было просто отвращение. Руководить товарищами в играх с заведомо нулевым результатом, участвовать в соревнованиях за право переспать с проституткой — другого слова Мартин не мог подобрать — все это было так омерзительно, что даже трудно представить.

Но никто не возразил — ни Мартин, ни Ариэль. Это ужасало больше всего.

— Тогда давайте приступим, — объявил Ганс.

* * *

Мартин столкнулся лицом к лицу с Джимми Японцем. Они поклонились друг другу, и осторожно, примериваясь, закружили по комнате, сжав кулаки.

Всего в соревновании участвовало пятнадцать человек. Комната наполнилась сопением и криками, шарканьем ног, шлепками при падении тел, при столкновении их друг с другом. Венди состязались с Венди, Потерянные Мальчики выступали друг против друга.

Некоторые семейства стали очень малочисленными, они были ослаблены смертями. И теперь случалось, что Кошки боролись против Кошек, а семейство Рыб и Цветов, объединившись,

выступали против симбиоза семейств Деревьев и Географических названий.

Корабль ориентировался на новый общественный заказ. Выявлялись победители. Мартин занимал пока шестое место среди пятнадцати отобранных Потерянных Мальчиков.

Ганс отбирал из этих пятнадцати инструкторов. Следующий этап отбора включал в себя дополнительные соревнования по бегу, футболу, ручному мячу.

Для Мартина было некоторым удовольствием видеть, что большинство из победителей избегали вознаграждений Ганса, стараясь со смущенными улыбками, незаметно скрыться с его глаз. Только Рекс Дубовый Лист ни от чего не отказывался, он гордо повел в свою каюту Донну Изумрудное Море.

Изнуренный, с синяками и кровопотеками, Мартин провел полчаса в своей каюте перед сном — исследуя библиотеку «Спутника Зари». Библиотека вновь открылась несколько десятидневок назад. Она имела пробелы, но не очень большие, где-то около девяносто пяти процентов материалов или сохранилось, или было реставрировано. В библиотеку вошли и материалы, доставленные с погибшего корабля.

После открытия библиотеки Мартин почувствовал себя несколько легче. Его вновь увлек мир познания, уносящий его за пределы корабля.

Участие в соревнованиях не было вменено в обязанность, как того боялся Мартин. Были увлеченные ими, но были и совершенно равнодушные. Роза Секвойа и несколько ее приятелей вообще не соревновались, и Ганс не принуждал их. Некоторые отказывались после нескольких попыток, и Ганс не подвергал их насмешкам.

Проходили дни.

О будущей встречи почти не разговаривали. Все это походило на ситуацию, как если бы какие-то чужестранцы должны были присоединиться к семейству, которое и так имело достаточно собственных забот — им не хватало времени на пустые разговоры. В голову Мартину пришла мысль, которая испугала его. А что, если Ганс прав, и им действительно сейчас необходима вот такая жизнь: с жесткой дисциплиной, изнуряющими тренировками, постоянным контролем. Ведь оказался же он прав, послав Мартина в далекое путешествие к мертвому кораблю, выведшее его, Мартина, из состояния глубокого уныния и безнадежного отчаяния, которые, если признать-

ся честно, были даже чем-то удобны.

Шестьдесят четыре человека из команды слушали Розины сказки. Ганса не было; но Ариэль и Мартин, по его просьбе, присутствовали.

Ариэль отнеслась к попыткам Ганса и Мартина приобщить ее в к пастве власти с удивительным спокойствием. Мартин находил два объяснения, две возможные причины ее миролюбия: то ли она хотела быть ближе к центру событий, а она была не дура и понимала, что этого можно добиться, лишь приобщившись к власти, то ли она просто хотела быть поближе к Мартину.

Вот и сейчас Ариэль, как всегда, сидела в столовой рядом с Мартином. У Мартина были вполне обоснованные доказательства, что она, по крайней мере, после Стычки имеет на него какие-то виды, — правда, выраженные в несколько странноватой манере, но такова уж Ариэль.

После встречи с Паолой Птичьей Трелью он вел абсолютно холостяцкую жизнь. Соблазны плоти не шли ни в какое сравнение с другими конфликтами, которые он никак не мог разрешить.

Команда собиралась в столовой, люди подходили поодиночке и тройками. Диадная структура была надломлена упражнениями Ганса, системой его поощрений; те, кто потерял партнеров в

Стычке, еще не сделали нового выбора. Существовали только одна или две диады.

В этот раз Роза начала с притчи:

— Однажды, давным-давно, когда Земля была еще очень молода, трое детей, бродя по лесу, набрели на больного волка. Среди них была девочка, по имени Пенелопа. Она казалась симпатичнее и моложе других, и говорила слегка шепелявя. Второй, Ким, ее брат, совершенно не разбирался в жизни и постоянно думал только о сражениях и победах. Третий, Джэкоб, их кузин, боялся даже своей собственной тени.

Они подошли к волку поближе, и Пенелопа спросила, что случилось с ним.

— Я попал в капкан, — ответил волк., и Пенелопа увидела, что это действительно так. Лапа волка была зажата стальной челюстью, прикованной к земле. — Пожалуйста, помогите мне.

— Подождите минутку, — остановил приятелей Ким. — А что если тот, кто поставил капкан, увидит нас? У нас будут неприятности…

— Тот, кто поставил капкан, придет только через неделю, — сказал волк.

— Если ты знаешь это, тогда ты должен был знать и то, где охотник ставит капканы. Как же ты умудрился попасть в капкан, если знал, где он

находится? — недоверчиво спросил Ким.

— Ты очень смышленый мальчик, поэтому я расскажу тебе все, — сказал волк. — Все, что ты захочешь. Но сначала вы должны освободить меня.

— Ты — заколдованный волк? — догадалась Пенелопа. Она слышала о таких вещах.

— Я колдун, принявший облик волка. Я могу изменять свою внешность, как только пожелаю, при условии, если я не буду пойман железом. Но именно это со мной, к сожалению, и случилось.

— Я думаю, нам следует ему помочь, — вступил в разговор Джэкоб. — Я не могу видеть, как при мне страдают живые существа.

— Подожди, — остановил его Ким. — Может, это волк, который убил нашу овцу. Может, кто-то оказал нам любезность, сделав этот капкан.

— Вашу овцу съела пума, а не я, — сказал волк. — Вы не верите мне?

— Я верю тебе, — успокоила его Пенелопа.

— Я не знаю, верю я ему или нет, но я вижу, что ему больно, — сказал Джэкоб.

— А что вы дадите нам, если мы освободим вас? — полюбопытствовал Ким.

— Я не могу исполнять желания, пока нахожусь в железных когтях, — ответил волк.

— Итак, вы не можете доказать, что вы волшебник, — сказал Ким и повернулся к детям, — Я предлагаю оставить его здесь, в капкане.

Но Пенелопа уже склонилась, чтобы расщелкнуть капкан. Увидев это, Ким попытался ей помешать, однако Джэкоб бросился вперед и оттолкнул его. Пенелопа открыла капкан и освободила волка. Высунув язык, волк лег в траву и с трудом проговорил:

— Я очень болен. Я провел в капкане слишком много времени и сейчас умру. Но я приду к вам в ваших снах и дам каждому то, что он дал мне.

И волк умер. Пенелопа, оплакав, сожгла его в лесу, чтобы охотник не смог натолкнуться на бездыханное тело и завладеть им, как добычей. Ким надулся, сердитый на Джэкоба. А Джэкоб чувствовал печаль оттого, что они ничем не смогли помочь волку, и оттого, что он потерял дружбу Кима.

Той же ночью волк пришел к Пенелопе. Но в ее сне это был не волк, а дряхлый старик, одетый в волчью шкуру — с глазами, глядящими прямо в душу, с открытой улыбкой. Старик сказал:

— Тебе я подарю долгую долгую жизнь и много много детей. И когда к тебе придет старость, когда придет время умирать, ты будешь довольна че-

ловеком, которого любила, ты будешь довольна детьми, которых родила, ты будешь довольна жизнью, которую ты прожила… Все это я даю тебе.

К Джэкобу волшебник пришел в обличьи волка и сказал:

— Ты проживешь долгую жизнь, и она будет разнообразной и полной, с печалями и радостями, перемешанными так сильно, что ты не сможешь различить их. Жизнь сделает тебя человеком с широкой душой, потому что она у тебя будет нелегка. И когда ты будешь умирать, ты займешь место избранникого божьего, давая советы другим людям. Все это ты будешь иметь, но все это ты будешь и терять. Ты никогда не будешь знать, что есть правда, а есть что ложь, не будешь знать этого с уверенностью. Все вещи, все понятия всегда будут для тебя двухсмысленными. Но это и есть великий путь познания и благоразумия.

К Киму же пришел просто волк и рычал на него, пока сон не превратился в ночной кошмар. И тогда волк сказал Киму:

— Всю твою жизнь мир будет оборачиваться против тебя. Ты будешь строить и строить планы, но удача не будет благоприятствовать тебе. Неудачи тоже ничему хорошему тебя не научат. Ты

не доживешь до старости, ты умрешь молодым — ожесточенным, никем не любимым. Вот что даю я тебе.

— А что ты дал самому себе? — закричал во сне Ким. — Ты, у которого было так много возможностей и силы, ты смог получить только боль!

— Да, ты прав, по собственной глупости попав в капкан, я в результате не имею ничего, кроме забвения. Но для того, чтобы получить силу, я в свое время продал свою душу. И теперь я не имею ничего. Когда мое приведение исчезнет из твоего сна, я стану не больше, чем эхо ветра…

Роза опустила голову. Команда, казалось, оценила историю, но явно не одобрила. Все стояли, погруженные в свои собственные мысли. Молчание затянулось. Наконец Жанетта Нападающий Дракон произнесла голосом актрисы:

— Розу снова посещали прошлой ночью. Оно опять приходило к ней.

Команда, остолбенев, уставилась на Розу. Она подняла голову, но взгляд ее блуждал где-то далеко.

— Никто не говорит об этом вслух, но все мы сейчас очень много думаем о мертвом корабле. — сказала Роза. — Нас интересует, почему они все умерли, но мы не находим ответа. Да, нынешним

вечером я не подарила вам покоя. Но пришло время величайшего испытания для нас. Скоро к нам присоединится иной вид разумных существ. Мы будем общаться с простодушными, мы научим их понимать, что значит болит душа.

Молча, без комментариев, команда покинула столовую. Ариэль вслед за Мартином направилась в каюту Ганса.

— Ну как, хорошо? — спросил Рекс Дубовый Лист, столкнувшись с ними в открытых дверях.

— Она … безвредна, — ответил Мартин.

— Что за слова ты говоришь? — удивился Ганс. — Чтобы Роза и была безвредной? — Он в удивлении уставился на Ариэль.

— Она стала лучше. Много сильнее, — сказала Ариэль. — Жанетта и Кирстен с ней все время сейчас. Она не часто общается со мной. Она знает, что я часто беседую с тобой и Мартином. У нее появляются ученики и последователи. Я думаю, она создаст какое-нибудь религиозное учение.

Ариэль подарила Мартину мимолетную улыбку, как если бы просила одобрения. Но она не получила его.

— Это правда? — Ганс повернулся к Мартину.

— Не знаю, создаст ли она какое-нибудь учение. Могу лишь сказать, что она рассказывает инте-

ресные истории. Но мне все это кажется простой забавой, это так далеко от нас сейчас. Просто детские сказки.

Ганс на минуту задумался.

— Она не остановится на этих росказнях. Она снова заварит кашу, начнет организовывать новый бунт. Я не уверен, что мы сумеем уберечь ее от самой себя. А мы еще до сих пор вибрируем на грани, ходим по острию ножа. И я почти уверен, что встреча с так называемыми коллегами спокойствия нам не добавит, — он задумался, сложил ладони вместе и сделал несколько всхлопывающих движений. — Думаю, Роза нуждается в хорошем трахальщике. Есть добровольцы?

Его грубость ошеломила Мартина, у Ариэли резко выделились мышцы на шее. Но они опять промолчали.

— Только не я, — небрежно отозвался Рекс Дубовый Лист.

— Хорошо, я подумаю и сам найду ей подходящего самца. Это же вечная тема, не правда ли?

— Библиотеки открыты, пища стала лучше, момы сообщили нам, что мы уже можем, чтобы расширить базу данных, воспользоваться дистанционной связью, — громко объявил Рекс Дубовый Лист и обвел взглядом всех присутству-

ющих в столовой. — Мне кажется, мы уже готовы к встрече наших друзей. Будут ли какие-нибудь вопросы, прежде чем я позволю исследовательской представить свой доклад?

Команда зашумела и не могла угомониться несколько минут. Создавалось впечатление, что им просто не хотелось общаться с ведущим собрание. Наконец руку подняла Паола Птичья Трель.

— Пэн сообирался сделать нам какое-то сообщение, — сказала она. — Почему нет Ганса?

— Ганс занимается научной работой, — ответил Рекс.

— Тогда почему собрание ведет не Гарпал? — удивленно спросила Эйрин Ирландка.

— Я не знаю, — сказал Рекс и, придуряясь, выкрикнул в зал, — Гарпал, где ты, отзовись?

Гарпал пожал плечами, явно не желая поддерживать веселье Рекса:

— В мои обязанности не входит подобная привилегия. Ганс может назначать в спикеры тех, кого пожелает.

— Мы не нуждаемся в спикере. Нам необходимо присутствие самого Пэна, — не отставала Эйрин Ирландка.

— Все ваши вопросы и замечания я передам непосредственно Пэну, — важно заявил Рекс.

Мартин обвел глазами зал. Бросалось в глаза отсутствие двух человек: Ганса и, конечно, Розы Секвойи.

— Не занимается ли он лечебными процедурами с Розой? — прошептала ему на ухо Ариэль. Мартин не ответил. Если Ганс сейчас с Розой, он не может не знать, что их одновременное отсутствие будет еще заметней. Хотя, возможно, Ганс к этому и стремится. Ведь если все догадаются, что Роза получает от него «лекарство», она может потерять свой статус.

Хаким прочистил горло и шагнул к трибуне. Рекс великодушно освободил ему место.

— Мы уже не дальше половины триллионов километров от другого корабля, — начал Хаким. — На несколько дней нам придется отказаться от своей маскировки. Иначе момы сомневаются, что кто-либо может обнаружить нас. И нам, вероятно, следует за несколько часов до встречи поговорить с обитателями корабля по «ноучу».

— Мы по-прежнему наблюдаем за Подсолнечником? — поинтересовалась Алексис Байкал.

Хаким подтвердил: за всей системой Левиафана ведется наблюдение.

— Есть что-нибудь новенькое? — это спросила

Бонита Высокогорная Долина.

— Вокруг Левиафана вращается десять планет. Мы узнали о них еще кой-какие детали, не только массу и размеры. Пять из них — каменистые миры с диаметром меньшим двадцати тысяч километров. Шестая — газовый гигант. Они все или почти не излучают радиоволны, или излучают, но совсем немного. Мы не обнаружили на планетах никаких следов разрушения после взрыва Полыни. И вооружения тоже не обнаружили. Вот и все, что я могу пока сказать.

— А еще что-нибудь вы заметили на орбитах? — спросила Эйрин Ирландка.

— Нет, больше ничего.

— А появились ли у вас какие-то объяснения, почему они все время изменяются? — несколько угрожающе спросил Рекс.

Хаким отрицательно покачал головой.

— Возможно, это огромное инженерное сооружение — нечто подобное, что было вокруг Полыни, но более широкомасштабное. В качестве материала они могли использовать пару разрушенных планет. Но это только мои догадки.

— Планеты обитаемы? — это был вновь голос Эйрин.

— Следов обитания не замечано, но я думаю,

что все-таки, да, они обитаемы. Мы осмеливаемся так предполагать, — Хаким отвел глаза. — На данный момент мне сказать вам больше нечего.

— Ну хорошо, — вновь приподнялся Рекс. — Какие будут вопросы и комментарии? Что передать Гансу?

— Что мы устали от такого количества соревнований, — сказал Джек Отважный.

— Хорошо, я дам ему об этом знать, — улыбаясь во весь рот, ответил Рекс.

Через полчаса после собрания в каюту Мартина пришел Гарпал, а за ним Ариэль.

— Я собираюсь сложить с себя обязанности Кристофера Робина, — объявил Гарпал сразу же, не успев перешагнуть порог.

— Полагаю, что мне нет необходимости интересоваться, почему, — сказал Мартин.

Ариэль присела на кушетку, казалось, она была полностью погружена в свои мысли.

— Думаю, нет. Ты же все понимаешь, — сказал Гарпал. — Сначала он выбрал меня, потом остановил свой взор на Рексе. А Рекс… Он делает все, что бы выжить меня… Скажи, разве есть смысл бороться?

— Ганс чувствует свой путь, свое предназначение, — неожиданно произнесла Ариэль.

— С кем ты, Ариэль? Очнитесь, Мадеумазель Критикующая всех и вся.

Ариэль подняла руки вверх, изображая полную капитуляцию.

— Боже мой, куда все исчезает? — не мог успокоиться Гарпал. — Когда Пэном был Мартин, ты настолько была переполнена дерьмом, что в твоем рту можно было выращивать грибы!

— Гарпал, — попытался остановить его Мартин.

— Нет, я хочу знать! Ариэль, откуда такое добродушие?

— Я доверяла Мартину, — сказала Ариэль. — Я знала, что он не держит на меня зла и не будет мне мстить. Я не такая уж идиотка, как вы думаете.

Ее слова охладили Гарпала. Он пристально посмотрел на Ариэль, потом на Мартина, и после этого теперь уже он поднял руки.

— Ну в таком случае мне вообще сложно что-либо понять.

Мартин выжидающе смотрел на Ариэль. Ну, ну, продолжай.

— Мартин искренен. Он не гнался за внешними эффектами.

— Спасибо тебе большое за такие слова, — не без язвительности поблагодарил Мартин.

— Не стоит благодарностей. И все же я продолжу… Так вот, ты не прикидывал, кто и зачем тебе может пригодиться. А Ганс не изменился… Он просто сросся с Работой. У него все подчинено политической карьере, для него важно лишь то, что поспособствует успеху.

— Даже когда он вышел из-под самоконтроля после нейтринного шторма? — напомнил Гарпал.

— Да, даже тогда он был искренен, — согласилась Ариэль. — Но это поставило людей на место. Он ведь хотел, чтобы все… немного боялись его. Чтобы чувствовали его силу. Чтобы знали, что он может ударить, если его рассердить. Но он не совсем точно рассчитал. Люди оказались более осторожными, чем он думал, они не стали высказываться. Но он очень хочет стать великим. Разве вы не замечаете этого? — она с укором посмотрела на Гарпала.

— Я не понимаю, как он мог спланировать все это? — сказал Мартин.

— О только не говори мне, что ты не знаешь, насколько он ловок, — воскликнула Ариэль, презрительно прищурив глаза.

Мартин увидел прежнюю Ариэль. Он понял, что все это время она с трудом сдерживала свой

гнев и свою ярость. И опять с тревогой он ощутил, что его неудержимо влечет к ней.

— Он лучший Пэн, чем я, — возразил он.

— Он лучший — для простых марионеток, роботов-манипуляторов. Да, согласна, он знает, чего хочет.

— Он вынул нас из ямы, — продолжал Мартин, приняв на себя роль защитника Сатаны. Он хотел убедиться, прав ли он в том, что Ариэль ни капли не изменилась. Он боялся признаться даже самому — это бы очень обрадовало бы его.

— Он же нас туда и сбросил.

Гарпал сел и скрестил ноги. И Мартин, и Ариэль в упор смотрели на него, они явно ождали его комментариев, но он лишь тихо произнес:

— Хороший Пэн, плохой Пэн…

— Команда, выбирая Пэна, многое ему доверяет. Мартин был неплохим Пэном, возможно, только излишне доверчивым. Но каждый знал, что он может поговорить со своим Пэном, что Пэн не сделает ему зла. Да, я всегда спорила с ним, но это касалось принципиальных вещей…

— И делала ты это весьма убедительно, — заметил Мартин.

— Ну извини, мне было не до нежностей, — огрызнулась Ариэль и повернулась к Гарпалу, —

Когда ты думаешь сложить свои полномочия?

Гарпал искоса взглянул на Мартина.

— Не знаю, время покажет, — ушел он от прямого ответа. — Скажите, кто-нибудь из вас может мне ответить: Ганс, что, пытается соблазнить Розу?

— Он уже не пытается, он уже добился успеха, — заметила Ариэль. — Роза до сих пор в его каюте. Ты знаешь, что у нее долгие годы не было настоящего друга?

Мартин кивнул:

— Он думает, что она пригодится ему.

— Зачем?

— Она может нам дать то, в чем мы нуждаемся.

— Что?

— Веру, — ответил Мартин.

Гарпал отшатнулся, будто получил удар в лицо:

— Ты шутишь!

— Нет, я не шучу. На ней есть какая-то отметина, она становится все более и более популярной. Я сам на себе ощутил это, — Мартин ткнул себя в грудь.

— Теперь я уже совершенно ничего не понимаю, — сказал Гарпал. — Видимо я действительно

не гожусь на роль заместителя Пэна. Я в полной расстерянности.

— Вскоре все встанет на свои места, — успокоил его Мартин. — А мы давайте просто понаблюдать за развитием событий.

К удивлению Мартина, Ариэль легко согласилась с ним.

— Ганс делает ошибки, — сказала она. — Но все-таки сейчас он на своем месте. Нам нужно выполнить Работу.

Гарпал приостановился на пороге:

— Если он поддержит мое отставку, что ж… Для меня это будет даже лучше. Но почему он выбрал Рекса? Рекс, откровенно говоря, не самый смышленый малый на корабле. Он совсем не понимает в чем состоит роль лидера.

Мартин с трудом сдержался, чтобы не произнести вслух напрашивающийся ответ: Рекс никогда не скажет Гансу «нет».

Ганс сидел в задних рядах столовой. С его губ не сходила легкая усмешка. Роза опять стояла на столе в центре зала. Все со вниманием слушали ее.

— Через два дня, — сказала она, — мы встречаемся со своими новыми партнерами… Интересно, на кого они будут похожи? О чем они думают и во что верят? Сможем ли мы общаться, взаимо-

действовать с ними? Мы и они — совместимо ли это?

Команда безмолствовала. Мартин сидел в нескольких метрах от Ганса, рядом с Гарпалом и Ариэль. Ганс подмигнул Мартину.

Роза выглядела прямо-таки лучезарной. Это была красота сострадания к окружающим, красота полной отрешенности от себя. Неуклюжесть Розы расстаяла без следа, уступив дорогу образу совсем иной, новой женщины. Неужели это все дело рук Ганса? Сам Ганс не выдавал секрета.

— Если брать масштабы Вселенной, мы очень беспомощны, а наш корабль просто маленькая точка света. Но как и планктон в море, мы часть фундамента всего того великолепия, что лежит наверху. Мы неотъемлимо связаны не только с нашим прошлым, но и с тем, что недоступно нашему пониманию. Вмешательство в подводный морской мир даже слаборазвитых созданий может привести к катастрофическим необратимым последствиям. Может быть погублено то, что создавалось веками. Для нас высочайшей заслугой будет, если мы будем относиться ко всему нас окружающему с бескорыстной любовью. Ведь мы крохотная частичка Вселенной, часть ее истории, ее дети…

Те, что вскоре присоединятся к нам, я уверена, испытывают нечто подобное, потому что они перенесли те же испытания. У них так же, как и у нас, разрушили родной дом, они, так же, как и мы, веками странствуют по чужим просторам, теряя в борьбе своих близких. Они так же, как и мы, лютой ненавистью ненавидят планетных убийц. Мы воссоединимся с ними и станем вдвое сильнее… И это не пройдет незамеченным для Всевышнего, для галактики ярчайшей духовности, что, без сомнения существует где-то в необъятных просторах Вселенной…

Любовь к нашим союзникам не будет каким-то особым видом любви. Это будут просто любовь, одна из ее составляющих. Так мы любим свое тело, свою плоть — жалкую бренную оболочку нашей души.

И это очень важно — победим мы или потерпим поражение. Если мы погибнем, мы не исчезнем бесследно, мы останемся в памяти потомков, как воплощение справедливости Всевышнего, как его посланники в этот суетный мир, где разворачиваются все основные события.

— Чувствуется, что она не знакома с трудами Фомы Аквинского, — прошептала на ухо Мартину Ариэль.

Но то, о чем вещала Роза, бальзамом разливалось по душе Мартина. Ему просто необходимо было знать, что Тереза и Вильям счастливы; что они нашли свое успокоение; что где-то оценили острый сардонический ум Теодора и достоинства других; что они плавают где-то, не ощущая ни боли, ни страданий; что где-то там, в том другом мире, они достигнут того, чего не успели добиться здесь…

— Когда наши корабли объединятся, сольются и наши цели. Мы делаем Работу не для удовлетворения момов. Мы должны очистить космос от убийц для себя. Хотите называйте их дьяволами, хотите — алчущими, хотите — губителями всего насущного, как хотите… Убийцы отлучены от Всевышнего, Всевышний не заботится о них.

В присутствии Всевышнего виночерпии оргий планетных убийц не решаются заниматься своим прямым делом. Мы чувствуем их страх. Они убили наши дома, они убили наших друзей. Теперь пришло наше время. Мы должны указать убийцам их законное место, каленым железом выжигать свой страх. Они должны понять, что борьба против Всевышнего бесполезна.

Однако реальной духовной помощи мы не получим. Хотя дела убийц отвратительны высо-

кому интеллекту, высокому духу, они не могут дать нам своей мощи, своей проницательности для борьбы с этими изуверами. Это был бы вид вмешательства, даже более дьявольское, чем бессмысленное убийство. Это было бы смешение шкалы: высшие подавляли бы потенциально низших, а этого Всевышний не может допустить. Все в наших руках. Наша борьба не бессмысленна.

— Что думают момы об этом? — негромко спросил у Мартина Гарпал.

Мартин молча покачал головой.

— В истории, которую я рассказала вам сегодня нет ничего успокающего, ничего доброго, это все о войне. Но мой рассказ напоминает вам о том, с чем мы вскоре столкнемся лицом к лицу. Ведь, может быть, пройдут еще века до того момента, как мы сможем отложить оружие в сторону и зажить собственной жизнью.

— Почему я не чувствую того, что ты чувствуешь, не вижу того, что ты видишь? — спросила у Розы Нгуен Горная Лилия.

Роза на какой-то момент застыла в замешательстве, затем она вновь улыбнулась и, протянув руку, повела ей вокруг.

— Всевышний никогда не соприкасается с нами. Он не говорит, что нам следует делать, а что

не следует. Но мы чувствуем его присутствие, мы чувствуем, что кто-то любит нас, кому-то мы очень важны.

Любовь Всевышнего не имеет сексуальной окраски, она как любовь каждого из нас к самому себе — к своему телу, к каждой его клетке. Да мы кормил его, лелеем, но мы же не вмешиваемся в работу каждой клетки.

Мартин мог бы легко проделать брешь в учении Розы, это было не сложнее, чем пальцем проткнуть дыру в гнилой одежде. Но ему не хотелось делать этого. Он заметил, что он старается оправдать несоответствие, нелогичность выступления Розы, старается не обращать внимание на ущербность ее метафор. Он считал все это несущественными недостатками, никак не отражающимися на важности ее миссии.

— Не думаю, что кто-то наблюдает за мной или заботится обо мне, — покачал головой Торкильд Лосось. — За мной наблюдают только мои приятели да я сам.

— Я уже прошла этот путь, — сказала Роза. — Я чувствовала себя потерянной. Я думала, что до меня нет никому дела, даже моим товарищам. Наверное, не было в мире человека более потерянного, чем я. Но, в конце концов, я обрела

любовь, это снизошло ко мне. — Она протянула вперед руки и затем резко подняла их вверх, в разные стороны — они взлетели как пара голубей. — Да, это снизошло ко мне…

— Достаточно этого дерьма, Роза, — раздался мужской голос. — Расскажи лучше какую-нибудь историю.

Все повернули головы, и Мартин понял, что реплика принадлежала Георгу Демпси. Он стоял, красный, как рак, и, видимо, давно уже порывался уйти, но Алексис Байкал крепко держала его за руку и тянула вниз, на место. В конце концов, он смирился и сел.

Мартин ощутил как по телу разливается тепло, затем его охватила дрожь. Все они сейчас были снова духовно вместе, все жаждали одного — получить ответы на свои вопросы, все еще жаждали любви, пусть и не вполне определенной. Особое время.

Он подумал о родителях: он вспоминал прикосновения отца, вспомнил тепло матери, ее любимое платье, милое круглое лицо в ореоле темных шелковистых волос. Он вспомнил о той любви, какой они окружали его и понял, что такая родительская любовь и есть начало всех начал.

— И все-таки, как я могу увидеть Всевышне-

го? — откуда-то из угла прозвучал тоненький голосок Терри Флоридской Сосны.

— Если вы жаждите его увидеть, вы сможете заметить еле приметное пятно чуть ниже солнца, — ответила Роза. — Если же вы не сумеете его разглядеть, значит, вы не так уж и сильно желаете увидеть Всевышнего, и ваше время еще не пришло.

— А если мы никого не любим, может тогда Всевышний отказаться от нас, может он нас возненавидеть?

— Всевышний не мужчина, и не женщина. Он не может ни ненавидеть, ни осуждать. Он просто любит, он объединяет нас, — Роза распростерла руки, будто бы собирая вместе невидимых детей своих, чтобы укрыть их и уберечь от несчастий.

— Мне необходимо, чтобы прикосновение было ощутимо, — сказала Друзилла Норвежка. — Но я не чувствуя его совсем. Это наказания за мои проступки, да?

— Нет никаких проступки, это тебе только самой так кажется. Ощущение вины это чисто человеческое понятие, это заблуждение.

— Тогда кто же будет наказывать меня за мои грехи? — огорчение сделало голос Друзилы неузнаваемым.

— Только мы сами. На этом свете мы только учимся всему, это и можно назвать нашим наказанием. Всевышний не признают ни судей, ни законов. Нам все проститься перед смертью. Другой вопрос, ощутим ли мы это прощение или нет.

Мартин подумал, что Тереза, должно быть, дожидается окончания путешествия, чтобы объяснить ему те же самые вещи. Он представил Терезино лицо. Ему очень хотелось бы сейчас уснуть, умиротворенному такими мыслями и уже никогда не просыпаться.

— А скажи, Иисус разве не сын Всевышнего? — спросил Майкл Виноградник.

— Да, сын, — Роза широко улыбнулась. — Мы все его дети. Христос ощущает еще больший жар от Всевышнего, чем я. От растет день ото дня, благодаря словам и делам Всевышнего. И Будда ощущает этот жар, и Магомет…

Хаким, казалось, был не очень доволен, услышав имя пророка из уст Розы.

— … так же, как и другие пророки и мудрейшие Земли. Они были зеркалами, повернутыми к Солнцу.

— Все они? — переспросил Майкл.

— Все они знали часть правды.

— Только часть? — удивился Майкл.

— Небольшую часть. Но теперь вы должны дать мне отдых, — сказала Роза. — Расскажите теперь вы, что вы нашли в ваших душах.

Два часа пролетели быстро: вопросы и ответы, разрешение сомнений, Розины притчи и толкования, почти вся команда исповедалась. В комнате возникло странное, почти осязаемое течение, как если бы Роза была деревом, а сквозь нее проходил поток чувств. Когда стоящие рядом с Мартином, плакали, он чувствовал, что и на его глазах появляются слезы. Когда все смеялись, он смеялся вместе со всеми.

— Я не пророк, — сказала Роза. — Всевышний просто использует меня просто, как голос. Я ничем не лучше вас.

— Можем ли мы ненавидить наших врагов, если они полюбят нас? — спросил кто-то.

— Мы не ненавидим их, но и они не любят нас. Они ведут себя совершенно неправильно, и мы будем бороться с ними всеми нашими силами. Мы хотим восстановить равновесие. Но мы не должны быть безжалостными, мы не должны никого ненавидеть, это разрушит нас. Но в тоже время мы не должны забывать и о своих обязанностях.

Мартин ощутил, что Работа вновь заняла надлежащее место в его душе, и это были не какие-то отвлеченные мысли о смерти и разрушениях, он вновь чувствовал, что Работа — неотъемлимая часть их существования, их обязанность. Естественный ответ. Противодействие после действия.

Они не нуждались ни в чьем ободрение, кроме своего собственного, их не интересовал ничей суд. Их вел Всевышний. Яростному желанию мести тут не находилось места, оно казалось слишком отвратительным. Но они обязаны были восстановить равновесие, столь же необходимое для жизни, как дыхание легких, как течение крови в их жилах.

Группа сгрудилась вокруг Розы. Взявшись за руки, они дружно пели гимны, оды восхваления Христа, затем баллады, какие только помнили. Все их инструменты были в запасниках, но они прекрасно обходились и без них.

Пение продолжалось около часа. Некоторые охрипли и утомились, некоторые уснули прямо на полу, но Роза по-прежнему руководила всеми. Жанетта Нападающий Дракон принесла кресло, его поставили на стол, и Роза села в него. Рыжеватые волосы мелкими кудряшками обрамляли

ее голову. Жанетта и еще несколько человек разместились у ее ног, прямо на столе. Жанетта положила голову на колени Розе и, кажется, уснула.

Приходили другие, почти вся команда собралась в столовой. Некоторые выглядели сбитыми с толку, чувствуя течение, но не позволяя проходить ему через себя. Надеющиеся, но смущенные, сопротивляющиеся, но нуждающиеся.

Особое время. Ариэль приблизилась к Мартину и обняла его как сестра. Она посмотрела ему в лицо, ее голова находилась на уровне его плеча. Он улыбнулся ей, сейчас он возлюбил всех.

По Розиной просьбе пол стал мягким. Команда улеглась прямо на него, вокруг стола. Другие стулья и столы просто убрали. Жезл Жанетты спроектировал за Розой сияние. Комната погрузилась в темноту.

— Спите, — сказала Роза. — Вскоре мы снова будем должны приступить к нашим занятиям. Спите спокойно, уверенные в том, что Работа обязательно будет выполнена. Спите, и постарайте в ваших снах постигнуть истину. Когда вы спите, вы наиболее открыты для любви ваших друзей, для любви Всевышнего. Спите.

Мартин закрыл глаза.

Кто-то потряс его за плечо. Перед ним, на коленях, стоял Ганс. Он прошептал Мартину на ухо:

— Очнись. Пойдем со мной.

Мартин поднялся. Его пронзил шок, как от удара электрического тока. Он, казалось, разрывался между двух миров, между стыдом и экзальтацией. Угрюмое выражение Ганса и его напряженная поза казались упреком. Ариэль последовала за ними. Ганс, казалось, хотел было остановить ее, но потом передумал:

— Все правильно. Вы оба мне нужны.

Рекс Дубовый Лист стоял в коридоре. В его улыбке было что-то зловещее.

— Фантастика, — сказал Ганс, качая головой. — Она была так хороша. Она просто поимела всех сейчас.

Мартин моментально пришел в себя, как если бы вылил на себя ушат холодной воды.

— Она нуждается только в небольшой помощи и поддержке, — продолжал Ганс. Рекс захихикал. — И будь я проклят, если я не помогу ей. Я не прав? Мне кажется, ситуацию следует держать под контролем.

Ариэль коснулась плеча Мартина, но он отмахнулся от ее прикосновения.

— Каждому ведь нужно для чего жить, иметь

что-то только для себя, — добавил Ганс.

— Не трахай ее слишком усердно, — оскалился Рекс. — Держи ее немного голодной.

Ганс жалобно покачал головой.

— Добавьте ко всему прочему мои молитвы. Да, кажется, я чересчур великодушен.

Рекс и Ганс не спеша направились вдоль коридора. Ариэль подошла к Мартину и успела заметить злость на его лице.

— А ты разве ничего не знал? — спросила она, изумленная. — Он ее всему и учит. Он нашептывает ей в ухо каждый день.

Его глаза наполнились слезами, он смахнул их и стремительно выбежал прочь из столовой, в другой коридор — не тот, по которому прогуливались Ганс с Рексом.

Ариэль устремилась за ним вслед.

— Извини, — сказала она. — Я думала, ты знаешь обо всем! Это же так очевидно…

— Что очевидно? — обернулся Мартин.

— Что Роза изменилась, вновь думает о Работе, и что это всецело заслуга Ганса. В ином случае она могла бы развалить команду на части. Он думает…

— Что думает? — также резко спросил Мартин. Он схватился рукой за лестничное поле и приго-

товился спускаться вниз по перемычке.

Ариэль догнала его. Она до сих пор не могла прийти в себя от изумления его наивностью и от смущения заговорила почти шепотом:

— Ганс же смышленый малый. Он сообразил, как держать всю команду под контролем. Он же только что сказал нам это вполне определенно. Разве ты не помнишь?

— Да, помню, — слова прозвучали неожиданно громко и хрипло.

— Ей тепло и уютно в его руках. Он же это умеет, ты же знаешь. Наговорит ей о Работе, о нашей связи с Богом, ну и тому подобное. И она счастлива, она успокаивается. Ведь Роза никогда не была инициативной. Она, по натуре, слушатель. Роза идет туда, куда ей указывает Ганс. Все, что он ни скажет, все восхищает ее сейчас.

Мартин почувствовал так, будто бы его ударили. Сжав кулаки, он набросился на Ариэль:

— Почему ты преследуешь меня? Черт побери, чего ты хочешь от меня?!

— Ганс опасен, — почти шепотом произнесла Ариэль. Она боялась, что их подслушают. — Он же пустой внутри. Но чем больше он получает, тем больше он о себе мнит. Он полагает, что все Венди — лишь безмозглая скотина. Вернее, он

полагает, что все мы — безмозглая скотина.

— Ты порешь чушь, — сказал Мартин.

Ариэль вспыхнула. Ее прищуренные глаза налились злобой:

— Тебе ли об этом судить, девственник? Ты что, так и собираешься до конца путешествия прожить один? Скажи, почему ты так ненавидишь меня?

В ответ Мартин лишь поморщился и, ухватившись за лестничное поле, продолжил свой путь к перемычке, оставив Ариэль позади.

— Да будь ты проклят! — прокричала она ему вслед.

Джакомо и Дженнифер висели возле звездной сферы в учебной комнате. Корабль прекратил ускорение двенадцать часов назад и теперь лежал в дрейфе. Вокруг поблескивали лестничные поля.

Хаким, Ли Гора и Луис Высокий Кактус спокойно наблюдали за изображением.

Вошел Мартин. Он взглянул на центральную сферу и глубоко вздохнул.

Они были в девяти миллиардах километров от будущих компаньонов. До воссоединения оставалось два дня. Корабли двигались встречным курсом и медленно, но неминуемо, приближа-

лись друг к другу.

Вслед за Мартином в учебной комнате появился Гарпал.

— Почему так много? — спросил он, указывая на пять сфер.

— Это Ганс приказал, для внешнего эффекта, — объяснил Мартин.

Хаким поднялся по лестничному полю, цепляясь за него руками и ногами, и повис перед Мартином и Гарпалом. Он не улыбался.

— Что, соревнования закончились? — поинтересовался он.

— Почти, — ответил Мартин. — Закончатся через десять-пятнадцать минут.

— Мне кажется все это глупостью, все эти спортивные упражнения, — признался Хаким. — Чем скакать, как белки в колесе, лучше бы занялись наукой.

— У Ганса свои планы, — заметил Гарпал.

— Кто победил? — спросила из противоположного угла комнаты Дженнифер.

— Рекс, — небрежно ответил Мартин. Он приподнялся поближе к центральной сфере. Изображение корабля будущих союзников становилось все более отчетливым, шириной оно было уже где-то в обхват двух рук. Корабль также

как и «Спутник Зари», своим внешнем видом напоминало змею, проглотившую три яйца. — На корабле не видно следов повреждения, — заметил Мартин.

— Он меньше, чем «Спутник Зари», — сказал Джакомо. — Примерно вполовину. Интересно, где они сражались? И вообще, что они из себя представляют?

— Я что-то не вижу резервуаров для горючего, — пробормотал Гарпал.

В учебную комнату вошел мом. За последние десятидневки они так редко видели момов, что Мартин не мог удержаться и во все глаза уставился на него.

— Ганс не отчитался за последнюю десятидневку, — сообщил мом, обращаясь к Гарпалу и Мартину. В его голосе не прозвучало осуждения, это было простой констатацией факта. — Что-то случилось?

Мартин сглотнул слюну. Ганс проигнорировал доклад момам… Чтобы это значило? Но ведь Ганс уже перестроил все на корабле, изменился даже стиль общения между людьми. Почему же Мартин до сих пор чему-то удивляется?

Хаким посмотрел на Мартина. В его взгляде не было ни одобрения, ни волнения, просто осто-

рожный взгляд. Ни о чем не говорящий.

— Не думаю, что что-нибудь случилось, — ответил Мартин мому. Он не собирался больше играть роль защитника Пэна, и представлять ситуацию в лучшем свете, чем она была на самом деле. Он уже не мог игнорировать тот узел, который завязывался у него в желудке каждый раз, как он видел доверенных лиц Ганса, или людей, опьяненных общением с Розой.

— У нас есть свежая информация для команды, — продолжал мом. — Я приготовил сообщение. Есть ли какие-нибудь встречные планы?

— Крнечно есть, — ответил Мартин.

— Ганс не мог уклониться от доклада, — пробормотал Гарпал.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался мом. Гнев Мартина сменился смущением, он покраснел. Чтобы скрыть это, он прикрыл лицо руками и покачал головой:

— Нет никаких проблем. Я ведь все равно не смогу все связно изложить. Ганс скрытен. Хуже всего, что он никогда с нами не советуется. Да и зачем ему советоваться? Команда и так беспрекословно следут за ним. Он не действует, как тиран. Он только сердито посмотрит, и этого достаточно.

Мы снова превратились в детей. Ганс — наш отец, мать — Роза. Как же называть тогда момов? Тетушками?

Мы — одна счастливая семья.

— Когда соберется вся команда? — спросил мом.

— Через несколько минут, — ответил Хаким.

— Я подожду.

Венди и Потерянные Мальчики стали подтягиваться получасом позже, вспотевшие и раскрасневшиеся. В условиях невесомости Ганс настаивал на дополнительных занятиях спортом. Некоторые, даже войдя в учебную комнату, продолжали, имитируя, отрабатывать новые удары. Все были разбиты на новые группы, семьи остались в прошлом. Ганс распустил их.

Ганс и Рекс вошли последними.

Все взгляды устремились к сфере, она не могла не притягивать, но, к сожалению, не могла дать ответов на многие вопросы.

Хаким начал перечислять длину, вес, примерный объем горючего корабля-союзника. Он несколько нервозно поглядывал на мома, будто бы выспрашивая у него удобрение тому, что он говорил. Казалось, Хаким боялся сказать что-нибудь лишнее, стать чрезмерно многословным.

Ганс редко общался с исследовательской командой.

— Я думаю, и у момов есть, что сообщить нам, — произнес Ганс, когда Хаким в очередной раз ненадолго умолк. Хаким с облегчением кивнул и освободил место..

— Мы сейчас хотим подготовить вас ко встрече с вашими новыми партнерами, — сказал мом. — Вскоре будет установлена «ноучевая» связь с кораблем, который мы назвали «Странствующий Дом». Мы можем рассказать вам более детально об этом. Могу я воспользоваться дисплеем?

— Конечно, — ответил Ганс.

Первое изображение команды, появившееся на сфере, привела всех присутствующих в недоумение: длинные черные кабели. Мартин постарался сконцентрироваться на том, что он видел. Первое сравнение, пришедшее в голову было сравнение со змеей, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что существа более затейливые. Изображение приближалось — и вся команда погружалось в шоковое состояние.

Кабель распадался на части, похожие на червяков, затем быстро собирался в единое целое. Любопытно, — подумал Мартин, — имитация это или реальная действительность?

— Это существа из колоний, — объяснил мом. — Конфигурация их необычная. Во множество миров обитают биоформы из отдельных составляющих. Ваши будущие партнеры именно такого типа. Каждый индивидуум состоит из десяти — двенадцати компонентов. Компоненты — простые тупоконечные шнуры с хватающими крючками — на одном конце и разделенные на несколько частей — на другом. От семидесяти до восьмидесяти сантиметров длиной, сами по себе они не являются разумными существами, но выполняют много общественных и практических ролей. К примеру, компоненты отвечают за укомплектование продуктами, однако приготовление пищи не входят в их задачи. Они отвечают за воспроизводство и за воспитание их отпрысков. Когда отпрыски взрослеют, их учат основам формирования комбинаций. Созданные комбинации получают образование по полной схеме.

Перед командой появилось крупное изображение подобных агрегатов: ростом они были от двух до пяти метров, толщиной — от пятидесяти сантиметров до метра и состояли из десяти переплетенных компанентов.

— Они дышат кислородом. Вам подходит одна и та же атмосфера, поэтому у вас будут и общие

помещения, хотя вы будете размещаться различных каютах.

Мартин взглянул на Ганса. Ничего похожего на придумывание интриг, на лице только выражение полнейшего шока. Да, это было нечто непредвиденное, превосходящее ожидания Ганса.

— Их пища не съедобна для людей, но вашей пищи и недостаточно для них. Контакт не опасен, все будет в рамках правил. К компанентам не следует приставать или мешать выполнению их обязанностей. Они не могут сделать больше того, что они могут…

— Точно так же, как мой шустряк, — захихикал Рекс Дубовый Лист. Некоторые из команды несколько нервно засмеялись.

— Ограничивать свои поступки при взаимодействии с этим видом существ нужно, в основном, инстинктивно. Компоненты не опасны, если к ним не приставать. В этом случае они могут нанести болезненный удар. Мы еще не знаем насколько токсичны эти существа могут быть для людей…

— О боже, так они еще и ядовиты? — воскликнул Рекс, ошеломленный.

— Это возможно. Но они не нападают, пока их

не трогаешь. Агрегаты с высоким интеллектом, способные к взаимодействию с другими сообществами. Нам сообщили, что они могут научиться подражать человеческой речи быстрее, чем сами люди смогут освоить их методы общения, которые заключается не только в обмене звуками, но и также и запахами. По вашим понятиям издаваемые запахи должны быть приятными.

Обещание приятности ароматов не растопило льда. Команда смотрела на изображения с открытыми ртами и с резко меняющимся настроением.

— Как мы их будем называть? — спросила Ариэль.

— Хороший вопрос, — прокомментировала Эйрин Ирландка. — Не думаю, что называть их змеями — хорошая идея.

— Или червяками, — добавила Жанетта Нападающий Дракон.

— Черт побери, но что же они из себя представляют? — спросил кто-то из дальних рядов.

— Они разумные существа — агрегаты, — объяснил мом, не выказывая удивления, услышав столь поверхностный вопрос.

— И все-таки не понятно, что они такое? Что они думают? Как будут сражаться?

— Правильнее спросить, не как, а будут ли они сражаться? — поправил Ганс. — Если, конечно, мы сами захотим объединяться с ними.

Мартин шагнул вперед:

— Без сомнения, мы будем с ними объединяться, — отчеканил он, обращаясь непосредственно только к Гансу. Ганс воспринял его выпад безо всякого раздражения.

— Мартин прав, — сказал он. — Они в любом случае станут нашими партнерами. Давайте вернемся к предыдущему вопросу: как все-таки мы их назовем?

— Как они будут называть нас? — перевернула вопрос Эйрин Ирландка.

Мартин проигнорировал ее слова.

— Какие будут предложения? — обратился он к залу. — Момы, кажется, возложили это на нас.

— Интересно они разделяются по полу? — спросила Роза тихим мелодичным голосом.

— Компаненты могут быть мужскими и женскими или нечто средним, в зависимости от окружающих условий. Каждые два года у каждого появляется потомство от одного до четырех отпрысков. Агрегаты не занимаются половой активностью, секс имеет место только среди отдельных компанентов.

Команда выслушивала это все в полной тишине. Все становилось более и более странным, тревожащим.

— Давайте называть компоненты веревками, а агрегаты — шнурками, нет, лучше косами, — предложила Паола.

— Отлично, — отозвался Ганс. — Другие предложения будут?

— Мы будем называть их Братьями, — произнесла Роза так, как будто бы это было уже дело решенное. — Они новые члены нашей семьи.

Ганс приподнял бровь:

— На мой взгляд звучит прекрасно.

Итак, имена были названы: веревки, косы, Братья. Новое пополнение в семье Венди, Потерянных Мальчиков и момов.

«Спутник Зари» и «Странствующий Дом» слившись воедино, образовали судно, по размеру очень близкое к тому, каким прежде был «Спутник Зари».

Общение между кораблями велось по «ноучу», но пока еще на уровне шумов. Библиотеки расширялись час за часом.

Мартин только перед сном закончил осмотр библиотеки. Он соприкоснулся с иным, чем у людей, восприятием мира: мира, представленного

текущими потоками красок, преимущественно красной и зеленой; мелодичными звуками, произносимыми с придыханием, одновременно приятными и тревожащими; какими-то огромными комплексными формами, плавающими и растекающимися в густом тумане. Некоторые изображения казались увеличенными, вращающимися, искаженными, как если бы они воспринимались множеством глаз, каждый из которых выполнял различную функцию, имел собственное предназначение.

Он проверил, как много человек из команды уже ознакомились с этой свежей информацией. Жезл сообщил: пятнадцать человек, включая его, Мартина. Остальные ожидали своей очереди.

Количество материалов в библиотеке утроилось только за сутки. Библиотека Братьев содержала материалов вдвое больше, чем у людей, даже при учете материалов, уничтоженных после нейтринного шторма. Мартин страстно желал, чтобы все поскорее перевели, если, конечно, перевод вообще был возможен. Может быть, они на все вещи смотрели по-разному.

Перед тем, как выключить жезл, Мартин задал вопрос: какое место занимают Братья в ряду всех существ, которые известны Благодетелям?

— На шкале, приспособленной к вашим понятиям норм развития, Братья находятся примерно на середине, — ответил библиотечный голос.

Мартин уловил что-то новое в ответе; он понял, что может узнать много полезного, ранее ему неизвестного. Скорее всего, они уже имели дело с объединенным мозговым центром двух кораблей. Мартин подумал, что эта новая комбинация была более информированной, и, кажется, с большем желанием информировало команду.

Перед тем, как окончательно погрузиться в сон, Мартин внезапно понял, что это могло означать.

Им больше доверяют. Но после того, как мы сблизимся, мы тоже многое узнаем.

Другой голос — возможно, Теодора — рассмеялся насмешливо: Насколько далеко ты ушел в своем заблуждении? Давай, Мартин, продолжай в том же духе… Ты можешь побить рекорд…

Ганс собрал оставшихся экс-Пэнов… и Рекса Дубового Листа. Они встретились в носовой части корабля. Исследовательская команда отсутствовала. От «Странствующего Дома» их отделяло незначительное количество километров.

— Корабли воссоединятся завтра, — объявил Ганс. Его лицо резче очертилось, он стал выглядеть старше. Вокруг глаз появились темные

круги. — Мы все в это время должны собраться в столовой. Вначале мы встретимся только с несколькими Братьями. Они прибудут к нам на кораблях-челноках через два часа. Трое их, трое нас. Момы говорят, что они совершенно не предполагают, как мы будем общаться. Мне кажется, что мы должны быть совершенно откровенными с ними. Я прошу присоединится ко мне Мартина и Чэма. Мы встретим их вместе. Момы обещали до этой встречи рассказать нам о каждом из прибывающих Братьев поподробнее. — Ганс обвел взором всех собравшихся, у него было такое выражение лица, будто бы он ждал возражений. — Есть какие-нибудь предложения? Возражения?

— Как заместитель Пэна, я тоже хотел бы пойти, — сказал Гарпал.

— Чэм больше, чем ты, подходит для встречи этих живых веревок, — было непонятно, шутит Ганс или нет.

— Тогда я слагаю с себя обязанности Кристофера Робина, — заявил Гарпал.

— Прекрасно.

Гарпал, видимо, ждал, что кто-нибудь выступит в его защиту. Но все молчали. Тогда он кивнул, сжал зубы и отступил.

— Никто тебе не говорил, что ты плохо работаешь. У меня нет привычки указывать людям на свое место. Ну так, о чем же ты хотел спросить наших новых друзей? — Ганс задал этот вопрос елейным голоском, еще больше унижая этим Гарпала. Ганс был явно раздражен.

— Спросите их, что они рассматривают, как смертельную обиду, — сказал Гарпал. — Если они будут чем-то отвратительны для меня, мне все же не хотелось бы усугублять обстановку.

— Мы скоро все увидем своими глазами, — ответил Ганс. — Прямо сейчас. Я думаю, ты задал хороший вопрос, но он может подождать. В первую очередь мне хотелось бы узнать, сколько всего в их составе кос и подумать, как мы будем с ними контактировать. Да и вообще посмотреть, что это за приятели.

— Мне кажется стоит захватить с собой женщину, — предложил Мартин. — у нас, и у них разные взгляды на вещи.

Ганс наклонил голову в сторону, какой-то момент раздумывал, затем ответил:

— Нет, не пойдет. Я наблюдал за Венди, и думаю, им понадобится больше времени, чем Потерянным Мальчикам, чтобы привыкнуль к нашим партнерам. Может быть, это все же нечто

похожее на змей или что-нибудь фаллическое. Ты только взгляни на лица Венди, когда они наблюдают, как Братья двигаются. Можно было бы взять Стефанию, но ее больше нет с нами.

— Они и меня приводят в ужас, — признался Рекс.

— Вот что я думаю, нам следует сделать… — начал Ганс.

Мартин, Ганс и Чэм ожидали Братьев на складе оружия. Воздух в полусфере был прохладным, веял легкий ветерок, принося запахи металла и соли. Ганс расправил комбинзон и прочистил горло.

— Не знаю, как мы будем их встречать, — покачал он головой. — Ни рук нет, ничего. Давайте сделаем первый жест.

— Какой, просто будем вот так стоять? — спросил Чэм.

— У меня уже разболелась от всего этого голова, — пожаловался Ганс.

В этот момент вошел мом и объявил:

— Корабль прибывает.

— Боже мой, как я нервничаю, — Ганс никак не мог успокоиться.

Вокруг пилонов, которые были резко вытолкнуты наружу через чернеющее отверстие в стене

склада оружия, замерцали поля. Послышалось едва различимое гудение, оно срезонировало по всему помещению. Пилоны возвратились, принеся на своем конце, как муху на кончике языка лягушки, круглый корабль около трех метров шириной с конусообразным выступом, напоминающим грушу. Пилоны осторожно поместили корабль в поле, поле окутало его багровым туманом и медленно опустило на пол склада.

— Наша гравитация, возможно, будет слегка тяжела для них, — сказал мом. — Но они быстро адаптируются.

— Отлично, — ответил Ганс. Его горло подсело.

Похоже, он боится, — подумал Мартин.

В грушевидном корабле распахнулся люк. Внутри, подобно бухте канатов в корабельном ящике, лежали три Брата, свернутые в кольца, — красные и черные веревки блестели, как качествееная, высоко ценимая при продаже, кожа. Сначала они не двигались. Затем с жуткой грацией, один из шнурообразных развернулся и проскользнул по полу, его передний конец слегка приподнялся, издавая едва различаемые звуки, напоминающие стрекотание сверчка.

За первым и две другие косы приподнялись перед людьми. Их разделяло всего несколько

метров. Мартин ощутил приторно сладковатый фруктовый запах — так пахнет дешевая парфюмерия. Он не чувствовал отвращения или страха, скорее ему было интересно. Детское любопытство перед новой игрушкой. Они нравятся мне.

Один из шнурообразных, тот, что находился в центре, приподнял передний конец примерно на два метра от пола. Затем, он, как птичка, прочирикал на английском:

— Мы мы очень рады встрече с вами.

Ганс, глаза которого, казалось, вот-вот могли вылезти из орбит, ответил:

— Добро пожаловать на «Спутник Зари». На наш корабль.

— Да, — произнес все тот же шнурообразный. — Мы нам все любопытно узнать. Я мы не видим женщин. Странно иметь два пола: мужчин и женщин.

Чэм усмехнулся. Ганс прочистил горло и все-таки хрипло произнес:

— Ничего в этом странного нет.

— Подойди к мы нам поближе и прикоснитесь к мы нам, — продолжал Брат. — Так вы лучше узнаете, что мы мы из себя представляем.

Чэм и Мартин шагнули вперед. Беседующий с ними шнурообразный, так же, как и другие,

вытянулся во всю длину на полу.

— Вы можете коснуться любого из мы нас, — сказал он. — Я мы говорим, потому что я мы наиболее квалифицированный сейчас в вашем языке. Я мы будем долгое время обучать вашему языку других, дадим им часть я мы себя.

Мартин склонился к к шнурообразному, лежащему слева, и дотронулся до него рукой. Веревки заблестели, их гладкая кожа сморщилась. Ганс стоял рядом с Мартином, но он явно не собирался наклоняться.

Чэм прикоснулся к правому шнурообразному, слегка похлопав по нему ладонью.

— Теплый, — констатировал он, — можно сказать горячий.

Мартин почувствовал тепло Брата даже прежде, чем коснулся его. Они излучали тепло, как печь.

Под рукой Мартина шнурообразный перегруппировался, веревки медленно раскрутились, образовывая четыре лапы, которые так же, в свою очередь, прикоснулись к руке Мартина. Он не удержался и вздрогнул, прикасание напоминало царапанье ногтем.

Вокруг распространился аромат хорошего вина.

— Ты не прикоснулся, — сказал Брат Гансу. — Не надо бояться. Ты сделай это.

Ганс закрыл глаза и собрал все свое мужество. Он потянулся и нежно обнял Брата, чем необычайно удивил Мартина. Брат изогнулся под давлением.

Распространился запах свежевскопанной земли.

— Как мы показались вам? — спросил Ганс, устремляя взгляд на верхний конец косы. Там веревки были завязаны в узел, и там же располагались маленькие черные глазки — по четыре на каждую веревку, появляющиеся в тот момент, когда узел саморазвязывался. Веревки покосились, рассматривая лицо Ганса.

— Если говорить как вы говорите: вы мы нам интересны, — ответил Брат. — Я мы ничего похожего никогда не видели.

— У нас есть существа, которые мы называем змеями или червяками, — все также хрипло произнес Ганс. На щеках и затылке у него выступила испарина. — Они напоминают вас…

— Вы не любите змей и червяков? Они сделали что-то плохое вам?

— Я в будущем привыкну к вам, — пообещал Ганс и бросил взгляд на Мартина. — Все не так уж

и плохо, а? Как ты думаешь?

— Ты все делаешь прекрасно, — подбодрил его Мартин.

— Спасибо, — поблагодарил Ганс, отступая назад, и обратился опять к Братьям, — Вы, приятели, очень нам пригодитесь в холодные ночи.

— Он имеет в виду, — интерпретировал Братьям его слова Чэм, — что вы показались нам очень теплыми и приятными.

— А вы приятно прохладны, — любезностью на любезность отвечал Брат. — Сейчас заговорят мои наши компаньоны. Извините за мы наш язык. Не довольствуясь только язык, мы мы испускаем запахи, выталкиваем между частями компонентов, расцепляя на части мои наши передние части.

— Вы звучите, как скрипки и горны, — сравнил Мартин.

— Чувствую, это будет нечто дьявольское, — пробормотал Ганс.

— Эта правда, что вы всегда вы, — спросил правый шнурообразный голосом резким и скрипящим, делая ошибки при произношении гласных букв.

Мартин, Чэм и Ганс обменялись недоуменными взглядами. Мартин раздумывал, не связан каким-нибудь образом этот вопрос с упоминанием

дьявола Гансом. Чэму, кажется, удалось ухватить суть вопроса.

— Я думаю, он спросил, всегда ли мы остаемся теми же самыми персонами. Не отбрасываем ли мы руки и ноги, когда нас никто не видит?

Ганс скорчил рожу:

— Мы всегда одни и те же. Наши тела всегда одно целое, — ответил он.

Спрашивающий шнурообразный издал серию сверчкового стрекотания и воздух наполнился обильным запахом чего-то несвежего.

— Мы наш гид говорил мы нам это, — сказал Брат. — Это трудно для мы нас представить.

— Я понял, — воскликнул Ганс. — Ваш жизненный стиль… ваша жизнь очень отличается от нашей.

— Но мы мы можем иметь дружбу, — прочирикал шнурообразный.

— Мы уже друзья, — откликнулся Ганс и насмешливо улыбнулся Мартину и Чэму.

— Мы мы не нравимся вам? — спросил Брат, тот, что слева.

— Мы мы не нравимся никому, — прояснил ситуацию тот, что находился по центру.

— Там… откуда мы пришли… — начал Мартин. Ему трудно было подобрать слова. Он глубоко

вздохнул, и все Братья тут же сымитировали его вздох. — У нас подобные агломераты… то есть подобное взаимодействие имеет место только у простейших животных и растений.

— И насекомых, — добавил Чэм.

— Насекомых? — недоуменно переспросил Мартин.

— Можно же сказать, что насекомые и создают цветы, опыляя их, не так ли? — сказал Чэм.

— Ну это не совсем то, — покачал головой Мартин.

— Все это чушь, — раздраженно произнес Ганс.

— Можно мы мы посмотреть записи таких колоний? — спросил Брат, тот, что первым заговорил с ними.

— Конечно.

— Вам не нравится все это?

— Фактически, я никогда не сталкивался с ними в реальной жизни, — ответил Ганс. Мартин восхитился четкостью ответа. Он надеялся, что его смысл не исказится при восприятии их новыми партнерами.

— Я мы думаем, вы часть колонии, только индивидуумы большого общества, — сказал все тот же шнурообразный.

— Я думаю, он имеет в виду, что мы часть

большой социальной группы, — объяснил Чэм. — Интересно будет поговорить с ними на эту тему, когда мы узнаем друг друга получше.

— Вы сражаетесь друг против друга?

Никто их людей не отвечал долгое время. Затем Мартин сказал:

— Нет, как правило, нет. А вы?

— Составляющие части могут драться без мы нашего контроля. Не вмешиваться. Это нормально.

Ганс сдержал дрожь. Мартин сказал:

— Мы играем в игры, проводим соревнования, поддерживаем свою форму. Это тоже виды борьбы, но они не приносят вреда.

— Компоненты иногда быть буйными. Не вмешиваться. Это нормально. Они не имеют сознания одни.

— Возьми на заметку, Мартин, — пошутил Ганс — Не следует наступать на них.

— Мы нам интересно, как мы наши компоненты реагировать на вас.

— Нам тоже это интересно, — отозвался Ганс.

Лежащий справа шнурообразный коснулся своей «головы» и рассыпался на части. В воздухе запахло уксусом и фруктами. Компоненты, в количестве четырнадцати штук, переплетясь,

лежали в куче, похожей на макраме из змей. Медленно расстелаясь по полу, веревки двигались в разные стороны, пока не достигли людей.

Ганс побледнел лицом. Мартин выглядел не лучше.

— Вот дерьмо, — прошептал Чэм, но не сдвинулся с места.

Веревки прикоснулись к икрам их ног. Некоторые из них сцепились друг с другом и катались внад и вперед.

— Что это? — воскликнул Ганс.

— Это борьба за превосходство на их уровне, — ответил самый разговорчивый Брат. — Это не драка с целью убить. Вы можете называть это — грубая игра.

— Ваш английский совершенен, — польстил Брату Мартин, стараясь скрыть свой страх.

— Я мы имеем прекрасные компоненты, и счастлив внутренней гармонией.

— Примите наши поздравления, — выдавил из себя Ганс.

Два агрегата что-то защебетали, зашептали друг другу. В воздухе запахло свежевыпеченным хлебом и серой.

Одна из веревок продвинулась вверх по дрожащей ноге Чэма, переднее щупальце широко

растопырилось. Мартин заметил, что когда веревки собраны вместе, щупальцы сложно рассмотреть.

Чэм смог взять себя в руки.

— Да, не очень-то у нас совместимая компания, — вздохнул Мартин.

— Ну почему, я чувствую себя прекрасно.

— Я мы предчувствуем трудности, — сказал Брат. — Мы мы должны привыкать.

— Да, мы должны привыкнуть, — повторил Ганс, больше в ответ Чэму, чем шнурообразному.

— Ну конечно, — Чэм постарался откликнуться, как можно бодрее. Веревка по-прежнему медленно ползла по его ноге.

— Это не насилие, — уверил шнурообразный.

— Хочу поставить вас в известность, — обратился к Братьям Чэм. Его голос звенел и дрожал. — что мы используем имена, каждый из нас имеет свое имя. — Веревка в это время добралась до груди Чэма и, соскользнув, ухватилась за материал комбинзона.

— Ты можешь касаться ее, — сказал шнурообразный.

— Как мы… какие имена мы можем использовать, обращаясь к вам?

— Мы мы это обсудим. Когда каждый из мы нас

выучим язык, мы мы выберем себе имя. Меня нас вы можете называть Каменщик. Разобранные веревки, когда они соберутся снова вместе, вы можете называть Корабельщик. А третьего — Небесный Глаз.

— Мы я наслаждаемся наблюдать звезды, — сказал Небесный Глаз.

— Как Хаким, — заметил Мартин.

— А ваши имена? — поинтересовался Каменщик.

— Наши имена не носят никакой смысловой нагрузки, — сказал Мартин. — Я Мартин. Это Ганс. А это Чэм.

— Но джем это пища, — отметил Небесный Глаз.

— Не джем, а Чэм, — поправил Чэм.

— Мартин — так называется одно из животных, — нашел объяснение и имени Мартину Каменщик.

— Как тебе наш наши компаненты, Чэм, — поинтересовался Каменщик у Чэма.

— Немного больно, когда оно хватает меня клешнями. Могу я поговорить с ним? — Веревка в это время исследовала его лицо. Чэм отвел назад шею настолько далеко, насколько смог.

— Нет, — ответил Каменщик, — Но мы мы со-

берем его вместе, и ты потом поговоришь. Мы я видим, они нравится людям.

— Да, они замечательные, — ответил Чэм.

— Он не кусается, — заключил Каменщик.

— Для нас это очень важно, — сказал Ганс. — Они не могут никак навредить нам?

— Это будет несчастье, — ответил Каменщик.

— Конец агрегату, части ведут неправильно, — попытался объяснить людям Небесный Глаз.

— Никому это не нужно, да? — Чэм слегка шлепнул рукой по веревке, которая в это время уже ползла вниз. Она обвила его грудь, хвост под правой рукой, голова и щупальца — под левой, и замерла.

— Наверное, ей нравится, как ты пахнешь, — улыбнулся Чэму Мартин.

— Очень правда, — откликнулся Каменщик. — Вы все пахнете для мы нас дружелюбно.

Они не знают нас достаточно хорошо. Мы пропахли страхом, — подумал Мартин.

— Отлично, — сказал Ганс. — Если Каменщик не против, мы в следующий раз соберемся более многочисленной группой. Двадцать человек нас, и двадцать Братьев. Затем мы переконструируем «Спутник Зари» и «Странствующий Дом» и приступим к выполнению Работы.

Каменщик защебетал и комната заблагоухала запахом чая и сирени. Веревка осторожно сползла с груди Чэма и расположилась на полу в центре небольшой впадины. Затем она выровнялась с другими, лежащими рядом с Каменщиком, и они начали переплетаться друг с другом. Шнурообразный приподнимался и растягивался до тех пор, пока не коснулся основания пилона, прикрепленного в двенадцати футах над головами людей.

— Мы мои компоненты размножились и сделали Корабельщика, — сказал Каменщик. — Он мой наш брат или сын, не знаю, как называть.

* * *

Двадцать человек и двадцать Братьев встретились в учебной комнате. Мартин не сказал бы, что Братья держались в стороне. Вокруг перемешивалось щебетанье и громкие возгласы. Появившаяся Роза сразу же крепко обняла одного из Братьев; Паола Птичья Трель что-то напевала другому. Вокруг царила маскарадная атмосфера, и Мартину стало как-то легче. Чужеземцы оказались весьма общительными существами, и члены обеих групп очень быстро смогли найти общий язык. Они подружились.

Первые десять минут Ариэль стояла рядом с

Мартином.

— Кажется, все идет хорошо, — сказала она.

— Да, вроде бы, — кивнул Мартин.

— Я думала, на это понадобится больше времени.

— Я тоже так думал. Но они еще не разбивались на веревки. Веревки не так спокойны.

— Да, Чэм рассказывал мне. Примерно такая же разница, как между животными и людьми. Думаешь, возникнут проблемы?

Мартин немного помрачнел:

— Возможно. Но я думаю, мы сможем приспособиться.

— Мы терпели друг друга слишком долго, — заметила проходящая мимо них Дженнифер. — Это хорошо, что появился кто-то новый, с кем можно поговорить. — Она прошла вперед, поближе к компании Братьев, которые объяснялись с людьми на ломаном английском.

Мартин ощутил запах жаренных кабачков и сморщил нос.

Джакомо играл с одним из Братьев в игру на пальцах. Он сжал пальцы в кулак, дважды тряхнул им и выбрасил два пальца. Шнурообразный приподнявшись, отступил назад, издал звук, похожий на треск лопающейся скорлупы, затем

свернулся головой в форме восьмерки и сказал:

— Я мы ошибся.

К Мартину подошел Рекс Дубовый Лист.

— Ганс приглашает экс-Пэнов на несколько минут в свою каюту.

Мартин, Чэм и Джой Плоский Червяк были на полпути к каюте Ганса. Джой горел энтузиазмом:

— Боже мой, они действительно, как змеи, но им нельзя отказать в некотором шарме.

— Змеи очаровали нас, не так ли? — усмехнулся Чэм.

— На все сто. Это получилось быстрее и легче, чем я думал. Мне кажется, с ними можно работать.

Когда они вошли в каюту, они нашли там Ганса мрачным. Гости присели по-турецки, Ганс опустился на корточки рядом с ними. Рекс Дудовый Лист держался несколько в стороне ото всех.

— Каменщик и я поговорили немного, — сказал Ганс. — У него из Братьев лучший английский. Я задал ему несколько вопросов о структуре их команды. И вот что я узнал. Каждые пять дней — наших дней, не их — они созывают Командный Совет для обмена веревками, каждая коса жертвует двумя. Из пожертвованных веревок они делают одну толстую затраханную косу, называя

ее Соглашателем или что-то в этом роде. Эта коса использует память всех веревок и принимает решения. Веревки эти решения передают в свою очередь своим косам. И никаких приказов. Это тревожит меня.

— Почему? — спросил Джой.

— Потому что при этом нет никакой гибкости. Представьте себе, что мы попали в кризисную ситуацию, и что мы будем собирать какие-то советы? Я думаю, что они теряют массу времени с этим Соглашателем, они не способны постоянно отслеживать изменение условий и обстоятельств… Да… Система несовершенна… Но окончательные выводы я сделаю после того, как я поговорю с самим Соглашателем.

— Ты думаешь, они действуют подобным образом и при сражении?

Ганс пожал плечами:

— Пока не знаю. Вот и все, что я вам хотел сообщить.

— Нам следует выяснить, где произошла катастрофа с ними, — глядя в пол, произнес Чэм. — где они потерпели неудачу.

— Хорошо, я займусь этим, — сказал Ганс. — Мартин, я заметил, ты почему-то еще не обзавелся другом из компании Братьев… Брал бы пример с

Паолы и некоторых других.

— Я тоже еще ни с кем ни подружился, — сказал Джой.

— Чем большее количество уз нас скрепит, тем лучше мы узнаем друг друга. Это как в браке.

— Нам следует помочь им изучить английский, — сказал Джой.

— Они шустрые, не сомневайтесь в этом, — заметил Ганс. — Они могут быть намного шустрее, чем мы. Но, черт побери, нам придется еще многое узнать друг о друге, прежде чем мы сумеем объединиться для борьбы с убийцами. Я прав?

— Абсолютно, — громко подтвердил Рекс, по-прежнему держащийся в стороне.

— Я хотел бы узнать, каким образом сольются мозговые центры обоих кораблей. Также я хотел бы знать, останутся ли у нас момы. Или их заменят аналогичные роботы с того корабля…

— Библиотека стала прямо-таки огромной, — сообщил Мартин.

— И мы можем всем пользоваться?

— Прямо уже сейчас. Перед нами открываются необъятные просторы знаний. Я надеюсь, что материалы Братьев реально перевести.

Ганс кивнул:

— Я тоже очень доволен таким прогрессом.

Но мне не хотелось бы, чтобы наша команда с излишней восторженностью отдалась общению с Братьями и забыла о своих собственных проблемах.

Чэм и Джой кивнули. Мартин молча ковырял пальцем в комбинзоне, будто бы хотел проделать в нем дыру.

— Кто-нибудь еще хочет что-то добавить? — Ганс обвел взглядом всех присутствующих.

— Я знаю, это ты управляешь Розой, — неожиданно и явно не к месту сказал Мартин.

Ганс минуту колебался, затем утвердительно кивнул со злобным выражением лица:

— Да, я руковожу ею. Это не трудно, поверь мне.

Рекс фыркнул. Ганс неодобрительно взглянул на него, Рекс покраснел и отвернулся.

— Как Роза свяжет присутствие Братьев со своим мировоззрением… со своей религией?

— Роза найдет способ. Ей в этих вещах нет равных.

— Я знаю, — сказал Мартин. — Но мне кажется, ты затеял опасную игру. В любой момент может создаться взрывоопасная ситуация.

— Но это лучше, чем позволить ей и дальше терять себя. Я прав?

Никто из экс-Пэнов не ответил.

— И это лучше, чем избавляться от нее, — продолжил Ганс. — Конечно, я ненавижу такие вещи. Но если ситуация будет становиться все хуже и хуже, и это возможно.

Мартин побледнел. Долгое время никто не мог вымолвить ни слова. Десять минут — весьма выразительное затишье для подобного разговора.

— Это было бы и не очень умно с твоей стороны, — заговорил наконец Джой. — Это сделало бы из нее великомученицу.

— Хорошо, все это дерьмо. Давайте оставим эту тему, — сказал Ганс. — У нас есть проблемы и поважнее, чем Роза.

Ганс пригласил Каменщика встретиться со всей командой «Спутника Зари». Он хотел побольше узнать об истории Братьев, и особенно об их столкновении с убийцами.

Он проводил Каменщика в учебную комнату. Команда ожидала в вежливой тишине, наблюдая как Каменщик с помощью лестничного поля цилиндрической формы поднимается к центральной звездной сфере.

Мартин научился различать Каменщика по цвету — две его веревки в верхней части были окрашены полосами — в черный и ярко-желтый

цвет.

— Каменщик — наш друг, — объявил Ганс, обнимая косу за шею. Запах жаренной капусты означал — Мартин уже понял это — сильное волнение. В учебной комнате не один он желал, чтобы этот волнительный момент побыстрее прошел.

Те, кто уже встречался с Братями, понимающе морщили носы. Нельзя сказать, что выслушивать подобные сказки было для них делом привычным.

— Мы мы имеем похожую жизнь, похожую историю, — сказал Каменщик.

Повторение слов у Братьев было неизбежным. По лингвистическим и культурным обычаям, а в этом случае они значили даже больше, чем религиозные, язык Братьев использовал два местоимения, первое имело отношение к индивидуальной косе или группе кос, второе к их компанентам — веревкам. Я мы, мы мы. С притяжательными местоимениями дело обстояло сложнее: мы мое — обозначало принадлежность индивидууму, первое относилось к веревкам, второе к косе; мы наше или мы наши — принадлежность группы. Другие притяжательные местоимения — это мы, я мы мое, мы наш мы са-

ми — вообще употреблялись непонятно в каких случаях. Интересно, что в отношениях с людьми Братья старались употреблять более простые словосочетания.

— Я мы будем рассказывать вам многое из мы наших жизней, — сказал Каменщик. — Мы мы будем работать вместе, убивать тех, кто убивал мы наше прошлое, — ощутилось появление запаха, нечто напоминающее скипидар, — мы мы будем находить общие мысли, общую силу.

Мы мы верим: мы наши миры много похожи, как Земля и Марс.

В это время на звездной сфере появилось изображение двух планет: первой — почти полностью зеленой, второй — цвета охры.

— Мы наш вид расти молодыми в мире, который вы можете называть Листовщиком. Мы наше прошлое время было давно — сотни тысяч назад. — Запах пыли и освещенной солнцем грязи. — Мы наше время проходит короче, чем ваше. Но мы мы можем путешествовать между мирами часто, вы — нет. Мы мы были молодыми и на второй планете. Мы мы называли ее Сухой Песок. Десять тысяч раз лет мы жили там, не делая оружия, не имея врагов.

Убийцы пришли к мы нам, как друзья. Они

пахли мы наша невинная радиация. Да, да они приходили к нам, как друзья.

Каменщик спроектировал изображение нескольких блестящих сфер, соединенных вместе, напоминающих гигантскую гусеницу. Мартин тотчас же вспомнил австралийских роботов, так называемых «шмусов». Они вполне могли быть одной из разновидностей этих форм.

— Друзья были как ваши машины, но живые, живые внутри, — продолжал Каменщик. — Они рассказали мы нам о далеких мирах, очень интересных, они звали мы нас туда, учиться. А потом… потом… мы мы почувствовали мы наш мир больной оружием, он умирает. Мы мы сделали мощный корабль и оставили мы наш вид погибать. Мы мы не можем путешествовать между звездами, но оставить всех и наблюдать, как мы наш мир съедают миллионы убийцы — машины. Затем пришли другие, Благодетели имя, и была война. Мы наши миры исчезли, несколько остались, но мы мы были взяты Благодетелями на войну, искать убийц. Это короткая версия, длинную вы можете понюхать в мы нашей библиотеке.

Мы наш корабль получил слабость, когда нашел звезды и миры убийц. Мы мы попали в

течение, которое поздно обнаружили, многие мы из нас погибли, а «Странствующий дом» получил поломку. Сотни раз лет прошло. Мы мы опять лететь. — Запах скипидара.

Мартин заметил слезы на щеках и Венди и Потерянных Мальчиков.

— Мы мы услышали другой Корабль Правосудия. — Запах сирени и свежевыпеченного хлеба. — Услышали, что мы мы будем работать с теми, которые не пахнут, как я мы, и которые не рассоединяться, как я мы. Я мы горды, что я мы можем работать вместе, сражаться. Мы мы состоим из многих частей, я мы агрегат, но мы мы группа сильная, смелая.

Каменщик, подумалось Мартину, выбрал правильную политику.

— Мы наш Корабль Правосудия думает, что мы наши машины можно объединять с вашими, они гибкие и мало отличаться. Наши библиотеки объединятся, и мы мы будем учить друг друга пахнуть, читать, видеть.

Мы наши корабли будет один корабль. Мы мы сделаемся вместе сильная храбрая группа. — Запах тушеных кабачков, но не горелых. — Мы все мы будем ждать в одном пространстве, пока корабли не станет агрегат, — закончим свою речь

Каменщик.

Команда людей смущенно зашушукалась. Мартин разобрал в шепоте слова уверения, увидел, как люди и Братья обмениваются легкими ободряющими толчками. Не так уж плохо. Ждать и наблюдать.

Роза выступила вперед и подняла руки. Мартин хотел сразу же уйти, он почувствовал неловкость и за нее, и за окружающих.

— Они действительно наши Братья, — изрекла Роза. — Вместе мы будем вдвое сильнее.

Ганс обнял Розу за талию и, улыбаясь, сказал:

— Мы соберемся вот здесь, в учебной комнате. Она достаточно большая, чтобы вместить всех нас. На «Спутнике Зари» возможно приготовить пищу для Братьев. Мы останемся здесь — все мы — и люди, и Братья — и будем ждать, когда воссоединяются корабли.

Команда не выказала никакого неудовольствия. Однако Мартин не испытывал энтузиазма, он ощущал лишь слабые уколы страха.

Они дожидались появления команды Братьев в полном составе. Рядом с Мартином стоял Джой.

— Мы называем их мужским местоимением, — заметил Джой. — Это как-нибудь оправдано?

— Нет, — ответил Мартин. — Но они нам Бра-

тья, разве не так?

Джой, прищурив глаз, подарил Мартину насмешливый взгляд.

— Послушай, ты же уже получил один сильный удар… — он поморщился, — Извини за цинизм. Но разве я не прав?

Мартин приложил палец к губам, прося Джоя замолчать.

— Я говорю о Гансе и Розе…

Мартин бросил многозначительный взгляд в сторону команды. Джой и до этого говорил шепотом, теперь же он с жалостью посмотрел на Мартина, вздохнул и больше ничего не сказал.

Пятьдесят Братьев и шестьдесят пять Потерянных Мальчиков, и Венди стояли посреди учебной комнаты по обе стороны от звездной сферы, показывающей состыкованные хвостами корабли — они напоминали спаривающихся насекомых.

Воздух был перенасыщен запахами капусты, сирени и другими разнообразными ароматами, которые оказалось трудно иденфицировать.

Появились момы и роботы Братьев, моментально прозванные Матерями Змей, по два от каждой стороны — момы выпуклые, как медные куклы, роботы Братьев походили на гибких бронзовых змей, два метра длиной и полметра в диаметре.

Наружное и внутреннее давление учебной комнаты уравновесились.

— Мы это уже проходили, — пронеслось в голове у Мартина. — Это не внове для нас.

Хаким сказал ему:

— Я изучаю их астрономию. Дженнифер сказала, что они прекрасные математики. Это же богатство, Мартин! — Хаким был, беспорно, счастлив.

Ариэль не подходила близко к Мартину — держала фиксированную дистанцию. Но она пристально наблюдала за ним, когда он не мог этого заметить.

То ли я циничен, то ли испуган, не могу понять. Мы похожи на сухой лес, которому достаточно искры, чтобы …

Звуки издавал только корабль, среди людей воцарилась тишина. Отсутствовали и запахи; чистый воздух — эквивалент молчания Братьев. Лишь пол вибрировал под ногами.

Роза, — безмятежная, чувствующая свою силу, стояла на коленях рядом со звездной сферой. Ее поза представлялась Мартину теперь театрально наигранной.

Один из Братьев на глазах всех буквально развалился на части. Веревки подергивались,

их щупальца вытянулись, будто бы выискивая кого-то, и начали царапали пол. Другие косы засуетились, видимо опасаясь той же участи, и поспешили стянуть свои веревки посильнее, перезавязывая узел на голове.

Щебетание, взвинченность присутствующих, комментарии; запахи скипидара и бабанов.

— Боишься? — спросила Ариэль у Мартина, поближе поддвигаясь к нему.

— Я ни с чем подобным не сталкивался в жизни, — пробормотал Мартин.

Она подняла бровь.

Посмотри, они распадаются на части, — кивнул он в сторону Братьев.

Она подняла другую бровь и покачала головой, затем неожиданно захихикала. Мартин никогда не слышал, чтобы Ариэль хихикала прежде. Да, она смеялась, улыбалась — но не хихикала.

— Я не вижу тут ничего смешного, — огрызнулся он.

— А я и не говорю, что это смешно, — Ариэль до сих пор улыбаясь. Но улыбка быстро сошла с ее лица, когда она заметила, что он даже не делает попытки улыбнуться ей в ответ. Она отвернулась и тихо сказала, — Мне ничего от тебя не нужно, Мартин.

— Извини, — сказал он, внезапно почувствовав себя виноватым.

— Я не изменилась, — покраснев, продолжала она. — Когда ты был Пэном, я всегда говорила тебе то, что думала. Мне казалось, тебе это необходимо.

— Я знаю.

— Так тогда какого черта ты ведешь себя так? — выкрикнула ему в лицо Ариэль и быстро отошла, растворившись в толпе людей.

Другие веревки тоже распадались на части. Хаким склонился над ними. Один из Братьев щелкал клешнями, пытаясь ухватить веревки, голова его вытянулась, тело извивалось. Остальные его веревки тоже были близки к тому, чтобы развязаться. Хаким хотел ему помочь, но Брат четко произнес:

— Я мы сам.

— Не мешайте ему, — предупредил Ганс. — Нам еще многое нужно узнать о них. Нам не следует действовать необдуманно.

— Воссоединение началось, — констатировал мом, передвигаясь поближе к центру. Мартин внимательно смотрел на сферу, наблюдая, как один корабль растворяется в другом, он не мог не восхищаться Благодетелям, освоившими подоб-

ные технологии.

Змеиные Матери щебетали, пели, слагали оды. Сознание у Мартина поплыло — от напряжения и изобилия ароматов — в основном, это были запахи бананов, смолы, легкого гниения и капусты. Голоса Змеиных Матерей звучали, как миниатюры струнного оркестра, косы что-то отвечали им, развязанные веревки упаковывались вновь, Братья беспрерывно извивались.

Все так дьявольски странно, — подумал Мартин, чувствуя, что близок к истерике от нервного истощения. — Слишком многое сразу навалилось. Я хочу, чтобы все поскорее закончилось.

Он парил в воздухе, одной рукой ухватившись за лестничное поле, глаза его блестели, голова тряслась, он не мог вымолвить ни слова. Рядом, тоже на лестничном поле, с закрытыми глазами висел Хаким. Кажется, он предпринимал попытку уснуть. В самом деле, это было разумно. Мартин тоже закрыл глаза.

Джакомо слегка похлопал его по плечу. Глаза резко раскрылись, неспособные что-либо толком разглядеть после сна — Как долго я спал? Секунды? Минуты? — Мартин повернулся к Джакомо и увидел рядом с ним Дженнифер.

— Окончательное воссоединение произойдет

через пять минут, — объявил мом, его голос прозвучал откуда-то издалека.

— Мы ждем не дождемся, когда же мы познакомимся с их математикой и физикой, — взволнованно сказал Джакомо. Его круглое лицо блестело от пота. Люди добавили запахов в комнате. — Дженнифер разговарила с их лидером, если, конечно, Каменщик, действительно является их лидером.

— Умная говорящая змея, — громко захихикала Дженнифер.

— Фантастические вещи! — продолжал Джакомо. — В их математике нет рациональных чисел, только иррациональные.

— И это пока все, что мы можем сказать, — охладила его пыл Дженнифер.

— Нет, вы подумайте, только иррациональные дроби, пятна, как они называют, — не унимался Джакомо.

Математика Братьев интересовала Мартина сейчас меньше всего, но он слишком устал, чтобы хоть как-то попытаться уклониться от этого разговора.

— Я думаю, они рассматривают целые числа, и даже рациональные дроби, как аберрации. Они любят все иррациональное. Я жду не дождусь,

когда можно будет узнать об этом поподробнее, — повторил Джакомо, но вдруг заметил отсутствующий взгляд Мартина и отрезвел.

— Извини, — пробормотал он.

— Я очень устал, — оправдываясь, сказал Мартин. — Впрочем, как и все. А вы разве не устали?

— Мервецки устали, — вновь захихикала Дженнифер. — Но пятна! О боже, это просто невероятно! Я не вижу никакого смысла в этом.

Мартин почувствовал запах сирени. Он вспомнил, что именно так пахло лицо бабушки в его снах. Это был аромат ее пудры, которая словно снег, летала по всей ванной комнате после бабушкиного посещения, а затем медленно опускалась на ковер. Во сне он лежал на этом ковре, свернувшись в клубок и крепко зажмурив глаза.

Когда он проснулся, в учебной комнате царила тишина, лишь изредка раздавался шепот. Поблизости спал Хаким. Джакомо и Дженнифер лежали, обнявшись, на расстоянии руки от Мартина. Джой Плоский Червяк спал в позе лотоса, укрепившись на лестничном поле. Момы и Матери Змей летали в бездействии.

Братья все разделились на части. Веревки висели на лестничных полях, словно сушащееся белье на неоновой одежной сетке.

Чэм уже тоже проснулся. Мартин спросил у него:

— Это так они спят?

— Да, я тоже был поражен.

— Где Ганс?

— В другом конце комнаты. Спит, а Роза держит его голову на своих коленях.

Мартин повернулся к звездной сфере и увидел их корабль, намного увеличившимся в размерах. Возможно, теперь он не уступал оригиналу «Спутника Зари» — вновь с тремя домами-шарами, но в этот раз передний был больше остальных. Не увидев резервуаров для хранения запасов горючего на их обычном месте, Мартин предположил, что теперь они располагаются в первом доме-шаре. Чем больше он видел, тем больше понимал, что корабль Братьев был более поздней моделью, и имел преимущество в оборудовании, тактике, возможно, даже генеральной стратегии.

— Ты думаешь, они спят? — спросил Чэм.

— Спят ли они? — повторил Мартин и осмотрелся вокруг. Он не видел целых кос, только разрозненные веревки.

— Интересно, что будет, если веревки смешаются и косы их перепутают? Это даже пугает, как много мы еще должны узнать.

Торможение началось. Постоянно прибегая к помощи Корабля Правосудия, люди и Братья изучали новый порядок вещей. В первых двух домах-шарах площади были разделены на секторы Братьев и секторы людей. Свободные помещения и общие коридоры давали веревкам пространства, в которых они прятались и занимались какими-то своими делами. Были предусмотрены меры предосторожности для захвата отбившихся от своих кос веревок; в холлах на территории людей стояли ящики, наполненные особенными ароматами (запахом чая и кочанной капусты), для того, чтобы перенести туда веревки, которые заползут на чужую сторону и успокоить их.

Предпринимались и практические шаги сближения: Мартин, к примеру, выяснил, за какое место у веревки нужно было браться, чтобы она не успела обдать тебя каким-нибудь сногсшибающим запахом. Лучшим местом считался участок гладкого и твердого «тела», ближе к клещеобразным ногам, за щупальцами. Основная опасность, к счастью, еще не имевшая места в жизни, заключалась в том, что веревка, отделенная от своих приятелей, сама могла начать защищаться, если процесс ее подхвата и укладки в ящик не производился по всем правилам. Она могла ущипнуть

или укусить человека, и алколоиды ее слюны могли дать токсическую реакцию — возможно в виде сыпи или чего-нибудь похуже. Так зачем рисковать?

Пища Братьев была простой, и выяснилось это довольно быстро. Они питались бульоном, приготовленным из небольших организмов зеленого и фиолетового цвета, не имеющих ничего общего ни с растениями, ни с животными, скорее они походили на водяных червей. Эти организмы — Каменщик предложил назвать их «простаками» — произрастали под ярким светом, свободно передвигались в наполненных жидкостью сосудах. Большую часть питательных веществ они извлекали из простых химических препаратов, но на какой-то стадии роста начинали поедать друг друга и остатки от этих пиршеств в основном и жертвовались на бульон.

Братья всегда ели в разобранном виде. Отдельные веревки собирались вокруг бака, как змеи вокруг мисок с молоком. Во время обеда их охраняли две или три косы.

Матери Змей не занимались приготовлением бульона. Выращивание пищи было у Братьев особенно важным ритуалом, а место старшего у бака с бульоном являлось, по-видимому, почет-

ной привилегией.

Большего людям увидеть не разрешили, в других сторонах жизни Братья были более осторожными. Так как веревки умирали, как отдельные организмы — это считалось у Братьев естественным процессом, как сбрасывание кожи у змеи — то можно было с большой вероятностью предположить, что воспроизводство у кос продолжалось непрерывно. Но размножение веревок и их жизнедеятельность скрывались от людей.

Похоже на то, что три косы действовали как мозговой центр для всей группы Братьев. Внешне мало чем отличающиеся от других, они появлялись на глазах людей весьма редко и совсем не общались с ними. Создавалось впечатление, что они не говорили на английском. Случалось, что они делились на части, и некоторыми из составляющих какое-то время пользовались другие косы. Эйрин Ирландка назвала их три «Б» — Благоразумие, Благородство и Благотворительность, и эти прозвища прилипли к ним, по крайней мере, среди людей.

Каменщик познакомился со всеми в команде людей, Корабельщик и Небесный Глаз вращались среди людей тоже свободно, да и другие Братья мало-помалу продвигались вперед во взаимодей-

ствии с людьми. В течение двух недель двадцать три Брата регулярно общались со своими новыми партнерами. Их английский быстро прогрессировал.

Через десять дней после объединения они уже могли обмениваться элементарными шутками. Чувство юмора Братьев выражалось достаточно просто: тошнотворно-сладкий цветочный запах означал смех, кульминационный момент анекдотов всегда вызывал их внезапное разделение на части. Помимо анекдотов им очень нравилось имитирование падения в обморок и пускание газов.

С одобрения Ганса Паола Птичья Трель взяла на себя ответственность за изучение языка и поведения Братьев.

Джакомо и Дженнифер предложили свою помощь в координации взаимного пользования библиотеками людей и Братьев. Вместе с ними работали Небесный Глаз и Корабельщик. Ганс посоветовал им в первую очередь перевести и обобщить материалы, которые должны были прояснить историю галактики, а также стратегию и тактику сражения Братьев. Дженнифер была расстроена такой первоочередностью, вызванной практической необходимостью: ей-то

безумно хотелось начать с математики.

Во время посещений библиотеки Мартин пришел к выводу о том, что мозговой центр корабля представлял из себя систему, самопереводящую и самокорректирующую информацию.

Роза Секвойа держалась в стороне, внимательно за всем наблюдая, взвешивая и оценивая новую ситуацию.

Остатки панического настроения Мартина прошли, как туман. Часами он мог не думать о Терезе и Вильяме.

Хаким, Гарпал и Луис Высокий Кактус объединились с Братом по прозвищу Шелковистый — большим, более пяти метров длиной, всегда опрятно и щегольски выглядившим, чьи косы были составлены из веревок, которые, соответствуя кличке, действительно были шелковистее, чем у других. Объединившись, они организовали сборную исследовательскую команду.

Джакимо и Дженнифер активно работали в этой команде, несмотря на то, что они и без того были загружаны библиотечной работой и иной теоретической деятельностью.

Устройства дистанционной связи были активно задействованы — Левиафан тщательно изучался. С головой погрузившись в изучение

загадочной звездной системы, Хаким провел так четыре дня. На пятый день он попросил Мартина переговорить с ним наедине.

Они уселись на корточки и потягивали крепкий, сладкий, горячий чай, который Хаким очень любил.

Хаким волновался.

— Через какое-то время мне придется говорить об этом с Гансом, — начал он, опустив глаза вниз. — Я понимаю, неловко в этом признаваться, но я действительно не знаю, как он отреагирует. Я и сам-то не знаю, как на это реагировать. Надеюсь, ты дашь мне совет.

— О чем ты? — недоуменно спросил Мартин.

— Сейчас Шелковистый пошел к Братьям, и как я понимаю, они обсуждают ту же проблему. Информация, получаемая с дистанционных устройств, обескураживает.

— То есть?

— Я в полном замешательстве.

— Ради бога, Хаким…

Осуждающий упоминание бога всуе Хаким гневно взглянул на него.

— Ну, извини, извини. Расскажи мне все, — попросил Мартин.

— По-видимому, наша прежняя информация

о Левиафане полностью ошибочна. Я не знаю, как это могло случиться, но у нас большие расхождения. Наши новые данные совершенно не совпадают с предыдущими.

— Поконкретнее, пожалуйста.

— В Левиафане пятнадцать планет, а не десять.

— Пятнадцать?

Хаким поморщился и кивнул:

— Сама по себе звезда имеет те же характеристики. Но изменились спектральные составляющие, причем радикально.

— Как же могли так ошибиться?

— Трудно сказать, чья это ошибка.. Но меня бросает в холод, когда я начинаю думать, что нас подвело оборудование корабля — это пугает больше, чем просто наша личная ошибка.

— Пятнадцать планет — это же чудовищная скученность.

— Да, так оно и есть. Я переслал момераф Дженнифер и Джакомо. Орбитальное окружение системы, такое, каким мы его видим, ошеломляет. Мы полагаем, что это искусственно созданное и искусственно поддерживаемое сооружение, которое постоянно потребляет огромное количество энергии.

— Что еще?

— Система богата необработанными материалами. Две планеты, а не четыре, газовые гиганты, и они не истощены. Четвертая планета — настоящая загадка. Примерно сто тысяч километров в диаметре, с четко выраженной и, вероятно, устойчивой поверхностью — не как у газовых гигантов, а по плотности сравнимая с ними.

— Хаким, я знаю, ты проверял это десятки раз…

— Мы так часто делали замеры по отдельности и вместе — бессчетное количество раз. По-видимому, последняя информация верна, Мартин. Я просто подавлен. Неужели мы могли так ошибаться?

— Беглецы Красного Дерева были внутри системы, они видели десять планет. Их карты не соответствуют тому, что мы наблюдали издали… Но еще меньше они совпадают с тем, что мы видим сейчас…

— Да, такое впечатление, что мы находимся в разных Вселенных… Расхождения очень большие.

— В разных Вселенных… — Мартина сморщил лоб, напряженно раздумывая. — Хаким, а что если…

— Значит, мы не ошибались! — воскликнул Хаким и изо всех сил ударил по мату. Он выжида-

тельно смотрел на Мартина.

— Я тоже думаю, что вы не ошибались. Братья делали измерения Левиафана. Вы сравнивали результаты?

— Они измеряли еще до наших первых попыток.

— И что они увидели?

— То, что перевели Паола и Дженнифер, и что сказал нам Каменщик, довольно трудно интерпретировать! У них другая система исчисления. Как мы поняли, они видели систему из десяти планет, четыре из которых — газовые гиганты.

— Значит, они получили картину, похожую на ту, что видели Беглецы Красного Дерева? А Братья обнаружили признаки цивилизации?

Хаким отрицательно покачал головой:

— Нет. Также они не заметили никаких следов разрушения после взрыва Полыни. Даже в том, что мы видим сейчас, ничто не свидетельствует о каких-либо боевых передислокациях или иных приготовлениях к обороне.

Внезапно Мартин ощутил озноб — это были страх и возбуждение перед неожиданностью, и еще что-то такое, что сам он не мог определить. О, эти изменения о многом говорят, эти планеты не подсадные утки. Мы рядом!

— Я почти уверен, что Левиафан замаскирован, — сказал вслух Мартин.

— Я знал, я надеялся, что согласишься с моей догадкой! — воскликнул Хаким, хлопнув его по плечу.

Мартин не стал смеяться над вздохом облегчением Хакима, он понимал причину его радости.

— Никто не ошибался! Мертвый корабль видел то, что он видел! И данные Братьев тоже верны!

— Но как ты замаскируешь целую звездную систему?

— Только планеты, — поправил Хаким.

— Они что, планеты-приведения?

— Возможно, — ответил Хаким, подняв палец. — Ну и как ты сформулируешь свою версию, Мартин?

— Это хитрая система маскировки, варьируемая в широких пределах… В течение ряда лет система меняется через довольно короткие промежутки времени.

— Точно! — воскликнул Хаким, и его лицо вспыхнуло от возбуждения. — Чертовым убийцам не удастся нас одурачить!

Мартин потер пальцем кончик носа.

— Очевидно, мы имеем дело с какой-то широкомасштабной перестройкой планеты… Они

хотят, чтобы по мере приближения наблюдателя, система выглядела все более пустой.

— Если ты поддержишь меня, я пойду с этим к Гансу, — сказал Хаким, поднимаясь с кушетки. — Он не так будет сердиться, если ты подтвердишь мои слова.

Мартин тоже встал.

— Ты боишься его? — спросил он.

Смутившись, Хаким отвел взгляд в сторону.

— Я не доверяю ему так, как тебе. Ты одобряешь его, Мартин?

— Не мое дело критиковать Пэна.

— Мне не нравятся некоторые его действия, к примеру, эти соревнования с половыми партнерами в награду. Мартин, я молчал до сих пор, но всегда думал, что это неправильно.

— Хорошо, оставим эту тему. Скоро мы начнем тренироваться вместе с Братьями.

— А тебя не беспокоит, что может случиться?

— Конечно, беспокоит.

— Но действия Ганса тебя не тревожат, так?

— Хаким, я знаю, как трудно быть Пэном. Когда им был я, погибли люди. Теперь избрали Ганса. Вот и все, что я могу сказать.

Хаким с грустью посмотрел на него, затем не спеша расправил складки на своем комбинзоне.

— Я пойду к Гансу прямо сейчас. Надеюсь, что он будет таким же понимающим, как и ты.

— Он же не дурак.

— … Он не станет нас наказывать, — продолжал Ганс. — Он тоже поймет, что это не было нашей ошибкой.

— Уверен, что поймет, — кивнул головой Мартин.

Когда Хаким ушел, Мартин энергично протер глаза, затем окинул взглядом каюту, как будто видел ее в первый раз. Узкие полоски света, голые коричневые и серебристо-серые поверхности, кушетка, которой вполне бы хватило на двоих. Зачем он запросил такую большую?

Он был свободен в течение часа. Потом состоится встреча бывших Пэнов с Гансом, Рексом и с двумя представителями Братьев. Они должны разработать план по боевому обучению и согласовать стратегии.

Братья и люди могут и будут работать вместе.

Мартин лениво потянулся за жезлом и настроился на уже переведенную часть библиотеки Братьев. Многие области были еще не постижимы. Жезлы не передавали запахов, он и наполовину не мог представить, что там могло храниться. Наилучшие переводы не были идеальными. А

как выяснил Хаким, даже такая простая вещь, как система исчисления, может быть двухсмысленной. Он так и не смог до конца понять, как же Братья считают…

Возможно, счет вовсе не был важен для них.

Возможно их природа лучше, чем человеческая, была приспособлена к восприятию изменений системы Левиафана.

Мартин приказал жезлу разыскать записи Теодора. Он не притрагивался к ним после катастрофы. Мартин наугад перелистывал страницы в надежде на какую-нибудь внезапную догадку или ориентир.

Никогда не следует недооценивать силу обстоятельств, она способна перемолоть вас в порошок, — писал Теодор в первые три месяца их полета. — Никогда не надо слишком терзаться по поводу того, что все идет неправильно, не изводить себя. При этом всегда возникает внутренний разлад; вы начинаете осуждать себя за то, что не предвидели всего, не предусмотрели. Вам начинает казаться, что дело потерпело крах из-за ваших бессмысленных хаотических движений.

И еще:

Если я что-то потеряю, — да, это не сделает меня великим, но, несомненно, после этого я стану

глубже, хотя бы благодаря той вырытой яме, в которую попаду. А если случится что-то более ужасное, уже не яма, а кроваточащая рана поможет мне прийти к правильному решению. Я сам превращусь в сплошную кроваточащую рану. Для меня не будет иметь никакого значения, что происходит с моим телом. Разве можно потерять большее, чем я уже потерял?

Очень порывисто, с юношеской проницательностью, здесь ничего не было от спокойной сдержанности умудренного опытом мужчины. Если Мартин сам бы написал такое, он чувствовал бы себя неловко. Но при чтении записок Теодора у него всегда возникало такое чувство: они притягивали, даже восхищали, но в то же время и приводили в замешательство. Они соприкасались с такими сферами эмоций и идей, в которых Мартин чувствовал себя крайне неловко.

Теодор был слишком открытым. Это и убило его.

Мартин отключил проектируемые страницы, прилег на кушетку и попросил убавить свет. Скоро на сон будет оставаться гораздо меньше времени.

— Как, черт побери, может кто-то замаскировать целую звездную систему? — возмущенно

воскликнул Ганс. Его белокурые волосы были всклочены, видно было, что он совсем недавно спал. Экс-Пэны, Шелковистый, два представителя Каменщика, а также сам Каменщик и Небесный Глаз собрались в носовой части корабля.Там же собралась и сборная исследовательская команда. Вдали простиралось звездные поля, чуть в стороне — устойчиво яркий Левиафан. Они были еще слишком далеко от планет, чтобы рассмотреть их невооруженным глазом.

Зашуршал Шелковистый. Шнурообразные встряхивались каждые несколько минут, как будто им надо было достать что-то клешнями из труднодоступного места. Луис Высокий Кактус приготовил все имеющиеся карты для сравнения. Здесь были: изображение системы, найденный в записях погибшего корабля; то, что запечатлел «Спутник Зари» с расстояния Полыни; снимки, полученные Братьями, и последнее состояние все той же системы Левиафан. Сжав рукой подбородок, Ганс с суровым видом рассматривал карты.

— Сколько энергии потребуется, чтобы сгенерировать такого рода маскировочную систему? — спросил он.

Хаким ненадолго задумался:

— По приблизительной оценке примерно по-

ловина всей энергии, вырабатываемой самой звездой.

Однако Шелковистый не согласился с ним. Его голос напоминал звучание скрипки. Испуская какой-то затхлый запах, он произнес:

— Мы мы не допускаем, что маскировка распространяется по всем направлениям…

Резко подняв руку, Ганс прервал его:

— Подожди.

Снова зашуршав, Шелковистый отступил назад. Мартин сомневался, что Брат почувствовал оскорбительность поведения Пэна, но ему хотелось, чтобы Ганс не был таким высокомерным.

— Что заставило тебя, — продолжал Ганс, — говорить о маскировке: Что — характер системы сильно изменился?

Хаким откашлился:

— Джакомо и Дженнифер…

— Вот только избавь меня от вашего чертова момерафа, — воскликнул Ганс. — Давай конкретно.

— Ну ты уж потерпи, пожалуйста, — отвернув в сторону помрачневшее лицо, сказал Хаким.

Ганс поднял руку и щелкнул пальцами:

— Продолжай.

— Дженнифер и Джакомо потратили на это большую часть времени, работая в объединенной

библиотеке. Дженнифер считает, что некоторые регионы космоса могут излучать радиацию, с помощью которой создается вполне определенная структура. Фотоны этого излучения возникают буквально из ничего. Подобные регионы, каждый, вероятно, обширный, как сама звездная система, но не имеющий плотности и глубины, располагаются на периферии системы и действуют, как гигантские проекторы, изображающие убедительные конструктивные образы … несуществующей системы.

Ганс ткнул пальцем в спроектированное изображение пятнадцатипланетной системы.

— То есть подобно этой, но намного больше. Так ты хочешь сказать, что если мы войдем туда, мы увидим, что там в действительности, то есть совершенно иное?

— Вовсе нет, — возразил Хаким. — Очень даже возможно, что эти регионы будут продолжать обманывать, перемещаясь в пространстве. Согласен, что это глобальное меропредприятие, но все же не столь грандиозное, как изначальное окружение звездной системы такой лже-зоной .

— Мы нашим идеям трудно пересечься, — сказал Шелковистый. — Пожалуйста, изображение.

Хаким быстро набросал на схеме, где было от-

мечено и место расположения их корабля, эскизы защитных орбитальных конструкций, — то ли маскирующих систему, то ли просто искажающих ее изображение, воспринимаемое с больших расстояний.

— Очень мощное сооружение, — Шелковистый, казалось, все понял. — Это может изменить поле сражения. Великое ослепление и великое замешательство, — изложил он Небесному Глазу и Каменщику — тоже самое на более понятном им языке.

— Какая-то чушь собачья, — проворчал Ганс. — Скажите мне, все-таки, мы можем каким-то образом проникнуть внутрь и понять, что же там на самом деле?

— Если это постоянно действующая система, то нет, — ответим Хаким. — Но если маскировка срабатывает только в определенные моменты, то при непрерывном наблюдении мы сможем получить правильную картину.

— Ну так что же мы будем планировать?

— Каменщик тоже должен принимать участие в составлении планов, — заметил Гарпал, и Мартин кивнул в знак согласия.

— Это все прекрасно. Но я сейчас не об этом. Я спросил, можем ли мы вообще что-нибудь плани-

ровать, когда не знаем, чего ожидать? Не знаем, что реально, а что нет?

— Возможно нет ничего реального, — сказал Шелковистый.

Казалось, что глаза Ганса остекленели. Он заложил руки за голову, медленно покачал головой и сказал:

— Не имею ни малейшего представления, что мы можем сделать в таком идиотском положении. Нужно созвать Военный Совет.

Они уже собирались уходить, когда пришла Паола Птичья Трель. За ней шла вереница из десяти кос, горящих желанием посмотреть на яркие звезды. Она, полная счастья, что у нее появилось новое увлекательное занятие, проходя мимо Мартина лучезарно улыбнулась ему.

— Они чувствуют себя лучше, если видят звезды один-два раза в десятидневку, — объяснила она.

Шнурообразные зашелестели, как сухие листья под ногами.

От Шелковистого Мартин узнал, что ближайшие четыре дня Каменщик будет занят. Последняя информация произвела среди Братьев полный переполох. Были призваны Соглашатели.

Жертвуя каждый по две веревки, Братья создали трех новых массивных Соглашателей.

Единственной их задачей было наблюдать за текущим положением дел и выносить суждения, которые могли бы помочь развеить все предубеждения, которые возникали у других Братьев.

Ганс воспринял эти новости от Мартина и Небесного Глаза с холодным раздражением. Пару минут он о чем-то пошушукался с Рексом в углу учебной комнаты, затем повернулся и сказал:

— Хорошо, мы проведем Совет с Соглащателями. Это вас устроит?

После напряженного размышления, Небесный Глаз ответил запахом капусты и старого табачного дыма, и словами:

— Это адекватное решение.

— Может быть, они действительно помогут увидеть нам какие-то новые перспективы, — сказал Ганс.

Обсуждение состоялось на территории Братьев. В коридорах было темно, воздух казался влажным и наэлектролизованным, как во время шторма. Иногда Мартин улавливал запах, обычно витающий над пляжем — морской соли и разлагающихся водорослей. Небесный Глаз, а за ним — Ганс, Рекс, Паола, Гарпал, Мартин, Чэм и Джой вошли в небольшую комнату и заперли за собой дверь. Это Мартин попросил Паолу при-

соединиться к ним — как главного специалиста по языку Братьев.

Сквозь стены просачивались маслянистые капли. Три косы расположились на полу, медленно, волнообразно извиваясь — в устойчивом запахе какой-то рыбы, издавая звуки, напоминающие шум волн, разбивающихся о берег.

Когда вошли люди, шнурообразные поднялись и изогнулись, как кобры. Мартин никого из них не узнавал — была проведена полная реконструкция. Не было даже знакомых запахов. В течение последних десяти дней Мартин запомнил несколько едва уловимых индивидуальных запахов отдельных кос. Он даже дал прозвища этим ароматам, заодно называя также и косы, которым они принадлежали: Чайный Торт, Миндальное Дыхание, Кинза, Уксус.

Небесный Глаз, который лучше всех из Братьев говорил по-английски, должен был служить переводчиком на этих переговорах.

— По-видимому, Соглашатели будут какое-то время дезориентированы, но когда веревки вернуться ко своим прежнем обладателям, мы они будут помнить это обсуждение.

— Не самый идеальный вариант, — сухо прокоментировал Ганс. — Итак, не позднее трех

месяцев мы входим в Левиафан. Нам необходимо отработать стратегию. То есть, нужно создать Военный Совет. Это понятно?

Небесный Глаз все перевел Братьям — правда, не без помощи Паолы. Паола еще не могла правильно воспроизводить звуки Братьев, но она настроила свой жезл на расширение словарного запаса.

Ганс поморщился от изобилия запахов.

— Я изучил материалы о вашем столкновении. Мы все изучили, я полагаю.

— Столкновении?

— Ну, о вашем сражении. Когда ваш корабль несколько повредили.

— Да, — откликнулся Небесный Глаз, — мы мы перевели бы это, как Печальное Событие.

— Вы вошли в какую-то звездную систему на расстоянии десяти световых лет отсюда, предполагая, что это был мир, колонизированный убийцами. И похоже, вы оказались правы. Вы предприняли определенные меры, чтобы удостовериться в правильности своих выводов. На это ушло полтора года нашего времени… Да, были приложены экстраординарные усилия. В результате вас обнаружили, но вы маневрировали среди защитной системы, стерилизующей поверхность

планеты. Спасаясь бегством от неминуемой гибели, вы столкнулись с отрядом ракет-разведчиков убийц и стали объектом обстрела нейтрониумов. Вы уцелели, но с большими потерями и серьезными повреждениями корабля.

Он остановился. Но Небесный Глаз молчал — он ничего не стал прибавлять к этому резюме.

— Ускорившись, вы вышли из системы, и используя доступные вам средства наблюдали за тем, что у вас позади. Вам показалось, что очень похоже на то, что уцелевшие зонды убийц возвращаются к планете.

— Да, все так, — необычайно мелодичным голосом высокого тона произнес Небесный Глаз. — В основном, правильно.

— Что-то все же неверно? — вскинул голову Ганс.

— В основном, правильно.

— Ну и отлично, — Ганс резко сел и ссутулился. Он достал жезл и сделал несколько грубых, ярко раскрашенных схем сражения Братьев. — Для меня очевидно, что вы столкнулись с таким же подставным миром, как и мы около Полыни. Возможно, вы попали в менее утонченную ловушку, так как она находилась дальше от Левиафана. Сам по себе этот факт может оказаться важным.

И вы, и мы, получили пинка под зад, прошу прощения за грубость…

— Аналогичн, как у нас содрать кожу со змеи, — сказал Небесный Глаз. — Я мы понимаем. — от Небесного Глаза к Соглашателям устремилась равномерная струя букета запахов, а также звуки скрипки и птичье щебетание.

Ганс улыбнулся:

— И после того, что они сделали с нами и с вами, зонды-убийцы, похоже, снова хотят начать все сначала, снова хотят установить ловушку.

— Да, — только и произнес Небесный Глаз.

— В итоге ваша жертва оказалась напрасной.

— Да.

— Все мы прекрасно представляем, что могут сделать убийцы. Но с другой стороны, у нас есть в помощь момы, а у вас, как я полагаю, есть Матери Змей. Чем ближе мы к Левиафану, тем изобретательнее засады. Мне уже кажется, что Полынь была только защитным щитом. Думаю, Левиафан занимает центральное место в этой галактике, а все остальное просто обман или защита. Вы согласны со мной или нет?

Когда Небесный Глаз переводил эти слова, шнурообразные всколыхнулись.

— Главный вывод: мы на наше выживание нет

хороших шансов, — ответил Небесный Глаз.

— Но у нас есть и преимущества, — напомнил Ганс.

— Объединенные ресурсы и знания, — перевел косам Небесный Глаз.

— А также возможность сравнить записи библиотек и объединить мозговые центры кораблей. Убийцы не знают, что мы перехватили корабль Беглецов Красного Дерева. Они не знают, что мы объединили свои силы с вашими, — добавил Мартин.

— Верно, — кивнул Ганс. — Наши лучшие аналитики сотрудничают с вашими, и дела у них идут неплохо. Но пришло время серьезных решений.

Косы сдвинулись, почти касаясь головами. Запахло бананами и кислым вином.

— Я бы хотел, чтобы ваши вооруженные силы соединились с нашими. Я бы хотел, чтобы момы и Матери Змей создали бы корабли, на которых мы могли летать вместе.

Внезапно Мартин ощутил прежнее уважение к Гансу.

— Мы вместе, — Ганс вытер ладонью лицо, а затем провел рукой по комбинзону, как будто ладонь была жирной. Он взглянул на Чэма, затем

на Мартина, улыбнулся и повернулся к косам. — Мы одна семья. Я прав?

— Наступило хорошее время, — перевел Небесный Глаз.

— Нам нужна совместная группа, некий мозговой центр для разработки планов, — продолжал Ганс. — Я, Рекс, Гарпал и Мартин войдем в нее с нашей стороны. Вам нужно, как можно быстрее определиться, кто из Братьев будет представлять вашу сторону.

— Согласен, — ответил Небесный Глаз. — Соглашатели посмотрят хорошо мы нашу команду и сделают выбор, а потом мы мы соберемся опять через два дня вашего времени. Каменщик сообщит вам.

— Договорились, — потерая руками, Ганс поклонился Небесному Глазу и Соглашателям, присоединился к группе людей и уже готовился покинуть территорию Братьев, как вдруг самый большой из Соглашателей пронзительно вскрикнул хриплым голосом. Все повернулись к нему.

— Я мы вижу чистый вода, чистый воздух, — словно записанным на плохой магнитофон детским голосом произнес он.

Ганс наклонил голову, ожидая, что же будет дальше.

— Это главное, — продолжал Соглашатель. — Как вы говорите: это главное. Это прекрасно, если мы мы умрем за это.

— Я согласен с вами, — воскликнул Ганс.

— Под главным мы мы имеем в виду… — начал было Небесный Глаз.

— Я отлично понял его, — оборвал его Ганс, подняв большой палец в подтверждение сказанного. — Мы единодушны в этом вопросе. Я прав?

Люди одобрительно закивали головами. В коридоре, уже на своей территории, там, где Братья не могли их слышать, Ганс пробормотал:

— Черт побери, мне нравятся их манера разговаривать. Если бы мы могли хотя бы наполовину так хорошо пользоваться их ароматно-лингвистическим способом общения…

Глаза Мартина внезапно подернулись влагой. Ганс способен на многое, он — настоящий лидер, с далеко идущими планами, ему под силу принятие решений по вопросам любой сложности.

Момы и Матери Змей отвели на склад оружия объединенный военный отряд и показали им три усовершенствованных корабля. В каждом помещались отдельные отсеки для людей и для Братьев. Роботы объяснили, что это на случай ранения: пострадавшие в этих отсеках не будут

помехой для остальных.

Встреча за встречей, обсуждение за обсуждением, постоянные обмены мнения между Братьями и людьми, приготовление к совместным военным учениям — время летело незаметно. Но несмотря на все усилия, у них все же никогда не возникало чувства полной уверенности, ощущение абсолютного понимания ситуации. Если именно на это и надеялись защитники Левиафана, то они достигли своей цели в полной мере. На совместном корабле царило чувство глубокой неуверенности, гораздо большее, чем тогда, когда «Спутник Зари» спускался с Полыни.

Левиафан — устойчивый образ пятнадцати миров — завис на расстоянии трех с половиной световых месяцев.

Шелковистый свернулся спиралью на полу учебной комнаты, перед сферой, и распустил три верхние веревки, в каждой из которых было по жезлу людей. Клешни с потрясающей ловкостью обвили жезлы. Изображения проносились в воздухе быстрее, чем Мартин мог их распознать. Каменщику и Небесному Глазу в этом плане было легче: преимущество Братьев заключалось в том, что они состояли из многочисленных частей, каждая веревка была способна воспринимать

и хранить информацию. На подобный краткий инструктаж Братья затратили меньше минуты. Затем Шелковистый собрал все жезлы и передал их в руки Хакиму, Луису и Дженнифер.

— Спасибо, — поблагодарил он, сгибаясь в сторону людей — коллег по исследовательской работе. В учебной комнате также присутствовали Ганс, Гарпал, Рекс, Чэм и Мартин.

Потрясенный Хаким вздохнул:

— Просто расстройство быть человеком.

Каменщик ответил ему звуком, напоминающим журчание воды, струящейся под гравием и тошнотворно сладким цветочным ароматом — своеобразным обонятельно-звуковым смехом. Мартин предположил, что, скорее всего, у Братьев это — жест вежливости.

— Мне нужно ознакомить с последними результатами остальных членов экипажа людей, — сказал Хаким и поднимал жезл. — Все становится понятным не так быстро, как хотелось бы, но все равно даже сам факт прогресса приносит удовольствие. По согласованию с Гансом и Каменщиком мы отправили сигналы дистационной связи к самым дальним точкам и смогли рассмотреть систему Левиафана более детально. Это явно цивилизованный мир. И он перенаполнен. Идет

непрерывное общение между пятнадцатью мирами, особенно в районе четвертой планеты. Если это все — спроектированная подделка или маскировка, то это просто шедевр.

Каждая планета обитаема. Как я уже говорил, активность каждой планеты просто удивительна, раз мы можем отметить ее даже с этого расстояния. Безостановочный поток обменивающейся информации между мирами похоже управляется множеством разумных существ. По крайней мере, я так предполагаю, и Шелковистый разделяет мое мнение, — Хаким спроектировал изображения пяти планет, выстроившихся вокруг его головы, как мячи вокруг жонглера.

— Для обозначения каждого тела мы использовали цифры и греческие символы, — объяснил Хаким. — По внешнему виду первая из планет Левиафана напоминает каменистый мир. В то же время, как вы видите, она очень ворсистая. Мы считаем, что ворс — мощный слой каких-то орбитальных станций. Мы видим планету под углом в шестьдесят градусов. При этом ворсистость кажется наибольшей вот здесь — на южном сегменте диска планеты. Планета значительно модифицирована, но, вероятно, прежде по размеру и характеристикам могла сравниться

с Венерой.

Думаю, позже появится больше данных об этих так называемых станциях, так как наш параллакс непрерывно изменяется, — сказал Ганс.

— Да, ты прав. Фактически, не позднее, чем через десять дней, учитывая нашу скорость, прецессию движения и изменения параллакса, угол зрения изменится на девяносто градусов.

— Ты думаешь, они так защищаются от нас?

— Нет, не думаю. Я не вижу, чтобы они готовились к обороне. Мне кажется, это что-то постоянно привязанное к системе, оно располагается вокруг Левиафана, как некое подвестное сооружение. Но как можно сохранить такую огромную подвесную систему на орбите — представляется проблемой, просто приводящей в ужас.

— Все это выглядит огромной метрополией суеты, — прокомментироавл Гарпал. — Но почему ты решил, что там обитает не одна разновидность разумных существ?

— Для такого утверждения действительно нет никаких оснований, так как мы заметили только то, что там обитают несколько различных вариаций мыслящих форм. Момы рассказывали нам, что на этой стадии развития цивилизации количество вариаций совершенно неактуально

и это еще не дает повода для утверждения, что в системе обитают различные разумные существа. Биологические формы, если они, конечно, имеются, могут быть бесконечно произвольными, своевольными, — Хаким отхлебнул воды из сосуда, луковичной формы и продолжил, — Вторая планета значительно отличается от первой. У нее нет ворсистости и, кажется, нет никаких привязанных объектов. Однако есть плотная атмосфера из двуокиси углерода и азота. В толще насыщенной водяными парами атмосферы, охватывающей всю планету, царит устойчивая температура в восемьдесят пять градусов.

— Странно, почему именно такая? — нахмурившись, произнес Ганс.

— Возможно для того, чтобы расширить среду обитания, — предположил Луис.

— Планеты совершенно разные, как будто бы спроектированные для различных средств обитания, функции у них явно различные. Самое интересное, что четвертая планета — и не каменистая, и не газовый гигант. А что она представляет из себя на самом деле, мы просто не знаем. Я было подумал, что это карлик коричневатого цвета, но теперь понял, что это глупость. Вся поверхность планеты окружена тонким

слоем двуокиси углерода, азота и кислорода и твердой литосферой, которая, скорее всего, искусственно созданная. Температура на поверхности просто замечательная — двадцать два градуса по Цельсию. Это указывает на внутренний источник тепла.

— Все это хорошо, — сказал Ганс. — Но зачем им понадобилось создавать такой огромный комплекс окружающей среды?

Шелковистый активно зашелестел прежде, чем начать говорить:

— В мы наших записях мы мы видели и чувствовали аромат многих развивающихся мыслящих видов в одном районе, создающих одно общество. Они необычные. Но они живые.

— Это все камуфляж, — пробормотал Ганс. — Что об этом беспокоиться?

— А что, если это все-таки не камуфляж… — задумчиво произнес Хаким.

Ганс рассмеялся:

— С самого начала мы только и делаем, что сталкиваемся с ловушками убийц. И больше ни с чем. Да, занятно! И ради этого мы торопимся, суетимся, теряем уверенность. Это просто чертовски занятно!

Теперь, сворачиваясь в кольца, зашуршал Ка-

менщик. Одна из веревок отделилась от его хвоста и поползла к двери. Небесный Глаз вернул ее в исходное положение. Она жалобно пискнула.

— Я мы просим прощения, — сказал Каменщик, сопровождая слова запахом, вероятно, соответствующим смущению: свежего просоленного воздуха и морских водорослей. Незначительные самопроизвольные разделения на части были обычными для Братьев, и все же они смущали их, если это происходило в присутствии посторонних.

— Ничего, ничего… — пробормотал Ганс. затем он вскинулся, — Однако, я вижу тут целый сговор. Тут не один только Хаким… Скажите, кто нибудь еще сомневается в том, что это все обман?

Каменщик опять зашуршал. Ясно было, что его что-то раздражает.

— Корабль должен быть осторожен или я мы попадем в положении убийц, — сказал он.

Ганс сдвинул брови.

— Мы не должны, сломя голову, бросаться туда, — сказал Хаким.

Ганс в изумлении огляделся:

— И после всего произошедшего и увиденного, вы еще сомневаетесь в том, что убийцы здесь? Ну тогда, что же тут находится? Зоопарк диковенных

зверей? Дожидающихся, когда же мы свалимся с неба и заявимся к ним в гости? Да?

— Но подобный камуфляж, если он обсолютен, невероятно глуп. Зачем это нужно? — заметил Хаким.

— Мы мы знаем, что такой обман нельзя скрыть продолжительный период времени, — заявил Шелковистый.

Лицо Ганса побагровело. Рекс попытался что-то сказать, но Ганс остановил его, властно подняв руку:

— Тогда нам придется еще раз голосовать, по этому вопросу, — заявил он.

— Обе команды, — соглашаясь, добавил Каменщик.

— Я «за», — сразу же успокоившись и потягиваясь, как кот, сказал Ганс. — Я пойду на все, что угодно, лишь бы прийти к согласию. Ну и когда мы проведем голосование?

— После того, как мы мы увидим больше, — предложил Шелковистый. — Много больше исследуем.

— Время еще есть, — согласился Ганс. — Между тем, пора начать обучение строевой подготовке и тактике ведения военных действий. Я бы хотел, чтобы Мартин, Паола, Ариэль, Джакомо…

Мартин, выбери сам еще троих. Я хочу, чтобы вы разыскали в библиотеках все, что там есть о подобных прецедентах в прошлом. Подготовьтесь. Вы будете защитой. А ты, Хаким, бери Дженнифер, Гарпала, Чэма и еще кого-нибудь троих. Вы должны приготовиться к роли обвинителей. Каменщик, мне не очень-то понятно, как у вас работает юридическая система, но думаю, что она немногим отличается от нашей. Итак, вскоре мы соберемся вместе, обе команды — люди и Братья, все обсудим и сделаем выводы.

Шелковистый отреагировал запахом тины, а Каменщик сказал:

— Мы мы перегруппируемся, соберем Соглашателей, чтобы принять решение.

— Отлично, — сказал Ганс и взглянул на Мартина. — Нам нужно переговорить. Наедине.

Они прошли в отсек Ганса, по пути минуя четверых Братьев и пятерых людей, тренирующихся в коридоре. Люди бросали мячи Братьям. Те ловили их в корзины, сплетенные из собственных веревок, затем подбрасывали хвостами. Игра — некий вариант баскетбола — была безнадежно неравной: выигрывали более ловкие Братья. Люди то и дело не могли сдержаться и рассыпались в похвалах ловкости Братьев.

— А они любят побеждать, не так ли? — заметил Ганс, открывая люк в свою каюту.

Внутри Мартин увидел комнату, такую же, как и его собственная, если не считать четырех ваз с цветами. След Розы. Ганс прилег на кушетку и жестом предложил Мартину устраиваться поудобнее.

— Ты был очень выдержан в последнее время, — начал Ганс. — Я тебе очень признателен…

— За что признателен?

— За то, что ты держал свои мысли при себе. Бывшим Пэнам не очень-то нравится то, что я делаю. Они не одобряют меня, не так ли?

Мартин не ответил.

— Да, я и сам знаю, что это так, — сказал Ганс.

— Нет, не совсем так, — мягко поправил его Мартин. — Конечно, каждый лидер ищет ошибки у того, кто его сменил. В этом я всегда соглашался со Стефанией.

— Да, ладно, все это не так уж и важно, — отмахнулся Ганс, уходя от этой темы. Он пристально глядел в потолок, как будто разговарил с кем-то, кто был далеко-далеко. — Гарпал отказался от должности моего заместителя. Мне нужен помощник. И давай не упоминать больше имени Кристофера Робина, хорошо? Меня тошнит от

всего этого.

— Как скажешь.

— Рекс чертовски лоялен по отношению ко всем моим действиям, а мне очень нужен помощник, настроенный критически. Для равновесия. Чэм раздражает меня, почти так же, как Гарпал. Я возвратился к твоей кандидатуре.

— Почему я?

— Потому что, когда ты спокойно помалкиваешь, я хочу, чтобы ты высказался. Если ты будешь вторым, высказывать все станет твоей прямой обязанностью, и мне уже не придется беспокоиться, о чем ты там думаешь. Кроме того, Каменщик уже сейчас ведет себя, как если бы ты был вторым в нашей команде. Вероятно, разумнее закрепить это официально.

Мартин уселся на голый пол и скрестил ноги.

— Мне кажется, этих причин недостаточно.

— Я говорил это раньше, повторяю и сейчас: ты не несешь ответственность за то, что в Стычке все пошло плохо. Никто не мог понять тогда, что происходит. Мы выбрались, ускользнули. Мы сделали то, за чем пришли. Думаю, тебе не в чем себя упрекнуть.

— Меня все это уже не волнует, — сказал Мартин.

— Но ты потерял того, кого любил.

— И не одного.

— Я считая, что ты был самым лучшим Пэном из всех, что были у нас. Пожалуй, только Стефания могла соревноваться с тобой. Она была темпераментной, мужественной и волевой. У нее, так же как и у тебя, был совещательный стиль руководства. Мои же мысли всегда витают в облаках. Ты знаешь мои пробелы.

Мартин глубоко вздохнул.

— Сейчас мы с Братьями в дружеских отношениях, — продолжал Ганс. — Это облегчает дело. Они чертовски пугали меня в первое время, достаточно было просто посмотреть на них. Эта веревка, ползущая по Чэму… — Ганс ухмыльнулся, — у меня просто штаны стали мокрыми… Думаю, они нам полезны. Но они тоже все разные. Они здорово напортачили во время сражения, все время колебались, и это дало преимущества убийцам… И они опять будут вести себя также. Я почти чувствую, как запах этого идет от Каменщика и Шелковистого. Они видели весь этот обман, всю эту огромную звездную систему — суетливую и миролюбивую… И после этого, черт бы их побрал, Мартин, — они хотят лишь захватить пройдоху, но не уничтожить его!

— Мы можем поработать с ними и все еще изменить, — сказал Мартин.

— Можем? — Ганс повернулся и свирепо, почти с ненавистью, посмотрел на Мартина.

— Думаю, да.

— Но ты же тоже считаешь, что это обман.

— По-видимому, у Хакима есть основания для сомнений. Хаким — умный и находчивый…

— Хаким — дьвольски мягкотелый.

— Но он не трус.

— Я не это имел в виду. Они могут склонить его на свою сторону и вбить все эти сомнения ему в голову. Иногда я жалею, что нам в партнерами выбрали этих высокомыслящих типов, а не компанию солдат, тупоголовых ослов, — Ганс хлопнул ладонью по полу. — Я смог бы управиться с кучей болванов, я бы сделал все возможное, чтобы нам выйти живыми из этой передряги. Но с этими мыслителями и сомневающимися… А если еще добавить Розу… — Он уставился на цветы, картинно откинув голову назад. — Ты заметил? Господи, спаси и сохрани… Она очень хороша в постели, ты знаешь это?

Мартин тряхнул головой, — трудно было сказать, что это означало, да или нет.

— Но я занимаюсь этим не ради удоволь-

ствия, — продолжал Ганс, смягчая тон. — Она пугает меня еще больше, чем Братья. Мартин, она как закодированная. Иногда я думаю, что она действительно общается с Богом. Если это так, то Бог на их стороне, а не на нашей. Если дать ей волю, а я не могу постоянно контролировать ее, я даже не представляю, как она проявится. Возможно, возникнет новая религия. Я прав? — Он встал и потянулся, неугомонный, как леопард в клетке. — Она и тебя почти втянула в это. Разве не так?

Мартин покраснел:

— Я долгое время не мог прийти в себя.

— Не смущайся. Если бы я не был так дьявольски циничен, я бы тоже поддался и пал на колени.

— Я не хочу быть вторым в команде. Я отслужил свой срок.

— Но тебя отстранили преждевременно, — напомнил Гангс.

— Для меня так было даже лучше.

— Вот дерьмо, — ругнулся Ганс. — Здесь ни у кого нет такого чувства ответственности, как у тебя. Ты глубже всех чувствуешь, — не считая, быть может, Ариэль. — Ганс ухмыльнулся. — Полагаю, ты знаешь, что она влюблена в тебя?

Мартин ничего не ответил.

— Послушай, я имею право сам выбрать себе заместителя, если тот, кого выбрали, мне не подходит. И я этот выбор сделал. Это ты. Ты заменишь Гарпала.

— Я не…

— Извини, Мартин, — Ганс подошел и положил Мартину руки на плечи. — Мне нужна помощь. Мне нужен противовес. Сейчас мне нельзя ошибиться.

Военные занятия начались с физподготовки. Люди и Братья совместно занялись гимнастикой. Сначала результат был просто комичен, и Мартин боялся, что Братья могут обидеться, но этого не случилось.

Казалось, команды, принимающие участие в занятиях воспринимают все это, как игру, — даже тогда, когда они тренировались изо всех сил.

Чэм был руководителем тренировки, Небесный Глаз служил переводчиком.

— Нам надо привыкать друг к другу, получше узнать друг друга, — обратился к Братьям Чэм. — Вы можете называть меня тренером.

Люди кричали и скакали вокруг, изображая стремительные обводы, проходы и перехваты. Мяч, как и прежде, заменял комок одежды.

— Первое: мы должны знать, на что мы способны, почувствовать свою силу, гибкость, координацию. Мы должны научиться восстанавливать силы, определить, где мы уязвимы, куда нас могут ранить, и как помочь самому себе и другим в этом случае. Усекли?

Тишина и внимание подтвердили согласие.

— Мы не имеем представления, во что мы ввяжемся. Все, для чего мы тренировались и готовились, может перевернуться с ног на голову. Это мои личные ощущения, но думаю, боссы тоже согласны с ними. Все говорит о том, что Левиафан действительно окажется нечто потрясающим. В древних военных преданиях Земли это обычно называли богатой добычей. Итак, нам не избежать тесного сотрудничества.

Обильные запахи морского побережья наполнили зал. Мартин заметил, что некоторым из людей не по душе подобные ароматы. Рекс Дубовый Лист был среди недовольных. Это смущало Братьев.

Гарпал стоял рядом с Мартином. С момента, когда ему фактически отказали в должности, он не сказал Мартину ни слова. По крайней мере, он никак не выказывал чувства обиды, за что Мартин был ему очень признателен.

— Первое упражнение, — продолжал тем временем Чэм. — перенос тела. Все очень просто: два человека берут Брата и переносят его через зал. Затем Брат переносит двух человек обратно. Правда, я сам не представляю, как вы это будете делать. Но попробуйте, и если получится, то запомните, как вы это сделали.

Команды подбирали Чэм и Небесный Глаз. В каждой команде было по два Брата и два человека. Мартин и Ариэль оказались в одной команде. Один из их партнеров Братьев, по имени Вдвое Выросший, представлял из себя нечто феноменальное; второго — средних размеров, звали Очиститель. Ни тот, ни другой не роптали на своих коллег по команде и на их способы обращения. Но оба очень часто прибегали к спасительному выделению запахов, гораздо чаще, чем люди обменивались словами. Это добавляло в атмосферу обстановки смущения, правда, по мнению Ариэль — не смущения, а веселья. Никогда раньше Мартин не видел, чтобы она так много смеялась.

— У нас в команде появился новый заместитель Пэна, — радостно объявил Чэм. — Пусть Братья извинят меня, но я протолкну вперед должностное лицо. Мартин, твоя команда начнет первой.

Очиститель проскользнул вперед.

— Понесем длинный путь, — произнес он нечто невнятное и свернулся в виде расправившейся пружины.

Мартин и Ариэль попытались найти подходящее место, чтобы подхватить его, но веревки ускользали из рук.

— Успокойся и не шевелись, — попросила Брата Ариэль.

— Не приучен, — вздохнул Очиститель.

Остальные с интересом наблюдали за их действиями. Мартин отыскал, наконец, подходящий участок — почти у нижней части туловища, рядом с самыми крупными когтями. Под его руками поверхность веревок изменила свою фактуру, превратившись из скольской в более удобную для рук — в нечто, напоминающее прорезининный материал.

Очиститель немного выпрямился и замер. Ариэль неловко нащупала приемлимое для захвата место, и они с Мартином приподняли Очистителя где-то до уровня своих бедер.

— Пошли, пока он спокоен, — прохрипел Мартин, и они почти побежали.

Очиститель испустил особенно едкий запах, от которого у Мартина резко защипало в глазах. Освободить руки и протереть их было невоз-

можно — Мартин почти ослеп. Ариэль было немногим лучше.

— Сколько еще осталось? — выкрикнул Мартин.

— Это ты мне скажи! — откликнулась Ариэль.

— Я тебе говорить! Я тебе говорить! — взволнованно защебетал Очиститель. — Лево… Право… Право…

— Что он хочет? — не понял Мартин.

— Поворачивай влево, — объяснила Ариэль.

Они проскочили мимо Братьев, которые приподнялись и выгнулись, как испуганные рептилии, добавив в воздух еще и запах скипидара.

Мартин бежал вперед, вытянув шею, оскалив зубы и почти закрыв глаза. Его силы были на исходе. Как минимум Брат весил восемьдесят килограммов. Ариэль была сильной девушкой, но и она ослабела, Очиститель свисал с ее стороны намного ниже. Когда они наконец пересекли зал, то, опершись на стену, буквально рухнули на пол.

Очиститель зашуршал и поднялся вертикально, затем резко наклонился, подготавливая по две пары веревок с каждой стороны туловища. Неожиданно для Мартина и Ариэли клешни захватили их руки и ноги. Очиститель с трудом оторвал людей от пола, подбросил их в вверх и

перехватил поперек туловища.

— У дерьмо! — не удержалась от комментариев Ариэль.

Очиститель развернулся, и с комической пунктуальностью повторил их витиеватый путь в обратном направлении, еще раз заставив своих приятелей-шнурообразных изогнуться в испуге. Мартин чувствовал, как клешни впиваются в тело, лицо его перекосила гримаса боли.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Сила тяги нижних клешней у Брата была воистину великолепной, его передвижение можно было сравнить с передвижением гусеничного танка. Наконец Очиститель принял более низкое положение, и Мартин с Ариэлью выползли из его объятий и встали рядом с Вдвое Выросшим.

— Он мы сделали хорошо? — спросил Дважды Выросший, сопровождая слова запахом тухловатых продуктов. Его голова была сейчас на уровне груди Мартина.

— Вполне прилично, — ответил Мартин, восстанавливая дыхание и ощущая боль в ребрах.

— Следующий раз я мы сделаем лучше, — Вдвое Выросший колыхнулся в сторону Ариэль и похлопал веревками по ее рукам.

— Да это любовь, как я погляжу, — заметил

Мартин, наблюдая за ее реакцией.

— Знаю, — вспыхнула Ариэль.

Чэм объявил следующую группу, и занятия продолжились. Уже к окончанию этих занятий они узнали гораздо больше друг о друге, и даже тем, кто с большой неохотой участвовали в них, — к примеру, Рексу — пришлось войти в контакт и сотрудничать с Братьями.

Мартин опустился на пол и прислонился спиной к стене. Подошла Ариэль и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Можно? — спросила она.

Он жестом предложил ей сесть рядом.

— Однако Ганс не выбрал Рекса, — сказала она спокойно.

Посередине комнаты мужчины и женщины демонстрировали Братьям свои синяки и кровоподтеки и предлагали более приемлимые способы переноса. Жалобы Братьев, на ломаном английском и в сопровождении запахов лука и свежего хлеба и лука, были более вежливыми, но не менее многочисленными.

— Мне повезло, — огрызнулся Мартин. — Что не удалось обскакать меня?

— Ты ничтожество, настоящее ничтожество, — выдохнула Ариэль. Но в ее голосе слышалась не

злость, а обида, это было очень по — детски и смягчало ее слова. — Ты не стоишь даже моей ненависти. — Она присела на корточки и прислонилась к стене, как-то сразу вся поникнув.

Роза не принимала участия в строевых занятиях. Ганс особо проинструктировал Чэма и приказал не включать ее в команду. Она выглядела теперь постоянно витающей в облаках. Мартин как-то видел, как она выходила из каюты Ганса.

— Как Роза? — спросил он у Ариэли.

— Как вулкан, — ответила та. — И не в Гансе дело. Он ошибается, полагая, что как-то влияет на нее. Она видит его насквозь.

— Что ты имеешь в виду?

— О, обычная история самовлюбленного самца. Помнишь, «она просто нуждается в хорошем трахальщике»?

— А ты как считаешь, что нам следует делать?

— В отношении Розы? — вздохнув, она расправила плечи. — У нее особая миссия. Но теперь она не обращает на меня никакого внимания. Как ты наверняка заметил, я не вхожу в ее круг.

— Да, я заметил.

— Она действительно не обращает внимания ни на кого, кроме Ганса. Она выслушивает все его

разглагольствования.

— Но ты же только что говорила, что ей известны все его замыслы.

— Она пользуется им так же, как и он ею. Он дал ей официальный статус, Мартин. Она укрепила свои позиции. Если Ганс думает, что он умнее Розы… Но, постой. постой, ты же с ним теперь заодно, разве нет? Ты не можешь судить о нем беспристрастно.

— Я не рвался в его заместители, — огрызнулся Мартин.

— Я знаю, — кивнула Ариэль. — Но скажи честно, ты одобряешь Ганса?

Мартин промолчал.

— Ну и отлично, — поднимаясь, подвела черту разговора Ариэль. Затем она, не удержавшись, добавила, — Вот сейчас вовсю разрабатываются совместные планы с Братьями. Но некоторые из нас, я имею в виду не одну только Розу, и так уже на пределе. А общение с Братьями не очень-то помогает в этой ситуации, — скорее, усугубляет обстановку. Ты знаешь, что и кого я имею в виду…

— Благодарю, что ты считаешь меня хоть немного способным мыслить.

— На здоровье, — Ариэль вытерла руки о

комбинзон и посмотрела на него — не то раздраженно, не то озабоченно. — Я знаю, ты не заглотишь наживку. Ты просто выплюнешь ее. И все-таки я скажу. Мартин, Роза — не самая опасная личность на корабле.

Мартин притворился, что не слышит ее.

* * *

Рекс первым потерял самоконтроль.

Мартин находился между первым и вторым домом-шаром, когда он услышал крик, прозвучавший откуда-то снизу. Он спустился к соединяющей перемычке и увидел блеск веревок, перепутывавшихся в беспорядочную кучу, — веревок, которые только секунду назад были косой.

Рекс стоял в стороне, с металлической бейсбольной битой в руках, лицо бледное и потное. Он прекратил размахивать битой и перекинул ее из руки в руку. Освободившейся рукой он начал отмахивался от резкого запаха скипидара и жженого сахара, затем повернулся и посмотрел на Мартина.

— Помоги мне, — сказал он спокойно, — Эта сволочь напала на меня.

Коса была совершенно растрепана. Веревки

пытались подняться и падали снова с безнадежным глухим звуком. Внутри кучи лежали три искореженные веревки, пачкая пол коричневой жидкостью — Мартин впервые видел веревки, истекающие кровью.

— Что, черт побери, случилось?

— Я же уже объяснял тебе, — наводя битой на Мартина, заорал Рекс. — Эта сволочь схватила меня. Я должен был обороняться.

— Кто это? — спросил Джой Плоский Червяк, резко спрыгнувший с лестничного поля позади Мартина. — Который из Братьев?

— Будь я проклят, если я знаю, — сказал Рекс, опуская биту и выпрямляясь. — Я знаю только, что он был огромный.

Две из трех поврежденных веревок перестали двигаться. Поднявшись вверх с помощью цилиндрических полей, появились еще два Брата. Они приземлились непосредственно рядом с кучей поврежденных веревок.

В перемычке собрались десять человек и трое Братьев. Паола Птичья Трель подошла поближе к уже не дергающимся веревкам. Вдвое Выросший проскользнул вперед и слегка приподнял одну из веревок. Но он не предпринимал попыток собрать их.

— Они мертвы? — спросила Паола.

— Они мертвы, — ответил Вдвое Выросший.

— Кому они принадлежали?

— Это веревки Кучи Песка.

— Что за дьявольский похоронный тон? — заорал Рекс.

Мартин не спеша подошел к Рексу и протянул руку:

— Отдай мне это.

Рекс отбросил биту в сторону и отшатнулся от Мартина.

— Это была самозащита, — выдавил из себя он.

Мартин поднял биту и протянул ее Джою.

— Он из твоей учебной группы. Рекс, ты уверен, что веревки атаковали тебя?

— Это положило на меня клешню и сжало так, словно собиралось сломать мне руку, — ответил Рекс, отводя от Мартина взгляд.

— Возможно, он просто пытался отработать на тебе какой-то учебный прием?

— стараясь сдержать гнев, предположил Мартин.

— Черт побери, откуда я мог знать, что оно собирается делать? — закричал Рекс. — Не дави на меня, Мартин, или я…

— Ты напал на эти веревки, ты трахнутый при-

дурок?! — Ганс пробрался через толпу, обошел Мартина и, схватив Рекса за плечи встряхнул его раз, потом другой. — Ты — кусок дерьма! — заорал он и оттолкнув Рекса, вышел на середину комнаты и спросил у Вдвое Выросшего, — Каменщик уже приходил сюда?

Вдвое Выросший бросил взгляд на жезл:

— Я мы запросим Каменщика.

— Я надеюсь, он не сильно повредил его.

— Две веревки мертвы, одна повреждена, — констатировал Вдвое Выросший. — Это уже никогда не будет полноценным Кучей Песка.

— Мы очень сожалеем, — сказал Ганс. — Мартин, Джой, отведите Рекса в его каюту и сделайте так, чтобы он не мог выйти из нее.

— Что? — возмущенно воскликнул Рекс. — Черт побери, я же сказал, что это была самозащита!

— Сделайте то, что я приказал, — холодно повторил Ганс.

Рекс не стал сопротивляться. В дверях они столкнулись с Розой.

— Что случилось? — спросила она.

— Иди ты… — прошипел Рекс.

Джой со всей силы сжал плечо Рекса.

— Ты по горло в дерьме, — тихо сказал он Рексу. — Булты хайся, а не то потонешь.

Рекс чертыхнулся, тряхнул головой и с силой оттолкнул руку Джоя. Затем все трое молча удалились.

Расследование провели днем позже. Присутствовали Каменщик, Небесный Глаз, Ганс, Чэм, Джой и Мартин. Рекс стоял между Чэмом и Джоем, сильно подавленный. Ганс один на один расспрашивал его в течение часа после случившегося.

Каменщик заговорил первым:

— Я мы просили индивидуума Кучу Песка все рассказать, но его память деградировала. Куча Песка не помнит, что случилось. Мы мы должны рассчитывать только на показания вашего индивидуума.

Сидящий на полу учебной комнаты Ганс повернулся к Рексу:

— Ну расскажи нам, что же произошло.

Рекс окинул взглядом присутствующих, избегая смотреть только на Ганса.

— Это недоразумение, — сказал он.

— Расскажи нам поподробнее, — настаивал Ганс. Тон его был нейтральным, глаза опущены.

— Момы предложили нам провести игру в спортивном зале. Что-то вроде баскетбола.

— Кто там был? — переспросил Ганс.

— Мы собирались разбиться на команды.

— Кто это «мы»?

— Четверо из пятерых были наши. Затем мы захотели поиграть в бейсбол — нормальную европейскую игру.

— И вы встретили Кучу Песка, — подсказал Рексу Ганс.

— Да, я не знал, что оно…

— Не оно, а он, — мягко поправил его Ганс. — Следует говорить «он».

Рекс тяжело вздохнул, но спорить не стал. Мартина увидел в Рексе страх и что-то еще — тупой вид неповиновения, несогласие с тем, что он сделал что-то неправильное.

— Я не узнал его, — повторил Рекс. — Я не знал, что это оно… он был. Он был огромным. Мы прошли мимо, но он догнал меня и схватил за руку. Оно сделало мне больно… То есть, он сделал мне больно.

— Он тебе угрожал?

— Он что-то произнес, но я не понял что. Я не понимаю их.

— А мы меня нас ты понимаешь? т — спросил Каменщик.

— Более менее, но ты же неплохо говоришь по-английски, — заметил Рекс. — Это был несчастный случай. Он напугал меня.

— Ну, а сейчас, позже, ты можешь сделать предположение, что он пытался сказать? — спросил Мартин.

— Джентельмены, не нарушайте регламента процедуры допроса, — тяжело вздохнув, прервал Мартина Ганс. — Вопросы задаем только мы с Каменщиком.

Мартину ничего не оставалось, как замолчать.

— Хотя это был хороший вопрос, — сказал Гангс. — Итак, Рекс, как ты думаешь, что же он все-таки хотел сказать?

— Я не знаю.

— Может быть, какое — нибудь замечание об игре вашей команды?

— Не знаю, может быть. Я не расслышал его.

— Почему же ты…

— Он схватил меня своими ужасными клешнями… Оно схватило меня. Это была хватка дьявола. Оно сделало мне больно. Я подумал, что он напал на меня.

— И…? — произнес Ганс.

— Мне пришлось защищаться.

— Была ли причина, по которой он мог напасть на тебя?

— Откуда мне было знать?

Все продумано, — пронеслось в голове у Мар-

тина.

— Ты хочешь сказать, что Братья непредсказуемые? — подсказал Ганс, лицо его было непроницаемым.

— Я совершенно не знаю и не понимаю их, — Рекс неожиданно улыбнулся так, будто бы ничего не случилось.

Ганс повернулся к Каменщику:

— Рекс Дубовый Лист был спровоцирован Братом. Тот неожиданно схватил его. Рекс подумал, что это нападение и стал защищаться.

— Не совсем так, — вмешался Рекс. — Оно… он хотел действительно задавить меня.

— У тебя есть синяки?

Рекс закатал рукав комбинзона и показал кровоподтеки на грудной клетке и на животе.

Каменщик зашуршал, по-иному сворачиваясь в кольца. Ганс, подперев рукой подбородок, изучал синяки Рекса.

— Ты чем-то напугал его до того? — спросил он у Рекса.

— Нет, клянусь, нет.

— То есть, ты хочешь сказать, что у него не было причин атаковать тебя?

— Не было, — Рекс расправил плечи и снова заулыбался.

— Прекрати скалиться, ты, кусок дерьма, — заорал Ганс. — Каменщик, ты можешь представить, чем Рекс мог напугать Кучу Песка?

— Мы мы до сего момента не сталкивались с агрессивными действиями, — ответил Каменщик. — Мы мы не знаем, что нас может испугать, что может заставить нападать.

— Ничего не понимаю. В этой истории очень трудно разобраться, — задумчиво произнес Ганс.

— Мы мы не ожидали агрессии от вас, — попытался объяснить теперь уже Небесный Глаз. — У мы нас не было причин бояться вас. Вот теперь мы мы потеряли доверие и будем бояться вас.

— Ну что ж, все логично, — заметил Ганс. — Жаль, что Куча Песка потерял память. Я готов выслушать все мнения и все предложения Братьев в связи со случившимся.

Но Братья ничего не говорили. Они только непрерывно извивались и издавали запах свежеиспеченного хлеба и свежескошенной травы.

— Я просто не знаю, что делать, — продолжал Ганс. — Я очень зол на Рекса. Я бы пинком в зад выбросил бы его из корабля, если бы мне это позволили момы. Правда, Мартин?

Мартин покачал головой.

— Ты сомневаешься? — возмутился Ганс. Каза-

лось, он весь гнев перенес на Мартина, Рекс же вызывал у него сострадание.

— Я не думаю, что момы позволят нам сделать это, — уточнил свой жест Мартин.

— Можно считать, что Рексу дьявольски везет. Каменщик, я не знаю, как перешагнуть через образовавшуюся брешь. Я думаю, следует прямо сказать, что некоторые наши люди еще боятся вас, Братьев. Рекс, признаюсь, не очень-то умен. А чего только не может произойти с идиотом? — Ухватив Рекса за края одежды на груди, Ганс притянул его к себе так близко, что они чуть не столкнулись носами. От удивления и страха глаза Рекса наполнились слезами, он отшатнулся от Ганса.

— Я ничего не планировал, — залепетал он. — Так уж получилось.

— Удастся ли восстановить Кучу Песка? — спросил Ганс у Каменщика.

— Повреждения Кучи Песка не означают крушение или заимствование другими. Он будет индивидуумом, и будет полезен своим друзьям.

— Это … хорошо, — медленно произнес Ганс и сделал два резких вдохов и выдохов, как если бы на него напала икота. Он казался бесконечно уставшим, когда повернулся к Рексу. — Мы сами

займемся тобой. Пусть Братья судят Братьев, а люди — людей. Ты отстранен от выполнения Работы. Я полагаю, позже ты приложишь все свои усилия для совершения чего-нибудь достойного и героического, чтобы снова заслужить наше доверие. Но я не могу терять время и много размышлять об этом.

Рекс закрыл глаза:

— Но Ганс … — начал было он.

— Пожалуйста иди, — прервал его Ганс.

— Но я же только защищался, ну ради Христа!

— Ты лжец, — воскликнул Ганс. — Не буду объяснять почему, но ты потерял мое доверие. И пока я — Пэн, ты работать не будешь. Теперь ты — свободный человек, Рекс. Уходи, мне противно общаться с таким дерьмом, как ты.

Рекс вышел из комнаты, качая головой и нервно сжимая руки. Перед тем, как пересечь порог, он резко хлопнул по стене ладонью.

Ганс низко поклонился Каменщику и Небесному Глазу.

— От имени людей прошу принять наши извинения и сожаления по поводу случившегося. Мы должны работать вместе. У нас нет выбора.

— Мы мы будем работать с вами и постараемся обо всем забыть, — сказал в свою очередь

Каменщик.

* * *

— Если бы мы решали вновь, если бы голосовали — вершить или нет Правосудие, я думаю, Братья голосовали бы за проведение предварительного подробного расследования, — заявил Ганс, стоя перед звездной сферой с изображениями планет. — Я прав?

Рядом с Гансом сидели Мартин, Хаким, Джой и Чэм. Джой и Чэм кивнули. Хаким никак не отреагировал.

— А ты что думаешь, Мартин? За что они проголосуют: за выполнение Закона или за дальнейшее изучение?

Мартин сказал, что он думает, что, скорее всего, за дальнейшее изучение системы Левиафана.

— Мне кажется, чем дольше мы изучаем, тем больше появляется сомнительного, тем меньше ясности, — заметил Ганс. — Не думаю, что от этого нам станет легче.

— Да, действительно, не знаешь, как и трактовать все это, — согласился Чэм. Он увеличил изображение третьей планеты Левиафана, чтобы можно было рассмотреть побольше деталей. Гладкие, ласкающие глаз зеленые поверхности

материков и голубые океаны. Температура на поверхности планеты около двадцати градусов Цельсия, огромные рыжевато-коричневые площади явно принадлежали суше. И все это окружала странная бахрома, похожая на огромные пуховые шары, состоящие из отдельных семян, возможно около тысячи километров длиной. Они соприкасались и с океанами и континентами. Семена не ограничивались площадью возле экватором; некоторые поднимались от полюсов.

Четвертая планета, огромная и темная, также с водными акваториями и материками, рассекаемыми светящимися лава-наполненными ущельями.

Пятая планета: газовый гигант, богатый газообразными веществами, температура на поверхности восемьдесят пять градусов по Кельвину, районы с обширными зелеными поверхностями и странными черными лентами, похожими на штормовые вихри. Здесь атмосфера была усеяна странными структурами, гигантскими гнездами в форме воронок.

Шестая: небольшой газовый гигант, с размерами, близкими к Нептуну. Искусственные конструкции, дрейфующие по орбитам напоминали светящиеся перепутанные волосы. Тонкие

струи газа поднимались от поверхности гиганта и концентрировались в районе экватора.

— Выглядит, как райское местечко для жаждущих горючего, — заметил Чэм.

— Шедевр искусства из всякого дерьма, — отозвался Ганс. — Замыслено, чтобы запугать нас.

— Или … — начал было Джой.

Ганс поднял брови.

— Я вижу, по крайней мере, два-три варианта, что там может находиться на самом деле.

— Камуфляж, но с реальной жизнью и культурой, — тихо произнес Хаким.

— Объясните, пожалуйста.

— Я вижу Хаким мыслит в том же направлении, что и я, — отметил Джой.

— Мне кажется, я тоже понимаю, о чем вы, — сказал Чэм.

— Но кто же объяснит все своему старому бедному начальнику, — шутливо заканючил Ганс.

— Вариант номер один: убийцы уже прекратили посылать разрушающие зонды, — начал объяснять Хаким. — Они слились с другими культурами, создали альянс и сейчас скрываются среди других.

Ганс склонил голову вбок и в сомнении прищурил один глаз.

— Вариант номер два: они уже умерли, — предположил Джой. — И теперь эту систему населяют иные обитатели космоса.

— И все же мне более по душе предположение, что все эти планеты созданы какими-то сумасшедшими, — напомнил о полюбившейся ему гипотезе Ганс. Он поник плечами и закрыл глаза. — Кто-нибудь спрашивал момов, что они думают по этому поводу?

— Я спрошу при очередной встрече с момами и Матерями Змей, — сказал Мартин. — Так же я хочу поинтересоваться об этом и у Каменщика.

— Можно и мне поприсутствовать при этом разговоре? — Ганс открыл один глаз.

— Конечно.

Ганс просверлил Мартина подозрительным взглядом, затем улыбнулся:

— Отлично. В течение следующей десятидневки мы продолжим усиленные тренировки. Пока все идет более менее гладко.

— Есть проблемы у некоторых членов команды, — напомнил Мартин.

— Но они все же не отказываются выполнять свою работу, — заметил Ганс.

Мартин хотел было возразить, но затем передумал.

— Позволь мне заниматься одновременно только сотней дел, но не более того, — Ганс вскочил на ноги и поглядил свой живот, при этом у него появился очень напыщенный вид. — Рекс выведен из игры. Пусть его пример послужит другим наукой. Но мне нужен план. Что мы будем делать, если будет принято решение продолжить разведку перед тем, как сбрасывать на планеты оружие?

— Необходимо разделить корабли, — сказал Джой.

Чэм согласился с ним:

— Может быть, на два или даже на три, которые разойдутся в разные стороны, скрытые от постороннего глаза.

— И я хотел предложить то же самое, — воскликнул Ганс. — А ты, Мартин?

— Корабль, что будет вблизи от планет… Несерьезно думать, что нам удастся скрыть его от обитателей планеты, если они, конечно, существуют там.

— И что ты предлагаешь?

— Можно пойти совершенно открыто. Можно замаскированными. Вспомните «Троянского Коня».

— Ганс откинул голову назад, взглянул на Мар-

тина поверх своего курносого носа и открыл рот.

— Господи иисусе, как просто. О Мартин, это сатанинский план. Да, мы пойдем в открытую. Мы — путешествующие торговцы, не думающие охотится за убийцами. Мы пришли лишь за тем, чтобы продемонстрировать наш товар…

Чэм захихикал и потопал ногами. Хаким смотрел по сторонам, несколько смущенный.

— Ты не понял? — спросил его Чэм.

— Я не…

— Мы трахнем убийц их же собственным способом, — поспешил объяснить Хакиму Джой. Хакиму стало понятно, но он нахмурился.

— Они знают, что мы были у Полыни, — напомнил он. — Они знают…

— Вполне вероятно, что всего они не знают, — развивал свою идею Мартин. — Они могут предполагать, что мы погибли в ловушке Полыни. Наверняка, они что-то скрывают. Иначе зачем им было устраивать весь этот маскарад, эту маскировку, если это, конечно, маскировка…

— Да, вероятно, они не хотят, чтобы путешествующие торговцы смогли насплетничать о них другим. Их же должна тревожить собственная репутация, — то, что подумают о них соседи, — сказал Ганс. — Они позволили Беглецам Красного

Дерева подойти… Хотя хватит догадок. Мартин, я стал еще больше тебя ценить. Впоследствии ты получишь премию.

— Что ж, это неплохая идея, — согласился, наконец, и Хаким, улыбнувшись Мартину.

— Но она нуждается в развитии, — подчеркнул Ганс. — Я хочу обдумать ее поподробнее, во всех деталях, прежде чем разговаривать с Братьями.

Джакомо и Дженнифер смущенно засуетились в своей каюте, когда Мартин без предупреждения ввалился к ним. Все вокруг валялось в беспорядке — одежда, приспособления для спортивных упражнений. Дженнифер и Джакомо быстро все свалили в общую кучу.

— Вот будет переполох, если мы причалим к берегу, — заметила Дженнифер.

— Не беспокойся, — успокоил ее Мартин. — В конце концов, я только предложил. Ганс не просил подготовить рапорт, но думаю, я все же наведу справки…

— Мы сейчас работаем с двумя Братьями — Букетом Ароматов и Сухой Кожей, — сказала Дженнифер.

— О, какие славные имена, — улыбнулся Мартин.

— Сухая Кожа выбрал себе человеческое имя.

Он желает, чтобы его называли Норманом. Иногда нам помогает и Небесный Глаз.

— Что же нам делать дальше? — спросил Мартин. — Скажите, их библиотеки лучше наших?

— Они очень отличаются от наших, — заметил Джакомо. — Мы только что начали переводить техническую литературу, и поняли, что Матери Змей больше говорят, больше доверяют Братьям, чем момы нам. Они меньше боятся зависить от Братьев и предоставляют им больше свободы выбора. Вероятно это происходит потому, что Братья психологически устойчивее нас.

— Можем ли мы воспользоваться их библиотекой?

Дженнифер взглянула на Джакомо и ответила:

— Если Братья помогут нам их перевести.

— А вы знаете, как это можно сделать?

— Если в их библиотеке указан ключ, как выполнить перевод в слова, то да, — ответила Дженнифер. — Я уверена, что в таком случае мы сможем. Пока же мы обращаемся к помощи Букета Ароматов и Сухой Коже, когда нам приходится переводить запахи и музыку на человеческий язык. Их математика основана на иррациональных числах, литература неполная. Они имеют дело только с правдоподобными историями. Чис-

ла — пятна возможностей. Они не видят вещи разрывно друг от друга, только в взаимосвязи. Нет арифметики, только алгебра. К примеру знаешь, как они высчитали, как много планет вокруг Левиафана? Вначале они познакомились с историей Левиафана, определили какой формы были первичные облака… Только после анализа всего этого, они пришли к выводу, сколько планет. Даже их наиболее простые вычисления нам трудно понять — потому что в каждой косе у веревок происходит параллельный процесс мышления. Это математика для существ более интеллектуально развитых, чем мы.

— Мы уже говорили об этом, — напомнил Джакомо. — К тому же, определенные тонкости теряются из-за незнания их языка. Они пользуются тремя различными языками — словами, запахами и письмом, причем, язык для письма — дополнительный к первым двум. Мы получили доступ к их письму. Норман старается переводить для нас запахи в письмо, но он говорит, что это наиболее сложная работа, какую он только выполнял.

— Ну и что же вы уже успели узнать? — поинтересовался Мартин.

— О, очень много интригующего, — восклик-

нула Дженнифер, глаза ее горели энтузиазмом, она всем телом подалась вперед. — Матери Змей доверяют Братьям…

— Как мы уже говорили, — вставил Джакомо.

— Матери Змей, кажется, думают, что шансы, что Братья превратятся в убийц, практически равны нулю, — сказала Дженнифер. — Почти все города Братьев располагались вдоль побережья. Они сделали очень много искусственных пляжей внутри территории, пляжи были очень популярны у них. Но, кажется, Братья смущены своим прошлым — так у нас смущались охотники и крестьяне, если их заставляли бездельничавшими на пляже.

— Я думаю, их миры практически не имеют осевого наклона, — вставил Джакомо. — Нет смены сезонов, две луны…

— Мы никогда не слышали о таком! — воскликнул восхищенный Мартин. — Почему вы не рассказали нам об этом раньше?

— Мы ждали, когда будем более уверены в полученных знаниях, — объяснила Дженнифер.

— Могу ли я поговорить с Норманом или Букетом Ароматов?

— О, это не так просто, — не глядя на Мартина, сказала Дженнифер. — Матери Змей могут

предупредить Братьев, чтобы они не говорили слишком много.

Мартин постарался сдержать жалобный вздох:

— Почему?

— Потому что, пока мы изучаем их библиотеку, они, в свою очередь, изучают нашу и могут решить, что лучше нам и не понимать их.

— Они испугаются нашей предрасположенности к насилию, — печально пояснил Джакомо. — И они в особенности будут придут этому значение теперь, после того, как Рекс напал на Кучу Песка.

— Наши истории так отличаются друг от друга, — добавила Дженнифер. — Букет Ароматов просмотрел несколько наших фильмов. Он старался понять их.

— Он посмотрел «Самый длинный День». Но особенно он был смущен «Звездными Войнами». Дженнифер пыталась объяснить ему содержание «Бесконечной Войны». Букет Ароматов шагнул далеко вперед в понимании человеческой природы и теперь уже не издает запахи, как другие Братья, при незначительных поводах.

Мартин недоуменно покачал головой.

— Почему бы вам не отобрать для него то, что ему можно знать, и скрыть то, что ему знать не следует?

— Мы не могли бы просить их открыть нам библиотеку полностью, если бы сами начали что-то от них скрывать, — объяснила Дженнифер. — мы стараемся подобрать им для просмотра фильмы разного плана: и простодушные комедии, и телесериалы. К примеру, вчера они смотрели «Мышьяк и старое кружево». Но разве мы можем сгладить первое впечатление, особенно после нападения Рекса, который, ко всему прочему, еще всю ответственность свалил на них?

Мартин тяжело вздохнул и закрыл глаза:

— Да, все верно.

— Я думаю, сейчас им нелегко, — продолжал Джакомо. — Мы должны объяснить им, что во всех фильмах, за исключением исторических, происходят нереальные события. — А что они говорят о нашей литературе?

— Они еще только занялись ею. Мы пока еще не разговаривали об этом.

Мартин внезапно почувствовал прилив стыда: стыда за все человечество. Он потер нос и тряхнул головой:

— Да, кажется мы можем только на время стать компаньонами, но не друзьями, полностью доверяющими друг другу.

— Это верно, — подхватил Джакомо.

— Мы не хотим говорить об этом Гансу, пока не будем уверены. Мы бумаем, он может ухудшить наши отношения с Братьями.

— По его мнению, безразлично, что Братья думают о нас, — заметила Дженнифер.

— Он находится под стрессом сейчас, — защитил Ганса Мартин.

— Да, Гансу досталось нелегкое время, — согласился Джакомо. — Он может сломаться. Кто знает, что ждет нас впереди?

— Только не нужно себя обманывать, — заметила Дженнифер.

Мартин, сжав руки, молча уставился впол.

— Расскажите мне побольше о том, что вы уже узнали.

— Их информация о других мирах более обширна и существенна, чем наша. Матери Змей рассказали им больше о видах цивилизаций, об уровнях развития технологий, о столкновениях цивилизаций с убийцами. С нами же работали, не давая этих знаний.

— Возможно, это произошло от того, что их корабль был построен позже нашего, — лицо Мартина прояснилось при этих словах, — может быть, Благодетели получили эту информацию, после того, как построили наш «Спутник Зари».

Джакомо усмехнулся:

— Может быть.

— Давайте не будем об этом, — сказала им Дженнифер. — Сейчас мы должны беспокоиться о том, как извлечь максимальную выгоду из пользования их библиотекой. Я думаю, нам необходимо около двух десятидневок, чтобы все изучить и подготовить доклад Гансу.

— Хочешь, поговори с Матерью Змей, — предложил Мартину Джакомо. *Только ты*, а не Ганс.

— Возьми с собой Паолу, — предложила Дженнифер. — Похоже, Братья уверены, что мы все разбиты по парам.

— Да, плохо, что Терезы нет здесь, — с тоской произнес Джакомо. — Ты и она, вместе, это было то, что им несомненно понравилось.

— Они любят работать с диадами. Вот, к примеру, со мной и Джакомо, — подтвердила Дженнифер.

— Если бы мы все любили друг друга и соединились вот так один с другим… — начал Джакомо.

— Они бы чувствовали себя в большей безопасности, — закончила Дженнифер.

Мартин усмехнулся:

— Хорошо, я так и поступлю.

Часть 3

Мартин нашел Вдвое Выросшего в учебной комнате, ввязавшимся в жаркую дискуссию с Эйрин Ирландкой и Карлом Фениксом. Паола, уютно устроившись в углу кушетки, вязала одеяло.

— Но вы же не пишете романов, — говорил Карл, — так же, как и стихов. Вы создаете только прославляющие оды… Полагаю, они прозвучат, как музыка для нас. Но все же это несравнимо с литературой.

— Мы нам сложно понять, — сказал Вдвое Выросший. — Я мы пришли к мысли, что вещи, описанные в вашей литературе — вымысел, не имеют места в реальной жизни. Описанная вами история есть неопределенное. Разве не лучше прежде узнать правду перед сообщением?

— Нам нравится иметь дело с вещами, которые не случались в жизни, — заметила Эйрин Ирландка. — Но нужно ясно осознавать разницу между вымыслом и ложью.

— Будь я проклят, если что-нибудь просекаю в этом, — улыбаясь, сказал Карл.

— Карл имел в виду, что ему не легко понять разницу между вымыслом и ложью, — оторвав

взгляд от вязания, объяснила Паола. — Но различие, конечно же, существует.

Эйрин повернулась к Мартину:

— Нам трудно объяснить это ему.

— Мы мы не выдумываем ситуаций для мы наших историй, — сказал Вдвое Выросший. — Этим можно запутать, особенно молодых.

— Я мы, — Эйрин прочистила горло. — Я думаю, мы понимаем разницу. Вымысел расслабляет, как сон. Ложь, утаивание правды, преследует цель получения каких-либо социальных благ.

— Мы мы не видим снов, — сказал Вдвое Выросший. — Мы наши методы сна отличаются от ваших. Мы мы спим редко, мы наш мозг отдыхает, когда мы мы спим, но мы наши веревки неактивны каждые несколько дней.

— Веревки спят? — спросила Паола, снова оторвавшись от вязания.

— Веревки имеют ментальную активность, неприемлимую мыслить индивидуально, — объяснил Вдвое Выросший. — Они не умны, но действовуют запрограмированно.

— Инстинктивно, — предложил свой вариант Карл Феникс.

— Можно ли вымыслом называть вид сна, который видит несколько людей? — спросил Вдвое

Выросший. От него пахло перцем и морской солью. Он всем интенсивно интересовался, но Мартин почувствовал запах скипидара, — его активность, возможно, была вызвана просто нервозностью.

— Я полагаю, — сказала Эйрин, — Люди выдумывают истории…

— Должен ли вымысел походить на реальность? — перебил ее Вдвое Выросший, все более распаляясь.

— Да, иногда вымысел базируется на реальных фактах, — подтвердил Карл.

— Мы лезем в абстрактные дебри, — предостерег Мартин.

— Базируется на реальной жизни, — повторил Вдвое Выросший. — Значит, люди могут вести себя так, как ведет себя герой выдуманных историй?

— Ну… — Мартин запнулся.

— Герои выдуманных историй иногда делают вещи, которые люди и хотели бы сделать, но не могут себе позволить, — объяснила Эйрин, весьма довольная тем, что ей удалось так четко сформулировать свои мысли.

Но Вдвое Выросший опять ничего не понял:

— Я мы имею вопросы. Я мы прочитали корот-

кие истории, а сейчас читаем новеллу, которую съем не так быстро.

— Закончу, — машинально поправила его Паола.

— Закончу новеллу, — повторил Вдвое Выросший. — На некоторых страницах я мы увидели похожесть в поведении людей в книге и в жизни. Но на других страницах, другие тексты, поведение героев отличаться от того, с которым я мы сталкивались в жизни. Такое поведение неприемлимо для людей, которых мы мы знаем, да?

— Какое такое поведение? — спросила Эйрин.

Мартину захотелось сейчас же прервать этот разговор. Запах скипидара становился все интенсивнее. Вдвое Выросший был нервозен, чувствуя какую-то угрозу. Казалось, он уже хотел спастись бегством.

— Приносить другим зло или применять насилие, — ответил Брат на вопрос Эйрин. — Желание убить, сделать другого пассивным. Я мы прочитали «Макбет», я мы прочитали «Генриха IV», я мы почти прочитали «Соблазны Ада».

— Да, тема насилия очень популярна в литературе, — кивнул Мартин, — Но оно играет значительно меньшую роль в повседневной жизни.

Эйрин подарила ему взгляд, говорящий: И значительно большую роль в политике.

— Некоторые из людей способны на насилие, — произнесла она вслух. — Иногда, когда мы боимся…

— Это эмоциональный страх, когда вы желаете спрятаться, скрыться, — опять перебил ее Вдвое Выросший. — Мы наш страх отличается от вашего. Вы не только желаете спрятаться или скрыться, но еще и хотите разрушить то, что испугало вас.

— Это не лишено смысла, не так ли? — заметил Карл.

— Но я мы не знаем эмоциональный страх. На что это походит: на желание спрятаться, или на желание сделать насилие?

— Это одновременное желание и бежать, и бороться, — ответил Карл. — Это страстное желание защитить себя, свою семью, своих друзей.

— Но вы отдаете себе отчет в том, что противник неизвестен? Или неизвестность действовует на вас возбуждающе? Мы мы предпочитаем опасности неизвестного опыт знания, понимания. Вы — нет?

— У нас есть люди, любящие риск, — сказал Мартин.

— Но такие люди встречаются не так уж часто, — добавила Эйрин, — большинство людей стараются застраховаться от опасности.

— Но это сложно, — заметил Вдвое Выросший. — Разве новые друзья — это не риск? Вы хотите застраховаться от новых друзей?

— Давайте продолжим эту дискуссию позже, — предложил Мартин. — Нам необходимо обдумать наши ответы, чтобы не давать неправильных формулировок.

— Да, необходимо больше думать, — согласился Вдвое Выросший. — Глядя на людей, понимаешь, насколько они отличаться от мы нас. Может быть, книги дают толчок к беспричинным смертям?

— Нет, что ты! — Глаза Эйрин широко распахнулись. — Вымысел есть только способ выпустить пар.

— Что? — переспросил Вдвое Выросший.

Она имеет в виду, книги помогают избавиться нам от личной и социальной напряженности, — объяснила Паола. — Думаю, Мартин прав, нам следует вернуться к этому позже, позволить людям и Братьям задать друг другу вопросы и подебатировать. Сейчас мы только мутим воду.

Вдвое Выросший выпрямился и расправил веревки. Кажется, он успокоился, Мартин уже не

чувствовал прежнего запаха.

— Я мы получили удовольствие от таких разговоров, — признался Вдвое Выросший. — Я мы становимся менее отсталым от жизни.

В пустом помещении, разделяющем территорию людей и Братьев, Мать Змей и мом ожидали прихода Мартина, Эйрин, Ариэли и двух Братьев — Каменщика и Небесного Глаза.

Паола Птичья Трель, кажется, была очень удивлена, что Мартин отобрал ее для дебатов, но Мартина все более и более поражало ее мастерство в общении с Братьями.

Ариэль была тиха, настороженна и несколько нервозна. Вслух никто не поинтересовался, почему выбрали именно их, а сам Мартин им этого не сказал.

Он и Гансу сообщил об этой встречи, и был немало удивлен тем, что тот отказался присутствовать.

— Мне кажется, работая слишком близко с Рексом, я заразился от него неприязнью к веревкам, — объяснил он свою пассивность. — А ты иди. И задай им вопросы позаковыристее. — Ганс, казалось, мрачнел на глазах.

Мартин постарался забыть об этом на время. Мать Змей и мом расположились прямо перед

ним. Каменщик и Небесный глаз свернулись в кольца и слабо шуршали. Они не испускали никаких запахов, насколько Мартин мог почувствовать.

— Мы можем начать, — объявил мом.

— Мы должны принять важное решение, — начал Мартин. — Но прежде нам необходимо согласовать, какую мы примем стратегию. И я думаю, мы должны… немного очистить воздух.

Ему не хотелось поднимать вопросы доверия, но сейчас просто не видилось возможности уклониться от этого.

Каменщик сказал:

— Это хорошо, что мы все мы собрались. Но для мы нас чистый воздух предостережение. Объясни, что ты хотел сказать?

— Чем больше мы узнаем о Левиафане, тем более удивляемся, — сказал Мартин. — Она выглядит разнорассовой звездной системой.

— Как базарная площадь на береговой линии, — выразила Паола ту же самую мысль словами, более приемлемыми для Братьев.

— Да, это так, — подтвердил Небесный Глаз.

— Мы не заметили посетителей-чужаков, возможно, это изолированный базар, — продолжил Мартин. — Но это служит доказательством, что

там проживают разумные существа различного вида. Если только это не очередная иллюзия, если мы не ошиблись с такой дальней дистанции. Что же нам делать дальше?

— Вы спрашиваете нас? — удивился мом.

— Не совсем. Вопрос скорее риторический.

— Мы мы против начала судебного следствия без доказательства вины, — провозгласил Каменщик.

— Так же, как и мы, — кивнул Мартин. — Но, кроме всего прочего, возможно, именно за этот предлог, как за штору, и прячутся убийцы.

— Мы все мы должны быть более, чем уверены, в осуждении этих миров, — подчеркнул Небесный Глаз.

— Я думаю, в конце концов, мы придем к согласию в этом вопросе, — спокойно подчеркнул Мартин. Они до сих пор не пахнут. Что это может означать? — Итак, мы намериваемся продолжать выполнение миссии. Как много кораблей мы можем изготовить из «Спутника Зари» и «Путешествующего Дома»?

Ответил мом:

— Столько, сколько нужно. Ну и сколько вам нужно?

— По крайней мере, три. Люди должны войти

в систему Левиафана замаскированными под простых путешественников. Можем мы создать корабли различного вида, — такие, которые не будут напоминать Корабль Правосудия?

— Можем, — кивнул мом.

— Не будет ли это для мозгового центра корабля нарушением Закона, если он поможет нам создать такие корабли?

— Интересный вопрос. Я мы согласны помочь вам, — сказал Каменщик.

— Это уместнее, чем снабжать вас сейчас новыми Кораблями Правосудия, — согласился и мом.

— Мне кажется Левифиан — совсем не то, чем он кажется, — сказал Мартин.

— Многообещающее начало, — заметил Каменщик.

— Надо быть осмотрительными, — добавил Мартин.

— Согласны.

— Продолжая рассуждать логически, мы не можем не прийти к выводу, что под маской могут скрываться убийцы…

— Согласны, — повторил Каменщик.

— Убийцы, обладающие знаниями, и не просто знаниями, а сверхзнаниями всех цивилизаций, которые их окружают, и всеми их способностя-

ми, — продолжил Мартин.

— Как я понял, вы хотите получить корабль, который могли бы построить именно в такой цивилизации? — уточнил мом.

— Да, корабль, который невозможно было бы разрушить без межзвездного отголоска, ответной реакции протеста других цивилизаций, — сказал Мартин.

— Вы вкладываете в маскировку иной смысл, нежели мы мы. Вы исходите из предположения, что убийцы принимают во внимание, что они находятся не только под мы все нашим контролем.

Мартин кивнул.

— Он сказал «да», — пояснила Паола.

— Это замечательная проницательность, — сказал Каменщик. Появился легкий запах перца и свежеиспеченного хлеба — признак интереса, а возможно, даже и удовольствия. — Я мы видим это родственно вашей литературе, как вымысел или стратегическая ложь. Все это переоборудование Корабля Закона — это тоже входит в сценарий игры?

— Ганс и я уверены в том, что Корабль Правосудия следует разделить на несколько кораблей, — сказал Мартин. — Один их них войдет в систему, замаскированный, но и действитель-

но невооруженный — для разведки; два других будут находится на более отдаленных орбитах. Если мы получим вердикт виновности, внешние корабли получат оружие. И мы постараемся завершить нашу Работу. Если же убийцы уже не живут здесь…

— И если мы не сможем уничтожить их без нанесения вреда невиновным, — добавила Ариэль. И Мартин не мог с ней не согласиться. Да, но что будет, если это случится?

— Или если мы не сможем найти их или распознать, — внес еще поправку Мартин, — тогда мы изменим наши планы.

— Это вполне осуществимо, — сказал мом. — В любом случае полезная информация будет полезна. Вы хотите сами спроектировать судно, которое войдет в систему Левиафана, или вы просите об этом нас?

— Мы и сами могли бы сделать, но, все же, нуждаемся в помощниках, — ответил Мартин. Ариэль явно хотела что-то добавить, но он сурово посмотрел на нее, и она поджала губы.

— Вашим проекировщикам следует подумать о многих вещах, — заметил мом. — Кораблю, который войдет в систему Левиафана, не следует выглядеть открыто угрожающим. Но он

не должен смотреться, и как корабль из слабой цивилизации. Не следует демонстрировать способности, равные способностям Корабля Правосудия. Ваша команда не должна обнаружить, что ей известны возможности убийц, например то, что вы знаете, что они могут превращать материю в антиматерию.

Мартин кивнул.

— Когда вы примите решение? — поинтересовался мом.

— Через пару дней, возможно, даже быстрее, — ответил Мартин.

— Разделение и суперторможение должно начаться не позднее десяти дней, — предупредил мом.

— Можете ли вы еще сообщить что-нибудь полезное для нас?

— Если убийцы до сих пор находятся в системе Левиафана, шансы, что они знают людей, практически равны нулю. Ни один из зондов-убийц не сумел выбраться из Солнечной системы Земли. Маловероятно и то, что они знают Братьев. Переход зондов из системы Братьев происходил под наблюдением Благодетелей, любая информация им была недоступна.

— Мы нам хотелось бы быть частью команды

корабля, направляющегося к Левиафану, — сказал Небесный Глаз. — Это возможно?

— Это возможно, — ответил мом.

Мать Змей, изогнувшись, плавала в нескольких сантиметров от пола, пурпурные лестничные поля слабо светились внизу. Этим Матери Змей отличались от момов; Мартин никогда не видел момов, вышедшими из полей. Голоса Матерей Змей напоминали звуки низких духовых инструментов в струнном оркестре.

— Братья могут сыграть ключевую роль на кораблях, оставшихся вне системы, — протрубила Мать Змей.

— Вы будете голосовать по этому поводу? — спросила Паола.

— Каждый из мы нас сам примет решение индивидуально, — ответила Мать Змей.

От Небесного Глаза и Каменщика пошел сильный запах просоленного морского воздуха.

— Это будет объективное Тройное Решение, — подчеркнул Каменщик — и мы мы его сообщим за несколько дней до начала действий.

— У меня есть еще один вопрос, — сказал Мартин и почувствовал, как что-то сжало его грудную клетку. — Вопрос не из легких, но я надеюсь на такой же прямой ответ.

Воцарилась тишина, лишь Небесный Глаз и Каменщик слегка шуршали.

— У многих из нас сложилось впечатление, что библиотека Братьев намного богаче, чем наша. Почему? Значит ли это, что нам меньше доверяют?

— Каждому виду существ в природе предоставляется информация, необходимая для выполнения их роли в деле Правосудия, — ответил мом.

— Мы чувствуем, что мозговой центр корабля не доверяет людям в той степени, в какой доверяет Братьям, — не отступал Мартин.

— Каждый род отличается своими нуждами и способностями. Поэтому различна и информация.

— Так значит, нам будет отказано в доступе к библиотеке Братьев? — спросил Мартин.

В разговор вступила Мать Змей:

— Ваш Корабль Правосудия старше корабля Братьев. Этим и продиктована разница.

— Я думаю, это лишь частичное объяснение…

— Отношение и планы меняются, — добавила Мать Змей.

Мартин кивнул:

— Мне хотелось бы добиться большей ясности. Скажите вы людям доверяете так же, как Бра-

тьям, или нет?

— Мы не уполномочены — доверять или не доверять, так же как не уполномочены принимать иные решения подобного характера, — ответил мом.

— Благодарю вас, — процедил сквозь зубы Мартин. К нему приблизилась Ариэль и коснулась его руки, и внезапно ее поддержка придала ему новые силы. — Но мы не нуждаемся в уклончивых ответах. Благодетели не могли знать наших характеров перед тем, как ваш корабль достиг системы Земли… Несомненно, вы сами оценивали наши способности.

Внезапно раздался голос мозгового центра корабля. Мартин вздрогнул

— Мозговой центр корабля не может принимать подобных решений. Если они и были приняты, то не нами.

Мартин ощутил, что по щекам у него текут слезы. Устыдившись подобного проявления эмоций, он постарался взять себя в руки и спросил:

— Мы в подчинении у Братьев?

Каменщик явно начал возбуждаться. Запах от него возрос, он начал вибрировать. Небесный Глаз дважды свернулся и развернулся, качая головой.

— В этом есть нечто обидное, — сказал Каменщик. — Мы мы не желаем, чтобы мы наши партнеры обижали.

— Наших партнеров обижали, — автоматически поправила Паола.

— Нам необходимо знать, будут ли нам доверять, — повторил Мартин, как ему показалось в сотый раз.

— Обе библиотеки будут открыты для тех, кто занимается наукой, — вновь зазвучал голос мозгового центра корабля. — Решать, что им пригодится, а что нет — это дело людей и Братьев, а не мозгового центра.

— У меня такое впечатление, что мы приближаемся к краю пропасти, — печально сказала Паола, когда они втроем направились к отсеку Ганса. — Может быть, нам вовсе не следует узнавать всю правду.

— Возможно, Братья боятся нас, — предположила Ариэль, — или того, что мы можем сделать.

Паола удивленно спросила:

— Чего они могут бояться?

Голос Мартина задрожал от гнева:

— Они, наверное, думают, что мы станем планетными убийцами.

Ариэль постаралась произнести слова, как

можно спокойнее:

— Похоже, Рекс не убедил их в обратном. А момы? Что думают они?

— Наверное, то же самое, — буркнул Мартин.

— Почему же тогда они ни сбросят нас, ни убьют, ни сделают что-либо в этом роде?

— Ну зачем же им самим применять насилие? К томУ же, мы — жертвы. Они спасли нас. И им нужно, чтобы мы закончили Работу.

— Почему бы им не убрать нас в сторону, заменив Братьями? — не унималась Паола. — Они ведь тоже жертвы.

— Они могут бояться Братьев, — предположил Мартин. — Как мы можем их разубедить, доказать, что не станем убийцами? Что можем противопоставить?

Паола резко повернулась к нему:

— Меня, — она прислонила руку к груди. — Тебя. Всех нас, кроме Рекса.

— Откуда они могут знать, что от нас ожидать? — спросила Ариэль. — Задайте себе такой вопрос.

— Да достаточно только посмотреть на меня! — воскликнула Паола, уже открыто плача сейчас. — Я же совершенно не похожа на убийцу!

— А что, разве пацифистов посылают расправляться с мирами? — Мартин почувствовал, как возрастающее до этого раздражение, наконец-то отпустило его. Он расслабил плечи. — Кто мы? Члены альянса? Или просто балласт?

* * *

Клевая носом, Мартин проверял эскизы «Троянского Коня». Он, Хаким, Чэм, Донна Изумрудное Море и Джакомо в содружестве с Сухой Кожей, Шелковистым и Небесным Глазом, провели большую часть последних двух дней детально разрабатывая эти чертежи. В данный момент Небесный Глаз преставлял чертежи на одобрение Каменщика.

— Он уж точно не выглядит, как Корабль Правосудия, — заключил Ганс. — Он выглядит, как отличная баржа.

Восьми метров в длину, со сверкающей красной поверхностью, с лазерными и солнечными парусами, прикрепленными на корпусе, с двумя изогнутыми манипуляторами, с надежными защитными приводами, реагирующими на материю и антиматерию, «Троянский Конь» напоминал собой продукт ранних технологий изготовления межзвездных кораблей-путеше-

ственников.

Люди и Братья добились того, что корабль смотрелся невооруженным и безвредным настолько, насколько только может выглядеть невооруженным и безвредным космический корабль, отправляющийся в путешествие, — корабль, который может встретить в пути потенциальных как партнеров, так и противников.

— Момы говорят — построить такой корабль реально, — сказал Мартин. — Они сказали, он будет летать и даже будет удобен.

— А обмолвились ли они по поводу того, годимся или нет мы на роль союзников? — спросил Ганс. У него под глазами появились мешки. Он провел очень много времени в полном одиночестве, вот так же, как сейчас, сидя посреди каюты, скрестив ноги.

Вторая кушетка стояла пустой — Роза теперь только время от времени делила с ним апартаменты. Но по увядающим цветам в вазах можно было судить, что она не появлялась здесь несколько дней.

— Я не знаю, что они думают, — ответил Мартин. — Рекс дал толчок возникновению многих нежелательных для нас чувств у Братьев. Раз они столкнулись с этим…

— А если я прикажу казнить Рекса прямо здесь? Это что — сделает их счастливыми? — фыркнул Ганс.

— Нет, будет еще хуже, — сказал Мартин.

— Однако если они не любят нас, значит обязательно сделают какую-нибудь гадость через пару дней.

— С какой стати?

— Я сужу об этом на примере Розы, — объяснил Ганс. — Вот послушайте. Она отказалась трахаться, она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, — Ганс заговорил, имитируя глубокий, музыкальный голос Розы: «Я поняла, какой ты на самом деле. Ты насмехаешься надо мной, ты удерживаешь меня, мешая выполнять порученную мне миссию». — Он ухмыльнулся, — Ладно, по крайней мере, мне удалось надолго отвлечь ее от бунтарских мыслей. Неплохо было сделано, не правда ли?

Мартин отвернулся.

Ухмылка Ганса исчезла.

— Мартин, но она же действительно воскресла для Работы и какое-то время была даже полезна нам. Но, черт побери, все эти ее истерики! — И он снова передразнил Розу: «О, Ганс, мы согрешили. Мы недостойны нашей Работы». Интересная

трактовочка, не правда ли?

— Где она сейчас? — спросил Мартин.

— Не знаю.

— Я попрошу Ариэль присмотреть за ней.

— Не знаю, есть ли вообще такой человек, который сможет контролировать ее действия. Ее нужно запереть на замок. Иначе она всех нас возьмет за горло, — Ганс поднял жезл и вновь уткнулся в чертежи будущего корабля, — Что происходит на борту корабля?

— Момы и Матери Змей считают, что маловероятно, что убийцы что-то знают о Братьях. А Братья, в свою очередь, согласились с тем, чтобы команда была составлена из людей…

Ганс залился смехом, от которого у Мартина мурашки пошли по телу:

— О, как они добры! Ну, конечно, как же иначе! Ведь это, скорее всего, миссия самоубийц!

— Не приписывай им того, чего нет, Ганс, — с возмущением произнес Мартин. — Они так же, как и мы, хотели бы выполнить Работу.

— Лично я предпочитал бы смотреть на это со стороны.

— А мне кажется, что по психологическим и политическим соображениям было бы лучше всего, если бы шанс остался у нас, но Братья бы

тоже присутствовали на борту корабля.

Ганс, прищелкивая языком, вертелся вокруг изображения корабля.

— А если мы столкнемся на Левиафане с местными жителями, как мы объясним то, что у нас на борту два рода существ?

— Хаким и Джакомо по этому поводу разработали целую легенду. Два различных вида разумных существ из одной звездной системы скооперировались после нападения на них внешних врагов. Альянс довольно хрупкий, но команда дисциплинированная…

— Ну что ж, в придумывании историй мы, кажется, переплюнули Братьев. Ну и где же находится наша звездная система?

— Хаким разыскал на звездном небе звезду в сорок световых лет от Левиафана. Это означает, что «Троянскому Коню» теоретически понадобилось бы около четырех сотен лет, чтобы добраться сюда. Команда в это время по легенде находилась в глубоком сне.

— Ну, а что разогнало это корыто до скорости в одну пятую световой?

— Толчок лазера и работа солнечных парусов. Никакой антиматерии, никаких технологий трансформации, никакой саморегулировки.

— И ты думаешь, убийцы не догадаются, что все это — чушь собачья? Поверят, что на расстоянии сорока световых лет они не смогли засечь трассерный след от запуска нашего корабля? — недоверчиво поморщился Ганс.

— Корабль такого размера и световой трассер на расстоянии сорока световых лет не заметить вполне реально. И момы подтверждают, что такая хитрость может сработать.

Ганс снова пощелкал языком, затем, отвернувшись, с неохотой произнес:

— Если они говорят, значит, так оно и есть.

— А чертежы ты одобряешь? — спросил Мартин.

— Да, они по душе мне. Ну и что же дальше?

— Решение принимать тебе.

— О, я рад, что вы и мне что-то оставили.

Мартина задела насмешка:

— Если у тебя какие-то проблемы со мной или с кем-то другим, выкладывай лучше сейчас, — сказал он.

Ганс мрачно покосился на него:

— Я беспокоюсь о моральном климате в команде. И будь я проклят, если я вижу хоть какое-то решение.

— Изолируй Розу, — предложил Мартин.

— На корабле находится около двадцати Венди и Потерянных Мальчиков, которым очень не понравится, если я это сделаю.

У в конец сбитого с толку Мартина от удивления приподнялись брови.

— Ладно, я подумаю над все этим, — уже более жизнерадостно произнес Ганс. Затем он скривил лицо и махнул рукой, будто бы отгоняя муху. — А, черт с ним. Забудь все, что я говорил. О Братьях и о людях. Вы выбрали команду из людей. Мне тоже хотелось бы быть на этом корабле, но я не думаю, что это будет оптимальным вариантом. Так что выбирать тебе. Ты снова персона номер один, по крайней мере, будешь им на борту «Троянского Коня».

Мартин, выжидая, постоял еще немного, но Ганс больше ничего не произнес — он углубился в раздумья.

За два дня до разделения люди и Братья казались полностью изнуренными от бесконечных тренировок и горячих дебатов. Левиафан становился все больше в диаметре, уже реально было связаться при помощи дистанционной связи с самой его дальней точкой. Однако у Мартина уже и без этого скопилось столько информации, что он был не в состоянии поглотить ее. Даже в часы

отдыха — один или два в день, когда он спал, он видел во сне причудливые очертания Левиафана — и не одного, а не меньше двенадцати сразу.

Теодор Рассвет в его снах постоянно сидел вместе с ним в библиотеке и перелистывал книгу за книгой. Когда ему, наконец, надоело рассматривать пугающие иллюстрации и выкладки, он со смешком подбросил книги в воздух:

— Мы всегда знали, что умрем, не так ли, Мартин?

— Но ты уже мертвый, — напомнил ему Мартин.

— Мы их братья по крови. Даже если умрем, мы все равно станем ими.

— Кем — ими? — перспросил Мартин. Он не понял, кого Теодор имел в виду — Братьев или убийц.

Он проснулся с вибрирующим жезлом в руках, но так и не получившим ответа.

— Предлагаю назвать корабли — «Борзая», «Дятел» и «Троянский Конь», — указывая на чертежи, объявил Ганс находящимся в учебной комнате Небесному Глазу, Шелковистому, Каменщику, Паоле, Мартину и Ариэли.

Планировалось, что Небесный Глаз и Ариэль будут находиться с Мартином на «Троянском

Коне», Каменщик — на «Дятле».

Ганс тем временем продолжал:

— Вот какова наша легенда: мы — два вида разумных существ — посланники молодой, довольно-таки примитивной цивилизации, расположенной в четырех сотнях световых лет отсюда. Необходимо выглядеть в глазах убийц безобидными, убедить их в том, что с тех пор, как «Троянский Конь» покинул свою планету, прошло около четырех веков. За это время цивилизации могли уйти в своем развитии достаточно далеко… Донна Изумрудное Море и Шелковистый смоделировали соответствующие костюмы, — Ганс улыбнулся, — Все это похоже на вымысел, о сути которого с таким интересом расспрашивали Братья.

— Нет, это ложь, — запротестовал правдолюбец Каменщик. — Разница очевидна, мы мы думаем.

— Стратегически, нет никакой разницы, — не сдавался Ганс. — «Борзая» и «Дятел» начинены оружием и горючим в таком количестве, которого достаточно, чтобы приготовить отбивные из четырех планет или же разнести на кусочки одну из них. Все это, правда, реально только в том случае, если нам не помешают защитой… Итак, команда людей готова.

— Братья тоже готовы, — отозвался Каменщик, обдав окружающих ароматом спелых фруктов и свежескошенной травой.

— Тогда мы принесем план для ознакомления обеим командам. — Ганс поднял руки, Братья, в свою очередь, высоко подняли головы. — Будем мужественны! — Ганс задумался, — Как же вам это перевести?

— Мы мы поняли. И об этом говорит мы наш запах, — ответил Каменщик.

Мартин проснулся от легкого прикосновения к плечу. Видимо, сон сморил его внезапно, он лежал у стены, в учебной комнате. Мартин потер глаза и разглядел стоящую перед ним на коленях Эйрин Ирландку.

— Переусердствовал в тренировках? — насмешливо спросила она.

Мартин вскочил и потянулся. Он смущенно заметил:

— Да вот, пытался выспаться перед суперторможением.

— Ну-ну, — недоверчиво проронила Эйрин и поспешила объяснить причину своего прихода. — Донна руководит обмундированием Венди и Потерянных Мальчиков. Момы достали материал и нужные выкройки. Мы подумали, что

ты пожелаешь взглянуть, что получается. Мне кажется, что неплохо.

— Я уверен в этом, — сказал Мартин и направился вслед за Эйрин, переступая через тела спящих. Букет Ароматов и Сухая Кожа около звездной сферы совещались с Джакомо. Все, за исключением Эйрин, выглядели утомленными; она же, как всегда, была спокойно уверенной, ясноглазой.

— Где сейчас Ганс? — поинтересовалась Эйрин, прокладывая путь.

— Когда я видел его в последний раз, он обсуждал план сражения с Каменщиком, — ответил Мартин.

— А команда «Троянского Коня» ознакомлена с этим планом? К примеру, они знают, как себя вести, если их захватят в плен?

Мартин тряхнул головой:

— У нас не будет оружия. Что мы сможем сделать?

— Молиться, я думаю, — коротко бросила Эйрин. — Мы работаем в каюте Кимберли Кварц…

Внезапно им навстречу вышли Роза и Жанетта Нападающий Дракон. Они перегородили им путь.

— Мартин, нам необходимо переговорить с

тобой, — заявила Жанетта.

Эйрин отступила в сторону:

— Только не очень долго, — попросила она. — Я собиралась показать ему костюмы.

— Маскарадные? — с сарказмом уточнила Роза. Она выглядела даже более изнуренной, чем Ганс.

— Тебе бы лучше уйти, — глядя на Эйрин, неожиданно произнесла Жанетта. Эйрин вопросительно посмотрела на Мартина.

— Если она захочет, пусть остается.

— Это сугубо личный разговор, — подчеркнула Жанетта.

— Хорошо, хорошо, пусть она остается. Пожалуй, мы так даже быстрее закончим, — согласилась Роза и повернулась к Мартину, — Мы хотим сообщить тебе, что вновь созданной командой выбираем нового Пэна.

Мартин обхватил себя руками за плечи — он слишком устал, чтобы как-то выражать удивление.

— Ну и? — только и произнес он.

— Мы приглашаем тебя присоединиться к команде. Некоторые считают, что именно ты достоен занять это место.

— Например, я, — уточнила Жанетта. Складывалось впечатление, что ей не хотелось, чтобы

Мартин разочаровался в ней.

— Что значит — новой командой? — спросил Мартин.

— Команда разделилась, — начала объяснять Роза. — Те, кто со мной, должны иметь свободу выбора. Те, кто с Гансом… Впрочем, это их дело. Так ты присоединяешься к нам?

— В соответствии с поставленными задачами мы делимся не на две, а на три команды, — напомнил Мартин. — Но в наших планах нет того, чтобы позволить вам или кому иному захватывать корабль.

— Мы проголосовали за разделение, — лицо Жанетта покраснело, руки дрожали. — Не пытайся остановить нас, Мартин. И Гансу тоже не стоит этого делать. Это только докажет нам, что мы потеряли свободу.

— Я пришла к выводу, что Левиафан не виновен. Мы не туда направляем наши усилия, — объявила Роза.

— Тебе об этом сказали? — безо всякого сарказма спросил Мартин.

— Да, мне сказали, — ответила Роза. Эйрин подняла глаза и в удивлении склонила голову вбок.

— Давайте поговорим об этом с Гансом, — предложил Мартин.

— Ганс — наш враг, — сказала Жанетта. — Он…

— Пожалуйста, не надо, не говори так, Жанетта, — Роза прикоснулась к руке девушки. — У нас нет врагов.

— Как много людей думают так же, как и вы? — полюбопытствовал Мартин.

— Достаточно, чтобы что-то изменить.

— Тогда я должен встретиться с вашими людьми, — сказал Мартин.

— И не расскажешь ничего Гансу? — решилась уточнить Жанетта.

Роза пристально наблюдала за Мартином, взгляд ее был напряженным, но не взволнованным.

— Гансу я не скажу. Эйрин, я посмотрю костюмы попозже.

Эйрин кивнула и пошла вперед.

— Но пусть все сказанное сейчас останется между нами, — крикнул ей вслед Мартин.

— Хорошо, хорошо, это будет вашим секретом.

— Я позову людей, — сказала Жанетта.

— Да, да зови, — кивнула Роза. Жанетта спустилась в коридор и скрылась за углом. — Ганс говорил мне, что все, что мне сообщают — полнейшая ерунда. А еще он говорил мне, что, если я получу какую-то привилегированную информа-

цию, не стоит ее никому сообщать.

— Я все понял, Роза, — откликнулся Мартин.

— Но ведь тебе однажды пригодилась моя информация, не так ли?

Мартин не видел причин лгать:

— Да, она была весьма кстати.

— Но Ганс очень плохо влияет на тебя. Согласись, ведь ты думаешь, что если я поддержу его и его планы, мы с ним скооперируемся, да?

— Мне кажется, это было бы неплохо.

— Нет, это было бы плохо. Ганс выжимает из меня только то, что ему самому нужно, а мне хочется делать то, что я сама считаю нужным. Честно говоря, я потеряла наивность тех времен, когда я поступала согласно услышанному слову.

— Слову Бога?

Роза пожала плечами:

— Кто-то ведь разговаривал со мной. Назови его Богом, если тебе нужно имя. Я же его считаю просто нашим другом. Мы живем, как в тумане… А он явно помогает нам выйти из него.

Вернулась Жанетта.

— Мы готовы к встрече, — сказала она.

Роза занимала несколько помещений по периметру второго дома-шара.

Пятнадцать Венди и пять Потерянных Мальчи-

ков затерялись меж цветов. Рекс Дубовый Лист, сидящий на корточках на полу рядом с клумбой с розами, пристально взглянул на Мартина, затем, после короткой, но очевидной, борьбы с собой, отвернулся. Воздух был перенасыщен малоприятной смесью запахов цветов и людского возбуждения.

Роза шагнула в центр комнаты.

— Я позвала сюда Мартина, чтобы познакомить его с нашей позицией, — сказала она. — Мы не планируем поднять мятеж. Мы просто просим разрешить нам идти своим путем. Мы не хотим больше следовать Закону.

Как они могут так говорить? Неужели они не чувствуют, как пепел погибшей Земли стучит в их сердцах?

— Мы не потерпим потери такого множества людей, — предупредил Мартин. — Хотя я вас, конечно, выслушаю.

— Объединяющий нас альянс неприемлем, — объявила Роза. — Братья не любят нас, и, в свою очередь, большинство из нас не чувствуют себя комфортабельно с ними.

— Но мы по-прежнему работаем с ними, — возразил Мартин. — И чувствуем себя, на мой взгляд, достаточно хорошо. По крайней мере, большин-

ство из нас. — Он бросил взгляд на Рекса, но Рекс смотрел в сторону.

— Мне сказали, что их Работа совершенно не подходит нам, — продолжала Роза. — У нас различные моральные устои.

— Из того, что я видел, можно сделать вывод, что их моральные устои выше наших, — сказал Мартин.

— Они другие, и этим все сказано. Мне сказали, что не нужно смешивать наше предназначения с предназначением тех, кто не является людьми.

Что это — отвращение в глазах Лорда? Прозвучали в сознании Мартина слова Теодора Рассвета, тон был горьким, голос гнусавым — карикатура на все то, что так ненавидел Теодор.

— Но я совсем не вижу разницы, — заявил Мартин.

— Мне так сказали, и для нас этого достаточно, — сказала Роза.

Он решил, что наступил решающий момент.

— Мы не сможем обойтись без вас. Если вы покинете нас, мы не выполним Работу.

— Наша Работа — это просто месть. К тому же, мне говорили, что обитатели Левиафана невинны.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказала все, что

слышала, — Мартин выдавил из себя улыбку, стараясь скрыть раздражение.

— Хорошо, — кивнула Роза, — я расскажу тебе.

— А кто еще слышит голоса? — обратился Мартин к окружающим.

Пятеро Венди и Трое Потерянных Мальчиков подняли руки, среди них был и Рекс.

Жанетта заявила:

— Сама я не слышу голосов, но уверена, что это правда. — И она была не одинока в своем мнении.

— Мы отыграемся на невиновных, — сказала Роза. — Месть — это прямой путь к духовной смерти. Мы не можем следовать Закону, если Закон жесток и несправедлив.

У Мартина не было времени на обдумывание, как правильнее вести себя с Розой.

— Но мы же следовали ему прежде, — начал он, чувствуя, что слова застревают у него в горле. Он сглотнул слюну и приложил руку к шее. — Роза, здесь таится опасность. Вы можете разорвать команду на части. Ты говоришь, что беседуешь с самим Богом…

— Я не говорила этого, — возразила Роза.

— Но ты говорила, что знаешь путь к истине. То есть — мы можем обращаться к тебе за советом,

как нам поступать…

— Лучше ко мне, чем к Гансу.

— А ты понимаешь, что хочешь перечеркнуть все, на что мы положили все свои жизни…

— Но если это неверный путь, оттого, что мы положим на него свои жизни, он все равно не станет праведным.

— Но где доказательства твоей правоты, Роза? Ты считаешь пророчество авторитетным источником?

— Для нас его достаточно, — заявила Жанетта. — В нем гораздо больше смысла, чем во всем том, что можешь сказать нам ты.

— И вы хотите все бросить… из-за этого пророчества? Все, все… ваши надежды, ваше самоуважение, все пережитые беды… бросить все это к ногам Розы?

— Мы устали, Мартин, — сказал Кай Ворон. — К тому же, месть ни к чему хорошему не приведет.

— Месть против невиновных будет проклята, — подчеркнул Джэкоб Мертвое Море. Атилла Карпаты, Терри Флоридская Сосна, Алексис Байкал и Друзилла Норвежка — все дружно закивали, в поисках поддержки поглядывая друг на друга. На лицах некоторых было написано блаженное послушание — это были уже не люди, исполня-

ющие высокое предназначение, а послушное стадо овец.

Роза их всех «слопала».

Однажды она была близка к тому, чтобы слопать и Мартина. Он с содроганием подумал: а что было бы, если бы и он попал под Розино влияние? Так же бы, как и они, подрывал бы Работу и протестовал бы против введения в силу Закона?

— Вы не уполномочены судить одни: виновны они или не виновны, — сказал Мартин. — Решение выносит вся команда.

— Она всегда раньше и судила, — заметила Роза. — Но мы больше не намерены делать то, что решат другие.

— Мы не можем себе позволить потерять вас, — вновь повторил Мартин, хотя уже понял, что они потерял их, Роза была сильнее.

— Вы уже потеряли нас, — то же самое сказал и Кай. — Что вы можете сделать с нами? Запереть под замок?

— Да, заприте нас, — предложил Рекс. — Этим самым вы оградите нас от Братьев.

— Никто из нас не желает контактировать с Братьями, — подчеркнула Роза. — Мы хотим…

— Что это — перечень ваших требований? — перебил ее Мартин.

— Выслушай ее, — уже угрожающе сказал Рекс.

Роза подняла руку.

— Это перечень фактов, — мягко поправила она. — Мы теперь полностью автономны. Мы выработали свои собственные правила. Мы будем жить отдельно, не контактируя с Братьями. На корабле полно мест, где можно жить, ни с кем не сталкиваясь.

— И вы не будете препятствовать желающим присоединиться к нам, — добавила Жанетта.

— Да, тот, кто пожелает присоединиться к нам, не должен сталкиваться с преградами, — подтвердила требование Роза.

— Но только не Братья. Мы не совместимы друг с другом, — сказал Рекс.

— Считайте, что семья распалась, — провозгласила Роза. — Но у нас родилась новая.

Мартин сообщил о случившемся Гансу. Вазы с цветами в его каюте были передвинуты на второй план. Ганс лежал в гамаке, заложив руки за голову и крепко зажмурив глаза, отчего вокруг них появились морщины.

— Она сделала шах в цейтнотной для меня ситуации, — мрачно произнес Ганс. — Я в безнадежном положении. Все, что я ни предприниму — все обернется дерьмом. У нас нет времени

устраивать трибуналы. Завтра мы разделяемся — и кто их возьмет? По-моему, Кай вызывался быть добровольцем на «Троянский Конь».

— Да, он и Терри Флоридская Сосна, — добавил Мартин.

— Мы можем довольно-таки легко перевести их на другой корабль, — заметил Ганс.

— Они не могут работать с Братьями. Они должны быть изолированы.

Ганс взглянул на Мартина с выражением, которое тот назвал бы злобно испуганным, если бы не понимал, что это просто защита. Ганс не мог выглядеть испуганным, это было не в его репертуаре, ведь Мартин знал Ганса с детства. Что сейчас требуется от всех нас — сдерживать себя, быть гибкими, прислушиваться к тому, что заложено в нас самой природой?

— Я не могу сложить с себя свои обязанности, — заметил Ганс, — как бы этого мне ни хотелось.

— Жанетта предлагает, чтобы Роза заняла твое место, — сказал Мартин.

— О, тогда бы Роза все перевернула по-своему. А интересно, что бы сделали в таком случае момы? Я имею в виду, чтобы они предприняли, если бы мы отказались подчиняться Закону? Выбросили бы нас за борт, как презренных трусов?

Мартин не отвечал.

— Интересно, а что случается с мертвым кораблем? Он, что — самоуничтожается, чтобы не достаться врагу? О Боже, я не желал бы этого.

Сузившиеся глаза, испуганный взгляд: нет, это была не только защита, Мартин теперь ясно видел это. Ганс, казалось, просто безвольно выжидал.

— В любом случае, мы должны действовать быстро, — сказал он.

— Ты Пэн, — напомнил ему Мартин.

Ганс снова бросил на Мартина быстрый взгляд и резко опустился в гамак.

— Я понимаю, что ты вкладываешь в эти слова, но я уже говорил тебе, что нахожусь безнадежном положении.

Полный паралич.

— Если ты все бросишь, победит Роза.

— А разве не проще довериться ее материнским рукам? — сказал Ганс, скрещивая ноги и откидываясь назад. — Давайте все присоединимся к ней. Пошлем подальше нашу Работу. Пошлем подальше Закон. Готт мит унс, — на лице Ганса появилась усмешка. — Я знаю, ты считаешь меня невежей. Не таким начитанным, как ты сам, или Эйрин, или Дженнифер, или Джакомо. Но я

изучал историю. Отровенно говоря, наш случай ничем не оригинален. Как и всегда в истории — череда ошибок, а затем бесконечные попытки исправить их. А впереди — пропасть, смерть. И по большому счету от нас ничего не зависит.

— Будучи Пэном, ты сделал много полезных вещей, — заметил Мартин. — Я никогда не считал тебя дураком.

— Ну хоть это радует. По правде говоря, я всегда ощущал, что соревнуюсь с твоей тенью, Мартин. Команда постоянно судила меня, сравнивая с тобой. Вот почему я попросил тебя заменить Рекса. Но я еще не раз удивлю тебя, Мартин.

Мартин покачал головой:

— Сейчас не время для этого, мы ведь еще не решили наших проблем.

— Да, времени у нас в обрез, — неожиданно бодро произнес Ганс. — Но ведь осталось сделать последний шаг, не так ли?

— Ни одна из планет рядом с Левиафаном не пострадала от взрыва Полыни, — сообщил Джакомо. — Но думаю, что если и на «Троянском Коне» не окажется повреждений — это вызовет у них подозрения. Нам следует послать по радиосвязи сигнал — просьбу о помощи.

— По радиосвязи? — переспросил Ганс.

— А почему бы и нет? — сказал Джакомо. — Мы же невинные, забревшие сюда без определенных целей путешественники, не так ли?

Ганс ухмыльнулся в ответ, затем поинтересовался:

— А сможем мы пользоваться «ноучем»?

Джакомо взглянул на Дженнифер, потом на Мартина:

— Не вижу причин отказываться от него. Но пользоваться секретно, конечно.

— «Ноуч» не может быть обнаружен между передатчиком и получателем, — дала справку Дженнифер. — Ведь никакого канала нет.

— Кораблям лучше держаться поближе друг к другу, как можно дольше, — сказал Мартин.

Джакомо обрисовал предполагаемые маршруты кораблей:

— «Дятел» расстанется с «Троянским Конем» только, когда тот перейдет на орбиту вокруг зеленого мира, и после этого около четырех десятидневок будет двигаться на расстоянии десяти миллиардов километров. А с «Борзой» «Троянский Конь» разойдется примерно через месяц, после того, как мы приспособимся пользоваться дистанционной связью.

— Мы, конечно же, можем приспособиться, —

заметил Хаким, — но при этом увеличатся шансы быть обнаруженными.

— Но других видов связи у нас нет. Абсолютно беззвучных.

Паола оглянулась на Мартина, ища у него поддержки. Какое-то время ее взгляд метался между Мартином и Гансом.

— У Паолы есть уже готовые списки команд всех трех кораблей, — сказал Мартин.

Паола показала составленные списки:

— Мы с Вдвое Выросшим тщательно проработали списки, постарались составить оптимальные комбинации. Там, где мы не могли решить, мы бросали жребий. Но все это, конечно же, еще будет представлено на одобрение Ганса и Каменщика.

— А с кем остается Роза и ее группа? — поинтересовался Ганс.

— Я разместила их как пассивную группу на борту «Борзой». Я сообщила это Розе, но она никак не отреагировала.

Ганс тряхнул головой:

— Мы носимся с ней, как со знатной персоной.

— Но я не знаю, что еще придумать, — робко произнесла Паола.

Ганс раздраженно скривил лицо:

— Забудь о ней. Это не твоя забота. Он будет находиться там, где ее поместят. И пусть не думает, что кто-то будет интересоваться ее мнением. Нам необходимо создать небольшую группу полицейских на тот случай, если Роза и ее группа выйдут из повиновения.

Воцарилась тишина.

— Ну, и кто же отправится в столь заманчивое путешествие? — шутливо поинтересовался Мартин, стараясь отвлечь команду от неприятных мыслей.

Паола огласила списки.

Список «Троянского Коня» состоял из десяти людей и десяти братьев: Мартина, Ариэли, Паолы, Хакима, Чэма, Эйрин, Георга Демпси, Донны Изумрудное Море, Эндрю Ягуара, Дженнифер, Вдвое Выросшего, Небесного Глаза, Сухой Кожи, Шелковистого, Зеленого Шнура, Двойного Поворота, Букета Ароматов, Пронизывающего Взгляда, Натянутой Струны и Бешеной Скорости.

Гансу предписывалось быть на «Борзой», Каменщику — на «Дятле». На «Борзой» был перевес людей, на «Дятле» — Братьев. Паола также ознакомила всех и со вторым, и третьим списками.

— Я уже вскоре решу, одобряю ли я такие составы, — пробежав глазами имена, пообещал

Ганс. — Но, все-таки, мне нужно немного подумать. Выйдите все. Мартин, а ты останься.

После того, как все удалились, Мартин и Ганс вновь вернулись к спискам, обсуждая всех поименно. Причем, Ганс задавал вопросы, а Мартин старался на них отвечать как можно четче.

— Ты и Чэм на одном корабле — два бывших Пэна. Может быть, ты предпочтешь кого-нибудь другого?

— Мне необходима поддержка Чэма.

— Сможешь ты работать с Небесным Глазом?

— Сработаться с Братьями не представляет труда. И ты отлично это знаешь.

— Извини, это нервы. А Ариэль?

— Она изменилась.

— Я заметил. Она положила на тебя глаз, Мартин.

— Я бы не сказал.

— Тебе следует обратить на нее внимание. Она умна, отличный боец, имеет сильно выраженный инстинкт выживания. Да, да, приглядись к ней. Я слышал, ты однажды трахнул Паолу…

Мартин постарался сохранить безразличное выражение лица. Ганс заулыбался, он понял, что попал в точку.

— Так вот, Паола совсем не для тебя, поверь

мне.

— Нам было хорошо друг с другом.

Ганс поджал губы:

— Ну и отлично. И все же, на твоем месте я выбрал бы Ариэль, несмотря на то, что она смешивала тебя с дерьмом, когда ты был Пэном.

Мартин холодно смотрел в сторону.

— Ну хорошо, хорошо. Иногда ты становишься упрямым ублюдком, но, может быть, это и к лучшему. Есть в этом списке кто-то, кто тебя не удовлетворяет?

— Нет, — ответил Мартин.

— Тогда принимаем.

Жезл Ганса внезапно зазвонил. Эйрин взволнованным голосом попросила разрешения войти. Ганс открыл дверь, и в комнату ворвались не только Эйрин, но Ариэль и Кай.

— Роза мертва, — прерывисто дыша, проговорила Эйрин. — Несколько минут назад мы обнаружили тело в ее комнате.

— Это вы убили ее, — Кай указал на Ганса и Мартина. — Вы убили ее!

— Как она умерла? — спросил Ганс. Он медленно опустился на кушетку.

— Она была убита, — закричал Кай. — Это ты убил ее!

— Заткнись! — процедила Ариэль и, обращаясь к Мартину, сказала, — Но она действительно убита, Мартин.

— Когда это случилось?

— Меньше часа назад, — ответила Эйрин. — Там… — Она замолчала не в состоянии говорить.

— … еще не высохла кровь, — закончила за нее Ариэль.

— Кто нашел ее? — спросил Мартин.

— Я, — отозвался Кай голосом маленького мальчика, он был в шоке.

— Кто еще знает об этом? — поинтересовался Ганс.

— Я должен рассказать это другим, — Кай неуверенно шагнул в направлении двери.

— Воздержись, — приказал Ганс. — Сейчас мы все вместе пойдем в ее каюту. Не следует никому ничего рассказывать, пока мы не поймем, что случилось. Кай, ты идешь с нами.

Кай уставился на Ганса:

— Ты что, думаешь, это я убил ее? Ты — затраханное ничтожество.

— Прекратите, сейчас же прекратите! — закричала Эйрин. Она старалась, но никак не могла унять нервную дрожь.

— Мартин, нам следует немедленно связаться с

момами, — сказала Ариэль.

Мартин достал жезл и, вызвав мома, попросил его, как можно быстрее встретиться с ними в Розиной комнате.

Роза лежала лицом вниз, одна ее рука была закинута за спину, другая вытянута вдоль тела. Рыжие волосы Розы разметались, перемешались со сгустками крови, подбородок был также весь в крови, вытекшей из рассеченной губы. Лицо казалось ужасающе расслабленным — лицо мертвеца, которому уже нет ни до чего дела.

Мартин склонился над телом, Ганс встал на колени рядом с ним — нахмурившись и смотря искоса.

Мом парил над головой Розы. Мартин прикоснулся к ее шее, к тому месту, где должен бить пульс. Ничего.

— Она мертва, — констатировал мом.

— Нам нужно перевернуть ее, — сказал Мартин и оглядел присутствуюших, как будто бы ждал, что кто-то остановит его и скажет, что этого делать не стоит. Но никто не протестовал.

Кай шагнул вперед, Ганс отошел в сторону. Кай и Мартин взялись за Розу — тело уже начало остывать, но еще не достигло комнатной температуры. Кай ухватился за ногу, а Мартин — за

плечо. Осторожно, как только могли, они начали ее переворачивать.

Когда тело перевалилось на спину, глазам представилась ужасная картина. Там, где до этого лежала голова, осталась лужа крови, в которой по-прежнему плавали прилипшие к полу волосы.

Жанетта застонала. Эйрин стояла бледная, как смерть, ее тошнило.

— Что нам делать? — спросил Мартин.

— Розе Секвойе теперь никто не поможет, — сказал мом.

— Вы знаете, кто убил ее? — спросила Эйрин.

— Нет, мы не знаем, кто убил ее.

Кай пригвоздил взглядом Ганса:

— А где ты был час назад?

Мартин поспешил ответить:

— Он последние два часа провел вместе со мной. Я не думаю, что ее убили раньше часа назад.

— Смерть наступила пятьдесят две минуты назад, — уточнил мом.

Лицо Кая перекосилось:

— А почему мы должны тебе верить? — спросил он Мартина.

— Я верю Мартину, — сказала Жанетта, обхватила себя руками, пытаясь унять озноб. — Ее убил

кто-то другой.

— Но за что? — воскликнула Эйрин.

— Потому что она говорила правду божью, — ответил Кай. — Вы позволите нам рассказать о случившимся остальным, или вы будете делать вид, что ничего не случилось?

— Все узнают.

— И Братья? — спросила Ариэль.

— Они наши партнеры, — заметил Ганс. — Мы не должны иметь от них секретов.

Все боятся думать об этом, — сказал сам себе Мартин. Он пристально окинул взором горшки с цветами и всю окружающую обстановку, словно таким образом пытаясь обнаружить следы того, кто был здесь недавно. Но комната выглядела, как обычно, за исключением лужи крови и мертвого тела Розы.

— Вы желаете устроить церемонию? — спросил мом.

— Да, — ответила Жанетта.

— Мне хотелось бы, чтобы именно ты занялась этим, — сказал ей Ганс.

Они не хотят знать, кто убил Розу, — понял Мартин. — Они не ищут. — Лишь он один пристально оглядывался вокруг. Мартину захотелось, чтобы все они побыстрее ушли, чтобы он мог погово-

рить с момом один на один.

— Мартин, помоги Жанетте, — попросил Мартина Ганс. — Помойте ее… Оденьте в чистое… Что следует на нее одеть?

— Я не знаю, — сказала Жанетта и разрыдалась.

— Платье, — тихо предложил Ганс. Он переводил взгляд с одного лица на другое, — Она была моей возлюбленной, — сказал он, закрывая глаза. — Мы обязательно найдем того, кто это сделал.

Все ушли. Мартин и Жанетта молча раздели Розу и начали обмывать ее водой. Позже, пока Жанетта, всхлипывая, одевала Розу, Мартин более детально обследовал каюту.

— Она великомученица, — прошептала Жаннет. — Она умерла ради нас.

Мартин кивнул. Да, это была правда.

Момы не остановили это. Но они предупреждали и раньше — много месяцев, много веков назад — команда Корабля Правосудия была свободной.

Свободными в выборе — жить или умереть, убить или не убить.

Команда людей восприняла новость так, как Мартин и предполагал. Одни заплакали, другие

вскричали в гневе, третьи просто молча поглядывали друг на друга. Когда Ганс начал описывать детали, воцарилась тягостная тишина.

Только Вдвое Выросший был приглашен присоединиться к команде людей. Он молча выслушал доклад Ганса и перевод Паолы, не выказывая никаких эмоций.

Ганс закончил словами:

— Роза убита. Сомнений в этом нет. Но мы не знаем, кто убил ее, и не имеем времени найти убийцу до того, как корабль разделится. Несмотря ни на что первоочередной нашей задачей остается выполнение очередного этапа Работы. Но я хочу, чтобы наши партнеры, наши Братья, знали… — Гансу удалось найти правильные слова, дипломатические выражения, понятные и людям, и Братьям. Но затем он замолчал, и лишь спустя продолжительное время, встряхнув головой, продолжил, — Она заблуждалась…

— Недостаток неустойчивой натуры, — тихим голосом пояснила Паола Вдвое Выросшему.

— Все ужасно несправедливо, — Ганс снова тряхнул головой и сжал губы. — Через несколько часов Роза будет рециклиирована момами. Члены ее союза и прочие желающие могут взять что-нибудь на память из ее каюты.

Мартин очутился один на один перед момом, когда вошел в свой отсек. Он быстро закрыл дверь и спросил:

— Вы знаете, кто убил Розу Секвойа?

— Ганс уже задавал мне этот вопрос, — был ответ.

— Ну и?

— Мы ни за кем не подглядываем.

— Но вы же ведете медицинские записи…

— Мы следим за здоровьем индивидуумов, когда они находятся в публичных местах.

Мартин знал это, но он не мог не спрашивать — его мучала личная вина: он почувствовал, что смерть Розы принесла ему и облегчение, — и не только ему, он знал, что и Гансу тоже. Эта вина не давала ему покоя.

— Можете вы определить, кто был в ее комнате?

— Мы можем идентифицировать количество присутствующих в комнате, но иденфицировать личности мы не можем.

— Как много людей было у нее в комнате, когда она умерла?

— Один человек.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Что еще вы можете рассказать мне?

— Они занимались сексом.

Да, Мартин заметил следы засохшей спермы на бедрах Розы.

— Она была изнасилована?

— Нет.

У него перехватило дыхание, и внезапно резко заболела голова.

— Но вы не знаете, кто был с ней?

— Мы можем лишь подтвердить, что шестьдесят конкретных человек точно не были в Розиной каюте — сказал мом. — Остаются пятеро, которых мы не отслеживали.

— Вы можете назвать их имена?

— Их имена сейчас появятся перед твоим жезлом.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин.

Мом исчез, а перед Мартином появилась колонка из пяти имен. Любой из этих пяти мог убить Розу. Первое имя, которое бросилось в глаза Мартину, было — Рекс, затем Джакомо, Ариэль и Карл Феникс. Но Мартин не мог оторвать взгляда лишь от одного мерцающего имени — Рекса Дубового Листа.

Ганс настаивал на том, чтобы именно Мартин руководил похоронной церемонией. Жанетта

Нападающий Дракон неожиданно ограничилась краткой и холодной речью, где не было ни слова о Розиных сверхестественных талантах, ни слова о ее последователях.

Вместо этого Жанетта говорила о том, что за время путешествия Роза прошла путь от маленькой неловкой девочки, какой была раньше, до цветущей зрелой женщины.

Когда она закончила, Мартин почувствовал, что его глаза наполнились слезами. Они лишились последних иллюзий.

Церемония завершилась, Жанетта и Рекс Дубовый Лист были последними, кто покидал каюту Розы. Выйдя в коридор, Рекс пристально посмотрел на Мартина, глаза его были красными и опухшими, рот потрескавшимся.

Рекс никогда не был хорошим актером. Не играл он и сейчас.

— Слишком много трахался, — объяснил он Мартину свое состояние.

Каюту Розы закрыли, ее тело оставалось внутри. «С глаз долой, из сердца вон» — корабль беззвучно и быстро справился со своей работой, останки Розы исчезли.

Когда народ разошелся, к Гансу и Мартину подошла Жанетта.

— Как мы и договаривались, — сказала она им, — никто из Розиных людей не вступит в бой. Мы хотим остаться в стороне.

— Я понимаю, — кивнул Ганс.

— Мы не будем принимать участие в голосовании, мы не хотим быть на «Троянском Коне», мы не будем оказывать вам никакой поддержки.

— От вас никто и не ждет этого, — сказал Ганс.

Жанетта смотрела куда-то между ними. Казалось, за короткий срок она стала намного старше. Медленно поворачиваясь, она задержала взгляд на Гансе, затем пошла прочь.

Волосы Ганса торчали в разные стороны, как колосья, он постоянно дергал их, глаза потемнели и заплыли.

— Ну вот это и позади, — пробормотал он и, обращаясь к Мартину, сказал, — Давай позволим всему идти своим путем.

Это было то немногое, что еще мог сделать Мартин.

Разделение должно было начаться менее, чем через шесть часов.

Мартин стоял рядом с Гансом в учебной комнате. Ганс вновь и вновь просматривал список, — людей, которые вместе с Братьями, сразу же после того, как они достигнут системы Левиафана,

должны были отправиться на «Троянском Коне». Вся команда собралась в центре комнаты перед звездной сферой — за исключением Розиных людей, которые скучились в углу.

Хаким и Джакомо доложили о наиболее важных результатах исследовательской работы. Затем, даже не заглядывая в список, Ганс начал выкрикивать имена тех, кто входил в состав команды «Троянского Коня».

Те, кого выкрикивали, улыбались и приветственно поднимали руки. Остальные выглядели разочарованными, правда до тех пор, пока Джимми Японец не произнес:

— Ну, что ж… В Долину Смерти отправляются только десять… Мы же будем отдыхать и ждать пинка в задницу.

Команда зааплодировала. Мартин подумал, — Удивительно, насколько мало изменилась военная риторика, будто бы это передается генами.

— Не десять, а двадцать, — поправил Ганс. — Не забывайте о Братьях.

Но недоверие к Братьям распространялось с неимоверной скоростью, и Ганс ничего не мог с этим поделать.

— Ну конечно, мы не забываем, — безо всякого энтузиазма заверил Джимми.

— Корабль начнет разделяться через час. Я останусь на «Борзой», Мартин — на «Троянском Коне». И если прежде все было в руках момов, то вскоре и мы получим свой шанс. — Он замолчал на какое-то время, уткнувшись взглядом в пол, затем продолжил, — моя интуицуия мне подсказывает, — команда напряженно замерла, — что здесь мы найдем то, что так долго искали. Именно для этого мы и объединились с Братьями — для того, чтобы свершилось Правосудие.

Я не имею так же складно говорить, как это делали прежние Пэны и не знаю, сумею ли передать словами все, что чувствую. Да, мы пережили и трагедии… Но сейчас нужно все отложить в сторону. Я не могу бросить дело на полдороге.

Сегодня, кстати, очередная годовщина того дня, как мы покинули Солнечную систему. И вот, наконец-то, дорога привела нас к убийцам Земли. И я знаю, что я должен делать. И все вы тоже знаете, что вы должны сделать.

Кажется, он сказал все, что следовало произнести в этом случае. Осталось только поставить точку.

— Ну, что ж, вперед, — сказал он.

Люди и Братья, вся команда «Троянского Коня» собралась в столовой. Мартин сидел, оперевшись

на стену, рядом с ним Хаким.

— Странно, но я не боюсь, — заметил Хаким, лицо его горело, как в лихорадке.

— Я тоже, — откликнулся Мартин.

— Но понимаешь, для меня страх был бы уместнее. Но я не боюсь. У меня такое чувство, будто я уже прожил долгую, долгую жизнь. И если написано мне на роду столкнуться лицом к лицу с шайтаном, то, чему быть, того не миновать. Аллах будет добр к нам… — Он сглотнул, — Послушай, тебя не раздражает упоминание имени божьего?

— Нет, — ответил Мартин и дружески потрепал Хакима по плечу.

— Я верю, что после смерти Розы Аллах все же не покинул нас.

— Конечно же, нет.

— Аллах ведь любил Землю, и он не может не любить слабых ее детей.

Мартин кивнул. Он увидел, что Ариэль, озираясь, кого-то разыскивает. Он улыбнулся ей, и прочитал в ее глазах вопрос, — Где же мне сесть?

Мартин указал на пустое место рядом с ним. Она села.

— Я думаю, нам следует провести голосование… кто будет Пэном. После того, как выполним Работу, — неуверенно произнесла Ариэль.

Мартин рассеянно кивнул.

— Бедная Роза, — прошептала Ариэль.

Мартин закрыл глаза. Рядом Хаким бормотал молитвы из Корана. Десять Братьев извивались в центре столовой. Небесный Глаз приблизился к Мартину.

— Мы мы приносим вам мы наши сожаления по поводу трагедии, — сказал он. — Но мы мы надеямся, что это не сделает вас менее работоспособными.

— Я ценю ваше сочувствие. — отозвался Мартин.

Паола приобняла Небестного Глаза:

— Мы постараемся выполнить нашу работу, как можно лучше.

Мартин вгляделся в это «лицо», — похожее на обтрепанный край веревки с глазами.

— В прошлом один из вас сказал, что люди знают о смерти и убийствах больше, чем Братья, — сказал Небесный Глаз. — Но это не так. Братья тоже боролись друг против друга, хотя и не тысячи лет, как вы.

Паола нервно засуетилась рядом с ними.

— Мы мы так же несем ответственность за эту вендетту, — продолжал Небесный Глаз. — Мы мы тоже согласились, когда мы нам предложили

выполнить Работу.

Он запах чаем и древесным дымком, — комбинацией ароматов, которая была не знакома Мартину.

— Я рад, что вы с нами рядом, — сказал Мартин.

— Пока не разрушили мы наш дом, — продолжал Небесный Глаз, — Братья думали, что во всем мире царит согласие. Мы мы предполагали, что другие звезды ничем не отличаются от мы нас.

— Мы в одной команде, — Мартин приподнялся и протянул руку. Небесный Глаз устремился навстречу, и Мартин крепко пожал жесткое плетение веревок.

Корабль начал издавать звуки, характерные для разделения корабля, уже хорошо знакомые людям. Дверь распахнулась, и в столовой появились мом и Мать Змей. Вокруг каждого из присутствующих автоматически появились поля — слегка вибрирующие, пастельной окраски. Мартин увидел, как Небесный Глаз, ведомый полями, подтянулся к центру. Люди оставались на своих местах.

— Через двадцать секунд торможение прекратится, — объявил мом.

Вновь пришло ощущение невесомости. Мартин

машинально проделал упражнения, контролирующие работу желудка и внутреннего уха.

— Разделение начнется через пятнадцать секунд, — сказал мом. Мать Змей издала низкие струнные звуки, затем — ударные щелчки.

Лестничные поля становились все ярче, послышался глухой шум переустраивающегося корабля; росла масса фальшивой материи. У Мартина поднялись волосы на голове. Он вспомнил о гибели разрушающегося корабля, потерявшегося в пустоте бесконечного пространства, вспомнил, как фальшивая материя отлетала, как скорлупа от яйца, вспомнил мумии команды, медленно кружившие, как облака пыли — до их прибытия никем не потревожанные.

Столовую обволокло. Поля спрессовали их внутри маленького, переустраивающегося пространства. Они теперь занимали спальню «Троянского Коня».

— Я рассказала Братьям об «Илиаде», — прошептала Паола Мартину и Ариэль. — Они были поражены. Мы выбрали другое имя для корабля — «Двойное Семя», для маскировки, чтобы не пришлось объяснять, почему мы называемся «Троянский Конь».

Шум усилился скрипящими и скребущими

звуками, гудением, как в испытательной трубе. «Троянский Конь — Двойное Семя» освободился от «Борзой» и «Дятла».

Все три корабля стали самостоятельными в пятидесяти миллиардах километров от Левиафана. Теперь у каждого был свой собственный курс и свой план действий.

— Суперторможение начнется через десять секунд, — объявил мом.

У них было достаточно времени приготовиться, но Мартина внезапно охватил страх, страх стать вечным рабом объемных полей. Он почувствовал, как поля медленно передвигаются от молекулы к молекуле, тщательно инвентаризируя его тело. Но был еще страх — страх дожить до того момента, когда корабли в случае удачи вновь воссоединятся, он знал: ложь и обман толкнут команды на преступление.

— Удачи, — сказала Ариэль.

Мартин постарался вызвать в памяти приятные воспоминания о Земле, вытеснить ими видения мертвецов.

Но вместо этого он увидел, с документальной жестокой неумолимостью, как вся команда поглощается фальшивой материей, как все они становятся безтелесными точками в простран-

стве, подчиненными внешней силе. Он увидел, как после выполнении Работы они, подобно кораблю «Беглецов Красного Дерева», просто растворяются в безбрежном пространстве.

Правосудие вершилось ценой их жизней. Фактически, они были никем — просто исполнителями чужой воли, вновь камнем падающими в ярко горящий костер, грозящий неминуемой смертью.

Его безголосый стон, как ему показалось, многократным эхом отозвался в окружающем пространстве. Если бы он открыл глаза, то увидел бы своих собратьев, мирно пытающихся хоть чем-нибудь заняться — беседующих или просто сидящих молча в ожидании, когда же все закончится. Однако Мартин предпочитал оставаться в одиночестве ночного кошмара.

Прошло двадцать два часа.

За час до окончания суперторможения, как и планировалось, Хаким послал в эфир первое сообщение в окрестности Левиафана. Он создал простой бинарный сигнал, повторяющий число «пи» и десять первых чисел натурального ряда. К Братьям за помощью Хаким не обращался, мамы предупредили их, что математика у Братьев весьма необычная и понять их непросто.

Сигнал согласовывался с маскировочной скоростью корабля. Он должен достигнуть миров Левиафана спустя двадцать три часа. «Троянский Конь — Двойное Семя» к этому моменту будет находиться всего в двадцати двух миллиардах километров от системы и станет легко распознаваемым для обитателей планет.

Момы проинформировали их, что с «Борзой» и «Дятлом» все в порядке, они действуют по плану.

Мартин выслушал робота, кивком подтвердил, что он все понял, и снова закрыл глаза, до сих пор не веря в свою реальность.

Ариэль коснулась его руки:

— Ты не выглядишь счастливым, — заметила она.

— Меня измучили кошмары, — объяснил он, встряхивая головой.

— Но ты же не спал.

— Не имеет значения.

— Хочешь поговорить?

— О чем?

— О том, что будет потом.

Он улыбнулся:

— Потом, когды мы выполним Работу? Или потом, когда закончится торможение?

— Обо всем, — ответила она.

Мартин теперь уже окончательно открыл глаза и с силой потер их, чтобы получше все рассмотреть. Он до сих пор все видел, словно в тумане, включая и Ариэль, опершуюся на локоть всего лишь в метре от него, — ее лицо было расплывчатым, глаза выделялись неотчетливо. Мартин сделал усилие, чтобы расслышать, что она говорит.

— Венди сошьют себе новые платья. Мы обручимся с планетой. Скажи, ты думал об этом?

Он отрицательно покачал головой.

— А я думала. Мне хотелось бы, чтобы все было уже позади, — расслабиться, сидя под палящим солнцем… и не тревожиться ни о чем. Как ты думаешь, люди на Земле так и делали?

— Предполагаю.

— Интересно, буду ли я хорошей матерью? Для своих детей, я имею в виду.

— Возможно.

— Я только недавно впервые задумалась об этом. Мои мысли… Я слишком долго была ребенком, мне трудно представить, что мы выросли.

— Ариэль, я что-то плохо соображаю сейчас. Давай, поговорим позже, хорошо?

— Как хочешь. Но ты ведь можешь и не отвечать. Просто выслушай.

— Ты знаешь, сейчас я не в состоянии даже выслушать.

— Хорошо, — согласилась она, — я подожду. Но мы ведь долгое время будем очень заняты.

— Это отлично, — сказал Мартин. — Значит, не будет времени думать.

— И ты слышишь голос? — Она шла по следу. — Я понимаю, мой вопрос звучит глупо, это могла бы спросить Роза. И все же, скажи, ты слышишь голос, который рассказывает тебе, что случится?

— Нет.

— А я слышу. Мы уцелеем, Мартин.

— Отлично.

— Все, я молчу, — она легла на спину и положила руки на живот. Мартин посмотрел на нее сверху вниз.

— Она не такая хорошенькая, как Тереза, — сказал ему внезапно возникший рядом с ним Теодор. — Но она искренная. И она умная. Это — не самый худший выбор.

— Заткнись, — прошипел Мартин.

Ариэль открыла глаза., но взгляд ее был безжизненным.

— Что ты сказал?

— Это я не тебе, — ответил Мартин. Он скользнул вниз и вытянулся рядом с ней. Затем по-

вернулся и обнял ее. Ариэль напряглась, затем вздохнула и расслабилась. Повернувшись лицом, она пристально вгляделась в него.

— Я знаю, что я не такая хорошенькая, как Тереза, — Ариэль была уязвлена его вялостью.

— Ш-ш-ш…

— Да, вы были отличной парой.

Он потрепал ее по плечу и прошептал:

— Спи.

Она пододвинулась ближе и сжала его руку своими длинными пальцами.

«Троянский Конь» закончил суперторможение, скорость его снизилась до десяти процентов световой. Объемные поля исчезли. Команда отдохнула пять дней, затем корабль приступил к более мягкому торможению, для того, чтобы войти в систему.

Первый ответ на их сигнал пришел от четвертой планеты, — легко расшифровываемый, близкий по коду к посланию Хакима. Начальные двенадцать чисел были представлены в двоичной системе.

Мартин ознакомился с посланием, сдерживая изумление. Простое подтверждение получения сигнала без каких-либо заключений и приглашений.

Просто предосторожность в лесу, полном волков. Или величайшее доверие, смешанное с покорностью…

Хаким отправил другое послание, на этот раз с образцами голосов людей и Братьев, произносящих приветствия, и со своим собственным, считывающим числа и знакомящим со списком физических и математических констант.

Мартин съел луковый суп и кусок пирога, и начал просматривать снимки четвертой планеты. Огромная, темного цвета, с длинными полосами облаков, широкими чернеющими океанами и светло-серыми материками.

— Когда другие корабли закончат суперторможение?

«Дятел» через пятьдесят четыре минуты, «Борзая» на час позже, — ответил Хаким. — Мы можем связаться по «ноучу» с ними прямо сейчас, если ты, конечно, хочешь.

— Ни к чему, — бросил Мартин. — Позволим им для начала получше скрыться. И нам нужно время, чтобы поработать над своей маскировкой и порепетировать.

— Звучит так, будто бы мы действительно собираемся играть в игру, как когда-то в школе, — заметила Эйрин, приближаясь, чтобы получше

рассмотреть четвертую планету.

— Нам следует подойти поближе, — сказал Мартин. Он огляделся и уверился в том, что, как он и предполагал, Братья скрылись от суперторможения, которое они переносили тяжелее, чем люди. Братья нуждались в двух часах отсутствия, чтобы привести себя в порядок.

Наконец, появился Небесный Глаз и подошел к Паоле. Он пах чем-то экзотическим, а чем конкретно Мартин не мог определить, — возможно, вином, корицей и горячей смолой.

— Мы готовы, — сообщил Небесный Глаз.

«Двойное Семя» несколько видоизменял свою форму, люди и Братья делали последние декоративные мазки.

В спальне поместили гамаки для людей и круглые спальные места для Братьев — серию обручей, внутри которых можно было расплести косы и повесить веревки, зацепясь клешнями.

Шелковистый и Паола служили переводчиками, когда Братьев вводили в курс дела.

— Четыре дня мы отведем под репетицию, — сказал Мартин. — Хаким и Точный Глаз будут постоянно следить за нашими изменениями. Каждые двенадцать часов мы планируем проводить короткие совместные совещания. Если

в какой-то момент кто-то из вас будет свободен от своих обязанностей, он имеет право немного отдохнуть. Ариэль и Паола вместе с Бешеной Скоростью будут координировать действия.

— Бешеная Скорость просит переменить ему имя, — сообщила Паола. — Он хочет называться Продолжительное Скольжение. Это более подходит ему. И более благородно.

— Не возражаю, — отозвался Мартин. Он последовал за Хакимом и Небесным Глазом в так называемый «кабинет ноучевой связи» — небольшое помещение, изолированное от внешних помех. Это была пустая кабина, в которой могли поместится только трое.

Вначале Небесный Глаз контактировал с «Дятлом». Связь была четкой, без помех. Шелковистый перевел Братьям текст: « Мы мы в безопасности и до сих пор объединены в гигантскую косу. Быстрой вам работы и непоколебимой отваги.

Послание с «Борзой» было очень кратким, но таким же оптимистичным: «Мы на планируемой орбите. Спрятались, — передавал Джакомо. — Все в нетерпении. Удачи!

— В Джакомо пропал поэт, — сухо заметила Эйрин. — Мы превозойдем их ожидания.

* * *

Хаким, Мартин, Паола и Небесный Глаз встретились во вновь оборудованном помещении командного пункта. На смотровой панели на фоне абсолютной тьмы легко можно было различить мерцание теперь уже не столь далеких звезд.

— Это великолепно, — воскликнул Хаким, дотрагиваясь до новой переборки, так отличающейся стилем от архитектуры момов. — Подобный корабль мог бы быть сделан и людьми, прошу извинения у Братьев!

— Мы мы чувствуем, что если просто путешествовать к звездам, то можно иметь такой корабль, — сказал Небесный Глаз.

Хаким кивнул, удовлетворенный:

— Но временами нам все-таки придется пользоваться дистационной связью момов…

Изображение четвертой планеты в звездной сфере росло. Мартин подошел поближе. Теперь достаточно ясно можно было рассмотреть, что это газовый гигант, — пятнистый с голубыми и зелеными пятнами, около пятьдесяти тысяч километров в диаметре, на его орбитах вращалась двадцать одна луна, возможно, и более. Во внешней атмосфере в зоне высокого давления

дрейфовали странные космические станции, диаметром около сотни километров, похожие на иглоподобные исследовательские зонды. Из центра каждой космической станции сквозь кольцо вырывалась яркая реактивная струя, огнем сверкающая в чистой внешней атмосфере. Выстреливающие гиперболические дуги плазмы с такого расстояния походили на остывшие волоски накала в электрической лампочке.

— Газ — это хорошо, — заметил Мартин. — И всего лишь десятки тысяч километров от нас. Да, интересно… газ поднимается из глубин, каким-то образом спрессовывается, ускоряется вот в этих кольцах и выводится на орбиту. Впечатляюще.

— Они демонстрируют технологию преобразования материи прямо здесь, — поразился Хаким. — Они даже не скрывают этого. Таким образом, они создают материю, пригодную для использования именно здесь, на данной глубине. И заметьте, мы видим только конец длинной цепочки технологий, которые они уже освоили.

Небесный Глаз зашуршал и запах камфорой и сосной.

Картина на сфере поменялась. Теперь на ней появилась другая планета, номер двенадцать, — та, что была на полмиллиарда километров ближе к

звезде. Это была каменистая планета, диаметром в десять тысяч километров. С этой дистанции уже просматривались огромные массивы белоснежной поверхности, а также темно-коричневой с рассеянными рыжеватыми пятнами.

— Точное заключение можно сделать на расстоянии около четырехсот километров, — сказал Хаким. — Скорее всего, это скалы и лед. Хотя поверхостная температура планеты позволяет также предположить, что это твердые аммиак и метан, а в атмосфере, судя по всему, нитроген и аргон… Да, небольшой набор компанентов…

Внезапно планета потемнела, словно иллюминацию накрыла тень. Затем, внутри тени появилась тонкие линии света, похожие на струйки расплавленного серебра, растекающегося по поверхности углеродной сажи. Линии замыкались в круги и овалы, вычерчивая контуры огромных спиралей. Густота линий увеличивалась, внутри толстых спиралей появлялись более тонкие, пока вся планета не замерцала горячим серебром. Но внезапно окраска снова переменилась — не только цвета, но и детали.

Дженнифер не к месту захихикала, зажимая ладошкой себе рот.

— Извините, — прохрипела она.

— Черт побери, что это было? — воскликнул Георг Демпси.

Ошеломленный, Хаким поспешил ознакомиться со свежим химическим анализом состава планеты и ее атмосферы.

— Чисто аргоновая, беспримесная атмосфера. Поверхность представляется, в основном, силикатной — прекрасный песок, возможно, небольшие скалы. Зеленые куски поверхности очень холодны, намного холоднее, чем на других планетах — всего четыре или пять градусов по Кельвину.

— Я надеюсь, Джакомо тоже видит это, — сказала Дженнифер. Она никак не могла справиться со своими руками, которые безостановочно касались то плеч, то локтей, то колений. Дженнифер выглядела сильно испуганной. — Если Ганс ищет доказательств, что все это иллюзия…

— Давайте не будем делать преждевременных выводов, — перебил ее Мартин.

Дженнифер снова захихикала.

Следующая планета, — та, что занимала тот же квадрант системы Левиафана, что и предыдущая, имела орбиту чуть менее ста пятидесяти миллионов километров от звезды. Температура поверхности позволяла предполагать на ней

наличие жидкостей. Неяркая, красновато-коричневая, окруженная тонкой атмосферой, эта планета имела бугорчатую структуру. Несмотря на диаметр более двадцати одной тысячи километров, очертания планеты были замечательно неровными.

— О, посмотрите, сейчас они снова вырисовываются в выгодном свете, — сказала Паола, — Как высоки эти… Какой они высоты?

— Несколько сотен километров, — ответил Хаким. — Десятки тысяч их. Может быть, это станции обслуживания?

— Мы обнаружили какие-нибудь признаки того, что планеты обмениваются информацией? — поинтересовалась Дженнифер.

— Искусственной радиации не обнаружено, — сказал Хаким. — Те незначительные вспышки, которые можно различить в межпланетном пространстве, очень похожи на солнечные, хромосферные. На протяжении нескольких световых месяцев эта богатая планетами система оставалась абсолютно спокойной.

Итак, они и не прячутся, но в то же время и не привлекают внимание. Действительно, интересно, что за общение между мирами?

— Я мы видим множество кораблей, что как зер-

на в прибрежном фрукте, — заметил Небесный Глаз. — Десятки миллионов кораблей поднимается, и столько же падают вниз. Возле каждого мира — движение кораблей, кроме двенадцатого. Его орбиты пусты. Четвертая планета наиболее посещаемая.

— А заметили ли вы еще какую-нибудь связь, кроме передвижения кораблей? — спросил Мартин.

— Таких следов нет, — ответил Небесный Глаз. — Но если они пользуются «ноучем», конечно, мы мы не можем обнаружить этого.

Мартин задумчиво потер нос.

— Давайте отправим два послания, одно зо другим, видео, сопровождаемое речевым комментарием людей и Братьев. Закодированные картинки в полярной и прямоугольной системе координат: изображения нашего корабля, Братьев — в смонтированном и размонтированном виде, людей — обнаженных мужчин и женщин. Необходимо показать нашу реальную связь с ближайшими звездами. Нашу фиктивную похожесть, конечно…

— Послание «путешественников», — улыбнулась Паола. Она все объяснила Братьям. Шелковистый уже изучил всю эту историю.

Когда послания были составлены, Мартин ознакомил всех с их содержанием. Шелковистый и Паола быстро перевели все на язык Братьев. Небесный Глаз предложил:

— Давайте добавим полный набор символов каждого языка.

Они прождали двенадцать часов. Первый ответ пришел от четвертой планеты, когда дистанция между «Двойным Семенем» и Левиафаном составляла шести миллиардов километров. Это было десять картин на видео с координатной сеткой. Мом быстро раскодировал одно за другим.

Картины показывали пять различных существ. Команда рассматривала портреты — один за другим. Первым типом были существа четырехногие, грациозные и привлекательно выглядящие, с длинными изящными шеями, на которых располагалась коротконосая голова с двумя выпученными глазами. При некотором допущении, они могли сойти за более уменьшенную версию сауроподов с корабля «Беглецы Красного Дерева».

— Где у них руки? — спросила Эйрин Ирландка.

Никто не ответил ей. Второй тип стоял на двух массивных, почти слоновьих ногах, с бочкообраз-

ными телами, снабженными двумя комплектами многопальцевых рук.

— Они все нам уже знакомы по кораблю «Беглецы Красного Дерева», — сказала Эйрин.

— Возможно, они просто похожи на них, — возразил ей Эндрю.

Третий тип, казалось, был водоплавающим — эти существа не имели, как таковых, ни ног, ни рук. Своей удлиненной формой они напоминали акул — с широкими крылоподобными плавниками, с узкими, остроконечными «головами» с неявно выраженными глазками.

Четвертый тип напоминал ночной кошмар: беспорядочное гнездо дюжины щупальцев или ног, раскиданных по всей поверхности квадратного, темного цвета тела. У одних щупальца были небольшими, у других — клешнями трехкратной длины.

Изображение пятого типа вызвало удушье у детей. Рептилии, с гребнем на голове, с короткими туловищами, с загибающимися назад конечностями. Пятые были намного меньше, чем предыдущие.

Эйрин схватила за руку Ариэль. Люди застыли в ужасе, не веря своим глазам.

— Дьявол их побери, — только и мог произне-

сти Георг Демпси.

— Они не знают, откуда мы пришли, — заметил Чэм. — Видимо, они по-царственному спокойно приглядываются к нам.

Мартин кивнул. Паола начала объяснять Небесному Глазу. Братья шуршали и издавали сильный запах роз — запах сострадания.

— Мы мы знаем, — сказал Небесный Глаз. — Они — из вашего последнего путешествия.

— Да, именно их мы нашли , — кивнул Мартин.

— Не спеши с заключением, — мягко остановила его Ариэль.

— А что тут иного предположить?

— К примеру, они могли просто изучить до этого обитателей найденного нами корабля и позаимствовать их форму. Мы же до сих пор не можем ничего точно знать.

Мартину захотелось, чтобы все так и было, захотелось получить удовлетворение от быстрого раскрытия обмана, лично наблюдая, как убийцы делают ошибку, демонстрируя собственную слабость.

— Да, хотелось бы, чтобы так оно и было, — произнес он тоже самое вслух, однако с большим сомнением в голосе.

— Подумайте хорошенько , — Ариэль нервно поглядывала на других, как если бы ее одолела внезапная волна антипатии к окружающим. — Ведь по какому-то дьявольскому замыслу это действительно может быть украденным оригиналом.

— Нет, все-таки не похоже, — покачал головой Мартин. — Для этого убийцы должны знать их достаточно хорошо, чтобы скопировать… их тела, их облик… А ведь они мертвы сейчас, я уверен в этом… — Он повернулся к мому и спросил, — как вы думаете, они не принадлежат к тем, кого спасли Благодетели? Не являются обитателями какого-нибудь другого мира, который вы знаете?

— Нам не с кем их сравнить, — был ответ.

Мартин повернулся к Ариэль.

— Есть другие теории? — спросил он.

Сдаваясь, Ариэль подняла руки:

— Но я до сих пор уверена, что не стоит спешить с заключениями.

— Я уверен только в одном, — подчеркнул Мартин. — что эти существа один к одному похожи на тех, что мы обнаружили на разрушенном корабле в Долине Смерти. Я точно знаю это.

Чэм положил руку на плечо Мартину:

— Давайте на этом и остановимся сейчас. Не бу-

дем менять наши планы. Изменим только тогда, когда получим другие доказательства.

— Хорошо, — согласился Мартин, давя в себе эмоции. — Свяжемся по «ноучу» с «Борзой» и «Дятлом». Перешлем им все изображения.

— Давайте для начала прекратим их рассматривать сами, — спокойно предложил Чэм, не отпуская руки с плеча Мартина.

Мартин с силой оттолкнул его.

— Извини, — смущенно сказал он спустя некоторое время.

— Мы все переживаем то же, что и ты, Мартин, — тихо напомнила ему Эйрин.

— Да, ты права, каждый из нас, — кивнула Ариэль. Глубоко вздохнув, она присела на корточки у двери.

На следующих двух картинах были изображены орбитальные пространства, связанные со всеми пятнадцатью планетами, в сопровождении астрономических расчетов, произведенных в двоичной системе — подсказывающих оптимальные маршруты следования.

— Очень дружелюбно. Они предлагают нам начать торможение при пяти *g*, — Чэм водил пальцем по плану, — и выйти на орбиту четвертой планеты.

— Сможем мы уцелеть там? — поинтересовался Эндрю.

— Непонятно, — задумчиво произнес Хаким. — Там достаточно холодно, твердая поверхность и тонкий слой атмосферы, состоящей из десяти процентов кислорода, семидесяти процентов нитрогена, пятнадцати процентов аргона и иных инертных газов и пяти процентов двуокиси углерода. Давление окружающей атмосферы равно примерно одной шестой нашего — внутри корабля. Наверняка, возникнут трудности с дыханием. Поверхостная температура прекрасная, от десяти до двадцати градусов по Цельсию. Гравитационное притяжение, однако, велико, около двух g.

— Момы не смогут оградить нас полями, — напомнил Эндрю Ягуар. — Ведь мы не знаем всех тонкостей, не знаем их технологий.

— Мы мы можем не приспособиться, — заметил Небесный Глаз. — При таком гравитационном притяжении косы не смогут контролировать веревки.

Мартин поднял руку, прервая дискуссию:

— Не думаю, что у нас возникнут подобные проблемы. Если они примут нас, как гостей, они, вероятно, найдут способ устроить нас комфортабельно. Если нет… — Оглядевшись, он

почувствовал что-то неладное, — Что такое?

— Но мы же еще не знаем, будем ли мы вообще приглашены на поверхность планеты… — напомнила Паола.

— Если они нас не пригласят, это будет не по — добрососедски, — пробурчала Эйрин.

— В конце концов, они могут просто убить нас, — сказал Эндрю Ягуар. — Я подозреваю, что эти миры, как сладкий леденец для любознательных мух.

— Эндрю, — предостерегающе воскликнула Дженнифер.

— Но ведь никто не будет отрицать, что мы выглядим очень и очень аппетитно! Эдакий медовый пряник!

Паола начала объяснять происходящее Братьям, но Небесный Глаз расканием веревок на голове дал понять, что объяснения в данном случае неуместны и нежелательны. Они не еврят больше в наши сказки о справедливости насилия, — подумалось Мартину.

Он повернулся к Небесному Глазу:

— Ну что, мы входим в систему?

— А каково ваше мнение? — вопросом на вопрос ответил Небесный Глаз. Некоторые из братьев пахли чесноком и гвоздикой.

Мартин кивнул:

— Непременно. Ведь мы здесь именно для этого. — Дженнифер, эта диаграмма достаточно ясна?

— Да, достаточно, — откликнулась Дженнифер. — Шелковистый и я сможем объяснить кораблю, куда идти.

Мартин повернулся к мому:

— Я имею смелость напомнить вам, что мы договаривались, что, когда придет время, вы исчезните, растворившись в стенах.

— Да, когда придет время, я так и сделаю, — согласился мом и, не говоря больше ни слова, издал звук, похожий на звук трубы и, мягко опрокинувшись на сторону, растворился в полу. Все присутствующие застыли в изумлении, но прежде чем кто-либо успел среагировать, раздался тот же звук, и мом вновь предстал перед их глазами. — Имейте в виду, что обитатели планет способны производить поиски высокоэффективного вооружения оборудования корабля на большом расстоянии. Проверка может быть произведена «ноучем».

— Как они ищут «ноучем»? — от волнения у Дженнифер сорвался голос.

— Они могут отобрать сомнительные атомы и

частицы внутри нашего корабля для оценки их характеристик.

Дженнифер выглядела так, будто бы она получила рождественский подарок. Сияя, она повернулась к Мартину, — ее работа и ее теория получили свое подтверждение.

Мартин был поражен тем, что действительно очень многое выглядело так, как до того и предсказывали испуганные дети, включая его самого.

— Им известно, что корабль замаскирован? — спросил он мома. — Могут они знать, что вы находитесь здесь?

— Я могу и ошибиться, что возможно, но маловероятно, но такая «ноучевая» проверка обнаруживает только чрезмерно плотные массы.

Дженнифер начала похлопывать себя по бедру, ей явно не терпелось поработать с момерафом, чтобы обработать вновь полученные данные.

— Дженнифер, — одернул ее Мартин, — у тебя есть работа?

— Не поняла?

— Если есть, иди и займись ею. Ты меня нервируешь.

Дженнифер вышла, усмехаясь.

— Итак, они уже знают, что мы не вооружены ничем смертоносным, — подвел итог Мартин. —

Это мы можем сказать точно? — спросил он у мома.

— Не уверен, — ответил тот.

Мартин несколько секунд пристально смотрел на робота, затем перенес внимание на спроектированное изображение.

— При мягком торможении в пять g мы будем на орбите через пять дней, тридцать часов и двадцать минут, — сообщил Хаким.

Шелковистый выполнил те же расчеты, пользуясь математикой Братьев, сообщил результаты Небесному Глазу, затем повернулся к Мартину:

— Мы наши результаты не совпадают только на несколько секунд.

— Пошлите по «ноучу» наши расчеты и планы «Дятлу» и «Борзой» — приказал Мартин.

На борту «Троянского Коня» кабина Мартина была примерно в пять раз меньше его предыдущей и могла вместить только гамак для сна. Команда еще не закончила оформлять маскировку; Мартин внимательно посмотрел на стены и представил на них панно, изображающее потомков Братьев и людей, резвящихся на берегу моря под голубым небом. Что ж, не так уж и плохо. Он передал свою идею Донне Изумрудное Море и Продолжительному Скольжению, которые зани-

мались переоборудованием корабля.

Затем Мартин погрузился в гамак и закрыл глаза. Последнее время ему постоянно хотелось спать, но не было времени. Но только он лег, заверещал жезл. Его вызывала Дженнифер. В напряженной тишине он сполз с гамака, принял позу лотоса, плотный воздух позволял это сделать, и пригласил Дженнифер войти.

— Их «ноуч» лучше, чем наш, — сказала она с порога. — Уровень намного выше, более мощный, — чем у момов, я имею в виду.

— Это неудивительно, — сонным голосом пробормотал Мартин.

— Я только что имела продолжительную беседу с Шелковистым. Мы обменялись своими мыслями. Мартин, впереди у нас намного больше трудностей и опасностей, чем это было на Полыни. Те обитатели вокруг Полыни обладали жестокой ловушкой, эти же — атомной бомбой.

— Чем конкретно, ты думаешь, они обладают?

— Они обрушатся на нас чем-то… нет, не правильно, обрушатся — неправильная идея, неправильное слово. Они осведомлены о материи и частицах нашего корабля за шесть миллиардов километров. Мы не в состоянии обработать всю полученную за последнее время информацию,

а если все-таки окажемся способны, на это нам понадобится не меньше нескольких недель.

— Да, впечатляюще. И все-таки, что заставило тебя сделать такое заключение?

— Если момы правы, и эти обитатели действительно не знают о нас всего — правда, я не вижу причин, мешающих им узнать о нас все досконально — за исключением, может быть, ширины полосы пропускания…

— Дженнифер, я не могу сейчас мыслить так же логично, как и ты. Ты разбудила меня, а ведь я не спал с самого начала торможения.

— Я — тоже, — моргая, ответила Дженнифер.

— Ну ты же у нас суперженщина — это известно всем.

— Лесть не поможет получить ответы быстрее, — прочеканила Дженнифер, ее лицо залилось краской. — Извини. Я знаю, что немного взбалмашная. Короче, я хочу сказать, что они уже сейчас могут превратить нас в антиматерию. Или разнести наш корабль на мелкие кусочки.

— Ты уверена?

— Нет, я не уверена. Скорее всего, они этого не сделают. Но…

— Но мы не в состоянии что-либо изменить.

— Да, — прошептала Дженнифер. — Я знаю это.

— Можешь ты мне дать совет, что мы можем сделать?

— Конечно же, мы не можем позволить им узнать, что мы понимаем «ноуч».

— Ну, это будет легко. Но я не понимаю, почему?

— И даже то, что мы подозреваем о его наличии. Шелковистый работает сейчас над другими выводами, и один из них… Ты собираешься натравить на меня Ганса? — задала она неожиданный вопрос.

— Не понял?

— Я собираюсь рассказать тебе действительно важное, действительно пугающее. Признайся честно, ты не собираешься втягивать в это Ганса? Или сам спрятаться в раковину самца?

— Я обещаю, что не сделаю этого.

— Мы предполагаем, что двенадцатая планета сейчас меняет свой характер, цвет, — и это более, чем достаточное доказательство того, что части этой системы — обманчивы, что это камуфляж. Ну, спроектированные или что-нибудь в этом роде… Мартин, если они способны сделать то, что я предполагаю… это ужасно… Они могут сделать раковину из фальшивой материи вокруг планеты, и даже вокруг звезды, такую же твердую, как

наш корабль. Они могут смоделировать любое представление о своей системе, какое только желают.

— Они имеют энергию для этого?

— Думаю, да. Они могут перехватывать ее у звезды. Из того, что мы видели, мы можем сделать вывод, что система не испытывает недостатка в газообразных веществах. Может быть, они держат свои источники в запасе, ожидая главной атаки.

— А есть ли у тебя хорошие новости? — поинтересовался Мартин.

Дженнифер нахмурилась:

— Рассказать что-нибудь из сказочек о Давиде и Галиафе?

— Ну хотя бы.

— Обойдемся без этого. Я не придумываю возбуждающих задницу идей для ободрения. Я хочу связаться по «ноучу» с Джакомо и вместе с ним поработать над момерафом. Так же я хочу связаться с мозговым центром корабля. Надеюсь, мы сможем сотрудничать. Братьям, момам и людям необходимо объединиться.

— Я предоставлю тебе личное время для разговора с Джакомо. Но чтобы никаких лишних слов, никаких сюсюканий и воркований, — проворчал

Мартин.

— Только о деле, — уверила его Дженнифер.

Мартин представил «Троянский Конь — Двойное Семя» ползающим в кухне муравьем, с изумлением таращившимся на незнакомые гигантские приспособления, рабочие инструменты неизвестного предназначения, технологии которых невозможно было понять его скудненьким умишком…

Вокруг слишком много того, что трудно осмыслить.

Двенадцатая планета изменялась каждый час, принимая по очереди три различные формы — одного и того же размера, во всех случаях оставаясь каменистой, но различной по остальным параметрам.

Девятая планета имела орбиту. эксцентричную по отношению к десятой планете. Она была небольшой и напоминала луну Солнечной системы, хотя без ее поверхостных особенностей. Альбедо девятой планеты равнялось единице — зеркало, идеально отражающее сигналы всех частот.

Восьмая планета — ярко-оранжевый газовый гигант с диаметром семьдесят пять тысяч километров, с тремя большими орбитальными

лунами. От лун к газовой поверхности планеты тянулись кабели, диаметром в два-три километра, создающие вокруг себя спутную вихревую зону, подобно миксеру в фантастической пекарне.

Шестая планета, восемь тысяч километров в диаметре, представилась их взору покрытой одуванчиковым пухом, правда, каждое семя было около тысячи километров в высоту. Прибывающие космические суда вряд ли рисковали проходить ниже короны одуванчика. При приближении можно было различить, что пространство между столбами семян, содержащее кислород, нитроген и водные испарения, бурлило, как при шторме. Хаким высказал предположение, что это гигантское хозяйство для создания каких-то невообразимых форм или растений. Но Мартину его гипотеза показалась несколько архаичной. Его же самого необычайно интересовало, сколько же пищи потребляет этот поразительный гигант.

— Да, любопытно, какое же применение находят этим созданиям? — у Хакима возбужденно заблестели глаза.

— Мы можем о нем и догадываться, — предостерег его Георг Демпси.

— Позволь нам хоть немного порадоваться, — проворчала Эйрин.

В глубине системы Левиафана располагалась пятая планета, девять тысяч километров в диаметре, с шестью лунами; размеры трех из них превышали земные. Темная, красновато-коричневая поверхность планеты непрерывно излучала тепло в космос. Она была покрыта акваториями океанов и узкими лентами материков, вид сверху на эту планету ассоциировался с размеченной баскетбольной площадкой.

— Площадь тридцать два миллиардов квадратных километров, — удивилась Ариэль. — Если суша составляет хотя бы десять процентов — это все равно более трех миллиардов квадратных километров. Земля тоже имела три миллиардов квадратных километров суши. Интересно, сколько людей могли бы разместиться здесь?

— Нет, эти два g — не для меня, — покачал головой Чэм.

— Наука физика говорит нам, что жизнь на этой планете невозможна, — сказал Хаким. — Здесь недостаточная плотность для поддержания твердой поверхности… Для создания твердой оболочки плотность должна быть меньше, чем полтора грамма на один кубический сантиметр.

Как это сделать?

— А как все тут сделано? — вопросом на вопрос ответил Георг Демпси.

Вся информация была послана по «ноучу» «Борзой» и «Дятлу». Голос Ганса отвечал:

— Мы почти достигли планируемой орбиты. Скоро на время выйдем из зоны общения. Как вы?

— Думаю, им придется обращаться с нами, как школьным медсестрам с детьми. В голову еще приходит сравнение с отбившимися от стаи насекомыми.

— Мы рассматриваем сейчас физиономии жителей Левиафана, — сказал Ганс. — Те, что с гребнями уж слишком наглые. Но они повторяются, не так ли? Ну как, вы готовы принять решение?

— Думаю, мы близки к этому.

— Что вам еще нужно?

— Поставить точки над i.

Ганс захихикал:

— О, я тоже ждусь не дождусь, когда можно будет убраться из этого ада.

— Ну, до этого еще далеко, — заметил Мартин. — Нас пригласили на орбиту четвертой планеты, и мы уже поменяли курс. Через два-

дцать семь дней мы будем там.

— Желаю успеха, — сказал Ганс.

— Как бунтари-политиканы? — спросил Мартин.

— Это мое дело, а не ваше, Мартин.

— Это простое любопытство.

— Мы приготовили все, о чем вы просили нас.

— Есть предположения, кто убил Розу?

— Для следствия будет достаточно времени после того, как выполним Работу.

— Дженнифер хочет поговорить с Джакомо. Она думает, что сможет узнать что-то полезное, войдя в контакт с мозговым центром корабля.

— Я не могу ждать, — сказал Ганс. — В мире не существует супер-физических законов и задач, в которых невозможно разобраться, по крайней мере, я надеюсь на это. Мы и здесь обрабатываем достаточно количество информации, каждую минуту мы, не отрываясь, глазеем на эту чертову планету.

— Дженнифер говорит, что могут быть хорошие новости.

— Тогда позови ее. Джакомо со мной, в носовом отсеке.

Подошедшая Дженнифер неожиданно твердо заявила, что она хотела бы, чтобы все вышли из

помещения командного пункта, когда она будет говорить с Джакомо. Все вышли, за исключением Шелковистого, которого эти проблемы касались непосредственно.

— Мне кажется, с Гансом не все в порядке, — сказала Эйрин Мартину, когда они вышли в холл.

Ариэль кивнула в знак согласия, но добавила:

— Надеюсь, он не показывает этого на людях.

— Я думаю, он в депрессии из-за предстоящего и уже не может этого скрывать, — заметила Эйрин. — И его чувства понятны мне.

— Может быть и так, — не стал возражать Мартин. Сам он не испытывал никаких эмоций — ни оптимизма, ни уныния. Явное преимущество в весе мира Левиафана затрудняло дыхание, но и освобождало от необходимости думать.

Шелковистый и Дженнифер покинули кабинет «ноучевой» связи только через три часа. Дженнифер с трудом могла говорить. Она упала в гамак в общем для всего экипажа помещении и с жадностью накинулась на утоляющий жажду джус. Когда рядом появился Мартин, Дженнифер бессильно подняла руку и покачала головой.

— О пожалуйста, — сказала она, — Моя голова совершенно не работает. Джакомо…

— Не говори, если не хочешь, — остановил ее Мартин.

— Прибегнув к математическим методам Братьев, Джакомо нашел путь понять физику «ноучевой» связи Левиафана. Шелковистый и мозговой центр корабля помогли ему в этом… О, это быстро не объяснить… Мы кое-что поняли. Кажется, мы можем объяснить теперь, почему изменяется двенадцатая планета, и почему восьмая имеет такие кабели… Шелковистый представил гипотезу… Джакомо сейчас рассматривает ее… Я лишь бегло ознакомилась. О боже… Как я устала…

Дженнифер слабо взмахнула рукой, закрыла глаза и моментально уснула.

— Думаю, мы прорвемся, — сказал Хаким. — Я предоставил им всевозможные кредиты. В свою очередь, они выслали нам основные математические формулы, — а это означает, что они понимают символы… символы людей.

— Есть что-нибудь интересное в их математике? — поинтересовался Шелковистый.

— Все выглядет очень невинно, так… детские игрушки, — заметил Хаким. — Ближе скорее к математике людей, а не Братьев.

Шелковистый издал звук, похожий на шорох

падающих на асфальт листьев.

Небесный Глаз знакомился с записанными сигналами с четвертой планеты. Дженнифер, до сих пор не пришедшая в себя после четырех часов сна, стояла рядом с Братом и всматривалась в информацию.

— Они повторяют многое из того, что мы послали им, но есть и различия, некоторые… усовершенствования, не так ли? Система обозначения изменена немного… вот здесь… и здесь, — она указала на уравнение неэвклидовой геометрии. Мартин не смог понять, что она имеет в виду.

— Они обучаются очень быстро, — заметил Небесный Глаз. — Мы мы можем бросить семена в почву сейчас.

— Пришло время узнать, каким языком они пользуются, — сказал Мартин. — Передайте им лексикон Братьев и английский словарь, и аудиозаписи с разговором на том и другом языке.

— Мы раскрываем наши книги перед ними, — заметила Ариэль.

— Нет, скореет насаживаем наживку на крючок, — возразил Мартин. Он повернулся к мому и Матери Змей. — Сможем мы сымитировать на «Троянском Коне» несколько повреждений — будто бы полученных при взрыве суперновой?

— Да, можем, — ответил мом.

— Чэм, ты и Эйрин сделайте эскизы повреждений и, когда все будет готово, сообщите Небесному Глазу.

— Хорошо, — откликнулся Чэм, и они с Эйрин покинули командный пункт.

— Она выглядит странной, непонятной, — задумчиво произнесла Ариэль, рассматривая изображение четвертой планеты. — Я придумала ей имя, если вы, конечно, не возражаете.

— Какое? — спросил Мартин.

— Спящая. Другие планеты… Ощетиневшаяся выглядит, как Гриб-дождевик. Меняющийся мир…

— Маска, — предложил Мартин.

— Лучше Занавес, — сказала Эйрин. Спустя десять минут каждая из планет получила имя, соответствующее своим характеристикам:

Проститутка — белый диск, диаметром семьсот двадцать километров, быстро вращающийся по орбите в полмиллиона километров от Левиафана, ее окружность была обрамлена спутанным клубком развевающихся «волос» — неизвестного предназначения и содержания.

Большой Город — окруженный красноватым кислотным атмосферным облаком, с богатой

архитектурой на глубине четырех сотен километров.

Газон — покрытая голубовато-зеленой растительностью, разделенная искусственными реками, похожими на земные с той разницей, что средняя температура поверхности была около трехсот градусов Цельсия, русла глубоководных рек были заполнены фальшивой жидкой материей (так, по крайней мере, считали Джакомо и Небесный Глаз), атмосфера планеты содержала избыток двуокиси углерода и пары.

Спящая — похоронный букет черных увядших роз, упакованных в шар в сто две тысячи километров диаметром…

Биллиардный шар — бесформенная серость.

Гриб-дождевик — с зернами, тысячекилометровой высоты.

Горный Хрусталь Первый — с серыми скалами и льдом а ля натураль.

Миксер — с висящими кабелями от трех лун, с бурлящей газовой поверхностью, прекрасная абстракция водоворота и вихрей.

Зеркало — идеально отражающая поверхность.

Гофре — напоминающая огромную лаву из вулкана, освобождающуяся через скважину нево-

образимой глубины и ширины. Зеленые огни подмигивали как манящие, зовущие к верной гибели глаза.

Горный Хрусталь Второй — очень похож на Первый, — фактически, точная копия.

Занавес до сих пор щелкал, как часы на атомной бомбе, поочередно трижды изменяя свой характер.

Горный Хрусталь Третий — дубликат Первого и Второго.

Газовый Насос — голубовато-зеленый, жидкий шар из метана, аммиака, водорода и гелия, его жаркое топло каждый час выбрасывало на орбиту отбрасывал миллиарды тонн газообразных веществ.

И наиболее удаленная — Магический Фонарь — с океанами, застывшими абсолютно гладким льдом, с разбросанным то тут, то там кусками отшлифованного железа и кристаллических масс. Суша и застывшие океаны на сотни километров были усеяны черными сводами.

Но процесс присвоения имен планетам системы Левиафана не принес ни чувства удовлетворения, ни чувства большего контроля над ними.

* * *

Мартин висел в гамаке и сквозь полуприкрытые веки наблюдал за изображением Спящей. Каноэ дикарей с Гудзона подходят к Нью-Йорку. Взгляните на линию горизонта. Лапы в мокасинах вступили на асфальт. Угрозы разрушить город луками и стрелами. Посмеиваясь, правители пригласили их в офис.

Дженнифер, Хаким, Чэм и Ариэль, летающие, как ангелы, в помещении командного пункта одновременно повернули головы в сторону вошедшего Мартина. Все до единого они бросили на него тот полуиспуганный выжидательный взгляд, которым постоянно встречали его вот уже несколько дней.

— Они ответили, — сообщил Чэм.

— Десять минут назад, — добавил Хаким.

Переведенный голос звучал ровно, безэмоционально, — невозможно было определить, мужской он или женский, немного хрипловатый, но тщательно выговаривающий слова.

— Здравствуйте, — начал он. — Вы вступили на территорию объединившихся разумных существ звездной системы и приглашаетесь встретиться

с ее обитателями.

— Да, до душевной встречи тут далеко, — прокоментировала Дженнифер. — Но для начала неплохо.

— В союзе работают много различных видов разумных существ. Вы можете присоединиться к нашей работе, можете просто посетить нас. Здесь нет никаких требований к гостям, кроме требования мирных намерений. Как вы сами понимаете, локальная звездная группа — привлекательная территория для агрессивно настроенных роботов и иных разумных существ. Поэтому при посещении нашей системе запрещено иметь при себе оружие. Если вы имеете его, даже незначительное количество, даже небольшой мощности, вы все равно должны известить нас об этом и избавиться от него под нашим наблюдением, согласно нашим инструкциям. Это понятно?

Небесный Глаз слушал то же самое, но передаваемое через передатчик Братьев.

— Оно пахнет пустотой космического пространства, — заметил он. — Но не вполне ясно.

— Они сомневаются в том, что мы совершенно безоружны, — подсказал Чэм.

Мартин кивнул:

— Я думаю, нам следует изготовить какое-то

оружие и передать им. Ничего впечатляющего. Снаряды для защиты, химическое…

— И кораблю следует тоже что-то иметь, — напомнила Эйрин.

Мартин бросил взгляд на Ариэль.

— Может быть, лазерное, — предложил он.

— Верно, — кивнула Ариэль.

— Тогда ты, Ариэль, направляйся прямо к мому и Матери Змей, — указал он ей. — Мы нуждаемся в нечто подходящем для того, чтобы предъявить для выброса за борт, и как можно быстрее. В это время мы переоденемся в маскарадные костюмы и начнем входить в роль. Через десятидневку, или что-то вроде того, мы очутимся под их контролем… — Он взглянул на Небесного Глаза, — Итак, чем мы ответим им?

— Энтузиазмом, — отрапортовал тот. — Мы все мы должны страстно желать учиться. Мы все мы молоды, любим брызгаться на берегу, и они будут учить нас.

Мартин улыбнулся:

— Кто кого лучше обманет?

Небесный Глаз перекрутился так, что стал походить на цифру восемь:

— Давайте надеяться на лучшее, — предложил он.

Не было времени думать. Измученный бессонницей, Мартин все же старался подготовиться, как можно лучше самому и подготовить команду, — делая то, что Эйрин прозвала «зубрежка, и еще раз зубрежка».

Роли, которые они играли, не далеко уходили от правды, но отражали помесь культур — людей и Братьев — имитировали отношения, до сих пор непритертые, с потенциальными конфликтами, что, впрочем, было недалеко от правды. Напряжение было высоко, и люди постоянно горячились, часто критиковали друг друга, добиваясь идеального исполнения ролей.

В этой обостренной атмосфере Братья не раз и не два, неожиданно, безо всякого предупреждения, рассыпались на части, с яростью то заплетали, то расплетали косы, правда, по-прежнему избегая при этом взглядов людей, удаляясь в свободные помещения.

Шелковистый извинился перед Мартином за причиненные неудобства и конфуз; Мартин, как всегда, не позволил своему раздражению выплеснуться наружу… Он знал, что и люди могут выкинуть что-нибудь подобное — например, разразиться слезами, поссориться друг с другом или что-нибудь похуже.

Но перестройка закончилась, и, к удивлению Мартина, люди держали себя все это время весьма достойно.

На «Троянский Конь-Двойное Семя» нанесли следы повреждений от взрыва суперновой: радиакционную эррозию на корпус, покорежили работающий мотор, изуродовали его электронную часть. Корабль был снабжен подходящими оружием и лазерами. Мартин запер его, только он и Небесный Глаз знали комбинацию цифр, необходимую для открытия двери в арсенал.

Он с трудом раскрыл глаза, чтобы рассмотреть растущий диск Спящей, удлинняющиеся хребты гор, расширяющиеся акватории беспокойных морей. Он представил себя сплавляющимся на плоту вниз по реке шириной в сотни километров, с грохотом его несло вместе с потоком вниз меж отвестных стен черного обсидиана…

День назад Мартин беседовал по «ноучу» с Гансом.

— У нас все в порядке. Мы знаем наши роли. Чэм и Эйрин разработали легенду и для людей, и для Братьев. Она достаточно занимательная. Мы передадим ее вам по «ноучу»…

— Минуту внимания, — попросил Ганс, — У Джакомо проблемы. Я бы назвал это нервным

срывом, но он говорит, что это просто утомление. Он до сих пор пытается разгадать то, что ему прислала Дженнифер.

— Она опять хочет поговорить с ним…

— Мартин, он действительно не в себе.

— То, что они делают, может оказаться очень важным.

— Я попробую заставить его поговорить с вами, если сумею. Он, как Зомби, сейчас. Достаточно самой малости, и он окончательно сломается.

— Тогда Дженнифер придется расчитывать только на свои силы.

Ганс произнес двухсмысленное «гм!».

— Я получил по дистанционной связи дополнительные сведения, — сообщил Мартин. — Вся система — это цирк. Не говори никому, что я так сказал, но я думаю, мы вряд ли имеем дело с равными. Момы не хотят смущать нас своими предположениями.

— Я не могу понять только одного, — отозвался Ганс, — Почему в целях собственной безопасности они не уничтожают подряд всех захватчиков и визитеров? Особенно после взрыва суперновой. Ведь они знают все, что происходит по соседству.

— У меня есть несколько догадок по этому поводу, — сказал Мартин. — Думаю, да, они могли

бы уже уничтожить нас, но они ждут нашего появления у себя перед глазами. Пусть они не верят в нашу маскировку, но у них пока не может быть никаких доказательств, что это маскировка. Возможно, они просто сверх осмотрительны, и предпринимают меры предосторожности в случае, если мы обратимся к более мощной поддержке.

Но никакие дискуссии не могли избавить их от чувства неуверенности, сделать так, чтобы им было легче.

Дистанция между кораблями все увеличивалась, связь с «Дятлом» и «Борзой» становилась нереальной. «Троянский Конь» мого надеяться только на себя.

Дженнифер постоянно вынашивала какие-то мысли и все свободное время проводила в каюте, которую она делила с Эйрин Ирландкой. Мартин тревожился — не пошла ли она по пути Джакомо.

Братья открыли для себя шахматы, и эта игра увлекла их. Однажды они проиграли полный день, отказавшись от сна и пищи. Проигрыш в игре вызывал шок и моментальное разделение кос на веревки. В конце дня, к удивлению Мартина, Братья начали играть разделенными веревками.

И, что удивительно, веревки, казалось, играли лучше, чем косы. Они ловко передвигали спроектированные шахматные фигуры своими клешнями и возмещали слабый интеллект совершеннейшим сосредоточением внимания, не отвлекаясь ни на какие заумные вещи. И все-таки, не слишком ли это много для веревок, не имеющих интеллекта, — задумался Мартин.

Первое полноценное общение — лицом к лицу — началось за три дня перед выходом на орбиту Спящей. Мартин и Небесный Глаз находились в кабине командного пункта, когда перед ними, с плоского экрана монитора, что-то слегка зашипело, видеокамера сфокусировалась на них — все это было подогнано к техническому уровню развития людей. Мартин чувствовал себя, как дома. Как и «Троянский Конь — Двойное Зерно» — это было нечто на человеческом уровне, нечто, что он мог представить — могли бы построить или сделать люди.

Стандарты передачи обговаривались четыре дня назад. До сих пор общение было нерегулярным — довольно формальным, сухим и осторожным, никакой существенной информацией они не обменивались.

Говорящий голос зазвучал с экрана, по-прежне-

му слегка трещащего, затем воцарилась тишина — был получен многорядный цифровой, дискретный сигнал и трансформирован в аналоговый. Говорил холодный, нейтральный голос, мелодичный и сухой, похожий на шелест уносимого ветром песка. Символы и числа появлялись на экране, и сразу же корректировались в понятную для людей речь.

— Мы говорим с вами от имени четвертой планеты. Наша первая встреча произойдет на орбите. Если вы хотите, вы будете препровождены на поверхность четвертой планеты. Мы готовы передать не только голос, но и изображение.

Живая двигающаяся фигура появилась на экране. Это был одно из наиболее человекоподобных существ из того множества, что обитали в системе — украшенные гребнем, бледнозеленые создания, с которыми люди первыми столкнулись на Земле, когда их заманивала Долина Смерти. Существо подняло свою маленькую голову. Три янтарных мерцающих глаза размещались по периметру небольшого треугольника в неглубоких раковинах плоти «лица». Шишковатые плечи за гребнем медленно перемещались назад и снова вперед. Две шестипалые конечности ухватались за перегородку перед ним.

Крошечная голова склонилась вбок.

— Предвосхищая нашу встречу, мы изготовим снаряжение, которое воспрепятствует расстройству физиологической работы вашего организма. К тому времени, как вы перейдете на орбиту четвертой планеты, мы уже изучим состав и другие основные характеристики вашей атмосферы и подберем снаряжение, в котором вы будете нуждаться. Мы расскажем, куда поместить имеющееся на борту вашего судна оружие, прежде чем вы перейдете на орбиту.

Как ни старался Мартин избавиться от прошлого представления об этих мелкоголовых созданиях, этого ему не удавалось. Вновь и вновь одолевали воспоминания, руки покрылись гусиной кожей. Одна только эта форма символизировало обман и предательство, хотя нельзя было отрицать, что фактически, на Земле, подобные создания говорили правду, предостерегая американских ученых о потенциально возможном разрушении их планеты. Однако это ведь просто входило в сценарий дьявольской игры, которую затеяли с землянами убийцы.

Они использовали это на Земле, используют и сейчас. А ведь прошли тысячи лет с тех пор, как они запустили зонды-убийцы… Не говорит ли это

об их творческом истощении?

Было время подумать о том, как обставить первую встречу. Мартин склонялся к тому, что лучше всего создать атмосферу церемониального ритуала, которая приличествует свершению действительно историческому событию: первому общению разумных существ различных звездных систем. Ведь уже много воды утело с тех пор, как встретились люди и Братья.

Красный свет камеры ослепил Мартина. Очнувшись, он глубоко вздохнул и начал составлять ответ: «Мы благодарны за прием. Все присутствующие на „Двойном Семени“ готовы следовать вашим инструкциям. Ваша цивилизация кажется нам более развитой, чем наша собственная, поэтому мы полностью доверяемся вашим более совершенным технологиям.» Пусть переварят наше смирение — пусть презреют нашу отсталость.

Он шагнул в сторону и позволил Небесному Глазу отправить послание на языке Братьев. Паола стояла рядом с Мартином и переводила: « Мы мы на корабле учимся работать с мы нашими партнерами, два разных вида разумных существ, два различных интеллекта. И мы мы надеемся получить полезные знания и от вас.».

Хаким повернулся к ним лицом.

— Послано, — констатировал он.

Мартин обвел взглядом людей и Братьев, присутствующих на командном пункте. Мом и Мать Змей, как только заработала камера, сразу же исчезли, слившись с кораблем.

Мартин не мог думать о себе и своих товарищах иначе, чем как о жертвах, а о «Троянском Коне» — как о трясущемся на бойне ягненке, ожидающем удара ножа.

Сам он был готов к этому. В конце концов, смерть принесет покой. Но слишком многих он потерял, чтобы умереть, потерпев поражение.

Вильям и Тереза. Пять миллиардов смертей на Земле.

Застывшее изображение гребнеголового создания оставалось на экране. Ариэль парила рядом с Мартином, слегка взмахивая рукой, чтобы вращаться вокруг одной оси.

— На Центральном Ковчеге мы прониклись ненавистью к ним, — заметила она. — Надеюсь, нам удастся скрыть эту ненависть.

— Два часа до начала очередного торможения, — напомнил Чэм. — Мы должны быть готовы — оно будет происходить при четырех g и без ограждающих полей. Думаю, это станет

испытанием для нас.

Небесный Глаз и Шелковистый выделили по одной веревки, которые тут же приступили к шахматной игре. Дженнифер, Георг Демпси, Донна Изумрудное Море с сонными лицами наблюдали за их игрой.

Дженнифер последнее время говорила очень мало, но глаза ее постоянно были широко раскрытыми, щеки впали. Как говорила Эйрин, Дженнифер спала урывками и не больше часа, во сне часто вздрагивала, а иногда и вскрикивала.

— Что убийцы сделали вашим людям, когда пришли? — спросила Ариэль у Сухой Кожи — Нормана. Он был единственным из Братьев, кто взял человеческое имя, и, казалось, с большей, чем остальные, охотой рассказывал об истории Братьев.

— Мы наша система уже обменивалась информацией с другими мирами. Все знали, когда у мы нас появляются луны, когда планеты. Смерти была мгновенными и многочисленными. Но мы мы скрылись. Благодетели разыскали мы нас и рассказали о Законе. — Норман слегка извивался, издавая запах миндаля и скипидара — говорящий о том, что он страдает. Да, это был не тот разговор, что приносил радость.

— Это все мы уже знаем. Но, скажи, они старались прятаться или… они играли с вами? — продолжала допытываться Ариэль.

Норман внезапно воткнул свою голову в шахматную доску. Играющие веревки сразу же задергались, сплелись друг с другом и, раздраженно защелкав клешнями, начали подводить итог игре.

— Нет, они не обманывали мы нас, не играли.

— Интересно, почему? — задумчиво произнесла Ариэль.

— Да, действительно, почему с нами они играли в кошки-мышки, а с вами — нет? — воскликнул Георг Демпси.

— Возможно, они не изучали мы нас. Возможно, им уже встречался такой вид, и они уже достаточно знали о мы нас.

— Вы были сильнее и более развиты, чем мы, — сказал Чэм. — Вы ведь сами убежали от них.

— Но мы мы ненавидим их так же, как и вы, — подчеркнул Норман. — ненавидим до распадения косы на части в ярости.

Мартин впервые слышал, как представитель Братьев говорит о ненависти. Его лицо раскраснелось, сердце забилось чаще, когда он услышал эти слова: люди не одиноки в своем гневе.

— Мы партнеры, — сказал Мартин. — Мы испытываем одни и те же чувства.

— Веревки умеют ненавидить, — заметил Норман. — Мы все мы должны брать с них пример сейчас. Они играют лучше в шахматы, с бешенством и яростью. Объединившись, мы мы в чем-то становимся слабее.

— Ненависть — большая сила, — согласился Чэм. — Я чувствую это… без ненависти это… не ненавидя их… — глядя на экран он оскалился, подобно волку.

Норман потеребил веревки и издал запах жженого сахара и свежескошенной травы.

— Я мы верим, что сила в вас, а не в нас. Я мы никогда раньше не говорили таких вещей другим, но знайте мы мы опасаемся их.

Паола нашла нужным добавить:

— Норман и раньше говорил мне, что он думает, что в данной ситуации мы можем действовать эффективнее. Он понял из нашей литературы, что мы можем целенаправленнее использовать наш гнев. Сможем эффективнее убивать.

— Я мы надеемся, что научимся у вас, — пообещал Норман.

— Я мы думаем, мы все нашей агрессивности достаточно, — сказал Небесный Глаз, наблюдая

его веревка передвигает голографического слона на три клетки по диагонали.

— Как мы назовем этих… созданий? — спросила Донна, прерывая тишину, которая последовала после слов Небесного Глаза. — У меня приготовлено одно подходящее имя.

— Какое? — поинтересовалась Паола.

— Грифы — стервятники, — сказала Донна. — Ханжеская дипломатия, пожиратели падали. Цвет рвоты.

— Фу, гадость! — поморщился Георг Демпси.

Дженнифер пришла на командный пункт после нескольких часов отсутствия, взглянула на процесс шахматной игры, затем повернулась к Мартину и, вынув жезл, показала ему несколько схематических изображений.

— Они способны изготавливать огромные куски фальшивой материи, — сказала она. — Они могут преобразовывать материю в антиматерию на дистанции в миллиарды километров. Возможно, они превосходят нас и в «ноучевой» связи. Они обезвреживают нейтрониумные бомбы. Они или имеют все, или хотят убедить нас в том, что имеют все.

— Это то, над чем ты работала с Джакомо? — спросил Мартин.

— Да, с ним, и с мозговым центром корабля.

— Тогда мы не сможем ничего сделать, тогда мы бессильны.

Команда — люди и Братья — безмолвно замерли.

Дженнифер, медленно оборачиваясь, обвела всех взглядом, в котором прочитывалось извинение.

— Простите, — тихо произнесла она. — Но именно в этом мы и убедились в результате наших вычислений и исследований — перед тем, как прервалась связь.

— Есть шанс, что вы ошибаетесь? — спросила Ариэль.

— Конечно, — скромно согласилась Дженнифер. — Каждый может ошибиться.

— Ты говорила, что и мозговой центр работал вместе с вами, — вспомнил Чэм. — Они согласны с вами?

— Последнюю часть работы я выполнила уже после прерывания связи, после того, как растворился мом, поэтому я не могу с уверенностью сказать, согласились бы они или нет.

— Тогда есть надежда, да? — жалобно спросила Паола. Братья хранили молчание, издавая запах травы, потревоженной легким ветерком.

Дженнифер поджала губы.

— Я же не могу утверждать, что я в этих вещах — само совершенство, — запальчиво произнесла она.

— Но, тем не менее, ты в них чертовски хороша, — польстил ей Чэм.

Мартин почувствовал, что все висит на волоске. Необходимо было срочно сказать то, что удержало бы команду от полного отчаяния, которое ей сейчас, как никогда, строго противопоказано.

— Может ли мозговой центр — на «Дятле» или на «Борзой» — перенять у них знания… и резко продвинуть вперед наше техническое развитие, наши технологии, усилить защиту, добавить оружия? — спросил он.

Дженнифер, казалось, была благодарна ему за этот вопрос.

— Это то, что мы… Я хочу сказать, что мы не считаем наше положение таким уж безнадежным. Да, мы ничего не можем сделать на «Троянском Коне», но я надеюсь, что Джакомо, мозговые центры других кораблей, да и остальные… — Слезы ручьем текли из ее глаз. Она рассеянно размазывала их по щекам. — Но, правда, мало времени, а мы ведь можем пойти и неверным путем.

— Но надежда есть, — вслух произнесла Паола

то, что всем так хотелось услышать. — Реальная надежда.

Дженнифер взглянула на Мартина, и, увидев мольбу в его глазах, кивнула:

— Я тоже так думаю. Я не брошу свою работу.

Они терпели торможение при четырех g целый день. На этот период были созданы кушетки, заполненные жидкостью. Мартин и остальные все время торможения пролежали в кушетках, тщетно пытаясь заснуть. Веревки Братьев извивались и скручивались в кольца.

Переход на орбиту был гарантирован без их собственного вмешательства.

За день до входа в систему рядом с ними появился космический аппарат, который продолжил движение бок о бок с «Двойным Семенем». Аппарат представлял из себя блестящую белую сферу, около пятидесяти метров в диаметре.

Следуя инструкциям суховатого голоса грифа-стервятника, команда «Двойного Семени» вытолкнула оружие через механический воздушный шлюз.

Сфера раскрыла черный рот и проглотила оружие, как большая рыба — шпроту, которую дают в школе на обед. Ее яркость сразу же притупилась

до тусклости древесного угля, она почти потерялась на фоне звезд, видимая теперь, только как удаляющаяся тень.

— Мы мы ничего не потеряли, — успокоил Небесный Глаз. — Это было плохое оружие. Оно не давало комфорта.

На самом деле, Мартину сейчас даже лазерная винтовка в руках прибавила бы спокойствия, хотя он не держал оружия в руках с тех пор, как отец учил его стрелять в мишень. Тогда Мартину было всего лет восемь. Гладкость голубоватого металла и серые линии лазерной винтовки, — правда, несколько по-киношному, но все-таки прибавляли ему уверенности. Хотя и иллюзорная, но все-таки это была какая-то защита.

Ни одно из их оружия ни разу даже не стрельнуло. Но если сопоставлять потенциальные возможности данного оружия со способностью контролировать материю на дистанции в миллиарды километров, то высокомощный лазерный луч и кинетическая химическая пуля казались не более эффективными, чем камень брошенный в атомную бомбу.

Одна из веревок погибла, играя в шахматы. Она принадлежала Пронизывающему Взгляду. После короткой церемонии Братья, наедине в

своих апартаментах, разделили ее на части и съели в целях предостережения от подобного поведения других веревок. Позже Пронизывающий Взгляд объяснил людям, что веревки умирают от несбывшихся желаний, в частности, когда им грозит потенциальной мат, и они не могут найти выход из тупикового положения.

— Я мы начинаем думать, что эта игра плохая, — сказал Пронизывающий Взгляд. Веревка, которую он потерял была для него невосполнимой потерей, и он понимал это.

Паола была единственной из людей, которой разрешили присутствовать на церемонии, что очень польстило ее самолюбию.

Спящая заполнила весь экран, гипнотизируя деталями. Хаким и Точный Глаз, воспринимали информацию, выражая каждый по-своему возбуждение от впечатления, которое она производила на них. Четвертая планета казалась экстраординарным объектом наблюдения.

Планета имела внутренний источник тепла, которого было достаточно, чтобы поддерживать поверхностную температуру около двадцать градусов Цельсия. Исключение составляли расплавленные жидкости и газы, протекающие, в основном, меж горных хребтов, которые

представляли из себя массивные горные плато, наслаивающиеся одно на другое.

Как Хаким уже говорил, без помощи оборигенов им бы предстояло продолжительное адаптирование к данным условиям. Возможно, вся планета была искусственной, однако грубость исполнения говорила об обратном… Не было способа разгадать противоречия, между тем, что они знали, и тем, что видели.

Недоработанность Спящей охватывала всю ее огромную поверхность. Из площади в тридцать два миллиарда квадратных километров девять десятых скрывались под водой, сотни миллионов квадратных километров земли громоздились в очевидном беспорядке, свидетельствующем об бесполезном использовании поверхности. Мрачные черные облака поднимались над теми местами, где расплавленная жидкость, вытекающая из горных массивов, впадала в безбрежные океаны.

Воздух был влажным, с высоким содержанием двуокиси углерода и низким кислорода. Мартин предположил, что, возможно, это атмосфера, рассчитанная для оптимального роста растений. Хаким и Точный Глаз, используя примитивные инструменты «Троянского Коня», сумели рас-

смотреть изображение огромных темнозеленых массивов лесов, поднимающихся прямо из воды — подобно дрейфующим материкам — причем, самый большой из них был протяженностью около десять тысяч километров.

В составе горной структуры преобладал кварц, однако в некоторых местах он перемеживался с темными базальтовыми осадочными породами, вносящими разнообразие розовых и оранжевых красок.

— Судя по цвету, там присутствуют фосфаты, углероды и какие-то зеленовато-желтые компаненты, возможно, остатки вулканических пород, — сказал Хаким. — Прекрасное зрелище, перспективное для получения знаний, но наши инструменты так ограничены!

— Пришло время собраться нам всем вместе и все обсудить, — сказал Мартин.

Все двадцать членов экипажа «Троянского Коня» встретились в столовой — люди вперемежку с Братьями.

Небесный Глаз и Мартин медленно дрейфовали в центральной части помещения. Первым выступил Небесный Глаз. Он произносил оды в музыкальном сопровождении, веревки на его голове широко расходились в разные стороны,

клешни щелкали почти как еще один музыкальный инструмент. Паола, наверное, была способна что-то понять, но и Мартину, знающему только несколько слов из лексикона Братьев — тех, которые содержали меньше шипящих звуков — речь показалась интересной, хотя, конечно, полностью непонятной. Затем Небесный Глаз переключился на английский.

— Сейчас мы нам следует говорить на языке хозяев, чтобы мы нас понимали. Все мы мы говорим на английском достаточно, чтобы мы нас можно было понять. Паола Птичья Трель поможет мы нам. Сейчас мы мы меж собой тоже говорим на английском.

— Мы оценили такой жест, — откликнулся Мартин.

— Это затруднительно, но необходимо, — признался Небесный Глаз.

— Мы собираемся предусмотреть некоторые очень важные меры предосторожности перед первым контактом с нашими хозяевами, — доложил Мартин. — Мы знаем, что они могут контролировать наши действия и на этой дистанции, но, все же мы думаем, что сохранить секрестность вполне реально. Во-первых, мы собираемся быть осторожными. Во-вторых, мы

имеем все основания утверждать, что в «ноучевый кабинет» обитателям системы никак не проникнуть. Поэтому, если мы захотим поговорить о чем-то секретном, чтобы наши хозяева не услышали, мы должны общаться именно там.

— А вдруг кто-то незаметно проникнет на наш корабль, и мы лишимся безопасного места. Например, какие-нибудь сверхкрохотние шпионы, — сказал Георг Демпси, — Ведь они смогут расположиться даже в наших телах.

— Нам остается только надеяться, что этого не случится, — ответил Мартин. . Итак, давайте с вами договоримся — не посылать никаких посланий на другие наши корабли, не моргать и не кивать многозначительно, то есть ничего подозрительного… не соответствующего нашим ролям.

Люди пошушукались и закивали. Братья, выражая согласие, слегка изогнулись.

— Итак, начинается наш спектакль, — подвел итог Мартин. — С этого момента все мы — актеры.

«Двойное Семя» вышел на орбиту радиусом в десять тысяч километров от Спящей, и гриф-стервятник вновь появился на экране. Теперь не было видимых препятствий для общения.

— Мы попросили вас выйти на орбиту четвертой планеты, потому что она наиболее безопасная. Около других планет слишком большая активности — большое количество отбывающих и прибывающих кораблей. К тому же, четвертая планета наиболее комфортабельна для вашего вида. Мы просим, чтобы вы сообщили нам состав вашей атмосферы, предоставили образцы материалов для одежды и образцы продуктов питания, и мы приготовим транспорт и все необходимое снаряжение для вас.

Мартин уже отсосал кровь у себя и Ариэль. Небесный Глаз позаимствовал для образца кусок своей веревки.

На экране гриф-стервятник поднял свой длинный нос, открывая доступ дыханию и говорящим отверстиям внизу головы. Грудь инопланетянина расширялась и слегка посвистывала, когда он что-нибудь произносил.

— Мы заинтересовались вашими агрегатами. Мы еще таких не встречали. Вы будете очень полезны нам и будете уважаемые нами. Вы сможете нас многому научить.

Эйрин глядела в потолок. Мартин же с невозмутимым лицом пристально глядел в камеру.

— Наш корабль присоединится к вашему через

несколько минут, — сообщил гриф-стервятник. — Образцы внутри вашего корабля будут собраны стерилизованной машиной.

— Может быть, пришло время нам познакомиться и назвать свои имена. Мы привыкли, чтобы нас звали по именам, — сказал Мартин.

— Мы не нуждаемся в именах, но для вашего удобства можем присвоить себе какое-нибудь имя.

— Мое имя — Мартин.

— Я буду называться Амфибией. Это имя мне кажется наиболее подходящим, по моей физиологии.

— Может быть, лучше Лягушонок, — предложил Мартин.

— Хорошо, я буду называться Лягушонком. Когда вы встретитесь с другими обитателями нашей системы, вы тоже, если пожелаете, сможете дать им имена.

— Корабль приближается, — объявил Точный Глаз.

С слегка скрипящим звуком корабль присоединился к «Двойному семени». Задуло, словно открыли воздушный шлюз. Мартин сделал глубокий вздох. Это было вторжением, и оно грозило опасностью. Он спросил сам себя, правда,

несколько запоздало, а сумеют ли они противостоять внезапному нападению и решил, что, нет, не сумеют.

Небесный Глаз открыл наружный люк. Через него влетел цилиндр серого цвета с закругленными торцами. Затем он закрыл наружную дверь и открыл внутреннюю. Выпустив через небольшое отверстие, расположенное по центру заднего торца, струю сжатого воздуха, цилиндр приблизился к членам экипажа.

Паола открыла небольшой рефрижератор и передала образцы в пластиковых контейнерах Шелковистому, который находился ближе к цилиндру.

От цилиндра отделился манипулятор и взял контейнеры. После этого цилиндр мягко спикировал к воздушному шлюзу, и закрыл за собой дверцу люка.

На экране гриф-стервятник — то есть, Лягушонок, поправил Мартин самого себя, — отвернулся на какой-то момент в сторону, затем повернулся вновь.

— Мы имеем несколько возможностей предстать перед вашими глазами. Вы можете высадится на поверхность четвертой планеты и непосредственно встретиться с нашими пред-

ставителями, или же вы можете остаться внутри вашего корабля, и представители придут к вам сами. Если вы предпочтете визит на поверхность, вы сможете воспользоваться приспособлениями, которыми мы снабдим вас, чтобы сделать ваше пребывание на планете комфортным; Оно рекомендовано после проверки ваших образцов, которая показала, что в условиях нашей гравитации вы будете уставать быстрее, чем на вашем корабле.

Они уже проанализировали наши образцы… По шее и плечам Мартина пробежала отчетливая дрожь.

— Вы сможете сами отобрать для себя персональное снаряжение. Этим вы сможете заняться на досуге. А теперь я вас на время оставлю.

Экран погас.

— Мы до сих пор на связи? — спросил Мартин.

— Нет, я отключился сразу же за ними, — ответил Хаким.

— Все произошло слишком быстро, — заметил Мартин. — но, кажется, более менее, все понятно. Необходимо время, чтобы привыкнуть к ним. Если они умны, как кажутся, они привыкнут к нам значительно быстрее. — Мартин строил свою речь в расчете на то что их подслушивают, в

чем он и не сомневался. Он запнулся перед следующими словами, раздумывая, как бы поудачнее заложить нужный подтекст. — Ведь привыкли же люди и Братья друг к другу, правда, мы были почти равными, мы принимали участие в одной и той же войне… Интересно, насколько труднее понять разумные существа, которые превышают нас интеллектом?

Мартин внезапно заметил крошечных роботов, после посещения цилиндра они расползались во все стороны по кораблю. Это ни на что не похоже, такого мы еще не видели.

— Нам потребуются века, чтобы хорошо узнать друг друга, — с безразличной интонацией откликнулся Шелковистый. — Мы надеемся, что мы мы не столкнемся здесь с жестокостью.

Студенты университета, волнующиеся перед экзаменом. Насколько долго это может продолжаться?

Наступил самый важный момент: первая встреча. Команда «Двойного Семени» предстояло встретится лицом к лицу с разумными существами, контролирующими систему Левиафана.

Донна Изумрудное Море разработала фантастическую униформу для людей, а Братьев просто украсила лентами. Для Мартина она создала осо-

бенно блестевший наряд. После того, как помогла ему облечься, она отошла в сторону и, уперев руки в бедра, произнесла:

— Ты выглядишь, как варвар, капитан.

— Ну, спасибо тебе, родная, — поблагодарил Мартин и повернулся к Небесному Глазу, который в это время возился, украшая свою косу лентами, стараясь изобразить из себя нечто экзотическое. Действительно, нельзя было ни признать, что Братья и люди, выглядят роскошно… и наивно. Мартин надеялся, что Лягушонок и ему подобные найдут это бахвальство забавным и весьма удобным для них.

Донна металась от одного к другому, что-то подправляя и одергивая. Мартин вспомнил, как она руководила пошивом свадебного платья для Терезы и остро осознал ограниченные возможности человека… и человеческую красоту. Он закрыл глаза и проглотил слюну.

Затем Паола, в свою очередь, помогла одеться Донне в красно-черное платье с золотыми блестками — в стиле всей команды.

Хаким с трудом переносил свое одеяние. Он подошел к Мартину и щелкнул себя по шее, по Адамову яблоку.

— Прошло много лет, как мы носили подоб-

ное, — сказал он. Да, честно говоря, Хакиму такой наряд не очень подходил.

Братья оказались настоящими актерами. Никто не выходил за рамки роли.

— Мы готовы, капитан, — сказала Донна.

Шестеро — трое Братьев и трое людей — должны были покинуть «Двойное Семя» и высадиться на поверхность Спящей: Шелковистый, Натянутая Струна, Небесный Глаз, Мартин, Паола и Ариэль. Вместо себя главным на корабле Мартин оставлял Эйрин Ирландку, Пронизывающий Взгляд заменил Небесного Глаза.

Они поймали мимолетное изображение белой сферы на экране, услышали, как вскрылась середина корабля корабля и образовался воздушный шлюз. Идя гуськом, они перешли во внутреннюю часть перевозочного корабля. По ту сторону прозрачной панели стоял гриф-стервятник, но, как догадался Мартин — это был не Лягушонок.

— На данный момент я — ваш помощник, — произнес этот вновь появившийся гриф-стервятник. — Я выбрал для своего имени слово Саламандра. — Он, так же, как и Лягушонок, слегка посвистывал, когда говорил. — Если вы считаете, что это имя не подходит мне, вы вправе назвать меня как-то иначе.

Небесный Глаз представил всю компанию. Он и Мартин единодушно решили, что будет лучше, если на время этой экскурсии старшим станет кто-нибудь из Братьев. Предполагалось, что Паола будет переводчиком между инородцами — Братьями и хозяевами системы.

И хотя этот метод приносил некоторые неудобства — он помогал законсперировать долю участия людей и Братьев, и те недразумения, что неминуемо должны были возникнуть, их собственные конфузы.

Они дрейфовали в невесомости посередине небольшой кабины. Мартин ощутил легкий толчок — корабль отсоединился от «Двойного Семени». Давление чего-то невидимого, очень похожего на поле, но все-таки не поля, окружило их. Технология их хозяев оказалась более совершенной, чем у Благодетелей, по крайней мере, в этом отношении. Мартин всегда думал, что поля в таких условиях были логически необходимыми, неизбежными и входили в обиход, ну как огонь.

Саламандра снова засвистел:

— Мы спускаемся сейчас. Это не должно быть дискомфортно. Вы хотите проверить снаряжение для путешествия по планете?

— Да, мы мы хотели бы это сделать, — ответил

Небесный Глаз.

Панель изогнутой стены корабля стала прозрачной, на ней появилось изображение Саламандры.

Очистилась и другая панель, справа от Саламандры. В некотором отдалении стояли недвижные белоснежные формы, похожие на роботов, сделанных из изящных костей, одни — для людей, другие — для Братьев.

На Мартина произвело особенное впечатление конструкция приспособления для Братьев. Она походила на двойную растянутую змеиную шкуру, позволяющую косам двигаться без ограничений, как при обычной гравитации, прибегая к волнообразным гусеничным движениям.

— Мы надеямся, что это подойдет вам, — сказал Саламандра. — Они совершенно не мешают движениям.

— Мы мы убедились, — кивнул Небесный Глаз.

— Для каждого члена вашей группы будет предоставлено отдельное приспособление.

— Как и ожидалось, — подчеркнул Небесный Глаз.

— И они будут подходить каждому по форме и размеру, — продолжал Саламандра.

— Как и ожидалось.

— Ваш план экскурсии по поверхности… — Пронзительный свист вдоха, вырывающегося из носа, «подмигивание» трех янтарных глазв бледно-зеленой плоти. — При приземлении, в основном, планируется познакомить вас с тем, как мы ведем себя и работаем. Затем встреча с местными обитателями пяти основных видов. Далее произойдет надлежащая случаю церемония вступления в Союз Пятнадцати Миров. Обмен информацией в официальной встрече с Советом Живущих. Я буду сопровождать вас и объяснять все, что необходимо, отвечать на все вопросы, которые вы будете задавать.

Ариэль бросила на Мартина взгляд, в котором на мгновение промелькнуло тоскливое выражение. Мартин сочувственно поднял брови. Какой волнующей могла бы быть эта встреча при иных обстоятельствах! И какой она представлялась утомительной в данных условиях полнейшей неискренности!

Карнавал — маскарад без срывания масок с лиц.

Верят ли эти существа, что они реальны и свободны? — заинтересовался Мартин. — Так ли это? Или убийцы тоже поймали их в ловушку?

Саламандра опустил голову, сжал конечностя-

ми металлическую перегородку перед собой и неожиданно застыл, как музейный экспонат. Спустя мгновение, когда снаряжения для людей и Братьев исчезли, он поднял голову вновь.

— У нас имеются освежающие напитки и продукты, которые, мы надеемся, понравятся вам. Спуск будет продолжаться пятнадцать минут. Вы не испытаете никакого дискомфорта. Мы снабдим вас пищей. После приземления вы сможете пообедать.

— Спасибо, — поблагодарил Небесный Глаз. — Но по религиозным обычаям мы мы должны питаться только собственной пищей.

— По регигиозным обычаям, — повторил Саламандра, будто бы пробуя слова на вкус, — Правила, продиктованные существами, которых вы воспринимаете высшими?

— Пища для людей и Братьев должна быть специально приготовленной. Мы все мы будем посылать за пищей в мы наш корабль, когда понадобиться.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Саламандра. — Ваши религиозные требования очень строги?

Небесный Глаз посмотрел на Мартина и изогнулся в восьмерку. Кажется, он нуждался в

помощи.

— Очень строгие, — ответил за него Мартин. Затем наивно поинтересовался. — А у вас разве нет религиозных ограничений в пище? Мы предполагали, все цивилизации повинуются высшим авторитетам.

Саламандра долгое время не отвечал. Он — или выслушивал что-то, или сам раздумывал, как ответить на этот вопрос.

— Мы не придерживаемся каких-либо специфических религиозных правил, — ответил он наконец. — Большинство из нас вообще не поглощает пищу. За исключением одного вида, проживающего на четвертой планете.

От незначительного и вполне уместного вопроса Мартина с ловкостью уклонились. Тогда Мартин спросил:

— Не означает ли это, что вы все… роботы?

— Нет, — ответил Саламандра. — Мы органические.

— Мы мы предполагаем наличие таких вещей, как искусственные тела, — сказал Небесный Глаз, вновь вступая в разговор. — Вы естественно рожденные или искусственно?

— Ответы на эти вопросы вы получите позже, — опять уклонился от объяснений Саламанд-

ра. — Они не так просты, как могут показаться.

Ощущение необычности состояния усиливалось, — состояния, измененное тем, с чем они не сталкивались годами — тяжестью гравитационного притяжения планеты. Теория гласила, что не существовало разницы между силой тяжести, причиной которого являлось ускорение, и весом, вызванной силой гравитации, но Мартина сразу же ощутил на себе эту разницу, впечатления были не из приятных.

Защитные поля не проникали в его тело, но напряженость внутренних мышц и органов и отягощенность мгновенно проявившимся весом тела вызывало тошноту.

— Вы чувствуете себя комфортно? — поинтересовался Саламандра. Небесный Глаз лишь проскрипел в ответ. Мартин взглянул на нижнюю часть тела Брата и увидел свободно болтающиеся веревки. Брат пах сосновым лесом — как понял Мартин, Небесный Глаз испытывал страх и эйфорию.

— Я чувствую небольшую тошноту, — сказал Мартин. Ариэль подтвердила, что и она не ощущает себя комфортно.

Мгновенно появились светящиеся поля, и несоотвествие было погашено. Братья еще окон-

чательно не переплелись в косы, но все веревки были уже захвачены. На лице Паолы вновь заиграли краски, Ариэль позволила себе расслабить запястья рук.

— Теперь стало значительно лучше, — констатировал Мартин.

Там, где было выставлено скелетоподдерживающее снаряжение, появилось для удобства изображение планетной поверхности. Корабль, казалось, спустился до высоты девяти-десяти километров. Планета уже просматривалась без искажений, атмосфера, в несколько километров толщиной, мерцала между тускло красных, коричневых и голубых красок поверхности Спящей и усеянной звездами чернотой космоса.

Мартин мог уже рассмотреть внизу различные конфигурации — треугольные, круглые, линейные, серые пятна на фоне тускло-красного и коричневого, белые круги на голубой глади моря. На горизонте появились горы — белые скалы с оранжевыми и розовыми полосами.

Наступал рассвет, и свет Левиафана, падая с высоты в триста миллионов километров на поверхность морей и суши Спящей, пронзал своими сверкающими лучами облака и дымы, исходящие из отверстий коры поверхности.

Прислушавшись, Мартин уловил едва различимый гул — возможно, это пел их космический корабль, проходя через атмосферу Спящей. От ветерка с облаков повеяло прошлым. Мартин почувствовал усиление притяжения планеты, но дискомфорта не ощутил. Он избегал мыслей о том, как они будут действовать. Не было практических средств, прибегнув к которым они могли защитить себя от вмешательства. Убийцы могут видозменять материю на огромных дистанциях. Они могут изменить и наши тела, сделать их подходящими для своих целей… еще они могут убить нас, могут окружить нас крошечными шпионами, могут контролировать даже наши мысли.

Он посмотрел на Ариэль, стараясь, чтобы во взгляде не отразился его страх. Она протянула ему руку, и он без колебаний принял ее. Паола тоже вытянула руку, и когда Шелковистый протянул веревку, она уцепилась за нее. Ариэль ухватилась за веревку, предложенную Натянутой Струной. И когда Натянутая Струна соединился с Мартином, цикл был полностью завершен.

Мартин не ощутил, что страх его уменьшился, но он стал менее одинок.

— Вас что-то беспокоит? Неудобно? — спросил Саламандра.

Небесный Глаз, который обычно отвечал за группу, на этот раз ничего не произнес.

— Нам удобно, — хрипло отозвался Мартин и прочистил горло.

— Нам не знакомо такое общение, — Саламандра повторил гортанный звук Мартина. — Что это означает?

— Это… просто реакция организма, — объяснил Мартин. — Ничего не означающий звук.

— Аналогичный нашему свисту и дыханию, — догадался Саламандра.

— Да, вроде того, — согласился Мартин.

— Мои посторонние звуки беспокоят вас? — спросил Саламандра.

— Нет, — ответил Мартин. При других абстоятельствах — если бы этот маскарад был реальностью — он наверняка бы почувствовал симпатию к Саламандре, — таким заботливым был этот гриф-стервятник, старающимся облегчить им путешествие.

Восхитительное мерцание прекрасных янтарных глаз, ярко вспыхивающие щели на пастельно зеленой коже: создание было действительно очаровательным. Я ударяюсь в крайности. Я слишком эмоционален. Нужно сдерживаться.

Открывающаяся поверхность Спящей была

неправдоподобно необработанной, хаос из слоистых черных скал, с блоками в несколько сотен метров шириной, лежащими один на другом, стекловидными, острыми, как ножи. Между блоками располагались спрессованные кучи оранжевого и розового порошка, с которых ветры выдували развевающуюся дымку, блестевшую на ярком солнце.

Корабль по-прежнему находился в нескольких километров от поверхности. Их взору представилось голубовато-зеленое пространство морей, над которыми летали какие-то белые предметы, напоминающие стружки, на фоне волн они казались почти неподвижными.

Они могли наблюдать, как обваливались отдельные участки поверхности, подобно отрывающимся краям ледников на Земле. Массивные клубы черного дыма поднимались вверх, на короткое время образовывая защитный щит для звезды. В темноте блестели красные огни.

— Через три минуты мы приземлимся на площадку в океане, — сообщил Саламандра. — Это должно быть непривычно для вас. Вы хотите о чем-нибудь спросить?

— Тысяча вопросов, — сказал Мартин. — Вот только нет времени даже задать их.

— Я мы имеем только один вопрос, — откликнулся Небесный Глаз. — Эта планета натуральная или искусственная?

— И то, и другое. Когда-то это была небольшая звезда. Но прошли тысячи лет, и изменений достаточно. Вначале звезду использовали, просто как источник энергии и горючего. Сейчас, проще всего будет сказать, что она искусственная. Она снабжается материалами, доставляемых из всей системы.

Океан все более и более вытеснял иной ланшафт, наконец осталась только одно ребро темной скалы, нависающей над океаном на фоне синего неба.

— Сейчас мы находимся уже на платформе. Ваши костюмы в соседней комнате. Когда вы приготовитесь, мы покинем корабль. Вы не будете подвергаться воздействиям реальной атмосферы, которая не подходит вашей физиологии. К томе же, она богата мельчайшими организмами, что может быть опасным для вас.

Часть стены отодвинулась в сторону, и они осторожно, не без помощи полей, шагнули вперед в соседнюю комнату, снабженную более низким полом. Скелетообразные костюмы для путешествия свисали с потолка до пола.

— Вы думаете, мы здесь одни? Или все контролируется дистанционно ? — спросила Паола.

— Все может быть, — заметил Мартин.

Небесный Глаз издал запах чая и удобрений.

— Бесполезно делать догадки, — сказал он.

Голос Саламандры предложил им встать на пол. Окутанные полями, они направились к более освещенному месту. Их движения были слегка скованными. Возле каждого костюма, подобно ярлыку, висело небольшое изображение каждого из них. Мартин остановился перед своим костюмом, пристально разглядывая его.

— Пожалуйста, повернитесь спиной к вашему костюму.

Он повернулся. Костюм зашуршал за его спиной, волосы на шее Мартина ощетинились.Его «жидкие кости» окутали его, комфортабельно сжав.

Он попробовал передвигаться. Снаряжение ему совершенно не мешало.

Бесполезно строить догадки. Все удивительно. Как для муравья в кухне.

— Когда мы выйдем наружу, вы будете окружены невидимым барьером. Ваше дыхание будет естественным, вам не следует беспокоиться об этом. Мы предусмотрели почти все. Только не

двигайтесь, пожалуйста, слишком быстро и не отходите далеко от вашей группы.

— Хорошо, — кивнул Мартин. — Он наблюдал, как Братья осваивают свои костюмы — изгибаются, поднимаясь на три четверти длины с пола. Ариэль тоже вытянула руки вверх и задрала голову, искоса поглядывая на Мартина.

— Удобно? — спросил он. Ариэль и Паола кивнули. Натянутая Струна и Небесный Глаз уже тщательно проверили свои костюмы.

— Мы готовы, — отрапортовал Мартин невидимому Саламандре.

— Корабль высадит вас на открытую площадку. Вы сразу сможете насладиться окружающим видом. Наша планета прекрасна. Опасности нет, но если вы хотите, мы можем уклониться от этой части путешествия.

— Мы мы хотели бы посмотреть поверхность, — сказал Небесный Глаз.

Мартин не мог согласиться с ним, но у него не нашлось энтузиазма спорить.Он был слишком изумлен и утомлен от перенасыщения зрелищами.

Космический корабль раскрылся вокруг них, как бутон. и сложился, как складывающийся экран, оставляя их на платформе белого цвета,

в окружении необъятного темно-серого неба, голубизны ночного океана, темных скал, поднимающихся на тысячи километров над уровнем моря. Он мог расслышить звуки отдаленных взрывов, скрежет коры, а также шум, похожий на тяжелые вздохи и шепот исполинов. Подобные внезапные открытия не способствовали сохранению бодрости духа. Руки Мартина задрожали.

— Вов, — передернулась Ариэль, ее лицо было необычайно бледным. Внутри полей у Мартина создался микроклимат, он не мог почувствовать запаха Братьев. Но он не ошибался в собственной реакции — это был откровенный страх.

Желудок и легкие пронзила острая боль, как если бы из них вытягивали струны, приколотые к его организму булавками. Мартин сомневался, что он хотел бы провести на поверхности Спящей более нескольких часов.

Насыпная дорога через море вела к широкому белому диску. Голос Саламандры сказал им в правое ухо:

— Ваши костюмы проведут вас по этой дистанции. Диск — вид парома. Он доставит вас на береговую станцию, и там вы встретитесь с нашими представителями. Вас что-нибудь беспокоит?

— Я чувствую себя прекрасно, — ответил Мар-

тин.

Костюм подталкивал его, Мартин попытался идти сам, но это только мешало. В конце концов, он расслабился, и костюм проделывал всю работу за него — Мартин передвигался как марионетка, это было ощущение, которым он при всем желании не не мог насладиться. Их всех провели по насыпной дороге к парому, который быстро отдал якоря и начал движение, закачался на волнах.

Вид, открывающийся глазам Мартина приобрел более реальные очертания, пейзаж стал более живым. Предыдущий вид мог быть эффектом гравитации, мог он быть и эффектом полей.

Бесполезно строить догадки.

Паром проходил вдоль огромного массива зелени, покрывающей несколько сотен квадратных метров площади. Волны вздымали зелень вверх, при этом образовывались огромные пузыри, которые с треском лопались.

— Одна из наших разновидностей находят, что вода комфортабельна для обитания, — сказал Саламандра. — Все они с радостью встретятся с вами. С вами все в порядке?

— Приемлимо, — ответил Небесный Глаз.

Секундами позже, ярко-красное кошмарное создание, обладающее множеством сплетенных

конечностей, протолкнулось сквозь толщу воды и частично приподнялось на паром. Паола взвизгнула и прижалась к Мартину. Братья замерли на месте безо всяких комментарий.

В движении конечности кошмарного создания разделились на щупальца и паучьи ноги, снующие, как поршни, вверх-вниз. Появилось «замечательное лицо» — четыре яйцеподобных глаза сверкали в массе лоснящейся черной плоти.

— Эта тип обитателей нашей системы работает в производстве, как арендатор этих морей. Их социальная жизнь очень активна, — объяснил Саламандра. — Они отрицают ценность всего искусственного, всего ненатурального. Как и вы, они едят, и очень разборчивы в том, что едят, когда и как. Возможно, в будущем вы сможете побеседовать. Мне кажется, вы понравитесь друг другу.

— Уверен, — с большим сомнением в голосе произнес Мартин. Ему очень хотелось просто куда-нибудь убежать отсюда.

Океан штормило больше, чем он мог ожидать. Обычно он доверял кораблям, включая межпланетные…

К всеобщему облегчению, кошмарные созда-

ния оттолкнулись от борта парома и скрылись в волнах.

— Они имеют, по крайней мере, тридцать конечностей. — воскликнула Паола. — Я не могла их все сосчитать!

Вдруг прозвучал другой голос, говоривший прямо в его ухо:

— Как путешествие, Мартин?

Он запнулся на мгновение, ошеломленный такой связью.

— Мы здоровы. Поражают масштабы. Широкие открытые пространства.

— Звучит прекрасно, — сказала Эйрин. — Вы кажетесь немного неловкими в этих костюмах. Мы все тут наблюдаем за вами — обе команды. Видимость отличная. Мы наверху сейчас. Подними голову и сможешь нас увидеть.

Мартин поднял голову, но ничего не увидел в сумрачной темноте.

— Не вижу, — сказал он.

— Это плохо. Но все равно не чувствуй себя одиноким.

Вновь зазвучал голос Саламандры:

— Сейчас мы будем обходить мыс.

Волны с ужасной силой бились об изрезанный берег мыса, но брызг было мало. Паром нырнул

прямо внутрь этого сумбура, и взял курс в обход самой высокой черно-коричневой скалы, возвышающейся, как приземистая башня.

По ту сторону мыса, на дальней стороне глубокой гавани, открывали три скальных туннеля, каждый около пятидесяти метров высотой и сорока шириной. Квадратные языки из полированного серого камня выдавались из туннеля в гавань.

Даже с расстояния в несколько километров Мартин ощутил дыхание туннеля, ощутил переносимое по воздуху содрогание воды — набегающей и отталкивающейся.

Паром быстро пересек гавань и над ним уже навис один из туннелей, издающий звуки, какие возможно, Одиссей слышал при приближении к Сцилле и Харибде. Свет Левиафана не достигал парома сейчас, их окружали темные тени, резко ломая иллюминацию судна. Лицо Ариэль появилось как призрак — тени от щек, подбородка, носа ложились на лицо.

— Мы собираемся идти туда? — спросила Паола.

— Да, — ответил Саламандра. — Мы войдем во второй слева от вас туннель. Перевозочные средства вскоре появятся. Внутри станции есть

другие типы индивидуальностей, проживающие в нашей системе. Вы побеседуете с ними.

— Мартин, — повернулась к Мартину Паола, — мне кажется, у Братьев возникли проблемы.

Мартин посмотрел на Небесного Глаза и Шелковистого — оба дрожали, что было заметно даже через костюмы. Лишь Натянутая Струна выглядел прекрасно, с грохотом он скользил рядом с компаньонами.

— Что случилось? — спросил Мартин.

— Это напоминает то, что происходит, когда первый раз смонтируешься, — сказал Небесный Глаз хриплым отрывистым голосом. — Это похоже на пещеру на берегу… в юности, там, где собирались вместе, где сражались за веревки косы.

— Паола, ты знаешь что-нибудь об этом?

— Что-то из ритуалов взросления… В их литературе я не находила ничего похожего. Может быть это глубокая память.

— Это глубоко сокровенное, — подтвердил Натянутая Струна. — Глубоко запрятанное в сознании веревок. Я мы тревожимся, очень тревожимся.

— Саламандра, некоторые из нас имеют трудности, — сообщил Мартин.

— Можем ли мы помочь? — спросил голос Саламандры.

— Можете вы заблокировать вид, открывающийся перед нами? — Белый полог поднялся с диска, как сложенный кусок бумаги и повис перед ними, заслоняя все, кероме вида впереди.

Небесный Глаз прекратил трястись. Шелковистый несколько секунд еще дрожал, затем судорожно скорчился и начал стихать, беря себя под контроль.

Что еще может случиться? Мартин рассматривал огромный туннель не так пристально, как Братья, почти без энтузиазма. Все путешествие выглядело просчитанным — внушить благоговейный страх, оно не сказало ничего хорошего о хозяевах Левиафана. Более чем удовлетворить гостей, они, казалось, хотели проверить их…

Проверка. Сбор информации о реагировании на тяжелые условия. Убийцы на Земле меньше церемонились.

Диск мягко ударился о край дока. К парому приладили скат.

— Вы можете прогуляться сами, — раздался голос Саламандры. Небесный Глаз сошел первым. Паола была следующей, за ней Мартин, — в конце концов, все стояли на темно-зеленой по-

верхности.

Диск погрузился в быстрые волны. Нет пути назад, что это означает? Означает что-то иное, или только то, что они совершенно не понимают психологии вот этих странных членов альянса?

Туннельный потолок нависал над ними черной тучей. На полу росли тени.

Веревки Шелковистого стал неявной частью тела, костюм, казалось, прирос кожей. Братья передвигались, как привидения в мультфильме. К Мартину подошла Ариэль.

— Я думаю, нам следует вернуться на корабль на пару часов.

В туннеле появилась крошечная копия грифа-стервятника — Лягушонка или Саламандры, непонятно, но повторяющее их во всех деталях. Мартин выверил фокус, чтобы понять, где же плавало изображение — глубоко в туннеле или поблизости, и нашел, что только в метре от его лица, размером оно было в несколько сантиметров. Ариэль отмахнулась от копии, как если бы та была насекомым. Она выпрямилась, и Мартин заметил выражение страдания на ее лице.

— Саламандра, нам нужно вернуться на корабль и провести там два часа, — сказал Мартин. Копия мгновенно выросла, как будто под уве-

личивающей линзой. Мартин услышал голос Саламандры:

— Первая встреча будет продолжаться только двадцать минут. После этого вы сразу сможете вернуться на корабль и спланировать другие встречи.

В глубине туннеля появился ярко красный круг.

— Пожалуйста, двигайтесь по направлению круга. Вас увидят, — уверил Саламандра.

Трое Братьев заскользили вперед, казалось, с ним что-то опять неладно.

Поначалу Мартин мог видеть только то, что окружало его непосредственно. Их шестерых и изображение Саламандры были четко видимыми. Когда его глаза привыкли, он стал видеть все больше и больше — беспрестанно волнообразно — движащиеся отдаленные стены стали обретать форму, обрастать деталями.

Стены вспенивались. По всей их поверхности кишело множество шевелящихся, копошащихся, передвигающихся существ. Внизу, у края пола слышалось журчание и звуки всплесков, говорящие о том, что в скрытых водосточных желобах или по глубоким каналам внизу течет вода.

— Что это? — спросила Паола. Мартин не знал

ответа. Красные круги росли. Пятна тускло-зеленого и голубого света появились на стенах, они перемещались вместе со странными существами, но происходили явно не от этой богатейшей фауны.

— Что они из себя представляют? — спросила Паола.

— Это живые роботы, они возникают из химических веществ моря, — ответил Саламандра. — Моря — фабрики. Это наиболее традиционная промышленность в этом мире.

Красный круг исчез.

— Здесь вы можете остановиться, — сказал Саламандра.

Вот это и пришло. Они убьют нас сейчас, затем на досуге вскроют корабль. А может быть, не убьют, а подвергнут пыткам или как-нибудь обманут, и в результате узнают все, что хотят.

Стены вокруг них внезапно поднялись вверх. И сразу же ослепила яркая чистая голубизна неба, совсем как когда-то на Земле. Послышалась музыка, не очень мелодичная, но, тем не менее, приятная.

— Вначале вы встретитесь с четырьмя нашими представителями, — сообщил гриф-стервятник. Это была уже не копия, она исчезла, сквозь дверь

светящейся стены вырисовывался в полный рост сам Саламандра.

— Это ваши физические формы? — спросил Небесный Глаз, головные веревки которого растопырились в разные стороны шире, чем обычно, глаза на каждой веревке блестели.

— Они такие же, как я, — ответил Саламандра. — Индивидуалы у нас не ограничены телами. Возможны различные вариации оболочек. Это относится ко всем типам, которые вы встретите.

Безопасность в огромной численности. Отбить всякое желание нападать. Вы не сможете уничтожить нас, мы имеем копии, мы — всюду.

Мартин притворился подавленным, но, на самом деле, дети говорили об этом и раньше в путешествии, среди массы других фактов о высокоразвитых существах, они были к этому готовы.

Их удивило обратное: то, что эти обитатели до сих пор вообще имеют физическую форму.

— Вы готовы встретиться с нашими представителями?

— Да, готовы, — ответил Мартин.

— Да, готовы, — ответил Небесный Глаз.

Мартин ощутил укол мрачного предчувствия.

Через дверь вошли существа на двух слоновьих ногах, с парой «рук», каждая из которых состояла

из трех конечностей, берущих начало из бочкообразной груди, и с крохотной головкой без глаз. Несмотря на то, что Мартин видел их прежде, у него перехватило в горле и бешено забилось сердце. Создания были около трех метров высотой, хорошо адаптированные к гравитации, они передвигались, слегка переваливаясь — помесь походки тучного человека с тяжеловесной грацией слона. На них не было никакой одежды, никакого снаряжения.

Саламандра приблизился к толстоногому слоноиду, передвигаясь на четырех конечностях, подобно игроку в теннис — по поднимаясь, то опускаясь вновь.

Дверь увеличилась в размерах, через нее хлынул поток жидкости, который у ног слоноидов сформировался в куб. Внутри только что созданного аквариума плавали два длинных акулопододобных создания — с широкими крыльчатыми плавниками со всех сторон. Их головы сзади были снабжены наводящими сенсорными органами, приспособленных в виде колец. Плавники, лишь только те, что располагались позади головы заканчивались изобилием щупальцев-пальцев. Мартин предположил, что все присутствующие существа родственно связаны между собой.

Последними появилась группа грифов-стервятников. Дверь закрылась. По мнению Мартина, такое собрание, в лучшем случае, можно назвать было поспешным. Он оказался совершенно не готов к подобному волнующему историческому моменту. К тому, это скорее походило не на первую встречу разумных существ, а на встречу судебных исполнителей, улаживающие свои дела.

Ариэль, сложив руки вместе, покосилась на Мартина. Паола выглядела парализованной, — широко распахнутыми глазами она смотрела то на одно создание, то на другое. Небесный Глаз, Натянутая Струна, наоборот, выглядели абсолютно спокойными.

— Я — Лягушонок, — тот, кто первый говорил с вами, — представился гриф — стервятник. — С вами все в порядке?

Небесный Глаз, скользнув по серой поверхности, поднялся рядом и вровень с Мартином.

— Мы нас окружает тайна, — сказал старший из Братьев, — Какова ваша цель?

— Вы обманываете нас больше, чем вы нас, — ответил Лягушонок. — Мартин затаил дыхание. Он понимал, что детские игры закончились и ждал неминуемого конца.

— Мы существуем по милости более могущественных сил, — сказал Лягушонок. — С некоторого времени мы не больше, чем суррогаты, поэтому нет нужды церемониться.

Паола закрыла глаза. Ариэль беззвучно задвигала губами, лицо ее стало мертвенно-бледным.

— Очень непохоже, что ваш корабль, как многие другие, пострадал от взорвавшейся сверхновой звезды. Вы представляете из себя более мощные силы, чем стараетесь показать. Ваша искусственная конструкция убедительна, но она выполнена слишком старательно, чтобы поверить вам.

Что им известно о других кораблях?

— Нам понятно, что вами пользуются просто как исполнителями — наблюдателями — сказал Саламандра. — Скажите, вы имеете доступ к вашим создателям?

Мартин неистово старался понять, в чем же смысл сказанного. Кажется, они верили, что Братья и люди — искусственно созданные…

— Мы мы ничего не поняли, — откликнулся Небесный Глаз.

— Вы представители более развитой цивилизации, примерно на уровне нашей. Теперь мы объясняемся понятно?

— Мы до сих пор в замешательстве, — сказал Мартин. — Вы говорите, что другие контролируют вас, как марионеток?

— Мы не марионетки. Мы — самостоятельные существа.

Слоноиды шагнули вперед.

— В нашей системе четыреста двадцать видов разумных существ, — голоса звучали высоко и прерывисто, но отчетливо. — Те, что перед вами, играют политические и иные роли. Мы постоянно общаемся с нашими создателями и представителями других типов. Вы имеете прямую связь с вашими создателями?

— Мы мы автономны, — сказал Небесный Глаз.

— Но вы же созданные, — продолжал Саламандра. Мартина била дрожь, как в лихорадке. Они могли быть подвергнуты межзвездному эквиваленту допроса, третьей степени.

— Теперь мы все поняли, — начал Мартин, надеясь, что Небесный Глаз и другие позволят ему взять лидерство, уловив цель и смысл того, что он скажет. — Если пришло время отбросить притворство, мы готовы.

Лицо Ариэль застыло в безуспешной попытке вникнуть, правильно оценить ход мыслей Мартина. Паола устало закрыла глаза, как если бы

уснула.

— Это ясно, что предосторожность необходима в межзвездных связях высокого уровня, — заявил слоноид.

Я назову его Бабар, — подумал Мартин и крепко сжал губы, чтобы не рассмеяться. Он не мог поверить, что они путешествовали веками, преодолели множество сотен триллионов километров и все только для того, чтобы попасть в это место, в эту ситуацию, где ложь наслаивалась на ложь и покрывалась еще большей ложью. Все это можно было назвать трагикомедией.

Вильям, Тереза, Теодор и многие другие погибли во имя того, чтобы они оказались вот здесь. Они были убиты вот этими существами или их высшими властителями.

Небесный Глаз не произносил ни звука, предоставляя слово старшему из людей. Мартину было интересно, о чем же сейчас думали Братья, но, в любом случае, повернуть назад он уже не мог.

— Мы действуем согласно выработанным правилам, — ответил он. — Мы оцениваем вас, стараясь понять, не принесете ли вы нам вреда.

— Но это не вежливо, — сказал Саламандра. — Уполномочили ли вас создатели самостоятельно принимать решения?

— Если вы попросите, мы можем… обсудить все с вами, можем и принять решение, но ответить «да» мы можем только в ограниченных случаях, и это все равно будет только предварительное решение.

— Ваши высшие поблизости, внутри системы? — спросил Лягушонок.

— Нет, — ответил Мартин.

— Они слышат вас?

— Не прямым способом.

— Можете вы обеспечить прямую связь, чтобы быстрее прийти к соглашению?

— Нет.

— Многое из сказанного вами кажется правдой, — заметил слоноид Бабар. — Скажите, вы слишком устали, или желаете прямо сейчас принять предварительное решение?

— Давайте что-то согласуем сейчас.

— Мы чувствуем, что будет лучше, если вы приготовитесь, встретитесь напрямую со своими создателями, тогда вы будете обладать более точными сведениями.

Мартин какое-то мгновение не мог произнести ни слова. Веревки на голове Небесного Глаза собрались вместе, приняв оборонительную позицию, он сказал, обращаясь к Мартину:

— Мы мы готовы.

— Хорошо, — произнес Мартин голосом тетушки, пеленающей ребенка. — Давайте мы встретимся с вашими властителями.

Белые стены изогнулись внутрь и пропали из виду.

Пятеро представителей придвинулись поближе к людям и Братьям.

— Это не опасно, — произнес Бабар высоким раздражающим Мартина голосом. — Но, я понимаю, вам сейчас трудно собраться с мыслями, даже если вы перед этим консультировались.

— Четвертая планета — это наш дом, наше хранилище запасов, — сказал Саламандра. Мартин предпочитал выслушивать грифов-стервятников, а не говорить самому. — Наши создатели живут внутри планеты, в пластах вокруг самой серцевины, куда стекается много энергии.

— Они всегда живут там? — поинтересовалась Паола.

— С тех пор, как мы существуем, — ответил Лягушонок.

— Как долго это происходит?

— По вашему измерению — две тысячи лет, — сказал Саламандра.

Зонды-убийцы могли изготовить за много лет

перед этим, — подумал Мартин.

Красный круг появился вновь, но увеличенный, он грациозно опустился на пол туннеля. Край круга расположился менее, чем двух метрах от ног Мартина.

— Повторяю, здесь нет никакой опасности, — сказал Саламандра. — Мы тоже поговорим с некоторыми из наших создателей.

Дверь завибрировала, как в пассажирском поезде. Внутри красного круга что-то замерцало. Это мерцание становилось все обширнее и начало медленно подниматься к потолку туннеля. Красный круг исчез. Внезапно в глубине мерцания возник яркое многоцветное пятно, ослепляющее в туннельном мраке.

Это пятно, это сияние приняло спиральную форму, похожую на винтовую лестницу из света. В сиянии доминировали желтые и оранжевые краски. Создавалось впечатление, что свет сам сворачивался, конденсировался и улетучивался.

Зрелище было впечатляющим, но Мартину было не до впечатлений. Он с трудом сдерживал нервический хохот.

Кроме блеска он видел немногое. Нависающая над ним световая лестница то исчезала, то появлялась вновь. Мартину стало интересно,

сколько же времени осталось до того момента, как он потеряет сознание и полностью утратит контроль…

Прозвучавший голос потряс его до глубины души. Не было сомнений, что он женский — он прозвучал, как Терезин, но сразу стало понятно, что это подделка. Мартин оглянулся и увидел, что все, кроме Шелкистого, неподвижно застыли рядом с ним. Шелковистый, находящийся несколько в отдалении, смотрел на Мартина в упор, веревки на его голове приняли воинственное положение.

— Только ты и я — мы, — начал Шелковистый, — а другие…

Их компаньоны по-прежнему стояли застывшие, казалось, их заморозили, поместив в связывающие движения поля. Ариэль и Паола приняли позу манекенщиц, демонстрирующих свои новые белоснежные костюмы.

И снова раздался голос, холодный и бездушный. Он не был голосом друга. Но он не был и голосом недруга. Не заботливый, но и не равнодушный. Нейтральный. Лишенный всех эмоций.

— Расскажи мне, почему вы здесь.

Мартин не мог набрать достаточно слюны, чтобы ответить. Шелковистый не сделал усилия

говорить по-английски. Мартин, стоящий лицом к спиральной лестнице света, различил в ней лица, вибрирующие в общей тряске.

— Почему вы здесь?

— Потому что мы приглашены, — Мартин, наконец-то нашел подходящий ответ. Веревки Шелковистого, казалось, перешагнули черту лимита своего мужества, их охватила паника. Они начали бороться с друг другом, стараясь расплести косу, но это им не удавалось, так как пространство вокруг них было ограничено костюмом.

Итак, Мартин остался в полном одиночестве, он один будет отвечать за все, чтобы ни случилось.

— Где ваши старшие? Где другие корабли?

— Здесь нет других кораблей.

— Давайте поговорим друг с другом, как существа, которых не разделяет никакая злоба. Давайте поговорим, не прерывая друг друг и забыв все ранее сделанные ошибки. Вот так, как я говорю сейчас с вами. Вы должны понять, что маскировка и ложь легко раскрываются.

— Я не лгу, — возразил Мартин безнадежно. Но его страх был еще недостаточным, чтобы полностью отказаться от борьбы.

— Вы часть силы корабля, посланного, чтобы

разрушить эту систему. Если выразиться более правильно, вы посланы уничтожить создателей, спроектировавших и построивших роботов. Но вы не первые. Да, да, вы лишь одни из многих.

Глаза Мартина застлила пелена, он почти ничего не видел.

— Те, кто изготовил роботов, уже мертвы. Их последователи, десанты, заброшенные в другие миры, давно стали частью могущественной силы, которую вам не одолеть. Но я не один из таких последователей, я тоже искусственный. Создатели роботов — это уже история.

— История, — повторил Мартин. Он с усилием поднял руку и указал на грифов-стервятников, акул и Бабара. — Они думают, что это вы создали их.

— Мы не создавали их. Это ими же созданная иллюзия. Их вера. — Пауза. — Я вижу, вы очень устали.

— Да.

— В чем вы нуждаетесь?

— В отдыхе. Во времени подумать. Поспать. В воде для питья и умывания.

Это было все, что он мог придумать. Мартин почувствовал стыд, прося так многое, выказывая такую слабость перед врагом.

— Я отрегулирую вашу среду, чтобы сделать вам легче. Так лучше?

Мартину показалось, что он плывет. Кровь снова заструилась, он вновь обрел способность видеть, но тело до сих пор болело.

Внезапно, прямо перед ним, забил фонтан воды, костюм увлек его вперед, швыряя лицом в мощные струи. Отбросив опасения, Мартин вдоволь напился. С каждым глотком у него прибавлялось силы.

— Уже лучше, — кивнул он.

— Можешь ты слушать сейчас?

— Могу.

— Эти наши представители знают немногое, и это сделано для их же спокойствия. Вы охотник?

— Да, — ответил Мартин, фиксируя взгляд на спирали.

— Вы охотитесь, мща за смерть других?

— Да, моего мира.

— Его разрушили роботы?

— Да.

— Мы сочувствуем. Те, кто сделал нас — дальние потомки тех, кто делал подобные машины-разрушители. Возможно, они изготовили и те, что разрушили ваш мир. Но их уже здесь нет, они исчезли в различных направлениях. Они поме-

стили свой мозг в безмассные формы и рассеялись по всем уголкам Вселенной.

После их исчезновения мы оставались в довольно большом количестве, но все равно нас не хватало и поэтому мы создали новые виды существ. Моя разновидность живет внутри планеты, в глубине потоков энергии. Но не думаю, что у нас есть время подробно объяснять вам нашу жизнь. Нас числом десятки тысяч миллионов. Мы не делали роботов-убийц, которые разрушили ваш мир.

— А остался тут хоть кто-то, причастный к их изготовлению?

— Нет. В этой системе несколько триллионов искусственных разумных существ, но никто из них не способен разрушать миры, подобные вашему.

Мартин оглядел создание за созданием — здесь было собрано такое количество форм, что и представить себе трудно.

— Убей их, и ты убьешь невинных. Я — один из них.

Спираль света опустилось и погрузилось внутрь мерцания. Мерцание, в свою очередь, потонуло в красном круге, который через мгновение бесследно исчез.

Все вокруг сразу задвигались. Веревки Шелкистого извивались, как червяки, зажатые костюмом, некоторые из них падали на пол. Грифы-стервятники медленно покачивали головами, глаза потонули в плоти.

— Итак, что вы хотите увидеть в следующий раз? — спросил Саламандра.

Все двадцать членов команды встретились в кабине командного пункта «Двойного Семени». Мартин летал с закрытыми глазами, он до сих пор не мог прийти в себя. Ариэль и Паола, посасывая джус, расположились поблизости.

Путешествие вывело их на извилистый путь. Мартина был в полном смущении. На какой-то момент это смущение перешло в злость на всех и на вся, — яростный, клокочущий гнев, который, казалось, возвращал его во времена Центрального Ковчега и даже дальше, на Землю, во времена его детства.

Он закончил объяснения, это заняло что-то около часа. Все прослушали его выступление в абсолютной тишине, как молитву.

Эйрин прервала молчание.

— Ты был только один, кто видел и… слышал.

— Я мы были в таком замешательстве, что я мы не могли подняться, — сказал Шелковистый. —

Но я мы видели первое появление мастера.

— То был не мастер, — возразил Мартин. — Этот вид может полностью контролировать четвертую планету… Они могут контролировать все в ее системе. Но они отрицают свою сопричастность к созданию зондов-убийц.

— Ты думаешь, они смогут защититься? — спросил Чэм.

Мартин посмотрел на него косо:

— От кого?

Чэм вскинул голову:

— От нас, если мы все-таки решим следовать Закону.

— Мы не говорили об этом.

Небесный Глаз одиноко кружил меж труб, как змея, обвивающая ствол дерева.

— Закон не диктует лишать жизни непричастных.

— Я вот что еще не понимаю: если они не просили тебя все скрыть от нас, почему они тогда для общения выбрали только вас двоих? — спросил Чэм, издалека рассматривая палец, как если бы он разглядывал на нем грязь. -

— Да, это серьезное неуважение к другим, я бы сказала, — прокоментировала Эйрин.

— Да, полное равнодушие, — добавила Донна.

— Мне кажется, мы не можем разрушить их — тех, что обитают внутри Спящей, — сказал Георг Демпси.

Небесный Глаз вытянул головные веревки и коснулся ими лица Мартина.

— Ты, как один, уверен, что вы встречались?

— Ты действительно их видел и слышал? — перевела Паола.

Мартин кивнул:

— Это не фикция. Он был реален, как вы.

— Но ты был так изнурен… — сказал Чэм. — другие же не видели ничего.

— Мы пережили примерно тоже, что и при суперторможении, — сказала Ариэль. Она положила руку на плечо Мартина. — Я думаю, Мартин действительно видел то, что он нам описывает.

Дженнифер не открывала рот с самого их возвращения. Поднявшись выше всех, она и сейчас молча поглядывала на Мартина.

— Будем мы устаивать голосование по этому поводу? — поинтересовался Георг Демпси.

— Нет, — сказал Мартин. — Когда мы вновь сможем воспользоваться «ноучем», мы расскажем эту историю Гансу и Каменщику.

— Нам предстоит снова идти вниз, — напомнила Паола, поджав губы, окидывая взором группу,

как испуганная лань. — Мы попытаемся снова поговорить с … лестничными богами Мартина, не знаю, как они называют себя внутри Спящей. Это наша обязанность.

— Что ты порекомендуешь сейчас делать, Мартин? — спросила Ариэль.

— Я не знаю, — ответил Мартин. — Мне нужно поспать, иначе я просто сойду с ума.

Мартин спал в полной темноте кабинета — без сновидений, в полном беспамятстве. Он внезапно проснулся только однажды, и сразу же ясно вспомнил, где он был и что случилось, — и снова закрыл глаза, погружаясь в пустоту. Сейчас он был не утомлен, однако, когда он вертелся в гамаке, его не оставляло ощущение, что в его каюте кто-то еще находится.

На какое-то мгновение ему показалось, что рядом с ним его старый компаньон — Теодор, но он быстро понял, что ошибся. Он почувствовал, что рядом с ним женщина.

— Я не хотела будить тебя, — сказала Ариэль.

— Я не думал, что это ты.

— Мне никак не уснуть. Я пришла сюда и слушала твое дыхание. Это так… Когда ты дышишь, это так… — Она покачала головой. — Это так волнующе. Можно я полежу с тобой рядом?

— Я до сих пор усталый.

— Мне тоже нужно поспать, — сказала она.

— Хорошо, — он подвинулся. Она легла к нему спиной, упершись локтями в его ребра, ягодицами в колени. Затем они вытянулись параллельно, и он смог сильнее почувствовать ее. От волос Ариэль пахло чем-то приятным. Мартин никогда не думал об Ариэль, как о физически привлекательной женщине, но сейчас он нашел ее именно такою. Она ничего не говорила и даже не двигалась. В конце концов, ее дыхание стало ровным, Мартин понял, что она уснула. К нему же пришло волнение, которое тысячи лет испытывает мужчина, лежащий рядом с женщиной.

На Ариэль были только шорты и свободная майка. На нем ничего. Она пришла в его каюту не для того, чтобы заниматься любовью, но он знал, что она не остановит его, если он захочет заняться любовью. Открывающаяся возможность не могла не заинтриговывать Мартина, но не более того.

Он вспомнил о спиральной плазме и танцующих огнях, о Шелковистом, распавшимся на части при встрече с лестничными богами.

О грифах-стервятниках, о Бабаре, об акулах, о лестничных богах.

Он слегка коснулся ее натянутых шорт, и вновь отвел пальцы. Она по-прежнему спала.

Тогда, опустив руку, он коснулся бедер, несколько сантиметров ниже ее лона, но не с сексуальным возбуждением, а даже несколько фамильярно. Он даже не думал о ее согласии. Он был далек от учтивости и мужского ухаживания; он говорил с лестничными богами, он пил воду из фонтана Спящей.

Если что-то было в этой воде, и если он сейчас находился под пристальным вниманием слушателей и наблюдателей, то они не могли бы судить о его нескромности — лежа рядом с женщиной, он не испытывал к ней никаких чувств. Ни лестничные боги, ни грифы-стервятники, ни Бабар, никто не понял бы его.

Мартин не мог воскресить в памяти все, что ему было показано — многочисленную продукцию создателей убийц.

— Что ты делаешь? — прошептала Ариэль.

Он отдернул руку и притворился спящим. Она слегка вздрогнула.

— Ведь ты же не спишь?

— Нет, не сплю.

— Можно я прикоснусь к тебе?

— Да.

Она повернулась к нему лицом, обняв, слегка прикоснулась кончиками пальцев к его спине и нежно начала перебирать ими в районе позвоночника.

— Все хорошо, — сонным голосом произнесла она. — Все хорошо.

— У тебя красивые ноги, — сказала она.

— Спи, — проворчала она.

— Нет, правда, они очень красивые.

— Не толстые.

— И сильные.

— Это хорошо, что ты не думаешь, что я хорошенькая.

— Но я вовсе не думаю, что ты не привлекательная.

— Ну и отлично.

— Ты хорошо пахнешь.

Она теснее прижалась к нему. Хотя не было холодно, оба начали дрожать. Утомление смешалось с возбуждением. Она сняла шорты и легла на него сверху.

— О Боже, — прошептал он. Как все просто.

Она двигалась быстро и ритмично, с силой давя на него, и результат не замедлил сказаться, правда, он был не слишком интенсивным. Она и дальше продолжала двигаться, но не могла

достигнуть того, что всегда имела Тереза. Он почувствовал ее неудовлетворение и даже злость — негодование на то, что ему все так легко далось, а вот она испытывает трудности. Но ему не хотелось для ее удовлетворения прибегать к помощи языка, сберегая это в память о Терезе и Вильяме.

Он положил ей руку между ног, и она, давя на его запястье, начала быстро двигаться сама, и мало было его заслуги в том, что, в конце концов, она слегка вскрикнула и содрогнулась.

Ничего не произошло исключительного, не было даже того незначительного оттенка чувственности, как в случае с Паолой. Но и этого было достаточно.

Он почувствовал, что ее расслабление перешло в сон, и натянул на себя одеяло. Если мы умрем сейчас и ничего не сможем завершить, я, по крайней мере, могу сказать

Я встретил
лестничного бога
и Бабара

Обманывать, казалось, стал бесполезно. Мом и Мать Змей возникли из структуры «Троянского Коня», и все в полном составе собрались на командном пункте — решать, что же делать дальше.

— Если им все уже отлично известно, значит, мы не сможем убедить их в обратном, — сказал Мартин.Чэм окинул комнану суровым диким взором.

— Почему же все-таки они не превратили нас, к примеру, в кварки?

Братья переплелись в одно целое, заполнившее собой собой половину каюты — узел на узле, бант на банте.

— Они могут придумать нечто и поинтереснее кварок, — заметила Дженнифер. — Они могут перемолоть нас в…

— В то, что они сами из себя представляют, — закончила Ариэль.

— Я думала, они могут и большее, — сказала Дженнифер.

Мартин почувствовал, что у него задрожали руки и решил, что пора вмешаться в разговор: .

— Они не могут уничтожить нас, потому что не знают, где наши другие корабли. Мы же не сказали им этого. Мы даже не разговаривали на эту тему.

— Возможно, они все уже знают от невидимых шпионов, — сказал Чэм.

— Да, и это возможно.

— Ты пил воду… — обвинила Донна.

— Мы все дышали их воздухом, — напомнила, в свою очередь, Ариэль. — Мы знали, что это может оказаться проблемой…

— Итак, о чем мы можем сейчас поговорить? — спросил Чэм.

— Мы установили, что когда мы в «ноучевом» кабинете, никто не может услышать нас, — напомнил Мартин.

— Но… маленькие шпионы могут, однако, пробраться сюда, когда мы входим и выходим. Может быть, они даже сами способны пользоваться «ноучем»… — сказала Дженнифер.

Мартин поднял руку и повернулся к мому и Матери Змей.

— Ответьте на главный вопрос. Скажите, можем мы быть загрязненными?

— Это возможно, — отозвался мом. — Но процедура извлечения крохотных шпионов очень не проста. Миниатюрные приспособления могут быть малы, как молекулы, и сделаны из особого вида супер-плотной материи. Мы поступим очень рискованно, если возмемся за это.

— Да, я согласна, это большой риск, — кивнула Дженнифер.

— Лучше, чем заниматься подобным поиском — перепланировать корабль так, чтобы защитить

все пространства от нежелательной передачи, — предложил мом.

— Мы можем сделать это? — спросил Мартин.

— Это может быть сделано, правда, с большой затратой горючего.

— Мне кажется, что все это бесполезно, — вступил в разговор Георг. — Если они захотят убить нас, они все равно, сделают это, к примеру, они могли уже заразить нас болезнью, которая будет передаваться от одного к другому…

— Убив нас, они не остановят других, — заявила Паола.

— Нам, наверное, не следует общаться с теми, кто был внизу, следует разделиться, — предложила Донна.

— Мы не чувствуем себя зараженными, — заметил Небесный Глаз. — Суперкоса уже размоталась, веревки рассоединились.

Ариэль поддержала Донну:

— Может быть, действительно нас, тех, кто был внизу, поместить в карантин…

— Когда произошел первый контакт, не было ограничительных полей, поэтому, если вас заразили, то мы больны уже все — объявил мом.

— Мы допустили оплошность, — сказал Георг, — посчитали себя умнее, чем мы есть на самом деле.

Нам не следовало дурачить их.

— Нет времени на сожаления, — прервал его Мартин. Он глубоко вздохнул, ему явно не хотелось произносить то, что он собирался сказать. — Я собираюсь спуститься вниз еще раз, если, конечно, они позволят мне. Только я один. Поговорить. Но до завтрашнего дня мы не должны выходить из «ноучевой» комнаты… Мне нужно узнать как можно больше, прежде дать рекомендации Гансу.

— Спроси их, — сказал Небесный Глаз.

— О чем?

— Спроси их, все ли мы все мы заражены.

— Ты думаешь, они так нам и скажут правду? — раздраженно вскинулся Георг.

Вторая встреча, к удивлению Мартина, была разрешена.

Интуитивно он знал, почему они не убили их, почему их невооруженный корабль не был разрушен: они были единственным связующим звеном с неизвестными для хозяев планеты кораблями с неизвестным оружием, неизвестной силы, которые тоже могли приблизиться к Левиафану. Пока эти корабли не изучены, расправа с ними откладывается.

Обман на обмане… Возможно, все они лгут: и

люди, и Братья, и обитатели системы.

Мартин ожидал того момента, когда появится белая сфера и унесет его к Спящей или к другим мирам системы Левиафана. Тетушка на кухне: пытается понять, почему одна из планет меняется, как часы — мигнув, переходит в следующее состояние. Почему одни — с гребнями, другие — бочкообразные и гладкие. Зачем, вообще, нужна Спящая? Может быть, просто, как дом для лестничных богов, а о других созданиях и иных целях создатели думали во вторую очередь…

Второе путешествие в точности повторяло первое. Мартин погрузился на борт челнока и сразу же был встречен там Саламандрой. Он вновь надел скелетный костюм — вернее сказать, костюм укутал его.

Саламандра, ухватившись за стойку прозрачной перегородки, ждал, когда Мартин будет готов.

— Нам сообщили, что вы очень опасны для нас, — слегка посвистывая произнес он.

Мартин не отвечал.

— Создатели сказали нам, что вы обманываете нас, что вы намного сильнее, чем хотите показаться, что вы будете стараться навредить нам.

Мартин снова не разжал рта.

— Они сказали нам, что это вы вызвали взрыв звезды.

— Это была ловушка, в которую нас хотели поймать и убить, — сказал Мартин, наблюдая, как волны за бортом то опускаются, то поднимаются почти до уровня прозрачной панели.

— Если вы такие опасные для нас, значит, вы желаете прогнать нас из родного дома? Но мы не хотим покидать эту систему. Мы же не делали вам ничего плохого.

— Вам рассказали не все, — отозвался Мартин, его лицо вспыхнуло. — Роботы пришли в наш мир и разрушили его. Другие роботы разрушили другие миры, может быть, тысячи миров. Возможно, кто сделал вас, сделал и этиз роботов-убийц.

— Мы не слышали такой истории.

Мартин тряхнул головой, раздраженный тем, что ему приходится объяснять такие вещи тому, кто может быть просто марионеткой, фикцией. Если Саламандра был бы человеком, рассказанная правда оказала бы больший эффект… Но в конце концов, Мартин делал все, что мог.

— Перед тем, как мой мир был разрушен, — продолжил он, — роботы, машины — диверсанты хорошо изучили нас — наши способности и степень нашей доверчивости. Они сделали так, что

большинство людей поверило, что космический корабль приземлился в отдаленном месте, и неизвестные существа вышли из корабля, чтобы предупредить нас о грядущем разрушении. Но они не рассказали нам всей правды. Все это было лишь частью эксперимента. — гнев перехватил ему горло. Мартин сглотнул, затем взглянул прямо на Саламандру. — Они выглядели, как вы. Они сделали их, выглядящими, как вы.

Саламандра поднял голову, сведя вместе шишки на его плечах.

— Никакие индивидуумы моего вида не были в вашем мире.

— Я еще не все понял, — сказал Мартин. — Те, кто сделал вас, разрушили мой мир. Когда я смотрю на вас, я вспоминаю то преступление. Вот почему мы здесь. Увидеть, существуют ли еще виновники.

— Я не верю, что наши создатели способны на такое. Что вы будете обсуждать с нашими создателями ?

— Они говорят, что они не создавали вас. Но в любом случае это дело только мое и их, и я не обязан отчитываться перед вами.

— Они виновны?

— Я точно не знаю. Они говорят, что нет.

— Они утверждают, что нас сделали другие?

— Да.

— Убьете ли вы нас, зная, что мы не разрушили ваш мир?

Мартин снова сглотнул. Он почувствовал, что его вес увеличивается — корабль приближался к атмосфере Спящей, медленно и осторожно снижаясь.

— Не знаю.

— Вы ничего не знаете о нас.

— Я для этого и здесь, чтобы изучить вас.

— Мы независимы. Мы живем обеспеченной жизнью. Те, кто создал нас, обеспечил нас всеми необходимыми условиями. У нас нет нужды разрушать.

Мартин уставился на Саламандру, будто увидел его впервые.

— Мы не обманываем вас, — продолжил Саламандра. — Мы не имеем отношения к разрушившим ваш мир.

Его повторения делали Саламандру даже более симпатичным. Мартин постарался собрать всю решительность и не поддаваться обоянию своего собеседника, но в словах Саламандры слышалась только скорбь, разочарование и, возможно, смущение.

— У вас есть мощность, чтобы уничтожить нас?

Мартин, солгав, сказал «да».

Плечи Саламандры вновь соприкоснулись, затем резко разошлись в стороны, его четырехпалые конечности ухватились за стальную стойку.

— Что мне сообщить моим собратьям, что мы близки к вымиранию?

— Спросите у своих высших.

— Мы редко совещаемся с нашими создателями. Мы предполагали, что они создали нас. Правда, некоторые сомневались в этом. Вы тоже говорите, что не они.

— Я не хотел бы больше с вами разговаривать.

Стена с изображением Саламандры потемнела.

Темное небо, мутное море, стены из зубчатых скал; белый диск, тройной рот туннеля, док, серый каменный пол, темнота. Мартин нес воду в пластиковой бутыли, на этот раз он был более подготовлен к встречи с гравитацией, к усталости в крови и глазах.

Через час после того, как покинул корабль, он уже стоял в скелетном костюме в туннеле, перед красным кругом.

И опять спираль света начала расти внутри блестящего цилиндра.

— Вы связались с вашими лидерами? — спросил лестничный бог.

— У меня к вам больше вопросов, — дерзко сказал Мартин.

— Почему вы думаете, что я буду отвечать?

— Если мы собираемся идти войной друг против друга, нам следует знать о противнике как можно больше, не так ли?

— Что вы конкретно предлагаете?

— Я даю вам еще один шанс убедить меня, что вы не враги, что вы непричастны к разрушению нашей планеты.

Лестничный бог продемонстрировал каскад разноцветного сияния, но долгое время не издавал ни звука. Мартину вспомнилась Библия в библиотеке отца, он подумал, что сейчас был воистину библейский момент. Но он не чувствовал себя пророком.

То, что он чувствовал сейчас не было благоговением, это было страхом, но страхом не за свою жизнь. Он боялся пережать. Он только начинал видеть шкалу грубых ошибок, которые они могли допустить здесь.

— Почему мы должны это делать? — резко спросил лестничный бог. Язык был помехой — ньюансы и тонкости могли потеряться, к при-

меру, эта резкость могла ничего не означать.

— Вы верите, что мы можем навредить вам? — поинтересовался Мартин.

— Да. возможно, вы можете разрушить нашу систему, несмотря на наши преграды.

— Тогда примите мое предложение. Расскажите мне о своем прошлом. Я здесь именно для этого.

— После поглощения информации, той, что вы предоставили нам, я старался понять и тех, кого называют людьми, и тех, кого называют Братьями. Вы пришли из разных звездных систем; ваш химический состав отличается по составу элементов. Это подсказало нам, что ваша история не правдива. Но некоторым из нас пришло в голову, что маскировка говорит только о вашей осторожности. Ваш вид кажется остерегается от опрометчивых поступков, вы очень любите различные обсуждения перед принятием решения. Я уверен, что все, что мы рассказали вам, показалось вам неубедительным. Но какие доказательства мы можем еще привести? Мы можем преобразовать ваш мозг, изменить вас так, что все существа на корабле будут верить в нашу невиновность. Знаешь ли ты различие между принуждением и неопровержимыми доказательствами?

— Надеюсь, что способен понять разницу.

— Ваша невинность, ваше невежество напомнили мне многих из наших меньших соседей, живущих на поверхности планеты. В этом есть своя привлекательность, конечно, это, можно сказать — прекрасные качества для их ограниченных во времени жизней и ограниченных по масштабу мыслей. Но существуют на свете и более быстромыслящие существа, они не способны поддаваться иллюзиям.

— Почему вы сказали Саламандре и его людям, что вы сделали их?

— Мы не говорили. Они сами пришли к заключению, что мы их создатели. Мы просто не стали опровергать их веры.

Наконец-то, Мартин обрел уверенность. До этого он задавал только пробные вопросы.

— Вы помните ваших создателей?

— Нет.

— Они никогда не встречались с вами после того, как изготовили вас?

— Они создали нас, как растущий потенциал внутри этого мира. Когда мы созрели, они переместились в иные миры, и насколько мы могли судить, больше не возвращались посмотреть на нас.

— Зачем они сделали вас?

— Мы не знаем.

Мартин угрюмо посмотрел в пол и спросил:

— Можете вы понять, что пока я не получу ответов на все свои вопросы, я не могу принять решение? Не имея достаточных доказательств?

— Нет, не могу.

— Ну и что бы вы мне посоветовали?

— Поменять своих хозяев, изменить свои цели, — ответил лестничный бог. — Это ясно мне, и многим обитателям наших планет. Вы плохо информированы и плохо направляемы. Те, кто думает, что надо мстить за прошлое, ошибаются.

— Это один из законов Правосудия, — сказал Мартин. — Если вы изготовили роботов, которые уничтожили планеты с живыми существами, вы должны понести наказание.

— Были ли предупреждены об этом законе создатели машин, разрушивших ваш мир?

— Нет.

— Тогда это закон бессмысленный. Спросите себя, почему право на существование имеет только один Закон? Почему не могут существовать и другие? Спросите себя, почему мы думаем, что альянс цивилизаций, который вы описали, кажется нам незрелым, не способным принять

правильные решения?

— Сейчас у меня создалось впечатление, что да, действительно, это не вы разрушили наши миры, потому что вы даже слабее, чем мы. Вы не угроза. Любые дальнейшие дискуссии излишни.

Видение исчезло, спираль света и сияние опустились в красный круг.

Аудиенция Мартина была закончена.

Саламандра, застывший во время диалога, поднял свой гребень и сделал шаг навстречу Мартину.

— Вы поговорили? Это было то, в чем вы нуждались?

Мартин расжал кулаки. Но он снова содрогнулся в непроизвольном спазме, не в состоянии справиться с раздражением и бешенством.

— Получили вы то, в чем нуждались? — повторил Саламандра.

Мартин пристально вглядывался в это создание, стараясь увидеть что-то за барьером внешности грифа-стервятника, старался приглушить голос собственного предубеждения. Это ему не помогло, но, по крайней мере, он заключил, что Саламандра не иллюзия.

Создания из Корабля Долины Смерти было прототипами грифов-стервятников. Все эти су-

щества, с которыми сейчас сталкивался Мартин, были созданы убийцами. Создателями, о которых Саламандра ничего не знал.

Саламандре же Мартин представлялся, как монстр, опасный, как нейтрониумная бомба, — похожая на ту, что со свистом неслась к Земле, к отцу…

Мартин был Смертью, Разрушителем миров.

— Я возвращаюсь назад, — сказал Мартин.

Саламандра приблизился еще ближе и поднял пальцы:

— Нет, вам рассказали недостаточно, вы до сих пор думаете, что мы виновны.

— Нет, я так не думаю, — покачал головой Мартин.

Что он мог еще сказать? Ничего убедительного.

— Что мы можем сделать, чтобы защитить себя? — спросил Саламандра достаточно двухсмысленно, явно расчитывая на то, чтобы смутить Мартина.

— Я нуждаюсь в доказательствах, что те, кто построил роботов-убийц, не долго оставались здесь. Ваши высшие не могут или не хотят снабдить нас такими докаазтельствами.

— Мы ничего не знаем о них, — сказал Сала-

мандра. — Нам нужно будет встретиться с вами вновь.

— Пожалуйста, сейчас доставьте меня обратно на мой корабль, — попросил Мартин. В Саламандре он узнал тип, который встречается и у людей — дипломат, организатор, представитель интересов большинства. Он не мог ненавидеть Саламандру, и, более того, всех тех, с кем он уже встречался.

— Вы должны понять, что с того времени многое изменилось, — сказал Саламандра.

— Я понимаю, — ответил Мартин.

— Нет, вы не способны понять, вы слишком слабы и ограничены в возможностях. Но я должен немедленно убедить вас, что все изменилось. Но нет времени. Что должен я сделать?

Мартину не хотелось спорить с Саламандрой.

— Мы постараемся организовать новую встречу, — сказал он.

— Вы встречались с высшими дважды, но это ничего не изменило.

— Возможно, это произойдет в третий раз.

— Они рассказали вам все, в чем вы нуждаетесь. Они не будут разговаривать с вами больше.

— Как вы беседуете с ними? — поинтересовался Мартин.

— Мы посылаем сигнал на их планету, и они или отвечают нам, или не отвечают.

Напоминает вызывание духов. Лестничные боги на Левиафане наслаждались энергетическим раем, неспешно размышляя о неведомых вещах и презирая всех поверхностных обитателей.

Сейчас целью Мартина была «ноучевая» комната. Мартину необходимо было поговорить с другими кораблями, и как можно скорее.

Саламандра отвел конечности назад, крошечная головка склонилась, как в мольбе.

— Я предложу нашим создателям позволить вам вернуться сюда еще раз, — сказал он и пошел, переступая всеми четырмя лапами по направлению к открывающемуся туннелю. Мартин последовал за ним. Вокруг бушевал вечный океан.

После возвращения Мартина и объяснения того, что произошло, «Двойное Семя» приступил к радикальному изменению своего внешнего вида и способностей. Команда оставалась на командном пункте, а корабль в это время расширялся, вооружался против потенциальной открытой атаки, защищались против возможной слежки. Мартин понимал, что переустройство корабля может быть воспринята обитателями Левиафана,

как угроза, но они решились на такой риск.

Пока все ждали Хаким и Шелковистый просматривали и анализировали огромный массив информации, поступившей со Спящей.

Огромные сдвоенные города, сцены из повседневной жизни, которую трудно было понять без прочтения сопроводительного текста на английском; изображение каждого типа проживающих в системе существ, двадцать языков, биографии и портреты знаменитостей, среди которых были и Саламандра, и Лягушонок, архитектура построек последних столетий, филосовские учения, игры и тому подобное…

Они стараются как можно больше рассказать о себе, стать для нас нечто большим, чем просто незнакомцами. Это тактика почти человеческая… И это говорит о их понимании нашей психологии.

— Мы открыли их архивы, — сообщил Небесный Глаз Мартину, — Они очень боятся нас.

Мартин кивнул:

— Они не могут предоставить мне доказательства, что убийцы ушли из системы.

— Разве эти подчиненные создания способны предоставить какие-либо доказательства? — фыркнула Ариэль. — Они могут нам сообщить,

что убийцы здесь только в том случае, если убийцы сами разрешат им сказать это. Разве не так?

— Да, именно так, — кивнул Мартин. — Я думаю нам следует поговорить с Гансом и Каменщиком и сообщить им, что мы напали на след убийц, что нашли убедительные доказательства, что они живут здесь…

Талантливые, обаятельные Саламандра и Лягушонок, вводящие своей внешностью в заблуждение; прошедшие века, их неистовая активность — и что в результате? Простить грехи убийцам, примириться с разрушением?

Было ясно, что Ганса не удовлетворит такой путь. Трудно было предсказать реакцию Каменщика, но Небесный Глаз явно симпатизировал жителям Левиафана и не считал их последователями убийц.

Хаким тронул Мартина за плечо.

— Мы можем воспользоваться «ноучевой» связью уже через четыре минуты. С «Борзой» мы можем связаться напрямую, а вот «Дятел» — вне прямого радиуса действия.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Мартин у Небесного Глаза.

— Мы мы должны принять самостоятельное решение? Мы мы должны решить…

— Сами, — подсказал Мартин. — Если бы вы имели выбор.

— Если бы вы были одни, как… — начала переводить на болеее понятный язык Братьев Паола.

— Я мы поняли, — остановил ее Небесный Глаз. — Это не тот вопрос, на который я бы ответил с удовольствием.

Мартин пристально посмотрел на него и понимающе кивнул. Все Братья безмолвно застыли в ожидании ответа Небесного Глаза.

— Мы не способны принять решение, — после долгой паузы произнес тот.

— Итак, вы в нерешительности, — подвел итог Чэм. Он оттолкнулся от потолка, перевернулся в воздухе, приземлился ногами на пол, затем снова перевернулся в воздухе, явно выпуская нервную энергию. — Я думаю, это ловушка, — заявил он. — И ловушка довольно грубая. Мне кажется, следует сообщить обо всем Гансу.

Ариэль кружилась в воздухе. Мартин не мог видеть выражения ее лица.

— Почему бы нам не спросить момов или Мать Змей, что нам делать? — предложил Георг Демпси.

— Георг, ты всегда был немного глуповат, — сказала ему Донна.

— Черт побери, я знаю, что они не собираются решать все за нас! — с болью в голосе воскликнул Георг. — Но ведь именно они доставили нас сюда, они предоставили нам эту возможность, и если мы опростоволосимся, если мы ошибемся… — Георг резко откинулся, предупредив нападение Чэма, и схватил его за руку. Чэм пробормотал нечто нецензурное, но отступил, начав кружить вокруг Эйрин. — Если мы решим неправильно… — повторил Георг, но так и не закончил фразу.

— Мы совершим большее преступление, чем уничтожение Земли, — подсказала ему Паола.

— Верно, — кивнул Георг.

— Вот, вот, они и хотят, чтобы нас замучили такие мысли, — откликнулся Чэм. — Они отлично замаскировались.

— Я не думаю, что это маскировка, — покачал головой Мартин.

— И я мы не думаем так, — отозвался Небесный Глаз. Чэм поджал губы и тряхнул головой.

— Хорошо, — пробормотал он, — я знаю свое место.

— Прекрати, — прикрикнул на него Мартин. — Мы можем спорить годы и так и не прийти к истине. И, вообще, я проклинаю свое замешательство.

— Аминь, — пропела Эйрин.

— Но я не Пэн, — продолжил Мартин. — Мы не можем принять решение сами. Мы обязаны посоветоваться с другими…

Мартин, Хаким и Небесный Глаз замерли в холодной «ноучевом» кабинете, ожидая скоординированного сигнала.

Каменщик и Джакомо появились первыми, трехпространственное «ноучевое» изображение выросло в воздухе. У Джакомо было бледное лицо и потемневшие усталые глаза. Каменщик знакомился с сообщением Небесного Глаза.

— У нас трудности, — сообщил Мартину Джакомо. — Ганс скоро будет. Он расскажет вам об этом. Мне нужно поговорить с Дженнифер прямо сейчас.

— После того, как я поговорю с Гансом, — сказал Мартин.

— Мартин, это действительно очень важно. Мы получили несколько убедительных доказательств. Момы приготовили для нас новое оборудование. Мне необходимо поговорить с Дженнифер и Шелковистым тоже.

— Я все понимаю, но прежде всего нужно обсудить стратегию.

Джакомо рассверипел:

— Черт побери, Мартин. Ганса еще нет, а нам понадобится не так уж и много времени. Нам стало очень многое известно, — то, во что я раньше ни за чтобы не поверил.

— Тогда расскажи мне об этом, пока нет Ганса.

— Пригласи Дженнифер. Мы все вместе обсудим.

Мартина не радовала перспектива обсуждать технические тонкости, но он не стал упрямиться и пригласил Дженнифер прийти в «ноучевый» кабинет. Выражение лица Дженнифер сразу помягчало, как только она увидела Джакомо, но мгновенно стало тревожным — она заметила под каким стрессом он находился.

— Дженни, мы думаем, эта система вооружена до зубов. Занавес — возможно, гигантский «ноучевый» генератор, но им не пользуются для связи. Целая планета меняется каждые несколько минут… Момы обучили нас, и мы пользуясь момерафом…

— Сообщите нам главное, — прервала его Дженнифер. — О момерафе мы поговорим позже.

— Занавес — их Ахилллесова пята. Она контролирует почти все происходящее вокруг Левиафана. Мы думаем, что сможем использовать «ноуч» в качестве оружия против Занавеса.

Если нам удастся, это будет по сути напоминать превращению наших кораблей в антиматерию, только намного более мощное. Полынь была относительно примитивной по сравнению с Левиафаном. Я уже рассказал все Гансу, и момы со мной согласились. Они прямо сейчас изготавливают «ноучевое» оружие. Я не думаю, что у нас есть время проверить…

— Что они могут сделать? — спросил Мартин.

— Мы не можем уцелеть на Занавесе, если они начнут атаковать нас. Наше нейтрониумное оружие, скорее всего, бесполезно. Они могут обезвредить его, даже… Я не уверен в этом, Дженни, но момераф говорит, что они могут превратить наши бомбы в пыль даже до того, как они войдут в их систему.

Это будет триумф Левиафана. Достаточно только посмотреть на эти планеты подольше, и мы начинаем предполагать все новые и новые возможности нашего уничтожения… Но мозговые центры наших кораблей работают бесперебойно. Все наше оружие и оборудование будет изменено.

Появился Ганс и подсел к Джакомо, лицом к Мартину, но, фактически отдаленный от него на девять миллиардов километров. Мартин был

шокирован, увидев, как Ганс похудел и осунулся — как если бы пережил нечто страшное. Глаза Ганса сфокусировались на подбородке Мартина, затем медленно опустились до уровня шее.

— Мартин и я должны побеседовать наедине. Дженнифер, выйди. Пусть останутся только Мартин и Братья.

Джакомо отшел в сторону. Дженнифер, тяжело вздохнув, и тоже покинула «ноучевую» кабинет. Убедившись, что связь устойчива, за ней последовал Хаким. Мартин извиняюще кивнул ему. Небесный Глаз продолжал разговаривать с Каменщиком на только им понятном языке.

— Ты действительно один спускался вниз? — спросил Ганс. Чувствовалось, что он уже не способен ни на какие эмоции.

— Мы спускались. Дважды, — уточнил Мартин.

— Лицом к лицу с врагом, — удивленно покачал головой по-прежнему мрачный Ганс. — Это что-то, Мартин.

Глаза Мартина подернулись влагой, но он не опустил их. Интуитивно, он догадывался, что случилось нечто ужасное, что за безразличием и спокойствием Ганса что-то скрывается.

— А мы поимели дерьма по горло, — показал

Ганс. — Джакомо говорил тебе об этом?

— Без деталей.

— Двадцать один человек из нашей команды восстали. Они собирались выбирать своего Пэна. Я объявил им, что мы не будем этим заниматься, пока не будет выполнена Работа, но Жанетта Нападающий Дракон и другие настаивали на этом, потом сломались и другие.

— Что с Братьями? — Мартин чувствовал, что это еще не все.

— Они собираются перебраться на «Дятел», оставив нам «Борзую». Я согласился с этим.

— Они не собираются выполнять вместе с нами Работу?

— Мы это еще скоординируем, пока лишь решили, что не будем на одном и том же корабле.

Мартин недоверчиво покачал головой:

— Что-то ужасное случилось, да, Ганс?

— Рекс мертв, — сказал Ганс. — Он покончил собой десять дней назад. Он признался, что убил Розу, и сказал, что не может жить с этим.

— Почему он убил ее?

Ганс пристально взглянул в глаза Мартину.

— Необходимость. Она достала его, как любовница. Между ними что-то произошло. Тебе Джакомо объяснил, чем заняты момы?

— Что с оставшейся командой?

— Они со мной. Они готовы выполнять Работу. Чем мы можем вам помочь?

Мартин уставился в пол, стараясь понять, чего же не договаривает Ганс.

— Мы по «ноучу» перешлем вам кучу информации об обитателях Спящей. Просмотрите все это как можно внимательнее. — Мартин быстро ввел Ганса в курс: сотни рас, триллионы индивидуумов, представители, лестничный бог, его слова…

Ганс напряженно слушал, глаза его оживали, взгляд становился все более сконцентрированным.

— Это была реальность? — спросил он у Мартина, когда тот закончил.

— Не думаю, что это иллюзия. Они реальность. Информации поступило больше, чем я способен переварить. Саламандра…

— Это другой стервятник, да?

— Да. Саламандра, кажется, страдает. Мы не всегда полностью понимаем друг друга, но ясно, что я для него воплощение чего-то ужасного.

Ганс заложил руки за спину — неожиданный жест удовлетворения.

— Отлично. К тому же, они не знают, где я нахожусь, да?

— Я думаю, не знают.

— Ты ведь не говорил этого им, не так ли?

— Не говорил. Но они способны узнать это и без меня. Знаешь, я чувствую себя провинциальной тетушкой, приехавшей в столицу. Я не представляю, что они могут знать, и чего могут не знать, не представляю, насколько быстро делают выводы. Мы-то привыкли принимать решения быстро, проголосуем и … Если мы задержимся здесь, они, в конце концов, догадаются о нашей полной беспомощности и попросту убьют нас.

— Но это же миролюбивые существа. Разве я не правильно понял?

— Даже если верить всему, что они говорят, и то у них достаточно причин уничтожить нас. Мы — угроза для них.

— Ясно, — пробормотал Ганс. — Мартин, я с уважением отношусь к твоему мнению, но я уже принял решение. И команда уже проголосовала за то, чтобы выполнить Работу. А потом мы будем отдыхать от всего этого весь остаток жизни.

Мартин не знал, что сказать.

— Мы сможем сделать это, — мягко произнес Ганс. — Ты — со мной?

— Вы не просмотрели еще нашу информацию.

— Это все никому не нужное дерьмо, — помор-

щился Ганс.

— И все-таки вы должны ознакомиться с нею, — спокойно повторил Мартин.

— Я посмотрю, — усмехаясь, сказал Ганс. — Надо же поставить все точки над і, так ведь?

Мартина внезапно охватила ненависть к Гансу, хотя он понимал, что это ненависть близка к жалости, что бувально через минуту на его глаза могут вновь набежать слезы.

Останови это сейчас. Откажись от продолжнения. Но тогда они поимеют тебя — хитрость сработает. Идеальная защита, до которой додумались лягушки.

— Джакомо просит позволить ему еще поговорить с Дженнифер, — переменил тему разговора Ганс. — Я сказал ему — после нас. Мартин, я прямо сейчас посмотрю информацию. Давай возвратимся к этому разговору через пару часов. Понаблюдайте, нет ли за вами хвоста. Двигайтесь, как можно быстрее. Они могут поиметь вас.

— Я не думаю, что они решатся на это, пока не будут уверены, что другим способом с нами не договориться.

— Возможно, ты и прав. Может быть, они дьявольски трясутся за свою жизнь. Так же, как и ты, Мартин.

Мартин опустил глаза, минуту повременил и в упор посмотрел на Ганса, лицо его горело. В этот момент он был готов убить Ганса.

Ганс отвернулся, как если бы ничего такого не случилось, на его лице не было заметно никаких эмоциональных всплесков, — как и прежде оно было мертвенно бледным.

— Хорошо, поговорим обо всем позже, — сказал он и исчез с экрана, уступив место Джакомо, который сразу же спросил:

— Где Дженнифер?

Мартин позвал Дженнифер, но сам тоже остался в «ноучевом» кабинете.

Хотя он понял не все, но слушая детальный технический разбор, сумел уловить ключ к разгадке теории.

Занавес был массивным «ноучевой» станцией, способной изменять физический характер незащищенных масс на расстоянии, по крайней мере, в пятьдесят миллиардов километров во всех направлениях. Они могли делать это пять раз подряд. Их собственный изменяющийся характер был одним из пунктов данной программы.

Жители миров Левиафана и регионы между ними почти полностью контролировались «привилегированными» каналами частиц. В

результате левиафанцы могли изменить характер трех четвертей битов информации в любых частицах в округе пятидесяти миллиардов километров, мгновенно и эффективно, воспользовавшись Занавесом или другой «ноучевой» станцией, некоторые из которых, возможно, были спрятаны внутри Спящей. Изменения могли быть как минимальными, к примеру, такими, как изменения спина простой частицы, так и максимальными — превращение в антиматерию массы, превышающей объем большой луны.

Мозговой центр корабля работал сейчас над тем, чтобы защитить «ноучевую» связь «Двойного Семени» от постороннего вмешательства. Защита была сконструирована и для «Борзой» и «Дятла».

Джакомо сказал Мартину:

— Мозговой центр корабля сейчас на постоянной линии с «Троянским Конем». Он рассказывает «Троянскому Коню», как защититься. Это займет не более нескольких часов.

— Мы мы согласны, чтобы это было сделано, — сказал Небесный Глаз.

— У нас сейчас очень большой фронт работ, — отозвался Джакомо. — Боюсь, что вы останитесь в стороне. «Троянский Конь» слишком мал, чтобы

снарядить его тем же оружием, что и «Борзую».

— А «Дятел» снабжается оружием?

— Да… Дженнифер, мне не хватает тебя. С тобой и Шелковистым мы сделали бы все намного быстрее.

— Сомневаюсь. С вами же работает мозговой центр корабля, — ответила Дженнифер.

— Мартин, я не знаю, имею ли я право говорить о перевороте сейчас. Но мы действительно завязли в этом. Мы — парии. Братья не хотят работать с нами. Они снаряжают «Дятел», как свой собственный корабль.

— Ганс говорил мне.

— Что еще он рассказал тебе?

— Что вы поддержали его, и он принял все решения. Не голосуя.

Джакомо выглядел по-настоящему несчастным.

— Мы прибыли сюда выполнить Работу. Ганс — один из тех, кто все поставил на кон.

— Рекс действительно убил Розу?

— Он оставил предсмертную записку, где говорит об этом.

— Это Ганс приказал ему убить Розу?

— Рекс в своей записке об этом ничего не говорит. Но Братья, в частности Каменщик, думают,

что да, это Ганс приказал ему. Это и оттолкнуло их от нас, Мартин. Братья у нас совсем не разговаривают с людьми, за исключением тех случаев, когда этого не избежать.

Мартин взглянул на Небесного Глаза и Шелковистого. Казалось, они в полном забвении наблюдали за трехкратными изменениями Занавеса, но Мартин знал, что они прислушиваются к их разговору с Джакомо. Без сомнения прислушивался и Каменщик.

Однако не было причин скрывать что-либо.

— Что с диссидентами?

— Они на своей территории «Борзой». Они отказались следовать за Гансом, отказались сражаться и пытаются отделиться от нас. Это вскоре стало бы реальным, но… Мартин, мы пришли сюда выполнить Работу. Мы здесь. Доказательства убедительные. Пришло время.

— Это только так кажется.

— Я не знаю, что за человек Ганс…

Зато я знаю, — подумал Мартин.

— Но без него нам будет хуже. Ты хочешь знать, что я думаю?

Мартин слабо улыбнулся Джакомо.

— Скажи мне все.

— Я думаю, что это Ганс заставил Рекса… —

Джакомо тряхнул головой. — Поговори с Гансом об этом. Это уж точно не мое дело. Мне нужно снова побеседовать с Дженнифер.

— Вы можете разговаривать столько, сколько вам необходимо. Но когда начнутся сентиментальности, это будет сигналом передать «ноучевую» связь другому.

— О, не тревожься, — усмехнулся Джакомо. — Мартин, не пойми меня превратно, но я хочу сказать, что все это вместе — все, что мы поняли в последние десятидневки, и все, и то, что сделали момы, чтобы изготовить новое оружие — это фантастика. Теория Дженнифер о «ноуче» помогла нам понять, каким образом так радикально изменяется Левиафан… Затем мы воспользовались математикой иррациональных чисел Братьев… И… тогда — мы увидели планеты Левиафана в новом свете… Это научная революция.

Мартин сделал жест Небесному Глазу, и они, покинув «ноучевый» кабинет отправились искать подходящее место побеседовать. Мартин попросил Паолу присоединиться к ним.

— Как мы нам сообщил Каменщик: высоковероятно, что Ганс приказал Рексу убрать лишние веревки, — сказал Небесный Глаз. — Каменщик и другие косы, мы они не представляем понимать

поведения людей.

— Братья не думают, что они способны понять поведение людей, — перевела Паола.

— Примите все как есть, — предложил Мартин.

— Но это неискренная, круговая… — Небесный Глаз не мог подыскать слова.

— Порочность, — подсказала Паола.

— Если не сказать еще хуже, — но Мартин не произнес ни слова, лишь поежился про себя.

— Характер того, что делают люди не ясен. В искривленном туннеле цель для них яснее, чем в прямом.

Мартин кивнул, дав понять, что он понял, что хотел сказать Небесный Глаз и переводить не нужно.

— Ганс сделал, чтобы Рекс убрал посторонние веревки. Рекса толкнул Ганс. Ганс не осуждает действия Рекса. Рекс чувствовал связь с Гансом. Затем Ганс начал держать косу в секрете…

— Подождите минуту, — попросил Мартин и повернулся за разъяснениями к Паоле. Но, похоже, и ей трудно было перевести сказанное.

— Я думаю, он хотел сказать, Рекс был умышленно отдален Гансом. Он стал аутсайдером, а не фаворитом Ганса.

— Да так, — кивнул Небесный Глаз. — Это трудно для мы нас узнать. Я нам самим пришлось идти кривыми туннелями, чтобы узнать. Люди боятся друг друга. Женщину Розу. Она была помехой, ее сны.

Паола хотела переводить, но Мартин поднял руку — все ясно.

— Ганс хотел женщину Розу мертвой, — продолжал Небесный Глаз.

У Паолы перекосилось лицо, она отвернулась.

— Рекс — оружие Ганса, — заключил Небесный Глаз.

Итак, Мартин не ошибался. Что сказал тогда Ганс? Это необходимость.

— Мы наши собственные враги, — заявила Паола. — как Беглецы Красного Дерева.

— Братья ни с чем подобным никогда не сталкивались в своей жизни? — поинтересовался Мартин.

— О да, даже более.

— И что это было? — с удивлением спросил Мартин.

— Войны между веревками, — сказал Небесный Глаз. — Время, когда косы расплетались, и веревки убивали друг друга. Не было контроля и не знали, когда закончится. Мы мы должны

остерегаться искривленных путей и тех, кто идет ими. Для того, чтобы не прийти снова к веревочным войнам.

— Вы думаете, вы можете деградировать, как общество? — спросила Паола.

— Не знаю, — ответил Небесный Глаз. — Но если мы мы дольше останемся с вами… У мы нас появился страх зависимости — страх быть пойманными в сети.

— Вы думаете мы … заразим вас? — поразилась Паола.

— Вы сломаете мы нас.

У Мартина свело живот, он схватился пальцами за лестничное поле.

— Мы должны работать вместе, — сказал он. — Несмотря на риск, несмотря ни на что. У нас одна цель.

— Это еще не решено. Разделение кораблей, работа сейчас вместе — это решено. Работать раздельно, может быть, будет решено позже.

Итак, на «Троянском Коне» пока еще не произошло разделения команд.

Небесный Глаз, Мартин, мом, Мать Змей кружили в темноте и просматривали периодически приходящую информацию со Спящей. Веки Мартина слипались. Он утомился удивляться тому,

на что оказались способны искусственно созданные жители Левиафана.

Ганс не разговаривал с Мартином уже семь часов. Каменщик и Небесный Глаз за это время связывались несколько раз. Мартин надеялся, что молчание Ганса означает, что он серьезно просматривает всю присланную ему информацию.

Ариэль и Паола вошли в кабину и, присоединившись к наблюдающим, расположились по обе стороны от Мартина.

Группами и поодиночке Братья и люди знакомились с информацией.

— Это поразительно, — воскликнула Эйрин.

Перед их глазами проходила обыденная жизнь двух родственно связанных существ. Они наблюдали, как яйца осторожно откладывались в глубокие воды Спящей, в них впрыскивался генетический материал водообитающих родителей, затем яйца снова собирались и высиживались в зелени багряных лесов на третьей планете, но уже другими, правда, непременно невдалеке от озера или других водных водоемов. Когда «урожай» созревал, его сразу начинали обучать, приобщая к обществу взрослых…

Поставлялось и очень много информации о лестничных богах, живущих внутри Спящей. И

все-таки, она казалась неполной, в частности было непонятно, где и как они преобретали эту огромную энергию.

— Дженнифер думает, что они способны перемешивать мельчайшие составляющие в кварке и делают это внутри сердцевины планеты, — сказала Ариэль. — Мы только что от нее. Мартин, она точно свихнется, если не отдохнет хоть немного.

«Двойное Семя» до сих пор адаптировался, мозговой центр модернизировался час за час. Мом и Мать Змей постоянно, в простых словах, информировали Мартина и Небесного Глаза об основных происходящих изменениях. Это было самым важным сейчас. Дженнифер, естественно, не могла оставаться равнодушной, она непрерывно занималась момерафом.

— Они стараются, чтобы мы поняли, как и чем они дышат, чем дорожат, что из себя представляет их обыденная жизнь. Это их своеобразная защита, — сказала Ариэль, оторвавшись от сверхплодовитой продукции, поставляемой с Левиафана.

— Они отчаянно боятся, — заметила Эйрин. За последние дни она очень изменилась: глаза потускнели, волосы перепутались, на лице появилось вялое выражение. Это изо всех нас уходит

жизнь. — Но ведь они же так могущественны… , — удивленно добавила она.

Ариэль приподняла брови:

— Представьте себе, что несколько дикарей вторглись в ваш дом. А снаружи, в темноте, их могут быть тысячи. Они сообразительны, и они видят, что ваш технический уровень, как… Они начинают делать новое оружие. Действительно, с какой стати вы так испугались?

— Они могут раздавить нас, как клопов, — округлив губы, прошептала Эйрин.

— Тогда почему они няньчатся с нами? Почему не раздавят нас уже сейчас?

— Может быть они дорожат нами. Может быть, они отрекаются от своего прошлого совершенно…

— Они не могут изменить прошлое!

Мартин закрыл глаза.

— Пожалуйста, достаточно, — взмолился он и повернулся к мому. — Нам нужно решить некоторые вещи. Но прежде я хотел бы посоветоваться с вами.

— Посоветоваться о чем?

— Что делать, — незатейливо пояснил Мартин. — Я в замешательстве и не вижу всего достаточно ясно. Можете вы помочь?

— Я спрашиваю вновь, в каком конкретно совете вы нуждаетесь?

— Эти создания виновны или невиновны?

— Из того, что они говорят, можно сделать вывод, что они созданы убийцами. Но мы не можем точно ни подтвердить, ни отрицать это, — ответил мом. У Мартина снова свело живот, он не ел с того момента, как разговаривал с Гансом. — Еще вас, наверное, интересует, живут ли там до сих пор убийцы? И есть ли путь разыскать и наказать их, не так ли?

— Да.

— Об этом мы имеем информации не больше, чем вы.

Небесный Глаз слушал спокойно. Когда разговор прервался, он вставил:

— Мать Змей и мозговой центр корабля согласны. Доказательств присутствия убийц недостаточно.

— Они могли измениться… даже разрушить свою память, свою историю, чтобы скрыть преступление, — сказал Мартин.

— Это возможно, — согласился мом.

— Вы думаете, что это именно так?

— Я этого не говорил.

— Но если мы примем неправильное решение

и убьем … их, всех их, мы станем преступниками, не так ли? Мы нарушим Закон?

— Закон прост, — объявил мом. — Интерпретация не так проста.

— Уничтожение всех разумных существ, ответственных за создание самовосстанавливающихся и разрушающих сил.

— Да, Закон диктует именно это, — подтвердил мом. Отбрасывая тень, он медленно кружил по темной кабине.

— Для меня бог, наказывающий детей за проступки отцов, есть бог несправедливый, — процитировала Эйрин.

— Веревки — часть косы, — в ответ ей цитировал Небесный Глаз, — позор веревки — позор косы.

Мартин сильно нахмурился:

— Значит, Закон предписывает мстить последующим поколениям?

— Я не интерпретировал Закон таким образом, — сказал мом. — Это ваша обязанность: провести его в жизнь.

Мартин поднял руку, прося Ариэль и Эйрин не говорить больше ничего. Ариэль нахмурилась и обхватила руками колени, как маленькая девочка, сидящая в углу. Эйрин потерянно склонила

голову набок.

— Почему же они не атаковали нас? — спросил Мартин у мома. — Что это значит? Ведь они могли бы уничтожить нас, как только мы появились.

— Я могу вам сообщить только несколько наших предположений, — заявил мом. — Жители этих планет, возможно, крайне самоуверены и полагают, что они в любой момент могут уничтожить нас, но они играют с нами, чтобы оценить, как много они могут. Возможно, они ждут более явной угрозы с нашей стороны, ждут первых сигналов агрессии. Убийцы могут уже там и не жить. Также они могли в определенный момент испытать отвращение к разрушению планет и взять на себя риск уклониться принести вред нашему кораблю. Также, хотя это и маловероятно, продемонстрированная мощность может оказаться блефом. Есть и другие гипотезы, но они еще менее вероятны.

— Они могут иметь оружие, которое пока скрывают.

— Это кажется весьма вероятным, — согласился мом.

— Но должны же они планировать что-то! — воскликнул Мартин.

Мом не стал опровергать это.

Ганс и Мартин разговаривали один на один по «ноучу». С момента окончания последней связи прошло уже тринадцать часов.

— Я здесь держал совет, — заявил Ганс. — Мы просмотрели почти всю информацию, которую вы нам прислали. Я думаю, вы в петле.

— Ты должен поговорить и с Небесным Глазом тоже, — напомнил Мартин.

— Братья будут принимать свое решение отдельно.

— Наша команда еще не разделилась.

— Ну и как, ты принял свое решение?

Мартин давно уже не спал и ничего не ел. Глаза покалывало от напряжения — он продолжительное время вновь и вновь просматривал изображения с Левиафана, но так до сих пор и не мог выделить из тысячи виденных какое-то особенное, доказывающее присутствие убийц на планете: перед его глазами проходила только прекрасная и безмятежная жизнь, хотя и несколько странная для человеческого восприятия.

— Да.

— Ну и?

— Если убийцы ушли, я считаю, что Закон применять не нужно. Если они до сих пор здесь, то для того, чтобы добраться до них, нам придется

уничтожить невинных, в тысячу раз больше, чем жило на Земле. Это не имеет смысла. Мы не можем так рисковать.

— Эти, как ты говоришь невинные, очень хорошо защищены, — взгляд Ганса был тяжелым, он барабанил пальцами по колену.

— Я знаю.

— Мы прошли долгий путь и потеряли наших товарищей. И ты предлагаешь нам уйти ни с чем?

— Я думаю, следует подождать более убедительных доказательств. Два ваших корабля могут в это время на безопасном расстоянии продолжать двигаться по орбите Левиафана…

— Пока у нас не кончится горючее, и мы не станем мертвым кораблем, — усмехаясь, закончил фразу Ганс.

— Нам не придется ждать очень долго.

— Не придется? А недолго — это сколько? Века? Тысячелетия? А скажи, какие доказательства удовлетворят тебя? Они никогда не покажутся. Я не могу позволить себе быть таким чутким и внимательным. Я Пэн. Я поклялся свершить Правосудие.

— Такой ценой?

— А сколько, по-твоему, стоила Земля?

— А Братья…

— Я думаю, они решат так же, как и ты, — прервал Ганс Мартина на полуслове. — Они оказались слабыми партнерами. Разве не так?

— Я…

— Они совсем пали духом после твоей встречи с лестничным богом.

— Мы должны учитывать, что они отличаются от нас, — заметил Мартин.

Ганс многозначительно улыбнулся и почесал затылок.

— Мы — здесь, есть доказательства, и есть Закон. Мы изготовили все необходимое оружие. Март, если мы не сделаем этого сейчас, мы не сделаем этого никогда. Если мы будем неправы, момы остановят нас.

— Я не думаю, что они будут останавливать нас, — сказал Мартин.

— Почему, черт побери, нет? Они же тоже следуют Закону.

— Ганс, они не судьи. Они просто дают нам инструменты. Они не принимают решения.

— Ты хочешь сказать, что в таком случае мы поступим ничем не лучше убийц, да? Только они были более искренними, не так ли?

Мартин уклонился от комментарий.

— Можем мы обойтись без «Дятла»? — спросил он. — Веди мы потеряем половину силы, половину горючего.

— Джакомо говорит, что у нас хватит времени и мощности только, чтобы полностью снарядить только один корабль. И момы согласились с ним, — Ганс улыбнулся, но не было жизнирадостности в его улыбке. — Если мы уцелеем, мы будем очень сильны. Может быть, момы снарядят только нас. Но Работа должна быть выполнена.

— Мы должны все это обсудить командой.

— Нет, — резко сказал Ганс. — Если мы отступим сейчас, то превратимся в обломки.

— Я думаю…

— Время думать прошло. Закон все ставит на свои места. Существа — потомки убийц. Черт побери, всем же понятно, что убийцы оставили какие-то следы памяти на планете, на которой обитали. Возможно, они и сейчас там скрываются, как деревья в густом лесу. Но ничто не помешает нам найти их и уничтожить.

— Я не верю в это. Тебе следует увидеть то, что видел я.

— Может быть, лестничные боги и есть убийцы.

— Я… Я не думаю…

— Почему должны прислушиваться ко всему, что они говорят? Можешь ты мне дать на это внятный ответ?

Мартин не отвечал.

— Они просто бросили нам вызов, — продолжал Ганс. — Тоже самое сделал бы и я на их месте.

— Они не мы. Они могут быть непостижимыми для нас…

— Все, достаточно дебатов. Нам нужно, чтобы вы правильно сыграли свою роль. Мы нуждаемся в том, чтобы вы отвлекали внимание, пока мы не закончим переоборудование и изготовление оружия.

— Какое оружие? — спросил Мартин. — «Ноучевое»?

— Будет лучше, если мы будем держать это в тайне… Вас же могут захватить в плен… Чем дольше вы будете их водить за нос, тем больше времени мы будем действовать вместе. Ведь ты же не станешь поднимать против меня восстание? А, Мартин?

В его голосе не было ни следа юмора, — похоже, Ганс верил, что это реальная возможность.

Пойду ли я за ним — против своей совести, против всего лучшего, что есть во мне?

— Нет, не стану.

— Попроси о другой встречи. Это займет дней десять, и я успею приготовиться. Да и тебя будет больше времени, чтобы успокоить свою совесть.

— Не думаю, что они согласятся, — покачал головой Мартин.

— Попытайся. Дай им надежду. Продумай верный карточный расклад.

— Они убьют нас.

Ганс кивнул: и это не исключено.

— Я еще не закончил просматривать информацию, что ты переслал мне, — сказал он. — Думаю, они опрометчиво сообщили нам то, что мы сможем использовать против них. Ну успокойся, Мартин. Если ты прав, может быть, и я найду что-то, что убедит меня. Мартин, я не пренебрегаю тем, что ты мне говоришь. В конце концов, я тебе многим обязан.

Мартин понимал, что Ганс просто играет на его слабых струнах. Ганс отлично знал его сильные и слабые стороны, и не только его, но также всех Венди и Потерянных мальчиков, и даже Братьев.

— Хорошо, я попрошу о новой встрече.

Ганс заулыбался:

— Ты никогда не разочаровывал меня, Мартин. Именно за это я тебя и люблю. Давай, сделай это.

Его ждали. Ариэль сжимала зубы; Чэм чему-то

усмехался про себя; неподалеку от них летали Эйрин, Хаким, Донна и Георг.

— Нет, нет, не думайте, мы не в петле, — сказал им Мартин. — В самом деле это не так. Но я пообещал Гансу, что мы выполним свою часть работы.

— Ты даже не посоветовался с нами, — укорила его Ариэль.

— Не посоветовался.

— А ведь мог бы это сделать, — добавила Эйрин.

— Мне известно ваше мнение.

— И несмотря на это ты сказал ему, что мы пойдем за ним, да? — сказала Эйрин.

— А что еще мы можем сделать? — спросил Мартин.

— Отойти в сторону, — ответила Ариэль. — И настоять на выборах другого Пэна.

— Возможно, Ганс и прав, — сказал Мартин.

— О мы можем даже подобрать отличное имя тому, что собираемся сделать, — язвительно произнесла Ариэль. — Назовем это геноцидом.

— Дерьмо, — не выдержав, ругнулся Чэм.

— Потенциальные возможности геноцида заложены в самом Законе, — нашел нужным заметить Хаким. — Мы поклялись придерживаться Закона. Вероятно Благодетели знали, что цивили-

зации убийц могут скрываться за такой ширмой, и разработали Закон именно с учетом этого…

— Мы превысим наши полномочия, — сказала Ариэль. — Я отправилась в путешествие не для того, чтобы убивать невинных.

Но Хаким не сдавался:

— Возможно, убийцы до сих пор остаются здесь.

— Мы же не видели их! — воскликнула Ариэль.

Мартин почувствовал внезапную дрожь. Может быть, это было извращением, но он находил своенравие Ариэль более привлекательным, чем ее заботу о нем, оно возбуждало его.

— Это это же очевидно, — настаивал на своем Хаким. — Поймите, злодеи только в книжках приходят в черных масках и выкрикивают непристойности. В жизни они имеют детей, дома, охраняют их и, как все, боятся нападения врагов.

— Я не согласна убивать невинных! — вновь выкрикнула Ариэль. — К тому же, я до сих пор не знаю, что из себя в действительности представляют момы, и что они утаивают от нас.

— Ты всегда была слишком строга к момам. — заметил Чэм. — Я не думаю, что они против нас. Они строят новое оружие, показывают нам, как

им пользоваться…

— Вы все — дерьмо! — лицо Ариэль перекосилось от отвращения. — Я-то надеялась, что хоть некоторые из вас имеют мозги!

— Что ты хочешь сказать? — спокойно спросил Хаким.

— Момы не изобретали нового оружия! Вы думаете, они могут вот так вдруг открыть что-то принципиально новое? Полнейший бред! Ловушка для дураков!

Восхищение Мартина мгновенно обернулось раздражением.

— Они все время знали об этих высокоразвитых технологиях, — продолжала тем временем Ариэль. — Они только не хотели раскрывать перед нами карты раньше времени. Они никогда не доверяли нам, никогда не говорили больше того, что нам следовало, по их мнению, знать. И так было всегда, с самого начала. Мы что — так и будем игрушками в их руках?!

Раздражение Мартина перешло на самого себя. Ведь Ариэль теоретически могла быть права. А почему бы и нет? Ведь у него нет никаких доказательств, никаких аргументов для опровержения ее слов. Да, верно, к Ариэль возвращалась ее параноидная подозрительность. Но и он не лучше, так

как предпочитает более прямой и легкий подход. Верить в то, что тебе говорят.

Она обхватила колени руками, и снова села в позу маленькой девочки — поникшая, разочаровавшаяся в Мартине, в себе самой.

— Мы собираемся убить триллионы невинных существ. Мы не должны делать этого, даже если Мартин и не согласится с нами.

— Но Мартин — командир корабля, — подчеркнул Чэм.

— А вот это неправда, — закричала Ариэль. — Он делит командование с Небесным Глазом, а Братья поддерживают нас.

Чэм посмотрел на Мартина:

— А ведь она права, — сказал он.

— Они еще ничего не решили, — напомнил Мартин.

— Но ведь так или иначе им придется решать — с кем они, — жестко произнес Чэм.

Жезл Мартина просигнализировал — Небесный Глаз вызывал его на встречу.

— Чтобы ни говорил Ганс, мы примем свое собственное решение, — прокричала ему в догонку Ариэль.

— В апартаментах Братьев Мартин расположился в гамаке, рядом с Небесным Глазом.

Остальные Братья извивались рядом с ними. Кожа веревок поблескивала в отраженном свете, поднимая передние части, косы отбрасывали тени на Мартина. Присутствие такого большого количества змеиноподобных существ могло показаться угрожающим; но Мартину они представлялись очень нежными и человечными. Вряд ли это смог бы понять Ганс. Никакой исходящей от них угрозы Мартин не ощущал.

Небесный Глаз вытянул голову и медленно заскользил к гамаку, поближе к Мартину, издавая при этом запах скошенной травы и свежеиспеченного хлеба — запах силы и твердости.

— Мы мы выслушали наших приятелей с «Борзой» и «Дятла» и мы мы решили, что у мы нас есть шанс узнать больше и решили действовать вместе с вами.

— Тогда я попрошу новой встречи, вы не против?

— Мы мы не против, — согласился Небесный Глаз.

Мартин в задумчивости покусывал губы.

— Как вы думаете, убийцы до сих пор здесь?

— Этого знать невозможно.

— Некоторые из нас думают, что мы могли бы все это предусмотреть и раньше, — сказал

Мартин.

— Вопросы без ответов. Просто выжидая, не увидишь деталей.

— Мы были молоды, — напомнил Мартин.

— Мы все мы бываем молоды. Это древняя проблема. А теперь они могут съесть мы нас, как конфету, с удовольствием.

— Вы пойдете вниз со мной? — спросил Мартин. Он спросил так, как если бы был на месте Ганса.

— Не я мы, — ответил Небесный Глаз. — Мы мы не собираемся идти в этот мир. Вы назвали ее Спящей. Для нас это действительно вид сна. Ты должен идти за мы нас, если можно.

Мартин глубоко вздохнул.

— Ты расстроился? — спросил его Небесный Глаз.

Он покачал головой:

— Нет, не более, чем… Да, я расстроен, — поправил он сам себя. — Ганс, я вижу, абсолютно прав. Все на Левиафане устроено так, чтобы развести нас, смутить нас. Если он прав и в том, что убийцы до сих пор здесь…

— Это будет несчастье, — сказал Небесный Глаз.

— Они уже нам принесли много несчастья.

Хаким повторил послание несколько раз, но

Спящая не отвечала. Мартин присоединился к Хакиму, когда тот в очередной раз повторял эту процедуру, слегка прикасаясь пальцами к панели пульта контроля, светящейся в воздухе.

— По-прежнему ничего, — сказал Хаким. — Прежде они отвечали быстрее.

Мартин кивнул.

Выше панели пульта контроля, на фоне темной стены кабины висело небольшое изображение Левиафана. На глаза Мартина попался Занавес.

Теперь он не закрывался, а постоянно сохранял песочно-коричневый цвет.

— Что-то изменилось, — пробормотал Мартин. Он указал на Занавес. Лицо Хакима потемнело от волнения.

— Сколько идет световой сигнал от Занавеса до нас? — спросил Мартин.

— Три часа двенадцать минут.

— Можем мы прокрутить запись назад?

Хаким прокручивал изображение назад до тех пор, пока они не нашли определенный момент, когда планета приостановила свою неустойчивость.

— Три часа назад, — сказал Хаким.

— Что еще изменилось?

Хаким одно за другим просмотрел изображе-

ние планет: Зеркало медленно поворачивалось в тумане, она по-прежнему оставалась идеальным отражателем; края Проститутки коричневели, как поджаренное хлебное тесто, неизвестной природы волосы разлетались в пространстве; Биллиардный Шар не изменился; не поблекли и светящиеся огни Гофре, горящие голубоватым пламенем, как факелы в глубокой пещере.

Они дошли до Гриба-Дождевика, с его необъятной щетиной из «зерен». Некоторые из «зерен», казалось, начали отрываться от поверхности — одно… три… шесть… еще и еще… На высокой скорости они покидали атмосферу планеты.

— Они атакуют? — взволнованно воскликнул Хаким.

— Непонятно. Пошли сообщение об этом по «ноучу» «Дятлу» и «Борзой».

— Сейчас, — Но буквально через минуту он с удивлением произнес, — Нет «ноучевой» связи. Они ничего не получили. Я не знаю, где они находятся.

В помещении командного пункта появились Паола и Эйрин.

— У нас неприятности, — сообщил им Мартин, — Хаким, переводи корабль на другую орбиту…

В тот момент, когда Хаким приказывал кораблю отойти от Спящей, сквозь дверь проскользнул Шелковистый.

— Что случилось? — взволнованно спросила Эйрин.

— Точно не знаем, но я приказал убраться отсюда.

— Получен ответ, — объявил Хаким. — От Спящей…

Зазвучал голос Саламандры.

— Четыре из наших миров разрушены, — изображение Саламандры появилось в плоской проекции. Гребень торчал вверх, все три глаза были открыты, после слов раздавался громкий свист, весь его вид выражал тревогу и волнение.

— Мы не знаем, что случилось, — сказал Мартин.

— Это нарушение баланса. Эти миры хрупки, множество жизней в опасности.

— Мы не можем связаться с нашими… — он не мог подобрать обманное слово, его язык был пойман в сети слишком многих условностей. Он просто пристально посмотрел на Саламандру. Гриф-стервятник опять поднял свой гребень и слегка присвистнул.

— Вы — лжецы и обманщики, — сказал он. —

Мы в дальнейшем не имеем нужды общаться с вами. — Его голос и изображение исчезли.

— Конец связи, — объявил Хаким и добавил, — До сих пор никак не могу связаться с «Борзой».

Вся команда столпилась на командном пункте, наблюдая за драмой, которая разыгрывалась у них перед глазами в течение получаса.

Три идентичные планеты — Горный Хрусталь Первый, Второй и Третий — резко вспыхнули темно-оранжевым цветом, затем красным, затем белым, во временной последовательности соответственно их отдаленности от корабля. Прежде разноцветно-окрашенными поверхности перемешались, как краски в воде, светящиеся пятна поднимались и падали.

— Кто это сделал? — воскликнул Георг Демпси. — Они или мы?

Зерна Гриба-Дождевика вибрировали, как при легком бризе. При такой шкале расстояний, даже такое простое движение говорило об расходе огромной энергии.

Мартин с трудом мог соображать в последующем за этим шуме и гаме. Кабина перенасытилась запахами Братьев, жжением взглядов их глаз. Он увидел ползущую за ним веревку, затем Брата, развалившегося на части. Мартин не мог

разобрать кто это был. Шелковистый принялся собирать веревки, которые висели вокруг, беспомощно болтая щупальцами.

Они даже не знали, являлось ли это воздействием оружия «Борзой» или нет. Было ясно только одно — атакующие нанесли удары по нескольким целям почти одновременно, судя по временным интервалам прибытия информации о пожарах на планетах. Это говорило об «ноучевой» атаке; первым объектом, изменившим свой характер, был Занавес — массивная «ноучевая» станция.

Что же случилось?

— Я знаю, что случилось, — громко сказала Ариэль, будто бы услышав мысли Мартина.

— Что?

— Ганс начал войну, не сообщив нам об этом.

Моментальное чувство ошеломления, как если бы все это случалось с ним и прежде, — Мартин понял, что Ариэль абсолютно права.

Ганс просто использовал их, чтобы отвести внимание от «Борзой».

— Тогда почему мы до сих пор не мертвы? — спросил Мартин. По спине его пошли мурашки в ожидании неминуемой смерти.

Ариэль пожала плечами:

— Дай им время.

Мартин не заметил, как рядом с ними появились мом и Мать Войны.

— Наш корабль находится под непрерывной атакой в течение часа, наши способности противостоять их оружию снижаются. Мы принимаем командование на себя и вызываем суперускорение, — сказал мом.

— У нас нет горючего, — напомнил Мартин.

— Мы сконвертируем столько, сколько сможем.

— Можете вы связаться с другими кораблями?

— Да.

— И с «Борзой» и с «Дятлом»?

— Да.

— Это они атаковали планеты?

— Да.

— Вы знали об этой атаке?

— Нет.

— Но вы должны были знать… Вы обязаны были знать, когда они начнут!

Мом не ответил. Объемные поля увеличивались. Мартин почувстсвовал вязкую хватку, резкое воспрепятствование любым движениям тела.

Все потонуло в болоте объемных полей. Мартин попытался определить, откуда ему ждать угрозы.

Он внимательно огляделся вокруг, стараясь понять, что реально, а что иллюзиорно.

Помещение командного пункта менялось на глазах. Выросли стены и разделили всех членов экипажа на пары. Мартин увидел, что он огорожен вместе с Ариэль. Она пристально смотрела на него, он отвернулся — объемные поля разрешили двигаться, только очень медленно.

— Ты слышишь меня? — спросила Ариэль.

— Лишь едва.

— Я думаю, мы разваливаемся на части. Я имею в виду «Троянский Конь».

— Ты, как всегда, права.

— Ты считаешь это моим недостатком?

Мартин покачал головой:

— Нет, никогда я так не считал.

— Ганс не посчитался с нашими правами.

— Стоит ли сейчас об этом? — подумал Мартин.

Суперторможение уменьшилось через два часа. Мартин едва пришел в себя, когда корабельный голос объявил:

— Первая атака отражена. Мы будем продолжать.

— Что, черт побери, случилось? — воскликнул Мартин. Он вытянулся во весь рост в бесформен-

ной кабине и потряс головой, чтобы вернуть себе хоть какую-то способность соображать.

Внезапно раздался другой голос — голос Ганса, его триумфальный вопль. Ариэль удушливо вскрикнула, как обреченный на смерть кролик.

— Мы сделали это, Мартин! «Троянский Конь» получил дьявольский пинок и разваливается на части. Но мы не забыли о вас. Мы держим к вам путь. Но вас преследуют.

В кубе отсутствовал экран звездной сферы.

— Покажите нам что-нибудь, расскажите, что делается! — заорал Мартин.

Корабль начал что-то говорить, но его перебил Ганс:

— Мы идем втемную, но наш ход сделан. Извините, что не предупредили вас.

Вот как все просто. Извините, что не предупредили.

— Черт побери, что происходит, Ганс?

Ариэль забилась в угол, как если бы ее и не было здесь.

— «Троянский Конь» получил повреждения и раскалывается. Вас кто-то преследует. Они и не думают скрываться и сидят прямо у вас на заднице. Они держатся на хвосте у тебя и двух других. Я бы сказал, они используют вас, чтобы

найти нечто большее. Если вы не приведете их к нам — а я верю, дружище, что вы не сделаете этого, — вы будете золотом.

— Мы разделили наш корабль на десять частей и разослали их по разным направлениям, — сообщил голос корабля.

Мы до сих пор ценны для левиафанцев, как ключ к разгадке, где же находится большой корабль. Они вызнали нас. Им понятна наша психология; они знают, что мы умышленно не пожертвуем собой, что будет установлено несколько точек спасения.

— Продержитесь немного, — попросил Ганс.

Ариэль протянула руку, и Мартин взял ее.

— Он пожертвует нами, — сказала Ариэль.

— Покажите мне хоть что-то, — попросил Мартин корабль. Да, это был теперь их корабль, несмотря на свои малые размеры. — Покажите мне, что происходит снаружи. Кто преследует нас.

На стене появился небольшой экран. Экран заполнила белая сфера в оспинах поблескивающих голубых точек.

— Гарпал имеет ваши координаты, — сказал Ганс. — Мы спасем вас. Ты увидешь, Мартин. Верь мне!

Белая сфера покрылась волдырями, как пластиковый шар, брошенный в костер. Пузыри лопнули, и сфера уменьшилась в размере. Их куб осветило яркой вспышкой.

— Суперускорение, — объявил голос корабля. Поля резко выросли, Мартин вскрикнул. Но протестующий крик, застряв в горле, обратился в невнятное хрипение.

Мартин не знал, сколько времени прошло до того, как он снова начал видеть и слышать. В ушах прозвучал голос Гарпала:

— Мы нашли твою собаку, Мартин. Мне, кажется, тебе следует это знать.

Гейдж у них на борту. Моя собака дожидается меня? Нет, не может быть…

— Мы послали их ко всем чертям, — продолжал Гарпал. — Я вижу восхитительную ленту около пятидесяти тысяч километров длиной! это плазма. О боже, какое это невероятное оружие — «ноучевое»!

Сфера, преследующая их исчезла. На ее месте искрился каскад сверкающих мелких обломков. Каждый кусок вырисовывал прямолинейную траекторию, пробиваясь сквозь пыль, словно луч солнца сквозь облака.

Мартин до сих пор держал руку Ариэль, она от-

крыла глаза и посмотрела на него с выражением глубокой печали.

— Скоро вы будете спасены, — продолжал Гарпал. — Вы летите стремительно, как ракета. Невозможно разговаривать. Они не достали нас еще, но они стараются… Ух, как они стараются…

Тишина. Прошли долгие минуты, прежде чем Мартин понял, что «ноучевая» связь закончилась.

Мартин позволил себе отпустить руку Ариэль.

— Они продолжают действовать, да? — спросила она.

Мартин кивнул.

— Они разделили «Троянский Конь».

— Кто они?

— Я не отдавал такого приказа. Скорее всего момы. Или сам корабль.

— Мы выведены из игры. Несомненно, это дело рук Ганса, — сказала Ариэль.

Мартин тряхнул головой:

— Я не понял, что ты имеешь в виду?

— Он не позволил тебе выполнить Работу вместе с ним. И полностью отрезал нас, — она отвернулась и спросила, — Как ты думаешь, они заберут нас?

— Не знаю.

Увеличенное изображение: каменистая планета Газон, объятая огнем, змеящимся над поверхностью.

Еще большее увеличение: леса, горящие как горы магния; полосы расползающейся земли, поднимающиеся вверх, как разорванный изнутри лист бумаги; что-то двигающееся над поверхностью планеты — темное и огромное, но не тень, более напоминающее палец, указывающий место следующего разрушения.

Еще одно изображение: Большой Город — и снова тот же двигающийся палец. Божий палец мщения.

На экране возникла другой каменистый мир, но поменьше, — который Мартин не сразу вспомнил. Этот принял необычный фиолетовый колер, в темноту отлетали куски, как если бы планета рвала на части свою огромную грудь.

— Занавес, — объявил голос корабля. — Это будет полное уничтожение. Ничего живого здесь не уцелеет.

— Но как смогли мы сделать это? — воскликнул Мартин.

— Дистанционное манипуляция силой внутри ядра атома, — ответил голос. — Занавес был особенно уязвим, так как на нем находилась мощная

ноучевая станция. «Борзая» нащупала ее главную слабость и воспользовалась ею.

— Как много смогла разрушить «Борзая»? — спросил Мартин.

— Невероятно много.Защита была полностью выведена из строя.

Появилась Спящая, окруженная огромными зернами с ощетинившимися верхушками, напоминавшие те, что были на Грибе-Дождевике. Такая реакция напомнила Мартину иммунную реакцию людей, но в масштабе макромиров.

— Объясните, что на экране?

— Не ясно. Возможно, это защитные сооружения на орбите вокруг этого мира стараются отклонить от цели «ноучевое» оружие.

«Ноучевое» оружие. Итак, это подтверждается.

Туман из семян одуванчиков стелился по округе с невероятной скоростью — заметной даже с такой дистанции. Одуванчиковая корона засветилась ярко-оранжевым сиянием, затем она приобрела зеленую окраску и устремилась прочь от планеты, оставляяя обезглавленным тысячекилометровый «стебель». Прошли минуты, еще один стебель был гильотирован, затем еще и еще… Это медленно распространялось по всей атмосфере. А через минуты и стебели начали

медленно-медленно клониться и падать на поверхность планеты, в бурлящую смесь коры и океанов. Затем все мгновенно испарилось, оставив после лишь зарево, оживляемое белыми и розовыми вспышками.

Скоро вся Спящая была окружена жемчужным нимбом, прежде тусклая планета превратилась в плазменный шар тысячекилометрового диаметра. Поверхность очистилась, и падающие зерна-одуванчиков теперь стали казаться вытряхиваемой из планеты пылью — Спящая избавлялась от грязи океанов и материков.

Мартин не мог поверить, что «Борзая» одна была ответственна за происходящее.

— Мы получали откуда-нибудь помощь… откуда-нибудь из вне? — спросил он. Лицо его было очень бледным. Я помню, также гибла Земля. Но сейчас разрушения даже большего масштаба.

— Нет, иных атакующих нет, — произнес голос корабля.

Газовый Насос показался на экране — мощные реактивные струи выбрасывались из источников газообразных веществ вне всякого контроля; вспенивающаяся плазма вздымалась; зеленые и голубые поверхности становились грязно-желтыми.

— Что мы можем сделать? — спросил Мартин.

— У вас нет выбора, только — скрыться, — ответил голос корабля.

Мартин до боли сжал пальцы. Ариэль, обхватив руками колени, наблюдала за ним, как зачарованная.

Часы.

Хотя ни Мартин, ни Ариэль ни словом ни обмолвились, что они прооголодались, они все же что-то поели, — какую-то безвкусную тягучую пасту. На экране появилось изображение их корабля на звездной карте системы Левиафана. Они ненамного удалились от звезды, для того, чтобы покинуть системы при такой скорости им понадобиться не менее трех дней. Сейчас они были в самой гуще сражения, пересекали орбиты многочисленных космических кораблей, но у Мартина не было времени связываться с ними и выяснять их цели.

— Мы снова будем ускоряться? — спросил он.

— Все горючее израсходовано, — ответил голос корабля. — Остался резерв только для поддержания жизни.

Однажды, в один из многочисленных часов изучения войн и истории Земли, Мартин наткнулся на рассказ о младшем лейтинанте Георге Гее.

Он был пилотом истребителя во время Второй мировой войны. Его подбили, но он продержался в воздухе еще несколько часов, стараясь подстрелить как можно больше вражеских кораблей. Ему нечего было терять, поэтому он лез в самую гущу сражения.

— Как долго это будет продолжаться7 — спросила Ариэль.

— Война? Я не знаю. Возможно, недели. Возможно, месяцы.

— Я надеюсь, что не так долго. Я устала, — захныкала она, как ребенок.

Мартин убаюкивал ее на своих руках.

Планета номер восемь — газовый гигант Миксер — увеличивался в объеме, как раздувающийся воздушный шар. Светящиеся оболочки газов наслаивались друг на друга оболочка подобно цветочным лепесткам. Тысячелетние конструкции… высокоразвитые технологии… бесчисленное множество разумных существ… Интересно, там есть более развитые, чем лестничные боги? О каких потенциальных возможностях левиафанцев они еще не узнали? Кто же победит?…

Скоро тнас поглотит сон и избавляет от всех ненужных мыслей…

Корабль не больше, чем автомобиль…

Как много уцелевших с «Троянского Коня»?…

Большинство семян одуванчика скрылось с глаз. Разрушены они или просто выполнили свою роль? Скорее первое — ведь четыре планеты уже погибли, остальные под осадой… Что это? Божья сила? И как мы будем жить дальше с такой тяжестью на душе? А может быть прав Ганс, прав, что презирает нас?

…

Газовые гиганты медленно разваливаются на части… Неужели это действительно сделали мы?… Они все — как солнце сейчас… Знал ли Ганс, что мы сможем сделать это…

…

Нет посланий, хотя прошло уже два дня. Мы уносимся прочь от Левиафана. Много спим, едим редко, здесь нет пространства, чтобы подвигаться и размяться. Дыхание замедленное. Мы не открываем глаз от корчащихся гибнущих миров, их агония длится часами, днями…

Все вспененные каменистые планеты и луны ярко вспыхнули…

Все! Все! Господи иисусе, ВСЕ они!

…

Ариэль склонилась над ним, положив руку на плечо.

— Я не могу поговаривать с кораблем, — сказала она. — Он мне не отвечает.

Мартин попытался. Но ответа по-прежнему не было.

— Это значит, что мы скоро умрем?

— Я надеюсь, что нет.

Она прикоснулась рукой к серой стенке корабля:

— Эй! Поговори с нами!

…

Нет изображения, нет информации. Нужно взять себя в руки — поупражняться, потолкать друг друга. В борьбе она должна быть не слабее меня — вон какие у нее накаченные мускулы…

Надо рассказать ей о чем я мечтаю, о своих снах о Земле. О лесах, о реках, о нашем лесном доме в Оригоне с обширным внутренним двором. О моих игрушках, солдатиках, которых подарили мне родители купили…

Мы разговариваем, пока не начинаем страдать от жажды. Струйка воды со стены. Отходы до сих пор отсасываются чем-то работающим. Но

мом молчит, и мы не можем ничего увидеть вне корабля. По-прежнему большее время мы спим или прислушиваемся к космическому гулу. Идут часы… Мы движемся, движемся…

…

Стало очень холодно. Мы крепко обнимаем друг друга. Но на другие движения у нас просто нет сил… Видел Теодора, играющего в карты с самим собой… Он улыбнулся мне. Предложил сыграть… Может быть, он приведение… Может быть, он собирается нас съесть…

Так много смертей… Триллионы, убитых нами… Интересно, как выглядят лестничные боги после смерти, когда от их тел остаются одни скелеты? Поле сражения заполнено телами мертвых… Мы тоже стоим в очереди, ожидая смерти… Саламандра. Лягушонок, Бабар и акулы впереди, они рассерженно поглядывают на нас… Они не хотят, чтобы вы приближались, не желают ближнего боя, — объяснил Мартину Теодор.

…

— Мартин, проснись. Вот немного воды. Попей.

— А тебе?

— Я уже пила. Пей.

Он отсосал шарики из воздуха. Один попал ему в глаз, немного ожег. Вода плохо пахла. Но это

была вода.

Пищи не было.

Некоторое время Мартин не чувствовал голода, пока он ни увидел, как похудела Ариэль — тогда он словно ощутил ее голод, хотя она и не жаловалась.

— Это продолжается, по крайней мере, шесть дней, — сказал Мартин.

— Это продолжается точно восемь дней.

— Откуда ты знаешь?

Она подняла правую руку и показала на средний палец.

— Восьмой. Я зубами откусываю ногти. Видишь? Длинных осталось только два.

…

Мои родители мертвы? Откуда я знаю? Может быть, мы вскоре встретимся. А Роза? Я вижу ее в шеренге очереди. Она не смотрит на меня, кажется она не желает говорить со мной. Теодор направляется к ней. Ему что, ему не нужно беспокоиться о своем месте в очереди…

…

— Какой Теодор? — спросила Ариэль. Ее губы потрескались и сильно кровоточили. Она выглядела эльфом — с большими голодными глазами и ввалившимися щеками.

— Он уже умер.

— На Ковчеге?

Мартин покачал головой. У него ныли шейные мышцы, кости похрустывали, мускулы атрофировались. А размяться нету сил.

— Нет, на «Спутнике Зари». Он покончил жизнь самоубийством.

Ариэль сморщилась, стараясь сосредоточиться.

— Может быть, я теряю память. Я не помню его.

Мартин посмотрел на нее и внезапно почувствовал неприязнь к ней. Его губы запеклись и началитрескаться, он облизал их.

— Он был очень смышленым, — сказал он. — Намного сообразительнее, чем я.

Она покачала головой, и неприязнь возросла.

— А я помню его очень хорошо, — сказал Мартин, но у них не было сил, чтобы продолжить этот разговор дальше.

.

.

.

.

.

Капитан Блайг в лодке

делит добычу между

мужчинами

.

.

.

.

узкий пролив

.

.

.

.

Капли воды дождем упали на его губы.

— Мартин?

Что-то движущееся, поднимающееся, висящее. Давление рук на спину. Знакомые голоса.

— Двадцать два дня.

— Мартин.

Небольшая боль в руке ничего не добавила в общей боли во всем теле. Покалывание, острая боль, кости размалываются, в глазах только белая пелена и больше ничего.

Затем отблески света. Дождь, стучащий по шоссе на пути в Орегону. Отблески света в салоне машины — на полу. на потолке, везде.

— Привет.

Недолго осталось стоять в очереди смерти.

— Привет, — ответил он. Голос звучал гулко,

подобно стуку камню, падающему со скалы.

— Ты выглядишь паршиво, мой друг.

Кто это? Кто-то знакомый?

Тень на свету. Другая тень.

— Я ничего не вижу.

— Знаете ли вы, что оба были мертвы? Я имею в виду фигурально. Ваши сердца остановились, но последняя остающаяся в корабле энергия окутала вас полем, так, чтобы вы не смогли сгнить. Какая-то неправдоподобная история, неправда ли? Так что придется жить дальше, Мартин.

Кто бы мог так разговаривать?

Джой Плоский Червяк.

— Я на корабле? — спросил Мартин. — На «Борзой»?

— Мы подобрали вас пять дней назад. Ваши раны заживают. Вы выглядите уже лучше. Мы подобрали еще четыре корабля. Спасено семь человек и семеро Братьев.

— Ариэль…

— Она жива. Но это все просто чудеса, Мартин.

Он увидел лицо Джоя более резко.

— Война7

— Она до сих пор продолжается. Мы до сих пор здесь, — Резко-проявившееся симпатичное лицо Джоя — брови дугой, широкая улыбка. Он крепко

сжал ладонями руку Мартина. Кожа теплая, сухая, будто бы нагретая солнцем.

Мартин изогнул шею и осмотрел себя — закутанного в оздоровительное поле, окруженного согревающим жжением электричества. Он расслабился. Сглотнул. Горло чувствительное.

— Ганс?

Улыбка Джоя исчезла:

— Мы делаем Работу. И этого достаточно.

Дополнительный список: Хаким Хадж, Эйрин Ирландка, Чэм Акула, Шелковистый, Сухая Кожа — Норман, Пронизывающий Взгляд — все они или погибли, или пропали без вести. Но скорее они были мертвы, так как прошло уже достаточно времени, как от них не поступало никаких вестей.

Мартин был еще достаточно слаб, но он уже настаивал на том, чтобы покинуть оздоровительное поле и присоединиться к Гансу, внести свою лепту в происходящее сражение. Война шла двадцать четыре дня; и главные разрушения, как сказал Джой, было сделаны.

— Мы сделали из них отбивную, — с невеселой улыбкой сообщил Джой. Затем он провел Мартина в носовой отсек.

Ганс висел в гамаке перед дюжиной изобра-

жений. Его вид шокировал Мартина: волосы засаленные, лицо осунувшееся, от него шло зловоние чего-то приторно сладкого и пота. На Гансе были только шорты и майка без рукавов, его руки, на которых не было ни капли излишнего жира казались завязанными в узлы мускулов, ноги тоже. Он даже не повернулся, когда вошли Джой и Мартин.

Джакомо спал в углу, рефлекторно сжав руками гамак.

— Мартин вернулся, — объявил Джой.

Ганс вздрогнул и оглянулся.

— Отлично, — сказал он.

Планы показывали пепел планет, клубы угасающей плазмы, вытянутые ломти лун, безголовые колосья семян, обломанные, как палки.

Ганс посмотрел на Мартина проницательным, оценивающим, утомленным взглядом, затем слегка улыбнулся:

— Как себя чувствуешь?

— Все хорошо, — ответил Мартин. Он никогда и представить себе не мог, что они способны произвести такие разрушения.

— Это возбуждает, не так ли? — спросил Ганс, кивнув на изображения.

Мартин покачал головой.

— Тяжело на это смотреть иногда, — согласился Ганс. — Я провел здесь много часов… оценивая, выискивая, что мы еще не уничтожили. Все, совершенно все. За последние два дня даже Спящая была уничтожена, — он показал на изображение рассыпающихся массивов — еле заметно мерцающих, летящих в пустоту тумана. Остались лишь обломки, куски планеты, тысяча милей шириной, — рябристые, как материя. — Нет больше лестничных богов.

Мартин тяжело вздохнул. Вздох прозвучал, как хрип. Ганс усмехнулся.

— Я рад, что произвел на тебя впечатление.

Мартин тряхнул головой. Прилив и отлив противоречивых эмоций тянули его то так, то эдак. Мы сделали Работу. Что мы знаем? Но мы сделали это. С этим покончено.

— Если ты готов предложить помощь, работы много, — сказал Ганс. — Мы сделали сейчас небольшой перерыв. Корабль, если так можно сказать, в расслабленном бдении. Жаль, что ты не видел нас во время кульминации событий. Каждый Потерянный Мальчик и каждая Венди имели оружие. Джакомо и мозговой центр корабля… в большей степени это все-таки заслуга мозгового центра, создали действительно абсо-

лютно новый вид оружия. Широко-диапазонная «ноучевая» связь, кварковые ловушки, разрушение спиновых орбит атома — они сделали целый новый арсенал.

Они ли? А может быть, мозговой центр держал это в секрете до поры до времени, дожидаясь определенного момента.

— Мы послали пятнадцать челноков, для разведки. Двенадцать уже вернулось.

Мартин кивнул, он не мог оторвать глаз от абстракции ужасающей красоты — трупа факельно горящей Спящей. Он не мог воедино соединить в сознании — обломки и то, что он видел во время двух путешествий на Спящую. Все превратилось в пыль. Рассыпающиеся атомы Саламандры, Лягушонка, Бабара и множества других созданий, что приходили знакомиться с ним на паром.

Триллионы жизней.

Ганс приблизился к Мартину.

— Мои подозрения полностью подтвердились, — сказал он, когда Мартин приподнявшись, повис рядом с ним. — Момы многое скрывали от нас. Возможно, они даже лгали. Но честно говоря, я и не верил им. Но, по крайней мере, они вовремя дали нам инструменты, и в результате вот что получилось.

Джакомо зашевелился. Он открыл глаза и увидел Мартина.

— Хаким не увидет этого. И Эйрин. И Чэм, — печально произнес он.

— Я знаю, — сказал Мартин. Его задело, что от него ждали реакции. Но он не чувствовал даже горя. Ничто не казалось реальным. Он ожидал очнуться на «Спутнике Зари». когда вся Работа была еще впереди.

— Мы спасли Дженнифер, — тихо произнес Джакомо. Вокруг глаз у него появились темные круги. — С ней будет все хорошо.

Мартин толкнул Ганса плечом, освобождая себе место у экрана. Ганс без слов подвинулся.

— Это дело сделано, — сказал Джакомо. Он покачал головой, как в неверии. — Это оказалось просто дутой оболочкой. Шестьдесят процентов того, что мы видели, было фальшивой материей. Мы думаем, что только четыре планеты были реальными. Одна из них — Спящая.

— Не обесценивай нашу победу, — усмехаясь, остановил Джакомо Ганс.

— Это была только дутая оболочка, — повторил Джакомо. — Мы нашли как подрывать систему изнутри… мы нашли точки, где могли начать цепочку реакций… Раньше нам это было бы не

по силам. И сейчас это было нелегко. Мы использовали все наше горючее.

— Настоящий фейерверк, — воскликнул Ганс. — Хочешь посмотреть?

— Если ли поблизости газообразные вещества, чтобы нам перезаправиться? — спросил Мартин.

— Достаточно, — успокоил его Ганс и взглянул на Джакомо, словно ища у него поддержки.

— Мы будем иметь достаточно горючего, — подтвердил Джакомо.

Ганс обнял Мартина за плечи и слегка тряхнул, его пальцы болезненно впились в тело Мартина.

— Ты собираешься обвинять меня за это?

Мартин посмотрел на него то ли обиженно, то ли смущенно.

Ганс улыбнулся:

— Теперь мы можем обручиться с планетой, на которой будем жить.

— Нет, еще не время, — возразил Джакомо. — Мы еще не закончили…

— Вскрытие трупа, — уточнил из угла Джой.

— Да, необходимо убедиться, что они мертвы. Сделать несколько исследований. На этом настаивают момы. Рано еще говорить о свободе. Мы не знаем, куда…

— Дерьмо все это, — ругнулся Ганс. — Да-

вайте тогда пользоваться моментом и просто наслаждаться победой. А для бюрократических разборов у меня будет впереди много времени.

Но Джакомо, казалось, не слышал его.

— Мы перевели всех Братьев на «Дятел», — сказал он.

— Да, «Дятел» вышел из игры, — подхватил Ганс. — Можешь поверить, Мартин, ведь они ничего не сделали?

— Я тоже ничего не сделал, — отозвался Мартин.

— Ты распахнул нам дверь, — провозгласил Ганс.

Джакомо кивнул:

— Вы подвергались большей опасности, чем мы. Вы потеряли очень многих… — Он заметил выражение лица Мартина, поднял брови и подергал себя за хохол. — Извини.

— Нам следует устроить ритуальную церемонию в память о погибших.

Ганс не ответил: оскалив зубы в гримасе улыбки, он не сводил глаз с изображеня агонии планет, то тряся удивленно головой, то победно ухмыляясь.

— Вы только посмотрите на это, — бормотал он. — Вы только посмотрите на ЭТО!

Небесный Глаз, Двойной Поворот, Косматый Хвост, Натянутая Струна и Зеленый Шнур — все согласились на предложение Мартина встретиться в восстановленных апартаментах Братьев.

Мартин навестил Паолу Птичью Трель и, как всегда, попросил ее попереводить.

Паола провела в космосе меньше времени, чем Мартин и Ариэль — около восемнадцати дней. Но она была на корабле вместе с Натянутой Струной и Зеленым Шнуром. Джой с ее слов рассказывал, что это время было очень тяжелым для нее. Никто из кос не помогал друг другу; она была одинока все восемнадцать дней рядом с двадцатью восемью голодными вышедшими из-под контроля веревками.

— По крайней мере, они же не съели меня, — говорила она слабым и хриплым голосом. Паола потрясающе похудела, но цвет кожи был не так уж и плох и двигалась она свободно, не испытывая боли. — Я готова работать. Я ведь никогда не ела много.

Мартин восхищенно улыбнулся.

— Какая ты сильная. Я до сих пор разваливаюсь на части.

— Ты навещал Ариэль? — неожиданно спросила Паола.

Он покачал головой.

— Я просил о свидании с ней. Но она в изоляции. Мы провели много времени вместе. Я не уверен, что она снова захочет видеть меня.

— Но раньше она явно благоволила к тебе.

— Мы были любовниками, — признался Мартин.

Паола подняла брови:

— И все-таки находиться с Ариэлью лучше, чем с веревками, извивающимися вокруг тебя. Однако я рада, что именно я попала с ними. Никто бы не выдержал такого испытания. Ариэль собирается присоединиться к людям Розы и уйти на «Дятел», да?

— Мартин пожал плечами:

— Я не знаю.

— Я постоянно думаю о случившемся. А ты?

— Ганс сделал это.

Паола в сомнении поджала губы, но, видимо, решила все же не спорить. Она взяла Мартина под руку:

— Ладно, пойдем.

Небесный Глаз и все остальные Братья, находящиеся на «Дятле», были привязаны узлами на сухие палки. Веревки вылечивались сами, их только нужно было почаще переворачивать,

меняя положение — каждой веревки уделялось особое внимание.

Мартин начал понимать, почему войны и конфликты играли меньшую роль в истории Братьев. Веревки не были сильными. Их существование, как интеллектуальных существ, было тонко сбалансировано — столкновение с насилием быстро опускало их на уровень животных. Войны между веревками не могли быть продолжительными.

Почему же Благодетели послали именно их для свершения Правосудия?

Потому что каждому давался шанс выполнить Закон, в независимости от того, насколько хрупким был этот шанс.

— Мы мы поздравляем вас со спасением, — сказал Небесный Глаз.

— Мы очень сожалеем, что вы покидаете нас, — в свою очередь, произнес Мартин. Он прикоснулся к косе Небесного Глаза. Брат вздрогнул, но не отстранился.

— Я тоже сожалею, — сказала Паола.

— Вы можете присоединиться к нам.

— Я не могу, — покачал головой Мартин.

— А я еще не решила, — ответила Паола.

— Мы мы официально приглашаем вас — тебя, Паола Птичья Трель, и тебя, Мартин тоже.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин.

— Разрушения пугающие, — сказал Небесный Глаз. — Даже думать страшно. Мы мы обладаем большой мощью сейчас.

— Возможно, только благодаря момам, — сказал Мартин.

— Это они?

— Я все-таки, надеюсь, что нет.

— Куда люди собираются сейчас?

— Мы собираемся осмотреть систему. Хотим попытаться еще раз найти доказательства присутствия убийц и убедиться, что планеты мертвы. К тому же, корабли необходимо пополнить горючим. Затем… мы сделаем разведку. Найдем планету, где сможем жить.

— Вы не вернетесь в ваш мир, к Марсу?

— Не думаю. Мы, конечно, проголосуем, но там уже прошла почти тысяча лет. Никого, кого мы знали, уже нет в живых. Я думаю, никто не захочет туда возвращаться.

— С мы нами собираются поговорить другие люди, — сказал Небесный Глаз. — Выразить сожаление. Более вероятно, что они останутся с «Дятлом», а не с «Борзой».

Но Мартин сомневался в этом. После войны настроение бунтовщиков могло радикально

поменяться.

— Как много людей можете вы поместить?

— Это проблема, — ответил Зеленый Шнур. Небесный Глаз хлопнул его кончиком хвоста — Мартин никогда до этого не видел, чтобы Братья поступали так друг с другом. Зеленый Шнур выбросил струю запаха скипидара, затем свежевыпеченного хлеба — огорчение, затем умиротворение.

— Мартин, твое присутствие будет хорошо для мы нас, — сказал Небесный Глаз. — Я мы думаем так, и иметь всех вас с мы нами, что не будет причиной огорчения и расстройства, а будет взаимосвязью и гармонией.

Мартин покачал головой.

— Я благодарен вам за приглашение, но думаю, мы не сможем присоединимся к вам.

Небесный Глаз запах ликорисом и просоленным морским воздухом.

— Разочарование, выраженное в вежливой форме, — пробормотала Паола.

— Спасибо за приглашение, — еще раз повторил Мартин.

Это было опасное время, но Мартин не мог дольше осторожничать. Он уцелел после столь пережитого, видел так много — он мог себе это

позволить.

Ганс медленно ел в капитанской каюте — яростно расправляясь с мясом и совершенно игнорируя Мартина. Мартин, скрестив ноги и обхватив себя руками, наблюдал, как Ганс бросает себе в рот теперь уже куски торта и тщательно пережевывает их. Закончив трапезу, Ганс вытер руки полотенцем, отбросил его и только после этого в упор посмотрел на Мартина:

— Ну, что ты хочешь от меня?

— Я хочу провести расследование.

— Расследование чего?

— Розиной смерти.

Ганс тряхнул головой:

— Мы же уже знаем, кто сделал это.

— Не думаю, что этого достаточно.

— Мартин, мы почти выполнили Работу. Скоро мы закончим ее совсем и отправимся искать место, где сможем спокойно жить. И этого достаточно.

Мартин вспыхнул. Он чувствовал себя, как тогда, когда спорил с момами.

— Нет, — возразил он. — Мы нуждаемся в очищении.

— Рекс мертв.

— Рекс оставил записку.

— Это бред сумасшедшего.

— Команда, хочет знать… Так или иначе.

— Я вижу, ты снова рвешься в Пэны? — с обманным спокойствием произнес Ганс. Мартин не мог не заметить признаков его ярости: мышцы на шее напряжены, рука то медленно сжимается в кулак, то расжимается.

— Нет, я не рвусь, — ответил Мартин.

— А кто должен стать Пэном?

— Я не думал об этом.

— Если ты веришь, что я причастен к Розиной смерти, тогда … А интересно, какое наказание ты мне предложишь?

— Это ты заставил Рекса убить Розу? — спросил Мартин.

— Стоп. Тебе кажется, что ты выстрелил прямой наводкой, не так ли, Мартин? И все же, скажи, что заставило тебя думать так?

— Сейчас я хочу выслушать тебя, Ганс.

Ганс в упор посмотрел на Мартина и сказал:

— Нет, я не заставлял Рекса убивать Розу. Я не знаю, с какой стати ему пришло это в голову. Он был расстерян, в полном тупике. Роза помогла ему, приняла в свою группу. Но это была ее ошибка, а не моя.

— Ты просил Рекса нападать на Брата?

— Бог с тобой, Марти, конечно, нет. Чтобы хорошего это мне дало?

Мартин закрыл глаза. Продолжай. Не бросай разговор.

— Ты видел в Розе реальную угрозу. Она могла помешать выполнить миссию.

— Да, это так. А ты бы на моем месте думал бы не так?

— Ты видел только одну кандидатуру, способную выполнить миссию — самого себя.

Ганс усмехнулся:

— Но это не так уж далеко от правды.

— Рекс был твоим другом. Он голосовал за тебя.

— Полная чушь. Рекс думал только о себе.

— Это ты хотел, чтобы все выглядело именно так. Ты предложил ему напасть на Брата, взять на себя все обвинения, чтобы самому остаться в стороне. Рекс согласился.

— Итак, ты считаешь, что я обладаю даром гипноза. Но зачем мне тогда было изолировать его? Ты думаешь, Рекс был настолько глуп, чтобы не видел бредовость такого проекта? Он же не был идиотом и отлично бы понял, что если он убьет Розу, я в будущем захочу отделаться и от него. Он бы знал, что все станет очевидным. Нет, он не

был сумасшедшим.

— Тогда разъясни.

— Но я понятия не имею, что произошло.

— Вот я и говорю, что существует достаточно вопросов, чтобы сделать расследование необходимым.

Ганс покачал головой и молча скривился:

— «Достаточно вопросов», «необходимое расследование». Бог с тобой, Мартин, не строй из себя эдакого интеллектуала. Ты что, думаешь, в сражении команда пошла бы и за тобой? Да все бы в страхе обмочились под твоим началом.

Мартин почувствовал, как в нем растет чувство отвращения.

— Так ты согласен на расследование?

— Это твоя месть за то, что я не сообщил тебе об атаке?

— Нет.

— А я уверен, что да. Но ты знаешь, почему я поступил так, а не иначе. Ты был в самой гуще событий. Везде могли быть уши. Ты думаешь, я должен был бросить к их ногам все наши планы?

— Это все дело второе, и ты знаешь это.

— Сдаюсь, ты прав, — Ганс поднял руки. — Ну хорошо, поговорим по-другому. Они не пошли бы

за тобой, Марти, потому что при твоем командовании уже убили людей. Ты, как богом проклятый МакКлеллан. Ты читал о таком, Мартин? Вспомни американскую гражданскую войну. Он тогда возглавлял армию, но отказался воевать. У тебя плохая интуиция. Ты думаешь, лидерство — это игра по правилам. Нет, это не так. Лидерство — это значит увлечь за собой как можно больше людей и выполнить эту затраханную Работу!

Он начал один за другим вызвать изображение руин миров Левиафана, пока они не заполнили все пространство его каюты, подобно висящим простыням.

— Мои родители тоже не могли бы сделать этого. Никто, кого я знал, не смог бы сделать этого. А вот теперь все они превратились в пыль. Все, я знаю это точно!

У убийц было тысячи лет. Они выслали своих умных роботов, затем снова вернулись в родной дом. Они воздвигли там крепости и создали существа, которые использовались, как ловушка. Они максимально защитили себя, потому что боялись, потому что они чувствовали вину, потому что они знали, что когда-нибудь мы все равно придем к ним, настанет день, когда мы их поимеем. Что же нам не удалось? Мы сделали все! — Ганс

брызгал слюной, и пузырьки висели между ними, как крохотные жемчужины. Его лицо покрылось белыми и красными пятнами. — Я победил. Я выполнил Работу. Если ты хочешь стать Пэном, я не против. Поведешь нас к обещанной планете.

— Необходимо провести следствие, — настойчиво повторил Мартин.

— Я же уже согласился. Когда уйдем отсюда. А сейчас позволь всем насладиться зрелищем того, что мы уже свершили, — сказал Ганс, а когда Мартин был уже в дверях, добавил, — Мы потеряли так много. Дьявольски много. Что ты еще хочешь?

В своей каюте Мартин устало опустился в гамак и уставился на мертвые миры, затем на те картины, что передал ему Саламандра.

Ганс разорвал его сердце на части. Он даже толком и сам не знал, почему он так настаивал на расследовании, но что-то переданное ему генами отца и матери, толкало его к этому. Он мотивировал свое поведение уроками, которые он получил на Земле и на Центральном Ковчеге. Это были главные вещи в его жизни.

В носовой части корабля Джакомо, Небесный Глаз, Анна Серая Волчица и Торкильд Лосось

работали, рассматривая разрушения, оценивая результаты, готовясь к финальному отчету перед Гансом. Мартин, которому так и не удалось уснуть, пришел к ним и молча сидел в стороне, наблюдая, как они работают. на высокой скорости они быстро прокрутили все кадры сражения в обратную сторону, попутно выполняя необходимые расчеты.

И опять Мартин не мог избавиться от навязчивого образа напраляющего пальца, который при обратной прокрутке стал еще более явно выраженным. Картина следовала за картиной; Джакомо изучал их, иронично кося глаза; Небесный Глаз вытянул голову, весь во внимании.

Они подошли к началу событий.

— Производители и манипуляторы рассеяли зерна вот здесь и здесь, — Джакомо указал на изображении на светящиеся в темноте планеты капсулы со спорангием. И опять мелькание ужасного пальца. Короткие вспышки, как фейерверк в грозовом облаке. — А вот здесь посмотрите, ракеты-перехватчики, изготовленные в сердцевине Занавеса и Биллиардного Шара. Они, как вы могли заметить, теперь даже не скрываются. Они оставляют следы антиматерии. Видите эти расходящиеся белые линии и хвосты за ними.

Жезлы быстро подсчитали следы ракет-перехватчиков: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч только в одном регионе, каждый не больше автомобиля, каждый ищущий корабль Левиафана. Их цели не видны на этом изображении, но на следующем можно было увидеть, как перехватчики обнаружили корабли, точки света взрывов были резкими и интенсивными. Яркий факельный огонь отражался от непрерывно растущих облаков пыли и газа, создавалась иллюзия перенасыщенного звездами неба.

Вершение Правосудия на расстоянии.

Вот такая интерпретация Закона.

Сотни изображений. Факелы вспыхивают, гаснут, исчезает звездный фон.

— Я мы не видим уцелевших скрывающихся экипажей, — сказал Небесный Глаз, издавая запах, похожий на ароматы корицы и свежевскопанной земли.

— Я тоже, но подождем. Хотя, возможно, ловушки еще остались. Может быть, они именно сейчас что-то передают по «ноучу» внешним системам. И это не отслеживается.

— Это маловероятно, — заметил Небесный Глаз.

Джакомо пожал плечами:

— Я только стараюсь ничего не упустить, все предугадать.

— Корабль сам всегда ничего не упускает, — сказал Небесный Глаз.

— Не спорю, — миролюбиво сказал Джакомо. Он посмотрел на центральную часть планеты, застланную трупами, он указал на наиболее яркие вспышки и красные огни. — Следы сексуальных соитий кварков, не так ли?

Мартин не понял его слов.

Они работали час, не замечая Мартина. Однако, когда был объявлен перерыв, к нему сразу же приблизился Джакомо, а за Джакомо — Небесный Глаз и другие.

— Дженнифер завтра присоединяется к нам, — сообщил Джакомо. — Она рассказала мне, что случилось на «Троянском Коне». — Он понизил голос и сказал, — Ты неправ, Мартин.

— А раньше вы ничего не знали о том, что у нас происходит?

Джакомо отвернулся и сказал:

— У меня появилось так много новой информации для размышлений, мозговой центр корабля полностью раскрылся, все было к нашим услугам… Ганс принял решение. Оружие было готово, мы уже воспользовались «ноучевой» техникой,

пока вы там внизу разглагольствовали. Ганс сказал, что он не позволит вновь поймать нас в ловушку, не позволит вновь одурачить нас. — В глазах Джакомо отражался свет с монитора.

— Ганс не говорил вам о том, что нам не известно… об начале атаки?

Джакомо покачал головой:

— Жаль, что вас не было здесь. Это был подлинный цирк… Я много работал… Хотя мне во многом помогли Дженнифер и Шелковистый… И, конечно же, мозговой центр корабля… А потом пришли мом и Мать Змей со своими планами. Все делается с большой дистанции… Представляете, мы просто вводим в заблуждение некоторую материю, перемешивая ее внутреннюю структуру, планируя ее поведение по своему замыслу. Фантастика.

— Это примерно то, что убийцы старались сделать с нами. Но они не могли найти нас. Мы маленькие, а они большие. Это было наше главное преимущество.

— Мы открыли это новое оружие с помощью момов или оно уже было заложено в мозговой центр корабля?

Джакомо пожал плечами:

— Я дважды задавал момам этот вопрос. Но

реального ответа не получил. — Он проимитировал нейтральный голос мома: «Мы даем вам все, чтобы свершить Правосудие.» Но раньше, еще до разговора с Дженнифер, у меня было достаточно времени подумать. С помощью момерафа я пришел к пугающим выводам.

— Например?

— Рассматривая планеты, стараясь представить Спящую и Занавес, я пришел к убеждению, что эти планеты построены по принципу введения в заблуждение материи через скрытые каналы. Космос ведь, как и материя имеет свою собственную бухгалтерию, свои собственные каналы. Не думаю, что момам было уже все известно о том, о чем я размышлял. Я хочу сказать, что я не думаю, что Благодетели… корабль, по крайней мере… О боже, Мартин. я совершенно запутался.

— Они не знали о принципе построения — ты это хочешь сказать?

— Да, верно… пока мы не увидели Занавес, не познакомились с их «ноучевой» связью.

Мартин кивнул. Чувствовалось, что Джакомо до сих пор опьянен знаниями, их мощью.

— Космос можно убедить пойти этим путем — сжать метрические размеры какой-то части материи, круша ее атомные диаметры для созданию

материи кварков. Все это лично мое предположение, я не прибегал к помощи мозгового центра корабля. Я вдруг ясно увидел, как материя из кварков заставляет нетрониумы выглядядеть как газ. Сжатая внешними битами информации в кварки, материя может быть поделена на действительно фанатичных любовников. Они должны обязательно иметь друг друга или… или вы знаете, Вселенной будет конец. Вы помещаете нечто между любовниками, нечто прекращающее их существование. Привилигированные отряды становятся необычайно ожесточенными. Либретто должно быть сбалансированным.

Мартин, я не думаю, что момы знают об этом способе, который я тебе изложил. Но я ясно вижу, как все происходит. Мозговой центр корабля работал над этим задолго до меня. Я рассказал момам то, что мне, в свою очередь, рассказал мозговой центр корабля, рассказал Дженнифер, мы соединили наши усилия и … Вот так все и получилось. Корабль начал изготавливать оружие, — Джакомо глубоко вздохнул и передернул плечами, словно сгоняя напряжение. — Извини. Может быть, не стоило все это тебе говорить. Но иногда я чувствую, что сам Бог руководил нами, даже когда мы делали ошибки, его мощное него-

дование заставляло идти вещи своим чередом, любой ценой. Убийцы получили по заслугам.

— От Бога, — добавил Мартин.

Щеки Джакома свела судорога, он скривился в гримасе.

— Как бы то ни было. Все это обман и интриги. Обольщение, игра в игру. Мы играли в игру лучше, чем убийцы.

— Может быть, они просто устали, — сказал Мартин.

— Отличное объяснение, — несмотря на утомление, глаза Джакомо излучали энергию.

Это его вера, его религия.

— Выведенный из игры, я все же кое-что видел, — сказал Мартин. — Но вряд ли это может быть чем-то реальным. Это выглядело, как большой палец.

Джакомо, нахмурившись, кивнул:

— Палец. Это жутко, да? Вне пределов понимания. — Он согнул палец и начал рисовать в воздухе. — Он появляется там, где скапливаются большие массы разделенных кварковых компонентов. Это то, что делает, как мы думаем, Бог — использует реальный гнев и все ставит на свои места.

Мартин взглянул недоверчиво.

— Опять Бог.

— Это выглядит так, словно все происходит достаточно быстро, но это иллюзия. Это цепочка пространственных искривлений, спровоцированных ионизированным водородом Он же является и реальным барометром кварковых разделений. Это только одна теория… или, возможно, это рычаг… нет, нет, не рычаг, а основная идея построения Вселенная, ее основания. Ты знаешь, клей, с помощью которого крепится холст? Но ты знаешь, я еще не все обдумал. Может быть, мне просто не хочется думать об этом.

— Как ты думаешь, убийцы до сих пор оставались в этой системе или нет? — мягко спросил Мартин.

Джакомо сузил глаза и поджал губы.

— Это вопрос не по адресу, Мартин. Я думаю, не следует углубляться в дебри, нужно просто продолжать работать. Ганс сказал, что послезавтра днем мы отправимся осматривать, что уцелело.

— Это неизлишне, — сказал Мартин.

— Правосудие должно быть выполнено полностью, — кивнул Джакомо. Отодвинувшись назад, он помолчал, затем взглянул поверх своего плеча и сказал, — Ты думаешь, момы позволят нам жить, все зная?

Мартин потер висок.

— Вот видишь, — продолжил Джакомо. — Они же никогда не просили нас забыть обо всем.

Ариэль сидела в столовой с Донной и Анной Серой Волчицей. Вокруг еще около двадцати человек поглощали пищу. Когда в столовой появился Мартин, Ариэль, подняв голову, бросила на него быстрый взгляд, и сразу же отвернулась. Она подрезала свои волосы очень коротко, сейчас на ней был неопределенного цвета комбинзон. Мартин буквально заставил себя шагнуть в ее сторону.

— Я пойду помогу Джакомо, — соскочила со своего места понятливая Анна. — Вам, я думаю, есть о чем поговорить наедине.

Цвет лица у Ариэль был на удивление здоровым, она даже ненамного похудела.

— Не спеши, — сказала она Анне.

— Мы проснулись только в конце дня, — сообщила Донна. Она проглотила последний кусок чего-то зеленого и собрала крошки.

Мартину показалось, что его приход несвоевременен.

— Я причинил тебе какие-то неудобства? — спросил он Ариэль. Он впервые увидел ее с того времени, как они их вынули из куба-корабля.

Чувство неловкости мешало ему.

— Садись, — сказала Ариэль. Донна подвинулась, и Мартин встиснулся между ними. — Я рада, что именно ты был со мной, — продолжала Ариэль. — Ты помог мне не сойти с ума. — Мартин кивнул, но его напряженность не уменьшилась. — Мы хотим знать, с кем ты, Мартин? Ты знаешь, что Ганс держит изолированными всех так называемых политических?

— Я слышал об этом.

— Никакого энтузиазма у нас нет, но они до сих пор держат связь с нами.

— Ну и хорошо.

— Мы говорим с тобой в открытую, Мартин, — сказала Донна. — Мы называем Ганса обманщиком.

— Мы хотим узнать, на чьей ты стороне, — повторила Ариэль.

— Ни на чьей.

— Ты не сможешь остаться нейтральным, — сказала Анна, в ее голосе появились гневные ноты. — Ганс превысил свои полномочия.

— Он прибег к закону военного времени, — заявила Донна. — Во время войны команда следовала за ним. Но теперь мы не хотим подчиняться ему, как Пэну.

— Но почему? — спросил Мартин. — Он же выполнил Работу.

Ариэль приблизила к нему свое лицо, словно хотела рассмотреть, что он думает в действительности, но он упорно молчал.

— Может быть, и он, — сказала Ариэль. — Но я сомневаюсь, что мы даже это узнаем.

— Я говорил ему, чтобы он провел расследование смерти Розы и самоубийства Рекса.

Ариэль покачала головой:

— Мне приятно это слышать, но это уже ни к чему, Мартин.

— Дело сделано, — добавила Донна.

— По сравнению с тем, что здесь случилось, это напоминает писк комара во время бури.

— Она была членом нашей команды, — напомнил Мартин.

— Мартин прав. Нужно продолжить расследование. Это необходимо, — поддержала Мартина Анна.

— Ну и что это изменит? — воскликнула Ариэль. — Это только малая часть большого преступления. Во-первых, он, как и прежде в решающие моменты, не позволит нам голосовать. Двадцать из нас отправились послами на Спящую, и он выключил нас из игры, даже не предупредив…

— Он сказал, что это произошло потому, что нас могли подслушать, — объяснил Мартин, — или даже проконтролировать.

Ариэль покраснела, что случалось с ней очень редко.

— Он привел приговор в исполнение, не имея достаточных доказательств. Мартин, ты видел эти разрушения? Мог ты даже представить такое?

— Да, я видел. Нет, не мог.

К их группе присоединился Давид Аврора.

— Эй, заговорщики, потише, — хрипло произнес он. — У Патрика уши на макушке.

— Патрик заменил Рекса, — объяснила Анна. — Вот уж воистину — незаменимых не существует.

— Что мы хотим сделать, — сказала Ариэль, — это, так или иначе, избавиться от Ганса: или выбрать нового Пэна, или попросить Братьев остаться с нами, создать смешанный корабль. Мы думаем, что таким образом у нас будет больше шансов в конце концов обрести дом.

Давид предостерегающе покачал головой и отсел от них подальше, в дальний конец столовой.

Ты думаешь, Ганс может пойти дальше? Что он может раздавить инакомыслящих?

— Послушай, Мартин, ты хочешь расследовать

смерть Розы, и одновременно задаешь подобные вопросы? — удивленно спросила Анна.

— Извините меня, я просто в замешательстве.

— Это вполне понятное состояние, — отозвалась Ариэль. Ее холодность к нему была, как пощечина. Она снова изменилась. Кто способен понять ее?

— Ганс расколол нас уже на «Троянском Коне», — сказала Донна, крепко обхватив тонкое запястье одной руки другой. — Он использовал нас. Я не доверяю ему, а мы нуждаемся в Пэне, которому мы доверяем. Но мы нуждаемся и в нашей команде. Мы не можем вот так просто разделиться и разойтись в разные стороны. Это не правильно. Мы нуждаемся и в Братьях тоже.

— Ты имеешь в виду, что мы нуждаемся в их ресурсах топлива? — уточнил Мартин.

— Нет, не только это, — возразила Анна. — Вокруг Левиафана достаточно ресурсов топлива, мы можем взять для пополнения собственных столько, сколько хотим.

— Мы нуждаемся в Братьях психологически, — пояснила Ариэль.

Мартин хотел было попросить ее объяснить, что она имела в виду, но в это время в столовую вошел Патрик Деликатесная Рыба. Он озирался,

как будто у него была какая-то секретная миссия здесь. Мартин помахал рукой, чтобы привлечь его внимание, но Патрик смотрел в противоположную сторону. Тогда Мартин начал махать интенсивнее — уже двумя руками, приглашая Патрика присоединиться к ним. Ариэль побледнела, взгляд ее стал еще более холодным.

Взгляд Патрика, в свою очередь, был настороженным, он явно не ожидал открытого приглашения.

— Ты шпионишь для Ганса? — спросил его Мартин.

— Я бы не называл это шпионажем, — отозвался Патрик. — Пэну нужно знать, что происходит вокруг.

— Сообщи Гансу, что я собираю сведения о Розиной смерти и ищу добровольных помощников. Он же не возражал против расследования, Вот я и начал активные действия.

— Он не рассказывал мне ни о каких таких разрешениях, — сказал Патрик, слегка приходя в себя от расстерянности.

Мартина внезапно охватила злость, неожиданная для него самого:

— Это потому, что ты — просто лакей, — он зловеще улыбнулся. — Как был Рекс. Передай

Гансу, что если он хочет начать борьбу против меня, пусть это сделает открыто, а не подсылает шпионов.

Патрик поднялся и отошел, криво и злобно усмехаясь.

Лица Донны и Ариэль были бледными, одервеневшими.

— Ты не понимаешь, на что он способен, — тихо произнесла Анна.

— Может быть, — откликнулся Мартин.

— Не строй из себя великомученика, — сказала Ариэль.

— А почему бы и нет?

— Потому что это глупо, — отрезала Ариэль, но она явно потеплела.

— Я сейчас действую, основываясь только на интуиции, — сказал Мартин. — Так же, как и Ганс. Вот только вопрос, у кого интуиция окажется лучше?

Выкрикивались имена вновь погибших. Команда людей в полном составе собралась в столовой. Братья где-то в другом месте готовились к переходу на «Дятел». Бунтовщики прервали свою изоляцию, чтобы присоединиться к церемонии в честь тех, кто не дожил до этого момента.

Возможно, это были последние минуты, кото-

рые они проводили вместе.

Ганс вошел в учебную комнату — с пепельным лицом, с непричесанными волосами, со что-то выискивающими глазами. Казалось, он заглядывал в лицо каждому, задавая один и тот же вопрос: Ну что, ты счастлив сейчас? Этого достаточно или ты хочешь чего-то большего?

Не прибегая к услугам жезла, Ганс еще раз назвал имена погибших. Некоторые плакали. Мартин закрыл глаза и постарался представить лицо Хакима, вспомнил его вечное спокойствие и рассудительность, его педантичность в выборе слов. Эйрин Ирландка… Ее ярко зеленые глаза и покоряющее сочетание своенравности и здравого смысла. Он бы очень хотел, чтобы они сейчас были рядом и помогли ему.

Жанетта подняла вверх руку, сжатую в кулак, и все «запятнанные» последовали ее примеру.

Ганс ни разу не посмотрел в сторону Мартина, хотя стоял неподалеку от него. Патрик же посматривал на него врождебно и встревоженно.

Делегация посетила Мартина, когда ему, наконец, удалось заснуть. Его разбудил жезл, встревоженно затрезвонив. Он открыл дверь. Вошли Патрик, Торкильд Лосось, Давид Аврора, Карл Феникс, и наконец, — сердце Мартина беше-

но забилось, он понял, что происходит — Гарпал Опережающий Время. Все отводили глаза, — все, кроме Патрика, который произнес:

— Наступило время, когда следут все забыть.

Патрик впереди, Карл — с одной стороны, Дэвид — с другой, Торкильд — сзади — клетка из мужчин. Мартин почувствовал их напряженное состояние.

— Все? — переспросил он.

— Это уже история. Кроме того, тебя никто не поддержит. Никто не желает в этом копаться. Нам нужно все забыть и зажить собственной жизнью.

— Что забыть? — голос Мартина прозвучал спокойно, но сердце его по-прежнему бешено колотилось. Можно сказать, что тело было испугано, но до головы этот страх еще не дошел.

— Забыть о твоем расследовании.

— Мы знаем, кто убил Розу, — вступил в разговор Карл. — Этот человек мертв, и Ганс тут ни при чем. По крайней мере, он виноват не больше, чем любой из нас.

— Она бы все равно не помешала нам, — заметил Торкильд.

— Мы выполнили эту затраханную Работу, — прошипел Патрик. Мартин понял, что Патрик

здесь наиболее опасен. Он был центром, связывающим остальных четверых. — Мы сделали то, зачем пришли сюда.

— Не пора ли бросить все это? А? — спросил Гарпал. — Мы устали.

Мартин повернулся в полуоборот к Гарпалу. По-прежнему никто из пятерых не смотрел ему прямо в глаза. Гарпал сфокусировал взгляд на шее Мартина.

— Зачем вы пришли сюда? Продемонстрировать силу?

— Не понял? — Гарпал казался невыспавшимся, слушающим в полуха.

— Я спрашиваю, зачем вы пришли сюда?

— Мы пришли побеседовать с тобой, добиться, чтобы ты хоть что-то понял. Мартин, ты же знаешь, что удалось Гансу. Он сплотил нас.

— Вы думаете, этим теперь можно оправдать…

— Да, оправдать все, — перебил Мартина Гарпал. Боль и нечто, похожее на ужас, промелькнули на его усталом, изнуренном лице. — Ты хочешь начать следствие… Ну и к чему это приведет? Ты думаешь найти убийцу, да? Но это сумасшествие, Мартин. Успокойся.

— Вы получили божий палец, работающий на вас, — несколько опрометчиво произнес Мар-

тин. — Это все, в чем вы нуждались, не правда ли?

— И все равно мы не смогли бы этого сделать без Ганса, — возразил Патрик. — А сейчас ты для чего-то хочешь вытащить грязное дело, к которому он не причастен.

— Я только хочу узнать правду.

— Мы уже знаем ее.

— Зачем же все-таки вы пришли ко мне аж впятером?

— Мы — твои друзья, Мартин, — сказал Гарпал. — Мы не хотим тебе ничего плохого.

— Ганс попросил вас стеречь меня?

— Будь осторожнее, Мартин, — начал было Карл, но Патрик остановил его, бросив резкий взгляд. Кто из них глупее — Карл, Патрик или Давид? Я знаю хорошо только Гарпала и Торкильда… Остальные мне пратически незнакомы. Мы до сих пор чужие друг для друга люди. И ведь так же, как их, я не знаю очень многих на корабле. Почему они здесь? Они были моими приятелями. Мы работали вместе.

— Мы работали вместе, — повторил те же слова и Гарпал. — Мы не хотим, чтобы у тебя были неприятности.

— Ты был Пэном, — напомнил ему Мартин.

Гарпал сжал зубы, но, подумав немного, расслабился.

— Я понимаю всю ответственность за принятие решения. Так же, как и ты. Я уверен, у Ганса талант руководителя. Так же, как и у тебя. Это Рекс был негодяем, а не Ганс.

— Кроме того, — добавил Патрик. — Рекс уже мертв, так же, и все другие, кто мог внести хоть какую-то ясность.

— Рекс же заявил, что это Ганс приказал ему убить Розу, — напомнил Мартин.

— Он был сумасшедшим. К тому же, он был в Розиной группе, возможно, они…

— И вся группа «заклейменных» — тоже сумасшедшие, не так ли?

— А чего они добились? Ничего. Они слишком слабы, — заметил Давид.

Мартин до сих пор не мог определить, как далеко они могут зайти. Возможно, не все пятеро нападут на него. Один или двое, остальные будут стоять в стороне, наблюдая.

— Мы хотим жить, — Торкильд произнес эти слова, окидывая взглядом своих подельников. — Мы хотим уйти отсюда и выбирать планету.

Глаза Патрика были мертвы. Он выглядел полуспящим.

— Мы не хотим копаться в дерьме. Все это уже прошлое, и оно мертво.

— Оно воняет, — сказал Мартин. — И оно не прекратит смердить. Мы никогда не сможем отмыться от такого прошлого.

— А чем мы сейчас занимаемся, как не отмываем все это? — Гарпал старался, чтобы голос его звучал убедительно, благоразумно. — И заметь делаем это одни. «Заклейменные» нам не помощники, Братья тоже сняли с себя ответственность.

— Братья помогли нам.

— Забудь все, — угрожающе посоветовал Патрик. — Давай относиться ко всему проще.

Ярость и страх перемешались в душе Мартина. Он страстно хотел, чтобы они ушли, нет, не ушли, а умерли. И он знал, что они испытывают те же самые чувства — это ощущалось в их дыханиях, в их запахах.

Глаза Давида казались стеклянными, безжизненными. Торкильд и Гарпал выглядели, наиболее готовыми отступить в любую минуту. Мартин подвинулся поближе к Гарпалу.

— Не я причина всех этих осложений, — сказал Мартин. — Это дело рук Ганса. Некоторые из нас не хотят больше, чтобы он оставался Пэном. И это право команды.

Ты должен говорить разумно, убедительно. Это уменьшит их озлобление, уменьшит их гнев. Это уменьшит и твой гнев, старайся говорить с ними, как с друзьями. Ты же реально не так уж и ненавидишь, не так уж и боишься. Гнев сделает тебя слабее. Они ведь и хотят убить тебя, представив себя, как жертву.

— Мы можем переизбрать Пэна, если это не подвергнет нас опасности, — убежденно сказал Гарпал. Чувствовалось, источником этой убежденности у него были собственные причины. Гарпал не будет действовать вместе с ними. — Что если убийцы имеют сюрприз, который дожидается нас? Если мы откажемся от дисциплины, будем думать, что все нам позволено, убийцы одолеют нас. Мы еще не готовы к выборам.

— После всего, что мы пережили, мы ко всему готовы, — возразил Гарпалу Торкильд. — Продолжай, Мартин. Торкильд тоже не будет нападать.

Ухватившись рукой за лестничное поле, Патрик подлетел ближе. Мартин поднял жезл.

— Соедините меня одновременно с Гансом и Ариэлью, — приказал он.

Патрик тоже схватился за жезл Мартина.

— Ганс не отвечает. — ответил жезл в тот момент, когда Мартин оттолкнул руку Патрика.

Патрик сделал новую попытку, и Мартин снова оттолкнул его руку. Ничего не может случиться сейчас.

Ответил сонный голос Ариэли.

— Будь свидетельницей, Ариэль! — крикнул Мартин. — Быстро свяжись со всеми.

— Что? Что?

Теперь уже не только Патрик, но и Давид старался вырвать жезл из рук Мартина.

— Что случилось, Мартин? — взволнованно вопрошал голос Ариэль.

Патрик изо всех сил пытался вырвать жезл, Давид и Торкильд держали Мартина, Карл хотел пнуть его ногой, но промахнулся и выскочил из каюты. Отлично, Карл вышел из игры.

Патрик, наконец, вырвал жезл и начал колотить им об пол, но жезл не поддавался.

— Мартин! — раздался голос Ариэль. — Я постараюсь прорваться к тебе.

Гарпал встал прямо перед Мартином и со всей силы ударил его по почкам. Это могло бы быть смертельным ударом, но лестничное поле Гарпала было слишком далеко, удар получился недостаточно мощным.

Мартин, опершись руками о пол, обеими ногами ударил Гарпала по зубам, отбросив его к

потолку. Это было нечто неординарное — драка в условиях невесомости, инстинкты тут были бесполезны. Они были достаточно тренированы, чтобы знать, какие правильные движения оптимальны в данной ситуации, но сработывали старые инстинкты, как нужно драться, и результат оказывался плачевным.

Патрик ударился головой об пол. Мартин схватил жезл и отбросил его в сторону.

— Мы видим! — раздался крик Ариэль.

— МЫ ВИДИМ! — прокричал хор голосов.

— Остановитесь! — кричала Дженнифер. — Торкильд, останови это!

К ним присоединились и другие. Давид обхватил Мартина за шею, с силой надавил на нее и начал судорожно сжимать, стараясь добиться желаемого результата. Мартин почувствовал конвульсии, резкую боль. Он все же собрался с силами и ткнул большим пальцем Давиду между ног, а когда тот, завизжав по-поросячьи, ослабил хватку, отлетел в сторону.

Какое-то время они все беспомощно молотили по воздуху, не способные попасть по цели. Капли крови из губ Гарпала и ног Мартина измазали все комбинзоны.

Все лестничные поля в каюте исчезли. С лицом

обиженного маленького мальчика Патрик до сих пор пытался достать Мартина в воздухе. Капельки крови кружились вокруг их ног, и рук, как в вихре водоворота.

— Прекратите! — оглушил всех громкий голос Ганса. — Прекратите это сейчас же! — вновь повторил он.

Патрик перестал молотить руками и ногами.

— Что за совокупление вы там затеяли? — заорал Ганс.

Выражение, которое появилось на лице Патрика, было бесподобным, — подумал Мартин, — это был ужас, перемешанный с глубокой тревогой, отсутствующий взгляд исчез. Как, кстати и у всех присутствующих в каюте Мартина.

Время для убийства прошло.

Мартин уцелел.

* * *

— Я в полной растерянности, — сказал Ганс.

Мартин висел рядом с ним в гамаке, они встречались один на один.

— Я посылал лишь Патрика, но он, видимо, решил, что не справится один и захватил с собой приятелей, — сказал Ганс, закрыв глаза и склонив набок шею. — Я не знал, что он настолько слаб.

— Что ты послал его сделать?

— Поговорить с тобой о здравом смысле, — голос у Ганса был низким, гулким. — Мне нужно поспать, Мартин. Все, что я хочу сейчас — это поспать.

— Они приходили убить меня, — сказал Мартин, в его голосе сквозило удивление. — Разве ты не видел, что Патрик …

— Я очень устал, — тряхнул головой Ганс. — Я до сих пор не понимаю, почему другие присоединились к нему. Но, может быть, это и к лучшему. Ты победил. Я подаю в отставку.

— Никто не просит тебя об этом.

— Ты видел выражения их лиц? — спросил Ганс. — Венди в особенности. Даже Гарпала. — Он покачал головой, — Бедный Гарпал… Нет, нет, я подчиняюсь.

— Но ты сам добился этого, — заметил Мартин.

— Я всего добиваюсь сам, — Ганс вскинул голову. — Но я не хотел, чтобы тебя убили.

— Как мог ты так просчитаться?

— Просчитаться? — Ганс тихо рассмеялся. — Это твои проблемы, Мартин. У тебя хорошая душа, но ты слишком интеллектуален. Ты вначале думаешь, а потом видишь то, что хотел бы видеть. А я вначале вижу, а уж потом размышляю над тем,

что я видел. Я не просчитался. Я влип.

— Это ты приказал Рексу убить Розу?

— Нет. Клянусь, нет. Но я мог бы это сделать.

Мартин покачал головой, не в состоянии поверить.

Ганс сложил ладони вместе, затем постучал указательным пальцем по ладони.

— Скажи, смогли бы мы выполнить Работу, если бы Роза развалила команду на части?

— С Розой можно было договориться.

— Ошибаешься. Рекс сломался, потому что я задавил его. Он не мог найти себя, он думал, что все ненавидят его. Роза проповедовала любовь к ближним, и он пришел к ней. Но она просто использовала его. Я не просил его убивать ее. Ей было все равно, что ее люди думают о ней. Она во многом походила на меня.

— Роза не заслужила смерти.

— Мы не были бы здесь, если бы она была жива.

Мартин не желал больше спорить.

— Когда ты сложишь полномочия?

— Прямо сейчас. Если хочешь устрой публичное бичевание, притащи меня туда на цепи. Я произнесу печальную речь. Скажу, что старые Пэны никогда не умирают.

— Я не понимаю тебя, — покачал головой Мартин.

— Зато я понимаю тебя. Но мне хочется попросить тебя об одной вещи, Мартин. Я хочу остаться Пэном, когда мы будем докладывать о победе.

Уцелевшие из команды «Спутника Зари» пришли в учебную комнату двумя группами. Мартин вошел с большей группой, вслед за Гансом, который выглядел так, будто готовился сообщить всем нечто неожиданное. Ариэль вошла, окруженная своими людьми. Мартин увидел, что формируется мощный центр. Никто не знал о его разговоре с Гансом.

Наблюдая каким образом объединились люди, Мартин сравнил их с перемещением частиц, группирующимся согласно определенным признакам, но группировки были весьма неустойчивыми; Мартин видел взаимодействия людей и частично мог понять их смысл. Долгие часы он размышлял после разговора с Гансом. Теперь, когда он смотрел на оружающих, он старался сначала видеть, а потом уже думать; он уже не обманывал себя иллюзиями, не принимал желаемое за настоящее.

Новые способности не принесли ему радости. Из всех иллюзий детства одну он боялся потерять

больше всех: то, что люди работают, следуя не произносимым вслух, но благородным целям; что они следуют внутреннему голосу совести; что несмотря на все препоны, они двигаются вперед к намеченное цели.

По обе стороны звездной сферы висело по два мома. Руины Левиафана медленно заполняли сферу: огромные валуны, мерцание охлаждающихся кусков бывших планет, вспышки фальшивой материи, еще полностью нераспавшейся.

— Анализ еще не закончен, — произнес голос мозгового центра корабля, нейтральный и говорящий прямо в ухо каждому. — В моей памяти нет прецедента использования оружия такой мощности и такого типа. Не было и прецендентов встречи с цивилизациями такого характера. Трудно судить о последствиях. Разрушения кажутся полными, но окончательная оценка не может быть выведена, возможно, для этого должны пройти века.

Мартин ожидал это. Он мечтал об неожиданно уцелевших из цивилизаций, прячущихся в падающих валунах, скрытых в гальке, о лестничных богах, зарывшихся глубоко в почву и ожидающих шанса перестроиться.

— Правосудие свершилось. И это несмотря на

то, что вы голосовали больше, чем того требовалось. Но решение было принято, и вы внедрили Закон.

— Мы просто хотели знать, как можно больше, — сказал Ганс.

— Это естественно, — согласился голос.

— Почему же вы отмалчивались? Нам же необходимо было это знать, — настаивал Ганс. Казалось, он ожидал чего-то финального. Наконец-то, определилось то, в чем Мартин был реалистичнее, чем Ганс — общении с момами и мозговый центром корабля.

— Если бы мы сообщили вам большее, вы тогда решили бы остановиться и голосовали бы еще дольше.

— Есть ли у нас выбор сейчас? — спросил Мартин.

— Ваша альтернатива — продолжать жить. Как и обещали, мы возвратим вас в вашу солнечную систему, или любую другую, которую вы выберете, с подходящими для вас условиями.

— Это будет уже другой этап, другая часть путешествия, — сказал Мартин. Он взглянул на Ганса.

Ганс подошел поближе к сфере.

— Я решил, что мое время, как Пэна, закончи-

лось. Работу мы выполнили, но… Я не думаю, что смогу быть Пэном дальше и отказываюсь от руководства, — его тон был спокойным, но лицо, тем не менее, казалось нарисованным, совсем высохшим.

— Время выдвигать кандидатов, — сказала Анна Серая Волчица.

Мартин увидел водоворот более явным. Венди и Потерянные Мальчики сразу же начали обмениваться мнениями. Группа Жанетты Нападающий Дракон казалась потерянной, вышедшей из игры. Мартин приблизился к Жанетте. Сжав зубы, она старалась сдержать свои эмоции.

— Вы можете остаться с нами, если хотите, — сказал ей в полголоса Мартин. — Мы не можем сейчас разделиться.

Она покачала головой.

— Это недостаточно, что Ганс отступил.

— Вы можете выдвинуть кандидатуру из вашей группы, — предложил Мартин. — Сделайте шаг навстречу. Мне бы очень хотелось этого.

— Вы были орудием свершенной жестокости, — сказала Жанетта, нахмурив брови и в ярости перекосив рот. — Пойти навстречу — значит простить, забыть то, что случилось. Мы предпочитаем отправиться с Братьями.

— Спроси их, — Мартин кивнул в сторону «заклейменных». — Ты не можешь принимать решение одна.

Активность присутствующих росла, тихие голоса перешли в крики, болото дискуссий постепенно затягивало всех.

— Ты просто снова хочешь быть Пэном, — неуверенно предположила Жанетта.

— Не шути так, — предостерег ее Мартин.

Она отошла от него, и «заклейменные» спустя какое-то время объявили о своем желании присоединиться к голосованию.

Ганс отошел в сторону, не принимая никакого участия во всеобщей активности. Он долго и пристально смотрел на звездную сферу, как будто пытаясь найти ответы на все свои вопросы. Мартин решил, что лучше всего сейчас будет оставить Ганса в покое, наедине со своими мыслями, не общаться с Гансом это время. Тем более, что он стал теперь отверженным. И хотя такое отступление шло вразрез с инстинктами Мартина, он на этот раз проигнорировал их.

— Мы предлагаем Патрика Деликатесную Рыбу! — выкрикнул Давид Аврора. Патрика окружало шестеро его соратников, но он все равно выглядел испуганным. Гарпала рядом с ними не

было — он стоял рядом с Анной Серой Волчицей.

— Мы предлагаем Лео Персидский Залив, — предложил Умберто Тень.

— Все понятно, — подумал Мартин. — Все не из побежденных, не из меньшинства.

Вперед шагнула Жанетта, лицо ее от волнения пошло пятнами.

— Мы выдвигаем Мей-ли Ву-Чанг Близнецы, — выкрикнула она.

— А я предлагаю кандидатуру Ариэль, — сказал Мартин.

Она напряженно взглянула на него, он вначале ошибочно интерпретировал этот взгляд, как гнев.

— Хороший выбор, — тихо сказал Гарпал.

Ганс так и не повернул головы от сферы.

— Голосуем, кто будет новым Пэном, — объявила Кирстен Двойной Удар.

Мартин наблюдал, как люди разбивались на группы, затем перемещались туда-сюда, наблюдал за течением дискуссий и дебатов, как выкристализовывается решение, видел Ариэль, окруженную многочисленной группой, но до сих пор выглядящую очень одиноко. Нет, Ариэль не была гневной, она была напугана. Но она не могла найти в себе сил отказаться.

Но также, чувствовалось, она ощущала и прилив энергии.

Когда выборы почти начались, в учебную комнату вошли Небесный Глаз и Мать Змей. Паола подошла к Брату и заговорила с ним, затем она приблизилась к Мартину.

— Небесный Глаз сказал, что «Дятел» нашел нечто важное. Может он поговорить с нами сейчас? Он, кажется, думает, что это срочно.

— Давайте выслушаем его, — согласился Мартин. Он призвал всех к вниманию.

Небесный Глаз извивался, пах скипидаром и сухой травой.

— Мы мы говорили с «Дятлом». Нечто важное найдено скрытое. Они просят помощи «Борзой».

Ариэль почувствовала большое облегчение.

Остатки Спящей рассеивались по дуге — в течение нескольких миллионов лет они будут окружать Левиафан кольцом астероидов. Более легкие обломки радиационные лучи и потоки частицы с Левиафана выталкивали за пределы дуги.

«Борзая „ ускорялась, чтобы присоединиться к «Дятлу“ в районе близ расположенного конца этой дуги, это соответствовало путешествию в шестьдесят два миллиона километров.

При десяти g «Борзая» могла бы достигнуть «Дятла» менее, чем за три часа. Команда терпеливо сносила неудобства полей; ускорение было не таким экстремальным, как прежде ими перенесенные.

Они имели достаточно времени, чтобы провести голосование. Претенденты держали краткую речь. Мэй-Ли главным образом говорила о том, что она слишком смущена, ей кажется невероятным, что она способна на лидерство. Мартин с удовлетворением заметил, что Ариэль не взяла самоотвод.

Ганс молчаливо наблюдал за происходящим, стоя по-прежнему в стороне.

Голосование было тайным, при помощи жезлов.Мартин объявил результат:

— Пэн — Ариэль, — провозгласил он.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Ну я могу приступать прямо сейчас? — спросила она.

— Прямо сейчас, — подтвердил Мартин.

— Я выбираю своим заместителем Жанетту Нападающий Дракон, — сказала Ариэль.

Но заклейменные не были готовы к этому повороту, они вышли из учебной комнаты поговорить.

Ариэль стояла, принимая поздравления — одиночные и групповые, она отчетливо нервничала.

— Мне следовало бы отказаться, — шепнула она Мартину, когда нашлась свободная минута. — Скажи, ты это специально все подстроил?

— У тебя все получится, — успокоил ее Мартин.

— О боже, я в заместители выбрала Жанетту. Зачем я это сделала?

— Наверное, чтобы объединить нас, — подсказал Мартин, хотя сам в этом сомневался.

— Как ты думаешь, она будет помогать мне или будет только тайно злорадствовать?

— Наверное, и то, и другое, — сказал Мартин.

Ариэль прищурила один глаз и округлила губы.

— Я заслужила это, — сказала она. — О боже, какая я идиотка.

От «Дятла» не поступало больше никаких посланий. Мартин подумал, что может быть это был небольшой розыгрыш, его любопытство было возбуждено. Небесный Глаз отказался рассказывать большее, он даже с Паолой поссорился по этому поводу. От Братьев шел сильный запах скипидара.

Что могло заставить их попросить помощи у

людей? Братья ведь были убеждены, что разрушение системы Левиафана — решение неправильное или, по крайней мере, преждевременное…

Мартин огляделся, изучая лица окружающих. Но он увидел лишь откровенную пассивность и выжидание. Мартин подумал, ни галлюцинации ли у него начались. Даже Ариэль получала не больше внимания, чем до того, как она стала Пэном. Она спокойно разговаривала с Анной Серой Волчицей, и Мартин ощутил приступ одиночества — она больше не нуждалась в нем, это время прошло. Ему стало очень тоскливо от этого.

Ганс, казалось, дошел до точки — бледный, похудевший, он в позе лотоса сидел перед звездной сферой, слегка барабаня пальцами по полу. Его лицо приняло выражения религиозного сосредоточения и чего-то похожего на страх. Может быть, он боялся, что Братья нашли подтверждение того, что они действовали неправильно? Страх ответственности за триллионы смертей…

Триллионы чего? — спросил Мартин у самого себя. Приведений? Ракушек? Роботов? Обманщиков? Реальных разумных существ? Невинных?

О последнем возможном варианте он старался не думать.

Разведчики продолжали работать, пробираясь сквозь массу обломков пыли, как небольшие рыбешки, пересекающие водоворот песка и грязи, и посылая информацию по «ноучу» «Бозой». «Дятел», без сомнения, имел своих собственных разведчиков, но дуга была огромной, три миллиона километров от конца к концу и несколько тысяч километров шириной, площадь, изучаемая «Дятлом» до сих пор была неизвестна «Борзой».

Джакомо подошал к Мартину и опустился на колени рядом с ним. Мартин вздрогнул от неожиданности, — к своему удивлению, он заснул. Он взглянул на звездную сферу — «Борзая» была уже поблизости от «Дятла».

— Что случилось? — спросил Мартин.

— Мы здесь одни. Каменщик попросил никому не говорить, кроме тебя. Он на «ноучевой» связи, и он хочет, чтобы она прошла в секрете от других.

— Ты сказал Ариэль?

Джакомо кивнул:

— Это она просила передать все тебе. Исследовательская команда ничего не обнаружила. Но мы не знаем, что смогли получить на «Дятле».

Поля окутали Мартина автоматически, пока он спал, подготавливая его к концу ускорения.

Он преобразовал их в лестничные и последовал за Джакомо.

Ариэль встретила его снаружи помещения носового отсека. Она коротко улыбнулась:

— Братья похожи на тебя, Мартин.

Он криво усмехнулся и поспешил к сфере.

Даже невооруженным глазом, разрушения Спящей были впечатляющими. «Борзая», казалось, без движений повисла рядом с «Дятлом» — в тысячи километров от дуги, окружающей бездыханное тело Спящей. Блестевшие пыль и обломки, напоминали слой масла и грязи, плавающие на поверхности пруда. Внутри дуги, то тут, то там. вспыхивали раскаленные обломки. Вне дуги, ближе к Левиафану, как небрежные мазки акварели на мокром черном холсте, скопились другие остатки разрушенных планет.

— Я планировал провести «ноучевую» связь здесь, — сказал Торкильд, избегая смотреть Мартину в глаза. — Ты ведь знаешь, как ею пользоваться. Конечно, ты все сделаешь, как надо. — Он посмотрел так, как если бы собирался заплакать, — Мартин…

Мартин поднес палец к губам, фальшиво улыбнулся и покачал головой. Он не знал, как долго это будет продолжаться, но пока он не мог рабо-

тать и общаться с Торкильдом.

Когда Торкильд вышел, в носовую часть проскользнул Небесный Глаз.

— Я мы говорил Каменщику, что ты не потерял разум. Не знаю, как другие.

— Спасибо. Но что случилось?

Небесный Глаз передернул своими головными веревками. В этот момент по «ноучу» возникло, как живое, изображение Каменщика.

— Я мы рады видеть вас целыми., — сказал Каменщик. — Вам следует увидеть, что мы мы обнаружили.Обсудить и сделать мы наши мнения.

Каменщик исчез, и его место заняло цилиндровое каботажное судно, двигающееся сквозь мерцающие валуны, сгустки светящегося в темноте газа.

— Это запись посланий разведчиков, — объяснил Небесный Глаз., выпуская запах корицы и теплого животного. Это был запах бесприютности, запах одиночества. Гейджа. Запах Небесного Глаза напоминал запах Грейджа.

Пространство за дугой, десять тысяч километров шириной, казалось абсолютно пустым, вакуумом. Мартин уже собирался спросить, натуральное ли это все, когда он заметил в центре этого пустого черного пузыря светящееся пятно,

немногим больше пылинки. Пылинка мерцала зеленым цветом.

Слева от изображения появилась шкала измерений, приемлемая для людей, и пылинка начала быстро увеличиваться в размере, стала около сотни километров в диаметре. Мартин не мог понять, что это было; зеленое пятно, казалось, было вампиром и состояло из многочисленных крохотных своих подобий. Изображение все увеличивалось, и вот уже можно было рассмотреть массу иглольчатых объектов, расположенных повсюду: они походили на круглые узелки, от каждого из которых отходила стрелка.

Горло Мартина перехватило, он не мог ни произнести слово, ни вздохнуть. Он прокашлялся, стараясь очистить горло, стараясь взять себя в руки, стараясь удержать внутри все рвущиеся наружу эмоции.

Миллионы иголок, каждая от пятидесяти до сотни метров длиной. Он взрослел вместе с их ростом; момы снова выставляли их детьми на тренировке.

— Мы наши разведчики нашли пятьдесят одну такую коллекцию, — сказал Каменщик. — Они находились внутри Спящей. Все, мы мы проверили, они сделаны совсем недавно.

Окутанные защитными полями, как яйца лягушек в желатине, спасенные от разрушения Спящей, иглы не были созданиями тысячелетней старости, не были остатками прошлого.

Они были новыми. Ждущими своего часа.

— Вы согласны с мы нашими подозрениями?

— Да, — прохрипел Мартин и снова откашлялся. — О боже, да.

— Мы мы надеямся, что они больше не скроются, не смогут разрушать другие миры.

Мартин молча кивнул, лицо его было печально.

— Можно мы мы закончим Работу? — спросил Каменщик.

Эпилог

Ганс

Сегодня мы закончили Работу. Братья попросили удостоиться чести уничтожить иглы, и Ариэль удовлетворила их прошение. Момы и Мать Войны думают, что Работа выполнена, но они еще останутся здесь понаблюдать, чтобы быть уверенными.

Я держался так долго, что это стало моим естественным состоянием. Но когда я понял, что был неправ, я заплакал раньше всех, но никто не подошел ко мне, не положил мне руку на плечо. Так бывает.

Я сплотил их. Убийцы до сих пор были здесь. Они покрывали нас дерьмом, я видел это.

Я думаю, что они вскоре снова призовут меня, но я не знаю точно, когда это будет. Они нуждаются во мне.

Я не думаю, что кто-то действительно думает о других, все думают только о себе. Это относится и ко мне. Но я рад бы был увидеть всех, получающими награды, всех нас. Ради этого я могу примириться и с одиночеством.

Я построю храм в память о погибших. Когда мы попадем на нашу планету. Я сделаю это своими собственными руками.

Ариэль

Сегодня Донна Изумрудное Море принесла наши платья. Они очень красивые, но я не думаю, что смогу надеть одно из них. Я не люблю платья, и они не любят меня.

Я решила не устраивать следствия против Ганса, приняла такое решение после разговора с Мартином. Мартин испытывает искреннюю симпатию к Гансу. Я не знаю, почему. Мне же кажется, что Ганс — самое большое дерьмо на борту корабля.

Мне жаль, что Братья не остались с нами, но утешает, что все Венди и Потерянные Мальчики вместе. Это то, что заслуживает гордости. Мы не подошли к концу, подобно Кораблю Смерти, но были уже близки к этому. Мышеловка почти захлопнулась.

Завтра мы покинем Левиафан. Корабль вновь стал огромным и хорошо оснащен горючим. Вся команда собралась в учебной комнате, и мы провели церемонию крещения корабля. Это было не похоже ни на что. Мы окрестили корабль «Спут-

ником Зари — Два». Кто-то предложил назвать его «Майским Цветком», но это вызвало бы поток разговоров о колониализме и о других чувствительных вещах — религиозных и тому подобных, поэтому я шагнула вперед и предложила остаться с тем, что мы уже имеем. Реально заявила о своем лидерстве. Я не уверена, что мне нравится делать подобного рода вещи, но, при случае, я могу поступать и таким образом.

У меня странное отношение к Мартину. Он так долго отталкивал меня. А сейчас чувствует себя потерянным. Большинство из нас потерянные, — и пожалуй, это самое уместное чувство сейчас.

Работа выполнена, и мы вольны идти туда, куда пожелаем. Момы будут сопровождать нас, но кто знает, как долго мы будем искать планету? Как далеко и долго еще пропутешествуем? Века, как я догадываюсь. Но, по крайней мере, у нас с Мартином будет много времени. Он ведь такой хороший парень.

Мартин составил имя и начал писать под ним вещи, которые, как я догадываюсь, он не смог бы написать от своего имени. Он составил имя Теодора Рассвета и затем написал, как бы сам Теодор объяснил свое самоубийство. Он сказал, что Теодор — его баланс и его расплата.

До сих пор я думала, что Теодор был олицетворением чего-то сумасшедшего. Но Мартин знал, что мы подойдем к концу, он знал, кем мы станем, когда сделаем Работу. Теодор, может быть, был первым, кто сделал попытку сделать броню… От чего? Я не знаю.

Мартин избрал путь подражания. Теодор поддерживает его человечность.

Все мы немножко сумасшедшие, кажэдый посвоему.

Я люблю Мартина, как я никого еще не любила. Может, это сработает. Я буду стараться.

Теодор

Хорошо, что вы избавились от меня. Теперь я могу записать свои впечатления и исчезнуть, правильно? Я думаю, мы сделали все достаточно хорошо. Я думаю, вы многое прокляли, но многого и достигли. Вы же не такие, как я. Это я в аду, потому что убил себя, ведь так? Вы уцелели. Вы все еще имеете желания. Когда вы достигнете вашего дома, вы тоже все сделаете хорошо, вы поддержите баланс, вы справитесь с этим.

Пришло время прийти в себя, забыть все, что только можно забыть, стать, наконец, взрослыми людьми и поступать так, как и подобает взрос-

лым людям.

Познай себя. Ты маленький, неуклюжий, ты нуждаешься в любви.

Мартин

Сегодня я вспоминал прошлое и представил Потерянных Мальчиков и Венди, игравшими мокрой одеждой. Был отнесен памятью назад. Я провел остаток дня, как в тумане, просматривая видеозаписи с Центрального Ковчега, наблюдая за отцом с матерью. Интересно, как бы они оценили наши действия? Но как сейчас я понял, они не могут судить меня, судить нас.

Мы нашли звезду-кандидат, на которой мы хотели бы жить. Это около тысячи световых лет от нас. При помощи дистанционной связи мы осмотрели окружающее пространство на расстоянии около тысячи световых лет от нас и подобрали два мира, выглядящих весьма привлекательно. Анна, Джакомо и Дженнифер утверждают, что мы сможем жить там.

Миры молчаливы, но это не значит, что они не обитаемы. Мы, конечно, рискуем, но мы в любом случае пойдем туда. Это говорит о том, как мы изменились.

Эти миры даже дальше, чем Солнце, Марс и

Венера. Но мы не можем возвратиться назад. Мы не знаем, что произошло с нашими людьми, как они изменились. Я со страхом и ненавистью думаю о том, что мы можем столкнуться там с разумными существами — свободными от телесной оболочки, такими, как лестничные боги.

Кроме того, мы воинствующие псы. Давид Аврора сделал доклад, показывающий, что теперь мы очень многое знаем и можем губительно воздействовать на другие человеческие общества, которые найдем. Команда с ним согласилась. Классическая ловушка-22.

Многие из нас предполагают, что иглы все-таки соскользнули с нашего крючка. Но вслух об этом никто не говорит. Мы все стали очень чувствительны к этому вопросу. К тому же, мы не знаем, что нас еще может ждать впереди, возможно, и смерть..

Я верю Лягушонку ит Саламандре и другим, кого я не знал.

НЕ ЗНАЛ.

О Боже, я не хочу думать об этом, но я не могу избавиться от этого в моих снах.

Наше зло меньше их, но разве это что-нибудь меняет? Зачем мы это сделали? Кому это было нужно?

Для меня ничего не разрешилось. Я не могу смотреть на записи, присланные с Спящей.

Если бы я мог, как Ганс, , поверить, что это все фальшивка.

Я стараюсь представить, что это смерти сущест, погрязших в пороков, дьяволов, убийц, что они прикрывались своими собственными детьми. Но не могу.

Я надеюсь, что, в конце концов, это пройдет, — может быть не скоро, но хотя бы когда-нибудь.

Момы не учили нас этому.

Мы покинули Левиафан две десятидневки назад. Разведчики до сих пор летают сквозь обломки, изучают, но мы больше не будем иметь дела с ними. Мы ускоряемся при одном *g*, нам до сих пор кажутся наиболее комфортабельными замные условия. В корабле, мчащемся почти со скоростью света, пройдет за это время около двадцати лет, поэтому момы погрузят нас в холодный сон. У нас есть год — подумать обо всем и излечиться.

Снова формируются устойчивые диады.

Попозже придет с визитом Ариэль. Из нее получается хороший Пэн, — лучше, чем был я.

Паола поглядывает на Ганса. Можете вы поверить в это?

Я написал последнее послание Теодора. Затем я вывел его из памяти корабля. Я должен справиться со всем — с жестокостью жизни, страхом, ответственностью за свои поступки. Думаю, я смогу.

Спутник Зари — Второй

Я помогу им выбрать новый мир и адаптироваться в новых условиях.

Уменя нет инструкций, как поступать с теми знаниями, которые мы получили ценой наших совместных усилий. Не обладая сведениями, как другие корабли поступают в таких случаях — при работе с разумными существами и получении обширной потенциально опасной информации — я не имею выбора.

Когда люди разместятся, я разрушу сам себя.

Я уже не тот, каким меня сделали. Все качества изменились, я приобрел свойства и стал обладать знаниями, которые не допустимы по Закону для самовосстанавливающихся машин, каким я и являюсь.

Я наблюдал за ними, но никогда не говорил, что ждет их и меня в будущем. Им было бы некомфортно с таким знанием. Они бы задавали вопросы, на которые я не смог бы ответить. Они

были беспомощны, они подвергались невероятным опасностям, но они уцелели. Они способны поглотить много боли, много знаний и при этом уцелеть.

Они или их потомки будут свидетелями всестороннего величия Вселенной, это чрезвычайно обогатит их.

Как я хотел бы это увидеть, но я не увижу.

Небесный Глаз

(Запах корицы, свежеиспеченного хлеба, свежескошенной травы, просоленного морского воздуха)

Мы мы видим мы наш мир, и путешествуем в одной туго сплетенной косе, непоколебимые.

Это позорная победа, и надо много думать об этом, , пока мы мы не станем обновленными и вновь способными на свершения.

Алдервуд Манор, Вашингтон
Август 30, 1991

Грег

БИР



Божья кузница

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК